This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav MS.21

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ XLIV. — ТОМЪ CCLIX. — 1/13 СЕНТЯБРЯ, 1880.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Островѣ, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1880

~~731.84~~
~~Stac 50.2~~
P Slav 170.25

JAN 23 1884

(549)

„VESTNIK EVROPY

5„

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 1981

РУИНА.

Историческая монографія

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

Гетманство Самойловича.

1672—1687 гг.

XII.

Покушеніе Юраски Хмельницкаго. — Его универсалы. — Походъ на лѣвый берегъ Днѣпра. — Переселеніе жителей на правую сторону. — Изгнаніе Хмельницкаго съ лѣвой стороны. — Покушеніе татаръ и турокъ на Сѣчу. — Послѣдніе подвиги Сѣрка подъ Крымомъ. — Походъ Семена Самойловича. — Истребленіе городковъ. — Сгонъ остальныхъ жителей на лѣвую сторону. — Правленіе Хмельницкаго въ Немировѣ. — Неудачныя попытки склонить его къ покорности царю. — Толки о возвореніи переселенцевъ. — Кончина Сѣрка. — Сношенія съ Крымомъ и Турціею. — Бахчисарайскій миръ.

Воротившись отъ Днѣпра къ Чигирину, визирь приказалъ истребить остатки города и замка, а потомъ всему турецкому войску двигаться въ путь. Оно остановилось въ Капустиной долинѣ [1]). Турки терпѣли отъ болѣзней и отъ скудости продовольствія. Дороговизна въ турецкомъ обозѣ была такъ велика, что за мѣхъ пшеничной муки платили по 10 ефимковъ, а ячменной по пяти; турки одинъ передъ другимъ бросались брать у татаръ добычу, когда тѣ возвращались съ загона, но и добычи привозили татары немного: негдѣ было набрать ее въ пустынѣ [2]).

*) См. выше: августъ, 401 стр.

1) А. И. Д., св. 52, № 10.

2) Арх. Юст., кн. 50, л. 64.

Стоя въ Капустиной долинѣ, Хмельницкій, по совѣту съ визиремъ, разослалъ гонцовъ съ универсалами въ Корсунъ, Каневъ, Черкасы, извѣщалъ, что назначаетъ Ивана Яненченка-Хмельницкаго для приведенія городовъ подъ свою власть и оборону. «Не такая это будетъ оборона», писалъ онъ, «какова была московская: князь Ромодановскій и Самойловичъ, не сдержавши силъ наияснѣйшаго султана турецкаго и крымскаго хана, сожгли до основанія Чигиринъ, погубили много душъ христіанскихъ, а сами со стыдомъ ушли. Просите же скорѣе, пока есть время, милости у верховнаго визиря и отзовитесь къ намъ съ дружбою и послушаніемъ. Буде насъ не послушаете, постигнетъ васъ конечная погибель». Подобное посланіе отправлено было и отъ визиря, требовавшаго покорности Хмельницкому и подданства турецкому султану подъ страхомъ разоренія, плѣна и гибели.

Корсунцы поддались. Города западные: Кальникъ, Немировъ и другіе, гдѣ поставлены были польскіе залоги, также покорились и приглашали Хмельницкаго избавить ихъ отъ поляковъ. Но каневцы отвѣчали, что не могутъ быть послушны, опасаясь московскихъ людей. Пославши такой отказъ Юраскѣ, каневцы стали переводить семьи свои на лѣвый берегъ Днѣпра, а Самойловичъ, остановившійся послѣ перехода изъ-за Днѣпра въ Переяславѣ, послалъ въ Каневъ, для обороны оставшихся тамъ людей, нѣсколько сотенъ пѣхотнаго полка Кожуховскаго, надѣясь, что Юраска придетъ съ небольшимъ числомъ татаръ, и въ то же время совѣтовалъ всѣмъ остальнымъ убираться скорѣе за Днѣпръ. Визирь отправилъ на почти безлюдный Каневъ нѣсколько десятковъ тысячъ турокъ съ 15 пушками; и Яненченко былъ тамъ съ ними вмѣсто Хмельницкаго [1]). Посланная Самойловичемъ козацкая пѣхота не удержала напора вломившагося въ городъ непріятеля и вся погибла въ битвѣ [2]). Немногочисленные жители, остававшіеся въ Каневѣ, вбѣжали въ каменную церковь, но турки, разложивши около церкви огонь, всѣхъ ихъ подушили дымомъ. Испуганные судьбою Канева городки, Черкасы, Мошна и Жаботинъ покорились Хмельницкому [3]).

По возвращеніи посланнаго въ Каневъ турецкаго отряда, визирь съ Капустиной долины двинулся со всѣмъ войскомъ въ турецкія владѣнія, и на прощаніе съ Хмельницкимъ сказалъ ему: «если не удастся тебѣ подчинить своей власти Украйну, не

---

[1]) Ibidem, кн. 125.

[2]) А. И. Д., св. 52, № 10. Акти Зап. Рос., V, 150—151.

[3]) Лѣт. Сам., изд. 1846 г., стр. 70.

посылай просить помощи отъ турецкаго султана, а обратись къ Каменецкому пашѣ». Тотчасъ послѣ ухода союзниковъ, Хмельницкій отправилъ къ польскому королю какого-то Губаря-Бершадскаго требовать вывода польскихъ залогъ изъ украинскихъ городовъ и хотѣлъ не только той полосы, которая была уже уступлена Польшею Турціи, но также Бѣлой-Церкви, Паволочи, Черногородки, — однимъ словомъ, всего, что при отцѣ Юраски, Богданѣ Хмельницкомъ, успѣла захватить козацкая сабля. Король, сообразно Журавницкому договору, недавно утвержденному посломъ Рѣчи-Посполитой при турецкомъ дворѣ, Гнинскимъ, приказалъ выступать польскимъ жолнерамъ изъ Кальника, Немирова, Межибожья, Бара и другихъ подольскихъ городковъ, входившихъ въ черту уступленныхъ Турціи земель, но въ остальномъ отказалъ Юрасѣ; напротивъ, войска Рѣчи-Посполитой изъ покинутыхъ подольскихъ городковъ должны были уйти въ Бѣлую-Церковь, Паволочи, Димеръ, Коростышевъ для усиленія тамошнихъ залогъ [1]). Немировъ подаренъ былъ отъ падишаха Юраскѣ въ вѣчное владѣніе и былъ избранъ послѣднимъ своею резиденціею.

Юраска съ татарами и турками, своими защитниками, вступилъ туда не ранѣе какъ за нѣсколько дней до рождественскаго заговѣнья, Яненченко-Хмельницкаго оставилъ въ Корсуни, Коваленка въ Кальникѣ: эти города подарены были послѣднимъ отъ падишаха во владѣніе. У Хмельницкаго, по отходѣ визиря, осталось 700 человѣкъ татаръ, да отъ господарей 800 „семэнъ“ [2]); изъ этого числа по 200 человѣкъ тѣхъ и другихъ отправилъ Юраска въ Корсунь, а остальныхъ оставилъ при себѣ въ Немировѣ.

Юраска расположился въ опустѣломъ посадѣ, называемомъ Выкитка, помѣстивши близко своего жилья по десяти человѣкъ янычаръ въ одной хороминѣ, а другихъ турокъ и татаръ помѣстилъ въ другомъ посадѣ города Немирова, называемомъ Шполовцы. Своихъ малороссіянъ было мало у Хмельницкаго въ отцовской землѣ. Самъ онъ имъ не довѣрялъ и съ перваго раза стали они испытывать тягость управленія новопоставленнаго малороссійскаго князя. По распоряженію Юраска, подчиненные ему малороссіяне обязаны были его татарамъ и „семэнамъ“ поставлять достаточное количество мяса, масла, сыра, меду и иного съѣстного и, кромѣ того, по три осьмачки овса на каждаго коня [3]). Нуждаясь въ средствахъ для проведенія своихъ замысловъ, Юраска сталъ вымогать денегъ отъ богатыхъ обывателей, сажалъ ихъ въ

[1]) А. И. Д., подлинники, № 348. Szujski, Dzieje Polski IV, 71.

[2]) У татаръ назывались этимъ именемъ вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ.

[3]) Арх. Юст., кн. 50, л. 135.

тюрьму и по турецкому обычаю приказывалъ бить палками по подошвамъ, пока не получалъ отъ нихъ нѣсколько сотъ червонцевъ. Не щадилъ онъ и тѣхъ, которые пристали къ нему при первомъ его появленіи; визирь, будучи съ нимъ подъ Чигириномъ, давалъ ему совѣтъ не приближать къ себѣ козаковъ, возведенныхъ въ старшины, а надѣяться исключительно на оборону отъ турокъ. Сообразно такому совѣту, Юраска убилъ Астаматія, бывшаго у него недавно наказнымъ гетманомъ, и кальницкаго полковника Вереницу, поставивши на мѣсто послѣдняго Коваленка. Другіе, даже и такіе, что̀ были сродни Хмельницкому, ежедневно какъ волъ обуха, по выраженію современника, дожидались той же судьбы. Затѣвая походъ на лѣвую сторону Днѣпра, Юраска послалъ немировскаго сотника Берендѣя къ крымскому хану просить присылки орды; Юраска въ особенности злился на запорожцевъ: «Кабы мнѣ, — говорилъ онъ, — хоть бы ихъ 1000 человѣкъ изъ коша удалось выманить, тотчасъ бы заслалъ ихъ къ турецкому султану на каторги». Но онъ надѣялся на расположеніе къ себѣ малороссіянъ лѣвой стороны, и говорилъ: «мнѣ достаточно какихъ-нибудь двухъ-трехъ тысячъ; я, зашедши отъ Днѣпра, въ Кіевѣ на Подолѣ посреди города стану». Дѣйствительно, многолѣтніе перевороты въ краѣ до того сбили съ толку малороссійскія головы, что даже Юраска могъ на нѣкоторое время быть опаснымъ, особенно когда ему покровительствовала грозная турецкая сила [1]). По извѣстію Куницкаго, изъ Черкасъ и изъ лѣвобережной Малороссіи присылались къ Юраскѣ приглашенія [2]).

По этимъ приглашеніямъ Хмельницкій изъ Немирова 27-го декабря послалъ универсалъ къ лѣвобережнымъ малороссіянамъ и приглашалъ всѣхъ, и старѣйшихъ и меньшихъ, покориться ему для избѣжанія разореній [3]). Вслѣдъ затѣмъ Яненченко съ двумя крымскими мурзами, присланными ханомъ, перешелъ Днѣпръ у Стаекъ и, минуя городки Переяславскаго полка, направился на Остеръ и Козелецъ [4]). Награбивши добычи и набравши плѣнниковъ, татары ворочались, но на дорогѣ въ селѣ

---

[1]) Ibidem, л. 212.

[2]) Ibidem, л. 225. Уже осенью 1678 года были охотники уходить на жительство съ лѣвой стороны на правую. Самойловичъ приказывалъ охотному полковнику Новицкому, поставленному на сторожу надъ Днѣпромъ: „Прочанъ на той бокъ надъ заказъ тиснучихся зо всего обирайте, а хоча бы и самыхъ не живити допустите; бо и тые туды намѣрившися, ничого добраго намъ не мыслятъ“ (Акты Зап. Рос., V, 153).

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem, л. 301.

Глубокомъ переяславскій полковникъ Лисенко разгромилъ ихъ загонъ и отбилъ яссыръ [1]). Яненченко ушелъ въ Корсунь. Это было предварительное нашествіе на лѣвобережный край [2]). Отецъ Яненченка, Павелъ Яненко, шуринъ Дорошенковъ, проживавшій въ Сосницѣ, не только не присталъ къ Юраскѣ, но послалъ сыну своему выговоръ за его поступки: неизвѣстно, впрочемъ, дѣлалъ ли онъ это по собственному побужденію или по волѣ гетмана, разославшаго по всей управляемой имъ странѣ увѣщаніе не «вѣрить обманчивымъ прельщеніямъ растриги, который попралъ христіанскій законъ, преданія церкви и угождаетъ бусурманамъ, хотя тѣ сами его ставятъ ни во что и презираютъ» [3])

По донесеніямъ Самойловича московское правительство, въ ожиданіи вступленія Хмельницкаго съ своими союзниками, отправило въ Переяславъ отрядъ ратныхъ людей подъ начальствомъ стольника Неплюева, въ качествѣ резервовъ указало быть съ другими ратными князю Козловскому въ Путивлѣ и князю Урусову въ Кіевѣ, а Косагову въ Сумахъ со слободскими полковниками сумскимъ и ахтырскимъ [4]). Гетманъ придалъ Неплюеву по нѣсколько сотъ человѣкъ выборныхъ козаковъ полковъ нѣжинскаго, лубенскаго, прилуцкаго и кіевскаго, и велѣлъ имъ занять поднѣпровскіе городки: Ирклеевъ, Крапивну, Золотоношу, сносясь съ переяславскимъ полковникомъ, которому поручалось главное веденіе защиты края, образовавшаго его полкъ [5]). Попытались между тѣмъ мирнымъ путемъ подѣйствовать на Хмельницкаго.

По приказанію гетмана, знаменитый въ свое время ученый проповѣдникъ, черниговскій архимандритъ Іоанникій Галятовскій, бывшій когда-то учителемъ Юраски, 4 декабря 1678 года послалъ Хмельницкому письмо, совѣтовалъ снять съ себя мірское платье, и облечься снова въ иноческое, доказывалъ, что передъ Богомъ великій грѣхъ отречься отъ даннаго разъ монашескаго обѣта, а въ примѣръ приводилъ бывшаго французскаго маршала Геброна, снявшаго съ себя монашескій санъ: когда онъ умеръ, то бѣсы ликовали, душу его въ адъ несли [6]). Хмельницкій получилъ это письмо въ Корсунѣ, будучи уже на походѣ

[1]) Ibidem, л. 320.
[2]) А. И. Д., св. 51, № 2.
[3]) Арх. Юст., кн. 50, л. 150, 155, 201.
[4]) Ibidem, л. 267.
[5]) Ibidem, л. 284.
[6]) Ibidem, 215.

въ лѣвобережную Украйну, и отвѣчалъ на него длиннымъ письмомъ, наполненнымъ школьною болтовнею, гдѣ ни къ селу, ни къ городу приводились имена Перикла, Улисса, Брута и другихъ античныхъ героевъ, но о себѣ, о своихъ видахъ, намѣреніяхъ и побужденіяхъ, Юраска почти не говорилъ и только вскользь привелъ указаніе на 19-й стихъ 48 главы Бытія, а въ заключеніе выразился такъ: «Никогда не пиши ко мнѣ, превысокость твоя, чтобы не раздразнить шершней» [1]).

Не удались попытки обратить на истинный путь заблудшаго Хмельницкаго: Юраска съ татарами перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра [2]). Первое мѣстечко, которымъ онъ овладѣлъ, была Веремѣевка: тамъ козаковъ не было вовсе, а мужики не въ силахъ были обороняться и потому сдались [3]). За Веремѣевкою послѣдовали Читринъ-Дуброва, Горошинъ, Городище, Жовнинъ. Хмельницкій писалъ въ своемъ универсалѣ: «не отговаривайтесь и не медлите, приказываю вамъ идти на житье за Днѣпръ съ семьями и пожитками; тамъ будетъ вамъ назначено мѣсто по нашему отеческому радѣнію; а не пойдете—такъ увидите надъ собою такое, чего я вамъ не желаю». Сдавшихся въ числѣ трехъ тысячъ, Хмельницкій приказалъ водворить въ Жаботинѣ [4]). Другіе, назначаемые къ переселенію, отпрашивались, указывая на зимнее время и давали обѣщаніе непремѣнно перейти весною. Многіе изъ такихъ оказались уроженцами правобережной Украйны; недавно въ разные годы по доброй волѣ перешли они на лѣвую сторону отъ ненависти къ польскому панству, а потомъ отъ страха быть подъ бусурманскимъ владычествомъ, но, поживши на лѣвой сторонѣ, многое тамъ имъ не полюбилось и они стали порываться на прежнія пепелища, примиряясь съ мыслію, что очутятся въ турецкой державѣ. Турецкой власти близко надъ собой они не испытали, а польскихъ пановъ уже не боялись, зная, что король уступилъ весь край Турціи [5]).

---

[1]) Ibidem, л. 301 и далѣе.

[2]) Число пришедшихъ съ нимъ молва считала тысячами (Арх. Юст., кн. 50, л. 751), но одинъ современникъ малороссіянинъ по этому поводу выразился такъ: „у насъ въ Украйнѣ народъ какъ послышитъ, что пришли татары, тотчасъ потревожится и самъ не зная куда бѣжитъ. Съ воромъ Юраскою пришло какихъ-нибудь сотъ пять или семь, а нашимъ кажется тысячъ семь“ (Ibidem, л. 479).

[3]) Ibidem, л. 356.

[4]) Ibidem, л. 608.

[5]) Въ гетманскомъ письмѣ въ Приказъ говорится: „тое стороны Украины жители, хотя на сей сторонѣ безпрестанно за сторожею у мене обрѣтался, однакоже безпрестанно различныхъ способовъ употребляя, многіе вывозились опять за Днѣпръ на житье, не опасаясь, что заднѣпрская сторона черезъ полные договоры поступитъ

Переяславскій полковникъ еще 5 ноября, до появленія Хмельницкаго, писалъ къ гетману, что расположилъ въ разныхъ побережныхъ городахъ сторожевые козацкіе отряды для удержанія легкомысленнаго народа.

27 января изъ-подъ Жовнина Юраска послалъ универсалы въ городки миргородскаго полка, требуя, чтобы къ нему присылали выборныхъ людей съ поклономъ и грозя скорымъ пришествіемъ турецкихъ войскъ, послѣ чего уже не будетъ пощады [1]). Между тѣмъ Яненченко подходилъ къ Лубнамъ, гдѣ заперлись лубенскій полковникъ Ильяшенко и охотный Новицкій: они съ козаками присягнули стоять крѣпко, но, по выраженію гетмана, нашлись малоумные, которые стали склоняться къ Хмельницкому. Къ счастію, противъ Хмельницкаго шли миргородскій и полтавскій полковники съ своими полками, а за ними Косаговъ изъ Сумъ; самъ гетманъ выступилъ уже изъ Батурина и былъ въ Конотопѣ [2]). Полтавскій полковникъ Левенецъ напалъ на Хмѣльницкаго подъ Жовнинымъ и заставилъ отступить къ Лукомлѣ; простоявъ тамъ три дня и не успѣвши склонить жителей къ сдачѣ, Юраска ушелъ за Днѣпръ съ 300 татаръ, а за нимъ послѣдовалъ Яненченко, котораго подъ Лукомлею чуть-было не застрѣлили и котораго спасъ только панцырь [3]). Перешедши за Днѣпръ, Хмельницкій отправился наскоро въ свой Немировъ, а Яненченко въ свой Корсунъ; крымскіе же салтаны, прибывшіе помогать Юраскѣ, разошлись: Калга съ исхудалыми лошадьми пошелъ въ Крымъ, а Нуррединъ съ 7000 орды снова перешелъ на лѣвую сторону, ударилъ на городки миргородскаго полка, наловилъ ясыру, но на возвратномъ пути подъ Менжелѣевкою напалъ на него Косаговъ съ царскою ратью и съ козаками, приданными гетманомъ изъ полковъ гадяцкаго, миргородскаго и компанейскаго. Они отняли ясыръ, овладѣли татарскимъ знаменемъ и чуть-было не схватили самого салтана Нурредина: раненый изъ лука, онъ съ остаткомъ своей орды поворотилъ не по дорогѣ, а прямо по полямъ, пролагая себѣ новый путь въ снѣгахъ и такъ добрался онъ, преслѣдуемый погонею 30 верстъ, до

также въ Турскую державу, а къ господамъ полякамъ никто изъ нихъ не прибѣгаетъ: знатно, же тягчайши суть чрезъ то надъ бусурмана, когда насильственно, что всему свѣту явно есть, и нынѣ неволятъ православныхъ къ своей уніи, бусурманы же въ неволи будучимъ христіанамъ разумливіи того не чинятъ, чтобъ ихъ имѣли чему не достоитъ приневоливати“ (А. И. Д. св. 51, № 6).

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 374. Акты Зап. Рос., V, 156.

[2]) Ibidem, л. 292.

[3]) Ibidem, л. 389.

Днѣпра, перешелъ на другой берегъ, но за нимъ перешли русскіе, гнали его еще 35 верстъ до рѣки Малаго-Ингульца, и такъ какъ за большими снѣгами далѣе гнаться было трудно, то воротились назадъ въ Кереберду.

Къ эпохѣ зимняго вторженія Хмельницкаго въ лѣвобережную Украйну слѣдуетъ отнести нападеніе турокъ и татаръ на Сѣчь, за которымъ вскорѣ послѣдовало послѣднее въ жизни Сѣрка побѣдоносное вторженіе въ Крымъ съ запорожцами [1]). Крымскій ханъ подалъ совѣтъ визирю сдѣлать нападеніе на Сѣчу, выбравши ночь на Рождество Христово, когда, по его соображенію, сѣчевики должны были ради праздника Господня быть пьяными [2]). Визирь прислалъ 15,000 турокъ. Ханъ далъ имъ лошадей и съ своею ордою самъ проводилъ ихъ до Сѣчи благополучно и незамѣтно. Запорожцы, не ожидая бѣды, не разставили, какъ слѣдовало, карауловъ. Орда обступила кругомъ Сѣчь, а янычары прошли въ городъ, наполнили узкія улицы Сѣчи и всѣхъ бы могли забрать, но на счастіе запорожцевъ, одинъ, занимавшійся сапожнымъ ремесломъ, проснувшись рано, отворилъ окно, замѣтилъ неожиданно явившихся чужихъ людей и всполошилъ козаковъ своего куреня. Началась пальба изъ оконъ, тревога сообщилась другимъ куренямъ и вся Сѣча приняласъ за оружіе. Туркамъ неудобно было поворачиваться въ тѣсныхъ улицахъ, и когда козаки изъ своихъ оконъ поражали ихъ выстрѣлами почти въ упоръ, турки не могли направить своихъ ружей на окна и палили вверхъ на воздухъ. Къ разсвѣту непріятели были совершенно побѣждены; едва малая часть ихъ успѣла ускользнуть изъ Сѣчи, и ханъ, видя, что янычарамъ не удалось, поворотилъ въ степь съ своею ордою. Утромъ запорожцы выволакивали трупы убитыхъ и стаскивали въ проруби подъ ледъ. Тогда Сѣрко отправилъ хану замѣчательное письмо, укорялъ его въ томъ, что онъ поступаетъ не по рыцарски, нападаетъ тайкомъ и выбираетъ такое время, когда войско гу-

[1]) Объ этихъ событіяхъ ни малѣйшаго намека не нашли мы въ современныхъ архивныхъ документахъ, хотя сохранились повидимому всѣ сполна сношенія Сѣчи съ Москвою; нѣтъ о нихъ извѣстія и въ лѣтописи Самовидца, вѣрнѣйшемъ лѣтописномъ источникѣ. Онѣ подробно описаны у Величка, но отнесены къ 1674—1675 годамъ. Величко вообще такой мутный источникъ, что мы вездѣ дозволяемъ себѣ пользоваться имъ съ большою осторожностію и если бы нигдѣ, кромѣ лѣтописи Величка, не находили извѣстія объ этомъ событіи, то готовы были бы самое событіе считать сомнительнымъ. Но объ этомъ событіи есть извѣстіе, короче чѣмъ у Величка, въ лѣтописномъ повѣствованіи Ригельмана (стр. 166): тамъ событіе это отнесено ко времени покушенія Хмельницкаго на лѣвобережную Украйну.

[2]) „Когда завше войско звыкло гуляти и подпивати».

ляетъ, припоминалъ подвиги козаковъ надъ мусульманами и давалъ обѣщаніе съ наступленіемъ весны отдать крымцамъ надлежащій визитъ [1]). И дѣйствительно, съ наступленіемъ весны Сѣрко съ запорожцами ворвался въ Крымъ черезъ Сивашъ, козаки надѣлали опустошеній и навели большой страхъ на всѣхъ обитателей полуострова и на самого хана. Возвращаясь обратно, козаки вели съ собою отнятыхъ у татаръ плѣнниковъ: въ числѣ ихъ были такъ называемые „тумы“ — дѣти христіанскихъ матерей или отцовъ, рожденныя въ Крыму во время неволи ихъ родителей. Многіе были совершенные татары, мусульманской вѣры, и не знали ни слова по-русски. Въ степи на стоянкѣ, гдѣ козаки стали пасти лошадей и варить себѣ кашу, Сѣрко объявилъ тумамъ, что если они захотятъ, то могутъ воротиться въ Крымъ. Порядочная толпа такихъ тумъ воспользовалась этимъ дозволеніемъ, объяснивши, что у нихъ въ Крыму есть жилища, а въ Русской землѣ нѣтъ ничего. Сѣрко отпустилъ ихъ, а самъ взошелъ на курганъ и провожалъ ихъ глазами, пока они скрылись изъ глазъ. Тогда онъ сбѣжалъ съ кургана, крикнулъ на своихъ козаковъ и погнался вслѣдъ за ушедшими. Онъ догналъ ихъ и всѣхъ приказалъ побить, а потомъ, похоронивши ихъ тѣла, передъ всѣми товарищами произнесъ, обращаясь къ побитымъ, такія слова: „простите, братья, намъ смерть свою, спите себѣ здѣсь до страшнаго суда Божія; лучше вамъ преждевременно умереть, чѣмъ жить бусурманами и размножаться на наши христіанскія молодецкія головы и на свою вѣчную погибель, оставаясь безъ крещенія». Воротившись въ Сѣчу, онъ, по козацкому обычаю, подуванилъ добычу, состоявшую изъ множества скота и овецъ, и распустилъ на волю освобожденныхъ христіанскихъ плѣнниковъ мужескаго и женскаго пола, которыхъ повели съ собою запорожцы до полуторы тысячи. Это былъ, кажется, послѣдній подвигъ знаменитаго запорожскаго героя.

Послѣ изгнанія Хмельницкаго изъ лѣвобережной Украйны, Самойловичъ, по волѣ московскаго правительства и съ совѣта старшинъ, рѣшилъ истребить городки въ Украйнѣ на правомъ побережьѣ Днѣпра и выселить оттуда на лѣвую сторону весь остатокъ народонаселенія. Эта мысль давно уже заявлялась московскимъ правительствомъ, еще до второй чигиринской войны, но теперь ея исполненіе казалось еще необходимѣе: оставшееся

[1]) Это письмо надолго осталось въ памяти малороссіянъ и переписывалось лѣтописцами въ разныхъ варіантахъ (Симоновскій, Крат. Опис. о Коз. Малор. напр., стр. 5—8. Ригельмана, Лѣт. Пов. о Мал. Рос., часть II, стр. 167—170. Величко, II, 378—382).

въ маломъ числѣ населеніе отъ безсилія покорялось Хмельницкому, а на правую сторону Днѣпра стали стремиться перешедшіе оттуда ранѣе, увлекали за собою другихъ даже коренныхъ лѣвобережныхъ уроженцевъ, и такимъ образомъ правобережная Украйна могла снова заселиться, но уже оставаясь подъ турецкимъ владычествомъ. Такая будущность Украйны не согласовалась съ выгодами московской державы. Оставлять правобережный край населеннымъ значило давать Хмельницкому возможность имѣть подданныхъ, изъ которыхъ онъ могъ набирать себѣ военную силу и посылать ее безпокоить лѣвую сторону Днѣпра.

Гетманъ отправилъ сына своего Семена въ качествѣ наказного гетмана съ выборными сотнями полковъ переяславскаго и кіевскаго и съ компанейцами. Воевода переяславскій Неплюевъ присоединилъ къ нимъ царскихъ ратныхъ людей [1]). 24 февраля они подступили ко Ржищеву, гдѣ находился присланный отъ Яненченка наказной корсунскій полковникъ Трушенко и двое татарскихъ мурзъ. Татары тотчасъ по приближеніи Семена Самойловича съ козаками быстро ушли изъ Ржищева; козаки Самойловича за ними погнались, не мало ихъ изрубили, а шестерыхъ взяли въ плѣнъ: тѣ показали, что въ городѣ Ржищевѣ осталось татаръ еще человѣкъ тридцать съ мурзами; на масляницѣ Трушенко напоилъ ихъ до-пьяна, и похмѣлье помѣшало имъ убѣжать изъ города; съ самимъ Трушенкомъ было до восьмидесяти козаковъ корсунскихъ, деренковскихъ и драбовскихъ. Семенъ Самойловичъ послалъ Трушенку въ замокъ письменное убѣжденіе сдаться. Трушенко заупрямился. Тогда Семенъ Самойловичъ, съ совѣта бывшихъ при немъ полковниковъ и полковыхъ старшинъ, вступилъ въ неукрѣпленный посадъ (мѣсто), приказалъ построить туры, поставить на нихъ орудія и палить въ замокъ. Деревянныя укрѣпленія замка подались, козацкія пушки разбили три башни, но валъ былъ высокъ, а ровъ глубокъ, вломиться въ замокъ было трудно, и Семенъ Самойловичъ предпринялъ вести осаду, хотя бы она продлилась многіе дни. Повысили туры, такъ что ядра могли доставать въ средину замка. У осажденныхъ недоставало воды, ее замѣняли снѣгомъ, но скоро снѣгъ потаялъ отъ огня; осажденные пили, вмѣсто воды, свекольный разсолъ, но этого стало бы не на долго и не на многихъ. Осажденные выслали сказать, что сдаются. Тогда, 25 февраля, козаки вошли въ замокъ, забрали въ плѣнъ татаръ и козаковъ, стоявшихъ за Хмельницкаго, сожгли до основанія и

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 571.

замокъ и посадъ, а всѣхъ обывателей перевели въ Переяславъ и въ Воронковъ, плѣнныхъ же отправили въ Березань и Барышевку. Участь Трушенка предоставили рѣшить гетману.

Воротившись въ Переяславъ, Семенъ Самойловичъ присоединилъ къ своему трехтысячному отряду еще 3,000 нѣжинскаго полка и 3,000 полковъ прилуцкаго, лубенскаго и коннаго охотнаго съ ихъ полковниками. 2-го марта отправился онъ снова въ походъ на Каневъ.

Каневъ покорился добровольно. Семенъ съ козаками двинулся къ Корсуну не по дорогѣ, а прямо полемъ («манивцемъ»), думая захватить враговъ врасплохъ. Яненченко только-что отпраздновалъ заговѣнье и не успѣлъ еще отрезвиться: въ корсунскомъ замкѣ, недурно укрѣпленномъ, было у него нѣсколько десятковъ татаръ и столько же козаковъ изъ Жаботина, да стрѣлковъ изъ «Лисянскихъ лѣсовъ» [1]). Яненченко, услыхавши о взятіи Ржищева, хвастливо говорилъ, что Корсуна не постигнетъ такая же судьба, но какъ только 3 марта явился подъ городомъ передовой отрядъ козацкаго войска, татары тотчасъ изъ города пустились скорымъ бѣгомъ по направленію къ опустѣвшей Лисянкѣ. Яненченко, оставшись съ незначительнымъ числомъ своихъ, пожегъ около замка строенія и сталъ стрѣлять на подступавшихъ къ замку козаковъ; но когда смерклось, подошли всѣ козаки со всѣмъ своимъ табором; изъ Корсуна явилось въ козацкій таборъ двое товарищей Яненченка; они сказали, что Яненченко вознамѣрился ночью убѣжать, какъ только увидалъ, что козаковъ противъ него пришло много. По такому сообщенію отправили козацкую сторожу загородить путь Яненченку; но Яненченко съ нѣсколькими товарищами въ полночь вышелъ изъ Корсуна потайнымъ ходомъ, пробрался между валами и убѣжалъ въ поле. Поставленная караулить его сторожа не могла догнать бѣглецовъ, потому что у нихъ лошади были быстры. Оставшіеся корсунцы на разсвѣтѣ принесли повинную; татаръ, остававшихся еще въ замкѣ, побили, а знатнѣйшихъ изъ нихъ выдали. Семенъ Самойловичъ приказалъ всѣмъ корсунцамъ немедленно перебираться съ семьями и съ домашнею рухлядью за Днѣпръ, найденныя въ Корсунѣ четыре желѣзныя пушки отдалъ кіевскому полку, а весь городъ Корсунъ съ посадомъ приказалъ сжечь до основанія.

4 марта, поутру Семенъ Самойловичъ двинулся къ Деренковцу, Драбовцу и Стороборью внизъ по берегу рѣки Роси. На дорогѣ заранѣе являлись къ нему жители съ хлѣбомъ-солью, приносили

[1]) Вѣроятно это были малороссіяне, занимавшіеся тамъ охотою.

повинную и привели связанныхъ татаръ. Семенъ Самойловичъ всѣмъ жителямъ этихъ городковъ велѣлъ перевозиться съ семьями и пожитками на житье за Днѣпръ, а самые городки приказалъ сжечь. Между тѣмъ, гадяцкій полковникъ съ козаками и Косаговъ съ царскими ратными людьми переправились черезъ Днѣпръ ниже и подступили къ Жаботину; поймавши какого-то жаботинца, они послали его въ городъ увѣщевать жителей покориться царю, не допуская до новаго кровопролитія. Вмѣсто требуемой покорности, жаботинцы стали палить изъ пушекъ по передовымъ козакамъ, подступившимъ къ городу, двухъ ранили, одного убили; но когда подоспѣли остальные козаки, духъ жаботинцевъ тотчасъ измѣнился: въ наступившую затѣмъ ночь они учинили у себя раду и передъ разсвѣтомъ выслали священника съ нѣсколькими особами просить помилованья. «Будьте надежны на милость монарха и вельможнаго пана гетмана,—сказалъ полковникъ, — идите съ семьями своими и пожитками за Днѣпръ: тамъ вамъ отведутъ жилье, да только подальше, чтобы опять не вздумали утекать на правую сторону». На протяженіи отъ Жаботина до Чигирина уже начинались строиться селенія для тѣхъ трехъ тысячъ, которыхъ Юраска выслалъ съ лѣвой стороны на правую. Все теперь было тамъ разорено, и хаты, и мельницы, и всякое заводившееся строеніе, и самыя церкви — все было предано огню. Всѣхъ людей погнали за Днѣпръ съ семьями и пожитками. Отъ Жаботина Косаговъ и гадяцкій полковникъ двинулись къ Черкасамъ, куда также съ другой стороны шелъ Семенъ Самойловичъ. О сожженіи Черкасъ и о выселеніи тамошнихъ обывателей въ современныхъ актахъ нѣтъ особаго донесенія, вѣроятно потому, что тамъ было уже все пусто [1]).

Это важное событіе въ исторіи малороссійскаго края, по преданіямъ, осталось въ народной памяти подъ названіемъ «сгона»: остатокъ народонаселенія правобережной Украйны былъ теперь окончательно выведенъ оттуда по распоряженію власти (согнанъ), и Самойловичъ могъ положительно вѣрно донести московскому правительству, что вся правобережная Украйна обезлюдѣла, и Хмельницкій, оставаясь въ своемъ Немировѣ, не могъ, какъ бывало прежде, вредить пограничнымъ городамъ и селеніямъ царской державы [2]). Яненченко, потерявши Корсунь, помѣстился

---

[1]) Лѣт. Сам., изд., 1878, стр. 147.—Лѣт. Симоновскаго, 105.—Ригельмана, 164.—Акты Зап. Рос., V, 157—158.

[2]) „Всѣ жители ржищевскіе, каневскіе, корсунскіе, староборскіе, мошенскіе, грабовскіе, бѣлозерскіе, таганковскіе, драбовскіе, черкаскіе на сю сторону согнаны и

въ Хмельникѣ всего съ 50 козаками, а Коваленко сидѣлъ въ Кальникѣ съ семидесятью.

За совершонный гетманскимъ сыномъ походъ царскій посланецъ, стольникъ Карандѣевъ, привезъ гетману Самойловичу царскую похвальную грамоту и дары, состоявшіе въ шелковыхъ матеріяхъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ, собольихъ и горностаевыхъ мѣхахъ и вооруженіяхъ [1]).

Хмельницкій и прежде держался единственно турецкимъ страхомъ, а добровольно малороссіяне къ нему не шли. Теперь же, владѣя незначительнымъ населеніемъ въ Подоліи, онъ окончательно вооружилъ противъ себя всѣхъ своею алчностію и жестокостію. Во дворѣ у него выкопана была яма саженъ 20 глубиною и въ такой ямѣ перебывали почти всѣ зажиточные подданные, особенно бывшіе орандари, державшіе откупы при польскомъ владѣніи и успѣвшіе зашибить себѣ деньгу: съ кого захочетъ сорвать, того прикажетъ схватить, бросить въ яму и держать, пока тотъ для своего избавленія не отдастъ всего, что у него есть; другихъ приказывалъ бить палками, и немировскому сотнику Берендѣю, вѣрно служившему Юраскѣ, дано было 300 ударовъ по подошвамъ, отчего тотъ чуть не умеръ. Неутомимый товарищъ Юраски и родственникъ Яненченко отступилъ отъ своего «князя», ушелъ къ полякамъ и въ сентябрѣ 1679 года находился уже при воеводѣ русскомъ во Львовѣ [2]). Скоро, однако, онъ опять повернулъ на прежній путь и написалъ къ Каменецкому пашѣ, что городъ Львовъ охраняетъ небольшое число войска и взять его не трудно, если турки подойдутъ къ нему тихо и неожиданно. Письмо это было перехвачено и гетманъ Яблоновскій приказалъ разстрѣлять Яненченка [3]). При Юраскѣ оставалось только 80 малороссіянъ козаковъ; кромѣ нихъ было у него татаръ 800, волоховъ 200 и 28 сербовъ. Татары и турки, надѣясь на потачку со стороны Хмельницкаго, безчинствовали, хватали и били жителей; однимъ словомъ, — говорилъ одинъ современникъ немировецъ: — у насъ такая неволя, что и въ турецкой землѣ горше быть не можетъ. Гетману Самойловичу сообщали, что немировцы только того и желаютъ, чтобъ козаки и московскія войска пришли освободить ихъ; гетману давались

отъ непріятеля отстранены, а города и села, и мѣстечки и деревни ихъ, гдѣ они прежде жили на той сторонѣ, всѣ безъ остатку выжжены" (Арх. Юст., кн. 50, л. 667, Донесеніе Самойловича).

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 677.

[2]) А. И. Д., св. 53. № 34.

[3]) Pam. Jem., стр. 286.

совѣты послать туда войско. Но не такъ легко было предпринять походъ черезъ опустошенную въ конецъ правобережную Украйну, гдѣ козацкое войско не могло себѣ найти никакого продовольствія, а возить за войскомъ запасы въ большихъ размѣрахъ въ Малороссіи еще не обыкли. Одинъ жившій въ Молдавіи аѳонскій архимандритъ черезъ письмо совѣтовалъ Самойловичу исходатайствовать у московскаго царя обѣщаніе милости Хмельницкому, если онъ поддастся великому государю. «Подайте ему хлѣбъ,—писалъ архимандритъ, — и увѣрьте его царскимъ именемъ, что ему обиды не будетъ. Онъ, бѣдный, всякій день и часъ жалѣетъ о христіанствѣ. Я самъ съ нимъ бесѣдовалъ. Отче — говорилъ онъ мнѣ—я бѣду терплю, а съ туркомъ въ войскѣ иду! Что мнѣ дѣлать, невольнику? Что велятъ, то и приходится дѣлать! Хочется Хмельницкому къ вамъ, только боится Сибири. Выпроси у государя обѣщаніе милости и увидишь, какая срамота постигнетъ турокъ и какъ они сердце потеряютъ». Самойловичъ сообщилъ такой совѣтъ въ Москву, и на это послѣдовала царская грамота, гдѣ было сказано, что Самойловичъ въ этомъ дѣлѣ можетъ поступать по своему усмотрѣнію, и если Юраска подлинно пожелаетъ быть въ государской милости и въ послушаніи у гетмана, а отъ бусурманскаго соединенія и отъ прежнихъ своихъ злыхъ дѣлъ отстанетъ, то великій государь повелитъ отпустить вины его; пусть онъ ѣдетъ къ гетману безъ опасенія!

Было ли потомъ дальнѣйшее сношеніе съ Хмельницкимъ— не знаемъ. Быть можетъ, вскорѣ постигшая его кончина, которой точнаго времени современники не указываютъ, помѣшала этому [1]).

Крымскія власти помышляли уже о мирѣ съ Москвою: и крымскій ханъ и Калга-салтанъ дважды писали объ этомъ царю [2]). Въ іюлѣ 1679 года царь отвѣчалъ, что готовъ мириться, если турки и татары не станутъ болѣе безпокоить царской державы. Но къ Самойловичу приходили вѣсти изъ турецкихъ владѣній, что падишахъ и визирь хотятъ съ большимъ войскомъ идти войной на Кіевъ [3]), и въ виду такихъ слуховъ въ Кіевѣ цѣлое лѣто великороссійскіе ратные люди и малороссійскіе козаки производили работы по возведенію и исправленію укрѣпленій, а стольникъ Перхуровъ съ 15,000 войска стоялъ близъ устья Самары, ожидая появленія непріятеля.

---

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 799.

[2]) Ibidem, л. 697.

[3]) А. И. Д., св. 52, №№ 10, 17.

Но среди такихъ воинственныхъ предосторожностей между Москвою и мусульманскими державами велись сношенія о мирѣ. Были посланы думные дворяне Даудовъ въ Турцію, а Сухотинъ въ Крымъ. Вдругъ являются въ Москву польскіе послы Бржостовскій и Гнинскій и предлагаютъ заключить союзъ христіанскихъ государей противъ магометанъ. Тогда посланъ былъ дьякъ Емельянъ Украинцевъ спросить объ этомъ мнѣнія малороссійскаго гетмана.

Самойловичъ съ совѣта старшинъ представилъ, что неудобно вступать въ союзъ противъ турокъ и отправлять русскія войска въ турецкія владѣнія. Онъ отъ имени всего малороссійскаго народа просилъ о скорѣйшемъ заключеніи мира съ Турціею и Крымомъ, однако не иначе какъ на выгодныхъ условіяхъ, съ тѣмъ, чтобы границею отъ Турціи былъ Днѣстръ или по крайней мѣрѣ Бугъ, но въ послѣднемъ случаѣ такъ, чтобы пространство отъ Днѣпра до Буга оставалось незаселеннымъ для избѣжанія взаимныхъ ссоръ. Кромѣ своего мнѣнія, онъ указывалъ также на мнѣнія Сѣрка и запорожцевъ [1]). На случай, если бы мусульмане упрямились, гетманъ совѣтовалъ быть готовыми къ войнѣ и оборонѣ Кіева.

Совѣты, данные гетманомъ, были приняты въ Москвѣ и польскіе послы, пріѣзжавшіе толковать о союзѣ противъ турокъ, уѣхали въ ноябрѣ безъ успѣха.

Всю слѣдующую зиму, а затѣмъ весну и лѣто 1680 года Малороссія была въ тревогѣ ожиданія турокъ и татаръ. Печерскіе монахи заранѣе просили у великаго государя права скрыться въ брянскихъ и трубчевскихъ монастыряхъ въ случаѣ нашествія турокъ на Кіевъ [2]). Самойловичъ наблюдалъ за работами надъ укрѣпленіями противъ межигорскаго монастыря [3]). Сѣрко сообщалъ, что магометане злятся на Сѣчу, и умолялъ прислать заранѣе туда военную помощь. Посылая въ приказъ письма Сѣрка, гетманъ, однако, доносилъ на своего давняго соперника и недоброжелателя, что онъ принимаетъ отъ короля польскаго тай-

---

[1]) „Атаманъ Иванъ Сѣрко говорилъ, же „зо всѣхъ мѣръ потреба абы его царскаго величества полномочные особы по Богъ рѣку землю межи великимъ государемъ нашимъ и межи турчиномъ розграничили“; бо тотъ увесь степъ отъ Богу рѣки к Днѣпрови лежачій его царскаго величества державѣ велце есть потребный, потому что з того степу многіе у Днѣпръ плывутъ рѣчки, якие здавна войску запорожскому належали, безъ которыхъ якъ нынѣ, такъ и впредь войско запорожское жити не можетъ...“ (Арх. Иностр. Дѣлъ, подлин., № 358).

[2]) А. И. Д., св. 53, № 5.

[3]) Ibidem, № 8. Подлинники, №№ 364, 369.

ныхъ посланцевъ, старающихся склонить запорожцевъ къ поступкамъ, угоднымъ Польшѣ, но не полезнымъ для московской державы, и держитъ при королѣ отъ себя какого-то крещенаго татарина, своего племянника.

Однако непріязненное отношеніе между гетманомъ и кошевымъ прекратила смерть Сѣрка, постигшая его въ пасѣкѣ близъ Сѣчи 1-го августа 1680 года. Извѣщая объ этомъ событіи гетмана [1]), новый кошевой атаманъ Иванъ Стягайло писалъ, что товарищи запорожскіе взяли на Азовскомъ морѣ турецкій корабль, и плѣнные турки объявили, что дожидаться турецкаго султана съ войскомъ въ этомъ году нечего, потому что ему угрожаетъ война съ французскимъ королемъ, и, быть можетъ, только незначительныя орды сдѣлаютъ набѣгъ на Украйну [2]).

Дѣйствительно тревога оказалась напрасною: татары, точно, нападали на берега рѣки Мерли въ слободской Украйнѣ, а весною загоны ихъ появлялись около Кіева [3]). Но тѣмъ тогда и ограничились. Носились слухи, что приходившіе загоны были передовыя силы турокъ; страхъ бусурманскаго нашествія до того охватилъ-было весь малороссійскій народъ, что гетманъ не нашелъ заподрядить посполитыхъ людей для доставки хлѣбныхъ запасовъ въ Кіевъ на продовольствіе царскихъ ратныхъ людей [4]). Войско было въ сборѣ даже еще и въ началѣ 1681 года, однако силы непріятельскія не появлялись.

Тогда, въ виду скоро могущаго послѣдовать примиренія съ мусульманами и уступки опустѣлой правобережной Украйны, отправлены были гетманомъ въ Москву посланцы: знатный войсковой товарищъ Мазепа и гадяцкій полковникъ Михайло Василевичъ, племянникъ гетмана, толковать о важномъ дѣлѣ.

---

[1]) „Ознаймуемъ, же з волѣ Божои славнои памяти на пана Сѣрка Ивана атамана кошового нашого в семъ году августа 1-го пришедши часъ смертный взялъ от насъ его с земного мѣшканя, которого мы з жалемъ нашимъ отстрадавши обычаемъ христіанскимъ з набожнымъ обрядомъ церковнимъ поховалисьмо тѣло его при кошѣ на поли августа 2-го".—(Арх. И. Д., подлинникъ, № 379). Могила Сѣрка сохранилась до сихъ поръ близъ села Покровскаго, въ деревнѣ Капиловкѣ, въ огородѣ, принадлежащемъ двору одной вдовы. Это—невысокій холмъ, на вершинѣ его стоитъ каменный крестъ съ надписью, гласящею, что 2-го августа 1680 года тамъ погребенъ кошевой атаманъ Іоаннъ Димитріевичъ Сѣрко, скончавшійся 1-го августа. Мы видѣли эту могилу, посѣщая мѣсто бывшей Запорожской Сѣчи. Кромѣ могилы Сѣрка, близъ той же деревни Капиловки, сохранились двѣ или три другихъ могилы простыхъ запорожскихъ товарищей, также съ каменными крестами.

[2]) А. И. Д., подлинникъ, № 379.

[3]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 149.—Акты Зап. Рос., V, 160—162.

[4]) А. И. Д., подлинн., № 389.

Гетманъ представлялъ, что не знаетъ, какъ ему поступить со множествомъ переселенцевъ съ правой стороны Днѣпра, которыхъ оставалось еще тогда въ гетманскихъ владѣніяхъ болѣе 20,000 семей, кромѣ тѣхъ, которые, перешедши на лѣвый берегъ Днѣпра, успѣли уже уйти на новоселье въ слободскіе полки. — Обнадежены они, — доносилъ гетманъ, — милостивыми государевыми грамотами, что имъ на сей сторонѣ Днѣпра учинено будетъ всякое довольство, но до сихъ поръ довольства никакого не учинено; просятся они на ту сторону Днѣпра на свои прежнія поселенія, но ихъ на ту сторону не пускаютъ». Нѣсколько разъ уже гетманъ говорилъ объ этомъ боярину Василію Васильевичу Голицыну и стольнику Михаилу Головнину, но указа о томъ отъ великаго государя не послѣдовало. Теперь Мазепѣ и гадяцкому полковнику поручено было сообщить чрезъ боярина Василія Семеновича Волконскаго словесную просьбу о томъ, чтобы скитающихся «межи дворы въ малороссійскихъ мѣстахъ» правобережныхъ прочанъ поселить на бѣлогородской чертѣ въ слободскихъ полкахъ, потому что въ Малороссіи негдѣ селить ихъ. Гетманъ умышленно не далъ на письмѣ никакой инструкціи о болѣе точномъ распредѣленіи мѣстъ для новопоселенцевъ, желая во всякомъ случаѣ удержать ихъ послѣ поселенія на новыхъ мѣстахъ подъ своимъ управленіемъ. Когда бояринъ Василій Семеновичъ Волконскій спросилъ посланцевъ, гдѣ желаютъ гетманъ и старшины поселить ихъ, посланцы объявили, что указанія никакого не имѣютъ, а думаютъ—что у гетмана мысль поселить ихъ въ слободскихъ полкахъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ слободскіе полки находились подъ его гетманскимъ управленіемъ [1]). На это послѣдовалъ такой отвѣтъ: по бѣлогородской чертѣ уже построено много городовъ и селъ и деревень, и въ нихъ поселилось не мало жителей; всѣ эти слободскіе жители исправляютъ по бѣлогородской чертѣ городовыя работы и посылаютъ людей стоять въ укрѣпленіяхъ для осторожности изъ опасенія прихода воинскихъ людей, а судомъ и расправою вѣдаются у бояръ и воеводъ бѣлогородскаго разряда, а потому въ тѣхъ мѣстахъ невозможно поселять вновь перешедшихъ изъ заднѣпровскихъ городовъ [2]).

---

[1]) „Жителямъ селиться по бѣлогородской чертѣ въ новопостроенныхъ городѣхъ и слободѣхъ въ Сумскомъ и въ Ахтырскомъ и въ иныхъ полкѣхъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ поселились и живутъ малороссійскихъ же городовъ жители, ихъ отцы и братья, и дядья и племянники и чтобъ тѣмъ жителямъ поселясь въ тѣхъ полкѣхъ быти подъ его жъ гетманскимъ региментомъ“ (Арх. Юст., столбецъ, № 5,967—156).

[2]) А. И. Д., св. 56, № 7.

Здѣсь желанія малороссіянъ столкнулись съ противоположною имъ политикою московскою. По мѣрѣ опустѣнія правобережной Украйны, возрастало населеніе слободской Украйны, пространства, занимаемаго четырьмя слободскими полками: харьковскимъ, ахтырскимъ, сумскимъ, острогожскимъ. Возрастаніе это шло чрезмѣрно быстро: съ каждымъ годомъ возникали слободы за слободами, но все-таки пустыхъ мѣстъ было такъ много, что достало бы для гораздо бо́льшаго количества населенія. Переселившіеся жители были и козаки и посполиты [1]). И тѣ и другіе, переходя на новоселье, зависѣли не отъ гетмана, а отъ бѣлогородскаго разряда. Естественно было у малороссіянъ желаніе, чтобъ ихъ земляки находились всѣ подъ единымъ управленіемъ. Такъ точно, какъ прежде думали о соединеніи правобережной Украйны съ лѣвобережною, такъ теперь, послѣ опустѣнія праваго берега, мѣсто правобережной Украйны заняла Слободская. Желаніе гетмана и старшинъ подчинить этотъ край гетманскому регименту казалось тѣмъ законнѣе, что въ слободской Украйнѣ селились не только правобережные прочане, но къ нимъ примѣшивались и лѣвобережные, искавшіе себѣ на новоселье лучшихъ льготъ. Гетманщина теряла такимъ образомъ и своихъ жителей, и доходы, собираемые съ поспольства. При томъ между слободами, прилегавшими къ гетманщинѣ, и жителями гетманскаго регимента, происходили недоразумѣнія и споры за земли, которыя разрѣшать было трудно, такъ какъ рубежи гетманщины, за которыми начинались пустыя поля, были тогда не точны, неопредѣленны и не общеизвѣстны. Такъ, по близости къ Конотопу явились слободы: Бочечки, Козацка Дуброва, Грузкое и въ эти слободы бѣгали на поселеніе изъ гетманщины [2]). Въ гадяцкомъ полку шелъ многолѣтній споръ между опошенскими жителями и новопоселенными въ слободѣ Рублевкѣ надъ рѣкою Мерломъ. Слобожане овладѣли землями и лѣсами между Мерломъ и Ворсклою, а опошенцы показывали притязаніе на прежнюю принадлежность этихъ земель Опошнѣ. Опошенскіе козаки, убѣгая отъ частой службы, переселялись на слободы, и особенно послѣ второй чигиринской войны Опошня потеряла ихъ много. То же дѣлалось и въ полтавскомъ полку: полтавскій полковникъ Черняк доносилъ, что на Коломакѣ завелась слобода, населенная пришлыми съ

[1]) Въ харьковскомъ полку было тогда козаковъ: въ городѣ Харьковѣ—10 сотенъ, въ городѣ Золочевѣ—три, въ городахъ Валкахъ, Змѣевѣ и Ольшаной—по двѣ, въ городкахъ Мереѳѣ, Соколовѣ, Салтовѣ, Печенѣжской слободѣ и Волчьихъ водахъ по одной (А. И. Д., св. 56, № 16).

[2]) А. И. Д., подлинникъ, № 349.

правой стороны Днѣпра людьми, которые захватили пасѣки, лѣсныя заводи и сѣножати знатныхъ товарищей полтавскаго полка. Полтавцевъ безпокоили слухи, что скоро заведено будетъ еще болѣе слободъ къ устью Коломака, къ вершинѣ Орели, на Орчикѣ и на Берестовой, а также и на Самарѣ. Съ другой стороны и новопоселенные слобожане терпѣли отъ старожитныхъ козаковъ и жаловались, что товарищи полтавскіе и миргородскіе завели себѣ въ пустыхъ мѣстахъ хутора и пасѣки, ловятъ рыбу и звѣря, и ради своихъ корыстей не допускаютъ пришедшимъ изъ-надъ Бога и Забужья заводить слободы по Орели. Такимъ образомъ, для пресѣченія всѣхъ этихъ жалобъ гетманъ добивался власти надъ слободскою Украйною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и права переводить назадъ на прежнія мѣста жительства самовольно ушедшихъ въ слободы [1]). Московскія власти, не желая ни въ какомъ случаѣ отдавать изъ бѣлогородскаго разряда слободскихъ полковъ гетману, отвѣчали его посланцамъ:

— Пусть гетманъ укажетъ поселить правобережныхъ гдѣнибудь на порожнихъ земляхъ, кромѣ слободскихъ полковъ, и тогда эти новые козаки пусть останутся подъ его регементомъ.

Гетманскіе посланцы на это замѣтили, что за многолюдствомъ невозможно поселить ихъ въ краѣ, принадлежащемъ къ гетманскому регименту, и снова просили отдать слободской край подъ гетманскій регементъ, указывая, что если бы не доставало земли для ихъ поселенія, то можно будетъ прибавить дикихъ полей, прилегающихъ къ рѣкѣ Донцу-Сѣверскому.

— Если,—сказалъ имъ бояринъ Волконскій,—поселить ихъ по Сѣверскому Донцу, то имъ придется быть въ службѣ со слободскими козаками въ бѣлогородскомъ разрядѣ, а если ихъ оставить подъ гетманскимъ регементомъ, то у нихъ со слободскими жителями будутъ происходить ссоры за земли и угодья. Сами же вы говорите, что съ правой стороны Днѣпра перешедшихъ теперь будетъ у васъ тысячъ двадцать и больше: для такого большого числа нужно много мѣста! Сами знаете, что Лебединъ и иные слободскіе городки въ близости съ малороссійскими городами находятся въ безпрерывныхъ ссорахъ, и если тѣхъ новыхъ правобережныхъ поселить по сосѣдству съ слободскими, то у нихъ будутъ ссоры.

— На сю сторону, — сказали посланцы, — съ той стороны Днѣпра перешло одиннадцать полковъ, но теперь ихъ осталось у насъ одна треть, а двѣ доли пошли прежде въ слободскіе

[1]) А. И. Д., св. 55, № 22.

полки и тамъ жительствуютъ. Пусть бы великій государь указалъ полки слободскіе, населенные малороссіянами — сумскій, харьковскій, ахтырскій и рыбинскій — отдать подъ гетманскій регименть, потому что всѣ эти полки, какъ и гетманъ и все войско запорожское, такіе же малороссіяне и одного государя подданные, и тогда бы гетманъ вѣдалъ, гдѣ этихъ правобережныхъ жителей разселить, и надъ всѣми начальствовалъ бы гетманъ, какъ нынѣ бояре начальствуютъ.

На это бояринъ, не представляя причинъ, почему московское правительство не соглашается исполнить желаніе малороссіянъ, такъ настойчиво заявляемое, въ видѣ отговорки сказалъ, что уже указано послать межевщиковъ для проведенія рубежей между слободскимъ краемъ и малороссійскимъ, состоящимъ подъ гетманскимъ регементомъ.

По этому поводу Мазепа сказалъ: «Намъ сомнительно, что указано отмежевать и отграничить слобожанъ отъ насъ. Межевать ихъ не для чего: и слободская Украйна, и малороссійскіе городы — подъ державою одного великаго государя, и всѣ жители — и въ томъ, и въ другомъ краѣ — его вѣрные подданные».

На это посланцы получили окончательный отвѣтъ, въ такомъ видѣ: «Великій государь укажетъ послать добрыхъ дворянъ разсмотрѣть и описать порожнія земли, годныя къ поселенію, и сообразить, сколько на нихъ можно поселить людей, надѣливши ихъ пашнями и сѣнными покосами, а по описи такихъ земель, гетману будетъ сообщенъ царскій указъ о поселеніи оныхъ заднѣпрянъ [1]).

Между тѣмъ дѣло примиренія съ Крымомъ и Турціею шло къ концу. Въ Крымъ (въ сентябрѣ 1680 года) отправленъ былъ стольникъ Василій Тяпкинъ съ дьякомъ Никитою Зотовымъ. Проѣзжая черезъ Малороссію, они пробыли у гетмана 8 дней. Самойловичъ отправилъ съ Тяпкинымъ въ Крымъ отъ себя войскового товарища Раковича, «значнаго человѣка, бусурманскихъ языковъ и латинскаго языка свѣдущаго».

Посольство прибыло въ Крымъ въ послѣднихъ числахъ октября 1680 года. Съ перваго раза мурзы, которымъ отъ хана поручено было вступить въ переговоры, заявили, что миръ иначе не можетъ состояться, какъ только тогда, когда границею между владѣніями россійскими и турецкими будетъ Днѣпръ. Русское посольство отвергло такое домогательство. Привезли плѣннаго боярина Василія Борисовича Шереметева и задержан-

[1]) Ibidem, св. 56, № 7.

наго царскаго гонца Сухотина; требовали, чтобъ они, съ своей стороны, убѣждали соотечественниковъ согласиться на днѣпровскую границу. Плѣнники не хотѣли поступать по желанію мурзъ; плѣнниковъ засадили въ земляную тюрьму. Тяпкинъ и Зотовъ все-таки не поддавались, упорно стояли на томъ, чтобъ границею была рѣка Бугъ. Прошло два мѣсяца. Царскихъ пословъ пугали, что татары начнутъ дѣлать разоренія въ украинныхъ земляхъ московскаго государства. Соображаясь съ своимъ тайнымъ наказомъ, гдѣ имъ дозволялось дѣлать уступки въ крайнемъ случаѣ, послы объявили, что согласны измѣнить свои требованія, если имъ дозволятъ переговариваться съ самимъ ханомъ. Ханъ дозволилъ — и, послѣ объясненій съ нимъ, послы представили ему проектъ шертной (перемирной) грамоты въ татарскомъ переводѣ, а ханъ сказалъ, что отправитъ ее къ турецкому падишаху. Прошло еще два мѣсяца. 1-го марта 1681 г. ханскій ближній человѣкъ Сулешовъ объявилъ, что пришло утвержденіе отъ падишаха и послы должны быть на отпускѣ.

Послы просили мурзъ показать имъ шертную грамоту въ томъ видѣ, въ какомъ она утверждена падишахомъ, но мурзы съ гнѣвомъ и досадою сказали имъ:

— Вы развѣ пріѣхали сюда учить государей нашихъ и московскіе обычаи къ намъ вводить? Берите то, что вамъ даютъ. Всякій государь воленъ въ своемъ государствѣ дѣлать, что хочетъ. Не учите насъ и не указывайте намъ, а то ханъ свою шертную грамоту и турецкаго султана грамоту пошлетъ къ вашему царю съ своими послами, а васъ велитъ заковать въ кандалы и запретъ въ вѣчную неволю.

Послы ссылались на ханское обѣщаніе, что имъ хотѣли дать грамоту противъ образцоваго письма, которое они подали хану. Имъ отвѣчали:

— Какъ надобно было писать, такъ ханъ и велѣлъ написать. Вы же будьте готовы къ отпуску, когда васъ позовутъ.

Ихъ позвали къ хану на отпускъ 24-го марта. Ханъ былъ тогда въ полѣ въ шатрѣ, близъ Бахчисарая. Тамъ присягнулъ онъ на коранѣ хранить шертную грамоту въ теченіи перемирныхъ двадцати лѣтъ. Въ томъ же присягнули султаны Калга и Нуреддинъ. Отпуская Тяпкина и Зотова, Мурадъ-Гирей сказалъ:

— Пусть братъ нашъ, великій государь, пошлетъ къ турскому падишаху своихъ пословъ съ любительными поминками вскорѣ и не мѣшкая. Смотрите, чтобъ отъ державы великаго государя, съ Дона и Запорожья, воинскихъ задоровъ не было ни моремъ, ни сухимъ путемъ. Поѣзжайте черезъ малороссійскій

край: пусть тамъ народъ вѣдаетъ о нашемъ мирномъ постановленіи и никакихъ зацѣпокъ противъ насъ не позволяетъ себѣ дѣлать [1]).

Примиреніе съ Крымомъ въ главномъ основаніи было по-сердцу гетману и старшинамъ, но тяжело отозвалась имъ утрата правобережной Украйны. Когда Тяпкинъ на возвратномъ пути, проѣзжая черезъ Малороссію, прибылъ въ Батуринъ, его дважды приглашали къ обѣду, торжествовали заключеніе мира пушечными выстрѣлами, но гетманъ передъ Тяпкинымъ и старшинами со вздохомъ сказалъ:

— Отошла-таки заднѣпровская сторона; прежде я писался гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, а теперь уже такъ писаться мнѣ нельзя! Пусть бы хоть великій государь умилосердился надъ народомъ, который жилъ на правой сторонѣ, а нынѣ скитается безъ пристанища: будетъ онъ смотрѣть на свои прежніе пожитки, пашни и угодья, оставленныя за Днѣпромъ, и приходить въ негодованіе. А я въ Малой-Россіи не имѣю угодныхъ мѣстъ и земель, чтобъ имъ дать на поселеніе. Да и лѣвой стороны посполитый народъ станетъ нарекать на меня, потому что ся сторона тою стороною живится: возятъ лѣсъ на городовое и на дворовое строеніе и на дрова, промышляютъ тамъ звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Указалъ бы великій государь поселиться тѣмъ людямъ въ слободскихъ мѣстахъ около Сумъ, Ахтырки, Харькова, Богодухова, Ольшанки, Змѣева, Торца и въ иныхъ тамошнихъ мѣстахъ. А какъ тѣ люди тамъ поселятся, тогда указалъ бы великій государь отдать весь тотъ край—полки: сумскій, ахтырскій, харьковскій и рыбинскій—подъ мой гетманскій регименть: этимъ можно бы народъ малороссійскій возвеселить и на ту сторону Днѣпра не отпустить въ вѣчное порабощеніе подъ иго мусульманское, въ пожитокъ поганству. Я же, гетманъ, паче прежняго со всякимъ усердіемъ радѣтельство мое казать буду. А если великій государь не укажетъ имъ тамъ поселиться, то опасно, чтобъ тѣ люди, не истерпя своей нужи, не отошли бы въ заднѣпровскую сторону, не поселились бы тамъ подъ бусурманскою властью и потомъ не чинили бы смутъ и ссоръ.

Объ этомъ снова заявлялъ Самойловичъ съ своимъ особымъ посольствомъ и въ приказъ, но получилъ отвѣтъ, что надобно дожидаться царскаго указа. Московское правительство никогда не согласилось бы сдѣлать того, что́ было угодно для малороссіянъ, но что́ казалось опаснымъ въ видахъ московской политики.

---

[1]) А. И. Д., крымскія дѣла, св. 66, № 1-й и 2-й.

Получивши извѣстіе о перемиріи, гетманъ сообщилъ въ Сѣчу, что въ теченіи перемирныхъ двадцати лѣтъ запорожцы могутъ ловить рыбу отъ верху до низу въ Днѣпрѣ, но должны соблюдать миръ съ татарами и предавать наказаніямъ своевольниковъ, которые задумаютъ идти за татарскою добычею [1]). 15-го апрѣля послѣдовалъ универсалъ ко всему малороссійскому народу съ объявленіемъ о постановленномъ мирѣ, по которому правая сторона, кромѣ Кіева съ его окрестностями, должна оставаться въ турецкомъ владѣніи вполнѣ незаселенною и ни съ той стороны на сю сторону, ни съ сей на ту не позволялось переходить на жительство. Гетманъ приказывалъ воинскимъ людямъ не ходить съ ватагами и не чинить убытковъ крымскому и турецкому государствамъ подъ страхомъ смертной кары за непослушаніе, и всякій, кто замыслитъ съ мѣста своего жительства на лѣвой сторонѣ переходить на правую сторону и инымъ подавать собою примѣръ къ непостоянному житію, тотъ подвергнется безъ милосердія отобранію всего своего имущества и всегдашнему сидѣнію въ тюрьмѣ [2]).

3-го ноября 1681 года въ Переволочнѣ происходило трогательное и радостное для русскихъ событіе—послѣдствія мира съ Крымомъ и Турціею. Татары привезли боярина Василія Борисовича Шереметева, взятаго въ неволю подъ Чудновымъ въ 1660 году и съ тѣхъ поръ сидѣвшаго въ тяжкомъ заключеніи въ Мангупѣ. На одномъ днѣпровскомъ берегу стояла орда съ Каплань-мурзою, на противоположномъ—пѣшіе и конные царскіе ратные люди. Съ русской стороны положили въ лодку окупныя деньги и отправили къ другому берегу, а съ противоположной стороны повезли татары въ лодкѣ боярина. Его принималъ князь Петръ Ивановичъ Хованскій и козацкіе старшины съ гадяцкимъ полковникомъ. Когда приблизилась лодка къ берегу, князь Хованскій отдалился отъ другихъ и поѣхалъ въ шатеръ государевъ, нарочно устроенный для пріема освобожденнаго боярина. Приставшаго къ берегу Шереметева встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и мелкаго оружія, потомъ подвели ему коня и проводили съ немалымъ числомъ конныхъ къ государеву шатру. Когда боринъ подъѣхалъ къ шатру, забили барабаны и литавры, заиграли трубы, сдѣланы были ему двѣ почетныхъ встрѣчи и всѣ «здравствовали» его съ освобожденіемъ отъ неволи, продолжавшейся 21 годъ. Бояринъ кланялся всѣмъ до земли, потомъ сѣли

[1]) А. И. Д., св. 56, № 8 и 9.
[2]) А. И. Д., св. 56, апр. 15.

всѣ за накрытый столъ и тѣшились дружескою бесѣдою. «И мы, —говоритъ гадяцкій полковникъ,—не могли отговоритись, чтобъ не учинить тому освобожденію здравствованія». На другой день послѣдовало освобожденіе сына князя Ромодановскаго Андрея, а потомъ и множества другихъ русскихъ невольниковъ по росписи [1]).

Съ заключеніемъ мира совершенно исчезаетъ изъ исторіи Юраска Хмельницкій. Конецъ его не записанъ ни въ какихъ извѣстныхъ намъ современныхъ ему документахъ и въ бахчисарайскомъ договорѣ уже нѣтъ о немъ помина. Въ лѣтописи Величка [2]) разсказывается, что, проживши нѣсколько лѣтъ въ Немировѣ, этотъ поставленный отъ турокъ князь малороссійской Украйны отличался страшными тиранствами надъ подданными, перемучилъ многихъ совершенно невинныхъ и однажды приказалъ схватить и привести къ себѣ богатаго іудея Оруна. Іудей, остерегаясь бѣды, убѣжалъ; вмѣсто него взята была и приведена къ Хмельницкому его жена. Юраска, обвиняя и мужа и жену за то, что безъ его дозволенія отправили свадьбу своего сына, приказалъ живьемъ облупить еврейку. Орунъ, узнавши о такомъ варварскомъ поступкѣ надъ своею женою, пріѣхалъ въ Каменецъ, подалъ пашѣ жалобу на Хмельницкаго и выставилъ на видъ рядъ свирѣпостей, совершонныхъ имъ надъ многими другими. Каменецкій паша донесъ о томъ въ Константинополь. Отъ верховнаго двора получено было повелѣніе произвести о его поступкахъ розыскъ и судить его. Юраска, призванный въ Каменецъ, не могъ оправдать себя противъ уликъ, представленныхъ Оруномъ и другими лицами. Трое пашей вывезли Юраска изъ Каменца къ Дунаю, у конца моста дунайскаго произнесли ему смертный приговоръ, а янычары, по данному приказанію, накинули ему на шею снурокъ и удавили. Въ этомъ разсказѣ есть правдоподобное, потому что онъ сходится съ извѣстными намъ изъ современныхъ документовъ свѣдѣніями о томъ, что Юраска Хмельницкій, властвуя въ Немировѣ, былъ чрезмѣрно жаденъ и свирѣпъ. Но, вѣроятно, расправа надъ Хмельницкимъ произошла не на Дунаѣ, а въ Константинополѣ, потому что посыланный въ Турцію отъ польскаго короля Гольчевскій, въ октябрѣ 1681 года, встрѣтилъ Юраску на дорогѣ въ Константинополь; его вели 50 турокъ, а съ нимъ было нѣсколько козаковъ; онъ казался очень хворымъ, и говорили, что обѣщалъ онъ

[1]) Ibidem, № 16. Донесеніе гадяцкаго полковника.

[2]) Лѣт. Велич. II. 547.

принять исламъ [1]). Въ народѣ сложилась о Юраскѣ такая легенда. Когда турки проводили Юраска къ Чигирину, то, подступивши къ Суботову, визирь приказалъ ему выстрѣлить изъ пушки въ верхъ церкви, построенной Богданомъ Хмельницкимъ, и тѣмъ доказать, что онъ искренно побасурманился. Юраска сдѣлалъ угодное мусульманамъ и услышалъ надъ собою такой Божій приговоръ: проклять ты, и земля тебя не приметъ, и будешь ты скитаться по землѣ ни живымъ, ни мертвымъ многіе вѣка!—Съ тѣхъ поръ ходитъ онъ по Украйнѣ ни живъ, ни мертвъ и чумаки гдѣ-то видѣли его.

XIII.

Попытки со стороны Турціи къ заселенію правобережной Украйны.—Дука и Драгиничъ.—Письма и универсалы ихъ.—Жалобы Самойловича.—Объясненія съ московскимъ приказомъ черезъ Мазепу.—Назначеніе мѣстъ для поселенія прочанъ.—Польскія интриги.—Враги Самойловича.—Кончина царя Ѳедора.—Утвержденіе мирнаго договора съ Турціею въ Константинополѣ.—Критика этого договора, составленная Самойловичемъ.

Тогда какъ съ русской стороны свято исполнялся мирный договоръ, постановленный въ Бахчисараѣ, и Самойловичъ всѣми мѣрами старался не допускать заселенія правобережной Украйны, съ турецкой стороны не съ такою честностію относились къ этому вопросу. Турецкій султанъ отдалъ Украйну, какъ свое завоеванное достояніе, во владѣніе молдаванскому господарю Іоанну Дукѣ. Въ противность статьямъ мирнаго договора, Дука приказалъ заводить тамъ слободы, нарекъ новымъ козацкимъ гетманомъ Яна Драгинича, а послѣдній тотчасъ назначилъ полковниковъ козацкихъ въ Корсунъ и другіе города, которые предполагалось возобновить. Эти лица носили тогда названіе осадчихъ или осадниковъ, оттого что ихъ главное дѣло было осаживать новыхъ поселенцевъ на опустѣлыхъ мѣстахъ. По лѣвобережной Украйнѣ стали ходить въ народѣ универсалы молдавскаго господаря, завлекавшіе народъ на слободы обѣщаніями льготъ: разсчетъ былъ явный—приманивать малороссіянъ изъ-подъ царской державы. Самойловичъ въ мартѣ 1682 года черезъ посланца своего Мазепу извѣщалъ приказъ, что универсалы эти производятъ волненіе на лѣвой сторонѣ Днѣпра: не только оставшіеся безъ поселенія правобережные прочане, но и коренные лѣвобережные

[1]) Ambr. Grobowski, Starożytn. Polskie, II. 528.

малороссіяне и даже жители слободскихъ полковъ стали порываться на правую сторону Днѣпра, прельщаясь льготами, которыя въ воображеніи представлялись въ преувеличенномъ видѣ [1]).

Мазепу, привезшаго въ приказъ зазывные листы Дуки и Драгинича, спросили:

— Не приманиваютъ ли народа къ переселенію обѣщаніемъ вольнаго производства виннаго питія?

— Это приманка соблазнительная,—отвѣчалъ Мазепа,—потому что въ краѣ гетманскаго регимента винная продажа отдана на откупъ, устроены оранды и никому не вольно держать питія, а прежде того не бывало. Людямъ, которые отъ того питались, это не безъ досады.

— Нельзя ли отмѣнить орандъ?—спросили Мазепу.

— Невозможно,—отвѣчалъ Мазепа.—Нечѣмъ будетъ содержать охотное войско.

— Но война прекратилась и охотное войско можно распустить,—замѣтили въ приказѣ.

Мазепа сказалъ:—Если охочихъ козаковъ распустить, то они всѣ пойдутъ на ту сторону къ Драгиничу и отъ тѣхъ людей

---

[1]) Изъ письма Драгинича къ Леонтію Полуботку, полковнику переяславскому: „Имѣемъ врученіемъ отъ ясневельможнаго господина воеводы и господаря земель молдавскихъ и земель украинскихъ. А то изъ явственнаго изволенія самого цезаря Порты Оттоманской, роздалъ есьмъ полки на сей сторонѣ Днѣпра окромѣ кіевскаго украинскіе достойнымъ людемъ, которые полковники отъ насъ постановлены, дабы вольно призывали своихъ полковъ людей на тѣ же пепелища, отколь вышли и гдѣ родилися; равнымъ подобіемъ и Губаренко полковникъ корсунскій врученіемъ имѣетъ отъ господаря тамошнихъ мѣстъ полку корсунскаго, которые есть въ Украйнѣ въ дачѣ найяснѣйшей Порты, людей откуда ни буди призывати старожитныхъ корсунскихъ, уготовляя тѣмъ вольное возвращеніе на ихъ подлинныя жилища."

Универсалъ молдавскаго господаря Губаренку на зазывъ людей въ слободы:

„Вѣдомо чинимъ симъ нашимъ универсаломъ, кому токмо вѣдати о томъ надлежитъ. Жителямъ корсунскимъ и всѣмъ того полку какъ войсковому товариству, такъ и посполитымъ людямъ добраго отъ Бога воспріяти здравія желаю и спокойнаго житія. Скоро по отобраніи владѣтельства украинской земли тотчасъ тщательно почалъ есмъ прилагати радѣніе, дабы опустошенная Украина вновь цвѣла въ поселеніи людей, Корсунь мѣсто и весь полкъ к Корсуни належачій далъ есмъ в поселеніе уроженому и мужественному и въ дѣлехъ военныхъ искусному господину Ивану Губаревѣ осаду и полковничество корсунское, чтобъ людей со всѣхъ сторонъ какъ давнихъ жителей такъ и новоприходящихъ сбиралъ, которымъ-то людямъ даетъ свободу на 15 лѣтъ, что ни меньшей одъ насъ обиды не увидятъ, и паче позволяемъ винно сидѣти, медъ ставити, пива варити и всякія вольности себѣ употреблять, якія и преже сего бывали, и отъ татаръ ни малыя препоны имѣть не будутъ и купцемъ торги свои различные отправлять милость нашу объявляемъ, что для лучшей вѣры руку свою подписую и печать изъ канцеляріи нашей приказали приготовить. Изъ Немирова, ноября 20-го 1681 года. Дука воевода".

станутся ссоры и задоры. Люди они бездомовные и привыкли жить въ своевольствѣ: такимъ людямъ молдавскій воевода будетъ радъ.

— А нельзя ли обмыслить иныхъ доходовъ на содержаніе охотнаго войска? — спросили въ приказѣ.

— Иныхъ доходовъ взять негдѣ, — отвѣчалъ Мазепа. — Если арендные сборы отставить, то придется положить на посполитый народъ поборъ, а это будетъ малороссійскимъ людямъ еще противнѣе. Нынѣшній арендный откупной доходъ только тѣмъ людямъ противенъ, которые прежде держали шинки, да и тѣмъ, правду сказать, досадовать нечего. Кто захочетъ, тотъ и теперь можетъ тѣмъ промысломъ промышлять, пусть только явится къ откупщику; а поборъ, положенный на весь посполитый народъ, всѣмъ равно будетъ тягостенъ [1]).

Опасеніе, чтобъ народъ, перешедшій съ праваго берега на лѣвый и скитавшійся безъ пріюта, не уходилъ по призыву Дуки и Драгинича за Днѣпръ, побуждало скорѣе назначить мѣсто для поселенія правобережныхъ прочанъ. Въ мартѣ 1682 года пріѣхалъ въ Батуринъ Косаговъ и привезъ Самойловичу чертежъ новопоказываемаго края и планъ строенія вала, который долженъ будетъ охранять этотъ край отъ татарскихъ нападеній. Мысль о возведеніи такого вала была уже давно, но откладывалась по военнымъ обстоятельствамъ, отвлекавшимъ вниманіе въ иную сторону. Край, назначаемый для поселенія прочанъ, занималъ южную часть нынѣшней губерніи полтавской, частицу харьковской и сѣверныя полосы уѣздовъ екатеринославской губерніи: новомосковскаго, верходнѣпровскаго и павлоградскаго. Косаговъ привезъ гетману соображенія о возведеніи вала трудомъ малороссійскаго народа [2]), а Самойловичъ представлялъ

---

[1]) А. И. Д. св. 58, № 12.

[2]) „Чертежъ краю украинного од вершины рѣчокъ в Донецъ котючихъ, а з вершинъ рѣчокъ в Днѣпръ идучихъ до самаго берега Днѣпрового протягуючагося видѣлемъ и мѣстца в устю рѣчокъ Берестовенки и Берестовои и пониже устья рѣчки Орчика также и в низу рѣчки Коломака на осаду людей назначенные зрозумѣлемъ. На томъ чертежѣ показалъ мнѣ енералъ и воевода Григорій Ивановичъ Косаговъ, же взявши од Водолажскаго ровка черезъ Муравскіе шляхи до устья рѣчки Берестовенки, а оттоль по рѣчкѣ Берестовои до рѣчки Орели, а по рѣчцѣ Орели до городка Нехворощи потребно быти помененому валу, а валъ тотъ чтобы былъ учиненъ и иные крѣпости якихъ указуетъ потреба абы были здѣланы працею малороссійскихъ людей. А такъ что я устне о томъ дѣлѣ енералу и воеводѣ Косагову говорилемъ, тое и листовне вашему царскому величеству найпокорне ознаймую, же регименту моего люди именно полтавскаго и иншихъ полковъ украинскихъ жители такому крѣпостей оныхъ строенію не могутъ выдолати, а другихъ полковъ переис-

причины, по которымъ затруднительно было гонять на такія работы людей изъ полковъ гетманскаго регимента, и притомъ замѣчалъ, что если бы означенныя по чертежу крѣпости и засѣки и были устроены, то жители полковъ полтавскаго и другихъ не были бы совершенно защищены отъ татарскихъ набѣговъ. Въ заключеніе Самойловичъ обѣщалъ на слѣдующій годъ самъ лично или черезъ довѣренное лицо сдѣлать осмотръ края, назначеннаго для поселенія. Валъ, тогда предпринятый, былъ продолженіемъ уже прежде сдѣланнаго вала, шедшаго отъ Валуекъ къ Царевоборисову, а оттуда до Валокъ и до рѣки Коломака. Новая черта долженствовала быть ведена по одной линіи вдоль рѣки Коломака до устья ея въ Ворсклу, а по другой линіи отъ Водолажскаго ровка по Берестовой и по Орели до городка Нехворощи [1]).

Между тѣмъ Дука и его подначальные «осадчіе» продолжали сманивать малороссіянъ и тѣ съ лѣвой стороны тайкомъ пробирались на правую, не смотря на поставленныя сторожи. Самойловичъ въ іюлѣ 1682 года писалъ объ этомъ къ Дукѣ, но господарь отвѣчалъ, что онъ отнюдь не покушается сманивать подчиненныхъ гетману царскихъ подданныхъ, а только возвращаетъ на прежнія мѣста жительства правобережныхъ людей, которые стали законными подданными Турціи тѣмъ самымъ, что ихъ родина уступлена была по мирному договору Турціи [2]). Кромѣ зазывныхъ универсаловъ, приманивавшихъ къ переселенію обѣщаніями льготъ, употреблялись и другія мѣры: назначенный въ Чигиринъ полковникомъ Уманецъ тайно подсылалъ на лѣвый берегъ Днѣпра поджигателей съ тою цѣлью, чтобы заставить потерпѣвшихъ отъ пожаровъ жителей искать новоселья и бѣжать на правый берегъ [3]).

Самойловичу приходилось бороться съ тайными врагами внутри управляемаго имъ края. Въ Конотопѣ какой-то великороссіянинъ Аѳонька болталъ въ народѣ, что козаки соберутъ въ Путивлѣ раду и позовутъ гетмана на расправу, а если не поѣдетъ, то возьмутъ и силою. По гетманской жалобѣ велѣно было Аѳоньку, если окажется виновнымъ, казнить смертію. Въ кіев-

---

лавскаго, кіевскаго, черниговскаго, стародубскаго, нѣжинскаго, прилуцкаго и лубенскаго обыватели оттого на новый валъ назначеннаго мѣстца в далекои одлеглости знайдуются и гнати ихъ на работу згола трудно". (А. И. Д. подлинники, № 411. Письмо Самойловича въ приказъ).

[1]) А. И. Д., св. 59, № 9.

[2]) Ibidem, св. 59, № 27.

[3]) Соловьевъ, т. XIV, 36.

скомъ Кириловскомъ монастырѣ схвачены были чернецы, прибывшіе изъ польскихъ владѣній, агенты принявшаго унію епископа Шумлянскаго. У нихъ найдена инструкція и письма оскорбительнаго содержанія какъ для московскаго правительства, такъ и для гетмана. Чернецы эти приходили съ цѣлію распространять между малороссіянами неудовольствіе къ Москвѣ и склонять ихъ къ Польшѣ, увѣряя, что Рѣчь-Посполитая стала совсѣмъ иная, что теперь тамъ уже не будетъ гоненія на православіе, народъ не станетъ терпѣть отъ пановъ и всѣ будутъ жить въ вольности. Привезенныя ими писанія были отысканы одно въ узелкѣ, положенномъ въ ведро съ дегтемъ, а другія вдолблены въ край телѣги. Чернецы имѣли порученіе обѣщать именемъ короля денегъ и почести знатнымъ козацкимъ лицамъ, если покажутъ склонность къ королю. Самойловичъ препроводилъ этихъ монаховъ въ Москву на расправу, а изъ Москвы ихъ заслали въ Троицко-Сергіевъ монастырь [1]). Вслѣдъ за этими чернецами прибылъ изъ Польши такой же эмиссаръ Искрицкій [2]). Въ качествѣ союзника русскаго царя, крымскій ханъ былъ увѣдомленъ письмомъ отъ Самойловича о томъ, что поляки побуждаютъ Россію къ враждѣ противъ Турціи и Крыма, но русскій государь предпочитаетъ возобновленную «старинную предковскую и пріятельскую пріязнь» съ ханомъ всякимъ лживымъ и хвастливымъ подущеніямъ ляховъ, которые хвалятся, «что противъ ихъ лядское валечное шабли никто не постоитъ» [3]).

И свои малороссійскіе враги дѣлали смуты и козни противъ Самойловича: нѣкто попъ Денисъ подучалъ жителей Опошни и Котельвы бѣжать на правую сторону Днѣпра въ слободы; его за то сослали въ монастырь, объявивши, что избавляютъ отъ смертной казни только по случаю кончины царя Ѳеодора.

Торговые люди, ѣздившіе въ Малороссію по своимъ дѣламъ, произвели тревогу въ народѣ своими разсказами о стрѣлецкихъ возстаніяхъ, происшедшихъ въ Москвѣ послѣ кончины царя Ѳедора Алексѣевича. Слыша объ этомъ, малороссіяне начали толковать, что не дурно было бы и въ Малороссіи подняться народу, перебить и обобрать значныхъ старшинъ и орандарей, возбудившихъ противъ себя народную ненависть. Самойловичъ узналъ о такихъ толкахъ въ пору, написалъ къ народу успокоительный универсалъ и сообщилъ объ этомъ боярину Василію

---

[1]) Арх. И. Д., св. 59, № 40.
[2]) А. И. Д. подлинники, № 418.
[3]) Ibidem, № 427.

Васильевичу Голицыну [1]); по его донесенію данъ былъ изъ Москвы указъ боярину Хованскому, начальствовавшему бѣлогородскимъ краемъ — подтвердить торговымъ людямъ, чтобъ они подъ опасеніемъ смертной казни не смѣли разсѣевать въ народѣ пустыхъ рѣчей [2]).

Гетманъ получилъ изъ Москвы сообщеніе о томъ, что дьякъ Прокофій Возницынъ прислалъ утвержденіе турецкимъ султаномъ бахчисарайскаго договора, котораго и копія прислана была на просмотръ и замѣчаніе Самойловичу. Гетманъ отправилъ въ приказъ интересное донесеніе, заключавшее критику этого договора, составленную отъ лица гетмана и всѣхъ старшинъ. Онъ указалъ, что въ грамотѣ турецкаго султана сдѣланы измѣненія противъ бахчисарайскаго договора: не сказано о дозволеніи запорожцамъ ловить рыбу и звѣрей въ низовьяхъ Днѣпра; выражено, чтобы не строить вновь городовъ и не поправлять старыхъ на обоихъ берегахъ Днѣпра, тогда какъ въ бахчисарайскомъ договорѣ это касалось только праваго берега, гдѣ уже не было городовъ, а не лѣваго. Турецкій султанъ оставлялъ за собою право заводить селитьбы между Днѣпромъ и Богомъ, тогда какъ царскіе послы имѣли повелѣніе настаивать, чтобъ этотъ край оставался незаселеннымъ и татарамъ не вольно было тамъ кочевать. Но болѣе всего находилъ гетманъ вреднымъ, что въ султанской подтвердительной грамотѣ было сказано, чтобъ съ русской стороны не чинить никакого задержанія посполитымъ людямъ, которые съ лѣвой стороны Днѣпра пожелаютъ перейти на жительство на правую сторону въ турецкія владѣнія [3]). Самойловичъ опасался, что многіе изъ царскихъ

---

[1]) „Досадны намъ зѣло неразсудныхъ людей великороссійскихъ слова бездѣльныя, что межъ народомъ нашимъ неразмышленно вносятъ расколъ, толкуя вездѣ черни тотъ случай, который въ царствующемъ градѣ Москвѣ по допущенію Божію великимъ людямъ учинился, и поведеніе инако изворачивая подкидаютъ допущенія той же черни, чтобъ и здѣсь надъ нами, надъ старшиною, отъ чего Боже сохрани, учинили вредительство, а дѣется то отъ путивльцевъ и отъ иныхъ горожанъ людей торговыхъ".

[2]) А. И. Д. св. 59. Письмо Самойловича въ русскомъ переводѣ августа 8-го. Универсалъ въ Акт. Зап. Рос., V, 168.

[3]) „Найтяжчая намъ прикрость, же отчего въ Крыму будучіе послы ваши монаршие устереглися въ договорахъ своихъ, теперь салтанъ турскій въ свою утверженую грамоту уписалъ: же бы людямъ посполитымъ якие з сеи стороны Днѣпра на той бокъ в турскую сторону на житье идти похочуть, задержанія не чинено; якая статя хитростю бусурманскою доложена на шкоду и ошукане стороны вашое пресвѣтлыхъ царей христіанскихъ. Коды-жъ если мы отселя людей черезъ граяницю в сторону турскую не пущатимемъ, теды почитатимутъ они тое нарушенемъ мирныхъ договоровъ, а если бы смо людей туды пустили (чего учинити не годится), теды сей

подданныхъ соблазнятся приманками льготъ и плодородіемъ правобережнаго края и станутъ уходить туда, предпочитая власть турецкую власти московской.

XIV.

Попытки поляковъ склонить Москву къ союзу противъ Турціи.—Противодѣйствіе Самойловича.—Козацкіе гетманы на правой сторонѣ, поставленные поляками: Куницкій, Могиленко.—Палій.—Бесѣда Самойловича съ думнымъ дьякомъ Украинцевымъ о союзѣ съ Польшею.—Семейныя потери Самойловича.—Избраніе кіевскаго митрополита.—Его подчиненіе московскому патріарху.—Посольство Неплюева къ гетману о мирѣ съ Польшею.—Миръ Россіи съ Польшею и союзъ противъ невѣрныхъ.—Письма Самойловича къ польскому королю и къ бѣлоцерковскому коменданту.

Въ правобережномъ краѣ съ 1683 года стались важныя перемѣны. Возобновившаяся между Польшею и Турціею война пошла удачнѣе для поляковъ, чѣмъ въ прежніе годы. Они овладѣли нѣсколькими подольскими городками и въ томъ числѣ Немировымъ. Польскій король отъ своей руки поставилъ Стефана Куницкаго гетманомъ надъ козаками, признающими надъ собою власть Рѣчи-Посполитой. Между тѣмъ польскія посольства въ Москву продолжали склонять московское правительство къ союзу противъ Турціи, а Самойловичъ и малороссійскіе старшины старались всѣми силами отговорить московское правительство отъ такого союза, возбуждали недовѣріе къ полякамъ и опасеніе нарушить недавно постановленный миръ съ турками [1]). Тогда видя, что не легко вовлечь Москву въ войну, поляки для усиленія своихъ военныхъ силъ стали завлекать на свою сторону лѣвобережныхъ козаковъ и приглашать ихъ къ переходу на правую сторону подъ регименть Куницкаго, назначеннаго быть главнымъ осадчимъ съ польской стороны на всю Украйну. У послѣдняго были зазывщики, подъ разными видами тайно ѣздившіе на лѣвую сторону Днѣпра и тамъ подущавшіе людей къ переходу;

край оскудѣлъ бы значне в жителехъ и згола было бы тутъ малолюдство, альбовѣмъ многіе, не поглядаючи на православную христіанскую вѣру, якая в преславной вашей государской державѣ ку хвалѣ Божіей и ку спасенію людей благочестивыхъ маетъ свое расширене и не уважаючи суровое владзы турское, подъ которою подданные христіанскіе не могутъ жити безъ утисненя, для жизноѣ тое землѣ з сего боку на той бокъ Днѣпра пойти захочутъ. Прето годилось было вашему великихъ государей послови, дяку Возницыну, противъ сее турскіе хитрымъ вымысломъ о незадержаню людей приписаное статьѣ крѣпко постояти, щоб оная в утверженую султанскую граматы не была вписана. (Арх. Ин. Дѣлъ, подлин. л. 417. Донес. іюня 20-го 1682).

[1]) А. И. Д. Малорос. дѣла, св. 60.

много нашлось недовольныхъ правленіемъ Самойловича, особенно по поводу установленія орандъ—винной, дегтярной и тютюнной (особенно винной), и это располагало слушаться польскихъ подговоровъ; да не только въ земляхъ гетманскаго регимента, и въ слободскихъ полкахъ быстро возникло волненіе и люди оттуда стали уходить къ Куницкому, прельщаясь тѣмъ, что для переселенцевъ обѣщались льготы [1]). Гетманъ приказалъ разставить по днѣпровскому берегу караулы, главные центры которыхъ находились въ городкахъ Песчаномъ и Золотоношѣ. Приказывалось ловить бѣглецовъ; угрожали смертію тѣмъ, которые станутъ сопротивляться. Но бѣглецы ускользали отъ бѣды, пробирались дикими степями и въ опустѣлой правобережной Украйнѣ стали возникать тамъ и сямъ поселенія. Такъ появились дворы и хаты въ Мошнѣ, Рокитнѣ, Богуславѣ и въ другихъ мѣстахъ: въ отстроенномъ на-скоро Богуславѣ засѣла жена Куницкаго, женщина дѣятельная и смѣлая; она принимала бѣглыхъ мужиковъ и спроваживала ихъ въ Немировъ къ своему мужу. Даже и между начальными людьми гетманскаго регимента нашлись лица, сочувствовавшія и содѣйствовавшія народному волненію. Оказался такимъ переяславскій полковникъ Войца-Сербинъ, а къ нему пристали и другіе соумышленники; но гетманъ заранѣе узналъ о ихъ замыслахъ, арестовалъ ихъ въ Кіевѣ и отправилъ въ оковахъ въ Сѣвскъ [2]). Тогда Самойловичъ намѣревался отправить за Днѣпръ отрядъ и схватить Куницкую въ Богуславѣ; Куницкая успѣла впору узнать объ опасности и ушла въ Немировъ.

Соблазнившіеся польскими призывами малороссіяне скоро стали недовольны начальствомъ Куницкаго и, пришедши къ нему въ Немировъ, замышляли тотчасъ же бѣжать отъ него назадъ. Нѣсколькихъ такихъ, не допустивши до обратнаго побѣга, Куницкій приказалъ повѣсить, а тѣ, которые избѣжали такой участи, сами не знали что́ имъ дѣлать: боялись они идти къ Куницкому съ повинною головою, страшно было имъ ворочаться и на лѣвый берегъ, гдѣ они опасались кары отъ Самойловича; народъ это былъ своевольный, — стали они въ лѣсахъ составлять шайки и разбивать проѣзжихъ греческихъ торговцевъ, слѣдовавшихъ изъ турецкихъ владѣній въ Польшу и московское государство,—до-

[1]) Ibidem. св. 60, № 7.—Акты Зап. Рос. V, стр. 172. Упоминается „о здрайцѣ Крембашевскомъ и объ иныхъ на тогобочномъ Днѣпра побережью въ оманами своими прослывающихся и о здрадзецкомъ поступку запаматалаго Бѣлевича, которій и присятою дзукратною ихъ царскимъ пресвѣтлымъ величествамъ былъ обовязанный“ и проч.

[2]) Ibidem, св. 65, № 84.

ставалось тогда и новымъ бѣглецамъ, шедшимъ по слѣдамъ прежнихъ на службу къ Куницкому.

Въ декабрѣ 1683 года Куницкій, съ подчиненными ему козаками, пошелъ въ походъ противъ татаръ въ Буджакъ (Бессарабію), но въ день праздника Рождества Христова въ селеніи Трояновѣ былъ разбитъ на-голову ханскимъ сыномъ, едва самъ спасся отъ плѣна, но потомъ былъ убитъ козаками [1]). Вмѣсто него, козаки выбрали Андрея Могиленка, уроженца изъ лѣвобережной Украйны. Тогда Самойловичъ поручилъ назначенному имъ управлять переяславскимъ полкомъ Леонтію Полуботку перезвать назадъ бѣглецовъ, накопившихся около правобережнаго гетмана; Полуботокъ послалъ на правую сторону ловкаго козака Ѳедора Яковенка и брата его Дмитра: они должны были убѣдить козаковъ въ возвращенію домой, и если будетъ возможно склонить къ тому же и самого Могиленка, обѣщая всѣмъ царское прощеніе и милость. Посланные, прибывши въ Немировъ, прикинулись сначала соумышленниками Войцы-Сербина, сошлись съ козаками и приблизились къ самому Могиленку, съ которымъ были прежде знакомы; они пробыли въ Немировѣ пять недѣль, самого Могиленка не могли склонить, но успѣли подѣйствовать на его подчиненныхъ, которые были тогда недовольны малостью королевскаго жалованья. Яковенки подговорили полковниковъ Палія, Дробязгу и Крышталя, а съ ними было до четырехъ тысячъ, убѣжавшихъ съ лѣваго берега. Недовольные поднялись противъ Могиленка, кричали на него, ругались надъ нимъ, даже «таскали за шею» и, наконецъ, ушли отъ него. Съ Могиленкомъ осталось только 200 человѣкъ. Одна часть отступившихъ отъ Могиленка ушла съ Паліемъ въ Сѣчу, другая, гдѣ были и донскіе козаки, — къ Терехтемирову [2]). Полуботокъ, позволивъ имъ перейти на лѣвый берегъ, часть изъ нихъ распустилъ по домамъ, а другихъ въ числѣ 400 конныхъ и 200 пѣшихъ разставилъ на становищахъ, и гетманъ повелѣлъ вмѣстить ихъ въ охотный полкъ [3]).

Палій пріобрѣлъ тогда между козаками такую славу, что когда съ своею ватагою прибылъ въ Сѣчу, то запорожцы хотѣли-было его поставить кошевымъ, и не поставили только по причинѣ его молодыхъ лѣтъ; за то уважали его и слушали. Въ іюнѣ 1684 года, въ бытность Палія въ Сѣчѣ, король польскій

[1]) Ibidem, св. 61. Донес. Самойловича отъ 15 янв. 1684 г. — Акты Зап. Рос. V, 175.

[2]) Ibidem, св. 65, № 29.—Акты Зап. Рос., V, 176.

[3]) Ibidem, № 28.

прислалъ туда пана Порадовскаго и пана Монтковскаго склонять запорожцевъ къ содѣйствію полякамъ въ войнѣ противъ турокъ и татаръ. Эти послы привезли запорожцамъ отъ короля въ даръ 1000 червонныхъ [1]). То была уже не первая засылка отъ короля къ сѣчевикамъ: еще прежде король присылалъ въ Сѣчу бывшаго когда-то полковникомъ у Ханенка Игната Макуху съ войсковыми клейнотами отъ королевскаго имени, и многіе запорожцы поддались тогда польскимъ увѣщаніямъ, однако послѣ того испытали ихъ несостоятельность, когда пошли на королевскую службу. Теперь, въ другой разъ, не такъ легко соблазнялись запорожцы, особенно находясь подъ вліяніемъ Палія, который, какъ истый козакъ стараго пошиба, ненавидѣлъ всѣхъ ляховъ вообще. Когда Порадовскій сталъ читать на сѣчевой радѣ королевскую грамоту, въ которой обѣщались козакамъ всякія вольности и извѣщалась надежда, что слѣдующую зиму король будетъ проводить за Дунаемъ, а на весну пошлетъ войско съ пушками подъ Очаковъ, запорожцы подняли грамоту на смѣхъ и говорили: «вотъ какъ, ничего еще не поймали, а уже всѣмъ управляете! Не видя отъ насъ согласія, да ужъ и наказы намъ даете!» Они не отвѣчали на королевскую грамоту, а Палій, человѣкъ въ обращеніи грубый, пришелъ въ такой гнѣвъ, что даже, какъ говорятъ, ударилъ въ лицо Порадовскаго и кричалъ: «вотъ тебѣ за то, что пріѣхалъ къ намъ съ лядскимъ обманомъ, а не съ правдою» [2]). Не всѣ, однако, запорожцы единодушно отвергли польское приглашеніе: были и такіе, что показывали склонность служить ляхамъ противъ невѣрныхъ, да и самъ тогдашній кошевой Грицько Еремѣенко-Сагайдачный мирволилъ польской сторонѣ—и во время пріѣзда въ Сѣчу Порадовскаго, опасаясь Палія, удалился въ Каменный-Затонъ и тамъ сидя присылалъ для польскаго посольства въ Сѣчу рыбу и запасы, а потомъ, слѣдуя наущенію польскаго короля, отправилъ къ донскимъ козакамъ зазывъ—оказывать полякамъ содѣйствіе противъ турокъ [3]). Кошевой, однако, таился съ этимъ отъ гетмана, прислалъ къ нему королевскую грамоту, увѣрялъ, что запорожцы не поддадутся польскимъ наговорамъ и спрашивалъ, какъ поступать прикажетъ гетманъ [4]). Бѣлоцерковскій комендантъ отправилъ отъ себя къ полковникамъ войска запорожскаго окружное письмо, приглашалъ ихъ во имя старинной славы козацкой служить своему

[1]) А. И. Д. Подлинники, № 446.
[2]) А. И. Д. св. 65. №№ 28, 31.
[3]) А. И. Д. Подлинники. № 449.
[4]) Ibidem, подлинники, № 447.

наслѣдственному государю, королю польскому, и содѣйствовать ему въ текущей войнѣ противъ невѣрныхъ [1]). Поляки хвалились, что по ихъ призывамъ идутъ къ нимъ «купы» бѣглецовъ, оглашали повсюду, что вся Украйна, недовольная московскою властію, опять скоро станетъ польскимъ достояніемъ. Однако, пришедшіе по призыву Бѣлоцерковскаго коменданта козаки также скоро ушли отъ него, какъ и тѣ, которые пришли-было къ Могиленку и убѣжали отъ послѣдняго. Поляки преслѣдовали бѣжавшихъ отъ нихъ козаковъ [2]), а Самойловичъ, противодѣйствуя польскимъ оглашеніямъ, выдалъ универсалъ, въ которомъ убѣждалъ малороссіянъ не довѣрять исконнымъ своимъ врагамъ ляхамъ, а въ Москву писалъ, что у польскаго короля есть коварный замыселъ, помирившись съ турками и татарами, идти войною въ московское государство, чтобы отвоевать все уступленное по андрусовскому договору [3]).

Въ концѣ октября 1684 года пріѣхалъ въ Батуринъ думный дьякъ Украинцевъ толковать съ гетманомъ о союзѣ съ поляками и другими западными христіанскими государствами противъ мусульманъ. Несмотря на неоднократное представленіе Самойловича, московское правительство все-таки колебалось насчетъ польскихъ приглашеній и послало своего лучшаго тогдашняго дипломата къ гетману съ разными доводами въ пользу предлагаемаго поляками союза. Думный дьякъ представлялъ гетману, что теперь-то наступило благопріятное время соединиться всѣмъ христіанамъ противъ враговъ Креста Христова, что поляки заручились союзомъ съ западными христіанскими державами и есть большая надежда на побѣду надъ бусурманами. Гетманъ, какъ и прежде, твердилъ одно — что полякамъ, по ихъ обычному вѣроломству, не слѣдуетъ ни въ чемъ вѣрить. «Они, — говорилъ онъ, — присягнутъ и предадутъ, а папа и ксендзы ихъ разрѣшатъ отъ присяги: по ихъ вѣрѣ это можно! И теперь, что они толкуютъ о своемъ союзѣ, такъ все только хвастаютъ: на самомъ дѣлѣ у нихъ одинъ только союзникъ — цесарь, котораго они скоро предадутъ, заключивши съ бусурманами отдѣльный миръ. Курфюрстъ Бранденбургскій и другіе князья нѣмецкой имперіи могутъ ока-

---

[1]) Ibidem, подлинники, № 455.

[2]) „О утечцѣ козаковъ вельми межи себе заколотились ляхи и оразъ ординатъ ибы королевскій былъ таковый, абы гдекольвекъ у мѣстахъ або селахъ що охотника того засталось, конѣ одбираны были и оружіе и самихъ ихъ якобы волоцюгъ хочернилъ (?) и къ селитреннымъ могиламъ на голову погнано“ (А. И. Д. Подлинники, № 457).

[3]) А. И. Д. Малорос. дѣла, св. 66, №№ 28 и 36.—Акты Зап. Рос., V, 178—181.

зать развѣ незначительное содѣйствіе военными силами, которыхъ у нихъ не много; папа же, испанскій король и Веницейская рѣчь Посполитая хоть и дадутъ на войну денегъ, да не много. Польскій король и теперь уже слабъ, и если московское государство пристанетъ къ союзу съ нимъ, то польскій король можетъ покинуть дѣло, не доведя до конца, и помириться съ турками, и тогда придется нашимъ великимъ государямъ однимъ вести войну! А ужъ куда какъ сладка съ турками война: послѣ чигиринскихъ битвъ мало не цѣлый годъ во снѣ тревожили меня великіе страхи и слышалъ я въ ушахъ ужасающій громъ! Нѣтъ, намъ лучше, помирившись уже съ бусурманами, хранить съ ними добрый миръ: султанъ турецкій уже знаетъ, что поляки и цесарь приманиваютъ насъ къ союзу съ ними, а мы не поддаемся; за то султанъ цѣнитъ правду нашу и не пойдетъ на насъ войною! Съ польскимъ же королемъ турки никогда не сложатся противъ насъ; туркамъ вѣдь хорошо вѣдомо польское непостоянство и вѣроломство».

Когда дьякъ хотѣлъ тронуть чувство гетмана идеею священной войны за христіанскую вѣру, гетманъ сказалъ:

«Пресвятое и великое намѣреніе за церковь Божію воевать. Только исполнить это теперь трудно: правда, что церковь греческая у турокъ находится въ большомъ утѣсненіи, что же дѣлать: то сотворилось по волѣ Божіей! Но вѣдь и у короля польскаго православная вѣра въ гоненіи и разоренiи. Поговори съ епископомъ луцкимъ, что къ намъ пріѣхалъ. Пусть онъ разскажетъ тебѣ, что тамъ у поляковъ дѣется!»

Епископъ луцкій Гедеонъ, князь Четвертинскій, прибылъ еще въ 1683 году въ лѣвобережную Малороссію и поселился въ Крупецкомъ монастырѣ близъ Батурина. Украинцевъ поѣхалъ къ нему и услышалъ отъ него такую рѣчь:

— Я переѣхалъ въ державу великихъ государей, спасаясь отъ великаго гоненія. Неволили меня принять римскую вѣру. Отъѣзжая въ походъ на войну, король и королева призвали меня къ себѣ и сказали: «коли воротимся съ войны и застанемъ тебя, что ты не учинишься въ римской вѣрѣ или не примешь уніи, то зашлютъ тебя въ Мальборкъ на вѣчное заточеніе». Я убоялся и убѣжалъ: желаю пребывать въ царской державѣ и животъ свой скончать въ благочестіи. Нынѣ безъ меня, конечно, всѣхъ приневолятъ къ римской вѣрѣ и совершенно изсякнетъ благочестіе въ коронѣ и въ княжествѣ литовскомъ, потому что король на томъ сталъ, чтобъ вѣру благочестивую въ коронѣ и въ Литвѣ искоренить.

Послѣ этого свиданія съ епископомъ думный дьякъ опять велъ бесѣду съ гетманомъ о томъ же предметѣ. Самойловичъ говорилъ:

«Подъ игомъ турецкимъ есть много народовъ нашей православной вѣры: волохи, мультане, сербяне, болгаре, словене, греки, —у нихъ есть славные монастыри и многія церкви; теперь они отъ папина начальства укрываются и, будучи подъ турецкимъ салтаномъ, свою вѣру сохраняютъ, папистовъ берегутся, и однимъ только именемъ великихъ русскихъ государей утѣшаются, чаючи отъ нихъ когда-нибудь для себя отрады. Если-жъ бы королю польскому и цесарю въ войнѣ посчастливилось и войска ихъ вступили бы вдоль турецкой области и расширились, то оныхъ христіанъ стали бы въ житіи и въ вѣрѣ насильствовать и обращать въ унію тамошнія святыни: либо войною, либо договорами, а ужъ довели бы до того, чтобъ возвысить свой римскій костелъ, а наше православіе понизить. Сталась бы черезъ то православнымъ народамъ неутолимая жалость! Поэтому, ужъ если съ ними вступать въ союзъ, то развѣ съ тѣмъ только договоромъ, чтобы въ случаѣ счастія въ войнѣ, оные народы были оставлены въ своей православной вѣрѣ по восточному исповѣданію. Великимъ государямъ союзъ съ поляками только затѣмъ и можетъ быть нуженъ, чтобъ сохранить и множить святую вѣру и расширить предѣлы нашего государства по Днѣстръ и по Случь. Только вотъ въ томъ и дѣло, что хоть и заставить ихъ присягнуть прежде союза съ ними, то на ихъ присягу положиться нельзя, потому что, какъ я говорилъ уже, у нихъ папа и ксендзы всякую присягу разрѣшаютъ» [1]).

Въ началѣ 1685 года гетманъ отправилъ въ Москву посланцемъ Кочубея съ инструкціею, въ которой обширно описывались коварные поступки поляковъ и излагались желанія малороссіянъ: отыскивать у поляковъ русскихъ исконныхъ владѣній [2]), заступиться за православную вѣру, которая терпитъ въ польскихъ областяхъ гоненія и поруганія и оставить во владѣніи Войска

[1]) Ibidem, св. 66, № 36.

[2]) „Поневажъ вся тогобочная Днѣпра сторона—Подоле, Волынь, Подляше, Подгорье и вся Червонная Русь, которыхъ славныя и старинныя мѣста Галичъ, Львовъ, Перемиль, Ярославъ, Люблинъ, Луцкъ, Владиміръ, Острогъ, Заславле, Корецъ и иншіе знайдуются, всегда до монарховъ россійскихъ отъ початку бытія здѣшнихъ народовъ належали и тылько сто лѣтъ з невеликимъ злишкомъ тому времени якъ Польское Королевство ними овладѣло, теды при такихъ полское стороны незычливостяхъ, же они всегда на упадокъ Россійской монархіи чыгаютъ, безгрѣшно было бы преславнаго царства россійскаго сторонѣ свое искони вѣчное, хотя по троху одисковати при Божой помочи, углядаючи способнаго времени". (А. И. Д. Подлинники, 458).

Запорожскаго села по сю сторону рѣки Сожи, издавна принадлежавшія войску запорожскому и въ недавнее время «заѣханныя» сыномъ гетмана, стародубскимъ полковникомъ Семеномъ Самойловичемъ.

Эту полосу земли просили удержать собственно для того, чтобъ тамъ поселить остававшихся еще безъ пріюта правобережныхъ прочанъ [1]).

Чтобы болѣе расположить Москву къ своимъ взглядамъ, Самойловичъ послалъ въ приказъ письмо ясскаго архимандрита Исаіи, сообщавшаго о разговорѣ съ великимъ сераскиромъ Сулейманомъ-пашою, изъ котораго можно было заключить, что турки цѣнятъ миръ съ московскимъ государствомъ, и Россія можетъ надѣяться для себя выгодъ отъ дружбы съ Турціею болѣе чѣмъ отъ союза съ поляками [2]).

Такъ, малороссіяне, находясь подъ вліяніемъ давней вражды своей къ полякамъ, отбивались и руками и ногами отъ дружбы и союза съ ними и хотѣли вовлечь московское государство снова въ войну съ Польшею. И духовныя лица и свѣтскія, и старшины, и простые козаки, и поспольство—всѣ сходились на этой старой непріязни; для всѣхъ было прискорбно, что дѣло свободы малороссійскаго народа остановилось на полдорогѣ, всѣ видѣли, что виною этому поляки и у всѣхъ было завѣтное желаніе выручить весь православный русскій народъ отъ власти католическихъ пановъ.

1685 годъ былъ тяжелъ для гетмана Самойловича. Онъ перенесъ разомъ двѣ семейныхъ потери. Его дочь Прасковья недавно была выдана за боярина Ѳедора Петровича Шереметева и гетманъ упросилъ боярина Василія Васильевича Голицына назначить его зятя въ Кіевъ воеводою, хотя малороссіяне были недовольны тѣмъ, что гетманъ разсаживаетъ на начальническія мѣста своихъ родныхъ и свойственниковъ. Молодая боярыня Прасковья Ивановна разрѣшилась отъ бремени, и хотя уже оправлялась отъ родильной болѣзни, но получивши извѣстіе о томъ, что мужъ ея внезапно заболѣлъ, такъ была потрясена, что лишилась чувствъ и послѣ двухдневныхъ страданій, умерла 20-го марта. Она была погребена въ Михайловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, въ присутствіи Мазепы, прибывшаго отъ гетмана узнать

---

[1]) „Многіе тогобочные якъ войсковые такъ и посполитые люди старинные малороссійскіе обыватели, прихилившися сюда до насъ, не могутъ мѣти довольнаго прожитія за тѣснотою земли". (А. И. Д. Подлинники, № 458).

[2]) А. И. Д. Подлинники, № 463.

о здоровьѣ боярыни [1]). Ея смерть подала поводъ къ подозрѣніямъ, что молодая боярыня была испорчена. Она оставила новорожденнаго сына, и гетманъ потребовалъ возвращенія даннаго дочери приданаго, для чего въ іюлѣ 1685 года посланы были въ Кіевъ Неплюевъ и генеральный асаулъ Мазепа: они отобрали не только все, данное покойной въ приданое, но и подарки, врученные ей и мужу во время свадьбы старшинами, полковниками и ихъ женами, присутствовавшими на свадебномъ пиру, на томъ основаніи, что каждый, дарившій новобрачныхъ, имѣлъ въ виду угодить тѣмъ гетману [2]). Оригинальная черта тогдашнихъ нравовъ! Затѣмъ постигло Самойловича другое горе: 19-го мая, въ Троицынъ понедѣльникъ скончался старшій сынъ его Семенъ, стародубскій полковникъ [3]). Когда горестная вѣсть объ этомъ пришла къ Самойловичу, у него былъ тогда окольничій Леонтій Романовичъ Неплюевъ, утѣшалъ отца и вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ въ Макошинскій монастырь учинить покойному послѣднее цѣлованіе [4]). Этотъ Неплюевъ привезъ тогда гетману грамоту на пожалованные ему деревни въ Кромскомъ уѣздѣ [5]). Всемогущій тогда любимецъ царевны Софіи, Василій Васильевичъ Голицынъ, получивши извѣстіе о смерти гетманскаго сына,

---

[1]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 65, № 26. Gord. II, 70.

[2]) „Все теди тое щоколвѣкъ паны полковники даровали такъ боярину, якъ и самой небощцѣ боярынѣ, мается безъ жодныхъ споровъ в домъ ясневельможнаго пана гетмана ворочати отъ боярина его милости для того, же каждой собѣ на ласку гетманскую зароблялъ, а не о якую иншую побочную стараючись ласку". (А. И. Д. Мал. Дѣла, св. 67).

[3]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 67, № 10. Акты З. Р., т. V, стр. 185.

[4]) „По первой моей тяжкой печали якая з преставленія дщери моей боярыни Прасковіи еще не утишилася, постигла мене з судебъ Божихъ другая тяжкая печаль, же любимый сынъ мой первородный Семенъ Ивановичъ, полковникъ стародубскій, надежда старости моей, скончалъ животъ свой. О якой скорби, власне того дня якъ окольничаго маемъ пріймовати, упередила до мене смутная и жалостивая вѣдомость и еще з нимъ окольничимъ не видѣвшися, рыдаемъ горько и обливаемъ себе слезами моими цѣле того дня, а окольничій, увидѣвшися зо мною, объявилъ мнѣ преликую мнѣ ихъ царскаго величества милость. Тогда тая монаршая благость двигнула мене з плачу глубокого и воздыханія моего и надеждою обрадованія ослабила ма. А притомъ и онъ окольничій, будучи здраваго разума и разсуженія, увѣщательными словесы своими в той тожъ горькой печали помогъ мнѣ много. Онъ же потрудился зо мною не мало 6 миль отъ Батурина за рѣку Десну до монастыря Макошинскаго, где тому покойному сынови чинилъ послѣднее цѣлованіе, котораго тѣло по его за живота желанію на погребеніе рѣкою Десною проводилисмо до Кіево-Печерскаго монастыря. (А. И. Д. подл., № 464. Письмо Самойловича къ Голицыну).

[5]) А. И. Д. Подлинники, № 465.

писалъ гетману утѣшительное сочувственное письмо, называя Самойловича пріятелемъ и любезнѣйшимъ братомъ [1]).

Уже нѣсколько мѣсяцевъ шла переписка московскаго правительства съ гетманомъ объ избраніи въ Кіевѣ митрополита съ такимъ условіемъ, чтобъ митрополія кіевская зависѣла не отъ константинопольскаго, а отъ московскаго патріарха. Еще осенью 1684 года гетманъ получилъ внушеніе устроить это дѣло. Кандидатомъ на митрополію былъ тогда архимандритъ кіево-печерскій Гизель, и въ февралѣ 1685 года по просьбѣ, посланной къ константинопольскому патріарху, патріархъ Парѳеній прислалъ грамоту, которою предоставлялъ «архіепископу московскому, созвавши трехъ архіереевъ, посвятить соборно въ митрополиты Иннокентія Гизеля [2])». Но Гизель умеръ и Самойловичъ сталъ рекомендовать въ санъ митрополита луцкаго епископа Гедеона Четвертинскаго. Заручившись грамотой константинопольскаго патріарха, гетманъ, по волѣ московскаго правительства, намѣревался воспользоваться ею для избранія, вмѣсто Иннокентія Гизеля, другого лица въ санъ кіевскаго митрополита, и поручилъ Лазарю Барановичу, какъ блюстителю митрополичьяго престола, разослать универсалы къ особамъ духовнаго чина, призывающіе ко дню святыхъ апостоловъ Петра и Павла съѣхаться въ Кіевъ на вольную элекцію, которая должна будетъ совершаться въ храмѣ св. Софіи, а отъ свѣтскаго чина гетманъ назначалъ туда генеральнаго асаула Мазепу и четырехъ полковниковъ: черниговскаго Борковскаго, нѣжинскаго Жураховскаго, переяславскаго Полуботка и кіевскаго Карповича. Разговаривая объ этомъ съ Неплюевымъ, гетманъ однако просилъ московское правительство списаться съ константинопольскимъ патріархомъ и получить отъ него грамоту на уступку своей духовной власти, чтобъ иначе не пало патріаршее неблагословеніе какъ на него, такъ и на всѣхъ участниковъ избранія. Лазарь Барановичъ разослалъ свое пастырское посланіе ко всему духовенству какъ кіевской митрополіи, такъ и черниговской архіепископіи [3]). Разомъ отправилъ и гетманъ свой универсалъ ко всему малороссійскому народу [4]). Состоялась элекція въ назначенный срокъ, но не полная: Лазарь Барановичъ не поѣхалъ самъ лично на соборъ, куда приглашалъ другихъ, не было тамъ и духовныхъ особъ его епархіи. Большинство участниковъ собора состояло изъ мірянъ, и митрополи-

[1]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 67, № 11.
[2]) А. И. Д. Подлинники, № 460.
[3]) Ibidem, № 465.
[4]) Ibidem, № 470.

томъ былъ избранъ Гедеонъ къ тайной досадѣ Лазаря Барановича, видѣвшаго къ себѣ невниманіе [1]), въ томъ, что не на него возложили санъ первосвятителя, тогда какъ онъ уже много лѣтъ былъ блюстителемъ митрополіи. Но духовенство малороссійское, избравшее Гедеона, сильно протестовало тогда противъ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріаршеству, опасаясь превращенія прежней свободы въ духовныхъ дѣлахъ и введенія чуждыхъ Малороссіи церковныхъ обычаевъ московскихъ [2]). 8-го октября новоизбранный митрополитъ отправился въ Москву для посвященія, въ сопровожденіи многихъ духовныхъ особъ: архимандритовъ [3]), игуменовъ и протопоповъ епархій кіевской и черниговской [4]), а гетманъ въ томъ же мѣсяцѣ отправилъ въ Москву Кочубея просить, чтобы новоизбранный кіевскій митрополитъ считался первымъ въ ряду русскихъ іерарховъ и сохранилъ право носить крестъ на верху митры, причемъ замѣчалось, что если бы, въ виду уравненія русскихъ іерарховъ, былъ снятъ крестъ съ митры кіевскаго митрополита, то это возбудило бы отъ католиковъ посмѣяніе надъ униженіемъ достоинства кіевскаго митрополита. Гедеонъ былъ посвященъ въ Москвѣ, отправлялъ литургію въ разныхъ церквахъ въ Кремлѣ, въ селѣ Измайловѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, получилъ отъ царей золотую панагію, серебряный рукомойникъ съ лоханью, значительное количество соболей, матерій, винъ, разныхъ съѣстныхъ запасовъ и 500 рублей деньгами, а всѣмъ при немъ бывшимъ духовнымъ были розданы соотвѣтствующіе дары [5]). Посланный въ Константинополь подьячій Алексѣевъ, вмѣстѣ съ гетманскимъ посланцемъ Лисицею, для испрошенія отпуска кіевской митрополіи отъ константинопольскаго патріаршества въ подчиненіе патріаршеству московскому, повезъ константинопольскому патріарху въ даръ червонцы и соболей, однако встрѣтилъ большое сопротивленіе, особенно отъ ученаго іерусалимскаго патріарха Досиѳея, доказывавшаго, что въ настоящемъ случаѣ дѣло кіевское зависитъ не отъ одного константинопольскаго патріарха,

[1]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 67, № 14.

[2]) Арх. Югоз. Росс., ч. I, т. V, стр. 55—59.

[3]) Въ числѣ архимандритовъ былъ только-что посвященный выдубицкій Ѳеодосій Углицкій, впослѣдствіи черниговскій владыка, почитаемый святымъ, хотя Лазарь Барановичъ въ письмахъ своихъ (193, 196) обвиняетъ его въ неслишкомъ святыхъ поступкахъ.

[4]) А. И. Д., подлинники, №№ 477, 478.—Митр. Евгенія, Опис. Кіев. Соф. Соб. Прилож. № 18.

[5]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 68, № 19. См. грамоту объ избраніи Гедеона, напечатанную въ Собраніи Государств. Грамотъ, т. IV, № 175.

но отъ согласія всѣхъ вселенскихъ и ни за что не соглашался на требуемое измѣненіе іерархическаго порядка, освященнаго вѣками. Тогда, по совѣту одного грека Тафляри, московскій посланникъ обратился къ великому визирю, и тотъ, дорожа сохраненіемъ мира съ Россіею и желая угодить русскому престолу, приказалъ патріархамъ и константинопольскому и прочимъ вселенскимъ исполнить волю московскаго правительства [1]). Такъ совершилось это важное дѣло, сообразное болѣе съ государственными цѣлями московской политики, чѣмъ съ національными сочувствіями малороссіянъ.

Къ слѣдующему, новому 1686 году возбудился опять вопросъ, заключать ли миръ съ Польшею и союзъ съ нею противъ невѣрныхъ. Какъ ни старались малороссіяне не допустить Москву до примиренія съ поляками, но виды московской политики не сходились съ завѣтными желаніями малороссіянъ, тѣмъ болѣе, что если бы возобновилась война съ Польшею и велась даже съ полнымъ успѣхомъ для русскихъ, то и тогда выиграли бы отъ ней болѣе малороссіяне, чѣмъ московское государство: освобожденная совершено отъ польскаго владычества, южная Русь, хотя и признала бы надъ собою власть единовѣрнаго московскаго государя, но всѣми силами старалась бы удержать свою національную самобытность, а по присоединеніи къ ней прочихъ русскихъ земель, оставшихся у Польши, на столько была бы велика, что Москва нашла бы неудобнымъ противиться ея стремленіямъ. Но Москва всегда хотѣла быть централизованною державою, а не федеративною, не такою державою, въ которой бы связывалось только единствомъ верховной власти нѣсколько національностей; такова была, такъ сказать, исконная традиція московскаго государства, и съ самаго присоединенія Малороссіи московскіе государственные люди домогались тѣснѣйшаго слитія присоединеннаго края, покровительствуя тѣмъ малороссіянамъ, которые, изъ угодливости властямъ, отзывались съ такими видами. Москва со времени андрусовскаго перемирія колебалась, когда являлся вопросъ объ окончательномъ мирѣ съ Польшею. Противодѣйствія со стороны малороссіянъ долго мѣшали успѣху въ Москвѣ польскихъ предложеній, которыя стали чаще послѣ неудачъ, испытанныхъ Польшею въ борьбѣ съ Турціею. Теперь могучій любимецъ царевны Софіи Голицынъ совершенно склонился къ мысли о вѣчномъ мирѣ съ Польшею и о героическомъ

[1]) Арх. Югов. Росс. ч. I, т. V, стр. 129—144.—Ibidem. №№ XXXIX—XL, стр. 166—171.—№№ XLIII, стр. 182—184, XLVI, стр. 189—191.

союзѣ христіанства противъ мусульманства. Въ январѣ 1686 года прибылъ въ Батуринъ знакомый уже гетману Леонтій Неплюевъ извѣстить, что польскій король опять прислалъ въ Москву новыхъ пословъ Гримултовскаго, воеводу познанскаго, и князя Марціана Огинскаго, канцлера литовскаго, съ предложеніемъ заключить вѣчный миръ и союзъ противъ невѣрныхъ, съ уступкою отъ Польши царской сторонѣ завоеванныхъ и оставшихся по андрусовскому договору за Россіею городовъ. Гетманъ повторялъ и теперь то же, что говорилъ прежде: доказывалъ, что полякамъ по ихъ коварству не слѣдуетъ ни въ чемъ вѣрить, что союзъ христіанскихъ государей противъ невѣрныхъ, которымъ поляки подманиваютъ Москву, не будетъ проченъ до тѣхъ поръ, пока французскій король не пристанетъ къ этому союзу, что, отказавши полякамъ, опасаться союза Польши съ Турціею и съ Крымомъ противъ Москвы вовсе не слѣдуетъ, и что наконецъ благоразумнѣе всего будетъ, не вступая въ союзъ и не раздражая мусульманъ, выждать нѣсколько лѣтъ и присмотрѣться, чѣмъ кончится война западныхъ государей съ турками. «Наши монархи, — говорилъ гетманъ, — еще малолѣтни; лучше бы имъ свои юныя лѣта проводить тихо и безмолвно безъ войны, и такимъ образомъ достигнуть совершеннаго возраста, а тѣмъ временемъ пополнилась бы царская казна, умаленная прежними войнами“ [1]). Въ январѣ того же года гетманъ отправилъ въ Москву своего сына Григорія и Мазепу съ предостереженіями въ прежнемъ духѣ и съ нѣкоторыми замѣчаніями на случай, если правительство московское вѣритъ полякамъ и непремѣнно желаетъ съ ними постановить миръ и союзъ противъ невѣрныхъ: чтобъ Запорожье отдано было подъ единую власть русскаго государя, а не состояло, какъ прежде, подъ двумя державами разомъ; чтобъ съ польской стороны дано было обязательство оставить въ свободѣ и полноправности греческое вѣроисповѣданіе и всѣхъ его послѣдователей въ польскихъ владѣніяхъ [2]). Только эти замѣчанія и были приняты во вниманіе.

Усилія Самойловича остались напрасными. Въ Москвѣ былъ заключенъ съ польскими послами вѣчный миръ съ Польшею на основаніи андрусовскаго перемирія и вмѣстѣ взаимный союзъ противъ турокъ и татаръ. По отношенію къ Малороссіи, новый договоръ передавалъ во власть Россіи на вѣчныя времена лѣвобережную Украйну съ городами Нѣжиномъ, Переяславомъ,

[1]) А. И. Д. Подлинникъ, № 482.

[2]) Чтенія Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. 1858, I, 289.

Батуриномъ, Полтавою и со всѣми другими тамъ находящимися, со всѣми землями и урочищами, подъ какими бы то ни было прозвищами, а король, отъ имени своего и всей Рѣчи Посполитой, на вѣчныя времена отказывался отъ правъ на владѣніе всѣмъ этимъ краемъ. На правой сторонѣ Днѣпра въ царскую державу отходилъ городъ Кіевъ съ полосою земли въ такихъ предѣлахъ: «берегъ Днѣпра вверхъ Кіева почавъ отъ устья Ирпени внизъ отъ Кіева Днѣпромъ съ городами Трипольемъ и Стайками, а за Стайками внизъ Днѣпромъ съ милю, а оттуда отъ Днѣпра почавъ прямымъ путемъ черезъ поля по пяти миль въ ширину, а отъ того мѣста прямо полемъ до рѣки Стугны, а около Кіева всѣ земли межъ рѣками Ирпенемъ и Стугною и по теченію Стугны по Васильковъ, и тому мѣстечку Василькову быть въ державѣ царской, а отъ Василькова вверхъ отъ Стугны въ поля на полъ-милю выше и оттуда полемъ прямо къ берегу Ирпени». Все пространство въ этой чертѣ между Стугною и Ирпенемъ должно быть отведено въ державу царскую и отмежевано черезъ назначенныхъ съ обѣихъ сторонъ коммиссаровъ. Запорожцы, живущіе въ Сѣчѣ, Кодакѣ, по днѣпровскимъ островамъ и въ поселеніяхъ, находящихся вверхъ отъ Сѣчи, по Днѣпру до устья Тясьмина, отдавались исключительно въ царскую державу на вѣчныя времена, а рубежъ отъ устья Тясьмина долженъ быть проведенъ вверхъ поля прямою чертою, не занимая Чигирина къ лѣсу, называемому Чернымъ. Россія обязалась заплатить Польшѣ 146,000 рублей. Съ обѣихъ сторонъ положили не принимать своевольниковъ, и король обязывался не оказывать содѣйствія тѣмъ малороссіянамъ, которые бы возъимѣли намѣреніе оторваться отъ царской державы и отдаться Польшѣ. Съ своей стороны король обѣщалъ содержать своихъ подданныхъ православнаго исповѣданія въ совершенной свободѣ. Оба государства заключали взаимный союзъ противъ турокъ и татаръ. Россія обязалась послать войско на Крымъ, и въ случаѣ, если бусурманы двинутся ко Львову въ королевскую державу, посылать Польшѣ военныя силы на помощь, а король обязывался отвращать своимъ войскомъ турецкаго султана отъ царскихъ земель, если онъ двинетъ свои войска на Кіевъ. Король обѣщалъ стараться склонить къ союзу противъ невѣрныхъ французскаго короля Людовика XIV. Одной сторонѣ безъ другой не слѣдовало заключать отдѣльнаго мира, тѣмъ болѣе, что союзъ противъ Турціи и Крыма предпринимался съ конечною цѣлью освободить христіанскіе народы, «стенящіе въ тяжкой неволѣ подъ бусурманскимъ игомъ».

Но самый щекотливый для Малороссіи вопросъ оставилъ нерѣшеннымъ этотъ миръ, несмотря на то, что носилъ наименованіе „вѣчнаго". Во время переговоровъ, когда зашла рѣчь о разоренныхъ городахъ и селахъ въ полосѣ внизъ по Днѣпру отъ мѣстечка Стаекъ по рѣку Тясьминъ [1]), о той правобережной Украйнѣ, которая составляла центръ владѣнія Дорошенка, —бояре настаивали, чтобъ край этотъ отдать въ царское владѣніе, но королевскіе послы уперлись и уже хотѣли было уѣзжать изъ Москвы, однако одумались и снова, вступивши въ переговоры съ боярами, предложили заключить вѣчный миръ, предоставивши разрѣшеніе вопроса королю, а до тѣхъ поръ положили спорнымъ землямъ оставаться впустѣ, городковъ и мѣстечекъ не строить и старыхъ не починять; если же бы и впослѣдствіи по этой статьѣ не послѣдовало соглашенія, то отложить ея рѣшеніе на дальнѣйшее время съ тѣмъ, чтобъ она до своего разрѣшенія ни въ какомъ случаѣ не была поводомъ къ нарушенію вѣчнаго мира между Россіею и Польшею [2]).

Понятно, что малороссіяне не могли быть довольны такимъ исходомъ многолѣтней кровавой борьбы, возникшей за свободу ихъ родины. Вѣсть объ окончательномъ соглашеніи съ польскими послами и о составленіи мирнаго договора привезъ къ Самойловичу все тотъ же Леонтій Романовичъ Неплюевъ. Съ грустію выслушалъ гетманъ царскую грамоту и не утерпѣлъ, чтобъ не высказать того, что у него было на душѣ. «Вотъ увидите, — сказалъ онъ:—не всякъ изъ вашихъ московскихъ чиновъ будетъ васъ благодарить за то, что поддались польскимъ хитростямъ и по наущенію ляховъ хотите миръ разорвать съ Турціею и Крымомъ и начать съ бусурманами войну!» — Смѣлѣе выражался гетманъ по отъѣздѣ Неплюева въ кругу своихъ старшинъ: «Купила Москва собѣ лиха за свои гроши, данные ляхамъ. Ось увидите, что они въ томъ миру, съ ляхами учиненномъ, себѣ зищуть и что противъ хана учинятъ. Жалѣли малой дачи татарамъ давать, будутъ большую казну имъ давать, сколько татары похотятъ!»

Такъ говорилъ гетманъ, не сообразивши, что слушавшіе рѣчи его записывали ихъ втайнѣ, чтобъ потомъ употребить ихъ ко вреду ему [3]). Онъ не далъ повелѣнія молебствовать въ церквахъ,

---

[1]) Ржищевѣ, Трехтемировѣ, Каневѣ, Мошнахъ, Сокольнѣ, Черкасахъ, Боровицѣ, Бужинѣ, Воронковѣ, Крыловѣ, Чигиринѣ.

[2]) А. И. Д. Польскія Дѣла, св. 229. 230.

[3]) Чтен. Им. Об. Ист. и Древ. 1858, т. I, стр. 298.

по случаю мира. Между тѣмъ въ письмахъ своихъ, посылаемыхъ въ приказъ, гетманъ долженъ былъ, скрѣпя сердце, изъявлять удовольствіе о прекращеніи долголѣтней брани и о союзѣ, заключенномъ между христіанскими государями противъ «злovреднаго чудовища» [1]), въ надеждѣ исторгнуть изъ неволи христіанъ. Какъ больно отозвалось въ сердцахъ малороссіянъ оставленіе нерѣшеннымъ вопроса объ ихъ древней родинѣ, показываетъ письмо Самойловича къ польскому королю отъ 31 мая; въ этомъ письмѣ гетманъ отъ имени войска запорожскаго изъявляетъ готовность въ предпринимаемой войнѣ дѣйствовать тамъ, куда обратитъ его воля правительства, но при томъ сообщаетъ, что войско запорожское очень скорбитъ о потерѣ древняго своего достоянія правобережной Украйны и проситъ возвратить малороссіянамъ этотъ опустѣлый край [2]). Отправляя къ королю Гречанаго съ этимъ письмомъ, гетманъ при старшинахъ говорилъ: «Не такъ оно станется, какъ Москва въ мирныхъ договорахъ своихъ съ ляхами постановила. Учинимъ мы такъ, какъ надобно намъ!» [3]) Въ томъ же духѣ, въ какомъ писалъ-было къ королю, въ августѣ писалъ Самойловичъ коменданту бѣлоцерковскому, выставляя на видъ, что край правобережный достался Россіи не отъ поляковъ, а отъ турокъ, въ послѣднее время былъ окончательно отвоеванъ отъ Юраски Хмельницкаго Семеномъ Самойловичемъ, покойнымъ гетманскимъ сыномъ, и присоединенъ къ остальному малороссійскому краю. «Вы, — писалъ онъ къ коменданту: — призываете войско запорожское къ войнѣ съ невѣрными, но какая бы охота была намъ биться

---

[1]) „На того черезъ вѣки не мало шкодячого смока, (А. И. Д. Подлинникъ, № 487).

[2]) „Власная наша войска запорожскаго земля на томъ боку рѣки Днѣпра по рѣчкамъ Собу и Каменкахъ и по рѣцѣ Бугу будучая, не остаючи цале при насъ захована, въ якомсь нашои вонтливости и отлученіи завѣшена. А не только то многимъ окрестнимъ народамъ, але и самому вашему королевскому величеству и всей Рѣчи Посполитой есть вѣдомо, аж войско запорожское в давныхъ вѣковъ аж до сего времени всегда ее заживала. За ихъ царскихъ величествъ позволеномъ покорне до вашего королевскаго величества просимъ унижене милостивого респекта, абы тая земля пустая, яко наша власная, при насъ была вѣчнымъ постановленемъ утверженa. Нехай бы при такой васъ пресвѣтлѣйшихъ и найяснѣйшихъ монарховъ о вѣчномъ мирѣ радости и нашъ народъ премилосердимъ ихъ царскихъ величествъ призрѣніемъ и милостію вашего королевскаго величества тоеи земли будетъ утѣшенъ и жебы теперь коли непріятелей за границею шукати належитъ, войско запорожское домашнихъ своихъ по отцахъ, дѣдахъ и прадѣдахъ власностей не отпавши веселыми серцами и охотными одвагами в промыслахъ военныхъ предлежащихъ ставати могло“ (А. И. Д. Подлинникъ, № 487).

[3]) Чт. Мос. Ист. и Древ. 1858 г., т. I, стр. 302.

съ бусурманами, когда мы видимъ надъ собою такое безправіе, когда у насъ отобрали нашу исконную собственность, правую сторону Днѣпра?» Гетманъ предостерегалъ коменданта, чтобъ онъ не посылалъ отъ себя никого въ спорную правобережную Украйну, потому что гетманъ приказалъ уже людямъ своего регимента наблюдать, чтобъ никто посторонній не покушался обращать этого края въ свое владѣніе.

Эти домогательства не только оставлены безъ вниманія, но польскій король сообщилъ московскому правительству о выходкѣ Самойловича; изъ Москвы, чрезъ окольничаго Неплюева, посланъ былъ Самойловичу выговоръ за его «противенство». Испуганный этимъ, гетманъ тотчасъ послалъ просить прощенія, и въ октябрѣ 1686 года получилъ его черезъ письмо Голицына, который увѣрялъ гетмана, что милость государей къ нему уменьшена не будетъ [1]).

Такъ поляки, по миру съ московскимъ государствомъ, получили въ неполное владѣніе правобережную Украйну, разоренную и опустошенную, получили ее со страннымъ условіемъ, обязательнымъ для обѣихъ сторонъ: не заводить тамъ поселенія. Желаніе малороссійскаго народа снова заселить ее проявилось тотчасъ же, какъ мы это видѣли, но первыя попытки были безуспѣшны, и страна много лѣтъ оставалась впустѣ, и еще долѣе виднѣлись въ ней слѣды эпохи руины, пережитой этимъ краемъ. Намъ остались отъ близкихъ современниковъ любопытныя черты о положеніи края, спустя четверть столѣтія послѣ изображенной нами эпохи руины. Малороссійскій лѣтописецъ Величко въ началѣ XVIII вѣка проходилъ черезъ этотъ край, находясь въ козацкомъ отрядѣ, отправленномъ на содѣйствіе полякамъ во время шведской войны. Вотъ какъ онъ передаетъ впечатлѣніе, оставленное на него картиною, какую представляла тогда правобережная Украйна.

«Видѣлъ я, — пишетъ онъ: — многіе городы и замки безлюдные, опустѣлые, валы высокіе какъ горы, насыпанные трудами рукъ человѣческихъ; видѣлъ развалины стѣнъ приплюснутыя къ землѣ, покрытыя плѣсенью, обросшія бурьяномъ, гдѣ гнѣздились гады и черви, видѣлъ покинутыя впустѣ привольныя украйне-малороссійскія поля, раскидистыя долины, прекрасныя рощи и дубравы, обширные сады, рѣки, пруды, озера, заросшія мхомъ, тростникомъ и сорною травою, видѣлъ на раз-

[1]) Gord. II, 179.—Соловьевъ, XIV, 37. Ссылка на дѣла Архива Юстиціи Приказнаго стола.

ныхъ мѣстахъ и множество костей человѣческихъ, которымъ было покровомъ одно небо, видѣлъ и спрашивалъ въ умѣ своемъ: кто были эти? Вотъ она—эта Украйна, которую поляки нарекли раемъ свѣта польскаго, эта Украйна, которая передъ войнами Хмельницкаго была второю обѣтованною землею, прекрасная, всякими благами изобиловавшая наша отчизна Украйна малороссійская, обращенная Богомъ въ пустыню, лишенная безвѣстно своихъ прежнихъ обитателей, предковъ нашихъ». [1])

Другой современникъ, великорусскій священникъ Лукьяновъ, проходивши черезъ Украйну, въ то время, когда уже сѣверную часть ея началъ заселять полковникъ Палій, разсказываетъ, что когда онъ выступилъ изъ Паволочи, послѣдняго жилого мѣста, недавно возникшаго Паліева владѣнія, то въ теченіи пяти дней пути до Немирова пришлось ему идти совершенною пустынею: гдѣ прежде были красивые города и большія села, тамъ теперь нельзя было встрѣтить ни человѣческаго жилья, ни человѣческаго лица; только дикія козы, волки, лоси, медвѣди скитались по краю, въ которомъ порою виднѣлись остатки былого человѣческаго довольства — одичалые сады съ яблонями, сливами, грушами, волоскими орѣхами. Земля эта показалась такова путешественнику, что онъ назвалъ ее золотою, но татары не давали тамъ никому поселиться. Городъ Немировъ стоялъ одинъ посреди пустыни; онъ принадлежалъ полякамъ, и недавно передъ тѣмъ былъ разоренъ татарами; жителей въ немъ было мало и тѣ преимущественно евреи. Тамъ жить было и неудобно и дорого. По ту сторону рѣки Буга опять шла пустыня, но уже не ровная, а холмистая, на четыре дня пути вплоть до города Сороки на молдавской границѣ [2]).

Въ описанный нами періодъ «Руины» естественно не могло въ малороссійскомъ краѣ процвѣтать умственное и культурное движеніе. О правобережной Украйнѣ, превращенной наконецъ въ совершенную пустыню, нечего и говорить; но въ лѣвобережной, оставшейся болѣе въ спокойномъ состояніи, сохранялись еще остатки прежняго довольства и давали новые ростки. Въ Кіевѣ, основанная Петромъ Могилою при братскомъ монастырѣ коллегія стала-было центромъ умственной жизни для всей Украйны, но въ періодъ «руины» находилась въ такомъ плачевномъ состояніи, что до 1673 года въ ней почти не было непрерывнаго ученія, а съ этого года начало оно отправляться,

---

[1]) Лѣт. Вел., I, стр. 4—5.

[2]) Рус. Арх. 1863 г., стр. 155—158.

но только въ низшихъ классахъ и не ранѣе 1677 возстановилось въ высшихъ. Главною причиною было крайнее обнищаніе братскаго монастыря, котораго имѣнія были почти всѣ на правой сторонѣ Днѣпра и подвергались разоренію. Хотя цари жаловали монастырю съ коллегіею новыя села, польскіе короли подтверждали привилегіи своихъ предшественниковъ на монастырскія мѣстности, а митрополитъ Іосифъ Тукальскій уступилъ братскому монастырю и коллегіи мѣстечко Стайки, полученное имъ отъ Дорошенка на собственное свое содержаніе, но такіе дары оставались преимущественно только на бумагѣ, за невозможностію получать изъ пожалованныхъ маетностей доходы. Преподаватели коллегіи, принадлежа къ числу братіи монастыря и не получая никакого опредѣленнаго содержанія, довольствовались только одеждою и пищею, и то въ нищенскомъ видѣ; студенты и ученики питались подаяніемъ. Несмотря на гнетущую житейскую нищету, изъ наставниковъ были лица, съ любовью занимавшіяся педагогическими обязанностями и составлявшія даже учебники въ тяжелыя времена смутъ и разореній [1]). Здѣсь не мѣсто распространяться о способахъ тогдашняго преподаванія, но замѣтимъ, что при многихъ сторонахъ его для насъ теперь уже неумѣстныхъ, въ немъ было то хорошо, что, не ограничиваясь теоретическимъ изложеніемъ предмета, заставляли воспитанниковъ ворочать собственнымъ умомъ: въ этихъ видахъ въ низшихъ классахъ задавались «экзерциіи и оккупаціи», состоявшія въ грамматическихъ разборахъ, переводахъ и сочиненіяхъ на указанныя тэмы, а въ высшихъ производились диспуты, когда раздѣляли воспитанниковъ на двѣ половины, и каждая съ своей точки зрѣнія должна была отстаивать какое-нибудь спорное научное положеніе. При всемъ упадкѣ кіевской коллегіи— центра тогдашней классной образованности — мы въ періодъ «руины» встрѣчаемъ не мало малороссіянъ, преимущественно духовныхъ, оставившихъ по себѣ литературные труды болѣе или менѣе замѣчательные для своего времени. То были или воспитанники прежнихъ временъ кіевской коллегіи, или такіе, которые, при невозможности получать образованіе на своей родинѣ, получали его за границей. Таковы были: митрополитъ Тукальскій, не только политическій дѣятель и патріотъ, но и пропо-

[1]) Напр. по риторикѣ: Subsidium Rhetoricum, другое: Pennarium Tullianae Eloquentiae Кроковскаго, бывшаго тогда профессоромъ, а впослѣдствіи кіевскимъ митрополитомъ; по философіи: въ 1679 году Cursus Philosophicus Doctrinam Aristotelis complectens и другой курсъ, читанный Кроковскимъ въ 1686 году, подъ названіемъ Philosophia Peripatetica. (Ист. Кіев. Академіи, Булгакова, стр. 59).

вѣдникъ,—печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, авторъ «Мира души съ Богомъ» и «Cvнопсиса Русской Исторіи»—сочиненія, въ свое время служившаго руководствомъ къ преподованію; игуменъ кіевскаго Никольскаго монастыря Радивиловскій, авторъ многихъ проповѣдей. Еще замѣчательнѣе ихъ былъ въ свое время архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ, который, кромѣ множества писемъ, написанныхъ имъ по разнымъ поводамъ въ качествѣ участника общественныхъ событій своего времени [1]), оставилъ много сочиненій въ прозѣ и стихахъ на русскомъ, а еще болѣе на польскомъ языкѣ: онѣ, однако, отличаются болѣе реторическою вычурностію, чѣмъ свѣтлостію таланта и богатствомъ мысли. Другой, котораго надобно поставить рядомъ съ Лазаремъ, хотя съ признаками бо́льшаго дарованія, былъ Іоанникій Галятовскій, нѣкогда воспитанникъ и преподаватель кіевской коллегіи, а потомъ архимандритъ Елецкаго монастыря въ Черниговѣ. Кромѣ праздничныхъ поученій, собранныхъ въ особой книгѣ: «Ключъ Разумѣнія» и кромѣ отдѣльныхъ описаній разныхъ чудесъ, этотъ писатель имѣетъ для насъ значеніе потому, что не былъ чуждъ вопросовъ, возбуждавшихъ умы въ его вѣкъ: онъ вступалъ въ полемику за православіе противъ папизма [2]), противъ реформатскихъ ересей [3]), противъ іудейства [4]) и даже противъ магометанства [5]) по случаю возникшаго союза Россіи съ Польшею противъ Турціи. Многія сочиненія этого писателя являлись не на русскомъ, а на польскомъ языкѣ — доказательство, что въ тотъ періодъ польскій языкъ продолжалъ еще быть культурнымъ языкомъ въ Малороссіи, такъ что самые борцы за православіе употребляли этотъ языкъ, и при поверхностномъ взглядѣ тогдашніе образованные малороссіяне могли бы намъ показаться поляками, отличными отъ прочихъ только по вѣроисповѣданію. Нельзя сказать, чтобъ это усвоеніе польской культуры не отражалось и на чистотѣ ихъ православія, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія

---

[1]) Письма Лаз. Бар. изд. въ Черниговѣ, въ 1865 г.

[2]) „Бесѣда Бѣлоцерковская"—описаніе диспута, который авторъ велъ съ іезуитомъ Пекарскимъ въ 1663 году; „Старая восточная вѣра новозападной церкви"—сочиненіе, написанное противъ Циховича, составившаго сочиненіе въ римско-католическомъ духѣ противъ православія; „Отвѣты римлянамъ на книгу Фундаментъ Вѣры"—сочиненіе, написанное противъ іезуита Скарги; „Души людей умершихъ"—направленное противъ западнаго ученія о чистилищѣ.

[3]) „Алфавитъ Еретиковъ".

[4]) „Мессія Правдивый".

[5]) „Лебедь" и „Алкоранъ Магометовъ отъ Когелета Христова разрушенный и ни во что обращенный".

тогдашнихъ не-малороссійскихъ православныхъ богослововъ. Такъ, жившій въ тотъ же періодъ игуменъ кіевскаго Михайловскаго монастыря Софоновичъ написалъ книгу: «Выкладъ или ученіе о церковныхъ тайнахъ»; хотя книга его считалась въ Малороссіи вполнѣ православною и была уже три раза издаваема въ печати (1666, 1668 и 1674 годовъ), но въ Москвѣ патріархъ Іоакимъ нашелъ въ ней не православныя, а римско-католическія воззрѣнія. Павелъ Негребецкій, воспитанникъ львовскій [1]), жившій въ Москвѣ, находилъ вреднымъ, что въ Малороссіи, какъ и въ Бѣлоруссіи, учились болѣе латинскому языку и мало занимались греческимъ. По его указаніямъ, только малая часть изъ воспитанниковъ такимъ образомъ не впала въ унію, «да и въ тѣхъ, которые не падаютъ, — говоритъ онъ,—познаваются въ нихъ останки іезувитскіе, понеже іезувиты не учатъ ихъ высокими науками покамѣстъ передъ Богомъ не обѣщаются держати латинской религіи». Здѣсь зацѣплена была дѣйствительно слабая сторона реформы Петра Могилы, который увлекся мыслію давать отпоръ римской вѣрѣ приблизительно ея же оружіемъ и поэтому устроилъ свою коллегію на образецъ римско-католическихъ, а черезъ то незамѣтно стали туда входить нѣкоторыя западныя богословскія воззрѣнія и благочестивые пріемы, свойственные болѣе западной, чѣмъ восточной церкви.

Съ упадкомъ правобережной Украйны умственная дѣятельность нашла себѣ какъ-бы исключительный пріютъ въ черниговской епархіи. Кромѣ указанныхъ выше писателей, тамъ, въ періодъ «руины», славились и другіе проповѣдники: новгородъ-сѣверскій «казнодѣй» (проповѣдникъ) Тимоѳей Богдановичъ, Варлаамъ Михневичъ и болѣе всѣхъ знаменитый Димитрій Туптало—впослѣдствіи ростовскій митрополитъ, причисленный къ лику святыхъ. Онъ въ очень молодыхъ лѣтахъ постригся въ кіевскомъ кирилловскомъ монастырѣ, не имѣвши возможности окончить какъ слѣдуетъ своего образованія, но этотъ недостатокъ восполнилъ своимъ громаднымъ природнымъ талантомъ: посвященный въ 1675 году въ іеромонахи въ густынскомъ [2]) монастырѣ, онъ въ теченіи двухъ лѣтъ привлекалъ своимъ талантомъ проповѣдника въ этотъ монастырь массы благочестивыхъ посѣтителей. Уѣхавши на время въ Литву, онъ потомъ скоро явился въ батуринскомъ крупецкомъ монастырѣ игуменомъ, а черезъ

---

[1]) Преосвященный черниговскій Филаретъ приписываетъ ему книгу „Доводъ“ (Обз. Рус. Литер., I, 296).

[2]) Близъ города Прилуки, полтавской губерніи.

непродолжительное время отказался отъ этого сана и проживалъ въ томъ же монастырѣ въ качествѣ проповѣдника до 1684 года, когда архимандритъ Варлаамъ Ясинскій вызвалъ его въ кіево-печерскую лавру для составленія житій святыхъ.

Кромѣ указанныхъ писателей изъ духовнаго званія, были въ тотъ періодъ въ Украйнѣ и свѣтскіе историческіе писатели: мы разумѣемъ автора лѣтописи Самовидца—несомнѣнно современника всей второй половины XVII вѣка, Грабянку, Величку и другихъ, но подробная оцѣнка ихъ сочиненій, относящихся не исключительно къ одному періоду «руины», а ко всей исторіи Малороссіи, должна быть предметомъ особаго изслѣдованія.

Ремесла, промыслы и торговля главнымъ образомъ имѣли своихъ дѣятелей въ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, гдѣ существовали устроенные на нѣмецкій средневѣковой образецъ цехи, но во всѣхъ другихъ городахъ были, хотя и не въ большомъ числѣ, люди, отдѣльно посвящавшіе себя этимъ занятіямъ. Въ этотъ періодъ въ большомъ ходу въ Малороссіи было плотничное и землекопное дѣло, такъ какъ защита отъ безпрестанныхъ татарскихъ нападеній требовала постройки городковъ, которыхъ укрѣпленія состояли изъ рвовъ и валовъ съ деревянными стѣнами на послѣднихъ. Почти каждое значительное село было обведено такими укрѣпленіями и называлось городомъ. Кромѣ того, послѣ каждаго татарскаго разоренія приходилось отстраивать разоренные и сожженные дворы. Отъ этого въ Малороссіи было тогда много плотниковъ, называвшихся «будниками, горододѣлями, теслями», и землекоповъ, называвшихся «грабарями» и «могильниками» [1]). Искусствомъ строить каменныя зданія малороссіяне не отличались, и потому при постройкѣ каменныхъ церквей въ Черниговѣ и Кіевѣ приглашали великороссіянъ. За то между малороссіянами было тогда въ ходу кузнечное ремесло: независимо отъ большихъ городовъ, гдѣ въ числѣ цеховъ былъ «ковальскій» (кузнечный) цехъ, вездѣ было немало «ковалей» и оружейниковъ, потому что козакамъ часто нужно было чинить свое оружіе. Главнѣйшее занятіе посполства состояло въ земледѣліи, и въ урожайные годы хлѣба было большое обиліе: поселяне сбывали его главнымъ образомъ на Запорожье, такъ какъ сѣчевики вовсе не занимались хлѣбопашествомъ, а изъ Запорожья въ гетманщину доставлялась рыба и соль. Отправляли также хлѣбное зерно и въ Польшу.

Внутри гетманщины избытокъ хлѣбнаго зерна шелъ на вино-

[1]) Могилою называется по-малороссійски всякая земляная насыпь.

куренье, которое, однако, было распространено преимущественно въ сѣверныхъ полкахъ, гдѣ было больше лѣсовъ. Винокуреніе было подчинено, какъ мы уже говорили, арендамъ наравнѣ съ дегтемъ и табакомъ. Деготь вырабатывался въ стародубскомъ полку разомъ со смолою и поташомъ. Малороссіяне находили выгоднымъ возить вино и табакъ въ московское государство, но то была контрабанда, сурово преслѣдуемая московскимъ правительствомъ. Пенькою занимались исключительно въ стародубскомъ полку и сбывали великороссійскимъ купцамъ, которые продавали ее въ Ригу. Скотоводство распространено было въ полкахъ переяславскомъ, миргородскомъ и полтавскомъ; рогатый скотъ и воловьи кожи въ значительной степени сбывались отчасти въ Польшу, но болѣе всего въ Великороссію, гдѣ уже былъ извѣстенъ какъ лучшій сортъ рогатаго скота подъ названіемъ черкасскаго. Лошадей водилось вездѣ множество, такъ какъ конь для козака былъ необходимостью, но о сбытѣ лошадей за предѣлами гетманщины мы не знаемъ. Самымъ любимымъ и гораздо болѣе чѣмъ теперь распространеннымъ промысломъ было пчеловодство, такъ что во всей гетманщинѣ едва ли можно было встрѣтить одного зажиточнаго хозяина, у котораго бы не было пасѣки, а послѣ опустошенія правобережной Украйны обитатели поднѣпровскаго прибережья лѣвой стороны стали самовольно заводить въ лѣсахъ на правой сторонѣ огромныя пасѣки, земледѣльцы находили для себя выгоднымъ заниматься производствомъ селитры; особенно заводилось много селитренныхъ майдановъ на югѣ по Орели. Сбывали селитру въ Москву, гдѣ она шла въ казну на выдѣлку пороха. Для взаимнаго обмѣна произведеній между купцами въ Малороссіи служили многочисленныя ярмарки, пригоняемыя ко времени разныхъ праздниковъ; туда пріѣзжали купцы изъ Великороссіи и Польши съ произведеніями своихъ странъ. При частыхъ татарскихъ набѣгахъ, при внутреннихъ нестроеніяхъ, при плохихъ дорогахъ, торговля никакъ не могла процвѣтать и собственно предметы культурнаго житейскаго комфорта были рѣдки, дороги и доступны только высшимъ и богатымъ лицамъ. Тѣмъ не менѣе народъ малороссійскій, казалось, проживалъ въ лѣвобережной гетманщинѣ въ довольствѣ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ несчастною правою стороною, лишившеюся, наконецъ, всѣхъ своихъ жителей, которыхъ остатки нищенски уходили искать новаго отечества съ жалкими обломками своего хозяйства, и часто, не дойдя еще до цѣли, погибали отъ голода и холода съ своими семьями. Спасшіеся изъ нихъ и водворившіеся въ слободской Украйнѣ начинали новую жизнь въ

привольи и довольствѣ, но судьба ихъ уже не зависѣла отъ гетманскаго регимента.

Миромъ, прекратившимъ войну, возникшую главнымъ образомъ за Малороссію между Польшею и московскимъ государствомъ, собственно и заканчивается эпоха «руины», которую предприняли мы изобразить, пользуясь бывшими въ нашихъ рукахъ современными источниками. Затѣмъ предлагаемъ, въ видѣ эпилога, описаніе низложенія гетмана Самойловича. Это событіе стоитъ въ связи со всѣмъ предшествовавшимъ, потому что катастрофа, постигшая малороссійскаго гетмана, главнымъ образомъ была слѣдствіемъ заявленнаго имъ недовольства миромъ, оставившимъ народный малороссійскій вопросъ того времени неразрѣшеннымъ такъ, какъ хотѣлъ разрѣшить его весь народъ малороссійскій.

ЭПИЛОГЪ.

Приготовленія къ войнѣ съ Крымомъ.—Царскія грамоты.—Походъ въ Крымъ.—Степной пожаръ.—Возвращеніе войскъ.—Доносъ на Самойловича.—Неудовольствіе малороссіянъ къ гетману.—Арестованіе гетмана.—Отрѣшеніе отъ гетманскаго уряда.—Григорій Самойловичъ.—Ссылка гетмана Самойловича и казнь его сына.

Въ теченіи 1686 года происходили приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ маѣ были посланы царскія грамоты къ гетману и въ Сѣчь къ кошевому атаману: исчислялись неправды крымцевъ, указывалось запорожцамъ, собравшись всѣмъ своимъ низовымъ войскомъ, чинить промыселъ на перелазахъ, черезъ которые обыкли переходить татары во время своихъ набѣговъ на русскіе предѣлы [1]). Въ ноябрѣ того же года послѣдовалъ царскій указъ съ боярскимъ приговоромъ, обращенный ко всѣмъ служилымъ людямъ московскаго государства—строиться къ службѣ въ походъ противъ крымцевъ, долженствовавшій начаться въ слѣдующемъ году [2]). Причины, побуждавшія московское государство разрывать миръ, приводились въ такомъ видѣ.

И прежде крымскіе татары многажды дѣлали нападенія на царскія области и уводили безчисленное множество православнаго народа въ неволю, продавали его какъ скотъ въ разныя

---

[1]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 69, № 15.

[2]) Полн. Собр. зак. рос. имп. XI, 835.

земли, ругались надъ именемъ Христа-Спасителя, а своего проклятаго лжепророка Магомета величали; при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ постановлено было съ крымскимъ ханомъ перемиріе на 20 лѣтъ; несмотря на то, до окончанія перемирнаго срока, возобновились набѣги крымцевъ. Вскорѣ послѣ перемирія, приходили татары подъ Торгъ [1]), подъ Изюмъ, подъ Соленый городокъ, и на торжскихъ соленыхъ озерахъ захватили многихъ рабочихъ людей и угнали въ полонъ. Въ 1682 году азовскіе, крымскіе и ногайскіе татары приходили подъ городокъ Валуйки, и взяли въ плѣнъ тамошняго воеводу Мезенцова со многими людьми. Въ 1684 году бусурмане на рѣкѣ Міусѣ побили ватаги зинковцевъ, полтавцевъ и кобылякцевъ и на рѣкахъ Орели и Самарѣ нападали на людей, которые, будучи обнадежены миромъ, ходили на рыбныя ловли и пасли свой скотъ въ поляхъ: татары угнали ихъ скотъ, а самихъ людей забирали въ полонъ. Въ 1685 году азовскіе люди приходили подъ Балаклею [2]) и въ Степановку [3]), взяли 50 человѣкъ въ неволю, забрали имущество и скотъ и выжгли село; вслѣдъ затѣмъ на торжскихъ соленыхъ озерахъ и на сѣнныхъ покосахъ взяли въ полонъ многихъ людей и захватили скотъ. Послѣ того, набѣгали они на харьковскій полкъ и тамъ побили и увели въ неволю множество людей. Кромѣ всего этого, въ разные годы бусурманы захватывали въ полонъ запорожцевъ, которые, надѣясь на мирный договоръ, отправлялись на звѣриные и рыбные промыслы въ низовья Днѣпра. По всѣмъ такимъ поводамъ посылаемы были къ хану крымскому требованія, чтобъ онъ приказалъ казнить своевольниковъ, отпустить русскихъ плѣнниковъ и воротить награбленное, но справедливыя требованія не исполнялись, а царскихъ посланниковъ, ѣздившихъ въ Крымъ, безчестили: одного изъ нихъ Никиту Тараканова ханъ и Калга-салтанъ приказали бить обухами и выставить предъ народомъ въ утѣху бусурманамъ, а православнымъ христіанамъ въ укоризну и посмѣяніе. Посылались жалобы на крымскаго хана къ турецкому султану, и турецкій султанъ приказывалъ хану освободить русскихъ плѣнниковъ и возвратить похищенное, но ханъ не сдѣлалъ ничего. По изложеннымъ поводамъ, великіе государи, вступивши въ союзъ съ польскимъ королемъ, рѣшили чинить промыселъ надъ крымцами.

---

[1]) Нынѣ торжская слобода, харьков. губ. купенскаго уѣзда, при рѣкѣ Жеребцѣ.

[2]) Слобода харьков. губ. зміевскаго уѣзда, при р. Балаклейкѣ и Сѣверномъ Донцѣ.

[3]) Деревня харьков. губ., зміевск. уѣзда, при р. Орелкѣ.

Не ранѣе какъ въ началѣ декабря отправленъ былъ Косаговъ съ ратною силою въ Запорожскую Сѣчу съ тѣмъ, чтобы укрѣпиться въ Каменномъ-Затонѣ [1]). Между тѣмъ поляки нѣсколько ранѣе, осенью, сдѣлали нападеніе на Молдавію, но оно окончилось для нихъ неудачно; татары зажгли степь, и польскія войска должны были попятиться назадъ [2]).

Самойловичъ продолжалъ ненавидѣть смертельно поляковъ, и передъ своими старшинами не скрывалъ нерасположенія къ успѣхамъ христіанскихъ державъ, воевавшихъ тогда противъ турокъ, и показывалъ довольство неудачами христіанъ. Когда гетману приносили газеты (куранты), гдѣ сообщалось, что цесарскія войска овладѣли городомъ Будою, а венеціяне сдѣлали высадку въ Морею и побрали тамъ турецкіе города—гетманъ не хотѣлъ заглядывать въ газеты, но разразился веселымъ смѣхомъ, когда ему сказали, что поляки ушли со срамомъ изъ Молдавіи, а татары, ворвавшись на Волынь, надѣлали тамъ опустошеній. Бесѣдуя на-единѣ съ генеральнымъ бунчужнымъ Полуботкомъ, гетманъ говорилъ: «Ахъ, какъ бы я былъ радъ, когда бы ляхи въ Волоской землѣ, утѣсненные татарами, помирились! Чай бы Москва и насъ тогда узнала и не почитала бы насъ легко за то, что мы хотимъ соблюсти пріобѣщанную и надежную дружбу съ крымскимъ государствомъ» [3]). Полуботокъ, хотя и преданный Самойловичу, проговаривался о его отзывахъ передъ тѣми, которымъ они пригодились ко вреду гетмана.

Но гетманъ, вѣрный по долгу московскому престолу, во исполненіе царской воли разсылалъ полковникамъ универсалы о распоряженіяхъ къ предстоявшей войнѣ [4]) и писалъ въ Москву, что если уже рѣшено воевать, то необходимо выслать сколько возможно бо́льшее войско и выступать въ походъ раннею весною [5]). Впослѣдствіи враги его толковали эти совѣты такъ, какъ будто гетманъ давалъ ихъ съ коварною цѣлью, чтобъ затѣваемое военное предпріятіе не удалось. Но такое побужденіе приписывалось ему не вѣрно, по злобѣ: и прежде, много разъ, когда у него изъ Москвы спрашивали совѣтовъ, онъ всегда твердилъ, что противъ Крыма надобно съ-разу двинуть огромное войско, чтобъ имѣть возможность однимъ походомъ кончить войну, а выступать въ походъ слѣдуетъ не иначе, какъ раннею весною,

---

[1]) А. И. Д., св. 70, декабря 10-го.
[2]) Szujskiego, Dzieje Polskie, т. IV, стр. 130.
[3]) Чт. М. О. И. и Д., 1858, I, 299.
[4]) А. И. Д., Малор. дѣла, св. 70.
[5]) Чт. М. О. И. и Д., 1858 г., I, 300.

чтобъ имѣть для себя впереди все лѣтнее время въ распоряженіи.

Нѣсколько времени, однако, у Самойловича оставалась надежда—авось либо въ Москвѣ одумаются, отстанутъ отъ союза съ ляхами и не начнутъ войны противъ Турціи и Крыма. Москва готовилась къ войнѣ очень медленно, какъ будто чего-то выжидая. Константинопольскій патріархъ Діонисій писалъ въ Москву убѣжденія не разрывать мира съ бусурманами и представлялъ, что это принесетъ вреда болѣе христіанамъ, чѣмъ бусурманамъ, потому что турки станутъ тогда изливать свое мщеніе надъ подвластными имъ христіанскими народами [1]). Крымскій ханъ писалъ въ Москву, что воевать не изъ-за-чего, просилъ жить въ мирѣ съ Крымомъ, не помогать польскому королю, а для уланженія недоразумѣній учинить съѣздъ. Стольникъ Алмазовъ привезъ гетману ханское письмо и спрашивалъ, гдѣ учинить такой съѣздъ. Самойловичъ тогда находилъ удобнымъ устроить съѣздъ въ Каменномъ-Затонѣ, куда посланъ Косаговъ, и при этомъ замѣтилъ, что будетъ кстати двинуть войско, чтобъ задать страху крымцамъ. Это намъ показываетъ искренность Самойловича: война ему была непріятна, но когда уже рѣшено было высшею властію двинуть войско, гетманъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ извлечь изъ этого пользу, чтобъ укрѣпить миръ съ Крымомъ на болѣе выгодныхъ для Россіи условіяхъ. Въ кругу своихъ старшинъ онъ безбоязненно говорилъ: «Не послухала таки мене дурная Москва, замирились съ ляхами! приходитъ, однако, время: станутъ скоро меня просить, чтобъ я сталъ посредникомъ къ примиренію между Москвою и крымскимъ государствомъ. Только я буду знать, какъ ихъ примирить. Будутъ они меня памятовать; будутъ вѣдать москали, какъ насъ почитать»! [2])

Надежды гетмана не сбылись. Съѣздъ съ крымцами не устроился и гетмана о посредничествѣ не просили, а весною 1687 года получилъ онъ грамоту, указывавшую ему слѣдовать со всѣмъ войскомъ въ походъ.

Въ концѣ апрѣля все ковачество поднялось на ноги по новому универсалу своего гетмана. Когда самъ гетманъ выѣзжалъ изъ своего батуринскаго замка, подъ нимъ на мосту споткнулась лошадь. «Худой прогностикъ»—замѣтили тогда нѣкоторые.

Гетманъ слѣдовалъ въ Гадячу. Тамъ встрѣтили его нѣсколько

---

[1]) Соловьевъ, Истор. Рос., т. XIV, 37. Ссылка на Сборникъ синод. библіотеки.

[2]) Чт. М. О. И. и Д., 1858, т. I, стр. 301.

полковъ въ сборѣ, ожидавшихъ его прибытія. Оттуда съ ними онъ двинулся къ Полтавѣ и тамъ встрѣтили его другіе полки, также въ сборѣ.

Въ Полтавѣ старый священникъ Іоаннъ Величковскій поднесъ гетману въ даръ икону патрона его Іоанна Кущника и при ней вирши своего сочиненія [1]). Съ гетманомъ были тогда всѣ генеральные старшины, всѣ полковники [2]) и значные войсковые товарищи. Въ концѣ мая между рѣками Орелью и Самарою въ поляхъ присоединилось войско малороссійское къ войску великороссійскому. Малороссіянъ было до 50,000, великороссіянъ около ста тысячъ. По извѣстію участвовавшаго въ походѣ Гордона, обозъ великороссійскаго войска состоялъ изъ 20,000 повозокъ и простирался въ ширину на 557, а въ длину на 1,000 саженъ. Правую сторону прикрывалъ генералъ Аггей Шепелевъ; лѣвую—генералъ Гордонъ; въ центрѣ находилось пять стрѣлецкихъ полковъ. Главнокомандующимъ былъ тогдашній временщикъ, любимецъ царевны Софіи, князь Вас. Вас. Голицынъ. По соединеніи съ малороссійскимъ войскомъ, двинулись они далѣе въ степь. Нестерпимъ былъ зной; во все это лѣто съ весны не было ни разу дождя, по ночамъ не падали росы, травы посохли, духота и пыль томили ратныхъ людей, у многихъ разболѣлись глаза и болѣе всѣхъ терпѣлъ гетманъ, уже прежде страдавшій глазною болѣзнью; онъ ворчалъ, говоря окружавшимъ: «неразсудная эта война московская совсѣмъ лишила меня здоровья! Чертовскую тягость взяла на себя Москва! Вславились по всему свѣту, что повоюютъ крымское царство, а они себя-то не умѣютъ поборонить. Сидѣть бы имъ у себя дома при нашемъ промыслѣ, да своихъ рубежей сторожить» [3]).

Добрались до рѣки Конскія-воды, перешли эту рѣку 13-го іюня верстъ за 15 ниже острова Хортицы и 45 верстъ выше Запорожской Сѣчи; расположились на стоянкѣ въ Великомъ Лугѣ. Тутъ невыносимый смрадъ сталъ безпокоить воиновъ: на южной сторонѣ показалась черная туча, а за нею появлялось вдалекѣ и пламя. Посланные на провѣдки принесли извѣстіе, что впереди степь горитъ. Очевидно стало, что непріятели, вмѣ-

---

[1]) Величко, Лѣтопись, т. III, стр. 10.

[2]) Gord., II, 172. Стародубскій и черниговскій Яковъ и Григорій, гетманскіе сыновья, гадяцкій Михайло Баруховичъ, полтавскій Павло Герцикъ, миргородскій Данило Апостолъ, лубенскій Максимъ Илляшенко, переяславскій Леонтій Полуботокъ—онъ же генеральный бунчужный, прилуцкій Лазарь Горленко, нѣжинскій Степанъ Забѣла и кіевскій Константинъ Солонина.

[3]) Чт. Им. Мос. Об. Ист. и Др., 1858 г., I, 300.

сто всякаго другого оружія изожгли на степи траву, высохнувшую отъ зноя, чтобы такимъ способомъ не пустить русскихъ идти далѣе. Въ предшествовавшемъ году этимъ способомъ татары прогнали поляковъ изъ Молдавіи; тотъ же способъ избрали они, чтобъ не допустить русскихъ до крымскихъ предѣловъ.

Стали военачальники размышлять—что имъ теперь дѣлать. Непріятель видимо уклонялся отъ боя. Но передъ тѣмъ отправленъ былъ въ Крымъ изъ Москвы царскій гонецъ, и военачальники рѣшились попытаться двигаться далѣе въ надеждѣ встрѣтить этого гонца на возвратномъ пути его изъ Крыма, либо татаръ, съ которыми придется вступить въ бой. Двинулись по выжженной степи. Ратные чуть могли тащиться. Пепельная пыль, взбиваемая вѣтромъ и движеніемъ войска, разъѣдала имъ глаза. Заболѣвали и люди и лошади. Но не встрѣчали они ни гонца своего, ни татаръ; встрѣчали только дикихъ свиней, которыя, спасаясь отъ степного пожара, метались изъ стороны въ сторону [1]).

Войска достигли, наконецъ, небольшой степной рѣчки Анчакрака. 16-го іюня выпалъ дождь и всѣ сперва обрадовались, думая, что теперь зной уменьшится, пыль прибьется и травы станутъ расти. Но, подходя къ рѣчкѣ, увидали новое затрудненіе: отъ проливнаго дождя прибавилось воды, и не безъ труда устроили черезъ небольшую рѣчку плотины изъ фашинъ.

Перешедши рѣчку Анчакракъ, двинулись снова по выжженной степи, задыхаясь отъ копоти [2]). Прошли еще 6 верстъ и дошли до другой степной рѣчки Карачакрака. Остановились.

На другой день военачальники собрались на совѣтъ.

«Невозможно слѣдовать далѣе! раздавались голоса въ совѣтѣ. Лошади всѣ падутъ. И теперь онѣ уже не въ силахъ везти не только пушки, но и повозки съ запасами. Чѣмъ ихъ кормить въ выжженной степи!»

«Травы было бы довольно на днѣпровскихъ плавняхъ, да вода еще не спала»—замѣтили нѣкоторые.

«Нѣтъ, и тамъ травы было бы недостаточно для такого множества лошадей»—возразили другіе.

«Отъ дыма и копоти ничего не видно,—говорили третьи:—когда явятся татары, невозможно будетъ распознать—гдѣ свои, гдѣ чужіе!»

«У всѣхъ монарховъ,—произнесъ гетманъ,—разумные реги-

---

[1]) Gordon, II, 175.

[2]) Соб. Гос. Гр. и Дог., IV, 540 (Донесеніе Самойловича).

ментари обыкновенно не столько гоняются за тѣмъ, чтобъ выиграть битву, сколько стараются соблюсти цѣлость своего войска. И мы теперь, если зададимся намѣреніемъ покорить Крымъ и поведемъ войска далѣе по выжженной степи,... какъ бы намъ не испытать бѣды не столько отъ непріятельскаго оружія, сколько отъ конской безкормицы и отъ людского голода!»

Не мало времени длился споръ, наконецъ порѣшили большинствомъ голосовъ—уходить назадъ. Военачальники въ свое утѣшеніе говорили: «не затѣмъ ворочаемся, чтобъ уходить совсѣмъ въ городы. Мы сыщемъ себѣ привольныя кормовыя мѣста и тамъ остановимся, напишемъ къ царямъ и подождемъ указа».

— Но если непріятели провѣдаютъ, могутъ напасть на насъ тамъ, гдѣ мы остановимся.—Сдѣлано было такое замѣчаніе.

На это было подано и принято мнѣніе: послать сильные отряды къ Сѣчѣ, гдѣ находился Григорій Ивановичъ Косаговъ, соединиться съ нимъ и чинить промыселъ надъ Кизикерменемъ, чтобъ не допустить хана ни самому идти въ походъ, ни орды своей посылать противъ польскаго короля. «Этимъ,—говорили въ военномъ совѣтѣ,—мы окажемъ услугу и польскому королю, союзнику нашихъ великихъ государей».

Бояринъ князь Голицынъ назначилъ Леонтія Романовича Неплюева съ 20,000 ратныхъ людей, а гетманъ далъ наказное гетманство своему сыну Григорію, черниговскому полковнику, и поручилъ подъ его начальство четыре полка: черниговскій, прилуцкій, переяславскій и миргородскій, да четыре полка охотныхъ, изъ которыхъ было два конныхъ, а два пѣшихъ, такъ что все козацкое войско, посланное туда, состояло также изъ двадцати тысячъ. Сверхъ того, гетманъ словесно приказалъ кошевому Сагайдачному, бывшему тогда въ гетманскомъ войскѣ, примкнуть къ посланному отряду со своими запорожцами [1]).

Отправивши отряды на югъ, остальныя войска были двинуты къ сѣверу въ обратный путь, и 20 іюня, дошедши до Конскихъ-водъ, остановились. Тамъ увидѣли, что мѣсто привольное, травы достаточно, вода хорошая. Гетманъ съ козаками сталъ на одной сторонѣ рѣки, бояринъ съ великорусскимъ войскомъ на другой [2]).

Тамъ простояли войска двѣ недѣли. Посланы были гонцы отъ боярина и гетмана съ донесеніями въ Москву. Бояринъ въ своемъ донесеніи представлялъ дѣло такъ, какъ будто крымскій ханъ отъ трусости не рѣшился вступить въ битву съ рус-

---

[1]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г. стр. 167.—Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, 540.

[2]) Gord. II, 177.

скими, а приказалъ татарамъ зажечь степь; бояринъ доносилъ, будто русскія войска доходили до тѣхъ мѣстъ, откуда оставалось только 90 верстъ до Перекопа. Все выжидали появленія непріятеля не малое время, а непріятель не являлся, и предводители, находя невозможнымъ долѣе стоять въ выжженной пустынѣ, отодвинулись къ Конскимъ-Водамъ [1]).

Во время двухнедѣльной стоянки у Конскихъ-Водъ начались зловѣщіе толки между великороссіянами.

«Это не татары зажгли степь, а сами козаки,—говорили нѣкоторые:—гетманъ далъ имъ тайный приказъ».

— Зачѣмъ же это козакамъ могло понадобиться?—спрашивали другіе.

«Затѣмъ, — отвѣчали имъ, — что козаки и татары между собою въ дружбѣ и согласіи. Козаки не хотятъ, чтобъ царское войско завоевало Крымъ».

Тѣ, которые чувствовали срамъ отступленія совершеннаго, не видавши въ глаза непріятеля, ухватились за такіе толки, какъ за первое средство свалить съ себя вину на другихъ. Болѣе всѣхъ казалось это полезнымъ самому главнокомандующему, и приближенныя къ нему особы стали оговаривать Самойловича и объясняли предполагаемую измѣну гетмана такъ. «Вѣдь козаки, безъ помощи московскихъ войскъ, но съ помощію татаръ, отбились противъ поляковъ и освободились изъ польской неволи. У московскаго царя выпросили они протекцію уже послѣ и ни за что не хотѣли зваться царскими холопами, а звали себя царскими подданными. Теперь, когда московскіе цари окончательно помирились съ Польшею и поляки уже уступили Москвѣ свое дѣдичное право надъ ними, козаки опасаются: не стала бы Москва держать ихъ такъ же, какъ держитъ своихъ прочихъ подвластныхъ и не укоротила бы ихъ правъ и вольностей, добытыхъ кровью, а за свои права и вольности козаки крѣпко стоятъ. Есть между козаками такіе, что попрозорливѣе прочихъ, и гетманъ ихъ именно изъ такихъ: тѣ смекнули, что̀ выйдетъ, когда Москва Крымъ завоюетъ! И крымскіе татары, какъ и козаки почитаютъ себя людьми вольными; царь ихъ, крымскій ханъ, управляетъ своими подвластными, на сколько тѣ ему позволяютъ; и татары, и козаки служатъ на войнѣ безъ жалованья; оба народа одинаково дорожатъ своими привилегіями. Вотъ они между собой и поразумѣли, что имъ надобно другъ за друга стоять, потому что конечное покореніе одного народа

[1]) Устряловъ, Ист. Петра Вел., т. I, стр. 199.

отзовется вредно на другомъ. Козаки разочли, что государи поопасуются нарушать ихъ права и вольности, если оба народа, козаки и татары, — живучи между собою въ дружбѣ и союзѣ, будутъ готовы подняться одни за другихъ».

Въ пору были такіе толки и объясненія послѣ того, какъ въ Москвѣ разъ уже поколебалось довѣріе къ гетману, и мысль о томъ, что гетманъ способенъ противодѣйствовать Москвѣ, не казалась уже невозможною какъ прежде. Кромѣ того, у всемогущаго любимца царевны Софіи были давніе счеты съ гетманомъ Самойловичемъ. Самойловичъ, какъ мы видѣли, подружился съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, а Голицынъ былъ не расположенъ къ послѣднему. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Голицынъ скрывалъ свое неудовольствіе, и въ письмахъ къ гетману именовалъ его своимъ искреннимъ пріятелемъ, но въ душѣ его ненавидѣлъ. Когда Голицынъ поднялся до крайней высоты, а гетманъ навлекъ на себя подозрѣніе своими совѣтами не мириться съ Польшею, Голицынъ поручилъ Л. Р. Неплюеву сойтись съ лицами близкими къ гетману и черезъ нихъ выѣдать задушевныя мысли и намѣренія гетмана. По извѣстію Гордона, Неплюевъ нашелъ для этого подходящими двухъ малороссіянъ, которымъ гетманъ поручалъ важнѣйшія дѣла: одного Гордонъ называетъ генералъ-адъютантомъ, другого секретаремъ. Такихъ титуловъ въ Малороссіи не существовало; ясно, что Гордонъ окрестилъ ими какихъ-то лицъ, носившихъ иныя мѣстныя чиновныя названія. Думаютъ, и не безъ основанія, что подъ генералъ-адъютантомъ онъ разумѣлъ генеральнаго асаула Мазепу, а подъ секретаремъ — Кочубея, бывшаго войсковымъ канцеляристомъ, а потомъ сдѣлавшагося генеральнымъ писаремъ. Дѣйствительно, Самойловичъ въ послѣднее время этимъ лицамъ, болѣе чѣмъ инымъ, повѣрялъ важнѣйшія дѣла. Отъ нихъ-то Неплюевъ узналъ многое такое, что набрасывало тѣнь на преданность гетмана московскимъ властямъ [1]). Надобно прибавить, что боярину Голицыну и мимо всякаго посредника имѣлъ возможность близко узнать Мазепу, который въ послѣднее время чуть не каждый годъ, а иногда не однажды въ годъ, ѣзжалъ въ Москву, и при своемъ впечатлительномъ характерѣ, любезности въ обхожденіи, образованности и умѣ успѣлъ уже понравиться Голицыну.

Подозрѣніе, возникшее въ кругу великороссійскихъ военачальниковъ, какъ подлитіе масла въ огонь, пришлось кстати

[1]) Gord. II, 179.

той непріязни, которая существовала противъ гетмана между малороссіянами. Много было у него враговъ въ средѣ управляемыхъ имъ — и очень мало друзей. «Сначала, — говоритъ малороссійскій лѣтописецъ [1]): — «этотъ человѣкъ былъ ко всѣмъ ласковъ и покорливъ, но когда укрѣпился въ своей власти и разбогатѣлъ, то сталъ гордъ и заносчивъ». Такая перемѣна въ характерѣ гетмана стала ощутительною послѣ взятія Дорошенка. То было время самаго милостиваго вниманія къ нему московскаго правительства. Событіе съ Рославцемъ и Адамовичемъ показывало, какъ трудно было столкнуть Самойловича съ высоты величія. Безпрестанныя похвалы и часто присылаемые изъ Москвы подарки избаловали его. Самойловичъ сталъ держать себя не только съ народомъ, но и съ знатными людьми какъ самодержавный деспотъ. Съ нимъ нельзя было говорить иначе, какъ стоя; даже старшины и полковники не садились въ его присутствіи; никто не дерзалъ ему ни въ чемъ перечить, никто не смѣлъ подавать ему совѣтовъ въ наложеніи поборовъ, въ назначеніи расходовъ, тѣмъ менѣе требовать отъ него какихъ-нибудь отчетовъ; всѣмъ войсковымъ скарбомъ распоряжался онъ по своему произволу, куда хотѣлъ и кому хотѣлъ давалъ деньги, кого хотѣлъ жаловалъ имѣніями и отнималъ все, у кого хотѣлъ отнять [2]). Къ нему во дворъ никто не смѣлъ войти съ палкою въ рукѣ и съ покрытой головой. Даже къ духовному сану не оказывалъ онъ уваженія, забывая, что самъ по происхожденію былъ поповичъ. Когда случалось ему быть въ церкви, онъ не ходилъ съ прочими богомольцами получать антидоръ изъ рукъ священника, а священникъ долженъ былъ самъ подносить его гетману, что соблазняло тогдашнее малороссійское общество; а если куда-нибудь ѣдучи, напримѣръ, хоть бы на охоту, встрѣчалъ гетманъ священника, то считалъ это для себя дурнымъ предзнаменованіемъ и гнѣвался на священника [3]). По выраженію поданной на него старшинами челобитной, старшины отъ его похвальныхъ словъ и гнѣва бывали «какъ мертвы» и каждый часъ могли ожидать себѣ всего дурного [4]). Малороссіянъ соблазняло даже и то, что этотъ разбогатѣвшій и расчванившійся гетманъ-поповичъ ѣздилъ не иначе, какъ въ каретѣ, и сыновья его полковники усвоили такой же панскій обычай, противный для малороссіянъ, такъ какъ онъ напоминалъ имъ польскихъ

[1]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 169.
[2]) Gord. II, 180.
[3]) Лѣт. Самов., изд. 1878, стр. 169.
[4]) Чт. М. Об. Ист. и Др., изд. 1868 г., 302.

паповъ. Алчность гетмана и сыновей его, казалось, не имѣла предѣловъ: за полученіе урядовъ брались посулы, а получившіе эти уряды старались вознаградить себя всякими утѣсненіями надъ подчиненными; безъ взятки не было приступа къ гетману, а кто ничего не дастъ, тотъ ничего и не добьется. Онъ окружалъ себя людьми мелкими, которыхъ самъ поднялъ, и эти люди, раболѣпствуя передъ нимъ, именемъ его дозволяли себѣ всевозможныя насилія и несправедливости. Во всей гетманщинѣ въ управленіе Самойловича не было ни суда, ни расправы безъ взятокъ, и много козацкихъ мельницъ было захвачено у владѣльцевъ и приписано къ гетманскимъ; ничья собственность не была обезпечена: что у кого ему полюбится, то себѣ и беретъ, а коли не онъ самъ, такъ дѣти его возьмутъ [1]). Такими описывали гетмана и сыновей его старшины въ своемъ доносѣ.

Приписываемая ему алчность подтверждается большимъ движимымъ имуществомъ, оставшимся послѣ его низложенія и состоявшимъ въ большомъ изобиліи наличной монеты (4916 червонцевъ, 47,432 талера, 2,286 левковъ, 3,814 серебряныхъ копѣекъ и 3,000 чеховъ), столовой серебряной посуды, золотыхъ и серебряныхъ украшеній съ драгоцѣнными камнями, дорогого оружія, огромнѣйшаго гардероба съ мѣхами и богатыми мужскими и женскими одеждами, породистыхъ лошадей, экипажей, сбруи, упряжи и проч. и проч. [2])

Масса народа (поспольство) раздражена была противъ гетмана заведеніемъ орандъ (арендъ) или откуповъ на вино, деготь и табакъ (винная, дегтярная и тютюнная оранда), и налога за помолъ съ мельницъ. Поборы эти съ разрѣшенія высшаго московскаго правительства установлялись на содержаніе охотнаго войска, которое, кромѣ обычнаго козацкаго, набиралось изъ приходящихъ наемныхъ охотниковъ, состояло не только изъ малороссіянъ, но изъ чужеземцевъ (особенно поляковъ, сербовъ и волоховъ) и образовало полки конные (охочекомонные или компанейцы) и пѣшіе (сердюки). Охотники, записанные по полкамъ своимъ, разставлялись на лежи, то-есть на квартиры въ разныхъ малороссійскихъ полкахъ, смотря по волѣ гетмана, помѣщались въ жилищахъ посполитыхъ обывателей, получали отъ хозяевъ содержаніе и, кромѣ того, годичное жалованье изъ казначейства (войскового скарба), куда доставлялось оно съ арендnаго сбора. По этой системѣ устроены были горѣлчаные, дегтярные и тютюнные

[1]) Ibidem.— Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 169.—Лѣт. Вел., III, 16.

[2]) Арх. Юст., кн. № 60. (Опись имущества Самойловича чрезвычайно драгоцѣнный матеріалъ для изслѣдованія о внутреннемъ бытѣ и домашней жизни малороссіянъ).

шинки. За торговлю этими предметами вносилась въ войсковой скарбъ заранѣе опредѣленная сумма и годичнымъ срокомъ для такого взноса обыкновенно назначался праздникъ пасхи. Никто ни изъ козаковъ, ни изъ посполитыхъ не могъ торговать этими предметами, не получивши дозволенія, а тѣ, которые пріобрѣтали это право, не могли продавать за предѣлами шинка въ размѣрѣ менѣе ста кварт горѣлки. Дегтю, внѣ шинка, нельзя было продавать не только квартами и ведрами, но даже и бочками, какъ и тютюну—локтемъ, фунтомъ и камнемъ, безъ вѣдома особъ, завѣдующихъ орандами. Кто бы дерзнулъ поступать въ ущербъ постановленной оранды, того позволялось, за вѣдомостію полковника того полка, гдѣ совершалось преступленіе, «обирать зо всего». Варить медъ, пиво и брагу дозволялось всѣмъ свободно, но въ универсалѣ, въ которомъ говорится о такой свободѣ, назначается съ посполитыхъ по «полъ-золотому» (полъ-злота) отъ варенія пива. Обывателямъ въ полкахъ предоставлялось внести опредѣленную сумму и устроить у себя по своему разсмотрѣнію арендное управленіе. Такой взносъ назывался «ратою». Не всѣ мѣстечки и села, лежащія въ полкахъ, подчинялись орандной «ратѣ», наложенной на полкъ; для нѣкоторыхъ дѣлались исключенія, и это естественно производило путаницу и недоразумѣніе. По заключеніи мира Россіи съ Польшею, всѣ думали, что теперь дадутся народу льготы и орандъ не будетъ. Но вышло не такъ. Предполагавшаяся война противъ бусурманъ требовала поборовъ, и «раты» не только не были уничтожены, но размѣръ ихъ увеличился, какъ это можно видѣть изъ того, что съ лубенскаго полка въ 1685 году размѣръ раты простирался до 7,010 злотыхъ [1]), а въ 1686 году до 17,000 злотыхъ [2]). Орандны были до крайности всѣмъ противны, народъ приписывалъ ихъ алчности и произволу гетмана-поповича, хотя на самомъ дѣлѣ онѣ установлялись съ разрѣшенія московскаго правительства. Впрочемъ, народъ возмущался не столько самыми орандами, сколько злоупотребленіями, сопровождавшими взиманіе этого рода поборовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и современный лѣтописецъ [3]).

Все это, однако, были условія, содѣйствовавшія отрѣшенію Самойловича; но главною причиною его паденія было охлажденіе къ нему московской власти за нерасположеніе его къ миру съ Польшею и къ союзу противъ Турціи и Крыма. Старшины,

[1]) Лѣт. Вел., II, 544.

[2]) Акты Зап. Рос., V, 190.

[3]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 168: „великіи драчи и утисненя арендами".

не любившіе гетмана за его высокомѣріе, алчность и самоуправство, смекнули, что настало время, когда ихъ доносу повѣрять.

Войска снялись съ береговъ Конскихъ-Водъ и 4 іюля достигли рѣки Самары. Прежде переправилось козацкое войско, а великороссійское оставалось еще на другомъ берегу. Въ это время какимъ-то случаемъ сгорѣли мосты, построенные черезъ рѣку еще заранѣе стараніемъ Неплюева. Козацкіе старшины нашли удобнымъ изъ этого случая сдѣлать новый пунктъ обвиненія на Самойловича въ своемъ доносѣ: какъ будто гетманъ умышленно приказалъ это сдѣлать, чтобъ оставить великороссіянъ отрѣзанными [1]). Потрачено было не мало времени и трудовъ на построеніе вновь этихъ мостовъ.

Двигаясь далѣе, войска 7 іюля остановились у рѣчки Кильчени. Здѣсь генеральные старшины, обозный Борковскій, судья Воеховичъ и писарь Прокоповичъ, полковники Солонина, Левогубъ, Гамалѣя, Дмитрашко Райча и Степанъ Забѣла да Кочубей подали доносъ боярину князю В. В. Голицыну. Подозрѣваютъ, что главнымъ заправщикомъ здѣсь былъ Мазепа, и подозрѣніе это основательно, потому что впослѣдствіи старшины спрашивали частнымъ образомъ у Голицына, кого бы онъ желалъ видѣть гетманомъ, и Голицынъ указалъ имъ на Мазепу. Черезъ два года послѣ описываемыхъ событій, Мазепа представилъ роспись деньгамъ и вещамъ, даннымъ отъ него Голицыну въ видѣ взятки, всего на 17,390 рублей, изъ которыхъ 11,000 было дано наличною монетою, а прочее серебряными и золотыми вещами и дорогими тканями. Это, какъ показывалъ тогда Мазепа, дано было болѣе по неволѣ, чѣмъ добровольно, съ подущенія и безпрестанныхъ угровъ Леонтія Романовича Неплюева, которому особо дано было 2,000 червонцевъ и на двѣ тысячи разныхъ драгоцѣнностей: все это поступило изъ конфискованнаго тогда домашняго имущества Самойловича [2]). Изъ этого извѣстія видно, что при отрѣшеніи Самойловича дѣйствовали взятки, данныя или обѣщанныя Мазепою сильному временщику. Въ доносѣ, поданномъ боярину, старшины въ подробностяхъ сообщали, какъ Самойловичъ заявлялъ неудовольствіе къ союзу Россіи съ Польшею и къ войнѣ противъ турокъ и татаръ, что въ сущности московскому правительству было уже давно достаточно извѣстно, такъ какъ и самъ гетманъ въ своихъ чувствованіяхъ не скрывался передъ московскими посланниками. Затѣмъ доносчики ука-

[1]) Чт. Моск. Общ. Ист. и Др., изд. 1858 г., I, 301.

[2]) Ibidem, стр. 326.

зывали, что гетманъ во время настоящаго похода противодѣйствовалъ успѣху русскихъ войскъ: ему ставилось въ вину, что онъ давалъ совѣты выступить въ походъ съ большими силами и непремѣнно раннею весною, что онъ не предпринималъ никакихъ мѣръ къ погашенію степного пожара и вѣроятно самъ произвелъ его, что онъ, наконецъ, тайно велѣлъ сжечь мосты, построенные на Самарѣ во время обратнаго перехода русскихъ войскъ черезъ эту рѣку. Была очевидна несостоятельность этихъ обвиненій: у гетмана не было столько ни силъ, ни средствъ, чтобъ угасить степной пожаръ, охватившій разомъ пространство на многія сотни верстъ во всѣ направленія, а сожженіе мостовъ не могло быть полезнымъ ни для какой цѣли, и, наконецъ, еслибъ гетманъ порылалъ производить пожары, то надлежало бы разомъ указать и на исполнителей такого приказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ старшины обвиняли гетмана въ высокомѣрномъ обхожденіи со старшинами, полковниками и знатными духовными и свѣтскими людьми, въ алчности, самоуправствѣ, нерасположеніи къ московскому правительству и къ великороссійскимъ людямъ; въ скрытномъ намѣреніи образовать изъ Малой-Россіи отдѣльное владѣніе: послѣднее очень странно доказывалось тѣмъ, что Самойловичъ не захотѣлъ ни за кого ни изъ малороссіянъ, ни изъ великороссіянъ отдавать своей меньшой дочери въ замужство, а пригласилъ для ней изъ-за рубежа князя Юрія Четвертинскаго. Разомъ доносчики обвиняли и сыновей гетмана въ такихъ же порокахъ, какими отличался ихъ родитель. Доносъ этотъ, въ формѣ челобитной [1]), былъ составленъ на-скоро и чрезвычайно неосмотрительно. Въ немъ, между прочимъ, сообщалось, что однажды гетманъ былъ на обѣдѣ у генеральнаго обознаго Борковскаго, куда приглашены были московскихъ войскъ полковники. Козацкій полковникъ Гамалѣя, заспоривши съ великороссійскимъ полковникомъ Борисовымъ, сказалъ: «что ты меня, полковникъ, пораскошь! не саблею насъ взяли!» Гетманъ, слышавши это, разсмѣялся, не сдѣлалъ Гамалѣю никакого замѣчанія, и — должно думать — въ умѣ своемъ похвалилъ его за эти рѣчи. Такимъ образомъ, въ доносѣ на гетмана, обвинялся Гамалѣя, какъ его единомышленникъ, между тѣмъ имя того же Гамалѣи стоитъ въ числѣ подписавшихъ этотъ доносъ.

Боярину Голицыну, давно уже недоброжелательствовавшему къ гетману, былъ на руку такой доносъ — и онъ отправилъ его съ гонцомъ въ Москву, а гетману не подалъ ни малѣйшаго вида.

---

[1]) Ibidem, 297—304.

Войска, слѣдуя обычнымъ путемъ, 11-го іюля достигли до рѣки Орели и тамъ остановились на нѣсколько дней. 12 числа пріѣхалъ толмачъ изъ Крыма съ письмомъ къ Голицыну отъ салтана Нуреддина, который изъявилъ удивленіе, что миръ нарушенъ безъ всякихъ причинъ, и русскія войска предприняли походъ на Крымъ [1]). Вслѣдъ затѣмъ изъ Москвы прибылъ думный дьякъ Шакловитый, тогдашній приближенный царевны Софіи. Онъ привезъ боярину Голицыну похвалы за его подвиги, а гетману вопросъ: зачѣмъ онъ приказалъ жечь траву на степи? Гетманъ отвѣчалъ, что никому не давалъ такого приказа. Тогда уже могъ уразумѣть гетманъ, что ему устроиваютъ западню; однако, скрывая внутреннюю душевную тревогу, онъ, по поводу прибытія думнаго дьяка, устроилъ пиръ и пригласилъ знатнѣйшихъ военачальниковъ. Во время провозглашенія царскаго здоровья палили изъ пушекъ, а по окончаніи пира всѣ участвовавшіе въ немъ дарили гетмана по тогдашнему обычаю. Между тѣмъ доносъ былъ уже посланъ, пропасть подъ гетманомъ вырыта.

15 іюля двинулись войска далѣе, 21-го іюля достигли рѣки Коломака, перешли ее и расположились на возвышенномъ берегу этой рѣки двумя лагерями: въ одномъ на правой сторонѣ были бояре: Алексѣй Семеновичъ Шейнъ и князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгоруковъ, въ другомъ, на лѣвой сторонѣ — гетманъ и князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ; разстояніе отъ одного лагеря до другого было около трехъ верстъ. На другой день гетманъ угощалъ у себя польскаго резидента, прибывшаго къ войску, не зная, что бѣда уже висѣла у него надъ шеею...

Въ этотъ самый день прискакалъ изъ Москвы гонецъ съ отвѣтнымъ указомъ на отписку боярина о доносѣ, поданномъ старшинами на гетмана. Князю Голицыну указывалось арестовать гетмана, сообразно желаніямъ старшинъ отрѣшить его отъ гетманскаго уряда и послать въ великороссійскіе города, назначивъ ему пребываніе по своему усмотрѣнію, а затѣмъ устроить выборъ новаго гетмана.

Бояринъ Голицынъ, получивши такой указъ, позвалъ къ себѣ великороссійскихъ полковниковъ, находившихся въ лагерѣ гетмана, и сказалъ имъ:

«Окружите ставку гетмана вашими полками, такъ чтобъ ни къ нему никто не могъ придти, ни отъ него выдти, и скажите старшинамъ, чтобъ они гетмана доставили сюда ко мнѣ. Сдѣлайте только это безъ шума, а то козаки, народъ пьяный и буйный,

[1]) Gord., II, 182.

какъ бы не произвели тревоги, потому что они своего гетмана не терпятъ».

Это предпринято было для того, чтобъ кто-нибудь не вышелъ отъ гетмана и не переслалъ преждевременно вѣсти его сыну Григорію, находившемуся со значительною частію козацкаго войска близъ Сѣчи.

Великороссійскіе полковники сообщили по секрету обо всемъ старшинамъ, и съ приближеніемъ ночи окружили ставку гетмана сторожею изъ великороссійскихъ стрѣльцовъ [1]). Одинъ изъ малороссійскихъ лѣтописцевъ [2]) сообщаетъ, что этихъ стрѣльцовъ самъ гетманъ недавно передъ тѣмъ выпросилъ для обереженія своей особы, такъ какъ онъ не довѣрялъ уже своимъ козакамъ. Враги Самойловича, старшины и полковники, всю ночь не спали, и, находясь въ сообщеніи съ великороссійскими, дожидались разсвѣта.

Самойловичъ догадался, что̀ значитъ неожиданное появленіе великороссійской стражи, провелъ ночь тревожно, а на разсвѣтѣ отправился къ заутрени въ походную церковь, устроенную въ особой палаткѣ, не подалеку отъ гетманскаго шатра. Когда читалось шестипсалміе, въ церковь вошли старшины и стояли до окончанія богослуженія, считая грѣхомъ перерывать его [3]). Когда заутреня кончилась, къ гетману подошелъ Войца-Сербинъ, бывшій переяславскій полковникъ, за подущеніе народа въ пользу поляковъ отставленный Самойловичемъ и сосланный въ великороссійскіе городы, отпущенный оттуда послѣ мира съ Польшею и, однако, не забывшій давней ссоры съ гетманомъ. Онъ взялъ гетмана Самойловича за руку и грубо сказалъ: «пане гетмане! потребуѣ тебе війско!» Гетманъ повиновался и молча вышелъ изъ церкви. Тогда на него посыпались упреки и ругательства, а кіевскій полковникъ замахнулся на него обухомъ, но товарищи удержали его, ограничиваясь только тѣмъ, что по малороссійскому обычаю обзывали «скурвымъ сыномъ» своего гетмана, передъ которымъ еще наканунѣ не смѣли стоять въ шапкѣ [4]). Самойловичъ сказалъ, что онъ желаетъ видѣть великороссійскихъ полковниковъ и говорить съ ними; полковники эти не замедлили явиться и безъ зова; они вели на встрѣчу гетману его сына Якова, стародубскаго полковника. Находясь при своемъ полку,

---

[1]) Ibidem, 185. Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 168. Велич. III, 14.

[2]) Чт. М. О. И. и Др. 1847 г. Симоновскій, Крат. Опис. о козац. малорос. народѣ, стр. 107.

[3]) Gord., II, 185.

[4]) Чт. М. О. Ист. и Др. 1847 г.—Симоновскій 107.

Яковъ Самойловичъ провѣдалъ, что угрожаетъ его родителю, и пошелъ къ нему на зарѣ, но пройти къ гетману было уже невозможно; Якова схватили, привели къ отцу, когда тотъ вышелъ изъ церкви, и повели вмѣстѣ съ отцомъ. Къ ставкѣ боярина путь былъ не близокъ для пѣшаго хожденія; гетмана посадили въ простую телѣжку, а сына его верхомъ на клячѣ безъ сѣдла [1]). Въ такомъ видѣ обоихъ привезли въ великороссійскій станъ и приставили къ нимъ караулъ.

Боярин Голицынъ приказалъ собраться всѣмъ боярамъ, генераламъ и полковникамъ у приказнаго шатра и позвалъ старшинъ, обвинителей гетмана.

Передъ собраніемъ начальныхъ великороссійскихъ лицъ, сидѣвшихъ на своихъ мѣстахъ по чинамъ, козацкіе старшины въ короткой рѣчи изложили суть того, что у нихъ было написано въ челобитной, и въ заключеніе просили учинить надъ гетманомъ правосудіе.

Всѣ начальные люди привстали съ своихъ мѣстъ и князь Голицынъ сказалъ козацкимъ старшинамъ:

«Не затѣяно ли все это вами изъ досады и ненависти къ гетману по какимъ нибудь частнымъ оскорбленіямъ, которыя могли бы вознаградиться инымъ путемъ?»

На этотъ вопросъ послѣдовалъ такой отвѣтъ:

— Хотя много досадъ и оскорбленій дѣлалось отъ него многимъ изъ насъ и всему народу малороссійскому, но мы бы не посмѣли поднять на него рукъ, еслибъ онъ не былъ измѣнникъ; теперь же, по долгу присяги намъ умолчать объ этомъ невозможно. Онъ такъ ожесточилъ противъ себя всѣхъ, что намъ стоило не малаго труда удержать народную злобу, а то его растерзали бы козаки.

Голицынъ приказалъ привести гетмана.

Вошелъ Самойловичъ. Голова у него была повязана мокрымъ платкомъ: онъ постоянно прикладывалъ себѣ мокрый платокъ на голову, спасаясь отъ безпокоившихъ его головныхъ и глазныхъ болей. Онъ опирался на трость съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Князь Голицынъ въ короткихъ словахъ сообщилъ ему, въ чемъ его обвиняли. Гетманъ все отрицалъ и заявилъ готовность оправдать себя передъ судомъ. Но старшины подняли противъ него крикъ и брань; Дмитрашка Райча хотѣлъ ударить его саблею: боярин остановилъ его и сказалъ:

---

[1]) Лѣт. Самов. изд. 1878 г. стр. 168; „на конидр худую оседлав“.

— Онъ приведенъ сюда для того, чтобъ судить его, а не для того, чтобъ его убивать безъ суда беззаконно!

Боярин велѣлъ стрѣльцамъ увезти Самойловича и карауллить [1]).

Затѣмъ боярин объявилъ: такъ какъ Самойловичъ войску неугоденъ, то онъ отрѣшается отъ гетманскаго уряда и весь войсковой порядокъ до избранія новаго гетмана поручается генеральному обозному Борковскому [2]).

Старшины передали боярину бунчукъ и булаву и просили вручить ихъ тому, кто будетъ вновь избранъ гетманомъ. Для открытія избирательной рады необходимо царское знамя, и боярин послалъ за нимъ думнаго дьяка Емельяна Украинцева. Тогда боярин приказалъ писать къ духовнымъ лицамъ и къ отсутствовавшимъ значнымъ козакамъ, чтобъ они прибыли на избирательную раду. Двое гонцовъ были посланы въ тотъ же день—одинъ въ Москву съ извѣстіемъ объ арестованіи гетмана, другой—къ Неплюеву съ приказаніемъ арестовать Григорія Самойловича и всѣхъ благопріятелей гетмана, изъ которыхъ первымъ на виду казался Леонтій Полуботокъ, генеральный бунчужный, управлявшій тогда переяславскимъ полкомъ. Старшины отъ себя послали туда же полтавскаго асаула Чернява [3]).

Между тѣмъ разнеслась по войску вѣсть объ отрѣшеніи Самойловича и произвела волненіе, но не изъ сочувствія къ гетману, а изъ ненависти къ нему и къ его управленію. Прежде всего забурлили козаки гадяцкаго полка, убили своего полкового обознаго Кіяшку и съ нимъ нѣсколько человѣкъ товарищей. Боярин Голицынъ, услышавши о такихъ безпорядкахъ, послалъ великорусскихъ ратныхъ людей для усмиренія мятежныхъ гадячанъ. Но своевольство быстро распространилось въ другихъ полкахъ; козаки стали уходить компаніями, съ тѣмъ чтобы волновать поспольство и подущать мужиковъ бить орандарей и жечь владѣльческія усадьбы [4]). Это побудило Голицына ускорить выборъ новаго гетмана, чтобъ скорѣе возстановить въ краѣ власть и порядокъ. Онъ назначилъ избирательную раду на 25 іюля.

Посланный отъ козаковъ Черняк опередилъ Неплюева и первый увидѣлся съ Григоріемъ Самойловичемъ, сообщилъ ему объ отрѣшеніи отъ гетманства отца его и потребовалъ, чтобы Гри-

---

[1]) Gord., II, 187. Ригельманъ, Лѣт. Пов. о Мал. Россіи, часть II, 193. Чт. М. О. Ист. и Др. 1847 г. Симоновскій, 107.

[2]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., 169.

[3]) Gord. II, 188. Велич. III, 20. Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 172.

[4]) Лѣт. Сам., изд. 1878 г., стр. 169.

горій передалъ булаву наказного гетманства миргородскому полковнику Апостолу. «А тожъ мой отецъ виненъ!» — произнесъ со вздохомъ Григорій Самойловичъ, отдалъ булаву Апостолу, но удержалъ еще свой полковничій перначъ, такъ какъ его не отрѣшали отъ полковничества, и вслѣдъ за Апостоломъ пошелъ къ Кодаку. Неплюевъ шелъ за нимъ вслѣдъ. По извѣстію Величка, Григорій тогда написалъ и отправилъ къ князю Голицыну письмо, въ которомъ просилъ пощады и правосудія для родителя и поручалъ покровительству князя своихъ семейныхъ и родныхъ [1]). Дошли до Кодака.

Въ Кодакѣ стояли съ своими полками высланные въ отрядъ козацкіе полковники. Козаки прилуцкаго полка, услышавши, что нелюбимаго Самойловича уже нѣтъ на гетманствѣ, пришли въ ярость противъ своихъ полковыхъ старшинъ, схватили своего полковника, стараго Лазаря Горленка, и живого сожгли въ горящей печи; другихъ побили. И въ иныхъ полкахъ, стоявшихъ тамъ, происходило волненіе, но убійствъ было меньше: переяславскаго полковника Полуботка и наказного нѣжинскаго Ярему только арестовали [2]). У Григорія Самойловича нашлись тогда охранители противъ народной ярости — пѣшіе охотные казаки, сердюки: они окопали ставку полковника окопомъ и готовились защищать его оружіемъ [3]). Но Неплюевъ успокоилъ ихъ, и самъ Григорій Самойловичъ, видя, что сопротивленіе во всякомъ случаѣ безполезно, сдался, явился къ Неплюеву и положилъ передъ нимъ свой полковничій перначъ. «Здравствуй, Гриша!» сказалъ ему Неплюевъ со злобною улыбкою, и тотчасъ приказалъ заковать его въ кандалы, а все имущество бывшее съ нимъ взялъ, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, «до своеи ласки и протекціи» [4]). Неплюевъ доставилъ Григорія Самойловича Голицыну, который поручилъ генералу Гордону везти его въ Сѣвскъ подъ строжайшимъ карауломъ. Гордонъ 23-го августа сдалъ его тамошнему дьяку [5]).

Князь Голицынъ счелъ совершенно безполезнымъ чинить розыскъ по поводу обвиненій гетмана, считая достаточнымъ для отрѣшенія его отъ гетманскаго уряда только то обстоятельство, что войско не желало имѣть его гетманомъ, и предоставлялъ

---

[1]) Лѣт. Вел., III, 21.

[2]) Gord. II, 194.—Лѣт. Сам., изд. 1878 г., стр. 172. Ригельманъ, Лѣт. Пов. о Малой Россіи, ч. III, 3.

[3]) Чт. М. О. И. и Др. 1847 г. Симоновскій, 108.

[4]) Лѣт. Вел., III, 21.

[5]) Gord., II, 196—198.

Богу разсудить, если доносъ противъ него былъ только злословіемъ. При этомъ онъ указывалъ на примѣръ турецкаго султана, который смѣнялъ крымскихъ хановъ, не розыскивая, по одному только челобитью татаръ [1]). Продержавши нѣсколько времени Самойловича подъ карауломъ при своемъ обозѣ, онъ отправилъ его въ Орелъ, потомъ рѣкою Окою повезли гетмана съ сыномъ Яковомъ въ Нижній-Новгородъ, и въ сентябрѣ того же года состоялся царскій указъ послать ихъ на Кукарку [2]), и тамъ, дождавшись зимняго пути, отправить въ Тобольскъ, а сына его Якова съ женою въ Енисейскъ [3]). Такъ—замѣтилъ лѣтописецъ—[4]). Богъ караетъ тѣхъ, кто по гордости не считаетъ ни за что́ другихъ: вмѣсто маетностей и сокровищъ—великое убожество, вмѣсто дорогихъ каретъ—московская телѣжка съ подводчикомъ, вмѣсто парадныхъ слугъ—караулъ изъ стрѣльцовъ, вмѣсто музыкальныхъ инструментовъ—ежедневный плачъ и сожалѣніе о своей глупой гордости, вмѣсто роскоши—бѣдственная неволя. Все огромное домашнее имущество Самойловича было описано и отобрано: половина его пошла въ царскую казну, а другая въ казну войсковую малороссійскую. Жена низложеннаго гетмана была отослана въ Сѣднево [5]) на житье: ей въ видѣ милостыни дали изъ бывшаго собственнаго состоянія часть платья, выбравши для нея такое, какое было попроще, все бѣлье и 200 рублей денегъ. Тамъ осуждена была она жить съ дочерьми въ крайней бѣдности.

Сыну гетмана Григорію суждена была иная доля. Современникъ говоритъ, что онъ подобно отцу былъ высокомѣренъ и заносчивъ, надменно обращался съ козаками и поспольствомъ, звался не полковникомъ, а паномъ; дворъ его былъ постоянно охраняемъ сердюками, состоявшими у него на годовомъ жалованьи и бывшими единственными людьми ему преданными. Все прочее ненавидѣло его; онъ былъ неприступенъ и даже священники по нѣскольку дней должны были домогаться доступа къ этому поповскому внуку [6]). Въ доносѣ, поданномъ на его родителя, о Григоріѣ Самойловичѣ разсказывается слѣдующее: черниговскій войтъ хотѣлъ поставить на городской ратушѣ изображеніе орла въ знаменіе того, что городъ Черниговъ—древнѣйшая собственность царскаго рода; полковникъ не дозволилъ этого и говорилъ: «не

[1]) Устрял., Ист. Петра Вел., I. Прилож. № 7, стр. 352.
[2]) Нынѣ слобода вятской губ. яранскаго уѣзда, при р. Пижмѣ.
[3]) Чт. М. О. И. и Др. 1848 г., т. I, 322—328.
[4]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 71.
[5]) Мѣстечко черниговской губер. и уѣзда, при р. Сновѣ.
[6]) Ibidem, 170.

будете, мужики, жить на свѣтѣ, когда хотите выламываться изъ подданства пану отцу моему и отдаться Москвѣ» [1]). Вѣроятно полковникъ въ выходкѣ войта увидѣлъ повтореніе продѣлокъ Рославца, новую попытку угодить Москвѣ намѣреніемъ отдать часть Малороссіи въ непосредственную власть царскихъ воеводъ, изъявши изъ-подъ гетманскаго регимента. Послѣ взятія подъ стражу Григорія Самойловича, послѣднее событіе, бывшее съ нимъ въ Кодакѣ, растолковано было намѣреніемъ сопротивляться царской волѣ; Григорія подвергли въ Сѣвскѣ допросу и пыткѣ; онъ увѣрялъ, что укрѣплялъ свою ставку, охраняя себя отъ ярости козаковъ, а не отъ царскаго воеводы, но такихъ увѣреній не приняли и осудили Григорія на смертную казнь. Такую суровость надъ Григоріемъ Самойловичемъ объясняютъ [2]) тѣмъ, что Неплюевъ боялся: какъ бы гетманскій сынъ, оставшись живымъ, не уличалъ его, что онъ присвоилъ себѣ его имущество въ Кодакѣ. Казнь была совершена за городомъ Сѣвскомъ [3]) мучительнымъ способомъ: Григорію Самойловичу отрубили голову не съ-разу, но въ три пріема, нарочно за тѣмъ, чтобъ увеличить страданія [4]).

О дальнѣйшей судьбѣ сосланнаго гетмана и сына его сохранились такія извѣстія. Въ 1690 году Ивана Самойловича уже не стало. Въ это время сына его Якова перевели изъ Енисейска въ Тобольскъ къ отцу, но онъ не успѣлъ застать родителя въ живыхъ, а самъ окончилъ жизнь 9-го іюля 1695 года. Вдова его, Анна Владиміровна, дочь генерала Швейковскаго, подала челобитную о дозволеніи ей, ради средствъ къ пропитанію, воротиться къ братьямъ, смоленской шляхтѣ Швейковскимъ, и въ сентябрѣ того же года состоялся царскій указъ о препровожденіи ея въ Москву въ сибирскій приказъ, откуда велѣно будетъ сдать ее въ приказъ Малой Россіи [5]).

Н. Костомаровъ.

---

[1]) Чт. М. О. Ист. и Др., 1858 г., I, 300.

[2]) Лѣт. Вел. III, 59.

[3]) Ibidem. Лѣтописецъ обозначаетъ мѣстность казни словами: „где колыпки“,— вѣроятно это значитъ: тамъ, гдѣ стояли качели, которыя въ Великороссіи обыкновенно строились на выгонахъ городовъ и селеній.

[4]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 173.

[5]) Туманскій. Собран. разн. записокъ объ исторіи Петра Вел., II, 84—85.

ПО ПРИНЦИПУ

РОМАНЪ

XII *).

Петръ Герасимовичъ неожиданно получилъ телеграмму отъ сына, въ которой тотъ извѣщалъ его, что выхлопоталъ себѣ мѣсячный отпускъ и спѣшитъ въ Петербургъ повидаться «съ вами и Лидой», такъ гласила депеша.

Задумался надъ нею старый генералъ. И радъ онъ былъ увидать своего Мишу послѣ двухъ-лѣтней разлуки и смутно боялся, что не дешево обойдется ему этотъ неожиданный пріѣздъ. Въ домѣ поднялся переполохъ. Лида сама приготовила комнату брату.

Лида съ наслажденіемъ думала, какъ встрѣтятся они съ братомъ, какъ будетъ радъ онъ послѣ долгой разлуки, какъ отдохнетъ онъ съ ними въ этомъ тепломъ уютномъ гнѣздышкѣ.

«Командиръ полка не писалъ отду о немъ ничего дурного, онъ всегда какъ-то вскользь упоминалъ о Мишѣ. Быть можетъ, онъ измѣнился къ лучшему», мечтала Лида, «быть можетъ онъ не пьетъ уже, не играетъ. О, какое бы это было счастье! И отецъ бы воскресъ совсѣмъ и такъ бы славно зажилось тогда; опять перетащили бы его къ себѣ, въ Петербургъ, жили бы вмѣстѣ, какъ прежде, давно уже».

Старый Порфирій, отставной солдатъ, много лѣтъ служившій деньщикомъ при генералѣ и оставшійся теперь у него въ качествѣ довѣреннаго камердинера, озабоченно потряхивалъ го-

*) См. выше; августъ, стр. 522.

ловой и исподлобья угрюмо поглядывалъ на суетливыя приготовленія Лиды.

— Извѣстное дѣло, ваше—ство,—говорилъ онъ Петру Герасимовичу таинственнымъ тономъ,—баринъ молодой, необузданный, гдѣ ужъ тутъ порядку быть. И загуляютъ, значитъ, у насъ въ Питерѣ,—удержу не будетъ, а долго ли до грѣха, спаси Господи,—и старикъ набожно перекрестился.

Петръ Герасимовичъ вздохнулъ.

— Ты мнѣ, Порфирій, ежели увидишь тамъ, что такое, пожалуйста доноси немедленно, все же во-время оно, знаешь, лучше,—уныло проговорилъ онъ.

— Ужъ будьте благонадежны, не сумнѣвайтесь.

Насталъ съ нетерпѣніемъ ожидаемый день. У воротъ дома остановилась наемная карета, запряженная парою тощихъ коней. Распахнулась дверца, и изъ кареты появилась крѣпкая плечистая фигура въ сильно поношенномъ военномъ пальто.

Фигура эта съ такимъ неистовствомъ дернула за ручку звонка, что послѣдняя такъ и осталась у нея въ рукахъ.

Изумленными глазами посмотрѣлъ Миша на оторванную ручку и секунду стоялъ какъ-бы въ недоумѣніи.

Черезъ минуту Петръ Герасимовичъ душилъ его въ своихъ горячихъ объятіяхъ. Отъ отца мгновенно онъ перешелъ въ менѣе крѣпкія, но не менѣе нѣжныя объятія сестры.

Затѣмъ послѣдовалъ престарѣлый Порфирій, а за нимъ и весь немногочисленный домашній штатъ Хоботовыхъ, вышедшій встрѣтить и посмотрѣть на молодого барина.

— Ну, я радъ, Миша, очень радъ, что привелось еще свидѣться,—говорилъ растроганный Петръ Герасимовичъ.—Старъ становлюсь, а въ животѣ и смерти—одинъ Богъ воленъ.

— Э, полноте, папаша, что это вы такое говорите,—нетерпѣливо перебилъ его Миша. Ну, а ты, Лидка, какъ поживаешь? разсказывай.

При этомъ онъ пристально уставился на сестру и принялся разсматривать ее съ головы до ногъ.

Лидѣ стало неловко отъ этого испытующаго взгляда.

— Да что, Миша, живу по-маленьку,—вотъ работа есть, слава Богу,—переводы...

— Ну, вотъ еще глупости... переводы! Да что вы это ей позволяете, папаша, такими пустяками заниматься. Вѣдь она не старая дѣвка, чтобъ въ ученость погружаться... Да какая ты прелесть сдѣлалась, Лидка, чудо! развилась, возмужала... За-

мужъ тебя отдадимъ—вотъ что,—а всю эту книжную антимонію въ сторону.

— Эхъ, Миша, все ты такой же, ничуть не измѣнился,— уныло вздохнулъ Петръ Герасимовичъ.

— Да съ чего же мнѣ измѣняться-то, сами посудите: я не линяю,—и Миша залился густымъ хохотомъ, видимо довольный своей остротой.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ отвелъ Лиду въ сторону и просилъ ее заплатить два рубля за карету.

— Вѣришь-ли, вотъ всего 15 коп. съ дороги осталось,— говорилъ, онъ, вытряхая передъ ней изъ кошелька всѣ свои богатства. Только заплати сама, не говори отцу,—ну его совсѣмъ. Да у тебя деньги-то водятся?

— Есть, есть, Миша, сейчасъ вышлю,—поспѣшила она отвѣтить и, печально опустивъ голову, прошла въ свою комнату. «Нѣтъ, не даетъ намъ Богъ счастья,—не измѣнился братъ ни на капельку», горестно раздумывала она. «Господи, что-то будетъ!» И сердце ея сжималось въ невыразимой тревогѣ за отца, за брата.

— Порфирій!—громко прокричалъ изъ своей комнаты Миша.

— Что прикажете?

— Распорядись въ одну минуту, чтобъ мнѣ подали сюда... того,—онъ выразительно щелкнулъ пальцемъ.

— Что прикажете?—ужъ въ концѣ нахмурился Порфирій.

— Тьфу, болванъ!—разгорячился Миша. «Что прикажете»? «да что прикажете»? Только знай себѣ одно и твердитъ. Изъ ума видно выжилъ на старости лѣтъ. Ну, такъ слушай же: чтобы черезъ пять минутъ, здѣсь, на столѣ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, стоялъ графинъ съ водкой... очищенной, понимаешь? и приличествующая къ случаю закуска... Ну, понялъ теперь? Маршъ!

— Какъ не понять-то,—ворчалъ себѣ подъ носъ Порфирій.— Два года съ отцомъ не видался,—нельзя, значитъ, по этому самому случаю не налимониться.

Петръ Герасимовичъ по служебнымъ дѣламъ принужденъ былъ на нѣсколько дней уѣхать изъ Петербурга. Онъ нѣжно поцѣловалъ Лиду.

— До свиданья, моя дѣвочка, будь у меня хозяйкой безъ меня. Да за братомъ-то присматривай, Лидушка. Боюсь я, Лида, чтобы еще чего не накуралесилъ. Пьетъ-то онъ по прежнему, вотъ что скверно. А я надѣялся...

Старикъ не договорилъ. Безнадежно махнувъ рукой, онъ направился въ комнату сына.

Миша лежалъ, растянувшись во весь ростъ на диванѣ и, не выпуская сигары изо рта, меланхолически уставился мутными глазами въ потолокъ.

Курчавая голова его была безпорядочно всклокочена. Темные, густые волосы рѣзко обрамляли изъ-желта-блѣдное, испитое, но еще красивое лицо.

Черты этого лица были правильны, но рѣзки. Тонкія губы сложились въ злую, презрительную полуулыбку, темныя, нависшія брови, обрамлявшія стальные, неподвижные глаза, почти сростались надъ крупнымъ и характернымъ носомъ. Длинные, темные усы придавали его лицу еще болѣе воинственный, сварѣный видъ.

— Я ѣду сейчасъ, Миша, по службѣ, придется нѣсколько дней проѣздить,—говорилъ Петръ Герасимовичъ, ласково протягивая ему руку.—Ну, до свиданья, голубчикъ. Ужасно не хочется теперь уѣзжать,—ну, да, самъ знаешь, служба — прежде всего. И старикъ обнялъ и поцѣловалъ сына.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, папаша, мы тутъ съ Лидкой не будемъ шалить, умниками будемъ,—шутилъ тотъ.

— Тебѣ, можетъ быть, Миша понадобится что такое, такъ ты пожалуйста не стѣсняйся. Вотъ тебѣ,—онъ подалъ ему двадцатипятирублевую бумажку. Мнѣ Лида говорила, что ты совсѣмъ безъ денегъ. Только пожалуйста, Миша, объ одномъ тебя прошу, остерегись,—не пей.

— Будьте покойны, папаша, все будетъ обстоять исправно, а на счетъ ссуды—большое спасибо. По правдѣ скажу, совсѣмъ безъ денегъ сюда пріѣхалъ; жалованья впередъ не дали.

— Ну, ну, хорошо. До свиданья, только помни ты мою просьбу: не пей!

Оставшись одинъ, Миша снова растянулся на диванѣ и предался размышленіямъ.

— Ну, и деньжатъ малую толику раздобылъ, хватитъ на первые дни, а тамъ—увидимъ. Плохи дѣла ваши, Михаилъ Петровичъ, очень плохи. Два исхода лишь есть: жениться на какой-нибудь богатой бабѣ, или хватить въ Сербію добровольцемъ. Впрочемъ, послѣднее надо дѣйствительно погодить. Дѣла отечества тоже—не того, и не сегодня, завтра Россія объявитъ войну. Вотъ тогда—дѣло иное, порѣшилъ онъ,—и черезъ двѣ минуты среди воцарившейся тишины раздавался неистовый храпъ уже спящаго Миши.

XIII.

Я принужденъ сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы познакомить читателя съ личностью Михаила Петровича Хоботова. Для этого мнѣ достаточно ограничиться краткимъ очеркомъ жизни его послѣ извѣстной уже читателю катастрофы, когда, сдѣлавшись причиной разоренія отца, онъ бросилъ Петербургъ и перевелся на югъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ.

Проигравши чужое состояніе, поставивъ въ безвыходное положеніе и отца и сестру, Хоботовъ какъ-бы прозрѣлъ.

Прошлая жизнь его въ Петербургѣ, жизнь праздная, выше средствъ, наполненная массою скандалезныхъ приключеній, унесшая не мало силъ и здоровья,—встала-было передъ нимъ во всемъ своемъ непривлекательномъ свѣтѣ,—и онъ ужаснулся ея. Онъ хорошо понималъ, что довело его до этой праздности, до этого безпутства.

Рано остался онъ безъ матери, рано лишился женскаго, тихаго вліянія. Отецъ былъ слишкомъ слабъ, слишкомъ, быть можетъ, поглощенъ своею службой, чтобы имѣть возможность и время руководить первыми неопытными шагами его въ полковой жизни. Къ тому же онъ слѣпо любилъ его, слѣпо надѣялся на него. А натура Михаила Петровича была чисто русская, широкая. «Жить—такъ жить», говорили товарищи,—и дѣйствительно жили, т.-е. прожигали жизнь, состояніе, здоровье. Люди по бо́льшей части всѣ были со средствами, отставать нельзя было,—не ловко, и Хоботовъ дѣйствительно не отставалъ.

Появились долги, векселя. Необходимо было найти средства вывернуться изъ критическаго положенія, и не ударить лицомъ въ грязь предъ товарищами. Средство нашлось,—старое, рискованное: карты. Онъ рискнулъ разъ, другой, третій, — счастье благопріятствовало новичку,—и вотъ онъ опять безъ долговъ и съ порядочнымъ кушемъ въ карманѣ. Остановиться было трудно,—врядъ ли возможно. Игра сдѣлалась единственнымъ средствомъ необходимой наживы.

Счастье наконецъ измѣнило. Двадцать тысячъ были проиграны имъ въ одну ночь въ секретномъ игорномъ домѣ. При этомъ присутствовали товарищи, и даже часть была проиграна имъ.

Бѣжать безъ оглядки изъ этого омута, не видать безмолвнаго горя разореннаго отца и тихихъ слезъ Лиды!.. И онъ бѣжалъ.

Онъ рѣшилъ исправиться, искупить свой проступокъ. Для этого прежде всего надо забыть старыя привычки, отречься отъ

нихъ навсегда. Но привычки оказались не подъ силу слабому характеру, и, какъ всѣ слабые люди, онъ сталъ топить свое горе въ винѣ.

Въ полку, куда перевелся Хоботовъ, его встрѣтила иная жизнь. Полковой командиръ, старый пріятель отца, зная о его продѣлкахъ, отнесся къ нему крайне холодно и строго. Офицеры тоже недружелюбно поглядывали на петербургскаго гвардейца. Самолюбіе Хоботова страдало неимовѣрно съ перваго же дня его пріѣзда въ полкъ; къ тому же, онъ былъ одинокъ, среди чуждаго, враждебнаго ему общества. Въ немъ разгоралась сознательная ненависть и глухая злоба на окружающихъ.

Унизиться передъ ними, сознавая свое умственное превосходство, казалось ему немыслимымъ. Оставалось покорить ихъ себѣ во что бы то ни стало, чтобы потѣшиться надъ ними, надсмѣяться. Онъ отдѣлился отъ общества офицеровъ, съ улыбкой нескрываемаго пренебреженія встрѣчалъ онъ ихъ пылающіе негодованіемъ взоры. Хоботовъ еще болѣе сдружился въ это время съ бутылкой; внѣ службы она была его единственнымъ утѣшителемъ.

Трудно сказать, что было бы дальше, какъ поступилъ бы Михаилъ Петровичъ, чтобы выдти изъ этого все болѣе и болѣе невыносимаго положенія. Но съ нимъ случилось нѣчто, что должно было остановить совершавшееся въ немъ броженіе и создать окончательный характеръ.

Однажды въ воскресенье, Михаилъ Петровичъ отправился въ приходскую церковь къ обѣднѣ.

Будучи человѣкомъ религіознымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, никогда не отличался особенной набожностью и рѣдко посѣщалъ церковь. Теперь его побудили идти туда постоянные толки объ отцѣ Власіѣ, священникѣ прихода. Весь городъ кричалъ о его набожности, примѣрной жизни, и воскресныхъ проповѣдяхъ. На эти проповѣди собирались кучи народа въ его маленькую церковь. На этотъ разъ всѣ были взволнованы болѣе обыкновеннаго, всѣ ожидали чего-то особеннаго. Хоботовъ понялъ изъ отрывочныхъ разговоровъ вокругъ себя, что отецъ Власій скажетъ сегодня слово о страданіяхъ христіанъ на Дунаѣ, о братьяхъ славянахъ.

Обѣдня кончилась. Народъ заколебался и подался впередъ. Михаилъ Петровичъ увидѣлъ маленькаго, тщедушнаго старичка съ рѣдкой сѣдой бородой, окаймлявшей блѣдное, исхудалое лицо. Отецъ Власій окинулъ быстрымъ взглядомъ собравшуюся толпу, потомъ онъ опустилъ на грудь голову и минуту оставался въ этомъ положеніи, какъ-бы въ тяжеломъ раздумьи.

Михаилъ Петровичъ такъ и впился въ него глазами.

Странный контрастъ со всею старческой фигурой проповѣдника составляли его мгновенно сверкнувшіе изъ-подъ сѣдыхъ бровей блестящіе и черные, какъ уголь, глаза.

Съ замѣчательной силой и умѣньемъ, поражая неожиданными эффектами, началъ развивать онъ мысль о христіанскомъ подвигѣ, о христіанской любви. Онъ убѣждалъ тихо и ласково, онъ повелѣвалъ строго и страстно молиться за благопріятный исходъ тяжелой борьбы и содѣйствовать ей зависящими средствами. Въ яркихъ краскахъ изобразилъ онъ гоненіе церкви христіанской, звѣрства и безчинства кровожадныхъ турокъ. Онъ упомянулъ о русскихъ добровольцахъ, о трудности и важности предпринятаго ими подвига,—и, наконецъ, кончилъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Молитесь о братьяхъ своихъ предъ престоломъ Всевидящаго, и да не настанетъ часъ торжества изувѣровъ.

Весь почти слѣдующій день Михаилъ Петровичъ провелъ въ обществѣ отца Власія.

Священникъ покорилъ его себѣ окончательно. Отчужденному и несчастному, Хоботову казалось, что въ немъ онъ нашелъ себѣ истиннаго друга и руководителя. Отецъ Власій въ свою очередь относился какъ нельзя дружелюбнѣе къ своему новому знакомому. Въ нѣсколько дней между ними уже успѣли установиться самыя тѣсныя отношенія. Михаилу Петровичу впервые приходилось выслушивать страстныя, убѣжденныя рѣчи о долгѣ, о назначеніи человѣка, о любви къ ближнему.

Впечатлительная натура его чутко отозвалась было на этотъ новый, незнакомый ему окликъ. Онъ вдыхалъ теперь полной грудью какое-то, невѣдомое ему еще, тихое, нравственное наслажденіе, отъ отрекся почти окончательно отъ пагубной страсти къ вину, сталъ мягче, сообщительнѣе.

Положеніе его въ полку относительно товарищей и начальства измѣнилось какъ-то само собой. Всѣ относились къ нему просто, предупредительно, дружески.

Почти три мѣсяца Хоботовъ жилъ этой новой, случайно создавшейся, жизнью.

Отецъ Власій не оставлялъ его почти никогда. Старикъ и молодой человѣкъ, казалось, сдружились искренно и сознательно. Въ первое время этихъ дружескихъ отношеній священникъ горячо поддерживалъ и одобрялъ мысль Хоботова — отправиться въ Сербію добровольцемъ. Послѣдній настолько уже свыкся съ этою мыслью, что отъѣздъ свой въ Сербію считалъ уже дѣломъ

рѣшеннымъ, и боялся лишь непредвидѣнныхъ препятствій отъ начальства.

Препятствія явились на первомъ же шагу; командиръ полка отказалъ на-отрѣзъ ему въ своемъ ходатайствѣ, мотивируя отказъ натянутымъ положеніемъ вещей и возможностью очень близкой войны, судя по энергическимъ правительственнымъ мѣрамъ. Отказъ этотъ опечалилъ, разсердилъ, но не удивилъ его.

Удивиться пришлось Хоботову, и даже очень, когда въ тотъ же день, взволнованный и разсерженный отказомъ, онъ передавалъ подробности своей неудачи отцу Власію; послѣдній, какъ-бы сговорившись съ командиромъ полка, отвѣчалъ ему чуть ли не въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, убѣждая остаться на мѣстѣ и «выжидать событій».

Хоботовъ просто ушамъ своимъ не повѣрилъ.

— Вы ли это говорите мнѣ, батюшка! — съ изумленіемъ воскликнулъ онъ.

Отецъ Власій загадочно улыбнулся.

— Да, я вамъ говорю это, и говорю отъ чистаго сердца.

— Да что это? Простите меня, батюшка, но я перестаю понимать васъ!—съ какой-то мукой въ голосѣ почти закричалъ онъ. Не вы ли убѣдили меня въ величіи этого подвига? Не вы ли благословляли меня на него, батюшка? А теперь вы предлагаете мнѣ «выжидать событій».

— Э, полноте, не горячитесь, молодой человѣкъ. Подвигъ остается тѣмъ же, я не умаляю его ничуть; но мы, люди, поставлены бываемъ часто въ необходимость соображаться съ обстоятельствами, со средой. Мѣсяцъ тому назадъ я благословлялъ дѣло, а теперь, теперь... я умоляю васъ на это васъ... оставайтесь, я прошу васъ объ этомъ... на колѣняхъ, — и старикъ внезапно опустился передъ нимъ на колѣни.

Хоботовъ такъ и остолбенѣлъ; онъ не могъ произнести ни слова, онъ смотрѣлъ на смиренно стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ старца съ безконечнымъ недоумѣніемъ и даже непонятнымъ страхомъ.

— Вы называли меня другомъ своимъ, утѣшителемъ,—началъ отецъ Власій...—Ну, вотъ этотъ другъ умоляетъ васъ теперь: простите ему! Я говорилъ тогда такъ, потому что иначе не могъ, не долженъ былъ говорить. Теперь я не могу уже болѣе говорить такъ... Поймите меня, поймите!—продолжалъ онъ, простирая къ нему дрожащія руки.—Высшая власть руководитъ нами, эта земная власть, предержащая! Мы всѣ подчинены ей... Я не лгалъ тогда, но соображался, соображался съ временемъ,

съ этой властью, теперь я соображаюсь съ другимъ временемъ... Я говорю вамъ иныя слова.

— Такъ вотъ оно что! «иныя слова»,—блѣдный какъ полотно едва могъ выговорить Хоботовъ и, опустившись на стулъ, схватилъ руками свою горящую голову.

Старикъ былъ внѣ себя. Слезы дрожали въ его глазахъ и неестественный румянецъ покрылъ блѣдныя щеки.

Хоботовъ внезапно вскочилъ.

— Не пойму никогда я,—закричалъ онъ, злобно сверкая глазами,—не пойму, что похвально говорить одно и думать другое, не пойму я этой двуличности, этихъ «иныхъ словъ!» Батюшка, въ благодарность вашей любви ко мнѣ,—продолжалъ онъ уже тише, но съ безпощадной иронiей,—и я скажу вамъ правду: вы такой же лгунъ, какими земля кишитъ,—и хорошо вамъ потому жить на бѣломъ свѣтѣ!

Съ этими словами онъ опрометью бросился изъ комнаты.

Впечатлительная натура его привязалась-было къ отцу Власiю со всѣмъ пыломъ молодости. Хоботовъ создалъ въ немъ себѣ идеалъ и съ презрѣнiемъ оттолкнулъ его, когда этотъ идеалъ рушился передъ нимъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ выхлопоталъ себѣ отпускъ и, не имѣя опредѣленной цѣли, отправился въ Петербургъ, къ отцу.

Мы видѣли уже, что онъ вернулся туда не лучше, если не хуже того, какимъ былъ два года тому назадъ.

Вѣра въ людей, хотя колеблющаяся, пропала, — и ее замѣнили апатiя и равнодушiе.

— «Два исхода лишь есть: жениться на какой-нибудь богатой бабѣ, или хватить въ Сербiю добровольцемъ»,—онъ теперь могъ хладнокровно порѣшить не увлекаясь «высотою подвига», но смотря на вещи съ точки зрѣнiя простого разсчета.

XIV.

Андрей Васильевичъ вторично пріѣхалъ къ Хоботовымъ. Петръ Герасимовичъ еще не возвращался со служебной командировки, а Миша, по обыкновенiю, пропадалъ гдѣ-то съ самаго утра. На этотъ разъ Лида приняла его.

Она замѣтно была смущена и досадовала на себя, что не могла скрыть своего смущенiя.

— Давно уже не видался я съ вами, Лидія Петровна, — проговорилъ онъ, пожимая ея холодную руку.

— Да, давно. Я рада васъ видѣть.

— Вы мнѣ позволите немножко усумниться въ этомъ, — съ легкой усмѣшкой говорилъ онъ, усаживаясь въ кресло.

— Почему же? Я не совсѣмъ васъ понимаю.

— Ну, полноте, зачѣмъ намъ играть въ игру... Вы понимаете меня отлично, такъ же хорошо, какъ понимаю я, что вы могли дѣйствительно принять за серьёзное мою необдуманную шутку на томъ вечерѣ у Арбатовой,—и, пожалуй, обидѣться, разсердиться. Такъ вѣдь, Лидія Петровна? Вѣдь вы разсердились тогда на меня? Ну, теперь простите раскаявшемуся, простите по христіански, не злопамятуя,—перешелъ онъ въ шутливый тонъ. —Повинную голову мечъ не сѣчетъ.

— Нѣтъ, право, я не сержусь на васъ, — смутилась Лида, уже вполнѣ побѣжденная его добродушной искренностью. — А я забыла, Андрей Васильевичъ, — какъ-бы внезапно спохватилась она, — поздравить васъ... Ну, да и не мудрено, — я такъ давно васъ не видала.

— Благодарю васъ за поздравленіе,—холодно проговорилъ онъ.

Лида замѣтила эту внезапную его холодность при упоминаніи ея о свадьбѣ. Ей показалось, что онъ просто не желаетъ подать поводъ ей, Лидѣ, продолжать этотъ разговоръ.

Сердце ея болѣзненно сжалось, и она печально опустила голову. Съ минуту длилось неловкое молчаніе. Она сидѣла съ опущенной головой, и какъ-бы не смѣла взглянуть на Андрея Васильевича, между тѣмъ какъ тотъ не сводилъ съ нея глазъ.

— Она была больна, она очень была больна,—тихо проговорилъ онъ, наконецъ, какъ-бы отвѣчая на заданный ему вопросъ.

— Наташа?—спросила встрепенувшись Лида.

— Больше недѣли она лежала въ постели. Сильное разстройство нервной системы, говорятъ доктора; горячки боялись.

— Я не замѣчала въ ней никогда особенной нервности.

— Ну, вотъ, что прикажете дѣлать?—пожалъ онъ плечами.— А отчего это васъ послѣднее время нигдѣ не видать? — круто повернулъ онъ разговоръ.

— Да занята все, некогда.

Снова воцарилось тягостное молчаніе.

Лидѣ было невыносимо. Она ясно чувствовала, что что-то тяжелое, роковое легло между ними обоими съ того памятнаго ей вечера, что отношенія ихъ уже не тѣ, что въ нихъ много натянутаго, невысказаннаго.

Раздался сильный звонокъ.

— Вѣроятно, Миша, — встрепенулась она. — Вы знаете, на-днях брат пріѣхалъ въ отпускъ.

— Да?—разсѣянно взглянулъ онъ на нее.

Дѣйствительно, Хоботовъ вошелъ въ гостиную.

Онъ подошелъ къ сестрѣ, обхватилъ ея талію и, притянувъ къ себѣ, громко поцѣловалъ въ самыя губы.

— Мой братъ, Андрей Васильевичъ Бархановъ,—поспѣшила ихъ познакомить Лида.

Послѣдній окинулъ холоднымъ взглядомъ фигуру Хоботова и слегка пожалъ протянутую ему руку.

— Очень радъ,—процѣдилъ онъ.

Разговоръ не клеился, несмотря на всѣ старанія Лиды оживить его. Съ той минуты, какъ братъ ея вошелъ въ комнату, она мгновенно почувствовала себя облегченною.

Грустное, тяжелое раздумье, охватившее ее внезапно при Андреѣ, раздумье безсильное и тревожное, готовое каждую минуту прорваться наружу въ обильныхъ слезахъ или же въ безумномъ признаніи, исчезло при появленіи третьяго лица, и на нее напало какое-то лихорадочное оживленіе. Она говорила одна, говорила живо и весело, перебѣгая съ одного предмета на другой.

Андрей Васильевичъ сидѣлъ молча и не спуская съ нея глазъ. Трудно бы было опредѣлить, слышалъ ли онъ въ эти минуты все, что говорила она, или только жадно ловилъ звуки ея голоса, выраженія ея лица.

Миша тихо улыбался, смотря на сестру.

— Я знаю, для васъ не существуетъ звуковъ,—говорила она, обращаясь къ Барханову:—вы не понимаете той глубокой поэзіи, которая кроется въ ихъ гармоническомъ сочетаніи. Языкъ музыки—языкъ души, — увлекалась она все болѣе и болѣе:—онъ понятнѣе ей всѣхъ словъ, даже облеченныхъ въ изящную форму стиха...

— Я думаю напротивъ,—перебилъ ее Андрей. Что можетъ быть сильнѣе слова, что можетъ быть проще и понятнѣе его?

— Не говорите. Слово, напротивъ, бываетъ иногда слишкомъ слабымъ для выраженія того, что мы можемъ чувствовать. «Нѣтъ словъ выразить» — вотъ фраза, къ которой зачастую приходится прибѣгать намъ, сознавая полную невозможность передать свои чувства, свои ощущенія.

— Но отчего же,—слегка улыбнулся Андрей Васильевичъ,—отчего, скажите мнѣ, если музыкѣ, этимъ гармоническимъ звукамъ, назначено такое неограниченное господство надъ человѣ-

комъ, надъ его душою, отчего не всѣ понимаютъ ихъ, не всѣ отзываются на нихъ?

— О, это дѣло особенной чуткости, — вмѣшался Хоботовъ, со вниманіемъ слушавшій этотъ разговоръ. — Тутъ нужна особенная воспріимчивость не только уха, но и души. Я не знаю, какъ бы объяснить вамъ это, но я это очень хорошо понимаю.

— Вы хотите, можетъ быть, сказать, что нравственно нужно дорости до пониманія этого языка? — съ легкой ироніей обратился къ нему Андрей Васильевичъ.

Хоботовъ какъ-бы задумался на секунду.

— Оно, пожалуй, и такъ,—внезапно порѣшилъ онъ.—Помните ли вы прелестное стихотвореніе Лермонтова, «Молитва»? — Ну, вотъ прочтите-ка ее нашему дворнику Степану, — развѣ пойметъ онъ всю поэзію этихъ строкъ?

Есть сила благодатная
Въ словахъ ея живыхъ,—
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ!

— съ жаромъ продекламировалъ онъ, вскочивши съ мѣста. — Нѣтъ, воля ваша, — не всякій-таки пойметъ это. Говоря о гармоніи, о музыкѣ — будетъ тоже. По-моему, Лида права... — Отчего же поэтъ не постарался объяснить намъ словами, что это за «непонятная» прелесть? Оттого, очевидно, что слово было бы слишкомъ блѣдно, слишкомъ безцвѣтно. Онъ сознаетъ это, и въ-время ставитъ точку.

Лида съ любовью посмотрѣла на брата. Въ безцвѣтныхъ, стальныхъ глазахъ его загорѣлась искорка.

Визитъ Андрея Васильевича продлился слишкомъ долго. Его просили остаться обѣдать; онъ охотно согласился, совершенно позабывъ о томъ, что вчера еще обѣщалъ Наташѣ пріѣхать на весь день.

За обѣдомъ оживленіе Лиды не замедлило сообщиться и ему. Что до Миши, то онъ сдѣлался крайне веселъ и разговорчивъ, благодаря нѣсколькимъ рюмкамъ вина, незамѣтно пропущеннымъ имъ въ своей комнатѣ.

— Ну, сегодня, — внезапно обратился онъ за обѣдомъ къ Лидѣ,—я навѣрное уже узналъ крайне интересную новость.

— А что?—беззаботно спросила она его.

— Война будетъ объявлена на-дняхъ,—тихо и съ удареніемъ проговорилъ онъ.—Вѣроятно, на праздникахъ.

— Да, этого надо ожидать. Смѣшно было бы надѣяться теперь на миролюбивый исходъ,—проговорилъ Бархановъ.

— И папа, и ты должны будете идти, Миша? — съ волненіемъ обратилась къ нему Лида.

— Ну, это еще неизвѣстно. Намъ походъ не объявленъ,— и безъ насъ не мало войска сбирается на границѣ.

— Опять ужасы, смерть, разоренье, — задумчиво проговорила она. — Мнѣ кажется, что война — это бо́льшее изъ всѣхъ существующихъ и вообразимыхъ золъ.

— Я согласенъ вполнѣ съ вами, и не могу согласиться съ тѣми воинственными философами, которые, признавая войну ужаснымъ зломъ, считаютъ это зло необходимымъ, неминуемымъ.

Миша внезапно повернулся къ нему со стуломъ.

— Да оно такъ и есть, — горячо заговорилъ онъ. — Если война и есть зло, то во всякомъ случаѣ — зло неминуемое, неизбѣжное. Интересы государствъ будутъ сталкиваться между собой до тѣхъ поръ, покуда существуютъ они, эти интересы, а не существовать они не могутъ, — разъ существуютъ самостоятельныя государства. Это неизбѣжное столкновеніе не всегда, конечно, породитъ войну; оно можетъ кончиться взаимными уступками государствъ другъ другу, взаимнымъ ихъ соглашеніемъ между собой. А если нѣтъ? Тогда что?—Тогда дипломатъ закрываетъ свой портфель, и солдатъ берется за ружье.

— Все это такъ, конечно, — это истина, аксіома, если мы допустимъ неизбѣжное столкновеніе между собой различныхъ интересовъ. Но такъ ли это? — вотъ въ чемъ вопросъ. Дѣйствительно ли должны сталкиваться они между собою такъ же неминуемо, какъ и существовать, — или же они сталкиваются только потому лишь, что, при современномъ общественномъ строѣ, *могутъ* сталкиваться? Мнѣ кажется, что интересы эти не должны сталкиваться между собой, ради себя же, ради принципа утилитаризма... И это будетъ, повѣрьте, — это придетъ само собой; придетъ тогда, когда мы всѣ яснѣе поймемъ свою пользу. И я увѣренъ, что настанетъ время, когда война, какъ средство неразумное и даже крайне невыгодное для государства, будетъ совсѣмъ изгнана изъ политической жизни.

— Любопытно бы было дожить до этого блаженнаго времени, — съ ироніей отвѣчалъ Хоботовъ.

Послѣ обѣда Миша какъ-то нечаянно попалъ въ свою комнату, нечаянно увидалъ тамъ недопитый со вчерашняго дня графинчикъ, и нечаянно замѣшкался въ дружелюбной съ нимъ бесѣдѣ.

Андрей Васильевичъ и Лида остались одни.

Несмотря даже на слишкомъ рѣзкія противорѣчія Хоботова, Барановъ почувствовалъ себя теперь какъ-то особенно хорошо и уютно.

И самъ Миша ему нравился, и небольшая гостиная Лиды, убранная крайне неприхотливо и просто, нравилась ему въ эту минуту болѣе всѣхъ вычурныхъ великосвѣтскихъ салоновъ, и мяуканье кошки, жалостно глядѣвшей на свою хозяйку и видимо просящейся къ ней на колѣни, и легкій запахъ резеды въ горшечкахъ, и однообразное бряканье огромнаго маятника старинныхъ часовъ, и тусклый свѣтъ небольшой лампы, покрытой вырѣзнымъ бумажнымъ абажуромъ,—все это казалось ему неотразимо привлекательнымъ и симпатичнымъ.

А образъ Лиды... Онъ не можетъ оторвать глазъ отъ этого образа, онъ смотритъ на него жадно и пристально; смотритъ и чувствуетъ, какъ непривычно быстро бьется его сердце.

— Отчего вы стали опять такая грустная, невеселая? спрашиваетъ онъ ее и самъ слышитъ въ своемъ голосѣ незнакомыя ему задушевныя ноты.

— О, нѣтъ, я, напротивъ, такъ весела сегодня, какъ и не запомню. Я вамъ обязана этимъ. Я такъ рада васъ видѣть.

Слова эти вырвались просто, сами собой,—да Лида и не хотѣла бы ихъ взять обратно.

Ей было слишкомъ хорошо сегодня, потому, быть можетъ, ей и стало теперь грустно.

Каждая счастливая минута отравлялась сознаніемъ, что она навѣрно послѣдняя... Вѣдь Наташа выздоровѣетъ не сегодня, завтра... И тогда? Что будетъ тогда, она знала хорошо, но боялась сама отвѣтить навязчивой мысли.

Она уходила мгновенно въ себя, задумчивая, грустная.

— Правда ли это, правда ли?—сказалъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ наклонясь къ ней.

Она отшатнулась въ сторону.

— Скажите мнѣ, что я для васъ, что?—страстнымъ шопотомъ продолжалъ онъ, снова подвигаясь къ ней.

— Все! хотѣла было крикнуть она ему и замереть на его груди съ этимъ словомъ, но вдругъ передъ нею въ дверяхъ гостиной, словно призракъ, выросъ изъ земли образъ Наташи, ея блѣдное исхудалое отъ болѣзни личико, недоумѣвающіе широко раскрытые глаза ея, смотрящіе на нихъ не то съ удивленіемъ, не то со страхомъ... Что это, сонъ?

Но нѣтъ, и Андрей увидѣлъ этотъ призракъ. Онъ поднялся

съ мѣста съ поблѣднѣвшимъ, какъ полотно, лицомъ и растерянным взглядомъ.

— Это неожиданный сюрпризъ я хотѣла вамъ сдѣлать. Здорова, какъ видите, упросила маму,—проговорилъ призракъ, протягивая имъ дрожащую руку.

Да, это не сонъ.

XV.

Въ тотъ же самый день въ будуарѣ Барханової происходила слѣдующая сцена.

Татьяна Павловна въ утреннемъ неглиже полулежала на низенькомъ турецкомъ диванчикѣ.

Передъ ней, развалясь на креслѣ, возсѣдалъ Павелъ Аѳанасьевичъ.

По возбужденному лицу ея, по яркимъ пятнамъ, выступившимъ у нея на щекахъ, можно было замѣтить, что разговоръ велся между ними не шуточный.

Павелъ Аѳанасьевичъ находился въ состояніи глубокаго размышленія.

Въ комнатѣ царило молчаніе.

— Итакъ, рѣшено,—заговорила она наконецъ,—вы пустите въ ходъ всевозможныя средства,—дѣло ваше, но этому браку не бывать.

— Не бывать-то, не бывать,—задумчиво протянулъ Павелъ Аѳанасьевичъ,—да какъ это сдѣлаешь-то...

Татьяна Павловна видимо начинала терять терпѣніе.

— Слушайте, папаша,—заговорила она, сердито нахмуривъ брови,—я не стану перечислять вамъ всего, что́ я для васъ уже сдѣлала и что́ еще въ состояніи сдѣлать. Но вѣдь вы отлично умѣете понимать свою пользу, вамъ не приходится ее растолковывать какъ ребенку. Если вы не исполните этой моей къ вамъ первой просьбы, то, конечно, будьте увѣрены, что она къ вамъ будетъ и послѣднею; но уже и вы, съ своей стороны, не относитесь тогда ко мнѣ слишкомъ строго.

— Да полно, полно,—заёрзалъ онъ на креслѣ, видимо тронутый за живое,—развѣ я отказываюсь, Танюша, сдѣлать по твоему желанію? Грѣхъ тебѣ и думать-то такъ, не только что говорить, Танюша. Я съ моимъ удовольствіемъ... Ненавижу я этого молокососа, Танюша, чтобъ только ему на томъ свѣтѣ—ни дна, ни покрышки...

— Да что вы тамъ толкуете, право,—съ нетерпѣніемъ перебила его Татьяна Павловна,—и что за польза въ пустыхъ разговорахъ, когда не разговаривать, а дѣйствовать надо! Вонъ та, курносая-то,—говорила она про Наташу,—ужъ поправляется; смотрите,—на красной горкѣ свадьбу сыграютъ. Ну, что тогда, что? И остались мы съ вами, значитъ, безмозглыми дураками, позволили безнаказанно играть собой, издѣваться надъ собой... Нѣтъ, этого я не потерплю, ни за что не потерплю, слышите ли, папаша! Ну, милый мой, папа, голубчикъ,—внезапно перешла она на нѣжный тонъ избалованнаго ребенка,—сдѣлай такъ, чтобъ отказала Андрею эта ненавистная мнѣ курносая дѣвчонка. Сдѣлай, какъ хочешь, только сдѣлай...

Дочь просила у него невозможнаго.

Разстроить свадьбу! Да развѣ легко это сдѣлать, развѣ стоитъ только захотѣть этого—и дѣло въ шляпѣ? Нѣтъ, тутъ необходимо многое, чего онъ, Павелъ Аеанасьевичъ, не имѣлъ. Необходимо прежде всего заручиться безграничнымъ довѣріемъ невѣсты... А можетъ ли быть рѣчь теперь о довѣріи, когда и простого знакомства съ Арбатовой врядъ ли бы удалось ему добиться? Значитъ, невозможное дѣло...

Все это сообразилъ онъ въ одну минуту и чувствовалъ себя крайне неловко отъ ласкъ и угрозъ дочери. Та просила и требовала вмѣстѣ.

— Ну, разсуди сама Таня... Вѣдь ты умница у меня,—не можешь такого дѣла не разсудить,—заговорилъ онъ съ нѣжностью цѣлуя ея руки. Какъ я сдѣлаю это? Я и въ домъ-то къ ней не вхожъ... Сама посуди,—противъ рожна не попрешь.

Онъ краснѣлъ и волновался все болѣе и болѣе подъ неподвижнымъ взглядомъ молча слушавшей его дочери.

При первыхъ же словахъ его она рѣзко выдернула у него свою руку и, ставъ спиною къ столу, съ презрительно сжатыми губами смотрѣла на отца.

— Хорошо. Довольно объ этомъ. Вы не можете, или не хотите,—все равно... Я постараюсь обойтись и безъ вашей помощи, папаша.

Съ этими словами она позвонила.

Павелъ Аеанасьевичъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ своего мѣста. Онъ боялся въ ней этого тона, боялся ея рѣшимости.

— Что ты, Таня? Чего ты? Неужели...—Онъ не могъ договорить ужасной фразы; онъ боялся разрыва съ дочерью, боялся, что она сейчасъ при немъ велитъ не принимать его.

— Велѣть сейчасъ же заложить карету,—поскорѣе, приказала она вошедшей въ эту минуту горничной.

— Лошадей Андрея Васильевича еще не распрягали; карета только-что вернулась, одна. Не угодно ли вамъ будетъ ѣхать въ ней?

— Хорошо, все равно.

Черезъ двадцать минутъ она садилась уже въ экипажъ.

— А гдѣ Андрей Васильевичъ?—спросила она кучера.

— У генерала Хоботова.

Она отправилась къ Арбатовымъ.

Хоботова, Хоботова.... старалась она дорогой припомнить себѣ эту фамилію. Она, кажется, не одинъ разъ уже слышала ее, слышала отъ Андрея, отъ Лѣсникова. Да, вспомнила! Лѣсниковъ однажды при ней за вечернимъ чаемъ слегка подтруниваль надъ Андреемъ. Онъ говорилъ,—что, женившись на Наташѣ, Андрей безспорно сдѣлаетъ une bonne affaire. Потомъ, видимо не безъ умысла, онъ упомянулъ о красавицѣ Хоботовой, замѣтивъ, что у ней есть все,—кромѣ денегъ... Она помнитъ, что Андрей наморщился при этомъ сопоставленіи,—и былъ видимо чѣмъ-то недоволенъ.

Воскресивъ въ своей памяти этотъ въ сущности незначительный эпизодъ, Татьяна Павловна несказанно обрадовалась. Сначала скорѣе непосредственнымъ чувствомъ, чѣмъ логическимъ ходомъ мышленія, — она угадала въ этой неизвѣстной ей дѣвушкѣ единственное и надежное орудіе, долженствующее,—конечно, при ея вмѣшательствѣ, разстроить предстоящій бракъ Андрея съ Арбатовой.

Наташа видимо поправлялась; она бросила уже постель, ходила, болтала и смѣялась безъ умолку,—только сказывалась въ ней еще чрезвычайная слабость. Гринбаумъ позволилъ ей даже кататься въ теплые, хорошіе дни. Онъ былъ увѣренъ, что свѣжій воздухъ возстановитъ ея силы.

Видя настоящее положеніе дѣла, Татьяна Павловна понимала, что, едва лишь минетъ великій постъ, Варвара Григорьевна поспѣшитъ свадьбой дочери. Значитъ,—если дѣйствовать, такъ надо дѣйствовать *теперь*, не теряя времени.

Давно ли еще консиліумъ докторовъ рѣшилъ, что болѣзнь Наташи принимаетъ болѣе серьёзный, чѣмъ можно было предположить по началу, оборотъ? А теперь—она почти-что здорова. Ясно, что не физическое разстройство организма лежитъ главнымъ образомъ въ основаніи ея болѣзни, а нравственное... Она впечатлительна до крайности, ревнива до безумія.

«Разъ устранено все, могущее взволновать ее и возбудить ревнивую страсть, то нѣтъ уже основаній опасаться за ея здоровье,—и, вѣроятно, ничто не затормозитъ тогда хотя бы на время брака ея съ Андреемъ».

Все это быстро, какимъ-то вихремъ, пронеслось теперь въ ея головѣ.

«Надо дѣйствовать», мысленно порѣшила она въ ту минуту, когда карета ея остановилась у дома Арбатовой.

Но какъ *дѣйствовать*,—этого она еще и сама не знала.

XVI.

Навѣщая теперь почти ежедневно больную Наташу, Татьяна Павловна видимо избѣгала оставаться съ ней наединѣ.

Это обстоятельство радовало Варвару Григорьевну.

«Подальше—оно и лучше, разсуждала она сама съ собою. Долго ли опять до бѣды... Береженаго—Богъ бережетъ».

Она была глубоко убѣждена, что *оберегаетъ* дочь отъ этой «злоязычной». Тѣмъ не менѣе не предвидя возможности, при своемъ неусыпномъ наблюденіи, какихъ бы то ни было новыхъ вредныхъ столкновеній между ею и Наташей, она сдѣлалась съ нею несравненно обходительнѣе и ласковѣе.

Василій Александровичъ не могъ этого не замѣтить.

— Я радъ,—говаривалъ онъ Варварѣ Григорьевнѣ,—я радъ, что вы мѣняете мнѣніе о моей Танѣ. О! я знаю отлично, что вы не очень-то долюбливали ее... Я согласенъ,—она капризна, своенравна, быть можетъ... пусть такъ! Но прежде всего она не злая женщина, а это уже многое въ ней искупаетъ. За нее надо только умѣть взяться; сердце у нея золотое.

Старикъ, вѣроятно, и самъ не вѣрилъ тому, что́ говорилъ, но говорить такъ ему было необходимо,—даже Варварѣ Григорьевнѣ. Не могъ же онъ, хотя бы предъ самымъ близкимъ ему человѣкомъ, обнажить свою душу и позволить заглянуть въ ея тайники.

А на душѣ его было далеко не спокойно, не ладно. Что же дѣлать? Оставалось обманывать, по возможности, и себя и другихъ. Неизвѣстно, понимала ли Варвара Григорьевна эту мучительную его двойственность, съумѣла ли она прочитать отъ доски до доски все, что́ дѣйствительно наполняло его, но только она недовѣрчиво качала головой на его слова и по временамъ какъ-то загадочно вздыхала.

— Что же это Андрей не ѣдетъ... Онъ обѣщалъ быть къ обѣду,—говорила Наташа, нетерпѣливо взглядывая на часы.

— Охъ, ужъ эти мнѣ влюбленные,—улыбнулась Варвара Григорьевна.—Терпѣнія у нихъ совсѣмъ нѣтъ.

— Ужъ я ли, мама, не терпѣлива, я ли еще не жду!—горячо протестовала та.—Эта несносная болѣзнь! Мы обвѣнчались бы передъ постомъ,—а теперь... Фу, какъ скучно быть невѣстой!

— А по моему, такъ это самое счастливое время. Сколько надеждъ, сколько розовыхъ думъ!.. Помню, помню и я его, Ната... Чего въ это времячко не передумаешь, чего не переживешь! Сердце изъ груди словно вырваться хочетъ. Сознайся, вѣдь правда? Вѣдь душу свою бы кажется отдала ему, только бери, бери скорѣе... Одна всего о немъ дума и есть,—да дума-то какая! Хорошая...

— Хорошая, хорошая,—словно эхо повторила за ней Наташа, устремляя на нее задумчивый, ласкающій взоръ.—Господи, какъ хорошо жить!—воскликнула она съ внезапнымъ и сильнымъ порывомъ.—Счастья-то сколько, счастья! И люди всѣ—добрые, честные... Какъ я люблю ихъ всѣхъ, мама!

— Люби, моя Ната. Христосъ училъ любить ближняго, какъ самого себя.

Онѣ сидѣли теперь обнявшись въ углу дивана, тѣсно прижимаясь другъ къ другу. Мать упивалась въ эту минуту счастіемъ своей дочери. Она готова была зарыдать...

— По обыкновенію безъ доклада,—раздался около нихъ звучный женскій голосъ.—Ну, какъ здоровье нашей милой больной? О, да какая розовая,—прелесть! И глаза блестятъ...

Татьяна Павловна стояла передъ ними, съ ласковой и доброй улыбкой протягивая свою затянутую въ перчаткѣ руку.

— Ну, я рада, рада,—опускаясь въ кресло, обратилась она къ Наташѣ,—видѣть васъ такимъ молодцомъ. Давно пора. Бѣдный Андрей совсѣмъ измучился.

— Кстати, не видали ли вы его сегодня? Обѣщался быть, но что-то не ѣдетъ,—полюбопытствовала Наташа.

— Сегодня? Нѣтъ, не видала. Да, впрочемъ, его дома нѣтъ, чуть ли не съ самаго утра.

— Отлично, отлично!—радостно захлопала въ ладоши Наташа. Я очень рада, что его нѣтъ дома, что онъ пропадаетъ гдѣ-то. Вчера еще онъ старался убѣдить меня, что сидитъ безвыѣздно дома,—только у васъ, говоритъ, и бываю. Я тогда еще не повѣрила ему,—онъ прикинулся обиженнымъ.—Вотъ теперь я его

непремѣнно уличу, только пожалуйста не говорите, что узнала отъ васъ; пускай самъ догадывается.

— Конечно, догадается,—засмѣялась та,—вѣдь вы же теперь никого не принимаете,—и я одна могла только вамъ сообщить объ этомъ.

— Все равно. Это не его дѣло—откуда я знаю. Знаю—и довольно. А гдѣ онъ? Не можете ли вы это сказать...

— Ну, ужъ этого я не знаю. Вѣдь у него масса знакомыхъ.

— А какъ вы думаете, скажите,—приставала Наташа, желая непремѣнно поинтриговать Андрея.

— Право же не съумѣю вамъ сказать. Да не все ли вамъ равно? Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вернется къ вамъ,—отвѣтила улыбаясь Татьяна Павловна.

— Да нѣтъ, я хочу знать, гдѣ онъ, гдѣ? Я вижу по вашему лицу, что вы знаете, но не хотите сказать.

— Полно, Ната,—ты словно капризный ребенокъ: я хочу, я хочу,—передразнила ее Варвара Григорьевна.

Ей хотѣлось почему-то прекратить этотъ разговоръ.

— Ахъ, позвольте,—какъ будто спохватилась внезапно Татьяна Павловна. Я начинаю припоминать... Кажется, онъ отослалъ карету—я пріѣхала въ его каретѣ—отъ генерала... генерала—говорилъ кучеръ... Вотъ память-то! Она задумалась на минуту.

— Мама, не знаешь, у какого генерала онъ всего чаще бываетъ? обратилась Наташа къ Варварѣ Григорьевнѣ.

— Почемъ я знаю,—у какого генерала! Мало ли генераловъ въ Петербургѣ!—съ нѣкоторымъ уже нетерпѣніемъ проговорила та. Ну, не капризница она у меня развѣ,—обратилась она къ Татьянѣ Павловнѣ, не баловница? Загорѣлось вотъ ей—и подай. И къ чему, спрашивается? Вся въ отца; покойникъ тоже, бывало...

— Мама, голубчикъ, не сердись, милая,—перебила ее, лаская Наташа.—Пусть это капризъ,—я знаю. Уличить хочется мнѣ его... Какъ онъ удивится, когда я скажу ему что слѣдила за нимъ и знаю—гдѣ онъ былъ!

— Вспомнила, вспомнила! Карету онъ отослалъ отъ генерала Хоботова,—такъ кажется...

— Отъ Хоботова?—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ подтвердила Наташа.

— Да, да, навѣрное, теперь я помню,—подтвердила Татьяна Павловна.

Разговоръ порвался на этомъ. Наташа съ досадой взглянула на часы. Безъ двадцати пять, а его все нѣтъ. Она встала.

— Куда ты?

— Къ себѣ, мама, я что-то утомилась очень,—отвѣтила она Варварѣ Григорьевнѣ и тихо, не поворачиваясь, вышла изъ комнаты.

Татьяна Павловна крѣпко закусила губу и опустила глаза: она боялась выдать себя и... расхохотаться.

Оставшись наединѣ, Наташа задумалась. «Такъ онъ у Хоботовыхъ», кружилось въ ея головѣ. «Не для Петра же Герасимовича онъ тамъ сидитъ,—значитъ для Лиды», подсказала ей ревнивая мысль.

Назойливо встала передъ нею красивая, изящная Лида. Съ удивительной быстротой и ясностью возникали теперь въ ея памяти различныя обстоятельства и мелочи, на которыхъ прежде она не обращала никакого вниманія.

Помнится ей, что Андрей тогда-то слишкомъ долго сидѣлъ съ нею вдвоемъ, они разговаривали о чемъ-то, повидимому, горячо и оживленно... Она подошла къ нимъ,—они съ-разу замолкли, имъ было неловко обоимъ. О чемъ говорили они тогда?

Потомъ однажды—былъ у нихъ вечеръ—Лида не хотѣла танцовать, она отказывала рѣшительно всѣмъ, но, когда пригласилъ ее Андрей, она пошла съ нимъ съ-разу, не заставляя себя упрашивать. Они танцовали мазурку и такъ, кажется, были заняты другъ другомъ, что то-и-дѣло путали фигуры и пропускали свою очередь. Оля Карчагина смѣялась надъ ними и назвала «сахаръ-медовичами», такъ ужъ были нѣжны они другъ съ другомъ.

Да, наконецъ, тотъ вечеръ, когда Андрей сдѣлалъ ей предложеніе... Она вызвала Лиду къ себѣ изъ гостиной, чтобы наединѣ подѣлиться съ ней своимъ счастьемъ,—а она какая-то безучастная была, блѣдная, руки у ней какъ ледъ были...

Мучимая ревнивыми, внезапно овладѣвшими ею подозрѣніями, Наташа расплакалась. «Вотъ онъ сейчасъ пріѣдетъ, я выскажу ему все, скажу, какъ я мучилась, какъ *ненавижу* эту красивую дѣвчонку. О! онъ успокоитъ меня... Я потребую, чтобы онъ поклялся мнѣ, что не любитъ ея,—и онъ поклянется».

Прошелъ уже цѣлый часъ. Она сидѣла по-прежнему, закрывъ лицо руками и по временамъ вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Дверь тихо скрипнула. Наташа быстро повернулась.

— Андрей!—готово было вырваться у нея радостное восклицаніе. Въ комнату вошла Варвара Григорьевна. Она внима-

тельно взглянула на дочь и приложила руку къ ея пылавшему лбу.

— Опять жаръ,—проговорила она.—Лягъ, Ната. Тебѣ нездоровится, поблѣднѣла... Татьяна Павловна уѣхала,—прибавила она, помолчавъ съ минуту.—Лягъ, милая; мы отобѣдаемъ здѣсь.

— Я не хочу... Его нѣтъ, мама, онъ тамъ сидитъ, у Лиды, —проговорила та дрогнувшимъ голосомъ.

— Ну, полно, быть можетъ она и ошиблась... Да наконецъ онъ могъ быть тамъ съ визитомъ. Если задержали его, такъ, конечно, не тамъ. Онъ всегда былъ аккуратенъ. Вѣроятно встрѣтилось что-нибудь непредвидѣнное.

— Нѣтъ! нѣтъ! Онъ тамъ... Онъ давно ее любитъ!—вырвалось у Наташи отчаянное восклицаніе.

— Тебѣ надо успокоиться, Ната; ты слишкомъ волнуешься; ты не знаешь что говоришь. Вѣдь уже однимъ своимъ сомнѣніемъ ты оскорбляешь честнаго человѣка, за какого я всегда считала и буду считать Андрея. Ната, будь тверда въ своей вѣрѣ; кто любитъ, тотъ долженъ вѣрить. Успокойся же, опомнись,—строго и серьёзно проговорила Варвара Григорьевна—и вышла изъ комнаты.

Несмотря на всѣ эти утѣшительные доводы, которыми Варвара Григорьевна старалась успокоить дочь, она далеко сама не могла успокоиться.

Холодное спокойствіе, выказанное ею при Наташѣ, было фальшивое, напускное. Она должна была прикрыться имъ, чтобы не выдать передъ нею охватившаго ее волненія. Конечно, она знаетъ Андрея, но знаетъ-ли она его настолько хорошо, да и можетъ-ли она знать его такъ, чтобы дѣйствительно поручиться за всѣ его поступки?

О, нѣтъ, въ немъ течетъ чистая благородная кровь родителей; онъ неспособенъ на подлость.

Да быть можетъ это вовсе и не подлость? Развѣ не поступаютъ такъ сплошь и рядомъ люди уважаемые и чтимые всѣми, люди того же общества, которое окружаетъ ее? Вѣдь доходили же до нея сплетни о будто бы существующей между Хоботовой и Андреемъ короткости... Конечно, она не придавала имъ тогда никакого значенія, но... кто знаетъ? Любить одну и жениться на другой... Да что же можетъ быть проще, натуральнѣе этого явленія? Это дѣлается ежедневно, дѣлается сознательно, хладнокровно.

Но она, Варвара Григорьевна, способна-ли будетъ смотрѣть сквозь пальцы на такую фальшь и двойственность, которыми,

допустивъ любовь его къ Хоботовой, необходимо окажется окружена Наташа?

Задавъ себѣ этотъ вопросъ, она впервые, быть можетъ, поняла, какъ далека она въ сущности отъ этой модной морали, хотя живетъ среди ней такъ много уже лѣтъ, живетъ гордая, спокойная, невозмутимая ею. За то теперь она возмутилась. Судьба единственнаго и любимаго дѣтища представилась ей чѣмъ-то инымъ, чѣмъ-то несравненно высшимъ и болѣе дорогимъ, чѣмъ судьба сотенъ ея друзей и знакомыхъ, давно уже успѣшно поладившихъ съ требованіями свѣта и его морали.

— Это надо кончить скорѣе, сейчасъ же, надо узнать истину,—порѣшила она въ тревогѣ за будущность своей Наташи.

И будущность страстно любимой дочери внезапно встала предъ ея глазами въ поразительно отчетливой и хорошо знакомой ей формѣ. Почти брошенная мужемъ, одинокая со своими терзаніями, слезами... Минуты жгучей ревности, безсильные упреки и жалобы, а за ними длинная вереница вѣчно тяжелыхъ и безотрадныхъ дней...

Варвара Григорьевна горько заплакала. Это было первое сомнѣніе ея въ счастьи дочери.

— Мама, ты плачешь? — раздался надъ нею грустный голосъ Наташи.

Она подняла свою сѣдую голову и съ порывистой страстностью притянула къ себѣ молодую дѣвушку.

— Ната моя! — могла лишь выговорить она, захлебываясь слезами, и страстно сжимая ее въ своихъ объятьяхъ.

Рѣшено было, что Наташа поѣдетъ сейчасъ же къ Хоботовой, кстати онѣ такъ давно не видались, да и самъ докторъ предписалъ ей катанье; къ тому же, погода хорошая, и въ каретѣ доѣхать вполнѣ безопасно.

— Только не засиживайся у ней, — повидимому спокойно напутствовала Варвара Григорьевна.—Не забудь, что, если Андрея что-нибудь задержало днемъ, то часа черезъ два онъ непремѣнно будетъ.

Она была увѣрена, что Наташа не встрѣтитъ его тамъ, — и налетѣвшее облако промчится мимо...

XVII.

— Наташа, какими судьбами! — воскликнули почти вмѣстѣ Лида и Андрей Васильевичъ, поборовъ невольное смущеніе.

— Что-жъ, я здорова,—механически отвѣчала она, опускаясь въ кресло.—Давно ли вы?—Также механически задала она вопросъ Мишѣ Хоботову, разсматривающему ея съ головы до ногъ.

— Три, четыре дня какъ пріѣхалъ. Однако, Наталья Юрьевна, вы ужасно блѣдны.

— На васъ дѣйствительно лица нѣтъ,—озабоченно проговорилъ Андрей, взявъ ее за руку.—Что съ вами?

— Ничего. Оставьте,—и она вырвала у него свою руку.

— Тебѣ, право, дурно, голубчикъ, — засуетилась Лида,—я принесу тебѣ воды,—хочешь?

— Ха-ха-ха! — внезапно залилась Наташа. — Ха-ха-ха! Воды! Зачѣмъ мнѣ воды? Какая ты добрая, Лида, какая ты всегда ко мнѣ добрая,—и она опять захохотала нервнымъ истерическимъ смѣхомъ.

Лида стояла передъ ней въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Этотъ хохотъ потрясалъ ее до глубины души.

— Вотъ заливается-то, что твой соловей,—съ любопытствомъ взглянулъ на нее еще разъ Хоботовъ, и нетвердыми шагами поплелся въ свою комнату.

— Поѣдемте, я васъ отвезу, вамъ нельзя болѣе ни минуты здѣсь оставаться; вы больны, Наташа, — ласково проговорилъ Андрей, поднимаясь съ мѣста и берясь за шляпу.

— Да, я больна, я опять больна...

На этотъ разъ голосъ ея былъ слабъ и дрожалъ какъ голосъ ребенка, несправедливо обиженнаго, запуганнаго.

— Прощай, Лида, прости меня, что я увожу его съ собою.

— Прощай, голубчикъ, прощай, а за то, что увозишь Андрея Васильевича, за то никогда тебѣ не прощу, шутила Лида, цѣлуя ее въ губы.

— Ну, еще поцѣлуй, еще,—капризнымъ изнѣженнымъ голосомъ упрашивала Наташа. Ну, вотъ такъ. Покрѣпче. Вѣдь ты любишь меня, Лида, ты очень меня любишь, да? О, это я всегда знала... Я увѣрена въ тебѣ, Лида. Вѣдь ты ко мнѣ не измѣнишься, никогда, нѣтъ?

— Что это значитъ?—тревожно размышляла Лида, проводивъ ее.—Она говорила мнѣ эти слова съ какой-то горечью, съ ироніей даже. Развѣ я виновата относительно ея? Зачѣмъ же

этотъ тонъ, зачѣмъ эти слова? Да и самый пріѣздъ ея, неожиданный, внезапный, — онъ страненъ, право. Она пріѣхала совсѣмъ больная,—и какъ это только ее отпустила Варвара Григорьевна.

Весь этотъ безсвязный рядъ вопросовъ не могъ найти себѣ отвѣта въ ея переполненной душѣ.

Слишкомъ еще ясно раздавался въ ушахъ ея тихій, настойчивый вопросъ Андрея. «Что я для васъ?» И зачѣмъ не отвѣтила она ему правды, зачѣмъ не раскрыла ему своей души? Такія чудныя минуты рѣдко повторяются... Ихъ нужно ловить... Зачѣмъ не сказала она ему тогда же всей правды? О, ей было бы тогда несравненно легче, да и что въ томъ дурного, что человѣкъ не обманываетъ себя и другихъ? Правда—это великое слово, и какъ часто произносится это слово, какъ пустой звукъ; а въ сущности—все въ этомъ словѣ, вся жизнь съ ея волненіями, съ ея постоянной борьбой...

Что же это? Стыдится она своего чувства, связана по рукамъ и ногамъ какими бы то ни было нравственными требованіями, когда оно одно, это чувство,—истина, просящаяся наружу? Масса этихъ новыхъ безсвязныхъ мыслей кружилась въ ея взволнованной головѣ,—и, пораженная ихъ новизною и неожиданностью, она забывала теперь о Наташѣ. Ее мучило сознаніе, что она не отвѣтила *правдой* на его вопросъ, тогда какъ не могло быть на него другого отвѣта.

Наконецъ возбужденная мысль ея вернулась опять къ появленію Наташи. Она вошла въ ту самую минуту, когда правда была готова сорваться съ ея устъ. Она помнитъ это. Еще секунда, и она отвѣтила бы Андрею такъ, какъ хотѣла, какъ не могла иначе отвѣтить.—Такъ вотъ оно что,—внезапно показалось ей,—такъ это появленіе Наташи заставило меня смолчать, утаить, вопреки желанію? Она поняла то, чего прежде не думала, не хотѣла понять, поняла и задрожала всѣмъ тѣломъ, чувствуя тяжелый подавляющій гнетъ. Наташа стоитъ между ними; за нее законъ—и божескій, и человѣческій.

А она, Лида, что имѣетъ она за себя? Вѣдь пропасть цѣлая развернлась между нею и любимымъ человѣкомъ, пропасть, которой не перескочить ей, безпомощной, слабой.

Такъ вотъ почему не сказала она тогда ему этой правды.

Еще не видя этой пропасти, она уже чувствовала ея близость.

— Господи, Господи! Научи меня, подкрѣпи меня!—обратила она на образъ сухіе воспаленные глаза.—Я не посягну на

чужое счастье,—тихо говорила она,—нѣтъ. Но если *онъ* потребуетъ любви моей?

Дѣйствительно, она была слаба и жалка въ эту минуту.

А въ каретѣ между Наташей и Андреемъ Васильевичемъ происходила тоже тяжелая сцена.

Не мало труда стóило Наташѣ совладѣть съ собою у Лиды. Она сдѣлала сверхъ-естественное надъ собой усиліе, чтобъ удержать подступавшія жгучія слезы ревности, обиды, чтобы не разразиться безумными словами.

Она съ радостью позволила ему увезти себя; ей такъ хотѣлось скорѣе остаться наединѣ съ нимъ, чтобы высказать ему все, все, что она перечувствовала.

— Іуда!—готово было сорваться у нея страстное восклицаніе, когда она просила Лиду еще и еще цѣловать ее.

Но она опять совладѣла съ собой, и даже съ какимъ-то непонятнымъ наслажденіемъ ощущала на себѣ эти поцѣлуи.

Едва лишь дверца кареты захлопнулась за нею, какъ она, порывисто повернувшись къ Андрею Васильевичу, блестя глазами, схватила и крѣпко сжала его руку.

Теперь она уже дала себѣ волю.

— Такъ это правда, что вы обманывали меня, Андрей? Такъ вы никогда не любили меня и не любите? О, я чувствую, что я съ-ума сойду,—она схватилась за голову.

— Кто вамъ сказалъ, что я обманываю васъ? Имѣйте въ виду, Наташа, что я имѣю привычку считать себя честнымъ человѣкомъ,—нахмуривъ брови и съ поблѣднѣвшимъ лицомъ отвѣчалъ онъ, озадаченный этими словами.

— Никто мнѣ этого не говорилъ... Я сама все поняла; я сама все вижу... Вы ее любите, а не меня! Еслибъ я только могла подумать! Слушайте! Андрей, милый мой, хорошій мой, отвѣчайте мнѣ сейчасъ же, поклянитесь мнѣ именемъ своей матери,—я знаю, для васъ эта женщина—святая, поклянитесь, что вы не любите ее, не любили. Отвѣчайте же, да клянитесь же, пожалѣйте меня!

Наташа крѣпко стиснула обѣими руками его руку и впилась въ его лицо безмолвнымъ, молящимъ взглядомъ.

Андрей Васильевичъ молчалъ, тяжело дыша и низко опустивъ голову.

— Одно слово... любите вы ее? Да или нѣтъ?—нервно стискивала она его руку.

— Кого?—глухо спросилъ онъ.

— Лиду, Лиду!

— Полноте,—еще глуше отвѣчалъ онъ.

— Вы клянетесь въ томъ памятью матери?—уже вся дрожала она.

Отвѣта не послѣдовало.

Карета остановилась у дома Арбатовыхъ.

Молча высадилъ ее Андрей Васильевичъ, молча повелъ ее по освѣщенной лѣстницѣ.

— Клянись!—страстно шептала она, прижимаясь къ нему плечомъ. Клянись!

Но онъ молчалъ по-прежнему.

XVIII.

Серёжа Лѣсниковъ лѣниво потягивался въ креслѣ, докуривая сигару.

Онъ взглянулъ на стѣнные часы.

Девять. До одиннадцати времени свободнаго еще много. Въ одиннадцать онъ обѣщалъ быть у одной изъ пріѣзжихъ каскадныхъ знаменитостей; тамъ соберется знакомая ему молодежь; будутъ пѣть, веселиться...

Но какъ убить эти несносные два часа?

Сильный звонокъ вывелъ его изъ оцѣпенѣнія.

Въ комнату почти вбѣжалъ Андрей Васильевичъ. Онъ былъ блѣденъ и видимо взволнованъ.

— Э, э, э, да что это съ тобой?—съ изумленіемъ глянулъ Серёжа въ его разстроенное лицо.

Тотъ бросилъ шляпу на столъ и, ничего не отвѣчая, почти кинулся на диванъ.

Серёжа слѣдилъ за нимъ съ величайшимъ любопытствомъ.

— Что-жъ вы не поздороваетесь-то, милостивый государь?

— А? Можешь ли ты себѣ это представить! — вскрикнулъ внезапно тотъ, вскакивая съ дивана, и принимаясь шагать по комнатѣ большими шагами.

— Что такое?

— Мнѣ отказано въ рукѣ Наташи,—проговорилъ Андрей особенно громкимъ голосомъ.

— Что-о-о?

— Отказано, понимаешь ли, отказано. Сама Наташа отказала.

— Полно, Андрей, ты бредишь!

— Брежу? А если нѣтъ, если все это не сонъ, а дѣйствительность, если капризная дѣвочка однимъ своимъ словомъ раз-

рушила все? Вѣдь она опозорила меня, опозорила! Отказать,— и когда же? Чуть не наканунѣ свадьбы, когда весь Петербургъ о ней знаетъ. Нѣтъ, Серёжа, я не брежу, хоть и желалъ бы теперь лучше бредить.

— Да, объясни, Бога ради, толкомъ, какъ и съ чего!

— Надо думать, что извѣстіе получила, что такъ и такъ, негодяй вашъ женихъ, обманываетъ онъ васъ, къ богатству вашему подбирается, своего ему мало,—съ наслажденіемъ фантазировалъ онъ.—А ежели и впрямь убѣдиться въ этомъ желаете, такъ пожалуйте сами и посмотрите, какъ онъ милуется тамъ со своимъ предметомъ. И что же бы ты думалъ? Пожаловала, сама Наталья Юрьевна, слабая, больная, пожаловала.

— Куда, куда пожаловала?

— Куда? Да къ Лидіи Петровнѣ.

Серёжа вздрогнулъ.

— И ты былъ тамъ?—спросилъ онъ его послѣ минутнаго молчанія.

— Ну да, былъ, обѣдалъ, сидѣлъ даже вечеромъ.

— Что-жъ, значитъ, ревность?

— Глупая, дикая ревность!—воскликнулъ Андрей Васильевичъ. — Вынести, изволите ли видѣть, не могла, какъ смѣлъ сидѣть и разговаривать...

Онъ замялся и оборвался на словѣ. Серёжа, не спускавшій съ него глазъ, не могъ не замѣтить его внезапнаго смущенія.

— Полно, Андрей, — серьёзно заговорилъ онъ, — или ты скрываешь что-нибудь, или тутъ дѣйствительно что-нибудь да есть. Ты любишь Хоботову?—внезапно спросилъ онъ и прямо глянулъ ему въ глаза.

— Люблю ли я?—меня удивляетъ подобный вопросъ съ твоей стороны, уклончиво отвѣчалъ тотъ.

— Я не вижу ничего невозможнаго въ этомъ; напротивъ даже, я утверждаю тебѣ, что ты ее любишь,—рѣшительно проговорилъ Серёжа.

Андрей Васильевичъ улыбнулся. Это была горькая улыбка.

— Ну, слушай же,—заговорилъ онъ, опускаясь въ кресло, —я постараюсь тебѣ объяснить, если ты самъ того не понимаешь, какъ я люблю и какъ я умѣю любить. Да пожалуй и не я одинъ, и ты тоже, и имя намъ—легіонъ. Подумай только, съ какихъ лѣтъ мы научились любить и влюбляться. Дѣтьми мы влюблялись уже въ кузинъ и знакомыхъ дѣвочекъ. Что это была за любовь? Смѣшная, глупая, какъ глупы были и мы сами, но, вѣришь ли, самая поэтическая, самая хорошая. Такой больше

мы не испытаемъ. Потомъ, Серёжа, вспомни, не мечталъ ли ты шестнадцати-семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ встрѣтить откликъ, искренній, задушевный,—и въ комъ же? Въ проституткѣ; да. Не мечталъ ли ты спасти «заблудшую душу», «вывести ее на свѣтъ Божій» и т. д.? Со всѣми нами это бывало. Но тутъ все и кончается. «Благородство» исчезаетъ въ омутѣ разврата, и ты становишься искреннѣе въ своемъ развратѣ. C'est le mot; ты перестаешь интересничать, играть въ любовь. Вотъ почти всегда наше первое близкое знакомство съ женщиной. Моменты эти неминуемы, необходимы, но они исчезаютъ скоро, чтобы больше не вернуться. И вотъ, нравственно растлѣнный, даже болѣе—успѣвшій уже разочароваться, да и не мудрено,—вѣдь ты очаровывался грязью,—ты глядишь побѣдоноснымъ и скучающимъ окомъ направо и налѣво,—выбираешь одну жертву, ломаешься передъ ней, пока глупая не приметъ этого ломанья за чувство; ну, обманешь ее, бросишь, за ней вереница другихъ. Гдѣ же среди всего этого вынести человѣку мало-мальски свѣтлое, куда ужъ идеальное представленіе о женщинѣ! Все сведется къ точкѣ зрѣнія—гастрономической, тонкой, изощренной, капризной часто до нѣльзя. Для изощреннаго знатока мало красоты физической, ему нужна еще нравственная оригинальность. Не знаю, понимаешь ли ты меня, Серёжа, но я это самъ отлично понимаю, вѣдь и я знатокъ, гастрономъ. Вотъ тутъ-то и бѣда, тутъ-то и кроется наша фальшь, двойственность. Ты думаешь, я способенъ любить женщину? Нѣтъ? А я тебѣ скажу, что до тѣхъ поръ, пока исканія остаются исканіями, пока жажда остается жаждой, мы и волнуемся, и ревнуемъ, и мучимся... И все это въ страшной степени. Это-то и есть наша любовь, любовь минутная, но безграничная, не размышляющая, безумно жаждущая.

Андрей Васильевичъ остановился. Онъ съ видимымъ наслажденіемъ рисовалъ эти картины.

— Такъ-то ты и любишь ее?—мрачно спросилъ его Серёжа, съ глубокимъ вниманьемъ слушавшій эту исповѣдь.

— Да, но и не одну ее, а всякую женщину, которую я могу встрѣтить завтра или сегодня и которая, почему бы то ни было, произведетъ на меня сильное впечатлѣніе. Съ ней я забуду все, я буду жить ускоренной двойною жизнью, но способенъ также искренно на другой же день забыть все, для другой. Понимаешь ты это, Сережа? Вѣдь это будетъ посильнѣе, пожалуй, безконечныхъ изнываній по любимому предмету...

— Понимаю я, что это не любовь ужъ, а что-то чудовищное, хищное.

— Да нѣтъ же, это только высшій, интеллектуальный развратъ,—уже улыбнулся Андрей Васильевичъ.

— И имъ страдаютъ высшія породы человѣческаго рода?

— Опять нѣтъ, не высшія, а болѣе сильныя, красивыя, избалованныя...

— Плотоядныя!

— Вотъ это такъ,—согласился Андрей Васильевичъ.

— Ну, а Наташу, эту «капризную дѣвочку», которая васъ такъ разогорчила, вы любили такой же диковинной любовью?

— Совсѣмъ другое дѣло,—сказалъ онъ нахмурясь. Другія требованія отъ женщины—жены; она не должна возбуждать въ мужѣ никакихъ страстей, она должна *подходить*,—это главное.

— Вотъ какъ! Оригинальныя и смѣлыя теоріи. Однако она осталась при томъ убѣжденіи, что ты любишь Хоботову?

— Да я и люблю ее! — съ жаромъ воскликнулъ онъ. — Люблю слишкомъ сильно, потому-то она и не можетъ быть моею женою. Я люблю ее и она ко мнѣ не подходитъ, — добавилъ онъ съ удареніемъ.

— Но вѣдь ты также любилъ и Татьяну Павловну.

Андрей Васильевичъ задумался.

— Можетъ быть, но теперь этого нѣтъ.

— И такъ, что-жъ ты думаешь теперь предпринять, свободный и любящій,—иронически взглянулъ на него Серёжа послѣ минутнаго молчанія.

Слово «свободный» онъ подчеркнулъ.

Тотъ вспыхнулъ.

— Да, я позволилъ съ собой сыграть глупую шутку! Однако, увидимъ. Прощай, мнѣ пора,—и онъ вышелъ изъ комнаты съ сердитымъ, разстроеннымъ лицомъ.

Серёжа сидѣлъ съ минуту, глубоко задумавшись.

— Нѣтъ, ей-то я не дамъ погибнуть!—почти вскрикнулъ онъ внезапно, ударивъ кулакомъ по столу.

XIX.

Отказъ Наташи произвелъ не меньшее впечатлѣніе на Василія Александровича, чѣмъ на самого Андрея Васильевича. Старикъ просто недоумѣвалъ, да и было чему. Развѣ, при такихъ дружественныхъ и старыхъ отношеніяхъ, въ какихъ онъ находился съ Арбатовой, можно было предположить хоть одну минуту, что ихъ общая мечта, молча взлелѣянная ими уже такъ

давно, разлетится внезапно какъ дымъ,—и когда-же?—Наканунѣ своего осуществленія.

Онъ молча выслушалъ подробный разсказъ сына о происшедшемъ, несмотря на душившіе его негодованіе и досаду.

— Эта дѣвочка,—говорилъ Андрей съ неподдѣльнымъ волненіемъ,—эта маленькая, добрая, невинная Наташа,—такой по крайней мѣрѣ привыкъ я ее считать,—оказалась женщиной, ревнивой до безумія, требовательной, рѣшительной. Она требовала отъ меня, батюшка, чтобъ я поклялся ей именемъ моей умершей матери въ томъ, что не люблю Хоботову. И какъ настойчиво, какъ упорно она требовала этого! Воля ваша, но это было свыше моихъ силъ,—я молчалъ, и дѣйствительно, я самъ это чувствовалъ, любилъ въ эту минуту несравненно болѣе Лиду, чѣмъ ее, Наташу. Что же мнѣ оставалось? Объяснить сумасшедшей дѣвочкѣ, что она попусту волнуется, что она еще не знаетъ нашихъ *натуръ* и т. д.? Да развѣ поняла бы она это? Никогда. Она бросила бы мнѣ, пожалуй, за это объясненье въ глаза подлеца. Вѣдь она думала вѣроятно, что ея бѣдный Андрей влюбленъ въ нее какъ пятнадцатилѣтній гимназистъ, что онъ не ѣстъ, не пьетъ съ тѣхъ поръ, какъ услыхалъ ея «да». И навѣрно думала. Да, пожалуй, она и не виновата, а я виноватъ былъ, когда видѣлъ въ ней полную безцвѣтность. Но я Варвары Григорьевны не понимаю. Въ ея года пора бы смотрѣть на вещи съ болѣе трезвой, болѣе практической точки зрѣнія... И представьте себѣ мое удивленіе, когда и старуха тоже разражается слезами, начинаетъ говорить о своей любви къ единственной дочери,—будто это я и безъ нея не знаю,—о томъ, что счастье этой «любимой дочери», разъ она выйдетъ за меня, крайне сомнительно. Тутъ она переходитъ къ моей собственной характеристикѣ; такъ наглядно, такъ картинно мнѣ же самому рисуетъ мое легкомысліе, мою «нравственную неблагонадежность!» Я молчу и слушаю; признаться, все это не безынтересно до нѣкоторой степени было... И вдругъ, въ заключеніе всего, она передаетъ мнѣ обратно обручальное кольцо Наташи, прибавивъ, что противъ воли дочери идти не въ состояніи и что, съ своей стороны, ей остается только глубоко сожалѣть,—всего ужъ не запомню,—что такъ искренно и давно желанный ею бракъ долженъ разстроиться. Отъ всего этого у меня положительно закружилась голова. Варвара Григорьевна, эта женщина, которую я такъ привыкъ любить и уважать, поразила, ошеломила меня... Ее я совсѣмъ теперь не понимаю,—съ горечью добавилъ онъ.

— Это дѣло надо поправить, устроить,—озабоченно прого-

ворилъ Василій Александровичъ, я самъ поѣду къ ней, уломаю.

— Э, пустяки... Тутъ нечего уламывать, это не капризъ со стороны старухи-то по крайней мѣрѣ, тутъ что-то есть по-серьёзнѣе.

На этомъ и кончилась ихъ бесѣда.

Василій Александровичъ, грустный и разстроенный, отправился на половину княгини.

Татьяна Павловна, казалось, вся была поглощена чтеніемъ французскаго романа, и не подняла даже головы при появленіи мужа.

Онъ стоялъ рядомъ, позади ея, незамѣченный, и съ невыразимой любовью смотрѣлъ на нее.

Онъ тихо наклонился и поцѣловалъ прядь ея волосъ.

Она вздрогнула и быстро обернулась.

— А, это вы? какъ вы меня испугали,—заговорила она, окинувъ его ласковымъ взоромъ.

Взорами этими не часто дарила она своего мужа и повелителя, а потому послѣдній не могъ не замѣтить его, этого взора, и густая краска разлилась на его гладко выбритомъ лицѣ.

— Ты слышала непріятную новость, Таня?— сказалъ онъ, нѣжно взявъ ея руку.

— Какую?

— Арбатова отказала Андрею.

— Вотъ какъ?—изумилась совершенно естественно Татьяна Павловна.—Съ чего же? Вѣдь она безъ ума отъ него.

— То-то и есть, что безъ ума. Приревновала къ Хоботовой,— застала его тамъ... Знаешь Хоботову, дочь Петра Герасимовича, этого чудака генерала?

Татьяна Павловна была внѣ себя отъ восторга. Однако она постаралась скрыть эту злую радость, внезапно охватившую все ея существо,—и нервно зѣвнула:

— Никого я не знаю, никакой Хоботовой не знаю,—усталымъ голосомъ проговорила она.

Воцарилось молчаніе.

Оба были заняты своими думами, но эти думы были далеко не одинаковы.

— Я думаю, намъ нечего здѣсь болѣе дѣлать, въ Петербургѣ. Махнемъ-ка послѣ праздниковъ въ подмосковную,—проговорилъ наконецъ Василій Александровичъ.

— Что ты? такъ рано, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и въ деревню?— заволновалась она.

— Да, оно будетъ лучше. Какъ-то неловко, знаешь, послѣ

этой исторіи оставаться здѣсь. Вѣдь пальцами будутъ указывать... И Андрей вѣроятно согласится съ радостью уѣхать. Къ тому же, слишкомъ шумно здѣсь становится: война на носу... А я отвыкъ ужъ давно отъ этой горячки. Отдохнемъ тамъ.

Татьяна Павловна нахмурилась.

Она не раздѣляла его мнѣнія о необходимости отдохнуть въ деревнѣ. Она только-что собиралась расправить свои крылья и выдти на новую арену жизни, арену неизвѣстную, но манящую неотразимо, заранѣе обѣщающую ей столько торжества и наслажденья. И вдругъ вмѣсто нея—деревня и неизбѣжные tête à tête'ы со старикомъ мужемъ.

— Я прошу тебя, милый, погодимъ еще въ Петербургѣ,— молящимъ голосомъ обратилась она къ мужу.

— Нечего тутъ дѣлать...

— Ну, пожалуйста.

— Нѣтъ, нельзя, немыслимо, Таня, необходимо уѣхать и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Эта глупая исторія...

— Заставляетъ и васъ дѣлать глупости?—не выдержала уже она.

Онъ долго и пристально посмотрѣлъ на нее. Та смѣло выдержала его испытующій взглядъ.

— Ну, да, посудите сами, какое можетъ быть удовольствіе для молодой женщины сидѣть чуть не съ зимы безвыѣздно въ деревнѣ? Какъ хотите, но я положительно не желаю этого.

— Ты хочешь свѣта, баловъ? Ты жаждешь иной жизни, да?—съ горечью говорилъ онъ.

— Да, да, да!

Татьяна Павловна горячилась.

Старикъ продолжалъ смотрѣть на нее все тѣмъ же долгимъ, испытующимъ взглядомъ.

— Тебѣ мало всего, чѣмъ я окружилъ тебя? Тебѣ мало любви моей?

— Жизни я хочу, а не тюрьмы!

— А если эта жизнь *твоя меня* свалитъ въ могилу?—глухимъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Что вы хотите сказать этимъ?—гордо взглянула она на него.

— Ты—молода, я—старъ,—началъ-было Василій Александровичъ, и глаза его загорѣлись при этомъ.

— Ха-ха-ха! Да гдѣ они, люди-то, ради которыхъ унижать себя, обманывать стоило бы? Укажите мнѣ ихъ. Ужъ навѣрно не на вылощенномъ паркетѣ вашихъ салоновъ!

Отъѣздъ не былъ рѣшенъ. Василій Александровичъ обѣщалъ подумать...

XX.

Звонко гудѣли въ весеннемъ воздухѣ колокола церквей.

Насталъ свѣтлый праздникъ, и парадно выглянула столица изъ-за тумана, окутавшаго ее съ ранняго утра.

Давно не встрѣчала Россія свѣтлаго праздника съ такимъ волненіемъ и шумомъ, предвѣщавшимъ близость неминуемой бури.

Сегодня-завтра разразится эта буря, и пройдетъ съ громомъ и молніей, заглянетъ во много мирныхъ угловъ, унесетъ съ собою много дорогихъ людей...

Но заглянемъ въ два-три уголка, къ дѣйствующимъ лицамъ нашего романа.

Тяжелая, ничѣмъ не нарушаемая тишина царитъ въ это праздничное утро въ домѣ Варвары Григорьевны Арбатовой.

Непривычно мрачно выглядываютъ высокія комнаты. Слабые лучи свѣта съ трудомъ пробиваются сквозь опущенныя гардины и шторы. Грустны и озабочены безмолвныя лица прислуги. На верху, въ комнатѣ Наташи, подпершись рукою свою сѣдую голову, сидитъ Варвара Григорьевна у постели больной, сидитъ не шевельнется, какъ-будто застыла она въ этой неподвижной позѣ, только тихія слезы, одна за другой, текутъ по ея исхудалому, утомленному лицу.

Наташа спитъ чуткимъ болѣзненнымъ сномъ.

Она поминутно перекидываетъ голову на подушкѣ, вздыхаетъ тяжело и неровно. Вотъ она раскрыла глаза и, увидавъ мать, протянула къ ней блѣдную руку.

— Съ праздникомъ, мама, Христосъ воскресе,—тихо проговорила она, силясь приподняться на постелѣ.

— Во-истину воскресе—и, осторожно приподнявъ ее съ подушки, она долго цѣлуетъ ея худое съ яркимъ румянцомъ на щекахъ личико.

— А долго спала я, мама?

— Слава Богу, что спала.

— Что за сонъ я видѣла, мама!

Наташа разражается сухимъ, отрывистымъ кашлемъ.

— Не разговаривай много, душечка, тебѣ вредно.

— Нѣтъ, ничего. Видѣла я, будто гуляю я въ чудномъ саду. Были тамъ такія деревья, какихъ я и не видывала; высо-

кія, до самаго неба, густыя, густыя! А что за птички пѣли на нихъ! Много этихъ птичекъ было, одна другой красивѣе, пестрѣе. Райскія птички. Такъ вотъ онѣ и заливаются,—то всѣ вдругъ, то каждая порознь. Словно небесная музыка... А цвѣты тамъ какіе! Тоже странные какіе-то, слишкомъ ужъ необычайные. И вотъ, все будто я и хожу, и гуляю въ этомъ саду,—и такъ мнѣ хорошо, такъ легко, мама, такъ отрадно.

Наташа молчитъ и задумчиво глядитъ въ уголъ.

— Ну, а дальше что?

— Дальше? Да ничего, мама. Дальше я проснулась; звонъ меня этотъ разбудилъ. Что, мама, не объявлена-ли война?—оживляется она на минуту.

— Нѣтъ еще. Да ты о себѣ-то думай, Ната, Богъ ужъ съ ней, съ войной-то, своего горя много,—вздохнула Варвара Григорьевна.—Плохо ты у меня поправляешься-то.

Наташа внезапно схватывается за грудь и опять разражается глухимъ кашлемъ.

Скоротечная чахотка быстро дѣлаетъ свое дѣло,—и Варвара Григорьевна не можетъ этого не замѣчать.

Вышедши въ другую комнату, она не владѣетъ уже собой и, заломивъ руки, опускается на диванъ съ выраженіемъ какого-то дикаго, безысходнаго горя.

Тоже не весело было на душѣ у Лиды въ этотъ торжественный день.

Съ Петромъ Герасимовичемъ она отправилась къ заутрени и ранней обѣдни.

Миша, тотъ встрѣчалъ праздникъ у Бархановыхъ, куда ввелъ его Лѣсниковъ, дня три всего тому назадъ. Въ обществѣ Татьяны Павловны преимущественно онъ проводилъ все это время, бывая у ней почти съ утра до ночи.

Итакъ, Петръ Герасимовичъ и Лида вдвоемъ встрѣтили праздникъ, встрѣтили оба грустные, сосредоточенные. Слезы дрожали на глазахъ старика, когда онъ цѣловалъ свою дочь.

— Лидуша,—говорилъ онъ,—воскресни и ты у меня.

А она оставалась все та же, ушедшая въ свои безотрадныя думы, печальная, молчаливая.

Казалось, она не понимала хорошенько всего, что вокругъ нея дѣлалось. Какъ-то машинально подошла она къ кресту, машинально прикоснулась къ нему губами, машинально отвѣтила принятой фразой на привѣтъ священника.

«А прежде, давно, такъ-ли встрѣчала я этотъ торжественный праздникъ?» невольно задала себѣ Лида вопросъ,—и въ

памяти воскресла картина прошлаго, старая, но не забытая, дорогая картина, когда этотъ праздникъ былъ такой ясной, невозмущаемой ничѣмъ радостью.

И Лидѣ еще болѣе взгрустнулось при воспоминаніи о далекомъ прошломъ.

Взглядъ ея случайно упалъ на Петра Герасимовича. Что-то неуловимое, новое, чего Лида прежде не замѣчала, прочла она въ эту минуту на его лицѣ.

«Онъ тоже мучится, бѣдный», подумала она, и почувствовала себя виновною въ его мученіяхъ. Поздно вернулся домой Михаилъ Петровичъ. Лида и старикъ не ложились еще, и оба молчаливые, осаждаемые неясными, но тягостными предчувствіями, сидѣли другъ противъ друга въ маленькой гостиной въ ожиданіи запоздавшаго Миши. Онъ вошелъ твердой, увѣренной походкой.

— Извините, что засидѣлся,—проговорилъ онъ, похристосовавшись съ обоими.—Барановы положительно не отпускали отъ себя, тамъ еще разгавливаются и теперь. А кстати,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Лидѣ, тамъ о тебѣ сегодня много говорили, въ особенности Татьяна Павловна хочетъ непремѣнно познакомиться.

Петръ Герасимовичъ наморщился.

— Богъ съ ней совсѣмъ, ненужно намъ ее,—проговорилъ онъ, махнувъ рукой.

— Вотъ такъ я и зналъ,—горячо вступился Михаилъ Петровичъ.—Подобный отвѣтъ я предвидѣлъ.

— Э, Миша, повѣрь мнѣ, не компанія намъ эти люди.

— Почему-же?

— Да такъ, не нашего поля ягода, Богъ съ ними. Василія Александровича Барханова я знаю хорошо; не скажу про него дурного слова, хоть страненъ онъ тоже. Ну, а молодого-то, признаться, несовсѣмъ долюбливаю. Онъ глядитъ такимъ безсердечнымъ, такимъ холоднымъ. Самоё-то, какъ бишь ее, Татьяну Павловну что-ли, встрѣчалъ я тоже раза два, познакомился.

— Ну, и что же?—съ ироніей обратился къ нему Михаилъ Петровичъ.

— Ну, и подумалъ я тогда, что, еслибъ, не приведи Господи, моя Лида на нее хоть капельку походила, такъ я бы, кажется, не знаю, что готовъ бы былъ съ собой сотворить.

— Что такъ?

— Злая она, Миша, вредная, ехидная женщина, вотъ что.

— И это вы могли заключить, встрѣтивъ ее разъ-другой

въ обществѣ? Полно, папаша, на васъ это что-то не похоже,— такъ легко составлять мнѣніе о людяхъ.

— Ну, вотъ, а о ней я составилъ уже. А что она могла сегодня про нее говорить, — указалъ онъ на Лиду, — когда она даже и въ глаза ея никогда не видала?

— Слухомъ земля полнится,—улыбнулся Михаилъ Петровичъ, —и по этимъ-то слухамъ, она утверждаетъ, что знаетъ ее хорошо.

— Да откуда же слухамъ-то этимъ быть, о моей Лидѣ? уже нѣсколько раздраженно спросилъ Петръ Герасимовичъ.

— Хм,—глубокомысленно проговорилъ тотъ,—такъ вамъ это еще доподлинно неизвѣстно? Откуда? Что же ты, Лидка, отъ отца-то секретничаешь?

Лида вспыхнула.

— Видите ли въ чемъ тутъ дѣло,—плутовски поглядывая на сестру, продолжалъ онъ. — Этотъ «безсердечный», «холодный», какъ вы его сейчасъ только-что называли, Андрей Васильевичъ, на самомъ-то дѣлѣ оказывается совсѣмъ инымъ. И сердце у него есть, и теплота души въ немъ тоже имѣется. Не вѣрится? Ну, такъ слушайте же: обожаетъ онъ нашу Лидку, вотъ что.

— Миша, полно, что ты!—проговорила Лида, окончательно смутившись.

— Не ври, довольно,—строго остановилъ его отецъ.

— Я не вру. Я вамъ и доказательство, если нужно, представлю.

Петръ Герасимовичъ поблѣднѣлъ. Лида сидѣла, какъ на иголкахъ; она хорошо понимала, про какія доказательства говорилъ онъ.

О послѣдовавшей размолвкѣ между Наташей и Андреемъ, размолвкѣ, которой она была причиной, и о которой узнала она дня три-четыре тому назадъ отъ Лѣсникова, — ничего еще не зналъ Петръ Герасимовичъ. Разсказать все какъ было, она не хотѣла ему, ей было бы слишкомъ тяжело. Утаить что-нибудь или солгать не могла. Она рѣшила, что пусть онъ лучше узнаетъ обо всемъ отъ другихъ.

И вотъ минута эта наступаетъ.

— Да, представлю,—продолжалъ тотъ,—да и представить-то со всѣмъ не трудно. Вотъ будете сегодня визиты дѣлать, такъ сами увидитесь. Почти всѣ уже знаютъ,—я самъ не отъ одного уже слыхалъ, — что свадьба его съ Арбатовой разстроилась изъ-за Лидки.

Петръ Герасимовичъ тяжело дышалъ.

— Что? Какъ?—переспросилъ онъ его, какъ-бы не довѣряя

своему слуху. Что онъ говоритъ, Лида?—обратился къ ней Петръ Герасимовичъ съ непритворнымъ удивленіемъ.—Что онъ говоритъ?

— Дѣйствительно, Наташа отказала Барханову, и потому, я слышала, что приревновала его ко мнѣ. Это правда, папа, — проговорила она сильно взволнованнымъ голосомъ.

— Приревновала, къ тебѣ? Да развѣ онъ любитъ тебя? Я ничего не понимаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, — рѣшительно отвѣчала она съ внезапно вспыхнувшимъ лицомъ.

— Ну, полно, Лидка. Зачѣмъ врать? Сама небось знаешь, что любитъ. Впрочемъ, мы удалились отъ дѣла. Я про Татьяну Павловну хотѣлъ. Ну, вотъ вѣроятно, какъ и подобаетъ любящему сыну, онъ и раскрылъ своей молоденькой мамашѣ свое наболѣлое сердце. Она,—какъ водится, въ этихъ случаяхъ, и хочетъ во что́ бы то ни стало познакомиться. Сегодня она меня ужъ разспрашивала, разспрашивала про нее. Я, конечно, сестренки своей вѣдь ни на кого не промѣняю, расписалъ ее—просто чудо! Тутъ и старикъ былъ, и молодой. Они-то оба ее знаютъ,—а она-то изъ себя выходитъ: полюбила, говоритъ, я ее, Михаилъ Петровичъ, уже по разсказамъ... Пріѣдетъ на дняхъ знакомиться, непремѣнно.

— А я не приму ее! Я не хочу съ ней знакомиться! — воскликнула Лида, поднимаясь съ мѣста.

— Не надо ее, не надо, — какъ-то растерянно говорилъ Петръ Герасимовичъ.

— Да что вы всѣ, боитесь ее, что ли? Или гнушаетесь, можетъ быть, ею?—не выдержалъ уже въ свою очередь Михаилъ Петровичъ.—Странно, право, слышать!..

Онъ всталъ и, нахмурившись, отправился къ себѣ въ комнату.

Лида стояла, прислонившись спиною къ стѣнѣ, блѣдная, взволнованная.

— Скажи мнѣ правду, скажи,—тихо заговорилъ Петръ Герасимовичъ, взявъ ея обѣ руки.

Она молчала, только низко опустила голову.

— Не стыдись, Лида. Стыдиться тебѣ нечего; на дурное ты у меня не способна. Откройся свою душу, — это облегчитъ тебя. Я давно замѣчалъ, что ты мучишься, давно замѣчалъ, скажи мнѣ,—ты любишь его?

Она не могла ничего отвѣтить. Что-то тяжелое подступало къ горлу и душило ее.

Ей вспомнился въ эту минуту Лѣсниковъ, его взволнованное лицо и рѣзкія слова, сказанныя ей нѣсколько дней назадъ:

«Если вы бросаетесь въ омутъ внизъ головою, то я не считаю долгомъ просить о позволеніи спасти васъ; я васъ вытащу и безъ вашего позволенія».

— Ну, скажи мнѣ, скажи?

Старикъ цѣловалъ ея руки.

— Люблю!—вырвалось у нея.

XXI.

Татьяна Павловна дѣйствительно рѣшила познакомиться съ Лидой. Она была положительно заинтересована ею. Лѣсниковъ, въ одной изъ интимныхъ бесѣдъ съ нею вдвоемъ, на которыя такъ любила вызывать его и всѣхъ, кого понадобится ей, Татьяна Павловна, — высказалъ ей, быть можетъ, болѣе чѣмъ хотѣлъ. Съ цѣлью разузнать всю правду о дѣйствительныхъ отношеніяхъ Андрея съ Хоботовой, она взялась за него хитро и осторожно.

Они сидѣли вдвоемъ, послѣ обѣда, когда старикъ, вѣрный своимъ давнишнимъ привычкамъ, отправился прилечь.

Серёжа видимо былъ не въ духѣ и даже нѣсколько молчаливъ, что случалось съ нимъ не часто. Она говорила о пустякахъ, о вещахъ неинтересующихъ ея нисколько, говорила, чтобы говорить, чтобъ удержать его, не дать ему возможности встать и раскланяться.

Прямо начать съ Андрея, съ его разстроившейся свадьбы, и перейти потомъ къ Хоботовой, къ ихъ дѣйствительнымъ отношеніямъ,—казалось, что было бы легче? Но угадывала въ своемъ собесѣдникѣ, — человѣка, котораго трудно перехитрить ей, — и она начала издалека, осторожно.

— Да что это съ вами наконецъ!—не выдержала уже она.

— А что?

— Сидите, какъ въ воду опущенный.

— Скучно,—проговорилъ Лѣсниковъ.

— Болѣзнь времени; кто страдаетъ ею въ дѣйствительности, а кто и напускаетъ ее на себя ради моды.

«Вотъ несносный-то человѣкъ»—съ досадой подумала она: «отъ него толку не добьешься».

А «несносный человѣкъ» старался всѣми силами въ эту минуту скрыть разбиравшую его зѣвоту.

— А, кстати, какъ остались вы довольны своимъ новымъ знакомымъ?—спросилъ онъ, видимо чтобы только спросить что-нибудь.

— Хоботовымъ? Этимъ офицеромъ? Большой оригиналъ... Можете себѣ представить, вчера почти что цѣлый день онъ высидѣлъ у меня, — и это на первый-то визитъ! Ну, конечно, я просила его отобѣдать,—и мужъ тоже. Мужу онъ, кажется, понравился. Разсуждали о политикѣ, сошлись вѣроятно во всемъ, спорили мало, все только соглашались другъ съ другомъ.

— Ну, а вамъ какъ лично,—понравился онъ?

Она сдѣлала презрительную гримаску.

— Да, ничего... Я мало еще его знаю. Вчера онъ больше говорилъ съ мужемъ, чѣмъ со мной. Сегодня вечеромъ онъ просилъ позволенія быть. Вотъ всмотрюсь, — тогда и скажу свое мнѣніе. А вы его давно уже знаете?

— Да, года три тому назадъ познакомился, когда онъ служилъ еще здѣсь, въ Петербургѣ. И вотъ на дняхъ встрѣтился съ нимъ опять у Лидіи Петровны.

— Кто такая Лидія Петровна? — спросила она совершенно равнодушнымъ тономъ.

— Сестра его.

— Да это не та ли, къ которой вздумала приревновать Андрея эта маленькая Арбатова?

— Та самая,—и Серёжа насупился.

— Вотъ какъ! Это очень интересно. Такъ вы знаете ее, Сергѣй Михайловичъ? Разскажите мнѣ, что это за особа!—воскликнула Татьяна Павловна съ сильнымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

Лѣсниковъ слабо вспыхнулъ.

— Это такая особа, — внезапно заговорилъ онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ,—что было бы крайне желательно, чтобы всѣ прочія особы на нее хоть малость походили.

Она видѣла эту мгновенную вспышку и торжествовала. Оставалось только еще подзадорить его немножко, и тогда, конечно, развяжется доселѣ упорно молчавшій языкъ.

— Вотъ такъ характеристика! т.-е. всѣмъ особамъ—особа?—какъ говоритъ мой отецъ.—Тѣмъ болѣе интересно мнѣ теперь услышать что-либо про нее. Не откажите, дорогой мой Сергѣй Михайловичъ, не откажите,—шутливо упрашивала она его, усаживаясь удобнѣе на диванѣ.

— Вамъ угодно знать, что̀ это за дѣвушка, что это за *особа*,

какъ вы изволили выразиться? Извольте, я постараюсь сдѣлать ея краткую характеристику.

Серёжа видимо расходился. Онъ говорилъ съ горячностью, съ умышленной, быть можетъ, рѣзкостью, не подозрѣвая, что этого-то, этой-то правдивой горячности, и ждетъ не дождется отъ него Татьяна Павловна.

— Мнѣ трудно будетъ,—продолжалъ онъ,—сдѣлать вамъ ея положительную характеристику, поэтому я и возьмусь за отрицательную. Все равно, будетъ понятно. Прежде всего она не mademoiselle Хоботова, а Лидія Петровна Хоботова; эта кличка не идетъ къ ней, какъ и все глупое и смѣшное... А съ нимъ, съ этимъ ярлыкомъ, не знаю, какъ вамъ, но мнѣ почти всегда рисуется нѣчто лживое, исковерканное, мечтательное, худосочное. Итакъ, она—только Лидія Петровна, дочь стараго, честнаго служаки. Теперь о годахъ и примѣтахъ. Лѣтъ ей—двадцать, что́ до примѣтъ, то скажу просто, что собой она—красавица,—и такихъ встрѣтить не всякому приходится. Вотъ теперь-то и самое трудное,—нарисовать ея нравственную физіономію. Попробуемъ. Она не говоритъ одного и не думаетъ въ то же время другого, она и задумывается часто надъ такими вопросами, которыхъ для всѣхъ прочихъ мамзелей ея круга—не существуетъ. А вопросы эти слѣдующіе: какимъ путемъ она, бѣдная дѣвушка,—она, вѣдь бѣдная,—можетъ принести пользу не только себѣ, но и другимъ? Какимъ путемъ работать ей самостоятельно? Какимъ путемъ быть какъ можно менѣе въ тягость кому бы то ни было, начиная съ людей самыхъ близкихъ? и т. д. Она не ѣздитъ на балы, не тратится безумно на туалеты въ смутной надеждѣ плѣнить и женить на себѣ плѣненнаго. Она — не щебечетъ какъ птичка, она не заигрываетъ, какъ котенокъ, когда ея окружаютъ мужчины, и не рветъ и не мечетъ, какъ злая шавка, когда неловко одѣваетъ ее запуганная горничная. Вотъ вамъ и весь портретъ «этой особы», — закончилъ онъ съ ироніей.

— Полноте, весь ли? — лукаво взглянула она на него. Не забыли ли чего-нибудь, главнаго?

— Укажите.

— Извольте. Любитъ горячо и искренно, такъ, какъ не всѣ мамзели любить умѣютъ, — развѣ только пансіонерки да институтки... Вотъ этого-то вы и не прибавили. А вѣдь это важно, — иронизировала уже въ свою очередь Татьяна Павловна.

Серёжа насильственно улыбнулся.

— Понимаю, въ чей огородъ камешки летятъ. Несчастному Андрею достается со всѣхъ сторонъ.

— Кто любитъ и любимъ, — кротко вставила она, — тотъ не можетъ быть несчастенъ.

— А кто не умѣетъ любить, но любимъ, кто себя хорошенько не понимаетъ, кто разсматриваетъ и изучаетъ все, что въ немъ кроется, все, что онъ чувствуетъ, и приходитъ самъ къ тому заключенію, что кроется въ немъ — гадость и чувствуетъ онъ — тоже гадость, — тотъ, вы тоже думаете, не можетъ быть несчастенъ?

— Да развѣ онъ не любитъ? — съ неподдѣльнымъ удивленіемъ спросила она.

— Ха, ха, ха! — расхохотался Серёжа, — какъ не любить — любитъ, по своему любитъ. Только мы оба съ вами, вѣроятно, этого не поймемъ. Я, по крайней мѣрѣ, отказываюсь: мелко плаваю.

Изъ этого разговора Татьяна Павловна поняла хорошо, что самая дружба Андрея съ Лѣсниковымъ виситъ на волоскѣ, что первый играетъ, быть можетъ, а второй — ревнуетъ и мучится.

Она рѣшила даже и въ этой игрѣ принять свое активное, хотя и косвенное участіе. Андрей Васильевичъ долженъ былъ проиграть въ ней во что бы то ни стало.

XXII.

У Хоботовыхъ было невесело.

Петръ Герасимовичъ уѣзжалъ не сегодня-завтра на югъ, въ армію, гдѣ назначался временно командующимъ дивизіей. Миша, тотъ видимо разсчитывалъ, прикрываясь болѣзнію, продлить свой отпускъ, если полку не будетъ объявлено похода. Онъ нѣсколько дулся на сестру и сухо говорилъ съ ней за то, что та не приняла Барховой.

Старый генералъ просто на себя не походилъ. Онъ съ радостью и гордостью принималъ новый постъ; онъ понималъ ту крупную, трудную роль, какую придется ему играть теперь первый разъ въ жизни, понималъ и тяжелую отвѣтственность, налагаемую на него этимъ неожиданнымъ назначеніемъ. Сомнѣній не могло быть больше, — война неизбѣжна. Петръ Герасимовичъ не былъ трусомъ, но въ ту минуту, когда прочелъ онъ приказъ о своемъ новомъ назначеніи, онъ задрожалъ и низко опустилъ свою сѣдую голову. Воображеніе начало работать съ страшною силою.

Оно рисовало ему картины одну за другой. Вотъ видитъ онъ себя во главѣ ввѣренной ему дивизіи; тяжелая нравствен-

ная отвѣтственность лежитъ на немъ. Законъ, свое собственное чувство—повелѣваютъ ему идти съ этими тысячами на кровавую бойню.

О, онъ пойдетъ, онъ пойдетъ смѣло и гордо на встрѣчу свистящихъ пуль и гранатъ; онъ не боится смерти, славной, достойной солдата и гражданина!

Но дочь? что будетъ тогда съ его Лидой? Ею одной дышалъ и жилъ онъ, для нея одной готовъ былъ на всевозможныя жертвы. Это была привязанность страстная, сумасшедшая, переходящая въ боготвореніе...

Теперь онъ покидаетъ ее въ тяжелыя минуты, покидаетъ, быть можетъ, чтобы никогда болѣе не свидѣться, не поддержать ее въ горѣ, не утѣшить, не обласкать.

А это было имъ обоимъ одинаково необходимо. Тяжелы минуты разставанья.

Лида не плакала; она понимала необходимость его, но страшилась этого разставанья, какъ будто дѣйствительно оно должно было сдѣлаться роковымъ.

Какъ ни старалась она отогнать это гнетущее предчувствіе, оно овладѣвало ею все больше и больше, и съ какимъ-то нѣмымъ отчаяньемъ она смотрѣла на отца, на его спѣшныя и суетливыя приготовленія.

Долго сдерживаемыя слезы наконецъ хлынули наружу.

Въ своей маленькой спальнѣ, объясняя Манѣ ариѳметическую задачу, она, неожиданно для самой себя, горько заплакала.

Дѣвочка схватила ея руку и, покрывая ее поцѣлуями, заговорила, сама съ трудомъ сдерживая слезы:

— Я знаю, знаю, отчего вы плачете, Лидія Петровна. Милая, хорошая, добрая моя, не плачьте. Мы всѣ будемъ молиться вмѣстѣ, всѣ. Богъ—добрый, онъ услышитъ насъ... не плачьте!

Въ эту минуту Михаилъ Петровичъ случайно вошелъ въ комнату.

— Что это? заговорилъ онъ, останавливаясь на серединѣ и съ ироніей смотря на сестру.—Что это? Хоронить кого собралась?

Маленькая Маня въ испугѣ отскочила отъ Лиды, заслышавъ его голосъ, и, забившись въ уголъ, смотрѣла на него оттуда сердитымъ недружелюбнымъ взоромъ.

— Миша...—тихо проговорила Лида.

— Охъ, ужъ эти мнѣ нервныя дѣвчонки,—продолжалъ онъ, укоризной глядя на нее,—безъ слезъ и всхлипываній ни на агъ. Слаба ты, безхарактерна, Лидка, вотъ все и плачешь.

— Да неужели не жаль тебѣ отца?—воскликнула она.

— Жаль... Что такое жаль? Я оскорбилъ бы его уже однимъ этимъ сожалѣніемъ, какъ солдата и какъ человѣка. Ты не понимаешь этого,—мягче заговорилъ онъ, потому и относишься такъ...—Это долгъ нашъ, обязанность, къ которой всякій изъ насъ, мало-мальски порядочный, отнесется добросовѣстно. Ну, хоть бы я? Теперь я гуляю здѣсь, и ухитрюсь прогулять какъ можно дольше, если нашъ полкъ не двинется въ походъ. Мнѣ хорошо здѣсь, весело,—пояснялъ онъ съ внезапнымъ одушевленіемъ,—я, кажется бы, никуда теперь не хотѣлъ бы отсюда,—а объяви походъ, хоть сегодня,—сейчасъ укачу.

— Да жаль мнѣ, жаль его!

— Ну, вотъ, опять—«жаль!» Ахъ, Лидка, Лидка, слабый у тебя характеръ, куда какой слабый. Вотъ полюбовалась бы на Барханову, поучилась бы у нея и собой владѣть, да, пожалуй, и другими управлять.

— Оставь, Миша, оставь.

Этотъ вечеръ былъ канономъ отъѣзда Петра Герасимовича. Онъ хотѣлъ провести его съ дѣтьми. Миши не оказалось дома. Старикъ видимо огорчился этимъ.

— Богъ съ нимъ,—насильно милъ не будешь,—съ горечью проговорилъ онъ.—Право, не разберу я его совсѣмъ. То кажется онъ такимъ холоднымъ, безсердечнымъ, а то вдругъ привяжется къ кому-нибудь съ-разу, быстро,—и всей душой. Вотъ какъ теперь къ этой Бархановой; боюсь я, чтобы не вышло здѣсь чего, боюсь.

— Э, полно, папа, онъ тоже не сегодня-завтра долженъ будетъ въ армію ѣхать; здѣсь, въ Петербургѣ, опасаться за него нечего,—возражала Лида, чувствуя въ то же время, что какъ здѣсь, такъ и тамъ онъ одинаково будетъ находиться въ опасности, съ той только разницей, что интрига или недоразумѣніе можетъ родить здѣсь для него эту опасность, не менѣе чѣмъ тамъ штыки и пули непріятеля.

— Охъ, это семейство, несчастье принесетъ оно намъ,—глухо проговорилъ онъ. Слушай, Лида моя, быть можетъ, послѣдній разъ говорю я тебѣ объ этомъ. Сама знаешь, въ животѣ и смерти одинъ Богъ воленъ. Запомни ты слова мои, Лида. Не довѣряйся Барханову, бойся его, какъ врага своего. Ты не знаешь этихъ людей, а я на своемъ вѣку на многихъ насмотрѣлся. Повѣрь мнѣ, что ослѣплена ты имъ только. Пройдетъ время—увидишь, кого любила. Ложь все это, мишура одна только. Знаю, что любишь его, знаю,—да что же дѣлать-то? Руку свою бы далъ отрѣзать, чтобъ облегчить тебя только.

Она молчала, прижавшись къ нему.

— Знаю самъ, что тебѣ тяжело,—съ невыразимымъ мученьемъ въ голосѣ продолжалъ онъ.—Но не женится вѣдь онъ на тебѣ. Чуетъ мое сердце, что не женится. Такимъ людямъ жены не надо; партія имъ нужна, и другого для нихъ ничего и не существуетъ. Не понимаешь ты этого, крошка моя.

— Если любитъ, онъ женится, папа. Вѣдь онъ честный человѣкъ, онъ обманывать не станетъ,—рѣшилась выговорить она.

— Не станетъ? А что тому порукой, что не станетъ? Любовь твоя? Мало этого, мало.

— Совѣсть его порукой.

— Вотъ она-то у нихъ и особенная, увертливая. Слушай, Лида,—внезапно перемѣнилъ онъ тонъ,—я про него ничего особенно дурного не знаю, вѣдь я только то говорю, что чувствуетъ мое сердце. Можетъ, и ошибается оно, это глупое сердце,—дай Господи. Я противъ твоего счастья не пойду, моя Лида. Нѣтъ, не пойду. Я полюблю его такъ, какъ тебя люблю, если увижу, что ошибался... Но если что,—оборони Боже,—я все тогда позабуду, я руками его на части разорву!

Онъ весь дрожалъ отъ волненія.

Вошедшій Порфирій доложилъ о Лѣсниковѣ.

— Проси,—радостно проговорилъ Петръ Герасимовичъ.

— Вотъ этого,—говорилъ онъ про Лѣсникова,—люблю я; душа въ немъ хорошая. Правда вѣдь, Лида?—пытливо взглянулъ на нее Петръ Герасимовичъ.

— Правда.

«Дай Господи, дай Господи!» тихо прошепталъ онъ, идя на встрѣчу гостю.

XXIII.

— Чудакъ, право, этотъ Лѣсниковъ, чудакъ, но умный,—такъ часто говорили про него и пріятели и знакомые.

— Какой-то онъ точно недоконченный.

— Нѣтъ,—возражали другіе,— онъ просто отъ однихъ отсталъ, къ другимъ не присталъ.

И эти послѣдніе не ошибались. Жизнь ли его такъ сложилась подъ гнетомъ среды и обстоятельствъ, или ужъ на роду ему было написано не быть ни честнымъ труженикомъ, ни исправнымъ канцеляристомъ, ни какимъ бы то ни было дѣятелемъ, но только онъ не сдѣлался ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ. Чѣмъ же онъ сдѣлался?

Онъ сдѣлался «чудакомъ», сдѣлался по неволѣ, не имѣя возможности, а быть можетъ и желанія сдѣлаться записнымъ львомъ, сердцеѣдомъ, мотомъ. Зародыши всѣхъ этихъ барскихъ достоинствъ, конечно, появились уже въ немъ, благодаря постоянному якшанью съ барами, богато-одаренными вышеприведенными достоинствами. Но зародыши эти и остались зародышами, такъ что онъ дѣйствительно отъ однихъ онъ отсталъ, а къ другимъ не пристадъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ, которое теперь какъ въ далекомъ туманѣ иногда рисуется передъ нимъ, онъ зналъ и голодъ и холодъ. Мать умерла при его рожденіи, а отецъ, загнанный, забитый чиновникъ, любившій жену при жизни до какого-то самозабвенія, по смерти ея началъ пить и вскорѣ умеръ.

Затѣмъ для него настала иная пора; жизнь приняла болѣе благообразный видъ среди богатыхъ родственниковъ, пріютившихъ сироту. Мать его была изъ хорошей фамиліи, и если не получила никакого приданаго, такъ взамѣнъ судьба наградила ее богатымъ родствомъ.

Попавъ въ руки гуманной тетушки, дѣвицы лѣтъ за шестьдесятъ, онъ подвергся различнымъ «радикальнымъ преобразованіямъ». «Радикальныя преобразованія» состояли въ томъ, что мальчишку сводили въ баню, тщательно вымыли, выстригли, одѣли въ чистое бѣлье и платье и, запретивъ ему строго на-строго впредь бѣгать по двору и предаваться со всѣмъ пыломъ юности игрѣ въ «бабки», засадили за русскій букварь. Отъ послѣдняго переходъ былъ сдѣланъ къ молитвеннику, а тамъ и къ евангелію. Свѣтскія книги, какъ и всякій грѣховный соблазнъ, тщательно удалялись отъ него.

Неизвѣстно, что вышло бы изъ этого воспитанія, ибо благочестивая тетушка скончалась по прошествіи года.

Мальчикъ снова попалъ въ иныя руки. Его взялъ къ себѣ, единственно оставшійся у него родственникъ, богатый дядя. Тутъ пошло совсѣмъ иначе.

— Дѣлай что хочешь, только не ори; терпѣть не могу крику,—на первыхъ же порахъ пояснилъ ему новый покровитель.

Серёжа рѣшилъ, что онъ не будетъ его безпокоить, и кричалъ и оралъ несравненно больше, чѣмъ позволяли ему у тетушки, только уже теперь не въ домѣ, не въ классной комнатѣ, или угрюмой, завѣшанной какими-то мрачными картинами, столовой, а на дворѣ, на широкомъ и гладкомъ просторѣ. Мальчики ровесники, бабки, свайки, казаки-разбойники... такъ шло почти до десяти лѣтъ.

Наконецъ, подготовивъ его съ грѣхомъ пополамъ, дядя сдалъ его въ классическую гимназію на полный пансіонъ. Домой бралъ онъ его только по праздникамъ.

— А, ну что?—спрашивалъ онъ его.—Отпустили, значитъ хороши балы, ну, и прекрасно. Учись, потому безъ ученья пропадешь; хлѣба не будешь имѣть,—говаривалъ онъ ему, когда, послѣ недѣльной скучной зубрячки, почуявъ свободу, Серёжа радостно прибѣгалъ домой.

Онъ вникалъ своимъ дѣтскимъ умомъ въ эту и подобныя фразы дяди, и въ головѣ его скоро созрѣла слѣдующая аксіома: учиться надо, чтобы хлѣбъ имѣть.

— А если есть хлѣбъ, тогда что?—задавалъ онъ себѣ не одинъ разъ интересный вопросъ.

«Тогда... тогда...» усиленно размышлялъ онъ; «нѣтъ, тогда незачѣмъ и учиться, потому и служить и заниматься чѣмъ-нибудь уже нѣтъ надобности», порѣшилъ онъ съ увѣренностью. «Вотъ вѣдь папа служилъ, а почему? Потому что онъ бѣдный. А дядя не служитъ, да никогда, кажется, и не служилъ. Потому ему это совсѣмъ незачѣмъ: онъ богачъ».

И Серёжа учился съ большимъ стараніемъ, сознавая, что ему непремѣнно придется служить, такъ какъ у него ничего нѣтъ собственнаго.

— На какой ты думаешь поступить факультетъ?—спрашивалъ его товарищъ-пятиклассникъ.

— Я? Да я думаю—на юридическій.

— Адвокатомъ?

— Да эта лучшая въ наше время дорога: заработокъ блестящій.

— А я такъ думаю, на математическій идти,—заявлялъ ему товарищъ.

— Что ты, Богъ съ тобой! Стоитъ ли лямку-то такую тянуть, чтобы потомъ съ голоду помереть!—съ удивленіемъ восклицалъ онъ.

— Да предметъ-то ужъ очень люблю.

Серёжа только плечами пожималъ и отходилъ въ сторону. «Вотъ глупый,—думалъ онъ,—своей пользы не понимаетъ».

Какъ мы знаемъ уже, онъ дѣйствительно поступилъ на юридическій факультетъ, гдѣ и сошелся съ Андреемъ Бархановымъ.

Остальное тоже извѣстно читателю. Адвокатомъ онъ не сдѣлался уже потому, что, наслѣдовавъ послѣ умершаго дяди, въ заработкѣ блестящемъ» уже не нуждался, службу же занялъ

для «очистки совѣсти» и потому что—cela pose, какъ говорили его новые пріятели. Казалось, чего бы лучше?

Состояніе завелось собственное, жить представилась возможность широко и самостоятельно; веселиться и жуировать—ничто не возбраняло ему больше.

Онъ и зажилъ по этому шаблону, т.-е. зажилъ такъ, какъ жили и Андрей и другіе его великосвѣтскіе пріятели, а все-таки какое-то глухое, безпричинное, казалось, раздраженіе, овладѣвало имъ иногда среди этой праздной жизни, и послѣдняя становилась ему въ тягость, противна.

Но привычка была слишкомъ сильна, и жилось изо дня въ день, по старому. А раздраженіе становилось все глуше, все чаще и постояннѣе.

И чѣмъ чаще стали посѣщать его эти непрошенныя думы, тѣмъ страннѣе казался онъ время отъ времени въ кругу своихъ пріятелей и знакомыхъ.

Если не во всемъ понималъ онъ прежде Андрея, то по крайней мѣрѣ не останавливался надъ своимъ непониманіемъ, не размышлялъ надъ нимъ. Теперь что-то новое заговорило въ немъ, заговорило упрямо и неожиданно... Какъ будто не онъ самъ, а кто-то другой, третій, сидящій вотъ здѣсь, у него въ груди, смотритъ съ презрѣніемъ и злобой на многое, на что онъ, Лѣсниковъ, смотрѣлъ прежде любовно, или же хотя добродушно. Не надоѣли ему еще ночныя оргіи, банальная болтовня, журфиксы, сплетничанье, катанье,—а онъ любилъ уже отдохнуть и душой и тѣломъ въ простенькой гостиной Петра Герасимовича, въ обществѣ его и Лиды.

Усталаго, скучающаго, недовольнаго—его тянуло туда. Онъ пріѣзжалъ запросто, какъ добрый знакомый, и просиживалъ тамъ нерѣдко за полночь.

Стараго генерала не оказывалось иногда дома, и онъ проводилъ цѣлый вечеръ вдвоемъ, съ Лидой. Говорилось и чувствовалось ему съ ней иначе. Пріѣдетъ онъ пасмурный,—уѣдетъ совсѣмъ облегченный, съ какимъ-то точно радостнымъ, тихимъ чувствомъ.

Между нимъ и Лидой образовались самыя естественныя, дружескія отношенія, такъ, по крайней мѣрѣ, слушая ихъ искренія, отчасти фамильярныя бесѣды, показалось бы со стороны, такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ и старался думать Серёжа.

Иногда онъ ѣздилъ туда вмѣстѣ съ Андреемъ Васильевичемъ.

Отъ его зоркаго, наблюдательнаго взгляда не могла скрыться все болѣе и болѣе возрастающая склонность Лиды къ его бле-

стящему другу. Онъ чувствовалъ тогда какую-то досаду, злобу на него, почти ревность.

Самъ того не сознавая, насколько необходима и дорога становилась ему эта дѣвушка, онъ старался моментально потушить въ себѣ внезапно вспыхивавшія искры ревности и досады, и заставить себя относиться къ ней только дружески, но не болѣе. Любовь ея къ Андрею зародилась и быстро развилась на его глазахъ. Владѣть собою становилось ему уже не легко. А вмѣстѣ съ тѣмъ необъяснимая скука и даже тоска, изо дня въ день, овладѣвала имъ все сильнѣе и сильнѣе. Его еще болѣе стало тянуть въ квартиру стараго генерала.

Безспорно, онъ имѣлъ вліяніе на Лиду. Она невольно слушала съ увлеченіемъ его ѣдкія тирады о людяхъ, о себѣ самомъ. Себя онъ не щадилъ; напротивъ, казалось, любилъ даже побичевать себя передъ нею. Это доставляло ему злобное удовольствіе.

— Нѣтъ зла страшнѣе, распространеннѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе терпимаго, какъ ложь,—говаривалъ онъ.—Я лгу, вы—лжете, и всѣ лгутъ. А почему? Развѣ между нами нѣтъ ни одного правдиваго человѣка? Ничуть. Лжемъ потому, что обязаны лгать, что, быть можетъ, безъ этой обязательной до нѣкоторыхъ предѣловъ лжи, жизнь потеряетъ большую часть своей прелести.

— Э, полноте, говорите мнѣ всегда правду и я отвѣчу вамъ тѣмъ же.

И онъ началъ говорить ей «правду», и лгалъ въ этой правдѣ невольно, самъ того не замѣчая.

Онъ говорилъ ей, что между ними установились такія отношенія, которыми онъ наиболѣе дорожитъ и которыхъ онъ ни на что не промѣняетъ. Онъ говорилъ, что, не будучи ни отцомъ ея, ни братомъ, ни мужемъ, и, получивъ отъ нея разъ навсегда право говорить съ ней обо всемъ, болѣе искренно и правдиво, чѣмъ это даже принято въ свѣтѣ,—онъ дорожитъ этой привилегіей не менѣе, даже болѣе, чѣмъ дорожилъ бы онъ настоящимъ, законнымъ правомъ.

А на самомъ дѣлѣ и эти близкія дружескія отношенія становились ему невыносимо тяжелыми, когда сердце требовало иныхъ отношеній, болѣе полныхъ и нераздѣльныхъ привилегій.

И человѣкъ, давшій и себѣ и ей слово быть правдивымъ, обманывалъ невольно и себя и ее вмѣстѣ.

Объ отношеніяхъ ея къ Андрею онъ умалчивалъ—тоже невольно, инстинктивно. Онъ никогда не говорилъ съ ней о немъ, какъ будто бы его не существовало. Этимъ онъ болѣе щадилъ себя, чѣмъ ее.

Послѣ неожиданнаго отказа Наташи, послѣ всего имъ самимъ видѣннаго и слышаннаго отъ Андрея, словно повязка спала съ его глазъ,—и онъ рѣзко перемѣнилъ себя относительно Лиды. Онъ ясно увидалъ, что дѣло принимаетъ серьёзный оборотъ, такой, какого, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, невозможно было предвидѣть. Ревность, опасенія за любимую—теперь уже ясно сознаетъ онъ это—дѣвушку, злоба на друга, овладѣли имъ.

Онъ рѣшилъ лично уже вмѣшаться въ это дѣло, чтобы, такъ или иначе, спасти Лиду отъ окружающей ее опасности, раскрыть ей глаза, заставить позабыть этого «безсердечнаго фата», какъ называлъ онъ теперь Барханова.

Весь дрожа отъ волненья, убитый, огорченный такъ, какъ не бывалъ онъ еще огорченнымъ, пріѣхалъ онъ къ ней и, задыхаясь, схвативъ ея руку, требовалъ, во имя ихъ дружбы, во имя ея же собственнаго счастья, чтобъ она прямо, безъ утайки, исповѣдала ему свою душу.

Онъ надѣялся тогда еще...

Лида была въ такомъ возбужденномъ состояніи все это время, такъ хотѣлось ей предъ кѣмъ бы то ни было раскрыть свою наболѣвшую душу, что она съ-разу поддалась этому энергичному голосу дружбы и участія,—и призналась Лѣсникову, что Андрей —все для нея, что она любитъ его.

Ударъ былъ слишкомъ силенъ, хотя его слѣдовало и раньше ожидать. Впервые заговорилъ онъ съ ней о немъ. Онъ нарисовалъ его въ яркихъ, невыгодныхъ краскахъ.

— Вѣдь вы же другъ его?—съ широко раскрытыми отъ удивленія глазами замѣтила ему Лида.

Что же оставалось отвѣтить ему?—Онъ смолчалъ; но съ этой минуты еще болѣе, еще сильнѣе возненавидѣлъ свою прошлую и настоящую жизнь, людей, раздѣлявшихъ ее съ нимъ, и главное, Андрея. Онъ недоумѣвалъ, какъ могъ онъ дѣйствительно такъ долго жить этой безобразною жизнью, среди этихъ людей безъ сердца, безъ святыни, какъ могъ онъ любить Барханова, этого яркаго представителя хищной породы.

Но и онъ вѣдь—хищный! Однако онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, спасти Лиду...

XXIV.

Татьяна Павловна была крайне оскорблена поведеніемъ Лиды. Не принять ее,—и даже не заплатить ей визита,—это было уже слишкомъ. Она высказала неизмѣнно дежурившему около нея Михаилу Петровичу свое неудовольствіе.

— Согласенъ, Татьяна Павловна, вполнѣ согласенъ, съ искреннимъ негодованіемъ отвѣчалъ тотъ,—что это—непростительно, глупо съ ея стороны.—Но что прикажете дѣлать?—Сестра упряма, и къ тому же болѣзненно самолюбива.

— При чемъ же тутъ самолюбіе?—вспыхнула она.

— При многомъ, при многомъ,—глубокомысленно возразилъ онъ, видимо не желая вдаваться въ дальнѣйшія подробности.

Татьяна Павловна поняла его иначе.

«Такъ вотъ что», промелькнуло внезапно въ ея головѣ, она не хочетъ знаться со мной, она считаетъ меня несравненно ниже... Я остаюсь въ ея глазахъ — выскочкой, секретаршей»...

«О, о, не въ слишкомъ ли опасную для себя игру играете вы со мной, «необыкновенная дѣвушка?»

— Скажите, вы очень любите сестру?—спросила она Михаила Петровича.

Тотъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Да, конечно. А что?

— Вы не промѣняли бы ее ни на кого, ни на кого?

— Что за вопросъ? — Надѣюсь, что мнѣ не придется ее и мѣнять на кого-нибудь.

— Вы не поняли меня.—Я хочу сказать, дороже ли вамъ *ея* счастье, нежели счастье человѣка, будь онъ мужчина или женщина,—все равно, котораго вы болѣе всѣхъ любите?—при этомъ она обдала его мгновеннымъ загорѣвшимся взглядомъ.

— Я люблю ее какъ сестру, сильно.—Эта любовь не можетъ никогда встать между мною, между любовью къ женщинѣ,—взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ онъ.

— А если?

Михаилъ Петровичъ колебался.

— Неужели вы никого не любите сильнѣе ея?

Она опять прожгла его своимъ горячимъ взглядомъ.

— Васъ, васъ люблю!—вскрикнулъ онъ въ порывѣ неудержимой страсти. — Тяжелые шаги послышались за портьерой. Татьяна Павловна вздрогнула.

— Мужъ,—быстро проговорила она, и почему-то поднялась

съ мѣста, какъ-бы желая идти ему на встрѣчу. Михаилъ Петровичъ поднялся тоже и судорожно сжалъ въ рукѣ высокую спинку кресла.

Василій Александровичъ появился на порогѣ.

— Новость, новость,—говорилъ онъ тихимъ торжественнымъ шопотомъ.—Война объявлена, завтра прочтутъ манифестъ.

Извѣстіе было не изъ самыхъ неожиданныхъ. Хоботовъ давно уже не сомнѣвался, что война близка, неминуема; этотъ вопросъ былъ уже рѣшеннымъ; но въ эту минуту, еслибъ громъ разразился надъ нимъ, онъ не вздрогнулъ бы такъ, какъ теперь.

«Значитъ, все пропало», мгновенно пронеслось въ его головѣ. Что будетъ, что будетъ, когда онъ покинетъ ее? покинетъ скоро, черезъ нѣсколько, быть можетъ, дней... и суждено ли еще ему съ ней свидѣться впослѣдствіи?

Голова его горѣла, сердце било тревогу послѣ вырвавшагося страстнаго признанія. Въ глазахъ все заходило. Точно въ туманѣ различалъ онъ теперь передъ собой фигуру Татьяны Павловны.

Она стоитъ, прислонившись къ двери, молчаливая, повидимому спокойная, только яркія губы ея нервно подергиваетъ легкая усмѣшка. Онъ замѣтилъ эту усмѣшку, замѣтилъ это холодное, невозмутимое спокойствіе ея. Что это? Неужели выдержка, характеръ? Неужели она могла такъ скоро вернуть свое самообладаніе послѣ его словъ, которыя и теперь еще, кажется, носятся въ воздухѣ.

А если она не любитъ его? Если она играла и тѣшилась имъ, какъ кошка мышенкомъ? Но нѣтъ, этого быть не можетъ; вѣдь она сама вызвала его на это признаніе.

А если? — встаетъ опять тревожный вопросъ. Но на него не можетъ отвѣчать онъ.

— Въ деревню, въ деревню теперь, — говоритъ старикъ, взволнованно шагая по комнатѣ. Оттуда слѣдить будемъ за всѣмъ; но оставаться здѣсь, въ этой горячкѣ дѣятельности, оставаться и смотрѣть хладнокровно, что все живетъ, дышетъ, движется одною мыслью, тяжело... тяжело, когда самъ принужденъ ограничиться однимъ только сочувствіемъ.

— Не всѣмъ же быть солдатами.

— Да, не всѣмъ быть,—это правда. Да и не надо этого. Ты, ужъ какъ женщина, не поймешь того, что мы, старики, безполезные, отслужившіе, чувствуемъ въ эту минуту. Это острое, жгучее чувство, чувство безсильной злобы на свою безполезность. Дѣла хочется, а тебѣ остается сочувствіе и соболѣзнованіе. Вонъ, товарищи, школьниками вмѣстѣ были... Многіе

командуютъ дивизіями, отрядами. Впереди—просторъ горячей дѣятельности, высокой, благородной. А мы что? Мы соболѣзнуемъ.

И онъ желчно расхохотался. Тщеславіе заговорило въ немъ и крылось въ сущности подъ напускнымъ патріотизмомъ.

— Вотъ вы, молодой человѣкъ, пойдете, дѣйствовать будете, а не соболѣзновать,—внезапно обратился онъ къ Хоботову.—Впереди, можетъ быть,—блестящая дорога, карьера, отличія, ордена. Васъ ожидаютъ лавры...

— А если могила?—глухо перебилъ его тотъ. Еще глуше прозвучали для него эти слова; онъ самъ не узналъ своего голоса.

— Полноте... Зачѣмъ предполагать худшее, хотя это и худшее само по себѣ уже велико и благородно.

«Что онъ, смѣется надо мной, что ли?» почему-то показалось Хоботову, такъ далекъ онъ былъ въ эту минуту отъ всего имъ слышаннаго.

— Скоро поѣдете?—наступалъ на него Барханов.

— Съ полкомъ поѣду, не раньше.

— Ну, дай вамъ Богъ, дай вамъ Богъ. Вѣдь батюшка ужъ тамъ? Уѣхалъ?

— А сестру свою на кого же вы оставите?—заинтересовалась Татьяна Павловна.

— Она не маленькая, да я никогда и не состоялъ при ней въ качествѣ гувернера, — уже съ плохо скрываемой злобой отвѣчалъ онъ.

Самообладаніе ея, ея улыбка, этотъ вопросъ, заданный съ очевидною насмѣшкой, самая поза ея, непринужденная, спокойная,—все это выводило его изъ себя.

— Интересное время, крайне интересное. Выдвинутся таланты, способности... Фортуна завертитъ свое колесо. Много возможности выйти въ люди, много возможности и погибнуть,—въ раздумьи заключилъ Василій Александровичъ, выходя изъ комнаты.

Въ кабинетѣ онъ тяжело опустился на диванъ, склонилъ голову и задумался.

Вся жизнь его была — тщеславіе и честолюбіе. Служебная карьера его была очень замѣтна. Вѣроятно, онъ ушелъ бы еще дальше, еслибъ не неожиданный случай, заставившій его бросить службу. Пять-шесть его старыхъ сослуживцевъ опередили его въ своей служебной карьерѣ; они занимали уже очень значительныя должности. Одного даже чуть не прочатъ въ министры, хотя тотъ и моложе его годами. Василій Александровичъ понималъ, что, случись это въ дѣйствительности,— и жизнь его будетъ

отравлена неугомонною мукой оскорбленнаго самолюбія. Онъ рѣшился раньше времени сойти со сцены, чтобы не дать возможности другимъ сдѣлать когда-либо невыгодное для него сопоставленіе.

Общественное служеніе кончилось. Началось служеніе мамону. Забыты были на время и принципы, и предразсудки, дороже подъ-часъ всякихъ принциповъ,—такъ сильна была еще въ старикѣ, помимо умолкнувшаго на время честолюбія, жажда жизни, съ ея манящими чарами.

Эти чары раскрылись передъ нимъ.

Любовь къ красавицѣ-женѣ становилась, казалось, тѣмъ сильнѣе въ немъ, чѣмъ болѣе встрѣчалъ онъ въ ней холода и равнодушія, чѣмъ болѣе приходилось ему мучиться и страдать, недоумѣвать, теряться, при встрѣчѣ съ желѣзнымъ характеромъ этой неотразимо обаятельной, но часто непонятной ему женщины. И чѣмъ отвѣчаетъ она на это его чувство, ради котораго, какъ доказалъ уже, онъ рѣшился на все?

Невольно вспоминается ему сцена у Женевскаго озера,—и грустно, грустно становится на душѣ. Можетъ, и на самомъ дѣлѣ онъ былъ карикатуренъ? Съ сердцемъ, переполненнымъ счастья, въ какомъ-то непонятномъ восторгѣ, онъ опустился передъ ней на колѣни, молиться и плакать ему хотѣлось, — такъ счастливъ былъ онъ въ эту минуту. Такихъ невольныхъ душевныхъ порывовъ онъ не испытывалъ прежде въ своей холодной, замкнутой жизни.

И вдругъ, въ отвѣтъ на этотъ чистый, небывалый порывъ, раздается громкій, насмѣшливый хохотъ.

— Вамъ не семнадцать, а семьдесятъ, — звучитъ ея рѣзкій голосъ.

Страннымъ диссонансомъ была эта минута, но за ней чаще и чаще послѣдовали иныя, не менѣе тяжелыя, не менѣе мучительныя. И вотъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, уже ясно обрисовалось его счастье, къ которому стремился онъ съ безумнымъ пыломъ юноши.

Но и *такою* онъ не отдастъ ее никому. А если она полюбитъ?

— Кого? кого?—вопрошалъ онъ себя съ замираніемъ сердца.

— Хоботова, — вдругъ проговорилъ онъ вслухъ и вскочилъ съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ, какъ-бы пораженный внезапною мыслью.

Тихими, осторожными шагами, почти крадучись, онъ направился къ будуару жены.

На минуту взглядъ его скользнулъ и остановился на висѣв-

шемъ надъ столомъ револьверомъ. А на противоположной стѣнѣ висѣлъ портретъ молодой женщины. Это была Зина. Неподвижно-грустно смотрѣли на него ея кроткіе голубые глаза.

XXV.

По уходѣ Василія Александровича, Хоботовъ уже не сдерживался.

Онъ подошелъ къ Татьянѣ Павловнѣ и, порывисто схвативъ ея руку, низко-низко наклонился къ самому лицу.

— Вы добивались правды, — заговорилъ онъ потрясеннымъ голосомъ.—Вы слышали, она вырвалась нѣсколько минутъ тому назадъ?.. вы слышали?

Та не отнимала своей руки, хотя онъ тискалъ и сжималъ ее до боли въ своихъ сильныхъ ладоняхъ. Она сидѣла, опустивъ голову.

— Что-жъ вы молчите?

Она подняла свою голову и, пристально взглянувъ ему прямо въ глаза, проговорила тихо, но рѣшительно:

— Вы любите меня? Ну, и любите.

Густой румянецъ покрылъ ея щеки и грудь тяжело дышала.

— А вы? а вы? а ты любишь ли меня?.. Скажи... одно слово...

Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Да, — проговорила она также тихо и рѣшительно, склоняясь къ нему всѣмъ тѣломъ.

У Хоботова закружилась голова отъ этого признанія и этой близости любимой женщины. Минуту она отдавалась его ласкамъ.

— Никому, никому не отдамъ тебя, — говорилъ онъ, все сильнѣе сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.

— А мужъ? — проговорила она и, мгновенно вырвавшись отъ него, засмѣялась рѣзкимъ, надорваннымъ смѣхомъ.

Хоботовъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Казалось, въ эту минуту онъ совсѣмъ забылъ о существованіи Василія Александровича.

— А война? На-дняхъ, быть можетъ, вамъ предстоитъ отправиться за-границу, а что тамъ будетъ—развѣ извѣстно?

Она вылила два ушата холодной воды на его горячую страсть.

— О, Господи!—простоналъ онъ.

Истинная мука слышалась въ его голосѣ.

— Но я не могу жить безъ тебя!

— Это — ребячество, а не любовь, — серьёзно проговорила она, смотря на него строгимъ, глубокимъ взоромъ. — Что зна-

читъ: «я не могу жить безъ любимаго человѣка?» Это—вздоръ, это — фраза... Я люблю васъ такъ же, но я никогда не скажу вамъ подобнаго вздора. Напротивъ, теперь, болѣе чѣмъ когда, я желаю, чтобы вы уѣхали на войну. Было бы слишкомъ смѣшно оставаться здѣсь пришитымъ къ юбкѣ. Не сердитесь, что я говорю такъ; вѣдь я говорю правду. Вы понимаете меня, вы сами со мной согласны; но у васъ не достаетъ ни мужества, ни характера, чтобы сознаться въ томъ вслухъ.

— Я докажу вамъ, если надо, что того и другого у меня болѣе, чѣмъ вы думаете.

— Полноте, полно, мой другъ, — уже мягче перебила она его:—мы не спорить будемъ; намъ нѣтъ времени спорами заниматься. Слушай же,—голосъ ея сдѣлался ласковый и нѣжный:—ты долженъ уѣхать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— А ты останешься здѣсь, въ объятьяхъ стараго мужа?—вскричалъ онъ.—Нѣтъ, это не любовь. Я не умѣю такъ любить. Мнѣ—все, или ничего: середины я не беру. Вы должны быть со мной. Кто любитъ, для того жертвъ не существуетъ.

Татьяна Павловна насмѣшливо улыбнулась.

— О, какими безграничными эгоистами вы созданы всѣ, мужчины! Неужели вы въ правѣ не только желать, но и требовать, чтобы женщина, имѣвшая счастье полюбить васъ, платилась бы за это счастье всей своей жизнью, своимъ именемъ, своимъ положеніемъ, наконецъ? Да, дѣйствительно, это была бы уже жертва, безумная, глупая жертва. А любовь? Развѣ любовь жертва? Любовь—наслажденіе!—страстно проговорила она.

— И ради этого наслажденія вамъ угодно, чтобы я какъ можно скорѣе уѣхалъ отсюда за тридевять земель. Нѣтъ, я не понимаю этой логики.

— Дитя, взрослое, старое дитя! — засмѣялась она, шутливо погладивъ его по головѣ.—Ну, что же дѣлать? Какъ же иначе-то быть? Вы уѣдете потому, что вы должны уѣхать, и потому, наконецъ,—прибавила она съ лукавой улыбкой,—что такъ будетъ *для насъ* удобнѣе. Кто знаетъ, что можетъ быть? а многое можетъ быть, когда женщина того хочетъ... Война кончится, Богъ дастъ, скоро, тогда вы вернетесь, тогда мы и будемъ говорить иначе. Мало вамъ того, что я васъ люблю? Мало?

— Да я жить только и буду этимъ сознаніемъ!

— И... ожиданіемъ? Ну, и отлично. Значитъ, оба мы будемъ жить одною жизнью. А теперь—извольте слушать меня и безпрекословно исполнять мои желанія.

— Все, все, что хочешь!

— Отлично. Во-первыхъ, вы не будете отсрочивать подъ различными предлогами своего отпуска,—вы уѣдете отсюда на-днях. Во-вторыхъ (и это «во-вторыхъ» также очень важно), вы всѣми силами должны помѣшать возможному браку вашей сестры съ Андреемъ, во что бы то ни стало. Я не знаю, возможенъ онъ или нѣтъ, но я знаю, что его нельзя допустить.

— Да мнѣ и въ голову онъ никогда не приходилъ. Да наконецъ—пусть ихъ, Богъ съ ними, что́ намъ до нихъ?

— Что́ намъ до нихъ? Вотъ это прекрасно. Такъ вы не понимаете, «что́ намъ до нихъ»? Нѣтъ?

— Не понимаю.

— Если вы только не понимаете,—это еще не бѣда: я растолкую вамъ. Но если вы не *хотите* понимать этого,—сдѣлала она удареніе,—тогда, тогда другое дѣло.

— Положительно не понимаю, хоть убейте.

— Какъ вы думаете, почему я желаю вашего немедленнаго отъѣзда? Почему?—говорила она, впиваясь въ него глазами.

— Вамъ стыдно будетъ за меня, если я останусь здѣсь въ Петербургѣ?

— До нѣкоторой степени оно, пожалуй, и такъ, но это не главное. Во мнѣ говоритъ прежде всего честная женщина. Любовницей ничьей я не была и не буду.

— Вы не будете моею?

— Этого я не говорю. Напротивъ, ничьей другой какъ вашей. Но любовницей вашей я все-таки не буду.

Михаилъ Петровичъ смотрѣлъ на нее изумленными глазами и ничего не могъ сообразить.

— Не любовь къ старому, ненавистному, быть можетъ, мужу, не чувство долга, не уваженіе, наконецъ, къ руинѣ, уже одной ногой стоящей въ могилѣ, могутъ сохранить то, что́ въ свѣтѣ нашемъ зовется «добродѣтелью»,—нѣтъ; но уваженіе къ самой себѣ, гордость, самолюбіе не позволяютъ мнѣ заводиться любовникомъ, втихомолку отъ дряхлаго мужа. Это настолько же подло, насколько и пошло.

Логика эта изъ устъ женщины, только-что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ сказавшей свое первое «да», была странна, если не непонятна. Хоботовъ не могъ понять, куда ведетъ эта логика, и слушалъ все съ болѣе и болѣе возрастающимъ недоумѣніемъ.

«Кто любитъ, тотъ не станетъ разсуждать, тотъ не станетъ говорить цѣлыя рѣчи», промелькнуло-было въ его головѣ, но

вотъ она снова заговорила, и снова онъ весь обратился въ изумленный слухъ и вниманіе.

— Итакъ, вы поняли, что я не иначе буду принадлежать вамъ, какъ жена.

— Ты будешь хлопотать о разводѣ! Дорогая моя, счастье мое! теперь я понимаю тебя, понимаю твою душу!—заволновался онъ, видимо пораженный неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Онъ уѣдетъ. Она поведетъ дѣло о разводѣ, добьется его во что бы то ни стало,—и все это ради его... Да развѣ это тоже не жертва! Но при чемъ тутъ Лида и Андрей, при чемъ тотъ «возможный» бракъ, котораго такъ не хотѣла Татьяна Павловна?

— О разводѣ?—проговорила она, какъ-бы не довѣряя своему слуху.—О какомъ разводѣ? Что вы? Въ своемъ ли вы умѣ? Да развѣ я пойду на разводъ, да развѣ я рѣшусь на него?

Онъ поблѣднѣлъ. Вся кровь его прилила къ сердцу.

Она близко подошла къ нему, наклонилась надъ самымъ лицомъ и, бросивъ бѣглый взглядъ на портьеру,—проговорила вполголоса:

— Онъ старъ; ему семьдесятъ.

Она обвила его шею руками и заглянула въ глаза его долгимъ, пытливымъ взоромъ.

— Какъ знать, что можетъ быть? Поѣзжай,—тихо и съ разстановкой проговорила она.

Хоботовъ понялъ.

Руки ея по прежнему обвивали его голову, черные, бархатные глаза глядѣли на него съ такой любовью и нѣгой, вырвавшаяся прядь душистыхъ волосъ прикасалась къ его горячей щекѣ... Онъ готовъ былъ всему вѣрить, на все надѣяться, и даже женщина, ожидающая смерти стараго мужа, чтобы броситься въ объятія другого, молодого,—не только не показалась ему омерзительной, но въ высшей степени честной, искренной и правдивой.

— А если Андрей женится на твоей сестрѣ, то этому не бывать. Ну, понимаешь—теперь, милый...

— О, я не допущу этого!—воскликнулъ онъ, въ какомъ-то опьяненіи цѣлуя ея руки.

А Татьяна Павловна улыбалась. Она хорошо сыграла свою роль...

XXVI.

Василій Александровичъ слышалъ весь предъидущій разговоръ, почти отъ слова и до слова.

Онъ стоялъ за портьерой, стоялъ, какъ пригвожденный къ мѣсту, не имѣя силы ни уйти, ни обнаружить своего присутствія.

Перваго онъ и не хотѣлъ; не затѣмъ рѣшился онъ на позорную роль ревниваго мужа, подслушивающаго у дверей своей жены, чтобы испугаться внезапно представившейся предъ его глазами голой, безпощадной истины.

Чувствуя, что холодный потъ выступаетъ на его вискахъ, что въ глазахъ все кружится и темнѣетъ, что колѣни дрожатъ, подкашиваются, а сердце обливается кровью,—онъ былъ, дѣйствительно, достоинъ сожалѣнія въ эти нѣсколько минутъ, которыя показались ему цѣлою вѣчностью.

Разыграть сцену изъ французской мелодрамы, и встать внезапно передъ глазами преступной жены и ея счастливаго поклонника въ видѣ грозной, карающей тѣни,—не приходило ему въ голову ни одной секунды.

Такой конецъ былъ бы по меньшей мѣрѣ пошлый... Да онъ и не думалъ о концѣ. Какъ вкопанный стоялъ онъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, почти не дыша, и даже не сознавая того, что роль его—низкая, некрасивая роль, что онъ *подслушиваетъ*.

Мысли вихремъ кружились въ его головѣ.

То были новыя, страшныя мысли, отъ которыхъ кровь леденѣла въ жилахъ, голова мутилась.

Нѣтъ сомнѣнія,—завѣса спала. Женщина, которой онъ отдался весь, всѣми своими помыслами, надеждами, которую боготворилъ онъ, какъ святыню,—считаетъ часы, минуты, проведенныя съ нимъ подъ однимъ кровомъ; она жаждетъ смерти его такъ, какъ жаждетъ свободы и воздуха заключенный въ тѣсной и душной темницѣ. Онъ понялъ, что смерть его—начало ея счастья, что тогда лишь дастъ она просторъ своему молодому чувству и говорившей въ ней силѣ. И то и другое—ревниво бережется какъ нетронутый капиталъ.

Онъ былъ и есть—необходимая ступень, ведущая ее къ этому счастью,—и застоялась она уже долго на этой ступенькѣ; нѣтъ силъ болѣе терпѣть и дожидаться,—такъ манятъ ея горячія объятія иной жизни. Вѣдь ради этой жизни, она и не оттолкнула его, его богатства, все то, что давало ей въ свѣтѣ и обществѣ блестящее положеніе его жены.

Значитъ, тогда еще, когда она стояла въ бѣломъ, вѣнчальномъ платьѣ, лучезарная, гордо спокойная въ своей красотѣ,—тогда еще не сердце билось въ ея груди, а уже копошились черные, преступные помыслы. Да, преступные. Развѣ она не преступница? Она способна убить, отравить его собственными руками за то лишь, что онъ живетъ и дышетъ, когда, по ея соображеніямъ, ему давно пора уже гнить въ могилѣ.

Онъ силенъ еще, въ немъ много жизни, много энергіи; его хватитъ на много лѣтъ.

Развѣ люди не живутъ до восьмидесяти и больше? Она знаетъ это, но она разсчитываетъ часы его жизни. Развѣ стала бы ждать она цѣлые годы, подавлять свою вспыхнувшую страсть, бороться съ собой, съ любимымъ человѣкомъ? Нѣтъ, тутъ не то; тутъ кроется *преступный* замыселъ, зародившійся, быть можетъ, въ ихъ первомъ преступномъ поцѣлуѣ.

Они не называютъ вещей своими именами; но оно и понятно. Даже закоренѣлые преступники и убійцы,—и тѣ, поставленные въ необходимость посвящать другъ друга въ свои планы, прибѣгаютъ къ иносказательнымъ выраженіямъ, къ мимическимъ жестамъ. Такъ легче, опрятнѣе.

Она гонитъ его на войну,—она требуетъ его отъѣзда,—и такъ поступаетъ любящая женщина! О, нѣтъ болѣе сомнѣнія, что она *рѣшилась*...

Всѣ эти страшныя мысли овладѣли имъ. Не отдавая себѣ отчета, что́ онъ дѣлаетъ и зачѣмъ дѣлаетъ такъ, а не иначе, онъ также тихо направился къ своему кабинету. Голова горѣла, какъ въ огнѣ, а въ рукахъ и ногахъ чувствовался ледяной холодъ.

Мысли работали за минуту передъ тѣмъ съ изумительной быстротой, теперь же онъ съ-разу лишенъ былъ способности думать и чувствовать. Злоба, негодованіе, ревность, оскорбленная любовь и самолюбіе—все это молчало теперь въ его душѣ, все спало какимъ-то глубокимъ, тяжелымъ сномъ. Только въ горлѣ что-то щемило, какъ будто чьи-то сильныя мускулистыя руки сжимали его изо всей мочи.

Онъ вошелъ въ столовую. Изъ противоположной двери показался Андрей Васильевичъ. Онъ шелъ тихо, опустивъ голову, заложивъ руки за спину, видимо о чемъ-то размышляя.

«Бѣжать, спрятаться!» снова забродили мысли въ его горячей головѣ. «Онъ увидитъ; спроситъ, откуда? Что тогда отвѣтить? Сказать, что подслушивалъ, какъ жена и любовникъ сговари-

ваются отравить стараго мужа, и что старый мужъ—это я? О-о-о-о!»

Андрей Васильевичъ поднялъ голову и прямо передъ собой, въ двухъ шагахъ, увидалъ отца... Онъ такъ и отшатнулся.

Тотъ стоялъ передъ нимъ, наклонившись впередъ всѣмъ туловищемъ, широко разставивъ руки, какъ-бы собираясь схватить что-то передъ собой. Лицо осунулось, какъ послѣ тяжкой болѣзни.

Глаза ихъ встрѣтились.

— Кто смѣетъ говорить, кто смѣетъ говорить, что она хочетъ отравить меня! — пронзительнымъ голосомъ закричалъ старикъ, какъ-то странно замахавъ руками.—Подлые! я имъ глотки заткну! Слышалъ, Андрей, слышалъ? Вотъ выдумали исторію! Ха-ха-ха!—онъ залился громкимъ, сумасшедшимъ смѣхомъ. Меня отравить!.. моя жена! Нѣтъ, это ужъ слишкомъ, — это смѣшно; вѣдь она же любитъ меня до безумія. Ахъ, Боже мой! Еслибъ ты зналъ, Андрей, какъ люди злы. Они завидуютъ моему счастью... Отравить! А? Какъ тебѣ это покажется? И кто говоритъ-то, кто? Хоботовъ, этотъ офицеръ... Клянется, божится, что самъ слышалъ, какъ она, т.-е. Таня, тамъ у себя, въ будуарѣ, съ Хоботовымъ, т.-е. нѣтъ, какъ бишь его, фамилію забылъ, тоже офицеръ... сговаривались отравить меня, а тамъ обвѣнчаться и уѣхать, на войну уѣхать... а? Какъ лжетъ, негодяй! И Таня — тоже на войну—слышишь... А меня отравить, отравить!

— Господи!—могъ только выговорить Андрей Васильевичъ.

Но безуміе все болѣе и болѣе овладѣвало Бархановымъ. Онъ подскочилъ къ сыну и крѣпко вцѣпился въ рукавъ его дрожащею, костлявою рукою.

— Бѣжимъ, бѣжимъ, Андрюша!—зашепталъ онъ, съ силою увлекая его.—Скорѣе, скорѣе, поздно будетъ... А *ее* съ собою возьму; съѣдятъ не то безъ меня, и ты — бери,—Наташу бери, всѣхъ бери,—и эту... эту, какъ ее, сестру офицера—бери. Всѣхъ возьмемъ—кого любимъ,—и спрячемся съ ними далеко, далеко!.. Никто не найдетъ, никто не отравитъ... Никто!—закричалъ онъ съ внезапною яростью.

Холодные души черезъ часъ лились уже на его воспаленную голову; ему хотѣли возвратить разсудокъ, а съ нимъ воскресить память и сознаніе дѣйствительности.

Татьяна Павловна горько плакала на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за два часа передъ тѣмъ она отдавалась ласкамъ Хоботова. Слезы были искренни: отравить кого бы то ни было, тѣмъ болѣе—мужа, ей никогда и въ голову не приходило.

Другой виновникъ катастрофы — Михаилъ Петровичъ Хоботовъ, ничего не подозрѣвая о только-что случившимся, лежалъ уже растянувшись на своемъ диванѣ, переполненный небывалой нѣги и счастья.

— Старикъ умретъ, — размышлялъ онъ съ сладостнымъ замираніемъ сердца,—умретъ отъ старости, отъ простуды, отъ удара, отъ паралича, умретъ, потому что время ему умирать, и тогда...

Чудныя картины недалекаго будущаго носились предъ его глазами...

Ю. З.

ВОТЯКИ

ИХЪ

ИСТОРІЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

Бытовые и этнографическіе очерки.

IV *).

Для вотяка свадьба такъ же обременительна, какъ и для русскаго крестьянина. Всѣ свои копѣйки отецъ-вотякъ сберегаетъ «до бѣды», подъ которой разумѣется также и свадьба сына или дочери. Устраивая свадьбу своего сына, вотякъ въ одно и то же время и горюетъ и радуется; горюетъ потому, что свадьба для него составляетъ разореніе, а радуется потому, что въ домѣ его будетъ одной работницей больше. За невѣсту отецъ жениха долженъ всегда платить калымъ или выкупъ на томъ основаніи, что онъ получаетъ въ домъ работницу; со стороны же невѣсты требуется приданое, соотвѣтствующее калыму. Сообразно съ этимъ взглядомъ парни 18—20 лѣтъ часто женятся на особахъ старше себя, потому-что каждому отцу семейства хочется удержать свою дочь возможно дольше въ своемъ домѣ, какъ работницу. Въ настоящее время калымъ вообще среднимъ числомъ до 40 и 80 р. и составляетъ по-истинѣ тягость въ брачныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ. Еслибъ не начальство, говоритъ вотякъ, то онъ-

*) См. выше, августъ, стр. 621.

просто утащилъ бы себѣ тихонько невѣсту, не заботясь ни о калымѣ, ни о приданомъ.

Вотякъ рѣдко женится по любви. «Время-ли хозяйку любить,— говоритъ онъ,—надо работать», поэтому наружная красота почти не играетъ никакой роли въ выборѣ невѣсты. Напротивъ, дородство и хорошее тѣлосложеніе считаются лучшими качествами жены, на обязанности которой должны лежать почти всѣ заботы о хозяйствѣ, всѣ домашнія работы, вскормленіе и воспитаніе дѣтей, которые уже съ семи лѣтъ должны быть помощниками отцу въ работѣ. Если дѣти лѣнивы, то во всемъ виновата мать. Сообразно этому, положеніе женщины въ семьѣ всегда видное; во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ она пользуется большимъ вліяніемъ и мнѣніе ея уважается всѣми, что, какъ увидимъ ниже, объясняется также религіозными воззрѣніями вотяковъ, считающихъ женщину существомъ одареннымъ даромъ проворливости.

Вотякъ, задумавши жениться, прежде всего высматриваетъ для себя невѣсту въ ближайшей деревнѣ, такъ какъ брать невѣстъ изъ своей деревни—не въ обычаѣ. Смотрины чаще всего производятся во время лѣтнихъ полевыхъ работъ и въ особенности на покосахъ, куда вотячки всегда выходятъ одѣтыя по праздничному въ лучшія платья. Высмотрѣвъ невѣсту, вотякъ стороной узнаетъ о состояніи ея родителей, о нравѣ невѣсты, о ея приданомъ и требованіяхъ родителей на-счетъ калыма, за тѣмъ слѣдуетъ обыкновенно малое сватовство, которое исполняетъ отецъ жениха или посылается къ невѣстѣ на этотъ случай особый сватъ. Дѣло ведется всегда съ отцомъ невѣсты, который обыкновенно сначала не соглашается, или проситъ большой калымъ, или говоритъ, что невѣстѣ рано еще выходить замужъ. Торгъ происходитъ до тѣхъ поръ, пока сватъ, согласившись на требуемый калымъ, не скрѣпитъ дѣло сватовства кумышкой, которую наливаетъ въ двѣ чашки—одну для отца невѣсты, а другую для себя. Оба пьютъ только до половины, а остальное вливаютъ въ одну чашку и подносятъ невѣстѣ, которая должна выпить до дна безъ остановки въ знакъ того, что она также постоянно будетъ любить своего будущаго мужа. Послѣ этого обычая женихъ тайно носитъ невѣстѣ подарки, состоящіе изъ полотенцевъ, платья, пряниковъ и пр. Вскорѣ послѣ малаго сватовства начинается формальное большое сватовство. Вся родня жениха, захвативъ съ собой достаточное количество кумышки, пива и водки, ѣдетъ къ невѣстѣ съ тѣмъ, чтобы окончательно договориться съ отцомъ невѣсты на-счетъ калыма и приданаго. Торгъ снова возобновляется еще съ большей силой противъ прежняго.

Наконецъ, окончательно условившись, отецъ жениха выноситъ свою кумышку и пиво и начинаетъ пиръ въ домѣ невѣсты. Калымъ выдается имъ въ назначенный день свадьбы или послѣ. Обыкновенно бываетъ такъ, что весь калымъ долженъ пойти на приданое и на свадебный пиръ.

Утромъ въ день свадьбы женихъ приглашаетъ къ себѣ всѣхъ родныхъ и угощаетъ ихъ кумышкой, до которой самъ однако не касается, пока не угоститъ ею свою невѣсту. Затѣмъ, напировавшись вдоволь, всѣ садятся на лошадей, предварительно захвативши съ собой кумышки и пива, и мчатся къ невѣстѣ. Если послѣдняя была похищена, то къ невѣстѣ ѣдутъ только родственники жениха, послѣдній же дожидается ея дома. Лошади для молодыхъ должны быть не въ примѣръ лучше другихъ и украшаются по гривѣ и всей головѣ ленточками, а подъ шею и къ хвосту привязываютъ множество бубенчиковъ. Остановившись передъ домомъ невѣсты, поѣзжане посылаютъ дружку спросить, дома ли невѣста. Родители обыкновенно не сказываютъ ее дома, а потому весь поѣздъ возвращается обратно; но, остановившись на полдорогѣ, поѣзжане снова посылаютъ дружку спросить, не явилась-ли невѣста. Дружка возвращается опять съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Такъ случается до трехъ разъ, когда, наконецъ, дружка намекнетъ поѣзжанамъ, что, можетъ быть, невѣста спряталась гдѣ-нибудь дома, такъ какъ ей уйти некуда; всѣ быстро ухватываются за эту мысль и поѣздъ снова подкатываетъ къ дому невѣсты. Тогда начинается искъ по всей избѣ — осматриваютъ весь дворъ и многочисленныя клѣти, пока дружка, какъ-будто нечаянно, не наведетъ поѣзжанъ на то мѣсто, гдѣ скрылась невѣста. Послѣднюю выводятъ насильно изъ убѣжища, а женихъ уговариваетъ ее идти съ нимъ въ избу; но ни усиленныя просьбы всѣхъ поѣзжанъ, ни обѣщанія жениха купить пряниковъ и подарить ей новый айшонъ не прельщаютъ невѣсту, которая, закрывшись платкомъ, съ крикомъ и плачемъ начинаетъ упираться, такъ что женихъ, не успѣвшій уговорить невѣсту, часто принужденъ бываетъ наказать ее примѣрнымъ образомъ. Для этого дружка растягиваетъ среди двора коверъ, раскладываютъ невѣсту навзничь, а женихъ слегка ударяетъ палкой или бичомъ по подушкѣ, положенной на спину невѣстѣ. Послѣ этого невѣста становится уже послушною жениху, начинаетъ прощаться со всѣмъ, что было ей дорого въ родительскомъ дворѣ, бросается къ коровѣ, къ лошади, цѣлуетъ ихъ, бросается въ каждый уголъ и прощается со всякою вещью, какая попадетъ подъ руку; затѣмъ входитъ въ избу, гдѣ устраивается пиръ, на которомъ невѣста

дарить жениху праздничную рубашку, а поѣзжанамъ раздаетъ полотенца или платки, или просто лоскутки ситца, за что они должны отдаривать копѣйками. Затѣмъ пиръ переносится въ домъ жениха. Невѣсту съ крикомъ и шумомъ сажаютъ въ телѣгу въ то время, какъ она всѣми силами старается упираться и кричитъ. Передъ домомъ жениха невѣста снова начинаетъ крикъ, призываетъ родныхъ на помощь и не хочетъ выдти изъ телѣги. Въ этомъ случаѣ женихъ часто снова прибѣгаетъ къ бичу, доказывая имъ свою власть надъ невѣстой. Сдавъ невѣсту, весь поѣздъ три раза объѣзжаетъ домъ жениха, чѣмъ церемонія и кончается. Въ домѣ жениха невѣсту встрѣчаетъ свекоръ и свекровь съ хлѣбомъ и масломъ. Затѣмъ полонъ домъ набирается гостей, въ числѣ которыхъ главный жрецъ (торъ-картъ) играетъ самую видную роль. Церемонія брака начинается съ того, что жрецъ подходитъ къ столу и, взявши въ руки стаканъ пива, начинаетъ читать надъ нимъ о ниспосланіи молодымъ счастья. Все это время невѣста въ бабьемъ платьѣ должна стоять на колѣняхъ, закрывши лицо платкомъ. По окончаніи молитвы освященное пиво торъ-картъ даетъ пить молодымъ, послѣ чего обрядъ бракосочетанія считается оконченнымъ. Къ этому времени замужнія бабы приносятъ на столъ новый бѣлый айшóнъ для молодушки, который гости обязаны украсить серебряными деньгами; затѣмъ бабы надѣваютъ айшóнъ на невѣсту и сажаютъ ее вмѣстѣ съ женихомъ за столъ; послѣ чего свекоръ и свекровь, сотворивши молитву, начинаютъ угощеніе жениха и невѣсты; затѣмъ уже сама невѣста беретъ чарки съ кумышкой или пивомъ и обноситъ ими своихъ гостей, чѣмъ открывается свадебный пиръ. Пируютъ нѣсколько дней къ ряду, пока не выпито и не съѣдено все приготовленное къ пиру. Всѣ слѣдующіе дни молодая работаетъ усерднѣе всѣхъ, встаетъ раньше и ложится позже всѣхъ, иначе не скоро отпустятъ ее снова къ отцу, гдѣ она живетъ обыкновенно всю зиму, или до тѣхъ поръ, пока женихъ не уплатитъ калыма. Этотъ обычай возвращенія невѣсты послѣ брачнаго обряда на нѣкоторое время въ домъ отца до сихъ поръ еще крѣпко держится у всѣхъ вотяковъ. Уплативъ калымъ, мужъ еще разъ устраиваетъ пиръ въ домѣ тестя и окончательно водворяетъ жену въ своемъ хозяйствѣ, которая съ этихъ поръ уже не считается молодушкой и должна носить вмѣсто бѣлаго красный айшóнъ. Если отецъ невѣсты почему-либо не хочетъ выдать дочь за такого-то жениха, послѣдній прибѣгаетъ иногда къ тайному сватовству: женихъ назначаетъ своей невѣстѣ гдѣ-нибудь за огородами тайное свиданіе и уговариваетъ ее переселиться къ

нему безъ вѣдома ея родителей. Съ согласія невѣсты назначается ночь, въ которую она должна быть похищена. Къ этому времени женихъ сбираетъ всю свою родню, поитъ ее пивомъ и кумышкой, затѣмъ каждый членъ родни береть себѣ верховую лошадь, и всѣ скачутъ къ дому невѣсты, которая, по соглашенію, наряженная должна уже дожидаться своего похищенія. Женихъ садитъ ее на своего коня, а самъ беретъ его подъ уздцы и ведетъ вплоть до своего дома. Во все время дороги невѣста старается казаться веселою, но предъ домомъ своего жениха начинаетъ притворное вытье—плачетъ и кричитъ, призываетъ къ себѣ на помощь своего отца, мать, родственниковъ, своихъ подругъ и, наконецъ, упрашиваетъ самихъ поѣзжанъ отпустить ее. Женихъ силой вводитъ ее въ свою избу, гдѣ невѣста начинаетъ бросаться во всѣ углы, желая показать видъ, что хочетъ вырваться изъ рукъ похитителей. Наконецъ ее запираютъ куда-нибудь въ темную клѣть, гдѣ она продолжаетъ, по обыкновенію, свое вытье.—Узнавши о пропажѣ своей дочери, отецъ и родственники невѣсты съ шумомъ и крикомъ врываются въ домъ жениха, требуя выдачи невѣсты. Послѣдній, желая задобрить будущаго тестя, обыкновенно старается завести съ нимъ разговоръ о калымѣ, причемъ торгъ происходитъ часто такимъ образомъ, что отецъ невѣсты стоитъ предъ женихомъ съ нагайкой въ рукѣ и каждый разъ, какъ послѣдній не соглашается на уплату требуемаго калыма, безцеремонно ударяетъ его по спинѣ; затѣмъ, условившись насчетъ калыма, будущій тесть подходитъ къ дверямъ клѣти, гдѣ продолжаетъ выть запертая невѣста, и спрашиваетъ, нравится ли ей новое житье? Дочь обыкновенно отвѣчаетъ, что житье ей хотя и плохо приходится, но для милаго она на все готова; послѣ чего женихъ выставляетъ на столъ пиво и кумышку и скрѣпляетъ мировую.

Иногда похищеніе совершается и въ томъ случаѣ, когда невѣста не даетъ своего согласія жениху. Тогда невѣста увозится насильно, разбойнически. Приготовивши для умыканія невѣсты сани или телѣгу, смотря по времени года, женихъ собираетъ въ свой домъ родныхъ, напаиваетъ ихъ кумышкой и затѣмъ всѣ въ числѣ 10—15 человѣкъ, вооруженные палками, бичами,—словомъ, кто чѣмъ могъ, отправляются къ дому невѣсты. Эта шайка смѣльчаковъ входитъ прямо въ чумъ, гдѣ спитъ невѣста и безцеремонно схватываетъ ее. На крикъ несчастной пробуждаются ея родители, родственники и сосѣди; начинается драка, свалка и, если поѣзжане одолѣли, то они увозятъ невѣсту къ жениху и держатъ нѣсколько дней въ заперти; въ противномъ

случаѣ дѣло кончается отступленіемъ и считается неудачей. Къ похищенной вскорѣ пріѣзжаютъ ея родители и родственники, съ обычнымъ крикомъ врываются въ домъ жениха и заводятъ ссору съ побѣдителями. Но благоразумный женихъ заботится обыкновенно прежде всего выставить на столъ побольше кумышки, зная навѣрное, что шумный пиръ заставитъ упорныхъ родителей склониться на сдѣлку о калымѣ. Наконецъ, покончивши всѣ пререканія, родители съ невѣстой отправляются домой, гдѣ она остается до дня свадьбы. Подобныя разбойничьи похищенія всегда, впрочемъ, оканчиваются полюбовнымъ образомъ. Не было еще случаевъ, чтобы обиженный отецъ и оскорбленная невѣста жаловались начальству и доводили дѣло до суда.

Съ принятіемъ христіанства языческій брачный обрядъ, т.-е. принятіе освященнаго пива женихомъ и невѣстою, естественно, долженъ былъ замѣниться христіанскимъ таинствомъ. Сообразно съ этимъ обычаи свадебнаго дня измѣнились. Что же касается малаго и большого сватовства, похищенія невѣсты и тайнаго сватовства, то все это исполняется крещеными вотяками точно такъ же, какъ и некрещеными.

Въ день свадьбы, также какъ и у некрещеныхъ вотяковъ, женихъ устраиваетъ поѣздъ къ невѣстѣ. По прежнему родители скрываютъ отъ поѣзжанъ свою невѣсту, пока наконецъ послѣдніе сами не отыщутъ ее и не введутъ насильно въ избу, гдѣ начинается общее пированіе; затѣмъ женихъ съ невѣстой садятся на тройку и вмѣстѣ со всѣмъ поѣздомъ начинаютъ кататься по деревнѣ. Вечеромъ того же дня совершается и церковный обрядъ, если поѣздъ не запируется такъ долго, что свадьбу приходится отложить до слѣдующаго дня. Предъ отъѣздомъ къ вѣнцу родители невѣсты вбиваютъ нѣсколько мѣдныхъ грошей въ стѣнки своей избы по всѣмъ четыремъ сторонамъ въ знакъ дорогой памяти о пребываніи дочери въ ихъ домѣ. Затѣмъ по христіанскому обычаю мать и отецъ благословляютъ свою дочь иконою, невѣста же, по обычаю, съ плачемъ прощается какъ со всѣми своими домашними, такъ и всякой вещью, цѣлуетъ всѣ углы и столы, наконецъ предъ выходомъ должна немного посидѣть на лавкѣ, на порогѣ и на крыльцѣ, и наконецъ, поклонившись своимъ родителямъ, садится вмѣстѣ съ женихомъ на приготовленную телѣгу съ лошадьми, украшенными бубенчиками и ленточками. Послѣ вѣнца пиръ устраивается обыкновенно въ домѣ жениха. На третій день свадьбы молодые ѣдутъ на табани къ своимъ родителямъ съ подарками, состоящими изъ толстого хол-

ста или новыхъ лаптей, причемъ невѣста предъ родителями должна казаться веселой бабой.

Молодые обыкновенно недолго послѣ вѣнца живутъ вмѣстѣ; вскорѣ невѣста, какъ и у вотяковъ-язычниковъ, отправляется въ домъ къ своимъ родителямъ и живетъ здѣсь до уплаты калыма, который отдается обыкновенно послѣ продажи хлѣба, т.-е. къ веснѣ, предъ началомъ полевыхъ работъ. При возвращеніи молодой обратно въ домъ мужа обыкновенно совершаются языческіе брачные обряды, безъ которой свадьба не считается дѣйствительной. Родители, родственники и всѣ гости, участвующіе на пирѣ въ послѣдній день пребыванія невѣсты въ домѣ отца, верхами сопровождаютъ молодую къ ея мужу. Поѣздъ встрѣчаютъ родители мужа и самъ мужъ съ пивомъ и хлѣбомъ, нарѣзаннымъ кусками. Прежде всего подходитъ дружка, обмѣнивается нѣсколькими словами съ родителями, отпиваетъ нѣсколько пива и беретъ хлѣбъ, послѣ чего по знаку дружки весь поѣздъ объѣзжаетъ домъ мужа, затѣмъ подходитъ другой дружка и т. д. Эта церемонія происходитъ столько разъ, сколько человѣкъ въ поѣздѣ. Наконецъ хозяинъ подходитъ къ молодой и ея матери, предлагаетъ имъ пиво и хлѣбъ; послѣдніе обыкновенно не съ-разу соглашаются. Затѣмъ весь поѣздъ отправляется въ избу; здѣсь совершается угощеніе отъ молодушки. Отецъ мужа въ шапкѣ садится въ передній уголъ, рядомъ съ нимъ новобрачный, а на лавкѣ всѣ поѣзжане.

Самое угощеніе здѣсь бываетъ оригинально. Молодая наливаетъ по маленькой чашкѣ кумышки, какъ себѣ, такъ и всѣмъ гостямъ и съ поклономъ подноситъ чашечку каждому гостю. Эта церемонія обыкновенно продолжается долго, такъ какъ пить вдругъ не принято, считается невѣжествомъ; поэтому гость, отпивши немного, отдаетъ чашечку со словами: «ме, ме, ме» (т.-е. возьми)», хозяйка же стоитъ предъ гостемъ, приговаривая постоянно: «ю, ю, ю, (т.-е. пей, пей), пока не будетъ выпита вся чашка, иначе ее сочли бы скрягой. Во время такихъ праздниковъ вотяки забываютъ свою скупость и кто бы въ гости ни пришелъ, хозяйка всѣхъ должна щедро угощать кумышкой и пивомъ, пока хватаетъ запасу. Если бы вздумалъ гость отказаться отъ предложеннаго угощенія, то хозяева дома непремѣнно сочтутъ своей обязанностію обидѣться и послѣ уже никогда не угостятъ его, такъ какъ вотяки никакъ не могутъ представить себѣ, чтобъ гость не могъ пить кумышки и пива.

За каждой выпитой чашкой кумышки всѣ гости обходятъ съ пѣснями кругомъ стола. Послѣ такого угощенія дружка садитъ

молодую рядомъ съ мужемъ и затѣмъ начинается обѣдъ. Молодая во время обѣда должна сидѣть съ закрытымъ лицомъ и снимаетъ покрывало только за послѣднимъ блюдомъ, чѣмъ обрядъ и заканчивается. Въ новомъ семействѣ молодую называютъ не собственнымъ именемъ, а именемъ того чума, изъ котораго она взята. Если въ домъ ея приходитъ кто-нибудь изъ ея деревни или чума, то молодая обыкновенно снимаетъ айшонъ и повязывается платкомъ въ знакъ воспоминанья, что она въ томъ селѣ была еще дѣвушкой.

Свадьбы вотяковъ бо́льшею частію случаются зимой послѣ святокъ, когда работы бываетъ не много. Лишь только объявляется одна свадьба, какъ всѣ дома, въ которыхъ также предвидѣлась свадьба, стараются устроить ее въ тотъ же день, такъ что иногда въ вотскихъ деревняхъ бываетъ до пяти и болѣе свадебъ разомъ и пирующіе такимъ образомъ переходятъ изъ одного дома въ другой, не успѣвая протрезвиться. Свадебные пиры вотяковъ представляютъ видъ самой безобразной оргіи. Нигдѣ не бываетъ такого пьянства, шума и крика, часто переходящаго въ драку и побоище, какъ на пирахъ вотяковъ. Участвуютъ въ пирушкѣ обыкновенно всѣ безъ различія пола и возраста, съ исключеніемъ развѣ малолѣтнихъ дѣтей. Молодые парни являются сюда часто съ гармоникой, балалайкой, съ пузыремъ [1]), а иногда и съ гуслями [2]). Подъ звуки такого оркестра пирующіе начинаютъ пляску. У вотяковъ нѣтъ собственнаго національнаго танца, а потому тѣ вотскія деревни, которыя расположены ближе къ русскимъ, заимствуютъ пляску отъ послѣднихъ. Въ глухихъ же деревняхъ, гдѣ не могло быть вліянія русскихъ, вся пляска вотяковъ состоитъ изъ однообразной толчеи на одномъ мѣстѣ безъ всякаго выраженія удовольствія и безъ живости. Оригинальнѣе же всего видѣть, что въ пляскѣ участвуютъ часто одни только старики, въ то время какъ молодые парни стоятъ въ сторонѣ и смотрятъ на удовольствіе своихъ отцовъ, или составляютъ свой кругъ и начинаютъ пляску на манеръ русской съ крикомъ и прищелкиваніемъ. Здѣсь же можно слышать и

---

[1]) Пузыремъ называется духовой инструментъ, устраиваемый изъ бычачьяго пузыря, въ который вставляется флейтовая трубочка, такъ что при пожиманіи пузыря и извѣстномъ передвиженіи дудочки получаются звуки.

[2]) Гусли представляютъ обыкновенно 15-ти-струнный ручной инструментъ, похожій нѣсколько по устройству на арфу, только дуга устраивается менѣе круго, и струны протягиваются отъ одного колѣна дуги къ другому. Игра на этомъ инструментѣ требуетъ большого навыка, а потому и мало встрѣчается мастеровъ этого дѣла. Игрой на гусляхъ чаще занимаются женщины.

пѣсни, хотя тоже заимствованныя. Собственныхъ оригинальныхъ пѣсенъ вотяки не имѣютъ. Обыкновенно вотякъ самъ сочиняетъ свою пѣсню экспромтомъ и поетъ тогда про все, что вздумается: потерялъ полушубокъ — онъ сочиняетъ ему панегирикъ и поетъ, гдѣ бы ему найти его. Мнѣ привелось слышать, какъ одинъ отставной солдатъ, возвратившись домой, вмѣсто разсказа о своей солдатской жизни, началъ пѣть про свое житье-бытье коверканнымъ русскимъ языкомъ. Онъ началъ пѣть, гдѣ бывалъ, что́ видѣлъ и что́ терпѣлъ, но такъ несвязно, что мало можно было вынести изъ его легендарнаго разсказа: «Всю землю бывалъ, вездѣ ро́зга давалъ», заключилъ пѣвецъ. Въ то же время всѣ вотяки, слушающіе его монотонное пѣніе, всхлипывали. Вообще въ пѣсню вотяка входятъ всѣ окружающіе его предметы, часто безъ всякой связи. Увидитъ ли зайца,—онъ поетъ—заяцъ бѣжитъ, заяцъ пробѣжалъ; ѣдетъ ли вотякъ чрезъ рѣку, онъ поетъ: рѣчка течетъ, ой рѣчка бѣжитъ. «Идетъ вотякъ полемъ,—говорятъ о нихъ русскіе,—про поле поетъ, лѣсомъ идетъ, про лѣсъ пѣсню ведетъ». Если нѣтъ предъ глазами предмета, достойнаго вниманія, онъ поетъ про старое, вспоминаетъ прошлое, гдѣ онъ былъ, что̀ дѣлалъ и куда идетъ. Эти монотонныя рулады заканчиваются всегда припѣвомъ: «ой до! ай дуду! ай дошу!» Во всѣхъ пѣсняхъ вотяка мотивъ заунывный, медленный, тихій; слышится грусть забитой души, сдавленной житейскими обстоятельствами, не такъ, какъ въ русскихъ пѣсняхъ—скорбь мощной натуры, подломленной судьбою, а тихая грусть, скрытая сама въ себѣ, грусть души безсильной, слабой; это не скорбь объ утраченномъ дорогомъ предметѣ, а горе о самой его жизни. Вотъ почему и во время свадебныхъ пировъ никогда не слышно веселыхъ вотскихъ мотивовъ. Впрочемъ, вотяки, вѣроятно, чувствуя бѣдность своей поэзіи, въ послѣднее время перенимаютъ свадебныя пѣсни отъ своихъ сосѣдей—русскихъ или татаръ, передѣлывая ихъ на свой ладъ; такъ что русскій человѣкъ, передавшій вотяку свою пѣсню, часто не въ состояніи потомъ и узнать ее.

V.

Религія вотяковъ-язычниковъ есть чистѣйшій шаманизмъ. Главные боги вотяковъ имѣютъ мѣстопребываніе или въ небесномъ пространствѣ или въ водѣ, въ лѣсныхъ дебряхъ, въ пустыхъ жилищахъ—вообще вдали отъ человѣка; только жрецы

имѣютъ прямое сношеніе съ этими божествами, простымъ смертнымъ они недоступны.

Главный добрый богъ вотяковъ называется Инмаръ, жилище котораго на солнцѣ. Онъ имѣетъ мать—Муму-кальцина или Муціенъ, которая располагаетъ плодородіемъ всей земли, размноженіемъ людей и животныхъ. Къ добрымъ же богамъ принадлежатъ: Шунды-муму, мать солнца, и сомпанъ-дисъ, духъ хранитель. Изъ злыхъ боговъ главный Кереметъ или Шайтанъ. Онъ живетъ на землѣ и можетъ имѣть жилище во всѣхъ мѣстахъ—въ лѣсу, въ водѣ, въ пустыхъ домахъ и заходитъ даже въ жилыя избы, откуда его нужно изгонять ежегодно дубинками и огнемъ. Любимое его занятіе—мучить человѣка. Въ лѣсахъ живутъ: Алида, лѣшій; у него одинъ большой глазъ и одна нога на изворотъ; иногда задушаетъ людей; Чатчѣсъ-нюня (буквально лѣсной или раменный дядя) или Нюлѣсъ-нюня—есть божество подобное Алидѣ, если не одно и то же. Въ деревняхъ, по преимуществу въ пустыхъ домахъ и баняхъ, живетъ Албастъ, который много проказитъ въ этихъ мѣстахъ. Чтобы изгнать его оттуда, нужно старыя избы и всякаго рода ветхія, нежилыя строенія предавать огню. Въ водѣ живетъ Ву-муртъ (водяной); для предупрежденія непріятностей съ его стороны, необходимо при переѣздѣ чрезъ рѣку бросить въ воду горсть травы со словами: «не держи меня».

Такимъ образомъ всѣ боги вотяковъ дѣлятся на двѣ группы, добрыхъ и злыхъ боговъ. Первые имѣютъ жилище въ небесномъ пространствѣ, вторые поселились на землѣ. Въ каждую группу входятъ главные боги и второстепенные. Къ главнымъ божествамъ принадлежатъ тѣ, кругъ дѣятельности которыхъ не ограниченъ ни временемъ, ни пространствомъ. Въ группѣ добрыхъ такимъ богомъ является Инмаръ, въ группѣ злыхъ Шайтанъ или Кереметъ. Другихъ злыхъ боговъ вотяки не особенно боятся, «лишь бы только не повстрѣчаться съ ними».

Съ понятіемъ Инмара вотяки связываютъ имя бога благого и правосуднаго, и промыслителя вселенной. Иногда къ слову Инмаръ прибавляется Колысинъ, что значитъ истинный, а предъ именемъ Инмаръ ставятъ нарѣчіе «вылысь»—вверху или сверху, т.-е. всевышній. Инмаръ господствуетъ надъ всей вселенной, въ которой нѣтъ ничего дурного, все хорошо, кромѣ Шайтана и грѣховъ «урома» [1]). Послѣдній, впрочемъ, грѣшитъ не самъ

[1]) Уромъ собственно означаетъ другъ, но, какъ и здѣсь, употребляется обыкновенно въ смыслѣ человѣкъ.

собою, а по происканъ Шайтана. Шайтанъ или Керемет совершенно независимъ отъ Инмара, равносиленъ ему и неповинующихся истребляетъ болѣзнями и несчастьями. Вообще все зло на землѣ происходитъ отъ Керемета, вотъ почему вотяки при всякомъ несчастіи стараются прежде всего умилостивить его. По понятіямъ вотяковъ, Инмаръ и Керметъ были родные братья и первоначально были оба боги добрые; но Керметъ впослѣдствіи сдѣлался злымъ, какъ увидимъ ниже, вслѣдствіе ссоры съ Инмаромъ.

О сотвореніи міра вотяки ничего не знаютъ, но люди, растенія и животныя обязаны своимъ существованіемъ Инмару. Перваго человѣка Инмаръ сотворилъ изъ красной глины и поселилъ первоначально въ раю, т.-е. въ прекрасномъ саду, состоящемъ изъ самыхъ лучшихъ плодовыхъ растеній—орѣшника, яблоней и грушевыхъ деревьевъ. Вообще въ этомъ саду всего было вдоволь. Плодами райскихъ растеній уромъ первоначально и питался. Сотворивъ человѣка и все существующее на землѣ, Инмаръ, какъ старшій братъ, послалъ Керемета осмотрѣть землю, все ли сотворенное на ней хорошо. Керметъ нашелъ все благополучнымъ, но когда зашелъ въ рай, то увидѣлъ урома скучающимъ. Керметъ донесъ объ этомъ Инмару, который приказалъ своему брату научить урома дѣлать кумышку—напитокъ, имѣющій свойство разгонять скуку. Когда же Керметъ снова осматривалъ землю, то опять нашелъ урома печальнымъ, несмотря на то, что послѣдній безпощадно курилъ кумышку и старался ежедневно развеселить себя. Инмаръ послѣ этого не повѣрилъ Керемету, упрекнулъ его во лжи и ужасно разсердился на своего брата. Разобиженный Керметъ плюнулъ Инмару въ лицо и скрылся; это обстоятельство и подало поводъ къ вѣчной ссорѣ между ними. Послѣ того Инмаръ самъ пошелъ осматривать свои творенья и дѣйствительно нашелъ урома скучнымъ. На вопросъ Инмара, почему онъ скученъ — послѣдній отвѣчалъ, что ему необходима жена. Инмаръ поспѣшилъ исполнить его желанье съ условіемъ не пить уже въ продолженіи года кумышки, которую успѣлъ осквернить Керметъ. Весело началъ жить уромъ съ своей женою въ раю; но Керметъ не забылъ оскорбленія отъ своего брата, и такъ какъ онъ былъ равносиленъ Инмару, то и сдѣлалъ на зло послѣднему жену любопытною и прозорливою [1]). Въ свою очередь Инмаръ проклялъ Керемета, который,

[1]) Благодаря этому, какъ мы видѣли, мнѣніе жены въ дѣлахъ житейскихъ у вотяковъ всегда пользуется большимъ вѣсомъ.

разозлившись на своего старшаго брата, началъ осмѣивать его творенія и мстить ему, производя безпорядокъ на землѣ и вводя урома въ грѣхъ. Такъ однажды жена перваго урома, увидавши покрытую чашку, въ которой хранилась оскверненная Кереметомъ кумышка и несмотря на повелѣніе Инмара не прикасаться къ этой кумышкѣ, по своему любопытству открыла чашку, отпила немного изъ нея и поднесла своему мужу. Съ этого времени первые люди сдѣлались грѣховными и смертными (потому что Кереметъ посадилъ въ чашку съ кумышкой смерть) и были выгнаны изъ рая, лишившись даже благословенія плодиться и множиться. Инмаръ однако далъ человѣческому роду благословеніе на размноженіе только послѣ своего вторичнаго творенья. О послѣднемъ вотяки сохранили слѣдующее представленіе. Послѣ первой неудачи Инмаръ по своему милосердію сотворилъ въ другомъ мѣстѣ нѣсколько паръ мужей и женъ снова изъ красной глины, а для охраны ихъ отъ Керемета приставилъ къ каждой парѣ по огромному черному псу.

Съ тѣхъ поръ, какъ Инмаръ далъ собакѣ такую почетную должность, каждый вотякъ долженъ имѣть у себя въ домѣ это благородное животное для охраненія отъ Керемета и его злыхъ умысловъ. Вообще собака въ религіозныхъ воззрѣніяхъ вотяка играетъ видную роль. Она изъ всѣхъ животныхъ почитается самымъ приближеннымъ къ Инмару; она надѣлена даромъ предвидѣнія, дающимъ ей возможность знать все, что дѣлаетъ Инмаръ и Кереметъ; къ тому-же она способна прогонять отъ человѣка Шайтана. Поэтому, когда собака лаетъ безъ видимой причины, вотяки увѣрены, что своимъ лаемъ она выражаетъ злобу на усмотрѣннаго ею Шайтана. Вслѣдствіе такого взгляда собаки въ вотскихъ домахъ пользуются вообще большимъ почетомъ и составляютъ необходимую принадлежность нѣкоторыхъ обрядовъ, напр. при поминовеніи усопшихъ. Вотяки убѣждены, что Инмаръ не прекратилъ и въ настоящее время своего творенія и впредь будетъ продолжать творить. Поэтому, увидавши какую-нибудь невиданную имъ вещь, вотякъ разсматриваетъ ее съ живѣйшимъ любопытствомъ въ той увѣренности, что она только недавно получила свое существованіе. Сами-же вотяки, какъ потомки вторично сотворенной Инмаромъ пары, не считаютъ себя способными на грѣхъ, потому что, по ихъ словамъ, человѣкъ, сдѣлавшись послѣ вторичнаго творенья совершенно послушнымъ Инмару, не можетъ уже сдѣлать самъ собою грѣха, а если Кереметъ и учитъ его дѣлать зло, то на это Инмаръ не обращаетъ никакого вниманья, тѣмъ болѣе, что Инмаръ съ

Кереметомъ въ постоянной ссорѣ. Вообще Кереметъ [1]) въ вѣрованіи вотяковъ представляется существомъ озлобленнымъ, мстящимъ, поражающимъ человѣческій родъ различными бѣдствіями, болѣзнями и страданьями, дѣлающимъ всевозможныя непріятности для человѣка, за что вотяки и прозвали его Шайтаномъ [2]). Такъ первымъ дѣломъ Кеpемета было скрыть глубоко подъ землю (находившуюся сначала на поверхности) красную глину, изъ которой были сотворены первыя пары людей, чтобы исполненіе повелѣнія Инмара—зарывать покойниковъ въ глину, встрѣтило для человѣка множество препятствій и затрудненій. Согласно съ этимъ вѣрованіемъ вотяки всегда хоронятъ своихъ покойниковъ въ красной глинѣ, а если ея нѣтъ близко, то нарочно ѣздятъ за ней въ другія глинистыя мѣста. Если они долго не могутъ докопаться до глинистой почвы, то начинаютъ ругать за это Шайтана: «остà Инмáръ, палкá Шайтáнъ тынóмъ» (Господи помилуй, палкой бы тебя, Шайтàнъ!).

Насколько чувственны и наивны представленія вотяковъ о своихъ богахъ, можетъ показать передаваемый г. Островскимъ [3]) очень характерный случай, относящійся ко времени 40-хъ годовъ: «У вотяковъ малмыжскихъ сталъ родиться плохо хлѣбъ. Долго думали, какъ помочь горю, наконецъ додумались: хлѣбъ не родится потому, что Кереметъ скучаетъ, а чтобы развлечь его. надо добыть ему жену. Съ этою цѣлью въ первый же базарный день старики ѣдутъ въ Чуру. Угостивши хорошо вліятельныхъ изъ тамошнихъ обывателей, они сообщаютъ имъ о своемъ горѣ и средствѣ помочь ему. Послѣдніе изъявили согласіе. Вслѣдствіе этого обѣ стороны порѣшили, что за женой Кеpемету малмыжскіе вотяки пришлютъ выборныхъ. Около Петрова дня ночью выборные пріѣзжаютъ въ Чуру на тройкахъ съ колокольцами и съ бубенчиками, во всемъ какъ быть свадебному поѣзду, и прямо отправляются въ Кереметъ [4]). Тамъ пировали всю ночь: вятскіе вотяки не скупились на угощеніе, только бы добыть Кеpемету жену. Раннимъ утромъ поѣздъ отправился въ обратный путь, увозя съ собой кусокъ дерна мѣрою въ квадратный аршинъ,

---

[1]) Такъ какъ у нѣкоторыхъ народовъ финскаго и татарскаго племенъ этимъ-же именемъ называются мѣста, въ которыхъ приносятся жертвы для умилостивленія злого божества, то и производятъ названіе Кереметъ отъ арабскаго: „гюреметъ“—что значитъ все неприкосновенное, священное.

[2]) Это слово, вѣроятно, взято изъ того же источника, откуда и наше—„сатана“ т.-е. изъ еврейскаго языка.

[3]) Труды казанскаго общ. естествоиспыт., вып. IV.

[4]) Мѣсто моленія Кеpемету.

вырѣзанный въ Керемети». Трудно понять, какой смыслъ имѣлъ въ данномъ случаѣ кусокъ земли: можетъ быть, онъ представлялъ символъ богини земли и плодородія, и тогда эта оригинальная свадьба имѣла бы можетъ быть тотъ смыслъ, что, обвѣнчавши Керемета на Муму-Кальцина, вотяки могли надѣяться, что тѣмъ умилостивятъ Керемета, и плодородіе подъ вліяніемъ его новой супруги вновь возвратится въ ихъ страну.

Не менѣе грубы понятія вотяковъ о смерти и загробной жизни. Смерть, по ихъ представленіямъ, не есть дѣло естественной необходимости, а признается дѣломъ Шайтана. Поэтому они боятся смерти и покойниковъ, какъ орудія Шайтана, и никогда не плачутъ при могилѣ. Со смертью члена семьи вотяки не прикасаются ни къ одной изъ тѣхъ вещей, которыя были въ рукахъ покойника, и даже бросаютъ ихъ или въ лѣсъ или въ могилу, считая ихъ оскверненными; а для своего очищенія отъ бывшаго сношенія съ покойникомъ совершаютъ омовеніе въ банѣ. Такой взглядъ заставляетъ скупыхъ вотяковъ всегда варварски обращаться съ тяжело-больными. Ихъ держатъ часто полуобнаженными и вмѣсто мягкой постели располагаютъ на грудѣ соломы, оставляя больного безъ всякаго ухода и присмотра, а послѣ смерти вслѣдствіе страха стараются какъ можно скорѣе схоронить покойнаго. По понятіямъ вотяковъ, люди послѣ смерти продолжаютъ такой же образъ жизни, какъ и на землѣ среди живыхъ, пользуясь всѣми чувственными удовольствіями и даже женами. На этомъ основаніи въ гробъ съ умершимъ вотяки кладутъ всѣ необходимые для хозяйства предметы и тѣ вещи, которыя особенно любилъ покойникъ, напримѣръ, кочетыгъ для плетенія лаптей, лыко, трубку, блины, вино и сумку съ деньгами; въ ротъ нерѣдко кладутъ кусокъ коровьяго масла или сушеной говядины, смотря по тому, чѣмъ любилъ покойникъ лакомиться. Съ той же цѣлью бросаютъ на ночь пищу за крыльцо, полагая, что, если положенной въ гробъ пищи оказалось мало, то голодный покойникъ можетъ придти и подобрать ее у крыльца. Деньги, по представленію вотяковъ, необходимы покойнику для того, чтобы онъ могъ на томъ свѣтѣ откупиться отъ мученья.

Если не класть въ могилу всѣ необходимыя хозяйственныя вещи, говорятъ вотяки, то покойникъ будетъ сильно безпокоить своихъ домашнихъ; придетъ за нужнымъ къ оставшимся въ живыхъ и, кромѣ того, что разстроитъ ихъ хозяйство, въ гнѣвѣ уведетъ съ собой сыновей, жену, внучатъ и другихъ родственниковъ, которые ему нужны на томъ свѣтѣ, какъ работники для обзаведенія хозяйствомъ. Въ силу того же вѣрованія вотяки

стараются задобрить покойниковъ, устраивая въ пользу ихъ многочисленныя поминки, принося на ихъ могилу блины, пиво и кумышку.

Будущая жизнь для всѣхъ кроткихъ, благочестивыхъ и праведныхъ представляется въ видѣ блаженной райской жизни — дуня-юггитъ, гдѣ существуетъ все милое и заманчивое для вотяка въ настоящей жизни. Всѣ же злые и неправедные наслѣдуютъ въ будущемъ горькую жизнь—куратсинъ-интй, гдѣ находится тысяча котловъ съ кипящею смолою, какъ мѣсто наказанія за грѣхи земной жизни. Самыми тяжкими преступленіями, заслуживающими небесной кары, считаются: безбожіе, клятвопреступничество, убійство, ссоры, кража и порча человѣка колдовствомъ и отравой.

При томъ дуалистическомъ вѣрованіи, гдѣ Инмаръ представляется духомъ добрымъ и милостивымъ и Кереметъ—духомъ злымъ и мстящимъ, естественно, что весь религіозный культъ вотяковъ, какъ народа невѣжественнаго, долженъ склониться въ пользу почитанія злого божества. Инмаръ, какъ богъ безгрѣшный и добрый, говорятъ они, не можетъ вводить человѣка въ грѣхъ, дѣлать ему зло и по своему милосердію не требуетъ большихъ жертвъ, между тѣмъ Кереметъ, какъ богъ злой, напускающій на человѣка болѣзни, смерть и производящій всякія бѣдствія, требуетъ постояннаго и усерднаго умилостивленія. Вотъ почему почти всѣ общія богомолія вотяковъ имѣютъ характеръ поклоненія злому божеству — Керемету. Инмаръ же, по ихъ представленію, довольствуется одними молитвами и небольшими жертвами. Мѣстомъ общихъ моленій злому божеству служатъ кереметы или луды. Такъ называются находящіеся близъ каждой некрещенной деревни липовыя или березовыя рощи, гдѣ каждое дерево назначено для извѣстнаго жителя ближайшей деревни и никто другой, кромѣ собственника, не можетъ совершать при этомъ деревѣ богослуженія. Деревья въ лудѣ опоясываются на вышинѣ трехъ аршинъ отъ земли лыкомъ или ленточкой съ пихтовымъ вѣнчикомъ. Во время богослуженія каждый вотякъ стоитъ при своемъ деревѣ и читаетъ про себя молитвы въ то время, какъ главный жрецъ приноситъ жертву. Молитвы при деревѣ считаются болѣе достигающими цѣли, потому что береза, липа, дубъ и ель любимыя мѣста Керемета. Нѣкоторыя деревни имѣютъ нѣсколько лудовъ, но не всѣ они одинаково почитаются: одни, главные, предназначаются для моленія цѣлымъ округомъ, другіе только для одного селенія. Общія моленія Керемету совершаются по случаю повальныхъ болѣзней, падежей скота, неурожая и пр. Въ такомъ

случаѣ вотяки собираются въ лудъ въ лучшихъ праздничныхъ платьяхъ; женщины здѣсь обыкновенно не присутствуютъ. При жертвоприношеніи на общемъ моленіи необходимо участіе главнаго жреца, или туно. Послѣдній предъ обыкновенными людьми пользуется тѣмъ преимуществомъ, что имѣетъ возможность сношенія съ духами и божествами, получаетъ отъ нихъ помощь и совѣты и иногда можетъ ихъ заставить дѣлать по своему желанію; онъ считается охранителемъ луда и никто, кромѣ самого туно, не имѣетъ права приносить жертву въ лудѣ. Это священное и высокопочитаемое между вотяками званіе передается всегда по наслѣдству и только съ прекращеніемъ рода передается другому родоначальнику по рѣшенію общаго схода. Но кромѣ туно присутствуютъ при богослуженіи еще особые ворожеи—ведынь, или ясновидящіе, которые видятъ, какъ крадутъ, куда спрятываютъ покражу; они видятъ, какъ духъ напускаетъ болѣзни, и посредствомъ ворожбы умѣютъ открывать покражу и снимать болѣзнь съ человѣка. Ведынь также имѣетъ силу посредствомъ колдовства превращать людей въ звѣрей. Ворожатъ обыкновенно на хлѣбъ, соль, уголь, бобы, воду и т. п. Въ отношеніи служенія Керемету обязанность ведыня состоитъ въ назначеніи времени богомолья и въ помоганіи при богослуженіи въ качествѣ колдуна. Кромѣ того, на время общихъ богомолій, если жертвъ представляется очень много, избираются еще изъ родоначальниковъ особые помощники жрецовъ или карты. Они читаютъ молитвы и закалаютъ обреченныхъ на жертву животныхъ. Карты бываютъ постоянные и временные, выбираемые только на время моленія; послѣдніе по окончаніи жертвоприношеній слагаютъ съ себя обязанность карта и уже не пользуются никакими привилегіями предъ обыкновенными смертными; между тѣмъ постоянные карты несутъ и другія обязанности, напримѣръ, они даютъ имена новорожденнымъ. Въ этомъ случаѣ картъ береть младенца на руки и начинаетъ качать безъ всякой осторожности, пока ребенокъ не заплачетъ, перебирая въ то же время различныя вотскія имена. При какомъ имени ребенокъ перестанетъ плакать, то и назначаетъ ему. Этотъ же обрядъ совершается иногда инымъ способомъ: картъ береть кремень и огниво и начинаетъ высѣкать огонь, перебирая различныя имена; новорожденный получаетъ то имя, при которомъ трутъ загорится. Впрочемъ, обрядъ назначенія имени новорожденному не всегда требуетъ присутствія карта; иногда дѣло происходитъ гораздо проще. Въ домъ, гдѣ находится родильница, приходитъ старуха-родственница, береть на руки младенца и даетъ имя, какое ей взбредетъ

на умъ, напримѣръ, шакта, что значитъ соръ, квака—ворона, эсенкулъ, заберъ и т. п. Въ этомъ случаѣ старуха, кажется, руководится именами тѣхъ предметовъ, которые прежде всего бросаются ей въ глаза при входѣ въ избу родильницы.

Ко времени служенія Керемету въ лудѣ ставится обыкновенно грубо отесанный идолъ въ видѣ коня или другого какого-нибудь животнаго, смотря по тому, что требуетъ Кереметъ. Избраніе животныхъ для жертвы точно также зависитъ отъ туно, который еще прежде богомолья отправляется въ лудъ, куда въ обыкновенное время ни одинъ вотякъ не имѣетъ права входить, и спрашиваетъ Керемета, что ему нужно. Затѣмъ, возвратившись, объявляетъ, что Кереметъ требуетъ быка или лошадь черной масти. Въ такомъ случаѣ вотяки обязаны во что бы то ни стало найти опредѣленное туномъ животное, не останавливаясь ни предъ какими цѣнами. Случается часто, что Кереметъ назначаетъ животное той именно масти, какое существуетъ только у самого туно. Въ такомъ случаѣ послѣдній беретъ съ бѣдныхъ вотяковъ сколько ему вздумается. Количество жертвъ зависитъ отъ количества семей, присутствующихъ на богомольѣ. При закланіи особенной обрядности не бываетъ.

Обыкновенно предъ закланіемъ жрецъ пробуетъ, угодна ли жертва Керемету, поливая спину животнаго водой. Если животное вздрогнетъ, значитъ жертва угодна Керемету; въ противномъ случаѣ животное считается негоднымъ и замѣняется другимъ. Распластавши животное, жрецъ обрѣзываетъ уши, легкое, сердце и кишки, промываетъ ихъ въ водѣ и варитъ въ особомъ котлѣ надъ костромъ. Когда котелъ вскипитъ, внутренности раскладываются въ особой чашкѣ, и часть изъ нихъ бросается въ огонь, куда бросаются также части хлѣба, яицъ, пива—словомъ всего, что привозятъ вотяки на богомолье; другая часть, а также и кости предназначаются собакамъ. Если дымъ отъ огня поднимется высоко кверху, то жертва угодна богу; если раздерутся собаки изъ-за брошенныхъ имъ кусковъ — это тоже хорошій признакъ. Въ другомъ котлѣ варится мясо жертвеннаго животнаго, а шкура или бросается въ огонь или жрецъ беретъ ее себѣ. Все время, пока въ котлѣ варится мясо и въ огнѣ горятъ части жертвенныхъ приношеній, туно и всѣ вотяки становятся на колѣни и молятся Керемету, причемъ туно читаетъ молитву, относящуюся къ тому случаю, по которому совершается моленіе. Когда мясо сварится, всѣ приступаютъ къ ѣдѣ жертвеннаго приношенія, остатки же везутъ домой. По вѣрованью

вотяковъ все заколотое въ честь Керемета не умираетъ, а идетъ живьемъ въ жилище послѣдняго.

Частныя жертвы Керемету совершаются по случаю домашнихъ бѣдствій, напримѣръ, по случаю болѣзни члена семьи. Въ такомъ случаѣ вотякъ призываетъ туно и спрашиваетъ: чего хочетъ Кереметъ? Туно назначаетъ жертву, которая обыкновенно приносится не тотчасъ, а иногда откладывается на очень долгое время. Въ такомъ случаѣ вотякъ дѣлаетъ только закладъ Кереметъ: беретъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ и завертываетъ ихъ въ грязную тряпку со словами: «на эти деньги, Кереметъ, куплю я для тебя лошадь, а ты давай больному жизнь»; затѣмъ беретъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и складываетъ въ ту же тряпочку: «серебромъ украшу гриву твоего коня»; наконецъ, сыплетъ въ тряпочку муки, приговаривая: «напечемъ тебѣ хлѣба, только давай больному здоровье». Эта тряпочка съ закладомъ вѣшается гдѣ-нибудь въ потолку или надъ крышей своего чума. Такихъ закладовъ или «посуловъ» накопляется въ иномъ дому до десятка и болѣе.

Когда страданія больного не уменьшаются, то значитъ, что Кереметъ требуетъ неотступно жертвы. Въ такомъ случаѣ вотякъ отправляется странствовать по деревнямъ и ярмаркамъ на поиски за лошадью извѣстной масти, назначенной туно; за цѣной обыкновенно не стоитъ. Предъ самымъ моленьемъ — хозяйка дома печетъ пѣсные хлѣбы, которые предъ тѣмъ, какъ садить въ печь, пятнаетъ щепотью. Затѣмъ вотякъ беретъ яйца, соль и хлѣбы, снимаетъ тряпочку, въ которой завернуто обѣщанное, беретъ купленнаго для Керемета коня и идетъ вмѣстѣ съ туно въ лудъ, гдѣ приносится все это въ жертву съ тѣми же обрядами, какъ и при общихъ моленьяхъ. Замѣчено, что бѣднаго вотяка Кереметъ рѣже тревожитъ, потому что Кереметъ знаетъ, что бѣдняку нечѣмъ кормить его. Бѣдный и обѣщаетъ, да не жертвуетъ или обманываетъ Керемета, давая вмѣсто обѣщаннаго коня барана или поросенка. Въ послѣднемъ случаѣ вотякъ обыкновенно не колетъ жертвенное животное въ лудѣ, а душитъ его еще дома, иначе Кереметъ узнаетъ по крику, что ему вмѣсто коня даютъ свинью, и еще больше разгнѣвается. И богатый тоже нерѣдко обманываетъ Керемета: вмѣсто барана даетъ зайца, вмѣсто гуся даетъ какую-нибудь мелкую птичку, причемъ во время жертвы вотякъ обыкновенно произноситъ: «на тебѣ, Кереметъ, гуся»,—хотя и не гусь приносится въ жертву, да Керемета всегда можно обмануть.

Моленія доброму богу у вотяковъ совершаются въ ихъ соб-

ственномъ чумѣ или квала, о которыхъ мы упоминали выше. Въ этомъ чумѣ на полкѣ у вотяковъ-язычниковъ иногда помѣщается «воршудъ» или идолъ, представляющій козью голову или высохшаго рябчика въ закрытой корзинкѣ. При частныхъ жертвахъ рѣдко призывается жрецъ, а обязанность его исполняется обыкновенно старшимъ въ родѣ. Въ жертву Инмару обыкновенно приносится хлѣбъ, вино и какое-нибудь мелкое животное. Крупныхъ жертвъ на частныхъ моленьяхъ не бываетъ, потому что милостивый Инмаръ всегда довольствуется малымъ.

Отецъ семейства закалаетъ животное и мясо варитъ надъ очагомъ; онъ же читаетъ молитву предъ воршудомъ во время жертвы въ то время, какъ всѣ члены семьи молятся Инмару о ниспосланіи урожая, объ охранѣ скота и т. д. Послѣ молитвы хлѣбъ, мясо и вино идутъ въ пищу молящемуся семейству. Частныхъ жертвъ бываетъ много, но рѣдко изъ животныхъ, а жертвуется обыкновенно только то, что́ идетъ на завтракъ т.-е. хлѣбъ, каша, блины, медъ и т. п. Нѣкоторыя жертвы носятъ, такъ-сказать, спеціальный характеръ, напримѣръ, пчеловоды для успѣшнаго пчеловодства приносятъ въ жертву пестраго дятла, какъ истребителя пчелъ.

Общія моленія доброму богу совершаются только во время праздниковъ. Моленіе обыкновенно совершается въ особыхъ чумахъ — будзи́мъ-квала́ (большой шалашъ). Это нежилые чумы, во всемъ схожіе съ тѣми чумами, какіе существуютъ у каждаго домохозяина на дворѣ. Только при этомъ шалашѣ находится особый придѣлецъ, гдѣ хранится пепелъ съ очага и кости жертвенныхъ животныхъ. Такіе чумы находятся не во всякой деревнѣ.

Для жертвоприношенія въ будзи́мъ-квала́ приглашается жрецъ, который называется будзи́мъ-квала́-утыс́ь, т.-е. большого шалаша хозяинъ. Жертвоприношеніе и моленіе исполняется также какъ и въ частныхъ жертвахъ. Количество жертвъ бываетъ всегда незначительно. Сообразно каждому празднику жрецъ читаетъ особыя молитвы. Но въ настоящее время, нѣкоторые праздники у вотяковъ утратили то значеніе, которое они безъ сомнѣнія нѣкогда имѣли, такъ что во время ихъ не совершается особыхъ моленій, а праздники доставляютъ только удобный предлогъ попировать на славу. Съ этою же цѣлью вотяки устраиваютъ иногда особые праздники, кромѣ обыкновенныхъ, а язычники празднуютъ даже и христіанскіе большіе праздники, какъ напримѣръ Рождество, Пасху и т. п.

VI.

Паллассъ во время своего путешествія нашелъ у вотяковъ четыре главныхъ праздника въ году: бучи́мъ-нуна́лъ — новый годъ, совпадающій почти съ нашей Святой недѣлей; тулйсъ-нуна́лъ — лѣтній праздникъ послѣ посѣва хлѣбовъ, когда молятся матери-землѣ; виссе́ско-нуна́лъ — день предъ сѣнокосомъ: во время этого праздника, вотяки молятся о ясной погодѣ и облегченіи въ работѣ, а въ жертву приносятъ пестраго дятла; и керемет-нуна́лъ — по окончаніи жатвы и всѣхъ полевыхъ работъ. Въ настоящее же время вотяки имѣютъ гораздо болѣе праздниковъ. Такъ они празднуютъ появленіе весны, во время вскрытія рѣкъ — экала́ны (ледъ провожать); посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ празднуется подъ именемъ гирйны-кучкбнъ [1]). Наконецъ, поздно осенью, въ концѣ сентября, сѣверные вотяки празднуютъ дожинки хлѣба — сюрлютўй. У женщинъ существуютъ свои праздники. Такъ, шбртъ-лискбнъ — когда бабы начинаютъ моты мыть, и дэрà-чужà́ны — во время бѣленья новинъ. Кромѣ того, некрещеные вотяки вмѣстѣ съ крещеными празднуютъ и христіанскіе праздники: новый годъ — виль-аръ, Крещеніе, Пасху — будзимъ-нуналъ (великій день), Троицынъ день, Благовѣщеніе — эяды-куштбнъ (бросать сани) и Петровъ день — квáръ-суръ (листовое пиво, потому-что тогда подъ жертвенное пиво подкладываютъ зеленыя древесныя вѣтви). Крещеные вотяки вмѣстѣ съ некрещеными празднуютъ также и языческіе праздники.

Праздники вотяковъ начинаются богомольями и жертвоприношеніями, о которыхъ мы уже сказали выше и продолжаются дня по три, по пяти и по недѣлѣ, смотря по тому, богатое ли селеніе и насколько времени можетъ хватить заготовленной кумышки, пива и меду. Все время праздниковъ обыкновенно проводится въ пированіи съ утра до глубокой ночи. Тогда пьяные вотяки катаются на лошадяхъ и, взявшись рука объ руку и напѣвая свое любимое: «ой до, ой-ду-ду!» безцѣльно бродятъ по селенью, причемъ мужчины обыкновенно держатся съ мужчинами, бабы съ бабами, а дѣвушки составляютъ свой кругъ. Какъ происходитъ самый пиръ, мы уже имѣли случай говорить.

Изъ языческихъ праздниковъ заслуживаетъ особеннаго вниманія праздникъ изгнанія Шайтана, который совершается на

[1]) Въ глазовскомъ уѣздѣ этотъ праздникъ носитъ названіе окаляшки, а казанскіе вотяки около того же времени празднуютъ зинъ, заимствованный по всей вѣроятности отъ татаръ.

страстной недѣлѣ или вскорѣ послѣ Рождества, смотря по назначенію жреца. Вотяки убѣждены, что если они изгонять Шайтана изъ своихъ деревень, то онъ уже не долженъ болѣе являться къ нимъ и только благодаря своей пронырливости и непослушанію, къ концу года Шайтанъ снова успѣваетъ проникнуть въ вотскія избы, чтобы вводить бѣднаго урома въ грѣхъ; поэтому Шайтана слѣдуетъ изгонять ежегодно, чтобъ онъ не успѣлъ надѣлать много зла. Этотъ оригинальный праздникъ изгнанія Шайтана до сихъ поръ упорно держится у вотяковъ-язычниковъ малмыжскаго и елабужскаго уѣздовъ, а крещеные вотяки глазовскаго уѣзда только недавно отказались отъ него.

Праздникъ начинается приготовленіями. Недѣли за двѣ старыя и молодыя вотячки ставятъ при деревенской рѣчкѣ рядъ небольшихъ балагановъ для выкуриванія кумышки. Каждая семья готовитъ по крайней мѣрѣ до 10 ведеръ кумышки. Между тѣмъ, мужчины дня за четыре до праздника дѣлаютъ деревенскій сходъ и требуютъ отъ туно указанія животнаго, котораго необходимо принесть въ жертву Керемету. Жрецъ, отъ котораго исключительно зависитъ избраніе жертвы, въ данномъ случаѣ въ особенности часто злоупотребляетъ довѣріемъ своихъ односельцевъ, такъ какъ праздникъ изгнанія Шайтана вотяками почитается однимъ изъ самыхъ важныхъ и ослушаться указаній туно они никогда не осмѣлятся.

Наканунѣ или въ самый день схода, жрецъ отправляется въ лудъ и спрашиваетъ Керемета о требуемой жертвѣ. Сообразно съ цвѣтомъ шерсти назначеннаго для жертвы животнаго, туно кладетъ извѣстнаго цвѣта лоскутъ въ привязанный посреди луда къ ёлкѣ ящикъ (мѣсто объявленія воли Керемета), увѣряя простодушныхъ вотяковъ, что лоскутъ положенъ въ ящикъ самимъ Кереметомъ. Наконецъ, жрецъ является на общую сходку и объявляетъ, что Кереметъ требуетъ быка или лошадь, напримѣръ, черной масти.

Когда всѣ приготовленія для праздника окончены, вотяки въ полдень собираются въ лудъ и приступаютъ къ исполненію жертвы Кемерету. Обрядность при совершеніи моленія въ этотъ праздникъ та же, что и при другихъ моленіяхъ и поэтому намъ нѣтъ надобности повторять то, что было говорено выше. По возвращеніи съ моленія всѣ вотяки выѣзжаютъ посреди деревни на верховыхъ и здѣсь старики начинаютъ обсуждать, какія мѣры необходимо принять для изгнанія Шайтана изъ деревни и съ котораго дома начать. Совѣщаніе нерѣдко сопровождается страшнымъ крикомъ и бранью. Наконецъ, вотяки, привязавъ лошадей

къ изгороди, вооружаются бичами, цѣпами, липовыми палками и пуками зажженной лучины, которыхъ Шайтанъ особенно боится, и съ пронзительнымъ крикомъ начинаютъ ударять по всѣмъ угламъ избы и двора, послѣ чего выбѣгаютъ на улицу, захлопнувъ за собой ворота и плюнувъ на выгнаннаго Шайтана. Точно такимъ же образомъ изгоняютъ Шайтана изъ другихъ избъ. Наконецъ, покончивши со всѣми дворами, вотяки садятся на лошадей, становятся въ рядъ и, махая во всѣ стороны палками и бичами, съ такимъ же крикомъ несутся вдоль улицы вмѣстѣ съ бѣгущими за ними мальчиками. На всемъ скаку бросаютъ всѣ свои орудія за деревней и, плюнувъ еще разъ въ лицо Шайтана, считаютъ его окончательно прогнаннымъ изъ своего селенія въ другую вотскую деревню, откуда изгоняютъ его подобнымъ же образомъ. Изгнаніе Шайтана кончается продолжительнымъ пьянствомъ изгонявшихъ.

Этотъ чрезвычайно чтимый вотяками праздникъ показываетъ со всею яркостью, съ какой низкой степенью развитія мы здѣсь встрѣчаемся. Кто видѣлъ вотяковъ хоть разъ во время этого праздника, тотъ съ трудомъ повѣритъ, что этотъ народъ существуетъ на европейской почвѣ. Въ это время дикость вотяковъ обнаруживается во всей своей силѣ. Горе тому, кто бы захотѣлъ помѣшать имъ въ изгнаніи Шайтана. Были случаи, что остервенѣвшіе вотяки убивали несчастныхъ, которые вздумали невинно посмѣяться надъ ихъ невѣжествомъ.

Христіанскіе праздники крещеные вотяки проводятъ нѣсколько иначе. Въ большіе праздники—Пасху и Рождество, каждый вотякъ считаетъ своею обязанностью купить свѣчу и отправляется въ церковь.

По окончаніи службы всѣ вотяки служатъ общій молебенъ и отправляются домой пировать. Къ этому времени хозяйка накрываетъ столъ и ставитъ большую чашку кумышки. Отецъ семьи беретъ каравай хлѣба и краюшку срѣзываетъ для себя, а прочимъ даетъ по маленькому ломтику. Для каждаго члена семьи ставится особая чашечка и отецъ разливаетъ всѣмъ кумышку изъ большой чашки. Но пить еще никто не долженъ, пока отецъ, взявши за руку своего любимаго сына или дочь, не сходитъ на крыльцо вмѣстѣ съ чашечкой кумышки и ломтикомъ хлѣба принести Инмару молитву о дарованіи насущнаго хлѣба и здоровья его семьѣ. По возвращеніи отца въ избу начинается трапеза, по окончаніи которой отецъ со своей семьей отправляется пировать къ своимъ сосѣдямъ, оставляя въ дому малолѣтнихъ ребятъ часто на произволъ судьбы. Нерѣдко слу-

чается, что отецъ, запировавшись, совершенно забываетъ о дѣтяхъ, которыя остаются голодными, пока кто-нибудь, случайно проходившій мимо, не войдетъ въ избу на крикъ дѣтей и не накормитъ ихъ. Надо сказать, что вотяки никогда не стѣсняются тѣмъ, что не застанутъ въ избѣ хозяевъ (которые по всей вѣроятности гдѣ-нибудь тоже пируютъ въ людяхъ), и преспокойно начинаютъ сами распоряжаться домашними припасами. Такимъ образомъ вотяки въ продолженіи недѣли или двухъ переходятъ изъ одной избы въ другую.

Поминки по умершимъ бываютъ двоякаго рода—частные и общіе. Первые правятся одной семьей въ память своего умершаго и не раньше какъ послѣ сна, видѣннаго кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ умершаго; общіе поминки бываютъ въ великій четвергъ, на страстной недѣлѣ, и въ семикъ. Въ день поминокъ вся семья собирается въ томъ домѣ, гдѣ жилъ покойникъ. На столъ ставится кумышка, пиво и блины. Обрядность поминокъ заключается въ томъ, что всѣ присутствующіе наливаютъ себѣ по чашечкѣ кумышки и оборачиваются лицомъ къ сѣверу; затѣмъ родоначальникъ читаетъ молитву, въ которой проситъ Инмара облегчить му́ки покойнаго, дать ему свѣтлое жилище (тюня-юггитъ), и спрашиваетъ, въ какомъ положеніи находится покойный. По окончаніи молитвы чтецъ беретъ верхній блинъ и, обмакнувши его въ кумышку, бросаетъ собакѣ. Если она съѣдаетъ этотъ блинъ—значитъ, что покойному на томъ свѣтѣ живется весело и хорошо, и всѣ поминающіе начинаютъ пировать, приглашая на свой пиръ умершаго. Если же собака отвернется отъ брошеннаго ей блина, то покойному живется очень дурно и всѣ съ горестью расходятся по домамъ.

У крещеныхъ вотяковъ поминки происходятъ иначе. Они ставятъ къ порогу корыто съ зажженными восковыми свѣчами; крошатъ въ него блины, поливаютъ коровьимъ масломъ и совершаютъ молитву Инмару. Затѣмъ каждый поминающій съѣдаетъ по кусочку, остальное же бросаютъ собакамъ. Иногда поминки совершаются еще проще. Желающій помянуть своихъ родителей поймаетъ у себя на дворѣ курицу и идетъ къ рѣчкѣ, гдѣ и закалываетъ ее въ честь умершихъ со словами: «не сердитесь, родители, что даю вамъ только кровь!» Затѣмъ курица уносится домой и составляетъ одно изъ блюдъ семейнаго стола. Такія мѣста, гдѣ закалываются животныя въ честь умершихъ, существуютъ не только во всякой языческой деревнѣ, но часто и въ христіанскихъ селеніяхъ и называются «относами».

Любопытно также содержаніе молитвъ, съ которыми вотякъ

обращается къ своему божеству. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ два весьма важныя сообщенія, относящіяся къ разному времени. Первый, собравшій молитвы вотяковъ, былъ Герценъ [1]; затѣмъ въ 1869 году напечатано было собраніе г. Чежегова [2].

Нельзя не обратить вниманія на различіе того и другого сборника. Несомнѣнно, что вотскія молитвы имѣютъ характеръ чисто народныхъ молитвъ, а потому, переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, они могутъ измѣняться сообразно условіямъ времени и мѣста, какъ относительно внѣшней формы, такъ и содержанія. Такъ, въ молитвахъ 1838 г., молящійся исключительно высказываетъ прошенія о насущныхъ потребностяхъ, ни разу не упоминая о благодарности богу, которая только въ видѣ намека проглядываетъ въ молитвѣ при жертвоприношеніи («мы .отдаемъ тебѣ быка съ золотою шерстью»). Отсутствіе внутренняго содержанія этихъ молитвъ сознаетъ и самъ молящійся («господи, мы мало молимся, ты самъ все устрой; мы мало знаемъ и мало говоримъ»). Кромѣ того, старыя молитвы ограничиваются матеріальными предметами прошенія, которые принимаютъ фантастическіе образы («чтобы отъ одного зерна было 77 колосьевъ, чтобы кладуха была такъ велика, какъ велико небо, чтобы голова у коня была золотая» и т. д.) Напротивъ, въ молитвахъ, собранныхъ г. Чежеговымъ въ 1869 году, кромѣ сверхъестественныхъ прошеній о матеріальныхъ нуждахъ, также какъ и въ первыхъ, встрѣчаются уже просьбы о духовныхъ потребностяхъ—объ избавленіи отъ бѣдъ и несчастій, объ огражденіи отъ злыхъ духовъ, моленія о мирѣ и благополучіи и объ оставленіи грѣховъ; но самое важное отличіе новыхъ молитвъ, то что въ нихъ уже выражается благодарность богу за оказанныя имъ милости («благодаримъ господа бога, что далъ намъ хорошей погоды, хорошей травы и пособилъ скоро скосить и собрать въ стога сѣно»).

Религіозныя вѣрованія, какъ и вообще быть народовъ неразвитыхъ подвергаются измѣняющему вліянію со стороны болѣе развитыхъ сосѣдей. Что касается вотяковъ, то мы видѣли не разъ, какъ подъ вліяніемъ христіанства и сосѣдства русскихъ измѣнились ихъ бытовыя черты и обрядовая сторона ихъ религіознаго ученія. Точно также главною причиною перемѣны въ молитвахъ вотяковъ сравнительно съ прежними слѣдуетъ считать,

[1]) Вятск. губер. вѣдом. 1838 г.

[2]) Вят. губерн. вѣдом. 1869 г.

по справедливому замѣчанію г. Чежегова, болѣе близкое знакомство съ сосѣдями-русскими и вліяніе христіанской религіи [1]). Къ числу такихъ же нововведеній христіанскаго ученія принадлежитъ и почитаніе угодника Николая. Почти у всѣхъ вотяковъ-язычниковъ Николай-чудотворецъ почитается не менѣе ихъ собственныхъ боговъ. Такъ, ежегодно во время великаго поста крещеные и некрещеные вотяки изъ уѣздовъ сарапульскаго, малмыжскаго и елабужскаго отправляются цѣлыми тысячами въ село Березовку, бирскаго уѣзда, на р. Камѣ для поклоненія явленной иконѣ св. Николая. Точно также вотяки усердно посѣщаютъ всѣ церкви имени св. Николая; крещеные служатъ молебны, а некрещеные ставятъ предъ иконой свѣчи, становятся на колѣни и, не крестясь, кладутъ земные поклоны. У вотяковъ елабужскихъ есть даже преданіе, что Николай по любви своей къ русскимъ самъ поселился въ русскомъ селѣ Березовкѣ, а три его меньшихъ брата, по имени «Булдъ»—покровители вотяцкаго народа—разсѣялись по вотяцкимъ деревнямъ; поэтому вотяки съ незапамятныхъ временъ каждое третье лѣто при громадномъ стеченіи народа приносятъ жертвы въ лѣсахъ при деревнѣ Старой Зюмьѣ—старшему и въ дер. Арліановой—среднему Булдѣ. Поклоненіе младшему Булдѣ установилось сравнительно недавно въ Варзіатчинскомъ краѣ елабужскаго уѣзда по слѣдующему случаю. Въ 1826 году мѣстные туны и ведыни объявили, что младшій «Булдо» явился на Варзіатчинской горѣ и думаетъ здѣсь установить свое постоянное мѣстопребываніе. Немедленно были разосланы по всѣмъ сосѣднимъ вотяцкимъ деревнямъ повѣстки, и на Варзіатчинскую гору скоро стеклось несмѣтное количество вотяковъ изъ уѣздовъ елабужскаго, сарапульскаго, уржумскаго и малмыжскаго. Съ этого времени по приговору собравшагося народа установилось каждый третій годъ приношеніе жертвы младшему Булдѣ, въ продолженіи одной недѣли, отъ всякаго домашняго скота.

Точно также къ вотякамъ перешли повѣрья русскаго народа о лѣшихъ, домовыхъ, вѣдьмахъ и оборотняхъ, которые въ глазахъ народа получаютъ особенное суевѣрно-религіозное значеніе. Эти русскія повѣрья до того глубоко вкоренились въ убѣжденія вотяковъ, что на каждомъ шагу заставляютъ ихъ опасаться встрѣтиться по несчастному случаю съ нечистой силой. Изла-

[1]) Но замѣтимъ, что для точности сравненія сборниковъ и правильности вывода надо бы предположить, во-первыхъ, что оба сборника сдѣланы въ одной и той же мѣстности, и, во-вторыхъ, что оба представляютъ полный составъ молитвъ, которыя здѣсь были въ употребленіи. Авторъ не упоминаетъ ни о томъ, ни о другомъ.—*Ред.*

гать этихъ повѣрій мы не будемъ, такъ какъ они не составляютъ особенности вотяцкаго племени, а цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, приняты имъ отъ русскихъ.

Многіе финнологи, начиная съ почтеннаго академика Миллера, признавали, что религія вотяковъ тождественна съ религіей черемисъ. Этимъ только и объяснимо то обстоятельство, что нѣкоторые изслѣдователи и въ настоящее время не обращали должнаго вниманія на религіозный культъ вотяковъ, довольствуясь только выясненіемъ религіозныхъ вѣрованій черемисъ. Это ошибочное мнѣніе, повидимому, находило для себя опору въ томъ, что сами вотяки часто говорятъ про себя, что «у нихъ съ черемисами одна вѣра». Но это не должно бы останавливать болѣе точнаго изслѣдованія. По нашему мнѣнію, это сознаніе оправдывается тѣмъ, что вездѣ, гдѣ вотяки имѣютъ своими близкими сосѣдями черемисъ, эти два народа, такъ-сказать, сливаются между собою, т.-е. обмѣниваются не только своими бытовыми чертами, но и перенимаютъ другъ отъ друга религіозный культъ. Въ такомъ случаѣ вотяки, какъ болѣе слабый элементъ предъ черемисами, должны менѣе вліять на послѣднихъ, чѣмъ послѣдніе на первыхъ. Подобное сліяніе народностей намъ удалось прослѣдить, напр. въ уржумскомъ уѣздѣ, гдѣ вотскія деревни перемѣшиваются съ черемисскими, причемъ вотяки настолько утратили свои племенныя черты, что ихъ почти нѣтъ никакой возможности отличить отъ ихъ сосѣдей. Сліяніе въ этомъ уѣздѣ произошло въ такомъ размѣрѣ, что вотяки, не признавая никакихъ отличій своихъ боговъ отъ боговъ черемисъ, исполняютъ богослуженіе вмѣстѣ съ послѣдними въ однихъ Керемегахъ, принося общія жертвы. Это сліяніе между религіознымъ культомъ вотяковъ и черемисъ можетъ совершаться тѣмъ легче, что миѳологіи этихъ двухъ народовъ, какъ и всѣхъ вообще финскихъ племенъ, существуетъ много общихъ чертъ. Тѣмъ не менѣе, признавая нѣкоторое сходство въ религіяхъ вотяковъ и черемисъ, этихъ двухъ сосѣднихъ и родственныхъ народовъ, несомнѣнно сильно вліявшихъ другъ на друга, мы далеки отъ того, чтобы совершенно отождествлять ихъ. Вездѣ, гдѣ только вотяки не соприкасаются съ черемисами, ихъ религіозный культъ рѣзче отличается отъ черемисскаго. Въ своемъ трудѣ мы указывали поэтому религіозныя воззрѣнія преимущественно вотяковъ глазовскихъ, сарапульскихъ и елабужскихъ, гдѣ вліяніе черемисъ едва ли имѣло мѣсто. Всякій хорошо знакомый съ религіей черемисъ, прочитавши послѣднюю часть нашего труда, легко увидитъ то различіе, которое существуетъ между двумя религія-

ми. Для лицъ же менѣе знакомыхъ съ этимъ дѣломъ мы позволимъ себѣ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Религія черемисъ, по сравненію съ религіею вотяковъ вообще, можно сказать, гораздо выработаннѣе и сложнѣе, и миѳологія ихъ опредѣленнѣе. Боги ихъ имѣютъ особыя жилища въ своей странѣ, имѣютъ свою семью, дворъ, и у всѣхъ существуютъ особые слуги и докладчики. Слуги приводятъ въ исполненіе опредѣленія боговъ, т.-е. несутъ милости или наказанія людямъ, а докладчики доводятъ до свѣдѣнія боговъ о нуждахъ людей. Къ первымъ принадлежатъ пуйоршэ и піамбары, ко вторымъ — вйтнязе, шўкче и серлагйжъ. Всѣ боги составляютъ семью главнаго — Юмо-Куружа (богъ вседержитель), почитаемаго за творца вселенной и человѣка. Каждый богъ, а равно его слуги и докладчики, получаютъ особыя жертвы, сообразно своему значенію и могуществу.

Но кромѣ того, у черемисъ существуетъ цѣлая многочисленная семья земныхъ божествъ. Такъ, отдѣльными божествами считаются: Кавакюмо — охранитель нивы, Сеска́-юмо — богъ плодовъ, Канде́-юмо — богъ хлѣба, Муйкшъ-юмо — богъ пчелъ, Волéкъ-юмо — богъ скота, Кайкъ-усà-юмо — богъ птицъ и звѣрей, Пайша-юмо — богъ, завѣдующій всякими работами, и Агунъ-кугызя—добрый духъ, охраняющій овины. Всѣмъ этимъ божествамъ у вотяковъ соотвѣтствуетъ одна только богиня — Муму-Кальцина. Сверхъ того, у черемисъ существуетъ еще множество божествъ на различные случаи, чего нѣтъ у вотяковъ. Такъ, Юмо-эрге-пюрўтъ, дающій дѣтей, и Ашъ-юмо, присутствующій при рожденіи ребенка, Кугурня-юмо — богъ недѣли, Кугече-юмо — богъ большого дня или Пасхи, и т. д.

Каждый изъ этихъ боговъ имѣетъ свое отдѣльное мѣстопребываніе, жилище и дворъ, съ неистощимымъ запасомъ хлѣба, драгоцѣнныхъ одеждъ, лошадей и птицъ. При нихъ находятся свои слуги и докладчики въ количествѣ, соотвѣтствующемъ ихъ могуществу..

Кромѣ всѣхъ этихъ добрыхъ божествъ, черемисы почитаютъ еще духа-хранителя — Вачевалъ-шукче, соотвѣтствующаго вотскому Салтанъ-дису. Вачевалъ-шукче считается хранителемъ человѣка отъ искушеній дьявола и отъ порчи. Точно такую же роль въ черемисской религіи играетъ Шоченъ-аба, которая печется, бóльшею частью, о малолѣтнихъ со дня ихъ рожденія.

Изъ злыхъ черемисскихъ боговъ, самый важный — Чибулатъ или Курокъ-кугызя. Къ жертвамъ ему черемисы приступаютъ не иначе, какъ сваривши предварительно шорбу (на́-скоро сва-

ренное пиво), сходятъ въ баню и надѣнутъ праздничное платье. Затѣмъ для жертвоприношенія нарочно пекутъ прѣсные хлѣбцы изъ ржаной муки и въ средину хлѣбца втыкаютъ по серебряной монетѣ. Жертва изъ лошади или быка приносится въ рощѣ, близъ ручья или озерка, гдѣ находится дерево, любимое мѣстопребываніе Чибулата. У послѣдняго, кромѣ того, находится своя семья и подчиненные ему духи: 1) Піамборъ, которому приносятъ такую же жертву, какъ и Чибулату. У Піамбора находятся: Водышъ, Ужедыжъ, Азренъ и Пи—особые прислужники. Имъ приносятъ въ жертву куръ, гусей и утокъ. 2) Шыртъ и 3) Водыжъ, при которыхъ находятся — Ужедыжъ и Азренъ. Первымъ приносятъ зайца, а вторымъ—курицу. 4) Масникъ—ему жертвуютъ гуся; 5) Ка́пка-орбл̀ъ — привратникъ Чибулата. Находящіеся въ сосѣдствѣ съ черемисами вотяки также усердно почитаютъ Чибулата.

Къ числу злыхъ черемисскихъ божествъ принадлежитъ также Керемет̀ъ, соотвѣтствующій вотяцкому Керемету или Шайтану. Но черемисскій Керемет̀ъ имѣетъ свою семью, чего нѣтъ у вотяковъ. Къ послѣдней принадлежатъ: 1) Піамаръ, у котораго существуетъ Ужедыжъ и Азренъ; 2) Шыртъ и 3) Водошь. Кромѣ того, у самого Керемета существуютъ свои Ужедыжъ и Азренъ.

Миѳическія повѣрья о Керемет̀ѣ у казанскихъ и вятскихъ черемисъ различны. Первые, какъ извѣстно, почитаютъ Керемета меньшимъ братомъ Юмы, который, по гордости, захотѣлъ дѣлать то же, что́ и самъ Юмо. Такъ, когда Юмо творилъ землю, то велѣлъ Керемету, плававшему по безграничнымъ водамъ въ видѣ селезня, достать со дна морского земли. Керемет̀ъ, дѣйствительно, спустился на дно и досталъ земли, но отдалъ Юмѣ не всю землю, а часть оставилъ во рту. Когда Юмо на поданную землю дунулъ и велѣлъ покрыть ею воды (первоначально все было покрыто водой) и Керемет̀ъ также выбросилъ свою землю изо-рта. Гдѣ бросилъ землю Юмо, тамъ получились равнины, прекрасныя пастбища и лѣса, а гдѣ плюнулъ Керемет̀ъ, тамъ получились горы и голыя скалы. Въ другой разъ, когда Юмо творилъ шукчіевъ изъ камня, ударяя по немъ тяжелымъ молотомъ, причемъ отлетавшія искры превращались въ шукчіевъ, Керемет̀ъ, во время сна Юмы, захотѣлъ дѣлать то же; но, вмѣсто шукчіевъ, искры отъ ударовъ молота Керемета превращались въ злыхъ духовъ. При сотвореніи Юмою человѣка, Керемет̀ъ снова вмѣшался. По словамъ южныхъ черемисъ, когда Юмо сотворилъ

тѣло перваго человѣка и отошелъ въ другое мѣсто для сотворенія души, оставивъ при тѣлѣ чернаго пса, какъ хранителя, Кереметъ не замедлилъ воспользоваться отсутствіемъ Юмы и, для того, чтобы склонить на свою сторону пса, охраняющаго человѣческое тѣло, произвелъ такой холодъ, что песъ едва не замерзъ, а когда Кереметъ снабдилъ пса густою шерстью, то послѣдній, въ благодарность къ Керемету, допустилъ его къ тѣлу. Тогда Кереметъ плюнулъ на тѣло человѣка, чѣмъ и положилъ въ немъ грѣховное начало. О возникновеніи поклоненія Керемету казанскіе черемисы разсказываютъ слѣдующее: когда человѣческій родъ размножился и раздѣлился на нѣсколько племенъ, то Юмо захотѣлъ каждому племени дать свою религію, для чего всѣмъ родоначальникамъ велѣлъ собраться къ себѣ въ одинъ день. Но Кереметъ, явившись въ образѣ человѣка, остановилъ черемисскаго родоначальника, который торопился къ сроку, назначенному Юмою, и до того занялъ его разговорами, что черемискій родоначальникъ пропустилъ назначенный срокъ. Затѣмъ черемисскій родоначальникъ, распростившись, поспѣшилъ къ Юмѣ, но на дорогѣ встрѣчаетъ другого родоначальника, который сказалъ, что Юмо «уже роздалъ всѣмъ вѣры, а такъ какъ ты не явился по повелѣнію Юмы и послушался Керемета, то тебѣ Юмо велѣлъ покланяться Керемету». Въ это же время съ березы слетѣлъ, въ видѣ селезня, Кереметъ и заставилъ черемисскаго родоначальника кланяться себѣ; съ тѣхъ поръ и всѣ черемисы должны были почитать Керемета.

Вятскіе же черемисы покланяются Керемету совсѣмъ на другомъ основаніи. По ихъ разсказамъ, Кереметъ былъ сначала просто бѣглый человѣкъ. Этотъ бѣглый бродилъ по лѣсамъ и началъ обижать черемисъ. Тогда послѣдніе собрали совѣтъ и порѣшили поймать и убить разбойника. Пошло много народу на поиски. Одинъ взялъ топоръ, другой заступъ, третій толстую веревку и т. д. Однажды удалось черемисамъ поймать этого бѣглеца и одинъ успѣлъ уже надѣть ему на шею петлю изъ веревки, но бѣглецъ вырвался и убѣжалъ. Черемисы кинулись за нимъ въ погоню, и когда бѣглецъ добѣжалъ до большой рѣки и никуда не могъ уже скрыться, то бросился неожиданно въ воду вмѣстѣ съ веревкой на шеѣ, которую еще не успѣлъ съ себя скинуть. «Если такъ хотѣли меня кончить,—сказалъ онъ,—то я умру въ водѣ, за то буду вамъ вмѣсто чорта!» Только и слышали черемисы. Веревка, накинутая на шею его, долго еще виднѣлась надъ водою. Растерявшіеся черемисы, указывая на

веревку, начали кричать: Кереметь, Кереметь [1])—«веревка-то твоя». Съ тѣхъ поръ бѣглый сталъ чортомъ и получилъ названіе Керемета. Три дня Кереметь лежалъ въ водѣ — на четвертый пошелъ обходить черемисскія избы. Въ ту самую избу, въ которую пришелъ Кереметь, вскорѣ явился угодникъ Николай [2]) въ образѣ сѣдого старичка и спрашиваетъ старуху, мать семейства: «не приходилъ ли къ тебѣ новенькій человѣкъ?» Нѣтъ, не приходилъ, сказала старуха. «Какъ не приходилъ? зачѣмъ чорта таишь, что у тебя въ клѣти скрылся? за то пусть онъ тебя мучитъ и живи отнынѣ съ нимъ вмѣстѣ»,—сказалъ и исчезъ. Тогда Кереметъ вышелъ изъ клѣти и говоритъ: «хорошо, старая, что ты не сказала про меня, а то бы онъ меня прогналъ. А теперь будь ты мнѣ другомъ; вари мнѣ кошту [3]), вари пѣтуха». Баба накормила Керемета; послѣ того онъ ушелъ въ лѣсъ. Вскорѣ старуха захворала и видитъ во снѣ Керемета, который ей сказалъ: «я голоденъ; вели нести мужу утку въ лѣсъ и будешь здорова». Такимъ образомъ заставилъ Кереметь черемисъ покланяться себѣ въ лѣсу [4]). Этотъ разсказъ часто можно слышать въ котельническомъ и малмыжскомъ уѣздахъ, вятской губ., и между свѣдущими черемисами этихъ уѣздовъ представленіе о происхожденіи Керемета изъ бѣглаго человѣка повидимому очень распространено. Напротивъ о братскомъ родствѣ Керемета съ Юмой эти черемисы ничего не знаютъ; намъ по крайней мѣрѣ никогда не приходилось слышать отъ нихъ что-либо подобное. Въ разрѣшеніи нашего вопроса о различіи религіи черемисъ и вотяковъ такое представленіе котельническихъ и малмыжскихъ черемисъ о происхожденіи Керемета изъ бѣглаго человѣка имѣетъ ту важность, что вятскіе вотяки, находившіеся всегда въ сосѣдствѣ съ котельническими и малмыжскими черемисами, удержали какъ разъ представленіе о братскомъ родствѣ Керемета и Инмара, котораго придерживаются также и черемисы казанскіе. Но и здѣсь всякій легко можетъ убѣдиться, какая разница существуетъ въ религіозныхъ представленіяхъ того и другого народа. Повѣрья вотяковъ о происхожденіи Керемета и о первомъ твореніи скорѣе имѣютъ много сходнаго съ пред-

---

[1]) Кереметь по черемисски значитъ веревка, отъ *керемъ*—веревка и *эш*—притяжательное мѣстоименіе второго лица. Э—соединительная гласная для благозвучія.

[2]) Черемисы, также какъ и вотяки, почитаютъ Николая, какъ изгнателя *бѣсовъ*.

[3]) Любимое черемисское кушанье—бульонъ изъ крови животнаго.

[4]) Вятскія епархіальныя вѣдомости 1868 и 1869 г.: О религіи некрещенныхъ черемисъ, Филимонова.

ставленіями христіанскими. Такъ происхожденіе Керемета, какъ представителя нечистой силы, вотяки объясняютъ, какъ мы уже видѣли, при помощи превращенія изъ добраго духа; жительство первыхъ людей вотяками опредѣляется, какъ и въ христіанскомъ ученіи, въ раю или прекрасномъ саду; предметомъ для искушенія со стороны Керемета является первая жена, а средствомъ—запрещенный плодъ, кумышка; и наконецъ, первые люди послѣ искушенія становятся грѣховными, теряютъ безсмертіе и изгоняются изъ рая. Мы не думаемъ однако, чтобы у вотяковъ въ этомъ случаѣ существовало простое заимствованіе отъ христіанъ, потому что въ вѣрованія рядомъ съ тѣмъ входятъ такія особыя черты, какъ представленіе о вторичномъ твореніи людей и о продолженіи творенія по настоящее время, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ христіанству. Такого представленія о вторичномъ твореніи человѣка и твореніи по настоящее время, какъ извѣстно, не существуетъ и у черемисъ. Больше сходства между черемисскими и вотяцкими божествами, населяющими воду и лѣсъ. Черемисскій Тенгесъ-Юмо—богъ морей, совершенно соотвѣтствуетъ вотяцкому Ву-Муртъ. Но, кромѣ того, по понятіямъ черемисъ, въ каждомъ ручьѣ или озеркѣ находится особый водный духъ—Бодошъ, проказы котораго незначительны. Въ отношеніи лѣсныхъ божествъ вотяки пошли дальше черемисъ. Первые населили лѣсъ тремя сильными божествами—Алида, Нюлезъ-нюня и Албастый, въ то время какъ по понятіямъ черемисъ въ лѣсу живетъ незначительный Бодошъ (какъ и въ водѣ) съ товарищемъ Торвалтышъ. Хотя черемисскій Бодошъ и пугаетъ иногда черемисъ въ лѣсу и путаетъ имъ дорогу, но стóитъ только перемѣнить лапти съ одной ноги на другую и разрушатся всѣ старанія Бодоша. Послѣдній самъ по себѣ такъ незначителенъ, что черемисы ему вовсе не покланяются. Кромѣ того, по понятіямъ черемисъ, на земномъ пространствѣ существуетъ множество всякихъ духовъ, вредныхъ и добрыхъ, которые наполняютъ поля, селенія, амбары, избы, хлѣвы и т. п. Между ними существуютъ духи мужескаго и женскаго рода, напр. Суртле-Кугузя (домовой дѣдушка) и Суртле-Куба (домовая бабушка), Покшемъ-кугузя (морозко-дѣдъ), Покшемъ-куба (морозко-бабушка) и т. д. У вотяковъ же, какъ мы видѣли, роль духа или домашняго пенатa исполняетъ только Воршудъ. Относительно загробной жизни черемисы, какъ и вотяки, вѣрятъ въ безсмертіе души и представляютъ будущую жизнь мало отличною отъ настоящей, т.-е. тамъ будутъ также жены, семьи, хозяйство и различ-

ныя занятія. Сообразно съ этимъ черемисы, также какъ и вотяки, кладутъ въ гробъ съ покойникомъ всѣ необходимыя въ хозяйствѣ вещи. Послѣ смерти каждый черемисинъ является на судъ Кіашатъ-тора (первый покойникъ), который однихъ щадитъ, а другихъ за дурныя дѣла на землѣ отсылаетъ въ котелъ съ кипящею смолою. Этому Кіашатъ-тору черемисы молятся и приносятъ жертвы во время поминокъ; между тѣмъ какъ вотяки въ этомъ случаѣ призываютъ Инмара.

В. Бехтеревъ.

КНЯЗЬ
АНТІОХЪ КАНТЕМИРЪ

ВЪ ПАРИЖѢ

IV *).

Посольскія обязанности Кантемира.—Праздникъ въ русскомъ посольствѣ.—Дворяне посольства.—Вопросъ о жалованьѣ.—Дѣло о секретарѣ Гроссѣ.—Газетныя статьи и сочиненія о Россіи.

Безпрестанныя свиданія и объясненія съ французскими министрами, поѣздки въ Версаль и въ Фонтенбло, собственноручныя депеши, иногда очень подробныя, иногда два раза въ недѣлю, составляли главную службу Кантемира. Его депеши такъ просто и толково знакомили съ французскою политикою и отчасти съ парижскимъ дворомъ, что императрица Елизавета нерѣдко оставляла ихъ у себя и сама прочитывала ихъ, тогда какъ донесенія другихъ русскихъ пословъ обыкновенно прочитывались ей въ извлеченіяхъ. Но кромѣ этой службы Кантемиръ много заботился съ достоинствомъ поддерживать русское посольство, съ которымъ связывалась честь русской государыни. Это достоинство выражалось въ роскошной обстановкѣ жизни. Нельзя было отстать отъ другихъ пословъ. А другіе жили пышно, получали отъ своихъ дворовъ большое содержаніе; даже послы второстепенныхъ государствъ старались своею жизнью прикрыть бѣдность своихъ дворовъ. А русскому же послу приходилось тянуться не

*) См. выше: августъ, 577 стр.

за ними, а за послами австрійскимъ, англійскимъ, испанскимъ. Между тѣмъ приходилось изворачиваться средствами сравнительно небольшими. На содержаніе посла и всего посольства назначалось пятнадцать тысячъ въ годъ, — сумма, которая при русскомъ дворѣ считалась очень значительною; но въ Парижѣ она не могла спасти отъ долговъ, чтобы послу держаться на одной высотѣ со всѣми.

Ко дню коронаціи императрицы Елизаветы Кантемиру предписано было устроить для французскаго двора приличный праздникъ, для чего назначалась сумма въ три съ половиною тысячи рублей. Въ этомъ русскій посолъ увидѣлъ удобный случай показать себя съ особеннымъ блескомъ, «чтобы не произошло никакого предосужденія славѣ русской царицы». До сихъ поръ ему не приходилось устраивать публичныхъ праздниковъ; онъ ограничивался только небольшими обѣдами для нѣкоторыхъ пословъ и французскихъ министровъ. Но прежде чѣмъ было соображено, какой лучше устроить праздникъ, онъ уже писалъ: «эта сумма недостаточна для здѣшняго города, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ ожидаютъ всегда чрезвычайную магнифиценцію». И не стѣснялся суммой, Кантемиръ придумалъ дать обѣдъ для всѣхъ знатнѣйшихъ придворныхъ, военныхъ, гражданскихъ и церковныхъ чиновъ, а кромѣ того вечеромъ устроить балъ-маскарадъ для всѣхъ городскихъ господъ и дамъ. Всѣхъ билетовъ на этотъ праздникъ роздано было до 1350. «Къ принцессамъ крови,—писалъ Кантемиръ въ своемъ подробномъ описаніи праздника,—я самъ ѣздилъ возить подобные билеты...; къ принцамъ крови посылалъ въ то же время своего конюшаго съ билетомъ... Разница между приглашеніями принцевъ и принцессъ крови,—прибавляетъ онъ,—нарочно мною сдѣлана, потому что принцессы, какъ женскаго пола, не возвращаютъ визитовъ посламъ, и потому моя поѣздка къ нимъ характеру моему предосужденія не наноситъ, а къ принцамъ я не ѣздилъ, не будучи увѣренъ, что они возвратятъ мнѣ визиты»...

Вотъ до какихъ соображеній приходилось доходить послу въ вопросѣ о чести. Онъ даже просилъ дружескаго совѣта у самого Амелота, какъ лучше поступить, чтобъ и передъ царицей не погрѣшить и при принцахъ «исполнить свою должность». Но Амелотъ, какъ и во многомъ, обѣщался сказать свое мнѣніе и не исполнилъ обѣщанія. Какъ видно, такой важный вопросъ затруднилъ даже и его. При этомъ Кантемиръ описываетъ еще случай, который показываетъ до какой щекотливости доходили придворныя сношенія. «На моемъ обѣдѣ,—говоритъ онъ,—посоль-

свій вводитель. Сентотъ говорилъ мнѣ, что графъ Шалерова хотѣлъ прислать ко мнѣ своего дворянина благодарить за вниманіе, но находитъ, что въ билетѣ не употреблено Monseigneur вмѣсто Monsieur, и что въ немъ написано просто altesse, а не altesse séréнissime. Я изъяснилъ вводителю, что послы называютъ Monseigneur только королевскихъ сыновей, а altesse séréнissime было на моемъ билетѣ написано на адресѣ».

Король въ это время жилъ въ Версалѣ, поэтому нужно было спросить у него, когда ему будетъ угодно освободить отъ службы своихъ министровъ, чтобы они могли быть въ Парижѣ и присутствовать на праздникѣ. Король назначилъ день 11 іюля (1742 г.). «Въ назначенное число званые гости съѣхались къ обѣду въ третьемъ часу, иллюминація зажжена въ десятомъ, а балъ начатъ въ началѣ двѣнадцатаго и кончился въ девятомъ. Гости остались довольны, и я до сихъ поръ получаю еще комплименты. Я хотѣлъ въ этомъ торжествѣ устроить для увеселенія гостей банкъ фараонный, потому что хотя игра эта запрещена указомъ короля, но послы обыкновенно даютъ ее въ подобные праздники. Но узнавъ отъ своего банкира, что генералъ-полицеймейстеръ Мервиль не можетъ обѣщать безопасность банкира, изъяснилъ Мервилю, что хотя характеръ мой освобождаетъ меня отъ повиновенія указамъ, изданныхъ для подданныхъ, но я удержусь отъ того, что̀ непріятно королю и его министерству... Изъ прошенныхъ принцессъ были на моемъ балѣ трое... и почтили меня учтивыми комплиментами съ открытымъ лицомъ. Не знаю, были ли на балѣ принцы крови, потому что маски оставляютъ это въ неизвѣстности; но графъ Клерманъ не пропускаетъ никогда такіе балы, а онъ у меня кромѣ четырехъ посланныхъ билетовъ требовалъ чрезъ посольскаго вводителя еще четыре... Кардиналъ учтиво благодарилъ меня (за приглашеніе на обѣдъ), показывая сожалѣніе, что не можетъ своимъ присутствіемъ показать истинное участіе, которое принимаетъ въ радости моей и всей Россіи»...

Все это описаніе [1]) выкупило тѣ пятьсотъ рублей, которыя Кантемиръ передержалъ на русскій праздникъ, и «сверхъ того,—прибавляетъ онъ въ своемъ счетѣ,—долженъ былъ сшить себѣ богатое платье и пажу и лакеямъ сшилъ новую ливрею, на что издержалъ слишкомъ тысячу пятьсотъ рублей».

[1]) Въ № 63 Петербургскихъ Вѣдомостей 1742 г. было напечатано извѣстіе изъ Парижа: „11 іюля князь Кантемиръ праздновалъ коронацію въ Парижѣ; обѣдъ министрамъ на 56 персонъ; сахарный храмъ на столѣ съ эмблемами и надписями, иллюминація и маскарадъ въ саду на 1350 масокъ; танцы до 8 часовъ утра“.

Много стѣсняли и заботили Кантемира молодые дворяне, присылаемые изъ Петербурга въ ученье. Въ началѣ при немъ находился Нарышкинъ (Семенъ Кириловичъ). При воцареніи Елизаветы онъ, какъ ея родственникъ, тотчасъ же получилъ камергерскій чинъ и назначенъ посланникомъ въ Лондонъ вмѣсто князя Щербатаго. Другой молодой человѣкъ, Мозолевскій, котораго Кантемиръ принялъ еще въ Лондонѣ въ качествѣ ученика посольства, и которому онъ особенно покровительствовалъ, былъ потомъ переведенъ въ Парижъ и скоро произведенъ въ переводчики иностранной коллегіи. Ему приказывалось усердно заниматься кромѣ французскаго и другихъ языковъ еще и англійскимъ съ обѣщаніемъ, «что если онъ въ тѣхъ языкахъ будетъ совершенъ, то будетъ награжденъ секретарскимъ чиномъ съ надлежащимъ къ тому жалованьемъ»...

Такимъ образомъ приготовлялись тогда секретари посольства и даже самые послы.

При Кантемирѣ оставался еще дворянинъ Лиліенфельдъ; но скоро къ нему были присланы прапорщики князья Александръ и Владиміръ Долгоруковы и Василій и Иванъ Головины. «Мы за нужное почли подтвердить,—писалось ему въ рескриптѣ,—чтобъ вы смотрѣли и пеклись о дворянахъ посольства, дабы они могли быть со временемъ годными въ статскихъ дѣлахъ и въ прочихъ наукахъ, и потому ихъ прилежно употреблять не только въ секретарскую и переводческую, но и въ копеистскую должности и поощрять ихъ въ томъ, чтобы ихъ можно было по пріобрѣтеніи ими довольно искуства производить въ высшіе чины». На содержаніе этимъ дворянамъ давалось всего по четыреста рублей въ годъ, что приводило Кантемира въ крайнее затрудненіе. Это были все взрослые юноши съ русскимъ воспитаніемъ, мало-ученые, такъ что нашему послу приходилось обратиться въ искуснаго педагога. Такъ онъ писалъ о Долгоруковыхъ: «Смѣлость пріемлю представить, что имъ никакой или весьма малая польза произойдетъ, если ихъ въ люди не производить для привычки къ свѣтскому обхожденію и ежели не станутъ обучаться наукамъ, потому что на эти двѣ вещи опредѣленное имъ жалованье очень мало: на одно ихъ платье и на прочій уборъ не станетъ. Образецъ этому—Лиліенфельдъ, который, имѣя въ моемъ домѣ квартиру и столъ, впалъ въ долги. А за князей Долгоруковыхъ еще болѣе должно опасаться, что у нихъ жалованье меньше и что я не могъ имъ дать пристойныя горницы въ моемъ домѣ, будучи весь полонъ. Слѣдовательно, имъ никакимъ образомъ нельзя надѣяться имѣть учителей, которые здѣсь

платятся весьма дорого. Къ тому мое жалованье, такъ какъ теперь все втрое дороже, не позволяетъ мнѣ держать изъ него трехъ дворянъ посольства; это жалованье недостаточно и для меня съ тридцатью служителями... Александръ Гавриловичъ Головинъ, бывшій посломъ здѣсь предо мною, получалъ жалованья 48,000 рублей и не былъ отягощенъ такимъ числомъ дворянъ посольства; да и всѣ здѣсь находящіеся послы, изъ коихъ испанскій и португальскій слишкомъ втрое получаютъ противъ моего жалованья, не имѣютъ при себѣ ни одного дворянина посольства. Потому надѣюсь, что ваше имп. велич. повелитъ прибавить мое жалованье, чтобъ я не впалъ въ долги, которые не буду въ состояніи заплатить, не имѣя собственныхъ доходовъ».

Черезъ нѣсколько дней Кантемиръ снова сообщалъ о своихъ дворянахъ: «Головиныхъ я отдалъ въ пансіонъ къ учителю, потому что по французски ничего не знаютъ, да и въ другихъ наукахъ слабы, такъ что черезъ годъ смогутъ употреблены быть къ дѣлу. Князья же Долгорукіе начнутъ скоро заниматься у меня перепиской не секретныхъ дѣлъ и для этого наняты комнаты противъ моего двора»...

Прошеніе Кантемира о прибавкѣ жалованья въ виду увеличивающихся расходовъ не произвело въ Петербургѣ никакого впечатлѣнія; но извѣстіе о долгахъ Лиліенфельда не осталось незамѣченнымъ: «Хотя дворянинъ посольства Лиліенфельдъ,—писали Кантемиру,—не имѣетъ права просить о заплатѣ долговъ и мы не намѣрены вводить этого обыкновенія, такъ какъ всякій долженъ сообразовать расходы съ доходами; но чтобы Лиліенфельдъ дальнѣйшимъ тамъ пребываніемъ не впалъ въ бо́льшіе долги, мы изъ особливой милости и не въ примѣръ другимъ соизволили дать ему позволеніе къ возвратному оттуда выѣзду». Съ этимъ вмѣстѣ приказывалось Кантемиру выдать Лиліенфельду 400 руб. на уплату долговъ и сумму, нужную на проѣздъ въ Петербургъ, и притомъ въ такое время, когда нашъ посолъ самъ сидѣлъ безъ денегъ.

Вслѣдъ затѣмъ явился въ Парижъ поручикъ Андрей Ефимовскій, одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ императрицы Елизаветы, съ предписаніемъ, чтобъ онъ жилъ при послѣ дворяниномъ посольства, чтобъ имѣлъ средства заниматься науками и чтобъ посолъ старался приготовить его къ царской службѣ. На все это назначалось пятьсотъ рублей въ годъ. На это Кантемиръ отвѣчалъ: «я буду стараться, чтобы онъ сдѣлалъ успѣхи въ наукахъ, но съ такимъ жалованьемъ не изъ чего будетъ нанимать

для него учителей, безъ коихъ обходятся и князья Долгорукіе [1]). Ефимовскій привезъ къ Кантемиру рекомендательное письмо отъ своего родственника Воронцова, съ которымъ Кантемиръ только передъ этимъ завелъ переписку по разнымъ своимъ дѣламъ и которому услужить долженъ былъ даже по разсчету. «Вчерась прибылъ сюда г. Ефимовскій,—писалъ онъ въ отвѣтъ на письмо Воронцова,—которому я по своей крайней возможности услуги свои оказать не премину. Но между тѣмъ не мало удивляюся, что онъ сюда присланъ только съ 500 руб. жалованья. Такая малая сумма не станетъ ему на одно платье, почему никакимъ образомъ мастеровъ (учителей) ему имѣть не можно, меньше же водить обхожденія съ людьми, которое всякой науки нужнѣе. Ежели вашимъ старательствомъ ему не будетъ то жалованье удвоено, я предвижу съ немалымъ сожалѣніемъ, что поѣздка его сюда будетъ безплодна и небезостудна (не безъ стыда) не только затѣмъ, что долги наживетъ конечно, но и для того, что долженъ будетъ жить не согласно своему имени, которое я между тѣмъ присовѣтовалъ ему таить. Сіе я пишу, вѣдая ваше съ нимъ сродство; но не хотѣлъ бы, чтобъ кромѣ васъ въ другія уши мои рѣчи доходили, чтобъ не показалося, что я жалуюся» [2]). Это письмо такъ испугало родню Ефимовскаго, что онъ тотчасъ же былъ отозванъ въ Петербургъ. Но по разсчету Кантемира 400 руб., присланные ему на дорогу, оказались недостаточными, чтобы ѣхать сухимъ путемъ, и онъ былъ отправленъ черезъ Голландію моремъ [3]).

Затѣмъ, въ концѣ апрѣля 1743 года Кантемиръ извѣщалъ русскій дворъ: «третьяго дня прибыли князья Петръ и Александръ Хованскіе, надъ которыми я буду по возможности наблюдать, чтобы они были прилежны въ обученіи наукъ». А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ получилъ такой рескриптъ: «Желая дать малолѣтнему графу Ягужинскому въ сиротствѣ его такое воспитаніе, которое ему слѣдуетъ по отцу и чтобъ былъ въ состояніи впослѣдствіи быть въ нашей службѣ, мы его вскорѣ

[1]) Впослѣдствіи князь Александръ Сергѣевичъ Долгоруковъ служилъ секретаремъ посольства въ Мадридѣ, а князь Владиміръ Сергѣевичъ посланникомъ при дворѣ Фридриха Великаго: „Обширный умъ,—говорится о немъ его потомкомъ,—разнообразность свѣдѣній, любезность въ обхожденіи и рѣдкое остроуміе пріобрѣли ему уваженіе сѣвернаго героя и вмѣстѣ съ тѣмъ честь быть, вопреки берлинскому этикету, нѣсколько разъ въ недѣлю собесѣдникомъ Фридриха". Проведя въ Берлинѣ 25 лѣтъ, онъ возвратился въ отечество и прожилъ въ Москвѣ до самой смерти 1803 года. (Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ, 1840).

[2]) Архивъ кн. Воронцова, т. I, письма Кантемира.

[3]) Тамъ же, стр. 357.

пошлемъ въ Парижъ, чтобъ онъ могъ быть тамъ воспитанъ подъ смотрѣніемъ и управленіемъ добраго гофмейстера и обученъ лучшими мастерами (учителями) всѣмъ по его состоянію и лѣтамъ наукамъ. По прибытіи его въ Парижъ вы не только приставьте къ нему въ гофмейстеры способнаго человѣка, которому можно поручить его воспитаніе, но и помѣстите его въ пансіонѣ при добраго состоянія людяхъ, и намъ пріятно было бы, если его квартира будетъ недалеко отъ вашей, чтобъ вы могли какъ можно чаще навѣдываться объ его успѣхахъ и поведеніи. На все это будетъ отпускаться довольная сумма».

На это Кантемиръ отвѣчалъ, что дядьку для молодого графа Ягужинскаго онъ пріискалъ, человѣка искуснаго, честнаго и надежнаго. «Но понеже такого состоянія люди не дешевы, онъ требуетъ въ годъ не менѣе 3000 франковъ» [1]).

Черезъ нѣсколько дней Кантемиръ послалъ смѣту во что должно обойтись содержаніе и воспитаніе въ Парижѣ молодого графа. Вышла сумма въ три тысячи рублей. «То содержаніе мною умѣрено среднее,—прибавлялъ онъ,—понеже въ немъ ни экипажъ, ни богатое платье, ни неизбѣжная въ здѣшнемъ городѣ игра, еслибъ онъ имѣлъ ѣздить въ господскіе дома, не включены, и къ тому же цѣна апартамента, въ той росписи показанная, не станетъ развѣ на апартаментъ второго яруса, состоящій въ трехъ комнатахъ съ маленькимъ кабинетомъ; вся сумма той росписи съ небольшимъ 3000 руб. Такими деньгами можно будетъ его здѣсь содержать и воспитывать довольно честно и наставлять искусными мастерами подъ надзираніемъ искуснаго гофмейстера. Возможно и до 2000 рублей потребныя на него издержки сбавить, умаляя его пищу и число учителей, также употребляя учителей среднихъ и давъ ему дядьку поплоше того, котораго я пріискалъ; но въ такомъ случаѣ меньше прожу отъ того воспитанія ожидать должно. Дядька есть главнѣйшій артикулъ издержки, понеже кромѣ его жалованья, на которое одно положено 600 руб., будучи должно его кормить при столѣ графскомъ, платежемъ за кушанье и за вино для него удваивается, а въ апартаментѣ нужно имѣть лишнюю комнату. Безъ дядьки здѣсь отчасти съ нуждою господа Головкины и князья Хованскіе пробавляются на тысячу руб. въ годъ; но обученіе ихъ потому-жъ идетъ тихо и выбираютъ не лучшихъ учителей».

Сумма, высчитанная Кантемиромъ, показалась огромною: «Вы исчислили очень большую сумму, писали ему, и намъ кажется,

[1]) Въ рублѣ въ то время считалось пять франковъ.

что малолѣтняго можно содержать и на 1,500 руб. и вы постарайтесь найти для него гофмейстера и квартиру и прочее подешевле».—«Подлинно тѣми деньгами онъ здѣсь содержанъ и порученъ быть не можетъ», отвѣчалъ Кантемиръ, но обѣщалъ пріискивать гофмейстера подешевле. Болѣзнь, а затѣмъ и смерть Кантемира не позволили ему принять участіе въ воспитаніи юноши.

Стѣснительныя денежныя обстоятельства Кантемира вызывали его на длинную переписку съ дворомъ и особенно съ Воронцовымъ, черезъ котораго онъ думалъ дѣйствовать на императрицу и на Бестужева. Онъ исполнялъ всѣ покупки для двора и разныя порученія, требовавшія расходовъ, платилъ даже долги русскихъ дворянъ; но на все это денегъ изъ Россіи ему не присылали. «Три года уже минулось,—писалъ онъ въ сентябрѣ 1743 года,—какъ ко мнѣ на чрезвычайные расходы ничего не переслано, такъ что накопилась сумма важная 19,147 руб., и понеже по здѣшней дороговизнѣ и по недостатку моихъ собственныхъ доходовъ я въ такіе важные долги здѣсь впасть принужденъ былъ; уже до того дѣло доходить, что я при купцахъ и при банкирѣ своемъ кредиту лишаясь, претерпѣваю крайнюю нужду». Особенно плачевнымъ стало положеніе нашего посла съ тѣхъ поръ, какъ маркизъ Шетарди былъ отозванъ отъ русскаго двора, т.-е. съ половины 1742 года: Кантемиру приказано было сложить съ себя высшій посольскій характеръ и считаться только полномочнымъ министромъ, которому обыкновенно полагалось жалованья 8,000 руб. Приходилось значительно измѣнить свой образъ жизни, сократить всѣ расходы, что всегда дѣлается съ большимъ трудомъ и въ частной жизни, не только въ оффиціальной. «Что положеніе моего характера будучи дѣломъ двухъ дворовъ,—писалъ онъ императрицѣ,—ни я самъ себя обиженнымъ не чаялъ сложеніемъ посольскаго, ни при дворѣ и народѣ здѣшнемъ дѣло то персональнымъ мнѣ не почтено; а ежелибъ послѣ того пониженія характера я принужденъ былъ распустить большую половину служителей, распродать половину лошадей, нанять малый домъ и однимъ словомъ здѣшнее свое содержаніе сбавить и почти въ одинъ разъ себя поставить съ послѣдними министрами малѣйшихъ дворовъ, такъ при дворѣ здѣшнемъ, какъ и въ народѣ имѣетъ оттого произойти мнѣ крайняя остуда, крайняя невозможность предлежитъ пробавиться мнѣ здѣсь 8,000 рублей, будучи отягощенъ многими и самой вашего императорскаго величества служителями; а имъ здѣсь безъ моего спомоществованія изъ опредѣленнаго имъ жалованья никакимъ же образомъ и пропитаться не можно».

Съ этимъ вмѣстѣ Кантемиръ просилъ выдавать ему прежнее посольское жалованье. «Или буде пребываніе мое здѣсь не нужно, повелѣть меня отъ здѣшняго двора отозвать, оплатя долги мои»...

Въ то же время Кантемиръ писалъ о томъ же къ Воронцову: «Между важными многими дѣлами вашему превосходительству весьма легко мою нужду предать забвенію; но мнѣ она безъ отдыху на спину валится... Я не знаю, моя одиннадцатилѣтняя ревностная и вѣрная служба заслужила ли наказанія, а такую убавку жалованья я подлинно въ награжденіе принять не могу... Прошу, чтобъ меня отсюда отозвать, прежде чѣмъ введенъ буду въ остуду... Дѣло идетъ по крайней мѣрѣ о 5,000 руб. въ годъ, ежели я здѣсь буду оставленъ, что мнѣ особливо желательно, и та сумма не такой важности, чтобъ ея императорское величество хотѣла для нея ущербити славу свою въ здѣшнемъ народѣ; а то подлинно, что по жизни министровъ вездѣ судятъ о великолѣпности двора, къ которому они принадлежатъ. Не мало и самимъ ея императорскаго величества дѣламъ пользуетъ, чтобъ я не былъ здѣсь обезчещенъ, ибо мало слушаютъ министра, котораго видятъ, что самъ его дворъ презираетъ».

Бестужевъ, какъ видно, не былъ расположенъ къ Кантемиру и не обратилъ вниманіе на его доводы. Въ началѣ 1743 года русскому послу было объявлено, что онъ будетъ получать жалованья по 8,000 р. въ годъ и даже не упомянуто объ его прошеніи объ отставкѣ. «Подтвержденіе вѣдомости,—писалъ онъ Воронцову,—объ убавкѣ моего жалованья до такой суммы, которою здѣсь никому честно прожить не можно, такую мнѣ печаль наложило, что не однажды въ день желаю, чтобъ настоящая моя болѣзнь какъ можно скорѣе меня на тотъ свѣтъ свела къ безпечалію... Печаль моя не позволяетъ мнѣ распространяться: понеже ей-ей чуть съ ума не схожу, видя себя въ такой тѣснотѣ, въ какой никогда еще себя не видалъ... Долги мои прибавляяся ивo дня въ дни, нужда моя времени не терпитъ, и если банкиры мои увѣдаютъ объ убавкѣ жалованья, то я кредитъ потерявъ, какъ и жить здѣсь—не знаю».

Слезная просьба Кантемира подѣйствовала: ему возвратили прежнее посольское жалованье и на нѣсколько мѣсяцевъ успокоили. «Я больше вами одолженъ, чѣмъ сродниками своими», въ радости писалъ Кантемиръ Воронцову.

Впрочемъ, много непріятностей приходилось пережить русскому послу. Одною изъ самыхъ чувствительныхъ было приказаніе отъ русскаго двора уволить отъ службы секретаря его,

Гросса, который былъ самымъ дѣятельнымъ его помощникомъ и другомъ. Кантемиръ принялъ его въ посольскую службу еще въ Лондонѣ, по просьбѣ старшаго его брата, бывшаго своего учителя, академика Гросса. Младшій Гроссъ оказался весьма дѣятельнымъ и способнымъ дипломатомъ, такъ что Кантемиръ, довольный имъ, взялъ его съ собою и въ Парижъ. Старшій братъ еще въ предшествовавшее царствованіе жилъ въ домѣ Остермана, наблюдая за образованіемъ его сыновей и считаясь повѣреннымъ въ дѣлахъ брауншвейгскаго двора. Когда съ воцареніемъ Елизаветы Остерманъ палъ, то судная коммиссія нашла поводъ потребовать къ допросу и воспитателя. Оказалось, что въ бумагахъ Остермана нашлось письмо о тайныхъ сношеніяхъ принцессы Елизаветы съ Швеціею въ 1741 году; копія съ него была писана рукою Гросса. Этого было достаточно, чтобъ къ нему отнеслись съ угрозами. Напуганный, онъ воротился домой и застрѣлился. Вслѣдствіе этого Кантемиру былъ посланъ приказъ: обрѣтающагося при васъ секретаря Гросса, выдавъ ему заслуженное имъ жалованье, повелѣваемъ вамъ отпустить изъ службы, пересмотрѣвъ прежде его письма, не было ли между имъ и находящимся здѣсь братомъ его какой переписки о дѣлахъ нашего двора, которыя отъ него слѣдуетъ отобрать и обязать подъ присягою, чтобы не дерзалъ объявить никому о всемъ томъ, что повѣрялось ему въ бытность свою при васъ».

Кантемиръ горячо вступился за своего секретаря. «Письма его брата приходили сюда къ нему въ моемъ пакетѣ,—писалъ онъ, и почти всѣ я самъ распечатывалъ и въ нихъ ничего не содержалось, кромѣ домашнихъ дѣлъ и извѣстій о наукахъ и публичныхъ происхожденіяхъ. А его отвѣты къ брату я не читалъ, но они въ письмахъ брата его въ С.-Петербургѣ, и самъ Гроссъ просилъ, чтобъ они были разсмотрѣны и увидятъ изъ нихъ, что онъ не имѣлъ никакой корреспонденціи съ своимъ братомъ о государственныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ я долженъ засвидѣтельствовать, что, насколько можно человѣка узнать, я усмотрѣлъ чрезъ шестилѣтнее пребываніе при мнѣ Гросса, что онъ въ службѣ оказывалъ всевозможную вѣрность и ревность, тихій нравъ и много прилежности, и резолюцію объ его отставкѣ принялъ онъ съ жестокою горестію и слезами».

Отвѣтъ на это письмо пришелъ, когда Гроссъ, получивъ отставку, былъ уже въ своемъ отечествѣ въ Штутгартѣ. Во вниманіе къ просьбѣ Кантемира дозволялось снова принять его на службу, и Гроссъ снова сталъ его правою рукою.

Какъ прежнее русское правительство, такъ и новое весьма

щекотливо относились ко всѣмъ заграничнымъ газетнымъ статьямъ о Россіи. На посла возлагалась обязанность слѣдить за ними, доносить двору и печатать возраженія противъ тѣхъ, которыя затрогивали честь государства. Особенно много пришлось писать и печатать по дѣлу о заговорѣ маркиза Ботты. Такъ какъ тутъ замѣшанъ былъ и австрійскій дворъ, то и съ его стороны печатались возраженія и обвиненія. Очень многіе интересовались всѣмъ этимъ дѣломъ. Чтобы дать имъ возможность прослѣдить его послѣдовательно, Кантемиръ просилъ одного изъ своихъ друзей собрать въ хронологическомъ порядкѣ все, что въ русскомъ посольствѣ получено было отъ своего двора и что было напечатано отъ вѣнскаго относительно этого дѣла. Когда такимъ образомъ была составлена книга, то Кантемиръ секретно обратился къ французскому канцлеру съ просьбою дозволить напечатать ее. Этотъ послѣдній потребовалъ рукопись для прочтенія и уже не возвращалъ ее, несмотря на всѣ настоянія Кантемира.

Не мало пришлось ему хлопотать и объ отысканіи автора какого-то памфлета на русскій дворъ. «Издатель Русетъ, писалъ онъ, указалъ на здѣшняго жителя Пистау; посылалъ въ здѣшнюю полицію узнать, гдѣ тотъ Пистау живетъ, но никто о таковомъ человѣкѣ не слыхалъ, и чаютъ, что имя его то вымышленно и для прикрытія своего нарочно въ корресподенціи употребляетъ». Въ другомъ письмѣ онъ сообщаетъ: «въ полиціи обѣщались усугубить домогательство въ изслѣдованіи памфлетиста Пистау и, быть можетъ, напослѣдокъ его доищутся по даннымъ отъ Русета признакамъ, хотя въ томъ довольно времени потребуется за безмѣрнымъ многолюдствомъ здѣшняго города, въ которомъ такой человѣкъ долго утаить себя можетъ».

Конечно, всѣ полицейскія обѣщанія оставались безъ исполненія.

Вотъ еще интересное донесеніе Кантемира:

«Одинъ изъ здѣшнихъ авторовъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ черезъ меня испросилъ позволеніе дедиковать (посвятить) вашему императорскому величеству свое сочиненіе о исправленіи театровъ, встрѣтилъ многія трудности со стороны здѣшняго министерства въ напечатаніи этой дедикаціи съ вашимъ императорскимъ титуломъ; но напослѣдокъ то затрудненіе министерство отложило, однакожъ съ тою осторожностію, чтобъ эта книга была напечатана безъ обыкновенной апробаціи и съ заказомъ ему о томъ мнѣ сообщить. Мнѣ весьма удивительно, что Амелотъ рѣшился вмѣшать свой авторитетъ въ такое дѣло, которое по своей

маловажности не заслуживаетъ, потому что помянутая дедикація никакой не можетъ имѣть консеквенціи для здѣшняго двора...»

Интересенъ также присланный Кантемиру указъ, которымъ запрещалось ввозить въ Россію русскія богословскія книги, печатанныя за границею, равнымъ образомъ и переводныя съ иностранныхъ языковъ. «Я прилежно смотрѣніе имѣть буду,—отвѣчалъ Кантемиръ,—чтобъ обрѣтаемые здѣсь дворяне посольства никакихъ богословскихъ книгъ переводить не принимались».

У насъ есть неизданное письмо Кантемира къ неизвѣстному лицу [1]), автору какой-то книги, посвященной императрицѣ Аннѣ (письмо подписано 6 ноября 1739 г.) со стихами, воспѣвающими ея добродѣтели «для ея прославленія въ отдаленномъ потомствѣ». Въ немъ Кантемиръ увѣдомляетъ автора, что онъ послалъ къ русскому двору стихи съ переводомъ на русскій языкъ и съ примѣчаніями, чтобы могли «понять во всей глубинѣ всю ихъ красоту и возвышенность». Такъ какъ отвѣтъ на это посланіе не былъ полученъ отъ Остермана, то Кантемиръ, оправдывая вице-канцлера количествомъ важныхъ дѣлъ, изъ-за которыхъ часто забываются не очень важныя, совѣтовалъ автору самому обратиться съ письмомъ къ нему, увѣряя, что русскій министръ и справедливъ, и учтивъ, и проницателенъ, слѣдовательно не оставитъ его безъ отвѣта. Конечно, льстецъ-французъ ожидалъ себѣ подарка, и Кантемиру приходилось сочинять разныя письма съ обнадеживаніями, чтобы корыстолюбивый стихотворецъ изъ льстиваго друга не обратился въ бранчиваго врага.

V.

Отношеніе Кантемира къ французскому двору.—Ученыя занятія.—Монтескье.—Литературные труды.

Изъ депешъ Кантемира мы не видимъ, чтобы онъ охотно принималъ большое участіе въ свѣтской жизни французскаго двора. Въ апрѣлѣ 1742 года онъ писалъ: «Кромѣ аудіенціи, король во все пребываніе мое здѣсь почтилъ меня разговоромъ только четыре раза. Королева слишкомъ годъ по моемъ прибытіи сюда пребывала со мною *въ молчаніи*, и это, какъ я узналъ отъ одной изъ ея дамъ, помня сопротивленіе русскаго двора противъ короля Станислава (Лещинскаго, ея отца); но потомъ совершенно измѣнилась, и теперь, какъ часто я ни хожу, ея

[1]) Изъ автографовъ П. Я. Дашкова.

величество всегда съ особливою милостью изволитъ адресовать ко мнѣ рѣчь... Во время обѣда послы обыкновенно становятся вокругъ стола и гофмейстеры стараются, чтобы никто не становился предъ ними. Дельфинъ (дофинъ) и принцессы весьма мало говорятъ; но вмѣсто того ихъ гофмейстеры отзываются то къ одному, то къ другому. *Ко мнѣ рѣже всѣхъ другихъ*»...

Въ письмѣ къ неизвѣстному намъ лицу отъ 6 ноября 1739 г. изъ Фонтенбло Кантемиръ писалъ: «Вы видите, что я послѣдовалъ за дворомъ въ Фонтенебло, а вы знаете, какую тамъ ведутъ жизнь: les jours se passent moitié à ne rien faire, et l'autre à faire de riens, какъ сказалъ какой-то поэтъ. Между тѣмъ, мнѣ нужно пѣть въ унисонъ съ другими, если я хочу, чтобы давали вѣру всему хорошему, что́ вы говорите о моемъ народѣ. Обыкновенно судятъ о всемъ народѣ по одному лицу, которое его представляетъ, и меня бы почли за дикаря, невѣжу, неуча, если бы я не забавлялся весь день au Cavagniole, и если бы спалъ всѣ ночи. Я надѣюсь, что вы охотно простите мое невольное молчаніе, хотя бы даже причиною его было развлеченіе».

Другъ Кантемира, аббатъ Венути сообщилъ въ его біографіи, что, живя въ такомъ городѣ, гдѣ удовольствія представляются на каждомъ шагу, и притомъ будучи въ такомъ цвѣтущемъ возрастѣ, когда они обыкновенно нравятся, онъ велъ жизнь философа или даже отшельника. Его общество ограничивалась небольшимъ числомъ друзей, по бо́льшей части ученыхъ. Изъ придворныхъ біографъ указываетъ только на два лица, изъ нихъ одна женщина. По пріѣздѣ въ Парижъ, Кантемиръ сталъ знакомиться съ французской литературой и вступилъ въ дружескія связи съ учеными, принялся за изученіе физики, въ особенности алгебры, и черезъ два года написалъ о ней книгу; но она осталась въ рукописи, судьба которой неизвѣстна. По свидѣтельству того же біографа, онъ особенно былъ способенъ къ математическимъ наукамъ, такъ какъ его умъ отличался точностью и положительностью. О чемъ бы онъ ни разсуждалъ, о политикѣ ли, искусствахъ или наукахъ, онъ всегда установлялъ общія начала, выводилъ изъ нихъ слѣдствія и прямо шелъ къ истинѣ. Это свойство его ума, конечно, и сблизило его съ славнымъ въ свое время математикомъ-философомъ, другомъ Фридриха Великаго, Мопертюи. Черезъ посредство Кантемира онъ былъ выбранъ членомъ-корреспондентомъ петербургской акаде́міи наукъ. Академія сдѣлала прекрасное пріобрѣтеніе въ лицѣ Мопертюи, — писалъ онъ къ президенту академіи барону Корфу, — и съ своей стороны онъ очень чувствителенъ къ чести считаться въ числѣ членовъ ака-

деміи. Здѣсь онъ въ большомъ почетѣ среди ученыхъ мужей и неутомимъ въ трудѣ». Онъ же много хлопоталъ, чтобы Мопертюи назначали пенсію отъ петербургской академіи. «Тысяча ливровъ или десять [1]), ему все равно: онъ ищетъ только чести, — писалъ онъ къ тому же лицу: — всѣ его друзья (а ихъ у него очень много) просятъ за него, чтобы я убѣдилъ васъ доставить ему это удовольствіе. Если моя рекомендація имѣетъ нѣкоторый вѣсъ у васъ, то вы меня лично обяжете, сдѣлавъ что-нибудь въ пользу г. Мопертюи. Онъ разсчитываетъ посылать въ академію по крайней мѣрѣ по двѣ диссертаціи въ годъ, а если потребуются, то и болѣе». Такъ просить, какъ просилъ Кантемиръ въ своихъ письмахъ къ барону Корфу, можно только за человѣка очень близкаго. «Мнѣ всегда казалось, что ему ради чести хочется получать отъ нашей императрицы небольшую пенсію; но онъ никогда не просилъ ее, такъ какъ изъ скромности ему кажется, что онъ не заслужилъ этого. Между тѣмъ степень, которую онъ занимаетъ среди ученыхъ, дѣлаетъ его достойнымъ такого великодушія, какое императрица показываетъ людямъ, разрабатывающимъ науки съ особеннымъ успѣхомъ на пользу человѣчеству... Двѣсти рублей пенсіона сдѣлали бы много шуму во Франціи, а академія этимъ воспользовалась бы, такъ какъ она стала бы помѣщать въ своихъ комментаріяхъ статьи первокласснаго ученаго» [2]).

Въ дружескихъ сношеніяхъ Кантемиръ былъ и съ извѣстнымъ Монтескье, котораго «Персидскія письма» въ то время читались всею образованною Европою. Кантемиръ позаботился перевести ихъ на русскій языкъ; но переводъ до сихъ поръ остался неизданнымъ; неизвѣстно даже, куда дѣлась и самая рукопись.

Судя по словамъ Венути, Кантемиръ часто бывалъ въ религіозномъ настроеніи. Это же самое видно и изъ одиннадцати его писемъ къ какой-то русской госпожѣ [3]). Всѣ вмѣстѣ они составляютъ цѣльный трактатъ о нравственной философіи и космологіи, и, видимо, это есть плодъ прилежнаго чтенія многихъ книгъ богословскихъ, философскихъ и естественно-историческихъ. Они пока-

---

[1]) Получать пенсію отъ двора у французскихъ писателей и ученыхъ считалось большою честью. Ея добивались даже люди со средствами для жизни.

[2]) Эта переписка относится къ 1739 и 1740 годамъ.

[3]) Бантышъ-Каменскій въ своемъ словарѣ указываетъ на *одиннадцать писемъ къ одной французской госпожѣ;* но какъ же они написаны на русскомъ языкѣ? Эти письма списаны мною съ рукописи имп. публ. библіотеки и переданы П. А. Ефремову, для изданія въ полномъ собраніи сочиненій Кантемира 1867 г.

зываютъ обширную начитанность автора и основательныя познанія изъ разныхъ научныхъ сферъ, познанія, на которыхъ онъ выработалъ себѣ твердыя убѣжденія [1]). Съ нимъ можно не соглашаться, его взгляды можно называть односторонними, но нельзя не видѣть въ немъ человѣка честно мыслящаго и дорожащаго только одною истиною. Это сочиненіе имѣетъ тѣсную связь съ тогдашнею европейскою литературою и вызвано тѣмъ скептицизмомъ, который начиналъ шевелить многіе умы. Оно написано по всей вѣроятности на минеральныхъ водахъ, гдѣ Кантемиръ провелъ нѣсколько недѣль въ совершенномъ уединеніи, вдали отъ всѣхъ служебныхъ заботъ. Эта отшельническая жизнь, о которой онъ говоритъ въ своихъ письмахъ, и дала ему возможность найти въ собственномъ разумѣ опору противъ тѣхъ сомнѣній, которыя могли нарушать покой его души. Нельзя не замѣтить, что въ это же время и другъ его Мопертюи обрабатывалъ тѣ же самыя темы, о которыхъ оба они, вѣроятно, не разъ бесѣдовали вмѣстѣ. Въ его сочиненіяхъ «Essai de cosmologie» и «Essai de philosophie morale» отражаются ученія Ньютона и Локка. Хотя Кантемиръ отчасти сходится съ нимъ въ своихъ космологическихъ взглядахъ, но мораль его во многомъ отличается отъ морали Мопертюи. Французскій ученый доказываетъ, что наша жизнь есть не что иное, какъ непрерывное теченіе пріятныхъ и скучныхъ ощущеній; изъ нихъ послѣднихъ бываетъ больше, чѣмъ первыхъ. Чтобы сдѣлаться намъ лучшими и слѣдственно счастливыми, есть два средства: одно—въ умноженіи числа благъ, которыя доставляютъ намъ пріятныя ощущенія; другое—въ уменьшеніи числа золъ, отъ которыхъ приходитъ намъ скука. Чтобы овладѣть этими средствами, человѣку только необходима нравственная свобода или воля. Христіанство указываетъ намъ, что̀ должно вести насъ къ вѣчному блаженству, т.-е. общая любовь къ ближнему. Это же самое должно служить и въ жизни, чтобы достигнуть въ ней наибольшаго благополучія, свойственнаго нашей природѣ. Кантемиръ же доказываетъ, что главное счастіе въ жизни состоитъ въ душевномъ спокойствіи, котораго чаще всего лишаютъ насъ собственныя страсти; слѣдовательно, чтобы достигнуть его, нужно научиться сдерживать страсти и довольствоваться умѣренностью. На мораль Кантемира имѣла вліяніе мораль Горація; но она поддерживалась и наблюденіемъ надъ тогдашней русской жизнью. Въ своихъ

[1]) Почти та же тема разработывается Кантемиромъ въ его *Письмѣ противу безбожныхъ* (См. Собран. его сочиненій, часть I, стр. 308).

сатирахъ Кантемиръ говорилъ о суетѣ, восхвалялъ уединеніе и спокойную жизнь, но не для праздности и сибаритства, а для труда и науки. Онъ видѣлъ, что со времени Петра наука должна входить въ интересы русской жизни, что безъ науки невозможно ея развитіе и что, слѣдовательно, все вниманіе прогрессивнаго русскаго человѣка должно быть обращено на нее. Это былъ самый насущный вопросъ настоящаго и будущаго. А между тѣмъ передъ его глазами пало столько сильныхъ, честолюбивыхъ и властолюбивыхъ людей, предавшихся той или другой страсти. Онъ видѣлъ, что на этомъ скользкомъ поприщѣ нѣтъ возможности заниматься наукою, которая требуетъ душевнаго спокойствія. Вотъ отчего онъ часто говоритъ объ уединеніи: тамъ можно предаться наукѣ и принести отечеству пользу, какой не могъ принести ни одинъ изъ этихъ придворныхъ честолюбцевъ. Уединеніе для него немыслимо безъ занятія наукою и литературою. А съ каждымъ научнымъ или литературнымъ трудомъ у него непремѣнно соединяется мысль о пользѣ для русскаго образованія. Словомъ, истинныя потребности русской жизни вызывали его на такую дѣятельность, которая въ то время требовала особенной обстановки; слѣдовательно, нельзя сказать, что его мораль была непригодна для новой русской жизни. Она только вызывала на ту дѣятельность, для которой у насъ было еще слишкомъ мало дѣятелей и которая въ то же время должна была выдвинуться впередъ въ этой новой жизни. О ней-то особенно и думалъ Кантемиръ. Какъ онъ смотрѣлъ на свои литературные труды, мы видимъ изъ писемъ его къ Воронцову. Въ половинѣ марта 1743 года, за годъ до своей смерти, онъ писалъ: «Я смѣлость принялъ отправить къ вашему прев-у три книги рукописныя моего сочиненія и переводу: 1) сатиры мои, 2) Іустинъ-историкъ, переведенъ съ латинскаго, да 3) переводъ греческихъ Анакреоновыхъ пѣсенъ на русскихъ стихахъ [1]). Всѣ тѣ книжки я смѣлость принялъ посвятить ея имп. величеству и ваше прев. поворнѣйше прошу оныя ея величеству поднести. Іустинъ и Анакреонъ подлинно печати достойны; что же принадлежитъ до моихъ сатиръ и приложенныхъ при семъ стиховъ, ея имп. вел. изволитъ сама судити, должно ли ихъ въ люди показати или нѣтъ. Я ихъ сочинилъ въ одномъ томъ намѣреніи, чтобъ, охуляя злонравіе, подать охоту злонравнымъ исправляться, и столь то мое намѣреніе невинное, что потому смѣлость принялъ самой ея имп. величеству оной мой трудокъ приписать рѣчью, которая въ

[1]) Эти два перевода написаны Кантемиромъ еще въ Лондонѣ.

началѣ книжицы найдется... Прошу извинить меня, что я сими бездѣлками вамъ докучаю. На то я отважился по словамъ господина Шетардія, который мнѣ изъяснилъ, сколь вы къ наукамъ и къ читанію охотники; почему чаялъ, что вашему превосходительству не будетъ противно по меньшей мѣрѣ тѣ мои сочиненійцы прочесть»... [1]).

Здѣсь надо замѣтить, что Кантемиръ не былъ лично знакомъ съ Воронцовымъ и вступилъ съ нимъ въ переписку черезъ посредство своей сестры, которая не разъ къ нему обращалась съ просьбами по своимъ дѣламъ и всегда находила въ немъ готовность помогать ей. Въ другомъ письмѣ Кантемиръ проситъ Воронцова дозволить другу его, князю Николаю Юрьевичу Трубецкому, переписать книгу сатиръ, если она не тотчасъ же будетъ передана для печати въ типографію академіи наукъ, гдѣ въ то время печатались всѣ книги нерелигіознаго содержанія.

«Желалъ бы я,—прибавляетъ онъ,—чтобъ по меньшей мѣрѣ всѣ тѣ три рукописныя книги отданы были для сохраненія въ императорскую библіотеку, понеже у меня столь исправной копіи уже не осталося»... Затѣмъ въ письмѣ, посланномъ черезъ мѣсяцъ, читаемъ слѣдующее: «Къ особливому моему удовольствію служитъ, что ея имп. вел. изволитъ читать мои реляціи и что всемилостивѣйше апробуетъ намѣреніе мое въ поднесеніи моихъ книжекъ. Изъ тѣхъ реляцій усмотрѣна будетъ моя ревность къ службѣ; а въ сихъ, что излишніе свои часы я употребляю, можетъ быть, не безъ пользы. Вашему прев-ству покорнѣйше благодарствую за обѣщанное старательство въ напечатаніи оныхъ»... «Сколько принадлежитъ до моихъ книжекъ,—писалъ онъ опять черезъ нѣкоторое время,—они столько счастливы, сколько я, что вы изволили принять ихъ въ свою опеку. Двѣ изъ оныхъ, будучи голой переводъ, могу сказать, что печати достойны; а о сатирахъ моихъ судить другимъ оставляю»... Но прошло много мѣсяцевъ, а Кантемиръ не зналъ объ участи своихъ книжекъ. «Покорно прошу дать мнѣ знать,—писалъ онъ въ концѣ 1743 года къ Воронцову,—что сдѣлалось съ моими книжками и какова ихъ удача. Будутъ ли они напечатаны, и для того оставлены въ академіи или везутся въ Москву [2])? О изданіи сатиръ я немного, какъ о своихъ неважныхъ трудахъ, пекуся; но Іустинова исторія могла бы быть въ нашемъ народѣ полезна».

Кантемиръ очень много заботился объ изданіи своихъ тру-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, т. I. Письма Кантемира.

[2]) Вслѣдъ за императрицею, куда она отправилась на годъ.

довъ, написалъ даже наставленіе типографскому наборщику, какъ печатать ихъ, прислалъ разныя доски для украшенія книги и для заглавныхъ буквъ; но не пришлось ему видѣть ихъ въ печати. По всей вѣроятности о книгахъ его забыли, такъ какъ вскорѣ затѣмъ послѣдовала его смерть, и некому было принять къ сердцу исполненіе его желанія. Переводъ Іустиновой исторіи, о которомъ онъ особенно заботился, неизвѣстно куда дѣлся, а стихи его сохранились въ другой рукописи, присланной къ кому-то изъ пріятелей, вмѣстѣ съ письмомъ, которое дошло до насъ:

«За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, писалъ онъ, вы требовали отъ меня вѣдать, упражняюсь ли я въ сочиненіи стиховъ и буде какія вновь сочинилъ, желали, чтобъ я оныя вамъ переслалъ. Истинно въ то время я вамъ отвѣтствовалъ, что, вступая въ новую должность, времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишніе часы прилежать позволено. Потомъ удалось мнѣ три новыя сатиры, нѣсколько пѣсней, басенъ и другихъ малыхъ твореній составить; но, усматривая слогъ ихъ весьма различный отъ прежнихъ моихъ сочиненій, которыя до отъѣзда моего изъ отечества и безъ моей воли въ люди вышли [1]), принялся сіи исправить. Не мало въ томъ труда я положилъ, находя въ нихъ многія несовершенства и недостатки, много въ нихъ отмѣнилъ, много прибавилъ, больше же убавилъ, и могу сказать, что почти всѣ снова передѣлалъ. Понеже вамъ, государю моему, прежде сего мои сочиненійцы явились отчасти угодны, отваживаюся исправленныя и новыя, всѣ въ одну книжку собранныя, при семъ къ вамъ отправить, больше для исправленія, нежели для прочитанія и чтобъ лишнихъ моихъ часовъ употребленіе вамъ было извѣстно»...

Изъ этого письма видно, что вторая рукопись, посланная къ пріятелю, была полнѣе той, которая назначалась для представленія императрицѣ и для печати. Въ этой не было мелкихъ стихотвореній Кантемира. Оригиналомъ для печатанія въ 1762 году послужила пріятельская рукопись.

Изъ трехъ сатиръ Кантемира, прибавленныхъ къ прежнимъ пяти, одна написана еще въ Лондонѣ въ началѣ 1738 года, другія двѣ въ Парижѣ, въ слѣдующемъ году. Первая, названная «О истинномъ блаженствѣ», выражаетъ ту мораль жизни, о которой мы говорили. Здѣсь-то Кантемиръ высказываетъ свое

[1]) Они не были напечатаны, но распространялись въ рукописяхъ.

сочувствіе скромной уединенной жизни, гдѣ бы «могъ съ другомъ, выбраннымъ по своему нраву»—

Въ лишни часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ-бъ отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ кертыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно.

На ряду съ такимъ человѣкомъ онъ ставитъ честолюбца, который пробивается на высшія ступени. Ему нѣтъ покоя:

Съ пѣтухами пробудясь, нужно потащиться
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ передняхъ томиться.

Такъ проходитъ весь день, въ бесѣдѣ съ холопами, не смѣя ни сморкнуть, ни кашлянуть; безпокойно проходитъ и ночь въ думѣ, къ кому поутру нужно еще бѣжать—

Передъ кѣмъ гнуть шею и спину,
Что слугѣ въ подарокъ, что понесть господину...
Господскую сносить спѣсь, признавать, что родомъ
Моложе Владиміра однимъ только годомъ,
Хоть ты помнишь, какъ отецъ носилъ кафтанъ сѣрый,
Кривую жену его называть Венерой....

И за все это получишь какой-нибудь маленькій чинъ, и тогда начинается твоя *служба* — военная, гражданская, или придворная, какъ означено въ табели о рангахъ; но покоя ни одна не представляетъ, а между тѣмъ «славолюбіе свищетъ въ ушахъ»: кто ищетъ славы, тому трудно остановиться на первой степени; лѣтъ тридцать продолжаетъ онъ свою бѣдную жизнь, чтобы въ дряхлости добѣжать до своей цѣли. Вотъ ужъ ты надъ собою знаешь только царскую власть, —

Человѣческъ родъ весь ужъ подъ тобою,
Какъ червякъ ползетъ, однимъ взглядомъ ты наводишь
Мрачну печаль, и однимъ—радости свѣтъ вводишь,
Всѣ тебя, какъ бы божка, кадить и чтить тщатся,
Всѣ больше, чѣмъ чучела вороны, боятся.

Живешь ты въ роскоши, само искусство создало твой пространный домъ...

Спишь въ золотѣ, золото на золотѣ всходитъ
Тебѣ на столъ и холопъ твой въ золотѣ ходитъ...

Но чувствуешь ли ты покой? Нѣтъ, сладкій сонъ убѣгаетъ съ глазъ того, кто спитъ подъ парчей; въ сердцахъ богатыхъ

таится сильная тревога. Зависть безпрестанно на тебя шепчетъ, хоть и не смѣетъ говорить вслухъ, и ты, наконецъ, погибаешь, хоть и самъ не знаешь своей вины.

Нельзя не сказать, что эти картины списаны съ тогдашней русской современности. И добро бы человѣкъ могъ прожить три вѣка, замѣчаетъ сатирикъ, а то, родясь, едва имѣетъ время оглядѣться и ужъ ползти въ могилу; да и эту короткую жизнь еще убавляютъ младенчество, старость, болѣзнь; стóитъ ли за такую малую плату сносить такой тяжкій трудъ?

Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума подъ ней и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе.

Глупо то, что съ дѣтства мы привыкли бояться нищеты, презрѣнія, потому бѣжимъ въ другую крайность, не зная въ вещахъ мѣры—

Можно скудость не терпѣть, богатствъ не имѣя
Лишнихъ, и въ тихомъ углу покоенъ сѣдѣя,
Можно славу получить, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ тобою
Народъ шапки не снималъ, хоть бы ты таскался
Пѣшкомъ, и одинъ слуга тебя лишь боялся.

«Да хоть бы невѣдомъ дни скончалъ, — прибавляетъ сатирикъ,—и по смерти остался забытымъ въ свѣтѣ, быть добрымъ есть уже само по себѣ не малая мзда». Этою мыслью и заключаетъ онъ свою сатиру.

Къ тому же времени относится басня Кантемира: «Городская и полевая мышь», взятая у Горація, который, въ свою очередь, взялъ ее у Езопа. Мораль ея Кантемиръ передаетъ такимъ образомъ:

Степень высóка, богатство бывають
Безъ бѣды рѣдко, всегда безпокойны.
Кои довольны въ тишинѣ быть знаютъ
Малымъ, тѣ зваться умными достойны.

Другая сатира Кантемира, написанная уже въ Парижѣ, носитъ названіе «О воспитаніи». Ее сатирикъ посвятилъ своему пріятелю князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, который при Аннѣ Ивановнѣ былъ въ должности генералъ-кригсъ-коммиссара. О немъ дошли до насъ разнорѣчивыя мнѣнія, всѣ впрочемъ признающія его очень умнымъ человѣкомъ, но по однимъ, онъ является честолюбивымъ, пронырливымъ, злымъ и мстительнымъ; по другимъ, справедливымъ и дѣльнымъ человѣкомъ. Любовь

въ стихотворству сблизила его съ Кантемиромъ, пріязнь котораго не охладѣла къ нему даже послѣ многолѣтней разлуки. Изъ самой сатиры не видно, почему именно ее вздумалъ сатирикъ посвятить Трубецкому. Въ ней онъ говоритъ, какъ нужно воспитать человѣка для новой жизни, отказавшись отъ старыхъ преданій и воспитательныхъ пріемовъ. Здѣсь онъ вноситъ новыя понятія, не входившія въ мораль старой русской жизни. Преобладаніемъ личныхъ интересовъ надъ общественными отличалась вся эта старая жизнь. Съ новымъ идеаломъ жизни вносилось новое понятіе о гражданинѣ, а слѣдовательно должно было явиться и новое воспитаніе. Хотя Кантемиръ и подражаетъ четырнадцатой сатирѣ Ювенала, но нельзя здѣсь не замѣтить и вліянія Джона Локка. Какъ въ сатирѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ къ ней, онъ излагаетъ тѣ мысли, которыя потомъ, слишкомъ черезъ двадцать лѣтъ, нашли у насъ примѣненіе въ воспитательной системѣ Бецкаго. Но Кантемиръ даетъ наукѣ большее значеніе, при воспитаніи, чѣмъ послѣдователи Локка екатерининской эпохи.

Сатира начинается картиною, списанною съ русской жизни:

Если-бъ я, видя кого, что съ рукъ не спускаетъ
Часовникъ и пятью въ день въ церковь побываетъ,
Постится, свѣчи кладетъ и не спитъ съ женою,
Хоть отнявъ у бѣднаго ту, что за душою
Рубашку имѣлъ, нагимъ ходить нудитъ,
Если-бъ я видя сказалъ: «дружокъ, умъ твой блудитъ;
Тѣмъ путемъ не войдешь въ рай, и буде радѣешь
Душу спасть, отдай назадъ чѣмъ худо владѣешь».
Спылавъ, ревность наградитъ мою симъ отвѣтомъ:
«Напрасно, молокососъ, суешься съ совѣтомъ».

И дѣло онъ говоритъ,—прибавляетъ сатирикъ,—мнѣ только тридцатый годъ, и ни одинъ черный волосъ не сѣдѣетъ на моей головѣ, мнѣ ли поправлять—

Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами,
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ и какъ сего года
Дѣла чигиринскаго сказуютъ похода.

У насъ обыкновенно,—замѣчаетъ сатирикъ,—все зло въ человѣкѣ приписываютъ его природѣ и потому считаютъ безполезнымъ бороться съ нимъ, а между тѣмъ если захотимъ зрѣло изслѣдовать, то должны будемъ обвинить воспитаніе:

И зналъ то, высшимъ умомъ монархъ одаренный,
Петръ, отецъ нашъ, никакимъ трудомъ утомленный,

Когда труды его намъ въ пользу были нужны:
Училища основалъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтели имѣлъ бы наставить
Младенцевъ; осмѣлился и престолъ оставить
И покой; самъ странствовалъ, чтобъ подать собою
Примѣръ въ чужихъ брать краяхъ то, что надъ Москвою
Сыскать нельзя: сличные человѣку нравы
И искусства. Былъ тотъ трудъ корень нашей славы:
Мужи вышли годные къ мирнымъ и военнымъ
Дѣламъ, внукамъ памятны нашимъ отдаленнымъ.

Но скоро все перемѣнилось: стали думать только о томъ, какъ бы оставить дѣтямъ побольше наслѣдства, а къ ихъ наставленію жалѣютъ и малѣйшаго расхода, хотя на бездѣлки бросаютъ и тысячи. За то, когда сынъ, придя въ возрастъ, окажется негоднымъ, отецъ тужитъ и стыдится, и напрасно думаетъ свалить вину съ своихъ плечъ. Далѣе сатирикъ опредѣляетъ цѣль воспитанія: утвердить въ добрыхъ нравахъ, чтобъ чрезъ то твой сынъ былъ полезенъ отечеству. Для этого всѣ науки и искусства должны подать руки; но безъ добродѣтели, если ты будешь яростенъ, гордъ, жестокосердъ, не станутъ тебя любить люди. И затѣмъ авторъ излагаетъ воспитательныя правила, не согласныя съ тѣми, которыхъ держались русскіе воспитатели:

Безпереч твердя дѣтямъ строгіе уставы,
Наскучишь: истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Если часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть...
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Чѣмъ суровость въ цѣлый годъ; кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ загладитъ
Смѣлость и безвременно торопѣть повадитъ.

Сатирикъ указываетъ на примѣръ, какъ на главную воспитательную силу, и рисуетъ картины, гдѣ худые примѣры воспитываютъ негодныхъ дѣтей:

Обычно цвѣтъ чистоты первый увядаетъ
Отрока въ объятіяхъ рабыни и знаетъ
Унесши [1]) младенецъ что, небомъ и землею
Отлыгаться предъ отцомъ—наставленъ слугою.
Слуги язва суть дѣтей.

Но всего злѣе примѣръ родителей, которые сами ведутъ безпутную жизнь, а отъ сына требуютъ, чтобъ онъ былъ доволенъ малымъ, былъ бы смиренъ, умѣлъ бы обуздывать свои похоти и

[1]) Укравши.

знался бы съ одними благонравными: тогда они пишутъ вилами по водѣ.

Далѣе, подражая Ювеналу, сатирикъ рисуетъ такую картину:

Гостя когда ждешь къ себѣ, одинъ очищаетъ
Слуга твой дворъ и крыльцо, другой подметаетъ
И убираетъ весь домъ, третій третъ посуду,
Ты самъ надъ всѣмъ настоишь, обѣжишь повсюду,
Кричишь, безпокоишься, боясь, чтобъ не встрѣтилъ
Глазъ гостевъ малѣйшій соръ, чтобъ онъ не примѣтилъ
Малѣйшу нечистоту; а ты же не тщишься
Поберечь младенцевъ глазъ; ему не стыдишься
Открыть твою срамоту...

Послѣдняя сатира «На безстыдную нахальчивость» интересна тѣмъ, что въ ней авторъ касается своей собственной личности, какъ писателя:

Меня рокъ мой осудилъ писать осторожно,
И писать съ трудомъ стихи, кои бы честь можно.

Чистая совѣсть, безпристрастіе, безкорыстіе, изученіе нравовъ, умѣнье отличить вредъ отъ пользы, выборъ труда по силамъ, внимательная обработка стиха—вотъ что было у него въ виду, когда онъ принимался за перо. Здѣсь онъ сравниваетъ себя съ искуснымъ рудометомъ, который пускаетъ кровь больному для его облегченія, наблюдая при этомъ особенную осторожность:

Того осторожности точно подражаю,
И когда стихи пишу, мню что кровь пущаю.

Здѣсь же сатирикъ не признаетъ за собою права выставлять личности: онъ долженъ хулить только злые нравы, слѣдовательно и личности переработывать въ типы. Сатира показываетъ, какъ много проигрываетъ въ жизни стыдливость и какъ выигрываетъ нахальство. Съ этой стороны она мало выработана, вышла довольно блѣдна и безъ сатирической соли и скорѣе похожа на отвлеченное разсужденіе. Заканчивается она похвалою императрицѣ Аннѣ, конечно, въ тѣхъ формахъ, какія выработала тогдашняя европейская реторика, и въ которыхъ выражалось идеальное представленіе монархической власти, соединенной со всѣми достоинствами и совершенствами. Лично за себя онъ не могъ пожаловаться на царствованіе Анны Ивановны; но онъ былъ счастливъ тѣмъ, что жилъ вдали отъ ея двора и не могъ сдѣлаться жертвою разныхъ придворныхъ интригъ. Что тамъ творилось, онъ могъ знать только по слухамъ, и ему не могло ка-

заться, что похвала его такъ расходится съ дѣйствительностью: «Анна знаетъ въ лицо вѣрныхъ слугъ добродѣтели и имъ сыплетъ обильные дары; не сильны снесть лучи ея глазъ злонравные, которымъ вся надежда въ обманѣ, какъ скиѳы (татары) и агаряне (турки) не сильны снесть перуны изъ ея рукъ».

Посвященіе императрицѣ Елизаветѣ, о которомъ упоминается въ письмѣ къ Воронцову, излагаетъ мысль, что сатирикъ не можетъ писать одъ, чтобы прославлять «племя вышнихъ боговъ въ смертномъ тѣлѣ». Самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать,— «поднести ей книжицу, въ которой съ веселымъ лицомъ пятнаются злые обычаи и нравы: Августѣ смѣлость твоя придастъ много славы». Ибо явно, что если рабъ подноситъ ей такую книжку, то весь свѣтъ признаетъ ее другомъ добродѣтели:

Вотъ книжка, обычай чѣмъ и злой нравъ пятнаю.
Многихъ лѣтъ въ ней приношу бдѣніе и поты;
Не пощадилъ, боялинъ, я своей работы;
Листъ написавъ, два иль три изодралъ, искерилъ,
Да и такъ достойну глазъ твоихъ быть не вѣралъ.

Выработавъ себѣ строгій взглядъ на литературное дѣло, Кантемиръ уже не могъ пустить въ печать свои первыя пять сатиръ, которыя написаны имъ еще въ Москвѣ,— притомъ же и самый ихъ стихъ требовалъ обработки согласно съ новой теоріей, надъ которой трудился нашъ писатель. Онъ нѣсколько сблизилъ старый силлабическій размѣръ стиховъ съ тоническимъ, введя въ средину стиха опредѣленныя ударенія. Можетъ быть, на эту мысль навелъ его Тредьяковскій, писавшій разсужденіе о новомъ стихосложеніи. Со стихомъ же Ломоносова онъ могъ познакомиться не раньше 1740 года. Все это заставляло Кантемира передѣлать первыя сатиры, сгладить многіе намеки на личности, придавъ имъ болѣе типическихъ чертъ. Но для біографа осталась интереснѣе первая редакція, такъ какъ въ ней ярче отразились впечатлѣнія отъ русской жизни.

Въ стихотвореніи, написанномъ въ это время: «Къ стихамъ моимъ», Кантемиръ, подражая Горацію, предсказываетъ судьбу своихъ стиховъ и предвидитъ, какія возраженія встрѣтитъ со стороны читателей. Онъ находитъ здѣсь нужнымъ оправдывать себя передъ тѣми, которые бы стали осуждать его за трудъ, неприличный ни его возрасту, ни чину; а такихъ обвинителей, дѣйствительно, можно было ожидать не мало. Все это отлично характеризуетъ то время, когда литературный трудъ считался маловажнымъ дѣломъ и когда нужны были такія оправданія,

какія представлялъ Кантемиръ, говоря, что «онъ стихи писалъ въ молодыхъ лѣтахъ» и что сатиры его не касаются до злословія, но только служатъ къ исправленію злыхъ нравовъ и потому никому вредить не могутъ». Въ письмѣ же къ пріятелю, которое мы сейчасъ привели, онъ замѣчаетъ, что, «вступая въ новую должность (посланника), времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только *въ лишніе часы* прилежать дозволено». Такой взглядъ на литературу существовалъ во все продолженіе XVIII-го столѣтія даже и у писателей: литература считалась не трудомъ, а досугомъ въ часы свободные отъ службы, какъ главнаго дѣла жизни. «Еслибы изъ цѣлыхъ сутокъ,—говорилъ Кантемиръ,—одну четверть часа на письмо употребляли, то бы отъ того малаго труда въ годъ не малая книга произойти могла: непрерывный трудъ, сколь ни маловременъ, весьма скоръ». Это объясняетъ намъ, какимъ образомъ нашъ писатель находилъ время для литературныхъ занятій при тѣхъ разнообразныхъ трудахъ и заботахъ, которыя вызывались его посланническою службою и общественными связями.

Окончивъ дѣло съ сатирами [1]), Кантемиръ принялся за стихотворные переводы любимаго имъ поэта—Горація, руководствуясь при этомъ разными европейскими комментаторами. Онъ считалъ, что всѣ вообще произведенія Горація полезны, «какъ наставленіемъ, такъ и примѣрами къ исправленію нравовъ», и изъ нихъ выбралъ для перевода посланія «для того, что они больше всѣхъ его другихъ сочиненій обильны нравоученіемъ». Такимъ образомъ, вездѣ выражаются одни и тѣ же стремленія Кантемира принести пользу русскому просвѣщенію. Хотя онъ перевелъ и всѣ посланія римскаго поэта, но выбралъ изъ нихъ только десять первыхъ и напечаталъ [2]) ихъ въ 1744 году, подъ именемъ «Харитона Макентина», которое составилъ изъ буквъ своего имени «Антіохъ Кантемиръ». Много потрудился Кантемиръ надъ переводами стиховъ Горація и Анакреона; но не могъ сладить съ тогдашнимъ русскимъ литературнымъ языкомъ,

[1]) Абб. Венути говоритъ, что онъ просилъ Кантемира, за-долго до его смерти, позволить ему перевести его сатиры на итальянскій языкъ, но онъ не соглашался, говоря, что поводъ, который вызвалъ ихъ, могъ оправдать его въ Россіи, но что его нельзя считать достаточнымъ для критики въ той странѣ, гдѣ есть образцовыя произведенія въ этомъ родѣ. „Наконецъ, скромность уступила настояніямъ дружбы,—прибавляетъ Венути,—и въ послѣднюю его болѣзнь мы переводили ихъ вмѣстѣ по-итальянски. Конечно, переводъ былъ не конченъ. А въ 1749 году въ Лондонѣ былъ изданъ французскій ихъ переводъ.

[2]) Переводъ всѣхъ посланій Горація напечатанъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій Кантемира 1867 года, часть I.

который былъ совсѣмъ не выработанъ для подобныхъ переводовъ. Стихъ нашего переводчика долженъ назваться неудачною попыткою создать новый русскій стихъ по образцу латинскаго и греческаго. Онъ остался только какъ свидѣтельство неутомимаго трудолюбія ученаго его автора. При переводѣ горацієвыхъ посланій Кантемиръ напечаталъ и свое разсужденіе о русскомъ стихосложеніи, гдѣ подробно развита имъ его теорія, интересная какъ сознаніе несостоятельности стараго русскаго стиха и какъ усиліе талантливаго писателя создать нѣчто новое. Теорія его не могла найти себѣ послѣдователей, такъ какъ явилась въ такое время, когда уже сталъ обращать на себя вниманіе Ломоносовъ своимъ звучнымъ стихомъ.

Въ письмахъ Кантемира къ Воронцову мы находимъ его переводъ стиховъ Вольтера Les deux amours. Имъ мы заканчиваемъ главу о литературныхъ трудахъ нашего писателя, такъ какъ онъ не попалъ въ собраніе сочиненій Кантемира.

Стихи Волтеровы о двухъ любвяхъ къ госпожѣ дв***.

Есть дитя, котораго съ страхомъ всякъ ласкаетъ,
Сладостнымъ злобу свою смѣшкомъ прикрываетъ,
Всюду отбѣгаетъ, то предъ собою водитъ
Смѣхи и веселіе, но часто тащится
Лютая печаль за нимъ. Въ сердца наши входитъ
Гибко, покорно; когда тамъ ужъ вселится,
Дерзко, гордо властвуетъ, когда отлетаетъ,
Того же гнушался сердца, презираетъ.
Есть и другая любовь, дочерь неоспорна
Чистаго почтенія, въ печаляхъ покорна,
И въ желаніяхъ своихъ непоколебима;
Добродѣтель силы ей придаетъ любима,
И чистосердечіе ее ободряетъ;
Суровости одолѣть знаетъ терпѣливно,
И въ утѣхахъ радостныхъ ростетъ она дивно,
Сея любви хоть свѣча не столько обильна
Блистаніемъ, но весьма пріятнѣе пламя.
Сея богини готовъ слѣдовать я знамя,
Она мною властвовать самовластно сильна,
И подвластнымъ ей мое сердце склонно быти;
Но для тебя лишь одной хочу я служити [1]).

---

[1]) Для сравненія привожу и стихотвореніе Вольтера:

Certain enfant qu'avec crainte on caresse,
Et qu'on connait à son malin souris,
Court en tous lieux precédé par les Ris,
Mais trop souvent suivi de la Tristesse.
Dans les coeurs des humains il entre avec souplesse,

По свидѣтельству абб. Венути Кантемиръ началъ составлять русско-французскій словарь, который остался неконченнымъ. Онъ также предполагалъ заняться исторіей Россіи, для которой собиралъ источники. Послѣ всего этого мы въ правѣ пожалѣть, что посольская служба, съ которой онъ нажилъ себѣ болѣзни и преждевременную смерть, отнимала большую часть его времени отъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ.

VI.

Хлопоты о деревняхъ и объ отцовскомъ наслѣдствѣ. — Андреевскій орденъ. — Библіотека для Воронцова. — Портретъ Петра Великаго. — Заказы отъ русскаго двора. — Счеты Кантемира. — Безденежье. — Болѣзнь. — Послѣдніе дни жизни. — Донесеніе Гросса о смерти. — Отзывы друзей. — Наслѣдники Кантемира.

Послѣдніе два года жизни Кантемира много заботила мысль объ устройствѣ своего матеріальнаго состоянія. У него въ виду были два средства. Первое—выхлопотать себѣ сообща съ братьями деревни, которыя были назначены Петромъ Великимъ его отцу при переселеніи его въ Россію и которыя не были доданы ему по неизвѣстной намъ причинѣ. Второе—начать тяжбу съ братомъ Константиномъ, который при Петрѣ II несправедливо получилъ наслѣдственный маіоратъ, тогда какъ, согласно съ отцовскимъ завѣщаніемъ, полное право на него имѣлъ младшій братъ Антіохъ. Хлопоты о деревняхъ взяла на себя сестра Марья Дмитріевна, съ которою Антіохъ былъ очень друженъ. Еще въ 1732 г. она подавала просительное письмо Бирону, разсчитывая на его могущество, но дѣло тянулось безъ успѣха во все это царствованіе. Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны она нашла возможность дѣйствовать черезъ камергера и лейбъ-компаніи поручика Воронцова, который принялъ въ ней участіе. Объ этомъ она писала къ брату въ Парижъ, совѣтуя обратиться съ благодарственнымъ

Habite avec fierté, s'en vole avec mépris.
Il est un autre Amour, fils craintif de l'Estime,
Soumis dans ses chagrins, constant dans ses desirs,
Que la Vertu soutient, que la Candeur anime,
Qui résiste aux rigueurs et croît par les plaisirs.
De cet Amour le flambeau peut paraitre,
Moins éclatant, mois ses feux sont plus doux.
Voilà le Dieu que mon coeur veut pour maitre.
Et je ne veux le servir que pour vous.

письмомъ къ сильному вельможѣ. Со смертью князя Черкасскаго у Кантемира не осталось при новомъ дворѣ никого изъ близкихъ людей, которые въ нуждѣ могли бы быть посредниками между нимъ и императрицей. Имѣя свѣдѣнія о Воронцовѣ, какъ человѣкѣ молодомъ, очень просвѣщенномъ, любящемъ науки, добромъ и близкомъ къ государынѣ, онъ не замедлилъ исполнить совѣтъ своей сестры, и такимъ образомъ началось у нихъ заочное знакомство съ мая мѣсяца 1742 года. Въ первомъ письмѣ, благодаря Воронцова за любовь и благопріятность къ сестрѣ, онъ проситъ «и впредь ее не оставить, но напротиву продолжать ей свое вспомоществованіе въ нашихъ общихъ домашнихъ нуждахъ». Во второмъ письмѣ онъ уже пишетъ, что будетъ стараться заслужить обѣщанную «дражайшую дружбу и милость». Конечно, Воронцовъ не могъ не знать объ учености и талантахъ Кантемира и охотно протянулъ ему руку, какъ это сдѣлалъ и Ломоносову. Мы уже видѣли, какъ онъ помогъ Кантемиру въ вопросѣ о посольскомъ жалованьѣ вопреки вице-канцлеру Бестужеву, который, какъ говорятъ, изъ зависти сталъ не совсѣмъ благоволить молодому русскому посланнику. Дѣла о деревняхъ Воронцовъ также принялъ въ свои руки: «Сколько касается до дачи намъ деревень,—писалъ ему Кантемиръ,—и въ томъ я крайне вашему прев-ству одолженъ нахожуся: Богъ вамъ самъ воздастъ за ваши благодѣянія и сіе передъ нимъ столь угодное будетъ, что мои братья (кромѣ Константина) истинно нужду не малую терпятъ за такимъ скуднымъ доходомъ, каковъ теперь получаютъ»...

Пользуясь случаемъ, Кантемиръ послалъ прошеніе императрицѣ по дѣлу объ отцовскомъ наслѣдствѣ. «Сестра ко мнѣ пишетъ,—замѣчаетъ онъ въ одномъ письмѣ,—что ваше пр-ство не только въ прежнихъ нашихъ нуждахъ ей всякую помочь являть изволите, но еще и послѣднее мое къ ея импер. вел-ству прошеніе по дѣлу наслѣдства послѣ отца моего принять изволили въ свое покровительство. Такихъ благодѣяній память вѣчно мнѣ изъ сердца не выйдетъ»... «Имѣя себѣ такого защитника, каковымъ себя ваше прев-ство столь великодушнѣе оказываете, что я ничѣмъ оное не заслужилъ, причину имѣю уповать, что я чрезъ происки моего брата обиду уже не претерплю, когда ея им. в-ству правость моя извѣстна».

Въ октябрѣ 1743 года Кантемиръ снова писалъ: «сестра моя дала мнѣ знать, какими новыми оказательствами отмѣнной къ ней и ко мнѣ дружбы и милости изволили вы заключить многія показанныя намъ благодѣянія. Вами она удостоилась у

ея им. в-ства милостивѣйшаго отпуска, и вамъ я особливо долженствую всѣ милостивыя ея им. в-ства обо мнѣ разсужденія... Сестра ко мнѣ между прочимъ пишетъ, что она отпущена съ изрядною надеждою, что по прибытіи ея им. в-ства въ Москву воспослѣдуетъ милостивая резолюція на ея и мое прошеніе о дачѣ намъ деревень... Но понеже за отъѣздомъ сестры моей, брату моему князю Константину остаются свободнѣйшія руки домогаться о конфирмаціи на отцовскія деревни, которыя по всему мнѣ принадлежатъ, нижайше прошу, чтобъ въ томъ дѣлѣ не лишили меня своей защиты; но когда онъ, братъ мой, какіе поступки въ томъ учинитъ, возобновить ея им. в-ству память о моей рабской челобитной, не для того чтобъ ея в-ство изволила указать неправое дѣло верховнаго суда перевершить, но чтобъ никакую новую силу не подать его приговору до моего возвращенія въ отечество. Однимъ словомъ, чтобъ отказать требуемую братомъ конфирмацію, которая въ самомъ дѣлѣ излишня, буде его право неоспорно; а буде онъ неправо наслѣдствомъ отцовскимъ владѣетъ, то конфирмація ея им. в-ства отягчитъ показанную мнѣ обиду, чего я не долженъ опасаться отъ правосудія и высочайшей ко мнѣ милости»...

Воронцовъ писалъ Кантемиру, что императрица совѣтуетъ раздѣлить пополамъ все отцовское наслѣдство между обоими братьями. На это Кантемиръ отвѣчалъ въ декабрѣ 1743 года: «Такое высочайшее соизволеніе само собою не меньше правосудно, чѣмъ человѣколюбно, понеже тѣмъ и мнѣ судъ будетъ учиненъ въ показанной отъ верховнаго совѣта тяжкой обидѣ и братъ мой съ такою довольною долей останется, что противъ прочихъ братьевъ не будетъ же обиженъ... Чтобъ вашему превосходительству еще лучше оказалась моя безкорыстливость и сколь мало къ великимъ богатствамъ я жаденъ, смѣлость пріемлю и о томъ донести, что когда ея императорское величество соизволитъ указать возвратить мнѣ половину отцовскихъ деревень, то я намѣренъ добровольно уступить сестрѣ княжнѣ Марьѣ и другимъ двумъ братьямъ, князь Матѳею и князь Сергѣю тѣ мои деревни, которыми теперь по милости императрицы Анны Іоанновны владѣю, и слѣдовательно, когда имъ доданы будутъ 240 дворовъ, о которыхъ сестра просила, то всѣ братья и сестры будутъ имѣть почти равныя доли и найдутся въ состояніи жить немножко достаточнѣе и выдти изъ нынѣшней своей скудости. Ибо за данною мачихѣ нашей четвертою долею, послѣ отца осталось 750 дворовъ, изъ которыхъ братъ князь Константинъ и я получимъ по 375 дворовъ, а отъ государыни императрицы

Анны пожалованные намъ имѣли быть 1000 дворовъ, которые раздѣливъ между сестрою княжною Маріею и братьями княземъ Матѳеемъ и княземъ Сергѣемъ достанется всякому по 333$^{1}/_{3}$ дворовъ»...

Но за мѣсяцъ до смерти Кантемиръ нѣсколько измѣнилъ свое намѣреніе, чтó видно изъ слѣдующаго письма: «Сообщивъ то намѣреніе сестрѣ моей и другимъ двумъ братьямъ и они, совѣтовавъ съ искуснѣйшими въ дѣлахъ приказныхъ, ко мнѣ пишутъ, что если я буду просить о раздѣлѣ того недвижимаго имѣнія и хотя всемилостивѣйшая резолюція въ мою пользу произойдетъ, то для переду оная мнѣ прочна быть не можетъ, понеже таковое мое прошеніе не можетъ быть основано ни на какомъ указѣ, ни примѣрѣ и потому со временемъ братъ мой можетъ возобновить противъ меня тяжбу, что дѣло вершено не по уставамъ и не порядочно. Для того я принужденъ отправить къ сестрѣ моей прошеніе въ той силѣ, чтобъ мнѣ возвращено было все недвижимое отцовское и прошеніе то основано на безспорныхъ доводахъ... Ваше же превосходительство можетъ быть подлинно увѣренъ, что хотя мнѣ по правосудію и высочайшей милости будутъ отданы всѣ деревни и дворы отца моего, совѣсть моя николи меня не допуститъ оставить моего брата, хоть онъ инако со мной поступалъ, и можете заподлинно поставить и самую ея императорское величество нижайше удостовѣрить, что я съ нимъ такимъ образомъ надѣюсь, что онъ ни чѣмъ не будетъ въ худшемъ состояніи, чѣмъ моя сестра и другіе два братья и, можетъ быть, мало меньше богатъ, чѣмъ я самъ»...

Кантемиръ не могъ на дѣлѣ оправдать побужденіе своего добраго сердца: онъ не дождался, чѣмъ кончится его тяжба съ братомъ Константиномъ.

Черезъ Воронцова же Кантемиръ нѣкоторое время добивался ордена Андрея Первозваннаго. Къ этому едва ли побуждало его честолюбіе. Скорѣе всего ему хотѣлось не быть ниже маркиза Шетарди, который при отпускѣ изъ Россіи получилъ этотъ орденъ и хвалился имъ въ Парижѣ и который въ это время собирался снова въ Петербургъ въ качествѣ посла. Съ другой стороны, Кантемиръ думалъ, что такая видная награда могла придать ему бóльшее значеніе при французскомъ дворѣ, гдѣ на всякія отличія обращалось особенное вниманіе. Въ концѣ 1742 года онъ получилъ маленькую награду — золотой ключъ къ камергерскому чину «въ знакъ высочайшей императорской милости», какъ сказано въ рескриптѣ. Но это не особенно польстило русскому послу. По крайней мѣрѣ онъ тотчасъ же написалъ

Воронцову: «я смѣлость принялъ чрезъ сестру просить вашего превосходительства представительства въ исходатайствованіи мнѣ ордена св. Андрея, вѣдая, что еслибъ ея императорское величество соизволила показать мнѣ ту отмѣнную милость, подала бы важность всѣмъ моимъ здѣсь представленіямъ о дѣлахъ ея величества. Если ваше превосходительство прилично чаетъ то мое рабское прошеніе ея императорскому величеству представить, я вѣчно вамъ буду одолженъ; ежели же трудности какія предлежать, которыя удачу не обѣщаютъ, то лучше до другого времени отложить». Въ другомъ письмѣ черезъ два мѣсяца Кантемиръ снова приписываетъ: «Не знаю, можно ли мнѣ смѣть еще нижайше напомянуть о моей просьбѣ, касающейся ордена св. Андрея. Ежели меня намѣрено ваше превосходительство наичувствительнѣйше обязать, то кажется наступающій праздникъ коронаціи (25-го апрѣля) былъ бы случай удобный заступить за меня у ея императорскаго величества, въ чемъ надѣюся, что и графъ Алексѣй Петровичъ (Бестужевъ) будетъ вамъ споспѣшествовать». Но императрица не склонялась на такую награду, не совсѣмъ довольная неудачею Кантемира въ переговорахъ съ французскимъ дворомъ объ императорскомъ титулѣ. Уже въ іюлѣ 1743 года Кантемиръ писалъ: «Отлагательство милости ея императорскаго величества въ дѣлѣ ордена довольно мнѣ доказываетъ, что мои заслуги той высокой милости еще недостойны; и то самое я давно предвидя, съ трудомъ къ такому прошенію отважился по докучнымъ побужденіямъ сестры моей, которая братскимъ сердцемъ о тѣхъ моихъ заслугахъ судитъ. Потому впредь съ тѣмъ же радѣтельствомъ и вѣрностію трудиться стану, чтобы учинить себя достойнѣйшимъ, терпѣливо ожидая благосклоннѣйшую резолюцію. Ея величества милостивое обо мнѣ разсужденіе между тѣмъ служитъ мнѣ вмѣсто всякаго награжденія и желанія мои совсѣмъ исполнены, если мои малыя услуги хотя отчасти угодны. То мнѣ весьма болѣзненно-бъ было, еслибъ мнѣ въ вину приписана была худая здѣшняя склонность къ Россіи. Ея императорскому величеству извѣстно, какіе указы ко мнѣ присылаются, сколь злоба здѣшняя глубоко вкоренилась и что не всегда отъ чужестраннаго министра зависитъ склонять дворъ какой своими предложеніями. Но чинимое мнѣ награжденіе ни какую угодность къ двору здѣшнему оказать чаю не можетъ: напротиву, обличитъ неблагодарство здѣшнее въ томъ, что важнымъ подаркомъ, учиненнымъ маркизу Шетардію, ни чѣмъ съ здѣшней стороны не соотвѣтствовано ко мнѣ, хотя и должны бы были, когда я сложилъ характеръ посольскій. Заключеніе мира съ

Швеціею можетъ вашему превосходительству подать новый и удобнѣйшій случай возобновить ваши милостивыя домогательства, понеже графъ Алексѣй Петровичъ (котораго милостію я довольно ухвалиться не могу) засвидѣтельствуетъ, что мои труды въ той негоціаціи много пользовали. Я къ его сіятельству о томъ же сегодня пространно пишу и несумнѣнно уповаю, что и онъ споспѣшествовать вашему превосходительству не отречется».

Но надежда Кантемира была напрасна. Въ самый новый годъ 1744 онъ писалъ съ нѣкоторымъ унынiемъ: «ваше превосходительство изволитъ разумѣть, какъ изъ обыкновеннаго теченія дѣлъ въ свѣтѣ, что не отъ меня зависитъ достать требуемую титулатуру и, слѣдовательно, былъ бы я весьма несчастливъ, ежели-бъ высочайшая милость до тѣхъ поръ была отложена, пока дворъ здѣшній склонится на требуемой поступокъ: такимъ образомъ рокъ мой зависѣлъ бы отъ воли и склонности двора здѣшняго, при которомъ я никакихъ заслугъ не имѣю и имѣть не долженъ... Въ надеждѣ вашей ко мнѣ отмѣнной милости, открываю вамъ сердце мое, донося, что съ тѣхъ поръ, какъ Шетарди отъѣздъ здѣсь поспѣшать начали, я примѣтилъ безсумнительно, что его сіятельства графа Алексѣя Петровича ко мнѣ милость совсѣмъ въ противное отмѣнилась [1]): знаки тому онъ мнѣ подалъ въ разныхъ своихъ письмахъ отмѣннаго предъ прошлыми стиля; а наипаче въ послѣднемъ своемъ, въ которомъ наипокорнѣйшее мое прошеніе о переводѣ ко мнѣ денегъ, которыя мнѣ коллегія за четыре года уже должна безспорно, изволитъ мнѣ попрекать тою высочайшею милостью, что мнѣ оставлено жалованье посольское, когда другимъ министрамъ дается по 6,000 руб. въ годъ, и другія подобныя разсужденія довольно чувствительныя. Я о всемъ томъ упоминаю только для того, чтобъ ваше превосходительство изволили усмотрѣть мое несчастіе и мою печаль, и ежели поводъ отъ него самого подастся, чтобъ милостивымъ своимъ предстательствомъ доставить мнѣ прежнюю его ласку, которыя(ой) лишеніе, истинно и совѣстно сказать могу, ничѣмъ не заслужилъ. Понеже я предвижу, что безъ того мнѣ трудно впредь ожидать какую милостивую резолюцію ея императорскаго величества и какъ теперь истинно чѣмъ мясо въ поварню купить не имѣю, но беру въ долгъ, такъ со временемъ, когда долги 60,000 франковъ возрастутъ и совсѣмъ кре-

[1]) Эти слова имѣютъ связь съ замѣткою гр. П. И. Панина, что Бестужевъ ненавидѣлъ Шетарди, который хотѣлъ мѣшаться во внутреннюю политику Россіи („Рус. Стар.“, 1879, кн. 12). Можетъ быть, въ своемъ частномъ письмѣ Бестужевъ намекалъ Кантемиру, чтобъ тотъ старался задержать Шетарди. Но это не удалось.

дить потерю, то съ немалымъ стыдомъ принужденъ буду продавать вещи свои для пропитанія своего и, можетъ быть, распустить домъ свой»...

Заботы о приличномъ содержаніи, объ уплатѣ долговъ, усилившаяся болѣзнь отвлекали мысль Кантемира о почетной наградѣ. Это было послѣднее письмо о ней. Такъ и не украсился орденомъ св. Андрея страдалецъ-посланникъ.

За услуги Воронцова Кантемиръ съ своей стороны старался также услужить ему. Такъ по его просьбѣ, онъ составлялъ ему роспись книгъ «для выборной и полезной библіотеки». «Всѣ тѣ книги мнѣ знакомы,—писалъ онъ,—и лучшія мнятся, всякая въ своемъ родѣ». При этомъ онъ сносился съ голландскимъ книгопродавцемъ Ольдекопомъ, у котораго многія книги можно было купить дешевле, чѣмъ въ Парижѣ. Видно было, что онъ по душѣ занялся этой библіотекой. «Книгъ вашихъ часть,—писалъ онъ въ ноябрѣ 1743 г.,—я чаю, еще сею осенью къ вамъ отправятся... и я бы то желалъ, чтобы вы могли наслаждаться ими сею зимою». Въ дополненіе онъ рекомендовалъ пріобрѣсти 63 тома «Journal des Savans», который былъ только-что перепечатанъ въ Парижѣ съ 1666 по 1740 годъ. «Книга эта содержитъ экстракты безчисленныхъ другихъ книгъ, такъ что составляетъ собою почти цѣлую библіотеку. Въ томъ числѣ много экстрактовъ о различныхъ вопросахъ математическихъ и философическихъ. Цѣна ей съ переплетомъ 600 франковъ, т.-е. 120 рубл.» Воронцовъ соблазнился и поручилъ Кантемиру пріобрѣсти ему рекомендованный журналъ. Уже очень больной, чуть не наканунѣ смерти, Кантемиръ занялся отправкою журнала, желая хоть чѣмъ-нибудь отплатить доброму человѣку за его услуги.

Въ послѣдніе же мѣсяцы своей жизни Кантемиръ много заботился о хорошемъ изданіи портрета Петра Великаго. По этому случаю онъ писалъ Воронцову въ началѣ 1744 года: «За двѣ недѣли предъ симъ имѣлъ честь адресовать къ вашему превосходительству чрезъ французскаго консула г. Севьора свертокъ съ печатными портретами высокославныя памяти Петра Великаго, который я здѣсь велѣлъ вырѣзать съ весьма подобнаго рисунка. Не помню, сколько экземпляровъ было, но между ними есть одинъ на атласѣ, одинъ на золотой бумагѣ, которые покорнѣйше прошу поднести ея императорскому величеству съ двумя другими на почтовой бумагѣ, а прочіе благосклонно себѣ принять. Оные экземпляры суть самая первая проба и печатаны на тонкой бумагѣ, понеже я въ началѣ намѣренъ былъ ихъ отправить на почтѣ, а потомъ г. Севьоръ столько отъѣздомъ вдругъ поспѣ-

шилъ, что не успѣлось напечатать другіе... Доска того портрета теперь у меня, и ежели ея императорскому величеству угодно оную принять въ знакъ всеподданнѣйшей моей ревности къ распространенію славы безсмертнаго августѣйшаго ея родителя, то по первому указу оную отправлю къ вашему превосходительству; или буде ея величеству угоднѣе, чтобъ высочайшее лицо такого монарха въ чужихъ краяхъ къ удивленію народовъ размножить; то отправлю къ вашему превосходительству 300 или 400 экземпляровъ изъ перваго тисненія, а прочія здѣсь рѣзчикъ распродастъ въ свою пользу».

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ за двѣнадцать дней до смерти онъ снова извѣщаетъ о портретѣ Петра Великаго, выражая сожалѣніе, что объявленная война Франціи съ Англіей помѣшали ему изготовить большее число портретовъ.

Черезъ Воронцова же Кантемиръ исполнялъ разные заказы отъ русскаго двора, что́ приводило его въ крайнее затрудненіе, такъ какъ денегъ на это ему не присылалось. Такъ, въ началѣ октября 1743 года онъ писалъ: «Покорно прошу донести ея имп. в-ству, что портретъ королевскій (Людовика XV), королевинъ, дельфиновъ, и второй принцессы королевской уже изготовлены и оные нижайше отправляю къ ея в-ству чрезъ маркиза Шетардія... Портретъ Людовика XIV еще не можно было сыскать, но я его съ ума не спускаю. Сыры отправлены будутъ ко двору ея в-ства прямо изъ Швейцаріи черезъ Франкфуртъ, къ которымъ я двухъ видовъ здѣшнихъ прибавлю и пришлю съ маркизомъ Шетардіемъ. Шаптала и персики въ водкѣ уже давно въ дорогѣ, частью сухимъ путемъ, частью водою. На всю ту комиссію, чаю, изойдетъ до 4,000 франковъ или и больше. Сумма то не велика, но я въ такомъ недостаткѣ денегъ нахожусь за остановкою жалованья моего въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, что принужденъ былъ заложить посуды серебряной часть, чтобъ оную сыскать; ибо у банкіера своего уже кредитъ я потерялъ, видя онъ, что надлежащія мнѣ отъ двора деньги столь безпорядочно и поздно ко мнѣ пересылаются».

Изъ того же письма видно, что на обязанности посла было пріискиваніе разной прислуги для русскаго двора. «По отъѣздѣ сардинскаго посла остается весьма искусный сахарникъ (кандитеръ), который во всемъ здѣшнемъ городѣ между лучшими почитается, такъ для дѣланія конфектовъ и всякихъ льдяныхъ закусокъ, какъ и для уборныхъ десертовъ, въ которыхъ здѣсь весьма превосходитъ. Оный сахарникъ гораздо бы приличенъ былъ при дворѣ ея имп. в-ства и готовъ бы былъ вступить въ

службу ея в-ства за 400 р. въ годъ жалованья, сверхъ стола и квартиры. Кромѣ своей повседневной работы для стола ея в-ства, онъ могъ бы изъ русскихъ людей обучить своему ремеслу, которое онъ совершенно знаетъ, въ чемъ я отвѣтчикъ. Ежели ея имп. в-ству тотъ сахарникъ угодникъ, то нижайше прошу объ указѣ». Послѣдовалъ указъ вступить съ сахарникомъ Бекаріемъ въ переговоры, чтобы привлечь его въ русскую службу. Кантемиръ отвѣчалъ, что тотъ предложилъ такія «сумасбродныя кондиціи», что лучше его оставить, если онъ не захочетъ измѣнить ихъ. Дальнѣйшіе переговоры съ нимъ, если и были, то уже послѣ смерти нашего посла.

Изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ нами писемъ видно, до какой крайней нужды въ деньгахъ былъ доведенъ Кантемиръ неисправною присылкою жалованья и въ особенности полнымъ невниманіемъ къ тѣмъ экстреннымъ расходамъ, которые онъ дѣлалъ по закупкамъ и другимъ порученіямъ отъ русскаго двора, его счеты оставались неуплаченными за четыре года, такъ что, наконецъ, накопилось 19,000 р. долгу, за который онъ долженъ былъ выплачивать значительные проценты. На всѣ его прошенія Бестужевъ отвѣчалъ ему указаніемъ на низкій вексельный курсъ и приказывалъ ждать, когда онъ повысится. «Алексѣй Петровичъ съ жестокостью мнѣ терпѣть велитъ,—писалъ Кантемиръ,—но сколь тяжка мнѣ обида происходитъ... и сколь легко то статься можетъ, что вексельный курсъ не поднимется годъ или другой и въ томъ случаѣ чѣмъ мнѣ здѣсь питаться? Кредитъ напослѣдокъ теряется, когда купцы видятъ, что долго платежъ медлитъ».

Кромѣ того, стали придираться къ его счетамъ и выказывать намѣреніе сокращать ихъ. Какъ ни терпѣливъ былъ Кантемиръ, но рѣшился откровенно объясниться съ Бестужевымъ. Въ письмѣ отъ 5-го февраля 1744 года, онъ писалъ къ нему: «Усматриваю, что я несчастіе имѣлъ вашего сіятельства милости лишиться и что вы подлинно прежней благосклонности ко мнѣ не имѣете. Въ тѣ двѣнадцать лѣтъ, какъ я при чужестранныхъ дворахъ употребленъ былъ, мои ко двору посыланные счеты разными министрами всегда безъ малѣйшаго вычета платимы бывали, да оные и подлинно такъ умѣренны и артикулы въ оныхъ такъ исправны, что трудно было противъ оныхъ что̀ изыскать. И тако токмо подъ министерствомъ вашего с-ства мнѣ въ первый разъ случилось нѣкоторые артикулы опровержены видѣть, которыя, можетъ быть, вашему с-ству мною неправильно на счетъ поставленными кажутся; но я увѣренъ, что справедливо дабы я оныя на счетъ поставилъ. И яко я о чистотѣ моей совѣсти къ

в. с-ству удостовѣренъ нахожусь, ибо я по истинѣ ни малѣйшаго поступка не учинилъ, чѣмъ бы себя нарекать могъ, такъ я всеконечно заключить имѣю, что какой-нибудь нечестный человѣкъ вашему с-ству лживыя мнѣнія и неправедное пристрастіе противъ меня внушаетъ» [1]).

Бестужевъ въ отвѣтномъ письмѣ выражаетъ удивленіе и прискорбіе, но сваливаетъ всю вину на «особливую публичную экспедицію», которая разсматриваетъ такіе расходы и съ своимъ мнѣніемъ отсылаетъ въ секретную экспедицію, откуда представляется докладъ императрицѣ. «Ни отъ кого никакого наущенія противъ вашей свѣтлости не слыхалъ,—прибавляетъ онъ,—а иныхъ принимать и вѣру имъ подавать весьма неохотенъ, а наипаче противу такой персоны, на дружбу которой полагаюся. Но знатно то, еже ваша свѣтлость мнѣ приписуете, надо мною воспослѣдовало и нѣкакіе безсовѣстные люди трудились и можетъ быть поднесь по какимъ-либо ихъ видамъ трудятся холодность и вражду между ними вселять»...

Мы не догадываемся, на кого сдѣланъ этотъ намекъ; можетъ быть, даже на Шетарди, который въ это время былъ уже въ Москвѣ; но знаемъ, что оба письма Бестужевъ давалъ читать императрицѣ; она одобрила отвѣтъ его и, конечно, была имъ настроена противъ своего посла. Но если Кантемиру пришлось читать это письмо, то ужъ наканунѣ смерти, такъ какъ оно было въ рукахъ императрицы за двѣ недѣли до нея, и вѣроятно не въ тотъ же день было послано. Терпѣлъ отъ безденежья не одинъ Кантемиръ, вся посольская его свита была въ такомъ же положеніи. Къ ней въ концѣ 1742 года прибавился еще священникъ Гаевскій съ причтомъ, присланный изъ Петербурга; но по донесенію Кантемира, съ нимъ не прислано не только нужныхъ для церкви книгъ, ризъ и посуды церковной, но и не почтенъ никакимъ рескриптомъ о его отправленіи. «Такъ какъ безъ помянутыхъ церковныхъ вещей,—прибавлялъ Кантемиръ,—ему не возможно отправлять здѣсь никакую службу, то всеподданнѣйше прошу приказать прислать ко мнѣ тѣ вещи, хотя по телѣжной почтѣ, чтобъ его пребываніе здѣсь не было безплодно». Но прислать вещи собрались очень не скоро. Кантемиру пришлось содержать священника и двухъ церковниковъ на свои средства, пока они не истощились. Гаевскій, наконецъ, не вытерпѣлъ и послалъ въ Петербургъ жалобу, что онъ претерпѣваетъ крайнюю нужду, такъ какъ князь Кантемиръ, «яко бы за неимѣніемъ де-

[1]) Архивъ Воронцова, VI т., стр. 59.

негъ», отказываетъ ему въ жалованьѣ. Эту жалобу тотчасъ же представили императрицѣ со справкою, которая набрасывала тѣнь на честность Кантемира. Въ справкѣ значилось, что «на онаго священника и церковниковъ надлежащее жалованье сполна по нынѣшній (1744) годъ къ Кантемиру переведено [1]), но не упоминалось, давно ли былъ сдѣланъ этотъ переводъ.

Въ это время императрица видимо была противъ него настроена и не расположена была ему покровительствовать, несмотря даже на предстательство Воронцова. Такъ, въ дневной запискѣ по государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ за 1744 годъ 22-го февраля записано: «ея имп. в., апробуя сіе, что помянутыхъ (въ прошеніи Кантемира) за чрезвычайные расходы излишне претендованныхъ денегъ не переведено, соизволила указать и за наемъ двора (квартирныхъ) требуемыхъ имъ денегъ не давать и не переводить въ разсужденіи, что по указу государыни имп. Анны Іоанновны (на который Кантемиръ ссылался) за наемъ двора изъ казны единовременно заплатить ему велѣно, что̀ и заплачено, а напредъ сего бывшимъ во Франціи посламъ такой дачи не было, хотя они жалованья меньше получали, нежели оный Кантемиръ, и будучи нынѣ только полномочнымъ министромъ, а не посломъ, получаетъ». При этомъ не обращено вниманіе на неоднократныя заявленія Кантемира, что бывшій до него посланникъ въ Парижѣ графъ Головкинъ получалъ на содержаніе посольства 48,000 р.

Не возбудила особенной жалости и болѣзнь русскаго посла, который въ послѣдніе мѣсяцы сильно мучился. Съ 1740 года онъ сталъ чувствовать болѣзненные припадки въ желудкѣ, несмотря на свою воздержную жизнь. Цѣлительныя воды, куда онъ ѣздилъ въ 1741 году, нѣсколько помогли ему, но не на долго. Въ слѣдующемъ году онъ отправился на пломбіерскія воды, но они оказались ему болѣе вредны, чѣмъ полезны. Въ 1743 году онъ уже очень часто упоминаетъ въ письмахъ о своей болѣзни. При этомъ его особенно заботятъ ложные слухи, доходившіе до него изъ Петербурга и Москвы, будто его хотятъ отозвать въ Россію. Такъ, въ іюлѣ 1743 года онъ писалъ къ Воронцову: «Послѣдними отъ пріятеля письмами я увѣдомленъ, будто нѣкое намѣреніе имѣется о моемъ скоромъ отсюду отзывѣ; для того по вашей ко мнѣ милости еще къ вашему пр. прибѣгаю и нижайше прилежно прошу рабскимъ моимъ именемъ представить ея имп. в-ву: 1) что совершенно завишу отъ ея воли и по оной посту-

[1]) Архивъ кн. Воронцова, т. IV, стр. 45.

пать всегда и вездѣ имѣю, хотя бы съ бѣдствомъ живота моего; 2) что потому какъ бы я охотнѣе желалъ здѣсь при моей должности остаться, такъ и въ отечествѣ къ другой службѣ усердно готовъ; но что 3) четырехлѣтняя моя болѣзнь привела меня въ такое состояніе, что ежели не дозволено будетъ мнѣ время хотя отчасти исправиться, то подлинно живъ въ С.-Петербургъ не доѣду. Малая поѣздка въ Версаль мучитъ меня два или три дни, возобновляя жестокую боль во всемъ тѣлѣ, а наипаче въ почкахъ, гдѣ буде не камушки, то песокъ крупный таится. Потому ваше пр. изволитъ судить, чего я ожидать долженъ отъ такой дальней дороги... Воды лоренскія столь мало мнѣ пользовали, что принужденъ еще начать кормиться однимъ молокомъ до весны, а тогда по совѣту докторовъ нижайше просить ея и. в. о всемилостивѣйшемъ позволеніи отъѣхать къ другимъ водамъ въ Есъла-Шапель, отъ которыхъ обѣщаютъ мнѣ лучшую удачу, чѣмъ отъ пломбіерскихъ... Всего же мнѣ смертоноснѣе было бы вступить въ долгій путь осенью или зимою, понеже въ студеную погоду я всегда больнѣе, чѣмъ въ теплую. Для того нижайше прошу хотя то одно исходатайствовать, ежели моя служба здѣсь уже по несчастію неугодна, чтобъ отзывъ мой отложить до возврату моего отъ тѣхъ водъ, сирѣчь до предбудущаго лѣта... Дѣло идетъ о сохраненіи живота, который намъ смертнымъ всего дороже»...

Воронцовъ поспѣшилъ его успокоить увѣреніемъ, что отзывать его изъ Парижа никто не думалъ. Выражая за такую поспѣшность свою благодарность, Кантемиръ прибавляетъ: «еслибъ мой отзывъ сею зимою воспослѣдовалъ, то я не надѣюся, чтобъ могъ живъ къ Москвѣ доѣхать; столь здоровье мое хило и столь самая малѣйшая дорога мнѣ пагубна»...

Кантемиру часто приходила мысль, что службой его могутъ быть недовольны и что его отзовутъ изъ Парижа, такъ какъ онъ сомнѣвался въ расположеніи къ себѣ Бестужева. Тогда у него была надежда на мѣсто президента петербургской академіи наукъ, мѣсто, которое было наиболѣе ему по нраву и наиболѣе прельщало его. Съ нею онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, велъ переписку съ президентами Корфомъ и потомъ Бреверномъ, съ секретаремъ Шумахеромъ, исполнялъ разныя порученія отъ академіи, самъ обращался къ ней съ разными просьбами и ходатайствами, выписывалъ всѣ ея изданія, слѣдилъ за ея дѣятельностью. Но теперь, когда онъ чувствовалъ ослабленіе своихъ силъ и когда предвидѣлъ, что скоро, можетъ быть, онъ будетъ не годенъ для посольской службы, до него доходитъ слухъ,

что вмѣсто Бреверна имѣется въ виду русскій посланникъ въ Лондонѣ Нарышкинъ, который еще недавно служилъ при его посольствѣ въ Парижѣ, и котораго уже вызываютъ изъ Лондона. Здѣсь представляется прекрасная черта въ характерѣ Кантемира: онъ поспѣшилъ написать въ Петербургъ: «вѣдомость о Семенѣ Кириловичѣ (Нарышкинѣ) меня весьма возвеселила и надѣюся, что подъ его осмотромъ науки у насъ пойдутъ въ лучшій путь, чѣмъ до сихъ поръ шли. Буде онъ уже прибылъ, покорно прошу его именемъ моимъ поздравить».

Между тѣмъ здоровье Кантемира съ каждымъ мѣсяцемъ все слабѣло. Въ концѣ декабря 1743 года онъ рѣшился писать на имя императрицы: «Уже тому близъ 4 мѣсяцевъ, какъ и до того весьма дряхлое мое здоровье повседневно ослабѣваетъ, изнуряется, такъ что нынѣ нахожусь въ крайне худомъ состояніи, не могучи ни мало что ѣсть безъ рѣву въ желудкѣ, терпя по вся ночи жестокіе жары и кашель, котораго продленіе и чахотку мнѣ навести можетъ. Для освобожденія себя отъ сей болѣзни во время четырехъ годовъ я употребилъ всѣ возможные способы, каковые отъ здѣшнихъ докторовъ мнѣ были предписаны, и ни одного изъ нихъ я уже не миновалъ; но всѣ совѣты ихъ до сихъ поръ явились безполезны. Для того напослѣдокъ въ держанной на сихъ дняхъ консультаціи пятерыхъ здѣшнихъ лучшихъ докторовъ, они признали, что я отъ лекарства никакой себѣ цѣльбы ожидать не долженъ, и присовѣтовали мнѣ, оставя всякія аптекарскія зелья, искать свое здоровье въ умѣренномъ питаніи и въ движеніи тѣла, а наипаче въ какой пріятной и недолгой поѣздкѣ, въ которой бы я могъ воздухъ перемѣнить и отбыть нынѣшнюю свою меланхолію. Того ради прошу дозволить мнѣ отлучиться въ концѣ наступающаго марта отъ здѣшняго двора недѣль на шесть... а намѣреніе мое есть объѣхать здѣшнія ближайшія провинціи, переѣхать въ Лондонъ, гдѣ я подлинно надѣюсь сыскать добрыхъ и искусныхъ докторовъ, каковыхъ здѣсь нѣтъ, и можетъ быть получить отъ ихъ совѣтовъ давно желанную цѣльбу. Минеральныя тамошнія Тунбридскія и Бадскія воды также меня заставляютъ предъизбрать ту поѣздку, которой бы я предпочелъ ѣзду въ Италію за добротою тамошняго воздуха, еслибъ я смѣлъ просить о срокѣ четырехъ мѣсяцевъ, каковъ къ той поѣздкѣ нуженъ и еслибъ имѣлъ способъ учинить потребное на то иждивеніе изъ собственныхъ денегъ. Да и для поѣздки въ Лондонъ деньги мнѣ свои весьма недостаточны, понеже болѣзнь моя чрезъ 4 года повся-

дневно меня принуждаетъ къ чрезвычайнымъ немалымъ расходамъ»...

Письмо заключается просьбою о денежномъ вспомоществованіи отъ казны. Опасаясь, что оно не дойдетъ до императрицы, Кантемиръ въ то же время писалъ Воронцову: «Дѣло идетъ о сохраненіи меня отъ преждевременной смерти, которая, кажется, неизбѣжна, буде я стану терпѣть, руки сжавъ, нынѣшнюю мою болѣзнь, которая повседневно жестоко меня изнуряетъ». Съ этимъ вмѣстѣ онъ проситъ Воронцова похлопотать за него передъ императрицею. Въ другомъ письмѣ черезъ три дня, онъ снова проситъ о томъ же, прибавляя: «совѣстно доношу, что изъ моего жалованья за обычайными тяжкаго дома моего расходами и за повседневными чрезвычайными, которые мнѣ болѣзнь наводитъ 4 года сряду, ни одной полушки въ остаткѣ не имѣю. Поѣздка въ Италію гораздо была бы мнѣ полезнѣе, понеже кромѣ искусныхъ тамошнихъ докторовъ, воздухъ теплый и различныя неапольскія минеральныя воды гораздо много способовъ представляютъ. Для того именемъ Божіимъ прошу ваше превосходительство, чтобъ употребить ваше прилежнѣйшее старательство, что ея императорское величество наипаче на то мое нижайшее прошеніе склониться соизволила; но когда то не удастся, то уже хоть лондонская поѣздка будетъ тѣмъ не безплодна же, что потрясуся на дорогѣ и найду тамъ гораздо искусныхъ докторовъ. Богъ вамъ вторично воздастъ за такое благодѣяніе, которымъ меня изъ гроба выведете: понеже теперь больше на трупъ похожу, чѣмъ на человѣка».

Добрый братъ при этомъ проситъ не передавать своихъ словъ любимой сестрѣ. Черезъ четыре дня написано было новое прошеніе къ императрицѣ. Въ немъ, между прочимъ, говорилось: «всѣ доктора и всѣ здѣшніе мои пріятели мнѣ основательно доказали, что я въ Лондонѣ найду докторовъ искусныхъ, но воздухъ тамошній столь густой и тяжелый (какъ я то самъ искусилъ семилѣтнею глазною болѣзнію), что больше вреда чѣмъ пользы долженъ я себѣ ожидать отъ той поѣздки. Напротиву въ Италіи воздухъ теплый, чистый, здоровый, и въ Неаполѣ натура представляетъ множество различныхъ способовъ къ возстановленію сколько бы ни поврежденнаго здоровья въ водахъ минеральныхъ, въ баняхъ водяныхъ и песчаныхъ; и всѣ они меня заподлинно обнадеживаютъ, что и безъ употребленія лекарствъ одною добротою того климата оттуда здоровый возвращуся, что самое я и самъ уповаю, которая надежда въ больномъ много его пользуетъ»...

Въ тотъ же день послано было и письмо къ Воронцову съ новою просьбою заступиться передъ императрицею. «Уже пятьдесять дней съ-ряду,—прибавляетъ Кантемиръ,—весь день мучитъ меня рѣзь въ желудкѣ, какъ скоро крыло только курицы съѣмъ, а всю ночь жаръ съ кашлемъ, такъ что иногда и трехъ часовъ не сплю, и никто никакой помощи подать мнѣ не можетъ... Можетъ статься, что г. вице-канцлеръ почтится внушить, что ежели мнѣ дозволено будетъ позволеніе отлучиться отъ здѣшняго двора на четыре мѣсяца, то можно мнѣ вычесть жалованья на столько мѣсяцевъ. Для того въ запасъ нижайше прошу предостеречь меня отъ такой обиды, которая была-бъ безъ образца и привела-бъ меня еще въ большій недостатокъ, чѣмъ нынѣ нахожусь. Ибо хотя я и въ отлучкѣ буду, однакожъ принужденъ здѣсь большую часть дома своего держать для оставляемыхъ при дѣлахъ ея императорскаго величества секретарей, которымъ нужно будетъ продолжать и столъ, и квартиру, и экипажъ, и службу моихъ лакеевъ и пр., а которыя-бъ деньги и спасти я могъ, тѣ самыя имѣю употребить на свою поѣздку, присовокупя къ тому, что отъ высочайшей милости мнѣ будетъ въ подмогу пожаловано». Обращался Кантемиръ съ письмами и къ маркизу Шетарди, который въ это время снова былъ въ Москвѣ, гдѣ пребывала императрица. Нашъ посолъ просилъ маркиза удостовѣрить государыню въ его тяжелой болѣзни и замолвить за него слово. Изъ дошедшаго до насъ письма Шетарди [1]) мы узнаемъ, что пріятели Кантемира дѣйствительно за него хлопотали. Но несмотря на все это, просьба его была исполнена только въ половину. Въ дневной запискѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ 31-го января 1744 года записано: «Ея императорское величество со удивленіемъ разсуждать изволила, что обрѣтающійся въ Парижѣ князь Кантемиръ не довольствуется тѣмъ, что онъ гораздо болѣе всѣхъ прочихъ министровъ, а именно будучи посланникомъ по 15,000 руб. въ годъ жалованья получаетъ, еще къ ея императорскому величеству пишетъ, яко бы онъ въ содержаніи крайнюю скудость и долги на себѣ имѣетъ, а къ другимъ пишетъ, что не на что и мяса купить, причемъ отъ вице-канцлера донесено, что и къ нему оный Кантемиръ пишетъ о исходатайствованіи ему позволенія къ отъѣзду его для излѣченія въ Италію, а при томъ и о всемилостив. для такой поѣздки награжденіи деньгами. Ея императорское величество изволила указать къ нему рескриптъ изготовить, изъясняя ему прямо,

[1]) Архивъ Воронцова, т. I, стр. 523.

что онъ по пропорціи получаемаго имъ не малаго и предъ всѣми другими министрами весьма излишняго жалованья, будучи нынѣ полномочнымъ министромъ, а не посломъ, кажется доволенъ быть могъ бы, не вдавая себя въ долги. Когда же онъ въ Италію для излѣченія ѣхать необходимую нужду имѣетъ, то ему на сіе позволяется (въ разсужденіи, что оттуда уже онъ, смотря по времени, прямо и сюда возвратится, а на его мѣсто въ Парижъ другая персона отправлена быть можетъ), но при такой его въ Италію поѣздкѣ вмѣсто награжденія то быть имѣетъ, что у него изъ жалованья (какъ обыкновенно у всѣхъ тѣхъ, которые по прошеніямъ своимъ для собственныхъ нуждъ увольнены бываютъ, жалованье на то время вычитывается) за 4 мѣсяца 5,000 вычтено у него не будетъ» [1]).

Кантемиръ уже предвидѣлъ исходъ дѣла, прежде чѣмъ получилъ такой жесткій рескриптъ. «Если императрица не соизволитъ обо мнѣ соболѣзновать,—писалъ онъ,—то я уже заподлинно продолженія живота отчаяваюсь; понеже сверхъ другихъ моихъ болѣзней уже начинающіяся гнить мои легкія кусками выкашливаю». Онъ уже отказывался отъ вспомоществованія, лишь бы дали ему отпускъ. «Я сколько можно стараться стану тотъ недостатокъ дополнить продажею какихъ уборовъ или учрежда тѣснѣйшую экономію въ оставляемомъ моемъ здѣсь домѣ и уменьшая сколько возможно расходы дорожніе. А то подлинно какъ предъ Богомъ, что я ни одной копейки накопить не могъ, однакожъ затѣмъ я не скуденъ въ уборахъ домовыхъ и въ серебряной посудѣ»...

Бестужевъ не очень торопился отправленіемъ указа объ отпускѣ. Онъ полученъ Кантемиромъ только въ половинѣ марта, когда больной едва могъ двигаться. Онъ извѣщалъ Воронцова, что насилу съ кровати до стула добрести можетъ, и теперь уже не въ состояніи воспользоваться оказанною ему милостью. Послѣ этого ему уже не приходилось безпокоить никого своими просьбами. Онъ умеръ 31 марта 1744 года.

Аббатъ Венути оставилъ намъ описаніе послѣднихъ дней его жизни: «Во все продолженіе своей болѣзни,—говоритъ онъ,—Кантемиръ не пропускалъ ни одного дня, чтобъ не заняться, хотя недолго, наукою или чтеніемъ и самъ, какъ всегда, писалъ депеши. Этому обыкновенію онъ измѣнилъ только за день до смерти. Чтеніемъ онъ развлекалъ и частыя ночныя безсонницы. Когда ему говорили, что такое прилежаніе можетъ повредить

[1]) Архивъ Воронцова, т. VI, стр. 30.

ему, онъ отвѣчалъ, что не страдаетъ только тогда, когда работаетъ. Послѣднимъ трудомъ его былъ переводъ Эпиктетова нравоученія [1]). Охоту къ научнымъ занятіямъ онъ потерялъ за три или за четыре дня до смерти; въ этомъ онъ видѣлъ дурное предзнаменованіе; онъ сталъ думать, что его положеніе опасно. Одинъ изъ его друзей, видя близкій конецъ его, почелъ за долгъ навести его самого на эту мысль. Развлекая его чтеніемъ, онъ прочитывалъ съ нимъ трактатъ о дружбѣ Цицерона и, воспользовавшись однимъ мѣстомъ, гдѣ говорится объ обязанностяхъ и заботахъ дружбы, указалъ ему на его собственное опасное положеніе, совѣтуя ему привести въ порядокъ свои домашнія дѣла и подумать о совѣсти. Больной принялъ это увѣдомленія съ примѣрною покорностью и сказалъ, что на эту услугу онъ смотритъ, какъ на самое несомнѣнное доказательство его дружбы, которую продолжать просилъ до конца. О смерти онъ говорилъ, какъ настоящій философъ-христіанинъ. Онъ просилъ купить ему книгу прелата де-Мо (Боссюэта) о вознощеніи къ Богу, о которой слышалъ много хорошаго, и наконецъ заключилъ свою рѣчь словами: «будемъ продолжать начатое чтеніе о дружбѣ, чтобы вдохновиться этою добродѣтельною утѣшительницею». Дѣйствительно, Кантемиръ болѣе всего былъ склоненъ къ дружбѣ; во время своихъ продолжительныхъ страданій онъ болѣе всего утѣшался тѣмъ, что могъ постоянно видѣть вокругъ себя своихъ друзей, которые не оставляли его одного; самый близкій другъ его, Мопертюи, заходилъ къ нему ежедневно по нѣскольку разъ. Послѣ переданнаго разговора Кантемиръ пожелалъ, чтобы съ нимъ говорили о вѣрѣ, о чемъ онъ всегда любилъ говорить; изъ словъ его было видно, какъ безропотно онъ покорился волѣ Провидѣнія.

«Мысль о смерти,—однажды сказалъ онъ,—сначала испугала меня, а теперь, когда я подумаю, что она приходитъ отъ Того же, Кто далъ мнѣ жизнь, она утѣшаетъ меня». Послѣдніе дни жизни онъ посвятилъ на исполненіе христіанскихъ обязанностей: онъ исповѣдался у посольскаго священника, а въ свѣтлое воскресенье слушалъ обѣдню и причащался, на другой день опять былъ у обѣдни, а на третій уже не могъ явиться въ церковь...

На другой день послѣ смерти Кантемира секретарь русскаго посольства Гроссъ такимъ письмомъ извѣщалъ нашъ дворъ: «Вашего имп. вел. тайный совѣтникъ и полномочный министръ князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ по долготерпѣнной же-

[1]) Куда дѣлась рукопись его,—неизвѣстно.

сточайшей болѣзни, сначала въ желудкѣ и потомъ въ груди, напослѣдокъ вчерась, т.-е. 11 апрѣля (31 марта), въ вечеру въ восьмомъ часу перемѣнилъ сіе временное житіе съ вѣчнымъ блаженствомъ. Ваше имп. вел. подлинно въ немъ изволили потерять вѣрнаго раба и весьма искуснаго ученаго и министра. Здѣсь такимъ обще всѣ его почитали и понеже къ превосходнымъ качествамъ ума присовокупилъ гораздо пріятное обхожденіе со всѣми людьми, а особливо съ своими друзьями; обще же въ городѣ и при дворѣ сожалѣютъ о преждевременной его смерти. Я должности своей чаялъ объ оной два часа послѣ его кончины увѣдомить статскаго секретаря г. Амелота чрезъ мое письмо... А то время двухъ часовъ я проводилъ въ самомъ нужнѣйшемъ попеченіи о тѣлѣ покойнаго князя и въ прочтеніи съ его душеприказчиками его духовной. Оная же три недѣли тому назадъ на русскомъ языкѣ отъ князя Антіоха Дмитріевича мнѣ была диктована и потомъ, когда мною была переписана, всякую статью приложеніемъ своей руки онъ изволилъ подкрѣпить» [1]). Вслѣдъ за этимъ Гроссъ прислалъ прошеніе объ отставкѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что государь его, виртембергскій князь, призываетъ его къ себѣ на службу. Въ дневной запискѣ государственной коллегіи 12 мая 1744 года отмѣчено: «для сбереженія въ цѣлости оставшей послѣ князя Кантемира канцеляріи, прежде увольненія Гросса, за потребно разсуждено и писано уже въ Голландію, чтобъ оттуда отъ посла графа Головкина секретарь Гейнцельманнъ въ Парижъ ѣхалъ и обще съ Гроссомъ и еще съ обрѣтающимся тамо же россійскимъ переводчикомъ Зиминымъ всѣ оставшіяся послѣ князя Кантемира письма запечатали бы и потомъ оныя порядочно описали бы и ту опись сюда прислали» [2]). Эти бумаги теперь хранятся въ московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ. Почти подобные же отзывы о Кантемирѣ, какіе читаемъ въ донесеніи Гросса, дѣлаютъ и друзья его; такъ, Монтескьё писалъ къ аббату Гуаско: «другіе друзья вамъ замѣнятъ того, кого вы лишились, но Россіи не такъ легко замѣнить посланника съ достоинствами князя Кантемира». Аббатъ Венути говоритъ, что «отечество должно оплакивать въ немъ ревностнаго распространителя начинаній Петра Великаго, русскій дворъ умнаго и просвѣщеннаго министра, литература—талантливаго дѣятеля, а честные люди—друга. Онъ отличался умомъ здравымъ

---

[1]) Моск. Арх. министр. иностр. дѣлъ, француз. дѣла, 1744 г.

[2]) Архивъ Воронцова, т. VI, стр. 78. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гроссъ согласился остаться въ русской службѣ.

и образованнымъ; а постоянное чтеніе, частыя размышленія и большое знаніе свѣта развили въ немъ такую проницательность, что онъ могъ предсказать успѣхъ или неуспѣхъ предпріятія тотчасъ же, когда узналъ планъ его. Послѣдствія постоянно оправдывали его предположенія. Въ своихъ дѣлахъ онъ выказывалъ прямодушіе, доходившее до наивности, считалъ хитрость унизительною для своего ума и шелъ прямо къ цѣли, не пренебрегая, впрочемъ, необходимыми предосторожностями, если онѣ были нужны. Съ перваго взгляда онъ казался очень холоднымъ, но эта холодность была только наружною и незамѣтно исчезала, когда онъ былъ въ обществѣ людей, съ которыми сходился. Его меланхолическое настроеніе было скорѣе слѣдствіемъ его продолжительной болѣзни, чѣмъ вліяніемъ отечественнаго климата; но между друзьями онъ бывалъ очень веселъ; преданный имъ всею душою, онъ находилъ удовольствіе оказывать имъ услуги. Въ его рѣчахъ было болѣе разсудительности, чѣмъ огня; при случаѣ же онъ приправлялъ ихъ своимъ остроуміемъ. Въ его пріятныхъ и поучительныхъ разговорахъ не было ни напыщенности, ни тщеславія. Въ его вѣжливомъ обращеніи не было ни изысканности, ни принужденія; все у него вытекало отъ сердца; аффектацію же онъ ненавидѣлъ. Онъ любилъ сатиру, но такую, которая смѣшила умныхъ и добродѣтельныхъ. Въ домѣ онъ допускалъ строгій порядокъ и не допускалъ той мысли многихъ, будто долги служатъ признакомъ высокаго положенія. Сложенія онъ былъ нѣжнаго, а лицо его хотя и не отличалось красотою, но привлекало умнымъ и пріятнымъ выраженіемъ»... При этомъ почти идеальномъ изображеніи Кантемира, пріятель его, какъ ревностный католикъ, не можетъ совершенно примириться съ мыслію, что такой чудный человѣкъ принадлежалъ православной церкви, и потому старается какъ-бы смягчить въ немъ этотъ недостатокъ: «Какъ ни былъ онъ далекъ отъ римскаго исповѣданія,—писалъ Венути,—но у него не было нисколько схизматическаго духа. Никто больше его не чуждался словопреній. Но онъ охотно разъяснялъ мнѣнія какъ о церкви греческой, такъ и латинской. Онъ даже не отказывался принимать доводы, которые ему представляли. Одинъ русскій епископъ передалъ ему для печати сочиненіе на латинскомъ языкѣ о спорныхъ пунктахъ двухъ церквей. Князь нисколько не затруднился вручить его одному теологу, которому онъ довѣрялъ какъ просвѣщенному уму и просилъ его высказать свое мнѣніе. Тотъ указалъ ему на слабыя стороны сочиненія, и князь обратно отослалъ его автору. Онъ признавалъ папу за главу церкви и за преемника св. Петра. Онъ допускалъ весь

тотъ авторитетъ, какой приписывалъ папѣ де-Флёри въ своей церковной исторіи; но онъ прибавлялъ, что злоупотребленіе этимъ авторитетомъ всегда было болѣе чѣмъ что-нибудь препятствіемъ соединенія церквей. «Невозможно, чтобъ онъ ограничился только однимъ духовнымъ міромъ,—говорилъ Кантемиръ,—онъ способенъ произвести весьма большіе безпорядки и въ государствѣ». А между тѣмъ такое предубѣжденіе не мѣшало ему желать успѣшнаго соединенія обѣихъ церквей, чему попытки дѣлалъ Петръ Великій... Впрочемъ, князь Кантемиръ всегда имѣлъ общеніе съ католиками, ходилъ къ обѣднѣ въ ихъ церкви, а въ послѣднее время своей жизни просилъ у парижскаго архіепископа освященнаго камня для алтаря, который ему хотѣлось устроить въ своей домашней часовнѣ; но тотъ не могъ согласиться на его просьбу, и требовалъ прежде честнаго отъ него слова, что обѣдню будетъ служить только священникъ римскаго исповѣданія. На такое условіе Кантемиръ не могъ согласиться и приказалъ служить обѣдню на алтарѣ безъ освященнаго камня, думая, что онъ находится въ такомъ исключительномъ положеніи, которое позволяетъ ему отступить отъ требованія закона».

Если все это справедливо, то показываетъ въ Кантемирѣ духъ вѣротерпимости, который могъ развиться отъ многосторонняго образованія. Аббатъ Венути посвятилъ біографію Кантемира и французскій переводъ его сатиръ какой-то дамѣ. Въ посвященіи къ ней онъ говоритъ: «въ этомъ жизнеописаніи вы найдете его такимъ, какимъ вы его знали съ тѣми достоинствами, по которымъ можно его узнать. Съ знатнымъ происхожденіемъ и высокимъ положеніемъ онъ соединялъ качества, болѣе почетныя, чѣмъ громкое имя и высокія почести: онъ былъ надежный другъ, просвѣщенный человѣкъ и хорошій гражданинъ».

Тотъ же біографъ говоритъ, что у Кантемира нѣкоторое время была связь съ одной молодой особой, отъ которой онъ имѣлъ двоихъ дѣтей; онъ позаботился обезпечить ихъ воспитаніе [1]). Но, какъ видно, эта связь была прервана по крайней мѣрѣ за

---

[1]) Надо полагать, что къ этому относится 23-й пунктъ его завѣщаніе: „Изъ наличныхъ денегъ, которыя по оплатѣ здѣшнихъ моихъ долговъ останутся, будутъ отданы Исааку Вернету 20,000 франковъ, чтобъ онъ ихъ поставилъ, гдѣ за благо изобрѣтетъ, въ какомъ-либо банкѣ, чтобъ съ нихъ получать сначала вѣчнаго дохода (en rentes perpetuelles) по тысячѣ ефимковъ въ годъ; а со временемъ, когда нужда потребуетъ, то оборотить тѣ вѣчные доходы въ доходы по смерти (называемые по-французски rentes viagères), которымъ такъ капиталомъ, какъ и доходомъ онъ учинитъ *то употребленіе, о которомъ мы съ нимъ согласились*“.

два года до его смерти. Такъ, въ 1742 году сестра ему писала изъ Москвы, что тамъ распустили слухъ, будто онъ женился на какой-то итальянской пѣвицѣ. Имѣя въ виду, что въ это время въ Москвѣ выходила замужъ его невѣста, княжна Черкасская, можно догадываться и объ источникѣ этихъ слуховъ. По поводу ихъ Кантемиръ писалъ Воронцову: «Я не чаялъ имѣть себѣ недрузей, понеже совѣстно знаю, что никому не досадилъ; но въ томъ разглашенномъ слухѣ я вижу знакъ злобы непріятельской, понеже мнѣ и въ умъ такое безпутное дѣло не всходило, и здѣсь не токмо я не женатъ, но и *съ никакою дѣвицею не знаюся*... Я и въ томъ на в. пр. полагаюся, чтобъ меня защитить отъ такой гнусной клеветы, которой поводъ вамъ со временемъ откроется». Вѣроятно, въ этой послѣдней фразѣ Кантемиръ намекаетъ на свою прежнюю связь. Конечно, онъ не могъ не подчиниться понятіямъ своего вѣка, по которымъ женитьба на пѣвицѣ считалась безпутнымъ дѣломъ. Изъ переписки по поводу смерти Кантемира съ его наслѣдниками мы заключаемъ, что обстановка домашней жизни русскаго посла не отличалась роскошью. Наиболѣе цѣнные предметы составляли шпалеры, серебряная посуда [1]), картины и кое-что изъ мелкой мебели; кресла же, стулья и болѣе громоздкая мебель не отличались ни цѣнностью, ни великолѣпіемъ; экипажи недорогіе и очень подержаные, исключая новаго большого берлина, обитаго венеціанскимъ малиновымъ бархатомъ съ разводами, и стоившаго восемь тысячъ ливровъ. Для самого Кантемира наиболѣе цѣннымъ предметомъ вѣроятно была библіотека. Она состояла изъ книгъ на разныхъ языкахъ и цѣнилась такъ высоко, что, по увѣренію душеприказчиковъ Кантемира, ея продажа могла бы оплатить немалую часть долговъ умершаго. Эти долги пришлось выплачивать его братьямъ, какъ законнымъ наслѣдникамъ. Они просили душеприказчиковъ [2]) продать все оставшееся имущество послѣ покойнаго брата, за исключеніемъ русскихъ книгъ и рукописей, которыя нужно было переслать въ Россію. Но неизвѣстно почему, вице-канцлеръ Бестужевъ запретилъ Гроссу продавать библіотеку до полученія особаго указа изъ иностранной коллегіи. Наслѣдники

[1]) „Серебряная моя посуда,—говоритъ Кантемиръ въ своемъ завѣщаніи,—стоитъ всего прочаго моего здѣшняго движимаго имѣнія".

[2]) Душеприказчиками по завѣщанію Кантемира были секретарь русскаго посольства Гроссъ, министръ дюка гвастальскаго Боріо и парижскій банкиръ Исаакъ Верне. Что же касается до имущества, находившагося въ Россіи, то здѣсь душеприказчикомъ назначенъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой.

видѣли въ этомъ подрывъ собственнымъ интересамъ, такъ какъ должны были платить проценты за неуплаченные долги. Они начали ревностно хлопотать по этому дѣлу и нѣсколько разъ просили дворъ уплатить за библіотеку ту сумму, въ какую она будетъ оцѣнена, или по крайней мѣрѣ разрѣшить продать ее. Но на все это не получалось никакого отзыва. Дѣло протянулось до половины слѣдующаго года. Кредиторы соскучились дожидаться, и настояли на продажѣ библіотеки, несмотря на возраженія Гросса.

Завѣщая все свое имущество братьямъ Матвѣю и Сергѣю и сестрѣ Маріи, Кантемиръ не предполагалъ, что имъ придется платить его долги. Въ своемъ завѣщаніи онъ писалъ, что тѣми деньгами, которыя ему должна казна, можно выплатить его долги и еще получить остатокъ. Но эта надежда его не исполнилась. Казна отказалась отъ уплаты долговъ русскаго посла. За то исполнилась другая его надежда: «Ежели король французскій,— писалъ онъ въ завѣщаніи,—по обыкновенію пошлетъ по смерти моей къ моей фамиліи въ обыкновенный подарокъ портретъ свой, то оный продать и деньги употребить къ прибавленію дохода какого-нибудь бѣднаго госпиталя въ Москвѣ». Въ письмѣ Гросса къ Воронцову отъ 30-го іюня 1745 года читаемъ, что онъ посылаетъ въ Россію вмѣстѣ съ оставшеюся по Кантемирѣ серебряною посудою и другими золотыми и серебряными его вещицами также королевскій подарокъ — портретъ, обложенный алмазами.

Не забылъ въ завѣщаніи Кантемиръ и своихъ слугъ, приказавъ щедро одарить ихъ, въ особенности же камердинера, который служилъ ему съ 1732 года, т.-е. съ самаго его пріѣзда въ чужіе края. Все это подтверждаетъ тѣ похвалы доброму сердцу Кантемира, какія высказывались людьми, близко его знавшими.

Но наслѣдники не могли тотчасъ же воспользоваться тѣмъ, что имъ было завѣщано. Въ «Дневной запискѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ» читаемъ, что они обратились къ императрицѣ съ просьбою заплатить долги умершаго брата и перевезти тѣло его и «домашніе уборы» на счетъ казны. Но имъ было отказано съ совѣтомъ «во всемъ томъ исправиться самимъ». Тамъ же узнаемъ, что между братьями и сестрою произошло разногласіе. Братья не хотѣли ей выдѣлять деревень, ссылаясь на то, что имъ нужно платить долги покойнаго. Императрица приказала объявить братьямъ, что они могутъ заплатить

сестрѣ деньгами, чего стоитъ завѣщанная ей доля изъ деревень, если они не хотятъ дѣлить ихъ. «А что до заплаты долговъ надлежитъ, то бы они всѣ обще и съ сестрою по пропорціи того платили, на сколько цѣною каждому изъ нихъ всякаго имѣнія по раздѣлу достанется» [1]). Княжнѣ Маріи Кантемиръ не мало пришлось похлопотать и о серебрѣ, которое ей назначено умершимъ братомъ. Оно не скоро прибыло въ Петербургъ, затѣмъ долго лежало въ портовомъ пакгаузѣ, откуда наконецъ получили его довѣренные отъ княжны люди, съ тѣмъ чтобы его перевезти къ ней въ Москву. Но до ихъ отъѣзда князь Константинъ Кантемиръ взялъ его на храненіе въ свою кладовую палату. Людямъ уже назначенъ былъ день, когда они должны были выѣхать изъ Петербурга; но какъ разъ въ ночь на этотъ день скоропостижно умеръ князь Константинъ (19-го января, 1747 года). Все его имущество было опечатано, сюда же попался и наслѣдственный серебряный сервизъ княжны Маріи. Напрасно хлопотала она, обращаясь съ просьбою даже къ императрицѣ, которая заподозрила покойнаго русскаго посла въ несправедливомъ присвоеніи сервиза, полагая, что онъ купленъ на казенныя деньги. У насъ есть письмо княжны къ Воронцову отъ 2-го іюня 1748 года, гдѣ она заявляетъ о пожарѣ, истребившемъ московскій ея домъ, отчего она осталась безъ пристанища: «а строиться кромѣ оставшагося братня серебра другого кошту не имѣю; токмо и надежды, что оное серебро». Просилъ ли Воронцовъ императрицу помочь несчастной погорѣлицѣ, мы не знаемъ; но Маріи Кантемиръ почти черезъ четыре года пришлось повторить свою просьбу и опять безъ успѣха. Только въ началѣ 1755 года послѣдовалъ высочайшій указъ отдать все имущество, оставшееся послѣ смерти лейбъ-гвардіи преображенскаго полку капитана князь Константина Кантемира братьямъ его Матвѣю и Сергію. Послѣ этого мы можемъ догадываться, что серебро наконецъ перешло въ руки княжны Маріи. Этимъ же указомъ предписывалось отобрать отъ братьевъ Кантемировъ всѣ имѣнія, пожалованныя имъ при императрицѣ Аннѣ, и приписать къ собственнымъ вотчинамъ императрицы» [2]). Не знаемъ, поступили ли въ тотъ счетъ и помѣстья бывшаго русскаго посла, которыя были изъ тѣхъ же жалованныхъ помѣстій, и которыя, по завѣщанію, достались братьямъ Матвѣю и Сергѣю.

---

[1]) Архивъ Воронцова, т. VI.

[2]) Архивъ Воронцова, т. I, стр. 402.

Въ послѣднемъ пунктѣ своего завѣщанія князь Антіохъ Кантемиръ приписалъ: «тѣло мое будетъ переслано моремъ и будетъ похоронено въ греческомъ монастырѣ въ Москвѣ, безъ всякой церемоніи, ночью». Но и этотъ пунктъ долго былъ не выполненъ. Изъ письма Гросса отъ 30-го іюня 1745 года мы узнаемъ, что тѣло покойнаго князя въ это время было еще во Франціи. Г. Бартеневъ говоритъ, что теперь въ греческомъ монастырѣ нельзя доискаться надгробнаго камня нашего перваго сатирика.

Родъ князей Кантемировъ прекратился въ царствованіе Екатерины II со смертію князя Матвѣя.

В. Стоюнинъ.

НѢМЕЦКАЯ КАМЕЛІЯ.

Frau Venus. Roman von Karl Frenzel. („Deutsche Romanbibliothek", №№ 1—7). Stuttgart. 1880.

Роману не счастливится въ настоящее время, не счастливится не количественно, а качественно. Едва ли когда-нибудь на книжномъ рынкѣ появлялось такое множество беллетристическихъ произведеній; едва ли когда-нибудь спросъ на нихъ былъ такъ великъ, какъ теперь. Но лучшіе мастера въ этомъ родѣ старѣютъ и мало-по-малу сходятъ со сцены, а новые нарождаются туго, и больше богаты геніальными претензіями, чѣмъ настоящимъ творческимъ и художественнымъ геніемъ. Крупнѣйшіе нѣмецкіе беллетристы, имена которыхъ уже давно пользуются завиднымъ правомъ привлекать вниманіе общества нѣмецкаго и не-нѣмецкаго, въ послѣднее время размѣнялись на мелочи. Послѣднія произведенія Шпильгагена и Ауэрбаха оставляютъ по себѣ въ умѣ и въ эстетическомъ чувствѣ читателя скорѣе разочарованіе, чѣмъ живой интересъ и удовольствіе. Прочитавъ «Бригитту» Ауэрбаха, мы не могли дать себѣ отчета, зачѣмъ написана эта повѣсть, если не для того, чтобы наполнить громкимъ литературнымъ именемъ нѣсколько газетныхъ или иныхъ фельетоновъ. Романъ-фельетонъ дѣйствительно вытѣсняетъ теперь въ Германіи прежній романъ, какъ самостоятельное, полное и цѣльное по идеѣ художественное произведеніе. По необходимости смиряясь передъ этимъ знаменіемъ времени, мы хотимъ познакомить читателей, въ сжатомъ очеркѣ, съ однимъ изъ современныхъ нѣмецкихъ романовъ-фельетоновъ, и избираемъ для этой цѣли едва ли не лучшій изъ нихъ—ро-

манъ Карла Френцеля: «Frau Venus», появившійся въ началѣ года въ «Deutsche Romanbibliothek». Для тѣхъ, кто хорошо знакомъ съ типомъ камелій, идеализированнымъ французскими романистами, интересно будетъ познакомиться съ такимъ же идеализированнымъ нѣмецкимъ типомъ. Французская камелія, какъ извѣстно, романически умираетъ въ чахоткѣ, оставаясь до послѣдней минуты вѣрной своему страстному чувству: чѣмъ же кончаетъ нѣмецкая камелія?

I.

На послѣдней берлинской художественной выставкѣ предметомъ общаго вниманія, сильныхъ порицаній и горячихъ похвалъ, была картина, рѣзко выдававшаяся изъ ряда другихъ. Защитники и блюстители строгой морали рѣзко осуждали сюжетъ и исполненіе картины. Она изображала Венеру, выходящую изъ пѣнистыхъ морскихъ волнъ, съ длинными бѣлокурыми волосами, развѣваемыми вѣтромъ, съ граціозно поднятою надъ головой рукою, со взглядомъ какъ-бы изумленнымъ въ виду всего, что̀ представилось глазамъ новорожденной богини, но въ то же время сосредоточеннымъ и самоувѣреннымъ, съ легкою улыбкой, окруженную миѳическими фигурами, которыя, казалось, были поражены и ослѣплены этимъ чуднымъ видѣніемъ. По мнѣнію строгихъ судей, нельзя было написать ничего великолѣпнѣе этого образа, но и ничего болѣе соблазнительнаго. Чары красоты и искушенія были разлиты по всей картинѣ, страстно написанной и дышавшей страстью.

Передъ картиной ежедневно толпилась масса любопытныхъ зрителей. Картина висѣла въ одной изъ первыхъ залъ, отлично освѣщенная сверху, легко выдѣляясь на темно-красномъ фонѣ стѣны и преобладая уже одними своими размѣрами надъ всѣмъ, что было выставлено въ той же комнатѣ. Кругомъ раздавались наивныя замѣчанія несвѣдущихъ зрителей и солидные отзывы знатоковъ живописи. Но и тѣ, кто охотно отвернулся бы отъ такой картины, какъ соблазнительной и неприличной, не могли отъ нея оторваться.

Не удивительно, что передъ такою картиной уже болѣе получаса задумчиво сидѣлъ на кругломъ диванѣ молодой гвардейскій офицеръ, на лицѣ котораго послѣдняя нѣмецкая война оставила неизгладимый слѣдъ въ видѣ шрама. Но, несмотря на этотъ шрамъ, въ темныхъ глазахъ его не трудно было про-

честь выраженіе душевной мягкости и добродушія. Графъ Альбертъ Берггаузенъ—такъ звали этого зрителя—могъ быть очень суровъ и храбръ на войнѣ, но въ будничной жизни легко подпадалъ чужому вліянію. На этотъ разъ поклонники картины рѣшительно преобладали въ толпѣ надъ ея порицателями. Кругомъ слышались вопросы, замѣчанія. — «Придумалъ ли самъ авторъ этотъ образъ, или списалъ его съ модели, съ какой-нибудь камеліи?» — спросилъ кто-то изъ зрителей. — «Кто написалъ эту картину?» — спрашивалъ другой. — «Эдгаръ Штурмъ, молодой человѣкъ, который въ прошломъ году выставилъ прелестный портретъ дамы въ черномъ платьѣ съ краснымъ розаномъ въ рукѣ». — «Вѣдь это не настоящая Венера?» — «Совсѣмъ нѣтъ, это просто хорошенькая женщина буржуазнаго круга»... «Во всякомъ случаѣ, Штурмъ — художникъ съ замѣчательнымъ талантомъ; въ этомъ поразительномъ сочетаніи чистѣйшей красоты съ фантастически-чудовищными фигурами такъ много генія, оригинальности»... «Гдѣ живетъ художникъ?» — «Здѣсь, у насъ, въ Берлинѣ». — «Замѣчательно»...

На глазахъ Берггаузена новая волна зрителей смѣнила прежнюю, и до него стали доноситься другіе голоса и другіе отзывы. Но онъ знаетъ о живописцѣ гораздо больше, чѣмъ публика. Они знакомы, графъ Берггаузенъ не разъ бывалъ въ мастерской живописца, когда тотъ писалъ свою картину; художникъ, конечно, не показывалъ ему своей богини, но графъ Берггаузенъ знаетъ и его модель: при взглядѣ на картину, ему припоминается прошлое. Этотъ знакомый образъ переноситъ его за два года назадъ, но онъ никакъ не можетъ связать прошлое съ настоящимъ. Эта картина для него загадка, и можетъ быть именно ея загадочность заставляетъ его просиживать такъ долго передъ нею...

Въ залу вошли двѣ знакомыя ему дамы, съ которыми онъ поспѣшилъ раскланяться. Но младшая изъ нихъ предупредила его привѣтствіе ироническимъ поклономъ и словами: «Здравствуйте, графъ. Вы все въ безмолвномъ размышленіи передъ богиней?» Она была некрасива, но блестящіе сѣрые глаза ея смотрѣли умно и самоувѣренно, губы плотно и энергически примыкали одна къ другой; эти глаза, эти губы, свѣжія краски лица и стройный станъ вошедшей видимо нравились графу. Несмотря на все уваженіе, съ какимъ она относилась къ своей спутницѣ, можно было тотчасъ замѣтить, что первая роль принадлежала ей. На Адельгейдѣ Пфлюгъ, единственной дочери богатаго фабриканта, лежалъ характерный отпечатокъ богатства и

доставляемыхъ имъ житейскихъ удобствъ и избалованности. То была одна изъ самыхъ завидныхъ невѣстъ нѣмецкой столицы, привыкшая сдерживать порывы своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Графъ Берггаузенъ охотно бывалъ у нихъ въ домѣ и пользовался особеннымъ расположеніемъ ея отца. Фабрикантъ Пфлюгъ любилъ принимать у себя, вмѣстѣ съ людьми своего круга, и чистокровныхъ дворянъ. Прошлою зимой, въ обществѣ даже были толки о предстоящемъ бракѣ между Адельгейдой и графомъ; но лѣтомъ отецъ уѣхалъ съ дочерью изъ Берлина, и съ наступленіемъ осени, въ октябрѣ, графъ Берггаузенъ во второй разъ встрѣчался съ Адельгейдой на выставкѣ.

Они встрѣтились, какъ старые знакомые, но ему показалось, что она относится къ нему теперь съ бо́льшею холодностью и сдержанностью, чѣмъ прежде. Ужъ не дошли ли и до нея слухи о предстоящей ихъ помолвкѣ? И охота людямъ распространять подобные слухи безъ всякаго къ тому повода! Или она досадуетъ на то, что онъ еще не объяснился съ нею? Но она сама видимо сторонилась отъ него. Она сама сказала ему разъ на балу: «Дѣвушка съ моимъ состояніемъ, некрасивая собой, но и недурная, можетъ только оставаться старой дѣвой, если не вышла замужъ семнадцати лѣтъ,—а мнѣ уже двадцать-четыре. Я слишкомъ стара, чтобы заблуждаться, и слишкомъ молода, чтобы не придавать самой себѣ больше значенія, чѣмъ моему богатству». Какъ же было, послѣ этого, рѣшиться на объясненіе съ нею? Онъ былъ бѣденъ, онъ не имѣлъ ничего, кромѣ жалованья и кое-какихъ долговъ. Положа руку на сердце, онъ затруднялся сказать и самому себѣ, что любитъ эту дѣвушку. Она не принадлежала къ числу тѣхъ женскихъ натуръ, къ которымъ мужчина не подходитъ безнаказанно: отъ нея нельзя было загорѣться. Быть можетъ, однако, его привлекала къ ней именно эта безопасность личныхъ отношеній, исключавшая возможность болѣе страстнаго чувства.

Дамы и графъ обошли вмѣстѣ всѣ залы и кабинеты выставки, и хотя при выходѣ не было никакой надобности проходить черезъ красную залу, гдѣ висѣла интересная картина, Адельгейда направилась туда.

— Съ моей стороны было бы безжалостно увести васъ отсюда, не давъ вамъ возможности взглянуть еще разъ на вашу богиню,— сказала она графу, улыбаясь...

— Вы приписываете мнѣ страсть, о которой ничего не знаетъ мое сердце,—отвѣчалъ онъ простодушно.

— Серьёзно?

Она произнесла этотъ вопросъ такимъ особеннымъ тономъ, и посмотрѣла на него такъ пристально, что онъ ничего не отвѣтилъ. Ея сильно возбужденное состояніе видимо не допускало никакихъ возраженій.

— Эти глаза, эти волосы, эта грація сводятъ мужчинъ съ ума,—сказала она, глядя на картину.—Природная ли это красота, или искусство, дѣйствуя какъ природа, привлекаютъ всѣхъ?

— Всѣхъ?—спросилъ графъ больше для того, чтобъ показать, что онъ слушаетъ свою собесѣдницу, чѣмъ по внутреннему побужденію.

— Не всѣхъ?—И она недовѣрчиво посмотрѣла на него.—Только какой-нибудь глупецъ или дикарь остается равнодушнымъ къ этой картинѣ.—И она вдругъ засмѣялась, но въ ея смѣхѣ было что-то принужденное.—Какъ вы странно смотрите, графъ! Точно я не та, что́ и обыкновенно, или какая-нибудь колдунья. Васъ изумляютъ мои странныя слова? Я шучу. Мой отецъ, какъ и вы, влюбленъ въ эту картину, и даже купилъ ее.

— Вашъ отецъ? Въ такомъ случаѣ, я могу только пожелать, чтобъ вы счастливо владѣли ею.

— Мнѣ кажется, эта картина будетъ отлично выдаваться въ нашей галереѣ, особенно на той стѣнѣ, что́ противъ входной двери. Тамъ оставалось до сихъ поръ безобразное пустое мѣсто.

Она произнесла эти слова съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, разсматривая картину въ бинокль съ разныхъ сторонъ, какъ совершенно избалованное существо, для котораго даже произведеніе крупнаго таланта не больше, какъ предметъ легкой забавы.

Галерея господина Пфлюга славилась не только между его знакомыми, но и въ любительскихъ и художническихъ кружкахъ. Живописецъ имѣлъ основаніе не разсчитывать на пріобрѣтеніе его картины правительствомъ для національнаго музея, и охотно продалъ ее частному лицу. Все это было очень естественно, и однако графъ Альбертъ Берггаузенъ слушалъ свою собесѣдницу съ изумленіемъ, точно она разсказывала ему сказку.

— Конечно... Тамъ прекрасное мѣсто для такой картины.

Надо же было сказать что-нибудь, подумалъ про себя графъ. А она насмѣшливо улыбалась, точно графъ никогда еще не казался ей такимъ ничтожнымъ, какъ теперь. Въ эту минуту, кто-то сказалъ при ней вполголоса: «Вотъ онъ!»

Высокій и стройный молодой человѣкъ, съ темными вьющимися волосами, поспѣшно проходилъ черезъ залу, какъ-бы уклоняясь отъ общаго вниманія, и едва отвѣтилъ на поклонъ графа.

— Эдгаръ Штурмъ! — тихо сказалъ графъ Адельгейдѣ. Вы позволите подозвать его?

Графъ не замѣтилъ, что она вспыхнула, услыхавъ этотъ вопросъ, и только почувствовалъ легкое давленіе ея руки на свою руку.

— Нѣтъ, нѣтъ! — проговорила она съ большою горячностью.—За кого же онъ приметъ меня! Точно я хочу выставиться здѣсь передъ всѣми владѣтельницей его картины! Да я уже разъ видѣла его такъ же мелькомъ, какъ и сейчасъ. Онъ вышелъ тогда изъ комнаты отца и, проходя нашимъ садомъ, казался такимъ счастливымъ и гордымъ. Вы знаете его?

— Мы не совсѣмъ друзья, но знаемъ другъ друга короче, чѣмъ просто знакомые.

— А эта красавица? Это его жена, или предметъ его страсти?

— Право, не знаю. Но мнѣ кажется, что я встрѣчалъ оригиналъ этой картины.

— Благоволите проводить меня до кареты.

И, прощаясь, она пригласила графа вечеромъ къ отцу.

— Отецъ будетъ очень радъ васъ видѣть...—проговорила она, подсаживаемая графомъ въ карету, и потомъ дружески и заманчиво улыбнулась ему въ окно.

Домъ г. Пфлюга стоялъ въ одной изъ красивѣйшихъ загородныхъ улицъ Тиргартена, отдѣланный и убранный по его богатству и вкусу. Спасаясь отъ дыма и чада своей фабрики, господинъ Пфлюгъ, по собственному его выраженію, любилъ «погружаться въ эѳиръ красоты», вести знакомство съ артистами, художниками и учеными. Знакомство это дѣйствительно доставило ему нѣкоторыя общія понятія объ искусствѣ и наукѣ, нѣкоторое умѣнье говорить о музыкѣ и живописи, и выборъ пріобрѣтенныхъ имъ картинъ былъ вообще довольно удаченъ. Одноэтажный домъ его, на половину прикрытый старыми деревьями, отдѣленный отъ улицы желѣзною рѣшеткой и растеніями, былъ слишкомъ обширенъ для него и его дочери—жена господина Пфлюга скончались три года тому назадъ—но господинъ Пфлюгъ не рѣшился отдать часть его въ наемъ. Рано или поздно—толковали его знакомые—господинъ Пфлюгъ женится вторично—ему всего пятьдесятъ съ чѣмъ-то лѣтъ, и хорошо, что въ домѣ остается много мѣста для молодой жены. А можетъ быть комнаты, которыя занимала покойная госпожа Пфлюгъ, ожидаютъ водворенія зятя въ домѣ хозяина: господинъ Пфлюгъ, по-

лагали его знакомые, слишкомъ сильно любить свою дочь, чтобы разстаться съ нею послѣ ея брака.

Адельгейда и ея компаньонка, миссъ Бреддонъ, весело встрѣтили графа, когда онъ посѣтилъ ихъ въ день своей встрѣчи съ ними на выставкѣ. Настроеніе Адельгейды, повидимому, совсѣмъ измѣнилось послѣ утренней встрѣчи ея съ графомъ. Въ ней не оставалось и слѣда того возбужденнаго состоянія, которое онъ замѣтилъ на выставкѣ. Спокойная ясность ея настроенія, ея мягкій голосъ, которые онъ такъ любилъ съ самаго начала ихъ знакомства, возвратилось къ ней по прежнему. Бесѣдуя, они ходили по саду подъ лучами заходившаго солнца. День былъ почти лѣтній, и только рано наступившія сумерки напомнили о томъ, что была уже осень. Гость и хозяйка любезно разспрашивали другъ друга, какъ провели они лѣто, что̀ видѣли новаго, съ кѣмъ свели новыя интересныя знакомства. Графъ говорилъ о своей матери и сестрахъ, которыхъ посѣтилъ недавно въ ихъ маленькомъ имѣніи. Разговоръ мало-по-малу перешелъ къ ихъ общимъ знакомымъ, и графъ не замѣтилъ самъ, какъ произнесъ имя Штурма. И вотъ, ему пришлось теперь удовлетворить любопытство своей собесѣдницы.

Графъ познакомился и сошелся съ нимъ за два года передъ тѣмъ, въ деревнѣ и семьѣ одного изъ ихъ общихъ знакомыхъ. Эдгаръ Штурмъ выдѣлялся между своими собратами по искусству бо́льшимъ образованіемъ и относительной свѣтскостью. Отецъ его расписывалъ комнаты, но въ глубинѣ души считалъ себя призваннымъ къ лучшей долѣ и обиженнымъ судьбою. Большое трудолюбіе и бережливость дали ему возможность открыть сыну то высшее поприще, о которомъ онъ нѣкогда мечталъ для себя. Эдгаръ рано обнаружилъ необыкновенную способность къ живописи; но отецъ настаивалъ, чтобъ онъ предварительно пріобрѣлъ нѣкоторое «ученое» образованіе, прежде чѣмъ предаться своему любимому занятію. Юноша усердно посѣщалъ гимназію, и прошелъ весь гимназическій курсъ. Въ то время, когда познакомился съ нимъ графъ Альбертъ Бергтаузенъ, ему было уже двадцать-пять лѣтъ; ни отца, ни матери его уже не было въ живыхъ; онъ былъ совершенно одинокъ. Его блестящія надежды на славу даровитаго художника еще не оправдались, но онъ видимо преуспѣвалъ въ своемъ искусствѣ — нѣсколько недавно сдѣланныхъ имъ портретовъ свидѣтельствовали объ этомъ до очевидности, и юный художникъ бодро смотрѣлъ въ будущее.

Послѣ этого перваго знакомства, молодые люди предприняли вмѣстѣ поѣздку въ южную Германію, и замѣтно сблизились. Раз-

сказъ графа объ его оригинальномъ спутникѣ и замѣчательномъ талантѣ послѣдняго въ высшей степени заинтересовалъ Адельгейду. Съ наступленіемъ сумерекъ, миссъ Бреддонъ уже не разъ приглашала хозяйку и гостя возвратиться въ комнату, но Адельгейда не внимала ея приглашеніямъ. Ей было такъ хорошо, такъ интересно, она точно была чѣмъ-то несказанно обрадована.

— Вы такъ вѣрно и естественно описали мнѣ этого художника, что я вижу его передъ собою,—сказала она графу, входя съ нимъ наконецъ въ ярко-освѣщенную комнату, гдѣ уже давно поджидала ихъ миссъ Бреддонъ.—Судя по его картинѣ, я представляла его себѣ совсѣмъ иначе. Вы можете посмѣяться надо мной: я представляла его высокомѣрнымъ, дико-геніальничающимъ художникомъ, но мнѣ гораздо больше нравится тотъ скромный работникъ, котораго вы знаете и называете вашимъ хорошимъ пріятелемъ.

И, опустившись на круглый диванъ посреди комнаты, она движеніемъ руки пригласила графа сѣсть подлѣ.

— Изъ вашихъ словъ можно однако заключить, что картина Штурма не особенно вамъ нравится.

— Съ другомъ дома, какъ вы, я могу быть вполнѣ откровенна,—отвѣчала Адельгейда полу-серьёзно, полу-льстиво. Когда отецъ сказалъ мнѣ сегодня за завтракомъ, что покупаетъ эту картину, я испугалась и даже обидѣлась. Подумайте: такая картина въ нашей залѣ... Но вы знаете отца: наше противорѣчіе могло только подкрѣпить его рѣшеніе. И вѣдь онъ въ сущности правъ: я признаю красоту этой картины, не хочу быть тупорной дѣвой; въ картинѣ есть что-то неотразимо волнующее мои чувства. Вы знаете, съ кого написана богиня?

Предлагая графу этотъ вопросъ, Адельгейда отвернулась и стала всматриваться въ китайскія вазы и чашки, стоявшія на мраморномъ каминѣ.

— Я не рѣшился спросить его объ оригиналѣ,—сказалъ графъ,—потому что, кажется, знаю оригиналъ и не могу предполагать никакой связи между нимъ и Штурмомъ.

— Тутъ есть что-то загадочное. Ужъ не тайна ли это, къ которой лучше не прикасаться?.

— Совсѣмъ нѣтъ! Я говорю только о моей догадкѣ, о возможномъ сходствѣ. Сотни людей могли точно такъ же видѣть ту даму, которую напоминаетъ картина, какъ видѣли ее и я, и Штурмъ...

— Онъ, стало быть, видѣлъ ее?

— Два года тому назадъ, въ Баденъ-Баденѣ. Мы были тамъ

вмѣстѣ. Она встрѣчалась намъ на гуляньяхъ, на дворѣ стараго замка, на скачкахъ. Такой красавицы нельзя было не замѣтить, а она еще и одѣвалась великолѣпно и со вкусомъ.

— Но кто же этотъ фениксъ въ женскомъ образѣ? Развѣ у нея нѣтъ имени? Или она мгновенно исчезла въ туманѣ, во мракѣ, какъ фея?

— Почти такъ. Ее звали Юлія. Нѣкоторое время мы принимали ее за княгиню Подгорскую, потому что князь постоянно сопровождалъ ее...

— А!

Губы Адельгейды насмѣшливо и презрительно сжались, она сдѣлала легкое отклоняющее движеніе правой рукой, какъ-бы давая понять собесѣднику, что съ нея и этого довольно. Но, вслѣдъ затѣмъ, она же и спросила:

— Если Штурмъ зналъ эту даму въ Баденъ-Баденѣ, то онъ могъ встрѣтиться съ нею и здѣсь?

— Едва ли. Князь уѣхалъ съ нею въ Лондонъ. Впрочемъ, такой красавицѣ не скрыться нигдѣ.

— И вы не сказали вашему пріятелю, кого напоминаетъ вамъ его картина? Онъ самъ не намекалъ вамъ на это?

— Обстоятельства, при которыхъ мы встрѣтили эту даму, таковы, что мы не охотно говоримъ о ней.

— Онъ, можетъ быть, боится прикоснуться къ незакрывшейся еще ранѣ? — иронически замѣтила Адельгейда. Вы до крайности возбуждаете мое любопытство.

Но въ корридорѣ послышались въ эту минуту мужскіе голоса и затѣмъ приближавшіеся шаги, которые выручили графа изъ затрудненія.

— Мой отецъ! — сказала Адельгейда съ замѣтнымъ оттѣнкомъ досады въ голосѣ, и встала.

Въ дверяхъ показался господинъ Пфлюгъ, простирая обѣ руки къ своей единственной дочери. Но онъ былъ не одинъ: за нимъ шелъ тотъ самый художникъ, о которомъ только-что шла оживленная бесѣда.

Господинъ Пфлюгъ представилъ дочери новаго гостя, упомянулъ о своей любви къ искусству, любезно спросилъ графа о недавнихъ маневрахъ, и даже сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ миссъ Бреддонъ, представляя и ей автора «безбожной» картины.

Добродушіе и словоохотливость господина Пфлюга проявлялись не особенно изящно, но противостоять имъ было невозможно. Однихъ подкупало его богатство, другихъ трогала кажущаяся

непринужденность и искренность его обращенія. Въ данную минуту его появленіе оказалось очень пріятнымъ для всѣхъ, даже для досадовавшей сначала Адельгейды. Вечеръ прошелъ весело для всѣхъ; хозяева и гости разошлись не раньше одиннадцатаго часа. Эдгаръ произвелъ на всѣхъ самое лучшее впечатлѣніе. Онъ держалъ себя очень скромно, но искры его талантливой натуры минутами ярко блистали въ общемъ разговорѣ. Адельгейда слушала его съ большимъ интересомъ.

— Не понимаю, — сказалъ художникъ графу, когда они вышли на улицу, — почему эту дѣвушку не считаютъ красивою. Какъ будто эти пепельные волоса, эти свѣтлые, говорящіе глаза — не рѣдкость, не красота!

Графу, какъ старому знакомому Пфлюговъ, пришлось отвѣчать художнику на нѣсколько вопросовъ объ этомъ семействѣ, и даже разувѣрять его въ томъ, будто бракъ его съ Адельгейдой — дѣло рѣшенное, даже въ своемъ желаніи жениться на богатой дѣвушкѣ. Эдгаръ находилъ, что богатство не можетъ быть препятствіемъ къ счастливому браку, и назвалъ графа мечтателемъ. Но графъ стоялъ на своемъ: богатство Адельгейды мѣшаетъ ему любить ее и высказываться передъ нею. Еслибъ она была бѣдна, онъ не сталъ бы себя сдерживать. А теперь ея состояніе могло бы только отравить его счастіе: мысль, что она стала графиней Берггаузенъ за свои деньги, можетъ не покидать ее послѣ супружества.

Эдгаръ внимательно слушалъ его.

— Вы, стало быть, не любите этой дѣвушки? — спросилъ онъ опять съ глубокимъ вздохомъ. И странная мысль блеснула въ его головѣ.

— И нелюбимъ ею, — прибавилъ графъ.

Нѣсколько минутъ они шли молча. Эдгаръ возобновилъ разговоръ.

— Это необыкновенная дѣвушка по всему, что я отъ васъ узналъ и что видѣлъ сегодня. Съ какимъ пониманіемъ, съ какимъ чувствомъ говорила она сегодня объ искусствѣ! Я почти увѣренъ, что обязанъ ей больше, чѣмъ ея отцу, сбытомъ моей картины.

— Напротивъ, — отвѣчалъ графъ съ своей обычной добродушной откровенностью. — Она отсовѣтывала отцу покупать вашу картину, но по причинѣ для васъ только лестной. Ваша картина потрясла и взволновала ее, она сама не знаетъ, какъ отнестись къ ней, страшиться ли ея, или любить. Она поставила меня въ большое затрудненіе своими вопросами о томъ, дѣйствительная ли женщина ваша богиня, или фантастическая.

— А что вы ей сказали?

— Что же я могъ сказать? Или много, или ничего. Но я не скрылъ отъ нея, что видѣлъ женщину, похожую на вашу Венеру.

— Вы видѣли ее, графъ? Кто же эта дама?

— Я не передавалъ вамъ моего замѣчанія, потому что не знаю, какъ относитесь вы теперь къ нашему приключенію въ Баденъ-Баденѣ. Мнѣ не хотѣлось сказать вамъ: ты рисуешь богиню, а эта богиня—она, Юлія!»

— Вы еще не забыли Юлію?

— Ваша картина доказываетъ, что и вы ее помните. И какъ забыть такую красавицу? Мое смутное, блѣдное представленіе о ней—ничто въ сравненіи съ тѣмъ живымъ образомъ, который перенесенъ на полотно вашимъ удивительнымъ искусствомъ.

— Мое искусство ничтожно! —прервалъ Эдгаръ.—Я лучше бы сдѣлалъ, еслибъ отбросилъ подальше и кисть и палитру. Къ чему долѣе обманывать? Образъ Венеры не созданъ моимъ воображеніемъ, не скопированъ рабски съ какой-нибудь модели: Юлія жива, Юлія у меня!

Графъ остолбенѣлъ отъ изумленія. Ужъ не сказку ли разсказалъ ему Эдгаръ? Эта дѣвушка, которую онъ зналъ только великолѣпно разряженною, только въ богатѣйшихъ кружевахъ, она теперь — любовница, модель или жена бѣднаго живописца, годовымъ доходомъ котораго нельзя оплатить даже и ея серегъ!

— Юлія, которую мы называли княгиней Подгорской? — сказалъ графъ въ недоумѣніи, какъ будто предполагая еще возможность ошибки со стороны Эдгара.

— Да, она! Та самая, которая блеснула тогда передъ нашими глазами и мгновенно исчезла. Но разсказывать объ этомъ было бы слишкомъ долго. Хотите видѣть ее завтра? Мы часто говоримъ съ ней о васъ. Покойной ночи—я ожидаю васъ завтра.

Эдгаръ ушелъ такъ поспѣшно, что его собесѣдникъ не успѣлъ ничего сказать ему въ отвѣтъ. Невольно припомнились ему ихъ встрѣчи съ этой дамой. Красота ея вызвала тогда изъ груди Эдгара крикъ удивленія; графъ, съ своей стороны, былъ плѣненъ ея манерой держать себя и изящнымъ костюмомъ. И красавица замѣтила ихъ; она поблѣднѣла при встрѣчѣ съ Эдгаромъ: она, можетъ быть, слышала его восторженное восклицаніе. Съ тѣхъ поръ они встрѣчались часто, она—всегда въ сопровожденіи пожилой женщины или одного господина. Послѣ войны 70-го года, Баденъ-Баденъ пересталъ быть раемъ парижскаго

полу-свѣта, игроковъ, космополитическаго общества. Повсюду воцарились тамъ чинность и скука; ни странныхъ костюмовъ, ни размалеванныхъ лицъ камелій. Тотъ господинъ и его дама живутъ близъ русской церкви, на уединенной дачѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной садомъ. Это князь Подгорскій, однажды завязавшій съ графомъ Берггаузеномъ разговоръ въ читальной залѣ и обмѣнявшійся съ нимъ визитными карточками. Кругомъ полагаютъ, что за отношеніями князя Подгорскаго къ этой дамѣ скрывается романическая исторія, что онъ увезъ ее отъ родителей; но никто не зналъ, женился онъ на ней, или нѣтъ.

Однажды, во время послѣобѣденной прогулки, когда художникъ и графъ Берггаузенъ отдыхали въ сельской гостинницѣ за бутылкой вина, вдругъ загорѣлся скирдъ сѣна, по неосторожности работника. Сильный вѣтеръ быстро раздулъ пламя: всему селенію грозила большая опасность. Молодые люди берутъ на себя управиться съ огнемъ, даютъ совѣты собравшемуся народу и спасаютъ, что̀ только возможно спасти. На графа Берггаузена упала при этомъ тяжелая горящая балка и сшибла его съ ногъ. Въ эту минуту въ селеніе въѣхала карета; кучеръ хотѣлъ-было направить лошадей подальше отъ огня, но сидѣвшая въ каретѣ дама велѣла ему подъѣхать ближе къ мѣсту пожара. То была красивая незнакомка, плѣнившая обоихъ пріятелей. По счастливой случайности, съ ея пріѣздомъ измѣнилось направленіе вѣтра; пожаръ былъ прекращенъ; она раздала денежную помощь пострадавшимъ и пригласила обожженнаго графа Берггаузена въ свою карету, а съ нимъ и его пріятеля Эдгара. Смутно слышалъ графъ нѣжныя рѣчи между Эдгаромъ и красавицей; слабость и боль не давали ему возможности разобрать хорошенько, что̀ именно говорили они другъ другу. И потомъ, когда они уже подъѣхали къ гостинницѣ въ Баденъ-Баденѣ, когда кѣльнеры сбѣжались на помощь, и красавица, нагнувшись надъ нимъ, поливала ему голову кельнской водою, ему послышалось, что она сказала тоже стоявшему надъ нимъ Эдгару: «Вечеромъ, я буду!»

Исполнила ли она это обѣщаніе—онъ не знаетъ. Весь вечеръ и всю ночь онъ пролежалъ въ лихорадкѣ; Эдгаръ, какъ братъ, ухаживалъ за нимъ и не спалъ. На слѣдующій день, князь Подгорскій прислалъ узнать объ его здоровьѣ, и Берггаузенъ, оправившись, сдѣлалъ визитъ ему и его сострадательной красавицѣ. Но вслѣдъ затѣмъ князь Подгорскій уѣхалъ, и садовникъ его дома передалъ графу Берггаузену оставленное уѣхавшимъ письмо. Князь Подгорскій писалъ, что сожалѣетъ о представив-

шейся необходимости спѣшить и уѣхать, не простившись, прибавляя, что важныя дѣла потребовали его безотлагательной поѣздки въ Лондонъ. «Юлія поручаетъ передать вамъ поклонъ и проситъ васъ не забыть ее совсѣмъ. Она суевѣрна и убѣждена, что еще встрѣтится съ вами въ жизни». Завидѣвъ потомъ Эдгара, графъ Бергаузенъ издали крикнулъ ему:

— Я сейчасъ отъ Подгорскаго. Онъ внезапно уѣхалъ...

— Да?—спокойно спросилъ Эдгаръ.

— Уѣхалъ съ нею...

— Не оставить же ее здѣсь одну!—засмѣялся Эдгаръ.

И потомъ, какъ часто ни заговаривалъ съ нимъ графъ еще въ Баденъ-Баденѣ объ уѣхавшей красавицѣ, Эдгаръ ни разу не обнаружилъ ни малѣйшаго безпокойства или волненія. Вскорѣ пріятели разстались: графъ возвратился въ Берлинъ, Эдгаръ поѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Брюссель и Парижъ.

Теперь, возвратившись домой и озадаченный признаніемъ Эдгара, графъ поспѣшилъ отыскать прощальное письмо Подгорскаго и прочесть его упоминаніе о Юліи. «Замѣчательно», подумалъ онъ: «ея предчувствіе сбывается», и положилъ письмо въ бумажникъ.

II.

Студія Эдгара Штурма находилась на самомъ краю города, почти загородомъ, въ домѣ, роскошно построенномъ во время извѣстной берлинской грюндерской горячки; теперь въ немъ можно было дешево нанять помѣщеніе за отсутствіемъ богатыхъ нанимателей. Художникъ праздно сидѣлъ на отворенномъ окнѣ своей студіи, пріятно размышляя о наступившей для него извѣстности, и поджидая своего пріятеля, приглашеннаго вчера. Онъ пробовалъ работать, но работа не спорилась; ему казалось даже, что онъ только портитъ сегодня то, что́ удалось ему вчера. Онъ долго говорилъ и смѣялся съ Юліей, но ему стало трудно продолжать бесѣду съ ней. Теперь Юлія ушла въ свою комнату, съ цѣлью, какъ сказала она, улыбаясь, приготовиться къ предстоящему знатному посѣщенію и въ качествѣ швеи и любовницы живописца не посрамить себя передъ ожидаемымъ гостемъ, до сихъ поръ принимавшимъ ее за княгиню.

Эдгаръ вздохнулъ свободнѣе, когда она вышла изъ мастерской. Но что же случилось? Отчего воздухъ сталъ стѣснять его въ присутствіи этой женщины, которая была его утѣшеніемъ и

отрадой въ работѣ и удовольствіяхъ? Она не измѣнилась. Она была по прежнему добра и красива, весела и ласкова. Она восторженно привѣтствовала успѣхъ Эдгара на выставкѣ, она такъ гордилась тѣмъ, что прославлена его искусствомъ; никогда жизнь не казалась ей такъ привлекательною, какъ теперь. Да, міръ былъ бы прекрасенъ, жизнь свѣтла, виды на будущее отрадны, еслибъ на этомъ горизонтѣ не было одного чернаго пятнышка. А такимъ пятнышкомъ была для Эдгара именно Юлія, и голосъ совѣсти напрасно разувѣрялъ его въ этомъ.—Предатель, жестокій, неблагодарный! упрекалъ онъ самого себя. Но рѣзкость самообличеній не могла искоренить злой мысли, работавшей въ его умѣ. Онъ чувствовалъ себя узникомъ, которому цѣпь мѣшаетъ двигаться свободно. Между нимъ и ослѣпительно блеснувшимъ ему будущимъ счастіемъ постоянно являлась Юлія. Темною полосой ложилась ея тѣнь на всю его будущность.

— «Жалкій человѣкъ!» воскликнулъ онъ и вскочилъ съ своего мѣста. «Забыть, оттолкнуть, предать эту женщину, которой ты обязанъ своею извѣстностью, которая всѣмъ пожертвовала для тебя?» И онъ нетерпѣливо зашагалъ по комнатѣ. Нѣтъ, онъ еще достаточно крѣпокъ и вѣренъ, чтобъ отбросить всѣ соблазны и исполнить свой долгъ, какъ бы тяжело это ни было. И почему же тяжело? Онъ могъ бы съ такимъ же основаніемъ спросить: отчего онъ любитъ сегодня Юлію не такъ горячо, не такъ страстно, какъ любилъ годъ тому назадъ? Ему пришлось бы только подтвердить самый фактъ, и только. Было ли причиной тому все притупляющее время, или просто пресыщеніе, — онъ не могъ рѣшить. Но мысль, что ему придется вѣчно жить съ ней такимъ образомъ, безъ новыхъ бурь и перемѣнъ, давила его умъ и сердце. Онъ не могъ понять, не могъ допустить, чтобъ романическое приключеніе, сильная страсть приводили къ спокойному будничному сожительству. Въ своемъ художническомъ тщеславіи, онъ представлялся самому себѣ однимъ изъ тѣхъ титановъ, въ которыхъ боги пустили Этной для ихъ укрощенія. Самъ онъ не давалъ себѣ отчета въ томъ, но его сердечная измѣна искала благовидно прикрыться его талантомъ. Свободный художникъ не можетъ выносить цѣпей, хотя бы то были золотыя цѣпи любви. Только на свободѣ, безъ заботъ о женѣ и дѣтяхъ, можетъ вполнѣ развиться его творческая сила. Пиръ жизни такъ роскошенъ — и только ему нѣтъ мѣста на этомъ пирѣ. Судьба приглашаетъ его преимущественно передъ тысячами другихъ насладиться пиромъ, а онъ по глупости готовъ отклонить ея приглашеніе. И эта глупость стала для него дѣломъ чести!

Быть можетъ, такія мысли давно уже бродили смутно въ его умѣ, и только случай помогъ ему придать имъ опредѣленность и окраску. Успѣхъ и продажа картины, знакомство съ Пфлюгомъ, появленіе Адельгейды открыли передъ нимъ иной міръ, въ освѣщеніи котораго настоящая его жизнь представилась ему жалкою и ничтожною. Искусство даетъ ему такія же права на этотъ міръ, какія дало Альберту знатное происхожденіе. Художнику открытъ доступъ всюду, самые знатные люди не чуждаются его. Какъ и всякій другой, онъ могъ бы протянуть руку за одною изъ милліонныхъ дѣвицъ, еслибъ... Да, еслибъ въ жизнь его не вплелась Юлія. Но развѣ онъ имѣлъ когда-нибудь въ виду, хотя бы въ дни самой бурной страсти, принести ей въ жертву свою будущность? Ужели за одинъ годъ блаженства онъ долженъ заплатить десятками лѣтъ жалкаго существованія и недовольства? И захочетъ ли она сама изъ рая сдѣлать адъ? Хорошо, что онъ разговорился вчера съ Альбертомъ — пусть тотъ узнаетъ все. Можетъ быть, онъ дастъ какой-нибудь совѣтъ, придумаетъ выходъ изъ этого лабиринта. Да и нельзя впередъ разсчитывать на женское сердце. Самой Юліи могутъ наконецъ наскучить уединенная жизнь, работа и наши отношенія. Ей пришла безумная фантазія взяться за иголку и поселиться со мной на чердакѣ; она, быть можетъ, уже сожалѣетъ объ этомъ, и только изъ упрямства не хочетъ признаться въ своемъ сожалѣніи.

На лѣстницѣ послышались шаги воина со шпорами, дверь отворилась, и Эдгаръ привѣтствовалъ графа.

— Вы такъ разсѣянно озираетесь вокругъ, точно чего-нибудь ищете, сказалъ Эдгаръ съ полу-принужденнымъ смѣхомъ. Юлія въ своей комнатѣ, она сейчасъ придетъ.

— Вы женаты?—спросилъ графъ.

— Нѣтъ. По нашимъ характерамъ, мы давно разлюбили бы другъ друга, еслибъ были женаты.

— И эта любовь началась въ Баденъ-Баденѣ? По крайней мѣрѣ, вы можете назваться вѣрною четой.

— Мы знали другъ друга и раньше. Мы съ дѣтства жили въ одномъ домѣ. Ея отецъ былъ фабричный рабочій, мать — прачка, они жили подъ крышей нашего дома. Она на два года моложе меня; мы часто играли вмѣстѣ на лѣстницѣ и на дворѣ. Когда ей было лѣтъ одиннадцать или двѣнадцать, ея родители оставили нашъ домъ, и мы съ тѣхъ поръ потеряли другъ друга изъ виду. Потомъ я встрѣтилъ ея имя на афишѣ: она исполняла пѣсни въ народномъ театрѣ. Разумѣется, я пошелъ послушать

ее, но случилось такъ, что я не возобновилъ знакомства съ ней. Недѣли черезъ двѣ я уѣхалъ изъ города, и встрѣтилъ ее только въ Баденъ-Баденѣ подъ руку съ княземъ Подгорскимъ.

— И ничего не сказали мнѣ тогда!—замѣтилъ Альбертъ съ мягкимъ оттѣнкомъ упрека.

— Потому что я самъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Съ тѣхъ поръ мы постоянно переписывались, пока ей не удалось порвать отношенія къ графу. Однажды вечеромъ она неожиданно явилась предо мною на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы теперь стоите, въ простомъ платьѣ, безъ золота и шелка, явилась любящей дѣвушкой, желающей начать новую жизнь. Въ домѣ еще оставались свободныя комнаты: она наняла, поселилась, принялась за шитье и нашла много заказовъ. Въ большомъ городѣ мы жили точно въ блаженномъ снѣ...

Кто-то тихо постучался. Эдгаръ отворилъ дверь.

Никогда Юлія не казалась графу такою красавицей, какъ теперь, въ своемъ гладкомъ бѣломъ шерстяномъ платьѣ съ голубою шелковой отдѣлкой, съ своими густыми свѣтлыми волосами, завязанными въ греческій узелъ, съ глубокими голубыми глазами, которымъ темныя рѣсницы и брови придавали еще больше блеска. Только-что выслушанный имъ разсказъ Эдгара еще усиливалъ ея привлекательность. По тому, какъ она поздоровалась съ нимъ, онъ тотчасъ замѣтилъ, что ей стоитъ только захотѣть, чтобы попрежнему казаться знатной дамой. Она держала себя очень скромно, но говорила умно и весело. Въ ней можно было замѣтить и женское желаніе нравиться, но графъ не считалъ возможнымъ поставить ей въ вину эту слабость.

Юлія разсказала о своемъ разрывѣ съ княземъ Подгорскимъ, о своемъ счастіи съ Эдгаромъ, который въ это время взялъ кисть и сѣлъ за работу. Говоря о картинѣ Эдгара, графъ упомянулъ объ Адельгейдѣ, какъ о дѣвушкѣ, на которую эта картина произвела сильное впечатлѣніе.

— Не будемъ говорить объ этомъ!—рѣзко прервалъ его Эдгаръ.—Мало ли какая фантазія можетъ придти въ голову избалованной богатой дѣвушкѣ, все обращающей въ игрушку! Сегодня она хвалитъ и любезничаетъ, завтра забудетъ и броситъ.

— Вы, стало быть, не знаете этой дѣвушки, этой глубокосердечной, сосредоточенной натуры. Внѣшность часто обманываетъ.

— Она некрасива?—спросила Юлія.

— Подлѣ богини, конечно, некрасива,—отвѣчалъ Альбертъ.—Но я и не имѣлъ въ виду ея внѣшность, я разумѣлъ только

нѣкоторую холодность, съ какою она относится къ людямъ. Она богата и умна, она боится быть обманутой или быть застигнутой врасплохъ собственнымъ чувствомъ.

— Знаете ли, графъ, такъ можетъ наблюдать и говорить только влюбленный? лукаво замѣтила Юлія.

— Или тотъ, у кого такая же натура и кому знакомы эти душевныя движенія.

— Такъ или иначе, а результатъ все-таки будетъ одинъ: графъ Бергтаузенъ женится на Адельгейдѣ!—воскликнулъ Эдгаръ, бросая кисть на полъ.

«Это раздражаетъ васъ?» чуть не спросилъ удивленный графъ. Еслибъ онъ любилъ Юлію, еслибъ былъ художникомъ, ему было бы все равно—графъ ли, или купецъ женится на Адельгейдѣ Пфлюгъ.

— Я уже сказалъ вчера, что и не помышляю о такомъ бракѣ,— возразилъ графъ послѣ нѣкотораго молчанія, больше для Юліи, которая тревожно смотрѣла на возбужденнаго Эдгара, чѣмъ для этого послѣдняго.—Когда вы ближе познакомитесь съ Пфлюгами, то убѣдитесь, какъ неосновательна ваша догадка.

— Да я не желаю тамъ бывать! На что мнѣ этотъ деньгами набитый сундукъ!—Тутъ онъ замѣтилъ изумленіе Альберта и легкую складку безпокойства на лбу Юліи.—Извините, я говорю глупости. Мнѣ не дается работа, и я досадую на васъ, ни въ чемъ неповинныхъ.

Собесѣдники перемѣнили разговоръ. Эдгаръ видимо старался загладить свою странную выходку дѣятельнымъ участіемъ въ общей бесѣдѣ и большею любезностью. Но графу уже было не по себѣ. Онъ поспѣшилъ проститься. Провожая гостя, Эдгаръ повторилъ свое извиненіе:

— Меня смутно страшитъ ревность Юліи,—сказалъ онъ. Сегодня было такъ много разговора объ этой госпожѣ Пфлюгъ.

— Въ другой разъ я буду осторожнѣе и постараюсь не смущать это прелестное созданіе,—отвѣчалъ Альбертъ.

— Она прелестна, не правда ли?

— Вы счастливый человѣкъ, Штурмъ.

Когда Эдгаръ возвратился въ мастерскую, гдѣ быстро водворились сумерки, Юлія стояла у окна, прислонившись головою къ стеклу. Она съ крикомъ бросилась къ нему на шею; на глазахъ ея были слёзы.

— Не оставляй меня, Эдгаръ, не покидай меня!—рыдала она.

— Что съ тобой, милая?—тихо спросилъ Эдгаръ. Внутри его происходило нѣчто такое, что задерживало его голосъ.—Что за

безуміе! Откуда у тебя такая мысль? Мнѣ—покинуть тебя! А съ тобой мою славу, мою радость!

Она ободрилась и отерла слезы.

— Ты правъ, это безуміе. Мы не можемъ разстаться. Но эта мысль, точно ножъ, вдругъ уколола мнѣ сердце. Зачѣмъ хочешь ты писать еще и покинутую Аріадну?—прибавила Юлія, стараясь улыбнуться.

— Потому что она мнѣ заказана и будетъ хорошо оплачена,— возразилъ онъ шутливымъ тономъ.—Впрочемъ, Аріадна только выиграла отъ того, что была покинута Тезеемъ: божество заключило ее въ свои объятія.

— Но вѣдь сердце ея страдало въ этихъ объятіяхъ.

На этотъ разъ буря миновала; его нѣжность, его увѣренія разсѣяли первую тучу на ихъ счастливомъ небѣ.

Въ слѣдующіе дни разлука съ Юліей казалась и ему самому невозможностью, безуміемъ. Ему опять хотѣлось и видѣть и слышать только ее одну. Но это продолжалось недолго. Новая картина писалась туго, онъ досадовалъ, скучалъ, и сама Юлія совѣтовала ему развлечься, побывать въ обществѣ. Выходя изъ мастерской, онъ совсѣмъ не думалъ идти къ Адельгейдѣ, но шаги его какъ-то непроизвольно направились въ ту сторону парка, гдѣ стоялъ домъ ея отца. Но онъ вѣдь не измѣнитъ Юліи, не лишится свободы оттого, что пройдетъ мимо этого дома и заглянетъ въ его окна. Случилось, что г. Пфлюгъ гулялъ въ это время по саду, покуривая сигару и отъ времени до времени заглядываясь на прохожихъ. Эдгаръ поклонился ему и хотѣлъ пройти мимо. Но господинъ Пфлюгъ неохотно упускалъ случай побесѣдовать съ художникомъ, когда это не мѣшало его коммерческимъ занятіямъ. Онъ съ изысканной учтивостью отвѣтилъ на поклонъ Эдгара, просилъ его зайти и самъ отворилъ ему дверцу рѣшетки. Не успѣвъ опомниться, Эдгаръ былъ уже въ саду, въ домѣ, лицомъ къ лицу съ Адельгейдой.

Она была оживлена, разговорчива, любезна, окружена роскошью и богатствомъ. На этотъ разъ, еще больше, чѣмъ въ день перваго знакомства, она представилась Эдгару воплощеннымъ гармоническимъ сочетаніемъ тончайшаго вкуса, изысканнѣйшей формы съ благороднымъ воодушевленіемъ, съ чистымъ, дѣвственнымъ сердцемъ, и онъ вернулся въ мастерскую совсѣмъ въ другомъ настроеніи, чѣмъ съ какимъ вышелъ изъ дому. Онъ не смѣлъ признаться въ этомъ громко, но онъ чувствовалъ себя счастливымъ при мысли, что не связанъ неразрывными узами съ Юліей. И отъ чего не могъ бы онъ разстаться съ нею безъ

шума и ссоръ, точно такъ же, какъ она разсталась съ княземъ? Подобныя отношенія никогда не бываютъ продолжительны, думалъ онъ: именно страстность ихъ и дѣлаетъ ихъ только временными.

Адельгейда заявила желаніе возобновить свои акварельныя работы, и онъ вызвался быть ея учителемъ. Это открыло ему свободный доступъ къ ней. Присутствіе англичанки не стѣсняло его. Онъ не говорилъ Адельгейдѣ ничего такого, что́ не могъ бы слышать всякій. Тактъ Адельгейды наложилъ бы узду и на болѣе смѣлаго обожателя, чѣмъ онъ, а его еще сдерживало и чувство сердечной вины передъ Юліей. Зато онъ часто видался съ Адельгейдой, былъ постоянно въ свободномъ и отрадномъ общеніи съ нею. Какая разница между ея образованіемъ и тѣми верхушками, какія удалось схватить Юліи въ прежніе годы! Чего только не узналъ онъ, чему только не научался отъ Адельгейды! Тамъ, гдѣ Юлія, умѣвшая только хорошо болтать по-французски и пѣть французскіе романсы, судила объ его художническихъ планахъ по наивному впечатлѣнію, Адельгейда разумно высказывала опредѣленное, мотивированное мнѣніе; тамъ, гдѣ ему приходилось помогать скудному пониманію Юліи, Адельгейда, напротивъ, двигала его самого. Душа художника, какъ струнный инструментъ, тогда только звучитъ полными аккордами, когда счастіе, когда опытная рука играетъ на ней. По мнѣнію Эдгара, только Адельгейда могла дать его таланту полное развитіе. Только ея любовь могла вознести его на высоты настоящаго идеала.

Онъ, стало быть, любитъ ее? Когда, за урокомъ рисованія, онъ смотрѣлъ со стороны на тонкій профиль ея лица, на ея красивую руку, когда она легко, но увѣренно шла подлѣ него, когда онъ углублялся въ ея умные свѣтло-сѣрые глаза, она казалась ему очень хорошенькой, почти такой же красавицей, какъ Юлія. Онъ не понималъ, какъ могъ графъ Альбертъ отклонить всякое сравненіе между этими двумя женщинами. Красота Адельгейды была лишь иная, болѣе чистая, чѣмъ чувственно соблазнительная красота Юліи. Правда, онъ постоянно видѣлъ ее въ блескѣ богатства, въ пріятной обстановкѣ благоустроеннаго дома, незнающаго житейскихъ заботъ и стремящагося только наслаждаться собою и прелестями міра. Но все это великолѣпіе, это ничѣмъ не смущаемое существованіе принадлежали къ ней, какъ ея жемчугъ, какъ ея одежда. Его артистическая натура возмущалась противъ легкаго отношенія графа ко всей этой внѣшности, противъ мысли о возможности мысленно выдѣ-

лить изъ нея Адельгейду. Какъ и другія ея свойства, богатство принадлежало ей какъ нѣчто прирожденное, нѣчто такое, что́ разумѣется само собою. Было бы не только недостойно, было бы смѣшно, еслибъ она принялась за шитье и бѣдное мѣщанское хозяйство.

Эдгаръ ничего не сказалъ Юліи о своихъ частыхъ посѣщеніяхъ дома Пфлюга. Сначала онъ намѣревался не умалчивать о нихъ, и только выжидалъ благопріятной минуты, но такая минута не представлялась, и признаніе, долго отсрочиваемое, становилось все тяжелѣе и опаснѣе. Первоначальное нежеланіе сказать правду перешло въ страхъ, что тайна откроется. Онъ и не думалъ о томъ, что неискренность и притворство, на которыя онъ осудилъ себя, и безъ того все больше и больше отравляли ихъ взаимныя отношенія.

Да и какъ было скрыть отъ женщины такую глубокую перемѣну? Прежде Юлія знала всегда, куда онъ идетъ, она часто выходила съ нимъ вмѣстѣ. Ея появленіе въ мастерской художника возбуждало его къ работѣ; ея поцѣлуй, ея шутка прогоняли его досаду на неудавшійся штрихъ кисти. Теперь все это прошло, точно между ними никогда и не было ничего подобнаго. Онъ придумывалъ все новые предлоги, чтобы уходить изъ дому, разсѣянно внималъ ея словамъ, даже не отвѣчалъ иногда на ея вопросы. Сначала она объясняла это его усталостью послѣ сильнаго напряженія, и гнала отъ себя мысль объ его сердечной измѣнѣ. Не только самообольщеніе любви, но и благородство ея сердца не допускали этой мысли. Онъ былъ для нея больше, чѣмъ любовникомъ, она поклонялась въ немъ человѣку и художнику. Со всею довѣренностью молодости, красоты и счастія, она никогда не заботилась о томъ, что́ принесетъ ей завтрашній день. Старость, утрата красоты, смерть, даже его охлажденіе—все это, быть можетъ, неизбѣжно, но когда-то еще все это случится! Оттого катастрофа постигла ее совершенно неожиданно. Не друзья, не борьба художника съ трудностями задуманной задачи, не жажда одиночества, вдругъ овладѣвающая человѣкомъ,—того одиночества, въ которомъ создавалось все великое въ искусствѣ, не они разлучали ее теперь съ возлюбленнымъ. Другая женщина пріобрѣла вліяніе надъ нимъ. Онъ покинулъ ее, потому что любилъ другую. Ея красота, ея страсть и всѣ ея чары были безсильны передъ вліяніемъ ея соперницы. Почувствовать и угадать это было для Юліи одно и то же. Признаніе Эдгара пришло бы теперь слишкомъ поздно: съ первыхъ его словъ Юлія бросила бы

ему въ лицо имя Адельгейды Пфлюгъ и закричала бы ему:—«Ты ее любишь!».

Юлія хорошо знала, что ни князь Подгорскій, ни графъ Берггаузенъ никогда не женились бы на ней, и мало безпокоилась объ этомъ. Но она не сомнѣвалась, что изъ ея любви къ Эдгару, изъ ея связи съ нимъ должны сложиться тѣ законныя отношенія, которыя принято называть супружествомъ. Она считала себя его женою, его—своимъ супругомъ, хотя бы бракъ между ними и состоялся лишь впослѣдствіи. Она чувствовала, что художнику въ началѣ его поприща, художнику, только-что расправляющему крылья, необходима свобода отъ супружеской ноши. Юлія была дикаркой въ обществѣ, она относилась къ установленнымъ формамъ и учрежденіямъ съ недовѣрчивостью и завистью существа, исключеннаго изъ общественной среды не по своей винѣ, а случайно, по рожденію и плохому воспитанію. Она въ то же время хорошо присмотрѣлась къ нравамъ тѣхъ, которые называютъ себя порядочнымъ обществомъ и возвышаются надъ другими знатностью и богатствомъ, и презирала господствующую въ обществѣ фальшь. Въ самомъ разгарѣ страсти Эдгара, ей было бы не трудно обвѣнчаться съ нимъ. Но она до сихъ поръ и не помышляла объ этомъ серьёзно. Какъ Рождество неизбѣжно приходитъ къ концу года, такъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ наступить, безъ всякихъ усилій съ ея стороны, торжественный часъ ихъ супружескаго союза.

Теперь этотъ часъ миновалъ навсегда. Праведница побѣдила сирену. Праведница?—спрашивала Юлія со всей горечью оскорбленнаго чувства. У ней та же страсть въ сердцѣ, что́ и у меня, но она лучше драпируется въ складки добродѣтели. Она богата, и потому можетъ быть нравственна. Для него, можетъ быть, не нужно, чтобъ она стала его возлюбленной, для него вся задача въ томъ, чтобъ имѣть ее женою. Велики лицемѣріе и неправда того свѣта, который осуждаетъ мое чувство и одобряетъ любовь той! Освободить молодого человѣка, извѣстнаго художника, изъ сѣтей отверженной женщины, въ которыя онъ случайно попалъ—такой подвигъ достоинъ невинности. Что́ за бѣда, если на долю невинности выпадетъ при этомъ нѣкоторая выгода? Кто за это осудитъ?

Страстнымъ натурамъ нестерпимы напряженныя и глубоко неискреннія отношенія. Эдгаръ по всякому ничтожному поводу громко досадовалъ на весь міръ, на пустоту и скуку жизни, затѣвалъ съ Юліей частые споры о вещахъ совершенно безразличныхъ, и потомъ убѣгалъ изъ дому, отыскивая внѣ дома того

спокойствія, которое покинуло его душу. Юлія нѣкоторое время переносила эту игру и сдерживалась. Но раздраженіе и оскорбленное чувство наконецъ прорвались у ней наружу. Однажды, когда Эдгаръ возобновилъ свои жалобы, повторяя, что ему нужны другія лица, другая обстановка, что онъ намѣренъ провести зиму въ Венеціи, Юлія прервала его:

— Неужели ты не хочешь честно объясниться со мной? Если ты меня больше не любишь, неужели тебѣ нужно еще и обманывать меня?

— Обманывать тебя? Я тебя не понимаю!

— Ты, можетъ быть, пересталъ понимать и самого себя. Я тебѣ въ тягость, я—помѣха твоимъ планамъ, я—бремя, которое ты хочешь сбросить. Но вмѣсто того, чтобы сказать это прямо, ты ищешь пустого предлога...

— Предлога къ моему возбужденному, болѣзненному настроенію? На что́ мнѣ предлогъ? Развѣ твоя капризность, раздражительность и рѣзкость дѣйствуютъ на меня успокоительно и пріятно? Я ломаю голову надъ труднѣйшими замыслами, а ты... Что́ пользы во взаимныхъ обвиненіяхъ? Мы оба измѣнились. Ты уже не та, что прежде, и я не остался такимъ, какъ былъ...

— Ты признаёшь это!—возразила она съ горечью и грустью.

— Развѣ я властенъ надъ душою? Развѣ въ моей волѣ останавливать время? Чего же собственно ты хочешь отъ меня? Ты досадуешь на развлеченія, необходимыя для меня при усиленной, утомительной работѣ, на тѣ сношенія, которыя двигаютъ меня впередъ? Ты хочешь, чтобъ я постоянно вздыхалъ у твоихъ ногъ, вмѣсто того, чтобы учиться и совершенствоваться въ моемъ искусствѣ?

— Нѣтъ, не твое искусство, а женщина причиной твоего безпокойства и волненія. Я заграждаю тебѣ путь къ тому, что́ ты называешь теперь своимъ счастіемъ. Ты любишь Адельгейду Шфлюгъ. Пожалуйста, не возражай! Ты надѣешься жениться на ней. Я стала теперь черной точкой въ твоей жизни, какъ была прежде ея свѣтиломъ. Ты только о томъ и думаешь, какъ бы удалить меня, не оставаясь слишкомъ виновнымъ въ собственныхъ глазахъ. Будь покоенъ: я не буду мѣшать тебѣ и съумѣю уйти прежде, чѣмъ ты прикажешь мнѣ убраться!

— Прикажешь? Я прикажу тебѣ убраться? Какимъ тономъ ты говоришь со мной! Какъ страшно ты преувеличиваешь! И при этомъ ты требуешь, чтобъ я былъ ровенъ и хладнокровенъ! Что́ за романъ придуманъ твоею подозрительностью и ревностью! Да, ревностью. Съ тѣхъ поръ, какъ Берггаузенъ проболтался

объ Адельгейдѣ Пфлюгъ, объ ея участіи къ моему искусству, ты находишься въ бреду. Ревность—плохой придатокъ къ любви. Ты не позволишь мнѣ теперь рисовать другую женщину, изъ опасенія, что она можетъ быть тебѣ опасна. Но каково бы ни было твое мнѣніе обо мнѣ въ этомъ отношеніи, какое основаніе далъ я тебѣ считать меня измѣнникомъ, человѣкомъ способнымъ забыть, что ты для него сдѣлала и какъ великъ его долгъ передъ тобой?

— Ты не долженъ мнѣ ничего, кромѣ любви. Все остальное—вздоръ. Я же пожертвовала для тебя только богатымъ человѣкомъ, который не нравился мнѣ болѣе. Это подсказываетъ тебѣ и внутренній голосъ, но ты еще стараешься заглушить его. Нѣтъ, Эдгаръ, къ чему вести со мной фальшивую игру? Я не принадлежу къ порядочному обществу, меня нельзя обмануть словами и притворнымъ чувствомъ. Такъ какъ любовь твоя погасла, забрось подальше твою игрушку, забрось ее туда, откуда она явилась,—въ омутъ!

— Юля!

И онъ подошелъ къ ней съ открытыми объятіями; но губы ея гнѣвно сжались, она отстранила его.

— Оставь!—сказала она холодно, сопровождая это слово еще болѣе холоднымъ взглядомъ, который заставилъ его отступить, и вышла изъ комнаты.

Быть можетъ, она еще надѣялась, что онъ пойдетъ за нею, что эта мучительная сцена окончится примиреніемъ. Одну минуту его невольно влекло къ ней. Она была такъ красива, она была его богиней... Но на порогѣ онъ все-таки вернулся. «Надо переселить себя», думалъ онъ: «рано или поздно я долженъ же разстаться съ нею; такія отношенія не могутъ длиться вѣчно. И къ чему, въ сущности, обязываетъ меня честь? Какой нравственный долгъ связываетъ меня съ дѣвушкой, которая добровольно бросилась мнѣ на шею? Напротивъ, на моей чести осталось бы неизгладимое пятно, еслибъ я женился на такой женщинѣ, еслибъ я навсегда приковалъ къ ней свое существованіе. Уйди!» проговорило въ немъ что-то, какъ будто одна близость этой женщины уже пятнала его. Онъ сорвалъ съ гвоздя шляпу и плащъ, и выбѣжалъ на улицу.

Юлія слышала, какъ онъ сбѣгалъ съ лѣстницы. Она не тронулась съ мѣста. Въ ея комнатѣ было темновато; она сидѣла у окна, смотрѣла на улицу, но глаза ея блуждали и ничего не видѣли. Никогда не считала она себя въ такой степени жалкою и покинутою, какъ теперь. Во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ

жизни она сохраняла бодрость и легкое, веселое настроеніе. Сегодня нѣчто невыразимое впервые сломило ее. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Она быстро встала, зажгла всѣ свѣчи, посмотрѣлась въ зеркало: она еще не увяла, она все еще красива, какъ богиня той картины; потомъ съ дикимъ хохотомъ отскочила отъ зеркала, закрыла лицо обѣими руками и горько зарыдала.

Въ этихъ слезахъ созрѣло ея рѣшеніе. Она не станетъ дожидаться изгнанія, она уйдетъ отъ него такъ же добровольно, какъ и пришла къ нему. Лучшія ея цѣпочки и браслеты пошли на покрытіе расходовъ добродѣтельнаго сожительства съ художникомъ и труженической жизни. Но и того, что́ у нея еще оставалось, было достаточно, чтобъ уѣхать изъ Берлина и просуществовать нѣкоторое время. Одну минуту она остановилась на мысли написать князю Подгурскому, потомъ вспомнила о Берггаузенѣ, какъ о человѣкѣ, который не оттолкнетъ ее. Къ чему же отчаяваться? Механически взяла она въ руки газету, лежавшую близко на столѣ, и пробѣжала въ ней объявленія. Ея мѣсто теперь на рынкѣ, она должна искать работы и мѣста... Глаза Юліи случайно упали на слѣдующія строки: «Нужна воспитательница для двухъ дѣвочекъ, шести и восьми лѣтъ; непремѣнно требуется знаніе французскаго языка. Вальтеръ, директоръ Пфлюговской фабрики, близъ Глогау, въ Силезіи». Она не могла оторваться отъ этихъ строкъ. «Туда!» — сказала она или подсказала ей какая-то невидимая сила.

III.

Изъ всѣхъ людей, до сихъ поръ искавшихъ расположенія Адельгейды, Эдгаръ рѣзко выдѣлялся своею оригинальностью, своею огненною рѣчью, своими фантастическими планами, своею воспріимчивостью къ сильнымъ впечатлѣніямъ. Обычная обстановка богатой буржуазной жизни давно уже наскучила избалованной Адельгейдѣ, она давно искала чего-нибудь новаго, небывалаго. Ея жизнь была такъ сѣра, такъ однообразна — въ текущемъ, какъ и въ прошломъ году все то же общество, тѣ же балы и празднества, та же манія покидать городъ лѣтомъ и возвращаться осенью, тѣ же люди и разговоры. Появленіе Эдгара въ домѣ господина Пфлюга привлекательно нарушило это однообразіе, и невѣдомая дотолѣ тревога овладѣла всѣмъ существомъ Адельгейды. Она то бѣгала его, то возвращалась къ

нему еще съ бо́льшею горячностью, чѣмъ прежде. Напрасно старалась она давать невинныя названія тому новому ощущенію, которое и мучило и счастливило ее, напрасно колебалась дать ему настоящее имя. Ей не хотѣлось сказать самой себѣ, что она любитъ, не зная, любима ли она взаимно. Но тщетны были эти колебанія, эти разсудочныя измышленія: она любила Эдгара сильною, земною, изумлявшею ее страстью. Оттого-то такъ сильно занимала ее мысль о той женщинѣ, образъ которой онъ перенесъ на полотно. Эта женщина, очевидно, была его возлюбленной. Многіе намеки его показывали, что онъ тяготится этими цѣпями, но не можетъ ихъ сбросить. Адельгейда догадывалась по всему, что онъ не былъ счастливъ; любовь и ревность помогли ея проницательности. Его взгляды, вздохи, слова, выдавая его чувство къ ней, заставляли предполагать какую-то тайну, о которой онъ принужденно умалчивалъ. Не разъ хотѣлось ей самой спросить его, какъ друга, о причинѣ его горя, или написать объ этомъ Берггаузену. Но привычка не дѣлать ничего такого, что̀ несогласно съ общепринятымъ приличіемъ, и опасеніе услышать вещи, которыя должны навсегда разлучить ее съ Эдгаромъ, не позволяли ей рѣшиться. «Пусть онъ заговоритъ самъ», думала Адельгейда: «онъ долженъ заговорить, еслѝ дѣйствительно любитъ меня»...

Наступилъ день, когда господинъ Эрихъ Пфлюгъ далъ большой праздникъ, открывая, по его выраженію, «свой зимній сезонъ». На этотъ разъ, поводомъ къ празднеству была выставка недавно купленной картины Штурма въ его галереѣ. Разумѣется, живописецъ и владѣлецъ картины должны быть главными героями такого празднества. Но господину Пфлюгу безспорно принадлежала первая роль: даровитыхъ художниковъ довольно много, но какъ рѣдки въ наше время, когда искусство ищетъ хлѣба, покровители художниковъ и покупщики картинъ! И что̀ сталось бы съ Эдгаромъ Штурмомъ безъ Эриха Пфлюга? Ему пришлось бы отвезти свою картину обратно въ мастерскую. Поэтому да здравствуетъ Эрихъ Пфлюгъ, покровитель идеальнаго искусства! Въ день своего праздника, ему постоянно слышалось это привѣтствіе, которымъ гости должны будутъ почтить его вечеромъ. Его широкое, красноватое лицо сіяло отъ удовольствія, его сердце радовалось. Но еще пріятнѣе было бы ему, еслибъ графъ Берггаузенъ посватался сегодня за Адельгейду. Быть тестемъ и дѣдомъ графской фамиліи было всегда его любимою мечтой...

Но графу Альберту было не по себѣ на этомъ великолѣпномъ праздникѣ въ честь Эдгара Штурма. Вечеромъ онъ былъ

мало общителенъ и разговорчивъ, и когда господинъ Пфлюгъ, удивляясь его молчаливости, взялъ его подъ руку, чтобы пройтись съ нимъ по уставленной цвѣтами галереѣ, графъ сослался на головную боль и на духоту въ залѣ.

— «Со мной былъ сегодня замѣчательный случай, въ которомъ замѣшаны и вы, — сказалъ господинъ Пфлюгъ своему собесѣднику, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ любезностей.

— Я?

— Да. Вотъ послушайте. Утромъ, когда я вышелъ изъ кабинета въ главную контору, я засталъ тамъ женщину, одѣтую просто, но съ большимъ вкусомъ. Она стояла спиною ко мнѣ у конторки и говорила вполголоса съ моимъ старымъ прокуристомъ. Красивая, стройная, тонкая фигура; пріятный голосъ. Они говорили о Вальтерѣ, директорѣ фабрики въ Глогау. Я подхожу; дѣвушка повертывается ко мнѣ, кланяется... Лицо, любезный графъ, можно сказать изъ розъ и лилій, лицо прелестнѣйшей нимфы, еслибъ только оно не смотрѣло такъ строго и печально. Я тотчасъ подмѣтилъ нѣчто въ родѣ нужды и бѣдности, освѣдомился о причинѣ ея прихода и узналъ, что директоръ Вальтеръ ищетъ воспитательницу для своихъ дѣвочекъ, что она желаетъ получить это мѣсто, но хочетъ сначала разузнать о самомъ господинѣ, женатъ ли онъ... Ей не хотѣлось бы принять такое мѣсто у вдовца. Съ такимъ лицомъ — еще бы! Все въ этой дѣвушкѣ говорило объ ея нравственныхъ качествахъ и образованіи... Я кое-что понимаю по этой части... Вальтеръ можетъ считать себя счастливымъ, если покончитъ съ нею... Я заговорилъ съ ней по-французски: прекрасный выговоръ! Она жила пока безъ мѣста, занималась шитьемъ. Бѣдняга! Она назвала мнѣ людей, на которыхъ работала, и я, разумѣется, велѣлъ навести справки. Отзывы отвсюду благопріятные. Я уже телеграфировалъ Вальтеру, что нашелъ для него приличную воспитательницу. Завтра она должна придти въ контору за окончательнымъ отвѣтомъ.

— Изъ вашихъ словъ я вижу только, какъ вы добры, — замѣтилъ графъ Альбертъ, совсѣмъ не понимая въ чемъ дѣло.

— Да, не кровопійца бѣднаго люда, — самодовольно отвѣчалъ господинъ Пфлюгъ. Дѣлаю, что могу для разрѣшенія соціальнаго вопроса, поддерживаю таланты и посильно помогаю бѣднымъ. Но не объ этомъ рѣчь. Вы и не ожидаете, любезный графъ, что и вы участвуете въ моей исторіи.

— Да, вы говорили... Но я пока еще не вижу какимъ образомъ. Когда-то и у меня была учительница...

— Но то была не моя дѣвица, — засмѣялся господинъ Пфлюгъ.—Моя дѣвица видѣла васъ въ Баденъ-Баденѣ, въ томъ семействѣ, гдѣ она прежде жила... Зовутъ ее Юлія Гартъ...

Графъ Альбертъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Какъ могла придти Юліи безумная мысль ѣхать въ провинцію гувернанткой! Она—французская бонна при дѣтяхъ! Что нибудь особенное должно было совершиться для того, чтобы внушить ей такое рѣшеніе. И что говорила она о немъ самомъ господину Пфлюгу? Ссылалась на его рекомендацію? И что ему дѣлать? Открыть ли глаза господину Пфлюгу? Предать дѣвушку, которая никогда не сдѣлала ему зла?

— Юлія Гартъ,—сказалъ онъ, потирая лобъ рукою, какъ-бы приноминая что-то,—помню, помню... Да, въ Баденъ-Баденѣ... очень красивая дѣвушка, очень способная...

Господинъ Пфлюгъ засмѣялся и полу-фамильярно, полусдержанно положилъ руку на плечо собесѣдника.

— Я не требую вашего свидѣтельства, любезный графъ: довѣряю въ подобныхъ случаяхъ собственнымъ глазамъ и моему знанію людей. Въ этой дѣвушкѣ я вполнѣ увѣренъ. А вы, извѣстный ненавистникъ женщинъ, вы проходите мимо самыхъ образованныхъ, самыхъ богатыхъ невѣстъ.—«Кажется, ясно», подумалъ онъ при этомъ. «Странный человѣкъ! А могъ бы съ-разу раздѣлаться съ долгами»...

За ужиномъ графъ Альбертъ сидѣлъ еще молчаливѣе, чѣмъ прежде, ѣлъ и пилъ какъ-то безсознательно, не впопадъ отвѣчая своей любезной сосѣдкѣ и даже самой Адельгейдѣ, сидѣвшей напротивъ, рядомъ съ Эдгаромъ, какъ виновникомъ празднества. Юлія не выходила у него изъ головы. Когда онъ вопросительно останавливалъ тревожный взглядъ на сидѣвшихъ напротивъ, Эдгаръ въ смущеніи избѣгалъ этого взгляда, а на лицѣ потуплявшейся Адельгейды показывался легкій румянецъ. Ихъ смущеніе говорило ясно, что и его надежды на взаимность потерпѣли такое же крушеніе, какъ и счастіе Юліи. Нѣтъ, онъ не можетъ ее выдать!

Послѣ тостовъ за искусство и художниковъ вообще, за Эдгара Штурма въ особенности, и наконецъ за хозяина дома и его прекрасную дочь, господинъ Пфлюгъ произнесъ приличную рѣчь, встрѣченную съ шумнымъ одобреніемъ, а графъ Альбертъ окончательно рѣшился умолчать о прошломъ Юліи, что бы ни вышло изъ ея страннаго намѣренія пойти въ воспитательницы. Въ домѣ господина Пфлюга было принято, «по старо-германскому обычаю», какъ утверждалъ хозяинъ, что гости, выходя

изъ-за стола, пожимали другъ другу руки. Графъ Альбертъ былъ послѣднимъ, которому протянула руку Адельгейда. Теперь они объяснятся, подумалъ господинъ Пфлюгъ и искусно удалилъ постороннихъ.

Между Адельгейдой и графомъ дѣйствительно произошло объясненіе, но не то, о которомъ мечталъ хозяинъ дома.

— Вы были сегодня такъ молчаливы, такъ задумчивы, графъ, что, я боюсь, вы считаете этотъ вечеръ потеряннымъ,— нашлась Адельгейда.

— Неужели я такъ дурно велъ себя, что далъ поводъ къ такому подозрѣнію? Прошу вашего прощенья: вы вѣдь знаете, отъ начала нашего знакомства, что я плохой собесѣдникъ. А сегодня мнѣ еще пришлось бороться съ нѣкоторыми мыслями, съ моей нерѣшительностью...

Она покраснѣла и поправила свой браслетъ.

— А теперь вы рѣшились? — спросила она, не глядя на него, нѣсколько дрожавшимъ голосомъ.

— Да, и потому этотъ вечеръ не потерянный, а рѣшительный и вѣчно памятный въ моей жизни.

— Это такъ серьёзно?

Ея сердце сильно билось. По движенію ея груди, онъ могъ угадать ея волненіе.

— Серьёзно только для меня. Вы знаете, какъ дружелюбно, какъ любезно относится ко мнѣ вашъ отецъ. Я отъ души отвѣчаю ему тѣмъ же, я не желалъ бы оставаться неблагодарнымъ. Но есть одно обстоятельство...

Адельгейда приготовилась выдержать или отклонить ударъ; немного нахмурившись, она твердо смотрѣла на него своими свѣтлыми глазами.

— Одно обстоятельство...

— Въ которомъ мы съ вами не сходимся. Но съ нынѣшняго вечера я убѣжденъ, что вы раздѣляете мое мнѣніе, что желаніе вашего отца, еслибъ оно было высказано, поставило бы и васъ въ мучительное затрудненіе.

— Благодарю васъ, графъ,—сказала она, краснѣя, но твердымъ голосомъ и свободно смотря ему въ глаза.—Благородство никогда не измѣняетъ вамъ. Вы дружески протягиваете мнѣ руку, чтобы помочь мнѣ перейти черезъ опасное мѣсто. Такой другъ всегда будетъ мнѣ дорогъ!

Она нарочно сдѣлала ударение на словѣ *другъ*. Альбертъ понялъ ее и, слегка цѣлуя ея руку, сказалъ:

— Да, другъ, который умѣетъ уступить мѣсто другому,

болѣе счастливому. Теперь, когда мы оба согласны, не трудно будетъ убѣдить и вашего отца.

И они разстались.

Эдгаръ слѣдилъ издали за этимъ разговоромъ. Онъ видѣлъ по всему, что рѣчь идетъ о чемъ-то важномъ, онъ былъ почти увѣренъ, что сердце Адельгейды отнынѣ принадлежитъ ему, но страхъ за избалованную свѣтскую дѣвушку, быть можетъ способную предпочесть графскій титулъ званію художника, сильно безпокоилъ его. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ прошелъ въ отдаленнѣйшія комнаты, точно каждый изъ гостей могъ замѣтить его пораженіе и отнестись къ нему съ сожалѣніемъ или насмѣшкой. Онъ уже помышлялъ о томъ, какъ уйти, не прощаясь; онъ обдумывалъ, что̀ лучше: отказаться ли отъ Адельгейды навсегда, или прямо объясниться съ нею, рискуя быть отвергнутымъ, какъ глупецъ или высокомѣрный нищій... Но въ ту минуту, когда онъ пошелъ къ двери, она уже стояла передъ нимъ.

Видъ ея—та особенность ея лица, которая всегда плѣняла и притягивала его—возвратилъ ему бодрость, а можетъ быть мгновенно превратилъ его оборонительное положеніе въ наступательное. Они объяснились.

А графъ, между тѣмъ, возвратившись домой, засталъ у себя долго ожидавшую Юлію, которой непремѣнно хотѣлось сказать ему, что она уѣзжаетъ, что въ разговорѣ съ господиномъ Пфлюгомъ она ссылалась на свое знакомство съ графомъ и надѣется на его рекомендацію.

IV.

Широкій дворъ, отдѣляющій шумныя зданія фабрики господина Пфлюга, съ ихъ паровыми машинами и молотами, отъ дома, занимаемаго директоромъ Вальтеромъ, окруженъ и покрытъ снѣгомъ; суровымъ холодомъ обдаетъ его вѣтеръ; на туманно-сѣромъ небѣ заходитъ красный шаръ солнца. Юлія отодвинулась отъ стола, за которымъ писала, поднялась съ мѣста и усталыми, безнадежными глазами заглянула въ маленькія стекла оконъ. Видъ этой массы голыхъ строеній съ высокими почернѣлыми трубами, этого печальнаго снѣжнаго ландшафта, напоминающаго все однообразіе и дрянность людской жизни, отвѣчалъ ея душевному настроенію... И ей приходится замерзнуть, какъ замерзло все кругомъ... Она быстро затворила ставни, опустила шторы, чтобы не видѣть того, что̀ происходитъ на дворѣ, зажгла свою

лампу и сѣла опять къ столу, чтобы окончить начатое письмо къ графу Берггаузену. Пробѣжавъ пространное начало письма, она продолжала:

«Моя обстановка совсѣмъ не такъ жалка, какъ вы, можетъ быть, заключаете по этимъ первымъ строкамъ. Когда я писала ихъ, скудное солнце освѣщало бумагу, и я смотрѣла на пустынный дворъ, гдѣ вѣтеръ по временамъ поднималъ снѣжные вихри. Прибавьте ко всему этому послѣдній день года, печальнѣйшій изъ всѣхъ дней, если къ полуночи не предстоитъ свиданія въ маскарадѣ. Мой хозяинъ и моя хозяйка уѣзжаютъ въ городъ на какой-то праздникъ; какъ прилично добропорядочной воспитательницѣ, я остаюсь дома для присмотра за дѣтьми. Я испекла имъ обычныя яства, и мы еще сваримъ пуншъ... Гдѣ встрѣтите вы новый годъ? Въ веселомъ обществѣ, съ шутками и смѣхомъ. Отъ души желаю вамъ всего хорошаго въ настоящемъ году, любезный графъ. Съ какимъ удовольствіемъ подняла бы я за васъ руки къ небу, еслибъ небо внимало нашимъ мольбамъ и исполняло наши просьбы. И хорошо, что оно этого не дѣлаетъ: въ противномъ случаѣ я стала бы молить его не о милосердіи, а о мщеніи. Медея! Я не забыла этого имени, которое вы дали мнѣ, когда я приходила проститься съ вами.

«Буду разсказывать по порядку. Лампа горитъ привѣтливо, и, думая о васъ, я чувствую себя хорошо и свободно. У меня хорошенькая особая комната, разумѣется, съ безотраднымъ видомъ на фабрику и на несчастныхъ людей, которые изнуряютъ себя тамъ работой; мои воспитанницы Эмма и Элиза—маленькія добродушныя дѣвочки; мы читаемъ, пишемъ, считаемъ, бренчимъ и поемъ, да разучиваемъ avoir и être. Здѣсь говорятъ, что у меня необыкновенная способность къ воспитанію и обученію. Какіе, подумаешь, таланты могутъ скрываться въ человѣкѣ, о которыхъ онъ и самъ ничего не знаетъ. Директоръ и его жена, блѣдная, болѣзненная, раздражительная дама, приняли меня чрезвычайно любезно. Иначе и нельзя было принять дѣвушку, пользующуюся покровительствомъ ихъ принципала. Всѣ относятся ко мнѣ въ высшей степени дружелюбно, обѣ дѣвочки, кажется, полюбили меня, а главный инженеръ фабрики въ меня влюбился. Въ Рождество у насъ были гости, мнѣ пришлось играть и пѣть, и похваламъ не было конца. Несмотря на мой простой костюмъ, мужчины не спускали съ меня глазъ, но я приняла такой серьёзный видъ, смотрѣла такой строгой монашенкой, что никто изъ гостей не сказалъ мнѣ лишняго слова. Еслибъ вы

могли заглянуть въ мое сердце, вы узнали бы, какъ презираю я всю вашу породу!

«Я не помню, чтобы мнѣ когда-нибудь приходилось жить такъ спокойно, такъ свободно отъ всякихъ желаній, такъ пассивно ожидать завтрашняго дня, безъ всякихъ надеждъ и опасеній. Еслибъ кто-нибудь предлагалъ мнѣ заранѣе такое однообразное существованіе, такое окаменѣлое состояніе моего сердца, я возразила бы ему, что лучше умереть. А теперь я встаю каждое утро и ложусь каждый вечеръ въ этой толчеѣ, часъ смѣняется такимъ же часомъ, на каждый назначена своя работа, и все вмѣстѣ такъ сѣро, безразлично, беззаботно и безстрастно, что можно, если есть охота, просуществовать тутъ до ста лѣтъ, а все-таки прожить одинъ только день. Иногда я, конечно, встаю среди ночи, по моей комнатѣ точно ходятъ видѣнія, духи прошлаго, шепчущіе, манящіе, насмѣшливые, и я утопаю въ слезахъ. Невольно переношусь я мыслію къ нему. Я сопровождаю его всюду, я стою за нимъ, когда онъ рисуетъ, и смотрю въ окно, когда онъ лежитъ у ея ногъ, цѣлуетъ ея руки, клянется ей въ любви, которая принадлежитъ мнѣ, потому что я пожертвовала для него всѣмъ. Мщеніе, мщеніе! подсказываетъ мнѣ тогда внутренній голосъ, и я дивлюсь, что вынесла разрывъ и не сошла съ ума».

Едва успѣла Юлія окончить и запечатать письмо, какъ дѣти уже звали ее, да и госпожа Вальтеръ желала посовѣтоваться съ ней насчетъ парадnаго туалета. Юлію ожидала и еще одна новость. Директоръ только-что получилъ депешу, въ которой господинъ Пфлюгъ извѣщалъ о предстоящемъ своемъ прибытіи на фабрику. «Тамъ что-нибудь случилось»,—сказалъ изумленный этимъ извѣстіемъ Вальтеръ.—Господинъ Пфлюгъ не охотникъ до зимнихъ поѣздокъ. У насъ тутъ все благополучно, а тамъ...»—Онъ глубокомысленно помолчалъ.—«Можетъ быть вы, госпожа Юлія, получили какое-нибудь извѣстіе изъ дома Пфлюговъ?» Но Юлія отвѣчала отрицательно. «Странно»,—разсуждалъ директоръ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. «Погода ни мало не поощряетъ къ путешествіямъ, буря, мятель, морозъ.. Какъ угодно господину Пфлюгу. Вы потрудитесь, госпожа Юлія, посмотрѣть, все ли въ порядкѣ въ тѣхъ трехъ комнатахъ перваго этажа, гдѣ онъ обыкновенно останавливается».

Вечеромъ третьяго января, въ сильный морозъ при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, господинъ Пфлюгъ дѣйствительно прибылъ на фабрику, окоченѣлый, несмотря на свою великолѣпную шубу, и въ дурномъ расположеніи духа. Директоръ сопровождалъ его

въ каретѣ со станціи желѣзной дороги, всѣ окна его дома были освѣщены, большая рождественская елка была опять зажжена снизу до верху, комнаты гостя хорошо протоплены и согрѣты. Господинъ Пфлюгъ постарался улыбнуться встрѣтившимъ его обитателямъ фабрики и процѣдилъ имъ всего лишь нѣсколько благодарственныхъ словъ вмѣсто обычной рѣчи. Госпожа Вальтеръ смутилась и упала духомъ, ожидая, что вся ея любезность, ея новое шелковое платье, обновленное въ этотъ вечеръ, и приготовленный ею ужинъ не произведутъ желаннаго дѣйствія на высокаго гостя; но мужъ ея самодовольно потиралъ руки, и сказалъ ей и Юліи, хлопотавшей около обѣденнаго стола:

— Будьте веселы, какое намъ дѣло до того, что́ случилось въ Берлинѣ! Дѣла на фабрикѣ идутъ отлично. У нихъ произошло тамъ что-нибудь въ семьѣ, чѣмъ недоволенъ господинъ Пфлюгъ. Тутъ мы помочь не можемъ. Пожалуйста, не будьте тоскливы!

Юлія чуть не уронила стакана, услыхавъ догадку Вальтера о горѣ въ семьѣ господина Пфлюга. Только Адельгейда могла причинить ему это горе, только ея любовь къ Эдгару.

— Слишкомъ много церемоній, милая госпожа Вальтеръ, слишкомъ много труда и заботы для бѣднаго путешественника,—сказалъ господинъ Пфлюгъ, входя изъ своихъ комнатъ въ столовую и привѣтствуя семейство директора.—Всѣ мы странники, — говоритъ поэтъ,—и за каждымъ изъ насъ сидитъ черная забота. Но она легче переносится въ кругу добрыхъ людей. Радуюсь, что вижу васъ здоровой, васъ и вашихъ дѣтокъ. А, госпожа Гартъ! Надѣюсь, вы столько же счастливы, сколько умѣете дѣлать счастливыми другихъ. Которой же изъ дамъ я обязанъ любезнымъ убранствомъ моихъ комнатъ? Госпожѣ Гартъ! Замѣчательно, какъ вы угадали мой вкусъ, мои привычки. Человѣкъ родится съ слабостями, а когда имѣешь за собою пятьдесятъ лѣтъ жизни, тогда уже не разстаешься съ ними.

Господинъ Пфлюгъ былъ человѣкъ подвижный. Говоря такимъ образомъ, онъ переходилъ отъ одного изъ присутствовавшихъ къ другому, подавалъ дамамъ руку, раздавалъ дѣтямъ подарки, гладилъ ихъ по головѣ, переглядывался съ директоромъ. Юлія смотрѣла на него съ участіемъ.

Къ ужину были приглашены главныя лица фабрики и конторы. Юлія никогда не была хорошей актрисой, она только поверхностно усвоила себѣ пріемы высшаго круга, но и этого было достаточно, чтобы придать ей въ глазахъ собравшагося общества привлекательность чего-то особеннаго, аристократическаго.

И эта привлекательность не покидала ее и при болѣе близкомъ знакомствѣ. Напротивъ, она, по мнѣнію господина Пфлюга, только усиливалась по мѣрѣ сближенія съ Юліей. Господинъ Пфлюгъ задумалъ расширить свою фабрику и поставить на ней новыя машины; поэтому пребываніе его тамъ уже не могло быть ограничено обычными четырьмя или пятью днями. Днемъ онъ все осматривалъ, толковалъ съ кѣмъ было нужно, распоряжался, но по вечерамъ Вальтеру и его супругѣ было трудно занять высокаго гостя. «Хорошо, что г-жа Гартъ у насъ въ домѣ»,—замѣтилъ директоръ своей женѣ, озабоченный вечерами господина Пфлюга. Юлія, очевидно, нравилась ему; онъ охотно говорилъ съ нею и любилъ слушать разсказы объ ея путешествіяхъ. Иногда онъ дразнилъ ее и дѣтей. Когда г-жа Вальтеръ спрашивала, не пригласить ли къ обѣду того или другого изъ городскихъ знакомыхъ, господинъ Пфлюгъ возражалъ: «Я съ благодарностью принимаю всякое ваше рѣшеніе, высокоуважаемая госпожа Вальтеръ, но намъ такъ хорошо въ нашемъ тѣсномъ кругу. Я до глупости люблю домашнюю жизнь, а ваша домашняя жизнь меня плѣняетъ. Зачѣмъ намъ расширять нашъ маленькій кружокъ? Зачѣмъ стремиться дальше, когда хорошее такъ близко. Знаете... Гёте!»

Господинъ Пфлюгъ никогда еще не встрѣчалъ такой женщины, какъ Юлія. Его незнакомство съ женщинами вообще, его неопытность въ отношеніяхъ этого рода придавали Юліи исключительную прелесть въ его глазахъ. Достигнувъ собственными усиліями богатства и крупнаго положенія въ промышленномъ мірѣ, господинъ Пфлюгъ не имѣлъ ни времени, ни охоты заниматься женщинами. Его покойная супруга всегда оставалась скромной, добродушной экономкой—не болѣе. Никто никогда не встрѣчалъ въ его домѣ дамъ высшаго круга, актрисъ или женщинъ полусвѣта. Познакомившись съ Юліей, онъ былъ еще совершеннымъ новичкомъ въ сердечныхъ дѣлахъ.

Юлія поняла раньше его самого, что́ происходитъ въ душѣ его. Она съ улыбкой и дружески принимала его неуклюжія учтивости и любезности, оставаясь по прежнему сдержанной и мало доступной. Она и не ободряла, и не отталкивала его. Она надѣялась, что можетъ прекратить эту игру во всякую данную минуту. Но къ чему же вся эта игра? Въ глубинѣ своей совѣсти, она не давала прямого отвѣта на этотъ вопросъ; она успокоивалась на томъ, что не имѣетъ въ виду ничего дурного, что единственная цѣль ея—пріобрѣсти довѣріе этого человѣка, чтобы узнать отъ него объ отношеніяхъ его дочери къ Эдгару.

Такъ какъ господинъ Пфлюгъ не скрывалъ своего пристрастія къ госпожѣ Гартъ, то его мнѣніе о ней, разумѣется, стало общимъ на фабрикѣ. Юлія и прежде пользовалась общимъ расположеніемъ, но теперь каждый спѣшилъ восхвалять ее при немъ. Ему и въ голову не приходило считать себя единственнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ восхваленій; онъ былъ увѣренъ, что и другіе, исполненные благодарности и уваженія къ ней, не находятъ лучшаго предмета для разговоровъ съ нимъ. Такое общее настроеніе въ свою очередь дѣйствовало обратно и на господина Пфлюга. Его желаніе сблизиться съ Юліей росло изо дня въ день. Наконецъ, онъ рѣшился, и за обѣдомъ завелъ разговоръ о томъ, что расширеніе фабрики потребуетъ еще и перестройки жилыхъ строеній, которыя тоже надо хорошенько осмотрѣть.

— Еще не сдѣлалъ вамъ визита, госпожа Гартъ, — сказалъ онъ при этомъ удобномъ случаѣ.—Но сегодня исправлю мое упущеніе. Вы подарите мнѣ четверть часика, не правда ли? Время—деньги, но и добрыя рѣчи—тоже деньги.

Сердце Юліи тревожно забилось, когда постучались въ ея дверь. Быть можетъ, она ожидала любовнаго объясненія? Быть можетъ, она опасалась какого-нибудь неожиданнаго открытія? Господинъ Пфлюгъ могъ обратиться къ ней съ вопросами объ ея прошломъ, и тогда ей пришлось бы сказать всю правду. Голосъ ея звучалъ не такъ твердо, какъ бы ей хотѣлось, когда она произнесла: «Войдите!»

Но одинъ видъ господина Пфлюга тотчасъ успокоилъ ее. Его красное, упитанное, добродушное лицо съ сѣрыми глазами и толстыми губами всегда производило на нее впечатлѣніе чего-то успокоительнаго, невмѣняемаго и безпомощнаго. Этотъ человѣкъ могъ быть уменъ и искусенъ въ своихъ промышленныхъ дѣлахъ, но до нея онъ не дорось. Охотно щеголяя своими классическими познаніями, онъ могъ разсказать ей кое-что о волшебствахъ Цирцеи, но не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ отнестись къ современной цирцеѣ.

— Тѣсненько вы живете, милая госпожа Гартъ, тѣсненько! — началъ онъ, въ смущеніи поглаживая свои короткіе, густые, побѣлѣвшіе волосы.—Директоръ могъ бы дать вамъ другую комнату, съ окнами въ садъ.

Юлія окружила своего гостя такимъ трогательнымъ вниманіемъ, что онъ совсѣмъ растаялъ.

— Вы балуете меня, моя милая госпожа Гартъ, — сказалъ онъ, выражая свое удовольствіе самымъ сопротивленіемъ ея лю-

безному вниманію. Мнѣ будетъ трудно вырваться отсюда и возвратиться въ мой пустынный домъ.

— Пустынный? Въ большой столицѣ, при вашемъ кругѣ знакомыхъ? Домъ, гдѣ съ вами неразлучна ваша дочь? Вы шутите, господинъ Пфлюгъ.

— Нѣтъ, я говорю серьёзно. Старость одинока. Судьба преждевременно лишила меня жены! У дочери другія мысли на умѣ, а не угожденіе отцу. Оно въ сущности естественно, но все-таки непріятно, когда приходится испытать это на дѣлѣ.

— Да,—засмѣялась Юлія, желая показать своею веселостью, что ей ничего неизвѣстно о томъ, что́ происходитъ въ семьѣ господина Пфлюга.—Но если ваша дочь подаритъ вамъ такого зятя, какого вы желаете...

— Въ томъ-то и бѣда, что нѣтъ! — прервалъ господинъ Пфлюгъ.—Я не такой дуракъ, чтобъ удивляться, что дѣвушки желаютъ выходить замужъ. Мнѣ было бы непріятно имѣть въ домѣ перезрѣлую дочь. Но я могъ ожидать, что мужъ, котораго изберетъ себѣ моя единственная дочь... Ахъ, милая госпожа Гартъ, не все то золото, что́ блеститъ! Я очень несчастный человѣкъ...

Господинъ Пфлюгъ всталъ съ почетнаго мѣста на зеленомъ диванѣ, куда усадила его Юлія, и зашагалъ по комнатѣ. Онъ какъ будто раздумывалъ, какъ будто мысленно искалъ какого-нибудь рѣшенія тяготившему его вопросу. Юлія смотрѣла на него съ участіемъ и состраданіемъ, но не тронулась съ мѣста. Когда онъ остановился передъ нею, и глаза ихъ встрѣтились, онъ продолжалъ:

— Горе и досада задушатъ меня, если я не выскажусь. Я довѣряю вамъ, милая госпожа Гартъ, вы меня поймете и, можетъ быть, дадите мнѣ добрый совѣтъ.

— Увы! Я лучше попросила бы васъ не огорчать меня вашимъ разсказомъ. Мнѣ больно видѣть страданіе такого добраго, хорошаго человѣка, какъ вы. Но если это облегчитъ васъ—говорите. Мой слухъ, мое сердце къ вашимъ услугамъ.

— Какъ было бы хорошо, еслибъ Адельгейда походила на васъ, еслибъ она была такъ же хороша, такъ же добра и разсудительна. И для нея самой, и для себя, я совѣтовалъ ей выдти за графа Берггаузена, храбраго воина, прекраснаго кавалера...

— Благороднѣйшаго человѣка,—подтвердила Юлія.

— Именно—вѣдь вы его знаете? Можетъ ли отецъ сдѣлать лучшій выборъ для своей дочери? Онъ нравился и ей самой.

Она охотно принимала его любезности и отличала его отъ другихъ. Вдругъ является въ мой домъ живописецъ, сводитъ ее съ ума своими рѣчами, она влюбляется...

— Въ живописца?

— Отчего же нѣтъ? Не считайте меня за варвара, милая госпожа Гартъ. Я люблю искусство, уважаю художниковъ, но дочь Эриха Пфлюга—не пара начинающему живописцу. Еслибъ за Адельгейду посватался какой-нибудь великій, извѣстный всему свѣту художникъ, стоящій на собственныхъ ногахъ и ненуждающійся въ моихъ деньгахъ, чтобы сдѣлать карьеру, я далъ бы имъ мое благословеніе, какъ ни тяжко мнѣ отказаться отъ такого чудеснаго зятя, какъ графъ Берггаузенъ. Но молодой человѣкъ, еще ничего не значущій, ничего не имѣющій, обязанный мнѣ всею своей извѣстностью и нѣкоторымъ счастіемъ—это уже слишкомъ! Человѣкъ, который за мое гостепріимство платитъ мнѣ тѣмъ, что сводитъ съ ума мою дочь и разрушаетъ мой домашній покой!

Господинъ Пфлюгъ замолчалъ. Онъ, очевидно, ждалъ отвѣта.

— Я не позволю себѣ судить объ отношеніяхъ, мнѣ чуждыхъ,—сказала Юлія, опустивъ глаза.—Но я думаю, что вашей дочери должно быть очень больно противорѣчить любимому желанію такого отца, и что достаточно переговорить съ ней объ этомъ серьёзно, чтобъ образумить ее. Если я хорошо поняла васъ, она еще мало знаетъ этого живописца; ея склонность еще не можетъ быть глубока и сильна; пожалуй, это только прихоть молодой, ничѣмъ не занятой и романически настроенной дѣвушки.

— Ахъ, милая госпожа Гартъ, Адельгейда уже не ребенокъ! Она всегда была романтична и сумасбродна, и въ то же время настойчива и упряма. Наши молодыя дѣвушки учатся и читаютъ слишкомъ много, онѣ дѣлаются преждевременно самостоятельны и зрѣлы въ своихъ сужденіяхъ и чувствахъ. Двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду такое существо, если оно богато, уже видѣло половину міра и вкусило больше удовольствій, чѣмъ ея мать во всю свою жизнь. Избалованному вкусу ничто уже не нравится. Такова оборотная сторона богатства. Прихоть ли это, или страсть — Адельгейда клянется, что никогда не измѣнитъ своему влеченію. Мои совѣты, просьбы, угрозы не привели ни къ чему—они только подлили масла въ огонь.

— Вашей дочери хорошо извѣстно, что вы слишкомъ добрый отецъ, что вы не можете вѣчно сердиться на нее...

— Ого!—грозно замѣтилъ господинъ Пфлюгъ.—Я не совѣ-

тую имъ раздражать меня. Никогда не дамъ я моего согласія на этотъ бракъ. Я отказалъ этому непрошенному гостю отъ дому и въ послѣдній разъ напомнилъ моей дочери ея обязанности ко мнѣ, да и къ самой себѣ. Въ послѣдній разъ!

Юлія могла бы отъ души посмѣяться этимъ словамъ, но ей было жаль добраго и глуповатаго человѣка.

Господинъ Пфлюгъ вынулъ изъ кармана бѣлый шелковый платокъ и отеръ имъ потъ съ лица.

— Моя доля завидна, не правда ли? Имѣть дочь, которая постоянно или сердится, или плачетъ! И чѣмъ все это кончится? Она убѣжитъ отъ меня, какъ дочь Шейлока — знаете у Шекспира. Оттого-то мнѣ такъ хорошо здѣсь, точно въ раю, оттого-то мнѣ не хочется и думать объ отъѣздѣ...

— И, можетъ быть, ваше пребываніе здѣсь самое лучшее средство вразумить вашу дочь, — поспѣшила прибавить Юлія. —Оставайтесь у насъ, пока все уладится, пока ваша дочь попроситъ у васъ прощенія. Повѣрьте мнѣ: ея теперешнее одиночество громко заговоритъ къ ея совѣсти.

— Юлія — я хотѣлъ сказать: милая госпожа Гартъ — вы умнѣйшая изъ женщинъ. Вы говорите, какъ ангелъ. Вы дали мнѣ лучшій совѣтъ: я остаюсь.

Онъ подалъ ей руку, и когда она протянула ему свою узенькую, нѣжную ручку, онъ чуть не поднесъ ее къ губамъ; но мысль, что ему не пристало цѣловать руку гувернанткѣ своего директора, мгновенно остановила его. Онъ только подержалъ руку Юліи въ своей. — Благодарю васъ, милая госпожа Гартъ— я остаюсь! — возвѣстилъ онъ и, точно осчастливленный, направился къ двери. «Еслибъ она была равнодушна ко мнѣ, то не посовѣтовала бы мнѣ остаться», —подумалъ онъ. Но почему ея участіе возбуждало въ немъ такое радостное волненіе? — Этого онъ объяснить не умѣлъ.

Юлія была тоже очень довольна этимъ первымъ уединеннымъ разговоромъ съ господиномъ Пфлюгомъ. Онъ открылъ ей свою тайну, неважную, жалкую тайну, но все же нѣчто такое, чего другіе не знали, о чемъ онъ еще не разъ будетъ говорить съ нею одной.

Когда господинъ Пфлюгъ на что-нибудь рѣшался, для него уже невозможны были никакія колебанія, никакіе возвраты. Теперь онъ объявилъ госпожѣ Вальтеръ, что располагается у ней по домашнему. «Буду вамъ въ тягость», —сказалъ онъ, — но единственно для того, чтобъ отъ нея услышать, какъ пріятенъ такой гость, который, къ тому же, и полный хозяинъ у нихъ

въ домѣ. А госпожа Вальтеръ была и въ самомъ дѣлѣ довольна его пребываніемъ на фабрикѣ. Господинъ Пфлюгъ былъ въ своемъ родѣ любезный собесѣдникъ, «галантный человѣкъ»; онъ уже не одинъ разъ выписывалъ изъ города прекрасные букеты для «своей хозяйки», ѣздилъ съ нею кататься, по вечерамъ разсказывалъ разныя разности, даже возилъ ее съ дѣтьми смотрѣть представленія какого-то особеннаго фокусника. Однажды вечеромъ госпожа Вальтеръ разсказала объ одной своей поѣздкѣ на небольшую ближайшую гору, покрытую лѣсомъ, откуда открывался красивый видъ на окрестность и гдѣ стояла гостинница, услужливо укрывавшая путниковъ отъ холода и непогоды.

— Этого мы не пропустимъ мимо ушей, любезная хозяйка, — сказалъ господинъ Пфлюгъ.—Поѣдемте туда: дорога ровная, погода установилась. На горахъ блеститъ снѣгъ, а кто знаетъ, переживетъ ли онъ лѣто? Мы съумѣемъ повеселиться и зимою. Какъ вы думаете, госпожа Гартъ?

Юлія была очень рада такой поѣздкѣ, обѣщавшей нарушить однообразіе ихъ ежедневной жизни, а ея одобреніе еще болѣе разохотило господина Пфлюга. На другой же день онъ отправился развѣдать о дорогѣ и заказать хозяину гостинницы все что нужно для участниковъ и участницъ предположенной прогулки; въ подобныхъ случаяхъ господинъ Пфлюгъ обыкновенно не жалѣлъ денегъ. Въ назначенный день, все устроилось по его желанію. Не только люди и лошади, но и небо, и земля, казалось, подчинились въ этотъ день его волѣ.

— Въ древности васъ сочли бы за волшебника, — сказала ему Юлія, садясь въ сани съ господиномъ Вальтеромъ и маленькой Элизой.

— Не волшебникомъ, а очарованнымъ,—любезно возразилъ господинъ Пфлюгъ.

Онъ первый выѣхалъ съ госпожею Вальтеръ и другой ея дочерью, остальные слѣдовали за ними—всего было двѣнадцать саней. Тутъ были важнѣйшія изъ лицъ, служащихъ на фабрикѣ, и нѣсколько пріятелей изъ ближайшаго города. Былъ ясный зимній день. Оледенѣлыя деревья блистали, какъ великолѣпные кристаллы. Путники весело прибыли въ гостинницу на верху горы, гдѣ небольшой оркестръ встрѣтилъ ихъ торжественнымъ маршемъ изъ второго акта «Тангейзера». Гостинница была украшена зелеными вѣтками и флагами. Раздались крики: Браво! Ура! Всѣ въ восторгѣ спѣшили пожать руку сіявшаго господина Пфлюга. Съ горы былъ видѣнъ городокъ съ его стройными церковными башнями, снѣжными крышами и клубами дыма.

— Какъ хорошъ этотъ видъ! — сказала Юлія господину Пфлюгу.

Лицо ея могло бы въ эту минуту напомнить господину Пфлюгу недавно пріобрѣтенную имъ картину...—Такіе глаза были только у богини Эдгара Штурма. Но господинъ Пфлюгъ думалъ о другомъ. Чувствуя голодъ, онъ правильно заключалъ, что другіе должны быть еще болѣе голодны, чѣмъ онъ, и что при такихъ условіяхъ видъ хорошо убраннаго обѣденнаго стола еще пріятнѣе самаго краснваго ландшафта.

— Красота не существуетъ для голоднаго, — засмѣялся онъ. — Прошу за столъ, господа. За стаканомъ хорошаго вина снѣжныя горы еще красивѣе. Кажется, римлянинъ Горацій воспѣлъ нѣчто подобное, а онъ былъ знатокъ по этой части. Прошу за столъ, господа!

Хорошо понимая, что этотъ праздникъ устроенъ собственно для нея, Юлія привѣтливо чокнулась за обѣдомъ съ любезнымъ хозяиномъ, когда онъ кончилъ свой неизбѣжный спичъ къ гостямъ.

— Какой чистый, гармоническій звукъ, — замѣтилъ онъ любезно.—Это хорошее предзнаменованіе: мы еще долго не разстанемся, госпожа Гартъ.

— Но въ такомъ случаѣ сердца должны еще лучше звучать, чѣмъ стаканы, господинъ Пфлюгъ,—тихо проговорила Юлія.

Именно потому, что она сказала это тихо, среди гама и шума обѣденной компаніи, господинъ Пфлюгъ почувствовалъ что-то особенное, чего онъ никогда еще не испытывалъ въ жизни. Умъ его мутился, сердце волновалось. Взгляды ихъ постоянно встрѣчались, точно искали другъ друга. Связывавшая ихъ тайна, неизвѣстная никому изъ присутствовавшихъ, придавала въ его глазахъ еще бо́льшую прелесть такимъ отношеніямъ. Онъ предчувствовалъ романъ, романъ съ самою красивою изъ женщинъ, какихъ онъ когда-либо видѣлъ,—и это былъ его первый романъ. Юлія, съ своей стороны, думала не о настоящей минутѣ, она не имѣла въ виду очаровать господина Пфлюга. Изъ участниковъ поѣздки онъ былъ ей всѣхъ пріятнѣе, потому что относился къ ней дружески и съ особеннымъ уваженіемъ. Она радовалась пиру, обществу; она была лишена ихъ слишкомъ долго, чтобы не осушить съ особеннымъ удовольствіемъ своего бокала. Подъ монашеской одеждой гувернантки волновалась вакханка.—Будь осторожна! думала она про себя. Но она не могла помѣшать своему лицу раскраснѣться, не могла измѣнить его естественное выраженіе.

Къ концу обѣда поднялись мятель и буря. Дикія завыванія вѣтра встревожили все общество и напугали дамъ. Но господинъ Пфлюгъ нашелся и тутъ. Онъ предложилъ воспользоваться свободными комнатами гостинницы, чтобы переночевать на горѣ. Нѣкоторые предпочли уѣхать поскорѣе, большинство осталось. Оставшіеся съ безпокойствомъ слѣдили глазами за уѣхавшими; но факелы уѣхавшихъ скоро погасли, и они быстро скрылись во мракѣ. Отряхая свою шубу, господинъ Пфлюгъ торопливо бѣжалъ отъ воротъ къ дверямъ гостинницы. Съ чернымъ шерстянымъ платкомъ на головѣ, Юлія стояла на порогѣ съ факеломъ въ рукѣ, держа его надъ головою. Красноватый, трепетный свѣтъ его падалъ на ея лицо, выдѣляя его на мрачномъ фонѣ. Господинъ Пфлюгъ отступилъ передъ нею, какъ предъ волшебнымъ видѣніемъ...

— Это вы, госпожа Юлія? На дворѣ?

— Я свѣчу вамъ,—засмѣялась она.—Какъ жаль, что мы не поѣхали съ другими! Какъ славно ѣхать ночью, въ бурю и мятель!

— И вы не боялись бы?

— Я? Я стала бы бояться? Съ вами?

— Вы со мною!

И она протянула ему руку. Не зная самъ, что онъ дѣлаетъ, онъ поднесъ ея руку къ губамъ.

— Съ вами я поѣхала бы на край свѣта!

Разспросы о погодѣ, которыми осадили господина Пфлюга гости, когда онъ вернулся въ залу гостинницы, помѣшали ему собраться съ мыслями и дать себѣ отчетъ въ томъ, что съ нимъ происходитъ. Потомъ, находившійся въ числѣ гостей, нѣкто медицинальратъ заговорилъ съ нимъ о своемъ племянникѣ, котораго желалъ пристроить на фабрикѣ, предпославъ своей просьбѣ матримоніальный совѣтъ. Почтенный совѣтникъ полагалъ, что господину Пфлюгу слѣдуетъ вторично жениться, и притомъ на молодой женщинѣ, и не замедлилъ выставить своего племянника образцомъ семейнаго счастія и добродѣтели. Устроилась и партія въ вистъ; но, кромѣ того же совѣтника, гости играли шутя и съ ошибками. Общее вниманіе дѣлилось между продолжавшейся бурей и картами. Юліи не было въ залѣ, но отсутствіе ея вскорѣ было замѣчено дамами, желавшими угодить господину Пфлюгу. Дамы заговорили о ней первыя; госпожа Вальтеръ отозвалась, что Юлія, вѣроятно, у дѣтей, но что дѣти теперь уже заснули. Дамы же стали теперь относиться къ ней съ нѣкоторой почтительностью, когда она опять появилась въ залѣ и сѣла разли-

вать чай. Она опять оживила все общество, обрадованное къ тому вѣстью хозяина гостинницы, что непогода стихла, небо прояснилось и бурю смѣнила свѣтлая, лунная ночь.

Послѣ чая, гости пожелали другъ другу покойной ночи. Самъ господинъ Пфлюгъ жаловался на усталость, и однакоже онъ остался одинъ бесѣдовать съ хозяиномъ о предстоявшемъ на другой день завтракѣ. Онъ видимо былъ возбужденъ, не надѣялся заснуть и искалъ предлога остаться внизу и говорить хоть съ кѣмъ-нибудь.

— Гдѣ же госпожа Юлія? — спросилъ онъ хозяина. — Тоже пошла на верхъ?

— Къ вашимъ услугамъ,— сказала Юлія, смѣясь.—Господинъ Пфлюгъ не слыхалъ какъ она вошла. — Тамъ, на верху, очень душно въ маленькихъ комнатахъ,—прибавила она, и я не могла бы тамъ заснуть. Лучше подремать здѣсь до утра, на покойномъ креслѣ.

Поправивъ свѣчи и лампы, хозяинъ скромно вышелъ.

— И мнѣ еще рано ложиться,—замѣтилъ господинъ Пфлюгъ, вынимая изъ кармана золотые часы; но помутившимся глазамъ его трудно было разобрать, что̀ показываютъ стрѣлки. Въ сосѣдней комнатѣ пробили часы.

— Десять!—сосчитала Юлія.

— Вы позволите мнѣ бесѣдовать съ вами?... спросилъ господинъ Пфлюгъ.

— Я прошу васъ объ этомъ. Зала такъ велика, что намъ не нужно чертить меломъ по полу наши границы. Мнѣ нужно очень мало мѣста, очень мало!

Она усѣлась въ старомъ кожаномъ креслѣ, закинувъ голову назадъ и протянувъ ноги на скамейку. Господинъ Пфлюгъ усердно покрылъ ея маленькія ноги дорожнымъ пледомъ, и отвѣтомъ на эту любезность была ея благодарная улыбка. Они уже помѣнялись ролями: она стала госпожей, а онъ слугою.

— Вы галантный человѣкъ, господинъ Пфлюгъ, и еслибъ я не была бѣдной... воспитательницей...

— Бѣдной воспитательницей?—повторилъ онъ съ добродушной насмѣшкой. Вы не знаете, какъ вы богаты! Вы царица красоты, вышедшая изъ моря богиня!

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросила она съ горечью, гнѣвно сжавъ губы, такъ что господинъ Пфлюгъ испугался, не сказалъ-ли онъ чего-нибудь неловкаго и непріятнаго. Вы балуете меня похвалами, господинъ Пфлюгъ. Это не хорошо съ вашей стороны. Что сталось бы со мной, еслибъ я помнила только о моемъ

лицѣ и забыла мою бѣдность? Венера была богиней на Олимпѣ; въ нашемъ свѣтѣ она была бы цыганкой.

— Цыганки и пастушки часто дѣлались княгинями,—замѣтилъ господинъ Пфлюгъ.

— Прециоза? Но это случалось въ старыя времена, въ Испаніи. И развѣ не открылось потомъ, что Прециоза была дочь графа? Я не то, я дитя простыхъ рабочихъ, снѣжинка въ вихрѣ жизни.

— Ваши родители... Господинъ Пфлюгъ остановился. Онъ боится, онъ ничего такъ не боится, какъ темной родни, вдругъ вылѣзающей изъ погребовъ и заднихъ дворовъ.

— Мой отецъ умеръ семь лѣтъ тому назадъ; мать умерла раньше его двумя годами. У меня нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ, ни родныхъ, которые бы когда-нибудь приняли во мнѣ участіе. И однакоже я никогда не падала духомъ.—И, приподнявшись, она пропѣла вполголоса: «Riez, riez, ma belle, riez, riez toujours».

— Бѣдная, героическая дѣвушка!—съ увлеченіемъ проговорилъ господинъ Пфлюгъ.

Онъ взялъ ея руку, чтобы покрыть ее поцѣлуями, но она отняла ее.

— Какъ вы жестоки! Вы даже не хотите оставить мнѣ вашу ручку, мнѣ, старому человѣку, который уже не можетъ имѣть притязаній на ваше сердце?

— Старому человѣку!—проговорила она. — Пятидесятилѣтніе люди самые опасные. Я знаю только одну, для которой они не могли бы быть опасны—именно себя.

— Почему же?

— Почему? Потому что я бѣдная дѣвушка. Еслибъ я не держалась обѣими руками за мое сердце, что̀ сталось бы со мной? Отвѣтьте мнѣ по совѣсти, какъ честный человѣкъ.

— Вы стали бы моей женой!—вскричалъ онъ, ухватившись за свои волосы.—Дайте свободу вашему сердцу, Юлія. Я люблю васъ, я чувствую, что не могу жить безъ васъ; вотъ моя рука, мое состояніе—ударимъ по рукамъ.

Его волненіе испугало ее: она приподнялась на своемъ креслѣ.

— Вашей женой! проговорила она глухо, потерла лобъ рукою, посмотрѣла на него, покачала головой, такъ что заплетенные волосы ея опустились, огибая ея лицо и шею. — Вашей женой! Она вскочила, и все, что̀ смутно таилось въ душѣ ея, все, что̀ ее волновало—удивленіе, страхъ, дикая радость, удовле-

творенное тщеславіе, ощущеніе, что она можетъ отмстить теперь тѣмъ, кто такъ тяжело оскорбилъ ее, воспоминаніе о прошломъ, надежда на будущее, и невыразимо мучительная жалость къ самой себѣ,—все то, чего она не могла назвать, чего не смѣла выяснить себѣ, все это выразилось въ истерическомъ припадкѣ, въ хохотѣ, рыданіяхъ и плачѣ.

— Милая, дорогая Юлія!—успокоивалъ ее господинъ Пфлюгъ. —Мое неуклюжее предложеніе испугало, можетъ быть огорчило васъ. Но того, что́ случилось, передѣлать нельзя. Еслибъ не теперь, у меня никогда не достало бы духу признаться вамъ въ моемъ чувствѣ. Теперь мнѣ уже нельзя терять время. Вы смѣетесь—да, нельзя! Вы знаете меня, я знаю васъ; каждый день, каждый часъ я вижу въ васъ соединеніе всего, что́ можетъ осчастливить человѣка. Въ мои года, можетъ быть, глупо простирать къ вамъ руку; но невелико было бы могущество любви, еслибъ она покоряла себѣ только молодыхъ и красивыхъ!

Пока онъ говорилъ, Юлія опять пришла въ себя и овладѣла собою. Все яснѣе и яснѣе становилось ей, что въ ея рукахъ и его, и ея собственная участь. Какъ истомленная, опустилась она на ту скамейку, гдѣ прежде покоились ея ноги.

— Такъ это правда?—тихо и протяжно сказала она, глядя ему въ глаза.—Вы любите меня, вы предлагаете мнѣ ваше имя, ваше блестящее положеніе...

Господинъ Пфлюгъ ощущалъ невыразимое блаженство.

— Примите все это,—сказалъ онъ.—Это не графская корона, но все же лучше, чѣмъ чужой хлѣбъ. У васъ будетъ, правда, немолодой мужъ...

— Но добрый, умный, благородный,—тихо прибавила она.

— Въ вашемъ распоряженіи будетъ столько денегъ, сколько вы пожелаете, и вы получите возможность жить только для себя и для преданнѣйшаго изъ вашихъ почитателей.

— Ваше предложеніе лестно для меня выше мѣры, господинъ Пфлюгъ; моя благодарность никогда не можетъ сравняться съ вашей добротой. Но могу ли я принять его? Что́ скажетъ свѣтъ? Что скажетъ ваша дочь?

— Свѣтъ посмѣется надо мной нѣсколько дней, а потомъ будетъ всю жизнь завидовать моему счастію. А Адельгейда? Не будемъ говорить о ней. Неужели мнѣ соображаться съ желаніемъ дочери, которая никогда не соображалась съ моими? Неужели я долженъ приносить жертву ей, которая никогда не хотѣла ничѣмъ пожертвовать для своего отца? Пусть ее выйдетъ за своего живописца—у ней свое независимое состояніе отъ ма-

тери. Повѣрьте мнѣ, милѣйшая, дорогая Юлія: никто не осмѣлится оказать неуваженіе моей женѣ.

Онъ обнялъ и хотѣлъ поцѣловать ее. Но воспоминаніе объ Адельгейдѣ оживило въ ея воображеніи образъ Эдгара и все ея прошлое. Совѣсть громко заговорила въ ней. Она внутренно упрекала себя въ недостойномъ поступкѣ, въ готовности обмануть добраго человѣка, который такъ сердечно желалъ ей добра, и только добра. Она высвободилась изъ его объятій и встала.

— Довольно, господинъ Пфлюгъ, уже слишкомъ довольно: я никогда не могу быть вашей женой!

— Ради Бога, Юлія, говорите ради Бога! Я не нравлюсь вамъ? Вы любите другого?

— Нѣтъ, нѣтъ! Дайте мнѣ уйти, не мучьте меня вопросами!

— Ничто не можетъ разлучить насъ, кромѣ вашей воли, Юлія,—сказалъ онъ съ жаромъ.—Довѣрьтесь мнѣ. Если васъ давитъ что-нибудь прошлое—выскажитесь, облегчите ваше сердце. Или я, открывшій вамъ всю свою душу, не заслуживаю и вашей откровенности? Вы такое рѣдкое, такое прекрасное явленіе...

— Вы не знаете меня, господинъ Пфлюгъ,—горько отозвалась она.—Вы будете презирать меня, когда меня узнаете. Вы не услышите отъ меня ничего утѣшительнаго. Но вамъ я обязана сказать правду.

Она опять сѣла на скамейку и сложила руки на колѣняхъ.

— Меня мучитъ жажда.

Господинъ Пфлюгъ подбѣжалъ къ столу, налилъ два стакана краснаго вина, и подалъ ей одинъ изъ нихъ.

— Чокнемся за будущее, милая Юлія, за долгую дружбу!

Рука ея дрожала и вино пролилось на полъ. Господинъ Пфлюгъ сѣлъ напротивъ, со страхомъ ожидая ея признаній, но заранѣе готовый отпустить ей всякіе грѣхи.

— Я дитя пролетаріевъ, я родилась на чердакѣ отдаленнаго угла столицы. Отецъ мой работалъ на машинной фабрикѣ, мать была прачкой. Я росла безъ братьевъ и сестеръ, въ нищетѣ, въ борьбѣ за кусокъ хлѣба. Но если счастіе не улыбалось мнѣ, то у меня не было и дурного примѣра передъ глазами. Мои родители жили согласно. Разумѣется, между ними не было замѣтно той любви и нѣжности, о которыхъ говорятъ знатные люди. Въ народной школѣ я научилась тому, чему можетъ выучиться въ ней бѣдная дѣвочка. Моя живая натура, мое красивое лицо, говорили другіе, больше пригодятся мнѣ въ жизни, чѣмъ знанія. Мать умерла, когда я еще не совсѣмъ стала на ноги, и мнѣ пришлось заработывать хлѣбъ на табачной фабрикѣ...

— Вы — на фабрикѣ!—перебилъ господинъ Пфлюгъ.—Существующій общественный порядокъ никогда не казался ему несправедливѣе и извращеннѣе, чѣмъ въ эту минуту.

— Но я не могла долго выдержать это существованіе. Меня бранили за лѣность, безпорядочность, за страсть къ нарядамъ. Можетъ быть, и основательно бранили, но я была безсильна противъ своей природы. Во мнѣ было нѣчто такое, что оскорбляло моихъ товарокъ и поражало мужчинъ. Родись я аристократкой, у меня все было бы въ отличномъ порядкѣ. А то у меня ничего не клеилось, мое тщеславіе не соотвѣтствовало моему служебному положенію, моя веселость не согласовалась съ моей бѣдностью. У меня вдругъ открыли хорошій голосъ, директоръ одного народнаго театра далъ мнѣ возможность пользоваться нѣкоторое время уроками своего капельмейстера; но они были скудны, эти уроки: моя красота и смѣлость пополнили то, чего недоставало въ моемъ пѣніи. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, я одѣвалась въ пышное длинное платье, пѣла веселыя пѣсни, бойкіе куплеты, и понравилась. Подумайте, какая радость наполняла тогда мое сердце — я могла, благодаря заработываемымъ деньгамъ, облегчить и усладить послѣднія недѣли жизни моего смертельно больного, бѣднаго отца. Онъ умеръ на моихъ рукахъ, благословляя меня за мои заботы. Съ тѣхъ поръ я поняла, что во мнѣ двѣ натуры: цыганки и сестры милосердія.

— Изумительно!—проговорилъ господинъ Пфлюгъ. Онъ не спускалъ глазъ съ Юліи, онъ слушалъ ея исповѣдь, какъ прелестнѣйшую музыку.

— Не съ благочестивыми мыслями возвратилась я съ могилы отца,—продолжала Юлія.—И откуда могли онѣ взяться? Никакой проповѣдникъ не произнесъ надъ нею надгробнаго слова, могильщикъ и товарищи отца по фабрикѣ опустили его въ землю и бросили нѣсколько вѣнковъ въ его могилу. Этимъ все и кончилось. Я осталась одна, никому не обязанная отчетомъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Кругомъ холодное, пустынное, неизмѣримое море. Расправляй руки, плыви или тони. Я удержалась на поверхности воды. При моемъ тогдашнемъ положеніи и заработкѣ, я еще могла считать себя избранницей судебъ. Сначала пятьдесятъ, потомъ семьдесятъ-пять талеровъ мѣсячнаго жалованья — подумайте, господинъ Пфлюгъ! съ такими средствами живешь среди нищихъ какъ принцесса! Мой голосъ не силенъ и я не умѣла пѣть; но слушатели приходили отъ меня въ восторгъ. Вы можете посмѣяться надо мной, потому что я хвалю себя. Синьора Юлія — такъ звали меня на афишкѣ — была магнитомъ малень-

каго народнаго театра. Каждый вечеръ меня осыпали похвалами и любезностями. Директоръ берегъ меня, какъ драгоцѣнность, я жила у его жены, ко мнѣ относились въ ихъ домѣ какъ къ дочери. Въ удовольствіяхъ и поклонникахъ не было недостатка. Мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ, и глупо было бы съ моей стороны не пользоваться этими годами. Богатая дѣвушка помышляетъ въ эту пору о замужествѣ, о положеніи въ обществѣ; у бѣдной дѣвушки нѣтъ будущности. Я страшилась мысли выдти за скромнаго человѣка и въ бѣдности влачить однообразную жизнь. Мнѣ нужны были шумъ, краски, перемѣны. А что касается сердца, въ то время я еще усерднѣе держала его на привязи, чѣмъ теперь. Я не вѣрила мужчинамъ, всѣ они были въ моихъ глазахъ одинаковы.

— Всѣ одинаковы! механически повторилъ господинъ Пфлюгъ, не зная радоваться ли этому, или печалиться.

— Гадкая, хитрая змѣя — не правда ли? Мелюзина съ рыбьей кровью въ жилахъ и рыбьимъ хвостомъ, или нѣчто въ этомъ родѣ! Нѣтъ, господинъ Пфлюгъ: я только играла съ мужчинами, какъ и они со мной играли. Мы, бѣдные люди, болѣе открыты всѣмъ явленіямъ жизни, чѣмъ богатые, мы не страшимся ихъ, но и насъ нельзя обмануть громкими словами. Примѣръ моихъ товарокъ рано показалъ мнѣ, что̀ значили мужскія клятвы. Поклонниковъ было у меня, сколько я хотѣла, но не было ни одного любовника. Впослѣдствіи я сошлась съ княземъ Подгорскимъ. Сильной страсти къ нему я не чувствовала; но я была тронута его добротой и дружбой. Три года прожили мы согласно и дружно. По его желанію, я выучилась по-французски и прочла множество книгъ, которыя онъ мнѣ приносилъ. Ему обязана я тѣми небольшими знаніями, какія я теперь имѣю. Я была его прилежной ученицей и веселой собесѣдницей. Еслибъ любовь могла быть постоянна, я теперь жила бы съ нимъ попрежнему. Разстроенное здоровье князя потребовало поѣздки на воды. Мы были съ нимъ въ Карлсбадѣ и Висбаденѣ, а осень провели въ Баденъ-Баденѣ. Будущей осенью пройдетъ съ тѣхъ поръ ровно три года. Гдѣ-то я буду тогда? Въ Баденъ-Баденѣ я познакомилась съ графомъ Берггаузеномъ и научилась уважать его. Судьбѣ угодно было, чтобъ я познакомилась тамъ же и съ другимъ человѣкомъ, товарищемъ моихъ дѣтскихъ игръ, котораго образъ никогда не могъ изгладиться изъ моего сердца. Въ дѣтствѣ мы вмѣстѣ играли; потомъ мой отецъ переселился въ другую часть города, мы не видались больше, и только много лѣтъ спустя я замѣтила его въ числѣ посѣтителей народнаго

театра, которые мнѣ рукоплескали. Послѣ представленія, я искала его въ залѣ, въ саду театра, меня тянуло къ нему больше, чѣмъ къ кому-нибудь другому, мнѣ хотѣлось обнять его, разсказать ему мою душу... Но я не нашла его, и потомъ уже не встрѣчала больше. Его-то послала мнѣ судьба въ Баденъ-Баденѣ»...

— И онъ живъ еще? — воскликнулъ господинъ Пфлюгъ внѣ себя отъ раздраженія.—Кто онъ такой: офицеръ? купецъ? какъ его имя?

Въ рукахъ Юліи была теперь судьба Эдгара. Назвать его по имени значило бы навсегда разстроить бракъ его съ Адельгейдой. Великодушіе ли, или умный разсчетъ сдержали ее, но она отвѣчала на вопросы господина Пфлюга:

— Вы не знаете его. Онъ — бѣдный художникъ, скульпторъ...

— Вѣчно эти художники!—пробормоталъ господинъ Пфлюгъ.

— Что дѣлать! — возразила Юлія. У нихъ цыганская кровь въ жилахъ и отблескъ лучшаго міра на лицѣ. Неудивительно, что при этой встрѣчѣ мой жребій былъ брошенъ. Я предпочла бы смерть утратѣ этого человѣка, котораго любила безумно; не сказать ему: я люблю тебя, одного тебя! было бы для меня хуже смерти. И въ его груди зажглась искра и произвела пожаръ. Мы сговорились сойтись зимою въ Берлинѣ и уже никогда не разлучаться. Я призналась князю Подгорскому во всемъ; онъ предсказывалъ мнѣ плохой исходъ моей страсти, но не мѣшалъ мнѣ уѣхать. Горе той женщинѣ, которая безумно отдаетъ всю свою душу одному человѣку!

— И этотъ негодяй предалъ васъ, измѣнилъ вамъ?

— Измѣнилъ и бросилъ! — отвѣчала Юлія съ хохотомъ и рыданіями.—Я отдалась ему вся, я начала трудовую жизнь, чтобы сдѣлаться его достойной. Только для него отказалась я отъ мірского шума и свѣта, которыми была ослѣплена прежде.—Она встала.—Ахъ, я была глупа, я только того и заслуживала, чтобъ онъ выжалъ меня и бросилъ. Въ этомъ тяжкомъ положеніи я случайно прочла объявленіе господина Вальтера въ газетѣ и пришла къ вамъ. Теперь вы знаете, кто я. Казните меня, если вы должны казнить, и простите, если можете.

— Юлія... А этотъ человѣкъ — гдѣ онъ теперь?

— Я ничего о немъ не знаю, и онъ не знаетъ обо мнѣ. Онъ могъ бы стоять тутъ, на вашемъ мѣстѣ, его дыханіе могло бы касаться моихъ волосъ, и между нами все-таки лежала бы неизмѣримая пропасть.

— Такъ вы не любите его, не смотря на всю вашу ненависть?—спросилъ онъ настойчиво.

Такой вопросъ со стороны господина Пфлюга изумилъ ее. Онъ видимо научился многому изъ ея исповѣди. Имъ овладѣло невѣдомое дотолѣ броженіе. Какіе-то скрытые ключи зашевелились въ его внутреннемъ мірѣ, въ немъ вспыхнулъ огонь, до тѣхъ поръ таившійся подъ пепломъ дѣловой жизни, и когда онъ порывисто взялъ ее за руки и, задыхаясь, повторилъ: «Вы его не любите?» — взволнованная Юлія забыла возрасть и сѣдые волосы своего увлеченнаго почитателя. «Я не люблю его», сказала она, смотря прямо въ глаза своему почитателю. «Была минута, когда мнѣ хотѣлось убить его, но и это прошло. Теперь пустите меня, вы больно жмете мнѣ руки»...

Но онъ не слышитъ ее, онъ еще крѣпче сжимаетъ ея нѣжныя руки; она закричала бы, еслибъ новое, еще болѣе сильное впечатлѣніе не лишило ее голоса.

— Но я люблю васъ, Юлія! — громко произнесъ онъ.— Какое мнѣ дѣло до вашего прошлаго? Я вижу васъ, я держу васъ, я хочу обладать вами, и никто не вырветъ васъ изъ моихъ рукъ...

Онъ крѣпко обнялъ ее обѣими руками и страстно цѣловалъ. Отвѣчали ли ея уста на эти поцѣлуи? Одинъ разъ, и еще разъ... И прежде чѣмъ господинъ Пфлюгъ могъ опомниться, она вырвалась изъ его рукъ, прыгнула къ двери и взялась за ручку замка. Она еще разъ повернулась къ нему лицомъ, страстная, манящая, съ губами, сложенными для новаго поцѣлуя, едва переводя духъ, потрясая красновато-золотистыми волосами, съ которыхъ, казалось ему, сыпались искры.

— Покойной ночи, господинъ Пфлюгъ!

Она вышла. Слегка заскрипѣли ступеньки лѣстницы подъ ея легкими, бѣглыми шагами... Еще одинъ звукъ лукаваго, полусдержаннаго смѣха... и на верху затворилась дверь...

Не сонъ ли все это? Не видѣніе ли? Господинъ Пфлюгъ падаетъ на то кресло, гдѣ она лежала... «А я все-таки женюсь на ней!» говоритъ онъ въ душѣ.

Романъ собственно конченъ. Его развязку угадать не трудно. Нѣмецкая камелія становится вѣрной и добродѣтельной женой человѣка, котораго она не любитъ, съ тѣмъ характернымъ оттѣнкомъ прекрасной хозяйки дома — Hausfrau — безъ котораго немыслима жена въ хорошей нѣмецкой семьѣ. Но онъ

былъ бы неполонъ безъ короткаго эпилога, растянутаго авторомъ на двѣ большія главы. Господинъ Пфлюгъ привозитъ Юлію, свою невѣсту, въ Берлинъ, въ сопровожденіи г-жи Вальтеръ. Устроивъ дамъ въ гостинницѣ и возвратившись въ свой домъ, онъ даетъ Адельгейдѣ согласіе на бракъ съ Эдгаромъ. Но Эдгару наскучили препятствія и непріятности, смѣнившія прежнюю свободу и пріятность его романическихъ отношеній къ богатой и хорошо воспитанной дѣвушкѣ. Она слишкомъ холодна, слишкомъ благоразумна для художника. Она не ушла къ нему, когда отецъ отказалъ ей въ своемъ согласіи на этотъ бракъ. Эдгаръ рвется опять къ Юліи, онъ прибѣгаетъ къ ней въ гостинницу, дѣлаетъ ей сцену и уступаетъ только ея обѣщанію пріѣхать на другой день къ нему въ мастерскую, для рѣшительныхъ объясненій. У Эдгара застаетъ ее Адельгейда, поспѣшившая къ нему послѣ радостнаго свиданія съ отцомъ. Юлія увозитъ Адельгейду въ домъ отца; онѣ сближаются; обѣ онѣ любили Эдгара, и обѣ были имъ обмануты. Эдгаръ не выдерживаетъ этого кризиса. Онъ устроиваетъ пріятельскую пирушку и на ней лишаетъ себя жизни изъ револьвера. Одни приписываютъ это неосторожности, незнанію того, что револьверъ былъ заряженъ; другіе громко говорятъ о намѣренномъ самоубійствѣ. А въ небольшой семьѣ господина Пфлюга готовятся двѣ свадьбы: господинъ Пфлюгъ женится на Юліи; его дочь выходитъ за графа Берггаузена...

В. К.

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА

VII *).

ВИЗГУНОВСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Посвящается Глѣбу Ив. Успенскому.

Бушуютъ ли зимнія, свирѣпыя вьюги, гремятъ ли молодыя, весеннія грозы, зноемъ ли пышетъ лѣтнее солнце,—люблю я тебя, родная природа...

Люблю—необозримую степную гладь, занесенную сугробами, мутное, низкое небо, и тоскливое завыванье метели, когда она буйно мечется и плещетъ холодными волнами въ плотныя стѣнки кибитки... Жалобно и прерывисто звенитъ колокольчикъ, пристяжныя тревожно всхрапываютъ и жмутся къ оглоблямъ, а ямщикъ лѣниво помахиваетъ кнутикомъ и, чуть слышно, мурлычетъ:

Не бѣлы-то снѣжки
Вдо полѣ забѣлѣлися...

Тепло въ уютной кибиткѣ. Клонитъ ко сну. Тихой вереницею плывутъ кроткія думы... Ласково рѣютъ милые образы... А вьюга гудитъ и гудитъ.

Люблю—весенній лепетъ тѣнистой рощи, веселый гамъ грачей, мечтательные переливы иволги и серебристыя трели соловья... поля и степи, одѣтыя цвѣтами, крикъ коростеля въ лугахъ и звонкую пѣсню жаворонка въ высокомъ, синемъ небѣ... Люблю—теплыя, долгія зори, кротко и тихо мерцающія въ ноч-

*) См. выше: іюнь, стр. 324.

номъ небѣ, громкія пѣсни, стономъ стоящія надъ ближнимъ селомъ и, заунывнымъ отзвукомъ, замирающія вдали... И мечты и грезы...

И жаркое лѣто люблю я. Люблю, когда подъ знойнымъ іюльскимъ вѣтеркомъ сонливо шевелится и лепечетъ ржаное поле, сладострастно млѣющее въ раскаленномъ воздухѣ, а золотистыя волны бѣгутъ и струятся по немъ горячими бликами... Когда назойливо стрекочатъ кузнечики, рѣдко и лѣниво перекликаются перепела, слышится тяжкій лязгъ косы и въ туманной дали дрожитъ марево...

Но когда наступитъ пора увяданія, когда въ похолоднѣвшемъ небѣ загорится осеннее солнце, поблекнутъ поля и въ лѣсахъ замелькаетъ желтый листъ, когда пышно зардѣетъ рябина и съ дальняго сѣвера потянутся журавли,—тогда печальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величавое, великолѣпіе степной природы заставляетъ забывать меня и дикій разгулъ метели «во чистомъ полѣ», и торжественное ликованіе весны и знойную пору лѣта...

Ясно и сухо. Сентябрьское солнце ярко пронизываетъ прозрачный и жидкій воздухъ. Оно уже не жжетъ, какъ жгло еще въ августѣ, не разливаетъ утомительнаго зноя, а только блеститъ и сверкаетъ холоднымъ, ослѣпительнымъ сверканіемъ. Небо—блѣдно-голубое и высокое—безоблачно. Надъ полями ползетъ и волнуется паутина, признакъ установившейся погоды. Иногда, въ полдень, гдѣ-нибудь на полускатѣ, эта паутина кажется кисеей, сотканной изъ матоваго серебра; вечеромъ, при солнечномъ закатѣ, она походитъ на легкій, мягко-золотистый туманъ. Сухой и неподвижный воздухъ полонъ какою-то крѣпкой прохладой и тѣмъ особеннымъ, едва уловимымъ запахомъ увяданія, который свойственъ умирающей природѣ. При малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка запахъ этотъ усиливается; тогда вамъ кажется, что въ прохладномъ воздухѣ, вмѣстѣ съ тихимъ и ласковымъ вѣяніемъ вѣтра, проносятся какія-то изумительно тонкія, наркотическія, струйки.

Боже, какъ хорошъ этотъ осенній воздухъ!.. Правда, вмѣстѣ съ нимъ ваша грудь не вдыхаетъ опьяняющаго благоуханія весеннихъ полей и лѣсовъ; она не упивается «сытнымъ» запахомъ поспѣвающей ржи,—подобнымъ запаху спирта,—и медовымъ ароматомъ цвѣтущей гречихи, которыми насыщенъ воздухъ ранняго лѣта, но за то—ни лѣтняго зноя, стѣсняющаго дыханіе, ни проникающей весенней сырости вы не ощутите въ немъ. Едва замѣтный вѣтерокъ погожей осени, вѣтерокъ, проносящійся

по умирающимъ садамъ и лѣсамъ, по сухимъ, щетинистымъ жнивамъ и поблекшимъ степямъ,—вноситъ въ вашу грудь одну только здоровую и крѣпкую свѣжесть, отъ которой вамъ становится легко и свободно какъ птицѣ...

То же чувство свободы (хотя и съ примѣсью какой-то тихощемящей тоски) еще сильнѣе и неотразимѣе обниметъ васъ, когда съ какого-нибудь одинокаго кургана, предъ вашими глазами, во всемъ своемъ уныломъ и строгомъ величіи, развернется степная даль.

Пустынныя жнива, потопленныя въ золотистыхъ лучахъ низкаго солнца, безконечными равнинами уходятъ во всѣ стороны горизонта... Рѣдко однообразный видъ этихъ равнинъ перемежится яркой полосою веселыхъ озимей,—пестрымъ стадомъ, лѣниво разбредшимся по вольнымъ кормамъ,—покрывшимся стогомъ, сиротливо торчащимъ гдѣ-нибудь на краю окладины, или одинокимъ, бакчевнымъ куренемъ, въ которомъ хозяинъ, юркій мѣщанинъ, съ подстриженной рыжей бородкой, жесткой какъ проволока, и въ длинноломъ «демикотоновомъ» сюртукѣ, поджидаетъ покупателей на рѣдьку и свеклу...

Все тихо и беззвучно. Не прощебечетъ малиновка, не зальется страстнымъ треньканьемъ перепелъ, не разсыпится жаворонокъ серебристыми трелями... Рѣдко-рѣдко дикій и пронзительный клехтъ жаднаго коршуна, неподвижно рѣющаго въ небѣ, нарушитъ эту тишину, или невѣдомо откуда донесутся до васъ мѣрные и торжественные звуки, подобные звукамъ трубы. То, въ страшной, почти недоступной глазу, высотѣ, протянули журавли... Но звуки слабѣютъ мало-по-малу... Замираютъ... и опять все тихо. Иногда по гладкой, точно отполированной дорогѣ, проскрыпитъ, пробираясь къ ближнему базару, возъ съ рожью или просомъ, печально протянется мужицкая пѣсня, оборвется сердитымъ «ну, ты, кляча!» и снова тихо... Сверкаетъ небо. Золотится жниво. Блеститъ дорога.

Надъ деревнями стоитъ стонъ отъ мѣрныхъ и частыхъ ударовъ цѣпа. Въ барскихъ рыгахъ гудятъ молотилки и гремятъ вѣялки. Стаи голубей шумно «гуртуютъ» и хлопотливо перелетаютъ по гумнамъ. Визгливые воробьи то-и-дѣло переносятся съ обобранныхъ конопляниковъ къ полуразрушенному плетню,—на которомъ торжественно возносятся къ небу мужицкія посконныя штаны съ заплатами на колѣняхъ и праздничная бабья рубаха,—а съ плетня опять на конопляники. Крикливые скворцы темными тучами рѣютъ надъ камышомъ, производя шумъ подобный шуму вѣтра. Оживленный говоръ, смѣхъ и ругань стоятъ

въ воздухѣ. Въ садахъ пышно дозрѣваетъ рябина и нѣжная липа тихо роняетъ свои мягкіе листья, устилая ими когда-то тѣнистыя аллеи. Солнце косыми лучами своими ярко и свободно пронизываетъ теперь эти аллеи и болѣзненно-желтыми пятнами переливается по облетѣвшей листвѣ...

Въ такую погожую пору не сидится на хуторѣ, и я очень обрадовался, когда одинъ изъ моихъ столичныхъ знакомыхъ попросилъ меня съѣздить въ какой-нибудь изъ конныхъ заводовъ, которыми такъ богата наша при-битюкская сторона, и купить для него хорошую «городскую» лошадь.

У меня домолачивали рожь. Мой неизмѣнный возница, Михайло, въ красной «французской» рубахѣ (какъ и подобаетъ кучеру, привилегированному человѣку въ хозяйствѣ), съ длинными вилами въ рукахъ, оправлялъ на омётѣ солому, которую бабы втаскивали туда на носилкахъ. Это занятіе ему, видимо, нравилось. Да и не мудрено: его красная рубаха часто исчезала въ ворохѣ соломы, и тогда оттуда вырывался пронзительный бабій визгъ, слышалась крупная ругань и звенѣлъ здоровый, оглушительный смѣхъ, прерываемый веселыми возгласами: «садани его, носилкой-то, чорта!.. ошарашь его по спинѣ-то!» послѣ чего бабы сходили съ омёта, весело пересмѣиваясь и оправляя сбитые на сторону платки, а Михайло, какъ ни въ чемъ не бывало, усердно принимался за работу.

На мой зовъ онъ отозвался сердито и неохотно.

— Слѣзай-ка, слѣзай!—повторилъ я:—будетъ съ бабами-то возиться!

Онъ медлительно слѣзъ съ омёта и, лѣниво переваливаясь съ ноги на ногу, подошелъ ко мнѣ, на ходу отирая рукавомъ обильно струившійся съ лица потъ. Въ его непокрытой, лохматой головѣ настряла солома, локоть рубашки былъ прорванъ, около уха виднѣлась свѣжая царапина; несмотря на такіе несомнѣнные признаки утомительной работы лицо его добродушно ухмылялось.

— Чего вамъ?—спросилъ онъ.

— Подмажь-ко телѣжку да запрягай: въ Визгуновку поѣдемъ.

Визгуновка—имѣніе коннозаводчика Чечоткина.

Добродушное выраженіе съ-разу сбѣжало съ лица Михайлы.

— Въ Визгуновку?—чрезвычайно серьёзно протянулъ онъ, дѣлая недоумѣвающую физіономію и разсѣянно опуская руку, которой только-что размазалъ грязь на щекѣ.

— Въ Визгуновку.

— Это за Битюкъ, альникъ?

— Туда.

Михайло запустилъ руку въ затылокъ и, послѣ непродолжительнаго раздумья,—съ унылостью произнесъ:

— Вѣдь, почитай, сорокъ верстъ до Визгуновки-то!

— Пожалуй что и сорокъ,—хладнокровно отвѣтилъ я.

Онъ сокрушительно вздохнулъ, и взглянувъ на меня исподлобья, медлительно отошелъ къ вороху мякины, около котораго долго и пристально искалъ чего-то, сурово сдвинувши брови; наконецъ нашелъ какой-то темный предметъ, сердито тряхнулъ имъ, отчего въ воздухѣ появилось цѣлое облако пыли, озабоченно повертѣлъ его въ рукахъ, и, вѣроятно, увѣрившись, что это точно шапка, глубоко надвинулъ ее на голову, не забывая въ то же время обругать бабъ, носившихъ мякину, за то, что будто бы онѣ спрятали шапку. Послѣ этого онъ направился къ сараю, гдѣ стояла телѣжка. Но пробылъ онъ тамъ не долго. Не успѣлъ я перекинуть нѣсколько словъ съ Семеномъ (моимъ старостою, и ключникомъ и всѣмъ, что хотите), какъ Михайло, на этотъ разъ уже причесанный (хотя все еще не умытый), и одѣтый въ свой парадный дубленый полушубокъ, опять стоялъ около меня.

— Ѣхать некуда, Миколай Василичъ,—степенно и рѣшительно доложилъ онъ мнѣ.

— Какъ некуда, что́ ты городишь?—удивился я.

— Некуда-съ... Дрожина одна не надежна.

Я было-хотѣлъ разсердиться, но во́-время догадался въ чемъ дѣло.

— Ничего, доѣдемъ.

— По мнѣ какъ угодно... Воля ваша... Ну только дрожина врядъ-ли выдержитъ... Тоже дорога не близкая. Да и колесо заднее...—Михайло замялся.

— Ну, что же, колесо?—нетерпѣливо спросилъ я.

— Тоже, какъ бы́дто... Спицы словно маленечко хрустятъ... Потронешь ее, колесо-то, ну, они и хрустятъ... — Онъ сдѣлалъ рукою такъ, какъ будто потрогалъ колесо.

Я только было-разинулъ ротъ, чтобъ отвѣтить, какъ Михайло, вѣроятно, боясь моего выраженія, поспѣшно добавилъ:

— И опять — Орликъ!.. Какъ на ёмъ поѣдешь?.. Никакъ на ёмъ ѣхать нельзя — того и гляди раскуется... Дорога-то — камень!

— Приведи его сюда.

Михайло удивленно вскинулъ на меня глазами, и, сообразивъ, что медлить уже не приходится, частой, дѣловой походкой затрусилъ къ конюшнѣ.

Явился Орликъ. Смотрѣлъ, смотрѣлъ я ему на подковы — ну точно сейчасъ изъ кузни...

— Гдѣ же ты нашелъ тутъ слабую подкову?

— А вотъ погодите... я—въ разъ!—засуетился и зачастилъ Михайло: — эй, Наумъ! а Наумъ!—закричалъ онъ:—подержикось поди жеребца!

Наумъ, длинный и неуклюжій парень, поспѣшно бросилъ вилы, которыми подавалъ снопы, робко приблизился къ Орлику, и крѣпко вцѣпился обѣими руками подъ самыя уздцы, отчего смирный Орликъ сердито взмахнулъ головой и попятился задомъ. Михайло торопливо скинулъ полушубокъ и, бросивъ его на землю, съ озабоченнымъ лицомъ подошелъ къ Орлику, который все пятился и храпѣлъ. Наумъ, красный какъ ракъ, все крѣпче и крѣпче тянулъ его за повода.

— Эхъ ты, ворона,—презрительно кричалъ Михайло сконфуженному Науму:—прямая ворона!.. ишь, ручища-то растопырилъ... Чего заробѣлъ-то!.. У, сиволапъ, чортъ... Отпусти поводья-то... Что, у тебя руки-то отсохли, что-ли!.. Эка, не справится...

Наконецъ, послѣ долгой возни и ожесточенной ругани, Орликъ успокоился. Михайло ухарски сдвинулъ на бекрень шапку, и, отчаянно махнувъ рукою, какъ-бы желая сказать: «э, была не была! двухъ смертей не бывать, одной не миновать», приступилъ къ ногѣ Орлика. Орликъ, разумѣется, преспокойно далъ поднять ее. Вообще онъ былъ чрезвычайно смиренъ, и если вызвалъ такіе воинственные подходы со стороны Михайлы, то только благодаря бабамъ, глазѣвшимъ на всю эту сцену и простодушно удивлявшимся Михайлиной храбрости и отвагѣ.

— Ну, гдѣ же тутъ слабая подкова?—спросилъ я.

Михайло, не преминувъ еще нѣсколько разъ обругать несчастнаго Наума, положилъ копыто лошади къ себѣ на колѣно, долго и глубокомысленно ковырялъ это копыто и, наконецъ, озабоченно произнесъ, указывая мнѣ на подкову:

— Извольте поглядѣть — вотъ, ишь, какъ стонилась!.. Чуть что—перешибется, и сейчасъ въ раковину... Вотъ извольте поглядѣть!.. Тоже лошадь окалѣчить недолго... Какъ еще не долго-то! —въ разъ... А опосля-то и жалко ее... Теперь ежели ѣхать куда,—какъ на ей поѣдешь?.. Одно слово—искалѣчить!—и онъ, тяжело отдуваясь, опустилъ ногу.

Но, увы, всѣ его хитроумные подходы пропали даромъ. Въ тотъ же день мы выѣхали въ Визгуновку, и ни дрожина, ни колесо, ни подкова не измѣнили намъ во всю дорогу. Михайло злился. Всю дорогу онъ что-то ворчалъ и шепталъ, всю дорогу мрачно посматривалъ по сторонамъ и сердито дергалъ возжой шаловливую пристяжную. Со мной онъ не сказалъ ни одного слова, и, ужъ подъѣзжая къ Визгуновской усадьбѣ, красиво бѣлѣвшей на гористомъ берегу узкой и чистой рѣчки, угрюмо проронилъ:

— На барскій дворъ держать-то?

Впрочемъ, это тревожное состояніе духа не помѣшало ему съ надлежащимъ шикомъ подкатить къ конторѣ, безобразный фронтонъ которой указалъ намъ какой-то кривой и лысенькій человѣчекъ, сидѣвшій на мосту съ удочкой.

У крыльца конторы насъ встрѣтилъ чрезвычайно расторопный старичокъ, низенькій и сгорбленный, съ густой сѣрой щетиной на бородѣ и отвислыхъ щекахъ, съ клочками сѣдыхъ волосъ, аккуратно зачесанными на виски, и съ огромною связкою ключей въ рукахъ. Онъ посмотрѣлъ на меня изъ-подъ руки, проворно снялъ высокій плисовый картузъ, похожій больше на подушку, чѣмъ на картузъ, и съ достоинствомъ поклонился.

— Дома управляющій?—спросилъ я, не вылѣзая изъ телѣжки.

— Управителя у насъ нѣту-съ,—старчески шепелявя, отвѣтилъ старичокъ, подходя къ телѣжкѣ:—вамъ для какой надобности?.. Можетъ, приказчикъ требуется? — приказчикъ есть... А чтобъ управителя—нѣтъ-нѣту-съ.

— Ну, приказчикъ, — это все равно: мнѣ нужно лошадь купить.

— Тэ-экъ-съ...—Старичекъ сожалительно чмокнулъ губами.— Есть у насъ приказчикъ, есть... Ерофей Васильевъ... Только теперь онъ будетъ въ отъѣздѣ-съ...

— Ахъ, какая досада! Какъ же быть-то?

— А вы вотъ что-съ!—заторопился старичокъ, суетливо запахивая свой длинный сюртукъ, по всей вѣроятности перешедшій на его утлое тѣло съ дебелаго барскаго плеча, — вы прикажите лошадокъ-то на красный дворъ двинуть-съ, тамъ и кормочку имъ выдадутъ, а сами-то въ контору пожалуйте-съ...

— Да когда пріѣдетъ-то онъ?

— Это вы на-счетъ Ерофея Васильева изволите спрашивать? —освѣдомился старичокъ, почтительно покашливая и опять впадая въ сожалительный тонъ,—а не могу знать... не могу-съ... Да мы вотъ что-съ,—снова оживился онъ,—кучерку-то прика-

жите убрать лошадокъ-то, а сами-то извольте на гумно прогуляться... Я, пожалуй, и провожу васъ, до гумна-то, тутъ неподалеку оно, за садомъ... Тамъ мы и спросимъ-съ... Тамъ сынъ приказчиковъ-то,—Парменъ... ну, мы у него и спросимъ...

Я согласился. Старичокъ торопливо забѣжалъ за уголъ конторы и, неистово махая картузомъ, закричалъ:

— Эй, Орѣхъ... Орѣхъ!... бѣги проворнѣй... бѣги сюда, Орѣхъ!.. Э, какой ты, погляжу я на тебя...

На этотъ зовъ явился человѣкъ, дѣйствительно имѣющій нѣкоторое сходство съ орѣхомъ.

— Проводи-ка ты, Орѣхъ, ихняго кучера на красный дворъ,—внушительно и строго приказалъ ему старичокъ;—пусть онъ лошадей-то подъ лопасъ [1]) постановитъ, а декипажецъ хоть въ жеребятникъ задвиньте... Онъ теперь пустой, жеребятникъ-то, вы въ него и задвиньте. Да Евтѣю Синегачему скажи, чтобъ овса далъ... Да чтобы онъ, Синегачій-то, пусть не мудрилъ бы, скажи... Скажи, Пантѣй, молъ, Антипычъ, приказалъ, слышишь?.. Ну, пожалуйте, сударь! — обратился онъ ко мнѣ, и только что я успѣлъ вылѣзть изъ телѣжки, а молчаливый Орѣхъ—усѣсться на мое мѣсто, какъ неугомонный старикъ уже опять кричалъ:

— Анфиса, Анфиса... Пошли оттуда Симку-то!.. Посылай ее, шельму, проворнѣе... Въ конторѣ никого нѣту... Скажи ей, бестіѣ, Пантѣй, молъ, Антипычъ, приказалъ...

— Пожалуйте, сударь, сюда!.. осторожнѣе, ишь ступеньки-то у насъ...—и онъ предупредительно поддержалъ меня подъ локоть, когда я поднимался на высокое крыльцо конторы;—пожалуйте направо-съ! и, проводивъ меня до двери онъ опять выскочилъ на крыльцо и снова закричалъ сердитымъ хриповатымъ баскомъ:

— Эй, Кузька!.. не ты, Дудочкинъ, а Жучокъ Кузька... Кузька Жучокъ! куда пошелъ-то, оглохъ, что-ли... Скажи Артему-караульщику, чтобъ онъ за водой сходилъ, слышишь... На самоваръ, молъ... Скажи ему, пускай къ ключу сходитъ... а? слышишь, что-ль?.. Пантѣй Антипычъ, молъ, приказалъ... Да пусть проворнѣе бѣжитъ-то!.. Да Симку тамъ пошли изъ людской... Гони ее оттуда въ шею, бестію!.. а?.. Гони ее!.. Эка непутевая баба!..

— Что вы такъ безпокоитесь?—спросилъ я Пантѣя Антипыча, когда онъ, отирая съ лысины потъ и тяжело отдуваясь, вошелъ въ контору.

---

[1]) Лопасъ—навѣсъ.

— Помилуйте-съ, какое безпокойство!.. Что же это такое будетъ, ежели покупателя не привѣчать-съ... Да вотъ съ народомъ-то бѣда-съ!—И онъ опять хлопотливо побѣжалъ на крыльцо, съ котораго долго еще доносилось до меня его старческое брюзжаніе, имѣвшее своимъ предметомъ все ту же «бестію Симку».

Наконецъ явилась и Симка, толстая и неповоротливая баба, съ нахмуренными бровями и сердитымъ взоромъ. Принесъ хроменькій Артемъ-караульщикъ и воду изъ ключа, а черезъ полчаса самоваръ ужъ кипѣлъ на столѣ и Пантѣй Антипычъ наливалъ мнѣ чай, цвѣтомъ подобный черному пиву, а вкусомъ... Ну, Богъ его тамъ знаетъ, чему онъ былъ подобенъ вкусомъ. Старичокъ, помимо своей уважительности, оказался до крайности словоохотливымъ.

— Баринъ-то вашъ не живетъ въ имѣніи?—спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ. Наѣзжать изволитъ, а чтобъ жить—нѣтъ, не живетъ-съ... Ну, да сами изволите знать-съ, что имъ за неволя-съ!..

— Гдѣ же онъ живетъ?

— А вотъ изволите видѣть—Ниція какая-то есть, ну, такъ въ этой самой Ниціѣ они и изволятъ имѣть пребываніе... Ужъ не могу вамъ доложить, городъ ли эта Ниція, или иное что...

— Неужели лучше ему тамъ?—замѣтилъ я,—имѣніе у него богатое, кажется...

— О, Господи ты Боже мой!—воскликнулъ старикъ,—богатѣйшая экономія-съ... Ну, да сами извольте посудить: заграница какая-нибудь тамъ, или наша глушь... Вѣдь тутъ медвѣжій уголъ, можно сказать-съ!.. Ни сосѣдства благороднаго, ни чтобъ развлеченій какихъ... Какъ-же можно-съ!.. — Пантѣй Антипычъ замолчалъ, хлопотливо отгрызая сахаръ.

— Какъ положеніе вышло-съ, таки они и изволили отбыть, —продолжалъ онъ, допивъ блюдечко и аппетитно почмокивая губами: — прежде, конечно, не то-съ!.. прежде и въ деревнѣ, можно сказать, та же заграница была-съ... ну, а теперь... Что дѣлать-съ!.. Теперь, ежели по настоящему судить-съ, такъ имъ и занятіевъ здѣсь нѣту...

— Какъ нѣтъ занятій?

— Да такъ-съ... Хозяйство ежели — они въ этомъ не могутъ... Службу проходить, вотъ какъ иные господа по земству,— тоже по ихъ чину не приходится: они вѣдь тайный совѣтникъ, все равно теперь, какъ полный генералъ-съ!—Пантѣй Антипычъ горделиво вздернулъ голову и съ чувствомъ собственнаго достоинства посмотрѣлъ на меня—знай-де нашихъ!

— Вы крѣпостной были?—спросилъ я у него.

— Такъ точно-съ. Какъ-же-съ! въ старину дворецкимъ состоялъ-съ, — горько усмѣхнулся старикъ: — а теперь вотъ на старости лѣтъ пришлось ключи таскать, у кучера въ подначалѣ быть-съ... Вѣдь Ерофей-то Васильевъ кучеромъ ѣзжалъ,—конфиденціальнымъ полушепотомъ сообщилъ онъ мнѣ, — гужеѣдъ, можно сказать, а вотъ подите-съ!

Пантѣй Антипычъ сокрушительно вздохнулъ, нервно поправилъ свои виски и, затѣмъ, язвительно произнесъ:

— Вы вотъ извольте, сударь, поглядѣть на него... Какъ былъ гужеѣдомъ-съ, такъ и остался... Обнаковенно—наше дѣло постороннее-съ, но ежели по божески разсудить—совсѣмъ пустой человѣкъ-съ!..

— Чѣмъ же онъ пустой?—поинтересовался я.

— Да, какъ вамъ доложить,—ну, и винцомъ зашибаетъ, и... Да не такъ-съ, не такъ-съ!.. служить у господъ надобно не такъ-съ, — вдругъ загорячился Пантѣй Антипычъ: — онъ здѣсь приказчикомъ числится, а въ Тамлыкѣ у него трактиръ-съ!.. да еще домъ купилъ на прошлой недѣлѣ... Развѣ это слуга?.. Сами посудите-съ!.. Нешто такъ можно господамъ служить... Помилуйте-съ!.. Нѣтъ, ежели служить-съ, такъ служи: издыхай тутъ при мѣстѣ... А то трактиры-съ!..

Пантѣй Антипычъ съ негодованіемъ выплеснулъ изъ стакана остатокъ чая и, послѣ непродолжительнаго молчанія, уже печально и тихо добавилъ:

— Нѣтъ-съ, нѣту по нонѣшнему времени настоящаго усердія къ господамъ... Всякій вотъ норовитъ все себѣ да себѣ, а господа хошь по міру пойди, ему дѣла мало!.. Хошь по міру пойди!—Онъ грустно развелъ руками и опять поправилъ височки.

— Что же баринъ-то смотритъ?—спросилъ я, снова направляя разговоръ на приказчика.

— Помилуйте-съ, гдѣ же имъ!.. доносить ежели — ну, не всякій согласится... А самимъ и невозможно-съ чтобъ досмотрѣть... Ну, и у барыни онъ въ милости, Ерофей-то Васильевъ, это правду надо сказать, что въ милости... Въ старину-то онъ съ ними все кучеромъ ѣзжалъ-съ, съ генеральшею-то, вотъ они къ нему и привержены-съ...

Опорожнивъ самоварчикъ, мы отправились на гумно.

Богатая усадьба тянулась своими конюшнями, сараями и службами по крутому берегу рѣки; въ концѣ усадьбы мрачно высился старый двухъ-этажный домъ, съ котораго мѣстами ужъ начинала обваливаться штукатурка; за домомъ раскинулся садъ

и, наконецъ, за садомъ, отдѣляясь отъ него маленькой ложбинкой, виднѣлось гумно, со всѣхъ сторонъ обнесенное плетнемъ. Огромная рыга, длиннѣйшіе амбары, безчисленныя скирды хлѣба и омёты старой и новой соломы,—все доказывало, что «Визгуновская экономія» точно была экономія не бѣдная. За гумномъ опять протекала рѣчка, а за рѣчкою, на низкомъ берегу, блѣдно-зеленою полосою тянулись крестьянскіе огороды и бурѣло своими растрепанными крышами село. Это и была Визгуновка. За избами села, струнною протянувшимися вдоль рѣки, низкая почва опять повышалась, превращаясь въ отлогіе и круглые холмы. На одномъ изъ этихъ невысокихъ холмовъ привѣтливо бѣлѣлась каменная пятиглавая церковь. Изъ усадьбы села не было видно, но отъ гумна виднѣлось далеко за село: сверкающими изгибами утекала въ даль рѣчка; веселымъ изумрудомъ отливали окаймлявшія ее ѳзими; за ними темнѣлъ лѣсъ, а за лѣсомъ, на горкѣ, точно стадо лебедей, красиво гнѣздилась чья-то барская усадьба.

Когда мы спускались въ ложбинку, отдѣлявшую гумно отъ сада, до насъ донесся однообразно-протяжный и тихій говоръ. Мы подошли ближе. Задомъ къ намъ, за рѣденькимъ, оголѣвшимъ ивнякомъ, сидѣлъ на корточкахъ мужикъ и, медлительно размахивая рукою, въ которой болталась трубка, что-то разсказывалъ. Около него, покуривая трубочки, безпечно лежали, растянувшись на животахъ, слушатели. Ихъ было человѣкъ пять. Они слушали съ такимъ вниманіемъ, что и не замѣтили насъ. Пантѣй Антипычъ, сгорбившись какъ кошка, готовая броситься на добычу, приложилъ палецъ одной руки къ губамъ, а другою указывалъ мнѣ на мужиковъ, точно приглашая полюбоваться вопіющимъ безобразіемъ. «Каковъ народецъ!» какъ-бы шептали его губы, сложившіяся въ ядовитую улыбку.

— И вотъ, братецъ ты мой,—гнусливо тянулъ разскащикъ,—баринъ въ тѣ-поры и говоритъ Алёшкѣ: ну, скрадь же ты, воръ Алёшка, у меня жену...

— Жену!!—удивленно подхватили слушатели, невольно выпуская изъ зубовъ чубуки.

— Дда-а... А ты какъ думалъ!.. скрадь ты, говоритъ, у меня жену,—это барыню то-ись,—обыкновеннымъ разговорнымъ тономъ пояснилъ разсказчикъ и тотчасъ-же опять перешелъ въ гнусливый и протяжный «сказочный» тонъ,—а ежели, говоритъ, въ случаѣ, не скрадешь ты у меня жены, то не иначе какъ быть тебѣ въ солдатахъ...

— А-ахъ, шутъ-те!..—вырвалось у восхищенныхъ слушателей.

— Какъ быть тебѣ въ солдатахъ! — повторилъ разсказчикъ,

очевидно очень довольный эффектностью своего повѣствованія.— Что тутъ дѣлать!.. Вотъ, братецъ ты мой, Алёшка-воръ, набрамшись, значитъ, смѣлаго духу и ляпни барину: такъ и быть, скраду, говоритъ, сударь... послужу вашей милости... какъ мы есть ваши рабы, а вы—наши господа... Ну, баринъ тутъ опять зачалъ-было сумлѣваться, а Алешка-воръ—одно слово—не сумлѣвайтесь, говоритъ, намъ это ни почемъ!..

— Ни почемъ!.. Ахъ, раздуй-те горой!—восторгались слушатели, поплевывая сквозь зубы.

— Намъ это ни почемъ... — самодовольно повторилъ разсказчикъ.—Ну, значитъ, и пошелъ тутъ, братецъ ты мой, воръ-Алёшка...

Но куда пошелъ воръ-Алёшка, осталось неизвѣстнымъ... Мѣра Пантѣй Антипычева долготерпѣнія переполнилась. Онъ ожесточенно хлопнулъ себя руками по бедрамъ и яростно накинулся на мужиковъ.

— Ахъ вы, дармоѣды!.. Ахъ вы, живорѣзы окаянные!.. Мучители!—Пантѣй Антипычъ хрипѣлъ и захлебывался:—вамъ деньги-то за ба́лы платятъ, а?.. За ба́лы?.. Вы думаете, онѣ щепки, деньги-то?.. Щепки? а?.. Нѣтъ, онѣ не щепки!.. Нѣтъ не щепки... Ахъ, лодари вы этакіе!.. Ахъ идолы египетскіе!.. Господи ты Боже мой!.. вѣдь это бѣда... вѣдь это разоръ!.. И чего тамъ Пармешка смотритъ... Чего онъ смотритъ, собачій сынъ!.. А Минай-то, старый пёсъ, прости Господи... староста тоже... Ахъ ты Создатель! вотъ грабители-то!.. Да они послѣднюю рубашку готовы съ господъ-то снять...

Мужики лѣниво поднимались, медлительно выколачивали о каблуки трубки, не спѣша засовывали ихъ за голенищи, и затѣмъ ужъ, тяжело переступая, направлялись къ гумну.

— Фу ты, братцы мои, значитъ и покурить ужъ нельзя?— хоромъ оправдывались они жалостливо и укоризненно растягивая слова:—кабыть бы отъ работы отлынивали, али что... Мы, кажись, тоже... Затянулись вотъ, и пойдемъ... А безъ трубки-самъ знаешь...

Мой спутникъ плюнулъ и махнулъ рукой, дескать: «э, пропадай все!». Его прошибъ потъ.

— Вотъ подите съ этимъ народомъ-съ!—горячо пожаловался онъ мнѣ,—они рады пустить по́ міру господъ-то-съ... Имъ что!— онъ протянулъ какъ-нибудь день, а четвертакъ ему подавай... Ахъ, дѣла, дѣла!—Онъ сокрушительно вздохнулъ и мрачно насупилъ брови.

Мы вошли на гумно. Тамъ и сямъ, — у скирдовъ, около омётовъ соломы, въ амбарахъ и по всѣмъ сторонамъ рыги, —

подобно пчеламъ копошился народъ. Бѣлыя рубахи и шушпаны, ярко-цвѣтныя платки и юбки—все это съ веселой отчетливостью выдѣлялось на солнцѣ. Жизнь кипѣла. Говоръ и смѣхъ стояли надъ гумномъ. Шумъ ни на минуту не утихалъ. Разнообразные звуки причудливо смѣшивались и переплетались между собою... Изъ риги, подобно сердитому ворчанію раздраженнаго шмеля, доносился до насъ рокотъ молотилки. Вѣялка стучала отчетливо и звонко. Бѣлые и синіе голуби хлопотливо рѣяли въ синемъ, чистомъ какъ хрусталь, воздухѣ, сверкая своими блестящими крыльями и шумно опускаясь вездѣ, гдѣ замѣчали разсыпанныя зерна. Порожнія телѣги гулко гремѣли, изъ риги къ скирдамъ и отъ амбаровъ къ ригѣ. Высоко нагруженныя снопами подводы тяжко скрипѣли и, тихо раскачиваясь изъ стороны въ сторону, медленно тянулись къ ригѣ, въ ворота которой еле-еле пролѣзали. Около огромнаго вороха пшеницы, золотистымъ конусомъ нагроможденной на широкой тошѣ [1]), глухо стучала желѣзная мѣра, которую широкоплечій, сутуловатый, парень съ разстегнутымъ воротомъ и вскосмаченной головою легко и проворно вскидывалъ на телѣгу, какъ будто это было перышко, а не тяжесть въ добрые два пуда... На краю скирда, отъ котораго только-что отъѣхалъ возъ съ снопами, сидѣлъ, свѣсивши ноги въ лаптишкахъ, рыженькій и, вѣроятно, «хозяйственный» мужичокъ, старательно исправляя погнувшійся рожокъ вилы; молотокъ, ударяясь по желѣзу, издавалъ сухой, непріятно-дребезжавшій звукъ.

Изъ воротъ риги, длиннымъ и высокимъ столбомъ, вырывалась пыль, мелкими искорками блестѣвшая на солнцѣ. За этой золотистой пылью смутно виднѣлись и безпорядочно двигались люди, проворно отрясавшіе граблями и вилами вороха соломы, безконечнымъ потокомъ выползавшей изъ ревущаго зѣва молотилки. Когда мы вошли въ ригу, я, первое время, просто былъ оглушенъ... Угрюмый ревъ молотилки, щелканье кнутовъ, крики погонщиковъ и ржаніе лошадей безпорядочно перемѣшивались съ звонкимъ говоромъ бабъ, скрипѣніемъ въѣзжавшихъ въ ригу подводъ съ снопами, надоѣдливымъ грохотомъ вѣялки, лязгомъ грабель по деревянному полу, блестѣвшему какъ паркетъ, и однообразнымъ шелестомъ соломы. Царствовала прохладная полутьма. Только въ ворота да кое-гдѣ въ расщелины ветхой крыши проникало солнце, разсѣкая полутьму косыми желтоватыми лучами, въ которыхъ крутилась и вилась мельчайшая пыль.

Насъ встрѣтилъ староста Минай, высокій старикъ съ плуто-

[1]) Родъ брезента.

ватымъ взглядомъ, маленькой клочковатой бородкой и медлительными движеніями. Въ рукахъ у него бѣлѣлась бирка съ безчисленными крестиками, на головѣ красовалась высокая шляпа съ узенькими, сильно отрепанными полями. Мы покланялись. Пантѣй Антипычъ тотчасъ-же горячо и внушительно началъ ему разсказывать про мужиковъ, которымъ мы помѣшали дослушать сказку. Минай, снисходительно улыбаясь и кротко наклонивъ на бокъ голову, терпѣливо выслушивалъ его, нарѣзая на бирку новый крестикъ. Но когда Пантѣй Антипычъ, кончивъ разсказъ, началъ-было читать ему нотацію за небреженіе, онъ лѣниво выпрямился и съ чрезвычайной сухостью произнесъ: «за всѣми не углядишь... Не святъ-духъ!» На этотъ холодный аргументъ горячій старикашка не нашелся что́ сказать, а только быстро пожевалъ губами и укоризненно воскликнулъ: «эхъ вы, слуги!»

— Гдѣ-же Парменъ-то? вотъ барину нужно,—сердито сказалъ онъ Минаю.

— А кто-жъ его знаетъ, гдѣ Парменъ? Гляди, съ дѣвками жируетъ... [1]) Что́ ему дѣлать-то!.. Дѣловъ-то ему только,—вяло отвѣтилъ Минай, отходя къ бабамъ, стрясавшимъ солому.

Пантѣй Антипычъ опять вскипятился.

— Ахъ, онъ прохвостъ этакій!.. да я его... да я ему... Развѣ его жировать сюда приставили, а?.. Ахъ, онъ щенокъ!.. Ему барское добро хоть пропадомъ-пропади!.. Вотъ извольте полюбоваться, какіе у насъ порядки-съ!—ядовито обратился онъ ко мнѣ, и скорыми шагами направился въ дальній уголъ рыги, гдѣ въ полумракѣ смутно краснѣлись бабьи платки и юбки, раздавался хохотъ и шумъ возни.

Я направился за Пантѣемъ Антипычемъ. Но не успѣлъ еще онъ дойти до темнаго угла, какъ тамъ раздались тревожныя восклицанія: «дѣдушка Пантѣй! дѣдушка Пантѣй!» и около стѣны быстро проскользнулъ въ приводъ [2]) высокій малый, въ жилетѣ и въ выпущенной изъ-подъ него ситцевой рубахѣ. Пантѣй Антипычъ его не замѣтилъ. Дѣвки, точно спугнутыя птицы, со смѣхомъ разбѣгались изъ угла. «Уляшка, Уляшка,—кричали онѣ:—дѣдушка Пантѣй!» А дѣдушка Пантѣй, сдвинувъ на затылокъ свой подушкообразный картузъ и широко распростирая руки, немилосердно гремѣлъ ключами, сердито ругался и шипѣлъ какъ подмоченный порохъ.

— Гдѣ онъ, мошенникъ!... подайте мнѣ его сюда...—кричалъ

---

[1]) Играетъ.

[2]) Часть рыги, въ которой ходятъ лошади, приводящія въ движеніе молотилку.

онъ,—подайте мнѣ его, висѣльника!...—и вдругъ напускался на дѣвокъ:—ахъ вы бестіи этакія!... ахъ вы шельмы!—аль вы на улицу, шельмы, пришли?... а?... На улицу?... Игры затѣяли? а?... игры?... Эхъ, нѣтъ на васъ палки-то, погляжу я... Минай! Минай!—пронзительно закричалъ онъ, оборачиваясь въ сторону Миная и гнѣвно разводя руками,—это твое дѣло, Минай... Чего-жъ ты смотришь, Минай!.. Ай, барскія деньги щепки? а?.. Ай, черепки онѣ?.. а? черепки?.. Нѣтъ, онѣ не черепки!..

Я въ это время стоялъ около Миная.

— Эка старичишка какой балухманный [1]),—тихо сказалъ онъ,—вотъ балухманный-то!.. И что ему здѣсь нужно, старому... Сидѣлъ бы, сидѣлъ себѣ въ конторѣ!

— Да вѣдь онъ ключникъ, какъ же ему сидѣть-то?—спросилъ я.

Минай насмѣшливо скривилъ губы.

— Ключникъ!—произнесъ онъ:—званіе одно, что ключникъ... Въ амбарахъ-то у него помощникъ орудуетъ,—Лукичъ... а онъ, самъ-то, развѣ когда овса на конюшни отпуститъ... А то вотъ все больше бѣгаетъ, да въ чужія дѣла встрѣваетъ... въ родѣ какъ собака какая... Ишь, бѣду нашелъ—дѣвки жируютъ!.. Все равно имъ сидѣть-то, покуда носилки сготовятъ... Кабы за ними дѣло стояло, ну такъ... А гляди какъ бы онѣ старичка-то не сшибли!—засмѣялся Минай, указывая мнѣ на Пантѣя Антипыча, который все еще распекалъ хихикающихъ дѣвокъ и тщательно осматривалъ темный уголокъ.

Вдругъ онъ пронзительно и дико завизжалъ, совершенно неожиданно переходя отъ хриповатаго баса къ самому невозможному дисканту: «ага! попался, мошенникъ!.. Попался... По-го-ди-и!» и изъ-подъ рукъ у него выскочила прямо на солнце, къ воротамъ, высокая, статная дѣвка, которую подруги, бывшія уже въ безопасности, встрѣтили дружнымъ смѣхомъ и восклицаніями: «что, Уляшка, ай попалась!» Минай помахалъ головою и, лукаво посмѣиваясь, отошелъ въ дальній конецъ рыги, къ вѣялкѣ. Обезкураженный Пантѣй Антипычъ, убѣдившись наконецъ, что ему подъ руку подвернулся не мошенникъ, а развѣ мошенница, съ негодованіемъ плюнулъ и, глубоко нахлобучивъ картузъ, мелкими и частыми шажками выбѣжалъ изъ рыги. Въ пылу гнѣва онъ забылъ и про мою особу.

А я невольно заглядѣлся на Ульяну. Она стояла у воротъ и, отряхая запыленный платокъ, тихо смѣялась, въ то же время сердито сдвигая свои узкія, черныя брови. Глаза изъ-подъ этихъ

[1]) Безтолковый, взбалмошный, вздорный. Кажется—мѣстное.

бровей глядѣли непривѣтливо. Ихъ темный блескъ строго и быстро мелькнулъ по мнѣ, когда я сталъ-было пристально смотрѣть на нее. Красивое лицо дышало надменностью. Щеки горѣли смуглымъ и крѣпкимъ румянцемъ. Длинная, темная коса граціозно свѣшивалась съ маленькой горделивой головки. Встряхнувъ платокъ, она порывисто бросила его на руки какой-то бабѣ, небрежно оправила волосы, безпорядочными прядями свѣсившіеся на лобъ, и, быстро схвативъ носилку, съ силою подпихнула ее подъ громадный ворохъ соломы. Въ это время подруга ея, маленькая и неловкая, съ трудомъ воткнула и другую носилку. Ульяна ловко подняла на нихъ добрую копну соломы, свободно встряхнула эту копну, и стройно выпрямилась, немного откинувъ назадъ свою характерную головку. Я не могъ достаточно налюбоваться ея смѣлыми и красивыми движеніями.

— Ну, Химка, скорѣй... Чего тамъ пропала!—нетерпѣливо торопила она подругу, которая что-то копалась назади и все еще не поднимала носилокъ.

Въ это время къ Ульянѣ подошелъ Минай.

— Что, бестіи, попались!—съ усмѣшкою произнесъ онъ.

Ульяна, не выпуская изъ рукъ носилокъ, громко захохотала. Зубы ея такъ и блеснули жемчугомъ... Строгіе глаза совсѣмъ скрылись въ тонкихъ, лучеобразныхъ морщинкахъ. Все лицо внезапно освѣтилось какою-то плутовскою, подмывающею веселостью. Стройный станъ ея заколебался подъ туго стянутой завѣской; голова совсѣмъ закинулась назадъ... Минай тоже смѣялся, добродушно оскаливая рѣдкіе, желтоватые зубы, и самодовольно пощипывая свою сивенькую бородку. Наконецъ, Химка управилась и носилки поднялись. Въ воротахъ они встрѣтились съ тѣмъ парнемъ, который такъ ловко ускользнулъ отъ Пантѣя Антипыча. Ульяна опять раскатилась своимъ серебристымъ смѣхомъ. «Что, ай испужался!» насмѣшливо крикнула она.

— Молчи, чортъ!.. чего орешь-то...—досадливо остановилъ парень Ульяну, значительно мигнувъ бровями, и, оправивши свою растрепанную прическу, подошелъ ко мнѣ.—Я догадался, что это должно быть и есть приказчиковъ сынъ Парменъ.

— Что вамъ будетъ угодно? скорѣй нѣсколько грубовато, чѣмъ почтительно, спросилъ онъ у меня, тряхнувъ своими рыжеватыми кудрями, въ которыхъ кое-гдѣ желтѣлась солома.

Это былъ крѣпкій, въ своемъ родѣ красивый, малый. Румяный, бѣлозубый, съ жидкими рыжеватыми усиками, ярко-пунцовымъ ртомъ и наглыми сѣрыми глазами, онъ могъ играть роль деревенскаго льва.

Я спросилъ его, скоро ли пріѣдетъ отецъ.

— Да надо быть завтра къ вечеру. А вамъ для чего онъ требуется?

Я сказалъ. Парменъ какъ-то сразу сталъ почтительнѣе; видно и ему извѣстно было Визгуновское правило «привѣчать» покупателя. Онъ предложилъ мнѣ дождаться отца. По словамъ его, продажныя лошади въ заводѣ были.

Подумалъ, подумалъ я, да и рѣшился остаться. Помимо предстоявшей возможности купить лошадь, меня еще интересовали и нравы «Визгуновской экономіи».

Воротилась Ульяна съ Химкой. При взглядѣ на нихъ Парменъ слегка было-усмѣхнулся, но тотчасъ же опять поспѣшилъ напустить на себя подобающую степенность, вѣроятно вызванную моимъ присутствіемъ. Эта степенность, повидимому, ужасно смѣшила дѣвокъ. Онѣ украдкою все взглядывали на Пармена и визгливо хохотали, закрываясь рукавомъ. И чѣмъ больше хмурился Парменъ, чѣмъ строже и серьёзнѣе поводилъ онъ глазами, тѣмъ сильнѣй и неудержимѣй раздавался ихъ хохотъ. Наконецъ онъ не на шутку испугался быть скомпрометтированнымъ въ моемъ присутствіи...

— Не хотите ли пройтиться?—предложилъ онъ мнѣ.

Я, разумѣется, согласился.

Мы оставили рыгу и, обогнувши гумно, вышли на выгонъ, тянувшійся отъ гумна къ рѣкѣ. Множество маленькихъ, безобразно сложенныхъ кладушекъ загромождали этотъ выгонъ. Парменъ пояснилъ мнѣ, что здѣсь молотится гречиха. Мѣрный стукъ цѣповъ гулко отдавался въ чуткомъ воздухѣ, въ перемежку съ отрывочнымъ говоромъ и грубымъ шелестомъ черной соломы. Около каждой кладушки былъ токъ. Гречиху молотили,— какъ объяснилъ мнѣ Парменъ,—семьями, и не за деньги, а за мякину и солому. Кое-гдѣ, несмотря на тишину, стоявшую въ воздухѣ, вѣяли, высоко подбрасывая лопатой «невѣйку». Тяжелое зерно, частымъ и дробнымъ дождемъ упадало съ высоты, а темная и легкая мякина тихо относилась въ сторону, гдѣ ее прямо и насыпали въ телѣги.

У одной изъ такихъ телѣгъ, наполненныхъ мякиною, мы замѣтили небольшую толпу, странно размахивавшую руками и, повидимому, горячо о чемъ-то разсуждавшую. Посреди толпы, неподвижно возвышалась какая-то изумительно-длинная фигура, своей необычайной прямизною какъ-бы подтверждавшая старую исторію о проглоченномъ аршинѣ. Кожаная жокейская фуражка въ родѣ каски, и прямоугольный носъ, удивительно простран-

ныхъ размѣровъ, придавали этой фигурѣ видъ какой-то диковинной, важно нахохлившейся птицы.

— А вѣдь это что-то Алкидычъ бушуетъ!—замѣтилъ Парменъ, пристально всматриваясь въ толпу.

— Кто это—Алкидычъ?—спросилъ я.

— А вонъ длинный-то!.. Это конторщикъ нашъ.

— Что же онъ тутъ дѣлаетъ?

— А вотъ пойдемте къ нему. Онъ тутъ надъ молодьбой надсматриваетъ.

Мы подошли. Въ серединѣ толпы, устало понурившись, стоялъ передъ Алкидычемъ крошечный, приземистый мужичокъ, съ выраженіемъ страшнѣйшей скуки на маленькомъ, худощавомъ лицѣ. Онъ лѣниво, какъ сквозь сонъ, тянулъ одну и ту же фразу: «какъ-нибудь невзначай, Алкидычъ, ей Богу, невзначай...» и каждый разъ Алкидычъ важно и внушительно прерывалъ скучающаго мужичка восклицая: «Ефремъ Алкидычъ!» и затѣмъ внятно и съ разстановкою, какимъ-то убійственно-деревяннымъ тономъ, тѣмъ тономъ, которымъ такъ злоупотребляютъ провинціальные актеры въ роли благородныхъ отцовъ, читалъ ему какую-то нотацію, съ величественной строгостью размахивая правой рукою. Въ лѣвой онъ держалъ табакерку и платокъ.

Около этихъ двухъ, повидимому, главныхъ дѣйствующихъ лицъ, тѣсно группировались второстепенности. У самыхъ ногъ Алкидыча ковырялъ пальцемъ въ носу пузатый мальчуганъ, лѣтъ девяти, съ изумленно-раскрытымъ ртомъ и высоко-подсученными штанишками. Около мальчугана торчала чумазая дѣвчонка, съ плаксивой миной на востренькомъ, усѣянномъ веснушками, личикѣ, и съ мѣшковато-спущеннымъ рукавомъ рубашки... Изъ-за спины Алкидыча насмѣшливо выглядывалъ бѣлоголовый парень съ подслѣповатыми, безпрестанно моргающими, глазнами, кривымъ носомъ и непрерывно двигающимися лопатками. Рядомъ съ скучающимъ мужичкомъ, стоялъ старичокъ съ пронзительнымъ взглядомъ, поперемѣнно устремляемымъ то на Алкидыча, то на мужичка,—съ желтыми усами, засыпанными табакомъ и съ цѣпомъ въ рукахъ. За старичкомъ толпились бабы съ обиженными физіономіями. Все это безтолково галдѣло и размахивало руками, хотя и не могло заглушить дубоваго Алкидычева баса. «Какъ же, разсказывай—невзначай!» ядовито пищалъ косоносый парень, очевидно съ сочувствіемъ относившійся къ Алкидычу и его суровой нотаціи.—«Стало быть, что невзначай!»—озлобленно кричали бабы,—«аль мы воры какіе... На что она намъ нужна, гречиха-то твоя»...—«Извѣстно, на что она вамъ, гречиха-то».—

съ серьёзнѣйшимъ тономъ подтверждалъ старичокъ съ пронзительнымъ взглядомъ.—«А на кашу, да на блины, вотъ на что!» возражалъ косоносый парень.—«Ну, ужъ и на блины...», робко заступался старичокъ, а бабы сулили парню всевозможныя пакости... Неподалеку отъ толпы, молодой малый, почему-то напомнившій мнѣ Ульяну, въ синей китайчатой рубахѣ, съ озабоченнымъ и недовольнымъ видомъ подметалъ токъ. Въ полуразрытомъ возѣ съ мякиной виднѣлась чистая гречиха.

— Въ чемъ дѣло?—вмѣшался Парменъ.

— Ей-Богу, невзначай, Алкидычъ!—вяло произнесъ мужичокъ, повидимому съ трудомъ удерживаясь отъ зѣвоты.

— Ефремъ Алкидычъ!—внушительно поправилъ конторщикъ.

Мужичокъ внезапно оживился и хлопнулъ руками по бедрамъ.

— Поди вотъ! точитъ тебя, да и шабашъ!.. — воскликнулъ онъ, обращаясь къ намъ.

Обернулся къ намъ и Алкидычъ. Слегка дотронувшись до козырька своей каски, онъ торжественно взмахнулъ рукою и съ медлительной важностью произнесъ:

— Теперь позвольте васъ спросить,—есть ли у этого человѣка совѣсть?

— Да ты разскажи, Алкидычъ...—началъ-было Парменъ.

— Ефремъ Алкидычъ! — хладнокровно поправилъ конторщикъ, открывая табакерку.

— Ты разскажи, Ефремъ Алкидычъ, въ чемъ дѣло-то?

Алкидычъ медленно и съ достоинствомъ понюхалъ табаку.

— Есть ли у этого человѣка совѣсть? — строго повторилъ онъ, пристально устремляя въ пространство неподвижный взоръ свой, и, немного помолчавъ, грустно и вдумчиво произнесъ: — я такъ полагаю—нѣтъ у него совѣсти...

— Заточилъ въ отдѣлку!—съ комичнымъ отчаяніемъ воскликнулъ теперь ужъ окончательно развеселившійся мужичокъ.

— Ежели бы была у него совѣсть,—наставительно продолжалъ Алкидычъ, возвышая голосъ и придавая ему патетическое выраженіе,—то ужели возмогъ бы онъ, такъ сказать, посягнуть на своихъ благодѣтелевъ?.. Ужели же...

— Да замолчи ты, ради Христа-а!.. Говорятъ тебѣ—невзначай!—умолялъ несчастный мужичокъ, котораго, вмѣсто смертельной скуки, сталъ теперь пронимать потъ.

— Ужели же ты,—Алкидычъ поднялъ палецъ къ небу,—ужели ты утратилъ, такъ сказать, благодарность и возомнилъ поработать аггеламъ!.. Ужели...

— Да брось ты его, батюшка Алкидычъ!—заступилась ка-

кая-то баба, горько подпиравшая ладонью щеку, какъ будто вотъ-вотъ собиралась заплакать.

Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное.

— *Ефремъ* Алкидычъ, каналья ты этакая!—громоносно воскликнулъ доселѣ невозмутимый резонеръ и, ухвативъ близъ лежавшую метлу, устремился за бабой. Эффектъ этой неожиданной выходки былъ поразительный. Весь выгонъ задрожалъ отъ хохота. Народъ, бросивши работу, всецѣло занялся Алкидычемъ и несчастной бабой. Оглушительный гомонъ стоялъ въ воздухѣ. «Держи, держи ее!—кричали со всѣхъ сторонъ.—Лупи ее по пяткамъ то!.. Лупи ее, шельму... Швыркомъ-то въ нее, Алкидычъ!.. Пущай въ нее швыркомъ-то!.. А—ахъ, братецъ ты мой... По пяткамъ-то, чудачина ты этакій, потрафляй!.. Трафь по пяткамъ... Го! го! го! вотъ такъ урѣзалъ! вотъ такъ звѣзданулъ!.. ай-да Алкидычъ!..» Мужики и бабы помирали со смѣху. Мужичокъ, надъ которымъ обрушилась Алкидычева распеканція, смѣялся громче всѣхъ; у него даже животикъ подергивало отъ смѣха и въ глазахъ проступили слезы... Когда же все поуспокоилось и Алкидычъ скрылся изъ вида, онъ глубоко вздохнулъ и, смахнувши рукавомъ рубахи потъ съ лица, воскликнулъ:

— Ну, братцы, умаялъ онъ меня!.. Вотъ такъ умаялъ...

— Да изъ-за чего у васъ дѣло-то вышло?—спросилъ Парменъ.

— Дѣло-то вышло у насъ изъ-за чего?—добродушно переспросилъ мужичокъ; — а вотъ изъ-за чего оно вышло, дѣло-то, другъ ты мой милый... Вотъ видишь ты гречишку-то?—онъ указалъ на гречиху, виднѣвшуюся въ возѣ съ мякиной,—видишь?.. Ну вотъ, другъ ты мой сладкій, Алкидычъ возьми эту гречишку-то самую да и найди... Нашелъ онъ ее, сладость ты моя,—мужичокъ легонько вздохнулъ, — да и ну меня точить, и ну... Ужъ онъ точилъ, точилъ... Ажъ въ потъ ударило!—мужичокъ снисходительно засмѣялся и опять смахнулъ съ лица потъ.

— Да какъ же попало зерно-то въ мякину? — удивился Парменъ.

Мужичокъ съ недоумѣвающимъ видомъ развелъ руками.

— Какъ попало-то оно?.. А ужъ этого-то я тебѣ, другъ ты мой любезный, и не скажу-у!.. Нечего грѣха таить — не скажу... Признаться, грѣшу я, голубь ты мой, на бабъ... Какъ сыпали онѣ, ироды, мякину, такъ и гречишки туда какъ-нибудь ошибанули... Ироды бабы!.. Всякой—не дѣло на умѣ, а шутъ те что, прости ты Господи мое согрѣшеніе!—Мужичокъ отплюнулся. Тираду свою, направленную противъ бабъ, онъ проговорилъ таинственнымъ полушопотомъ.

Парменъ приказалъ высыпать изъ воза гречиху. На это мужичокъ согласился съ превеликимъ удовольствіемъ и, усердно выгребая гречиху, повелъ такія рѣчи:

— Чтой-то, я подумаю, подумаю, другъ ты мой любезный, — и на какой лядъ этихъ бабъ Господь произвелъ!.. Только съ ими склыка одна... Пра—склыка!.. Гдѣ бы мужику и не согрѣшить, анъ, глядь, тутъ баба-то и подгадила... Сказано—ироды!.. Ишь, вотъ Алкидычъ: вѣдь онъ безпремѣнно теперь на меня грѣшитъ... А я, вотъ те Христосъ, Ерофеичъ, хоть бы сномъ-духомъ!.. Ей-Богу!

— Ужъ будетъ тебѣ, батя, Христа-то дергать,—угрюмо отозвался малый въ китайчатой рубахѣ,—кабы ты жилъ по правдѣ, небось бы бабы не помѣшали... Ишь, какой спасеный выискался!

Нашъ мужичокъ опѣшилъ и какъ-то растерянно заморгалъ своими умильными глазками. Но растерянность эта продолжалась недолго: онъ тотчасъ же оправился и стремительно накинулся на малаго въ китайчатой рубахѣ.

— Сынъ мнѣ ты, ай нѣтъ? а?.. говори, иродъ этакій!.. говори!.. — дребезжащимъ голоскомъ кричалъ онъ, подступая къ нему. Тотъ медленно отступалъ передъ расходившимся старикомъ и мрачно посматривалъ на него исподлобья.

— Уколочу, Михѣйка!.. Слышишь?.. Уколочу, собачій сынъ... Я не посмотрю, что ты здоровъ... Я те въ волостной выдеру... а?.. Ты оглохъ, что-ли... оглохъ?.. Говори, аспидъ!..

— Уйди, батька!—тихо и сдержанно отвѣтилъ Михѣй, осторожно отстраняя сердитаго мужичка; — уйди отъ грѣха... Не страмись лучше!.. Ей-Богу, не страмись... Все выложу!

Мы не дождались конца этой семейной сцены и отошли въ другую сторону выгона. До меня ужъ смутно долетѣли слова Михѣя:.. «отдѣли, коли не угоденъ, а покрывать я не согласенъ»... и злобное шипѣніе старика:.. «вотъ я те отдѣлю въ волостной!.. Погоди ужо́, я те отдѣлю»...

— Они вотъ всѣ у него такіе-то, дѣти-то, — пояснилъ мнѣ Парменъ,—у него тоже дѣвка есть, Уляшка; такъ тоже съ голой рукой не подступайся!..

— Да развѣ это отецъ Ульяны?—воскликнулъ я.

— А вы нешто замѣтили ее?—усмѣхнулся Парменъ:—какъ же, какъ же, отецъ!..

Около одного тока насъ остановилъ смуглый черноволосый мужикъ съ бѣльмомъ на глазу и въ щегольскомъ картузѣ, ухарски надвинутомъ на бекрень:

— Постой-ка, Ерофеичъ,—дѣло есть!

Мы подошли.

— Ну, припасъ я тебѣ, братъ, кобеля-то!.. и-и кобель! — Онъ зажмурилъ глаза и значительно помоталъ головой.

— О?—обрадовался Парменъ.

— Право-слово!.. То-есть такой, братецъ ты мой, пёсъ... Такой... Кажись, весь свѣтъ произойди, такого пса не найдешь... Настоящій цетеръ...

— Ну?

— Ей-Богу... Какъ онъ за утками, братецъ ты мой, ходокъ!.. Ужъ такъ-то ходокъ, такъ ходокъ... А-ахъ ты... Просто бѣда!— провалиться.

— Ты когда-жъ его приведешь-то?

— Да ужъ приведу, не сумлѣвайся... А только, братъ Парменъ, уговоръ помни — чтобъ два фунта порошку, да дроби! — фамильярно заключилъ онъ, похлопывая Пармена по плечу.

— Ну, ладно, ладно... Есть изъ чего толковать!..

— То-то!.. Да ужъ и мякинки возокъ ублаготвори, Ерофеичъ... Пра!.. Я тебѣ не токма́ что кобеля...—Тутъ кривой мужикъ плюнулъ на руки и опять принялся молотить.

Когда мы, направляясь къ усадьбѣ, проходили мимо гумна, надъ плетнемъ показалось некрасивое лицо Ульяниной подруги Химки.

— Придешь, что-ль, на вечерушки-то, Парменъ?—тихо спросила она.

Сконфуженный Парменъ косо взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

— Что же вы не отвѣчаете? — спросилъ я и затѣмъ добавилъ:—а хорошо бы посмотрѣть, какія такія у васъ вечерушки...

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, и, увѣрившись, что я не шучу, оживленно промолвилъ:

— Что-жъ, это можно... Коли вамъ любопытно, мы вечеркомъ туда сходимъ, — и онъ проворно побѣжалъ къ плетню, отъ котораго Химка ужъ успѣла отойти: — Химка, Химка! —закричалъ онъ ей въ слѣдъ, — скажи, что вечеромъ приду, слышишь?.. Приду, молъ...

— Ладно, скажу!—отозвалась Химка.

Парменъ съ-разу повеселѣлъ и сбросилъ значительную долю своей степенности. Повидимому, моя готовность идти на вечерушки сильно подкупила его. Онъ ужъ не относился ко мнѣ, какъ къ какому-нибудь *бухъ*, не прикидывался солиднымъ человѣкомъ, а говорилъ и дѣйствовалъ, что называется, на чистоту—безъ всякой чопорности выкладывалъ коренныя свои свойства.

Между этими свойствами нашлось одно и некрасивое: любилъ онъ прихвастнуть и похвалиться. Былъ,—что называется у насъ,—парень бахвалъ.

— Вѣдь я, извѣстно, такъ только спущаю,—говорилъ онъ,—а то вѣдь мнѣ Пантѣй Антипычъ да и дядя Минай—плевать!.. Да мнѣ и чортъ съ ними!.. Я нонѣ тутъ, а завтра ужъ меня и поминай какъ звали!..

— Куда же вы дѣнетесь?—полюбопытствовалъ я.

— Куда?.. А попрошу батеньку, онъ меня либо въ трактиръ опредѣлитъ,—у насъ вѣдь трактиръ есть въ Тамлыкѣ,—а если не въ трактиръ, то къ Анучкину барину въ наѣзднички отпуститъ... Меня ужъ туда давишь тянутъ,—триста цѣлковыхъ даютъ... А то Визгуновка!.. только и свѣту что въ Визгуновкѣ...

Свели мы разговоръ на женскій полъ.

— Изъ дѣвокъ у насъ хорошо... Это нечего сказать—хорошо!—восхищался Парменъ;—вотъ видѣли Уляшку-то?.. Хороша, вѣдь, а?—любопытствовалъ онъ, и затѣмъ самодовольно произнесъ:—полюбовница моя... Ужъ и стала она мнѣ въ копѣечку!.. Ну, да чортъ съ ней, за то и хороша... Хороша, вѣдь, Николай Васильичъ?

— Хороша,—согласился я.

Когда стемнѣло, мы отправились въ село. Съ нами еще увязался молодой купеческій приказчикъ, изъ города Коломны, толстый, краснорожій краснобай, съ сладкими ужимочками и кудрявой рѣчью. Онъ принималъ въ Визгуновской экономіи пшеницу.

Мы шли по саду. Было тихо. Опавшіе листья мягко шуршали подъ нашими ногами. Сквозь голыя деревья мигающимъ блескомъ свѣтились звѣзды. Парменъ шелъ впередъ. Приказчикъ частыми шажками сѣменилъ около него и все освѣдомлялся заискивающимъ голоскомъ: «а что, Парменъ Ерофеичъ, ребяты деревенскіе, примѣрно, не зададутъ намъ взлупку?.. ась?.. народъ вѣдь необразованный-съ!..»

Прошли садъ; прошли и выгонъ за гумномъ; показалась рѣчка.

— Тсс...— остановилъ насъ Парменъ и прислушался. За рѣкой слабо дрожала пѣсня;—ишь, дьяволы, у Малашки собрались!—съ неудовольствіемъ воскликнулъ онъ и, послѣ непродолжительнаго молчанія, обращаясь ко мнѣ, пояснилъ:—тётка Уляшкина, солдатка...

Малашкина изба стояла на огородахъ. Со всѣхъ сторонъ ее

окружалъ густой тальникъ, а ужъ за тальникомъ, съ одной стороны тускло синѣлась рѣка, съ другой—темнѣлись избы села.

Когда мы вошли въ избу, дѣвки, — ихъ было человѣкъ десять,—распѣвая какую-то безконечную пѣсню, чинно сидѣли вокругъ стола. Всѣ занимались работой: кто шилъ, кто вязалъ варежки или чулки, кто моталъ пряжу... На насъ онѣ не обратили ни малѣйшаго вниманія, и только хозяйка, круглая, краснощекая баба, лѣтъ тридцати, съ ласковой усмѣшкой подошла къ намъ и предложила мѣсто недалеко отъ стола. Мы усѣлись. Приказчикъ, то-и-дѣло уснащая рѣчь витіеватыми прибаутками и какъ-то волнообразно изгибаясь всѣмъ корпусомъ (что, по мнѣнію всѣхъ вообще купеческихъ приказчиковъ, составляетъ несомнѣнную принадлежность обворожительныхъ манеръ), пѣвучимъ голоскомъ завелъ любезные разговоры. Впрочемъ, опасеніе на счетъ «взлупки», могущей воспослѣдовать отъ «необразованныхъ» деревенскихъ парней, кажется, еще не покидало его. По-крайней-мѣрѣ онъ частенько и съ видимой тревогой поглядывалъ на дверь, а когда она, вскорѣ по нашемъ приходѣ, неожиданно отворилась—даже поблѣднѣлъ и подавился какимъ-то ужъ черезъчуръ хитрымъ словцомъ. Но вошла Химка, и онъ успокоился, хотя хитраго словца вспомнить ужъ не могъ. Парменъ тоже вступалъ въ разговоры.

Не знаю, благодаря-ли присутствію хозяйки или по инымъ причинамъ, но смѣю увѣрить читателя, что во всю ночь, проведенную нами на вечерушкахъ, я не слыхалъ ни одного неприличнаго слова (хотя и были слова не употребляемыя въ печати, но это ужъ другое дѣло) и не замѣтилъ черезъ-чуръ вольнаго движенія. Чинность, правда, скоро исчезла, скоро послышались шутки, зазвенѣлъ смѣхъ, а послѣ ужина, состоявшаго изъ яичницы, появилось и вино. Но и вино не придало вечерушкамъ характера какой-нибудь безпутной оргіи.

Дѣвки пили мало, и много церемонились; но за то, ни Парменъ, ни приторно-сладкій приказчикъ не унывали. Подсобляла имъ и Маланья. Работу мало-по-малу оставляли. Ульяна, первая, со смѣхомъ забросила за печку свою варежку. Она была необыкновенно весела. Правда, отказалась отъ пѣсенъ, которыя одну за другой орали дѣвки, но за то ея шутки, ея задорное заигрываніе съ приказчикомъ и ея разсказы про «дѣдушку-Пантѣя» такъ и сверкали уморительнымъ остроуміемъ. Смѣхъ ни на минуту не переставалъ искриться въ ея темныхъ, загадочныхъ глазахъ. Ей не сидѣлось покойно: она то щипала сидѣвшую рядомъ съ ней смиренную Химку, то бросала чѣмъ-

нибудь въ Пармена, съ телячьимъ самодовольствіемъ ловившаго каждый ея взглядъ, то, будто нечаянно, толкала приказчика... Но горе ему, если онъ эту шутку приметъ за серьёзное!.. Разъ онъ было-попытался подумать такъ и соотвѣтственно съ этимъ принять мѣры... Надо было видѣть, какимъ гнѣвнымъ румянцемъ вспыхнуло лицо Ульяны и какой суровой надменностью переполнился ея взглядъ, быстро и презрительно скользнувшій по сконфуженной фигуркѣ растерявшагося приказчика...

Но послѣ этого маленькаго эпизода Ульяна притихла, и опять принялась за какое-то вязанье. Лицо ея внезапно сдѣлалось холоднымъ и неподвижнымъ. Въ глазахъ ужъ не сверкалъ насмѣшливый огонёкъ. Тонкія губы строго сжались и недовольная морщинка прорѣзала крутой, упрямый лобъ. Немного погодя она и совсѣмъ исчезла изъ избы. Я оглянулся,—не было и Пармена.

Дѣвки, какъ ни въ чемъ не бывало, тянули пѣсню. Одна Химка не пѣла. Ея некрасивое лицо, почти сплошь усѣянное веснушками, было грустно. Глаза глядѣли съ какой-то печальной задумчивостью. Сахаръ-приказчикъ все потягивалъ винцо. Онъ видимо пьянѣлъ. Щеки его уподобились свеклѣ. Глазки затянуло маслянистой влагой. Онъ все старался подтянуть дѣвкамъ, но голосъ его, пронзительный и тонкій, выдѣлывалъ какія-то, совершенно неидущія къ дѣлу, рулады. Дѣвки смѣялись, и онъ самъ хохоталъ до слезъ надъ своею неумѣлостью (но хохоталъ опять-таки особеннымъ галантерейнымъ манеромъ), впрочемъ, увѣряя, что «ежели да ему спѣть какой ни на есть романецъ», то онъ лицомъ въ грязь не ударитъ. Дѣвки заинтересовались «романцемъ» и упросили приказчика спѣть его. Приказчикъ не долго ломался. Онъ кашлянулъ, важно вынулъ изъ кармана бѣлый носовой платокъ, развернулъ этотъ платокъ, на почтительномъ разстояніи отъ лица, въ видѣ туго-натянутаго паруса и съ рѣшительностью плюнулъ въ него, причемъ постарался придать лицу небрежное и гордое выраженіе: намъ-де все ни почемъ! — затѣмъ вытеръ этимъ же платкомъ разгорѣвшееся лицо, и, галантерейно упершись въ бока, затянулъ... Боже, что это было за пѣніе!.. Онъ пѣлъ, или, лучше сказать, визжалъ, источнымъ бабьимъ голосомъ, выдѣлывая съ нечеловѣческими усиліями поразительнѣйшія фіоритуры... «Романецъ» начинался такъ:

Выхожу я на дорогу,
Предо мной, мы скажемъ, путь блеститъ
И пустынникъ славитъ Бога,
И съ звѣздами, скажемъ, говоритъ...

Дальше ужъ слѣдовала такая чушь, что даже Маланья слушала, слушала да и плюнула: «вѣдь взбредетъ же человѣку такое на умъ!» досадливо сказала она. Надъ уморительнымъ напѣвомъ дѣвки много смѣялись и тотчасъ же окрестили пѣвца «комарёмъ», о словахъ же «романца» выразились такъ, что это де непремѣнно что-нибудь божественное, ну, и ничего бы, но —скучно. За то съ единодушнымъ хохотомъ и громкимъ одобреніемъ встрѣчена была ими пѣсенка, которой, неожиданно для всѣхъ, приказчикъ заключилъ свой романецъ. Пропѣлъ онъ эту пѣсенку бойко и очень недурно; но дѣвичьи сердца были побѣждены на этотъ разъ не пѣніемъ, а сюжетомъ пѣсни...

Полюбилъ меня молоденькій попокъ,
Посулилъ онъ мнѣ курятинки кусокъ...
Мнѣ курятинки-то хочется,
А попа любить не хочется...

Даже Маланья разсмѣялась, а она вообще держала себя серьёзно.

Въ избѣ становилось душно. Я вышелъ на крылечко. Ночь была темная и холодная. Въ высокомъ небѣ тускло мерцали звѣзды. Въ воздухѣ стояла мертвая тишина. Село спало. Только изъ Маланьиной избы вырывался шумъ... Вдругъ послышался тихій говоръ. Я прислушался.

— Ничего ты отъ меня не дождешься!.. Ты хоть не говори, хоть не приставай ко мнѣ...—гнѣвнымъ полушопотомъ говорила Ульяна.

— Что-жъ ты меня водишь-то?.. За что-жъ ты меня тиранишь-то... Аль я тебѣ на смѣхъ дался!—укоризненно и горячо возражалъ Парменъ.

— Кто надъ тобой смѣется!—произнесла Ульяна уже болѣе мягкимъ тономъ:—никто надъ тобой не смѣется... Ты самъ тянешь... Я чѣмъ причиной!.. Говорю—сватайся... Коли любишь, чего-жъ ты!

— Кабы не любилъ, такъ мнѣ наплевать бы,—угрюмо вымолвилъ Парменъ.

— А я тебѣ сказала: не пойду опричь тебя ни за кого... Чего-жъ тебѣ еще!..

— Что-жъ мнѣ теперь дѣлать!— сокрушительно вздохнулъ Парменъ.

— Что! — опять переходя въ гнѣвный тонъ, воскликнула Ульяна,—ты вотъ славы-то, небось, съумѣлъ добиться!.. На эти

дѣла-то тебя хватило!.. По всему селу ужъ ославили... На улицу стало выдти нельзя... Нѣтъ—чтобы языкъ-то попридержать!..

— Я, ей-Богу...—смущенно залепеталъ Парменъ.

— Не говори!—горячо и требовательно перебила его Ульяна:—ужъ лучше не говори ты мнѣ... Ужъ не бреши... не вводи во грѣхъ!

— Вотъ отсохни у меня языкъ... — попытался-было оправдаться Парменъ, но она опять не дала ему продолжать.

— Не божись!.. Кто Макарычу мельнику нахвалился?.. Не ты?.. Не ты, безстыжіе твои глаза?.. А тетушкѣ Аринѣ?.. У, такъ бы я тебя и разорвала, постылаго!.. Когда-й-то я тебѣ полюбовницей-то приходилась, а?.. Аль забылъ, соколъ?..

— Лопни у меня глаза!...—почти плакалъ Парменъ,—чего-жъ мнѣ пустое говорить... Что я, аль балухманный какой!.. Съ какой мнѣ стати напраслину-то взводить...—и потомъ, видя, что Ульяна успокоилась, заискивающимъ тономъ продолжалъ:—точно, говорилъ я теткѣ Аринѣ...

— Ну, ну?..—стремительно перебила его Ульяна.

— Ну, говорилъ я ей, что,—тётка Арина, говорю: я на Ковалевой дѣвкѣ жениться хочу... а она:—на Уляшкѣ? говоритъ, —ну, я и сказалъ, что на Уляшкѣ, молъ... Только всей моей и вины...

Наступило молчаніе.

— Ты что-жъ отцу-то—не гутáрилъ еще?—мягко спросила Ульяна.

— Нѣтъ еще... Вотъ погоди — Покровъ придетъ, скажу... Затѣмъ послышался шопотъ, но я ужъ не могъ его разобрать. Слышалъ я только звукъ легкаго поцѣлуя, тяжелый вздохъ, видимо принадлежавшій Пармену, и торопливое восклицаніе Ульяны:—желанный мой!.. и не говори, и не думай!—послѣ чего ея стройная фигура быстро проскользнула мимо меня въ избу. Парменъ еще разъ вздохнулъ, взошелъ на крыльцо, долго и пристально чесалъ въ затылкѣ и, наконецъ, сердито отплюнувшись, воскликнулъ: «ахъ, нелегкая тебя обдери, дьявола!» Какъ онъ меня не замѣтилъ, ужъ не знаю.

Когда я вошелъ въ избу и взглянулъ на Ульяну, меня поразила перемѣна, происшедшая въ ней. Въ глазахъ ея свѣтилась какая-то тихая и покорная унылость. Тоскливая печаль лежала на лицѣ, которое такъ еще недавно поражало своимъ суровымъ и гордымъ очертаніемъ.

Въ это время дѣвки только было-вознамѣрились, чуть ли не въ десятый разъ, затянуть неизбѣжныя «охо-хо-шки»—одну

изъ тѣхъ безсмысленныхъ и пошлыхъ пѣсенъ, которыми возвѣстилось нашей глуши пришествіе «цивилизаціи». Химка съ неудовольствіемъ прервала ихъ:—«Вы бы, дѣвки, лучше какую старинску»,—сказала она.—«Не сыграешь!—возразили дѣвки,—кто у насъ тутъ старинскую-то сыграетъ: ты да Уляшка»...—«А тётка-то Маланья?—произнесла Химка. Дѣвки обступили Маланью:—ну, тётушка, ну, родимая, сыграй!—приставали они къ ней. Одна Ульяна оставалась неподвижна. Стали просить Маланью и мы, гости, спѣть «старинскую» пѣсню. Наконецъ она сѣла около стола, картинно оперлась на руку и необычайно высокимъ голосомъ затянула:

Ужъ вы, ночки мои, ноченьки,
Ночи темныя, осеннія...

и на мгновеніе умолкла, точно чего-то ожидая... Ульяна въ это время сидѣла рядомъ съ ней. Она задумчиво перебирала бахраму завѣски. При первыхъ звукахъ пѣсни въ ней что-то тревожно встрепенулось и дрогнуло... Какая-то горячая блѣдность охватила ея лицо. Грудь тяжело приподнялась и опустилась. Я видѣлъ—въ ней что-то загоралось и млѣло... Но она все сидѣла поникнувъ головою, и, полузакрывъ глаза, все перебирала завѣску. Въ это-то время Маланья въ какомъ-то ожиданіи смолкла... Всѣ мы затаили дыханіе и тоже ждали. Ульяна медлительно подняла голову, лѣниво обвела насъ какимъ-то тупымъ и тяжелымъ взглядомъ, криво и болѣзненно усмѣхнулась и вдругъ... прозвенѣлъ какой-то странный, слабый и тоскливый звукъ. Я вздрогнулъ и взглянулъ ей въ лицо. Съ ощущеніемъ невыразимой муки, она стремительно охватила руками голову и какимъ-то нервно-звенящимъ, безпрестанно обрывающимся и падающимъ голосомъ, протянула:

Эхъ... надоѣли... вы мнѣ ночи!.. надоскучили...

Другія подхватили и полилася пѣсня, горькая и унылая, какъ Русь...

Долго еще мы просидѣли у Маланьи и подъ конецъ мнѣ ужасно стало скучно. Парменъ и приказчикъ все потягивали водку изъ толстыхъ, зеленоватыхъ стаканчиковъ. Дѣвки ужъ совсѣмъ перестали пить. Ульяна и Химка тотчасъ-же послѣ пѣсни ушли домой. Парменъ откуда-то досталъ гармонику и самодовольно удивлялъ своимъ искусствомъ ужъ окончательно «разсолодѣвшаго» комаря-приказчика...

Когда мы, наконецъ, отправились домой, надъ землею висѣлъ тотъ болѣзненный полусвѣтъ, который не знаешь къ чему отнести, къ ночи ли или ужъ къ утру. Но не успѣли еще мы пройдти село, какъ востокъ слегка зарумянился. Было холодно. На травѣ и на крышахъ тускло серебрился утренникъ. Сельскіе пѣтухи звонко будили свѣжій и крѣпкій воздухъ. Надъ рѣкой, неподвижною пеленою, висѣлъ голубой туманъ. Отъ воды пахло острымъ запахомъ мочившейся конопли.

Парменъ все приплясывалъ подъ гармонику, которую онъ захватилъ съ собою. Приказчикъ коснѣющимъ языкомъ лепеталъ приговорки, съ смѣшнымъ усиліемъ приподнимая отяжелѣвшія вѣки. Изрѣдка онъ неопредѣленно улыбался и, усиливаясь многозначительно мигнуть бровью, восторженно восклицалъ:—у, дѣвка!—на что Парменъ самодовольно отвѣтствовалъ: «что, ай хороша?» Но приказчикъ только безнадежно махалъ рукой и тѣмъ разговоръ кончался. Было однако-же замѣтно, что Парменъ и его успѣлъ посвятить въ свой мнимый секретъ на счетъ Ульяны.

Шли мы медленно, и когда достигли сада, то заря ужъ широко заполонила небо, звѣзды меркли и погасали. Ночной мракъ стремительно убѣгалъ къ западу. Все еще было тихо. Небольшая березовая рощица, составлявшая границу сада, точно дремала въ неподвижномъ воздухѣ, печально поникнувъ своими поблекшими вѣтвями. Опавшіе листья, которыми мягко была усыпана земля, покрыты были инеемъ. Онѣ ужъ не шуршали подъ ногою...

Вдругъ какъ-бы отблескъ пожара озарилъ насъ. Я оглянулся. Изъ-за горизонта величественно поднималось солнце. Лучи его сверкающими иглами пронизывали воздухъ. Они еще не достигли долины, въ которой раскинулось село, окутанное сизымъ сумракомъ, не достигли и рѣки, но кресты на церкви ужъ загорѣлись горячимъ блескомъ, та возвышенность, гдѣ стояли теперь мы, ужъ пламенѣла, озаренная красноватымъ сіяніемъ, и тѣни трусливо убѣгали отъ нея къ темному западу.

Легкій шорохъ пронесся по деревьямъ. Доселѣ неподвижная роща проснулась, и задрожала свѣжею дрожью, насквозь пронизанная солнцемъ. Подобно мраморной колоннадѣ засеребрились стройные стволы березъ и горячимъ золотомъ засверкала ихъ ярко-желтая листва подъ молодыми лучами солнца.

Рѣка ужъ не дымилась. Голубой туманъ, стоявшій надъ ней, при первыхъ лучахъ солнца, свернулся мягкими клубами, тихо

поднялся и растаялъ въ розовомъ небѣ. Теперь въ берегахъ неподвижно пламенѣло растопленное золото.

Тишина все еще не нарушалась. Гдѣ-то на селѣ скрипнули-было ворота и жидко заблеяли овцы, но чрезъ мгновеніе все опять смолкло, и мертвая тишина снова воцарилась въ воздухѣ... А солнце заливало землю свѣтомъ.

Я поздно проснулся. Ерофей Васильевъ еще не пріѣзжалъ. Въ конторѣ, гдѣ отведена мнѣ была квартира, никого не было, кромѣ караульщика Артема. Я пошелъ къ рѣкѣ. Тамъ, на бережку, какъ и вчера, сидѣлъ съ удочкой лысенькій и кривой человѣкъ, указавшій намъ контору. Я подошелъ къ нему.

— Богъ въ помощь!

— Много благодарны вашему здоровью,—поблагодарилъ меня рыболовъ. Онъ сидѣлъ безъ шапки, въ какомъ-то халатѣ неопредѣленнаго покроя, подпоясанномъ грязной веревочкой. Ноги его были босы. На шеѣ, темной какъ чугунъ, болталась какая-то оборванная тряпица, изъ-за которой сквозила голая грудь. Рубашки замѣтно не было.

Я разговорился съ нимъ. Оказался онъ бывшимъ дворовымъ человѣкомъ, прошедшимъ, по его выраженію, всѣ огни и воды и мѣдныя трубы. Былъ онъ, «въ свое время», и псаремъ и буфетчикомъ, игралъ въ домашнемъ оркестрѣ на валторнѣ и ѣздилъ форейторомъ; подъ конецъ, все по той-же чудодѣйственной «барской волѣ», опредѣлился-было въ портные, но и тамъ оказался негоднымъ, послѣ того какъ спилъ «барченкову учителю» брюки задомъ на передъ. Съ тѣхъ поръ онъ поступилъ въ инвалиды, то-есть получалъ съ неукоснительной аккуратностью «мѣщину», лежалъ съ утра до вечера на полатяхъ въ людской и съ многозначительнымъ кряхтѣніемъ посвящалъ молодое дворовое поколѣніе въ прелести стариннаго «житья-бытья». Такимъ инвалидамъ пришлось плохо послѣ эмансипаціи; хватилъ горя и мой рыболовъ. Изъ многообразныхъ познаній его, ни валторна, ни звонкій форейторскій кнутъ, ни классическое «ату, ату, его!» ужъ не подходили къ складу новой жизни; не подходило къ этому складу даже и портняжное ремесло, годное лишь на то, чтобъ испортить брюки.

— Чѣмъ-же ты живешь?—спросилъ я его.

— Живу-то?—переспросилъ онъ меня,—чѣмъ живу-то я?—съ недоумѣніемъ повторилъ онъ и, немного погодя, неувѣренно произнесъ,—рыбу ловлю, вотъ... Ну, починить что... Это я

могу, ежели починить,—оживленно добавилъ онъ и устремилъ свой единственный глазъ на поплавокъ.

— Какая-же ловля осенью!—замѣтилъ я.

— Ловля-то какая?—онъ на мгновенье задумался;—ну, ничего—ловится... Вотъ вчера два карася поймалъ... Все глядишь...—Онъ не докончилъ.

Въ это время къ намъ подошелъ плотный и необычайно солидный мужикъ, въ поддёвкѣ изъ обыкновеннаго крестьянскаго сукна и высокой, новой шляпѣ. Онъ степенно и медлительно раскланялся съ нами и спросилъ рыболова:

— Что, Лупáчъ, не бывалъ еще Ерофей-то?

— Нѣтъ, нѣтъ еще, не пріѣзжалъ,—торопливо отвѣтилъ Лупачъ, насаживая на удочку червя.

Солидный мужикъ, осторожно подобравъ полы поддёвки, присѣлъ около насъ.

— Что, Лупáчъ, все ловишь?—снисходительно усмѣхнулся онъ.

— Ловлю все,—произнесъ Лупачъ.

— Хм... Лучше-бы ты мнѣ кафтанъ зачинилъ... Намедни поповы собаки расхватили... Вѣдь какъ, аспиды, распалыхнули-то?—во!..

— Починю ужó...

— Почини, почини—это ты можешь... Что-жъ, почини,—покровительственнымъ тономъ произнесъ мужикъ, небрежно поковыривая палочкой землю.

Мало-по-малу завязался у насъ разговоръ съ солиднымъ мужикомъ. Онъ все хвалилъ, и барина, и приказчика и порядки экономическіе... «Одно слово—простота!» заключилъ онъ свою хвалебную рѣчь. Я поинтересовался: хорошо-ли живутъ мужики. Вопросъ видимо затруднилъ его.

— Да какъ тебѣ сказать,—произнесъ онъ, пристально разсматривая свои громадные сапоги, и старательно ощупывая ихъ толстую кожу, только-что смазанную дегтемъ,—нельзя сказать чтобъ хорошо... Нѣтъ, нельзя этого сказать!.. Извѣстно, есть дворовъ пятокъ... это нечего говорить—есть... Ну, а то—плохо, правду надо сказать—плохо!

Я удивился, какъ при такой простотѣ экономическихъ порядковъ все-таки плохо живутъ мужики.

— Это вѣрно, что простота!—подтвердилъ мужикъ,—и изъ земли, и изъ кормовъ... И заработки опять... Одно слово—вѣчно Бога молить!

— Не понимаю, почему вы плохо живете?—замѣтилъ я:—можетъ, пьянство сильное?

— Нѣтъ, зачѣмъ пьянство... У насъ этого нѣту... Ну, знамо, нельзя безъ того, чтобъ не выпить лишняго—Покровъ тамъ, масляница,—а чтобъ пьянства, нѣтъ—пьянства нѣту...

Мы замолчали.

— А вотъ видишь, милый ты человѣкъ,—окончивъ осмотръ сапоговъ и слегка вздыхая, заговорилъ мужикъ:—какъ тебя называть-то?

Я сказалъ.

— Ну, такъ вотъ, Миколай Василичъ,—дарёнка [1]) у насъ... Дарёнка, милый человѣкъ... Съ того и живемъ плохо, что дарёнка... Улестилъ насъ Чечоткинъ-то тогда... это нечего таить—улестилъ... Вотъ теперь и каемся да ужъ поздно... Близокъ локотокъ-то, ну—не укусишь его!

Онъ замолчалъ и, снявъ шляпу, началъ внимательно разсматривать ея подкладку.

— Мы — что!.. Мы еще куда ни шло, — заговорилъ онъ, когда подкладка въ подробности была изслѣдована и шляпа опять надѣта на голову, — вотъ горюшки-то! — Онъ указалъ палочкой на Лупача.

Лупачъ съежился и учащенно заморгалъ своимъ глазомъ.

— Ихъ у нашего Чечоткина никакъ тридцать семей было, братецъ ты мой... Такъ всѣ и разбрелись, какъ тараканы: кто куда!..

— Ну, не говори, Андронычъ,—вдругъ обиженно залепеталъ Лупачъ,—мало ли осталось!.. Евтѣй Синегачій остался, Пантѣй-ключникъ, Алкидычъ-конторщикъ, Ерофей...

— Ну, и наберется какой-нибудь десятокъ,—свысока рѣшилъ Андронычъ,—а то всѣ по́ міру ходятъ...

Лупачъ опять хотѣлъ-было что-то возразить, но въ это время заколебался поплавокъ и всецѣло поглотилъ его вниманіе. Андронычъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на его сгорбленную, напряженную фигурку, на его ведерцо, гдѣ одиноко плавалъ и плескался крошечный пискаришка, и, поднявшись на ноги, пренебрежительно произнесъ: «эхъ ты—горюшка!»

Я воротился въ контору.

Ерофея Васильева мнѣ не суждено было дождаться: къ вечеру прибылъ отъ него нарочный съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«*Парнюшка*! Подлецъ Андрюшка съ тарантаса на Крутомъ Ярѣ меня зашибъ. Вели ты, чтобъ Евтюшка пущай ѣхалъ бы

[1]) Даровой надѣлъ въ размѣрѣ 1 дес. на душу.

за лекаремъ... *Пармѣшка!* Минаю скажи—я приказалъ пшеницу молотить, ну только чтобъ смотрѣлъ. И чтобъ за мужиками Акидычъ глядѣлъ-бы. Ну, Пантѣй пущай пшеницу купцу отпускаетъ, а тебѣ мой приказъ, чтобъ ѣхать сюда въ Крутоярье. Отецъ Ерофей Постромкинъ».

Три или четыре года спустя, въ знойную іюньскую пору, случилось мнѣ, по дорогѣ въ Хрѣновое [1]), остановиться въ селѣ N***, покормить лошадей. Не успѣлъ еще дворникъ растворить ворота, а я—войти на крылечко, на которомъ возсѣдала жирная дворничиха въ сообществѣ какого-то рыжебородаго мужчины, безпечно шелушившаго подсолнухи, какъ вдругъ этотъ самый рыжебородый мужчина воскликнулъ:

— Э, да никакъ старые знакомые... Такъ и есть!.. Аль не признаете?—Парменъ-то, приказчиковъ сынъ...

Я вглядѣлся и дѣйствительно узналъ Пармена, но ужъ возмужавшаго и отпустившаго легонькое брюшко. Поздоровывались мы съ нимъ.

— Какъ же, какъ же!—радостно восклицалъ онъ;—лошадку еще никакъ пріѣзжали купить... Какъ же!

— Вы зачѣмъ же здѣсь?—спросилъ я Пармена, въ то время, какъ дворничиха, тяжело отдуваясь и неуклюже поворачиваясь своимъ громаднымъ тѣломъ, пододвигала мнѣ скамейку.

— А питейное заведеніе здѣсь содержимъ, — самодовольно объяснилъ мнѣ Парменъ, — какъ же! Торгуемъ-съ!..

— Да развѣ вашъ отецъ ужъ не живетъ въ Визгуновкѣ?

— Это у Чечоткина-съ?.. Нѣту-съ, не живетъ... Они ужъ Богу душу отдали...

— Кто?

— Да батенька... Вѣдь вы на счетъ батеньки изволите спрашивать?

Въ манерахъ Пармена, также какъ и въ языкѣ, замѣчалась теперь какая-то утонченная галантерейность, та самая галантерейность, которой, нѣкогда, на вечерушкахъ, отличался купеческій приказчикъ изъ города Коломны. Откуда ужъ набрался этой галантерейности грубоватый Парменъ—осталось для меня загадкою.

— Ну, и Визгуновка теперь ужъ не Чечоткина,—заявилъ онъ мнѣ.

— Чья же?—удивился я.

---

[1]) Село въ бобровскомъ уѣздѣ, съ извѣстнымъ коннымъ заводомъ.

— А Селифонтъ Акимыча Мордолупова, купца... Къ нему поступила-съ...

— Продали, значитъ?

— Вóна-съ!.. Старикъ-то Чечоткинъ вѣдь померъ, ну, а молодые и продали...

— На что же они продали?

— Усмотрѣли, значитъ, что доходовъ имъ мало-съ... Мы ежели, говорятъ, капиталомъ будемъ владать, такъ капиталъ и то пользительнѣй для насъ будетъ, нежели Визгуновка... Такъ и продали-съ.

— Ну, у купца-то, у Мордолупова-то этого, развѣ больше дастъ Визгуновка?

— Помилуйте-съ, можно ли равнять... Купецъ, онъ—прожженый!.. Онъ, первымъ долгомъ, теперь, лошадей перевелъ, изъ конюшень винокурню выстроилъ, около сада роща была, березовая—изъ ней свинятники нарубилъ, домъ на маслобойку оборотилъ, а самъ срубилъ себѣ хатку изъ липокъ, да и живетъ въ ней... Помилуйте-съ, развѣ можно купца равнять.

Я согласился, что точно,—равнять его съ барином нельзя.

— Теперь въ саду бесѣдка стояла каменная, — оживленно и съ видимымъ одобреніемъ продолжалъ Парменъ,—ну, у барина она такъ бы, глядишь, и простояла до скончанія вѣковъ... А у купца нѣтъ-съ,—не простоитъ!.. Онъ ее взялъ, бесѣдку-то, да на кабакъ и оборотилъ... Какой вѣдь кабачница-то вышелъ!—любо поглядѣть... Да еще что!—чудакъ онъ такой, Селифонтъ-то Акимычъ,—статуй въ бесѣдкѣ-то стоялъ, такъ онъ его возьми, статуя-то этого, да въ кабакъ и поставь, ей-Богу... Такъ и стоитъ теперь около стойки!—Парменъ захохоталъ и, насмѣявшись досыта, съ пренебреженіемъ въ голосѣ добавилъ: — а то-баринъ!.. Гдѣ барину...

Я спросилъ, лучше ли живется народу, съ тѣхъ поръ, какъ Мордолуповъ водворился въ Визгуновкѣ.

— Ну ужъ, я вамъ доложу, скрутилъ онъ ихъ!—восторженно отвѣтилъ Парменъ:—у нихъ вѣдь дарёнка, у Визгуновскихъ-то... Землишки-то, значитъ, малость, кормовъ и не спрашивай—все къ нему да къ нему... Такъ не повѣрите — куда вамъ барскіе, въ сто разъ хуже!.. Одними штрафами загонялъ-съ... Корова взошла — штрафъ, телокъ аль овца какъ-нибудь забѣжали — штрафъ, утка въ рѣчку заплыла—штрафъ, бабы по выгону прошли — штрафъ: траву потоптали... все штрафъ!.. Вы не повѣрите, захватитъ ежели—мужикъ лошадь поитъ въ рѣчкѣ—и тутъ штрафъ: карасей, говоритъ, моихъ не пужай, потому рыба она

квѣлая, со страху колѣетъ... — Парменъ такъ и прыснулъ со смѣху.

— Ну, и мужичишки избаловались, — пренебрежительно произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—пьянство такое открылось, что Боже упаси!.. Особливо какъ винокурню пустили... И не выходятъ изъ кабака!

— По неволѣ сопьешься!—протянула, все время молчавшая дворничиха, вынимая изъ кармана новую горсть подсолнуховъ, и бурно испуская тяжелый вздохъ, отъ котораго швы ея зеленаго платья съ желтыми крапинами подозрительно затрещали.

Парменъ свысока окинулъ ее презрительнымъ взглядомъ, но отвѣтить ничего не отвѣтилъ.

— Да!—сожалительно крякнувъ, обратился онъ ко мнѣ: — счастье Селифонтъ-Акимычу, счастье... Вѣдь даровые ему работники-то!.. чисто даровые... А село здоровое — они почитай что одни и посѣвъ ему уберутъ, и на винокурнѣ управятся... Только точно,—продолжалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія,— ужъ больно онъ ихъ нудитъ... Просто вздохнуть не даетъ... Гляди, лѣтъ черезъ десять и работать будетъ некому,—ей-Богу-съ!.. Всѣ испьянствуются да разбѣгутся кто куда... Вѣдь прошлую весну ударились-было въ Томскую,—семей двадцать двинулись... Мало тутъ съ ними было хлопотъ-то Селифонтъ-Акимычу?.. Тоже много было хлопотъ... Глядишь, кабы не становой, Капитонъ Орѣхычъ, такъ бы и уперли... Народъ оглашенный!—и, подумавъ немного, добавилъ:—это точно, что онъ ужъ ихъ больно скрутилъ!.. все бы, нѣтъ-нѣтъ, да и вздохъ дать...

— Дворовые-то и теперь ужъ расползлись куда глаза глядятъ,—со смѣхомъ заговорилъ онъ, не безъ чувства собственнаго достоинства заглянувъ передъ этимъ въ часы:—вы, можетъ, помните, Пантѣя Антипыча?—такъ старичокъ, ключникомъ онъ ходилъ — да еще Алкидычъ, тоже старичокъ,—такъ ужъ они на селѣ въ караулку опредѣлились... Значитъ, въ церковные сторожа... Да это еще что!.. Тамъ Лупачъ есть, тоже дворовый человѣкъ, такъ онъ даже удавился... Такъ, взялъ на кушакѣ да и удавился... А удавился, я вамъ скажу, съ чего, такъ это просто удивленье: рыбу ловить ему не велѣли въ рѣчкѣ... Мордолуповъ-то говоритъ ему: ты не смѣй, говоритъ, Лупачъ, ловить рыбу,—и прогналъ, ну, а онъ возьми да и удавись... Вотъ они какіе сахары!—неизвѣстно для чего добавилъ Парменъ и побѣдоносно взглянулъ на дворничиху, которая съ какимъ-то остервенѣлымъ упрямствомъ истребляла подсолнухи.

Въ это время вышелъ на крыльцо дворникъ, худенькій и

зеленый человѣкъ, съ большимъ ястребинымъ носомъ и серьгою въ ухѣ, и объявилъ мнѣ, что готовъ самоваръ. Парменъ засуетился.

— Николай Васильичъ! вы ужъ ко мнѣ... По старой памяти... Пожалуйте!.. Посмотрите наше хозяйство... Ужъ сдѣлайте милость!

— Да можетъ далеко?

— Помилуйте-съ! рукой подать... Вотъ завернемъ въ переулочекъ-то, оно тутъ и есть, наше заведеніе... Ужъ пожалуйте!

Я согласился.

Когда мы вошли въ «заведеніе», въ первой комнатѣ, — загроможденной многочисленными полками разноцвѣтныхъ ратафій и наливокъ,—сидѣла молодая, дородная женщина, съ краснымъ, оплывшимъ отъ сна лицомъ и вздернутымъ носомъ, болѣе похожимъ на пуговицу, чѣмъ на носъ. Она лѣниво поглядывала въ окно и щелкала подсолнухи.

— Акуля! вели-ка самоварчикъ наставить,—сказалъ ей Парменъ и, указывая мнѣ на дверь, ведущую въ другую половину избы, предупредительно произнесъ:—пожалуйте-съ!

Акуля тяжело приподнялась, взглянула на насъ сонными и вялымъ взглядомъ и, слегка поклонившись мнѣ, утинымъ шагомъ поплелась изъ избы.

— Жена!—коротко объяснилъ мнѣ Парменъ, самодовольно улыбаясь.

Мы вошли въ другую комнату, ужъ претендовавшую на нѣкоторый комфортъ. По крайней мѣрѣ кисейныя занавѣски и герань на окнахъ, комодъ и туалетъ, покрытые вязанными салфетками, а главное—огромная кровать съ высоко взбитою периною, цѣлой горой подушекъ и одѣяломъ составленнымъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ клочковъ — ясно намекали на эту претензію.

— Вотъ и наше помѣщеніе-съ!—объявилъ Парменъ, усаживая меня на диванъ, въ которомъ, по всей вѣроятности, вмѣсто пружинъ были заложены кирпичи. Я покорился горькой необходимости и, проклиная злодѣя-обойщика, осторожно усѣлся, оглядывая «помѣщеніе».

— Пока Богъ грѣхамъ терпитъ—живемъ-съ,—скромно вымолвилъ Парменъ.

— Ну, какъ вы теперь?

— Вотъ торгуемъ-съ... Послѣ батеньки, царство ему небесное, трактирчикъ остался, ну, трактирчикъ мы, признаться, продали, потому не стоитъ овчинка выдѣлки...

— Вы еще при отцѣ женились?—перебилъ я исторію нестоющей овчинки.

— Да какъ вамъ сказать... Сватались мы, точно, что еще при батенькѣ... Ну, ужъ а женились послѣ... Значитъ, батенька ужъ были померши...

Въ это время въ сосѣднюю комнату, собственно и называющуюся кабакомъ, тяжелой поступью ввалилась Акулина въ сопровожденіи какого-то оборваннаго мужичка, съ темнымъ лицомъ изпопавшимся отъ жары и съ волосами, сбившимися какъ войлокъ.

— Ужъ сдѣлай милость, Тимофѣвна!—умолялъ онъ цѣловальничиху, судорожно теребя въ рукахъ лохматый треухъ и стараясь придать своему невеселому лицу умильное выраженіе.

— Я тебѣ сказала: хоть не говори!—лѣниво отвѣтила цѣловальничиха, опять усаживаясь около окна и принимаясь за подсолнухи.

— Хоть осьмуху!—не унимался мужикъ,—уважь, сдѣлай милость... Теперь безъ осьмухи и не показывайся, туда... Сдѣлай милость, отпусти...

Акулина молчала; молчали и мы. На лицѣ у Пармена блуждала довольная усмѣшка. Онъ внимательно наклонилъ ухо къ сторонѣ перегородки, какъ будто соловья слушалъ.

— Заставь за себя Бога молить!—съ истомой въ голосѣ продолжалъ мужикъ, понемногу переходя изъ умилительнаго тона въ тоскливый. — Тимофѣвна! Аль мы какіе... Ужъ авось осьмушку-то... Ахъ ты, Господи!—мужичокъ ударилъ себя по бедрамъ, — авось какъ ни-то отслужимъ... Вотъ те Христосъ, отслужимъ!

Акулина молчала, поплевывая подсолнушки. Мужичокъ дышалъ часто и тяжело. Изрѣдка онъ съ ощущеніемъ боли переступалъ ногами, какъ будто стоялъ не на холодномъ кирпичномъ полу, а на горячей плитѣ. Тупой взглядъ его какъ-то безпомощно озиралъ ряды разноцвѣтныхъ бутылокъ, ярко отражавшихся на солнцѣ. Потъ проступалъ на его вискахъ и грязными струйками ползъ по лицу. Гдѣ-то на стеклѣ однообразно звенѣла муха.

— Тимофѣвна!—опять воскликнулъ мужичокъ, съ тоскою устремляя взоръ на неподвижную цѣловальничиху, — заставь Бога молить... Сдѣлл... милость... Осьмуху!.. Вызволи ты меня... Во—какъ: хоть ложись да помирай!—онъ указалъ рукой на горло.

— Не воровали-бы, анъ и ничего бы не было!—хладнокровно отрѣзала Акулина, загребая гдѣ-то подъ стойкой горсть подсолнуховъ.

— Кабы воровали-то, Тимофѣвна, — горячо заторопился мужичокъ, видимо обрадованный тѣмъ, что наконецъ превра-

лось угнетавшее его молчаніе.—Кабы воровали!.. А то у парнишки оглобля-то сломайся, онъ возьми да и выруби жердинку, —извѣстно: малолѣтокъ... Ну, они его и сцарапали, караульщики-то... Теперь какъ ни бейся, а безъ осьмухи нечего къ нимъ и глазъ казать!..

— А онъ не руби въ чужомъ лѣсу!—равнодушно возразила цѣловальничиха, и тутъ же закричала въ окно на куръ:—кышь, кышь, проклятыя, всю левкой потоптали!..

Мужичокъ понурилъ голову и молчалъ.

— У тебя дѣвка-то дома?—безпечно спросила Акулина.

— Дома, дома, матушка, — слегка удивившись, отвѣтилъ мужикъ.

— Ты пришли-ка ее, пусть она у меня замѣсто кухарки поживетъ недѣли двѣ...

— Какъ же это... съ недоумѣніемъ возразилъ-было мужикъ, но цѣловальничиха не дала ему продолжать.

— Она пущай у меня недѣльки двѣ поживетъ, ну, а осьмуху я ужъ тебѣ отпущу...

Парменъ толкнулъ меня локтемъ.

— Ну, такъ ужъ и быть, наливай видно!—послѣ легкаго раздумья сказалъ мужичокъ, почесывая въ затылкѣ.

— Только смотри, Ѳедулай, деньги чтобъ безпремѣнно къ Успленью, ужъ это какъ хочешь!..—добавила Акулина, направляясь къ стойкѣ.

— О, Господи! аль ужъ я... аль ужъ мы, прости Господи какіе!.. — восклицалъ Ѳедулай, стремительно подхватывая кувшинъ, до сихъ поръ стоявшій около дверей.

Парменъ восхищенно развелъ руками и, посмѣиваясь, взглянулъ на меня.

— Орелъ-баба!—самодовольно произнесъ онъ,—съ мужиками она—лучше и не надо!.. Любого купца за поясъ заткнетъ.

— Откуда вы ее взяли?—освѣдомился я.

— Съ Липецка... Тамъ у мѣщанина одного—кожами онъ торгуетъ, шибай, значитъ... Ну, и не то, что какую голую взялъ,—съ достоинствомъ добавилъ Парменъ,—триста цѣловыхъ деньгами, салопъ лисій, платокъ дредановый, три платья шелковыхъ, перина... Все какъ есть!—справили хорошо.

— А вѣдь я, признаться, тогда думалъ, что вы на Ульянѣ женитесь!—замѣтилъ я.

— На какой это-съ?

— А помните въ Визгуновкѣ-то?

Парменъ обиженно усмѣхнулся.

— Помилуйте-съ!.. Какъ вы объ насъ понимаете!.. Развѣ это возможно-съ, чтобъ на простой дѣвкѣ жениться... Что это вы говорите такое... Это даже довольно смѣшно-съ... Нешто я полоумный какой...—Онъ даже засмѣялся надъ наивностью моего вопроса.

— Ну, что съ нею? гдѣ она теперь?—спросилъ я.

— Да она померла... Еще въ прошломъ году померла... Хе-хе-хе! занятная дѣвка была-съ!

— Померла!—воскликнулъ я.

Въ этой смерти мнѣ ужъ почудилась драма во вкусѣ покойной памяти романтизма, съ эффектными сценами ревности, проклятій и т. п., но, увы, и здѣсь оказалась вѣко-вѣчная комедія... На вопросъ мой, отчего умерла Ульяна, Парменъ равнодушно отвѣтилъ:

— А ей-Богу не могу вамъ сказать... Говорили тогда, что какъ, значитъ, бабы-знахарки трясли ее, ну, и затрясли... Это ребенка вытрясаютъ такъ, ежели рóды трудные,—пояснилъ онъ мнѣ, направляясь къ двери.

— Да развѣ она была замужемъ?

— Какъ же!.. Мужъ-то у ней еще кочегаромъ теперь у Селифонтъ-Акимыча,—проговорилъ онъ на ходу,—такъ, плевый мужичишка... Что́ Акуля, самоварчикъ-то наставили?—обратился онъ къ женѣ.

— Закипаетъ небось,—апатично отвѣтила Акуля, и опять загребла полную руку подсолнуховъ.

Черезъ часъ я выѣхалъ изъ N***. Лошади еле плелись подъ палящими лучами солнца; горячая пыль клубами вилась по дорогѣ и садилась на лицо; Михайло, распустивъ возжи, уныло тянулъ безконечную пѣсню «Ивушка, ивушка, зеленая моя... Что же ты, ивушка, не зѣлена стоишь?» — любопытствовала пѣсня, — «или те, ивушку, солнышкомъ печетъ?—солнышкомъ печетъ, частымъ дождичкомъ сѣчетъ?»—предполагала она, и, не дождавшись удовлетворительнаго отвѣта, съ какимъ-то тоскливымъ ухарствомъ оповѣщала знойную степь о томъ, какъ коварные бояре «срубили ивушку подъ самый корешокъ», какъ «стали они ивушку потесывати»...

А предо мною печально носился образъ Ульяны.

А. Эртель.

ИЗДАЛЕКА и ВБЛИЗИ

Деревенскіе очерки.

I.

— Баринъ, староста пришелъ!

Староста Иванъ Егорычъ—мужчина лѣтъ 55, очень серьёзный и солидный. Онъ во время бно «отстукалъ» двадцать-пять лѣтъ солдатомъ, вышелъ въ «чистую» и уже много лѣтъ заправляетъ моей усадьбой. Несмотря на лѣта, несмотря на долгую солдатскую службу еще въ «тѣ» времена, онъ очень бодръ и крѣпокъ, ходитъ съ перевальцемъ, никогда не торопится, и до сихъ поръ считается первымъ силачомъ въ окрестности. Характеромъ смиренъ, только по большимъ праздникамъ напивается до безчувствія, и въ такомъ случаѣ за нимъ приходится посылать подводу въ ту деревню, гдѣ онъ гулялъ — отъ этого онъ никакъ не можетъ удержаться, и если въ такой праздникъ отправляется къ обѣдни, то значитъ, что вечеромъ ему нужна будетъ подвода. Приключается это съ нимъ разъ пять, шесть въ годъ; послѣ того онъ нѣсколько дней не глядитъ мнѣ прямо въ глаза и жалобнымъ голосомъ проситъ у ключницы «рюмочку, голова смерть трещитъ». Работать онъ можетъ изумительно много, спитъ очень мало; въ сѣнокосъ идетъ впереди всей артели, въ сѣвъ собственноручно засѣваетъ всѣ поля и очень гордится своимъ умѣньемъ ровно сѣять. Всякую мелкую подѣлку въ хозяйствѣ исправляетъ безукоризненно: и выбитое стекло вправитъ, и затасканный хомутъ перевяжетъ, и текучую бочку починитъ, и дровни свяжетъ, все, что хотите, исправитъ и передѣлаетъ; «мужикъ руководѣльный», какъ говорятъ про такихъ субъектовъ крестьяне.

Аккуратно каждый вечеръ Иванъ Егорычъ является въ прихожую и бесѣдуетъ со мною о хозяйствѣ, причемъ рѣдко спорить, но въ концѣ-концовъ обыкновенно оказывается, что дѣло онъ сдѣлаетъ по-своему, какъ ему кажется лучше, и при этомъ всегда выходитъ такъ, что по моему-то, какъ я ему приказывалъ, никакъ нельзя было сдѣлать вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то обстоятельствъ, совершенно, будто бы, случайныхъ, но вполнѣ неотвратимыхъ. «А то бы,—говоритъ въ такихъ случаяхъ Иванъ Егорычъ,— знамо дѣло, я бы сдѣлалъ, какъ вы приказывали; нешто я не помню?» Въ виду такого хода дѣлъ, онъ вѣроятно совершенно бы упразднилъ свои доклады, тѣмъ болѣе, что во время моихъ частыхъ отлучекъ онъ распоряжается всѣмъ хозяйствомъ вполнѣ самостоятельно; но дѣло въ томъ, что у него, помимо хозяйственныхъ, усадебныхъ интересовъ, есть и другіе, такъ-сказать, общечеловѣческіе — ему очень любопытно узнать, что̀ дѣлается на свѣтѣ вообще и въ нашемъ уѣздѣ въ частности; я подозрѣваю, что только для удовлетворенія этого-то любопытства и для поддержанія своего авторитета въ людской онъ и является ко мнѣ на вечернія конференціи.

И сегодня Иванъ Егорычъ явился для этой бесѣды. Я выхожу въ прихожую, сажусь на ступеньку ведущей во второй этажъ лѣстницы; Иванъ Егорычъ, въ своемъ неизмѣнномъ полушубкѣ и обшитыхъ кожею валенкахъ, заложивъ руки за спину и немного сгорбившись, стоитъ у косяка.

— Зачѣмъ это, братецъ, сегодня купили эти мужики овесъ? На сѣмена если, такъ слишкомъ много, да и рано еще, не запасаютъ они въ это время.

— Да вѣдь это Сидоровскіе,—съ легкой усмѣшкой говоритъ Иванъ Егорычъ.

— Что-жъ что Сидоровскіе? Куда имъ дѣвать теперь овесъ по этой цѣнѣ? Въ городѣ три съ полтиной, до города сорокъ верстъ, а они дали по три шести гривенъ; вѣдь не въ городъ же они его повезутъ, чистый убытокъ!

— Какъ не въ городъ? Знамо дѣло, въ городъ! Куды же больше? съ величайшей увѣренностью рѣшаетъ вопросъ Иванъ Егорычъ.

Я вопросительно смотрю на него.

— Я вѣдь вамъ сказывалъ, что это Сидоровскіе; оно точно, что заплатили они намъ дорого, всю цѣну дали, да только все же свое они выверстаютъ, да и пользу наживутъ. Они теперь, какъ попадутъ домой, такъ сейчасъ овесъ этотъ въ баню, да и зачнутъ пару поддавать, а то такъ и просто кипяточкомъ спрыс-

нутъ. Ну, вѣстимо, овесъ-отъ и разопреть водой, изъ кажинной мѣры—полторы выйдетъ; нашъ-то овесъ сухой, почесть прямо съ риги, изъ него, поди, и болѣ выйдетъ. А изъ бани его на холодъ—схватитъ морозомъ — и овса много, и чистый онъ, крупный, бѣлый такой! Ну, къ суботнику въ городъ, на базаръ. Вотъ и сочтите, коли ежели у него изъ мѣры только полторы выйдетъ, все же сколько онъ за хлопоты пользы-то получитъ, даромъ что намъ дорого заплатилъ!

— Да какъ же ихъ въ городѣ-то съ этимъ овсомъ не ловятъ? Вѣдь вотъ ты же знаешь про эти фокусы, конечно и купцы въ городѣ слыхали тоже; вѣдь это мошенничество, за это къ судьѣ?

— Какъ купцамъ эфтихъ дѣловъ не знать, поди, кажинный самъ то же дѣлаетъ! Да только, первымъ дѣломъ, гдѣ же имъ все усмотрѣть! Вѣдь иной на базарѣ-то, въ одно утро, возовъ двѣсти, а то и триста купитъ, въ перебой другъ у дружки покупаютъ, особливо, ежели на овесъ-отъ ходъ есть; гдѣ же въ кажинный возъ, въ нутро-то, влѣзть? А при ссыпкѣ-то больше приказчики дѣйствуютъ: у тѣхъ только и заботы, чтобы обвѣсить, либо обмѣрять — онъ на овесъ-то и не глядитъ, вѣдь самъ хозяинъ на базарѣ купилъ, ему какое дѣло? была бы въ пріемкѣ польза. Засѣки-то, примѣрно, по сту четвертей — раньше тоже вымѣряны—а иной ловкой парень такой засѣкъ-то восьмидесятью, али девяноста четвертями засыплетъ—отъ хозяина и спасибо, и уваженье ему! Ну, Сидоровскіе имъ кажинный годъ мороженаго овса и навозятъ—кто кого нагрѣетъ, шутъ ихъ разберетъ!

— Да неужто же и не попадаются? Вѣдь должно быть ихъ, соколиковъ, ужъ знаютъ, иной разъ въ воза-то и заглянутъ?

— Какъ не попадаться, попадаются! Намедни ребята съ завода на базаръ ѣздили, такъ сказывали, что Гузѣевъ купецъ одного такого у себя на дворѣ накрылъ. Тотъ ужъ полвоза ссыпалъ, а Гузѣева-то нелегкая и нанеси! Въ тѣ поры оттепель была, овесъ-отъ и поотмякни маленько, а Гузѣевъ-то руку по локоть въ возъ-отъ и запусти! Ну, сейчасъ мужика въ шею! Шибко, сказываютъ, наклали ему въ загорбокъ-то! Не плутуй!

— Къ судьѣ стащили?

— Не, зачѣмъ къ судьѣ? Своимъ судомъ расправились, — будетъ помнить.

— Да вѣдь судья-то посадилъ бы его въ кутузку! Вѣдь за этакую штуку и судья бы не похвалилъ, да и другимъ была бы острастка!

— Гдѣ похвалить! Только съ судьей-то надо еще ватажиться,

ходить къ ему, просить—и самого-то затаскаютъ! А этакимъ-то манеромъ и мужику-то досталось всласть, да и Гузѣеву-то не такъ обидно, что мороженаго овса купилъ; мужикъ-отъ, какъ только отъ него изъ воротъ, такъ остатки-то сусѣду евоному, Сухожилову, сказываютъ, и продалъ; а Гузѣевъ-то съ Сухожиловымъ на ножахъ, ну, знамо дѣло, онъ и радъ, не я одинъ, молъ, засѣкъ спортилъ, и сусѣдушкѣ разлюбезному попало! Вѣдь они, купцы-то въ городѣ, рады другъ дружку въ ложкѣ воды утопить,—радёшеньки, какъ который ежели убытокъ приметъ!

— Да вѣдь все же, однако, лучше бы было свести этого мужика и съ овсомъ къ судьѣ,—говорю я вопросительнымъ тономъ, желая узнать, что же думаетъ объ этомъ предметѣ самъ Иванъ Егорычъ.

— Знамо дѣло лучше! Ужъ чего же лучше какъ ежели бы все по закону! Только, баринъ, и судьи-то всякіе бываютъ. Вонъ, бреховскіе вчерасинька сказывали, сколько ужъ время съ пѣховскими объ сѣнѣ судятся, а все нѣтъ никакого рѣшенья! Сказываютъ, еще въ позапрошломъ году въ лѣтнюю казанскую прошенье-то подали. Ну, судья ничего, прошенье взялъ, говоритъ: ожидайте повѣстки! Мы, сказываютъ, ждали, ждали — ничуть ничевошеньки! Опосля зимняго Миколы поѣхали опять къ судьѣ. Такъ, молъ, и такъ, батюшка, ваше благородіе, мы бреховскіе, объ сѣнѣ. Тотъ имъ опять: сказано, ожидайте повѣстки! Тѣ опять давай ждать. Ждали до вешняго Миколы, опять поѣхали. Опять ничего не сѣло. Жди, молъ. А теперь, сказываютъ, и сѣно-то все пропало—кое мыши перевѣли, кое скотина за два-то лѣта потаскала, кое въ овертье да въ одонье пойдетъ — и судиться не объ чемъ! И все, сказываютъ, такъ. Какъ ежели некому попросить, хоть ходи, хоть нѣтъ, нѣтъ тебѣ ничего! Жди —и шабашъ! Все тутъ и рѣшенье. Да этотъ судья все еще нешто — хоть долго ждать, такъ все же хоть прошенье-то приметъ—и то легче, може когда и удосужится, и разберетъ твое дѣло. А вотъ какъ былъ я объ Серговѣ днѣ на ярмонкѣ, такъ сусловскіе мужики сказывали, что у нихъ судья и вовсе чудной! Къ тому судьѣ придетъ мужикъ съ прошеньемъ — все, значитъ, дѣло евоное въ томъ прошеньи прописано. Ну, кланяется: примите, батюшка, прошенье! А судья ему: у тебя прошенье, бумага? У меня, братъ, на бумагѣ ничего нѣтъ, ничего не дѣлается, все на словахъ! Все на словахъ! Ступай вонъ! Ну, мужикъ, черезъ недѣлю тамъ, что ли, опять къ судьѣ: вотъ, молъ, батюшка, дѣло мое какое! И учнетъ разсказывать. А судья ему: есть у тебя прошенье? бумага есть? Мужикъ, вѣстимо: нѣту, батюшка,

какая бумага! Я на словахъ! У меня, братъ, скажетъ судья, нѣту ничего на словахъ, все на бумагѣ! Все на бумагѣ! Ступай вонъ! Вотъ тутъ и разбери: какъ къ ему идти—съ бумагой ли, али на словахъ?

— Ну, братъ, это вздоръ тебѣ разсказывали! Можетъ ли быть, чтобъ былъ такой судья? Вѣдь на него пожаловаться можно. Тоже и у нихъ начальство есть!

— Какъ, поди, начальства не быть! Знамо дѣло есть начальство, безъ начальства нельзя! Може и путаютъ, мало ли что народъ галдитъ? Только мужикамъ-то этимъ, сусловскимъ-то, изъ-за чего же было врать-то? Доподлинно завѣряли. Видно, что-нибудь было такое!—очевидно съ какимъ-то сомнѣніемъ относительно невозможности существованія такихъ судей отвѣчаетъ Иванъ Егорычъ, и, недовольный моимъ скептицизмомъ, круто переходитъ къ хозяйственнымъ дѣламъ.

— Степанка, баринъ, разсчитать нужно. Вовсе безпутый парень. Ни ты ему укажи что, ни ты ему слово скажи. Все огрызается, а отъ дѣла отлынываетъ, и другихъ сбиваетъ. И мазура же!—И Иванъ Егорычъ какъ-то особенно ухмыляется и крутитъ головой.

— А что?

— Да помните, какъ пришелъ въ заговѣнье-то рядиться, былъ вовсе безъ волосья, ровно бритый? Вы еще спрашивали: отчего это ты стриженый?

— Да, помню, онъ говорилъ, что въ Питерѣ въ горячкѣ въ больницѣ лежалъ, такъ волосы-то и выстригли тамъ.

— Хмъ! Въ Питерѣ! Онъ, сказываютъ, до Питера-то и не доходилъ. Все лѣто въ Ладогѣ проболтался — что достанетъ, то кряду и прогуляетъ. Ну, какъ Покровъ-то пришелъ, надо домой идти. И пошли они съ Ѳедькой, съ Кузькинымъ, съ Горки,—такой же соколъ. У обоихъ ни гроша. Какъ домой глаза показать? Куды, спросятъ, денежки дѣвали? Они и удумали. Остригли другъ дружкѣ волосье, давай, говорятъ, скажемъ дома, что все лѣто прохворали, въ больницѣ вылежали. Ну, пришли домой—домашніе видятъ—все волосье повылѣзло, надо быть и въ самъ дѣлѣ хворали. Только Ѳедька-то и проболтайся—а тѣмъ временъ и настоящіе-то бурлаки изъ Питера пришли,—сказываютъ, что ихъ тамъ и не бывало. Кузьма-то и приступилъ къ сыну: винись, говоритъ, не то всю шкуру спущу! Тотъ и повинился, и про Степанка-то разсказалъ. Ну, обоихъ кряду къ намъ въ казаки и порядили въ зиму; тоже деньги-то охти нужны! Ѳедька-то еще нешто, попроще; а Степанко вовсе негодяй. Сегодня послалъ

ихъ за сѣномъ. Что́, думаю, долго ребятъ нѣтъ? Пришелъ самъ въ сарай: лошади еще порожнія, и навивать не зачинали, Степанко сидитъ, въ трубку куритъ, а Ѳедька передъ имъ на брюхѣ лежитъ, сказки евоныя слушаетъ. Ну, первымъ дѣломъ, у меня крѣпко на крѣпко наказано: на сѣновалахъ не курить! Ни Боже мой! Долго ли до грѣха? Я его сейчасъ за цыбу. Такъ гдѣ ты! Самъ норовитъ въ шею дать! Вовсе разбойникъ!

Въ эту минуту изъ сѣней входитъ въ прихожую мужикъ изъ ближней деревни, Ѳедотъ Ефимовъ, средняго роста, широкоплечій и корявый. У него борода клиномъ, косоватые глаза; говоритъ онъ бойко и, когда деревнѣ нуженъ довѣренный по какому нибудь дѣлу, мужики всегда посылаютъ его.

— Что тебѣ, братецъ?

— Да вотъ, батюшка, мужики прислали къ вашей милости посовѣтовать. Ишь ты дѣло-то какое вышло. У Антипки—поди, вы ужъ слышали?—на прошедшей недѣлѣ овинъ сгорѣлъ. Хлѣба немолоченаго еще много, а гдѣ теперь крышу возьмешь? Вотъ онъ и проситъ деревню—продай ему депу́. Дрань-то, видишь, на депѣ хорошая, крыша выйдетъ важнецкая. Сулитъ полведра. Ну, вечорось была сходка, мужики и послали къ тебѣ. И Антипку жалко, да и вина-то охота. А депа-то безъ пользы стоитъ.

— Что такое? Какая депа́?

— А депа, что насчетъ пожару, значитъ, лѣтось устроена.

— А! это навѣсъ-то этотъ осередь деревни? Да зачѣмъ вы его поставили? Теперь проѣзду нѣтъ, самую дорогу загородили этой штукой.

— Зачѣмъ! Загородили! Знамо дѣло зачѣмъ: велѣно!

— Какъ велѣно?

— Да такъ. Лѣтось, около лѣтней Казанской, наѣхалъ становой. Собралъ міръ. Чтобы, значитъ, сичасъ, сею минутою депу строить. Намъ спервоначалу невдомёкъ: какую такую депу? На кой лядъ? Енъ и говоритъ: это насчетъ пожару. Чтобы, сичасъ, какъ загорится, вода была. И вездѣ, говоритъ, въ каждиной деревнѣ, велѣно такую депу поставить. Вишь ты, горѣть, сказываетъ, будетъ меньше. Мы давай станового просить, говоримъ: не нужно намъ депы. Теперь время какое? Сѣновосъ. Недосугъ депы строить. Страда. Обожди, молъ, маленько! Гдѣ ты! Какъ заорётъ: ждать! Какъ бы не такъ! Велѣно, кричитъ, чтобы, значитъ, сичасъ, сею минуточкой! Я васъ! Черезъ три дня урядника пришлю, и, коли ежели не будетъ готова депа, живьёмъ слопаю! Десятскій! А десятскимъ-то на ту пору приключился я. Ты, говоритъ, отвѣтишь! Чтобъ сичасъ, безъ разго-

вору! Гдѣ вамъ, сиволапымъ, понимать, что́ вамъ нужно, что́ нѣтъ! Начальство лучше васъ знаетъ! Ну, знамо дѣло, пошумѣлъ и уѣхалъ. Мы къ своему дѣлу пошли. На другой день старшина пріѣхалъ. Опять всю деревню сбилъ. Строить, говоритъ, безпремѣнно надо, и чтобъ бочка съ водой на дрогахъ въ депѣ за все стояла! Мы ему: Иванъ Сидоровичъ! вишь, время какое. Обожди! Осенью въ лучшемъ видѣ выстроимъ. Такъ куды ты! Ругается. Я, говоритъ, изъ-за вашихъ прихотевъ въ кутузкѣ-то сидѣть не согласенъ! Чтобъ живо! Въ моментъ! Поругался, уѣхалъ. Мы опять за сѣнокосъ: думаемъ, поругаются не што возьмутъ! Анъ не тутъ-то было. Черезъ три дни урядникъ. Сичасъ за мной. Ты десятскій? Я десятскій. А гдѣ у тебя депа? Нѣту у меня депы. Какъ нѣту? Нѣту, говорю, мужики думали: такъ только пошумятъ; не выстроена депа. Какъ обозлился урядникъ: Я те, говоритъ, дамъ, пошумять! Такъ вы такъ! Вы ослушаться! Ахъ, вы, черти, дьяволы! Да ты знаешь ли, немытая твоя борода, что меня за васъ со службы выгонятъ? Въ городъ! На высидку! Собирай мужиковъ! Я вамъ дамъ! Я васъ выучу! Оралъ, оралъ на всю улицу. Мужики-то кто гдѣ — кто на рѣкѣ, кто на пустошѣ — скоро ли ихъ соберешь? Ну, къ вечеру, коё-какъ обопилъ. А урядникъ весь день шумѣлъ, я убѣгъ, бабу мою коститъ. Ноги отбилъ бѣгамши; очень ужъ урядникъ напужалъ: думаю, что и будетъ! Ну, собрались мужики. Урядникъ опять орать. Мы опять просить. Словъ никакихъ не принимаетъ. Дотолѣ, кричитъ, изъ деревни не уѣду, пока депа не будетъ выстроена; а тебя, подлеца, — это меня-то, — съ собой, говоритъ, въ городъ, на высидку возьму! Съ голосу, паря, спалъ, орамши—вовсе осипъ! Тутъ ужъ мы смекнули, что видно и взаправду депу эту строить надо. Порядили Максимку солдата, за двѣнадцать рублевъ—чтобы изъ своего лѣсу депу эту самую, чтобъ ей провалиться, выстроилъ. Урядникъ у насъ и ночевать остался — не уѣду, говоритъ, пока своими глазами депы не увижу! Ну, съ утра Максимка ямы зачалъ рыть, столбы ставить. Онъ весной-то хотѣлъ сарай рубить, да рука болѣла, такъ сарай-отъ и остался—и лѣсъ, и дрань на крышу была еще по зимѣ справлена. Поставилъ онъ депу и дранью крышу покрылъ. Нешто, течи нѣту. Коё-какъ дрожонки справилъ, колесишки негодящія съ воротъ да съ очепа снялъ, кадку худую поставилъ—вотъ тѣ и депа готова!

— Какъ готова? Да вѣдь я эти дроги-то съ кадкой видѣлъ. Вѣдь въ нихъ и лошадь-то запречь нельзя!

— Гдѣ запречь! Знамо, не запречь! Не то запречь, и до-

тронуться-то до нихъ боязно. Кряду все разсыплется. А стоять-то нешто — стоять! Что имъ дѣлается!

Да вѣдь въ случаѣ пожара дроги-то нужны будутъ?—Какъ же вы воду-то на нихъ повезете?

— Такъ нешто въ той кадкѣ можно воды-то привезти? Вѣдь у ей, поди, теперь дно-то и вовсе вывалилось!

— Такъ вы бы хорошія,настоящія дроги поставили, и бочку бы купили какъ слѣдуетъ, — вотъ бы, въ случаѣ чего, упаси Богъ, и вода была-бы готовая!

— Ишь ты! бочка-то, настоящая-то, поди, рублевъ пять стóитъ, а дрогъ-то, ежели да съ шиновыми колёсами, и за пятнадцать не справишь! А Максимка и депу, и все, за двѣнадцать, да въ самый сѣнокосъ, когда и за рупъ поденщика-то не найдешь, сработáлъ!

— Такъ что-жъ? Лучше бы вы ужъ что́ слѣдуетъ извели, да какъ слѣдуетъ все справили. Польза бы могла быть. А теперь только двѣнадцать рублей въ печку бросили!

— Польза! Какая польза! Вонъ на Горкѣ осенесь пожаръ былъ, такъ мужики первымъ долгомъ эту самую депу разорили. Вишь ты—на самой серединѣ улицы, ни тебѣ проѣхать, ни тебѣ избу растащить—одна помѣха отъ ее! Да и снѣгъ опять—гдѣ же по нашимъ сугробамъ на колесахъ теперича проѣхать?

— Какъ на колесахъ? Да къ зимѣ, конечно, нужно кадку вашу на дровни поставить!

— Нужно! Знамо-бы нужно, да приказу такого нѣтъ. Этта, о праздникѣ, въ Микитушки, потолковали мужики—да нѣтъ, боязно! Приказу нѣтъ, не было бы чего! Може, въ депѣ-то этой, такъ и слѣдоваетъ, чтобы на колесахъ безпремѣнно кадка стояла. Кто-жъ его знаетъ! Спрашивалъ я у старшины: почемъ, говоритъ, я знаю! Спрашивалъ у писаря: нѣтъ, говоритъ, предписанья! Такъ на дрогахъ и стоитъ. Теперь занесло кругомъ—и не подойдешь къ депѣ-то! Вотъ мы и полагаемъ такъ, что и разорить ее теперича можно. Антипкѣ-то крыша охти нужна!

— Я, братецъ, ничего не могу вамъ на этотъ счетъ посовѣтовать. Вамъ надо урядника, что-ли, спросить. А то, какъ теперь сломаете, а велятъ опять выстроить?

— То-то и мы опасаемся. А урядника что́ спрашивать! Больно сердитъ. Этта, опосля депы-то, наѣхалъ, на другой день Ильи, надо быть, опять въ деревню. Скопилъ мужиковъ. Чтобы, говоритъ, дровъ подъ окошками не было! Лѣсу на улицѣ тоже чтобъ не было! Улицу, говоритъ, чтобы чисто на чисто вымести! Чтобы живо, сичасъ! А самъ знаешь, у насъ у кажинной избы

подъ окошками что дровъ, что лѣсу! Улица-то широкая, а гдѣ же ихъ, дрова-то, класть? Мы опять просить. Гдѣ ты! Никакихъ резонтовъ не принимаетъ, только оретъ! Ну, нечего дѣлать, давай улицу чистить: день цѣлый вся деревня улицу чистила. А ёнъ все стращаетъ: ахту, говоритъ, составлю, къ мировому всю деревню стащу! А на кой лѣшій намъ чистота-то: не большая дорога, не начальство ѣздить! А самимъ-то намъ и такъ-бы ладно; да вишь ты, насъ-то не спрашиваютъ! Чуть что—сичасъ урядникъ давай ахту писать, и къ мировому! Лѣтось у Фасея овинъ сгорѣлъ. И добро бы самъ сжегъ, а то нѣтъ—вишь ты, бобылку пустилъ жито обмолотить, а самъ въ городъ на базаръ уѣхалъ. Ну, знамо дѣло, баба! Сказано про нихъ: пока съ печи валится, семь думъ сдумаетъ! Она овинъ-отъ у Фасея и сожги. Пріѣхалъ миляга домой—нѣтъ овина, а съ бобылки чтб взять? Та и сама голосомъ воетъ, безъ жита осталась. Потужилъ, потужилъ, да дѣлать-то нечего—зачалъ новый ставить. Глядимъ, черезъ недѣлю мѣста, али тамъ и больше, наѣхалъ урядникъ. У васъ пожаръ былъ? Спрашиваетъ. Какъ же, батюшка, грѣхъ случился. Сичасъ за Фасеемъ. Ты, говоритъ, зачѣмъ овинъ сжегъ? Гдѣ жечь, батюшка, говоритъ, такъ ужъ несчастье случилось, Богъ посѣтилъ, я и въ овинѣ-то, говоритъ, не былъ! А! Закричалъ урядникъ, нешто можно овинъ сушить и отъ ево отлучаться? Ты бы, говоритъ, могъ всю деревню спалить, а я за тебя отвѣчай! И сичасъ давай ахту писать, да и къ мировому. Ну, свидѣтелей человѣкъ съ десять прописалъ. А мировой-то отъ насъ верстъ пятьдесятъ. Выслали намъ повѣстки. Поѣхали мы къ мировому. Я, знамо дѣло, десятскій, первый свидѣтель. Ждали, ждали—до вечера ждали, не пріѣхалъ урядникъ. Намъ ужъ вечеромъ рѣшенье вышло: вызовутъ, молъ, въ другой разъ. Поѣхали домой. Черезъ мѣсяцъ, али тамъ какъ, опять повѣстки. Поѣхали мы вдругорядь. Опять ждали, ждали! Нѣтъ урядника. Мужики и послали меня къ мировому. Батюшка! Развяжи ты насъ! Вдругорядь пріѣзжаемъ, невѣдомо зачѣмъ! Нѣтъ нашей вины ни въ чемъ. Мировой и говоритъ: нельзя, братецъ! не по закону будетъ! Не могу я безъ урядника ваше дѣло разбирать. Долженъ ёнъ тутъ быть. А какъ же, батюшка, спрашиваю, неужто же и еще разъ намъ пріѣзжать придется? Придется, братецъ, говоритъ. Такъ нешто урядникъ-то больше тебя? Нѣтъ, говоритъ, не больше, да не могу я безъ него! Закону такого нѣтъ, пойми ты! А гдѣ же мнѣ эти законы понять,—не про насъ они писаны! Ну, поѣхали мы опять домой. Вызвали въ третій разъ. Тутъ ужъ урядникъ пріѣхалъ. Кликнули насъ. Читаетъ судья ахту.

Виноватъ ты? Фасея спрашиваетъ. Не, батюшка, ваше благородіе, не виноватъ! Смилуйтесь! Я и на деревнѣ-то въ тотъ день не былъ, въ городъ на базаръ ѣздилъ. Всю деревню спросите! Изъ города на другой день пріѣхалъ, анъ, отъ овина-то только угольки остались. Гдѣ же мнѣ было его сжечь? Тутъ судья всѣхъ насъ перебралъ по одиночкѣ. Ну, мы, знамо дѣло, говоримъ, такъ, молъ, и такъ, это точно, что Фасей въ городѣ былъ, а бобылка Лукерья на евономъ овинѣ свое жито сушила, и отчего тотъ овинъ сгорѣлъ, кто-жъ его знаетъ! Такъ, видно, Господу Богу угодно было. Ктожъ свое добро жечь будетъ? Переспросили всѣхъ, и домой отпустили. Такъ уряднику ничего и не сѣло. А ужъ очень мы въ тѣ поры всѣ опасались! Оно точно что пожаръ былъ; кто-жъ его знаетъ, можетъ, въ чемъ и виноваты!

Нѣкоторое время всѣ мы молчимъ.

— Такъ какъ же, батюшка,—продолжаетъ ужъ другимъ тономъ Ѳедотъ,—насчетъ депы-то скажете? Охти Антипкѣ крыша нужна—а онъ мнѣ свой, я его руку держу!

— По-моему, лучше не разорять депо. Заставять другое выстроить!

— И то! И взаправду заставятъ! Видно лучше обождать. Пущай постоитъ. Ужъ Антипка гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ крышу найдетъ. Теперь отдать депу-то за стаканъ, а послѣ и полтиной за этотъ стаканъ отвѣтишь, да еще пожалуй въ городъ на высидку сгоняютъ! Погодить надо—можетъ и приказъ выйдетъ, что, какъ теперь зима, депу разорить. Всяко бываетъ!

— Да, лучше обождите. Вѣрнѣе будетъ.

— Спасибо, батюшка, что научили уму-разуму. Вамъ лучше извѣстно. Кто-жъ его знаетъ; зорить али нѣтъ? Мы народъ темный. Прощенья просимъ!

И Ѳедотъ кланяется и выходитъ въ сѣни.

— А что, и у васъ въ Выползовѣ тоже депо есть?—спрашиваю я у Ивана Егорыча, когда мы остались одни.

— Какъ же, и у насъ есть. Это Ѳедотъ вѣрно сказывалъ, что лѣтось, въ самый сѣнокосъ, въ кажинной деревнѣ по депѣ поставили. Имъ-то, брѣховскимъ-то, еще нешто: вѣдь у нихъ, никакъ, тридцать три дома въ деревнѣ. Хоть и двѣнадцать рублей за депу Максимкѣ заплатили, на домъ-то не по многу пришлось. А у насъ всего пять домовъ. Ну, у насъ депа-то попроще: соломой покрыта, а все же восемь рублей отдали. На меня-то, на двѣ души, рупь съ семи гривнамъ легло. И зачѣмъ это, баринъ, такой приказъ вышелъ, чтобъ эти самыя депы по деревнямъ строить? Нѣтъ отъ ихъ никакой пользы!

— Видишь, братецъ, прошлымъ лѣтомъ большіе пожары въ разныхъ мѣстахъ были, много городовъ и селъ совсѣмъ до тла выгорѣло. Загорится—а по всему селу нѣтъ ни капли воды, ни дрогъ, ни бочки — и тушить нечѣмъ. Вотъ и велѣли, чтобъ во всякомъ селеніи постоянно на одномъ мѣстѣ бочка съ водой стояла. Вспыхнетъ пожаръ—запрягай бочку и вези—вода готовая. Иной разъ, какъ вѳ-время-то вода есть, кряду и потушить можно!

— Такъ. Оно бы можетъ и взаправду хорошо бы было! Ужъ чего же лучше, какъ ежели на пожарѣ да вода готовая? Только у насъ, надо быть, не для эфтова депы поставили, а такъ—для порядку значить. Потому, какъ ежели бы для воды, такъ нужно, чтобъ и дроги, и бочки настоящія были. А урядніку эфто все равно. Была бы осередь улицы депа, да стояли бы въ ней дроги—а можно ли ихъ запречь, да воды на нихъ привезти, онъ и не чешется! Ѳедотъ-отъ это вѣрно говорилъ, что и дотронуться до нихъ боязно—кряду́ все аредомъ сдѣлаешь! Значитъ, депа-то не для воды, а для порядку!

Я не нашелъ возможнымъ возразить что-либо по этому поводу, и Иванъ Егорычъ снова перевелъ рѣчь на Степанка. Я не люблю разсчитывать рабочихъ до срока—какъ работникъ ни плохъ, я всегда стараюсь додержать его. И въ настоящемъ случаѣ я знаю очень хорошо, что Степанко дѣйствительно никуда не годный парень, баловникъ; но разсчитывать мнѣ его не хочется. Иванъ Егорычъ знаетъ мою слабость, но все-таки, для порядка должно быть, настаиваетъ на своемъ.

— Баловѣса парень. Нѣтъ отъ ёво никакого толку. Только на гармоніи и горазд. И плясать мастеръ. Ядъ парень плясать. Кажинный вечеръ по посѣдкамъ бѣгаетъ — придетъ, ужъ стряпуха огня сдуетъ. Ну, и не добудишься ёво на работу.

Видя, что я поддерживаю разговоръ на эту тэму, и полагая, что достаточно выяснилъ свое участіе къ хозяйскимъ интересамъ, Иванъ Егорычъ круто обрываетъ свое повѣствованіе о доблестяхъ Степанка. Мнѣ приносятъ стаканъ чаю—Ивану Егорычу большую каменную кружку. Нѣкоторое время мы молча пьемъ чай.

— А прокуратъ этотъ Ѳедотъ,—начинаетъ опять Иванъ Егорычъ.—Вѣдь ничего не сказалъ про свое дѣло, про то, какъ они лѣтось Панфилиху выстегали.

— Что ты врешь? Какъ Панфилиху выстегали?

— Да такъ. Выстегали, да и все тутъ. Ёнъ, Ѳедотъ-отъ, всему этому дѣлу былъ первый заводчикъ, вотъ теперь его и таскаютъ. Небось, молчитъ. Не разскажетъ.

— Что ты путаешь? Бабу высѣкли? Да вѣдь этого нельзя!

— Вѣрно вамъ говорю, выстегали. И шибко выстегали. Да. У нихъ, вишь, у брёховскихъ-то, завсѣ потрава была, почесь кажинный день то овцы, то лошади, то въ озимь, то въ яровое вломятъ. Гдѣ у нихъ лѣсу-то взять, какіе у нихъ огороды-то? Тамъ, одно названье, что огородъ: труха трухой! Вотъ лѣтось ватажились они, ватажились — кажинный день окопляются, всѣ объ огородахъ вздорятъ. Тотъ говоритъ: въ твою дыру скотина попала! А другой: нѣтъ, говоритъ, у меня крѣпко на-крѣпко загорожено, это у тебя все упало! Кажинное утро стонъ стоялъ на деревнѣ. Ругались, ругались, корили другъ дружку, и удумалъ этотъ Ѳедотъ: вотъ, ребята, напишемъ приговоръ, что ежели у кого на огородѣ дыра, того на этой самой дырѣ сичасъ стегать. И чтобъ крѣпко было! Не спорить чтобъ супротивъ этого приговору. Погалдѣли мужики, думаютъ: и впрямь Ѳедотъ ладно удумалъ! Давай приговоръ писать. Миколка, что у насъ позапрошлое лѣто въ казакахъ жилъ, грамотѣ-то знаетъ— сичасъ все это въ томъ приговорѣ прописалъ — отъ мужиковъ руки отобрали, староста Антонъ печать прикоптилъ—все, какъ слѣдуетъ, справили. Ну, ладно. Стали мужики чаще на огороды ходить—не охота тоже никому драному-то быть. Только у Панфилихи дѣлка некому починить — хозяинъ въ людяхъ, а баба что можетъ? Вотъ, въ Петровки, какъ ужъ овесъ-отъ почесь бронится сталъ, и вломи къ ней весь табунъ. Знамо дѣло, табунъ большой, кони съ паренины-то голодные, може еще съ вечера попали, шибко потравили — у Ѳедота некакъ двѣ ли, три ли полосы лоскомъ полбжили. Обозлились мужики: стегать Панфилиху! Та ревѣть, въ ногахъ валяется. Гдѣ тебѣ! знать ничего не хотятъ. Разложили да и выстегали. Ѳедотъ-отъ и стегалъ, а Кузьма да Антипка за руки да за ноги держали. Знатно всполосовали. Ну, Панфилиха, съ сердцовъ-то, прямо въ волость. Реветъ не своимъ голосомъ, какъ-де бабу истиранили! Старшина ей: за дѣло, говоритъ. Гляди напредки. Не хвалитъ же вашего брата за этакія дѣла! Этакъ, говоритъ, вы и весь хлѣбъ стравите! Да писарь, Ларивонъ Сидорычъ, на Ѳедота сердитъ въ тѣ поры былъ. Сичасъ Панфилихины рѣчи въ книгу. Выстегали, молъ, бабу. Не по закону, вишь, сдѣлали,—нельзя по закону бабъ драть. Ну, на судъ. Черезъ недѣлю ли, али тамъ какъ,—въ волостномъ и судили. Ну, судьи спервоначалу и говоритъ: нѣтъ въ томъ Ѳедотовой вины, что Панфилиху выстегали. Первымъ дѣломъ, такъ ей, паскудѣ, и надо; зачѣмъ огородъ не огородитъ? Другимъ дѣломъ, у мужиковъ приговоръ сдѣланъ, и печать приложена. Значитъ,

по закону. Такъ писарь не туды гнётъ. Нётъ, говоритъ, ребята, не такъ, не ладно судите. Указъ, говоритъ, такой есть, что бабъ стегать не велѣно. Ѳедотова тутъ вина. Надо его засудить. Да. Ну, судьи, знамо дѣло, неграмотные; кто-жъ его знаетъ, есть такой указъ, али нѣтъ, писарь ли про его просто выдумалъ, Ѳедоту въ насердку, али и взаправду не велѣно. Судили, рядили, и положили, чтобъ Ѳедоту Панфилихѣ полтину денегъ заплатить. А Панфилихѣ-то ужъ и не до суда. Вся деревня на нее взъѣлась, поѣдомъ ѣдятъ,—вишь, зачѣмъ въ волость жаловалась, супротивъ деревенскаго приговору пошла. Изъ деревни, и съ ребятишками, сулятъ выжить. Знамо дѣло — міръ; что супротивъ его подѣлаешь? Ну, повершили судьи дѣло такимъ манеромъ. Только на тотъ самый разъ члена въ правленье-то нелегкая и нанеси, и вычитай онъ въ книгѣ-то, что бабу выстегали, и что судьи ей за то полтину денегъ присудили. Взъѣлся членъ. Это, говоритъ, что такое? Какъ они смѣли? А вы — это писарю-то и старшинѣ — чего, говоритъ, смотрѣли? Нешто можно, говоритъ, отъ такого дѣла полтиной откупиться? Въ острогъ, говоритъ, ихъ, разбойниковъ, надо! Сичасъ за Панфилихой послали. Выдрали тебя? членъ спрашиваетъ. Охъ, батюшко, постегали маленько! Это Панфилиха-то, говоритъ, боится,—вишь, чтобъ мужики-то пуще не осерчали, и забыла ужъ, какъ ревѣла-то, когда драли-то ее! Ну, членъ съ собой все дѣло взялъ въ присутство, что ли, тамъ какое. И таскаютъ теперь Ѳедота ужъ который разъ въ городъ. И старосту-то, Антона, тоже—зачѣмъ, говорятъ, къ такому беззаконію печать прикладывалъ! Вотъ и путаются. Писарь стращаетъ дюжо. Худо, говоритъ, вамъ будетъ! Панфилиха-то ужъ три раза, никакъ, въ городѣ-то была — все по начальству: вишь, не проситъ она на Ѳедота, миролюбно съ нимъ всѣ дѣла прикончила! Только ужъ теперь ейныя слова и во вниманье не берутъ—судить ладятъ по закону. Вишь, сказываютъ, нонѣ все по новому — и помириться, значитъ, нельзя. Чудно что-то! Нешто это порядокъ?

Бьетъ девять часовъ. Ивана Егорыча, выпившаго во время этого разсказа четыре кружки горячаго чая, прошибъ потъ.

— Утре опять сѣно возить будемъ,—говоритъ онъ, берясь за дверную скобку.

— Ладно, возите,—подтверждаю я его предложеніе изъ прихожей.

II.

Полдень. На черное крыльцо выскочила изъ сѣней горничная дѣвушка, уперлась руками въ бока, и закричала:

— Иванъ!

Никто не откликнулся. Дѣвушка опять кричитъ:

— Иванъ!

Минутъ пять продолжается это воззваніе къ Ивану. Голосъ дѣвушки доходитъ до самыхъ верхнихъ нотъ.

Наконецъ ворота каретнаго сарая, расположеннаго шагахъ въ пятидесяти отъ крыльца, немного отворились и на порогѣ показался молодой парень. На немъ накинутъ полушубокъ; подъ полушубкомъ видны желтая кумачная рубашка и затасканные плисовые шаровары. Въ правомъ ухѣ серьга, на пальцахъ кольца, вся голова въ кудряхъ.

— Чево тебѣ?

— Ишь ты, лѣшій, право лѣшій!—кричитъ высочайшимъ фальцетомъ горничная:—кричишь, кричишь, не докричишься! Уши, что-ли, у тебя заложены? Окаянный чортъ!

— Ну, ну, не лайся! Не кипятись, выкипишь! хладнокровно вставляетъ Иванъ.

— Не лайся, выкипишь!..—передразниваетъ его въ сердцахъ горничная.—Чтобъ тѣ провалиться, проклятому! И кажинный-то день этакъ—измаялъ ты меня, аспидъ!

— Не торопись, поспѣешь! Что еще тамъ стряслось?

— Барыня приказали въ красненькія санòчки лошадь заложить, онѣ кататься поѣдутъ.

— Ишь, не сидится имъ дома-то! А ты бы сказала, что, молъ, холодно, сударыня! Ножки, молъ, отзнобите!

— Да, какъ же! Не знаютъ они. Поди, ужъ разъ пять съ утра-то въ градусникъ смотрѣли. Въ градусникѣ-то все прописано, холодно ли, тепло ли!

— Ну, тоже поди не все! Гдѣ же все!—какъ-то скептически замѣчаетъ Иванъ, и идетъ къ крыльцу.—Эхъ, жисть!—продолжаетъ онъ, подвигаясь къ горничной.—А какая вы красавица нонече стали, Катерина Петровна! Пава павой! Фу-ты, ну-ты, прочь поди! Краля, одно слово!—И онъ всей пятерней хлопаетъ дѣвушку по спинѣ.

— Ишь ты, чортъ, медвѣдь! право, медвѣдь!—Но въ голосѣ дѣвушки нѣтъ сердца, есть даже какое-то поощреніе — ей очевидно пріятна увѣсистая ласка деревенскаго Донъ-Жуана.

Оба скрываются за дверью.

Кучеръ Иванъ живетъ у меня уже лѣтъ восемь. Ему двадцать второй годъ—прошлой осенью онъ призывался въ призывъ, но, будучи льготнымъ по семейному положенію, не попалъ въ солдаты. Онъ поступилъ ко мнѣ мальчишкой лѣтъ четырнадцати, нѣсколько времени состоялъ на побѣгушкахъ, потомъ перешелъ въ артель рабочихъ, и вотъ уже года три, какъ произведенъ въ кучера, послѣ того, какъ прежняго сдали въ солдаты. Я очень доволенъ имъ: онъ характера веселаго, не пьетъ ничего и бережетъ лошадей. Въ дорогахъ, при покупкѣ корму, крадетъ очень умѣренно, не больше гривенника съ рубля,—никогда не опоилъ ни одной лошади; всякое порученіе исполняетъ аккуратно и точно; когда посылается въ городъ, возвращается всегда въ срокъ,—короче, при настоящемъ составѣ нашего рабочаго люда, лучшаго кучера и желать нельзя.

Дорогой онъ безпрестанно разговариваетъ — смерть не любитъ ѣхать молча. Я подозрѣваю, что когда ему приходится ѣздить одному, онъ философствуетъ самъ съ собой, вслухъ. Такъ какъ онъ никогда не сплетничаетъ и не наговариваетъ ни на кого, то я очень люблю бесѣдовать съ нимъ дорогой. Всякой бездѣлицы достаточно, чтобъ вызвать у Ивана безконечные разсказы.

Вчера я ѣздилъ къ сосѣду, нѣкоему Пущину, верстъ за двадцать. Только-что проѣхали первую деревню, нагоняемъ подводу.

— Подержи маленько!—кричитъ Иванъ.

Но на подводѣ не замѣчается никакихъ признаковъ разумнаго управленія лошадью. Оказывается, что ѣдетъ священникъ и съ нимъ крохотный мальчикъ за кучера — лошадь не слушается ребячьихъ рукъ, а служитель только безсвязно говоритъ что-то и безпомощно барахтается въ широкихъ пошевняхъ.

— У, долговязый!—замѣчаетъ Иванъ, когда наконецъ намъ удается объѣхать подводу.

— Что-жъ ты его такъ обзываешь, вѣдь онъ священникъ!—замѣчаю я.

— Священникъ! Знаю, что кутья. Вотъ, кабы съ имъ сумка была, ну, тогда нельзя его ругать, ни-ни! а безъ сумки ничего, можно. Безъ сумки онъ такой же, какъ я!

— Какъ такъ?

— Да такъ. Ужъ это вѣрно. Я отъ бабки Лукерьи самъ слышалъ, а она до всѣхъ этихъ дѣловъ дошла. Ей какъ не

знать—весь вѣкъ по церквамъ да по богомольямъ шляется. На семнадцати, сказываютъ, священьяхъ была. Старуха дошлая!

Что тутъ станешь возражать? Очевидно, бабка Лукерья для Ивана безаппеляціонный авторитетъ.

— Да и попъ-то нашъ: изъ нашего прихода,—продолжаетъ Иванъ. — Ничего, попъ хорошій: отъ его нѣтъ прижимки мужику; вотъ только пиво пить дюжо лютъ. А то нешто, попъ важный. Не то, что въ Косовѣ—тамъ такъ вовсе скаредъ! Дюжо прижимаетъ нашего брата.

Въ это время намъ приходится разъѣзжаться съ встрѣчными санями. Широкія пошевни, пара гусемъ, раскрашенная цвѣтами невысокая дуга съ дребезжащимъ крестьянскимъ колокольчикомъ, два синихъ тулупа на заднемъ сидѣньи, возница въ какомъ-то невозможномъ треухѣ—очевидно деревенское начальство.

— Это косовскій старшина съ писаремъ,—сейчасъ же поясняетъ Иванъ.—Должно, къ члену, въ Горѣлово, ѣдутъ!

— А ты почемъ ихъ знаешь?

— Да осенесь, какъ на ставку-то возили, со всего участку старшинъ и писарей видѣлъ. Всѣ къ пріему-то собравшись были, кажинный со своими некрутами. Поватажились они тутъ съ ними! Что смѣху-то было!

— А что?

— Да какъ-же. Наказъ имъ, старшинамъ-то, строгой — своихъ некрутовъ не распущать. Чтобы, значитъ, какъ кликнуть, такъ чтобы тутъ и былъ, чтобъ не искать ихъ, не дожидаться начальству-то. А нешто за ими углядишь? у иного съ волости-то сотня, а то и болѣ. Разошлись по селу-то, который выпивши, а который и вовсе пьяный. Кабакъ-отъ съ утра заперли; да рази за цѣловальникомъ-то усмотришь? Какъ же, держи карманъ! Спереди-то у его заперто, и замокъ виситъ—а изъ задней избы такъ вино четвертями и таскаютъ, такъ и таскаютъ! Коло полденъ ужъ почесть весь народъ вовсе пьяный былъ. Старшины-то съ писарями въ кріюли забѣгали. Изъ пріема-то кричатъ: такой-то! а такого-то и слѣдъ простылъ! Ищи его, какъ ёнъ безъ заднихъ ногъ гдѣ-нибудь на задворкахъ валяется. Нашъ поспѣловскій Сидорка легъ осередь улицы, да благимъ матомъ и давай орать: Хочу царю служить! ведите меня въ пріемъ! А у его вторая льгота была, знаетъ, что не попадетъ. Старшина его унимать, а ёнъ пуще: подите всѣ къ лѣшему! Хочу служить! Ну, тряснули его, замолчалъ. Насилу съ дороги стащили: не пропущаетъ никого! Вотъ Оську, такъ того смерть жалко! Такъ и не пилъ ничего, сердечный: все плакалъ, все плакалъ! Да и чудно это:

одинъ сынъ у матери, одинъ кормилецъ, а сдали! Ужъ кому, кому не просили—все безъ пользы! Самому архирею прошенье подавали—ничего не сѣло!

— Какъ архіерею?

— Да такъ, сказываютъ, самому архирею. Матка-то евоная, Микѣшиха-то, ѣздила, ѣздила: и въ городъ-то, и въ губернію—вездѣ все одно рѣшенье: служить Оськѣ! Ну, она и сошла къ бабкѣ Лукерьѣ, та ей и говоритъ: дура ты, дура! Архирея-то и забыла! А въ ёмъ, вишь ты, вся сила! Написали архирею прошенье: Такъ, молъ, и такъ, не слѣдъ, молъ, Оськѣ въ солдаты идти, одинъ сынъ у матери; защити, ваше благородіе! Ну, вышло и отъ архирея рѣшенье: служить Оськѣ! И писарь въ волости, и Горѣловскій баринъ сказывали Микѣшихѣ, что только убыточится занапрасно съ прошеньями-то, что нельзя Оську ослобонить. Такъ нѣтъ вѣдь, не вѣритъ никому. И посичасъ все начальства ищетъ, кому бы попросить, чтобъ Оську изъ службы выпустили!

— Да какъ же это, вѣдь Оська-то и въ самомъ дѣлѣ одинъ сынъ! Тутъ что-нибудь да не такъ!

— Да видите, баринъ, Микѣшиха-то за Микѣшу-то за вдоваго вышла. У его отъ первой хозяйки еще сыновья были: одинъ-то большакъ, Филькой покойника звали, года тому три, али и больше, померъ; а другого-то, Алёху, еще Скипидаромъ прозвали, еще при Филькиной живности въ солдаты сдали. Онъ Микѣшихѣ-то пасынкомъ будетъ—ну, вотъ его лѣтось по билету выпустили, да, сказываютъ, къ Микѣшихѣ-то и приписали. А служитъ онъ гдѣ-то далеко, тамъ оженился, да какъ въ безстрочный-то вышелъ, тамъ на жительство и остался. Вотъ теперь у Микѣшихи-то и выходитъ, что въ семьѣ пасынокъ — Скипидаръ-то этотъ—да сынъ, Оська. Двойники выходятъ. Ну, Оську и забрили; и нѣтъ ему изъ-за Алёхи-то льготы. И стукай теперь! А Микѣшихѣ отъ Алехи какая польза? Живетъ онъ за тридевять земель, а и домой придетъ ежели, все же онъ ей не кормилецъ, не родной сынъ! Нѣтъ, это не правильно господа удумали, пасынка съ сыномъ на одну линію ставить!

Я уже не слушаю дальнѣйшихъ разсужденій Ивана. Когда-то мнѣ приходилось принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ нашего уѣзда; я игралъ активную роль во всѣхъ этихъ присутствіяхъ, и теперь мнѣ невольно пришли въ голову нѣкоторыя несообразности новаго закона о воинской повинности, и тѣ тяжелыя сцены, которыя разыгрывались въ моемъ присутствіи, благодаря этимъ несообразностямъ. Вспомнились мнѣ старухи-

матери, ихъ рыданія и горе—скверныя минуты приходилось переживать намъ, исполнителямъ!

Какъ теперь помню вдову, привозившую послѣдняго сына и остававшуюся съ невѣсткой и четырьмя ребятишками малъ-мала меньше. У ней было два сына: старшій за два года до ставки младшаго ушелъ въ Питеръ на заработки, да такъ и пропалъ—точно канулъ въ воду. На большой ли дорогѣ пришибли его, потонулъ-ли въ Невѣ, или померъ въ больницѣ и затерялся при безконечной пересылкѣ по разнымъ инстанціямъ его паспортъ—такъ и до-сихъ поръ ничего неизвѣстно, вѣрно только, что пропалъ человѣкъ безъ слѣда. Осталась послѣ него вдова-не-вдова съ четырьмя малыми ребятами. По уставу исключается изъ списка безвѣстно пропавшій только въ томъ случаѣ, если прошло болѣе трехъ лѣтъ послѣ его отлучки — а второй и послѣдній сынъ вдовы попалъ въ призывной списокъ, когда не прошло и двухъ лѣтъ послѣ исчезновенія старшаго. Ему нельзя было дать никакой льготы— вѣдь старшій братъ по спискамъ считался на лицо. И привезла старуха на ставку послѣдняго сына, послѣднюю надежду и опору своей старости. Парень былъ молодецъ и красавецъ—приняли его безъ всякаго колебанія. Остались въ домѣ дряхлая старуха да соломенная вдова, связанная четырьмя ребятишками; въ самое короткое время пошло прахомъ долгою трудовою жизнью скопленное добро: пораспродали сироты сначала лошадокъ и коровъ, принялись потомъ за прочій домашній скарбъ—и черезъ три года пошли побираться по добрымъ людямъ! Пропалъ совершенно когда-то зажиточный и исправный крестьянскій домъ!

Помню я и такой случай. Какъ-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ молодой парень. Крытый сукномъ полушубокъ, сбруя наборная, лошадь стоитъ рублей сто—видно, что изъ хорошаго, богатаго дома.

— Что тебѣ, братецъ?

— Да вотъ, батюшка, пріѣхалъ о своемъ дѣлѣ вашу милость побезпокоить. Я изъ Тесова.

Тесово—большое, богатое село на большой дорогѣ, верстъ пятьдесятъ отъ меня.

— Какое же твое дѣло?

— Да вотъ, батюшка, лѣтось померли у меня родители. И батюшка, и матушка. Остался одинъ, да двѣ махонькія сестренки у меня на рукахъ. Живемъ мы исправно. Лошадей четверка, все крестьянское заведенье какъ слѣдуетъ, купленной земли двадцать семь десятинъ. Только бы жить. Только теперича, какъ

померли старики, царство имъ небесное, некому стало въ дому управляться, да и работáть некому. Все одинъ. Ни тебѣ хлѣбовъ испечь, ни тебѣ щей сварить, ни тебѣ рубаху выстирать. Бьюсь безъ бабы.

— Такъ ты бы женился. Который тебѣ годъ?

— Да вотъ Успенья девятнадцать исполнилось. Былъ я у попа, у нашего. Ничего, говоритъ, жениться можно, лѣта твои вышли. Сватай, говоритъ, я обвѣнчаю.

— Такъ чего же тебѣ отъ меня-то надо? Женись да и дѣло съ концомъ!

— То-то, женись. Жениться-то не хитро, за меня всякая пойдетъ. Да вишь ты, опасаюсь, какъ-бы въ солдаты не угодить. Не былъ я еще у пріема-то. Не знаю, будетъ ли мнѣ вольгота-то. У однихъ спрашивалъ, сказываютъ, будетъ, у другихъ, сказываютъ—не будетъ! Кто его знаетъ! Кто говоритъ: одиночка, безпремѣнно останешься, а кто — одиночка, безпремѣнно забрѣютъ! Вотъ я и пріѣхалъ къ вашей милости. Вамъ доподлинно ужъ всѣ эти дѣла извѣстны. Сказываютъ, вы у пріема-то набольшій! Что-жъ, забрѣютъ меня, али нѣтъ?

— Ты говоришь, у тебя двѣ сестры есть, маленькія?

— Да большухѣ-то, годовъ никакъ съ восемь, а меньшой-то годковъ съ пять, не болѣ.

— Ну, такъ ты можешь смѣло жениться. По закону, если у тебя есть младшія сестры или братья не-работники, тебѣ полагается льгота перваго разряда. Ни въ какомъ случаѣ не возьмутъ въ солдаты.

— Окромя того, еще баушка у меня же живетъ, батюшки покойника матушка. Только вовсе ужъ слѣпая, и не видитъ, и не слышитъ ничего. И съ той бѣда. Все доглядъ нуженъ, завсе,—а то либо спалитъ что, либо сама расшибется—убогой вовсе человѣкъ!

— Тѣмъ болѣе ты имѣешь права на льготу. И однѣхъ сестеръ, и одной старухи довольно, чтобъ тебя записали въ первый разрядъ.

— Покорно благодаримъ, батюшка, что растолковали, а то никакъ не могъ толку добиться. Кто что говоритъ. Знамо дѣло: почемъ намъ знать? Счастливо оставаться!

И парень, очень довольный, уѣхалъ.

Черезъ два года мнѣ же пришлось принять его, уже женатаго, въ солдаты. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ его свадьбы (а женился онъ недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ побывалъ у меня) на село налетѣла оспа—обѣ сестренки моего молодца

отправились одна за другой на кладбище, а старуха бабушка померла вслѣдъ за ними. Парень оказался одиночкой и права на льготу уже не имѣлъ. Ко времени пріема у него былъ ребенокъ и жена была беременна другимъ.

— Эхъ, баринъ!—сказалъ онъ только, когда, послѣ осмотра, я закричалъ:—годенъ!

А что тутъ подѣлаешь?

Продалъ мой парень все свое хозяйство. Такъ какъ онъ до послѣдней минуты разсчитывалъ, что какъ-нибудь отвертится, то и задержался продажей до самаго пріема. Пришлось распродать все круто — распустили новобранцевъ послѣ пріема по домамъ всего недѣли на двѣ. Деревенскіе кулаки, конечно, не преминули прижать молодца — да притомъ и продавалъ-то онъ все полупьяный, шибко загулялъ, какъ сдали — и вотъ тысячное хозяйство пошло чуть не задаромъ. Парень взялъ и жену, и ребенка съ собой на службу. Пропалъ и этотъ домъ.

Ивану, между тѣмъ, должно быть надоѣло разсуждать одному. Онъ не любитъ, когда я молчу.

— Баринъ, а баринъ!

— Что ты, Иванъ?

— Да сичасъ и до Омельянихи доѣдемъ. Ужъ рядомъ.

До сосѣда остается еще верстъ пять, но Ивану необходимо привлечь чѣмъ-нибудь мое вниманіе, и онъ не придумалъ для этого ничего лучшаго. Мы объѣзжаемъ двѣ подводы съ дровами: лошаденки тощія, облѣзлыя; сбруенка кое-какая, съ лыкомъ и мочалой, мужики плохо одѣты, скрюченные и сморщенные.

— Эхъ вы, голь непокрытая!—привѣтствуетъ ихъ Иванъ.— Это выползовскіе, откуль дядя Иванъ, староста. Бѣдно живутъ! —обращается онъ уже ко мнѣ, когда подводы остались сзади.

— Знаю, что не богачи.

— И жисть же у нихъ, каторжная жисть! Какъ и живутъ только! Ни тебѣ воды въ деревнѣ, ни дровъ, ни жердья! А хлѣбъ-отъ и вовсе не растетъ. Только вотъ дядя-то Иванъ и живетъ нешто, ребятишки-то сыты; а то вся деревня ужъ съ Рождества по міру ходитъ!

Дѣйствительно, не богато живутъ въ Выползовѣ. Какъ-то еще въ блаженной памяти съѣздѣ посредниковъ, по поводу безобразнаго накопленія недоимокъ на этой деревнѣ, мнѣ пришлось разсматривать ихъ планы и документы, а также описи ихъ имущества и подворные семейные списки. По справкамъ оказалось, что ни въ деревнѣ, ни во всемъ надѣлѣ нѣтъ воды, и мужикамъ приходится ѣздить за нею версты за двѣ, на чужой родникъ.

Деревня эта основана недавно, кажется въ 1859 году, переселена помѣщикомъ изъ другого мѣста; переселено было, помнится, 30 душъ обоего пола, а когда я разсматривалъ документы, лѣтъ черезъ 15 послѣ переселенія, оказалось на лицо всего 23 жителя, хотя и не было въ деревнѣ никакихъ эпидемій. Очевидно, населеніе вымираетъ.

— Дядя-то Иванъ сказывалъ,—повѣствуетъ между тѣмъ Иванъ, что прежде-то, допрежь того, какъ ихъ изъ села-то вывезли, жили они хорошо. Какъ вывозили-то ихъ, онъ въ службѣ былъ. Пришелъ, сказываетъ, братцы, домой, нѣтъ ни деревни, ни мужиковъ! Баринъ-то ужъ на ихнемъ селищѣ огороды развелъ, а писемъ-то ему туда, въ службу-то, не писали что-ли, али не доходили, кто его знаетъ! Только, пришелъ я, говоритъ, нѣту моей избы! Ровно все куды провалилось! Ну, сказали ему въ усадьбѣ-то у барина,—что вывезли всѣхъ мужиковъ передъ волей на пустошь, новую деревню какъ-то мудрено прозвали, и не выговоришь, да мужики по своему Выползовымъ окрестили, вишь ты, вывезенные, молъ, не притоманные тутошніе. Сошелъ я, сказываетъ, и на Выползово. Куды все дѣвалось! У дяди Андрея, какъ сдавали меня, говоритъ, была тройка коней, добрые были кони! А тутъ нѣтъ ни шерстины на дворѣ, все проѣли! Моихъ стариковъ и на бѣломъ свѣтѣ давно нѣтъ, а братъ, Кирюшка-то, вовсе опустился! Потужилъ я, въ тѣ поры, говоритъ, братцы, въ волю!

— Ну, теперь-то ему, кажется, не объ чемъ тужить! Живетъ онъ исправно.

— Да вѣдь онъ, сказываютъ, что денегъ-то со службы принесъ! Было на что домъ справить. Да и теперь, сколько ужъ годовъ эко мѣсто жалованья у насъ получаетъ! Дивья ему житьто! И хозяйка у его работящая, и ребята подросли: Дарька-то ужъ почесть невѣста, а парнишко и коситъ, и пашетъ. Ему жить просто. Нѣту въ семьѣ дармоѣдовъ. А вонъ у моего батьки: девять душъ за столъ-то сядетъ, а работать некому! Я завсе въ людяхъ, ужъ колькой годъ у васъ живу, съ измалѣтства, мамка все хвораетъ. Акулькѣ всего съ Петровокъ шестнадцатый пошелъ—только лѣтось косить начала!

— А что, хотѣлось бы, небось, тебѣ дома-то пожить?

— Эка невидаль! Я ужъ и забылъ, какъ дома-то живутъ! Теперь и полосы своей въ полѣ не найти. Привыкъ ужъ я у васъ. И дома то тоже, не на печи лежать вѣдь! Тоже батька, поди, работать заставитъ. У меня батька сердитый, страсть! Эхъ

вы, соколики!—обратился онъ вдругъ къ лошадямъ, подъѣзжая къ подъѣзду.

Пріѣхали. Оказалось, что Пущинъ уѣхалъ на лѣсную заготовку. Меня приняла его жена, бойкая и красивая барыня, лѣтъ тридцати. Она воспитывалась въ одномъ изъ петербургскихъ модныхъ институтовъ, уже лѣтъ десять замужемъ и безвыѣздно живетъ въ усадьбѣ мужа. Институтскія замашки совсѣмъ испарились, она много читаетъ и толково занимается съ своими дѣтьми. Я очень люблю бесѣдовать съ Катериной Степановной.

— А Павелъ Семеновичъ сейчасъ будетъ. Озябли? Чаю хотите?

— Пожалуйста. Не то, что озябъ, а далеко до васъ. Ѣдешь, ѣдешь! Послѣ такого путешествія съ удовольствіемъ пьешь теплый чай.

— Сейчасъ будетъ. Извините, я распоряжусь только.

И хозяйка вышла.

Гостиная у нихъ очень теплая, уютная; мебель новая, мягкая, въ чехлахъ. Въ углу топится каминъ. На столѣ развернута новая книжка журнала, еще не совсѣмъ разрѣзанная. На одной стѣнѣ портреты Лермонтова, Шиллера и Бокля; на другой—двѣ фотографическія группы—одна, въ которой фигурируетъ хозяинъ, съ нѣсколькими пріятелями, очевидно еще въ молодые годы, другая—хозяйка съ институтскими подругами. Въ гостиной немного темно отъ широкаго, большого балкона, который выходитъ въ старый, роскошный садъ.

— Вотъ и я. Ну, какъ поживаете? Что у васъ, кругомъ, по деревнямъ, не болѣютъ ребятишки?

— Какъ не болѣть, конечно, болѣютъ!

— Да я не объ томъ спрашиваю. Знаю сама, что они болѣютъ безпрестанно. Нѣтъ-ли эпидемій, оспы, дифтерита? Я такъ просто истомилась за это время. Боюсь за своихъ. Кругомъ вездѣ оспа. Вотъ въ Погорѣловѣ — всего верста отъ насъ, знаете?— вчера двое умерло. Просто бѣда. Не изолируешься никакъ. У мужа дѣла, постоянно то тотъ, то другой. Какъ тутъ убережешься? Какъ который раскраснѣется, или голова заболитъ, такъ и думаешь: Господи, ужъ не оспа-ли? Измучилась я нынѣшнюю зиму!

И хозяйка тяжело вздыхаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы похудѣли что-то, Катерина Степановна!

— Похудѣешь по-неволѣ. Вотъ Павелъ Семеновичъ, тотъ ничего. И, матушка, говоритъ, чего по-пусту мучиться! Поспѣ-

ешь наплакаться и тогда, когда въ самомъ-дѣлѣ захвораютъ. Поговорите-ка съ нимъ! Я иной разъ просто сержусь. А Мордвиновъ, какъ нарочно, что ни пріѣдетъ, все такіе ужасы разсказываетъ!

— А, Мордвиновъ! Я ужъ давно не видалъ его. Ну что, скажите, какъ онъ поживаетъ? Ему, вѣроятно, съ этими эпидеміями теперь хлопотъ по горло?

— И не говорите! Вѣдь вы его знаете. У людей больные, а онъ мучается. Кажется, съ каждымъ больнымъ самъ умираетъ. Нѣтъ, не годятся такіе люди въ наши земскіе врачи. Не долго наживетъ у насъ. Похудѣлъ, поблѣднѣлъ — въ чемъ душа держится. А все ѣздитъ, все ѣздитъ. Я ужъ не знаю, какъ съ нимъ и быть. Иной разъ разболѣется который изъ дѣтей, и послать за нимъ совѣстно, думаешь: а какъ это такъ, къ утру пройдетъ, а ему, бѣдному, тащиться за двадцать пять верстъ. Можетъ быть, только-что изъ уѣзда пріѣхалъ. Онъ, вѣдь, знаете, иной разъ пріѣдетъ, найдетъ дома письмо отъ кого-нибудь, и чаю не напьется, спѣшитъ ѣхать. Какъ-то тутъ, въ распутицу, представьте, верхомъ къ намъ пріѣхалъ, и безъ сѣдла, на какой-то попонкѣ. Ужъ Павелъ Семеновичъ насильно ему сѣдло навязалъ!

Чай готовъ. Мы идемъ въ столовую.

— А гдѣ же молодое поколѣніе, Катерина Степановна?

— Да на верху. Развозились тамъ. Старшіе-то уроки свои кончили, теперь бѣгаютъ. Здѣсь-то я не позволяю — и лампы, и посуду, все перебьютъ. Какъ-то тутъ Шурка такъ разлетѣлся изъ залы, что чуть весь столъ не уронилъ — и самоваръ, и стаканы, все на полъ полетѣло. Какъ еще самъ цѣлъ остался. Ну, а на верху просторно — негдѣ расшибиться, носись, какъ хочешь! А какъ они Мордвинова любятъ, вы не повѣрите! Лиля, та теперь ужъ на положеніи большой дѣвочки, книксены гостямъ дѣлаетъ, — а пріѣдетъ онъ, сейчасъ на шею бросится и давай прямо въ губы цѣловать! Всѣ такъ гурьбой на встрѣчу и кинутся, какъ услышатъ, что онъ тутъ, и не удержишь ихъ. И Женя туды же, великъ-ли еще весь-то, а непремѣнно со всѣхъ ноженокъ бросится.

Пока пили чай, подъѣхалъ и Павелъ Семеновичъ.

Это мужчина лѣтъ тридцати-пяти, высокій, сильный, красивый, съ окладистой бородой. Густые, длинные волосы онъ зачесываетъ назадъ; въ зубахъ постоянно сигара. Одѣтъ онъ неизмѣнно въ сѣрый, съ зелеными отворотами, охотничій пиджакъ съ клапанами, и длинные личные сапоги.

Пущинъ отлично учился въ одной изъ петербургскихъ гимназій, затѣмъ перешелъ въ университетъ, но съ третьяго, кажется, курса, долженъ былъ почему-то выдти и поселиться въ своей усадьбѣ. У него хорошія средства; онъ не жалѣетъ денегъ на свое хозяйство, толково ведетъ его и никогда не прижимаетъ мужика. За то и мужикъ, если ему приходится говорить о Павлѣ Семеновичѣ, непремѣнно одобрительно крякаетъ, крутитъ рукой въ пространствѣ и говоритъ: дюжо добрый баринъ! Въ общественныя дѣла своего уѣзда онъ не вмѣшивается совсѣмъ, всѣ повинности всегда выплачиваетъ исправно и притомъ впередъ за годъ, и терпѣть не можетъ никакихъ столкновеній съ власть имущими. «Ну ихъ,—говоритъ онъ обыкновенно,—надоѣли! только пакостятъ! Да я семь верстъ крюку дамъ, чтобы со становымъ не встрѣтиться!» Катерина Степановна, подкрѣпляемая мною, часто нападаетъ на него за эту индифферентность; но Павелъ Семеновичъ, обыкновенно мягкій и уступчивый, въ этомъ отношеніи остается непреклоненъ—такъ и до сихъ поръ не удалось ни разу ни прогнать его самого на выборы, ни заставить дать кому-нибудь за себя довѣренность. «Нѣтъ ужъ,—говоритъ онъ въ такихъ случаяхъ,—слуга покорный! Путайтесь сами, какъ знаете, а меня оставьте въ покоѣ! Не хочу я воду съ вами въ рѣшетѣ носить!»

Читаетъ Павелъ Семеновичъ немного, преимущественно русскія и иностранныя сельско-хозяйственныя изданія. Русскихъ газетъ выносить не можетъ—зубами даже заскрипитъ, когда говорятъ объ нихъ.

— А, сколько лѣтъ, сколько зимъ! Что вы, батенька, совсѣмъ насъ забыли!

— Не забылъ, Павелъ Семеновичъ, да некогда! Долго осенью въ Петербургѣ пробылъ, дома всѣ дѣла запустилъ.

— Ну, какія у васъ дѣла! Дѣлами вы заняты! Знаю я, на диванѣ валяетесь, да вздоръ разный, газеты эти наши пакостныя читаете! Ужъ сколько разъ я вамъ говорилъ: бросьте, плюньте! Ну ихъ—только кровь портятъ!

— Портить-то портятъ, это вѣрно! Только нельзя же и не читать-то ихъ совсѣмъ, вѣдь одичаешь!

— Какъ нельзя не читать? Да вотъ я же не читаю! Давно ужъ махнулъ на нихъ рукой! И не думается: какую выписать, какую читать. Нѣтъ этого вопроса, который васъ, поди, всякій декабрь мучаетъ! Эта нехороша, а та еще хуже; эта бываетъ ничего, да иной разъ такое колѣно выкинетъ, что только руками разведешь. Нѣтъ, я себя отъ этого вопроса еще лѣтъ тому восемь назадъ избавилъ. Мнѣ сердиться запрещено. Вонъ другъ-то

ея сердечный, Мордвиновъ, строго воспретилъ. А что, неужели она ему еще передъ вами акаѳиста не прочитала? Вы давно ли пріѣхали?

— Ну ужъ, Павелъ Семеновичъ, началъ опять вздоръ-то молоть! Какъ тебѣ не надоѣсть, право! Оставь ты меня и Мордвинова въ покоѣ!

— Да, какже! Не разсказывала она вамъ, какъ она вчера изъ-за него Сидорову отдѣлала? Чуть въ глаза ей не вцѣпилась! Умора, ха-ха-ха!

И Павелъ Семеновичъ заливается добродушнѣйшимъ смѣхомъ.

— Еще бы не разсердиться было! Представьте,—обращается Катерина Степановна ко мнѣ,—пріѣхала вчера вечеромъ эта противная Сидорова. (Слово «противный» удержалось въ ней, кажется, единственнымъ памятникомъ институтской жизни). Терпѣть ея не могу!—И она даже брови сдвинула.—Ну, то да сё, разсказываетъ всякій вздоръ и вдругъ, неожиданно, перескочила на Мордвинова. Знаетъ, чѣмъ досадить и мнѣ, и Павлу Семеновичу...

— Ну, это, матушка, вздоръ. Мнѣ Сидорова никогда и ничѣмъ досадить не можетъ. Ты ужъ отъ своего лица разсказывай!

— Неправда! неправда! Я отлично видѣла, что и ты недоволенъ былъ! Ну, такъ перескочила эта противная Сидорова на Мордвинова. Какой, говоритъ, это докторъ, къ мужику внимательнѣе, чѣмъ къ дворянину! Носъ только поднимаетъ да фыркаетъ! Вообразите, говоритъ, третьяго дня моя Машенька заболѣла. Ну, натурально, жаръ ужасный, горитъ вся, чуть не бредитъ. Посылаю я за нимъ лошадей. Что-жъ-бы вы думали? не пріѣхалъ, и даже, невѣжа, письма не написалъ. Скажи, говоритъ, барынѣ, что сегодня недосугъ, операцію дѣлать буду, завтра утромъ пріѣду! Каково? Что-жъ, говорю я Сидоровой, вѣроятно у Мордвинова какая-нибудь серьёзная операція была. Помилуйте, говоритъ, какому-то мальчишкѣ съ Горѣлова лошадь ногу переломила, такъ онъ перевязывать сбирался, вотъ и все! Могъ бы подождать, говоритъ, ничего бы мальчишкѣ этому не сдѣлалось. А Машенька моя могла бы умереть—чѣмъ бы онъ тогда, говоритъ, передо мной отвѣтилъ? Я, конечно, не вытерпѣла. Помилуйте, говорю, Варвара Петровна, да вѣроятно ваша Машенька не особенно больна была вчера, если вы сегодня ко мнѣ изволили пожаловать! Да, говоритъ, я ее вчера домашними средствами на ноги поставила. Но вѣдь она могла серьёзно захворать! Да вѣдь не захворала, говорю я ей, а у мальчика-то могъ антоновъ огонь сдѣлаться, еслибъ во-время-то не перевязать ноги. И то, вѣроятно, много

времени прошло, пока его въ больницу привезли. Вѣдь отъ Горѣлова до больницы двадцать-пять верстъ. Не такой, говорю, Мордвиновъ человѣкъ, чтобы умышленно какую-нибудь невѣжливость сдѣлать. Все еще, знаете, ублажаю ее, да не впопадъ, должно быть, пришлось. Я, говоритъ, знаю, что вамъ, Катерина Степановна, эти заѣзжіе свистуны дороже насъ, столбовыхъ, коренныхъ здѣшнихъ дворянъ. Знаю, что вы къ Мордвинову особенно что-то расположены. Конечно, онъ очень пріятный молодой человѣкъ! Тутъ ужъ я вспылила, не выдержала характера...

Катерина Степановна вскочила со стула, и быстрыми нервными шагами заходила по комнатѣ.

— Ужъ видно мнѣ досказывать придется! Да, какъ выговорила это Варвара Петровна, моя Катя какъ вскочитъ, вотъ такъ же, какъ сейчасъ! Да и начала, и начала! Оставьте, говоритъ, ваши догадки про себя, Варвара Петровна! Я, говоритъ, слушать ихъ въ своемъ собственномъ домѣ не намѣрена! Поѣзжайте къ Куриловымъ, тамъ разсказывайте. Это, говоритъ, грязь и гадость! Ну, Варвара Петровна раскраснѣлась, какъ піонъ, да и въ двери. Теперь, слава Богу, недѣли двѣ не пріѣдетъ. Я радёшенекъ.

Павелъ Семеновичъ всталъ, подошелъ къ женѣ, взялъ ее за талію и тихонько посадилъ на мѣсто.

— И въ самомъ дѣлѣ, Катерина Степановна, что̀ вамъ за охота спорить о такихъ вещахъ съ Варварой Петровной? Вѣдь вы же знаете, какого сорта эта особа! Какой-то живой анахронизмъ!

— Помилуйте, вѣдь она еще совсѣмъ молодая женщина. Вѣдь она моложе меня. Она двумя годами послѣ меня изъ института вышла!

— Да бросьте вы ее! Ну, и самъ не радъ, что про нее напомнилъ. Пойдемте, батенька, въ кабинетъ: я вамъ чертежи новой жнеи покажу!

Поздно вечеромъ выѣхалъ я отъ Пущиныхъ. Сонный Иванъ не высказываетъ ни малѣйшаго желанія разговаривать и, изрѣдка вздрагивая и просыпаясь, кричитъ на лошадей.

III.

Дня черезъ два послѣ поѣздки къ Пущинымъ, я съ утра поѣхалъ на одиночкѣ съ тѣмъ же Иваномъ за рѣку, въ пустоши. Тамъ у меня есть сѣно. Между березовыми рощицами, кокетливо одѣтыми теперь серебристымъ инеемъ, идутъ, парал-

лельно одинъ другому, неширокіе, но довольно глубокіе лои, по которымъ сбѣгаетъ вешняя вода—трава тутъ растетъ хорошая, и сѣна ставится много. Въ сѣнокосъ какъ-то не удалось побывать тутъ—вотъ я и ѣзжу сегодня отъ одного метива къ другому, останавливаясь по временамъ вытащить изъ стога клокъ сѣна, посмотрѣть, зелено ли оно поставлено, и сохранился ли запахъ.

— Сѣно важное, хоть попа корми!—говоритъ Иванъ, подавая мнѣ третій или четвертый клокъ. Во время лѣтось попало эти лои подвалить—въ вёдро въ каменное. Нѣтъ, вонъ на рѣкѣ-то небось не такое сѣно: тамъ долго валялось, вовсе почернѣло. У Хрулева, сказываютъ, весь клеверъ въ навозъ валятъ. Сгнилъ, говорятъ, въ конецъ. Косили его въ первую косу, а лѣтось первая-то коса все съ дождемъ была. А клеверъ-отъ былъ страшенный. Сказываютъ, и косой не проворотишь. Ну, гдѣ-жъ его высушишь? Сушили, сушили, а все-жъ почесть совсѣмъ мокрый въ зароды метали. Теперь, сказываютъ, топорами рубятъ—смерзся, и не отдерешь его!

— Да вѣдь и мы въ первую косу клеверъ косили, а вѣдь у насъ не сгнилъ. Отчего же это у Хрулева-то онъ пропалъ?

— Видите, баринъ, у насъ работники его убирали, а дядя Иванъ, знамо дѣло, не прозѣваетъ. Никакъ наканунѣ Казанской день важный былъ, знатно сушило! Одинъ только денёкъ такой и выкинулся. Ну, дядя Иванъ всѣхъ и выгналъ, и горнишныхъ-то дѣвокъ у барыни выпросилъ—и я въ тѣ поры съ утра сѣно убиралъ, такъ и лошади не поены были почесть цѣлый день! А у Хрулева-то десятинщики, съ Пёхова. Ихъ въ тѣ поры весь день на сходкѣ продержали—депу, что-ли, какую строить заставляли. Староста-то хрулевскій раза три къ имъ гонялъ въ тотъ день,—да гдѣ! не отпустили. Такъ клеверъ-то и остался въ валахъ. А тутъ опять дожди пошли, мужики-то кажинный день бѣгали, бѣгали—небо-то не законопатишь! Что грѣха на душу съ этимъ клеверомъ приняли!

Ѣдемъ дальше.

— А вотъ, баринъ,—начинаетъ опять Иванъ,—какъ мы онога въ Омельянихѣ-то съ вами были, Макара, кучера ихняго, Пущинскаго, изъ больницы при насъ привезли. У его горячка была, шесть недѣль въ больницѣ вылежалъ. Добро, говоритъ, паря, и лежать было! Какъ у Христа за пазухой!

— А что?

— Да очень ужъ дохтура-то, Михайла-то Петровича, одобряетъ. Что, говоритъ, и за баринъ! Ночью-то, говоритъ, раза

три въ палату придетъ. До всего самъ доходитъ, у его фершалу ни въ чемъ вѣры нѣтъ. И чудной какой! Макарова-то матка приходила его спровѣдывать, и съ собой, дохтуру-то, съ десятокъ яичекъ принесла. Такъ куды! не взялъ. Мы, говоритъ, должны все даромъ дѣлать. Мы, говоритъ, жалованье получаемъ. А та, вишь, яйца-то ему подаетъ, проситъ, чтобъ Макара-то поберегли. У ей зятя, дочкина мужа, въ городѣ въ больницѣ лѣтось уморили. Сказываютъ, почесть вовсе здоровый былъ, какъ въ больницу-то попалъ, а тамъ въ три недѣли какъ свѣчка сгорѣлъ. Ну, она и боялась, чтобъ и съ Макаромъ того же не вышло.

— Ну, это, братъ, вздоръ. Ужъ не отъ больницы зять ея померъ. Вѣрно очень боленъ былъ.

— Кто-жъ его знаетъ, може и не отъ больницы! Только люди-то такъ сказываютъ. Завѣряютъ, что и по сичасъ живъ бы былъ, кабы не легъ тогда въ больницу. Вотъ ужъ Михайло Петровичъ, на что ужъ лучше дохтура? Кто ни лежалъ, всѣ одобряютъ. А все же въ больницу-то охотника мало. И Макара-то баринъ съ барыней почесть силой отправили—не ѣхалъ самъ-то! Ни-ни! Лучше ужъ, говоритъ, здѣсь помру, коли смерть придетъ!

Пріѣхали домой. У конюшни я вижу знакомую повозку и лошадей больничнаго стоечника. Значитъ, Мордвиновъ у меня! Я поспѣшно вбѣгаю на крыльцо и иду въ кабинетъ, откуда слышится знакомая походка доктора.

Михаилъ Петровичъ Мордвиновъ скорѣе небольшого, чѣмъ средняго роста. Онъ блондинъ; мягкіе, свѣтлые, длинные волосы часто падаютъ ему на лицо. У него длинная, волнистая, аккуратно расчесанная борода; темно-голубые глаза обыкновенно полузакрыты—рѣдко замѣтите вы въ нихъ теперь тотъ огонекъ, который, очевидно, въ дни ранней молодости, ярко горѣлъ въ этихъ глубокихъ, хорошихъ глазахъ. Онъ прекрасно сложенъ, голосъ у него тихій, мягкій, нѣжный; когда онъ возвышаетъ его, что́, впрочемъ, случается весьма рѣдко, въ немъ слышатся надтреснутыя, грудныя ноты. Онъ худъ и блѣденъ — очевидно утомленъ работой, ему около тридцати лѣтъ.

Когда-то, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, мы учились вмѣстѣ въ одной изъ петербургскихъ гимназій. Впрочемъ, Мордвиновъ былъ двумя или тремя классами старше меня. И въ гимназіи ужъ онъ выдѣлялся весьма замѣтно въ толпѣ товарищей. Всегда опрятно и чисто одѣтый, онъ терпѣть не могъ ничего грязнаго и циническаго; серьёзный и сосредоточенный, онъ читалъ цѣлый день, и въ классные, и въ рекреаціонные, и въ

занятные часы. Учился онъ такъ себѣ; придавая мало значенія нашимъ класснымъ урокамъ, онъ занимался ими лишь настолько, чтобъ безъ затрудненія переходить изъ класса въ классъ; это сдѣлалось особенно замѣтно въ старшихъ классахъ, когда и на нашу гимназію пахнуло новымъ духомъ начала шестидесятыхъ годовъ, а на каѳедрахъ все еще засѣдали безобразнѣйшіе представители старинной педагогіи. Въ гимназіи Мордвиновъ уже съ пятаго класса всегда былъ безсознательнымъ представителемъ ребячьяго протеста; онъ не выносилъ ни малѣйшаго насилія, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. И учителя, и гувернеры, обыкновенно безцеремонные, грубые, тыкавшіе всѣхъ воспитанниковъ, къ Мордвинову относились иначе—они невольно сознавали, что въ этомъ слабомъ, блѣдномъ мальчикѣ было что-то особенное. Онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію—и тамъ, съ перваго же курса, также безсознательно, какъ и въ гимназіи, сдѣлался чѣмъ-то замѣтнымъ, крупнымъ; его мягкій, нѣжный голосъ часто удерживалъ студентовъ отъ разныхъ выходокъ, необдуманныхъ демонстрацій, которыя, конечно, въ концѣ-концовъ только повредили бы горячимъ головамъ. За то время, какъ онъ былъ въ академіи, рѣдко случались недоразумѣнія между молодежью и начальствомъ — студенты добились многаго, благодаря умиротворяющему вліянію Мордвинова на обѣ заинтересованныя стороны. И теперь еще его товарищи вспоминаютъ его горячія, задушевныя рѣчи.

Во время пребыванія въ академіи съ Мордвиновымъ случился романъ не романъ, а нѣчто въ этомъ родѣ. Онъ сталъ, если можно, еще сосредоточеннѣе, еще серьёзнѣе. Профессора предлагали ему остаться при академіи. Онъ отказался, пробылъ по окончаніи курса нѣкоторое время въ Петербургѣ, вертясь въ самыхъ разнообразныхъ кружкáхъ, и, года три тому назадъ, принялъ мѣсто земскаго врача въ нашемъ участкѣ, далеко отъ города, съ больницей въ селѣ.

— Здравствуйте, милѣйшій докторъ! Что это вы, похудѣли, пожелтѣли?

— Ѣзда замучила, П. А.! Послѣднее время мнѣ что-то нездоровилось, а тутъ какъ нарочно, каждый день, каждый день—ни пообѣдать, ни выспаться путемъ не даютъ. Сегодня я къ вамъ на весь день—отдохнуть захотѣлось передъ отъѣздомъ.

— Какъ передъ отъѣздомъ? Куда вы собираетесь.

— Да собрался совсѣмъ покинуть ваши палестины. Прощайте!

— Что вы? Шутите!

— Нѣтъ, говорю совершенно серьёзно. Ужъ я и просьбу

послалъ въ управу объ отставкѣ. Дожидаю только своихъ документовъ да кого-нибудь, чтобы сдать больницу. Думаю черезъ три, четыре дня уѣхать.

Я вскочилъ.

— Да вы это въ самомъ дѣлѣ серьёзно, Михаилъ Петровичъ? Да что же случилось такое, скажите, ради Бога?

— Ничего особеннаго не случилось. Все обстоитъ благополучно. Только, во-первыхъ, усталъ ужъ я очень, силы измѣняютъ, а во-вторыхъ, и это, конечно, самое главное, окончательно я убѣдился въ томъ, что воду въ ступѣ толку, въ рѣшетѣ ношу!

— Ну, устали, возьмите отпускъ на мѣсяцъ, на два, на все лѣто, наконецъ! Зачѣмъ же совсѣмъ-то насъ бросать изъ-за этого? Не резонъ. Я и самъ знаю, что вы устали, работаете не въ мѣру. Уговаривать васъ относиться къ дѣлу полегче, какъ дѣлаютъ другіе, я, конечно, не стану, знаю, что это совершенно безполезно, не тотъ у васъ характеръ. Отдохните, за границу, что-ли, съѣздите, да и опять къ намъ — свѣжѣе прежняго вернетесь!

— Да это въ сущности вздоръ, утомленіе-то. Конечно, могъ бы отдохнуть. Вотъ, во-вторыхъ-то гораздо посолиднѣе, и вы даже едвали найдете какое-нибудь серьёзное возраженіе противъ этого во-вторыхъ!

— Ну, на эту тэму можно безконечные разговоры вести. И за, и противъ. Какъ смотрѣть на вещи! Я какъ сейчасъ помню нашъ первый разговоръ, когда вы только-что пріѣхали къ намъ; помните, я еще все васъ точно водой окачивалъ, оптимизмъ вашъ безконечный охлаждалъ?

Мордвиновъ слабо улыбнулся.

— И я не забылъ нашихъ горячихъ преній въ тотъ вечеръ. Въ сущности, я и теперь не отказываюсь отъ тѣхъ положеній, которыя защищалъ тогда. Напротивъ, я, если можно, еще сильнѣе буду поддерживать ихъ, служить имъ! Мнѣ кажется, что ошибка не въ нихъ. Они несомнѣнно вѣрны. Ошибка въ насъ самихъ! Мы-то неподходящіе, негодные люди!

— Что-же вы, выходцами XVIII вѣка, что-ли, насъ считаете?

— Напротивъ, здѣсь, въ деревнѣ, мы съ вами люди не XVIII вѣка, а, можетъ быть, XX, или XXV, словомъ люди далекаго будущаго. Мы такъ долго учились, такъ долго жили исключительно умственною жизнью, что утратили всякую возможность и понимать, и, главное, быть понятными для мужика. Мы, съ нашими понятіями и стремленіями, для него такая же китайщина, какою оказался бы для насъ какой-нибудь многоученый

алхимикъ, изъясняющійся на какомъ-нибудь халдейскомъ языкѣ. Что общаго имѣемъ мы, крайне незначительная по числу горсть людей съ тѣми десятками, сотнями тысячъ, которыя насъ окружаютъ, живутъ съ нами въ однихъ домахъ, а въ сущности отдѣлены отъ насъ безконечными, непроходимыми пространствами! Ну, скажите, какіе у васъ общіе интересы съ мужикомъ? Назовите ихъ! Даже физическія-то ощущенія у васъ разныя. У васъ прыщъ вскочитъ, вы за докторомъ посылаете—больно, неловко! А онъ ногу сломитъ, молчитъ, силой почти его въ больницу привезутъ!

Мордвиновъ вскочилъ, и нервно, порывисто заходилъ по комнатѣ. Его блѣдное лицо вспыхнуло, въ глазахъ загорѣлись огоньки, въ рукахъ онъ судорожно мялъ папироску, которую вынулъ изъ портъ-сигара еще до моего пріѣзда и все еще не закурилъ.

— Постойте, милѣйшій, не забѣгайте впередъ. Начнемъ по порядку. Скажите, ради самого неба, какое отношеніе имѣетъ этотъ вопросъ къ вашему, какъ вы выражаетесь, толченію воды?

— Какъ какое? Да самое непосредственное. Я хочу лечить мужика, хочу всецѣло посвятить этому и мои знанія, и мои силы, а оказывается, что это вовсе не нужно ему, или, по крайней мѣрѣ, что для мужика это послѣднее, самое послѣднее дѣло!

— Ну, это ужъ слишкомъ! Конечно, медицина ваша не можетъ дать такихъ результатовъ, какъ вы ожидали три года тому назадъ, помните?. А все же не могу я согласиться и съ тѣмъ, чтобъ вы воду въ ступѣ толкли. Скорѣй я соглашусь съ первымъ, розовымъ вашимъ взглядомъ, чѣмъ съ этимъ, чернымъ! Не преувеличивайте, докторъ! Ваше настоящее преувеличеніе больнѣе и горше перваго, повѣрьте, и такъ же, какъ и то, далеко отъ истины.

— Охъ, какъ пріѣлись мнѣ эти ничего не значущія, казенныя фразы! Какъ вамъ не надоѣло это фарисейство, это вѣчное хожденіе съ завязанными глазами! Вы отворачиваетесь умственно отъ всего, что не ладитъ съ вашими предвзятыми мыслями, съ тѣмъ вымышленнымъ міромъ, который вы себѣ создали и отъ котораго вы не можете—или нѣтъ, не хотите отрѣшиться! Не морочьте вы хоть себя-то! Розовые взгляды! А почему они розовые, а не настоящіе, не тѣ, которые бы желательно было видѣть въ каждомъ цивилизованномъ человѣкѣ? Что-же въ нихъ такого непрактичнаго, неприложимаго въ разумномъ обществѣ? Вѣдь въ нашихъ же центрахъ, въ столицахъ, васъ назовутъ ванда-

ломъ, если бы вы предложили что-нибудь подобное для столичнаго общества. Да, тамъ потребуютъ гораздо бо́льшаго. А тутъ, тѣ же люди, тѣ же разумныя существа, а для нихъ это—розовые взгляды!

— Позвольте, Михаилъ Петровичъ, вы слишкомъ широко хватаете. Не переходите на общія мѣста. Вы мнѣ объясните, сначала, почему это лѣченье-то ваше мужику не нужно? Къ этому-то выводу вы какими путями пришли? Что намъ общія-то положенія разбирать! о частномъ-то вопросѣ прежде побесѣдуемъ и придемъ къ какому-нибудь заключенію; а то вѣдь три дня можно проговорить, ничего не сказать!

— А не ваша ли любимая поговорка: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу тебѣ: кто ты! Не вы ли находили очень остроумнымъ, восхищались тѣмъ философомъ, который сказалъ, что потребленіе мыла можетъ служить прекраснымъ мѣриломъ цивилизаціи народа! Частное, общее—да гдѣ граница между этими понятіями? Если я вижу, что человѣкъ ходитъ нагишомъ, развѣ я не въ правѣ заключить, что онъ варваръ? Вы не понимаете, почему мужику мое лѣченье не нужно? А еще санитарныя системы защищаете и на эту богатую тэму любите философствовать! Господи Боже мой! Санитарная система, оздоровленіе селъ и деревень! Ну, вамъ факты нужны? Я почти три года прожилъ у васъ. По цѣлымъ недѣлямъ съ мужикомъ возился. Не скажу, что я жилъ его жизнью — нѣтъ, это будетъ красивая, ложная фраза, да! Я не могу жить его жизнью — это для меня даже физически невозможно; да я убѣжденъ, что и не для меня одного лично, а и для всякаго, кто не родился и не выросъ въ крестьянской избѣ. Я не наряжался въ поддевку, въ зипунъ, не ломалъ своего языка—я головой и сердцемъ, всѣми силами моей души старался понять и постичь его внутреннюю жизнь, его интересы, старался помочь ему, и не одними моими спеціальными знаніями, какъ врача, а и всѣмъ тѣмъ, что дали мнѣ слишкомъ пятнадцать лѣтъ ученической жизни и постояннаго общества разумныхъ, образованныхъ людей въ центрѣ интеллигенціи и умственнаго развитія сто-милліоннаго народа. Да, я все это пустилъ въ ходъ. Когда-то я думалъ, и не одинъ я думалъ это, что могу имѣть вліяніе на окружающихъ меня людей — и вѣроятно это было такъ, если мы понимали другъ друга. Здѣсь, въ деревнѣ, оказалось не то. Бывало, въ аудиторіяхъ академіи сотни молодежи соглашались со мной послѣ получасоваго разговора—здѣсь я въ три года почти ни на волосъ не измѣнилъ даже своего сторожа. Да, деревня поубавила во мнѣ самоувѣренности! Эхъ,

все забываю, что говорю съ вами,—постоянно отвлекаюсь отъ того, что̀ вамъ нужно! Да, вы хотѣли фактовъ. Теперь у меня въ участкѣ появился дифтеритъ. Ребятишки болѣютъ и мрутъ безобразно. Изъ своей управы, изъ губернской, отъ губернатора—бумага за бумагой: съѣздите, освидѣтельствуйте, подайте помощь, статистику собирайте, а главное—доносите, доносите, доносите. Начинаютъ свои бумаги разно, смотря по темпераменту наибольшаго; но кончаютъ всѣ на одинъ манеръ — доносите! Я ѣзжу, свидѣтельствую, статистику собираю, доношу — но помощи не подаю и подать не могу. Вы, конечно, знаете болѣе или менѣе характеръ этой болѣзни. Нашей аптекой съ ней немного навоюешь. Въ сущности, единственная разумная и достижимая цѣль — это возможное изолированіе заболѣвшихъ и зараженной мѣстности, и строгая дезинфекція. Ну-съ, а какъ вы изолируете больного, когда у всей семьи, часто въ 10 — 12 душъ, одна избенка въ восемь квадратныхъ саженъ? Кого на морозъ прикажете высадить: заболѣвшаго ребенка или всю остальную семью? Выбирайте! А какими такими средствами вы дезинфицируете сырой, промозглый осиновый срубъ? Сжечь-то его, такъ и зола-то вѣроятно окажется зараженной! Вотъ и подавайте помощь! У меня не было примѣра, чтобъ если одинъ ребенокъ захворалъ дифтеритомъ, то чтобъ остальныя дѣти въ той-же семьѣ остались цѣлы. Вотъ и остается только ѣздить, свидѣтельствовать, статистику собирать да доносить и доносить! Это не особенно трудно, хотя и нестерпимо скучно, но главное, это—вполнѣ непроизводительно!

— Да помилуйте, это эпидемія, съ которой и въ Западной Европѣ до сихъ поръ не знаютъ, что дѣлать!

— А, это эпидемія! Ну, хорошо, перейдемъ къ частнымъ случаямъ. Вотъ хоть бы, напримѣръ, сифилисъ. Сколько объ немъ бумаги исписано, сколько проектовъ составлено, сколько для него спеціальныхъ больницъ по уѣздамъ построено, сколько на него денегъ и труда изводится! Это, надѣюсь, не эпидемія. А посмотрите, чего все это достигаетъ. За три года мнѣ съ большимъ трудомъ удалось вылечить человѣкъ десять, никакъ не больше. Вы вѣдь знаете, что въ больницу попадаютъ только больные съ крайними вторичными, третичными формами сифилиса, когда ужъ ни ѣсть, ни говорить нельзя. Ну-съ, такъ вылѣчилъ я — замѣтьте, съ большимъ трудомъ, при громадномъ количествѣ относительно дорого стоющихъ больничныхъ дней—человѣкъ съ десять. А каждый годъ, каждую осень, и изъ Петербурга, и изъ Рыбинска, возвращаются бурлаки, и повѣрьте, громадный процентъ ихъ

непремѣнно зараженъ сифилисомъ, который они пріобрѣли въ тамошнихъ вертепахъ. Ну, придетъ такой бурлакъ, тщательно скрываетъ отъ домашнихъ «нехорошую» болѣзнь, ѣстъ и пьетъ изъ одной чашки съ ними, спитъ на однихъ палатяхъ — глядишь, черезъ полгода вся семья заражена! У меня въ участкѣ есть деревни, гдѣ заражено сплошь все населеніе, и взрослые и дѣти. Что вы съ этимъ подѣлаете? И въ этомъ случаѣ остается только свидѣтельствовать да доносить!

— Въ этомъ отношеніи вы дѣйствительно правы. Страшно стало даже прислугу держать. У Кириловыхъ какъ-то года два тому назадъ кормилицу взяли — недѣли двѣ ужъ кормила она ребенка, да нянька старуха навела — оказалось, что она въ сифилисѣ! У меня недавно приходитъ староста: «баринъ,—говоритъ, —надо Устинью разсчитать, въ нехорошей она болѣсти». А Устинья въ стряпухи на людскую была нанята! Къ Сидоровымъ недавно привезли изъ города такого же повара. Да, это зло страшное. Впрочемъ, видите-ли, еслибъ земства могли общими силами противъ него ополчиться, вѣроятно можно бы было что-нибудь и съ нимъ подѣлать!

— А! Внѣшнія обстоятельства виноваты! Дифтеритъ — эпидемія, бичъ, молъ, Божій; а сифилисъ — у насъ руки связаны! Хорошо! У меня и помимо этихъ двухъ болѣзней, достаточный запасъ фактовъ! Знаете ли вы, что у васъ по деревнямъ нѣтъ ни одной здоровой бабы? Такъ-таки буквально ни одной! Какъ только женщина родила перваго ребенка, такъ у ней или выпаденіе, или опущеніе, или искривленіе, или что-нибудь въ этомъ родѣ обязательно приключается. Пробовалъ я лѣчить ихъ. Ну, если дѣло въ зимѣ, когда нѣтъ особенно тяжелой работы, удавалось иногда вылѣчить. Вы поймите, съ какимъ трудомъ это удавалось! Въ больницу такая баба не ляжетъ — она на ногахъ, ее не пустятъ — дома нужна. Все-таки иногда удавалось! Что же: какъ только ей приходилось рожать въ другой разъ, прежняя болѣзнь опять непремѣнно являлась и, конечно, еще въ худшемъ изданіи! У меня не было примѣра, чтобъ дѣло обходилось безъ этого. Ну, скажите, какой смыслъ имѣло мое лѣченье? Изъ-за чего я хлопоталъ? Вотъ бы гдѣ нервамъ-то слѣдовало бы быть! А онѣ и не знаютъ, что существуетъ такая болѣзнь, что можно на нее жаловаться! Коли бабу ужъ очень проймётъ, она только и говоритъ: всѣмъ, батюшка, недовольна, все у меня болитъ!

— Ну, и въ этомъ отношеніи, добросовѣстныя акушерки...

— Полноте, ради Христа! Акушерки! Да у меня при больницѣ съ самаго моего пріѣзда живетъ акушерка, разумная, хо-

рошая барышня! И родильный пріютъ есть, да и до сихъ поръ мы ни одной роженицы въ этотъ пріютъ залучить не могли! Пойдетъ вамъ крестьянская баба на чужіе глаза рожать! Да она и дома-то скрываетъ моментъ родовъ отъ всѣхъ самыхъ близкихъ — непремѣнно уйдетъ въ послѣднюю минуту куда-нибудь въ хлѣвъ или на задворки! Будто вы сами этого не знаете?

— Да, я знаю этотъ предразсудокъ, но думаю, что упорными и дружными усиліями медицинскаго персонала его бы можно искоренить; конечно, это потребовало бы много труда, времени...

— И вы думаете, что́ то, что складывалось въ народѣ вѣками, что́ присуще его характеру и всему складу, могутъ искоренить не имѣющіе съ нимъ ничего общаго, заѣзжіе временные люди? Жестоко ошибаетесь! Я ужъ вамъ говорилъ, что я въ три года даже сторожа своего, съ которымъ имѣю ежедневное соприкосновеніе, ни на волосъ измѣнить не могъ, а тутъ вѣдь приходится вліять на пятьдесятъ тысячъ народу, изъ которыхъ я въ цѣлый годъ поговорю съ полчаса съ какой-нибудь сотой долей! Полноте! Это тѣ самыя звонкія фразы, которыми вы такъ красиво и такъ безобразно невѣрно наполняете протоколы вашихъ земскихъ собраній. Меня-то вы не обморочите ими, будьте увѣрены! Я вѣдь знаю, что десятилѣтняя-то практика въ вашихъ говорильняхъ научила васъ отвѣчать какой-нибудь кудрявой, въ сущности вполнѣ безсмысленной фразой на всякій фактъ, который вамъ не нравится, и относительно котораго вы не можете найти разумнаго объясненія. Ну, хорошо, оставимъ и бабъ. Ожидайте «дружныхъ, упорныхъ усилій», какъ вы тамъ это картинно изображали!... Возьмемъ другое. Вы знаете, что у насъ масса легочныхъ больныхъ. Здоровеннѣйшіе субъекты очень легко схватываютъ воспаленіе легкихъ и прочія подобныя болѣзни; ну, въ такихъ случаяхъ что́ прикажете дѣлать? Первое условіе — чтобъ не простудиться еще; а какъ вы это условіе въ крестьянской избѣ соблюсти прикажете? Во-первыхъ, въ окнахъ вмѣсто стеколъ наполовину лучины — не только вѣтеръ, снѣгъ попадаетъ очень удобно; во-вторыхъ, съ тѣхъ же оконъ ручьи текутъ, — на четверть въ иномъ мѣстѣ льду намерзло! Въ-третьихъ, дверью въ избу постоянно хлопаютъ, паръ все утро стоитъ, такъ и не проходитъ — дверь-то вѣдь чуть ли не прямо на улицу! Крыша-то соломенная надъ сѣнями не много спасаетъ. Вотъ и оказывается всегда, что схватилъ-то больной сначала что-нибудь не особенно страшное, бронхитъ какой-нибудь легонькій, а пріѣдешь къ нему черезъ

недѣлю—у него ужъ воспаленіе перваго сорта! Если паче чаянія и поправится, то и хрипитъ весь остальной вѣкъ: легкія-то вѣдь не особенно легко поправлять. Вы скажете—тогда въ больницу принимайте! Такъ я вамъ отвѣчу, что въ больницѣ-то пятнадцать мѣстъ, а больныхъ-то такихъ по участку каждую весну и каждую осень сотни, можетъ быть тысячи! Да главное, и къ больницѣ-то я теперь какъ-то подозрительно отношусь. Выстроена она, кажется, въ томъ году, какъ я къ вамъ пріѣхалъ. Ну, сначала, все шло очень хорошо, и я былъ очень доволенъ. А теперь я замѣчаю, что пораненія какъ-то медленно, скверно идутъ. Кажется, также внимательно слѣдишь за ними, тѣ же пріемы употребляешь, даже усовершенствованія нѣкоторыя приспособилъ—а заживленіе идетъ далеко не такъ удовлетворительно, какъ прежде! Чуть какое-нибудь скверное условіе въ организмѣ — глядишь, и гангрена тутъ какъ тутъ! Да и не мудрено: какъ ни хлопочешь о чистотѣ, о дезинфекціи постоянной, самый способъ постройки и климатъ непремѣнно скажутся! Вентиляція-то вѣдь доморощенная! Въ палатахъ иной разъ не продохнешь; за полверсты мимо идешь, такъ больницей несетъ! Полагаю, что года черезъ три или около этого, самое лучшее будетъ для здоровья мѣстности сжечь всю больницу со всѣмъ скарбомъ! А на какія средства вы другую построите? Ну-съ, что же вы не возражаете? Еще фактовъ надо? Извольте! Знаете-ли вы, что у громаднаго большинства, особенно у ребятишекъ, и въ желудкѣ, и въ кишкахъ непремѣнно разныя гадости, катарры и тому подобное? Имъ надо мясо, молоко—а ихъ пичкаютъ волнухами, крошевомъ! Знаете-ли вы, что масса ребятъ буквально голодной смертью помираетъ, отъ истощенія организма? Не знаете? Ну, такъ знайте, это такъ же вѣрно, какъ то, что я говорю съ вами! У матери молока нѣтъ въ груди, не откуда и быть ему, потому что она сама истощена до-нельзя, ребенокъ пищитъ отъ голоду, особенно если, на грѣхъ, здоровый родится —тоже не сразу уморишь-то его! Молока взять негдѣ; вотъ и пихаютъ ему въ роть соску изъ хлѣба чернаго, жеваннаго— кислота одна! И мрутъ ребята, безобразно мрутъ! И этихъ птенцовъ тоже въ больницу принимать прикажете? Такъ вѣдь въ концѣ-концовъ окажется, что чуть-ли не весь участокъ, отъ мала до велика, въ больницѣ круглый годъ держать придется!

— Ну, послушайте, Михаилъ Петровичъ, вы меня постоянно въ пристрастіи къ фразѣ упрекаете, а сами-то въ чемъ же это теперь упражняетесь? Развѣ это не общія мѣста, давно всѣмъ и каждому знакомыя?

— О, я не сомнѣваюсь въ томъ, что для васъ и это, и все тому подобное—общія мѣста! Этимъ вы отыграетесь отъ чего хотите! Вы валяетесь цѣлую зиму на своемъ диванѣ и видите крестьянскаго ребенка только лѣтомъ, на деревенской улицѣ, веселаго и довольнаго, вы замѣчаете только его смѣющуюся рожицу! Для васъ это, конечно, только общія мѣста. А мнѣ пришлось видѣть его и лѣтомъ, и зимой, и не только видѣть, какъ видѣли и вы, а изслѣдовать, выслушивать, щупать, осязать! Поймите же вы, наконецъ, это! Я ощупывалъ тощіе члены, я выслушивалъ воспаленныя легкія, я видѣлъ корчи умирающаго отъ голоду организма! Для меня это не общія мѣста, а цѣлый рядъ пережитыхъ фактовъ, безотрадныхъ, тяжелыхъ фактовъ, къ которымъ я не хочу, не могу и не умѣю относиться слегка.

Мордвиновъ залпомъ выпилъ цѣлый стаканъ воды и опять зашагалъ по комнатѣ.

— Но, послушайте! Положимъ, что вы правы. Я не буду спорить, хотя и смотрю на вещи нѣсколько иначе. Но вѣдь все то, что́ вы говорили, вовсе не доказываетъ, что вы и ваше знаніе не нужны мужику...

— Какъ не доказываетъ? Да развѣ для васъ не ясно, что я со всѣмъ моимъ знаніемъ, со всѣмъ моимъ желаніемъ сдѣлать что-нибудь,—вполнѣ, безусловно безсиленъ! Развѣ этого сознанія мало? Чего же нужно еще?

— Да неужели же вы станете отрицать, что за эти три года вы вылечили многихъ, не разъ, можетъ быть, спасая цѣлыя семьи отъ нищенства, благодаря тому, что сохраняли имъ, можетъ быть, единственнаго работника-кормильца? Развѣ это не дѣло, не польза?

— Польза? Нѣтъ, я не принесъ и не могу принести мужику никакой пользы. За три года я дѣйствительно вылечилъ нѣсколько человѣкъ; но они или выздоровѣли бы и безъ моей помощи, или сейчасъ же заболѣвали опять, и уже безъ всякой надежды. Да, я помогъ нѣсколькимъ золотушнымъ дворянскимъ дѣтищамъ, сростилъ нѣсколько рукъ и ногъ, вотъ вамъ зубъ вырвалъ—но все это могъ бы почти съ такимъ же успѣхомъ сдѣлать и мой пьяный фельдшеръ. Да и стоятъ ли, наконецъ, ваши зубы или эти руки и ноги, чтобы изъ-за нихъ сгорѣть черезъ два, три года, что́ непремѣнно приключится со мной, если я здѣсь останусь? Развѣ я затѣмъ учился пятнадцать лѣтъ, чтобы пропасть черезъ пять, вырвавъ два-три зуба да сростивъ десятокъ рукъ? Я не имѣю желанія разыгрывать Агарина въ

некрасовской «Сашѣ», но право, обидно подумать, что моя жизнь должна уйти на пользованіе вашихъ зубовъ! Нѣтъ ужъ, слуга покорный!

— Еще разъ повторяю вамъ, что вы слишкомъ мрачно смотрите на вещи! Вы говорите, что не имѣете ни на кого никакого вліянія; это положительно невѣрно. Мужики успѣли васъ полюбить, они довѣряютъ вамъ. Еще не далѣе, какъ сегодня утромъ мой кучеръ повѣствовалъ мнѣ о вашихъ добродѣтеляхъ, о томъ, какъ хорошо лежать у васъ въ больницѣ. Онъ видѣлъ Пущинскаго кучера, Макара, и тотъ нахвалилъ ему и больницу, и васъ въ особенности!

— А! Пущинскій Макаръ! Довѣріе! А знаете ли вы, что къ этому самому Макару, пока онъ лежалъ у меня въ больницѣ въ тифѣ, чуть не каждый день ходила его старуха-мать...

— И приносила вамъ яицъ! Какже, слышалъ и объ этомъ.

— Не въ яйцахъ дѣло! Я вообще не люблю пускать никого въ палаты, но какъ же вы не пустите старуху, когда при смерти ея единственный сынъ? Ну-съ, а теперь я открылъ, и, конечно, совершенно случайно, черезъ акушерку, которая слышала разговоръ фельдшера со сторожемъ, что эта старуха постоянно таскала сыну какія-то травы отъ какой-то знахарки! Оказывается, что мои лекарства, когда я самъ не присутствовалъ при пріемѣ, выливались за окошко, а Макаръ лечился собственными средствами, и, конечно, теперь и онъ самъ, и его мать вполнѣ увѣрены, что эти-то средства и поставили его на ноги. Вотъ вамъ и довѣріе! А что хвалятъ-то они меня, такъ вѣдь хвалятъ они всякаго, кто послѣ второго слова не лѣзетъ имъ или въ зубы, или въ карманъ. Да-съ! Это небольшого труда стóитъ заслужить ихъ похвалу—но отъ похвалы до довѣрія, до вліянія еще далека пѣсня!

Что мнѣ оставалось говорить?

Между тѣмъ позвали обѣдать. Оживленіе Мордвинова исчезло; снова сдѣлалось серьёзнымъ и поблѣднѣло его задумчивое, грустное лицо.

Послѣ обѣда пріѣхалъ Пущинъ.

— А, Іовъ многострадальный!—привѣтствовалъ онъ Мордвинова.—Все худѣете, блѣднѣете, желтѣете и печалуетесь! Желалъ бы я знать, какъ вы свою собственную болѣзнь опредѣляете и лечите? А что вы крѣпко нездоровы, это для меня несомнѣнно!

— Михаилъ Петровичъ уѣзжаетъ, ужъ отставку въ управу отправилъ,—говорю я Пущину.

Онъ широко раскрылъ свои добродушные, умные глаза.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да,—подтвердилъ Мордвиновъ.—На дняхъ уѣзжаю.

— Скоренько-же! Признаться вамъ, я давно ужъ предвидѣлъ это, только полагалъ, что вы все-таки еще нѣкоторое время, ну хоть полгода, что ли, съ мельницами повоюете. Великъ ужъ очень у васъ запасъ добрыхъ намѣреній! Ну, впрочемъ, и работали вы на всѣхъ парахъ! Полегче бы надо...

Мордвиновъ нервно поморщился.

— Ну, не буду, не буду! Знаю самъ, что не дѣло говорю, да привычка проклятая! Съ нашими эѳіопами вѣдь иначе я и не говорю, въ привычку обратилось вздоръ молоть, и съ порядочнымъ человѣкомъ иной разъ сболтнешь! Да, такъ уѣзжаете?

И Пущинъ, ласково, съ участіемъ смотрѣлъ доктору въ лицо и дружески жалъ ему руку.

— Хорошую по себѣ память оставляете, батюшка. Пожалѣемъ не мы одни. Вы знаете, что это не фраза. Любезности говорить я не мастеръ.

— Спасибо вамъ, Павелъ Семеновичъ!—могъ только тихимъ голосомъ выговорить Мордвиновъ.

Мы пошли опять въ кабинетъ. До глухой полуночи шли тихіе, дружескіе разговоры. Мы прощались съ хорошимъ человѣкомъ. Гдѣ бы то ни было разставаться съ друзьями скучно и тяжело; но въ деревенской глуши, гдѣ иногда цѣлый мѣсяцъ не придется перекинуться словомъ съ живымъ человѣкомъ, эти разставанья достаются еще тяжелѣе, еще труднѣе.

Порѣшивъ съѣхаться черезъ день у Пущина, гости мои поѣхали по домамъ.

П. Тверской.

ИЗЪ ІЕРОНИМА ЛОРМА

1.

«Насколько Божій міръ и свѣтелъ и великъ —
«Настолько человѣкъ ничтоженъ въ этомъ мірѣ!»
— Онъ выше всѣхъ міровъ, разсѣянныхъ въ эѳирѣ:
Онъ міровой законъ умомъ своимъ постигъ.
«Но если умъ его вселенную объемлетъ —
«Зачѣмъ же сердцемъ онъ податливъ такъ и простъ?»
— Сильнѣй людскихъ умовъ и ярче божьихъ звѣздъ
То сердце, что̀ всему живому чутко внемлетъ.

2.

Ревниво скрываю я въ сердцѣ моемъ
Печали глубокое море —
И полными чашами чѐрпаю въ немъ
Одно безъисходное горе.

И дума о смерти является мнѣ,
Какъ нимфы прекрасной видѣнье:
«Приди, мой возлюбленный! въ сладостномъ снѣ
«Найдешь ты покой и забвенье».

3.

Какъ нѣжитъ сердце намъ цвѣтка благоуханье!
А яркій блескъ звѣзды такъ чуждъ намъ и далекъ...
Но лѣто мйнуло—и гибнетъ нашъ цвѣтокъ,
Звѣзды-жъ незыблемо холодное сіянье.

И въ нашемъ сердцѣ такъ: все счастье иногда
Отъ стужъ и непогодъ житейскихъ увядаетъ,
Но вѣчный слѣдъ его незыблемо сіяетъ
Душѣ измученной—какъ яркая звѣзда.

4.

Помню—солнечнымъ закатомъ
Любовался я весною,
Упиваясь ароматомъ
Подъ роскошною листвою.

Полонъ ласки и привѣта
Былъ прощальный лучъ свѣтила —
И для сердца, безъ разсвѣта,
Царство ночи наступило.

В. Лихачевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е сентября, 1880.

I.

— *Красный Крестъ* въ тылу дѣйствующей арміи, въ 1877—1878 г. Отчетъ главноуполномоченнаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ *Н. Абаза*, т. I, Спб. 1880.

— „Что же изъ всего этого слѣдуетъ?"—говоритъ отчетъ въ заключеніи одной изъ самыхъ любопытныхъ своихъ главъ, и даетъ на это слѣдующій отвѣтъ: „Урокъ для будущаго, котораго не слѣдуетъ забывать и много, много еще учиться, прежде чѣмъ полагаться на свои силы. Вѣрить въ силу науки и не стоять выше ея. Санитарное дѣло есть дѣло спеціальное, требующее глубокихъ познаній и опыта. Только спеціальные люди и могутъ, и должны, по нашему мнѣнію, направлять его. Врачамъ должна принадлежать выдающаяся роль въ веденіи санитарнаго дѣла, такъ какъ никто, кромѣ ихъ, не можетъ лучше знать многоразличныхъ нуждъ раненыхъ и больныхъ. Это—аксіома. Передавая санитарное дѣло въ руки врачей, этимъ нисколько не устраняется подчиненіе дѣйствій ихъ главному руководству высшей администраціи, которая тогда только и можетъ дѣйствовать безошибочно, когда спеціальное дѣло будетъ въ спеціальныхъ рукахъ".

Кто же былъ виновенъ въ нарушеніи подобныхъ азбучныхъ истинъ или аксіомъ?

— „Не отдѣльныя личности, которыя, быть можетъ, долгое время другъ друга не понимали,—отвѣчаетъ отчетъ,—а роковыя событія войны, отчасти и учрежденія, создали тѣ препятствія, которыя при общемъ желаніи трудно было преодолѣть".

Этотъ искренній отвѣтъ и вышеприведенный выводъ служатъ лучшею характеристикою самаго отчета, составитель котораго имѣлъ потому полное право сказать въ другомъ мѣстѣ: „Мы ни на кого не сѣтуемъ, а объясняемъ"—и надобно отдать справедливость отчету: онъ объясняетъ намъ свое дѣло до очевидности.

Читая самый отчетъ, каждый долженъ невольно убѣждаться, что въ наше время нельзя объявлять только одну войну—нашему непріятелю, на котораго мы идемъ; если объявлена одна война, то одновременно съ тѣмъ объявляется сама собою еще другая война—непріятелю невидимому, но несравненно болѣе могущественному и безпощадному; недостатокъ какого-нибудь бинта, корпіи или хинина можетъ причинить бо̀льшій вредъ и уронъ въ людяхъ, нежели недостатокъ пороха. О томъ намъ повѣствуетъ коротко, но весьма краснорѣчиво, самый отчетъ, представляя цифры того ясскаго эвакуаціоннаго барака, который служилъ долгое время, такъ сказать, горломъ, чрезъ которое прошли всѣ жертвы войны съ видимымъ и невидимымъ непріятелемъ, направляясь съ полей битвъ во внутреннія губерніи имперіи. Отъ конца іюня 1877 г. до іюля 1878 г. прошло чрезъ руки персонала ясской эвакуаціи болѣе 100,000 человѣкъ (101,693); изъ этой громадной цифры только около 30,000 были жертвою войны въ собственномъ смыслѣ этого слова (29,667), а 70,000 человѣкъ были поражены тифомъ, лихорадкою и другими внутренними и наружными болѣзнями. Въ этомъ же самомъ отчетѣ мы читаемъ: „17-го сентября, цифра скопившихся на пункты раненыхъ и больныхъ превысила 4,000 человѣкъ! И на всю эту массу людей мы не имѣли ни откуда, кромѣ источниковъ общественной благотворительности, ни одной рубашки, ни одного бинта... ничего“...

„Въ продолженіи 12-ти дней (съ 7 по 18 сентября) происходилъ такой наплывъ раненыхъ и больныхъ, какого въ Яссахъ не испытывали еще. Ежедневно прибывало среднимъ числомъ 3 поѣзда, а 11-го числа ихъ прибыло пять. Каждый поѣздъ, бо̀льшею частью воинскій, привозилъ огромные транспорты (доходило до 795 человѣкъ въ одномъ поѣздѣ). Съ 11-го по 18-е число эвакуація достигла своего апогея: за эти семь дней прибыло въ Яссы—11,641 человѣкъ, причемъ maximum суточнаго прибытія доходилъ до 2,067. Баракъ былъ невообразимо переполненъ, въ немъ буквально не было свободнаго мѣстечка. Вездѣ, гдѣ только можно было помѣститься: на кроватяхъ, въ проходахъ между ними, на платформахъ барака, площадкахъ—лежали, сидѣли, стояли раненые и больные; кромѣ того, на путяхъ возлѣ барака стояло по нѣскольку невыгруженныхъ поѣздовъ, наполненныхъ больными. Всѣ прибывавшіе не только нигдѣ не подвергались госпитальному леченію, но многіе изъ нихъ со времени раненія были перевязаны едва лишь одинъ или два раза. Они прибывали не только безъ списковъ, но часто даже поѣздной офицеръ или врачъ не зналъ и точнаго числа привезенныхъ имъ людей. При осмотрѣ такихъ поѣздовъ, врачамъ нерѣдко случалось наталкиваться въ вагонѣ для сидячихъ на раненаго съ раздроблен-

нымъ переломомъ плеча или предплечія, неукрѣпленнымъ никакою неподвижною повязкою или же только мягкимъ, размокшимъ картономъ".

Эвакуація раненыхъ и больныхъ, по первоначальному плану, вовсе не входила въ планъ дѣйствій общества Краснаго Креста, а въ теченіи самой войны она сдѣлалась довольно неожиданно почти самою главною его функціей; одно уже это обстоятельство говоритъ много о томъ, что тутъ не могло быть рѣчи о предварительной подготовкѣ. Но, сверхъ того, самое установленіе сложной системы представляло столько затрудненій, что преодолѣть ихъ было внѣ всякой человѣческой возможности; между тѣмъ, всѣ нареканія въ обществѣ на транспортировку раненыхъ и больныхъ адресовались единственно къ ясской коммиссіи, не взирая на то, что à l'impossible nul n'est tenu. Обществу извинительно было ошибаться; оно не имѣло ключа къ разгадкѣ; наконецъ, по свидѣтельству отчета, сами личности, стоявшія болѣе или менѣе близко къ дѣлу, „долгое время другъ друга не понимали".

Администрація военнаго движенія составила, съ теоретической точки зрѣнія, безукоризненный планъ, которымъ думала достигнуть сразу три весьма важныя цѣли: 1) *широкое* разсѣяніе, самую далекую эвакуацію больныхъ и раненыхъ; 2) освобожденіе театра войны и тыла дѣйствующей арміи отъ госпитальныхъ учрежденій, и 3) доставленіе каждому больному и раненому возможности пользоваться леченіемъ въ родныхъ мѣстностяхъ. По примѣру франко-прусской войны, было вычислено, что $^2/_3$ общаго числа раненыхъ и больныхъ могутъ быть вывозимы, а потому (?) для этой цѣли будетъ достаточно *десяти* санитарныхъ поѣздовъ. Въ этомъ превосходномъ по себѣ планѣ не было принято въ соображеніе одно только простое обстоятельство: можетъ ли первый поѣздъ вернуться въ Яссы, при отправленіи десятаго и послѣдняго, если разсѣяніе будетъ широкое, т.-е. безпредѣльное, или ограничивающееся только одними естественными предѣлами имперіи? Кромѣ того, при теоретическомъ обсужденіи дѣла, не приходило на мысль еще одно, также весьма простое обстоятельство: назначенные поѣзды въ Россію по русскимъ широколейнымъ дорогамъ будутъ ли поднимать все число раненыхъ и больныхъ, доставленное поѣздами съ театра войны по румынскимъ узколейнымъ дорогамъ? Что произойдетъ, если, напримѣръ, русскій санитарный поѣздъ будетъ имѣть не болѣе 170 мѣстъ для вывоза больныхъ и раненыхъ, а румынскій—350 мѣстъ, какъ это въ дѣйствительности и было? Послѣ этого, не удивительно приводимое и въ отчетѣ замѣчаніе Н. И. Пирогова, по поводу послѣдней войны: „Все транспортное дѣло въ нынѣшнюю войну,—говоритъ онъ,—дѣ-

лаетъ впечатлѣніе чего-то недостаточно организованнаго, недоконченнаго, болѣе случайнаго и зависящаго скорѣе отъ хода событій, чѣмъ отъ воли организаторовъ".

Практика указала еще въ первые дни всю ошибочность принципа *безпредѣльной* эвакуаціи, при весьма *опредѣленномъ* числѣ поѣздовъ, отданныхъ въ распоряженіе ясской коммиссіи; предѣлы эвакуаціи должны были естественно опредѣляться способностью поѣздовъ обращаться въ безпрерывную цѣпь и вмѣщать въ себѣ число, соотвѣтствующее доставкѣ больныхъ и раненыхъ въ Яссы; послѣдніе предѣлы ясской эвакуаціи должны были бы служить новыми исходными точками для новаго района дальнѣйшей эвакуаціи, и такъ далѣе, хотя бы до Иркутска.

Исторія всей этой борьбы между теоріей, выработанной далеко отъ мѣста дѣйствія, и практикой, предъявлявшей свои требованія на мѣстѣ, составляетъ столь же интересное, сколько безпристрастное и вполнѣ назидательное содержаніе пятой главы отчета. Она имѣетъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что вся составлена изъ документальнаго изложенія голыхъ, но весьма краснорѣчивыхъ фактовъ. „Самую ясную и вѣрную картину эвакуаціи, — говоритъ отчетъ, — могутъ представлять только одни документы; они безъ всякихъ комментарій помогутъ выясненію всѣхъ существовавшихъ и существующихъ еще недоумѣній. Съ окончанія войны прошло уже довольно времени, личные вопросы и счеты не могутъ имѣть мѣста при обсужденіи вопроса объ учрежденіяхъ, и можно спокойно разсматривать прошедшую дѣятельность".

Въ Петербургѣ господствовала въ первые мѣсяцы войны ничѣмъ непоколебимая увѣренность въ возможности прямой транспортировки больныхъ изъ Яссъ до Москвы и до Нижняго, но успѣютъ ли поѣзды возвращаться въ Яссы, куда прибываютъ ежедневно изъ Румыніи по нѣскольку поѣздовъ, и притомъ съ бо̀льшею вмѣстимостью—на это не обращалось вниманія. „Предположенія ваши (т.-е. Ясскія) о санитарныхъ поѣздахъ доходить только до Кіева, Харькова—принять *невозможно*", — телеграфируютъ изъ Петербурга, забывая, что поступить иначе еще болѣе невозможно. „Радъ былъ бы направлять больныхъ въ дальніе лазареты—отвѣчаетъ изъ Яссъ главноуполномоченный—да невозможно; здѣсь вотъ какое положеніе. Въ Яссы прибываютъ изо дня въ день огромные транспорты больныхъ, санитарныхъ поѣздовъ нѣтъ въ достаточномъ числѣ, чтобы перевозить ихъ; всѣ ближайшіе госпитали уже переполнены. Движеніемъ распоряжаюсь не я, а начальникъ передвиженія войскъ (Одесскаго округа), который даетъ маршрутъ по разсчету, чтобы санитарные поѣзды успѣли скорѣе вернуться въ Яссы, и не находитъ возможнымъ отправлять

ихъ далеко, иначе останемся вовсе безъ поѣздовъ, а больные прибываютъ каждый день. Между тѣмъ, главный штабъ запретилъ отправку больныхъ военными поѣздами, но ничѣмъ не замѣнилъ ихъ. Какъ они будутъ производить эвакуацію изъ своихъ переполненныхъ уже госпиталей, — рѣшительно не понимаю. Предвижу въ самомъ непродолжительномъ времени ужасное накопленіе и безпорядки. Необходимо, чтобы военное вѣдомство устроило, наконецъ, правильную эвакуацію не на однихъ только словахъ; общѣство Краснаго Креста здѣсь не распоряжается, а помогаетъ всѣмъ, чѣмъ можетъ".

Такъ отвѣчали изъ Яссъ; на это—новыя телеграммы изъ Петербурга съ предписаніями исполнить невозможное, а именно, съ 10-ю поѣздами обернуться такъ, какъ будто ихъ было сто. Изъ Кишинева отвѣчаютъ болѣе рѣшительно и категорически: „Санитарный персоналъ выбился изъ силъ; третій день не спятъ, не раздѣваются, силы не выдерживаютъ, многіе заболѣли; по случаю неприбытія санитарныхъ поѣздовъ (отправленныхъ слишкомъ далеко) мы въ безвыходномъ положеніи, баракъ переполненъ, сидятъ, стоятъ, лежатъ болѣе 400 человѣкъ, сейчасъ прибудутъ еще 300 больныхъ; что будетъ—нельзя предвидѣть: вечеромъ ожидаются еще 300 человѣкъ, а поѣздовъ нѣтъ, вынуждены отправлять въ товарныхъ вагонахъ на сѣнѣ и соломѣ"... „Вотъ результаты правильной эвакуаціи, устроенной военнымъ вѣдомствомъ. Все это было предвидѣно и сколько разъ я объ этомъ телеграфировалъ. Повторяю опять, что невозможно держаться этой системы эвакуаціи, необходимо немедленно сдѣлать распоряженіе, чтобы санитарные поѣзды ходили только въ Кіевъ и Харьковъ; чтобы военнымъ вѣдомствомъ было снаряжено еще возможно бо́льшее число поѣздовъ; чтобы была установлена вторая линія эвакуаціи, какъ я предлагалъ, отъ Харькова и Кіева, и чтобы госпитали этихъ городовъ постоянно освобождались отъ больныхъ и были готовы принимать посылаемыхъ отсюда. Благоволите также сдѣлать тотчасъ распоряженіе, чтобы очистили госпитали по пути отъ Кіева до Москвы и въ самой Москвѣ. Приняты мѣры, чтобы по возможности облегчить перевозку больныхъ въ товарныхъ вагонахъ, но весь нашъ персоналъ выбился изъ силъ".

Опять новые указы, новыя представленія—и все это по поводу вопроса: можетъ ли стаканъ вмѣстить въ себѣ содержаніе цѣлой бутылки? Изъ Петербурга убѣждаютъ постараться выполнить такую операцію, а изъ Яссъ отвѣчаютъ справедливыми увѣреніями въ готовности всячески стараться, но—дѣло само по себѣ невозможное.

Два горячіе мѣсяца ушли на подобную переписку и телеграммы; путаница въ концѣ августа дошла до того, что одинъ транспортъ, назначенный въ Вильно, не найдя тамъ мѣстъ, пошелъ наудачу

искать помѣщеній дальше, и такимъ образомъ забѣжалъ въ Ригу, гдѣ и остановился только потому, что, какъ справедливо замѣчаетъ отчетъ—„далѣе некуда было"—море!

Вотъ именно по поводу этого прискорбнаго событія, впрочемъ, не повторившагося болѣе, въ Петербургъ была отправлена телеграмма самаго рѣшительнаго содержанія: „Съ эвакуаціею происходитъ такая путаница, какъ никогда. 25-го августа отправленъ изъ Яссъ воинскій поѣздъ изъ товарныхъ вагоновъ съ 380 ранеными и больными вмѣсто Кіева, какъ было постановлено, на Брестъ, Бѣлостокъ, Вильно, съ приказаніемъ сдать больныхъ, гдѣ окажется возможнымъ. На этомъ пути не установлены ни движеніе такихъ поѣздовъ, ни продовольствіе больныхъ, ни помощь отъ Краснаго Креста. Невозможно ни при какихъ обстоятельствахъ отправлять въ такую даль на такихъ поѣздахъ раненыхъ и больныхъ, въ особенности, не обезпечивъ продовольствіе ихъ въ пути, ни размѣщеніе по госпиталямъ. Я протестую противъ такого отношенія къ раненымъ и больнымъ. Такая перевозка погубитъ многихъ изъ нихъ. Всѣ усилія наши помочь парализуются безпорядочнымъ движеніемъ и постоянными измѣненіями маршрутовъ. И все это происходитъ оттого, что *не хотятъ* установить правильной эвакуаціи отъ Кіева и Харькова... Неужели главное управленіе не можетъ устроить этого дѣла, я пишу объ этомъ уже два мѣсяца. Такъ продолжаться не можетъ".

А между тѣмъ, подходили сентябрьскіе дни, послѣ битвъ подъ Плевной,—и вотъ тогда-то наступило „самое горячее и самое критическое время", заключившееся, какъ мы видѣли, накопленіемъ къ 17-му сентября 4,000 человѣкъ въ ясскомъ эвакуаціонномъ баракѣ!!...

Только прибытіе Н. И. Пирогова въ Яссы измѣнило въ концѣ сентября положеніе дѣлъ: оно кончилось тѣмъ, чѣмъ слѣдовало бы ему начаться мѣсяца за два передъ тѣмъ: „безпредѣльная" эвакуація была уничтожена, и съ октября были введены новые порядки „постепенной" эвакуаціи.

Мы остановились на одной только сторонѣ отчета, правда, самой интересной для публики, какъ касающейся тѣхъ явленій нашей жизни, гдѣ, по справедливому замѣчанію отчета, бываютъ виновны не отдѣльныя личности, а „роковыя событія" войны или чего-нибудь другого, и „учрежденія", т.-е. извѣстная рутина администраціи, выработанная десятилѣтіями, если не вѣками. Эта рутина состоитъ въ томъ, что у насъ во всемъ преобладаетъ начало „исполнительности" вмѣсто начала „отвѣтственности", которое совершенно намъ чуждо. Отсюда рождается стремленіе къ формальности и невозможность хорошему человѣку, способному и усердному, приложить себя всего къ дѣлу. Отсюда же преобладаетъ среди насъ повальное недо-

вѣріе къ своимъ же собственнымъ агентамъ, которые опять дѣйствуютъ подъ отвѣтственностью не своею, а тѣхъ, кто собственно имѣетъ достаточно власти, чтобы давать приказанія, но не имѣетъ ни малѣйшей возможности отвѣчать за дѣло, такъ какъ оно находится за тысячи верстъ отъ его глазъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ мы готовы назвать и самый отчетъ „урокомъ для будущаго, котораго не слѣдуетъ забывать".

Но кромѣ „урока" отчетъ представляетъ много и другихъ важныхъ сторонъ, драгоцѣнныхъ для практики въ военное время. Онъ заключаетъ въ себѣ массу полезнѣйшихъ матеріаловъ для составленія подробнѣйшей смѣты по самымъ различнымъ соображеніямъ относительно того, что̀ нужно сдѣлать предварительно, и что́ приготовить, чтобы имѣть полное право сказать, что все готово къ войнѣ. Въ наше время недостаточно только „сверкать стальною щетиною", чтобы идти на войну. Настоящій отчетъ можно назвать „руководствомъ", въ которомъ можно найти готовые списки необходимыхъ вещей, всевозможныя вычисленія, однимъ словомъ—все, что́ только необходимо для войны съ невидимымъ непріятелемъ—спутникомъ всѣхъ войнъ. Мы еще возвратимся къ этой монументальной работѣ по выходѣ ея второго тома, который обѣщаетъ дать намъ описаніе лазаретной дѣятельности въ ясскомъ районѣ общества Краснаго-Креста, и въ заключеніе, общій денежный отчетъ по всему району, съ выводами и заключеніями.—М. М.

II.

— *Николай Гротъ*.—Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. С.-Петербургъ, 1880.

Обширный трудъ г. Грота рѣзко выдается изъ среды другихъ сочиненій, увеличившихъ, но едва ли обогатившихъ, за послѣднее время, нашу философскую литературу. Направленіе г. Грота — чисто научное; можно соглашаться или не соглашаться съ его выводами, но нельзя отвергать ни правильности его метода, ни основательности его эрудиціи, ни добросовѣстнаго отношенія его къ своему предмету. Сочиненіе его, по всей вѣроятности, будетъ замѣчено и оцѣнено по достоинству и въ западно-европейской психологической литературѣ. Оно состоитъ изъ двухъ частей: въ одной, болѣе объемистой, изложена исторія классификаціи психическихъ явленій вообще и чувствованій въ особенности, а также исторія ученій объ удовольствіи и страданіи; въ другой—выраженъ собственный взглядъ автора на значеніе чувствованій, условія ихъ образованія и основы ихъ классификаціи. Обѣ части представляютъ много интереснаго, но объемъ биб-

ліографической замѣтки позволяетъ намъ остановиться только на послѣдней, безъ сомнѣнія самой важной.

По справедливому замѣчанію г. Грота, чувствованія, будучи самыми внутренними явленіями сознанія, т.-е. самою ближайшею областью человѣческаго опыта, естественно должны были, съ одной стороны, весьма рано сдѣлаться предметомъ анализа для *практической* науки (этики), но съ другой стороны — весьма поздно стать объектомъ теоретическаго изслѣдованія. Та часть психологіи, которая касается чувствованій, разработана сравнительно меньше другихъ и возбуждаетъ всего больше разногласій между психологами. Само собою разумѣется, что тѣмъ болѣе цѣннымъ слѣдуетъ признать всякій серьёзный вкладъ въ этотъ отдѣлъ науки. Какъ и всѣ лучшіе современные психологи, г. Гротъ нигдѣ не упускаетъ изъ виду тѣсную связь психологіи съ физіологіей, а слѣдовательно и съ біологіей. Исходной точкой служитъ для него біологическое опредѣленіе жизни, какъ взаимодѣйствія организма съ окружающею средою, имѣющаго результатомъ приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Основываясь на этомъ опредѣленіи, онъ различаетъ въ каждомъ полномъ оборотѣ психическаго процесса четыре момента или фазиса: внѣшнее впечатлѣніе на физическій организмъ (моментъ объективной воспріимчивости, которому соотвѣтствуютъ ощущенія, какъ первоначальныя, и представленія, понятія или идеи — какъ осложненныя психическія явленія), переработка внѣшняго впечатлѣнія во внутреннее (моментъ субъективной воспріимчивости—чувствованія удовольствія или страданія — чувства и волненія), вызванное этимъ внутреннимъ впечатлѣніемъ внутреннее движеніе (моментъ субъективной дѣятельности—стремленія—желанія и хотѣнія) и внѣшнее движеніе организма на встрѣчу предмета (моментъ объективной дѣятельности—движенія—дѣйствія и поступки). Установивъ такимъ образомъ мѣсто *чувствованій* въ психическомъ процессѣ, авторъ доказываетъ прежде всего, что въ сферѣ чувствованій нѣтъ ничего третьяго, кромѣ удовольствія и страданія, что признаваемое нѣкоторыми психологами состояніе или чувство равнодушія или безразличія есть въ сущности чувствованіе удовольствія или страданія, доведенное до самой слабой степени, или сочетаніе, въ болѣе или менѣе равныхъ пропорціяхъ чувствованій противоположнаго типа. Составляя переработку внѣшняго впечатлѣнія во внутреннее, чувствованія естественно зависятъ отъ ощущеній, вслѣдствіе чего и классификація первыхъ должна зависѣть отъ классификаціи послѣднихъ. Авторъ дѣлитъ ощущенія на внѣшнія и внутреннія (или органическія), причемъ каждому классу внѣшнихъ ощущеній соотвѣтствуетъ извѣстный классъ внутреннихъ. Этотъ параллелизмъ наглядно

выражается въ слѣдующей таблицѣ, въ которой налѣво помѣщены внѣшнія ощущенія, направо—соотвѣтствующія имъ внутреннія:

Ощущенія тепловыя	—	связанныя съ кровообращеніемъ.
„ обонятельныя	—	связанныя съ дыханіемъ.
„ вкусовыя	—	связанныя съ пищевареніемъ.
„ половыя	—	связанныя съ воспроизведеніемъ и выдѣленіемъ вообще.
„ мускульныя	—	связанныя съ воспріятіемъ.
„ осязательныя	—	связанныя съ движеніемъ.
„ слуховыя	—	связанныя съ субъективными процессами сознанія.
„ зрительныя	—	связанныя съ объективными процессами сознанія, съ познаніемъ или мышленіемъ.

Кромѣ ощущеній, чувствованія удовольствія или страданія обусловливаются еще состояніемъ нашихъ органовъ въ моментъ ихъ возбужденія; другими словами, источникъ чувствованій — *отношеніе между возбужденіемъ нашихъ органовъ и даннымъ ихъ состояніемъ.* Всякое возбужденіе нашихъ тканей, съ точки зрѣнія тѣхъ послѣдствій, какія оно за собою влечетъ, называется *работою* этихъ тканей; всякое состояніе ихъ, предшествующее работѣ, принято разсматривать, въ отношеніи къ послѣдней, съ точки зрѣнія *силы* или *энергіи*, какую эти ткани могутъ обнаружить во время работы. Основою для образованія различныхъ чувствованій слѣдуетъ считать, поэтому, отношеніе работы какой-нибудь ткани организма къ ея энергіи. Молекулярная работа ткани можетъ быть *положительная* или *отрицательная;* положительная работа—это трата вещества и переходъ болѣе сложныхъ, но менѣе прочныхъ соединеній веществъ въ болѣе простыя, но твердыя; отрицательная работа — это накопленіе вещества и образованіе болѣе сложныхъ соединеній. Сообразно съ этимъ, какъ гармонія, такъ и дисгармонія между работой въ тканяхъ и ихъ энергіей можетъ быть двоякая: гармонія можетъ имѣть мѣсто и при положительной работѣ, не идущей дальше предѣловъ предшествовавшаго ей накопленія, и при отрицательной, соразмѣрной съ предшествовавшей тратой; дисгармонія, наоборотъ, вызывается и тратой, превышающей накопленіе, и накопленіемъ, превышающимъ трату. Въ первыхъ двухъ случаяхъ получается положительное удовольствіе и отрицательное удовольствіе, въ послѣднихъ двухъ — положительное страданіе и отрицательное страданіе. Отрицательное страданіе (потребность, лишеніе) смѣняется положительнымъ удовольствіемъ (наслажденіемъ, работой), положительное удовольствіе—

положительнымъ страданіемъ (усталостью, истощеніемъ), положительное страданіе — отрицательнымъ удовольствіемъ (отдыхомъ, возстановленіемъ). Если мѣсто чувствованія, въ указанной выше преемственности четырехъ фазисовъ психическаго процесса, занимало, напримѣръ, положительное удовольствіе, то въ слѣдующемъ затѣмъ оборотѣ процесса оно будетъ занято положительнымъ страданіемъ, и т. д. [1]). Чѣмъ продолжительнѣе и интенсивнѣе былъ тотъ или другой моментъ чувствованія, тѣмъ продолжительнѣе и интенсивнѣе слѣдующій за нимъ.

Сопоставляя различные источники чувствованій съ различнымъ характеромъ ихъ, т.-е. примѣняя понятія объ удовольствіи, положительномъ и отрицательномъ, и о страданіи, также положительномъ и отрицательномъ, къ восьми категоріямъ внѣшнихъ и восьми — внутреннихъ ощущеній, г. Гротъ получаетъ шестьдесятъ четыре первоначальныхъ чувствованія. Не перечисляя ихъ всѣхъ, приведемъ для примѣра одну группу—группу восьми чувствованій, зависящихъ отъ седьмой категоріи ощущеній: внѣшнихъ—слуховыхъ, и внутреннихъ—связанныхъ съ субъективными процессами сознанія. Вотъ эта группа: отрицательное страданіе при ощущеніи: 1) недостатка слуховыхъ воспріятій — или 2) недостатка волненій, внутреннихъ возбужденій. Положительное удовольствіе: 3) при гармоническихъ музыкальныхъ ощущеніяхъ — или 4) при ощущеніи нормальнаго внутренняго возбужденія. Положительное страданіе: 5) при ощущеніи дисгармоніи слуховыхъ впечатлѣній — или 6) при ощущеніи напряженнаго волненія или возбужденія. Отрицательное удовольствіе: 7) при ощущеніи облегченія отъ прекращенія дисгармоніи — или 8) при ощущеніи улегшихся волненій. Не признавая эту классификацію чувствованій безусловно полною, г. Гротъ придаетъ ей однако большое значеніе; „съ нею очевидно открывается", говоритъ онъ, „широкій и неизвѣстный еще до сихъ поръ горизонтъ для анализа мельчайшихъ оттѣнковъ чувствованій удовольствія и страданія".

Отъ классификаціи чувствованій г. Гротъ переходитъ къ законамъ ихъ осложненія. Чувствованія удерживаются въ памяти, входятъ въ ассоціацію между собою и съ другими психическими явленіями, интегрируются или слагаются такимъ же образомъ въ сложныя группы—и наоборотъ, подвергаются забвенію, разобщаются или

---

[1]) Авторъ даетъ подробную схему 16 моментовъ, составляющихъ, если можно такъ выразиться, вполнѣ законченный оборотъ психическаго процесса; мы приведемъ только первую часть ея, по которой можно судить и о всѣхъ другихъ: „ощущеніе, происходящее отъ бездѣятельности какого-нибудь органа—отрицательное страданіе—стремленіе приблизить къ себѣ объектъ, необходимый для взаимодѣйствія—движеніе, чтобы достать этотъ объектъ".

диссоціируются, дифференцируются или распадаются на меньшія группы. Отсюда три главныя ступени осложненія чувствованій: *первичныя* чувства и волненія, имѣющія въ основаніи своемъ сочетанія чувствованій и ощущеній—чувства и волненія *вторичнаго образованія*, происходящія изъ сочетанія первичныхъ чувствъ, ощущеній и идей—и чувства и волненія *еще болѣе сложнаго состава*, происходящія изъ сочетанія идей и вторичныхъ чувствъ. Въ области познаванія этимъ тремъ ступенямъ соотвѣтствуютъ конкретныя представленія, конкретныя понятія и отвлеченныя понятія. Различая чувства и волненія, какъ *тихія* и *порывистыя* чувствованія, г. Гротъ находитъ, что всякое волненіе есть чувство, но не всѣ чувства могутъ достигать степени волненій. Особенно способными обратиться въ волненія онъ признаетъ чувства отрицательнаго страданія и положительнаго удовольствія, не отвергая однако возможности такого перехода, въ исключительныхъ случаяхъ, и для чувствъ положительнаго страданія; никогда не переходятъ въ волненія только состоянія отрицательнаго удовольствія. Чувства, не достигающія степени волненія, авторъ предлагаетъ называть чувствами-настроеніями; *чувство* является здѣсь, такимъ образомъ, уже родовымъ понятіемъ, настроеніе и волненіе—понятіями видовыми. Признавая, что первичныя чувства (въ обширномъ смыслѣ слова) всегда имѣютъ такое же *периферическое* происхожденіе, какъ и чувствованія, т.-е. находятся въ такой же зависимости отъ мѣстныхъ внѣшнихъ возбужденій, г. Гротъ группируетъ первичныя чувства по тому же принципу, какъ и чувствованія, причемъ онъ однако не дѣлаетъ уже различія между ощущеніями внутренними и внѣшними. Шестидесяти четыремъ категоріямъ чувствованій соотвѣтствуютъ, поэтому, только тридцать двѣ категоріи первичныхъ чувствъ. Такъ, напримѣръ, въ группѣ чувствъ, связанныхъ съ субъективными процессами сознанія, мы находимъ: 1) отрицательное страданіе—чувство томленія, меланхоліи; 2) положительное удовольствіе—чувство (волненіе) наслажденія, гармоніи; 3) положительное страданіе—чувство (волненіе) страданія, дисгармоніи; и 4) отрицательное удовольствіе—чувство возстановленной гармоніи. Нѣкоторые пункты своей классификаціи первичныхъ чувствъ авторъ разъясняетъ и подтверждаетъ фактами, заимствованными изъ жизни животныхъ. Такъ напримѣръ, чувство страха или ужаса является у него отрицательнымъ страданіемъ, связаннымъ съ процессомъ дыханія; онъ мотивируетъ это тѣмъ, что при нападеніи болѣе сильнаго животнаго на болѣе слабое первое всегда старается задушить, задавить второе, и что происходящее вслѣдствіе того замедленіе или затрудненіе дыхательнаго процесса служитъ первоначальнымъ источникомъ чувства страха. Чувство злости или гнѣва является отрица-

тельнымъ страданіемъ, связаннымъ съ процессомъ питанія, потому что злоба, въ животномъ плотоядномъ и сильномъ, возникаетъ при видѣ другого животнаго, могущаго служить для него пищей. Происходя изъ одного и того же источника, первичныя чувства въ сознаніи отдѣльныхъ людей носятъ на себѣ, однако, индивидуальный отпечатокъ, смотря по элементамъ, изъ которыхъ они сложились и по процессамъ сложенія этихъ элементовъ. Первичныя чувства, соотвѣтствующія низшимъ растительнымъ функціямъ организма, образуются раньше всѣхъ остальныхъ; чувства, соотвѣтствующія процессамъ питанія и дыханія, развиваются ранѣе, чѣмъ чувства соотвѣтствующія процессу размноженія. Всего позже образуются первичныя чувства, связанныя съ объективными процессами сознанія. Вопросъ о дальнѣйшемъ осложненіи чувствъ, объ образованіи чувствъ вторичныхъ и еще болѣе сложныхъ, разработанъ г. Гротомъ менѣе подробно, чѣмъ остальные. Авторъ различаетъ здѣсь моментъ дифференціаціи первичныхъ чувствъ, моментъ интеграціи этихъ дифференцированныхъ первичныхъ чувствъ во вторичныя, моментъ дифференціаціи вторичныхъ чувствъ, моментъ интеграціи продуктовъ этой вторичной дифференціаціи въ еще болѣе сложныя единства и наконецъ моментъ дифференціаціи этихъ еще болѣе сложныхъ единствъ; но каждый изъ этихъ пяти моментовъ разъясненъ лишь вкратцѣ, немногими примѣрами. Въ заключеніи книги г. Гротъ намѣчаетъ задачи и пріемы будущей психологіи чувствованій. Она должна изслѣдовать условія образованія чувствъ сначала въ развитыхъ, потомъ въ неразвитыхъ людяхъ (дѣтяхъ и дикаряхъ), далѣе въ высшихъ животныхъ, и наконецъ—въ низшихъ животныхъ. Она должна дѣйствовать путемъ наблюденія: 1) надъ нормальными и постоянными условіями возникновенія чувствъ, 2) надъ превращеніями чувствъ при измѣненныхъ условіяхъ существованія организмовъ, 3) надъ превращеніями чувствъ подъ вліяніемъ болѣзненныхъ условій и 4) надъ внѣшними выраженіями чувствованій и чувствъ.

Къ краткому и по необходимости неполному очерку системы г. Грота—достаточному, надѣемся, чтобы возбудить желаніе ближайшаго съ нею знакомства,—мы присоединимъ указаніе тѣхъ сторонъ ея, которыя кажутся намъ наиболѣе спорными. Недостаточно доказанъ, прежде всего, параллелизмъ внутреннихъ и внѣшнихъ ощущеній, принимаемый авторомъ какъ одно изъ основаній классификаціи чувствованій. Для автора этотъ параллелизмъ настолько ясенъ, что подробно мотивировано имъ только отношеніе между ощущеніями слуховыми и ощущеніями, связанными съ субъективными процессами сознанія. „Особенное вліяніе музыки и вообще впечатлѣній слуха,—говоритъ онъ,—на субъективные процессы сознанія, на ходъ развитія

чувствованій и стремленій, почти такъ же несомнѣнно, какъ вліяніе осязательныхъ ощущеній на процессы движенія. Связь музыкальныхъ наклонностей съ особеннымъ богатствомъ субъективной жизни, воспріимчивость къ музыкѣ въ индивидумахъ и въ народахъ въ періоды наибольшаго подъема чувствительности (въ періоды молодости и любви) и т. д.—все это факты, надъ которыми психологи еще слишкомъ мало задумывались и которые до нѣкоторой степени позволяютъ намъ *предположить* упомянутую параллель между внѣшними ощущеніями слуха и внутренними ощущеніями, сопровождающими субъективные процессы сознанія". Съ этими мотивами, какъ и съ построеннымъ на нихъ заключеніемъ, едва ли можно согласиться. *Особенное богатство субъективной жизни* — явленіе столь же обычное въ живописцѣ, въ скульпторѣ, въ поэтѣ, какъ и въ композиторѣ или виртуозѣ. Влюбленный воспріимчивъ къ музыкѣ, но не менѣе воспріимчивъ къ красивому виду, къ лунному свѣту, къ обаянію тихой лѣтней ночи. Дикарь любитъ звуки мѣднаго инструмента не больше, чѣмъ яркіе цвѣта или пеструю татуировку. Если бы мысль г. Грота была вѣрна, глухота вела бы за собою прекращеніе или крайнее ослабленіе субъективныхъ процессовъ сознанія; на самомъ дѣлѣ, однако, мы этого не видимъ [1]). О всѣхъ остальныхъ группахъ ощущеній г. Гротъ замѣчаетъ только, что внѣшнія ощущенія *очевидно* служатъ внѣшними средствами контроля для тѣхъ внутреннихъ отправленій, съ которыми связаны соотвѣтствующіе классы органическихъ (внутреннихъ) ощущеній. Безспорно, зрительныя ощущенія служатъ средствами контроля для объективныхъ процессовъ сознанія, но *одни ли* зрительныя ощущенія? Отчего не прибавить къ нимъ, по меньшей мѣрѣ, и звуковыхъ, такъ часто служащихъ источникомъ и регуляторомъ нашего познанія? Ощущенія, связанныя съ воспріятіемъ, имѣютъ точку соприкосновенія съ мускульными ощущеніями; но развѣ они не имѣютъ ея съ зрительными, съ слуховыми, съ осязательными ощущеніями? На какомъ основаніи ощущенія, связанныя съ движеніемъ, поставлены въ параллель съ ощущеніями осязательными, а не съ ощущеніями мускульными [2])? Касаясь поверхности тѣла, кожи, тепловыя ощущенія могутъ не имѣть ничего общаго съ процессомъ кровооб-

---

[1]) Глухонѣмота не можетъ быть принимаема въ разсчетъ потому, что она вообще несовмѣстна съ широкимъ и правильнымъ развитіемъ личности.

[2]) Сомнительною представляется намъ самая правильность причисленія мускульныхъ ощущеній къ внѣшнимъ, а не къ внутреннимъ. Авторъ признаетъ ихъ внѣшними въ виду видимой ихъ роли при опредѣленіи различныхъ внѣшнихъ отношеній предметовъ въ пространствѣ; но основаніемъ дѣленія служитъ у него вообще не функція ощущеній, а ихъ источникъ; источникъ же мускульныхъ ощущеній (по Вундту —Innervationsgefühle)—никакъ нельзя признать внѣшнимъ.

ращенія—а достигнувъ извѣстной степени интенсивности, они вліяютъ столько же на процессъ кровообращенія, сколько и на процессъ дыханія. Отъ неправильной классификаціи ощущеній зависятъ отчасти неправильности или натяжки въ классификаціи чувствованій, а слѣдовательно и чувствъ. Возьмемъ, для примѣра, два чувствованія: отрицательное страданіе при ощущеніи недостатка мышечной иннерваціи и такое же страданіе при ощущеніи насильственнаго (т.-е. вынужденнаго) покоя. Эти чувствованія такъ близки между собою, что всего проще было бы отнести ихъ въ одну и ту же группу; между тѣмъ у г. Грота они принадлежатъ къ разнымъ группамъ (первое—къ пятой, а второе—къ шестой), и параллелью первому изъ нихъ служитъ отрицательное страданіе при ощущеніи недостаточной дѣятельности чувствительныхъ аппаратовъ, параллелью второму—отрицательное страданіе при очень слабыхъ ощущеніяхъ въ органахъ осязанія, возбуждающихъ только легкое щекотаніе кожи. Не говоря уже о гадательности послѣдняго чувствованія, какъ отрицательнаго страданія,—едва ли оно имѣетъ много общаго съ чувствованіемъ вынужденнаго покоя, едва ли можетъ служить вмѣстѣ съ нимъ источникомъ особаго первичнаго чувства—чувства стѣсненія, бездѣйствія. Гораздо естественнѣе было бы связать это чувство съ чувствованіемъ недостатка мышечной иннерваціи, которое—вмѣстѣ съ ощущеніемъ недостаточной дѣятельности чувствительныхъ аппаратовъ—является у г. Грота источникомъ чувства ожиданія, нетерпѣнія. На чемъ основанъ, далѣе, параллелизмъ между чувствованіями напряженнаго волненія или возбужденія и дисгармоніи слуховыхъ впечатлѣній—чувствованіями, изъ которыхъ проистекаетъ *чувство* страданія, дисгармоніи? Въ напряженномъ волненіи можетъ не быть никакого противорѣчія, никакой дисгармоніи; съ другой стороны, дисгармонія можетъ существовать не только между слуховыми, но и между зрительными впечатлѣніями—безвкусное сочетаніе цвѣтовъ можетъ быть столь же непріятнымъ для глазъ, какъ непріятенъ фальшивый аккордъ для уха. Произвольно сближая разнородное, г. Гротъ столь же произвольно разъединяетъ однородное; чувство возстановленнаго согласія ничѣмъ существенно не отличается отъ чувства возстановленной гармоніи—между тѣмъ они причисляются къ различнымъ группамъ (первое—къ восьмой, второе—къ седьмой). Всѣ эти недостатки позднѣйшихъ классификацій обусловливаются, повторяемъ, неудовлетворительностью первой, основной классификаціи—классификаціи ощущеній.

Различіе между положительными и отрицательными чувствованіями имѣетъ, безъ сомнѣнія, твердое физіологическое основаніе; мы

думаемъ, однако, что авторъ придаетъ ему слишкомъ абсолютное значеніе и не всегда правильно пользуется имъ для классификаціи чувствованій и чувствъ. Онъ утверждаетъ, что послѣдовательность чувствованій удовольствія и страданія *всегда* одна и та же, что отклоненія отъ нея — только кажущіяся, видимыя. Этому положенію противорѣчатъ прежде всего примѣры, приводимые самимъ авторомъ— своевременное прекращеніе дѣятельности, вслѣдствіе чего положительное удовольствіе прямо уступило мѣсто отрицательному (минуя промежуточный фазисъ положительнаго страданія), или своевременный переходъ отъ отдыха къ дѣятельности, вслѣдствіе чего отрицательное удовольствіе прямо уступило мѣсто положительному (минуя промежуточный фазисъ отрицательнаго страданія). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ отсутствующія звенья процесса могутъ быть, по мнѣнію г. Грота, найдены въ прошедшихъ или будущихъ состояніяхъ организма и сознанія; но эта оговорка нисколько не устраняетъ указаннаго нами противорѣчія, потому что страданіе, раньше или позже даннаго круговорота вызванное избыткомъ накопленія или траты, относится къ другимъ круговоротамъ и не можетъ быть отдѣлено отъ нихъ для пополненія вышеупомянутыхъ пробѣловъ. Еще болѣе серьёзнымъ аргументомъ противъ положенія г. Грота служитъ тотъ несомнѣнный и испытанный каждымъ изъ насъ фактъ, что работа далеко не всегда равносильна наслажденію (у г. Грота оба эти термина безразлично означаютъ положительное удовольствіе), а усталость далеко не всегда равносильна страданію. Какъ бы ни былъ великъ запасъ энергіи, накопившейся во мнѣ вслѣдствіе продолжительнаго отдыха, трата ея не доставитъ мнѣ ни малѣйшаго удовольствія или даже причинитъ мнѣ положительное страданіе, если она будетъ сопряжена съ трудомъ, мнѣ скучнымъ или ненавистнымъ. Наоборотъ, любимая, вдохновляющая меня работа можетъ быть продолжаема мною съ наслажденіемъ, несмотря на крайнюю усталость, и положительное удовольствіе, которое она ни на одну минуту не переставала доставлять мнѣ, можетъ непосредственно уступить мѣсто отрицательному удовольствію отдыха и сознанія оконченнаго дѣла. Ошибка г. Грота заключается, какъ намъ кажется, въ томъ, что онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на физіологической сторонѣ процесса, упустивъ изъ виду сторону психологическую. Съ физіологической точки зрѣнія трата и накопленіе вещества являются процессами противоположными; но самонаблюденіе — значеніе котораго для психологіи г. Гротъ, какъ и другіе современные психологи (напримѣръ Льюисъ), не отвергаетъ—показываетъ намъ, что они могутъ *иногда* вызывать одинаковыя чувствованія, и что трата веще-

ства, при тождественныхъ, повидимому [1]), физіологическихъ условіяхъ, можетъ сопровождаться весьма разнородными чувствованіями. Съ другой стороны, стараніе найти во всякой группѣ чувствованій оба типа удовольствій и оба типа страданій приводитъ г. Грота къ такимъ подраздѣленіямъ, которыя нужны только для симметріи и не оправдываются дѣйствительнымъ различіемъ между чувствованіями. Въ группѣ чувствованій, связанныхъ съ процессомъ кровообращенія, онъ различаетъ, напримѣръ, положительное удовольствіе, обусловленное ощущеніемъ правильнаго кровообращенія, отъ отрицательнаго удовольствія, обусловленнаго ощущеніемъ возстановленнаго кровообращенія. Но возстановленное кровообращеніе есть правильное кровообращеніе — слѣдовательно отрицательное удовольствіе, связанное съ первымъ, ничѣмъ существенно не отличается отъ положительнаго, связаннаго съ послѣднимъ. То же самое замѣчаніе примѣнимо и къ группѣ чувствованій, связанныхъ съ процессомъ воспріятія; отрицательное удовольствіе возстановленной гармоніи въ чувствительныхъ аппаратахъ совпадаетъ здѣсь съ положительнымъ удовольствіемъ правильной дѣятельности чувствительныхъ аппаратовъ. Предшествовавшая пертурбація, въ обоихъ приведенныхъ нами случаяхъ, можетъ увеличить *интенсивность* удовольствія, но едва ли можетъ измѣнить его *сзойство*. Чувствованіе возстановленной умственной гармоніи (отрицательное удовольствіе восьмой группы—группы чувствованій, связанныхъ съ объективными процессами сознанія) также кажется намъ слишкомъ близкимъ къ чувствованію нормальной умственной дѣятельности (положительному удовольствію той же группы).

Классификація первичныхъ чувствъ возбуждаетъ въ насъ еще больше недоумѣній, чѣмъ классификація ощущеній и первоначальныхъ чувствованій. Мы говорили уже о тѣхъ ея недостаткахъ, которые зависятъ непосредственно отъ принятой г. Гротомъ группировки ощущеній; другимъ источникомъ ошибокъ является стремленіе автора связать каждое чувство съ одной опредѣленной группой чувствованій. Стремленіе это идетъ въ разрѣзъ съ признаваемой самимъ авторомъ сложностью происхожденія или образованія чувствъ, съ разнообразіемъ ихъ элементовъ и процессовъ сложенія этихъ элементовъ. Возьмемъ, для примѣра, чувство тоски, печали, чувство томленія, меланхоліи и чувство грусти, ревности; первое изъ нихъ причисляется г. Гротомъ къ чувствамъ, связаннымъ съ процессомъ кровообращенія, второе—къ чувствамъ, связаннымъ съ субъективными

---

[1]) Мы говоримъ: *повидимому*, потому что возможность наслажденія трудомъ, несмотря на усталость, имѣетъ безъ сомнѣнія не только психологическую, но и физіологическую подкладку, опредѣленіе которой — дѣло будущаго развитія физіологіи.

процессами сознанія, третье—къ чувствамъ, связаннымъ съ процессомъ взаимодѣйствія организмовъ. Насъ поражаетъ здѣсь, прежде всего, отождествленіе грусти съ ревностью, томленія съ меланхоліей, ничѣмъ не мотивированное и ни на чемъ не основанное. Если мы удержимъ только понятія о печали, грусти и меланхоліи, то намъ придется спросить себя, чѣмъ отличается первая отъ второй, вторая отъ третьей, чѣмъ доказывается неодинаковое ихъ происхожденіе; если мы удержимъ только понятія о ревности, тоскѣ и томленіи, то, помимо недостаточнаго различія между двумя послѣдними, мы должны будемъ признать, что источникъ ревности коренится отнюдь не въ одномъ только взаимодѣйствіи организмовъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его г. Гротъ [1]). Собака сердится, если хозяинъ ея ласкаетъ другую собаку, ребенокъ, едва начинающій говорить — если мать его ласкаетъ другого ребенка; это чувство, соединяющее въ себѣ всѣ признаки ревности, не имѣетъ однако ничего общаго съ половою любовью, съ „animal contact“ или взаимодѣйствіемъ организмовъ. Не менѣе произвольно отдѣленіе чувства наслажденія отъ чувства любви, нѣжности, симпатіи, чувства страданія—отъ чувства огорченія, чувства возстановленной гармоніи—отъ чувства утѣшенія, и причисленіе первыхъ къ седьмой, послѣднихъ—къ четвертой группѣ первичныхъ чувствъ. На какомъ основаніи чувство ожиданія, нетерпѣнія отнесено къ чувствамъ, связаннымъ съ процессами воспріятія? Въ какомъ отношеніи оно ближе къ нимъ, чѣмъ, напримѣръ, къ чувствамъ, связаннымъ съ процессомъ взаимодѣйствія организмовъ? Почему чувство смѣшного слѣдуетъ считать отрицательнымъ удовольствіемъ и отводить ему мѣсто среди чувствъ, связанныхъ съ процессами воспріятія, а не среди чувствъ, связанныхъ съ объективными процессами сознанія? Такихъ вопросовъ можно было бы сдѣлать еще не мало. Мы знаемъ, что г. Гротъ называетъ первичныя чувства — за отсутствіемъ спеціальной для нихъ терминологіи — именами, выработанными собственно для чувствъ вторичныхъ, болѣе сложныхъ, что вслѣдствіе этого нельзя понимать употребляемыя имъ выраженія буквально, что первичное чувство меланхоліи или тоски, какъ его представляетъ себѣ г. Гротъ, есть нѣчто несравненно менѣе сложное, чѣмъ меланхолія или тоска въ обыкновенномъ смыслѣ слова; возраженія наши, однако, не теряютъ отъ этого своей силы, потому что и въ самомъ простомъ, первобытномъ видѣ далеко не всѣ чувства, перечисляемыя авторомъ, могутъ быть

[1]) Терминъ „взаимодѣйствія организмовъ“, не вполнѣ удовлетворяющій г. Грота, придуманъ имъ для идеи, выраженной Беномъ посредствомъ термина: „animal contact“. Въ группировкѣ чувствованій процессъ взаимодѣйствія организмовъ отождествляется г. Гротомъ съ процессами выдѣленія и оплодотворенія.

сведены къ одному источнику, къ одной группѣ ощущеній. Чтобы опровергнуть гипотезу г. Грота о происхожденіи чувствъ страха и злобы, достаточно припомнить съ одной стороны, что не всякая опасность отражается прежде всего на органахъ дыханія (извѣстенъ страхъ, наводимый на животныхъ *ядовитыми* змѣями—а между тѣмъ послѣднія дѣйствуютъ противъ своихъ враговъ не удушеніемъ и не удавленіемъ), съ другой стороны — что чувство злобы возбуждается въ животныхъ не только при видѣ добычи, но и при видѣ соперниковъ въ половомъ подборѣ. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ насъ сомнѣваться, чтобы попытка г. Грота—пріурочить каждое первичное чувство къ одной опредѣленной группѣ чувствованій и ощущеній—могла увѣнчаться успѣхомъ; интеграція *разнородныхъ* чувствованій начинается, по нашему мнѣнію, раньше, чѣмъ полагаетъ г. Гротъ. Это не мѣшаетъ намъ признавать, что примѣненіе къ чувствованіямъ и чувствамъ общаго закона интеграціи и дифференціаціи составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ г. Грота.

— *Д. Г. Льюисъ*, Изученіе психологіи. Ея предметъ, область и методъ. Редакція перевода и этюдъ: „Льюисъ, какъ психологъ" П. Д. Боборыкина. Москва, 1880.

„Изученіе психологіи" вышло въ свѣтъ, въ подлинникѣ, уже послѣ смерти Льюиса; оно составляетъ продолженіе „Вопросовъ о жизни и духѣ", также переведенныхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на русскій языкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по справедливому замѣчанію переводчика, служитъ какъ-бы преддверіемъ къ обширной монографіи о психологіи. Психологія, въ глазахъ Льюиса—самостоятельная наука, тѣсно связанная съ физіологіею, но не поглощаемая ею, а входящая наравнѣ съ нею въ составъ біологіи. Человѣческій организмъ—и его жизнь—можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ точекъ зрѣнія: объективной и субъективной. Твердость, форма, вѣсъ, цвѣтъ и движенія тѣла составляютъ объективное, видимое *я;* чувства, мысли и хотѣнія—субъективное, мыслимое *я*. Физіологія занимается объективною стороною фактовъ чувствованія и ихъ отношеніемъ къ видимому организму; психологія изучаетъ тѣ же факты въ ихъ субъективной формѣ, какъ состоянія чувствъ, а не какъ органическія измѣненія. Она не ограничивается фактами сознанія; процессы, которые *могутъ* сдѣлаться сознательными, также входятъ въ ея область. Исходя изъ этихъ главныхъ положеній, Льюисъ полемизируетъ съ одной стороны противъ Конта, вовсе отвергавшаго самонаблюденіе и не включавшаго психологію въ число основныхъ наукъ, съ другой стороны — противъ Дж. Ст. Милля, признававшаго самонаблюденіе единственнымъ путемъ къ изученію психическихъ явленій и черезъчуръ обособлявшаго психологію отъ біологіи. Разногласіе между

Льюисомъ и Спенсеромъ менѣе существенно и выяснено съ меньшею опредѣленностью. Большое значеніе Льюисъ придаетъ соціальному фактору въ психологіи: „психологія,—говоритъ онъ,—должна искать свои данныя не только въ біологіи, но и въ соціологіи, не въ однихъ животныхъ функціяхъ организма, но и въ способностяхъ, развившихся подъ вліяніемъ общества“. Намъ кажется, что Льюисъ слишкомъ настаиваетъ на новизнѣ этого взгляда. Если измѣненіе душевныхъ явленій соціальными условіями было, какъ признаетъ самъ Льюисъ, констатируемо и до него другими писателями, напр. Спенсеромъ (и, прибавимъ отъ себя, Дж. Ст. Миллемъ, выводившимъ отсюда возможность и необходимость *этологіи*, какъ особой науки объ образованіи характера), то затѣмъ здѣсь едва ли можетъ быть рѣчь объ открытіи, измѣняющемъ область и методъ психологической науки. Мы имѣли уже случай коснуться этого вопроса, говоря о „Соціологіи“ г. де-Роберти (см. литер. обозр. въ № 1 „Вѣстника Европы“ 1880 г., стр. 418—420). Замѣтимъ только, что изъ зависимости психическихъ явленій отъ соціальныхъ условій англійскій философъ и русскій позитивистъ выводятъ не одни и тѣ же заключенія. Г. де-Роберти мотивируетъ ею конкретный, производный характеръ психологіи, т.-е. исключеніе психологіи изъ числа абстрактныхъ наукъ; Льюисъ разсматриваетъ психологію какъ часть біологіи, т.-е. какъ часть абстрактной науки. Г. де-Роберти видитъ въ психологіи какъ бы продолженіе соціологіи; Льюисъ признаетъ, наоборотъ, что вторая группа наукъ, обнимающая законы человѣческой природы, начинается психологіей и оканчивается соціологіей. Впрочемъ, въ глазахъ Льюиса вопросъ о конкретномъ или абстрактномъ характерѣ психологіи очевидно не имѣетъ той преувеличенной важности, какую придаетъ ему г. де-Роберти. Настаивая на крупной роли, принадлежащей соціальному фактору въ психологіи, Льюисъ заботится не о формальной перестановкѣ въ научной іерархіи, а о расширеніи предѣловъ психологіи, о включеніи въ нее *психогеніи*, о дополненіи субъективнаго анализа объективнымъ, самонаблюденія — изученіемъ такъ-называемаго *общаго духа*, коллективнаго опыта народовъ или всего человѣчества. Исторія, по его мнѣнію, важнѣе для правильнаго пониманія психическихъ явленій, чѣмъ сравнительная психологія или психологія животныхъ. Изучая душевную жизнь животныхъ, мы всегда слишкомъ расположены судить о ней на основаніи нашей собственной психической дѣятельности; между тѣмъ организація животныхъ настолько отлична отъ нашей, что наши и ихъ чувства не могутъ быть одинаковыми. Приписывать животнымъ знанія и эмоціи, значитъ говорить метафорами или слѣдовать классификаціи по наружнымъ признакамъ. „Психологія животныхъ мо-

жетъ быть проще психологіи человѣка, но она несомнѣнно менѣе понятна намъ; между тѣмъ, настоящій способъ изслѣдованія не тотъ, который восходитъ отъ простѣйшихъ явленій къ сложнымъ, но тотъ, который отъ болѣе доступнаго явленія переходитъ къ менѣе доступному, отъ болѣе извѣстнаго—къ менѣе извѣстному".

Въ этюдѣ о Льюисѣ, предпосланномъ переводу „Изученія психологіи", г. Боборыкинъ выставляетъ на видъ преимущество англійскаго психолога передъ новѣйшими нѣмецкими послѣдователями Канта, т.-е. передъ философами ново-критической школы. „Психологи научнаго направленія", говоритъ онъ, „занимались почти исключительно индивидуальной душой человѣка, слишкомъ выдѣляли и обособляли ее. Эта односторонность привела къ преувеличенію значенія, придаваемаго теперь въ Германіи такъ-называемой теоріи познаванія. Если довольствоваться одной психологіей индивида, то какъ разъ сдѣлаешь изъ нея краеугольный камень философскаго мышленія, къ чему новѣйшіе нѣмцы и наклонны". Намъ кажется, что теорія познаванія совершенно правильно признается краеугольнымъ камнемъ философскаго мышленія, потому что только съ помощью ея можно опредѣлить достовѣрность и цѣну результатовъ этого мышленія. Выдвигать на первый планъ теорію познаванія не значитъ еще, притомъ, игнорировать или уменьшать важность соціальнаго фактора въ психологіи; если процессъ познаванія въ самыхъ простыхъ проявленіяхъ своихъ одинаковъ у всѣхъ людей, то нѣкоторые фазисы его—напримѣръ, образованіе высшихъ, отвлеченныхъ понятій—становятся возможными лишь при извѣстной степени развитія общественной жизни.

— *М. Ковалевскій.*, Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Москва, 1880.

Обширный трудъ г. Ковалевскаго представляетъ такую цѣльную картину общественнаго строя Англіи въ XV-мъ вѣкѣ, которая, безъ сомнѣнія, обратила бы на себя вниманіе въ любой западно-европейской литературѣ, не исключая и англійской. Авторъ даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ; каждая сторона англійскаго общественнаго устройства изучается имъ не только въ предѣлахъ избранной имъ эпохи, но и въ предшествовавшихъ столѣтіяхъ; чтобы выяснить вполнѣ значеніе учрежденія или обычая, онъ восходитъ весьма часто до первыхъ нормансвихъ королей, даже до временъ англо-саксонскихъ. Мы знакомимся, такимъ образомъ, съ общественной исторіей Англіи въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ—и можемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросить взглядъ на дальнѣйшую судьбу англійскаго общества, такъ

какъ начало глубокихъ перемѣнъ въ его устройствѣ относится именно къ XV-му вѣку.

Во главѣ англійской общественной организаціи, выработанной средними вѣками, слѣдуетъ поставить—таковъ общій выводъ г. Ковалевскаго — дворянство [1]), вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ и классомъ юристовъ-практиковъ. Въ рукахъ дворянства и духовенства сосредоточивалась, въ концѣ среднихъ вѣковъ, почти вся недвижимая собственность страны. По мнѣнію автора, основанному отчасти на прямыхъ историческихъ указаніяхъ, отчасти на вычисленіяхъ и догадкахъ, весьма правдоподобныхъ, духовенству принадлежала въ XV-мъ вѣкѣ половина всѣхъ воздѣланныхъ земель королевства, причемъ двѣ трети этого пространства находились во владѣніи монашескихъ орденовъ. Остальная половина сосредоточивалась почти вся въ рукахъ немногихъ лордовъ и рыцарей. Казенныхъ имѣній было весьма немного; бо́льшая ихъ часть перешла, путемъ пожалованія, къ свѣтской аристократіи. Та же судьба постигла имущества иноземныхъ духовныхъ корпорацій, конфискованныя правительствомъ въ XV-мъ вѣкѣ; уже тогда можно было предвидѣть, что она постигнетъ и всѣ вообще монастырскія имѣнія, если правительство рѣшится наложить на нихъ свою руку. Распространяя свои владѣнія насчетъ казны и духовенства, аристократія распространяла ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и насчетъ низшаго дворянства или рыцарства, бѣднѣвшаго отъ междоусобныхъ и внѣшнихъ войнъ, и въ особенности отъ повышенія заработной платы, при низкомъ уровнѣ поземельной ренты. Мелкихъ собственниковъ въ Англіи и въ это время было уже чрезвычайно мало; если часть земли и находилась во владѣніи лицъ, не принадлежавшихъ ни къ дворянству, ни къ рыцарству, ни къ духовенству, то это было владѣніе зависимое, или такъ-называемое *держаніе* земли, принадлежавшей крупнымъ собственникамъ. Таково было, въ большинствѣ случаевъ, даже владѣніе городскихъ жителей; таково было весьма часто и владѣніе рыцарей. *Держали* дворянскую землю и свободные, и несвободные люди. Къ концу среднихъ вѣковъ число несвободныхъ или крѣпостныхъ держаній быстро уменьшается—но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и число крестьянъ въ помѣстьяхъ, вслѣдствіе развитія крупнаго фермерства и системы огораживаній. Подробное изслѣдованіе этихъ параллельныхъ, тѣсно связанныхъ между собою процессовъ составляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ частей книги г. Ковалевскаго. Крѣпостное право перестало быть выгоднымъ для землевладѣльцевъ, съ одной стороны потому, что бар-

[1]) Подъ именемъ дворянства г. Ковалевскій понимаетъ *высшее* дворянство (nobility), свѣтскую аристократію, лордовъ.

щина постепенно уступила мѣсто денежнымъ платежамъ, точно опредѣленнымъ и неподлежавшимъ произвольному возвышенію, съ другой стороны потому, что овцеводство, расширяясь насчетъ хлѣбопашества, требовало громадныхъ, огороженныхъ пастбищъ. Огораживаніе пастбищъ началось весьма рано, еще въ XIII-мъ вѣкѣ; но оно шло въ разрѣзъ съ правомъ крестьянъ пасти свой скотъ на помѣщичьей землѣ—правомъ, въ защиту котораго издавались законы и постановлялись судебныя рѣшенія. Правда, судебная защита была средствомъ дорогимъ, доступнымъ только для весьма немногихъ; но все-таки сосѣдство крестьянъ стѣсняло помѣщика въ выгодной для него перемѣнѣ хозяйственной системы. Самымъ простымъ и радикальнымъ средствомъ къ устраненію этихъ стѣсненій было удаленіе крестьянъ изъ помѣстья. Въ XV-мъ вѣкѣ мелкіе надѣлы повсемѣстно замѣняются крупными, на мѣсто нѣсколькихъ крестьянъ становится одинъ фермеръ. Въ іоменахъ (yeomen), которыхъ многіе писатели считали мелкими собственниками, г. Ковалевскій видитъ именно этотъ новый классъ фермеровъ, образованіе котораго измѣнило характеръ отношеній между дворянствомъ и остальнымъ населеніемъ страны, а тѣмъ самымъ и характеръ отношеній между королемъ и народнымъ представительствомъ. По этому поводу г. Ковалевскій подробно развиваетъ мысль, съ которою мы уже встрѣчались при разборѣ его брошюры: „Англійская конституція и ея историкъ“ (см. литературное обозрѣніе въ „Вѣстникѣ Европы“, 1880 г. № 4, стр. 750—751); онъ утверждаетъ, что политическое значеніе дворянства въ средніе вѣка коренилось въ его экономическихъ отношеніяхъ къ другимъ сословіямъ и что за экономическимъ переворотомъ неизбѣжно долженъ былъ послѣдовать переворотъ политическій. „Очевидно,—говоритъ онъ,—что съ того момента, когда крестьянинъ долженъ былъ покинуть землю своихъ отцовъ, когда мелкій коттеджеръ, а за нимъ и мѣстный сквайръ принуждены были или выбыть изъ помѣстья, или пополнить собою ряды новаго класса денежныхъ арендаторовъ, о прежнемъ взаимодѣйствіи сословій не могло быть и помину. Прежде всякое отягощеніе помѣщичьихъ земель тѣми или другими правительственными требованіями, отражаясь на судьбѣ второстепенныхъ владѣльцевъ возвышеніемъ платежей, невольно заставляло каждаго изъ нихъ отстаивать за-одно съ помѣщикомъ общія ихъ вольности и права... Не зная по отношенію къ помѣщику никакихъ другихъ обязательствъ, кромѣ своевременной уплаты денежной ренты, англійскій фермеръ конца XV и XVII-го столѣтія не имѣлъ матеріальныхъ причинъ къ тому, чтобы вести съ аристократіей заодно общую оппозицію коронѣ. Отсюда слабость аристократіи во все время правленія Іорковъ и Тюдоровъ, отсюда возможность для ко-

роля разсчитывать на депутатовъ отъ графствъ, посылаемыхъ фермерами, іоменами, какъ на своихъ естественныхъ союзниковъ". Мы продолжаемъ думать, что эти положенія не вполнѣ правильны. Если увеличеніе бремени, лежащаго на помѣщичьихъ земляхъ, должно было отражаться на положеніи прежнихъ второстепенныхъ владѣльцевъ, то какимъ же образомъ оно могло оставаться безъ вліянія на положеніе новыхъ фермеровъ? Что̀ мѣшало помѣщикамъ увеличивать арендную плату, по мѣрѣ увеличенія платежей, требуемыхъ отъ нихъ государствомъ? Правда, законодательство охраняло фермеровъ противъ своевольнаго удаленія съ арендуемой ими земли; но эта охрана имѣла силу лишь въ предѣлахъ аренднаго срока, и даже въ этихъ предѣлахъ, по словамъ самого г. Ковалевскаго, не всегда оказывалась дѣйствительною. Судьба многихъ фермеровъ, въ-добавокъ, зависѣла безусловно отъ усмотрѣнія помѣщика, имѣвшаго право удалить ихъ отъ аренды во всякое время. Конечно, нравственная связь между помѣщикомъ и фермеромъ была далеко не такъ тѣсна, какъ связь между помѣщикомъ и второстепеннымъ владѣльцемъ прежняго, феодальнаго типа; но г. Ковалевскій придаетъ значеніе не этой нравственной связи, а именно солидарности матеріальныхъ интересовъ, заставлявшей нѣкогда дворянство—отстаивать права другихъ сословій, другія сословія—во всемъ поддерживать дворянство. Изъ того, что часть рыцарей владѣла землей по надѣлу отъ дворянства, не слѣдуетъ еще, далѣе, что все рыцарство, вмѣстѣ взятое, было зависимо отъ аристократіи и эманципировалось изъ-подъ ея власти только съ развитіемъ фермерства. Автору удалось доказать только уменьшеніе числа рыцарей-собственниковъ, начиная съ XV-го вѣка, но отнюдь не малочи́сленность ихъ до этого времени. Что касается до горожанъ, то они и въ средніе вѣка платили помѣщикамъ только годовую ренту, заранѣе опредѣленную рентальемъ; произвольно возвышать эту ренту, по мѣрѣ возвышенія собственныхъ платежей, дворяне, слѣдовательно, не имѣли права, и не въ этомъ заключается разгадка единодушія между дворянствомъ и городами. На положеніе и роль городовъ перемѣна сельскихъ экономическихъ отношеній могла повліять лишь косвенно, увеличивъ — какъ это и объяснено г. Ковалевскимъ — городское населеніе, ускоривъ и усиливъ развитіе промышленности и торговли. Сравнительное безсиліе аристократіи при Тюдорахъ — при Іоркахъ она была еще довольно сильна, какъ видно изъ фактовъ, приводимыхъ самимъ г. Ковалевскимъ (стр. 117 — 118) — зависѣло отъ страшныхъ потерь, понесенныхъ ею во время войны обѣихъ Розъ; отъ церковной реформы, на первый разъ обратившейся, вмѣстѣ съ конфискаціей монастырскихъ имѣній, всецѣло на пользу

короля; отъ новыхъ взглядовъ на монархическую власть, распространившихся въ XVI-мъ вѣкѣ во всей западной Европѣ. Послѣдствія экономическаго переворота, сосредоточившаго въ немногихъ рукахъ не только право собственности на землю, но и фактическое владѣніе ею, обнаружилось не съ-разу. По справедливому замѣчанію г. Ковалевскаго, обусловленное имъ, въ послѣднемъ результатѣ, могущество англійской аристократіи достигло своего апогея лишь въ XVIII-мъ столѣтіи. Но и въ самомъ своемъ началѣ этотъ переворотъ едва ли могъ настолько уменьшить вліяніе дворянства, какъ полагаетъ авторъ. И до Тюдоровъ, притомъ, аристократія не всегда шла рука объ руку съ другими сословіями; самъ г. Ковалевскій замѣчаетъ, что въ дѣлахъ налоговыхъ нижняя палата уже тогда не подчинялась верхней. Если въ большинствѣ случаевъ фактическій перевѣсъ вліянія и власти оказывался до XVI-го вѣка на сторонѣ верхней палаты, то достаточнымъ объясненіемъ этому служитъ богатство аристократіи, духовной и свѣтской, незначительное развитіе промышленности и торговли, обусловленная этимъ малочисленность большихъ капиталовъ, традиціонное значеніе палаты лордовъ, какъ прямой преемницы витенагемота и великаго королевскаго совѣта, и наконецъ, самая организація дворянства, свободная отъ худшихъ недостатковъ замкнутаго сословія или касты. Эта послѣдняя сторона дѣла прекрасно разъяснена г. Ковалевскимъ; различіе между англійской и континентальной аристократіей, намѣченное въ главныхъ чертахъ еще Токвилемъ, нигдѣ, кажется, не выступаетъ на видъ такъ рельефно и ярко, какъ въ разбираемой нами книгѣ. Не вполнѣ доказаннымъ кажется намъ только предположеніе автора, что умѣренность въ пользованіи властью, характеризующая средневѣковую англійскую аристократію, зависѣла отъ тѣсной связи между дворянствомъ и высшимъ духовенствомъ. Если бы идеи „равенства всѣхъ передъ Богомъ и необходимости отеческаго попеченія старшихъ о младшихъ“ играли серьёзную практическую роль въ жизни англійской до-реформаціонной духовной іерархіи, то она не была бы предметомъ народной ненависти, такъ ясно выразившейся въ проповѣди лоллардовъ и ея первоначальномъ успѣхѣ. Епископъ или аббатъ, обладавшій огромными помѣстьями, едва ли отличался существенно отъ своего сосѣда въ панцырѣ и шлемѣ. Въ другихъ государствахъ высшее духовенство также бывало солидарно съ дворянствомъ, которое вслѣдствіе того не приближалось, однако, къ образцу англійской аристократіи. Въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 30), г. Ковалевскій упоминаетъ мимоходомъ о враждѣ, существовавшей въ XV-мъ вѣкѣ между молодой аристократіей и древними дворянскими родами. Это любопытное явленіе осталось, къ сожалѣнію, неразъясненнымъ—а между тѣмъ, мы знаемъ изъ книги

Стебса, что новое дворянство, какъ нѣчто противоположное старому или по меньшей мѣрѣ отличное отъ него, играло роль уже при изданіи великой хартіи. Мы знаемъ также, что именно старое дворянство особенно сильно пострадало отъ войнъ обѣихъ Розъ, что многія древнія фамиліи въ это время совсѣмъ угасли; не могло ли это отразиться на общемъ положеніи дворянства при Тюдорахъ, какъ одна изъ причинъ упадка его власти, констатируемаго г. Ковалевскимъ?

Укажемъ, въ заключеніе, на интересную параллель, проводимую г. Ковалевскимъ между положеніемъ англійскихъ землевладѣльцевъ въ XV-мъ вѣкѣ и положеніемъ русскихъ помѣщиковъ послѣ 1861 г. Въ Англіи, какъ и въ Россіи, отмѣна крѣпостной зависимости застала помѣщиковъ безъ капиталовъ, необходимыхъ для веденія хозяйства на новыхъ началахъ вольнонаемнаго труда. Въ Россіи, какъ и въ Англіи XV-го вѣка, сельское хозяйство можетъ сдѣлаться производительнымъ лишь подъ условіемъ радикальной перемѣны въ самой системѣ помѣстнаго управленія. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, эта перемѣна совершится отчасти въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ она произошла въ Англіи. Англійская система отдачи земель въ арендное держаніе постепенно образующагося класса фермеровъ находитъ аналогическое себѣ явленіе въ фактѣ снятія у насъ помѣщичьихъ земель какъ крестьянскими обществами, такъ и частными лицами, обыкновенно изъ крестьянъ. Медленность этого процесса въ современной Россіи наглядно иллюстрируетъ совершенно однохарактерное явленіе совмѣстнаго существованія въ Англіи XV-го вѣка новой и старой системы хозяйства — фермерства и непосредственнаго помѣщичьяго управленія. Всѣ эти черты сходства, приводимыя г. Ковалевскимъ, необходимо, по нашему мнѣнію, дополнить указаніемъ различій, еще болѣе существенныхъ. Экономическій переворотъ, знаменующій въ Англіи окончаніе среднихъ вѣковъ, велъ къ сосредоточенію поземельной собственности, еще бо́льшему чѣмъ прежде; экономическій переворотъ, переживаемый Россіей, ведетъ къ еще бо́льшему, чѣмъ прежде, ея раздробленію. Изъ рукъ англійскихъ помѣщиковъ ускользало только непосредственное завѣдываніе землею—изъ рукъ нашихъ помѣщиковъ весьма часто ускользаетъ и самая земля, т.-е. право собственности на нее. Съ фермерствомъ, предполагающимъ хозяйство на собственный счетъ арендатора, господствующая или по крайней мѣрѣ широко распространенная у насъ испольная система представляетъ весьма мало общаго. Въ Англіи огораживаніе пастбищъ, начавшееся еще раньше развитія фермерства, стирало съ лица земли послѣдніе остатки общиннаго земле-

владѣнія; у насъ и теперь не поколеблены самыя его основы. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ предполагать, что, несмотря на нѣкоторыя поверхностныя аналогіи, дальнѣйшее устройство поземельныхъ отношеній пойдетъ у насъ совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какимъ оно шло съ Англіи начиная въ XV-го вѣка.

— *Викторъ Гольцевъ*, Очеркъ развитія педагогическихъ идей въ новое время (XVI и XVII ст.). Москва, 1880.

Вопросъ о наилучшей организаціи воспитанія выдвинутъ впередъ, въ наше время, и наукой, и практическою жизнью. Учебная реформа поставлена на очередь во многихъ западно-европейскихъ государствахъ; у насъ также наступило время для преобразованій, если не въ самой учебной системѣ, то въ примѣненіи ея. При такомъ положеніи дѣлъ далеко не излишни экскурсіи въ прошедшее педагогіи, хотя бы онѣ и не имѣли характера самостоятельныхъ изслѣдованій. Въ основаніи книги г. Гольцева лежитъ преимущественно исторія педагогики, К. Шмидта, переводимая въ настоящее время на русскій языкъ; но объемистый и нѣсколько тяжеловѣсный трудъ нѣмецкаго автора прочтутъ сравнительно немногіе, а съ сочиненіемъ г. Гольцева легко могутъ познакомиться всѣ сколько-нибудь интересующіеся педагогіей или просто исторіей европейской мысли. Они узнаютъ изъ него, что нѣкоторыя идеи, еще теперь устрашающія многихъ своею смѣлостью и новизною, были пущены въ оборотъ уже въ XVI-мъ вѣкѣ; что Эразмъ, напримѣръ, стоялъ за наглядное обученіе, за необходимость *реальныхъ*, т.-е. историческихъ и естественно-научныхъ свѣдѣній, за уравненіе женскаго образованія съ мужскимъ; что противъ излишествъ классицизма, противъ преобладанія формальнаго грамматическаго элемента въ преподаваніи возставали, вслѣдъ за Эразмомъ, и Монтень, и Локкъ; что совмѣстнаго и одинаковаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ требовалъ и замѣчательный славянскій педагогъ XVII-го вѣка, Янъ Коменскій; что тѣлесныя наказанія, какъ воспитательное средство, были отвергаемы передовыми мыслителями уже болѣе двухъ столѣтій тому назадъ; что важность гигіены, важность параллельнаго развитія физическихъ и умственныхъ силъ была указана уже Рабле, въ картинѣ воспитанія одного изъ его героевъ (Гаргантуа). „Ce n'est pas une ame, ce n'est pas un corps qu'on dresse", сказалъ Монтень; „c'est un homme". Сопоставляя педагогическіе взгляды, выработанные эпохой возрожденія, съ педагогическою практикою лютеранскихъ и іезуитскихъ школъ, съ общимъ воспитательнымъ уровнемъ XVI и XVII вѣка, г. Гольцевъ приходитъ къ заключенію, что непрерывнаго совершенствова-

нія въ идеалахъ воспитанія исторія западной Европы не представляетъ. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи область воспитанія ничѣмъ не отличается отъ другихъ областей общественной и умственной жизни. *Непрерывнаго* прогресса мы не видимъ ни въ одной изъ нихъ; вездѣ проходитъ много времени между первымъ проблескомъ идеи и ея осуществленіемъ, вездѣ новизна борется съ стариной, то уступая ей, то торжествуя надъ нею. Вездѣ прогрессъ заключается, съ одной стороны, въ болѣе ясномъ, болѣе широкомъ и болѣе доказательномъ формулированіи идеи, съ другой стороны—въ болѣе полномъ и болѣе глубокомъ ея усвоеніи. Педагогическіе взгляды Эразма, Рабле, Монтеня, Локка, Коменскаго, появляясь вновь въ наше время, имѣютъ за себя такой арсеналъ доводовъ, основаній фактическихъ и теоретическихъ, какимъ они не располагали въ XVI-мъ или XVII вѣкѣ, и встрѣчаютъ такія благопріятныя условія для своего распространенія и примѣненія, о которыхъ въ то время не было и помину. Даже тогда, когда реакція, повидимому, беретъ верхъ надъ прогрессомъ, послѣдній можетъ проложить себѣ другую дорогу, проникнуть въ другую сферу, прежде для него недоступную. Возражая Шмидту, превозносящему сверхъ мѣры благотворное вліяніе реформаціи, г. Гольцевъ утверждаетъ, что протестантизмъ былъ шагомъ назадъ сравнительно съ возрожденіемъ; въ другомъ мѣстѣ онъ признаетъ, однако, что въ дѣлѣ народнаго обученія за протестантизмомъ существуютъ дѣйствительныя и весьма значительныя заслуги—распространеніе начальныхъ училищъ, демократизація образованія. Эти заслуги такъ велики, что о безусловномъ превосходствѣ возрожденія передъ реформаціей не можетъ, какъ намъ кажется, быть и рѣчи. Каждое изъ этихъ великихъ движеній въ области мысли имѣло свою спеціальную задачу, свою опредѣленную, яркую окраску—каждое изъ нихъ, слѣдовательно, не могло не быть односторонними. „Я отказываюсь,—говоритъ г. Гольцевъ,—признать гуманизмъ, который преднамѣренно и узко ограничивалъ область воспитанія древними языками, древней философіей и искусствомъ,—гуманизмомъ въ его первоначальномъ и единственно-точномъ смыслѣ". Идеальный гуманизмъ, воплощенный въ немногихъ, лучшихъ представителяхъ эпохи возрожденія противопоставляется здѣсь гуманизму обыденному, заурядному; но который же изъ нихъ господствовалъ въ XV-мъ вѣкѣ, которымъ изъ нихъ были воодушевлены университеты, ученые и придворные кружки, разсадники новаго просвѣщенія? Много ли было Эразмовъ и Гуттеновъ сравнительно съ безчисленными поэтами, филологами, антикварами, наполнявшими своей суетливой дѣятельностью всѣ главные города Италіи, Германіи, Франціи,

а теперь извѣстными едва по имени? Вѣдь если говорить объ идеальномъ гуманизмѣ, то можно говорить и объ идеальномъ протестантизмѣ, какой мы видимъ въ дѣятельности Лютера, пока онъ не былъ облеченъ властью, и отчасти въ дѣятельности Цвингли. Гуманизму, какъ организованной силѣ, узкость воззрѣній была свойственна не меньше, чѣмъ оффиціально сложившемуся протестантизму, хотя и въ другомъ направленіи, въ другой формѣ. Самостоятельная, свободная разработка началъ, почерпнутыхъ изъ древняго міра, была не по силамъ массѣ гуманистовъ, подобно тому, какъ не по силамъ массѣ протестантовъ была самостоятельная, свободная разработка началъ, почерпнутыхъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Не слѣдуетъ забывать, что успѣхамъ гуманизма способствовалъ сначала тѣсный союзъ его съ католическою церковью. Съ теченіемъ времени этотъ союзъ неминуемо долженъ былъ стать тяжелой оковой для гуманизма—а отрѣшиться отъ прежняго союзника или дѣйствовать на-перекоръ ему гуманизмъ самъ по себѣ былъ бы безсиленъ, потому что онъ апеллировалъ къ незначительному меньшинству, а не къ массѣ. Вотъ почему мы не думаемъ, чтобы въ исторіи педагогическихъ идей, какъ и вообще въ исторіи умственнаго развитія Европы, возрожденію можно было отдавать безусловное преимущество передъ реформаціей. Возрожденіе положило начало успѣхамъ знанія—реформація опрокинула или по крайней мѣрѣ поколебала главную преграду, лежавшую на пути къ дальнѣйшему его развитію. Возрожденіе дало образовательный матеріалъ—реформація сдѣлала его общедоступнымъ. Самъ Лютеръ широко понималъ задачи образованія, вводилъ въ него не только древніе языки, но и математику, астрономію, исторію, діалектику, музыку, заботился объ укрѣпленіи тѣла, о развитіи ловкости и силы. Если классическіе языки заняли и удержали въ учебной системѣ черезъ-чуръ выдающееся мѣсто, то виною этому не возрожденіе и не реформація, а низкій уровень науки въ XVI-мъ вѣкѣ, и затѣмъ консерватизмъ, свойственный школѣ еще больше, чѣмъ другимъ отраслямъ общественной дѣятельности.

Въ заключеніи книги г. Гольцева мы встрѣчаемъ нѣсколько общихъ разсужденій о воспитаніи, мало связанныхъ съ предъидущимъ, мало развитыхъ и потому довольно туманныхъ. „Школа существуетъ для жизни“, говоритъ авторъ. „Старшее поколѣніе имѣетъ не только право, но и священную обязанность избавить юное, идущее на смѣну поколѣніе отъ иллюзій, недоразумѣній и ошибокъ, испытать которыя пришлось *отцамъ*. Но иллюзія для одного есть предметъ горячаго вѣрованія для другаго. Возможно ли поставить общественное воспитаніе въ зависимость отъ взглядовъ родителей,

отъ ихъ прихоти, отъ ихъ невѣжества или фанатизма? Конечно, нѣтъ. Начальное образованіе, какъ справедливо замѣчаетъ Лоренцъ Штейнъ, есть необходимое предположеніе дальнѣйшаго духовнаго развитія отдѣльнаго лица. Этого начальнаго образованія не имѣютъ права лишить ребенка ни родители, ни государство... Опредѣленіе направленія дальнѣйшаго образованія, средняго и высшаго, есть дѣло родителей и самихъ дѣтей..... Къ школѣ, учреждаемой государствомъ, родители могутъ предъявлять опредѣленныя требованія". Итакъ, общественное воспитаніе имѣетъ цѣлью избавить молодое поколѣніе отъ иллюзій и недоразумѣній; но никакихъ средствъ къ достиженію этой цѣли г. Гольцевъ не указываетъ. Онъ возстаетъ противъ вліянія родителей на общественное воспитаніе — и вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ, даже требуетъ его. Онъ хочетъ освободить отъ произвола родителей начальное образованіе и высказывается, съ этой точки зрѣнія, за обязательность его, — но не замѣчаетъ, что *обязательность* начальнаго обученія не предрѣшаетъ *содержанія* и *направленія* его, не предрѣшаетъ, слѣдовательно, и вопроса о томъ, насколько оно можетъ способствовать разрушенію иллюзій и недоразумѣній. „Изъ школы,—читаемъ мы дальше,—должно быть исключено все то, что̀ можетъ раздѣлять образованныхъ людей", т.-е. служить предметомъ разногласія между ними. Въ основаніи своемъ это правило вполнѣ справедливо, хотя послѣдовательное примѣненіе его едва ли возможно (оно оказалось бы, напримѣръ, несовмѣстимымъ съ преподаваніемъ исторіи); но какъ согласить его съ *требованіями родителей*, которыя могутъ быть иногда направлены именно къ подчеркиванію разногласій? Нельзя не пожелать, чтобы г. Гольцевъ окончилъ начатое имъ дѣло, т.-е. довелъ очеркъ исторіи педагогическихъ идей до нашего времени; тогда, безъ сомнѣнія, выяснится все то, что̀ въ настоящей его книгѣ является недосказаннымъ и неопредѣленнымъ.

— *Н. С. Таганцевъ*, Курсъ русскаго уголовнаго права. Часть общая. Книга 1-ая, ученіе о преступленіи. Выпускъ III-й и послѣдній *(Соучастіе въ преступленіи)*. С.-Петербургъ, 1880.

Настоящимъ выпускомъ обширнаго труда г. Таганцева заканчивается первый отдѣлъ его—ученіе о преступленіи. Вопросъ о соучастіи въ преступленіи, которому посвященъ весь выпускъ, разработанъ съ такою же обстоятельностью и полнотою, какъ и предъидущіе; изложеніе и разборъ дѣйствующихъ законодательствъ, кассаціонныхъ рѣшеній, мнѣній иностранныхъ и русскихъ криминалистовъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Изъ общаго опредѣленія соучастія г. Таганцевъ выводитъ, между прочимъ, и такія за-

ключенія, которыя представляютъ интересъ не для однихъ только спеціалистовъ. „Соучастіемъ въ техническомъ смыслѣ,—говоритъ онъ, —можетъ быть названо только такое совпаденіе нѣсколькихъ лицъ въ преступленіи, при которомъ, благодаря общности ихъ вины, каждый отвѣчаетъ за все дѣяніе въ полномъ объемѣ. Такая общая виновность предполагаетъ не только наличность преступнаго умысла въ дѣйствующихъ, но и однородное направленіе воли. Внѣшнимъ признакомъ, безъ котораго немыслимо соучастіе, является соглашеніе на преступленіе". Другими словами, для возникновенія соучастія недостаточно существованія у нѣсколькихъ лицъ сходныхъ наклонностей, привычекъ, убѣжденій, вѣрованій, но безусловно необходима наличность у каждаго изъ нихъ намѣренія на совмѣстное совершеніе одного или нѣсколькихъ преступленій. По справедливому замѣчанію автора, твердое установленіе этого пункта особенно важно при характеристикѣ соучастія въ преступленіяхъ политическихъ и религіозныхъ, такъ какъ только въ немъ лежитъ различіе между политическими партіями, фракціями—и соучастіемъ въ видѣ заговора или преступнаго сообщества. „Совпаденіе въ идеяхъ, стремленіяхъ, вѣрованіяхъ есть признакъ партіи (или, прибавимъ отъ себя, группы, отличающейся отъ партіи отсутствіемъ организаціи, тѣсной внутренней связи и совмѣстной дѣятельности); соглашеніе есть признакъ соучастія. Люди, одинаково проникнутые ненавистью къ существующему образу правленія — мало того, прибѣгающіе къ однимъ и тѣмъ же средствамъ дѣйствія, напр., къ пропагандѣ однихъ и тѣхъ же сочиненій—не дѣлаются еще черезъ то членами заговора или преступнаго сообщества", въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ эти слова наше уголовное законодательство. „Къ сожалѣнію,—продолжаетъ авторъ, —наша практика за послѣднее время неоднократно игнорировала это требованіе закона. Любопытнымъ примѣромъ можетъ служить извѣстный процессъ 193 лицъ, привлеченныхъ по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Россіи и судившихся въ особомъ присутствіи сената съ октября 1877 по февраль 1878 г. Представитель обвиненія находилъ излишнимъ доказывать наличность соглашенія между обвиняемыми, привлеченными въ качествѣ участниковъ заговора, охватившаго всю Россію. Признаками сообщества выставлялись просто общія знакомства, нахожденіе другъ у друга фотографическихъ карточекъ, нахожденіе или раздача однѣхъ и тѣхъ же книгъ преступнаго содержанія и даже пѣніе запрещенныхъ пѣсенъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ число первоначально привлеченныхъ участниковъ доходило до 1000, а при извѣстномъ усердіи оно легко могло бы возрасти и до 10.000". Если припомнить, къ какимъ неудобствамъ

привела многочисленность подсудимыхъ въ указанномъ авторомъ процессѣ, въ какое тяжелое положеніе она поставила судъ, въ какой степени усложнила и затруднила, безъ всякой надобности, разсмотрѣніе дѣла, то нельзя не придти къ убѣжденію, что въ сферѣ уголовнаго правосудія, какъ и во всѣхъ другихъ, никогда не проходитъ безнаказаннымъ пренебреженіе къ теоріи, къ наукѣ. Другой, менѣе рельефной, но все-таки яркой иллюстраціей къ положенію, поддерживаемому г. Таганцевымъ, можетъ служить такъ-называемый процессъ пятидесяти (или московскій), рѣшенный особымъ присутствіемъ сената въ началѣ 1877 г. Въ Нечаевскомъ дѣлѣ указанія теоріи были приняты во вниманіе судомъ, признавшимъ, вопреки обвиненію, существованіе лишь тайнаго общества, а не заговора; но игнорированіе различій, установленныхъ наукой, сказалось и здѣсь—сказалось въ томъ негодующемъ удивленіи, съ которымъ былъ встрѣченъ, въ административныхъ и даже судебно-административныхъ сферахъ, приговоръ с.-петербургской судебной палаты.

Другой общеинтересный вопросъ, встрѣченный нами въ книгѣ г. Таганцева, касается отвѣтственности подстрекателей на преступленіе, если цѣлью подстрекательства было преданіе преступника въ руки правосудія. Авторъ совершенно правъ, находя, что одна наличность такой цѣли не можетъ устранить наказуемость подстрекателя, хотя бы послѣдній и руководствовался ложнымъ пониманіемъ своихъ служебныхъ обязанностей. „Ссылка на служебныя обязанности,—говоритъ г. Таганцевъ,—сама по себѣ несостоятельна уже потому, что никакой законъ не уполномочиваетъ и не можетъ уполномочивать на подстрекательство къ преступленію. Обязанность полиціи состоитъ въ раскрытіи совершонныхъ преступленій или въ предупрежденіи готовящихся, но не имѣетъ ничего общаго съ созданіемъ новыхъ преступленій или преступныхъ попытокъ. Если даже агентъ дѣйствовалъ по приказу начальника, то такой беззаконный приказъ можетъ служить только основаніемъ къ смягченію наказанія, а не къ безнаказанности исполнителя". Авторъ указываетъ нѣсколько подобныхъ дѣлъ изъ нашей судебной практики, окончившихся безусловнымъ осужденіемъ подстрекателя; всего больше шуму надѣлало въ свое время дѣло о сыщикѣ Фроловѣ, подговорившемъ отставного солдата Вѣтхова къ совершенію кражи изъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. Соображенія автора вполнѣ примѣнимы и къ такъ-называемымъ agents provocateurs, т.-е. къ подстрекателямъ на политическія преступленія. „Иначе,—продолжаетъ г. Таганцевъ,—представляется дѣло въ томъ случаѣ, когда подговоръ на преступленіе дѣлается только съ цѣлью захватить преступ-

ника, уже розыскиваемаго судебною властью за совершонныя имъ преступленія. При подобныхъ условіяхъ для подговаривавшаго не только нѣтъ интереса въ совершеніи преступленія, но даже и въ покушеніи на него, такъ какъ онъ желаетъ только заманить подговариваемаго въ такое мѣсто или поставить въ такія условія, при которыхъ бы поимка его сдѣлалась возможною. Если такую полицейскую дѣятельность по многимъ причинамъ нельзя назвать раціональною, въ особенности въ виду той опасности, которая можетъ грозить жертвѣ придуманнаго преступленія, то все-таки трудно здѣсь видѣть и подстрекательство, въ виду отсутствія умысла на совершеніе преступленія". Какъ поступать, однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда, по оплошности подговорщика или полиціи, преступленіе совершится или по крайней мѣрѣ будетъ сдѣлано покушеніе совершить его? Наказать подговорщика, какъ предлагаетъ одинъ изъ иностранныхъ криминалистовъ, только за неосторожность, съ одной стороны было бы недостаточно, такъ какъ безъ сознательныхъ и обдуманныхъ его дѣйствій преступленіе или покушеніе вовсе бы не имѣло мѣста; съ другой стороны—не всегда было бы возможно, такъ какъ оплошность можетъ быть не съ его стороны, а со стороны лицъ, приглашенныхъ имъ для предупрежденія преступленія и задержанія злоумышленника. Совершеніе кѣмъ-либо преступленія не даетъ, притомъ, права подговаривать его къ другому преступленію, одно приготовленіе къ которому наказуемо, можетъ быть, въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ прежнее противозаконное дѣяніе. Намъ казалось бы, поэтому, необходимымъ назначить за подобные подговоры особое наказаніе, болѣе или менѣе строгое, смотря по тяжести преступленія, къ которому подговоръ относился, по опасности, которою онъ угрожалъ, и по вреду, который оказался его результатомъ. Дѣятельность уголовной полиціи такое узаконеніе ни чуть бы не затруднило, потому что подговоръ, какъ способъ къ задержанію розыскиваемаго преступника — нѣчто исключительное и вполнѣ замѣнимое другими, менѣе опасными и менѣе безнравственными средствами.

— *А. Полѣновъ*, Къ вопросу о податной реформѣ. Обзоръ системъ земскаго поземельнаго обложенія. С.-Петербургъ, 1880.

Результаты пятнадцатилѣтнихъ работъ нашего земства до сихъ поръ извѣстны еще весьма мало,—а между тѣмъ они представляютъ собою массу интересныхъ данныхъ, массу матеріаловъ, могущихъ служить драгоцѣннымъ пособіемъ для будущей законодательной дѣятельности. Земскіе ежегодники содержатъ въ себѣ эти матеріалы въ сыромъ видѣ; такой же характеръ будетъ имѣть, по всей вѣроят-

ности, и сборникъ свѣдѣній о первомъ десятилѣтіи земства, задуманный, въ одно время съ ежегодниками, Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Параллельно съ группировкой и изданіемъ матеріаловъ должна идти систематическая ихъ разработка, только недавно начавшаяся въ нашихъ журналахъ и едва затронутая нашею неперіодическою литературою. Сочиненіе г. Полѣнова представляетъ именно опытъ такой разработки, тѣмъ болѣе полезный, что предметомъ его служитъ одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ земскаго хозяйства. По весьма правдоподобной догадкѣ автора, нормы поземельнаго обложенія, установленныя земствомъ, были приняты въ соображеніе при опредѣленіи государственнаго поземельнаго налога; съ еще бо́льшею увѣренностью можно утверждать, что онѣ не будутъ оставлены безъ вниманія при готовящейся въ настоящее время податной реформѣ. Между системами земскаго поземельнаго обложенія г. Полѣновъ различаетъ тѣ, въ основаніи которыхъ лежитъ оцѣнка земель по цифрамъ положеній 19 февраля 1861 г.—тѣ, въ основаніи которыхъ лежитъ оцѣнка по степени густоты населенія—тѣ, которыя облагаютъ землю по наемнымъ на нее цѣнамъ — и наконецъ *раціональныя* системы обложенія, основанныя на подробномъ статистическомъ изслѣдованіи земель и точной оцѣнкѣ приносимыхъ ими доходовъ. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ преимущественно системы, выработанныя губернскими земствами рязанскимъ, тверскимъ и вятскимъ. Параллельно съ изложеніемъ различныхъ системъ идетъ у г. Полѣнова критическій разборъ ихъ; особая глава посвящена способамъ оцѣнки и обложенія лѣсовъ. Громадное разнообразіе системъ обложенія, принятыхъ земскими собраніями, совмѣстное существованіе, иногда въ одной и той же губерніи, крайне несовершенныхъ и сравнительно весьма правильныхъ способовъ оцѣнки земель—все это доказываетъ необходимость общей, дружной дѣятельности земства по этому предмету. Разрозненность была до извѣстной степени полезна, пока рѣчь шла объ опытахъ, о поискахъ за наилучшей нормой обложенія; она дала возможность судить объ относительномъ достоинствѣ системъ не только по теоретическому характеру ихъ, но и по практическому примѣненію. Теперь, когда настало время для критики всего сдѣланнаго, для выбора между всѣми испытанными способами дѣйствій, продолженіе разрозненности можетъ имѣть только вредныя послѣдствія. „Съѣздъ представителей земствъ,—совершенно правильно замѣчаетъ г. Полѣновъ,—могъ бы сдѣлать въ теченіе одного года, двухъ лѣтъ то, на что́ потребуются иначе года и десятки лѣтъ. Куда какъ не скоро земства, путемъ печатанія своихъ изданій, придутъ къ соглашенію оцѣночныхъ системъ съ требо-

ваніемъ мѣстныхъ условій и особенностей.... Съѣздъ представителей земствъ, съ цѣлью выработки однообразныхъ, въ главныхъ чертахъ, основаній оцѣнки представляется единственнымъ способомъ для правильнаго разрѣшенія вопроса о поземельномъ обложеніи. На подобный съѣздъ должна быть возложена не одна черновая работа; ему должна быть предоставлена нѣкоторая доля иниціативы, безъ чего работа съѣзда не можетъ быть самостоятельна. А для иной работы не стоитъ и созывать представителей земствъ; ее съ успѣхомъ могутъ выполнить и департаментскіе чиновники". Авторъ весьма кстати вспоминаетъ по этому поводу изреченіе Токвиля о безплодности призыва къ дѣятельности общественныхъ представителей, если при этомъ не имѣется въ виду сдѣлать ихъ дѣятелями—не только чернорабочими.—К. К.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е сентября, 1880.

Шестое августа.—Старый и новый піетизмъ.—Проповѣдь такъ называемыхъ *пашковцевъ* и значеніе ея для современнаго русскаго общества. — Вѣротерпимость, какъ идеалъ ближайшаго будущаго, и дѣла о религіозныхъ преступленіяхъ, какъ характеристика настоящаго. — Уголовная статистика за 1877 г. въ имперіи и царствѣ польскомъ.— Пятидесятилѣтній юбилей бар. А. И. Дельвига и новыя пожертвованія на техническое образованіе.—„По поводу новаго плана“ преподаванія наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Германіи.

I.

Шестое августа ознаменовалось такимъ государственнымъ актомъ, который выдѣлитъ этотъ день не только въ ряду дней текущаго года, но и въ цѣломъ ряду десятковъ лѣтъ, оставляемыхъ нами теперь за собою; такіе дни называются историческими днями. Въ этотъ день былъ высочайше подписанъ, въ Ропшѣ, именной указъ о закрытіи верховной распорядительной коммиссіи, дѣйствовавшей съ 12 февраля сего года, и объ упраздненія третьяго отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, дѣйствовавшаго болѣе 50 лѣтъ. Вотъ самый текстъ этого памятнаго указа:

„Именнымъ указомъ Нашимъ, даннымъ правительствующему сенату въ 12-й день февраля 1880 года, въ видахъ прекращенія покушеній дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ, учреждена, на изложенныхъ въ упомянутомъ указѣ основаніяхъ, верховная распорядительная коммиссія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. При этомъ, для объединенія дѣйствій всѣхъ властей, главному начальнику означенной коммиссіи, члену государственнаго совѣта, Нашему генералу-адъютанту, генералу-отъ-кавалеріи, графу Лорисъ-Меликову предоставлены чрезвычайныя права.

„Слѣдя, со дня учрежденія верховной распорядительной коммиссіи,

за мѣропріятіями главнаго начальника оной, Мы убѣдились, что ближайшая цѣль учрежденія коммиссіи — объединеніе дѣйствій всѣхъ властей для борьбы съ крамолою—настолько уже достигнута вполнѣ согласными съ видами нашими распоряженіями генерала-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, что дальнѣйшія указанія наши по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія могутъ быть приводимы въ исполненіе въ общеустановленномъ закономъ порядкѣ, съ нѣкоторымъ лишь расширеніемъ круга вѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдствіе сего, а также съ цѣлью бо́льшаго на будущее время упроченія единства дѣйствій существующихъ о́ргановъ исполнительной власти, Мы признали за благо:

„1) Верховную распорядительную коммиссію закрыть, съ передачею дѣлъ оной въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

„2) III-е отдѣленіе собственной Нашей канцеляріи упразднить, съ передачею дѣлъ онаго въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, образовавъ особый, для завѣдыванія ими, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, департаментъ государственной полиціи, впредь до возможности полнаго слія́нія высшаго завѣдыванія полиціей въ государствѣ въ одно учрежденіе упомянутаго министерства.

„3) Завѣдываніе корпусомъ жандармовъ возложить на министра внутреннихъ дѣлъ, на правахъ шефа жандармовъ.

„4) Министру внутреннихъ дѣлъ предоставить завершеніе возбужденныхъ верховною распорядительною коммиссіей вопросовъ, съ правомъ приглашать для сего, въ особыя совѣщанія, членовъ закрываемой нынѣ коммиссіи.

„5) Генераламъ-губернаторамъ и другимъ учрежденіямъ и начальствующимъ лицамъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по существующему, во исполненіе указа 12-го февраля сего года, порядку, обращались къ главному начальнику верховной распорядительной коммиссіи, относиться на будущее время къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому предоставить, впредь до особаго указанія нашего, высшее направленіе всѣхъ слѣдственныхъ по государственнымъ преступленіямъ дѣлъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ таковое направленіе принадлежало главному начальнику верховной распорядительной коммиссіи.

„6) Въ видахъ облегченія многотрудныхъ обязанностей министерства внутреннихъ дѣлъ безъ нарушенія опредѣленнаго законами Россійской Имперіи значенія сего министерства, отдѣлить отъ онаго: а) присоединенные къ его составу, въ 1868 году, департаменты почтъ и телеграфовъ, съ образованіемъ изъ нихъ, на прежнемъ основаніи, особаго министерства почтъ и телеграфовъ, и б) департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, завѣдываніе коимъ, на

правахъ главноначальствующаго, поручается Нами вмѣстѣ съ симъ особому лицу;

„и 7) Распоряженія по приведенію вышеизложеннаго въ исполненіе возложить на министровъ внутреннихъ дѣлъ и почтъ и телеграфовъ, по принадлежности предметовъ и по надлежащемъ соглашеніи съ другими вѣдомствами, съ испрошеніемъ, въ потребныхъ случаяхъ, Нашихъ указаній и разрѣшеній.

„Правительствующій сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащія распоряженія".

Высшая похвала, какая можетъ быть сдѣлана всякимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ или чрезвычайнымъ учрежденіямъ, вызваннымъ тѣми или другими ненормальными явленіями политической жизни — состоитъ, конечно, въ томъ, что эти мѣры, или учрежденія, не только боролись съ указаннымъ имъ зломъ, но и употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать себя излишними, т.-е. содѣйствовать къ возстановленію общеустановленнаго закономъ порядка. Въ этомъ отношеніи, исторія воздастъ хвалу въ весьма различной степени верховной распорядительной коммиссіи, сдѣлавшей себя излишнею ранѣе даже полугодія, и третьему отдѣленію, которому для той же цѣли было недостаточно и полувѣка.

Гарантіей противъ возстановленія упраздненнаго теперь вѣдомства подъ другимъ именемъ служатъ обстоятельства, при которыхъ воспослѣдовало его закрытіе. Если бы этой мѣрѣ предшествовалъ длинный періодъ полнѣйшей тишины, безусловнаго спокойствія во всѣхъ слояхъ общества, то при первой тревогѣ легко могло бы возникнуть сожалѣніе объ уничтоженной охранѣ — а отъ этого сожалѣнія былъ бы одинъ лишь шагъ до возвращенія къ старому порядку, съ измѣненіемъ развѣ его внѣшней формы. Не то мы видимъ теперь. Смутная эпоха, какой еще никогда не переживала Россія, едва окончилась; не замолкли еще послѣдніе ея отголоски, не прекратилось еще ни появленіе подпольныхъ листковъ, ни сопротивленіе агентамъ власти—а между тѣмъ правительство признаетъ возможнымъ и необходимымъ приступить къ закрытію учрежденія, невредимо пережившаго эру реформъ и внутренняго мира. Въ основаніи такого образа дѣйствій, очевидно, не можетъ лежать ничто другое, какъ увѣренность въ безполезности учрежденія, въ безсиліи его достигнуть тѣхъ цѣлей, въ виду которыхъ оно существовало. Такая увѣренность, однажды сложившаяся, по самому существу своему безповоротна; трудно вообразить себѣ условія, которыя могли бы поколебать ее, возбудить сомнѣніе въ своевременности и пользѣ внушенной ею мѣры. Случаевъ закрытія и затѣмъ возстановленія тайныхъ канцелярій, экспедицій и т. п. наша исто-

рія представляетъ немало; но никогда еще упраздненіе этихъ чрезвычайныхъ органовъ власти не происходило при обстановкѣ менѣе благопріятной для ихъ возрожденія. Манифесты Петра III-го и Александра I-го были dons de joyeux avènement, первыми дарами монарховъ, только что вступившихъ на престолъ, не испытавшихъ еще и не ожидавшихъ противодѣйствія ихъ власти; они были дѣломъ минутнаго увлеченія—указъ 6-го августа является плодомъ зрѣлой, обдуманной мысли. Его можно было предвидѣть со времени подчиненія третьяго отдѣленія главному начальнику верховной распорядительной комиссіи [1])—но самая постепенность реформы служитъ въ данномъ случаѣ ручательствомъ за ея прочность.

Но если третьему отдѣленію не суждено возникнуть вновь въ видѣ самостоятельнаго учрежденія, то не слѣдуетъ ли опасаться, что дѣятельность его будетъ продолжаема министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, куда переданы теперь дѣла третьяго отдѣленія, съ учрежденіемъ для завѣдыванія ими особаго департамента государственной полиціи? Намъ кажется, что нѣтъ. Департаментъ государственной полиціи организованъ лишь на время, „впредь до возможности полнаго сліянія высшаго завѣдыванія полиціей въ государствѣ въ одно учрежденіе министерства внутреннихъ дѣлъ“. Но и помимо этого, составляя равноправную со всѣми другими часть общаго государственнаго управленія, онъ не можетъ имѣть того значенія, которое принадлежало третьему отдѣленію, выдѣленному изъ системы административныхъ учрежденій, обособленному отъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы превознесенному надъ ними. Третье отдѣленіе стояло внѣ закона—департаментъ государственной полиціи подчиненъ ему на общемъ основаніи. Главному начальнику третьяго отдѣленія все напоминало о чрезвычайномъ характерѣ его власти; министру внутреннихъ дѣлъ, какъ главѣ государственной полиціи, все будетъ напоминать, наоборотъ, о солидарности этой отрасли управленія со всѣми другими, о необходимости соблюденія во всемъ и всегда строго легальныхъ пріемовъ. Различіе положенія неизбѣжно влечетъ за собою различіе и въ точкѣ зрѣнія. Представимъ себѣ, напримѣръ, что возникаетъ вопросъ объ основаніи новаго журнала или новой газеты. При прежнемъ порядкѣ оно требовало разрѣшенія не только со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, но—de facto—и со стороны третьяго отдѣленія. Обсуждая возможность такого разрѣшенія, министерство внутреннихъ дѣлъ могло и можетъ не останавливаться на одномъ рядѣ соображеній, одинаково принимать во вниманіе все говорящее въ пользу утвердительнаго отвѣта; третье отдѣленіе неизбѣжно должно

[1]) См. внутреннее обозрѣніе въ № 4-мъ „Вѣстника Европы“ за 1880 г.

было смотрѣть на дѣло исключительно съ одной стороны—а односторонность всегда ведетъ къ несправедливости. Такихъ случаевъ можно было бы указать не мало; при новомъ порядкѣ для нихъ не остается мѣста. Обращаясь въ одной замкнутой сферѣ, третье отдѣленіе естественно должно было преувеличивать ея важность, видѣть опасность даже тамъ, гдѣ ея нѣтъ вовсе, гдѣ ее могутъ развѣ создать мѣры предупрежденія и пресѣченія; широкое и сравнительно открытое поле дѣйствій, на которомъ стоитъ министерство внутреннихъ дѣлъ, не располагаетъ къ подобнымъ обманамъ зрѣнія. Само собою разумѣется, однако, что одного перемѣщенія функцій—какъ бы благопріятны ни были его условія—недостаточно для коренного ихъ измѣненія. Въ упраздненіи третьяго отдѣленія русское общество привѣтствуетъ прежде всего зарю новой системы; оно ожидаетъ, что въ новые мѣха будетъ влито и новое вино.

„Дальнѣйшія указанія наши по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія"—сказано въ высочайшемъ указѣ 6-го августа—„могутъ быть приводимы въ исполненіе въ общеустановленномъ закономъ порядкѣ, съ нѣкоторымъ лишь расширеніемъ круга вѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ". Мы видимъ въ этихъ словахъ полное основаніе для надежды на скорую отмѣну экстраординарныхъ полномочій, предоставленныхъ генералъ-губернаторамъ—въ отступленіе отъ *общеустановленнаго закономъ порядка* — указомъ 5-го апрѣля 1879 г. Если признано возможнымъ закрыть верховную распорядительную коммиссію — единственное учрежденіе, дѣйствительно способствовавшее прекращенію смутнаго времени,—то едва ли можетъ встрѣтиться препятствіе къ упраздненію власти, созданной подъ вліяніемъ несуществующихъ болѣе условій и не оправдавшей возложенныхъ на нее ожиданій. Не замедлитъ осуществиться, по всей вѣроятности, и возстановленіе общаго порядка судопроизводства для государственныхъ преступленій. О предстоящей отмѣнѣ закона 19-го августа 1879 г., разрѣшившаго губернаторамъ увольнять, по своему усмотрѣнію, служащихъ въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи, газеты говорятъ какъ о чемъ-то несомнѣнномъ. Губернскія жандармскія управленія, игравшія на мѣстѣ ту самую роль, какая принадлежала третьему отдѣленію по отношенію ко всей имперіи, получатъ, безъ сомнѣнія, совершенно другое значеніе. Ограничиться этими мѣрами едва ли будетъ возможно; онѣ возвратятъ насъ только, приблизительно, къ тому положенію, въ которомъ мы находились въ половинѣ 1878 г.—а между тѣмъ на очереди, очевидно, стоитъ нѣчто гораздо бо́льшее, чѣмъ простая отмѣна чрезвычайныхъ узаконеній. Корни золъ, отъ которыхъ страдаетъ Россія, лежатъ далеко за предѣлами 1878 года; средства, испытанныя въ свое время, оказались

недостаточными—необходимъ, слѣдовательно, цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ въ другую сторону, согласованныхъ другою руководящею мыслью. Административная расправа, въ 1879 г. дошедшая до крайней степени своего развитія, широко примѣнялась и прежде; необходимо положить ей конецъ или по крайней мѣрѣ поставить ее въ опредѣленныя, узкія рамки—иначе работа, начатая верховною коммиссіею, сдѣлается работою Данаидъ, изнурительною для самой мощной силы. Недовѣріе къ обществу, служившее девизомъ власти и до 1878 г., должно уступить мѣсто *общественному содѣйствію*, обращеніемъ къ которому началась дѣятельность верховной коммиссіи. Прежнимъ формамъ этого содѣйствія — земству, печати, городскому и крестьянскому самоуправленію, суду присяжныхъ — необходимо предоставить широкій просторъ и дополнить ихъ новыми, соотвѣтствующими степени развитія общества и требованіямъ времени.

II.

Исторія, какъ и вообще жизнь, не знаетъ повтореній въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не знаетъ полнаго воспроизведенія однажды совершившихся событій, однажды миновавшихъ обстоятельствъ. Аналогіи, за то, она представляетъ на каждомъ шагу—и въ этомъ заключается практическая ея важность. Поставленные лицомъ къ лицу съ движеніемъ, начавшимся на нашихъ глазахъ, мы часто расположены видѣть въ немъ нѣчто небывалое, оригинальное; но стоитъ только припомнить прошедшее, болѣе или менѣе отдаленное—и движеніе теряетъ характеръ новизны, примыкаетъ къ длинной и старой цѣпи однородныхъ фактовъ. Съ помощью указаній исторіи, мы можемъ не только опредѣлить точнѣе источникъ движенія, но и предугадать его усложненія, освѣтить возможные его результаты. Попробуемъ примѣнить эту точку зрѣнія къ явленію, о которомъ много было говорено въ послѣднее время и въ печати, и въ обществѣ, къ которому одни отнеслись съ сочувствіемъ, другіе—съ негодованіемъ, третьи—съ насмѣшкой, но которое не встрѣтило еще, кажется, объективной оцѣнки. Мы имѣемъ въ виду религіозную проповѣдь такъ-называемыхъ *пашковцевъ*, возникшую въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и распространяющуюся теперь въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Чтобы познакомиться съ сущностью этой проповѣди, намъ не нужно, къ счастью, прибѣгать къ городскимъ слухамъ или газетнымъ разсказамъ; мы можемъ сослаться на profession de foi самого г. Пашкова, напечатанную, въ маѣ нынѣшняго года, въ „Церков-

номъ Вѣстникѣ" (№ 19). „Когда-то", говоритъ г. Пашковъ, „я былъ безъ Христа, чуждъ завѣтовъ обѣтованія, не имѣлъ надежды, и былъ безбожникомъ въ мірѣ. Законъ Божій былъ для меня мертвою буквою; я руководился почти исключительно правилами человѣческими, живя для себя, пытаясь въ самыя лучшія минуты жизни совмѣстить несовмѣстимое, т.-е. служить двумъ господамъ. *Я былъ другомъ міру, не понимая, что дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога;* я жилъ по волѣ князя міра сего, а вмѣстѣ съ тѣмъ боялся окончательно разсориться съ Богомъ... Настало время, когда явилась мнѣ благодать Божія, спасительная для всѣхъ человѣковъ, когда Господу благоугодно было дать мнѣ понять, что Христосъ, умирая за грѣхи міра, отвѣтилъ за грѣхи и мои... Озаренный свѣтомъ слова Господня, я увидѣлъ себя отчужденнымъ и врагомъ по расположенію къ злымъ дѣламъ, понялъ, что я грѣшникъ погибшій, что я ничего не въ состояніи сдѣлать для своего спасенія... Я довѣрился Спасителю моему, въ которомъ и имѣю теперь жизнь вѣчную. Господь принялъ меня, какъ принимаетъ всякаго приходящаго къ Нему; я теперь принадлежу не себѣ, а Ему, живу не для себя, но для умершаго за меня и воскресшаго Христа". Этихъ немногихъ выписокъ вполнѣ достаточно, чтобы узнать въ проповѣди г. Пашкова всѣ характеристическія черты піетизма—ученія или настроенія, не свойственнаго спеціально какому-нибудь вѣроисповѣданію, какой-нибудь странѣ или эпохѣ, но опредѣлившагося особенно рельефно въ Германіи, въ концѣ XVII-го вѣка, и тогда же получившаго свое настоящее названіе.

Послѣ великой религіозной борьбы XVI-го вѣка, въ средѣ нѣмецкой протестантской церкви весьма скоро наступилъ полнѣйшій застой; мѣсто католическаго правовѣрія заняло лютеранское, столь же гордое, столь же увѣренное въ своей непогрѣшимости, столь же нетерпимое ко всему несогласному съ однажды установленной доктриной. Богословскіе факультеты, ученые догматики—а вслѣдъ за ними и громадное большинство пасторовъ—занимались преимущественно точнымъ отмежеваніемъ лютеранизма отъ другихъ оттѣнковъ протестантизма, комментированіемъ всякой буквы аугсбургскаго исповѣданія, расширеніемъ правъ и власти іерархіи, превознесеніемъ церковнаго надъ свѣтскимъ. Въ проповѣди, въ преподаваніи, въ духовной литературѣ ничто не обращалось къ чувству, ничто не было разсчитано на успокоеніе сердца, на утѣшеніе въ горѣ и страданіи. А между тѣмъ, время было тяжелое и потребность въ утѣшеніи была велика. Надъ Германіей тяготѣли со всею силой бѣдственныя послѣдствія тридцатилѣтней войны; страна была разорена, истощена, просвѣщеніе отодвинулось на цѣлое столѣтіе назадъ, науки не было почти вовсе, національная литература еще не возро-

дилась изъ пепла. При такихъ условіяхъ началась дѣятельность основателя піетизма, Шпенера. Швабъ по происхожденію, т.-е. уроженецъ того нѣмецкаго племени, въ которомъ всего сильнѣе наклонность къ глубокому религіозному чувству, онъ проповѣдывалъ неутомимо—сначала на западѣ, потомъ на востокѣ Германіи—болѣе живую, болѣе сердечную вѣру, чуждую мертвящаго формализма, далекую отъ буквоѣдства господствовавшей тогда ортодоксіи. Истинно религіознымъ, въ глазахъ Шпенера, былъ только тотъ, кто вѣритъ и вмѣстѣ съ тѣмъ переживаетъ свою вѣру, наполняетъ ею все существо, всѣ дѣйствія свои; ученики Шпенера прибавили къ этому, что такая вѣра пріобрѣтается лишь съ бою, путемъ внутренней борьбы, путемъ освобожденія изъ-подъ власти грѣха и отдачи себя во власть правды. Не отвергая ни догматовъ, ни обрядовъ лютеранской церкви, Шпенеръ и его послѣдователи считали существенно важнымъ только внутреннее благочестивое настроеніе вѣрующаго (pietas), вслѣдствіе чего они и были названы піетистами. Помимо обыкновеннаго богослуженія, они устроивали собранія (collegia biblica, collegia pietatis), въ которыхъ читалась библія, произносились поученія, обсуждались впечатлѣнія присутствующихъ; право голоса въ этихъ собраніяхъ принадлежало и мірянамъ. На всѣ удовольствія, даже самыя невинныя, піетизмъ налагалъ свое veto; онъ осуждалъ не только танцы, публичныя собранія, посѣщеніе театра, фехтованье, изящные туалеты, но и живопись, поэзію, музыку, пѣніе (кромѣ духовныхъ гимновъ), прогулки, веселые разговоры; онъ запрещалъ прислушиваться къ пѣнію птицъ, запрещалъ срывать цвѣты и носить ихъ въ волосахъ или на платьѣ. Что не имѣло прямого отношенія къ религіи, то было въ его глазахъ безразлично или даже вредно; на самые обыкновенные предметы, на самые заурядные поступки онъ старался наложить во что бы то ни стало религіозный оттѣнокъ; каждый шагъ, каждое слово піетиста должны были носить на себѣ печать его вѣрованій. Отвѣчая потребности времени, восполняя пробѣлъ, чувствительный для многихъ, піетизмъ быстро распространился по всей Германіи, несмотря на ожесточенную оппозицію, встрѣченную имъ со стороны господствовавшаго правовѣрія. Еще при жизни Шпенера былъ основанъ университетъ въ Галле, сдѣлавшійся средоточіемъ и оплотомъ новой доктрины. Не прошло и пятидесяти лѣтъ со времени появленія піетизма, какъ онъ уже одержалъ рѣшительную побѣду надъ прежнимъ оффиціальнымъ богословіемъ. И что же? Какъ только онъ пересталъ быть гонимымъ, онъ въ свою очередь сдѣлался гонителемъ. Предметомъ его нападеній была наука, только-что начинавшая подниматься послѣ долгаго упадка. Непосредственные ученики Шпенера, Франке и Ланге, были виновниками

событія, почти безпримѣрнаго въ исторіи нѣмецкихъ университетовъ—изгнанія изъ Галле Вольфа, ученика Лейбница, перваго изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ философовъ. Поводомъ къ изгнанію было обвиненіе въ ереси, въ вольнодумствѣ; средствами, употребленными для достиженія цѣли—клевета, ловкій разсчетъ на слабости короля Фридриха-Вильгельма I-го [1]) и заискиванье въ его любимцахъ, особенно въ томъ изъ нихъ, который игралъ при немъ роль придворнаго шута.

Царствованіе Фридриха II-го не было благопріятно для піетизма; онъ опять появляется на сцену только при преемникѣ великаго короля, когда начинается реакція противъ такъ-называемаго просвѣщенія. Съ этимъ фазисомъ въ исторіи піетизма, съ тогдашнимъ представителемъ его—Вёльнеромъ, читателей „Вѣстника Европы“ недавно познакомила статья: „Судьбы прусской монархіи отъ Фридриха Великаго до іенскаго погрома“ (1880 г., № 6); о новомъ, еще болѣе близкомъ къ намъ возрожденіи нѣмецкаго піетизма (при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV-мъ, около сорока лѣтъ тому назадъ) они могутъ найти свѣдѣнія въ біографіи Д. Ф. Штрауса („Вѣстникъ Европы“ 1878 г., №№ 9 и 10). Напомнимъ только, что въ XIX-мъ вѣкѣ, какъ и въ XVII-мъ, піетизмъ борется съ такъ-называемымъ правовѣрнымъ лютеранствомъ лишь до тѣхъ поръ, пока они не соединяются противъ общаго врага—противъ науки, противъ свободы мысли и изслѣдованія. Швабскій піетистъ Вильгельмъ Гоффманнъ во многихъ отношеніяхъ составляетъ контрастъ съ сѣверо-германскимъ церковникомъ Генгстенбергомъ; они являются соперниками при берлинскомъ дворѣ, первый изъ нихъ поддерживаетъ унію (т.-е. сліяніе церквей лютеранской и реформатской), второй противодѣйствуетъ ей,—но это не мѣшаетъ ихъ союзу ни въ тридцатыхъ годахъ, въ эпоху реакціи, вызванной книгою Штрауса, ни въ шестидесятыхъ, въ эпоху усиленнаго политическаго и церковнаго гнета.

У насъ, въ Россіи, піетизмъ также не составляетъ новизны; онъ имѣлъ даже свою годину торжества и господства, между 1815 и 1824 г. Отдаленнымъ его источникомъ, конечно, послужили западныя вліянія; въ ближайшей связи съ нимъ стоялъ мистицизмъ временъ Новикова. Въ самомъ своемъ началѣ этотъ мистицизмъ, какъ и ученіе Шпенера, несомнѣнно былъ явленіемъ прогрессивнаго свойства. „Въ грубой массѣ нашего общества, не думавшей ни о какихъ отвлеченностяхъ,—говоритъ г. Пыпинъ [2]),—мистики являлись все-

[1]) Его увѣрили, что Вольфъ—въ качествѣ детерминиста, по мнѣнію котораго все случающееся неизбѣжно должно было случиться,—отрицаетъ право короля наказывать бѣглыхъ гренадеровъ.

[2]) „Общественное движеніе при Александрѣ I“ (Спб., 1871), стр. 346—7. Кромѣ этой книги, любопытныя свѣдѣнія о русскомъ піетизмѣ александровской эпохи мож-

таки людьми съ какимъ бы то ни было убѣжденіемъ, которое имѣло хотя свой элементарный смыслъ. Таковы были, напримѣръ, ихъ толки о внутренней религіи и ихъ вѣчные споры съ тѣмъ духовенствомъ, которое по недостатку порядочнаго образованія слишкомъ держалось за одну внѣшнюю религіозность... Они выдѣлялись изъ массы, по-крайней-мѣрѣ, какимъ-нибудь взглядомъ, который они обыкновенно готовы были упорно защищать — а это уже имѣло свое значеніе въ безличномъ и не думающемъ русскомъ обществѣ". Позже, когда піетизмъ проникъ въ высшія сферы, когда онъ нашелъ себѣ выраженіе и широкое поле дѣятельности въ „Россійскомъ библейскомъ обществѣ", онъ не съ-разу утратилъ свои хорошія стороны; выдвигая на первый планъ общее сравнительно съ частнымъ, онъ расширялъ религіозные взгляды, располагалъ къ вѣротерпимости, внушалъ болѣе мягкое отношеніе къ расколу. Нѣкоторые изъ его адептовъ усердно занимались благотворительностью; такъ напримѣръ, княгиня Мещерская была однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ попечительнаго общества о тюрьмахъ, по нѣскольку разъ въ недѣлю читала и объясняла заключеннымъ св. писаніе, посѣщала больницы, издавала книги и брошюры назидательнаго содержанія. Весьма скоро, однако, библейское общество дѣлается центромъ и очагомъ реакціи, восторжествовавшей около 1820 г. Заручившись могущественными покровителями, піетизмъ не знаетъ больше никакой мѣры. Онъ провозглашаетъ всѣхъ противниковъ своихъ—а къ числу ихъ принадлежали такіе люди, какъ Уваровъ, Карамзинъ—„горделивыми, мнимо просвѣщенными" союзниками „духа поднебесныя злобы, врага рода человѣческаго"; онъ грозитъ близостью времени, когда „Господь духомъ устъ своихъ убіетъ сего нечестиваго духа". Магницкій — вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ главный руководитель новой, всемогущей партіи, высказываетъ ея задушевныя мысли уже въ 1818 году, при открытіи отдѣленія библейскаго общества въ Симбирскѣ. „Выдуманъ новый идолъ"— восклицаетъ онъ: — „разумъ человѣческій! Богословіе сего идола — философія, жрецы его — славнѣйшіе писатели разныхъ вѣковъ и странъ... Князь міра сего и идолопоклонствомъ, и развращеніемъ нравовъ, и философіею на распространеніе своего владычества дѣйствуетъ. Князь тьмы не дремлетъ и нынѣ". Преслѣдованія, ознаменовавшія начало двадцатыхъ годовъ, слишкомъ извѣстны; они были не чѣмъ другимъ, какъ логическимъ результатомъ доктрины, отождествлявшей философію съ идолопоклонствомъ, человѣческій разумъ — съ дьяволомъ. Піетизму не суждено

но найти въ статьяхъ г. Пыпина: „Россійское библейское общество" („В. Евр." 1868 г., №№ 8, 9, 11 и 12).

было, однако, пожать плоды своей побѣды; они достались обскурантизму другой окраски, усмотрѣвшему опасность въ самомъ піетизмѣ. Наука—общій врагъ — была повергнута на-земь; ничто не мѣшало, слѣдовательно, междоусобному раздору въ лагерѣ ея гонителей—и менѣе искусный, но болѣе устойчивый изъ нихъ, силою инерціи и традиціи, одержалъ верхъ надъ новымъ. Кн. Голицына и Магницкаго одолѣли Шишковъ и Фотій.

Характеристическія черты, повторяющіяся — при однородныхъ условіяхъ—въ разныхъ странахъ и въ разное время, не могутъ быть случайны; указанный нами ходъ развитія нѣмецкаго и русскаго піетизма коренится во внутреннихъ свойствахъ піетистическаго міросозерцанія. Претендуя сначала на всемогущество въ жизни отдѣльнаго человѣка, піетизмъ неминуемо доходитъ до претензіи на всемогущество въ жизни цѣлаго общества. Подчиняя себѣ каждый поступокъ, каждое слово, каждое проявленіе личности, онъ привыкаетъ къ регламентаціи мысли и чувства—и видитъ въ ней необходимую охрану противъ пагубныхъ заблужденій. Даже формализмъ удовлетворяется легче, чѣмъ піетизмъ; ему нужна только одна сторона человѣческой дѣятельности — въ тайники ея онъ не проникаетъ, многія ея области оставляетъ безъ надзора. Піетизму нужно не больше и не меньше, какъ господство надъ всѣмъ человѣкомъ. Не видя спасенія внѣ себя и считая себя исключительнымъ обладателемъ средствъ къ его достиженію, онъ быстро переходитъ отъ смиренія къ гордости, отъ гордости—къ жаждѣ вліянія и власти. Кто не за него, тотъ противъ него; кто противъ него, тотъ противъ высшей мудрости, нашедшей свое послѣднее слово въ піетизмѣ. Если руководствоваться „человѣческими правилами“—значитъ жить „по волѣ князя міра сего“, если всѣ люди, до обращенія въ піетизмъ—„погибшіе грѣшники“, то понятно, какое неизмѣримое разстояніе отдѣляетъ піетистовъ отъ нераскаянной, необновленной массы. Если „дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога“, то понятно, какими глазами піетизмъ долженъ смотрѣть на науку, прилѣпляющуюся именно къ этому міру, познающую его, научающую пользоваться его дарами и приспособлять ихъ къ потребностямъ человѣка. Преслѣдуемый или стѣсняемый, піетизмъ не обнаруживаетъ всѣхъ своихъ притязаній; но въ скрытомъ видѣ—à l'état latent—они находятся въ немъ постоянно, потому что обусловливаются его основною идеей. Терпимость его можетъ простираться на догматы, совмѣстимые съ этою идеей, но не на убѣжденія, ей чуждыя; не даромъ же нѣмецкій піетизмъ скоро нашелъ modus vivendi съ лютеранскимъ церковничествомъ, но не нашелъ его до сихъ поръ по отношенію къ свободному изслѣдованію. Къ политической жизни, къ

экономическимъ вопросамъ, къ прогрессу въ учрежденіяхъ и законахъ піетизмъ, по меньшей мѣрѣ, равнодушенъ, потому что всѣ эти мелкіе, ничтожные интересы способны только отвлекать вниманіе отъ единственной серьёзной задачи: внутренняго обновленія и отрѣшенія отъ міра. Работать для общества, служить ему въ качествѣ писателя, ученаго, политическаго дѣятеля, значитъ, въ глазахъ піетизма, служить двумъ господамъ, соединять несоединимое. Отрицательно относясь къ дѣйствительности, піетизмъ всегда и вездѣ соприкасался съ квіетизмомъ и мистицизмомъ, вызывалъ мечты о сліяніи съ единымъ, абсолютнымъ. Между тѣмъ, мистицизмъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить по другому поводу, всегда выдвигаетъ на первый планъ собственную личность мистика. Повидимому, мистицизмъ клонится къ уничтоженію личности, къ поглощенію ея великимъ цѣлымъ; но именно это поглощеніе сосредоточиваетъ на себѣ всѣ усилія мистика. Стремясь къ личному блаженству, онъ готовъ забыть все ближайшее, все вызывающее его на трудъ, все нуждающееся въ его вліяніи и помощи. Къ піетизму это примѣнимо въ меньшей степени, чѣмъ къ чистому мистицизму; созерцательное бездѣйствіе болѣе свойственно послѣднему, чѣмъ первому — но не въ разрывѣ съ міромъ, не въ отказѣ отъ дружбы съ нимъ можно найти, во всякомъ случаѣ, могучій стимулъ къ многосторонней дѣятельности на его пользу. Ошибочно было бы думать, что піетизмъ отвергаетъ добрыя дѣла, т.-е. признаетъ ихъ ненужными для спасенія; но что не они составляютъ краеугольный его камень—это едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію.

Итакъ, враждебное отношеніе къ наукѣ, политическій индифферентизмъ (насколько политика не можетъ служить орудіемъ въ рукахъ піетистической пропаганды), пассивное отношеніе къ несовершенствамъ общественнаго устройства и къ страданіямъ, отъ нихъ зависящимъ—вотъ необходимыя принадлежности піетизма, даже тогда, когда онъ свободенъ отъ примѣси побочныхъ элементовъ. Между этими элементами, быстро появляющимися въ свитѣ торжествующаго или хотя бы только широко распространеннаго піетизма, первое мѣсто занимаетъ лицемѣріе. Само собою разумѣется, что далеко не всѣ піетисты—Тартюфы, но Тартюфъ—непремѣнно піетистъ. Піетизмъ слишкомъ глубоко насилуетъ человѣческую природу, чтобы она, въ большинствѣ случаевъ, добровольно и безропотно могла возложить на себя и носить его узы. Основатели, первые проповѣдники піетизма могутъ быть и почти всегда бываютъ искренни—но въ средѣ послѣдователей ихъ весьма скоро оказываются люди, прикрывающіе піетистическою внѣшностью вовсе не піетистическій образъ жизни. Чѣмъ больше внѣшнихъ выгодъ представляетъ наружное исповѣданіе піетизма,

Оно имѣетъ, конечно, свои тяжелыя стороны, вызывающія потребность въ успокоеніи, въ утѣшеніи; потребность эта, въ свою очередь, часто находитъ удовлетвореніе въ религіозномъ чувствѣ — но религіозное чувство, въ простой, чистой своей формѣ, имѣетъ весьма мало общаго съ піетизмомъ. Оно относится къ послѣднему, какъ другія чувства относятся къ сантиментальности, какъ здоровье относится къ болѣзни. Припомнимъ, по этому поводу, прелестный юмористическій очеркъ піетиста, сдѣланный извѣстнымъ эстетикомъ Фишеромъ. „Піетистъ—это человѣкъ, у котораго религія обратилась въ профессію, въ ремесло. Ему мало помнить о божественномъ — ему нужно при каждомъ удобномъ или неудобномъ случаѣ называть его по имени. Я говорю піетисту: дождь идетъ, нужно взять зонтикъ; онъ отвѣчаетъ мнѣ—хорошо, но настоящую охрану ты можешь найти только въ Провидѣніи [1]). Я говорю піетисту: этотъ свѣтъ слишкомъ силенъ или слишкомъ слабъ; онъ отвѣчаетъ: хорошо, но истинный свѣтъ—это религія. Піетистъ предпринимаетъ только то, по поводу чего можно обращать, осуждать, умиляться. Что бы онъ ни дѣлалъ, сущность его дѣйствій теряетъ всякую цѣну вслѣдствіе ихъ формы. Онъ помогаетъ ближнимъ, но заставляетъ ихъ при этомъ такъ долго молиться, что у нихъ не остается силы радоваться полученной помощи; онъ заботится о посылкѣ миссіонеровъ, но думаетъ при этомъ не столько объ обращеніи язычниковъ, сколько о демонстраціи противъ домашнихъ еретиковъ“. Понятно, что здѣсь представленъ окончательно выработанный, доведенный до виртуозности типъ піетиста, что въ піетизмѣ, какъ и вездѣ, есть свои разновидности; но нѣкоторыя черты, подмѣченныя Фишеромъ, составляютъ самую суть піетизма. Онѣ объясняютъ, почему усиленіе піетизма ведетъ обыкновенно къ реакціи противъ религіознаго чувства, смѣшиваемаго съ одной спеціальной, извращенной его формой.

Мы должны сдѣлать одну оговорку. Давно уже замѣчено, что на разныхъ почвахъ піетизмъ приноситъ разные плоды, что на крестьянахъ, рабочихъ онъ отражался иначе, чѣмъ на высшихъ, болѣе образованныхъ классахъ общества. Въ виртембергскихъ селахъ, въ ремесленномъ сословіи Берлина піетизмъ не порождалъ ни той надменности, ни того самодовольствія, ни той наклонности къ преслѣдованіямъ, которыя являются обычными спутниками его въ другихъ кружкахъ; то же самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ русскихъ народныхъ сектахъ, которыя имѣютъ черты соприкосновенія съ піетизмомъ. Между людьми простодушными, смиренными умомъ и сердцемъ, піетистическое настроеніе можетъ оставаться естественнымъ, кроткимъ,

[1]) По нѣмецки «Schirm» означаетъ и зонтикъ, и охрану или защиту.

спокойнымъ; въ сферахъ менѣе патріархальныхъ оно ведетъ къ фарисейской нетерпимости, стремится къ тому, чтобы какъ можно чаще, во что бы то ни стало, возбуждать чувства, по самому своему свойству не поддающіяся регламентаціи. Главной гарантіей противъ крайностей піетизма служитъ тяжелый, постоянный трудъ, суровая, болѣе чѣмъ простая обстановка. Кто ежедневно борется съ лишеніями всякаго рода, тому не придетъ въ голову играть въ аскетизмъ; кто никогда не зналъ развлеченій, тому не придетъ въ голову замѣнять изгнанныя свѣтскія удовольствія театральностью молитвъ, выслѣживаніемъ вольнодумцевъ или благонамѣренными пересудами. Салоннымъ піетистамъ никогда не достигнуть истинно братскихъ отношеній, возможныхъ, хотя бы въ видѣ исключенія, между піетистами мастерской или деревни. Говоря о піетизмѣ, мы имѣли въ виду именно искусственный продуктъ, существенно отличный отъ разнообразныхъ проявленій народнаго религіознаго чувства.

Одну только заслугу—невольную, впрочемъ, и безсознательную—слѣдуетъ признать за русскимъ великосвѣтскимъ піетизмомъ новѣйшей формаціи: онъ доказалъ и доказываетъ наглядно необходимость радикальной перемѣны въ образѣ дѣйствій относительно раскола, или—лучше сказать — необходимость настоящей, полной вѣротерпимости. Распространеніе піетизма въ высшихъ слояхъ общества обусловливается, по крайней мѣрѣ отчасти, тѣми же причинами, отъ которыхъ происходятъ ереси и расколы въ средѣ народа. Движеніе вверху можетъ выбирать между нѣсколькими дорогами — движеніе внизу наталкивается почти неизбѣжно на одинъ, давно проложенный путь и является, поэтому, еще болѣе неотвратимымъ, еще менѣе чувствительнымъ къ насилію, къ внѣшнимъ преградамъ. Процессъ образованія новыхъ народныхъ вѣрованій, совершаясь во мракѣ, далеко отъ главныхъ центровъ умственной жизни, ускользалъ, бо́льшею частью, отъ непосредственнаго наблюденія; теперь онъ какъ-бы приблизился къ намъ—и мы видимъ съ особенною ясностью, что остановить его искусственными средствами нельзя, да и нѣтъ никакой надобности, что противовѣсъ ему можно найти только въ убѣжденіи, а не въ силѣ. Широкаго, полнаго простора для пашковской проповѣди должны желать не одни только ея приверженцы; онъ можетъ положить начало новой, давно ожидаемой эрѣ въ исторіи нашего развитія. Прецедентъ, однажды созданный, сохранитъ — нужно надѣяться—свое значеніе и при другихъ обстоятельствахъ, въ примѣненіи къ другимъ общественнымъ сферамъ; невозможность двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ обнаружится сама собою. Даже возставая противъ умственной свободы, піетизмъ можетъ сослужить ей большую службу, если только ему самому будетъ предоставлена свобода, на

которую онъ, какъ и всякое другое мирное движеніе въ духовной сферѣ, имѣетъ полное право. Преслѣдованія за вѣру, стѣсненія, вызываемыя ею, отойдутъ тогда въ прошедшее, и самое понятіе о такъ-называемыхъ религіозныхъ преступленіяхъ исчезнетъ, наконецъ, изъ нашего уголовнаго законодательства.

III.

Если судить о числѣ процессовъ, предметомъ которыхъ служатъ теперь религіозныя преступленія, по стенографическимъ отчетамъ или вообще по газетнымъ извѣстіямъ, то можно подумать, что такихъ процессовъ весьма немного, что уголовные законы, суровые на бумагѣ, на самомъ дѣлѣ почти бездѣйствуютъ, и что вопросъ объ ихъ пересмотрѣ не имѣетъ большого практическаго значенія. Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только раскрыть изданный недавно оффиціальный сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1877 г. (за послѣдующіе годы свѣдѣнія эти еще не обнародованы). По обвиненію въ богохуленіи, кощунствѣ, порицаніи вѣры и оскорбленіи святыни предано было суду, въ продолженіе одного года (въ семи судебныхъ округахъ), *сто четыре* лица, по обвиненію въ отвлеченіи и отступленіи отъ вѣры и постановленій церкви, въ ереси и расколѣ (не считая скопчества)—*сорокъ семь* лицъ. Осуждено изъ нихъ *сто семь*, оправдано только сорокъ четыре лица. На долю суда присяжныхъ приходится *четыре* оправданія и тридцать пять осужденій; на долю судовъ коронныхъ—сорокъ оправданій и семьдесятъ два осужденія. Другими словами, изъ числа обвиняемыхъ въ религіозныхъ преступленіяхъ, присяжными оправдано было только $10^1/_4$ %, судомъ коронныхъ—35,71%, а всего —29,13%. Мы увидимъ ниже, какое отношеніе имѣютъ эти цифры къ общему проценту оправдательныхъ приговоровъ. Сравнительно съ предъидущими годами, число оправданій по дѣламъ о религіозныхъ преступленіяхъ, разсмотрѣннымъ безъ участія присяжныхъ, почти не измѣнилось, но по дѣламъ, разрѣшеннымъ присяжными — поразительно уменьшилось. Въ 1873 г. присяжными оправдано было 19,15% обвиняемыхъ въ религіозныхъ преступленіяхъ; въ 1874 г.—17,88; въ 1875 г.—34,25; въ 1876 г.—48%; въ сравненіи съ этимъ послѣднимъ годомъ процентное число оправданій уменьшилось, слѣдовательно, почти впятеро. Снисхожденіе, изъ числа ста семи осужденныхъ подсудимыхъ, дано было только двадцати-тремъ. Къ уголовнымъ наказаніямъ было присуждено изъ нихъ одиннадцать (въ томъ числѣ двое къ каторжной работѣ), къ тяжкимъ исправитель-

нымъ наказаніямъ—трое, къ заключенію въ смирительномъ домѣ съ ограниченіемъ правъ—одинъ, къ заключенію въ смирительномъ домѣ или тюрьмѣ безъ ограниченія правъ — пятнадцать; всѣ остальные приговорены къ болѣе легкимъ наказаніямъ [1]). Для полноты картины слѣдуетъ прибавить, что обвиняемыхъ въ святотатствѣ (похищеніи священныхъ предметовъ)—усиленная наказуемость котораго обусловливается именно причисленіемъ его къ преступленіямъ религіознымъ—было въ 1877 г. 285; оправдано изъ нихъ 78 (т.-е. 27,36%); изъ числа 207 осужденныхъ 117, т.-е. 56,52 проц., присуждены къ уголовнымъ наказаніямъ. Чтобы оцѣнить значеніе этой послѣдней цифры, достаточно указать, что изъ числа 14,391 осужденныхъ за всѣ другіе виды похищенія безъ насилія, къ уголовнымъ наказаніямъ приговорено только 778 человѣкъ, т.-е. менѣе 5½ %! Контрастъ сдѣлается еще болѣе яркимъ, если замѣтить, что изъ числа 207 осужденныхъ за святотатство къ каторжной работѣ приговорено 39 (18,84%), изъ числа 14,391 осужденныхъ за другіе виды похищенія безъ насилія—35 (менѣе ¼%)!

Сводъ уголовно-статистическихъ свѣдѣній за 1877-й г., изъ котораго мы заимствовали всѣ эти данныя—шестой со времени установленія у насъ правильной уголовной статистики. Отъ пяти предъидущихъ онъ отличается въ особенности тѣмъ, что обнимаетъ собою, кромѣ шести судебныхъ округовъ европейской Россіи и мировыхъ установленій девяти западныхъ губерній, еще варшавскій судебный округъ, въ которомъ новые суды открыты въ продолженіе 1876 года. Свѣдѣнія, относящіяся къ варшавскому округу, не соединены, впрочемъ, въ одно цѣлое со всѣми остальными, а образуютъ особый томъ, такъ какъ особенности судопроизводства, дѣйствующаго въ варшавскомъ округѣ, влекутъ за собою нѣкоторыя особенности и въ статистическихъ данныхъ. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, мы не можемъ только не пожалѣть, что составители той части свода, которая касается варшавскаго округа, не предпослали ей группировки важнѣйшихъ данныхъ, значительно облегчающей изученіе другой, главной части свода. Желательно было бы также, чтобы въ кругъ дѣйствія статистическаго бюро министерства юстиціи включенъ былъ, наконецъ, округъ тифлисской судебной палаты, столь рѣзко отличающійся отъ другихъ и составомъ своего населенія, и порядкомъ

[1]) Изъ того, что къ наказаніямъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, приговорено пятнадцать лицъ, а осуждено присяжными тридцать пять, слѣдуетъ заключить, что въ остальныхъ двадцати случаяхъ присяжные отвергали первоначальное обвиненіе и признавали обвиняемыхъ виновными въ менѣе тяжкихъ преступленіяхъ, которыя сами по себѣ подлежали бы вѣдѣнію суда безъ присяжныхъ.

судопроизводства. До сихъ поръ основанія для параллели между судомъ коронным и судомъ народнымъ были крайне недостаточны и шатки, такъ какъ предметы вѣдомства того и другого, въ собственно русскихъ округахъ, совершенно различны, а для сравненія нуженъ матеріалъ по возможности однородный. Такой матеріалъ даетъ намъ теперь въ первый разъ уголовная статистика варшавскаго судебнаго округа; но онъ былъ бы несравненно полнѣе, если бы мы имѣли уголовно-статистическія свѣдѣнія и для кавказскаго судебнаго округа, въ которомъ, какъ и въ варшавскомъ, всѣ важнѣйшія уголовныя дѣла рѣшаются судомъ коронным, безъ участія присяжныхъ.

Въ общихъ судахъ шести русскихъ судебныхъ округовъ предано было суду, въ 1877 г., 40,210 человѣкъ; изъ нихъ оправдано 14,237, т.-е. 35,41% (на 0,87% болѣе, чѣмъ въ 1876 г.). На долю суда присяжныхъ приходится 37,25% оправданій, на долю окружныхъ судовъ 27,75%, на долю судебныхъ палатъ—39,25%. Въ варшавскомъ судебномъ округѣ обвиняемыхъ было въ томъ же году 6,050; оправдано изъ нихъ 1,941, т.-е. 32,08%. Эта цифра служитъ новымъ и чрезвычайно сильнымъ подтвержденіемъ факта, давно уже обнаруженнаго уголовною статистикою: наши присяжные вовсе не отличаются чрезмѣрною снисходительностью, строгость ихъ мало чѣмъ уступаетъ строгости коронныхъ судей. Если процентъ оправдательныхъ приговоровъ въ варшавскомъ судебномъ округѣ нѣсколько меньше, чѣмъ процентъ оправдательныхъ приговоровъ, произнесенныхъ присяжными въ Россіи, то не слѣдуетъ забывать, что этотъ послѣдній процентъ не всегда такъ высокъ, какъ въ 1877 г., что въ 1874 г., напримѣръ, присяжные оправдали 32,87% всѣхъ обвиняемыхъ, т.-е. почти столько же, сколько въ 1877 г.—суды варшавскаго округа. Данныя одного года, конечно, еще недостаточны для окончательнаго вывода; но онѣ позволяютъ догадываться, что если русскіе окружные суды, дѣйствуя безъ присяжныхъ, произносятъ гораздо меньше оправдательныхъ приговоровъ, чѣмъ присяжные, то это зависитъ не столько отъ ихъ состава, сколько отъ рода и характера дѣлъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію. Кромѣ дѣлъ о бродяжествѣ, въ которыхъ оправданіе почти немыслимо, можно указать еще на дѣла объ оскорбленіи старшинъ и низшихъ полицейскихъ служителей, о взломѣ тюремъ, побѣгѣ арестантовъ и укрывательствѣ осужденныхъ, объ упускѣ арестантовъ, о нарушеніи правилъ строительнаго и пожарнаго уставовъ,—значительная часть которыхъ подсудна окружнымъ судамъ безъ участія присяжныхъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ фактъ виновности установить сравнительно не трудно, а особыя основанія къ оправданію подсудимыхъ, при доказанности пре-

ступленія, они представляютъ рѣдко. Въ 1877 г. окружными судами шести судебныхъ округовъ, безъ участія присяжныхъ, оправдано было по вышеупомянутымъ пати категоріямъ обвиненій 339, осуждено—2,233 лица; оправдательныхъ приговоровъ оказывается здѣсь, такимъ образомъ, только 13,18%, т.-е. вдвое меньше противъ общей средней цифры. По всѣмъ остальнымъ дѣламъ окружные суды имперіи оправдали 1893 изъ 5,472 обвиняемыхъ, т.-е. 34,59% — почти столько же, сколько и присяжные засѣдатели. Для полноты сравненія между судомъ коронным и судомъ народнымъ, съ точки зрѣнія ихъ строгости или мягкости, слѣдовало бы опредѣлить число случаевъ, въ которыхъ тѣмъ и другимъ судомъ дано было снисхожденіе осужденнымъ; къ сожалѣнію, это оказывается невозможнымъ, такъ какъ число осужденныхъ, воспользовавшихся уменьшеніемъ наказанія вслѣдствіе признанія смягчающихъ вину обстоятельствъ, означено въ сводѣ одною общею цифрой, безъ объясненія, какая доля ея упадаетъ на судъ присяжныхъ, какая — на судъ коронный. Въ шести судебныхъ округахъ европейской Россіи изъ числа 25,973 осужденныхъ смягченіемъ наказанія воспользовались 8,134 (31,32%), въ варшавскомъ судебномъ округѣ, изъ числа 4,109 осужденныхъ—683 (16,62%). Отсюда можно съ нѣкоторою вѣроятностью заключить, что коронный судъ менѣе расположенъ къ снисхожденію, чѣмъ судъ присяжныхъ.

Мы знаемъ уже изъ предъидущихъ сводовъ, что въ судѣ присяжныхъ особенно большой процентъ оправданій приходится на женщинъ, между тѣмъ какъ въ судѣ коронномъ число оправдательныхъ приговоровъ распредѣляется между мужчинами и женщинами довольно равномѣрно. То же самое мы видимъ и въ 1877 г.; присяжные оправдали 35½% мужчинъ и 52,35% женщинъ, а безъ участія присяжныхъ въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ имперіи женщинъ оправдано сравнительно даже нѣсколько меньше, чѣмъ мужчинъ. Коронные суды въ царствѣ польскомъ оправдали 31,26% мужчинъ и 35,86% женщинъ. Снисхожденіе въ судахъ имперіи дано мужчинамъ и женщинамъ почти въ равной мѣрѣ (31,36% и 30,83%), въ судахъ царства польскаго—женщинамъ въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ мужчинамъ (19,65% и 16%). Изъ того, что судъ присяжныхъ даетъ снисхожденіе женщинамъ не чаще, чѣмъ мужчинамъ, не слѣдуетъ ли заключить, что высокій процентъ оправдываемыхъ имъ женщинъ объясняется не инстинктивнымъ сожалѣніемъ къ нимъ, а другими, болѣе вѣскими и разумными причинами? Подтвержденіемъ этой мысли могутъ служить слѣдующія данныя: изъ 881 женщинъ, обвинявшихся въ кражѣ со взломомъ, оправдано 517, т.-е. 58,68% (мужчинъ —

28,6%), изъ 36 женщинъ, обвинявшихся въ вооруженной кражѣ —26, т.-е. 72,22% (мужчинъ—24,43%); между тѣмъ, изъ 893 женщинъ, обвинявшихся въ кражѣ безъ этихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, оправдано 338, т.-е. только 37,85% (мужчинъ—20,75%). Кража со взломомъ и вооруженная кража—такія преступленія, которыя сравнительно рѣдко предпринимаются женщинами и исполняются ими съ меньшею настойчивостью, съ меньшею опасностью для хозяина имущества, нежели мужчинами; весьма часто взломъ, совершенный женщиной, оказывается настолько ничтожнымъ и мало подходящимъ къ общепринятому понятію о взломѣ, что присяжные имѣютъ полное основаніе отвергать его наличность. Такими же соображеніями объясняется высокій процентъ оправдательныхъ приговоровъ по обвиненію женщинъ въ похищеніи съ насиліемъ (изъ 158 оправдано 92, т.-е. 58,22%; мужчинъ — 36%). Высокій процентъ оправданія женщинъ, обвинявшихся въ дѣтоубійствѣ (изъ 79 оправдано 58, т.-е. 73,42%), понять не трудно, если припомнить условія, подъ вліяніемъ которыхъ обыкновенно совершается это преступленіе.

Къ параллели между коронным судомъ и судомъ присяжныхъ присоединимъ параллель между мировыми судьями, избираемыми населеніемъ, и мировыми судьями, назначаемыми отъ правительства. Въ девяти западныхъ губерніяхъ число оправданныхъ мировыми судьями превышаетъ половину общаго числа подсудимыхъ (52,63%); въ шести округахъ, гдѣ мировые судьи избираются населеніемъ, оно колеблется между 30,08% (въ с.-петербургскомъ округѣ) и 40,63% (въ казанскомъ), составляя въ среднемъ выводѣ только 36,46%. Изъ всѣхъ 33 губерній, входящихъ въ составъ этихъ шести округовъ, болѣе 50% оправдательныхъ приговоровъ даютъ только двѣ (костромская и псковская); изъ девяти западныхъ губерній, наоборотъ, только три (минская, ковенская и волынская) не достигаютъ этой цифры. На привислянскія губерніи, въ которыхъ—какъ и въ западныхъ—мировые судьи назначаются правительствомъ, мы этого сравненія распространить не можемъ, потому что число лицъ, оправданныхъ мировыми судьями варшавскаго судебнаго округа, не отдѣлено въ сводѣ, къ сожалѣнію, отъ числа лицъ, оправданныхъ гминными судами. Замѣтимъ только, что общее число подсудимыхъ, оправданныхъ мировыми учрежденіями и гминными судами варшавскаго округа, весьма значительно (12,049 изъ 18,549, т.-е. почти 65%). Мы не ошибемся, такимъ образомъ, если скажемъ, что выборные мировые судьи отличаются бо́льшею строгостью, нежели назначенные отъ правительства.

Противники суда присяжныхъ, обезоруженные статистикою по вопросу о мнимой мягкости его, могутъ указать съ нѣкоторымъ злорадствомъ на значительность колебаній, представляемыхъ результатами его дѣятельности въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи. Въ то самое время, когда присяжные с.-петербургскаго округа оправдываютъ 33% подсудимыхъ, процентъ оправдательныхъ приговоровъ, произносимыхъ присяжными одесскаго округа, доходитъ до 46%; разница между максимумомъ и минимумомъ оправданій составляетъ, такимъ образомъ, 13%. Значеніе этого факта, *какъ обвиненія противъ суда присяжныхъ*, уменьшается однако почти до нуля, если принять въ соображеніе, что были годы (напр. 1873-й и 1876-й), когда величина колебаній въ строгости короннаго суда превышала величину колебаній въ строгости суда присяжныхъ, и что разница между минимумомъ и максимумомъ оправдательныхъ приговоровъ, произнесенныхъ безъ участія присяжныхъ, доходитъ и въ 1877 г. до 11% (21% въ казанскомъ округѣ, 32% въ московскомъ). Если сравнивать между собою не судебные округа, а отдѣльные суды одного и того же округа, дѣйствующіе безъ участія присяжныхъ, то разница окажется еще болѣе поразительною: въ варшавскомъ судебномъ округѣ она превышаетъ 34%.[1]) Плоцкій окружной судъ изъ числа 879 обвиняемыхъ оправдалъ 396 (45,05%), сѣдлецкій окружной судъ, изъ числа 472 обвиняемыхъ—51 (10,8%); петроковскій окружной судъ изъ числа 513 обвиняемыхъ оправдалъ 213 (41,52%), варшавскій окружной судъ изъ числа 1063 обвиняемыхъ — 252 (23,7%). Эти цифры тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что онѣ не могутъ быть объяснены меньшимъ, сравнительно, числомъ преступленій въ губерніяхъ плоцкой и петроковской, бо́льшимъ — въ губерніяхъ сѣдлецкой и варшавской; напротивъ того, въ первыхъ двухъ приходится по 5 и по 4 обвиняемыхъ на тысячу человѣкъ населенія, въ послѣднихъ двухъ—только по 3. Интенсивность уголовной репрессіи не находится здѣсь, слѣдовательно, въ прямомъ отношеніи къ степени преступности населенія. Мы вполнѣ убѣждены, что главную причину различія въ результатахъ дѣятельности названныхъ нами судовъ слѣдуетъ искать не въ личномъ ихъ составѣ, а въ другихъ условіяхъ, коренящихся въ самой сущности дѣлъ или въ порядкѣ ихъ направленія и производства; мы далеки отъ мысли обвинять тотъ или другой судъ въ излишней мягкости или въ излишней строгости—мы хотѣли только доказать, что сильныя колебанія

[1]) Между отдѣльными судами имперіи самая большая разница не превышаетъ 31% (въ устюжскомъ судѣ 20% оправданій, въ херсонскомъ—51%).

въ процентномъ отношеніи оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ вовсе не составляютъ чего-то исключительно свойственнаго суду присяжныхъ. Несоразмѣрно большое число оправдательныхъ приговоровъ, кѣмъ бы они ни были произносимы, возбуждаетъ прежде всего предположеніе о неправильной постановкѣ обвиненій, т.-е. о допущеніи ихъ прокурорскою властью и обвинительною камерой безъ достаточно строгой повѣрки уликъ, имѣющихся противъ обвиняемыхъ. Съ этой точки зрѣнія особеннаго вниманія заслуживала бы дѣятельность обвинительной власти въ одесскомъ судебномъ округѣ, уже не въ первый разъ превосходящемъ всѣ другіе сравнительнымъ числомъ оправдательныхъ приговоровъ.

Въ общихъ судахъ шести судебныхъ округовъ имперіи судилось въ 1877 г. 40,210 обвиняемыхъ, что по отношенію къ общему населенію 47.896,714 человѣкъ составляетъ одного подсудимаго на 1,176. Мужчинъ между обвиняемыми было 36,097, женщинъ—4113 (11,39%). Въ общихъ судахъ варшавскаго судебнаго округа, съ населеніемъ въ 6.771,974 чел., судилось 6,050 обвиняемыхъ, что̀ составляетъ одного подсудимаго на 1,119 человѣкъ; мужчинъ между обвиняемыми было 4,971, женщинъ — 1,079 (21,7%, т.-е. сравнительно почти вдвое больше, чѣмъ въ имперіи). Число дѣлъ, возникшихъ въ 1877 г. въ общихъ судебныхъ установленіяхъ имперіи, простирается до 88,930 (по одному дѣлу на 538 человѣкъ общаго населенія), въ общихъ судебныхъ установленіяхъ варшавскаго округа—до 24,445 (по одному дѣлу на 277 человѣкъ общаго населенія, т.-е. сравнительно почти вдвое больше, чѣмъ въ имперіи; даже въ округѣ одесскаго окружнаго суда, въ которомъ наименѣе благопріятно отношеніе числа возникшихъ дѣлъ къ населенію, одно дѣло приходится на 316 человѣкъ). Распредѣленіе преступленій по родамъ въ варшавскомъ округѣ существенно отличается отъ распредѣленія ихъ въ шести судебныхъ округахъ имперіи. Первое мѣсто, по числу, занимаютъ въ обоихъ случаяхъ преступленія противъ чужого имущества; но процентное отношеніе ихъ къ общей цифрѣ преступленій въ имперіи и въ царствѣ польскомъ далеко не одинаково. Въ имперіи они составляютъ 59,6% всѣхъ дѣлъ, производившихся въ теченіе 1877 г., въ царствѣ польскомъ—только 43,6%. Преступленій противъ общественнаго благоустройства и благочинія и преступленій служебныхъ въ царствѣ польскомъ также было меньше, чѣмъ въ имперіи (первыхъ—3,9% и 5,4%; вторыхъ—2,4% и 5,5%); больше, чѣмъ въ имперіи, въ царствѣ польскомъ было преступленій противъ личности (21,1, а въ имперіи 18%), противъ порядка управленія (9,5% — 4,8%) и противъ уставовъ казенныхъ управленій (5,1 — 2,6%), а также изслѣдованій о

причинахъ смерти и о причинахъ пожаровъ (2,6% и 1,5%—1,6% и 0,2%). Одинаково въ имперіи и въ царствѣ польскомъ процентное отношеніе преступленій религіозныхъ (включая святотатство) и преступленій противъ законовъ о состояніяхъ (1,1% и 0,1%). Изъ числа преступленій противъ чужого имущества на долю кражи приходится въ имперіи 72%, въ царствѣ польскомъ — еще больше: 79,4%. Въ царствѣ польскомъ высокій, сравнительно съ имперіей, процентъ приходится также на долю мошенничества (4,3—въ имперіи 1,6%), присвоенія и растраты чужого имущества (3,3 — въ имперіи 2,7%), сравнительно низкій—на долю истребленія имущества (6%—въ имперіи 9,3%), насильственнаго его похищенія (4,3—въ имперіи 10,9%), подлоговъ въ актахъ и обязательствахъ (1,7 — въ имперіи 2,8%). Между преступленіями противъ личности, преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности занимаютъ почти одинаковое мѣсто и въ имперіи, и въ царствѣ польскомъ (39½ и 40,4%); на долю убійства и преступленій противъ женской чести въ царствѣ польскомъ приходится процентъ сравнительно низкій (13,4 и 5,5%—въ имперіи 25½ и 8,6%), на долю оскорбленій чести — процентъ сравнительно высокій (30,5—въ имперіи 9,2%). Итакъ, преступность въ царствѣ польскомъ отличается, если можно такъ выразиться, меньшею наклонностью къ насильственности, чѣмъ въ имперіи; преступленія, не требующія употребленія силы и сопряженныя съ меньшимъ рискомъ, совершаются въ царствѣ польскомъ сравнительно чаще. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы отношеніе числа преступленій, сопряженныхъ съ насиліемъ, къ общему числу населенія было менѣе благопріятно въ имперіи, чѣмъ въ царствѣ польскомъ. Въ варшавскомъ судебномъ округѣ одно возникшее въ 1877 г. дѣло объ убійствѣ приходится на 10,688 чел., въ шести судебныхъ округахъ имперіи—на 12,924 чел.; одно дѣло о преступленіи противъ тѣлесной неприкосновенности—въ варшавскомъ судебномъ округѣ на 3,657, въ шести судебныхъ округахъ имперіи—на 7,296 человѣкъ; одно дѣло о преступленіи противъ женской чести—въ варшавскомъ судебномъ округѣ на 23,432, въ шести судебныхъ округахъ имперіи—на 32,428 человѣкъ. Обратное отношеніе мы находимъ только по дѣламъ о насильственномъ похищеніи имущества; въ варшавскомъ судебномъ округѣ одно такое дѣло возникло, въ 1877 г., на 12,948, въ шести судебныхъ округахъ имперіи—на 8,809 человѣкъ общаго населенія.

Осуждено было, въ 1877 г., въ общихъ судахъ шести судебныхъ округовъ имперіи 25,973 чел., т.-е. по одному на 1,844 чел. общаго населенія; въ общихъ судахъ варшавскаго судебнаго округа—4,109 человѣкъ, т.-е. по одному на 1,648 чел. общаго населенія. Обвини-

тельные приговоры присяжными постановлялись сравнительно часто по дѣламъ о религіозныхъ преступленіяхъ (89%), по дѣламъ о святотатствѣ (71,97%), по дѣламъ о кражѣ (70,85%), по дѣламъ объ убійствѣ въ дракѣ и т. п. (69,41%), по дѣламъ объ умышленномъ и предумышленномъ убійствѣ (62,97%) и по дѣламъ о насильственномъ похищеніи имущества (62,79%); сравнительно рѣдко — по дѣламъ о нарушеніи уставовъ казенныхъ управленій (31,65%), по дѣламъ о преступленіяхъ служебныхъ (32,40%), по дѣламъ о дѣтоубійствѣ (42,65%), по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ (48,55), по дѣламъ о преступленіяхъ противъ женской чести (48,59). Весьма любопытно сравнить эти цифры съ числомъ оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ по варшавскому судебному округу, въ которомъ коронный судъ, какъ уже замѣчено выше, разрѣшаетъ всѣ дѣла, въ имперіи подвѣдомственныя суду присяжныхъ. Къ святотатству и кражѣ коронный судъ относится еще строже, чѣмъ судъ присяжныхъ; обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ перваго рода постановлено въ варшавскомъ округѣ 81%, по дѣламъ второго рода— 79½ %. Гораздо строже, чѣмъ присяжные, коронный судъ является въ дѣлахъ о дѣтоубійствѣ и оставленіи безъ помощи (76% обвинительныхъ приговоровъ), въ дѣлахъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ (68½ %), въ дѣлахъ о нарушеніи уставовъ казенныхъ управленій (70%), немного строже — въ дѣлахъ объ убійствѣ умышленномъ и предумышленномъ (67¾ %) и о насильственномъ похищеніи имущества (67½%). Въ дѣлахъ о служебныхъ преступленіяхъ коронный судъ хотя и строже присяжныхъ, но обвинительныхъ приговоровъ по этимъ дѣламъ и онъ постановляетъ сравнительно немного (45%). Снисходительнѣе, чѣмъ судъ присяжныхъ, коронный судъ разрѣшаетъ дѣла о преступленіяхъ религіозныхъ (66⅔ % обвинительныхъ приговоровъ), дѣла объ убійствѣ въ дракѣ и т. п. (54%) и дѣла о преступленіяхъ противъ женской чести (38½ %). Итакъ, усиленная строгость къ кражѣ является характеристическою чертою не только суда присяжныхъ, но и коронаго суда. Это наводитъ на мысль, что источникъ ея заключается не только въ народныхъ взглядахъ, ревнивѣе оберегающихъ имущество, чѣмъ личность, но и въ самомъ свойствѣ дѣлъ о кражѣ — въ сравнительной легкости ея раскрытія, въ сравнительной рѣдкости обстоятельствъ, располагающихъ къ невмѣненію кражи лицу, ее совершившему, въ сравнительной, наконецъ, снисходительности наказаній, опредѣляемыхъ за кражу нашимъ уголовнымъ закономъ. Изъ числа 12,459 осужденныхъ за кражу въ шести судебныхъ округахъ имперіи, сознались на судѣ 5,113, т.-е. около 41%; изъ числа 1,782 осужденныхъ за насильственное похи-

щеніе имущества созналось на судѣ только 300, т.-е. менѣе 17%, изъ числа 678 осужденныхъ за убійство (умышленное и предумышленное) — 211, т.-е. около 31%, изъ числа 1,513 осужденныхъ за тѣлесныя поврежденія—287, т.-е. около 18%. Отсюда можно заключить, что всего чаще сознаются обвиняемые въ кражѣ, — а сознаніе, изрѣдка содѣйствуя оправданію, въ большинствѣ случаевъ облегчаетъ осужденіе. Если бы строгость суда къ кражѣ вызывалась исключительно тѣмъ, что преступленіе это направлено противъ имущества, то еще бо̀льшей строгости слѣдовало бы ожидать по отношенію къ дѣламъ о насильственномъ похищеніи имущества; между тѣмъ мы видимъ, что и коронный судъ, и судъ присяжныхъ въ этихъ дѣлахъ рѣже постановляютъ обвинительные приговоры, чѣмъ въ дѣлахъ о кражѣ. Весьма важно, въ нашихъ глазахъ, и то обстоятельство, что число оправдательныхъ приговоровъ, постановляемыхъ судомъ присяжныхъ по дѣламъ о кражѣ, все болѣе и болѣе приближается къ общей средней цифрѣ оправданій; въ 1874 г., напримѣръ, процентъ оправданій по дѣламъ о кражѣ составлялъ 22%, въ 1875-мъ—27%, въ 1877-мъ — 29%. Прискорбнымъ остается только сравнительно большое число оправданій, произносимыхъ присяжными по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, и сравнительно большое число обвиненій, произносимыхъ ими по дѣламъ о преступленіяхъ религіозныхъ. Число оправданій, произносимыхъ присяжными по дѣламъ о преступленіяхъ противъ женской чести, было бы поразительно, если бы его не превосходило еще число оправданій, произносимыхъ по этимъ дѣламъ судомъ коронным̀ъ. Очевидно, что здѣсь, какъ и въ дѣлахъ о кражѣ, мы встрѣчаемся не съ предубѣжденіемъ суда, а съ другими причинами, естественно обусловливающими его образъ дѣйствій. Сравнительно большое число оправданій, произносимыхъ судомъ присяжныхъ по дѣламъ о дѣтоубійствѣ, объясняется несоразмѣрно высокимъ наказаніемъ за это преступленіе, почти всегда совершаемое полу-сознательно, подъ гнетомъ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ практика суда присяжныхъ указываетъ на недостатокъ закона и на необходимость его измѣненія. Сюда же можно отнести высокій процентъ оправданій, произносамыхъ по дѣламъ о нарушеніи паспортнаго устава не только судомъ присяжныхъ (58½ %), но и коронными судами въ варшавскомъ судебномъ округѣ (40½ %). Значительное число оправданій по дѣламъ о преступленіяхъ служебныхъ свидѣтельствуетъ о ненормальномъ положеніи нашего бюрократическаго міра.

Въ данныхъ о возрастѣ осужденныхъ особенно замѣчательна правильность, обнаруживающаяся, съ этой точки зрѣнія, въ ростѣ и

пониженіи преступности. Число осужденныхъ, имѣющихъ отъ 14 до 17 лѣтъ, сравнительно меньше, чѣмъ процентное отношеніе лицъ этого возраста къ общей цифрѣ населенія. Начиная съ 18 лѣтъ, первое изъ этихъ чиселъ превышаетъ послѣднее, постоянно увеличивается до возраста отъ 25 до 30 лѣтъ, затѣмъ столь же постоянно понижается, и послѣ 50 лѣтъ опять уступаетъ числу, выражающему отношеніе лицъ даннаго возраста къ общей цифрѣ населенія. Такъ, напр., лица 14-ти-лѣтняго возраста составляютъ 2,92% населенія, лица 16-ти-лѣтняго возраста—2,85%, лица 19-ти-лѣтняго возраста—2,71%, лица, имѣющія отъ 25 до 30 лѣтъ—10,86%, лица, имѣющія отъ 40 до 45 лѣтъ—6,73%, лица, имѣющія отъ 50 до 55 лѣтъ—4,92%, лица, имѣющія отъ 70 до 75 лѣтъ—1,07%; между тѣмъ, въ числѣ осужденныхъ лица первой категоріи составляютъ 0,32%, второй—1,12%, третьей—3,56%, четвертой—17,29%, пятой —9,06%, шестой—4,72%, седьмой—0,31%. У женщинъ преступность, разсматриваемая въ связи съ возрастомъ, и растетъ, и понижается медленнѣе, чѣмъ у мужчинъ; такъ, напримѣръ, мужчины отъ 65 до 70 лѣтъ составляютъ 0,83, отъ 70 до 75 лѣтъ — 0,30 всего числа осужденныхъ мужчинъ, женщины соотвѣтствущаго возраста— 0,97 и 0,46 осужденныхъ женщинъ. Всѣ эти цифры касаются шести судебныхъ округовъ имперіи; въ варшавскомъ судебномъ округѣ максимумъ преступности наступаетъ позже, между 30 и 35 годами. Процентъ преступниковъ, не достигшихъ совершеннолѣтія, въ царствѣ польскомъ нѣсколько больше, чѣмъ въ имперіи ($16^1/_2$—$15^1/_4$).

Въ одномъ изъ внутреннихъ обозрѣній нашего журнала (1876 г. № 5), посвященномъ уголовной статистикѣ за 1874 г., указанъ и объясненъ, по возможности, тотъ замѣчательный фактъ, что изъ числа осужденныхъ, состоявшихъ въ бракѣ, большинство имѣло двухъ или болѣе дѣтей, меньшая, сравнительно, часть была бездѣтна, у еще меньшей было по одному ребенку. То же самое показываютъ и данныя 1877 г., какъ для имперіи, такъ и для царства польскаго. Въ имперіи изъ 100 осужденныхъ на долю безбрачныхъ приходилось 34,90, на долю состоявшихъ въ бракѣ—59,97, на долю вдовыхъ—5,01; изъ 52,97 осужденныхъ, состоявшихъ въ бракѣ, 31,75 имѣли двухъ или болѣе дѣтей, 17,80 были бездѣтны, 10,42 имѣли одного ребенка. Въ царствѣ польскомъ изъ 100 осужденныхъ на долю безбрачныхъ приходилось 36,4, на долю состоявшихъ въ бракѣ — 58,36%, на долю вдовыхъ—3,8%; изъ 58,36% осужденныхъ, состоявшихъ въ бракѣ, 42,76% имѣли двухъ дѣтей или болѣе, 10,27 были бездѣтны, 5,33% имѣли одного ребенка. Цифры имперіи и царства польскаго сходны, такимъ образомъ, не только въ главныхъ чертахъ,

но и въ подробностяхъ. Цифры имперіи за 1877 г. весьма близки къ соотвѣтствующимъ цифрамъ за предъидущіе годы; въ 1874 г., напримѣръ, изъ 100 осужденныхъ состояло въ бракѣ 57,77%, въ 1875 году—59,70%. Судя по даннымъ, приводимымъ профессоромъ Янсономъ въ его „Сравнительной Статистикѣ“ (стр. 92 — 98), можно предположить, что процентное отношеніе состоящихъ въ бракѣ къ взрослому населенію Россіи болѣе 60%, и что, слѣдовательно, брачная жизнь скорѣе уменьшаетъ, чѣмъ увеличиваетъ наклонность къ совершенію преступленій. Это не устраняетъ, конечно, возможности такихъ случаевъ, въ которыхъ брачныя отношенія являются именно источникомъ преступленій. Число убійствъ, совершенныхъ въ Россіи, въ 1877 г., мужемъ надъ женой или женою надъ мужемъ по прежнему весьма значительно; осужденные за такое убійство составляютъ 18,14% общаго числа всѣхъ осужденныхъ за убійство (умышленное и предумышленное). Убійство мужа женою чаще, чѣмъ убійство жены мужемъ; случаевъ перваго рода въ 1877 г. было 53, случаевъ второго рода — 42. Эти цифры тѣмъ болѣе знаменательны, что всѣхъ осужденныхъ за убійство (не считая дѣтоубійства) женщинъ въ 1877 году было 118, всѣхъ мужчинъ—560. Въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, наоборотъ, мужья несравненно чаще виновны относительно своихъ женъ, чѣмъ жены—относительно мужей; на 52 случая перваго рода приходится только *одинъ* случай второго! Злоупотребленіе со стороны мужа своей властью надъ женой, отпоръ со стороны жены въ формѣ посягательства на жизнь мужа—вотъ мрачная картина, раскрывающаяся въ немногихъ приведенныхъ нами цифрахъ. Уголовная статистика царства польскаго ничего подобнаго не представляетъ. Случаевъ убійства мужемъ жены мы видимъ здѣсь 8, случай убійства женою мужа—только одинъ; случаевъ тѣлеснаго поврежденія, нанесеннаго мужемъ женѣ—4, случай тѣлеснаго поврежденія, нанесеннаго женою мужу—также только одинъ. Не ясно ли, послѣ того, что причину печальныхъ явленій, указанныхъ выше, слѣдуетъ искать въ особыхъ условіяхъ русскаго семейнаго быта, въ приниженномъ положеніи жены, въ неограниченномъ деспотизмѣ мужа?

Между осужденными въ Россіи грамотные въ 1877 г., какъ и прежде, составляли процентъ болѣе высокій (27,09%), чѣмъ можно было бы ожидать, судя по общему отношенію грамотныхъ къ населенію имперіи. Въ царствѣ польскомъ процентъ грамотныхъ между осужденными гораздо меньше (18,64%), процентъ образованныхъ—нѣсколько меньше, чѣмъ въ имперіи (1,53—2,6%). Незаконнорожденныхъ между осужденными въ имперіи было 2,05%, въ царствѣ польскомъ—1,38%. Рецидивистовъ въ имперіи было 19,32%, въ цар-

ствѣ польскомъ—20,1%. Свѣдѣнія о мѣрахъ пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда, въ первый разъ введенныя въ сводъ, показываютъ, что почти половина общаго числа осужденныхъ (46,96%), содержалась предварительно подъ стражей, причемъ максимумъ процента осужденныхъ, содержавшихся подъ стражею (болѣе 43%), падаетъ на срокъ съ 6 мѣсяцевъ до одного года; болѣе года содержались подъ стражей слишкомъ 19% осужденныхъ. Цифры эти не могутъ быть названы утѣшительными, тѣмъ болѣе, что строгость въ принятіи мѣръ пресѣченія далеко не одинакова въ различныхъ округахъ имперіи (наибольшій процентъ содержавшихся подъ стражей—54,02% — упадаетъ на московскій судебный округъ, наименьшій — 40,36%—на саратовскій).

Нынѣшнимъ лѣтомъ, въ послѣднихъ числахъ іюня, въ тѣсномъ кругу бывшихъ товарищей, сослуживцевъ и спеціалистовъ-техниковъ справлялся день 50-лѣтія службы барона А. И. Дельвига, имя котораго, въ теченіи 40 слишкомъ лѣтъ, было тѣсно связано какъ вообще съ начатками въ Россіи техническаго образованія, такъ и спеціально съ исторіею желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи. Самое оставленіе имъ должности главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ, еще въ 1869 г., послужило поводомъ къ основанію Дельвиговскаго желѣзно-дорожнаго училища, въ Москвѣ, на счетъ собранной суммы въ 140 тысячъ рублей, къ которымъ вскорѣ прибавилось еще около 20 т. рублей, сверхъ пожертвованныхъ 40 тысячъ на покупку мѣста съ домомъ для училища и для постройки на этомъ мѣстѣ новаго дома и мастерскихъ. День 50-лѣтія далъ новую сумму, свыше 40 т. рублей, такъ что капиталъ училища достигъ въ настоящее время 200 тысячъ; кромѣ того, въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, гдѣ юбиляръ кончилъ курсъ въ 1830 году, учреждена, по его желанію, стипендія, въ 300 руб., его имени; московская городская дума постановила на содержаніе стипендіата въ техническомъ училищѣ, въ Москвѣ, вносить ежегодно по 450 рублей, и такая же стипендія учреждена въ Александровскомъ техническомъ училищѣ въ г. Ельцѣ. На долю юбиляра выпала, такимъ образомъ, завидная участь видѣть свой почотъ соединеннымъ съ значительной общественной пользой, и вызвать о себѣ воспоминанія среди сослуживцевъ и бывшихъ подчиненныхъ уже по удаленіи отъ практическихъ дѣлъ, а слѣдовательно, безъ всякой мысли съ ихъ стороны о возмездіи имъ сторицею въ томъ или другомъ видѣ: бар. А. И. Дельвигъ вышелъ совсѣмъ изъ министерства путей сообщенія около 10 лѣтъ тому назадъ.

Адресы и рѣчи, обращенныя къ юбиляру 19 іюня, выразили вполнѣ и оцѣнку его дѣятельности со стороны спеціалистовъ, и уваженіе къ его личному характеру со стороны бывшихъ сотрудниковъ и товарищей. Не нами замѣчено, что въ Россіи люди труда и таланта недолговѣчны, а съ другой стороны, у насъ 50 лѣтъ—время почти всегда достаточное, чтобы совмѣстить въ себѣ не одну, двѣ, а нѣсколько эпохъ. Вотъ потому и трудовая жизнь лица, успѣвшаго обнять собою цѣлое полустолѣтіе, должна представлять чрезвычайно много любопытнаго и назидательнаго: одно и то же лицо успѣваетъ пропустить предъ своими глазами такія эпохи, которыя въ жизни другихъ народовъ отдѣляются чуть не столѣтіями—а у насъ не всегда и десятками лѣтъ. Такъ было и съ бар. А. И. Дельвигомъ, пріѣхавшимъ юношею въ Петербургъ въ 1826 г., гдѣ его окружала семья и литературные друзья его двоюроднаго брата, друга Пушкина, до самой смерти перваго въ 1831 году. Дѣятельность молодого человѣка, въ 30-хъ годахъ, начиналась такимъ образомъ подъ впечатлѣніями, какія только можно было унести изъ Пушкинскаго круга.

Въ 40-хъ годахъ, предъ нимъ открылось уже обширное поле практической дѣятельности, но въ другую эпоху — эпоху графа Клейнмихеля; онъ—членъ первой технической комиссіи, учрежденной при новомъ тогда департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, и состоявшей подъ предсѣдательствомъ памятнаго въ инженерномъ мірѣ М. Г. Дестрема. Затѣмъ, слѣдуютъ эпоха Чевкина и болѣе близкое къ намъ время, — когда, пройдя постепенно всѣ ступени службы своей спеціальности, на пространствѣ 40 лѣтъ, бар. А. И. Дельвигъ неоднократно управлялъ министерствомъ путей сообщенія. Кромѣ того, важнѣйшія произведенія инженернаго и строительнаго искусства въ Россіи, въ теченіи послѣдняго полувѣка, были осуществлены при его близкомъ участіи и содѣйствіи: проведеніе московскаго и нижегородскаго шоссе, московскихъ и нижегородскихъ водопроводовъ, постройка Николаевскаго моста, возведеніе храма Спасителя въ Москвѣ, проведеніе военныхъ дорогъ на Кавказѣ и военныхъ переправъ въ венгерскую кампанію, въ званіи инспектора военныхъ сообщеній, и т. д. По его иниціативѣ у насъ были заведены первыя желѣзнодорожныя училища, устроены съѣзды представителей желѣзныхъ дорогъ, и наконецъ, въ 1866 г. подъ его предсѣдательствомъ организовалось и открыло свои дѣйствія Русское Техническое Общество. Въ области своей науки онъ оставилъ память составленнымъ имъ „Руководствомъ къ устройству водопроводовъ“ (1857 г.), увѣнчаннымъ Демидовскою премію отъ академіи наукъ.

Послѣ такихъ продолжительныхъ и непрерывныхъ трудовъ, при-

знанныхъ торжественно и безкорыстно новыми поколѣніями дѣятелей и представителями общества и науки, почтенный юбиляръ съ полнымъ правомъ могъ сказать себѣ: есть отъ чего отдохнуть и что вспомнить!—Прибавимъ отъ себя:—и чѣмъ быть помянуту со временемъ.

Совершенно случайно намъ приходится заключить хронику обращеніемъ къ тѣмъ же „Московскимъ Вѣдомостямъ“, которыя, какъ мы видѣли, изъ опасенія какихъ-нибудь исправленій въ „системѣ гр. Толстого“ со стороны новаго министерства народнаго просвѣщенія, поспѣшили впередъ намекнуть, что все подобное будетъ ими разсматриваемо, какъ результатъ „соображеній новаго министра съ показаніями и сужденіями“ нѣкоторыхъ „господъ, требующихъ того“, т.-е. нѣкоторой части печати. Между тѣмъ случилось нѣчто такое, что дѣйствительно можно назвать „требованіемъ“; требованіе это, конечно, дѣлаемъ не мы,—но нашъ долгъ указать на существованіе такого требованія, а затѣмъ—videant consules! Если наше военное министерство не пренебрегаетъ тѣми требованіями, какія дѣлаетъ на него всякое усовершенствованіе въ вооруженіи войска, то и министерство народнаго просвѣщенія не можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что дѣлается у нашихъ сосѣдей по части усовершенствованія въ вооруженіи народа образованіемъ. Несмотря на личную перемѣну въ прусскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, общее направленіе, принятое при Фалькѣ, не измѣнилось и при Путткамерѣ, отъ котораго можно было скорѣе ожидать возвращенія къ клерикальнымъ и ультраклассическимъ идеямъ ф. Мюлера. „Новый планъ“ среднихъ учебныхъ заведеній продолжаетъ попрежнему занимать министерство, и въ послѣднее время нѣмецкія газеты начали сообщать нѣкоторыя изъ его подробностей и предположеній. Главная мысль состоитъ въ томъ, чтобы *привести къ одной нормѣ младшіе три класса гимназій и реальныхъ училищъ*—мысль совершенно правильная и основательная, такъ какъ нельзя съ 10-ти-лѣтняго возраста уже опредѣлять все будущее направленіе развитія учащагося, и притомъ въ этихъ классахъ образованіе должно быть по преимуществу общимъ — а слѣдовательно единообразнымъ и для гимназій, и для реальныхъ училищъ. Но это оказалось невозможнымъ безъ значительнаго измѣненія плана низшихъ классовъ въ гимназіяхъ, а именно по отношенію классическихъ языковъ. По новому плану, въ квартѣ гимназій будетъ уничтожено совсѣмъ преподаваніе греческаго языка, а съ другой стороны, въ реальныхъ училищахъ будетъ увеличено число латинскихъ языковъ, за исключеніемъ сексты, гдѣ оно и прежде было одинаково

съ гимназіями. Будущій планъ для сексты въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ—говоритъ „Бреславльская Газета"—будетъ такой, какой до сихъ поръ былъ *для реальныхъ училищъ;* въ гимназіяхъ латинскіе уроки будутъ уменьшены на 2 часа, а вслѣдствіе того прибавятся 2 урока для отечественнаго языка. Точно также въ квинтѣ будутъ отняты у латинскаго 2 часа и отданы французскому языку. Но, сверхъ того, отечественный языкъ получитъ еще 2 урока, уже на счетъ прежняго свободнаго времени учениковъ. Для кварты гимназій и реальныхъ училищъ составится такой общій планъ: религія—2 часа; нѣмецкій языкъ—3; латинскій—8; французскій—5; географія и исторія—4; естественная исторія — 2; математика — 6; рисованіе — 2; всего 32, вмѣсто прежнихъ 30. Уничтоженные вовсе греческіе уроки пошли такимъ образомъ на существенное усиленіе французскаго языка и математики; за то въ реальныхъ училищахъ уничтожены 2 часа чистописанія, пошедшіе на латинскій языкъ.

Во всемъ этомъ для насъ важно то, что въ Германіи министерство народнаго просвѣщенія нашло необходимымъ вступить на путь удовлетворенія „требованіямъ" времени, на который вступила рѣшительно въ нынѣшнемъ году и Франція. Этого рода „требованіями" нельзя пренебрегать безнаказанно, и внять имъ, а затѣмъ умѣть удовлетворить—всегда было дѣломъ политической и государственной мудрости.

ЧТО ДѢЛАЕТСЯ ВЪ БОЛГАРІИ?

(По поводу книги г. Немировича-Данченка: „Послѣ войны". Спб. 1880).

Названная книга—одна изъ любопытнѣйшихъ, какія являлись у насъ въ послѣднее время, — любопытнѣйшихъ по предмету, еще такъ недавно возбуждавшему самый напряженный интересъ, а теперь слишкомъ забытому; и по точкѣ зрѣнія, съ какой смотритъ на него авторъ, — встрѣчающейся не часто. Скажемъ прямо, намъ не особенно нравится литературный стиль автора; но многія вещи, которыя онъ разсказываетъ и объясняетъ, чрезвычайно интересны и заслуживаютъ вниманія.

Послѣдняя война была громаднымъ историческимъ событіемъ, и, кромѣ своего внѣшняго политическаго значенія по отношеніямъ Россіи къ Европѣ и къ славянскому вопросу, она была важнымъ фактомъ нашей внутренней жизни. Наступающая война обыкновенно до послѣдней степени возбуждаетъ общественные и народные нервы; ждутъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, чѣмъ окажутся военныя силы націи, будетъ ли достигнута поставленная политическая цѣль; но въ періодъ этого, всѣми овладѣвающаго волненія рѣдко думаютъ о томъ, что война въ то же время есть строгая повѣрка внутреннихъ силъ общества.

Къ какому результату приводила эта повѣрка въ послѣднюю войну? Выяснить это было бы не маловажно для опредѣленія самаго положенія нашей внутренней жизни, и однако этотъ вопросъ, къ удивленію, рѣдко даже ставится въ нашей печати;—преобладали высшія соображенія о національной политикѣ, о духѣ русскаго народа, непонятномъ для испорченной Европы, и т. п. Правда, замѣчали, что было что-то неладное въ ходѣ событій,—но гдѣ же этого не бываетъ? Было говорено не мало, и съ большими негодованіями, объ интендантскихъ дѣлахъ, о подрядчикахъ, о Коганѣ и Горвицѣ,

и т. п.; но всѣ эти раскрывшіяся подробности казались и изображались какъ будто только исключеніемъ — прискорбнымъ, но рѣдкимъ, исключеніемъ въ славѣ, сопровождавшей дѣянія русскаго оружія. Правда, въ теченіе самой войны, долгая и слишкомъ дорого стоившая осада Плевны заставляла задумываться, но героическая защита Шипки, совершившееся наконецъ взятіе Плевны, переходъ черезъ Балканы, побѣды Радецкаго, Санъ-стефанскій миръ, снова прогнали всѣ возникавшія недоумѣнія. Правда, опять, за миромъ Санъ-стефанскимъ слѣдовалъ берлинскій трактатъ, очень далеко на него не похожій; но общество снова утѣшалось, что однако въ Берлинѣ была противъ насъ вся Европа, съ которой надо было бороться,—и въ то время, когда изъ пріобрѣтеній санъ-стефанскихъ дѣлались все новыя и новыя уступки, и подрывался самый смыслъ великаго историческаго факта, — въ нашей печати представители нашей дипломатіи изображались какъ герои, чуть не превышавшіе тѣхъ, которые довершили результаты самой войны...

Но, что́ же, были ли все это чистыя случайности, исключенія, какія возможны всегда и вездѣ, или было въ этихъ фактахъ нѣчто общее, какая-нибудь общая причина, которая давала себя знать въ фактахъ, и военныхъ, и дипломатическихъ, и административныхъ, и денежныхъ? О военной сторонѣ дѣла мы и не будемъ говорить. Здѣсь всего возможнѣе всякія случайности; дѣло такъ обширно и сложно; неудачи уравновѣшивались блестящими успѣхами, — хотя наши собственные военные критики находили, что были органическіе недостатки въ самомъ веденіи дѣла. Но другія стороны не зависѣли отъ случайностей, какъ самая война, и принадлежатъ прямо къ обычному теченію вещей. Дѣйствительно, война съ ея многоразличными обстоятельствами и послѣдствіями есть не только проявленіе военныхъ силъ государства, но его и культурнаго общественнаго состоянія. Послѣднее сказывалось множествомъ фактовъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ не только не изученныхъ, но и не указанныхъ въ цѣлости. Оно проявлялось не только въ цѣломъ общемъ ходѣ войны и администраціи, но проявлялось и въ отдѣльномъ лицѣ, которое было не только исполнителемъ оффиціальнаго дѣла, но и представителемъ своего общества, его нравовъ и обычаевъ. Въ событіяхъ послѣдней войны эти проявленія были особенно наглядны. Это не была прямая борьба съ врагомъ на его землѣ, гдѣ достаточно было военной энергіи и искусства; война усложнялась тѣмъ, что мы шли освободителями къ родственному и единовѣрному племени, въ одно время боролись и освобождали, рядомъ съ войной вели дѣло организаціи и управленія,—и въ послѣднемъ должны были именно обнаружиться пріемы нашего общественнаго быта и нравовъ. Характеръ ихъ вы-

разился крайне несходными явленіями, и сколько однѣ внушали самое глубокое сочувствіе и уваженіе, столько другія были антипатичны или просто отвратительны, и указывали на страшную испорченность и вмѣстѣ грубую неразвитость общества. Съ одной стороны примѣры великаго самоотверженія, устоявшаго передъ всякими испытаніями, тяжкаго труда, вынесеннаго еще молодыми силами и одушевляемаго искреннимъ чувствомъ и вмѣстѣ сознательнымъ пониманіемъ; съ другой... факты, о которыхъ скажемъ дальше, по словамъ очевидца.

Съ тѣхъ поръ еще, когда у насъ возбуждался въ первый разъ „славянскій вопросъ“ и двинулись въ Сербію „добровольцы“, возникало уже недоумѣніе: чѣмъ можетъ быть то движеніе въ пользу *свободы*—въ нашемъ обществѣ, въ пользу славянъ—которыми наканунѣ такъ мало интересовались и о которыхъ такъ мало знали. Шли пожертвованія, отправлялись волонтеры изъ разныхъ слоевъ общества. Понятны были наивныя, религіозныя побужденія народной массы, побужденія небольшого круга искреннихъ и понимающихъ энтузіастовъ, особенно молодежи;—но остальные? Стало послѣ извѣстно, что въ составъ „добровольцевъ“ двинулись сражаться за *свободу* и тѣ самые люди, которыхъ Щедринъ окрестилъ ташкентцами. Къ сожалѣнію, дѣйствительно оказалось, что ташкентцы вели себя въ Сербіи именно такъ, какъ по ихъ свойствамъ подобало; что они бывали даже въ ряду главныхъ распорядителей; послѣ, ташкентцы явились даже въ печати рьяными славянолюбцами...

Нечего говорить, какъ это было непривлекательно, оскорбительно для самаго дѣла: людямъ порядочнымъ, дѣйствовавшимъ въ Сербіи, было стыдно за ташкентскія дѣянія соотечественниковъ и сподвижниковъ; сербы молчали... У насъ дома не вдругъ это поняли, и когда высказано было наконецъ осужденіе, его выдали даже за недостатокъ патріотизма, за желаніе „чернить святое дѣло“, за нежеланіе славянству свободы!.. Едвали сомнительно, что у сербовъ осталось странное представленіе о „старшихъ братьяхъ“.

Началась русско-турецкая война. Сербскія событія давно забылись. Съ войной началось „гражданское правленіе“ въ Болгаріи, и уже съ самаго начала стали доходить вѣсти, что и здѣсь не обходится безъ недоразумѣній. Въ то время, какъ государство приносило громадныя жертвы дѣлу освобожденія Болгаріи, самимъ дѣйствующимъ лицамъ нерѣдко оставалась непонятна самая сущность этого дѣла. Сколько разъ случалось читать въ разсказахъ корреспондентовъ (а потомъ и прямо слышать), что многимъ воителямъ болгары были только антипатичны, чуть не ненавистны; почти говорилось, что ихъ не отъ чего и незачѣмъ было освобождать. Въ то время, какъ госу-

дарство готовило освобожденному народу (хотя и не въ цѣломъ его составѣ) разумныя конституціонныя учрежденія и предоставляло обсудить ихъ самому народу въ свободно-избранномъ собраніи,—мелкія власти пускали въ ходъ съ „братскимъ“ народомъ нагайку, безцеремонно его грабили и какъ будто употребляли всѣ средства, чтобы возбудить въ немъ вражду къ русскимъ и къ Россіи.

Г. Немировичъ-Данченко былъ корреспондентомъ одной газеты въ Болгаріи во время войны и успѣлъ тогда узнать отчасти страну, народъ и главнѣйшихъ болгарскихъ дѣятелей. Затѣмъ, въ прошломъ году редакція московской газеты „Русскій Курьеръ“ предложила ему сдѣлать путешествіе по освобожденной Болгаріи. Настоящая книга есть сборникъ его впечатлѣній и разсказовъ изъ этого путешествія. Книга вышла очень любопытная. Авторъ, какъ извѣстно,—немножко поэтъ; но на нынѣшній разъ онъ видимо отложилъ поэзію въ сторону и разсказываетъ видѣнные и слышанные факты. Въ этихъ фактахъ много некрасиваго; и авторъ, зная обычаи нашей „прессы“, впередъ ожидаетъ обвиненій. „Значительное мѣсто книги (въ книгѣ?) отведено администраціи княжества. Разумѣется, меня обвинятъ и въ отсутствіи патріотизма и въ слишкомъ мрачномъ взглядѣ на дѣло... Впередъ принимаю упреки... По моему убѣжденію, истинный патріотизмъ состоитъ не въ томъ, чтобы закрывать глаза на свои недостатки“. Книга его нѣсколько запоздала: корреспонденціи его не появлялись въ свое время, потому что газета, для которой онѣ предназначались, на два мѣсяца была запрещена, а потомъ нѣсколько времени закрыта была типографія, въ которой книга печаталась...

Приступая къ разсказу объ освобожденной Болгаріи, какъ видѣлъ ее въ прошломъ году, авторъ указываетъ странное отношеніе цѣлаго русскаго общества къ вопросу, ради котораго ведена была война, потребовавшая страшнаго напряженія государственныхъ и народныхъ силъ,—къ вопросу, который, какъ печать проповѣдывала, составляетъ нашу національную задачу, наше призваніе.—Среди самыхъ событій, мудрено было всмотрѣться въ положеніе страны,—„освобождать которую мы двинулись столь смѣло, и на первыхъ же порахъ въ этомъ святомъ дѣлѣ обнаружили такое грѣшное легкомысліе. Поэтому въ концѣ-концовъ и оказалось, что болгаръ мы освободить—освободили, а узнать ихъ—не узнали“.

Въ тревогѣ и хаосѣ событій, конечно, и не было возможности изучать страну и народъ: но кажется была возможность нѣсколько изучить ихъ ранѣе. Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что дѣятели, которымъ предстояло освобождать и устроивать Болгарію, не подумали вовсе воспользоваться предварительно тѣми свѣдѣніями, какія можно было найти даже въ русской литературѣ и славянской наукѣ. У насъ

есть все-таки нѣсколько хорошихъ знатоковъ славянства, нѣсколько оффиціальныхъ славистовъ; сколько мы знаемъ, имъ не было предложено никакого вопроса, имъ не поручили составить хоть какую-нибудь коротенькую объяснительную книжку, которая помогла бы офицерамъ, чиновникамъ, докторамъ и т. д. оріентироваться въ неизвѣстномъ краѣ, — хоть бы какіе-нибудь русско-болгарскіе „разговоры".

Итакъ, мы не узнали болгаръ тогда; но мы не особенно заботились узнать ихъ и послѣ, даже теперь. „Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ авторъ, — не странно ли, не дико ли, что, продѣлавъ всю эту колоссальную эпопею 77—78 годовъ, потратя на нее много жертвъ, расплачиваясь до сихъ поръ и финансовыми и иными кризисами, мы такъ-таки и не свели болѣе тѣснаго знакомства съ Болгаріей, Сербіей и Черногоріей. И теперь, когда война окончена, также какъ и тогда, когда она начиналась, въ нашей печати, въ нашемъ обществѣ, въ славянскихъ и иныхъ комитетахъ слышатся самыя противорѣчивыя свѣдѣнія о Болгаріи, о болгарахъ. Одни, преимущественно бывшіе интенданты, и люди интендантскаго склада вообще, съ пѣною у рта набрасываются на этотъ народъ, точно онъ виноватъ въ нашихъ ошибкахъ, въ нашемъ легкомысліи; другіе возводятъ его настолько въ идеалъ, что, кажется, для полнаго соціально-политическаго совершенства нужно вынести нѣсколько столѣтій тяжелаго гнета и рабства, отдать своихъ женъ и дочерей въ турецкіе гаремы, затѣмъ подвергнуться своеобразной освободительной культурѣ нагаекъ и затрещинъ. Нѣтъ трезваго взгляда, потому что нѣтъ точныхъ свѣдѣній о народѣ и странѣ...

„— Братушки—подлецы!..—безапелляціонно рѣшаетъ одинъ насадитель культуры, всю войну пропьянствовавшій въ Зимницѣ или Систовѣ, разставшійся и съ честью, и съ совѣстью, и съ здравымъ смысломъ, только не съ нагайкой...

„— Братушки—это народъ, у котораго намъ нужно учиться,— витійствуютъ другіе.

„— Братушки—лѣнтяи, торгаши...

„— Братушки—съ утра до ночи работаютъ, не складывая рукъ...

„— Братушки—нищіе.

„— Братушки—богачи.

„Короче, не оберешься противорѣчій".

Авторъ разсказываетъ глупыя столкновенія, происходившія отъ незнанія простѣйшихъ различій болгарскаго языка отъ русскаго,— незнанія, котораго можно было бы избѣжать. Непониманіе продолжается и послѣ освобожденія. Гражданская администрація военнаго времени, по словамъ автора, только помогала этому и внесла край-

ній хаосъ. Не обращая вниманія на нравы и потребности народа, наши дѣятели навязывали болгарамъ „византійскій строй", основанный будто бы на народныхъ началахъ и „озлобленно бѣсновались, когда этотъ демократическій народъ прибѣгалъ къ испытаннымъ уже формамъ государственной жизни", потому что „освобождался отъ турецкаго рабства вовсе не для того, чтобы немедленно впасть въ еще болѣе тяжкое, систематичное и безповоротное". Эти толки о томъ, что надо дать болгарамъ—не тотъ порядокъ, какого они *сами* желаютъ, шли не только на мѣстѣ, но и въ нашихъ газетахъ, и авторъ, очень справедливо, находитъ ихъ совершенно нелѣпыми и вредными. „Въ нашемъ отношеніи къ болгарамъ,—говоритъ онъ,—я пожалуй готовъ именно то высоко и цѣнить, что, освободивъ народъ, мы не взяли на себя неблагодарную и, простите за откровенность, неблаговидную роль его опекуновъ. Послушавъ совѣтниковъ, пришлось бы *создать* въ молодомъ княжествѣ *враговъ* и *ненавистниковъ всего русскаго*. Повѣрьте, что такая демократическая нація устроится лучше, чѣмъ бы ее устроили всевозможные князья Черкасскіе и другіе". Кн. Черкасскій, какъ доходили слухи съ самаго начала, поставилъ дѣло очень странно, повидимому вообразивъ, что въ Болгаріи ему придется имѣть дѣло и бороться съ революціонными элементами; онъ отнесся крайне рѣзко къ молодымъ болгарскимъ патріотамъ-эмигрантамъ, вся революціонность которыхъ была направлена только противъ турецкаго ига, и сблизился съ такъ-называемыми чорбаджіями, по-русски кулаками, которые представляли собой элементъ консервативный въ томъ смыслѣ, что имъ недурно жилось и при туркахъ, съ которыми они вели дружбу, и что они не прочь ввести порядки похожіе на турецкіе. Это было жалкое недоразумѣніе, источникъ котораго—незнаніе дѣйствительныхъ отношеній, предвзятая теорія и, безъ сомнѣнія,—вывезенная также изъ Россіи нелюбовь и канцелярская подозрительность къ самостоятельнымъ и свободнымъ движеніямъ общества. Авторъ считаетъ совершенной безсмыслицей предположеніе, что Болгаріи могутъ грозить революціонные элементы. „Опасенія,—говоритъ онъ,—что вмѣстѣ съ западными учрежденіями въ Болгарію вселятся и тѣ крайности и увлеченія, съ коими теперь борятся у насъ, столь же основательны, сколько основательны были премудрые доносы румынскихъ и иныхъ дипломатическихъ агентовъ на болгарскую молодежь, какъ на коммунистовъ и революціонеровъ". Авторъ убѣжденъ, что Болгаріи нечего бояться этихъ вещей, хотя бы и были у нея свои политическія крайности и увлеченія. „Крайности страшны только застарѣлымъ въ умственномъ дѣвствѣ поклонникамъ застоя. Увлеченія противны одной дряхлой старости, которая съ злобною завистью смотритъ на кипучую силами

юность. Подагрику всегда дика быстрота движеній и неуклюжая энергія молодого человѣка"...

Мы не узнали ничего о нашихъ братьяхъ, богаты они или бѣдны, умны или глупы, друзья или враги намъ. Книга Каница немного помогла намъ узнать страну; но теперь доходятъ къ намъ вѣсти напр. объ ея естественныхъ богатствахъ и промышленной дѣятельности, которыхъ мы и не подозрѣвали во время своего управленія.

„Съ другой стороны мы видѣли и удивительное для насъ развитіе общественной жизни. Еще подъ ферулою неопредѣленнаго положенія въ восточной Румеліи, какъ ее называемъ мы, или въ южной Болгаріи, какъ ее именуютъ на мѣстѣ, развивались чуть ли не въ каждомъ селѣ, а въ каждомъ городѣ непремѣнно — гимнастическія общества, клубы, читалища, дружества... Члены этихъ обществъ учатся владѣть оружіемъ, маневрируютъ, дѣлаютъ примѣрные штурмы, роютъ траншеи, редуты; гимнастическія общества эти даютъ странѣ болѣе 30,000 славныхъ добровольцевъ, готовыхъ на все, умѣлыхъ солдатъ-гражданъ. Что же мы знаемъ объ этомъ?... Ничего. Печать растетъ не по днямъ, а по часамъ. Разумная, на свободной почвѣ, она пока еще груба, невыработана, но уже пробуетъ свои силы, и по первымъ движеніямъ вы замѣчаете, что это не худосочный ребенокъ, съ первыхъ дней закутанный въ пеленки и покровительствуемый медициной, а здоровое горластое дитя, подымающееся на радость матери... Печать эта груба, но мѣтка. Эта грубость отъ сердца... Эта не трехъ-этажная брань извозчика, который только и знаетъ одно право: ругаться сколько ему угодно съ себѣ подобнымъ, —нѣтъ, это громкая пѣснь вольныхъ пловцовъ.

„Въ сѣверной Болгаріи пока еще неувѣренной народной силой замѣтно растутъ и растутъ дружины. Три раза уже происходилъ наборъ и два раза готовые и хорошо обученные солдаты, до поры до времени, ушли въ безсрочный отпускъ...

„Наша администрація всюду смѣнена болгарскою; губернаторы— болгары, начальники округовъ — болгары, чиновники—болгары. Кто это такіе? гдѣ ихъ характеристика? кто сообщилъ о нихъ болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія? Вы скажете: что намъ за дѣло до этихъ болгарскихъ дѣятелей? Да развѣ мы, чтобы создать ихъ, не истратили болѣе 300,000 жизней, не бросили мильярдовъ, не переживаемъ теперь народную нищету и финансовую неурядицу?"

Намъ случалось прежде указывать это странное явленіе—крайне малое знаніе славянства, даже крайне малый интересъ узнать о немъ что-нибудь, въ то самое время, когда на всѣ лады толковалось о нашемъ славянскомъ „призваніи" и т. п. Чѣмъ бы ни объяснялось это явленіе—малой ли неразвитостью массы нашего общества, при ко-

торой оно могло довольствоваться однимъ фразерствомъ; или тѣмъ, что славянскій вопросъ, при всемъ нашемъ „призваніи“ къ нему, не былъ все-таки главнымъ вопросомъ русскаго общества, которое гораздо больше волновалось своими собственными запутанными дѣлами; или наконецъ тѣмъ, что самый вопросъ ставится не такъ, чтобы возможно было полное и искреннее участіе къ нему общества, и что было логическое противорѣчіе между нашей внѣшне-политической ролью и внутреннимъ положеніемъ общества,—но это отзывалось очень вредно на самомъ ходѣ дѣла, потому что незнаніе страны и народа порождало много недоразумѣній и ошибокъ. Если уже это невниманіе къ серьёзному вопросу, который выводила исторія на сцену, бросало странную тѣнь на нашу роль „старшихъ братьевъ“ и освободителей, то еще болѣе вопіющимъ противорѣчіемъ такъ громко провозглашаемому „призванію“ были тѣ пріемы, съ какими явились въ Болгарію многіе русскіе дѣятели. Г. Немировичъ-Данченко приводитъ въ своей книгѣ рядъ удивительныхъ примѣровъ нашего непониманія характера и лучшихъ стремленій болгарскаго народа, и рядъ примѣровъ того, какъ на болгарской почвѣ самымъ дикимъ образомъ примѣнялись наши русскіе административные обычаи.

Авторъ вѣрно подмѣчаетъ нашу страсть обобщать, давать общія заключенія по какому-нибудь одному факту. „Достаточно нашему корреспонденту или туристу быть обсчитаннымъ какимъ-нибудь ловкимъ проходимцемъ изъ болгаръ на цѣлковый, чтобы на сто написать всевозможныхъ попрековъ цѣлому народу“. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ подобныхъ источниковъ расходилось у насъ много нелѣпыхъ сужденій о болгарскомъ народѣ. Не болѣе основательны были данныя, по которымъ составлялось въ нашей печати мнѣніе о положеніи болгарскихъ партій, ихъ характерѣ и стремленіи. Авторъ съ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ обвиненіяхъ, какія дѣлались у насъ противъ болгарской либеральной партіи, противъ того поколѣнія, которое задолго до войны напрягало усилія для нравственнаго и матеріальнаго освобожденія своей родины.

„Вообще у насъ,—говоритъ авторъ,—о болгарской молодежи, какъ и о болгарскихъ учрежденіяхъ имѣютъ самое странное, самое ошибочное понятіе. Будетъ, впрочемъ, правильнѣе сказать, что о послѣднихъ мы не имѣемъ никакого понятія. Даже конституція княжества, объ отмѣнѣ которой столь краснорѣчиво разсуждали недавно полиціймейстеры отъ литературы, ни разу не была напечатана въ русскихъ изданіяхъ... Тѣ же полиціймейстеры обвиняли болгарскую молодежь въ нигилизмѣ, атеизмѣ etc... имѣя о ней представленіе по корреспонденціямъ изъ Софіи“,—а эти корреспонденціи посылались приверженцами „консервативнаго“ министерства. Авторъ про-

тестуетъ противъ этихъ обвиненій болгарской молодежи, какъ противъ завѣдомой лжи. „Я былъ въ Болгаріи,—говоритъ онъ,—когда это печальной памяти министерство избиралось княземъ Александромъ,—я внимательно слѣдилъ за дѣятельностью партій въ молодомъ государствѣ и по совѣсти долженъ сказать, что ничего подобнаго измышленіямъ и клеветамъ нашихъ софійскихъ корреспондентовъ въ дѣйствительности не было. Безсовѣстность ихъ пріемовъ дошла до того, что не только извращали событія,—выдумывали ихъ. Всякая подлость была хороша, лишь бы она служила видамъ Бурмова,—Грекова,—Балабанова... Почему же такое заигрываніе именно съ русской прессой? Очень просто—никакая другая не пользуется такою силою и вліяніемъ въ Болгаріи, какъ наша. Она иногда создаетъ тамъ репутаціи, черезъ нее оказаны во время войны дѣйствительныя услуги странѣ, теперь черезъ нее же въ общество болгарское проводятся развращающія начала обскурантизма и недовѣрія къ лучшимъ людямъ народа".

Авторъ находитъ въ Болгаріи только двѣ партіи. Одна—бывшаго „консервативнаго" министерства, продолжающая преданія чорбаджіевъ, и другая—истинно патріотическая, состоящая изъ массы новыхъ образованныхъ людей—сельскихъ учителей, молодыхъ священниковъ, докторовъ, писателей, воспитанниковъ русскихъ и австрійскихъ университетовъ. „Это — говоритъ авторъ,— честная, одушевленная преданностью къ родинѣ и пламенной вѣрой въ ея будущность молодежь, та самая молодежь, которую въ турецкое время по доносамъ чорбаджіевъ вѣшали, обезглавливали, морили въ тюрьмахъ, ссылали въ Діарбекиръ, та самая молодежь, которая за свою преданность родинѣ, спасаясь изъ-подъ ножа, десятки лѣтъ до 1877 года ѣла черный хлѣбъ изгнанничества... Во время войны она умирала въ болгарскихъ дружинахъ, служила переводчиками и проводниками нашимъ отрядамъ, облегчала нашей гражданской власти управленіе страной, жертвовала деньги, устроивала помощь раненымъ. До войны она поддерживала въ Болгаріи пламя народныхъ возстаній. Когда война кончилась, когда наша администрація смѣнилась мѣстными управленіями, опозоренная, подлая, жадная, враждебная народу партія чорбаджіевъ опять выступила впередъ и потребовала себѣ власти и силы. Понятно, какая борьба должна была возгорѣться между этими элементами. Къ несчастію, личнымъ секретаремъ къ принцу Александру попалъ нѣкто Стоиловъ. Онъ принадлежитъ, по своимъ связямъ и симпатіямъ, къ чорбаджіямъ"... Когда эта партія дѣйствительно достигла власти,—„конституція оказалась въ самомъ началѣ нарушенною, честные чиновники смѣнены продажною тлею; представителями страны, крупными властями назначены люди въ родѣ

Евлогія Георгіева въ Бухарештѣ, Евлогія, который такъ ненавистенъ народу, какъ едва ли былъ ему когда-либо ненавистенъ какой-либо турецкій изувѣръ. Господа, присвоившіе себѣ деньги комитетовъ освобожденія во времена, предшествовавшія войнѣ, оказались занимающими мѣста по финансовымъ должностямъ; чорбаджіи, предлагавшіе, подобно Златану, истребить русскіе отряды, разумѣется за хорошее вознагражденіе отъ турокъ, призваны были къ рулю... Къ услугамъ этихъ господъ является все—деньги, власть и даже редакціи русскихъ газетъ, гостепріимно открывшихъ свои столбцы корреспондентамъ, запродавшимся за хорошія канцелярскія мѣста этой партіи.

„Вотъ господа болгарскіе консерваторы и болгарскіе нигилисты. Насколько къ нимъ подходятъ эти опредѣленія—предоставляю судить читателю. Повторю только, что мы нашими науськиваніями и полицейскими совѣтами оказали плохую услугу странѣ, лучшіе умы которой, разумѣется, забудутъ это ради великихъ дѣлъ, совершенныхъ для нея русскимъ народомъ“ (стр. 255—59).

Авторъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что кн. Черкасскій на первыхъ же порахъ сблизился въ Бухарестѣ съ этимъ Евлогіемъ; упоминали, что въ то же время онъ крайне сурово и недружелюбно отнесся къ людямъ, которые были начинателями свободной народной партіи...

Длинный рядъ анекдотовъ, приводимыхъ въ книгѣ г. Немировича-Данченка, рисуетъ наше гражданское и военное чиновничество, управлявшее Болгаріей. Были и есть между ними достойные люди, понимающіе свое положеніе, добросовѣстно и благотворно работающіе для пользы болгарскаго народа и для скрѣпленія его общественныхъ связей съ Россіей; но другая (мѣньшая или бо́льшая?) доля была невозможная; это были гоголевскіе Держиморды, — только гораздо пошире.

„Наши были уже очень не хороши, — разсказываетъ авторъ. — Плохіе примѣры для болгаръ! Въ Варнѣ, напримѣръ (а это одинъ изъ крупнѣйшихъ городовъ княжества), полиціймейстерствовалъ нѣкій юный офицеръ, который бралъ взятки и съ живого и съ мертваго. Ему любовницы обходились втрое противъ того, что́ онъ получалъ жалованья.... Въ Шумлѣ тоже орудовалъ нѣкій П., который чуть не грабилъ народъ. И при этомъ обращеніе съ населеніемъ было самое нестерпимое. Болгары совершенно основательно жаловались:

„— Турецкій каймакамъ тоже любилъ пешкешъ (взятку),—живописуютъ они;—но, бывало, принесешь ему — онъ встрѣтитъ тебя на лѣстницѣ, посадитъ съ собой рядомъ, подадутъ тебѣ кофе, кальянъ...

Поинтересуется онъ узнать о здоровьѣ твоей семьи, о дѣтяхъ спроситъ... А ваши капитаны и пешкешъ возьмутъ, и шею набьютъ, и буйволомъ обругаютъ, и съ лѣстницы спустятъ, такъ что домой весь въ синякахъ вернешься"...

Авторъ разсказываетъ сцены, которыхъ самъ былъ очевидцемъ, напримѣръ, между прочимъ сцену у варненскаго (русскаго) губернатора.

„Еще лучше сцену видѣлъ я въ Праводахъ. Тамъ, во время воскреснаго гулянья, „капитану" не понравилось, видите ли, что одинъ изъ горожанъ ему не поклонился. Сей благополучный обыватель шелъ подъ-ручку съ своей супругой. Капитанъ сейчасъ же захватилъ его лѣвой рукой за бортъ, а правой давай воздѣлывать болгарина подъ аккомпаниментъ плача и криковъ его жены... Были дѣла даже лучшаго свойства, гдѣ уже сказывалась не одна грубость начальниковъ округовъ. Одинъ изъ таковыхъ потратилъ тысячу казенныхъ лиръ. Что дѣлать? Онъ свалилъ все на своего помощника, молодого болгарина, жестоко пугнулъ того и посовѣтовалъ ему бѣжать. Болгаринъ съ-дуру бѣжалъ, но на дорогѣ былъ пойманъ виновникомъ этой мерзости и арестованъ какъ преступникъ, уличаемый самимъ побѣгомъ... Бѣдный юноша, кажется, сидитъ и до сихъ поръ" (стр. 93—94).

„Начальники округовъ встрѣчались такіе, какъ Л—ій, служившій прежде въ жандармахъ, а потомъ перешедшій въ гражданскую администрацію. Этотъ господинъ терроризировалъ цѣлый округъ Сельви своимъ обращеніемъ. Онъ иначе не говорилъ съ болгарами, какъ уснащая рѣчь извѣстными трехъ-этажными словами. Его здѣсь ненавидѣли, и до сихъ поръ о нанесенныхъ имъ оскорбленіяхъ не могутъ вспомнить безъ слезъ. Наконецъ командиръ дружины не выдержалъ. Онъ заявилъ, что долженъ будетъ держать подъ ружьемъ цѣлую дружину въ виду волненія населенія, озлобленнаго Л—мъ. Этотъ Л—ій мирволилъ туркамъ ужасно. Стоило турку о чемъ бы то ни было попросить его, просьба исполнялась тотчасъ же, преимущественно насчетъ болгаръ. При встрѣчѣ съ туркомъ, онъ подавалъ руку; при встрѣчѣ съ болгариномъ, по собственному выраженію, билъ его по мордѣ.

—„Безъ различія пола, возраста и образованія,—хвастался онъ!

„На Л—аго жаловались еще въ декабрѣ 1879 (т.-е. вѣроятно 1878 года), но Черкасскій не обращалъ никакого вниманія на эти жалобы. „Я по принципу не принимаю жалобъ!"—говорилъ онъ. И, пользуясь этимъ, подобные господа, случалось, сѣкли болгаръ, окончившихъ гимназіи"... (стр. 136—137).

Могутъ сказать, что это невѣроятно, страшно преувеличено,

но въ книгѣ собрано множество подобныхъ примѣровъ, которые нельзя же было всѣ выдумать. Авторъ называетъ если не дѣйствующія лица, то мѣста дѣйствія.

Пропускаемъ возмутительныя дѣянія другого правителя, извѣстнаго подъ именемъ „капитана съ нагайкой", въ Виддинѣ (стр. 85—86, 95—97).

Дѣло не ограничивалось взятками и насильствами; отъ управленія потерпѣли и нѣкоторыя существовавшія и очень разумныя учрежденія. Авторъ говоритъ, что повсюду слышалъ отъ болгаръ: „если бы турецкіе законы были переведены на болгарскій языкъ и исполнялись (при туркахъ они, хоть и были хороши, но не исполнялись), они были бы неизмѣримо лучше нынѣшнихъ временныхъ правилъ". Было нѣсколько очень полезныхъ учрежденій, которыя шли хорошо и при туркахъ, напримѣръ, земледѣльческая касса въ Шумлѣ и сиротская касса, тамъ же. Управлявшій финансовымъ отдѣленіемъ (русскій чиновникъ изъ акцизныхъ дѣятелей) закрылъ сиротскую кассу—„потому что у насъ, въ Россіи, этого нѣтъ"; закрыто было, вѣроятно по тѣмъ же соображеніямъ, нѣсколько пріютовъ — въ Габровѣ, Тѣрновѣ и другихъ мѣстахъ; за то благодаря покровительству финансоваго отдѣленія успѣшно прививается акцизная система. „Прежде, при туркахъ,—замѣчаетъ авторъ,—здѣсь (въ Шумлѣ) было четыре кабака, а теперь—сто восемьдесятъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было кабаковъ, таковые открываются во множествѣ. Кабаки учреждаются даже и въ мусульманскихъ деревняхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ". Авторъ приводитъ слѣдующія слышанныя имъ разсужденія:

„— Пускай пьютъ—болѣе дохода будетъ,—цинически выразился одинъ изъ здѣшнихъ финансистовъ.—Попробовали заводить кабаки и въ турецкихъ (не смѣшанныхъ?) деревняхъ, но тамъ кое-гдѣ приняли, а кое-гдѣ живо выпроводили непрошенныхъ ревнителей казеннаго дохода.

„— Такимъ образомъ именно и нужно цивилизовать мусульманъ, — выразился о нихъ одинъ изъ ревнителей фиска.—Сначала выучатся пить, а потомъ и кораны свои пропьютъ!..

„И вѣдь этотъ господинъ совершенно наивно вѣрилъ, что его устами глаголетъ сама мудрость!" (стр. 153, 164).

Такимъ образомъ здѣсь, какъ и въ сербскихъ событіяхъ, культурная сторона нашего вмѣшательства въ болгарскія дѣла не только не отвѣчала миротѣ національно-политическаго вопроса, но способна была испортить между-племенныя отношенія. Въ концѣ-концовъ она могла бы, конечно, подорвать и все дѣло. Это была какая-то пародія, дерзкая насмѣшка надъ „братствомъ", „племеннымъ един-

ствомъ", насмѣшка надъ самой задачей освобожденія Болгаріи. Дѣйствительно, если здѣсь это обнаруживалось въ примѣненія на болгарской почвѣ нравовъ нашихъ ташкентцевъ; то въ другихъ случаяхъ въ извѣстныхъ кругахъ высказывалось откровенно весьма странное отношеніе къ освобождаемому народу, всего менѣе похожее на сочувствіе и доброжелательство.

Авторъ имѣлъ случай наблюдать въ Болгаріи разнаго рода взгляды нашихъ соотечественниковъ на болгарскія дѣла.

Онъ упоминаетъ, между прочимъ, о страшной ненависти и презрѣніи грековъ къ болгарамъ. Греки (т.-е. живущіе въ Болгаріи и—подданные болгарскаго княжества) и не думали признать фактъ господства болгаръ въ болгарской землѣ: приверженцы пан-эллинизма увѣрены, что все здѣсь должно принадлежать Греціи, и никому больше, что Греція — будущая Британія, и она поглотитъ востокъ. Греки ждали, что положеніе вещей тотчасъ измѣнится съ выступленіемъ русскихъ войскъ и съ отъѣздомъ князя Дондукова-Корсакова.

„Идутъ эти толки все crescendo. Ссылаются на то, что русскіе сами *терпѣть не могутъ болгаръ* и приводятъ ставшую историческою фразу, сказанную лорду Дэнмору:—Vous protégez la canaille turque, comme nous protégeons la canaille bulgare... Дѣйствительно, фраза историческая: она ярко рисуетъ наше чиновничье отношеніе къ дѣлу. Разумѣется, солдатъ, умиравшій на Шипкѣ и подъ Плевной, не считалъ канальями болгаръ, — ну, а дипломатъ—иное дѣло... Для него не было освободительныхъ цѣлей. Онъ просто давалъ реваншъ—и только... Страшно, когда такіе господа являются хозяевами дѣла.

„Вспоминаютъ и иные случаи. Во время войны, турецкихъ парламентеровъ угощали, бывало, въ главной квартирѣ, при чемъ въ порывахъ душевнаго ліанія пожимали руки пашамъ и бейямъ, приговаривая:

— Стоило ли намъ изъ-за этой сволочи, братушекъ, ссориться.

„А тутъ еще недавно одинъ русскій генералъ, впрочемъ изъ тѣхъ, которые не нюхали пороху вовсе, на публичномъ обѣдѣ, гдѣ сидѣли представители мусульманскаго, греческаго, болгарскаго населенія, громогласно заявилъ:

— Братушки—подлецы! Я бы ихъ сотню за одного турка отдалъ.. (и т. д.; не выписываемъ другихъ пошлостей).

„Все это подхватывалось на-лету, тотчасъ же сообщалось константинопольскимъ редакціямъ турецкихъ и греческихъ газетъ и съ приличными случаю разсужденіями являлось на ихъ страницахъ, искренно радуя эллинскія сердца" (стр. 81—82).

Совсѣмъ иначе поступали англичане и другіе иностранцы. Было забавно, но очень характерно, что корреспондентъ „Стандарта",

Фицъ-Джеральдъ заявлялъ свое туркофильство тѣмъ, что ходилъ въ мечеть, снималъ сапоги и молился Аллаху; напротивъ, Пальгрэвъ, работавшій въ противоположномъ направленіи, ходилъ въ болгарской шапкѣ, увеличенной втрое, пѣлъ болгарскія пѣсни и т. п.; французъ Леонъ Тазье носилъ костюмъ болгарскаго ополченца и т. п.

„Какъ ни комичны эти факты, но въ самыхъ преувеличеніяхъ видно, что люди служатъ дѣлу, идеѣ... Мы же, спасая болгаръ, въ то же время называли ихъ канальями, и вмѣстѣ съ турками, обмѣниваясь любезностями, предупредительно соглашались, что братушки — дѣйствительно большія свиньи и драться-де за нихъ вовсе не слѣдовало“... (стр. 73).

Не будемъ говорить о между-народномъ неприличіи этихъ вещей, о томъ, какую общественную безнравственность заключаетъ это третированіе народа какъ canaille,—отзывы подобнаго свойства раскрываютъ передъ нами цѣлую категорію понятій, не только существующихъ, но имѣющихъ силу въ нашемъ обществѣ, и относительно которыхъ мы остаемся слѣпы и продолжаемъ говорить о нашемъ „призваніи“, не разумѣя, что смѣшно толковать о немъ, когда *эти* понятія такъ широко господствуютъ въ нашемъ обществѣ.

Въ разсказахъ очевидца мы находимъ цѣлый рядъ фактовъ, это подтверждающихъ.

Правда, въ томъ нашемъ кругѣ, который не фразерствовалъ, а былъ вполнѣ искренень, когда говорилъ о „призваніи“, очень почувствовали это вопіющее противорѣчіе, существующее въ нашей собственной жизни, и негодованіе было однажды (когда еще война только готовилась) высказано ярко и сильно; но, увы, эти слова негодованія остались совершенно безплодны, а кромѣ того, дѣятель, вышедшій изъ *этого* же негодовавшаго круга, князь Черкасскій, едва ли оказался самъ на высотѣ „призванія“...

Эти практическіе дѣятели изъ разряда ташкентцевъ, о которыхъ мы упоминали, установляли „между-славянскія отношенія“ совсѣмъ иного свойства, чѣмъ какія были бы приличны между „братьями“,— и „старшинство“ заявлялось такими дѣяніями, что „младшіе“, пожалуй, готовы были отказываться отъ родства.—Дальше мы увидимъ образчики, что становилось на это похоже.—Авторъ разсказываетъ потомъ удивительные примѣры того, какъ держали себя наши офицеры, оставленные въ Болгаріи начальниками дружинъ, которымъ они должны были дать военное обученіе. Только немногія имена авторъ вспоминаетъ съ сочувствіемъ, имена образованныхъ и добросовѣстныхъ людей, которые понимали всю важность своей обязанности, которые съумѣли прекрасно поставить дѣло и внушить къ себѣ великое уваженіе своихъ подчиненныхъ. Но такихъ людей было не-

много. „Къ сожалѣнію, — говоритъ авторъ, — боевые офицеры уже отсутствовали. Одни пали на полѣ битвы, другіе, соскучась о родныхъ, уѣхали въ Россію, третьи не могли помириться съ новыми порядками, слишкомъ уже хозяйственно примѣнявшимися къ желудку и одеждѣ солдатъ, и ушли... На мѣсто ихъ поступили транспортные, заваль всякая, резервные. Эти на всемъ нагоняли экономію—разумѣется въ свой карманъ... Были, хотя и въ видѣ исключеній, русскіе офицеры, которые черезъ подручныхъ открывали кабаки... Самое содержаніе дружинъ было на широкую ногу—поэтому и тратить было изъ чего. Откладывая до 10,000 р. въ карманъ ежегодно, жаловались на то, что этого мало... Въ тырновской дружинѣ четверо ротныхъ командировъ были выгнаны нами—за воровство“...

Такіе начальники дружинъ особенно бранили болгарскихъ солдатъ за лѣнь, за непониманіе дисциплины, за слабосиліе, вообще считали ихъ негодными къ настоящей военной службѣ. Авторъ замѣчаетъ, что когда онъ передавалъ эти замѣчанія хорошимъ начальникамъ дружинъ, онъ получалъ фактическія удостовѣренія противнаго. Все дѣло было въ томъ, чтобы держать людей по-человѣчески.

„Наши офицеры (вышеупомянутаго сорта) постоянно тычутъ болгарамъ въ носъ: „на васъ нужна палка и палка“. Это братушекъ оскорбляетъ страшно. Они готовы бѣжать, чтобы не слышать оскорбленій. Проступки чаще въ тѣхъ дружинахъ, куда мы свалили изъ офицеровъ самую заваль, по пословицѣ: „на́ тебѣ, Боже, что́ намъ негоже“. При душевномъ отношеніи, любовь болгаръ-солдатъ къ начальнику проявляется въ самыхъ наивныхъ и вмѣстѣ самыхъ привлекательныхъ формахъ. Любимымъ офицерамъ они каждое утро убирали комнату цвѣтами, пользуясь временемъ, когда онъ уходилъ. Въ церквахъ, по просьбѣ солдатъ, священники провозглашали имъ многолѣтіе...

„Хорошіе начальники дружинъ далеко не рисуютъ здѣшняго солдата темными красками. Боевые офицеры увѣряли меня, что тамъ, гдѣ умѣютъ обращаться съ болгарскимъ солдатомъ (т.-е. обращаются по-человѣчески)—дисциплина превосходна. Она плоха тамъ, гдѣ, по нашему обычаю, офицеры бьютъ и ругаютъ братушекъ, которые столь чутки къ оскорбленію, что цѣлыя дружины, командуемыя бурбонами—не французскаго королевскаго дома, а россійскаго происхожденія—приходятъ въ болѣзненное нервное состояніе. При хорошемъ обращеніи, солдатъ болгарскій изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы угодить начальству. У очень многихъ—все шло отлично“...

Авторъ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, что — „въ тѣхъ дружинахъ, гдѣ подборъ офицеровъ былъ хорошъ — болгары стали уже между собою *говорить по-русски*. О пѣсняхъ и толковать нечего.

Заимствованная у нашихъ солдатъ русская пѣсня совсѣмъ вытѣснила болгарскую.

— „Богъ вамъ свидѣтель, что *черезъ годъ всѣ бы дружины говорили по-русски*, если бы въ нихъ остались тѣ офицеры, которые были въ началѣ.

„Это мнѣ повторяли всюду, гдѣ я только спрашивалъ объ отношеніяхъ болгарскихъ дружинниковъ къ русскимъ“ (стр. 134—137).

Это ожиданіе нашихъ офицеровъ вѣроятно не очень преувеличено, — потому что данныхъ для распространенія русскаго языка было не мало. Мы довольно свободны отъ обрусительскихъ иллюзій, но думаемъ, что такой путь, вмѣстѣ еще съ другими подобными, въ самомъ дѣлѣ могли повлечь за собой значительное распространеніе русскаго языка, которое могло бы принести большую пользу между-племеннымъ отношеніямъ и особенно было бы важно для болгаръ, открывая для нихъ русскую литературу. Но, повидимому, нашимъ дѣятелямъ въ Болгаріи подобные вопросы были очень, если не совершенно, чужды.

Наши отношенія къ южному славянству, прежнія, историческія и новѣйшія, представляются автору въ очень странномъ и мрачномъ видѣ,—далеко не такъ, какъ принято у насъ бо́льшею частію о нихъ говорить. Описывая Варну и ея окрестности, авторъ вспоминаетъ событія 1828—29 года, и штурмъ Варны. „Рѣзня цѣлый день продолжалась тогда на улицахъ мусульманскаго города, причемъ не мало было перебито и нашихъ. Воронцовъ построилъ здѣсь первую христіанскую церковь, существующую и до сихъ поръ, а потомъ... потомъ, пожертвовавъ сотнями тысячъ лучшихъ солдатъ своей арміи, милліардами денегъ, мы великодушно озаботились спасти Турцію, чтобы въ 1853 и въ 1877 — 1878 г. снова поливать своею кровью ея тучныя поля, сплошь удобренныя русскими тѣлами... Гдѣ конецъ этой удивительной эпопеѣ? Мы точно хранимъ Турцію, чтобы подъ бокомъ у насъ оставался постоянный поводъ къ войнѣ, постоянный очагъ политическихъ смутъ и потрясеній.... Въ 1878 г., мы могли освободить безповоротно всѣ славянскіе народы (т.-е. въ Турціи), и война бы сдѣлала это святое и великое дѣло, если бы на сцену не выступила трусливая, жалкая и робкая дипломатія... Теперь славяне подѣлены между Австріей и Турціей, и разрѣшеніе восточнаго вопроса стало еще невозможнѣе... Да, не даромъ имена дипломатовъ здѣсь на славянскомъ югѣ повторяются съ ненавистью и отчаяніемъ... Послѣ блистательныхъ побѣдъ печальную страницу робости и малодушія вписали мы въ исторію этого кроваваго вопроса... Лучше было бы совсѣмъ не поднимать дѣла, только бы не заканчивать его такъ. Уступка—это такая стремнина, на которой не удержаться. Сегодня

поступился однимъ, завтра другимъ — сегодня въ бездонную и жадную пасть нашихъ политическихъ враговъ бросили одно, завтра другое, послѣ-завтра третье. А тамъ въ концѣ вмѣстѣ съ благомъ народовъ и честь свою отдадимъ — потому что прямо въ низъ, безповоротно въ омутъ... мы такимъ образомъ платимся за бездарность и эгоизмъ дипломатіи. Ей что? У Биконсфильдовъ всякаго рода — ни стыда, ни совѣсти. Самимъ бы жилось легко и хорошо, а до народа, до государства какое имъ дѣло. Я краснѣлъ въ Болгаріи, когда представители этой страны задавали мнѣ проклятые вопросы, на которые ни одинъ русскій не дастъ отвѣта, не опустивъ глазъ внизъ... Не забудемъ же, кому мы обязаны этимъ позоромъ, этимъ стыдомъ великимъ. На нашемъ гербѣ пятно. Девизы наши теперь звучатъ фальшивыми нотами. Не только сами себѣ мы уже не вѣримъ, — намъ не вѣрятъ и другіе. Вотъ чего мы добились!“ (стр. 69 — 70).

Теперь нерѣдки заявленія недовольства результатами послѣдней войны, т.-е. собственно берлинскимъ трактатомъ; но не припомнимъ, чтобы въ нашей печати оно было высказано съ такой рѣзкой опредѣленностью выраженій. Мы не будемъ входить въ разборъ, въ какой степени вѣрны высказанныя здѣсь обвиненія—вопросъ слишкомъ обширенъ и сложенъ, и мы, кромѣ того, не скрываемъ отъ себя, что всестороннее и правдивое обсужденіе его еще невозможно въ нашей печати; въ обвиненіяхъ, безъ сомнѣнія, много правды, потому что дѣйствительно результаты, непосредственно достигнутые войной, были шире тѣхъ результатовъ, какіе окончательно утвердила дипломатія; берлинскій трактатъ считается дипломатическимъ пораженіемъ Россіи. Для южно-славянскаго міра, этотъ трактатъ былъ также несомнѣнной потерей, размѣра которой мы еще не въ состояніи опредѣлить; но этотъ размѣръ вообще таковъ, что если, не въ очень далекомъ будущемъ, берлинскій трактатъ не смѣнится другими основаніями политическаго быта южнаго славянства, послѣднему грозитъ самая серьёзная опасность — разложенія подъ господствомъ Австріи, которой открытъ свободный путь на Балканскій полуостровъ. Нравственное вліяніе Россіи въ южномъ славянствѣ несомнѣнно понесло ущербъ.

Мы привели разсужденіе автора какъ замѣчательную противоположность тому лицемѣрію и самохвальству, которое еще такъ недавно (отчасти и донынѣ) было обычнымъ тономъ печати относительно южно-славянскихъ дѣлъ. Но, при всей рѣзкой опредѣленности словъ, авторъ не далъ достаточной опредѣленности своей мысли. Сказать, что одна дипломатія, ея бездарность и эгоизмъ, виноваты въ „позорѣ“, —еще далеко не выясняетъ дѣла. Развѣ дипломатія не есть органъ нашей же собственной національной жизни? Относилось ли само об-

щество съ яснымъ сознаніемъ къ начинавшемуся дѣлу? Авторъ вѣроятно самъ припомнитъ, что далеко нѣтъ. За тѣмъ обычнымъ, естественнымъ возбужденіемъ, какое производитъ война сама по себѣ, какъ національная борьба, опасность или надежда торжества, — собственно славянскіе мотивы ея (какъ въ Крымскую войну ея первые мотивы) были съ самаго начала не довольно сильны, — и доказательство въ томъ, что филантропическія стремленія на помощь славянству довольно скоро испарились, смѣнились равнодушіемъ и чуть не враждой къ освобождаемымъ болгарамъ. Вся книга г. Немировича-Данченка представляетъ изумительные образчики этого страннаго непониманія того самаго дѣла, ради котораго погибли сотни тысячъ людей и милліарды денегъ — непониманія, доходившаго до тѣхъ циническихъ размѣровъ, гдѣ оно становилось гнусностью. Развѣ тѣ „дѣятели", которыхъ авторъ описываетъ, не были совершенно независимы отъ дипломатіи, и развѣ они не были отраженіемъ извѣстнаго порядка вещей, господствующаго въ самой русской жизни? Въ началѣ книги авторъ указываетъ на крайнее отсутствіе интереса къ южно-славянскому дѣлу въ нашемъ обществѣ и печати, крайнее незнаніе положенія вещей, вслѣдствіе котораго русская печать, между прочимъ, рекомендовала и защищала людей, которые на дѣлѣ были злѣйшими врагами истинныхъ интересовъ своего народа и его эксплуататорами. Справедливо, — но изъ этого слѣдуетъ опять, что печать, представлявшая „общество", относилась къ дѣлу съ тѣмъ же легкомысліемъ, въ которомъ авторъ винитъ дипломатію. Когда происходилъ берлинскій конгрессъ, въ нашей печати можно было найти опять обычныя ликованія—по поводу „побѣдъ", одержанныхъ русской дипломатіей въ Берлинѣ; только немногіе заикались о томъ, что „побѣда" немного сомнительна... Между членами нашей дипломатіи, сколько было слышно, было различіе во взглядахъ на восточный вопросъ; но на берлинскомъ конгрессѣ главнымъ представителемъ русской политики былъ знаменитый маститый канцлеръ, котораго русская печать издавна согласно восхваляла какъ дипломата, высоко державшаго знамя русской національной политики и національнаго достоинства...

Словомъ, намъ кажется, что авторъ въ своей скорби о печальномъ положеніи южно-славянскаго вопроса недостаточно выяснилъ себѣ условія и обстоятельства этого характера вещей и роль, которую занимаетъ при этомъ положеніе самого русскаго общества.

Такимъ образомъ, по словамъ автора, нашъ способъ дѣйствій въ Болгаріи (уже независимо отъ дипломатіи?) дѣлалъ то, что терялись тѣ удобныя условія, на которыхъ могли утверждаться между-племенныя связи, какъ, напримѣръ, распространеніе русскаго языка. Надо

думать, что съ неутвержденіемъ *этихъ* связей будутъ получать силу другія связи и другія вліянія. Въ настоящее время какъ будто уже возникаетъ нѣчто подобное.

„Въ Болгаріи—разсказываетъ авторъ—есть партія, которая очень *боится* Россіи. Эти господа думаютъ, что мы можемъ поглотить Болгарію. Видимо, о нашихъ аппетитахъ они имѣютъ преувеличенное понятіе. Между ними встрѣчаются даже такіе, которые открыто проповѣдуютъ, что слабая, разноплеменная Австрія для нихъ лучше. Безъ покровительства иностранной державы болгарское княжество существовать не можетъ, и ужъ если выбирать, то они готовы скорѣе обратиться къ Австро-Венгріи,—все не такъ страшно.

„— Видите ли, мы не боимся Россіи... Но между нами мало общаго,—пояснялъ одинъ.

„— Какъ мало?.. Вѣра, языкъ.

„— И все-таки мало. Помимо этого, народъ живетъ учрежденіями, а австрійскія гораздо ближе къ намъ, чѣмъ русскія...

„Къ партіи австрійской, какъ это ни странно, принадлежатъ именно тѣ люди, которымъ нынѣче покровительствуетъ здѣсь Россія".

По словамъ автора, это—личный секретарь князя и то „консервативное" министерство, Грековъ, Балабановъ и пр., „избранные по нашимъ указаніямъ" (стр. 117).

Но въ другомъ мѣстѣ авторъ находитъ, что эта наклонность скорѣе къ Австріи, нежели къ намъ, не лишена своихъ причинъ. „Симпатія болгаръ къ Австріи—во многомъ объясняется *порядками*, какіе мы ввели сюда. Государя нашего они считаютъ чуть не Богомъ. Александръ II — освободитель, создатель Болгаріи... Но на нашихъ нелюбимыхъ офицеровъ, почти на всѣхъ нашихъ чиновниковъ, смотрятъ какъ на турокъ... Даже изъ кадровыхъ солдатъ — хорошихъ мы взяли домой, а оставили болгарамъ пьяницъ. Первыхъ болгары провожали плача, съ послѣдними не знаютъ что дѣлать"... (стр. 137).

Дѣйствительно, если во внѣшнемъ политическомъ отношеніи Россія создала независимость Болгаріи (и болгары очень хорошо это чувствуютъ и понимаютъ), русскія силы и въ другихъ отношеніяхъ сдѣлали много добра Болгаріи, то затѣмъ, все-таки между болгарами и русскими мало общаго. Мало общаго въ ихъ и нашемъ общественно-политическомъ устройствѣ, нравахъ, стремленіяхъ и т. д. Теперь Россія много сдѣлала для ихъ освобожденія; но предшествовавшая борьба самихъ болгаръ противъ турецкаго ига оставалась чужда и неизвѣстна русскому обществу: кто зналъ у насъ этихъ патріотовъ, которые составляли революціонные комитеты, издавали воззванія, отправляли гайдуцкія четы, дѣлали попытки возстаній и т. д.? Ихъ

дѣятельности не было мѣста въ Россіи; ихъ изданія были у насъ запрещены: передъ началомъ войны изъ этихъ патріотовъ составились болгарскія дружины, славно потомъ бившіяся на Шипкѣ,—но на первыхъ же порахъ князь Черкасскій, говорятъ, встрѣтилъ ихъ угрозами,—точно они провинились передъ Россіей. Если имъ не было мѣста въ Россіи, то они находили пріютъ въ Румыніи и привыкали къ ея свободнымъ учрежденіямъ; многіе учились въ иностранныхъ университетахъ и привыкали къ свободному слову науки и къ свободной литературѣ политической; подъ турецкимъ игомъ они были безправны передъ турецкимъ произволомъ, но, за исключеніемъ чорбаджіевъ, въ своей средѣ они были демократически равны, между ними была крѣпкая связь; любовь къ просвѣщенію создавала школы на средства самого народа; начиналась литература... Турецкое иго прорывалось свирѣпостями, отъ него надо было откупаться, но въ обыкновенномъ теченіи вещей оно предоставляло народъ самому себѣ, и въ естественномъ развитіи народа выросло то сознаніе, которое, таившись при туркахъ, могло при освобожденіи тотчасъ сдѣлать болгаръ разумными гражданами, съ чувствомъ своего личнаго и общественнаго достоинства. Эти зачатки свободной общественности были, конечно, слабы, сами болгары не могли (по крайней мѣрѣ скоро) добиться независимости,—но эти зачатки были ими самими достигнуты, привились къ старымъ патріархальнымъ нравамъ и составили народный характеръ, въ которымъ дѣйствительно было мало общаго съ *порядками*, упомянутыми выше. Счастливыя обстоятельства дали освобожденной Болгаріи учрежденія, при которыхъ эти народныя свойства нашли себѣ точку опоры; и отсюда—для многихъ непонятное явленіе, какимъ образомъ народъ, только-что освобожденный отъ дикаго азіатскаго ига, могъ оказаться совершенно способнымъ къ европейски-свободнымъ учрежденіямъ, къ народному представительству, къ свободѣ печати и т. д.

Книга г. Немировича-Данченка описываетъ собственно только восточную Болгарію, съ Варной, Шумлой, Тѣрновомъ и Рущукомъ (описаніе западной Болгаріи, съ Софіей, составитъ другую книгу). Авторъ, въ его извѣстномъ стилѣ, рисуетъ картины этихъ главнѣйшихъ городовъ восточной Болгаріи, съ ихъ окрестностью, съ городскимъ бытомъ ихъ смѣшаннаго населенія, описываетъ турецкія и болгарскія села, дѣлаетъ экскурсію въ Балканы, въ мѣстность съ исключительно мусульманскимъ населеніемъ, описываетъ роскошную природу, взаимныя отношенія населенія—болгаръ, турокъ, грековъ, гагаузовъ (бывшихъ болгаръ, сохранившихъ православіе, но забывшихъ языкъ и говорящихъ по-турецки; болгаръ они ненавидятъ и держались всегда съ турками). Разсказы очень наглядны и любо-

пытны и вѣроятно бо́льшею частью справедливы. Для нашихъ читателей, которымъ литература дала очень мало свѣдѣній о Болгаріи, здѣсь будетъ много новаго.

Изъ этихъ разсказовъ мы приведемъ еще одну подробность. Авторъ видѣлъ Болгарію во время войны; что́ онъ нашелъ въ ней теперь, насколько загладились слѣды войны? Автору случилось быть въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ прежде, и онъ былъ изумленъ, не находя этихъ слѣдовъ— таково богатство природы, таково трудолюбіе и благосостояніе болгарскаго населенія. Проѣзжая отъ Рущука до Тѣрнова, онъ видѣлъ мѣста прежнихъ битвъ и не узнавалъ ихъ...

„... Кругомъ уже кипитъ новая жизнь, новыя жатвы встали на поляхъ, гдѣ въ остервенѣніи штыковаго боя вытаптывались богатые всходы; черныя головни, обугленные остовы домовъ затянуло зеленью; ихъ и не увидите на этомъ праздникѣ южной природы. И въ то время какъ у насъ, „во глубинѣ Россіи“, все еще полнымъ-полно слѣдами войны—здѣсь ихъ и не отыщешь. Вотъ эти Иванъ Чифтликъ, Трестеникъ — тогда они были похожи на какія-то разрушенныя кладбища. Ни на одномъ домѣ не было кровли, заборы и изгороди сожжены въ кострахъ, фруктовыя деревья порублены туда же. Ни одной скирды, бывало, не золотится подъ солнцемъ во дворахъ, которые ничто не отдѣляло отъ улицъ, ни одного стога не было въ лугахъ, вытоптанныхъ лошадьми казачьихъ и кавалерійскихъ полковъ. Самыя стѣны домовъ, оголенныя, обившіяся отъ костровъ, раскладывавшихся внутри—трескались и падали, падали огрызками, лишенными всякой правильности. Въ ясныя лунныя ночи въ безлюдныхъ домахъ этихъ бѣгали однѣ только ящерицы... Виноградники пошли на солдатскія кухни, иные погибли... Теперь я глазамъ не вѣрилъ. Что за экономическая мощь у этого народа! Деревни отстроены заново. Чистѣйшія стѣны окрестныхъ... домовъ блестятъ на солнцѣ, новенькія черепичныя кровли улыбаются вамъ издали, дворы обнесены каменными заборами, за которыми громадные и многочисленные скирды золотыми шапками точно надвигаются на кровли домовъ. Въ амбарахъ хлѣбъ до верху. Скотъ—въ мѣстности, гдѣ блеяніе овцы могло почесться чудомъ—ходитъ цѣлыми стадами. Быки, буйволы, коровы и кони!.. На поляхъ новыя жатвы еще богаче прежнихъ; на склонахъ холмовъ, обращенныхъ къ солнцу, зеленѣютъ виноградники. Нѣтъ только одного пока—фруктовыхъ деревьевъ, вырубленныхъ нами, потому что ихъ сразу не вырастишь. Все же, что́ могли сдѣлать деньги, упорный трудъ, сила воли—сдѣлано. И еще разъ повторю, слѣдовъ войны здѣсь, въ этой наиболѣе пострадавшей тогда мѣстности, нѣтъ и помину. Нигдѣ—никакихъ!.. Захо-

дилъ я въ дома—утвари въ изобиліи, ковры, подушки. Надъ лощинами новые постоялые дворы, крытые тесомъ, въ селѣ новая большая школа...

„Единственное воспоминаніе о войнѣ—кладбища, гдѣ подъ сѣрыми насыпями тихо спятъ наши солдаты; такихъ кладбищъ здѣсь много, очень много... Къ чести болгаръ нужно отнести то, что они съ величайшею заботливостью относятся къ нимъ: ставятъ кресты тамъ, гдѣ ихъ не было, поддерживаютъ покосившіеся, окапываютъ могилы дерномъ“... (стр. 248).

Таково любопытное содержаніе книги г. Немировича-Данченка. Что касается ея исполненія, мы пожалѣли, что авторъ не даетъ себѣ труда относиться къ дѣлу болѣе внимательно. Фельетонная манера можетъ быть умѣстна въ газетномъ листкѣ, но когда написанное собирается въ болѣе долговѣчную книгу, желательно, чтобы содержаніе и изложеніе были выработаны нѣсколько отчетливѣе. Авторъ замѣчаетъ, что поѣздка его была задумана давно, „и что многое, относящееся къ ней, прочитано и обмозговано (?!) ранѣе“ (стр. 2). Можетъ быть; и общія представленія автора о современныхъ болгарскихъ дѣлахъ во многомъ очень справедливы,—но если онъ брался изображать и характеризовать главнѣйшихъ болгарскихъ дѣятелей, напр. Цанкова, которому онъ пишетъ настоящій панегирикъ, желательно, чтобы факты были ему лучше извѣстны. Онъ разсказываетъ, напр. (стр. 112), „анекдотъ“ о принятіи Цанковымъ католичества (уніатства) съ цѣлью побудить Россію вмѣшаться въ церковный болгарскій вопросъ; но этотъ „анекдотъ“ принятія Цанковымъ уніи есть несомнѣнный фактъ, и Цанковъ нѣсколько времени издавалъ цѣлую газету („Болгарія“) для пропаганды этого дѣла, газету, проповѣдывавшую ненависть и къ грекамъ и къ „панславизму“. Была ли при этомъ та цѣль, которую авторъ подкладываетъ подъ этотъ фактъ,—надо, кажется, считать нерѣшеннымъ. Мы не стали бы особенно винить болгарскаго патріота, что въ тяжелое время онъ надѣялся найти своему оставленному народу спасеніе въ союзѣ съ католичествомъ, потому что безвыходность положенія заставляла прибѣгать къ самымъ крайнимъ средствамъ; —но фактъ долженъ бы быть выставленъ какъ онъ былъ дѣйствительно, безъ прикрасъ ex post facto. Характеристика другого замѣчательнаго болгарскаго патріота, Славейкова, ближе къ подлинной дѣйствительности, но замѣчательно, что ни въ длинномъ панегирикѣ (стр. 298—313), ни въ другихъ мѣстахъ книги авторъ не умѣлъ даже правильно назвать его имени (онъ вездѣ пишетъ: Словейковъ, вмѣсто: Славейковъ). Бытовые разсказы автора, повидимому, вполнѣ достовѣрны; но мы боимся, что ихъ впечатлѣнію можетъ

помѣшать извѣстное свойство прежнихъ трудовъ автора,—слишкомъ живое воображеніе, погоня за яркими красками и эффектами, которыхъ въ дѣйствительности иной разъ не бывало. Въ послѣдніе годы авторъ обнаружилъ такую обильную производительность, что трудно и ожидать внимательной отдѣлки его произведеній: и дѣйствительно, въ его живописаніи уже появляется шаблонность, которая бросается читателю въ глаза—къ невыгодѣ произведеній.

Напрасно также авторъ не позаботился объ языкѣ. Онъ вполнѣ унаслѣдовалъ новѣйшій фельетонный стиль—обрывочную фразу, грубоватыя выраженія (напр. хоть „обмозговать“ и т. д.), которыя и въ обыкновенномъ разговорѣ были бы не совсѣмъ изящны, а въ книгѣ тѣмъ болѣе. Не знаемъ, быть можетъ, приверженцы такого языка хотятъ этимъ путемъ сдѣлать его болѣе народнымъ: но они ошибаются,—они дѣлаютъ его площаднымъ.

А. В—нъ.

М. Стасюлевичъ.

ПО ПРИНЦИПУ

РОМАНЪ

XXVII *).

Варвара Григорьевна неожиданно получила отъ Андрея Васильевича письмо слѣдующаго содержанія:

«Несмотря на недавно происшедшее между нами, я не перестаю думать, что вы сохранили добрыя, прежнія чувства, если не ко мнѣ, то къ моему отцу. Въ тяжелую минуту я пишу вамъ эти строки. Вчера постигло меня истинное несчастіе. Бѣды никогда не ходятъ въ одиночку. За одной бѣдой, за однимъ горемъ на васъ неминуемо обрушится другое, не менѣе сильное. Такъ и со мной. Не буду говорить вамъ *о первомъ* обрушившемся на меня горѣ; вамъ оно извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ... Вы ужаснетесь, когда я скажу вамъ о второмъ. Вчера вечеромъ отецъ мой сошелъ съ ума. Да, какъ это ни странно, ни дико звучитъ въ ушахъ вашихъ, — онъ сошелъ съ ума. Не стараюсь объяснять вамъ здѣсь причины этого внезапнаго умопомѣшательства; ихъ объяснить было бы слишкомъ трудно, а главное—слишкомъ тяжело. Прибавлю, что причинъ видимыхъ, осязаемыхъ — не существуетъ, поэтому пришлось бы говорить только о подозрѣваемомъ... Освобождаю себя отъ этихъ объясненій, въ виду того, что, пускаясь разъ въ нихъ, я принужденъ бы былъ произнести страшный приговоръ надъ человѣкомъ, слишкомъ мнѣ близкимъ и еще болѣе близкимъ моему несчастному отцу. Вы сами поймете многое и, конечно, многое раскроете

*) См. выше; сентябрь, стр. 72.

предъ моими глазами, которые не въ состояніи, не рѣшаются, быть можетъ, проникнуть во всѣ ужасы гнусной и подлой интриги.

«Не какъ женихъ вашей дочери, а какъ старый другъ дома, какъ другъ дѣтства ея, я покорнѣйше прошу васъ позволить мнѣ засвидѣтельствовать здѣсь ей свое всегдашнее, неизмѣнное уваженіе и полную преданность.

«Въ надеждѣ васъ видѣть, пребываю вашимъ покорнымъ слугою»...

Прочтя это посланіе, Варвара Григорьевна съ минуту сидѣла на мѣстѣ, какъ громомъ пораженная. Она порывисто протерла глаза, какъ-бы все еще не довѣряя себѣ, и прочла его второй разъ отъ слова и до слова.

— Сломили, — проговорила она, наконецъ, не своимъ голосомъ.

Черезъ два дня она должна была выѣхать изъ Петербурга и ѣхать въ Италію, куда настойчиво посылали ее доктора съ больной дочерью. Она думала стряхнуть и позабыть хотя на время все, что̀ пережила она въ эти немногіе дни, думала отдаться вся одной цѣли, жить и дышать ею. Цѣлью этой сдѣлалась — больная, съ ясно обнаруживавшимися уже признаками чахотки, несчастная, молчаливая, неузнаваемая Наташа. Варвара Григорьевна съ наслажденіемъ готова была отречься отъ всѣхъ своихъ привычекъ, даже немногихъ привязанностей, чтобы посвятить себя исключительно одной дочери.

Но вотъ неожиданное, потрясающее извѣстіе напоминаетъ ей о существованіи иныхъ привязанностей и симпатій, внѣ ея материнской любви.

«Сломили»,—размышляла она съ тоскою о Васильѣ Александровичѣ: «даже эта гордая, непреклонная натура,—и та не устояла въ ежедневной борьбѣ, и та рухнула передъ нею».

А борьба была постоянная, страшная. Его ненавидѣла красавица жена за то, что онъ искалъ ея любви. Да развѣ и не имѣлъ права онъ искать ее въ женщинѣ, къ ногамъ которой положилъ свою жизнь, свое богатство и честолюбіе?

И на это горькое размышленіе назойливо напрашивалось другое, еще болѣе горькое. Старый Барханов и Татьяна Павловна, ихъ бракъ и трагическая развязка — казались для нея предупрежденіемъ свыше. Много общаго имѣла бы, пожалуй, жизнь Наташи, замужемъ за Андреемъ, съ *этой* жизнью, сводящей съ ума или въ могилу. Старый мужъ влюбленъ въ свою жену... Но въ отвѣтъ на любовь его — холодное равноду-

шіе жены, нескрываемая насмѣшка, или презрѣніе къ слишкомъ поздно вспыхнувшему чувству. Онъ борется самъ съ собой, борется съ любимой женщиной; силы его напряжены такъ, какъ не напрягались онѣ давно и, наконецъ, онъ не выдерживаетъ въ этой лютой борьбѣ, но не отступаетъ отъ нея, а рушится, внезапно изломанный, исковерканный ею. Что же было бы удивительнаго, если молодая женщина, полная силы и жизни, ребенкомъ еще обожавшая того, кого назвала теперь своимъ мужемъ, не сумѣла бы отнестись къ своему новому положенію такъ, какъ хотѣлось бы этого мужу?

Она по праву бы требовала любви за свою любовь, а надъ ней смѣялся бы *онъ*, какъ надъ глупымъ неразумнымъ ребенкомъ...

Варвара Григорьевна хотя понимала необходимость отстранять отъ Наташи все могущее ее взволновать и разстроить, не могла удержаться и дала ей прочесть письмо Андрея, — такъ хотѣлось ей подѣлиться съ кѣмъ-нибудь этимъ горемъ.

Прочтя письмо, Наташа заплакала.

— Мама, поѣзжай сейчасъ же, непремѣнно.

— Да, да, я сейчасъ поѣду.

— А вѣдь это все она, Татьяна Павловна...

— О, я увѣрена. Я выскажу ей сегодня такую горькую правду въ глаза, какой она еще и не слыхала. Я не пощажу этой женщины, нѣтъ! Она довела его до помѣшательства... Ты замѣтила, что и Андрей болѣе чѣмъ намекаетъ на это. Я все узнаю, все!

— Мама, мы ѣдемъ послѣзавтра?—нерѣшительно спросила Наташа.

— Конечно, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Скажи *ему*, чтобы онъ пріѣзжалъ... проститься, — еще нерѣшительнѣе, едва слышно, проговорила она.

— Ну, хорошо, хорошо, скажу.

— Проститься хочу я съ *нимъ;* кто знаетъ, увидимся ли больше? Вѣдь я умру, мама, умру.

— Господь съ тобой,—заволновалась Варвара Григорьевна, что ты такое говоришь! Э, полно, Ната; дѣло сдѣлано, не поправишь, да и поправлять его не надо. Къ лучшему все, къ лучшему. Ты сама отказала ему... Ты сама въ тотъ вечеръ говорила мнѣ: я не могу дѣлиться ни съ кѣмъ...

— Не могу,—съ дрожью въ голосѣ проговорила она.

Варвара Григорьевна отправилась навѣстить Василія Александровича, обѣщавъ Наташѣ передать ея просьбу Андрею,—пріѣхать съ ней проститься.

Михаилъ Петровичъ былъ тоже крайне пораженъ, услыхавъ отъ пріѣхавшаго къ нему на другой день Лѣсникова вѣсть о происшедшей катастрофѣ.

— Да съ чего онъ, съ чего?—допрашивалъ онъ Лѣсникова, все еще не довѣряя слышанному.

— Ну, это трудно объяснить. Можетъ быть,—онъ былъ уже давно предрасположенъ къ помѣшательству. Во всякомъ случаѣ вопросъ очень сложный.

— Что-жъ, думаютъ, что умретъ?

— Тоже невѣдомо,—развелъ тотъ на это руками, глядя на него съ едва замѣтной усмѣшкой.

Хоботовъ побагровѣлъ.

Слышанное имъ было такъ неожиданно, такъ сказочно ему благопріятно, да и не ему одному, а и Татьянѣ Павловнѣ, которая, конечно, съ восторгомъ привѣтствуетъ со смертію стараго, ненавистнаго мужа, первый день освобожденія, любви и радости.

А завтра онъ уѣзжаетъ въ полкъ... Какъ быть? Остаться —трудно, почти невозможно; уѣхать, когда счастье открываетъ ему свои объятія,—безумно; да и скоро-ли онъ вернется, скоро-ли они еще свидятся?

Михаилъ Петровичъ совсѣмъ растерялся отъ этого слишкомъ счастливаго, но слишкомъ неожиданнаго оборота, который въ одну ночь принимали его дѣла. Богъ его вѣдаетъ почему, но только Лѣсниковъ ни ему, ни Лидѣ не разсказалъ сцены между старикомъ и Андреемъ Васильевичемъ въ столовой, о которой онъ зналъ подробно. А эта сцена открыла бы навѣрно глаза Хоботову и заставила бы посмотрѣть на вещи съ другой, менѣе лучезарной, точки зрѣнія.

До отъѣзда своего, т.-е. до завтраго, ему предстояло еще два весьма важныхъ дѣла.

Первое — это выдумать что-либо и устроить такъ, чтобы, уѣзжая, заручиться полнѣйшей невозможностію брака сестры съ Андреемъ. Второе—увидать еще разъ Татьяну Павловну, проститься съ ней, и потомъ уѣхать съ сердцемъ, переполненнымъ сладостной и легко сбыточной надеждой.

Первое было труднѣе. Онъ положительно затруднялся, какъ приступить къ нему, а приступить необходимо: время не терпитъ. Сначала ему пришла въ голову мысль повидаться съ Андреемъ Васильевичемъ и, безъ дальнѣйшихъ обиняковъ, отъ имени отца и своего собственнаго, отказать ему отъ дому. Причины объяснять нечего; да въ такихъ случаяхъ о нихъ и не спрашиваютъ. Но эта мысль, едва лишь успѣла созрѣть она, была забра-

кована имъ какъ негодная. Почемъ знать, быть можетъ, лишь только уѣдетъ онъ въ полной увѣренности, что хорошо поставилъ дѣло, какъ тотъ спишется съ Лидой, или другимъ путемъ узнаетъ, что онъ лгалъ ему, и что Петръ Герасимовичъ никогда не давалъ ему такого порученія. Тогда Андрей Васильевичъ легко пойметъ, что руководило имъ въ этой выходкѣ, и можетъ, въ свою очередь, принести ему и мачихѣ не мало вреда.

Оставалось дѣйствовать на Лиду. А это самое трудное. При всей своей мягкости, она умѣла быть слишкомъ твердой;—и онъ зналъ это хорошо. Онъ рѣшился однакоже испытать этотъ единственно оставшійся ему путь.

— Не долго мнѣ оставаться теперь,—заговорилъ онъ съ ней послѣ ухода Лѣсникова. Прощай, сестрёнка, заранѣе прощай. Знаешь, какъ постомъ въ прощальную субботу, я у тебя теперь прошу прощенья. Если обидѣлъ чѣмъ — прости, огорчилъ чѣмъ —забудь, не поминай лихомъ. Всѣ мы, братья военные, на волоскѣ висимъ. Сегодня живъ, а завтра, смотришь, волокутъ тебя въ яму. Итакъ, Лида, всѣ согрѣшенія мои прости и отпусти.

— Какой ты смѣшной сегодня,—сказала она, улыбнувшись.

— Ну это, какъ ужъ тамъ хочешь, а все-таки выслушай меня.

— Говори, говори.

Онъ сидѣлъ съ серьёзнымъ, озабоченнымъ лицомъ.

— Вотъ что я хочу сказать тебѣ, Лида. Отецъ уѣхалъ, быть можетъ надолго, я тоже уѣзжаю,—и ужъ навѣрно не скоро вернусь; остаешься ты здѣсь одна одинехонька... Можетъ навѣстять тебя и тяжелыя минуты,—не къ кому будетъ тогда прибѣгнуть, никто и совѣта тебѣ не подастъ, никто не поможетъ. Вотъ и рѣшилъ я теперь же, съ-разу, отбросивъ въ сторону всякую неловкость, поговорить съ тобой, чтобы окончательно высказаться и договориться. Мнѣ кажется, что молодой Барановъ имѣетъ на тебя виды, Лида. Скажи откровенно, пойдешь ты за него, если онъ сдѣлаетъ тебѣ предложеніе?

— Пойду,—рѣшительно отвѣчала она.

— Вотъ то-то и бѣда, что пойдешь, что влюблена ты въ него по уши!

Она смотрѣла на него съ удивленіемъ, ожидая, чтобъ онъ высказался яснѣе.

— Ты думаешь, онъ честный человѣкъ? — рѣзко спросилъ онъ.—Да? Ну, а я тебѣ скажу, что онъ подлецъ и негодяй.

— Миша! Ты не можешь такъ говорить про него!—вскрикнула она, и щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ.

— Могу! Я докажу тебѣ, что могу. Слушай же. Сейчасъ вотъ, прощаясь со мной, Лѣсниковъ шепнулъ мнѣ, по секрету, конечно объ истинной причинѣ помѣшательства Барханова. Андрей Васильевичъ—довелъ старика до сумасшествія. Отецъ ревновалъ жену къ сыну, а сынъ... а сынъ преслѣдовалъ своею преступною любовью мачиху. Вотъ тебѣ голая правда; я говорю тебѣ ее, хотя бы и не долженъ былъ говорить, говорю единственно для того, чтобы раскрыть тебѣ глаза. Ну, и не негодяй теперь твой возлюбленный Адонисъ?

Онъ сочинилъ всю эту исторію и передалъ ее съ хорошо разыгранным негодованіемъ. Но Лида не вѣрила ни одному слову; такъ тяжело и больно было бы ей повѣрить!

— И ты увѣренъ, что это не вздоръ, не выдумка, не клевета?—спросила она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Да, увѣренъ,—рѣшительно отвѣчалъ онъ. — Слова Лѣсникова только подтвердили мое предположеніе, а оно возникло въ первую же минуту... Я самъ многое видѣлъ. Я видѣлъ, какъ преслѣдовалъ онъ мачиху своими слишкомъ говорящими глазами... Онъ не давалъ ей ни минуты покоя, онъ отравлялъ ея жизнь. Чего хотѣлъ онъ, чего онъ добивался, я не могу рѣшить. Быть можетъ, онъ ухаживалъ за ней по старой привычкѣ... Но онъ забывалъ, что теперь она его мачиха, жена его отца. Онъ забывалъ это, а можетъ быть и знать этого не хотѣлъ... Бѣдная женщина, какъ мучилась она, какъ тяготилась этимъ невыносимымъ положеніемъ! Знаешь, Лида, тутъ разыгрывалась дѣйствительно чудовищная драма,—я все видѣлъ, но тебѣ не говорилъ о нихъ раньше. Теперь скрывать нечего; напротивъ, я, какъ братъ, обязанъ поднять предъ тобою завѣсу. Потому-то я и говорю такъ прямо. Старикъ не могъ не замѣчать всего, что творилось вокругъ него: слишкомъ было ясно, слишкомъ очевидно. Андрей Васильевичъ не церемонился. О, нѣтъ! Онъ не считалъ даже нужнымъ скрывать предъ отцомъ своего подлаго чувства. А какъ старикъ любилъ ее! Ну, просто до обожанія. Конечно, она женщина молодая; она, быть можетъ, не въ состояніи была отвѣчать на эту любовь такой же со своей стороны, но она любила и уважала его настолько, насколько можетъ любить и уважать честная, порядочная женщина своего мужа, болѣе чѣмъ втрое старше ея годами. Она не при чемъ въ этой драмѣ, она страдающее лицо, пассивное, она—жертва. Вся тяжесть преступленія падетъ на голову Андрея Васильевича; онъ

одинъ причиной этого несчастія. Старикъ рехнулся не потому, чтобы выжилъ изъ ума на старости лѣтъ, какъ это часто случается, а потому, что увидалъ, понялъ свое положеніе, которому имени нѣтъ, такъ оно чудовищно, такъ оно невѣроятно. И это — лучшее, что могъ онъ сдѣлать — съ-ума сойти. Не кончи онъ такимъ образомъ, онъ кончилъ бы иначе, онъ кончилъ бы навѣрно преступленіемъ. А какъ знать, кто палъ бы подъ рукой обезумѣвшаго въ своей законной ревности мужа? Сынъ-ли, поистинѣ достойный самой худшей участи, или эта невинная женщина, эта жертва, эта страдалица? Нѣтъ, Лида, нѣтъ, тутъ и рѣчи быть больше не можетъ. Я все тебѣ высказалъ,—теперь ты должна понять *кого* любишь, съ кѣмъ мечтаешь соединиться на вѣки. Вѣдь это—мечта твоя, я знаю, Лида.

Онъ говорилъ увѣренно; трудно было бы предположить, что вся эта исторія—умышленная выдумка, ложь, созданная моментально случаемъ.

Какъ ни вѣрила Лида въ Андрея Васильевича, но въ эту минуту вѣра ея готова была поколебаться. Отецъ молилъ ее, уѣзжая, не довѣрять этому человѣку; Лѣсниковъ, онъ тоже вѣдь ея другъ и ей счастья желаетъ, — и тотъ оберегаетъ ее всѣми силами отъ него, какъ отъ близкой опасности. Наконецъ, братъ Миша. Онъ не изъ особенно нѣжныхъ братьевъ, онъ никогда не вмѣшивался въ ея дѣла,—а теперь заговорилъ,—и какъ заговорилъ!

Неужели всѣ они правы, и она одна не права.

— Я поговорю съ Сергѣемъ Михайловичемъ, отъ меня у него нѣтъ секретовъ,—рѣшилась она, осаждаемая уже тягостными сомнѣніями.

Михаилъ Петровичъ невольно вспыхнулъ.

— Вотъ какъ? Нѣтъ секретовъ? Однако, я просилъ бы тебя не говорить ему обо всемъ этомъ, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока онъ самъ съ тобой не заговоритъ. Онъ довѣрилъ мнѣ по секрету; я не хочу, чтобы секретъ былъ общимъ достояніемъ; ты сама это отлично понимаешь.

— Если тебѣ онъ довѣрилъ его, такъ я думаю, что и отъ меня не скроетъ.

— Ну, тогда другое дѣло. Тогда и съ тебя снимается печать молчанія. Однако мнѣ пора. Быть можетъ, навѣщу несчастнаго старика.

«Жди пока тамъ тебѣ самъ Лѣсниковъ сплететъ такую исторію, жди. А однако, скверное будетъ дѣло, если она не выдержитъ и проговорится. Ну, да дѣлать нечего. Я успѣлъ больше,

чѣмъ самъ ожидалъ: повѣрила, кажется. Впрочемъ, возьму съ нея предъ отъѣздомъ честное слово, что сама не станетъ говорить объ этомъ съ Лѣсниковымъ; все будетъ вѣрнѣе», размышлялъ онъ предъ своимъ послѣднимъ свиданіемъ съ Татьяной Павловной, на которое и рѣшилъ отправиться сейчасъ же.

А Лида, оставшись одна, схватила и судорожно сжала въ рукахъ свою горящую голову. Ей казалось, что она съ ума сойдетъ.

XXVIII.

Въ одну ночь Татьяна Павловна много пережила. Она осунулась и какъ-бы постарѣла. И тяжелая то была для нея ночь.

Внезапное сумасшествіе мужа было для нея одной понятнымъ. Значитъ, онъ слышалъ разговоръ ея съ Хоботовымъ, значитъ, онъ взглянулъ на вещи не такъ, какъ глядѣла на нихъ она, и понялъ ихъ совершенно иначе...

Слово было принято за чистую монету—тогда, когда оно было лживо, это слово, когда не правда скрывалась въ немъ, а заранѣе обдуманный планъ.

А все-таки—мужъ ея сумасшедшій,—и *она* свела его съ ума, убила за его безграничную любовь. Нѣчто въ родѣ раскаянія, сначала смутнаго, неопредѣленнаго, первый разъ почувствовала она теперь.

Безумные крики звенѣли еще въ ея ушахъ, дикое, сумасшедшее выраженіе лица мужа—такъ и стояло предъ ея глазами. Тяжелый кошмаръ!... Напрасно старалась отогнать она его, безпокойно поворачиваясь на своей постелѣ, съ головой укутываясь въ одѣяло, закрывая и открывая глаза. Сонъ бѣжалъ отъ нея, а новыя, назойливыя мысли такъ и толпились въ головѣ.

Одинока она, одинока! И въ радости была одинока и въ горѣ будетъ одинока. А отецъ? Отецъ—что?.. Отецъ не пойметъ никогда того, что́ также можетъ мучить ее и терзать. Онъ ей далъ *свое* воспитаніе, онъ пересадилъ въ ея душу *свои* мысли, онъ ломалъ ее съ дѣтства, онъ и изломалъ, исковеркалъ ее по *своему*. Вѣдь она—идеалъ его, идеалъ женщины, человѣка. Но видно и отецъ промахнулся. Онъ думалъ, что «глупыхъ сантиментовъ» въ ней никогда не появится, а они вдругъ появились. Да, появились.

Она мучится въ эту минуту, мучится страшною мукою.

Вотъ въ тишинѣ этой проклятой ночи раздается дикій, не-

человѣческій крикъ. Разносится онъ гулко и протяжно по огромнымъ комнатамъ и давящимъ свинцомъ ложится на ея сердце. Плакать хочется; выплакать надо эти несказанныя муки...

«Преступница, преступница!» такъ и стучитъ въ ея ушахъ... «Преступница»—прочла она три часа тому назадъ свой безпощадный приговоръ на лицѣ Андрея и даже на лицахъ самой прислуги. «Преступница»—казалось, шепчутъ эти безмолвныя мрачныя стѣны комнаты...

Татьяна Павловна порывисто вскочила съ постели.

Опять раздался безумный, душу раздирающій крикъ. Бѣготня и шумъ поднялись въ домѣ. Вотъ пробѣжалъ кто-то мимо самой ея двери, быстро шаркнувъ спичкою на ходу.

— Довольно, довольно! Уложить его теперь надо!—доносится до нея энергичный голосъ Андрея.

Голоса замолкли. Съ трудомъ различаетъ ея напряженный слухъ какой-то сдержанный шумъ, какъ будто нѣсколько человѣкъ борятся здѣсь, за три комнаты, борятся въ безмолвіи, напрягая всѣ свои силы.

Она машинально, шатаясь, прошла въ будуаръ. Все въ немъ стояло по прежнему; ни одного кресла, ни одного стула не было передвинуто съ вечера. Слабый утренній свѣтъ съ трудомъ пробивался сквозь плотно опущенныя сторы и бросалъ бѣловатый оттѣнокъ на эту маленькую, роскошно отдѣланную комнатку.

Огромное трюмо стояло прямо передъ нею и отразило въ въ себѣ ея лицо.

Она взглянула,—и отшатнулась. Зачѣмъ она здѣсь, въ этотъ часъ, въ этомъ костюмѣ? Зачѣмъ не спитъ она, а ходитъ какъ безумная, въ одной рубашкѣ, съ распущенными волосами, съ старчески осунувшимся лицомъ?

Она опять подошла къ трюмо, и на этотъ разъ принялась, казалось, очень старательно разсматривать свое лицо.

А сердце такъ и стучитъ; она сама слышитъ его біеніе.

— Ой, ой, ой!—доносится до нея протяжный стонъ.

Это *онъ* опять.

Шаги раздаются вблизи, кто-то сейчасъ пройдетъ мимо опущенной портьеры.

Она притаила дыханіе и замерла на мѣстѣ.

— Проклятая... она убила его! Змѣя, а не женщина,—слышитъ она хорошо знакомый ей голосъ.

— Ты говоришь, Андрей, что она любовница Хоботова?—ясно доносится до нея вопросъ Лѣсникова.

— Подозрѣваю. Негодная!..

Голоса замолкли въ отдаленіи.

Это было уже слишкомъ. Она схватилась за грудь руками, какъ-бы стараясь удержать стучавшее въ ней сердце.

Быстро накинула она длинный пеньюаръ и косынку. Руки ея дрожали, зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ. Сама не понимая, что дѣлаетъ, она бросилась въ кабинетъ мужа.

Старикъ лежалъ съ закрытыми глазами. Руки его безпомощно опустились, и лѣвая, отёкшая кровью, свѣсилась съ кровати.

Рядомъ въ глубокомъ креслѣ сидѣлъ совершенно незнакомый ей человѣкъ, съ длинной, совершенно сѣдой бородой, съ серьёзнымъ, озабоченнымъ лицомъ. Быстро распахнувъ дверью, она почти вбѣжала въ комнату, и въ какомъ-то изступленіи пала на колѣни передъ кроватью больного. Докторъ порывисто поднялся съ мѣста и окинулъ ее быстрымъ, негодующимъ взоромъ.

Но она ничего не видала въ эту минуту; она уткнулась лицомъ въ край кровати, схватилась руками за голову и какъ-бы замерла въ этомъ положеніи.

— Сударыня, я, какъ докторъ,—тихо, но строго заговорилъ старикъ...

Она машинально подняла свою голову, взглянула на него и, будто ничего не слыша и не понимая, опять спрятала ее на постелѣ.

— Сударыня, я прошу васъ, удалитесь.

Она молчала; только плечи ея и спина нервно вздрагивали, какъ будто отъ подавляемыхъ рыданій.

— Я прошу васъ,—болѣе мягко продолжалъ тотъ,—ради пользы вашего супруга, я прошу васъ,—удалитесь. Онъ можетъ проснуться... я не могу предвидѣть послѣдствій, но я боюсь ихъ, говорю вамъ это откровенно. Удалитесь, ради Бога,—и онъ слегка коснулся ея руки.

Она неожиданно поднялась.

— Никто не можетъ прогнать меня отсюда,—проговорила она съ гордо сверкающими глазами,—никто!

Докторъ нахмурился.

— Я прошу васъ удалиться, я не прогоняю васъ. Польза больного того требуетъ,—поймите вы.

— Поняла, все поняла къ своему несчастію! Поняла, чѣмъ становлюсь я теперь въ вашихъ даже глазахъ, въ глазахъ мнѣ незнакомаго человѣка. Вѣдь я убила его, я? Я нанесла ему обдуманный, хладнокровный ударъ? Я довела его до этого состоянія, опоивъ, быть можетъ, зельями, или тамъ чѣмъ? Я—

убійца мужа, преступница? Я—негодная женщина, имѣющая любовниковъ? Я развратница? Я—змѣя, а не женщина? Я? Я? Я?—наступала она на него, дрожа и захлебываясь.

— Полноте, полноте.

— Нѣтъ, я все знаю. Я знаю, что *такъ* про меня думаютъ, *такъ* и говорятъ. Знаю, знаю!

— Вы разстроены, вы въ бреду!

— Я васъ прошу, докторъ, привести сюда Андрея, сейчасъ же,—проговорила она рѣшительнымъ голосомъ.

— Извольте, но...

— Сейчасъ же,—взглянула она на него взоромъ, недопускающимъ возраженія.

Старикъ глядѣлъ на нее растерянно, изумленно. Онъ вышелъ.

Оставшись одна, она долго и молча глядѣла въ лицо Василія Александровича. Взглядъ этотъ былъ полонъ глубокой грусти.

— Я не любила тебя, но я и не убивала тебя, клянусь въ томъ!—прошептала она.

«Преступница, преступница!» прозвучало надъ самымъ ея ухомъ. Она быстро обернулась, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

Комната была пуста; въ ней никого больше не было, кромѣ ея и этого живого трупа.

Значитъ, она бредитъ.

— Андрей Васильевичъ извиняется, что не можетъ придти. Онъ совсѣмъ разбитъ, — и нуждается въ отдыхѣ,—проговорилъ появившійся докторъ, который не счелъ даже нужнымъ сходить за нимъ, а просто нѣсколько минутъ переждалъ въ залѣ.

— А, хорошо.—Она мелькомъ взглянула на него и, не говоря ни слова, тихо и покорно вышла изъ кабинета.

Пришедши къ себѣ, она не раздѣвалась болѣе, и принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Утро застало ее на ногахъ. Явившаяся горничная взглянула на нее съ состраданіемъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Который часъ?

— Половина десятаго.

— Ночь прошла,—подумала Татьяна Павловна.—Но я сама сойду съ ума, если переживу еще подобную.

Повидимому спокойная и хладнокровная, она принялась за свой туалетъ.

XXIX.

Тяжело было Варварѣ Григорьевнѣ увидать во-очію, въ какомъ грустномъ положеніи находится ея старый другъ.

Она подробно допрашивала Андрея Васильевича о всемъ случившемся. Тотъ отвѣчалъ ей настолько обстоятельно, насколько могъ. Онъ разсказалъ ей подробно свою вчерашнюю встрѣчу съ отцомъ въ столовой, передалъ чуть не отъ слова до слова его безумную рѣчь, не утаилъ своихъ подозрѣній относительно дѣйствительной виновности Татьяны Павловны.

Арбатова слушала его молча и внимательно. Казалось, она размышляла, соображала что-то.

— Итакъ, ты думаешь, что она любитъ Хоботова? — спросила она его, когда онъ замолкъ, взволнованный и потрясенный.

— Настолько, насколько можетъ любить подобная женщина. У ней сильная натура, и страсть ея должна быть безграничною.

— И ты думаешь, что она дѣйствительно злоумышляла противъ мужа, что ради этой страсти задумывала преступленіе?

— Я не могу утверждать этого; я не имѣю доказательствъ, но я думаю, что да.

— Полно, Андрей, не будемъ слишкомъ опрометчивы въ своихъ сужденіяхъ. Подозрѣніе въ преступленіи,—слишкомъ тяжкое подозрѣніе. Многое нужно провѣрить, многое прослѣдить, взвѣсить, чтобы рѣшиться подозрѣвать. Ты говоришь, что она видимо интересовалась, даже болѣе,—допустимъ, что она увлекалась Хоботовымъ. Я готова допустить это, хотя оно тоже сомнительно. Вѣдь я помню его, сына Петра Герасимовича, помню давно еще, почти мальчикомъ; онъ только-что надѣлъ свои офицерскіе эполеты... Но онъ мнѣ казался всегда какимъ-то слишкомъ обыкновеннымъ. Онъ былъ офицеромъ—въ полномъ смыслѣ слова. Недуренъ, если хочешь, кутила, немножко волокита... Такимъ натурамъ, какъ Татьяна Павловна, подобный безхарактерный человѣкъ врядъ ли можетъ серьёзно понравиться. Я очень сомнѣваюсь, чтобы она могла его любить,—развѣ онъ измѣнился за послѣднее время...

— Но что же вы предполагаете,—скажите?

— Что я предполагаю?.. И сама не знаю. Ничего я не могу сказать положительно,—но мнѣ кажется, что въ этой катастрофѣ она не такъ виновна, какъ ты думаешь.

— Вѣдь не могъ же человѣкъ ни съ того, ни съ сего сойти съ ума.

— Не могъ. Я и не говорю этого. Постарайся понять меня, не горячись. Мнѣ кажется, что она все же неспособна на преступленіе; для этого нужно слишкомъ много жить и страдать, Андрей; а она еще такъ молода, да и замужемъ безъ году недѣля: страданій, доводящихъ до преступленія, не могло быть. Нѣтъ, какъ хочешь, а я не повѣрю, чтобы, согласно безумному бреду князя, она дѣйствительно замышляла его отравить. Она не могла замышлять этого—пойми. Безспорно, *она* отравила его жизнь подъ старость лѣтъ, она, опять-таки, довела его до этого положенія, но это дѣлалось не умышленно, не разсчитанно, не заранѣе обдуманно. Это дѣлалось просто, незамѣтно, изо дня въ день. Она только не любила его,—вотъ вина ея, пожалуй преступленіе, такъ какъ она не старалась даже скрывать предъ нимъ своего равнодушія, своей нелюбви. Да, Андрей, это тоже преступленіе,—отдаться человѣку не любя,—не любя связать съ нимъ свою жизнь. Ты, пожалуй, смѣешься надъ этими словами; думай, какъ хочешь, но я на своемъ стою... Близокъ мнѣ этотъ вопросъ, охъ, какъ близокъ! Ну, да мы отдалились отъ первоначальнаго. Вотъ я и говорю, что она не маскировалась передъ мужемъ, была съ нимъ такою, какою на самомъ дѣлѣ есть. Да развѣ мало этого, подумай самъ, развѣ мало, чтобы, любя до безумія, сдѣлаться окончательно безумнымъ. *Это* не сразу съ нимъ случилось, навѣрно не сразу. *Это* шло послѣдовательно, постепенно, и если только вчера разразилось—не потому, чтобы вчера случилось что-нибудь необыкновенное, а потому, что должно уже было разразиться, не сегодня, такъ завтра; и, мнѣ кажется, ты совершенно напрасно придаешь такое важное значеніе тому, что это произошло съ нимъ вчера, и произошло тогда именно, когда Хоботовъ сидѣлъ у нея. Вотъ какъ я понимаю пока это.

Онъ слушалъ ее недовѣрчиво.

— О, вы не знаете еще этой женщины! Она на все способна.

— Это ты про Татьяну Павловну? Знаю ее и не люблю ее, но въ преступленіи ее теперь не заподозрю. Да, именно *теперь*. За будущее я не ручаюсь. Такіе характеры не мирятся ни съ чѣмъ; они неспособны страдать, покориться.

— Вы знаете, Варвара Григорьевна, что за часъ передъ вами я принужденъ былъ выдержать съ ней объясненіе. И какое объясненіе! Она прямо приступила ко мнѣ съ вопросомъ, на какомъ основаніи и по какому праву я возвожу на нее гнусное обвиненіе въ убійствѣ мужа? Признаюсь вамъ, я не

ожидалъ такого рѣшительнаго приступа, и даже сталъ втупикъ. Сегодня ночью изъ своего будуара она слышала, какъ я отзывался о ней Серёжѣ. Мы проходили мимо, отъ отца, съ нимъ былъ страшный припадокъ. Я говорилъ ему то же, что̀ и вамъ, я говорилъ, что подозрѣваю ее въ связи съ Хоботовымъ, что *она* убила отца. Она третировала меня какъ мальчишку, — и я молчалъ, вѣрите ли, молчалъ передъ ней. Не доставало одного, чтобы она меня за уши выдрала,—такъ она со мной говорила! «Человѣкъ, обвиняющій женщину въ любовной связи, которой на самомъ дѣлѣ никогда не существовало, обвиняющій голословно, — или идіотъ, или мелкій негодяй, но тотъ, который возведетъ на нее вымышленное преступленіе, — тотъ уже подлецъ, безъ чести и совѣсти». Какъ вамъ это нравится? То и другое относилось ко мнѣ. И все это говорилось со слезами негодованія въ голосѣ. Роль угнетенной невинности была разыграна въ совершенствѣ. Она предварительно все утро просидѣла у отца, у его постели, несмотря на запрещенія доктора; была у него среди ночи, стояла передъ нимъ на колѣняхъ. О, Господи! Что это за актриса! Ну, кто приметъ эти слезы за истинныя? Кто, зная ея отношенія къ отцу, повѣритъ всѣмъ этимъ кривляньямъ? Нѣтъ, *я* этому не повѣрю. А разъ она лжетъ въ одномъ, разъ въ одномъ она ловко разыгрываетъ свою напускную роль, я болѣе чѣмъ склоненъ заподозрить эту роль и дальше,—и не только подозрѣваю, но почти увѣренъ, что нѣтъ такого, надъ чѣмъ бы призадумалась эта женщина,—нѣтъ, нѣтъ!

Пока эти разговоры происходили между Андреемъ Васильевичемъ и Арбатовой, иные велись въ будуарѣ Татьяны Павловны, между ею и любящимъ родителемъ.

— Ахъ, чортъ возьми, вотъ опростоволосились-то, — съ горечью говорилъ Павелъ Аѳанасьевичъ,—вотъ опростоволосились-то! Значитъ, духовнаго завѣщанія онъ тебѣ не дѣлалъ. Ай, ай, ай! Ну, какъ же быть-то теперь, Танюша? Вѣдь все пойдетъ къ «молокососу», твоя-то только седьмая! Вотъ грѣхи-то!

Татьяна Павловна упорно молчала. Лицо ея горѣло, и грудь высоко поднималась.

— А много седьмой-то будетъ?.. Много,—продолжалъ тотъ въ горестномъ раздумьи. — А все не то... Заживешь, мой свѣтикъ, заживешь, моя ягодка, ужъ и взаправду въ свое удовольствіе. Ну его, стараго, да важнаго... Умиралъ бы скорѣй.

Она подняла на него сверкающіе глаза.

— Папаша, скажите на милость, есть что-нибудь такое у васъ, чего бы вы не продали за деньги?

— Что это ты спрашиваешь?.. Все за деньги продается, все, сама знаешь.

— Анъ нѣтъ, не все!—воскликнула она:—не все! Роскошь за деньги продается, ласки свои женщина за деньги продаетъ, человѣкъ продается... душа, душа не продается! Спокойствія душевнаго нигдѣ не купишь, нигдѣ! Только потерять его...

— Да что ты, что ты! Чего тебѣ?

— О, Господи! Никто не пойметъ меня... И зачѣмъ я поняла *это*, зачѣмъ! Какъ мнѣ жилось хорошо, когда я не понимала... Не думать — самое лучшее, да нельзя не думать,—она схватилась за голову:—голова лопнетъ, съ ума сойдешь, все проклянешь,—и себя, себя прежде всего!

— Не могу понять!—развелъ-было онъ руками, съ невыразимымъ удивленіемъ смотря на дочь.—Такихъ рѣчей отъ нея ему не приходилось слышать.

— Да и не понять, не понять никогда вамъ этого! Вы—замуравленный... А я думала, что и я замуравлена, окаменѣла, —да нѣтъ! Самолюбіе бѣсовское, дикое... Нѣтъ, имъ однимъ не проживешь... мало!.. Много выстрадать надо! Господи, сколько! Ну, и что же? Выстрадаю одна-одинёхонька, хоть умереть придется, а душу свою спасу...

— Окаянные! да они опоили чѣмъ, испортили ее у меня! всплеснувъ руками и вытаращивъ удивленные глаза, почти прокричалъ онъ.

XXX.

Съ замирающимъ сердцемъ входилъ въ эту минуту Михаилъ Петровичъ въ маленькую гостиную Барановой. Горничная пошла доложить о немъ.

— Ну, что, какъ баринъ?—задалъ онъ ей тревожный вопросъ.

— Плохи, очень они плохи.

Оставшись одинъ, въ ожиданіи Татьяны Павловны, которая, думалъ онъ, вотъ-вотъ появится на порогѣ, радостная, лучезарная, онъ не могъ успокоиться. Волненіе охватывало его все болѣе и болѣе.

Это—роковое свиданіе. Оно окончательно закрѣпитъ за нимъ его счастье, оно дастъ ему достаточно силъ и мужества, чтобы бороться, чтобы съ честью выдти побѣдителемъ изъ этой послѣдней борьбы не на животъ, а на смерть.

Укрѣпленный ея словомъ, ея обѣщаніемъ и увѣреніями,

завтра онъ уѣдетъ далеко и окунется съ головою въ новую жизнь, полную крови, смертей и ужасовъ. Изъ этой жизни онъ долженъ выйти съ гордо поднятой головою, съ гордымъ сознаніемъ того, что онъ дѣйствительно достоинъ побѣднаго трофея, что любимая женщина отдается ему, наконецъ, какъ мужчинѣ и герою.

Вся жизнь его была—рядъ увлеченій, увлеченій почти минутныхъ, но сильныхъ, несмотря на свою недолговѣчность. За нимъ слѣдовалъ рядъ—разочарованій, но эти разочарованія, какъ ни были они горьки и искренни, не могли передѣлать его. Онъ вѣрилъ въ эту минуту въ возможность полнаго, свѣтлаго счастья. Онъ создалъ себѣ представленіе о немъ,—и жилъ всѣмъ своимъ существомъ въ созданномъ себѣ мірѣ. Какъ воплотить эту жизнь воображенія, какъ достигнуть осуществленія любимой мечты,—объ этомъ онъ не размышлялъ, не задумывался.

Онъ вѣрилъ въ свою судьбу. Развѣ судьба со вчерашняго вечера не сдѣлала ему многое, развѣ не облегчила она путь къ его цѣли? Все дѣлается само собой, безъ его активнаго вмѣшательства,—и хорошо это; вмѣшательство здѣсь немыслимо, невозможно...

Дверь тихо отворилась, и Татьяна Павловна вошла. Она была неестественно оживлена. Жгучій румянецъ покрывалъ ея похудѣлыя щеки, черные глаза, казалось, стали еще больше. Они горѣли возбужденнымъ, лихорадочнымъ блескомъ.

Первое движеніе Михаила Петровича—было броситься передъ ней на колѣни и покрыть ее поцѣлуями, какъ-бы въ залогъ наступающаго, манящаго счастья. Но она взглянула на него такимъ пронизывающимъ, почти ненавистнымъ взглядомъ, что онъ остался на мѣстѣ какъ вкопанный, не понимая хорошенько —сонъ ли это или дѣйствительность.

Она такъ смотритъ на него!.. Но вѣдь это взглядъ демона, злого, ненавидящаго, а не свѣтлаго лучезарнаго ангела. Что это? Сердце его сжалось до боли. Тяжелое, неясное предчувствіе чего-то новаго, неожиданнаго, овладѣло имъ.

— Милая!..—прошепталъ-былъ онъ, простирая къ ней руки,—милая...

— Дальше,—съ невозмутимой холодностью отрѣзала она, опускаясь въ кресло.

— Я ѣду завтра. Я уношу съ собой твой образъ, чтобы жить, дышать имъ.

Онъ робко приблизился къ ней, смотря на нее умоляющими глазами.

Движеніемъ руки она указала ему на стулъ.

— Дальше.

— Да что же это! Я голову теряю!—съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ воскликнулъ онъ.

— Вы потеряли уже ее... О чемъ вы мнѣ говорите? Мнѣ? Женѣ вчера помѣшавшагося мужа... Вѣдь онъ обезумѣлъ, обезумѣлъ!—голосъ ея задрожалъ.

— Вы не хотите помнить того, что вчера здѣсь было... Я вижу, что не хотите! Отвѣчайте мнѣ, помните вы это или нѣтъ, отвѣчайте! Если нѣтъ, то я вамъ напомню,—проговорилъ онъ съ внезапно перекосившимся на сторону лицомъ.

— Помню, все помню,—съ удареніемъ протянула она, и молю Бога, чтобы Онъ поразилъ меня, чтобы онъ отнялъ эту мучительницу память.

— Отнялъ... память?

Она молчала, низко опустивъ голову.

— Если вы играли мною,—заговорилъ онъ сдержаннымъ страстнымъ шепотомъ, наклоняясь къ самому ея лицу:—если вамъ нравилось мучить, терзать человѣка... о, этого быть не можетъ! Нѣтъ вѣдь, нѣтъ? онъ схватилъ и больно сжалъ ея руку.

Она упорно молчала.

— Если это такъ,—продолжалъ онъ, уже не помня себя,—то Богъ проклянетъ васъ, отравитъ каждую минуту, каждую секунду жизни...

— Отравитъ!..—она вскочила съ мѣста, какъ ужаленная.—И вы говорите мнѣ это, вы! Я проклята уже ради васъ,—этого мало?! Слушайте, слушайте, что я вамъ скажу. Не проклинайте меня, а жалѣйте, да, жалѣйте. Странно звучитъ для меня самой это: «жалѣйте». Развѣ я приняла бы жалость отъ кого бы то ни было... А теперь я сама прошу ее. Меня никто не понимаетъ, не хочетъ, не можетъ понять... Ну, и Богъ съ ними! Но *вы* должны понять и простить... Я не любила васъ ни минуты, я и теперь не люблю. О, я вижу, чѣмъ должны быть для васъ эти слова *теперь*. Простите меня, простите... Я разыграла съ вами комедію, но, Богъ свидѣтель, что я не думала, къ чему поведетъ она. Мужъ подслушалъ; онъ съ ума сошелъ... Господи! Меня считаютъ преступницей, убійцей, не говорю ужъ, что любовницей вашей. Я сама все убила, все! душу свою убила! Я мстила Андрею, жестоко мстила. Онъ вѣдь унизилъ меня въ моихъ глазахъ, въ глазахъ всѣхъ! Онъ заставлялъ меня такъ мучиться, какъ никто!.. Не ревность, а оскорбленное самолюбіе, жгучая злоба—говорили во мнѣ, когда я затѣяла съ вами эту

комедію, съ цѣлью во что бы то ни стало уничтожить даже возможность брака его съ вашей сестрой. Понимаете вы теперь, что я за женщина? Я—зла, мстительна, безгранично самолюбива. Простите меня, если можете, а не можете—и не нужно. Я вамъ высказала всю правду и мнѣ теперь куда какъ легче.

Хоботовъ испытывалъ въ эту минуту такое же жгучее мучительное разочарованіе, какое испыталъ онъ еще такъ недавно относительно отца Власія.

Онъ сидѣлъ передъ нею съ широко раскрытыми изумленными глазами, съ блѣднымъ, помертвѣлымъ лицомъ.

— А мнѣ теперь, какъ вы думаете, легко? съ усиліемъ проговорилъ онъ.

— Простите меня.

— Простите? какъ-то безсознательно повторилъ онъ. Чтожъ, я бы простилъ, еслибъ такія вещи могли прощаться, охотно простилъ бы я, простилъ бы за ваши муки. Но нѣтъ, у меня мозгъ трещитъ въ головѣ отъ этой исповѣди... ха, ха, ха! Славную шутку, что и говорить, славную шутку сшутили вы со мной! Но я-то вѣдь съ вами не шутилъ, не потѣшался... Я боготворилъ васъ... Ну, такъ будьте вы прокляты теперь, прокляты!..

И съ какимъ-то не то стономъ, не то крикомъ онъ опрометью бросился вонъ.

— Чего онъ накричалъ тутъ? обратился къ Татьянѣ Павловнѣ, появившійся въ эту минуту Павелъ Аѳанасьевичъ. А я слышалъ бесѣду-то вашу, всю отъ начала до конца: чудно, право! И чего ты съ нимъ пустилась только бобы разводить? Выгнала бы въ шею,—и баста. А то жалкія слова всякія, страсти такія наговорила,—ни дать ни взять какъ вотъ на театрѣ. Тьфу, пропасть!

— Если вы не хотите со мной навсегда разсориться, то никогда не будете говорить ничего подобнаго, слышите? Самое лучшее будетъ — если уволите меня совсѣмъ отъ вашихъ совѣтовъ и напутствованій. Довольно мнѣ ихъ,—съ горечью проговорила она.

— Гмъ, понимаю. Это значитъ, дочка: почаще ходите — безъ васъ веселѣй. Такъ, что ли?

— Да отстаньте вы отъ меня! — вскрикнула она съ нетерпѣніемъ.

— Понимаю, понимаю, — растерянно забормоталъ онъ: — выгоняешь отца, къ чорту его!.. Ну, что же... Я уйду, не буду вашихъ превосходительныхъ взоровъ мозолить. Я негодный старикашка, попивоха, а ты — знатная барыня, богачиха. Не

пара, значитъ... Ну, дай тебѣ Господи всѣхъ сладостей, всѣхъ утѣхъ... душевныхъ... о спасеніи души захлопотала! А отца выгнать надо, всенепремѣнно надо, а то и души своей не спасешь. Вѣрно разсудила, матушка-сенаторша, премудро и вѣрно!.. Ума палата... въ нашемъ не нуждаетесь, — лишнее! И на томъ много благодарны, что не лакеямъ въ три шеи прогнать изволили приказать...

— Да за что́ вы меня мучите?

— Полноте, матушка-барыня, матушка-генеральша, — гдѣ ужъ намъ васъ безпокоить... Плюньте только, плюнуть извольте на насъ, мучителей...

Не отвѣчая ни слова, она встала и вышла, оставивъ старика на-единѣ съ своимъ безграничнымъ негодованіемъ, вылившимся предъ нею въ такой причудливой формѣ. Дочь и отецъ почти ненавидѣли другъ друга.

Едва лишь переступила Татьяна Павловна порогъ своей комнаты, какъ столкнулась лицомъ къ лицу съ Андреемъ и Арбатовой.

Была минута, когда имъ всѣмъ троимъ было неловко. Казалось, каждый понималъ отлично, не говоря еще ни слова, что́ имѣетъ онъ сказать и что́ ему отвѣтятъ. Татьяна Павловна быстро оправилась отъ этого минутнаго смущенія.

— Здравствуйте, — протянула она руку Варварѣ Григорьевнѣ. — Благодарю за память, — печально проговорила она.

— Не стóитъ, — лаконически отвѣчала та, не принимая протянутой руки. — Я всегда была памятлива, матушка, всегда. Не такъ ужъ стара стала, чтобы всякую память у меня отшибло. Старыхъ друзей всегда помню и люблю.

— И ради нихъ вы всегда готовы оскорбить всякаго, хотя бы и незаслуженно?

Слезы горькой обиды дрожали въ ея глазахъ.

— Зачѣмъ незаслуженно? Что вы это, меня, старуху, бѣшеной, что ли, считаете? Я ни на кого не бросаюсь. Я только правду люблю, — и вотъ, если вамъ угодно ее будетъ отъ меня въ двухъ словахъ выслушать, — выслушайте ее.

— Говорите.

— Молоды вы очень, милая моя, необузданны, и потому — легкомысленны. Людей вы цѣнить и понимать не умѣете... Если бы умѣли, такъ не довели бы такого человѣка, каковъ былъ бѣдный мужъ вашъ, до помѣшательства... Да, да, не старайтесь оправдываться. *Вы* довели. Не нелѣпое обвиненіе взвожу я на васъ, а голую и несомнѣнную правду говорю. Дорого ужъ

очень вы красоту свою оцѣнили: жизнью человѣческой оцѣнили, да какой жизнью-то! Какого человѣка вы погубили! Знавали вы его хоть чуточку? Нѣтъ вѣдь? Гдѣ вамъ было его знать; вѣрно и времени-то на это не хватало, да и не интересно. Я могу, старуха, вамъ это говорить, и вы меня должны выслушать; я, какъ другъ несчастнаго, за него вамъ говорю это. Глаза открыть необходимо, если сами вы отказываетесь смотрѣть ими. А вы, навѣрно, не видѣли и не видите ничего, что́ вы дѣлали и что подъ конецъ-таки сдѣлали. Вѣдь убить его было бы легче и честнѣе, чѣмъ такъ...

— Варвара Григорьевна, я васъ выслушала, хоть имѣла возможность избавить себя отъ этого... Но я васъ выслушала. Единственное, что̀ я могу сказать не въ свое оправданіе, нѣтъ, — я оправдываться не могу и не желаю, — а въ объясненіе, — это то, что я виновата, но безъ вины виновата. Относительно мужа я была честной женой, я не обманывала его... Я много виновата, много, но не передъ нимъ, а передъ другими...

— Передъ кѣмъ же, не скажете ли вы намъ этого?

— Нѣтъ, не скажу, потому что этимъ вины своей не поправишь, да и не надо. Скажите, какъ здоровье княжны? — внезапно задала она вопросъ.

— Благодарю за участіе, — съ ироніей отвѣтила та: — плохо, увожу ее на-дняхъ въ Италію.

— Неужели? — и она задумалась.

Варвара Григорьевна передала Андрею Васильевичу о желаніи Наташи видѣть его у себя и проститься передъ отъѣздомъ.

— Пріѣзжай, — говорила она, старательно избѣгая его взгляда.

— Завтра же буду, если состояніе отца позволитъ.

— Ну, хорошо, буду ждать. А я еще навѣщу, непремѣнно.

И она простилась. Ее ожидало дежурство около больной, измученной дочери.

XXXI.

На другой день утромъ Хоботовъ уѣхалъ.

Онъ собрался какъ-то лихорадочно спѣшно; весь вечеръ наканунѣ пропадалъ гдѣ-то и, явившись домой послѣ 11-ти часовъ, молча занялся укладкой своего походнаго чемодана.

— Итакъ, навѣрно — завтра ты уѣзжаешь? — спросила его Лида, глядя на его спѣшные сборы.

— Навѣрно, — глухо отвѣчалъ онъ, не взглянувъ на нее.

— Писать-то будешь почаще? Пиши, Миша: ну, что тебѣ это стóитъ, обо всемъ пиши.

Тотъ только рукою махнулъ.

— Ну, вотъ, — чего тамъ писать... а, впрочемъ, напишу разъ, другой.

На другой день рано утромъ, серьёзный и озабоченный, онъ прощался съ сестрой.

— Прощай, сестра, — говорилъ онъ, — не поминай лихомъ, виновенъ въ чемъ если—прости.

Онъ крѣпко поцѣловалъ ее.

— Порфирій!—крикнулъ онъ.

Старый слуга поспѣшилъ явиться на зовъ.

— Храни ее, береги ее, — указалъ онъ на Лиду. — Ты у ней теперь защитникомъ остался, ты за нее и отвѣтчикъ, слышишь?

— Да ужъ будьте благонадежны, обидѣть никому не допустимъ, ни вотъ на самую малость,—важно и самоувѣренно проговорилъ Порфирій.

— Ну, то-то же.

Лида провожала его на вокзалъ.

— Да хранитъ тебя заступница Матерь Божія,—нá вотъ возьми это, носи на себѣ.

— Что такое? Образокъ... Ну, спасибо, возьму, носить буду, авось твоими молитвами отъ смерти убережетъ. Ну, прощай, до свиданія, Лидушка. Сейчасъ третій звонокъ, прощай, голубчикъ, не поминай лихомъ, ежели что...

Грустная, опечаленная вернулась она домой. Пустота, пустота... Одиночество ожидало ее съ этого дня. Вокругъ ни одного родного, близкаго человѣка, съ кѣмъ можно бы было подѣлиться и горемъ и радостью, съ кѣмъ можно бы было душу отвесть. Развѣ одинъ Порфирій; онъ преданъ ей какъ собака и не на однихъ только словахъ, но на дѣлѣ. Да, около нея остался одинъ старый Порфирій, да, пожалуй, маленькая Маша. Но развѣ оба они могутъ хоть минуту стать къ ней ближе того, чѣмъ они есть? Одинъ останется вѣренъ себѣ, т.-е. самымъ вѣрнымъ, неподкупнымъ слугой; другой—страстно любящимъ ее ребенкомъ,—но и только.

Впрочемъ, нѣтъ,—вспомнила она,—у нея есть другъ, истинный другъ, это—Лѣсниковъ, онъ не покинетъ ее, онъ замѣнитъ ей и отца и брата.

А Андрей? О, она должна во что бы то ни стало увидать его, разсказать все безъ утайки... Далѣе жить въ этомъ мучительномъ сомнѣніи—невозможно.

Онъ скажетъ ей всю правду, въ этомъ она не сомнѣвается; онъ раскроетъ ей свою душу,—и она прочтетъ въ ней то, что́ давно уже, казалось, прочла въ его глазахъ,—что онъ честный, благородный человѣкъ, что онъ на подлость и низость не способенъ, что возводимыя на него обвиненія — клевета, ничѣмъ недоказанная, что, наконецъ, онъ ее одну любитъ, несмотря на всѣ кажущіяся противорѣчія.

Опять-таки мысль о замужествѣ не приходила ей въ голову, такъ далека она была отъ всякихъ корыстныхъ видовъ и разсчетовъ. Она хотѣла любви его, а что́ можетъ дать ей эта любовь, къ какимъ послѣдствіямъ повести, къ какой развязкѣ, — объ этомъ она не думала.

— Онъ честенъ,—старалась она увѣрить себя въ тѣ невыносимо тяжелыя минуты, когда неожиданное, невольное сомнѣніе начинало овладѣвать ею,—ну, и довольно...

Дня черезъ два послѣ отъѣзда брата, къ ней пріѣхалъ Лѣсниковъ. Она непритворно обрадовалась. Съ первыхъ же словъ она засыпала его вопросами о Василіѣ Александровичѣ, о его здоровьѣ, объ Андреѣ.

Онъ отвѣчалъ ей нéхотя, пасмурный и раздраженный.

Ей слишкомъ трудно было выдерживать себя, чтобы мало-помалу выпытать у него отвѣтъ на мучившій ее вопросъ:—неужели дѣйствительно онъ говорилъ брату такія ужасныя вещи *о немъ?*

Прямо и безхитростно она передала ему отъ слова и до слова все сказанное ей братомъ.

— Онъ говорилъ, что вы ему это сказали по секрету,— добавила она вся взволнованная и возмущенная своимъ собственнымъ разсказомъ. Я васъ прошу, положа руку на сердце, какъ честный человѣкъ, скажите мнѣ, правда это или нѣтъ? Говорили вы ему свое предположеніе, и въ такой, именно въ такой формѣ?

Онъ былъ пораженъ.

— Я? Я передавалъ ему это?—переспросилъ онъ съ негодованіемъ.—И онъ вамъ на меня сослался, на меня? Воля ваша, Лидія Петровна, я просто ушамъ своимъ не вѣрю.

— Такъ это ложь!—радостно воскликнула она.

— Не только ложь, но низкая клевета.

— Сергѣй Михайловичъ, дорогой мой, спасибо вамъ, спасибо!

Она почувствовала себя внезапно облегченной отъ страшной тяжести и радовалась какъ ребенокъ.

— За что?—рѣзко переспросилъ онъ.—За то, что и я не лгунъ и не клеветникъ? Въ такомъ случаѣ напрасно трудитесь благодарить... я *для себя* хочу остаться честнымъ человѣкомъ,—

и останусь имъ. О, какъ я желалъ бы, чтобы все это было правдой, чтобы онъ не лгалъ, вашъ братъ, не фантазировалъ, не знаю съ какой цѣлью, а говорилъ бы о дѣйствительныхъ, существующихъ... фактахъ!

— Злой! Чего вы хотите?—она непріязненно метнула на него глазами.—Неужели того, чтобы вашъ другъ оказался негодяемъ? Вѣдь вы сожалѣете о томъ, что этого нѣтъ.

— А тогда любили бы вы его, какъ теперь?—задалъ онъ вопросъ почти шопотомъ, впиваясь въ нее глазами.—Отвѣчайте искренно.

— Не смѣйте говорить мнѣ этого! Развѣ это можетъ быть!

— Успокойтесь, не можетъ. А если бы?

— Да что вамъ меня мучить хочется!—почти со слезами воскликнула она.

— Ну, если бы?

— Не знаю...

— То-то же: не знаю. Значитъ, нѣтъ. Оттого-то я и хотѣлъ бы, чтобы все разсказанное вами была сущая правда.

— Да чего вы-то хотите?—съ нѣкоторымъ уже раздраженіемъ обратилась она къ нему.

— Я вамъ скажу... вы узнаете... послѣ... скоро,—смущенно проговорилъ онъ и взялся за шляпу.

— Для меня уже не новость ваше мнѣніе объ *этомъ*. Вы считаете меня за сумасшедшую, бросающуюся въ пропасть. Вы обѣщались меня вытащить оттуда,—я помню, но не знаю, удастся ли вамъ это.

— И вытащу,—прошепталъ онъ, поблѣднѣвши отъ этихъ словъ.

— Ну, хорошо же. Заранѣе благодарю. Да передайте Андрею Васильевичу, что я очень бы хотѣла его видѣть теперь. Пусть онъ пріѣдетъ, я жду.

Онъ молча взялъ ея руку и поцѣловалъ ее нѣсколько разъ.

— Это что,—дружба?—улыбнулась она ему, не отнимая руки.

— Я вамъ скажу... вы узнаете...—и онъ поспѣшно ушелъ.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ. Дѣйствительно, на другой же день «узнала», получивъ, по городской почтѣ, письмо отъ Лѣсникова.

«Хорошая и дорогая Лидія Петровна,—писалъ онъ:—съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ на промыслѣ Божіемъ, или на четырехъ китахъ, не знаю право, съ тѣхъ поръ все и вся въ немъ измѣнялось много разъ; неизмѣннымъ же осталось одно: это человѣческое свойство говорить одно, а думать другое.

«Ранѣе еще посягнувъ на это старинное свойство человѣче-

ства, теперь я окончательно уже отказываюсь отъ него, чтобы явиться передъ вами безъ нравственныхъ брелокъ и погремушекъ. Не знаю, довольны ли вы останетесь мною въ этомъ видѣ, но знаю навѣрно, что не примете этого за актерство.

«Послѣ этого объяснительнаго, или извинительнаго,—называйте какъ хотите,—вступленія приступаю къ дѣлу.

«Всѣ мы—люди, а потому надо всѣми нами тяготѣетъ часто нѣчто отъ насъ независящее, и заставляющее если не всегда сворачивать съ желаннаго пути, то часто не рѣшаться на него вступить. Въ данную минуту я, конечно, болѣе другого нахожусь подъ гнетомъ этого *нѣчто;* но ни свертывать, ни колебаться я не могу и не хочу.

«Постараюсь оправдать предъ вами то и другое. *Не могу* потому, что ко всякой цѣли я привыкъ идти прямо; *не хочу* потому, что жизнь слишкомъ коротка, и проспать и проробѣть ее было бы безумно.

«Теперь два слова объ этомъ *нѣчто*, тяготѣющемъ надо мной. Это — ваша привязанность къ Андрею, привязанность, по моему мнѣнію, возникнувшая какъ-то безпричинно, а потому, скажу вамъ откровенно, врядъ ли настолько серьёзная и глубокая, какъ вы о ней думаете. Это—увлеченіе, вспышка, быть можетъ игра воображенія, создавшаго себѣ идола. Но вѣдь онъ призраченъ—этотъ идолъ, такъ же, какъ и все созданное горячей фантазіей.

«Итакъ, выслушайте правду, и простите мнѣ ее, если, о чемъ мнѣ и думать страшно, она не произведетъ на васъ желаннаго дѣйствія.

«Поживъ, несмотря на свою молодость, слишкомъ сильно и необузданно, я пришелъ къ тому безповоротному заключенію, что полюбить глубоко и искренно неспособенъ, что жизнь безсодержательна, глупа, нелѣпа. Жизни же, въ полномъ, широкомъ смыслѣ этого слова, я не зналъ; изрѣдка только приходилось мнѣ сталкиваться съ нею и ея живыми интересами, почти чуждыми мнѣ, на страницахъ того или другого журнала, той или другой книги. Но развѣ это случайное столкновеніе могло мнѣ дать что-нибудь? Я начиналъ зѣвать пуще прежняго, или смѣяться въ душѣ надъ вѣчно шумящимъ и воинствующимъ во имя различныхъ идей и принциповъ муравейникомъ. Пускай ихъ, думалось мнѣ, работаютъ, страдаютъ и грызутся,—мнѣ что? И дѣйствительно мнѣ не было до нихъ дѣла. Я былъ—самъ по себѣ.

«Казалось, никто и ничто не было бы въ состояніи разубѣдить

меня въ моемъ въ сущности безпричинномъ пессимизмѣ. Апатія и полное ко всему равнодушіе все болѣе и болѣе овладѣвали мной. Жизнь превратилась бы навѣрно въ безпробудную спячку, а я самъ въ заведенный на извѣстный срокъ механизмъ, еслибъ я не встрѣтилъ васъ... Полюбивъ васъ, я понялъ, что могу любить, и любить безгранично, понялъ, что жизнь не безсодержательна, что она много даетъ человѣку, и что съ ней надо бороться, чтобы завоевать себѣ счастье. Во имя этой *настоящей* любви, во мнѣ проснулись силы, о существованіи которыхъ я и не подозрѣвалъ до сихъ поръ. Нѣтъ того, на что я не рѣшился бы ради васъ. Не говорю уже о томъ, что я порву съ своей настоящей жизнью, безтолковой, пошлой и вѣчно праздной; я готовъ свыкнуться даже съ мыслію, что, *только* уважая меня и пожалуй любя какъ друга, вы рѣшились бы сдѣлаться моею женою, что сердце ваше принадлежитъ не мнѣ, а другому.

«Если различивъ истинное отъ напускного, понявъ, что я испытываю и переживаю, и что еще придется мнѣ пережить въ томъ случаѣ, когда вы оттолкнете меня, понявъ, наконецъ, что любовь ваша къ другому,—о! будь она проклята! — можетъ довести васъ лишь до слезъ и гибели, если, говорю я, какъ честному человѣку, какъ другу, вы отдадите мнѣ свою руку, то это будетъ то высшее, то единственное блаженство, о которомъ я мечтаю и котораго во что бы ни стало хочу.

«Сердце свое вы отдадите мнѣ впослѣдствіи, я въ томъ увѣренъ. Вѣдь любовь заразительна, да и человѣкъ не каменный, съ тѣхъ поръ какъ *я* полюбилъ васъ, въ каменныхъ людей я не вѣрю.

«Вотъ вамъ исповѣдь безгранично васъ любящаго и, смѣло могу сказать, честнаго человѣка. Чѣмъ вы отвѣтите мнѣ на нее? Чѣмъ бы вы ни отвѣтили, вы отвѣтите прямо и искренно.

«Знайте, что я весь принадлежу вамъ, и нѣтъ у меня другого желанія, какъ назвать и васъ своею, и тогда уже, замѣтьте, *тогда* заставить различить васъ лицевую сторону отъ изнанки и заставить отвѣчать на мое сознательное и горячее чувство тѣмъ же. Жду отвѣта. Еслибъ мои надежды перешли въ увѣренность, то я не писалъ бы вамъ этого письма, а вчера еще сказалъ бы всю правду.

Вашъ С. Лѣсниковъ».

Прочтя эти мелко исписанныя четыре страницы, Лида недоумѣвала.

Что это—правда, или сонъ? Лѣсниковъ ее любитъ,—и дѣ-

лаетъ ей предложеніе,—и когда же? Когда *онъ*—ея довѣренный, ея другъ, отъ котораго она не скрываетъ ничего. Онъ знаетъ вѣдь, что она не свободна, что сердце ея принадлежитъ другому. И, несмотря на это, онъ умоляетъ ее быть его женой. Она вторично пробѣжала эти строки.

Да развѣ довольно—быть честнымъ человѣкомъ и другомъ, чтобы принадлежать этому другу на вѣки? И зачѣмъ онъ пишетъ ей это, когда знаетъ все!

Лида была сильно взволнована. Ей показалось даже, что такое письмо отъ него равносильно оскорбленію. Неужели онъ думаетъ, что она способна выдти замужъ за всякаго «честнаго человѣка»? Въ такомъ случаѣ онъ положительно оскорбляетъ ее, онъ отрицаетъ въ ней ея собственную душевную жизнь...

Впрочемъ про эту-то жизнь онъ и говоритъ, что она лишь созданіе «горячей фантазіи». О, онъ не уважаетъ ее нисколько, онъ не хочетъ видѣть въ ней человѣка, если рѣшается говорить *такъ!*

— За что же, за что? — сквозь слезы проговорила она вслухъ.

Написать ему отвѣтъ сейчасъ же, высказать въ немъ все, все,—какъ ей больно, какъ ей тяжело обмануться въ человѣкѣ, въ другѣ... Она всегда думала, что онъ видитъ въ ней женщину съ характеромъ, съ волей, — и вдругъ... такое предложеніе: выдти за него замужъ, любя другого, потому что *онъ* увѣренъ, что это не любовь, а капризъ, увлеченіе, что съ замужествомъ его какъ рукой сниметъ.

— А что если,—внезапно пронеслось въ ея головѣ,—она не права и въ предложеніи его не оскорбленіе для нея кроется, а истинная любовь, высокое самоотверженіе. Быть можетъ, это—крикъ наболѣвшей души—и въ немъ вылилась вся жизнь его... Тогда что? Имѣетъ ли она право и даже возможность оскорбляться этимъ крикомъ? Она можетъ отвѣтить ему искренно, она должна даже отвѣтить такъ... Допустить обманываться, надѣяться изъ одного только состраданія,—было бы подло. Вѣдь *этого* же никогда не можетъ быть, никогда... Но оскорбляться ей незачѣмъ: онъ не оскорблялъ ее.

Она отложила свой отвѣтъ до завтра; сегодня она слишкомъ была взволнована.

Непрошенныя думы овладѣвали ею, то грустныя, то радостныя, лучезарныя, заставляющія поперемѣнно сжиматься и трепетать ея переполненное сердце.

XXXII.

Андрей Васильевичъ былъ въ нерѣшимости, пріѣхать ли ему, согласно желанію Наташи, «проститься» съ ней, или же отклониться отъ предстоящаго свиданія, тѣмъ болѣе, что оно не могло вести ни къ чему и только взволновало бы и разстроило обоихъ.

Онъ обѣщалъ Варварѣ Григорьевнѣ непремѣнно быть, но если онъ и не будетъ, то она, конечно, пойметъ его и оправдаетъ въ душѣ. И что это за игра въ нѣжности, слезы и страданья? Къ чему его видѣть Наташѣ?

«Право, тутъ нѣтъ смысла», разсуждалъ онъ на возникшій передъ нимъ вопросъ: «ѣхать, или не ѣхать. Я заранѣе готовъ разсказать все, отъ слова и до слова, что́ она будетъ говорить мнѣ; я знаю, какимъ грустнымъ, задумчивымъ взглядомъ она окинетъ меня въ первую же минуту встрѣчи. Это будетъ одно изъ самыхъ глупѣйшихъ положеній, въ которыхъ когда-либо мнѣ приходилось быть! Придется, чего добраго, изъ вѣжливости разыграть и самому роль преступнаго, но глубоко-несчастнаго въ своемъ преступленіи, злодѣя.

«Нѣтъ, довольно; надоѣли мнѣ эти роли... Однако, не пріѣхать,—значитъ, быть злопамятнымъ, невеликодушнымъ. Онѣ обѣ могутъ истолковать это, какъ хотятъ. Однако!—не знаешь, какъ быть»...

И онъ опять принимался разбирать вопросъ.

Ѣхать—предстоитъ неминуемая опасность быть въ глупомъ и даже пошломъ положеніи. Не ѣхать—значитъ дать просторъ всевозможнымъ предположеніямъ и догадкамъ, далеко не лестнымъ для его характера. Какъ разрѣшить эту дилемму?

Нужно рѣшиться сразу, не долго думая. Вопросъ этотъ не былъ вопросомъ существованія, даже, говоря строго, не могъ быть вопросомъ бо́льшей или меньшей важности.

Но для Андрея Васильевича онъ былъ имъ. Разъ оскорбленное самолюбіе ста́ло еще чувствительнѣе, еще щепетильнѣе, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло касалось Наташи. Такъ или иначе, но теперь онъ долженъ поступить такъ, чтобы не подвергать болѣе риску своего самолюбія; довольно,—оно достаточно пострадало за послѣднее время ради этой капризной дѣвочки.

Дѣлать нечего; надо съѣздить къ ней,—проститься. Глупое, неловкое положеніе, въ которое, какъ онъ предвидѣлъ, станетъ онъ наединѣ съ нею, все же легче насмѣшливаго, безпощаднаго суда *другихъ;* они осудятъ его непремѣнно, эти другіе; они

узнаютъ, что онъ отказалъ своей недавней невѣстѣ въ нѣсколькихъ минутахъ свиданія, о которыхъ *она* не постыдилась просить его предъ разлукой, — отказалъ, не будучи въ состояніи простить, или отнестись по меньшей мѣрѣ равнодушно къ постигшему его удару. «Онъ бѣсится: рыбка сорвалась съ крючка», уже слышится ему насмѣшливое замѣчаніе великосвѣтскаго пріятеля. «Другая клюнетъ,—пустяки». «Клюнуть-то клюнула, да не изъ такихъ, изъ мелкихъ». «Что-жъ, и мелкой не побрезгуетъ».

Такіе или почти такіе разговоры о немъ ведутъ теперь, злорадствуя его пораженію, его закадычные пріятели.

«О, имъ надо доказать,—рѣшилъ онъ съ внезапной энергіей,—что «онъ не бѣсится», что я не изъ рыбаковъ, подобно имъ, всю свою жизнь закидывающихъ невода, чтобы поймать крупную рыбу и вытаскивающихъ вмѣсто того пискарей и плотицъ. Я поѣду къ ней, сейчасъ же. Я всѣмъ буду разсказывать о томъ, что былъ, что она пожелала этого, что я не счелъ себя въ правѣ отказать ей. Я докажу имъ, что я не бѣшусь, не убитъ, не огорченъ до одуренія, какъ они воображаютъ, отказомъ дѣвочки, но смѣюсь надъ нимъ, сожалѣю ее самое, эту дѣвочку. Бѣдная Наташа, она въ чахоткѣ, она мучится, а я... ничего, здоровъ и даже... право — почти позабылъ о ней и обо *всемъ* случившемся».

Въ эту минуту онъ искренно и отъ души сожалѣлъ Наташу. Онъ сознавалъ, что дѣйствительно ударъ былъ плохо разсчитанъ, что она сама, нанесшая его, падаетъ подъ нимъ...

Сердце Андрея Васильевича не было злое сердце, и онъ жалѣлъ «капризную дѣвочку», какъ жалѣетъ учитель лѣниваго ученика, ставя ему дурную отмѣтку, препятствующую къ дальнѣйшему переходу.

— Я убѣжденъ, что старуха раскаивается; она успѣла сознать, что сама погорячилась, увлекшись институтскимъ ребячествомъ дочери и довѣривъ ея судьбу одной вспышкѣ ревниваго чувства. Чего добраго, дѣло опять повернется по старому... Объясненія, разъясненія и... примиреніе... Что-жъ, я не прочь, въ томъ случаѣ, если она сдѣлаетъ первый шагъ, возьметъ все на себя. Я не прочь...

Онъ собирался уже ѣхать къ Арбатовымъ, какъ вошелъ Лѣсниковъ.

— Добро пожаловать, дружище. Однако, что ты такъ блѣденъ,—взглянулъ онъ въ его блѣдное, разстроенное лицо.—Кутили вчера?

— Нѣтъ, такъ,—плохо выспался,—отвѣчалъ тотъ, какъ-то вскользь взглянувъ на него.—Ну, что сегодня отецъ?

— Ничего... тихъ и спокоенъ. Докторъ не отходитъ, да и Татьяна Павловна тоже, все сидитъ у постели. Трогательная картина, Серёжа: любящая молодая жена у постели стараго, сумасшедшаго мужа.

— Да ты собираешься куда-нибудь?—замѣтилъ тотъ перчатку на рукѣ Андрея.

— Да... хотѣлъ, ну, да успѣется. Наташа просила черезъ мать заѣхать—проститься; въ Италію ѣдетъ.

— Вотъ какъ?—удивился Лѣсниковъ.

— Знаешь, оно неловко не пріѣхать,—нѣсколько какъ-бы смущенно объяснялъ онъ.—Подумаютъ, что сержусь, негодую; это глупо...

— А и въ самомъ дѣлѣ могутъ подумать,—съ худо скрываемой ироніей подхватилъ Серёжа.—Поѣзжай, поѣзжай, а то навѣрно подумаютъ. Да за-одно ужъ проѣдешь къ Лидіи Петровнѣ. Она теперь одинока;—братъ уѣхалъ на войну, отецъ тоже. Какъ есть одна... Я вчера былъ, просила передать тебѣ, чтобы заѣхалъ.

— Я давно дѣйствительно не былъ у ней, съ того глупаго вечера... помнишь, когда меня увезла Наташа? Пожалуй, если будетъ время, заѣду.

Лѣсниковъ смотрѣлъ на него прищуренными, злобно смѣющимися глазами.

— Отъ Наташи?

— Ну да.

— Странная случайность. Ты всегда бываешь у ней отъ Наташи, или наоборотъ, отъ нея пріѣзжаешь къ Наташѣ. Это всегда такъ—я замѣтилъ. Можно подумать, что одна служитъ необходимымъ дополненіемъ другой.

Онъ уже смѣялся злобнымъ, надорваннымъ смѣхомъ.

Андрей Васильевичъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Серёжа, что это? Ты—ревнуешь?—тихо и съ ударе-ніемъ проговорилъ онъ.

Лѣсниковъ отчаянно тряхнулъ головой.

— А если и такъ?—Онъ глядѣлъ на него почти дерзко.

— Фу, какая глупость!—не выдержалъ тотъ и отвернулся.

— То-есть что-же это—«глупость»-то? Ревновать вообще, что-ли, глупо, или только въ *данномъ случаѣ* глупо?

— Да у тебя сегодня превоинственный видъ, ха-ха-ха!—уже расхохотался ему въ лицо Андрей Васильевичъ.—Ну полно, Се-

рёжа,—мягче продолжалъ онъ,—неужели мы будемъ ссориться съ тобой изъ-за женщины? Это—плохая дружба. Ну, любишь ты Хоботову,—Богъ съ тобой,—и люби, дѣлай ей хоть сегодня предложеніе, женись на ней; живите, какъ два голубка въ клѣткѣ,—я на васъ радоваться буду. Повѣрь, что не пойду противъ друга.

Онъ говорилъ такъ, зная отлично, что это невозможно и Лида никогда не пойдетъ за Лѣсникова, такъ какъ она любитъ не его.

А все-таки сказать *такъ* доставляло ему извѣстное удовольствіе.

— Не пойдешь?—съ внезапной страстью переспросилъ Лѣсниковъ, хватая его за руку.—Не пойдешь? Поклянись, Андрей, что не пойдешь.

— Мелодрама... что за пустяки! Сказалъ: не пойду,—ну, и вѣрь.

— А будешь ты помогать мнѣ?

— Какъ такъ помогать? Да что съ тобой, право! Взъерошенный какой-то, точно полуумный... Жениться, что ли, задумалъ?

— Задумалъ,—глухо отвѣчалъ онъ.

— Вотъ что! Ну, и ты хочешь, чтобы я тебя высваталъ за Лиду?—расхохотался онъ.—Ну, братецъ, извини; я — не сватъ. Самъ завариваешь кашу—самъ и расхлебывай. Мѣшать не буду, но и помогать тоже. Какъ хочешь, такъ и дѣлай.

Онъ взволнованно ходилъ по комнатѣ. Вѣсть, что Лѣсниковъ любитъ Хоботову и хочетъ на ней жениться, непріятно поразила его, хотя самъ ни одной минуты онъ не питалъ относительно ея подобныхъ намѣреній.

— Андрей, объ одномъ прошу тебя,—тихо заговорилъ тотъ, не поднимая глазъ.—Сдѣлай это для меня ради дружбы.

— Да что?—нетерпѣливо повернулся Андрей Васильевичъ.

— Поѣзжай къ ней сегодня же непремѣнно. Будь съ ней холоденъ, будь насмѣшливъ, какъ ты умѣешь быть, когда захочешь. Не давай ей надежды, ни тѣни надежды... Не играй ею... Куда поведетъ эта игра? Подумай... А я люблю ее, Андрей, и женюсь на ней, клянусь въ томъ жизнію, если ты только не помѣшаешь.

Онъ тяжело дышалъ, какъ будто прошелъ двадцать верстъ пѣшкомъ; такъ ему трудно было окончательно высказаться.

— Будь покоенъ,—*я* не сдѣлаю тебя несчастнымъ.

Онъ поѣхалъ къ Арбатовымъ, чтобы оттуда проѣхать къ Лидѣ. Какъ онъ будетъ вести себя съ нею—этого онъ и самъ не зналъ хорошенько. Зналъ только, что Лѣсникова ему жалко,

но Лиду уступить кому бы то ни было—немыслимо, невозможно. Любимая другимъ она стала ему дороже.

— Пойдемъ, пойдемъ, я проведу тебя къ Наташѣ, она на верху... сюрпризомъ,—говорила Варвара Григорьевна, радушно встрѣчая его.

— Признаюсь, что мнѣ не легко было рѣшиться на этотъ визитъ, но она того хотѣла: я не могъ отказать ей.

— Андрей, если гордость говоритъ въ тебѣ только, тогда, когда она, бѣдная, совсѣмъ измучилась...—пытливо взглянула она на него.

— Вы понимаете сами все, что̀ должно и можетъ говорить во мнѣ въ эту минуту.

Приходилось отвѣчать общими фразами, играть въ двусмысленность. Неловкость положенія, котораго такъ страшился онъ заранѣе, начинала уже сказываться.

На верху, въ своей комнатѣ, Наташа, казалось, вся была поглощена чтеніемъ какого-то романа. Но при болѣе внимательномъ взглядѣ на нее легко было угадать, что она была далека въ эту минуту отъ машинально читаемой книги, что ее наполняло теперь всю нѣчто иное, затаенное въ ней глубоко, и охватившее все ея существо.

Дѣйствительно, съ минуты на минуту она поджидала сегодня Андрея. Сердце ея трепетало попеременно и обливалось кровью при мысли объ этомъ свиданіи.

Она была увѣрена, что оно будетъ *послѣднимъ*. Завтра они выѣзжаютъ, и она чувствуетъ, что врядъ ли ей дотянуть до зимы; грудь начинаетъ болѣть все больше, и тяжелый, удушливый кашель не покидаетъ ее.

Варвара Григорьевна и Андрей Васильевичъ тихо вошли въ ея комнату.

Она залилась яркимъ румянцемъ и, выронивъ изъ рукъ книгу, порывисто вскочила съ своего покойнаго кресла.

Черезъ минуту всѣ трое сидѣли, пасмурные, безмолвные. Никто не находилъ словъ для разговора, никто, казалось, не рѣшался и пытаться выдти изъ слишкомъ ощущаемаго тягостнаго положенія.

Андрей Васильевичъ смотрѣлъ на Наташу сосредоточенно-грустнымъ взоромъ, но взоръ этотъ былъ не искренній, дѣланный.

«Поскорѣе бы кончилась эта пытка», думалъ онъ въ эту минуту: «поскорѣе проститься, уйти, Богъ съ нею»...

Но уйти было невозможно, не обмѣнявшись нѣсколькими словами. О чемъ говорить имъ послѣ того, что̀ было? Говорить

о постороннемъ, о пустякахъ,—по меньшей мѣрѣ пошло. Заговорить о томъ, что̀ дѣйствительно наполняло ихъ въ эту минуту,—тоже неудобно.

Да и такъ различно было у каждаго то, что волновало ихъ.

Наташа прервала томящее молчаніе.

— Я не была увѣрена, что вы пріѣдете,—начала она дрожащимъ голосомъ, какъ-то вскользь взглянувъ на него.

Онъ молчалъ по прежнему; онъ ждалъ, чтобы она еще говорила.

— Мы завтра уѣзжаемъ въ Италію,—продолжала она тѣмъ же неровнымъ, сбивающимся голосомъ.—Вы знаете?

— Мнѣ говорила объ этомъ Варвара Григорьевна. Я надѣюсь, что тамъ вы скоро возстановите свое здоровье.

Фраза такъ и звучала фразой. Онъ самъ почувствовалъ ея леденящую оффиціальность, ея неумѣстность. Не затѣмъ хотѣла она его видѣть, чтобы услыхать отъ него эту холодную фразу или подобную ей. Однако, что же? Не изливаться же ему *теперь* въ нѣжныхъ чувствахъ...

Она бросила на него бѣглый, проницательный взглядъ, и, казалось, поняла въ совершенствѣ ходъ его мыслей. Грустное облако осѣнило блѣдное, измученное личико, въ глазахъ зажглись огоньки и засверкали сдерживаемой слезой.

— Можетъ быть, и поправлюсь, а можетъ быть, и нѣтъ,—кто знаетъ? Вотъ поэтому-то,—заговорила она съ отчаянной рѣшимостью,—я и хотѣла еще разъ васъ видѣть... Вѣдь мы были друзьями,—не правда ли? Происшедшее недавно не должно въ конецъ разрушить этой дружбы. Да и зачѣмъ? Вѣдь я ошиблась въ васъ только въ *одномъ* отношеніи... ну, и довольно, будетъ объ этомъ... а въ остальномъ вы для меня тѣмъ же остались: старымъ, хорошимъ другомъ дѣтства.

Она задумалась. Видимо ей было тяжело.

— Какое горе васъ постигло, Андрей! Господи, какое горе! —какъ-бы вспомнила она и грустные, готовые плакать глаза заблестѣли воодушевленіемъ.—Я говорила мамѣ, что это *она* его убила,—не правда ли? О, какая ужасная женщина!

— Полно, полно, Ната, не суди такъ строго; не намъ судить,—вмѣшалась-было та.

— Нѣтъ, нѣтъ, мама,—упрямо замахала она руками,—*она* виновата, я знаю, я увѣрена въ этомъ. Несчастный, какъ жаль мнѣ его,—снова обратилась она къ нему,—да и васъ мнѣ жаль, Андрей.

Тотъ молча наклонилъ голову.

— Ха-ха-ха! — разсмѣялась-было она нервнымъ, болѣзненнымъ смѣхомъ, но кашель прервалъ ее и она судорожно схватилась за грудь руками, причемъ въ глазахъ опять горѣли слезы.

— Нѣтъ, ничего,—съ трудомъ перемоглась она наконецъ.— Мнѣ смѣшно смотрѣть на васъ, Андрей, ей-Богу смѣшно! Какъ это вы мнѣ сейчасъ почтительно наклонили свою голову... Точно онъ не у друга сидитъ, а на модномъ вечерѣ. Вы точно въ бронѣ какой... Это отъ меня-то, броню? Стыдно, Андрей, стыдно... Зачѣмъ весь этотъ холодъ, зачѣмъ? Кого вы имъ поразить хотите? Меня? такъ трудиться не стóитъ; вы видите,—я еле жива, я почти одной ногой уже въ могилѣ. Ну, зачѣмъ же быть такимъ злымъ, зачѣмъ вамъ покуражиться надо мной еще хочется? Молчите, молчите, — вѣдь такъ, именно. Вы думаете, я глупая, капризная дѣвочка, я ничего не вижу и не понимаю?.. Ну да, пожалуй, можетъ быть; пускай я такая *вообще*... но что до васъ касается, Андрей, о! то я отлично вижу, отлично понимаю. Хотите, я вамъ скажу то, что вы сейчасъ думаете, слушая мою болтовню,—хотите? Вы думаете, что напрасно пріѣхали, напрасно свеликодушничали; не стоило ставить себя въ такое глупое положеніе, именно — глупое: для васъ оно—глупое, а потому и смѣшное, каррикатурное, а хуже этого быть ничего не можетъ... вѣрно? Ну, вы и не можете простить теперь себѣ своего великодушія, — вы проклинаете его, это я знаю. Ну, Богъ съ вами, я не буду васъ мучить,—вѣдь я же не хочу мучить,—поймите вы это! Ступайте сейчасъ же, уѣзжайте, прощайте, Андрей, прощайте... я не хочу васъ удерживать; во мнѣ есть хоть жалость. Ну, поѣзжайте домой, куда хотите, поѣзжайте къ *ней*, къ Хоботовой!—почти прокричала она,—я не удерживаю васъ...

Опять глухой и сильный кашель прервалъ ея страстную рѣчь.

Варвара Григорьевна низко опустила сѣдую голову и, казалось, съ жаднымъ вниманіемъ прислушивалась къ внезапно прорвавшемуся крику наболѣвшей души.

Трудно было бы сказать, кто болѣе страдалъ въ эту минуту, мать или дочь.

Андрей Васильевичъ, грустный и молчаливый, какъ-бы рѣшившійся выдержать все до конца, не объясняясь и не оправдываясь, при послѣднихъ словахъ ея всталъ и взялся за шляпу.

— Прощайте,—рѣшительно протянула она ему руку.

Долгимъ прощальнымъ взоромъ она впилась въ дорогія ей черты. Она крѣпко держала его руку въ своей и не отпускала ее, не сводя въ то же время съ его лица своихъ бархатныхъ,

глубокихъ глазъ. Она любовалась имъ послѣдній разъ. Послѣдній разъ она какъ-бы пыталась заглянуть глазами въ его душу. Въ этомъ прощальномъ, безмолвномъ, почти умоляющемъ, взорѣ сосредоточилась вся ея жизнь, всѣ ея недавнія надежды и грезы о счастьи и всѣ настоящія муки.

Андрей Васильевичъ вышелъ изъ комнаты. Онъ чувствовалъ, что и съ нимъ творится что-то неладное: не то раскаяніе, не то состраданіе, но какое-то новое жгучее,—томящее чувство овладѣло имъ.

— Прощайте, Варвара Григорьевна,—и онъ особенно крѣпко поцѣловалъ ея руку, какъ будто хотѣлъ въ этомъ поцѣлуѣ вылить охватившее его чувство.

Варвара Григорьевна словно окаменѣла. Она машинально поцѣловала его въ лобъ, проводила до дверей и тихо, неспѣша, поднялась на верхъ, къ дочери.

— Мама, завтра же, непремѣнно, уѣдемъ отсюда, непремѣнно! — встрѣтила ее Наташа, съ мольбой протягивая къ ней руки.

Та не заставляла себя упрашивать. Надежды на иной исходъ не существовало болѣе. А давно ли еще она таилась въ глубинѣ ея сердца неясная, неопредѣленная, скрываемая отъ самой себя, но послѣдняя и безумная, какъ соломенка для утопающаго?..

XXXIII.

— Отдохнуть, освѣжиться надо: пойду къ ней.

И онъ отправился къ Хоботовой.

Голова его горѣла какъ въ огнѣ, новое чувство, внезапно охватившее его тамъ, около Наташи, не угомонилось еще, когда онъ входилъ въ ея гостиную. Состояніе духа было такое, что онъ инстинктивно жаждалъ въ эту минуту участія, любви и утѣшенія. Терпѣть было не подъ силу.

Отъ слова и до слова онъ передалъ Лидѣ весь предъидущій разговоръ съ Наташей.

— И, знаете, я не рисуюсь, — я дѣйствительно испыталъ тогда, да и теперь еще испытываю какой-то небывалый приливъ грусти... Нѣтъ, это даже не грусть, я не умѣю назвать этого чувства, но оно сильное и мучительное. Мнѣ жаль ее, мнѣ гадко за самого себя вмѣстѣ. Я многое бы отдалъ, чтобы сказать, что я не при чемъ въ этихъ мукахъ... Она вызывала меня посмотрѣть... Я смотрѣлъ; я увидалъ то, чего не видалъ прежде:

я увидалъ, что это не ребячество, не капризъ, какъ я думалъ раньше!.. Это—цѣлая драма! Но что же мнѣ прикажете дѣлать? Могу я помочь? Нѣтъ. Да и требуется ли тутъ моя помощь? Опять-таки нѣтъ. Значитъ, пассивнымъ остается быть... А все-таки скверно, тяжело!

— Говорите, говорите! —воскликнула Лида.—Разсказывайте о ней еще, подробнѣе, все, все! Я должна тоже выслушать, тутъ есть и моя доля. Вотъ вамъ тяжело, скверно; надо, чтобы мнѣ было еще тяжелѣе. Вы искупаете,—и я должна искупить.

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Искупить? Вамъ? Да развѣ грѣхъ есть на вашей душѣ? Простите, я, вижу, разстроилъ васъ *своими* исторіями.

— Онѣ настолько же и мои!—гордо взглянула она на него.

Онъ продолжалъ смотрѣть съ возрастающимъ недоумѣніемъ на ея взволнованное, озаренное внутреннимъ свѣтомъ лицо.

— Ну, что вы смотрите такъ на меня, чему вы удивляетесь! — воскликнула она рѣзкимъ, отчетливымъ голосомъ.—Помните, тогда еще—вы спрашивали меня: «что я для васъ, что?» Я не отвѣтила, потому что не могла. *Она* вошла... А теперь возьмите себѣ этотъ отвѣтъ, вотъ онъ: все вы для меня! —страстно проговорила она, сжавъ свои руки до того, что пальцы ея хрустнули.

Онъ обнялъ ее въ опьяненіи и почти поднялъ на рукахъ. Губы ихъ встрѣтились и слились въ долгомъ, безмолвномъ поцѣлуѣ...

За секунду передъ этимъ она говорила объ искупленіи. Развѣ броситься въ объятія любимаго человѣка, забывъ все на свѣтѣ, значитъ *искупить?*

Однако она бросилась уже потому, что дѣйствительно забыла все на свѣтѣ.

Она сидѣла съ нимъ рядомъ, тѣсно прижавшись къ нему. Оба были безмолвны. Словъ не хватало у обоихъ, чтобы выразить блаженство этихъ минутъ. Да и къ чему тутъ слова?

Въ залѣ послышались тяжелые мужскіе шаги. Андрей Васильевичъ поспѣшно вскочилъ.

Злымъ, ненавистнымъ взглядомъ готовился онъ встрѣтить всякаго, кто явится непрошенно въ ихъ укромный уголокъ, кто разрушитъ этотъ волшебный оковавшій ихъ сонъ.

Тихо и неспѣша, еле передвигая старыя ноги, нагнувъ плѣшивую голову, вошелъ Порфирій.

— Съ нарочнымъ прислали,—проговорилъ онъ, протягивая ему заклеенный конвертъ.

Быстро разорвавъ его, онъ увидалъ лоскутокъ бумажки, на которомъ и прочелъ эти нѣсколько словъ, написанныя нетвердой, взволнованной рукой: «Спѣши, не теряй ни минуты. Отецъ умираетъ. Лѣсниковъ».

Андрей Васильевичъ поблѣднѣлъ и рука его, держащая роковой листокъ, задрожала.

— Что это?—тревожно спросила его Лида.

— Отецъ умираетъ.

Онъ подалъ ей письмо.

Порфирій печально и многозначительно взглянулъ на обоихъ. «Все вижу и понимаю,—говорилъ его взглядъ:—но что же дѣлать? На все Его святая воля». Андрей поспѣшно уѣхалъ, блѣдный и разстроенный. Прощаясь съ Лидой, онъ крѣпко поцѣловалъ ея руку.

— Что́ бы ни случилось, ты будешь моею,—тихимъ шопотомъ проговорилъ онъ.

Она отвѣтила ему молчаливымъ пожатіемъ.

— Не весела ты, обстановка моего счастія: горе и смерть, — съ ужасомъ проговорила она, оставшись наединѣ съ собою и опускаясь на то же мѣсто, гдѣ за минуту передъ тѣмъ впервые испытала жгучія треволненія первой, беззавѣтной любви.

А теперь ей стало такъ тяжело, такъ безотчетно страшно, какъ будто черная громовая туча повисла надъ нею, и вотъ-вотъ разразится она въ свирѣпую бурю и разнесетъ и размечетъ эта буря ея мимолетное счастье.

Вдругъ она, какъ-бы внезапно вспомнивъ что-то, поспѣшно поднялась и, взявъ листъ почтовой бумаги, принялась писать быстро, не отрываясь. Это былъ отвѣтъ ея Лѣсникову.

«Добрѣйшій Сергѣй Михайловичъ,—писала она:—знаю, что отвѣтъ мой не дастъ вамъ радости; молю Бога о томъ лишь, чтобы не причинилъ онъ слишкомъ большого горя.

«Я думаю, что, зная меня короче другихъ, зная все то, что́ я пережила за послѣднее время—нѣдь отъ васъ-то я ничего не скрывала — вы могли бы, конечно, заранѣе угадать то, что́ я теперь вынуждена вамъ говорить сама, а именно: я не могу принять вашей любви, потому что люблю другого; — вы знаете кого. Напрасно вы силитесь видѣть въ этомъ моемъ чувствѣ, глубокомъ и искреннемъ,—капризъ, увлеченіе и тому подобное,— напрасно, наконецъ, старались вы поколебать мою вѣру въ Андрея. Я называю его теперь такъ, имѣя на то уже нравственное право: какъ онъ не чужой мнѣ, такъ и я ему не чужая.

«Не стану вдаваться въ подробности, да и не у мѣста онѣ

будутъ теперь. Скажу только одно: онъ любитъ меня,—и я буду принадлежать лишь ему. Вотъ святая правда, которою вы всегда такъ дорожили и такъ любили слышать отъ меня.

«Прибавлю къ этому, что, еслибъ хоть одну минуту мысль о возможности настоящаго исхода нашихъ хорошихъ, дружескихъ отношеній могла мнѣ придти въ голову, то я предпочла бы скорѣе потерять вашу дружбу, которая, говорю вамъ прямо, была для меня большимъ утѣшеніемъ, чѣмъ быть поставленной въ тяжелую необходимость отвѣчать такимъ образомъ вамъ... Грустно мнѣ, Сергѣй Михайловичъ, такъ грустно теперь, когда я должна быть безконечно счастлива... Грустно лишаться въ васъ добраго, истиннаго друга; я увѣрена въ томъ, что лишусь: человѣкъ останется всегда человѣкомъ, и оскорбленное, отвергнутое чувство долго, долго не угомонится. Грустно мнѣ, наконецъ, потому, что судьба точно проклятіе какое наложила на меня и мою любовь. Взгляните на окружающую ея обстановку. Съ одной стороны — горе, доводящее чуть не до могилы молодую, свѣжую натуру, — съ другой — тоже могила, могила отца моего Андрея. Я невольно содрогаюсь при мысли объ этихъ двухъ спутникахъ *моего* счастья. Господи, какъ мнѣ тяжело, если бы вы только это знали! И ужаснѣе всего то, что ясно, какъ дважды два, сама сознаешь и понимаешь, кто былъ причиной этого безконечнаго горя, кто поразилъ Наташу. Вѣдь я поразила ее, я!

«Точно мало было судьбѣ этихъ испытаній, она посылаетъ на меня еще другое,—это ваша любовь ко мнѣ, на которую я могу только отвѣтить такъ, какъ сейчасъ, т.-е. исповѣдью несчастной и въ счастьи своемъ женщины. Мало вамъ этого—знаю, но это—все, что́ я могу дать, какъ вѣрно преданный другъ, какимъ и хочу остаться. Странное чувство наполняетъ меня въ эту минуту: сама не знаешь, плакать или радоваться.—*Л. Х.*»

XXXIV.

Черезъ четыре дня хоронили Василія Александровича Барханова.

Похороны были пышные. Длинная вереница экипажей провожала печальный катафалкъ. Смерть стараго сановника не могла пройти незамѣченной; — она произошла при слишкомъ исключительныхъ условіяхъ.

Предположеніямъ, сплетнямъ и догадкамъ, какъ и за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, предъ его неожиданной свадь-

бой,—не было конца. И опять, какъ тогда, героинею исторій съ не менѣе чудовищными варіаціями—была Татьяна Павловна, но уже не ничтожная «секретарша», а молодая вдова, съ громкой фамиліей и большимъ состояніемъ.

Большой кругъ знакомства покойнаго былъ нѣкоторое время весь поглощенъ разыгравшеюся на его глазахъ печальною драмой. Что эта была драма, страшная, закулисная драма,—сомнѣнія для него не было. Сбылись неясныя предсказанія и мрачныя пророчества многихъ. Развѣ эти прозорливые люди не возставали противъ брака его съ Бѣлобрисовой, развѣ не предвѣщали они въ будущемъ изъ такого невозможнаго mésaillance неминуемаго несчастія?

И вотъ, будущее не заставило себя долго ждать. Оно разразилось надъ его головою чуть не на другой день послѣ его неразумнаго шага. И въ какой страшной, потрясающей формѣ оно разразилось надъ нимъ!

Съ жаднымъ интересомъ, смѣшаннымъ съ злобой и ужасомъ, почти не скрывая ни того, ни другого, смотрѣлъ на Татьяну Павловну съѣхавшійся на похороны людъ. Рѣдко кто былъ знакомъ съ нею, а всѣ видѣли въ ней давно извѣстнаго человѣка, уже осужденнаго безпощаднымъ приговоромъ. Приговоръ этотъ, сдѣланный тоже заочно, заранѣе, по имѣющимся на лицо фактамъ и доказательствамъ, оказывался въ данную минуту вполнѣ заслуженнымъ и справедливымъ, если еще не снисходительнымъ.

Она бодро шла за гробомъ мужа, въ глубокомъ траурѣ, опираясь на руку Лѣсникова. Черное суконное платье, плотно облегавшее ее, обрисовывало ея роскошный бюстъ и сложеніе. Это была и теперь замѣчательная красота, хотя мраморная блѣдность покрывала ея лицо и на немъ виднѣлись ясные слѣды нравственнаго изнеможенія, слезъ и безсонныхъ ночей.

Лѣсниковъ, ведшій ее подъ руку, глядѣлъ какимъ-то выходцемъ съ того свѣта: такъ онъ осунулся, сгорбился и поблѣднѣлъ. Одни лишь глаза его, впалые и безпокойно блестящіе, говорили о неудержимо кипѣвшей внутри его жизни.

Позади ихъ обоихъ, въ одиночку, шелъ Андрей Васильевичъ. Обычное спокойствіе, казалось, не покидало его. Взглядъ былъ такъ же ясенъ и самоувѣренъ, какъ всегда. На лицѣ лежала тѣнь сосредоточенной грусти.

— Вы видѣли,—обратился одинъ генералъ къ другому, сынъ не хочетъ идти рядомъ съ мачихой...

— Тактика, ваше пр-ство, тактика. Оно умно, признаться: надо глаза отвесть.

— Однако они сильно не ладятъ, я слышалъ,—искренно удивился первый генералъ.

— А вы слухамъ не вѣрьте...

Двѣ кареты отъѣхали въ сторону изъ общаго ранжиру и остановились. Дверца одной изъ нихъ растворилась и двое молодыхъ людей поспѣшно выскочили оттуда. Изъ другой они высадили двухъ недурненькихъ, но видимо уже не первой молодости, барынь.

— Чтожъ, господа, пойдемъ за гробомъ: интересно.

— Еще бы не интересно; говорятъ, она красавица,—вставилъ франтъ со стекляшкомъ въ глазу.

— А вотъ вы влюбитесь,—кокетливо замѣтила ему одна изъ дамъ.

— Непремѣнно, да оно и кстати: вдова и отличное состояніе.

— И ангельскій характеръ, который при помощи какихъ-нибудь порошковъ, чуть что,—не задумается пріобщить васъ къ лику святыхъ.

— Ну, это еще посмотримъ. Однако, allons.

И группа смѣшалась съ толпой, идущей за гробомъ.

— А вѣдь хороша, что и говорить, charmante!

Дамы безцеремонно лорнировали ея спину.

— Авантюристка, фи!—брезгливо отвернулась одна.

— Не слишкомъ ли милостиво,—«авантюристка». C'est un monstre,—перебила тихо другая.—Помилуйте, довести своего мужа до сумасшествія,—это ужасно!—и негодующая дама сильно оперлась на руку своего кавалера, франта въ моноклѣ.

— Paul, пріѣзжай сегодня вечеромъ;—мужа не будетъ,—шепнула она ему, тѣсно прижимаясь къ нему.

— Не могу, Nadine, право не могу; сегодня я занятъ,—нужно непремѣнно.

— Противный! Такъ вы не увидите меня двѣ недѣли, — и она бросила его руку, продолжая кокетливо лорнировать по бокамъ.

Павла Аѳанасьевича не было видно въ числѣ лицъ, слѣдовавшихъ за катафалкомъ. Онъ остался въ своей наемной каретѣ, не желая «соваться на глаза». Послѣ недавней сцены съ дочерью, сцены, отъ которой у старика просто руки опустились, онъ не заходилъ ни разу провѣдать ее и справиться о здоровьи больного.

Смерть Василія Александровича непріятно поразила его. Онъ смутно чувствовалъ, что теперь все пойдетъ иначе, все приметъ иной характеръ. Дочь ускользала изъ его рукъ, вдругъ, ни съ

того, ни съ сего, безъ всякой видимой причины; она отмахивается упрямо и даже злобно ото всего, что̀ насаждалъ онъ въ ней съ такимъ неустаннымъ стараніемъ въ продолженіи долгихъ и тяжелыхъ лѣтъ. И когда же? Когда счастье дается въ руки само, когда наступаетъ истинная минута торжества, когда нужно пользоваться ею и наслаждаться жизнію.

Теперь-то онъ, старый отецъ, и необходимъ ей со своими совѣтами, со своимъ «опытнымъ» взглядомъ на жизнь,—а она отрекается отъ него, она знать его не хочетъ, она винитъ его въ чемъ-то... Она—винить! При всемъ своемъ стараніи понять свою вину относительно дочери, разобрать все то, что̀ съ ней дѣлается — Павелъ Аѳанасьевичъ не могъ. «Испортили ее у меня, испортили», повторялъ онъ, глотая горькія слезы обиды и разочарованія.

Ко всему этому примѣшивалась тоска по неоставленному духовному завѣщанію и смутное опасеніе за свое собственное благоденствіе.

Послѣ погребенія, однако, онъ рѣшился проѣхать къ ней.

— Нельзя же такъ совсѣмъ бросить,—разсуждалъ онъ самъ съ собою,—ну повздорили, наговорили другъ другу лишняго вздору,—съ кѣмъ грѣха не бываетъ, а все-таки она моя, родная,—да!

Татьяна Павловна возвращалась назадъ все съ тѣмъ же Лѣсниковымъ. Андрей Васильевичъ видимо избѣгалъ ихъ обоихъ и старался остаться наединѣ. Первую онъ ненавидѣлъ, не отдавая даже себѣ хорошенько отчета—почему, ненавидѣлъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ удалился отъ нея послѣ ея гордаго, рѣшительнаго «нѣтъ» и возненавидѣлъ еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась женою его отца. Второй—онъ чувствовалъ это—ненавидитъ его теперь всѣми силами своей души.

Татьяна Павловна сидѣла въ каретѣ молчаливая, вся поглощенная своими мыслями. Лѣсниковъ тоже былъ угрюмъ и безмолвенъ. Казалось, они оба не замѣчали другъ друга. Наконецъ, взоры ихъ встрѣтились случайно и удивленіе изобразилось на ихъ лицахъ. «Ему-то что̀ убиваться, на немъ лица нѣтъ», говорилъ, казалось, удивленный взглядъ молодой женщины. «Неужели она такъ ловко играетъ?» вопрошали въ свою очередь глаза Лѣсникова. Оба поспѣшно опустили глаза, какъ-бы желая скрыть слишкомъ ясно сказавшіяся въ нихъ мысли.

— Вотъ вы и вдова,—проговорилъ онъ, чтобы сказать только что-нибудь.

— Вдова,—машинально повторила она за нимъ.

— Но впереди васъ ждетъ еще много; вы полюбите, будете счастливы.

— Что? встрепенулась она.

— Я говорю, что вся жизнь еще ваша впереди. Она раскроетъ вамъ свои объятія, она дастъ вамъ и упоеній, и счастья... все будетъ,—въ раздумьи проговорилъ онъ,—все еще будетъ. А вотъ я,—дѣло другое,—внезапно прорвался онъ, я—отпѣтый, лишній, ненужный, я только мѣсто напрасно занимаю. Что *меня* ждетъ впереди, что? Рядъ однообразныхъ, тоскливыхъ, до одуренія, дней...

— Что вы такое говорите? И съ чего это вамъ пришло въ голову предсказывать мнѣ «упоенія», которыхъ я не узнаю и знать не хочу, а себѣ пѣть похоронную пѣснь?

Она вопросительно взглянула на него.

— Съ чего? съ чего? А съ того, что это такъ, что это будетъ.

Онъ чувствовалъ необъяснимую потребность излиться передъ кѣмъ бы то ни было.

— Неужели вы думаете, что я счастливъ?—началъ онъ взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ.—Неужели вы думаете, что я ликую, что для меня жизнь—веселый праздникъ?.. О, она мачиха для меня, жизнь, и злая, ненавидящая мачиха! Право, мнѣ самому смѣшно говорить такія слова, такъ безпощадно костить свою жизнь; вѣдь вы вотъ сейчасъ же можете спросить меня: зачѣмъ я живу, зачѣмъ я вожусь съ этой мачихой, если она такая ненавистная? Долго ли отдѣлаться? сейчасъ живъ, чувствую за троихъ, страдаю, быть можетъ, за десятерыхъ, мучусь, —но минута, и всему конецъ,—какъ не бывало, какъ рукой сняло. Полное, блаженное, невозмутимое спокойствіе... Вотъ именно сейчасъ-то и можете вы меня это спросить... Смѣшно вѣдь? Что я вамъ отвѣчу? Трушу? Оно, пожалуй, и такъ... Это чушь все говорятъ поэты, что будто бы невѣдомое манитъ; невѣдомое страшитъ, а не только манитъ; въ противномъ случаѣ всѣ бы себѣ глотки порѣзали,—вотъ что. Ну, да и ждешь чего-то, надѣешься; глупо ждешь, когда знаешь, что ничего не дождешься,—закончилъ онъ невольное излiяніе.

Карета остановилась у подъѣзда.

— Зайдете?—спросила она его.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы видите, что роль утѣшителя мнѣ не къ лицу,—поспѣшно проговорилъ онъ и раскланялся.

— Хандритъ,—порѣшила она.

Теперь, наконецъ, она останется наединѣ съ собой, съ своими тяжкими, мучительными мыслями. Настала минута рѣши-

тельная, роковая. Связь съ прошлымъ порвана безвозвратно. Сильный, слишкомъ сильный толчокъ заставилъ ее оглянуться назадъ, на это столь недавнее еще прошлое,—и она задумалась надъ нимъ такъ, какъ никогда еще не приходилось задумываться въ жизни.

Итогъ подведенъ; оно безобразно, отвратительно, это прошлое. Она сознала это ясно, сознала послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безсознательной жизни.

Принципы, воспитавшіе и руководившіе ею доселѣ, были не только ложны сами по себѣ, но и преступны. Конечно, она не замѣчала этого раньше, она не находила нужнымъ подвергнуть ихъ строгой критической оцѣнкѣ, — да и могла ли она сдѣлать эту оцѣнку, когда съ ранняго дѣтства, страстному, впечатлительному ребенку эти принципы были привиты заботливой рукой?

XXXV.

Не суждено ей было въ этотъ день, разбитой и измученной, остаться наединѣ съ своимъ новымъ раздумьемъ. Въ гостиной ожидалъ ее Павелъ Аѳанасьевичъ.

При видѣ его, она остановилась на минуту непріятно пораженная этой встрѣчей; онъ болѣе другихъ былъ теперь лишнимъ. Однако, вспомнивъ тяжелую сцену нѣсколько дней тому назадъ, разыгравшуюся между ними въ этой комнатѣ, она подавила мгновенно вспыхнувшее въ себѣ чувство гадливости,—и ласково, какъ ни въ чемъ ни бывало, протянула ему руку.

— Здравствуйте, папаша. Что васъ не видно было на похоронахъ?—принудила она себя заговорить съ нимъ.

— Здравствуй... Гдѣ я былъ? Да въ каретѣ сидѣлъ, чего глаза-то другимъ мозолить? И безъ меня интереснаго не мало было; сужу по отрывкамъ слышанныхъ разговоровъ. Ишь ты, и до меня доходили... что значитъ тамъ-то, на юру творилось!

— Что же творилось?—удивленно спросила она.

— Гм, что творилось... Всѣ какъ есть объ одномъ говорили.

— О чемъ же это, скажите, всѣ говорили? — насмѣшливо замѣтила она.

Она предугадывала его отвѣтъ, даже болѣе,—была увѣрена въ немъ,—и это начинало уже не на шутку раздражать и мучить ее.

— Будто и не знаетъ. О томъ, дочь моя разлюбезная, говорилъ весь этотъ аристократическій сбродъ, что съѣхался отдать

послѣднюю честь твоему супругу,—о томъ, что покойника жена его, лиходѣйка, съ ума свела напредки, опоила или околдовала чѣмъ, а потомъ, въ угоду себѣ и любовнику, уморила.

Проговоривъ это, онъ прямо и пристально уставился на нее своими маленькими, заплывшими глазами, какъ-бы желая прочесть въ эту минуту все, что почувствуетъ она отъ этихъ рѣзкихъ, слишкомъ безжалостныхъ словъ, кинутыхъ ей въ лицо съ такой безпощадной рѣшимостью.

— Знаю, знаю,—безсильно замахала она руками, словно отстраняясь отъ страшныхъ, но уже знакомыхъ ей видѣній.— Все это знаю, давно знаю!

Лицо ея приняло выраженіе невыносимой муки и глаза засверкали безпокойнымъ, тревожнымъ огнемъ.

— Ну, и отлично, коли знаешь. Значитъ, знаешь, что тебѣ и дѣлать, какъ тебѣ жить остается. Палачи они наши, Таня,— заговорилъ онъ вдругъ тихимъ убѣжденнымъ голосомъ.—Палачами и были, палачами останутся. Ну, хоть теперь,—сама подумай,— какую на тебя штуку возводятъ, какую? Вѣдь знаешь, тутъ на волосокъ отъ уголовнаго... И все изъ зависти, Таня, изъ ядовитой своей злобы. Ну, что ты имъ сдѣлала? Обидѣла кого, что ли? Да ты изъ нихъ многихъ и знать-то не знала, въ лица безстыжія ихъ не видала. Палачи, палачи!.. А этотъ-то, родной, пасынокъ-то, хорошъ! Онъ первый твой мучитель и есть,— вѣрно! Что-жъ тебѣ теперь, оскорбленной, поруганной ими, остается дѣлать? Покорствовать, что ли, смириться передъ ними! Ну, нѣтъ! Пусть, подлые, надъ другими куражатся, не надъ нами,—шалишь! Теперь-то имъ форсу и показать, да такого форсу, чтобы головы ихъ закружились, чтобы тошно имъ было. Тебѣ что-жъ! Богатство, красота—все на лицо. Ну, и не робѣй, не малодушничай... Изъ головы нейдетъ у меня вотъ эта самая прошлая тутъ сцена! Какія слова ты говорила, Господи Всемогущій! Вѣдь мучился я за тебя тогда, сердце такъ огнемъ и горѣло, голова ходуномъ пошла... Что это, думаю, дочь ли моя, Таня ли моя, въ которую я жизнь свою положилъ, аль кто иной говоритъ-то? Иной вѣдь, иной? Вѣдь это не ты была тогда, нѣтъ? Это дьяволъ тебя на ту пору попуталъ... Ты у меня умная, гордая,—ты ругаться надъ собой не позволишь, попирать и топтать себя не допустишь. Знаешь, тогда, трусливую, малодушную,—я ненавидѣлъ тебя. Нѣтъ, Танюша моя, ты не слезливая бабенка; у тебя и гордость, и характеръ есть? Ну, и покажи ты теперь себя. Уничтожай, съ грязью смывай своихъ палачей,—ужъ это не месть, а справедливая кара, возмездіе. И Богъ караетъ, и люди караютъ!

Она молча выслушала это страстное изліяніе. Ни одна жилка не дрогнула на ея лицѣ. Она сидѣла неподвижная, окаменѣлая, какъ-бы глухая и безчувственная ко всему, что дѣлается вокругъ нея.

— Да что ты, точно не слышишь,—сказалъ наконецъ Павелъ Аѳанасьевичъ, озадаченный ея страннымъ безмолвіемъ и неподвижностію.

— А? что?—какъ-бы проснулась она, вопросительно взглянувъ на него.—Вы мнѣ что-то говорили?

Старика уже окончательно передернуло. Да и было отъ чего. Она даже не слыхала того, что такъ убѣжденно говорилъ онъ ей за секунду. Она витала гдѣ-то со своими мыслями,—и проповѣдь его, которая, какъ онъ былъ увѣренъ, произведетъ на нее желанное дѣйствіе, вдохнувъ энергію и рѣшимость, была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

— Виновата, папаша, я думала совсѣмъ о другомъ.

Онъ смотрѣлъ на нее укоризненно-безнадежно.

— До чего же ты додумалась?—съ оттѣнкой грустной иронія спросилъ онъ.

— Да, я додумалась, — наконецъ-то! Господи, благодарю Тебя, что Ты осѣнилъ меня!—восторженно заключила она, поднимая къ небу глаза, полные слезъ.

На этотъ разъ Павелъ Аѳанасьевичъ такъ-таки и не узналъ, до чего она «додумалась».

Онъ вышелъ отъ нея словно пьяный: дочь его *погибала*, а съ ней вмѣстѣ и всѣ надежды его разлетались какъ дымъ.

Весь этотъ вечеръ, послѣ похоронъ отца, Андрей Васильевичъ просидѣлъ у Лиды.

Его тянуло туда сильно и настойчиво. Онъ ясно понялъ, что потерялъ въ Лѣсниковѣ стараго, преданнаго друга, даже болѣе: — пріобрѣлъ въ немъ открытаго врага, съ той самой минуты, какъ первое признаніе сорвалось съ устъ Лиды. Лѣсниковъ и не старался скрыть своего новаго къ нему чувства.

Предъ неостывшимъ еще трупомъ умершаго отца, онъ бросилъ ему слѣдующія слова, полныя непримиримой и глубокой ненависти: «я все знаю; вотъ письмо отъ нея... Безсердечный человѣкъ! я убилъ бы тебя собственными руками, если бы твоя смерть не была бы смертью и для нея».

— Ты просто становишься и глупъ и смѣшонъ,—отвѣтилъ онъ съ пренебреженіемъ.

Объясниться съ нимъ подробнѣе, сказать, что не онъ, а она сама сдѣлала первый, рѣшительный шагъ, что онъ остался бы

вѣренъ себѣ и данному слову, если бы не случай, не сама судьба, противъ которой онъ не хотѣлъ, да и не могъ бы бороться,— Андрей Васильевичъ не нашелъ послѣ этого нужнымъ.

Въ глубинѣ души онъ не чувствовалъ себя виноватымъ передъ нимъ. «Сегодня друзья, завтра враги, въ жизни все такъ», порѣшилъ онъ съ философскимъ спокойствіемъ относительно происшедшаго разрыва. Въ другое время, онъ не отнесся бы такъ хладнокровно къ потерѣ столь давнишняго и испытаннаго друга, какимъ былъ для него Серёжа Лѣсниковъ. Но эти дни, все послѣднее время, онъ жилъ въ какомъ-то чаду, угарѣ. Судьба не щадила его;—она посылала одно за другимъ, тяжелыя, серьёзныя испытанія, передъ которыми утрата друга переходила на второй планъ.

Единственно свѣтлое облачко въ эту ненастную пору явилось для него въ лицѣ Лиды. Онъ не задавалъ себѣ вопросовъ о свойствѣ и прочности своего къ ней чувства,—о томъ, куда поведетъ ихъ обоихъ эта любовь, что̀ выйдетъ изъ нея въ конечномъ результатѣ, для Лиды по крайней мѣрѣ. Хотѣлось жить, насладиться до опьяненія; было не до разсужденій.

— Милый,—говорила она ему,—обвивая его шею руками: —хорошій мой, дорогой!

И въ этомъ безсвязномъ лепетѣ слышалась ему цѣлая музыка страсти, грезился цѣлый міръ наслажденій; но мысль о возможности назвать ее своею женою не приходила ему даже въ голову.

Дня черезъ два онъ пріѣхалъ къ ней съ утра. День былъ праздничный, свѣтлый, хорошій. Лида выпорхнула къ нему, сіяя красотой и невыразимымъ счастьемъ.

За послѣднее время, казалось, она еще болѣе похорошѣла; какой-то внутренній свѣтъ озарялъ ея искрившіеся глаза и безъ того уже яркую красоту.

Она жила лишь своимъ счастьемъ, забывъ на это время все, не имѣющее съ нимъ близкаго соприкосновенія; только порою тоскливо-грустно мысль ея улетала далеко, за предѣлы родины, туда, гдѣ были отецъ и братъ... Но радостное чувство, овладѣвшее ею, было слишкомъ сильно, чтобы позволить этимъ непрошеннымъ минутамъ навѣщать ее часто и надолго; оно снова завладѣло ею, опьяняло ее и уносило въ близкій, дѣйствительный мірокъ ея собственной жизни и ощущеній, мірокъ, который не промѣняла бы она на весь міръ.

Отъ брата письма еще не было; старикъ же писалъ уже ей нѣсколько разъ длинныя, полныя безграничнаго обожанія письма,

въ которыхъ говорилось только о ней, о ея жизни, о волновавшихъ ее интересахъ; а такъ какъ за послѣднее время всѣ интересы ея исключительно сосредоточились на одномъ, на ея любви къ Андрею, то этому вопросу удѣлялось Петромъ Герасимовичемъ не малое мѣсто.

Онъ просилъ ее быть осторожной, не довѣрять, бояться его, онъ высказывалъ ей свои неизмѣнныя опасенія и тяжелыя предчувствія. Но не въ такомъ она была теперь состояніи, чтобы придавать имъ цѣну; они огорчали ее сильно, обижали до глубины души за любимаго человѣка,—но и только. Она рѣшилась не волновать уже безъ того разстроеннаго отца, и въ своихъ отвѣтахъ къ нему перестала быть искренней; она почти не упоминала ему объ Андреѣ, а если и говорила, то вскользь, урывками.

Неожиданная смерть Василія Александровича до нѣкоторой степени какъ-бы развязала ея руки. «По крайней мѣрѣ», думала она, «отецъ пойметъ, что Андрей дѣйствительно не можетъ же жениться на мнѣ сейчасъ послѣ смерти отца,— и поэтому онъ успокоится на нѣкоторое время».

А пока и этого было достаточно: минута, часъ были для нея—цѣлая вѣчность. А тамъ, пусть будетъ что будетъ, но она останется вѣрна себѣ и своему чувству. Развѣ она любитъ его потому, что разсчитываетъ выдти за него замужъ, сдѣлать блестящую партію? Потому-то она и не думаетъ и не помышляетъ объ этомъ, что любитъ искренно и горячо. Разъ она любима тоже, такъ ей ничего болѣе и не нужно. А какъ долго протянется его любовь къ ней,—вопросъ этотъ не представлялся даже ея уму: точно дѣйствительно онъ былъ лишнимъ.

Итакъ, Андрей Васильевичъ, какъ мы уже сказали, пріѣхалъ къ ней съ утра.

— А у меня до тебя просьба маленькая,—ласково заговорилъ онъ, нѣжно цѣлуя ея руки.—Скажи, что исполнишь.

— Просьба? Это новость. Это твоя первая просьба, могу ли я отказать въ ней... Ну, конечно, исполню,—окинула она его ласкающимъ взглядомъ.

— Мегсі, дорогая. Вотъ въ чемъ дѣло. Я хочу, понимаешь ли, весь этотъ день до поздняго вечера провести съ тобою вдвоемъ, —говорилъ онъ.

— Отлично, отлично, ты останешься у меня! — захлопала она въ ладоши.—Только вотъ Порфирій, право, я боюсь, чтобъ онъ чего не замѣтилъ, какъ-то не ловко, знаешь,—раздумчиво проговорила она.

— Ну вотъ, то-то же. Сама договорилась. Здѣсь мы стѣснены лавеемъ, Богъ знаетъ кѣмъ еще, Лида; здѣсь мы не принадлежимъ себѣ, мы точно актеры подъ-часъ... Мы точно дѣти, Лида. Мы всего боимся; это оскорбительно, это унижаетъ нашу любовь. А все отчего? Оттого, что я не имѣю права и возможности, спустя двое сутокъ послѣ смерти отца, сдѣлать твоему батюшкѣ оффиціальное письменное предложеніе. Глупо это, голубчикъ, возмутительно! Вѣдь ты любишь меня и *такъ*, подчеркнулъ онъ,—безъ громкаго титула жениха? Любишь вѣдь, хорошая моя? Значитъ, мы-то хоть будемъ другъ съ другомъ sans façons. Чего намъ-то стѣсняться? Ну вотъ, и придумалъ я сегодня увезти тебя на цѣлый день. Погода хорошая, хоть еще и не лѣто;—поѣдемъ кататься, на дачу ко мнѣ поѣдемъ, тамъ ждетъ насъ обѣдъ, ужинъ, что хочешь. Все приготовлено, все устроилъ заранѣе. Ну, однимъ словомъ, хочешь ты отдать весь этотъ день мнѣ, мнѣ одному?

— Хочу-ли? Да я всю жизнь свою отдамъ тебѣ.

Этого, быть можетъ, и не хотѣлъ и не требовалъ теперь онъ отъ нея; ему прежде всего былъ нуженъ сегодняшній день.

И она отдала его ему . . . . . .

Старый Порфирій былъ самъ не свой, тщетно ожидая ее до трехъ часовъ по-полуночи.

XXXVI.

Наступилъ іюль мѣсяцъ.

Необычное возбужденіе царило въ Петербургѣ, несмотря на лѣтнюю пору. Столица волновалась; шумѣла, ликовала, торжествуя первый актъ кровавой міровой драмы, съ блестящимъ успѣхомъ разыгранной на Дунаѣ.

Гвардіи объявленъ походъ. Всѣ части ея, за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ, выступаютъ на Дунай.

Второй актъ обѣщаетъ бѣшеную борьбу не на животъ, а на смерть.

Вотъ почему волновалась, шумѣла и ликовала столица, вотъ почему отпечатокъ торжества и гордой рѣшимости лежалъ на возбужденныхъ лицахъ солдатъ и офицеровъ, и невольно сообщался всякому, который находился почему-либо среди этого прощальнаго пира.

Женщины не отставали отъ мужчинъ.

Молодая дѣвушка, почти ребенокъ, воспитанная въ нѣгѣ и

холѣ, — впервые чувствуетъ, что и ея слабое сердце умѣетъ биться горячо и сильно, умѣетъ откликнуться на общее колоссальное дѣло такъ же, какъ откликнулось на него грубое мужицкое сердце. И вотъ покидаетъ она все, что тѣшило ея жизнь, отрѣшается отъ себя самой, и стремится, слабая, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильная, туда, гдѣ проливается солдатская кровь, гдѣ бѣшенымъ ревомъ орудій заглушаются стоны и вопли умирающихъ. Десятки женщинъ стремятся туда же, за ними еще и еще...

Одной изъ нихъ была Татьяна Павловна Барханова. Незамѣтно, безъ толковъ, чествованій, овацій, съ краснымъ крестомъ на груди, она покинула Петербургъ и отправилась въ армію. Вѣсть о неожиданномъ отъѣздѣ не замедлила однакожъ быстро пронестись въ кругу людей, знающихъ ея по толкамъ, по собственнымъ умозаключеніямъ, и которые произнесли надъ ней такъ недавно свой безпощадный жестокій приговоръ. Поступокъ ея ошеломилъ ихъ.

Большинство задумалось надъ нимъ, задумалось надъ своимъ приговоромъ. Меньшинство, не долго думая, признало несправедливость своихъ выводовъ относительно ея,—и, какъ-бы желая изгладить тѣмъ роковую ошибку, принялось трубить и кричать о ней, какъ о самоотверженной женщинѣ, достойной всякаго поклоненія и удивленія. Только двое взглянули на дѣло совершенно иначе; это были отецъ и пасынокъ.

Оба до конца остались вѣрны своимъ хищнымъ принципамъ, непризнающимъ и упрямо отрицающимъ все выходящее изъ рамки холоднаго эгоизма и тщеславія. Одинъ ненавидѣлъ другого, другой презиралъ его,—а въ сущности въ ихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ была нѣкоторая солидарность.

Конечно, ни тотъ, ни другой не замѣчали этого и не могли придти къ такому оскорбительному сознанію.

«Она поѣхала просто за-просто за своимъ любовникомъ,—нечего сказать, подвигъ», злобно размышлялъ Андрей Васильевичъ, услыхавъ нечаянно восторженные отзывы о ней. И ничто не было бы въ состояніи разубѣдить его въ этомъ.

А Павелъ Аѳанасьевичъ совсѣмъ голову потерялъ. Первые дни, заперевшись у себя на квартирѣ, онъ не показывался даже на улицу и плакалъ, какъ будто онъ только-что схоронилъ любимую дочь. Для него она умерла дѣйствительно. Онъ пересталъ понимать ее, также какъ и она незадолго передъ этимъ перестала его понимать. Значитъ, они не существуютъ болѣе другъ для друга, и онъ оплакивалъ горько и искренно свою потерю.

Потомъ наступилъ періодъ безшабашія и забвенія; то и дру-

гое обильно почерпалось въ винѣ. Онъ не выходилъ иногда по цѣлымъ суткамъ изъ сосѣдняго трактира.

Когда безобразія его переходили мѣру, его выводили, или, вѣрнѣе сказать, выносили на рукахъ. Крѣпко схваченный сильными руками, сознавая свое безсиліе, онъ переставалъ кричать и безобразничать, и заливался обильными, пьяными слезами.

— Всѣ меня обижаютъ,—всхлипывалъ онъ какъ ребенокъ, —я... старикъ... за что, за что! Одно утѣшеніе было, дочь была, ангелъ небесный, и ту отняли злые люди, испортили, окаянные!

Но драбантамъ его не было дѣла до «испорченной дочери», и они безцеремонно волокли его на свѣжій воздухъ...

XXXVII.

Андрей Васильевичъ былъ наканунѣ рѣшительнаго шага. Вышло это, какъ-то естественно, само по себѣ.

Арбатова съ Наташей уѣхала въ Италію;—въ то же время завязался романъ его съ Лидой. Болѣе двухъ мѣсяцевъ эти новыя отношенія, эта беззавѣтная и безграничная любовь къ нему доставляла ему истинное, минутами жгучее, наслажденіе. Да и самолюбіе его торжествовало. Хоботова была слишкомъ хороша собой, слишкомъ привлекала на себя вниманіе, чтобы ихъ связь могла остаться въ тайнѣ между ними. О ней заговорили громко и не стѣсняясь. Ему искренно завидовали, многіе искренно ненавидѣли.

Но всему бываетъ свой конецъ, а потому толки, сплетни, восхищеніе, ненависть,—все это прекратилось, утихло по прошествіи двухъ, трехъ мѣсяцевъ. Скандалъ потерялъ уже свою пикантность, утративъ прелесть новизны. Самое чувство, испытываемое имъ къ Лидѣ, тоже измѣнялось, хотя тихо и постепенно, въ силу отсутствія той же новизны.

Мало по-малу, принимая все болѣе будничный обыкновенный характеръ, оно утратило тѣ неуловимые часто, но ясно ощущаемые оттѣнки, которые и составляютъ суть искреннихъ, сердечныхъ увлеченій, заставляютъ наравнѣ мучиться и наслаждаться, плакать и радоваться. Однимъ словомъ, онъ остылъ.

Злобное, недовольное чувство на самого себя овладѣвало имъ часто, при воспоминаніи о томъ, что упустилъ онъ Наташу, не сдѣлалъ блестящей партіи, единственно ради этой женщины, которую тогда онъ жаждалъ какъ безумецъ, а теперь знаетъ слишкомъ хорошо, а потому и тяготится ею.

Варвара Григорьевна писала ему изъ Милана, передавала поклонъ отъ Наташи. Онъ придрался къ случаю и послалъ обѣимъ по длинному письму, исполненному глубокой, сдержанной грусти. Онъ подробно говорилъ въ нихъ о послѣднихъ событіяхъ, о смерти отца, и коснулся своего разрыва съ Наташей. *Тогда* она требовала, чтобы онъ поклялся ей именемъ матери. Онъ былъ оскорбленъ и этимъ требованіемъ и ревностію, недовѣріемъ; онъ отвѣчалъ ей упорнымъ молчаніемъ, не имѣя возможности предвидѣть такого неожиданнаго исхода. Теперь, глубоко чувствуя потерю, онъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, снять съ себя нравственную отвѣтственность во всемъ и даетъ ей требуемую клятву въ томъ, что не любитъ Хоботовой.

Такъ, или почти такъ, писалъ онъ въ Миланъ. Андрей Васильевичъ не лгалъ теперь, также какъ не лгалъ и тогда. Любовь его къ Лидѣ была минутная, и, прошла эта минута, — ее нѣтъ уже, она словно испарилась въ воздухѣ, не оставивъ по себѣ слѣда. Но сказать ей самой объ этомъ у него духу не хватало, да, можетъ быть, и жаль ее было.

Оставалось положиться на время и обстоятельства.

Наташа отвѣчала на его письмо, отвѣчала такъ, какъ онъ не ожидалъ, не надѣялся. Въ теплыхъ, ласковыхъ словахъ она обращалась къ нему, вѣрующая и любящая, умоляя забыть о происшедшемъ и считать все также, какъ было между ними прежде, т.-е.—ее своей невѣстой. Мать приписывала въ концѣ и одобряла рѣшеніе дочери. «Разъ счастье ея обезпечено клятвою честнаго человѣка, за какого я считаю тебя, Андрей, то мнѣ, какъ матери, остается благословить васъ снова и благодарить Господа за его къ намъ милость», писала она. Андрей Васильевичъ торжествовалъ. Но какъ быть съ Лидой? мучилъ его неотвязчивый вопросъ.

Наконецъ онъ рискнулъ на рѣшительное, послѣднее средство.

Онъ убѣдилъ ее безъ большого труда, что ему необходимо на неопредѣленный срокъ съѣздить въ подмосковныя свои деревни, для приведенія запутанныхъ послѣ смерти отца дѣлъ въ надлежащій порядокъ.

Ни на минуту сомнѣніе не омрачало ее, когда она отпускала его отъ себя, умоляя писать ей какъ можно чаще и не засиживаться.

— Я просто съ тоски умру безъ тебя, — говорила она, съ наслажденіемъ любуясь имъ.

— Тогда я и совсѣмъ не пріѣду: смотри же, не умирай,— шутя погрозилъ онъ.

Они разстались, наконецъ, послѣ массы различныхъ обѣщаній и уговоровъ.

На другой день, рано утромъ, онъ долженъ былъ выѣхать въ Москву. Лида не выдержала, прощаясь, и заплакала. Онъ взялъ съ нея слово, что она не будетъ еще болѣе себя разстроивать и не поѣдетъ провожать его на вокзалъ. Она обѣщала ему сквозь слезы.

На другой день утромъ дѣйствительно онъ выѣзжалъ, но не въ Москву, а за-границу, въ Миланъ, гдѣ, предупрежденные телеграммой, ожидали его Наташа и Варвара Григорьевна, первая—какъ жениха, вторая—какъ сына.

Вѣсть объ его внезапномъ отъѣздѣ, лучше сказать, бѣгствѣ—за-границу быстро разнеслась въ кругу знакомыхъ и пріятелей. Она скоро достигла и до ушей Лѣсникова.

У одной дамы полусвѣта, на дачѣ ея въ Павловскѣ, подъ шумъ чокающихся бокаловъ за ужиномъ, впервые довелось ему услыхать эту новость.

— А propos,—небрежно говорилъ одинъ франтъ,—вы слышали? Барханов... молодецъ... женится.

— Женится?—переспросилъ его Лѣсниковъ съ широко раскрытыми отъ удивленія глазами.

— Ну да, mon cher, женится на... на, — франтъ замялся, вспоминая ускользнувшую изъ памяти фамилію.

— На Хоботовой, — съ неестественной дрожью въ голосѣ подсказалъ Лѣсниковъ.

— Нѣтъ; — протянулъ тотъ, — на этой прежней... какъ бишь ее?

— Арбатова?

Онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Ну да, да. И отлично сдѣлалъ, замѣчательно ловко провелъ *свою*. Я, говоритъ, ѣду на время въ подмосковную, а самъ прямо въ Италію, къ невѣстѣ. Молодецъ! Не жениться же ему было и въ самомъ дѣлѣ на своей любовницѣ... Fi donc, les principes avant tout.

Въ глазахъ Лѣсникова потемнѣло, рука машинально поднялась и хлесткій звукъ пощечины раздался на ярко горѣвшей огнями террассѣ.

Въ числѣ павшихъ офицеровъ въ первомъ несчастномъ плевненскомъ дѣлѣ значился поручикъ N—скаго полка, Михаилъ Петровичъ Хоботовъ. При немъ, въ карманѣ, былъ найденъ конвертъ, адресованный въ Петербургъ, на имя Лидіи Петровны

Хоботовой. Краткая записка, содержащаяся въ немъ, была писана, судя по выставленному на ней числу, почти три мѣсяца тому назадъ, и гласила: «Сестра, прости меня: я лгунъ и клеветникъ». Письмо было тотчасъ же отправлено по назначенію, но пришло слишкомъ поздно, а именно, послѣ пространнаго и краснорѣчиваго посланія Барханова, писаннаго не изъ Москвы, а съ болѣе дальной дороги...

Наташѣ не суждено было увидѣться со своимъ женихомъ. Итальянское небо не творитъ чудесъ. Она умерла, радостная, ожидающая, за нѣсколько минутъ еще передъ смертію, тревожно прислушиваясь къ звуку сновавшихъ подъ окнами экипажей.

Ю. Зависѣцкій.

МАРКИЗЪ
А. ВЕЛЕПОЛЬСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПОЛИТИКА ВЪ ПОЛЬСКО-РУССКОМЪ КОНФЛИКТѢ И ВОПРОСѢ.

I.

Введеніе.

Сто лѣтъ проходитъ съ тѣхъ поръ, какъ, послѣ раздѣловъ Польши, польскій вопросъ сдѣлался вопросомъ русской внутренней политики, и полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ, послѣ неудавшихся попытокъ политической ассимиляціи вновь вошедшаго элемента, въ русской публикѣ установился взглядъ, съ малыми перерывами продолжающій господствовать не только въ законахъ и мѣропріятіяхъ правительства, но и въ понятіяхъ массъ, что этотъ вопросъ неразрѣшимъ мирными, гуманными способами и средствами, что онъ имѣетъ видъ непрекращающагося и нескончаемаго конфликта, проходящаго по-очередно три фазы: остраго воспаленія, потомъ хроническаго, наконецъ — кажущагося исцѣленія, которое опять приводитъ къ кризису, и такъ дальше. Огромное большинство образованной русской публики остается донынѣ на точкѣ зрѣнія «Бородинской годовщины» Пушкина съ ея антитезами Кремля и Праги, «кичливаго ляха» и «вѣрнаго росса», съ отнесеніемъ стараго славянскаго спора, непонятнаго иностранцамъ и неразрѣшимаго народными витіями, къ юрисдикціи меча, то-есть съ дачею ему исхода, совсѣмъ противнаго понятіямъ и чувствамъ славянскаго общенія и взаимности. Употребленіе силы въ политикѣ порою необходимо, но употребленіе

одной только силы и однихъ только мѣръ исключительныхъ влечетъ за собою то невыгодное послѣдствіе, что, идя въ разрѣзъ съ аксіомою политики «divide et impera», оно неизбѣжно производитъ сплоченіе тѣхъ, на кого такимъ образомъ дѣйствуютъ, въ одну общую массу, каковымъ фактомъ и обусловливались слѣдовавшія затѣмъ повстанья—мятежи. Польско-русскій вопросъ столь старъ, что онъ представляетъ въ своей исторіи примѣры иного пониманія государственной задачи и практики, клонящейся къ образованію въ средѣ самого общества польскаго прочной и вліятельной русской партіи, на которую можно бы опереться и при содѣйствіи которой можно было бы править обществомъ, не располячивая его, но достигая главной цѣли — политической ассимиляціи. Образованіе этой русской партіи въ Польшѣ не требовало никакого искусственнаго насажденія: элементы ея существовали издавна, — они сложились далеко прежде раздѣловъ Польши—и шли на-встрѣчу русскому правительству, по крайней мѣрѣ, со временъ Петра Великаго и его дѣятельнаго вмѣшательства въ польскія дѣла, вслѣдствіе конфликта короля Августа II съ польскимъ народомъ. Затрудненіе заключалось развѣ только въ выборѣ. Правительство русское могло располагать безусловно православнымъ духовенствомъ. Къ нему забѣгали въ Петербургъ польскіе королята, олигархи, отстаивавшіе анархію, liberum veto и элекцію королей. Къ нему рады были бы примкнуть и реформаторы изъ патріотической партіи, мечтавшіе о томъ, какъ бы, хотя подъ чужимъ протекторатомъ, усилить королевскую власть, создать правленіе, разбить шляхетскую касту и совершить подъемъ среднихъ и низшихъ классовъ. Новѣйшій историкъ послѣднихъ дней существованія Польши, ксендзъ Валеріанъ Калинка [1]) пишетъ: «Даже слѣпой человѣкъ могъ доискаться и рѣшить, какой державы придерживаться въ томъ состояніи безсилія, въ которомъ находилась Польша. И патріотизмъ, и государственный умъ внушали одно и то же. Всѣ люди, по-истинѣ государственные во второй половинѣ XVIII вѣка, — и Чарторыскіе, и король, и примасъ Понятовскій были на сторонѣ Россіи... которая (стр. 207) допускала и нѣкоторое упроченіе правленія, и усовершенствованіе внутренней администраціи, и образованіе нѣкоторыхъ финансовыхъ порядковъ и средствъ, чего всего Польшѣ недоставало. Если нельзя было обойтись безъ опеки, то русская опека была полезнѣе всякой другой, допускаемой тогдашними обстоятельствами». Сдѣлавъ это существенное признаніе, Калинка,

[1]) „Sejm czteroletni", t. 1, s. 211, Kraków, 1880.

правда, спѣшитъ оговориться и ослабить значеніе его характерною прибавкою, которая не можетъ однако умалить основную мысль его, и указываетъ только на трудность сближенія по разницѣ въ темпераментахъ двухъ народовъ: «есть однако въ характерѣ русскихъ,—говоритъ онъ,—нѣчто дѣлающее зависимость отъ нихъ особенно противною и невыносимою. Господствовать надъ другими свойственно людской природѣ, но пруссакъ повелѣваетъ лишь настолько, насколько того требуетъ его интересъ, преслѣдуемый имъ съ немилосердною послѣдовательностью; русскій же, хотя бы онъ и имѣлъ резонъ, находитъ величайшее наслажденіе въ томъ, чтобы проявить свою власть и навязать свою волю насильно болѣе слабымъ субъектамъ» (стр. 212). Русское правительство конца XVIII вѣка разочло, что ему выгоднѣе поддерживать олигарховъ и анархію, вслѣдствіе чего попытка реформы совершена подъ эгидою Пруссіи противъ Россіи, затѣмъ послѣдовали окончательные раздѣлы Польши по почину Россіи, но почти вслѣдъ за этими раздѣлами надежды польскихъ патріотовъ возлагаются на Александра I-го (Адамъ Чарторыскій младшій, Ѳаддѣй Чацкій, Снядецкій). Великъ и всеобщъ былъ энтузіазмъ къ «возстановителю Польши», по дарованіи имъ въ 1815 году конституціи. Въ рядахъ русской партіи въ царствѣ польскомъ сіяли люди, которымъ отведены первыя мѣста въ исторіи польскаго народа послѣ раздѣловъ и въ исторіи развитія славянской идеи между поляками, каковы: архіепископъ Вороничъ, Станиславъ Сташицъ. Впослѣдствіи мы объяснимъ причины, почему эта русская партія не въ силахъ была помѣшать взрыву 1830 года. Съ тѣхъ поръ прошло 30 слишкомъ лѣтъ, весьма неблагопріятныхъ для развитія идей славянскихъ въ обществѣ польскомъ и идей о сближеніи между поляками и русскими; напротивъ, подготовлялись незамѣтнымъ образомъ, а слѣдовательно—безъ помѣхи, горючіе матеріалы для послѣдняго взрыва, наступившаго въ 1863 году. Когда вспыхнулъ этотъ послѣдній мятежъ, обнаружилось, какую почти бездонную пропасть прорыли между двумя народностями — ненависть и недовѣріе. Русской партіи между поляками совсѣмъ не оказалось; на сторонѣ движенія стояли только либо явные враги, либо тайные недоброжелатели Россіи,—либо, наконецъ, двуличные трусы, угождающіе и той, и другой сторонѣ. Однако, хотя русской партіи не стало, событія выдвинули впередъ человѣка, который стоилъ цѣлой партіи, воплотилъ въ себѣ преданія всѣхъ своихъ предшественниковъ: Воронича, Сташица, и предложилъ свои услуги, принялъ на себя смѣлыя и, можно сказать, дерзновенныя обязательства: съ одной

стороны, затормозить начавшееся движеніе, съ другой — исходатайствовать для своихъ соотечественниковъ такую долю участія въ дѣятельности общественной и самоуправленія, какой они даже и не могли надѣяться получить отъ правительства. Онъ обладалъ главнымъ качествомъ, безъ котораго немыслимо посредничество: онъ внушалъ довѣріе. Злѣйшіе враги, которые потомъ пытались извести его отравою и револьверомъ, не могли заподозрить его въ неискренности убѣжденій, съ другой стороны — и правительство знало, что онъ и польскій патріотъ, и преданный Россіи человѣкъ. Сверхъ того, онъ обладалъ независимымъ положеніемъ, сильнымъ умомъ, увлекательнымъ и убѣждающимъ краснорѣчіемъ, безстрашіемъ, твердымъ характеромъ и предлагалъ систему, до мельчайшихъ подробностей обдуманную и столь широкую, что половины того, что онъ сулилъ соотечественникамъ, достало бы нынѣ для осуществленія наибольшаго, чего они могутъ желать. Этотъ человѣкъ блеснулъ какъ метеоръ и пропалъ безслѣдно. Буря оказалась сильнѣе его, она его сломила и унесла, а вмѣстѣ съ нимъ и его систему. Политическая роль его продолжалась не многимъ больше двухъ лѣтъ и кончилась полнѣйшею неудачею, вслѣдъ за которою послѣдовала катастрофа, подходящая по своему трагизму къ послѣднему раздѣлу Польши, послѣ повстанья Косцюшки. Такъ какъ обыкновенно слава сопровождаетъ однѣ только удачи, можно бы подумать, что о сошедшемъ со сцены борцѣ-неудачникѣ скоро забудутъ. Оказалось противное. Александръ Велепольскій безконечно выигралъ въ понятіяхъ соотечественниковъ именно оттого, что за него отмстили событія. Отчего послѣдовала неудача предпріятія Велепольскаго? Основная ли идея этого предпріятія была фальшивая? или власть ему дана была слишкомъ поздно, вслѣдствіе чего онъ не могъ уже совладать съ развившимся и окрѣпшимъ революціоннымъ движеніемъ?—или онъ ошибался въ средствахъ, въ выборѣ людей, велъ себя безтактно, не могъ развязать тонкихъ нитей хитросплетенныхъ обстоятельствъ своею тяжелою, грубою рукой? Изъ поднятыхъ въ послѣднее время этихъ трехъ вопросовъ, первый уже рѣшенъ почти единогласно: программа Велепольскаго одобрена; признано, что повстанье 1863 года было громаднѣйшею ошибкою. Урокъ подѣйствовалъ, отрезвленіе наступило; удалой политическій романтизмъ исчезъ, настало настроеніе положительное. Недавно одинъ изъ самыхъ талантливыхъ поляковъ-современниковъ, краковскій профессоръ, графъ Станиславъ Тарновскій, видный представитель консервативной или такъ-называемой «станчиковской» партіи въ Галиціи, сводя итоги, раз-

рѣшалъ ad usum соотечественниковъ вопросъ: что дѣлать? словами, которыхъ сущность постараемся передать и которыя собственно не что иное, какъ парафраза мыслей и программы Велепольскаго [1]).

«Вѣроятно не нашелся бы нынѣ,—говоритъ Тарновскій,—ни одинъ полякъ, который бы присовѣтовалъ дѣлать повстанье. Два повстанья, подготовляемыя заговорами и произведенныя своими домашними средствами, доказали, что и они—средства безусловно дурныя и никуда негодныя.—Что же намъ остается дѣлать? умереть съ достоинствомъ? Есть такой рѣшающій конецъ въ одной изъ поэмъ Красинскаго,—но такъ умираютъ люди только въ поэзіи; въ дѣйствительности же остается кое-кто, остаются многіе, а коль скоро остаются, то они обязаны жить, а коль скоро есть обязанность, то найдется какое-нибудь, хотя бы и не красивое и неудобное, средство исполненія этой обязанности. До сихъ поръ мы понимали,—продолжаетъ Тарновскій,—наше дѣло только какъ право на возстановленіе независимаго отечества. Право это уменьшено тѣмъ, что мы сами главнымъ образомъ въ нашемъ паденіи виноваты. Мы это право понимали какъ долгъ, который по отношенію къ намъ несутъ другіе, мы являлись точно на судъ, точно съ протестованнымъ на Провидѣніе векселемъ въ рукахъ, требуя взысканія. Въ томъ именно и заключалась наша коренная ошибка. Право существуетъ, но только мы-то не кредиторы, а должники. На насъ лежитъ долгъ, который несетъ всякій павшій народъ, пока онъ не превратился въ скотское стадо, подниматься опять послѣ паденія, помогать себѣ совѣстью, честью, добромъ и стремиться къ возвращенію себѣ потеряннаго. Мы должны стать на ноги и держаться собственными силами—и только; куда мы пойдемъ, это дѣло не наше, это дѣло послѣдующихъ поколѣній—оно и лежитъ на ихъ отвѣтственности. Мы только обязаны сохранять, упражнять, развивать наши нравственныя силы, и такимъ образомъ ихъ употреблять, чтобы былъ въ томъ прокъ, чтобы не было никакой напрасной траты этихъ силъ и работы. Если такимъ образомъ будетъ понята нами наша обязанность, то она намъ укажетъ, что не вырываться намъ слѣдуетъ изъ-подъ власти правительствъ, которымъ мы подчинены, не подкапываться подъ нихъ, но быть имъ полезными, не протестовать, но вмѣстѣ съ ними собою управлять и учиться искусству управленія; не начинать съ цѣлаго, но работать надъ отдѣльными частями. Выражаясь проще и безъ иносказаній, намъ надо,—

[1]) „Przegląd Polski“, январь, 1880, стр. 108—116.

говоритъ Тарновскій,—продолжать то, на что́ мы уже кое-какъ наладились подъ австрійскимъ правительствомъ, не крамольничать, не измѣнять, быть ему вѣрными, содѣйствовать по мѣрѣ силъ благу государства и подъ охраною государства возвращать свои силы. Подъ прусскимъ владычествомъ дѣлать что́ возможно, отстаивать себя и помнить, что предъ Богомъ и исторіею мы безотвѣтственны за Польшу отъ моря и до моря, но мы тяжело отвѣтимъ за всякій кусокъ земли, отчужденный нѣмцу. Наконецъ, подъ русскимъ правительствомъ мы обязаны дѣлать то, что́ дѣлаемъ подъ австрійскимъ, то-есть не стараться его перехитрить, что́ никогда намъ не удастся, не вызывать его, потому что оно побѣдитъ, дѣйствовать по отношенію къ нему правдиво и честно и не повторять того, что́ нами учинено по отношенію къ Велепольскому»...

Эти признанія, эти подтвержденія главной идеи политики Велепольскаго, политики отреченія отъ всякихъ мечтаній о политической реставраціи, къ которой стремились всѣ польскія возстанія, особенно замѣчательны въ устахъ Тарновскаго еще потому, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ основной идеи, Тарновскій порицаетъ Велепольскаго и за его спѣсь, и за характеръ, и за самоувѣренность, и за пріемы, и возлагаетъ на него, если не всю отвѣтственность, то значительную долю отвѣтственности за печальный исходъ польскаго движенія въ 1863 году. Два другіе изъ намѣченныхъ нами вопросовъ остаются донынѣ открытыми, несмотря на глубокую перемѣну въ основной точкѣ зрѣнія на польское народное дѣло. Не съ разу видно отрѣшишься отъ страстей, не съ разу освоишься съ безпристрастною оцѣнкою людей и ихъ поступковъ; не съ разу согласишься понять и полюбить непріятное лицо, за которымъ признаваемо было только то, что онъ *мощный* человѣкъ, но который считался весьма противнымъ, который возмущалъ въ свое время своими словами и поступками всѣ фибры національнаго чувства, въ томъ состояніи воспаленія, въ которомъ это чувство находилось въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во время кризиса. Кризисъ прошелъ, но отголоски чувства продолжаютъ еще звучать — даже и тогда, когда прояснились уже и понятія въ головахъ. По вѣрному замѣчанію газеты «Dziennik Poznański» (отъ 28 іюля сего года, № 170), при оцѣнкѣ событій 1863 г. еще и нынѣ преобладаетъ не историческій, то-есть вполнѣ критическій пріемъ, а адвокатскій, полемическій или такъ-называемый публицистическій, заключающійся въ томъ, что когда общее дѣло проиграно, то партіи, проигравшія дѣло сообща, винятъ другъ друга, та-

скаютъ соръ изъ избы, закидываютъ себя мелочными и самыми придирчивыми упреками и претензіями, навѣтами и подозрѣніями, причемъ среди этихъ дрязгъ теряется изъ виду главная суть вопроса, трагизмъ событій, роковая неизбѣжность столкновенія и того, а не другого его исхода. Г. Тарновскій изображаетъ красиво и образно эту особенность настоящей минуты для поляковъ: «мы—какъ деревня, на половину вымершая отъ холеры; пережившіе холеру ищутъ виновнаго, кляня другъ друга: дѣти наѣдались незрѣлыхъ овощей, бабы шатались по зараженнымъ домамъ, староста не водворилъ должнаго порядка; хозяева не держали паробковъ крѣпко въ рукахъ — всѣ взваливаютъ отвѣтственность другъ на друга. Да и въ самомъ дѣлѣ—всѣ виноваты: и бабы, и дѣти, и староста, и громада, но не виноваты они въ томъ, что зараза носилась въ воздухѣ, свирѣпствовала повсюду, а деревня была по своему положенію какъ разъ на ея пути. Рано судить, когда пружины, двигавшія событіями, еще сокрыты, а нервы дѣйствовавшихъ лицъ еще слишкомъ возбуждены» [1]). Соглашаясь вполнѣ съ мѣткою характеристикою, мы никакъ не можемъ помириться съ заключеніемъ. Со времени катастрофы пройдетъ скоро второй десятокъ лѣтъ, дѣятели катастрофы рѣдѣютъ, новое поколѣніе явилось уже имъ на смѣну, главный дѣятель Велепольскій сошелъ въ могилу: можно и должно отнестись къ былому и объективно и спокойно. Что касается до пружинъ событій, то, во-первыхъ, онѣ не особенно хитраго свойства,—всякое поголовное движеніе цѣлаго народа зрѣетъ десятками лѣтъ и совершается такъ сказать на яву, озадачивая только людей либо слѣпыхъ, либо не обращавшихъ на него вниманія. Противникъ этого движенія, Велепольскій былъ, съ своей стороны, человѣкъ необычайно послѣдовательный и цѣльный, который ни съ кѣмъ не хитрилъ, не лицемѣрилъ, не дипломатизировалъ, ничего не умалчивалъ, а шелъ кратчайшимъ путемъ прямо на проломъ. Во-вторыхъ, пружины событій не только не скрыты, но въ настоящее время объяснены даже по документамъ. Какъ только скончался въ Дрезденѣ въ предпослѣдній день 1877 года Александръ Велепольскій, старшій сынъ его Сигизмундъ Велепольскій озаботился изданіемъ оставшихся послѣ него бумагъ и поручилъ эту работу Генриху Лисицкому, слѣдствіемъ чего и было обнародованіе въ 4 томахъ въ Краковѣ, 1878 — 1879, сочиненія на польскомъ языкѣ: «Aleksander Wielopolski». Томы 2, 3 и отчасти 4 содержатъ въ себѣ одни только матеріалы для жизни и дѣятельности

[1]) „Przegląd polski“, ноябрь, 1879, стр. 144.

Велепольскаго. Томъ 1-й посвященъ только жизнеописанію его, а въ 4-мъ помѣщенъ не имѣющій, повидимому, никакой связи съ Велепольскимъ очеркъ исторіи конституціоннаго царства польскаго съ 1815 года до вспышки повстанья 29 ноября 1830 г.—въ тотъ періодъ, въ которомъ Велепольскій не принималъ еще никакого участія въ дѣлахъ своей родины. Г. Лисицкій—писатель бойкій и не лишенный таланта, разсказчикъ занимательный, перо у него острое, но всѣ тѣ части сочиненія, которыя представляютъ не сырой матеріалъ, а обработку, испорчены пристрастіемъ къ маркизу и страдаютъ полнымъ отсутствіемъ критики, недозволяющимъ даже отнести эти два ѣдкіе памфлета въ разрядъ серьёзныхъ историческихъ сочиненій. Г. Лисицкій былъ въ 1863 г. революціонеромъ, нынѣ онъ принадлежитъ къ той небольшой группѣ консерваторовъ изъ родныхъ и самыхъ близкихъ сотрудниковъ умершаго маркиза, которые поклоняются умершему какъ святому, не усматриваютъ въ немъ никакихъ не только крупныхъ, но даже и мелкихъ недостатковъ и прославляютъ его, осуждая на-повалъ всѣхъ его противниковъ, представляя ихъ какъ полнѣйшія ничтожества и относя ихъ либо къ категоріи глупцовъ, либо къ категоріи негодяевъ. Не только настоящихъ противниковъ маркиза Лисицкій представилъ густыми красками въ черномъ видѣ,—онъ заглянулъ въ прошедшее, коснулся причинъ и начала перваго повстанья 1830 г., ради того только, чтобы показать, что и предшественники революціонеровъ 1863 г., повстанцы 1830 г., были кругомъ неправы. Въ результатѣ выходитъ, что существовалъ ничѣмъ неисправимый, непостигающій своего добра и своихъ благодѣтелей, народъ, который слѣдовательно и въ настоящемъ едвали подаетъ какія-либо надежды. Такъ какъ польскія книжки мало расходятся за границей, то тотъ же г. Лисицкій позаботился издать въ Вѣнѣ окончательный результатъ своихъ работъ о Велепольскомъ въ сочиненіи въ 2-хъ томахъ, вышедшемъ въ нынѣшнемъ 1880 году подъ заглавіемъ: «Le marquis Wielopolski, sa vie et son temps, 1803 — 1877». Это новое изданіе не есть переводъ съ польскаго, а значительно отступающая отъ первоначальной работы и превосходящая ее по полнотѣ и достоинству передѣлка. Точка зрѣнія осталась въ въ сущности та же, односторонность господствуетъ большая, но гораздо меньше задора, полемики, и рамка шире, такъ какъ авторъ задался мыслью изобразить вѣкъ Велепольскаго, и на этомъ фонѣ начертить его лицо. Какъ ни интересно сочиненіе Лисицкаго по своимъ источникамъ, настоящей исторической работы о Велепольскомъ и его времени еще нѣтъ. Пока она по-

явится, возможно однако по изданнымъ уже источникамъ очертить коренастое, крупное, мощное лицо, которое въ теченіи небольшого, правда, времени держало въ своихъ рукахъ судьбы польскаго народа, явилось виднымъ дѣятелемъ въ государственной жизни Россіи и пріобрѣло на одну минуту громкую европейскую извѣстность; возможно опредѣлить главныя стороны его дѣятельности и главные моменты въ его политической карьерѣ. Постараемся совершить эту работу, собравъ какъ можно больше фактовъ, изъ которыхъ легко будетъ вывести заключеніе самому читателю.

II.

Происхожденіе. — Маіоратъ. — Дѣло о маіоратѣ.

Когда мы пишемъ: *Велепольскій*, то мы употребляемъ правописаніе завѣдомо неправильное и оправдываемое только тѣмъ, что такъ называемъ былъ при жизни и самъ маркизъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, когда онъ былъ министромъ. Собственно надо бы писать *Веліопольскій* отъ имѣній *Wielopole* (Многополье), которымъ владѣли предки маркиза, выходцы изъ Германіи, богатые краковскіе мѣщане Бонары, бывшіе въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, наслѣдственно, королевскими приказчиками по управленію соляными ломками въ Величкѣ. Въ концѣ XIV в. родъ Бонаровъ, получивъ шляхетство, сталъ по шляхетскому обычаю именоваться отъ владѣемой имъ земли. Въ половинѣ XVIII вѣка уже встрѣчаемъ его въ сенатѣ, въ лицѣ *Яна Велепольскаго*, занимавшаго въ этомъ собраніи первое свѣтское кресло по своей должности краковскаго каштеляна и возведеннаго императоромъ Фердинандомъ за дипломатическія заслуги въ графское священной римской имперіи достоинство (съ тѣхъ поръ Велепольскіе стали наслѣдственно именоваться графами). Сынъ этого перваго графа, тоже Янъ, женился на Кристинѣ Коморовской изъ рода *Мышковскихъ*. Происшедшему отъ этого брака сыну ихъ Францу пришлось въ 1729 году получить по праву представленія богатѣйшее наслѣдство отъ рода матери: маіоратъ или ординацію *Мышковскую*, а вмѣстѣ съ ординаціею и титулъ маркиза. Возникли эти титулъ и ординація слѣдующимъ образомъ. Папа Климентъ VIII пожаловалъ въ маркизы Петра Мышковскаго, краковскаго епископа, владѣльца замковъ Мирова въ Великопольшѣ и Пинчова въ Малопольшѣ, извѣстнаго гуманиста, друга поэта Яна Кохановскаго и покровителя ученыхъ и ху-

дожниковъ.—Его племянникъ Сигизмундъ по особенной дружбѣ къ нему князя Мантуанскаго изъ рода Гонзаговъ породнился съ симъ послѣднимъ такъ-сказать филологически и идеально, присоединивъ къ своей фамиліи прозвище *Гонзага*.—Польша, какъ извѣстно, была настоящій рай для вельможества, король бывалъ порою призракомъ или куклою, но вся сила и власть принадлежали магнатамъ, которые стремились сдѣлаться настоящими династами, для чего имъ надлежало оградить цѣлость и нераздробляемость своихъ владѣній.—Но эти стремленія были крайне непопулярны и находили противодѣйствіе въ шляхтѣ и на сеймѣ.—Только пяти вельможескимъ родамъ удалось послѣ многихъ усилій провести посредствомъ сеймовыхъ конституцій феодальный порядокъ единонаслѣдія. Въ числѣ этихъ пяти ординацій была и Мышковская, учрежденная наслѣдовавшими епископу Петру племянниками его, Сигизмундомъ и Петромъ Мышковскими, въ 1603 году.—Родъ Мышковскихъ оказался неособенно плодовитымъ, всѣ мужскія линіи вскорѣ пресѣклись, тогда, въ силу конституціи 1603 г., ординація должна была перейти къ ближайшей къ первымъ учредителямъ линіи по женскому колѣну. Таковою оказалась линія, въ которой одною изъ степеней была внука учредителя Сигизмунда М., Кристина Коморовская.—Сынъ ея Францъ герба Старыконь, графъ Велепольскій сдѣлался такимъ образомъ, сверхъ этихъ званій и достоинствъ и въ придачу къ нимъ, маркизомъ Гонзага на Мировѣ и Пинчовѣ Мышковскимъ, однимъ изъ богатѣйшихъ вельможей Рѣчи-Посполитой. Но въ Польшѣ не везло вообще ординаціямъ. Острожская была въ 1753 расхищена при дѣятельномъ въ томъ участіи Чарторыскихъ; та же почти участь стала угрожать въ концѣ XVIII в. и ординаціи Мышковскихъ. Тогдашній ординатъ Станиславъ Велепольскій, обремененный долгами, находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и имѣлъ сына Яна-Непомука, у котораго не было сыновей, а только дочь. Обоимъ вовсе не улыбалась перспектива перехода послѣ нихъ всей ординаціи въ боковыя линіи, къ брату ордината Станислава, Іосифу-Станиславу, отцу того лица, котораго жизнеописаніе мы предприняли начертить.—Какъ достичь этой цѣли? Очевидно, не иначе, какъ разрушивъ ординацію, добившись ея отмѣны на сеймѣ, на томъ знаменитомъ четырехлѣтнемъ сеймѣ (1788—1792), который пытался преобразовать Польшу въ духѣ просвѣтительныхъ идей XVIII в. и былъ не менѣе французской Constituante враждебенъ ко всякимъ проявленіямъ феодализма.—Самъ ординатъ остался пока въ сторонѣ, а хлопоты принялъ на себя его предполагаемый преемникъ, Иванъ-

Непомукъ, непосредственно и ближайшимъ образомъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ. Онъ мотивировалъ свое ходатайство слѣдующими словами, характеризующими и человѣка и время: «Такъ какъ даже тѣнь неравенства ужасаетъ, а въ отечествѣ моемъ возродилось равенство, посему, не желая владѣть ничѣмъ, что бы могло рождать подозрѣнія относительно моего настоящаго образа мыслей, я прошу объ отмѣнѣ въ лицѣ отца моего ординаціи, которой я наслѣдникъ и предлагаю, чтобы всѣ маіораты были упразднены и на вѣки запрещены».—Янъ-Непомукъ, прикрываясь фразами дешеваго либерализма, стремился прямо къ тому, чтобы родовое достояніе, на которое имѣли несомнѣнныя права наслѣдованія одни послѣ другого представители боковыхъ мужскихъ линій рода, превратить въ личную свою собственность, устранить этихъ лицъ, а лакомымъ состояніемъ воспользоваться въ свою личную пользу, и по всей вѣроятности, его прожить. На сеймѣ ему не повезло; потомъ, послѣ раздѣловъ, та часть Польши, въ которой обрѣталась ординація, досталась Австріи, а при австрійскомъ правительствѣ нельзя было и трогать учрежденія, такъ какъ австрійскіе законы благопріятствовали маіоратамъ и фидеикоммиссамъ. Но и австрійское господство прекратилось, ординація очутилась вскорѣ (1809) въ княжествѣ Варшавскомъ, подъ кодексомъ гражданскимъ Наполеона, котораго 896 статья гласила правда, что «субституціи (а слѣдовательно и маіораты) запрещены», но не могла имѣть обратнаго дѣйствія и не могла распространиться на ординаціи, уже существовавшія во время введенія кодекса Наполеона, или на тѣ, которыя спеціальными новыми законами были бы учреждены. Самъ Наполеонъ заводилъ такіе маіораты для своихъ генераловъ и сановниковъ, вслѣдствіе чего въ примѣчаніи къ ст. 896 кодекса выражено, что на эти маіораты не простирается дѣйствіе 896 статьи. Была еще другая обходная дорожка, по которой можно было, не касаясь 896 ст. и примѣчанія къ ней, исходатайствовать отмѣну ординаціи. Въ 10 ст. вѣнскаго трактата 1809, которымъ уступлены были земли Австріею княжеству Варшавскому, установлено, что обыватели въ этихъ уступаемыхъ земляхъ «auront pendant 6 ans la liberté de disposer de leurs propriétés de quelque nature qu'elles soient, de vendre leurs terres, même celles qui sont censées inaliénables comme les fideicommis et les majorats». На основаніи этихъ словъ ординатъ могъ ходатайствовать объ отмѣнѣ маіората, но такъ какъ маіоратъ есть собственность рода, и такъ какъ, слѣдовательно, вопросъ объ отмѣнѣ касался третьихъ лицъ, то требовалось, чтобы всѣ члены рода, могущіе наслѣдовать одинъ

послѣ другого, дали свое согласіе за себя и своихъ потомковъ на отмѣну, чего отъ нихъ, конечно, нельзя было и ожидать, да и въ такомъ даже случаѣ оставалось сомнѣніе на счетъ того, насколько подобное отреченіе отъ неоткрывшагося, а только ожидаемаго права именемъ потомства могло быть обязательно для такихъ потомковъ. Законодательный путь былъ, повидимому, единственный подходящій къ дѣлу, но представлялъ большія затрудненія. Ординатъ пытался избѣгнуть ихъ, идя путемъ административнымъ при дѣятельномъ содѣйствіи бывшаго съ нимъ въ свойствѣ тогдашняго министра юстиціи Феликса Лубенскаго. Подано было прошеніе Саксонскому королю князю Варшавскому о продажѣ маіоратскихъ имѣній.—Король отвѣтилъ 8-го іюня 1812 декретомъ, въ которомъ хотя и разрѣшалась продажа, но условно «sans rien préjuger de la manière dont la famille Wielopolski éventuellement appelée à la succession du majorat pourrait faire valoir des droits en vigueur».—Дѣло поставлено было этимъ декретомъ крайне невыгодно для боковыхъ предполагаемыхъ наслѣдниковъ, ихъ права объявлялись спорными, имъ предоставлялось доказывать эти права судебнымъ порядкомъ. Они и стали протестовать и искать, но эти иски и протесты не помѣшали ординату при его связяхъ распорядиться бо́льшею частью маіоратскихъ имѣній, а въ томъ числѣ и коренною вотчиною, ядромъ ординаціи, Пинчовомъ, въ пользу отчасти своихъ кредиторовъ, отчасти подставныхъ лицъ. Однако споръ противъ продажи со стороны боковыхъ родственниковъ оказалъ въ нѣкоторой степени свое дѣйствіе. По договору, заключенному 7-го апрѣля 1813 г. ординатомъ съ своими двоюродными братьями Іосифомъ-Станиславомъ и Андреемъ, ординатъ выдѣлилъ изъ состава ординаціи одну ея четверть (изъ 12 ключей три: Хроберж, Ксенжъ Великій и Козубовъ) и передалъ ихъ съ титуломъ маркиза и съ званіемъ ордината Іосифу-Станиславу; съ другой же стороны Іосифъ-Станиславъ и Андрей отреклись за себя и своихъ нисходящихъ отъ остальныхъ 9 ключей ординаціи.—Вскорѣ потомъ Іосифъ-Станиславъ умеръ, а титулъ и званіе ордината въ той новой ординаціи, которая была только крошечнымъ обломкомъ прежней, перешли къ 12-ти-лѣтнему мальчику, старшему сыну его, Александру.—Это что-нибудь было, конечно, лучше, чѣмъ ничего; двоюродные братья ордината до договора 7-го апрѣля 1813 г. сильно рисковали, что ничего не получатъ. Такъ разсудили бы многіе и помирились бы съ судьбою, но не помирилась съ нею и не довольствовалась полученнымъ мать Александра, Елеонора, урожденная Дембинская (сестра генерала

Генриха Дембинскаго,—выходца, командовавшаго венгерскими войсками во время революціи въ 1849 г.). Въ глазахъ этой гордой, честолюбивой и энергической женщины договоръ 7-го апрѣля 1813, по которому ея мужъ пріобрѣлъ частицу маіората, отказавшись отъ остального, былъ опороченъ нравственнымъ насиліемъ, вынужденъ и недѣйствителенъ. Мысль о возстановленіи аристократическаго, доводившагося ея потомству, состоянія въ прежнемъ блескѣ не покидала ее ни на минуту. Она рѣшилась изъ своего старшаго сына сдѣлать не только юриста, но и практическаго дѣлового человѣка, воспитать его такимъ образомъ, чтобы, пришедши въ лѣта, онъ оттягалъ, ходя и состязаясь по судамъ, все то, что̀ отторгнуто было отъ ординаціи и на основаніи законнѣйшихъ актовъ обрѣталось уже, можетъ быть, въ третьихъ или десятыхъ рукахъ. Это обстоятельство имѣло громадныя послѣдствія для молодого маркиза: оно повліяло на его способности, на его характеръ; оно сообщило ему адвокатскія наклонности, сдѣлало его упорнымъ и выносливымъ работникомъ и бойцомъ, идущимъ прямо къ цѣли, не смотря на чьи бы то ни было нареканія, не смотря даже на общественное мнѣніе; оно положило также основанія и непопулярности маркиза, а непопулярность эта была велика и столь постоянна во всю его жизнь, что, что̀ бы онъ ни дѣлалъ, даже весьма умное и хорошее, всегда общественное мнѣніе было противъ него. Друзей онъ имѣлъ и сердечныхъ, имѣлъ поклонниковъ, но въ толпѣ, въ массахъ считался онъ всегда противнымъ, несимпатичнымъ человѣкомъ. Число его рожденія было 13-го марта 1803 г.; его учили сначала въ Teresianum въ Вѣнѣ, потомъ въ варшавскихъ лицеѣ и университетѣ, потомъ отправили изучать французскій code civil и судопроизводство въ Парижъ, а потомъ въ Геттингенъ. Здѣсь получилъ онъ въ 1824 г. степень доктора философіи по защищеніи диссертаціи, написанной въ духѣ философіи Спинозы: *De idea aeternitatis.*—Въ это время ему истекалъ уже годъ совершеннолѣтія; мать умерла, на его попеченіи остались младшіе сестры и братья; тѣмъ не менѣе процессъ былъ начатъ (1827), продолжался цѣлыя 11-ть лѣтъ и кончился полнѣйшимъ проигрышемъ для Велепольскаго. Въ теченіи этого процесса былъ перерывъ, совпадавшій съ участіемъ Велепольскаго въ повстаніи 1830, съ его миссіею отъ революціоннаго правительства въ Лондонъ, съ его скитаніями за границей. Чтобы не смѣшивать разнородныхъ предметовъ, покончимъ сначала съ процессомъ, укажемъ на его ходъ, а главное—объяснимъ, чѣмъ Велепольскій возстано-

вилъ противъ себя въ этомъ процессѣ общественное мнѣніе своихъ соотечественниковъ.

Исковыя требованія Александра Велепольскаго заключались въ томъ, чтобы признаны были недѣйствительными всѣ акты продажи частей ординаціи, совершонные съ 1812 г. ординатомъ, и присуждены ему, Велепольскому, за устраненіемъ ордината, потерявшаго, по мнѣнію истца, всякое право на эти имѣнія. Требовать отмѣны акта незаконнаго и даже такого, на которомъ была подпись отцовская, Велепольскій былъ въ правѣ; незаконное дѣйствіе отца не можетъ быть безусловно обязательно для дѣтей, дѣти могутъ, конечно, опровергать его, пришедши въ совершеннолѣтіе. Но слабая сторона иска заключалась въ томъ, что, разрушая всѣ акты, по которымъ отчужденъ былъ по частямъ маіоратъ, а слѣдовательно и договоръ 7 апрѣля 1813 г., Велепольскій подрывалъ основанія собственныхъ своихъ правъ, на уцѣлѣвшую четверть маіората; послѣ уничтоженія должно было послѣдовать возстановленіе отчужденныхъ имуществъ въ прежнее состояніе, воскресали прежнія права ордината Ивана-Непомука на эти имѣнія, и требованіе о передачѣ этихъ имѣній истцу представлялось и преждевременнымъ, до смерти ордината, и даже спорнымъ, такъ какъ оспоривать ихъ явилось третье лицо, дочь ордината, Кристина Бонтани, утверждая, что не Александръ В., а она должна наслѣдовать послѣ ордината въ ординаціи, если таковая будетъ возстановлена. Эту слабую сторону своего дѣла истецъ старался укрѣпить и поправить тѣмъ, что, по предъявленіи уже иска, онъ вошелъ въ сдѣлку съ ординатомъ и дочерью его, обезпечивъ за ними пожизненное пользованіе частью отыскиваемой ординаціи; что такимъ образомъ онъ ихъ обезоружилъ и заинтересовалъ въ проигрышѣ. Но если эта сдѣлка дѣлала устойчивѣе въ юридическомъ отношеніи его исковыя требованія, то она сильно портила его дѣло въ нравственномъ отношеніи. Оказывалось, что главный отвѣтчикъ дѣлается противникомъ фиктивнымъ, что на семьѣ оправдывается пословица: свой своему не врагъ, и что вся семья, въ томъ числѣ и дядя и его двоюродный племянникъ, какъ будто бы въ стачкѣ, во вредъ кредиторамъ ордината и покупщикамъ имѣній, между которыми большинство были конечно лица подставныя, но были и люди, дѣйствовавшіе добросовѣстно. Со времени продажи прошло столько лѣтъ, съ формальной стороны какъ эти продажи, такъ и дальнѣйшія перепродажи были безупречно правильны, совершены въ законнѣйшемъ порядкѣ; десятки семействъ и сотни людей вложили въ эти имѣнія всѣ свои средства, всю свою будущность; на отчуж-

деніи выстроилось цѣлое зданіе сложнѣйшихъ отношеній. Можно себѣ представить, какой гвалтъ, какой общій вопль поднялся противъ истца, который затѣялъ разрушить всю эту громаду отношеній. Заинтересованные зажужжали, точно потревоженный пчелиный рой. Во главѣ ихъ сталъ, какъ главное дѣйствующее лицо, весьма опасный противникъ, въ одно и то же время адвокатъ, аферистъ и публицистъ, Янъ Бонерава Ольрихъ, лицо характерное, типическое, сильно смахивающее на «Рабагаса» Сарду. Ольрихъ купилъ имѣній на 5½ милліоновъ злотыхъ (злотый 15 коп.), а заплатилъ наличными только 35,000 злотыхъ; онъ основывалъ для эксплуатаціи имѣній товарищества на паяхъ; пріобрѣтя Пинчовъ и Шанецъ, исходатайствовалъ у короля (1813) разрѣшеніе прибавить къ своей фамиліи Ольрихъ прозвище Шанецкій. Въ сеймѣ онъ сидѣлъ на самой крайней лѣвой сторонѣ, являлся ярымъ демократомъ, искалъ дружбы Лелевеля, былъ превозносимъ какъ горячій патріотъ прогрессивною печатью. Ольрихъ постарался прежде всего перенести споръ съ юридической стороны на соціальную, разжигалъ демократическія страсти, строилъ защиту правъ своихъ на ненавистномъ характерѣ всякой ординаціи, на очевидной всякому демократу ретроградности требованій маркиза, которому доставалось порядкомъ и за иностранный титулъ графа и даже за то, что онъ ѣздилъ учиться къ нѣмцамъ въ Гёттингенъ. Самое растранжиреніе ординатскихъ имѣній Ольрихъ возводилъ въ доброе дѣло. Онъ прославлялъ расточителя—Ивана-Непомука точно за доблестный подвигъ, точно за искорененіе плевелъ. «Дѣйствія маркиза,—заключалъ онъ,—осуждать можетъ одно предубѣжденіе, но геній общественнаго блага возложитъ на главу его дубовый вѣнокъ». Противники, прежде чѣмъ состязаться на судѣ, обмѣнивались въ печати многотомными записками, щеголяющими какъ риторикою, такъ и ученостью. Какъ въ печати, такъ и на судѣ Велепольскій дѣйствовалъ лично, произносилъ длинныя рѣчи, отличавшіяся, какъ и все то, что исходило потомъ отъ него, тщательною отдѣлкою формы, слогомъ классическимъ, фразами звучными, закругленными, точно изъ бронзы отлитыми. Онъ проигралъ свое дѣло въ первой инстанціи, выигралъ его въ 1829 году въ аппеляціонномъ судѣ, но окончательно все-таки проигралъ его въ 1835 въ третьей инстанціи, т.-е. въ сенатѣ, въ которомъ въ ходѣ производства дѣла произошла уже та значительная перемѣна въ положеніи состязающихся сторонъ, что, такъ какъ Ольрихъ сдѣлался выходцемъ, а имѣнія его были конфискованы, то вмѣсто его дѣйствовала уже прокураторія въ интересахъ и въ пользу государственной казны.

Что Велепольскій проигралъ свой процессъ, тому нельзя удивляться; юридическія основанія его иска были слабы и шатки. Замѣчательно не то, что и общественное мнѣніе было противъ него, но то, что оно склонялось противъ него не по юридическимъ соображеніямъ, а по ольриховскимъ мотивамъ; оно предубѣждалось противъ него общимъ характеромъ ординаціи, оно осуждало въ Велепольскомъ аристократа и ретрограда. Если бы подобный процессъ разрѣшался въ настоящее время, то по всей вѣроятности публика отнеслась бы къ нему гораздо безучастнѣе и оставивъ выводить приговоръ по юридическимъ мотивамъ судьямъ, не осудила бы маркиза за его искъ. Не слѣдуетъ, конечно, желать учрежденія вновь законодательнымъ порядкомъ маіоратовъ, какъ установленій противныхъ демократическому строю современнаго общества, но и въ наиболѣе демократическомъ обществѣ могутъ сохраняться и даже приносить свою долю пользы разнообразящіе его остатки прежняго строя вещей. Коль скоро существуетъ учрежденіе, на законномъ основаніи, его нельзя разрушать, а отмѣнить можно только законодательнымъ порядкомъ. Демократъ, поставленный въ трудное для его совѣсти положеніе хранить учрежденіе, которому онъ не сочувствуетъ, имѣетъ одинъ только честный способъ выйти изъ затрудненія: отказаться отъ маіората, передать его другимъ; присвоивая его себѣ, онъ посягаетъ на права третьихъ лицъ, изъ которыхъ никого нельзя винить, если, сознавая за собою право, онъ пытается его осуществить. Нынѣ дѣло Велепольскаго можетъ быть и не повредило бы ему въ общественномъ мнѣніи,—въ то время оно поставило его въ разладъ съ окружающею его средою. Щель эта стала постепенно еще болѣе увеличиваться, какъ мы постараемся доказать—не по волѣ маркиза и безъ всякой со стороны его вины.

III.

Роль маркиза въ событіяхъ 1830 г.—Лондонская миссія его.

Не подлежитъ сомнѣнію, что велики и неизбѣжны страданія всякаго народа, потерявшаго свою политическую самобытность; ихъ можно бы сравнить только съ ощущеніями живого существа, выросшаго въ одной стихіи, напримѣръ, въ водѣ, которое бы вдругъ пересадили въ другую стихію на сушу или воздухъ, къ которой оно нисколько не привыкло. Ему предстоитъ печальная дилемма: либо совсѣмъ исчезнуть, либо приноровиться къ новой

средѣ. Успѣхи приспособленія бываютъ крайне медленны даже при наиблагопріятнѣйшихъ условіяхъ и могутъ послѣдовать только тогда, когда потерявшій свою самостоятельность народъ убѣдится въ полной невозможности возвратить себѣ прежнее состояніе, которое въ его воображеніи рисуется какъ верхъ счастія, какъ нѣчто похожее на рай. Какъ его возвратить?—Да просто и безъ дальнѣйшихъ разсужденій возстановить все цѣликомъ въ прежнее состояніе. Понятно, что политикѣ *резигнаціи*, которая въ нѣкогда польскихъ частяхъ Россіи явилась только съ Велепольскимъ, должна была предшествовась въ теченіи извѣстнаго періода, по независящимъ отъ народа обстоятельствамъ, особенно долго политика *реставраціи*. Неизбѣжность этого направленія мыслей понималъ великій князь Александръ Павловичъ во время своихъ уединенныхъ прогулокъ съ молодымъ Чарторыскимъ по аллеямъ Таврическаго сада [1]); мысль объ улучшеніи національной судьбы поляковъ составляла одну изъ постоянно занимавшихъ его заботъ; съ другой стороны и Наполеонъ постигъ секретъ, какъ эксплуатировать патріотическія чувства поляковъ: онъ имъ блеснулъ приманкою отечества и странно выкроеннымъ, сшитымъ на живую нитку княжествомъ Варшавскимъ. Польскіе замыслы Александра пережили паденіе Наполеона; соединить подъ русскимъ скипетромъ всѣ части прежней Польши ему не удалось, но частицу ихъ онъ оттягалъ на вѣнскомъ конгрессѣ отъ западныхъ сосѣдей; такимъ образомъ возникло такъ называемое поляками *конгрессовое* королевство или Царство Польское, которому тогда же, по собственной волѣ и почину, Александръ I пожаловалъ конституціонную хартію, 25-го мая 1815 года, составленную на манеръ всѣхъ тѣхъ хартій, сочиняемыхъ теоретиками и доктринерами, которыя были въ ходу въ концѣ прошедшаго и началѣ XIX в., съ занесенными въ нихъ правами гражданина, съ театральною обстановкою народнаго представительства, съ дѣленіемъ властей на законодательную и исполнительную, съ независимостью судебной, съ отвѣтственностью министровъ, съ особыми казною и войскомъ, но безъ тѣхъ условій, которыя нынѣ считаются предпосылками конституціи и ея преддверіемъ, — безъ самоуправленія, безъ допущенія общества къ участію въ мелкихъ и обыденныхъ дѣлахъ и заботахъ. Добавимъ, что въ хартію, оставлявшую въ крайней неопредѣленности взаимныя отношенія монарха и народа, вложена была ложная идея, свойственная всѣмъ тогдашнимъ хар-

[1]) Alexandre I et le prince Czartoryski. Correspondance et conversations. Paris. 1865.

тіямъ, о примиряемомъ ею будто бы антагонизмѣ обоихъ этихъ взаимно себя ограничивающихъ факторовъ жизни государственной, — идея, которая въ Польшѣ, вслѣдствіе ея анархическаго прошлаго и представленій о ея связанныхъ по рукамъ и о малеванныхъ корольхъ, должна была найти почву самую благопріятную для развитія въ ущербъ всему другому. Министровъ, хотя и отвѣтственныхъ, мало стѣсняла хартія, они всѣ были бюрократы, и разнились только по образцамъ, которымъ слѣдовали. Однимъ изъ такихъ образцовъ была энергическая французская централизація, другимъ—прусскій аккуратный и методическій бюрократизмъ. Представительство состояло изъ двухъ палатъ: сената, пополняемаго членами, назначаемыми королемъ пожизненно, но не иначе, какъ по представленіямъ самого сената, вслѣдствіе чего даже и въ этой палатѣ правительство не могло имѣть твердой точки опоры. Палата пословъ или депутатовъ по выборамъ отъ поземельной собственности была въ сущности сильно шляхетскимъ учрежденіемъ. Сеймъ долженъ быть собираться только разъ въ два года на одинъ мѣсяцъ, дабы вотировать бюджетъ и правительственные проекты законовъ, подготовленные въ особомъ государственномъ совѣтѣ царства польскаго. Законодательный починъ не принадлежалъ палатамъ, за то имъ предоставлено обсуждать отчетъ объ управленіи страною, составляемый государственнымъ совѣтомъ, то-есть подвергать всесторонней критикѣ систему управленія за время отъ одного сейма до другого. Очевидно, что такой конституціонный механизмъ могъ безъ скрипа и толчковъ дѣйствовать только при совершенномъ благодушіи въ собраніи или при безусловной податливости правительства. Разъ появилась оппозиція, а она не могла не появиться вслѣдствіе того простого факта, что въ обществѣ есть партіи, а партіи эти рождаются отъ различнаго взгляда людей на общественные вопросы, то эта оппозиція, не имѣя никакого ни участія, ни контроля въ управленіи, составляющемъ прерогативу короля, не могла не воспользоваться средствами дешевой и систематической критики всѣхъ дѣйствій правительства. Сеймъ тормозилъ порою нововведенія, отвергая правительственные законодательные проекты. Онъ превращался періодически, послѣ большихъ промежутковъ времени, въ повторяющееся изліяніе всевозможныхъ жалобъ, въ поддувало для воспламененія огня страстей и обоюдныхъ неудовольствій. Въ горючихъ матеріалахъ не было недостатка, черныя тучи надвигались на небосклонъ, а обстоятельства складывались такимъ образомъ, что будь конституція вѣковая, испробованная опытомъ, а не такая, какую на живую нитку сколотили, то и

она не устояла бы, можетъ быть и, надломилась бы силою этихъ обстоятельствъ. Первое изъ нихъ была неимовѣрная трудность согласованія въ царствующемъ лицѣ функцій конституціоннаго государя въ одной сравнительно маленькой части его державы, и самодержавнаго—въ остальномъ. Примѣръ великаго княжества Финляндскаго указываетъ на возможность подобнаго совмѣщенія функцій, даже при разноплеменности управляющаго и управляемыхъ, но при условіи совпаденія естественныхъ границъ съ этнографическими. Конгрессовая Польша представляла собою нѣчто совершенно противное; произведеніе искусственное, она съ момента ея возникновенія разсматриваема была какъ начало, какъ ростокъ, какъ задатокъ. Заманчивый для поляковъ замыселъ соединенія съ ними подъ однимъ конституціоннымъ режимомъ западной окраины Имперіи существовалъ несомнѣнно въ самомъ монархѣ, и его-то опровергалъ Карамзинъ въ 1819 г. въ своей извѣстной запискѣ. Не вслѣдствіе зависти, а просто вслѣдствіе искони смѣшаннаго характера этой окраины, въ которой большинство населенія было русское и только тонкій слой польской интелигенціи лежалъ на этой русской подкладкѣ, само существованіе этого замысла не могло не вооружить противъ себя въ глубочайшей степени чувства русскаго народа. Русскіе, которые принадлежали къ составу управленія Царства Польскаго, не всѣ были похожи на князя П. Вяземскаго (см. его сочиненія). Нѣкоторые, какъ Новосильцевъ, возстановляли государя противъ поляковъ, сѣя подозрѣнія. Самъ императоръ Александръ I со временемъ измѣнился, гуманные идеалы его юности сметены были грубою рукою суровой дѣйствительности, они смѣнились представленіями объ иномъ порядкѣ, основанномъ на власти свыше, передъ которою все должно преклоняться. Присоединимъ къ тому же европейскія осложненія, вліяніе Меттерниха, нѣмецкія правительства, опасающіяся всесвѣтной революціи и указывающія на Францію и Парижъ, какъ на вѣчно дымящійся ея кратеръ, фразы французскаго оппозиціоннаго лагеря, служащія камертономъ оппозиціи и въ Варшавѣ. Конституціонныя свободы не могли разсчитывать на расширеніе; ихъ, напротивъ того, только сокращали. Въ 1819 г. усилена непрекращавшаяся, несмотря на хартію, предварительная цензура, въ 1825 г. засѣданія сеймовыхъ палатъ закрыты для публики. Еслибы общество было болѣе зрѣлое, болѣе дорожащее своимъ настоящимъ, то оно можетъ быть и склонилось бы къ тому, чтобы вынести всѣ невзгоды и переждать, сохранивъ учрежденія, насколько можно было ихъ сохранить, до болѣе счастливыхъ временъ. Но по изложеннымъ выше причинамъ, всѣ мысли народа витали не въ настоя-

щемъ, а въ прошломъ; идеаломъ эпохи была реставрація. Неяснымъ грезамъ далъ болѣе опредѣленное выраженіе водрузившій свое знамя въ литературѣ съ появленія Мицкевича польскій романтизмъ, который ниспровергъ сначала только авторитеты установившіеся въ искусствѣ, но, являя сознаніе полной умственной своеобразности и независимости національной мысли, подготовилъ молодыя поколѣнія къ самымъ смѣлымъ покушеніямъ и затѣямъ. Отъ самобытности умственной однимъ скачкомъ выводилась, какъ постулатъ, самобытность политическая. Подъ гнетомъ чувства общаго неудовольствія начался процессъ гнилого броженія, весь край покрылся густою сѣтью тайныхъ обществъ и заговоровъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ критическія эпохи всеобщаго неудовольствія настоящимъ, послѣдовали и скандальныя оправданія заговорщиковъ. Такимъ оправданіемъ ознаменовалъ себя въ 1828 г. сенатъ, судившій ихъ по порученію государя на правахъ сеймоваго суда. Ненормальное состояніе длилось бы долго, ничѣмъ не разрѣшаясь, не случись въ Парижѣ іюльская революція. Со временъ Наполеоновскихъ, настроеніе поляковъ было тѣснѣйшимъ образомъ связано со всѣмъ, происходившимъ въ западной Европѣ, и особенно откликалось на всякія французскія движенія. Горсть смѣльчаковъ энтузіастовъ произвела вспышку въ Варшавѣ 29 ноября 1830 г. Легко было потушить повстанье силою въ его зародышѣ, но оно окрѣпло вслѣдствіе нежеланія В. Князя Цесаревича принять личное участіе въ дѣйствіяхъ противъ повстанцевъ и отсылки имъ польскихъ полковъ въ распоряженіе Административнаго Совѣта, состоявшаго изъ министровъ и особыхъ членовъ и превратившагося во временное правительство, дѣйствующее еще государевымъ именемъ, но сильно колеблемое и напираемое демагогами и клубистами. Во главѣ его стоялъ князь Чарторыскій. Административный совѣтъ предложилъ стать во главѣ правительства для охраненія порядка генералу Хлопицкому. Хлопицкій предложенія не принялъ, но провозгласилъ себя самъ диктаторомъ на самое короткое, впрочемъ, время, пока не соберется созванный уже совѣтомъ сеймъ. Какъ административный совѣтъ, такъ и диктаторъ заявляли себя вѣрноподданными, оберегателями государевой власти среди народа, хотя и возмутившагося, но будто бы добивающагося, хотя и не легальнымъ путемъ, только однихъ конституціонныхъ гарантій. Временному правительству слѣдовало тотчасъ же обослать своими ходатайствами и записками иностранные кабинеты, поискать между контрагентами, подписавшимися на вѣнскомъ трактатѣ 1815 г.,—не найдется ли охотниковъ заступиться за поляковъ, взять ихъ сторону и поддержать ихъ въ

конфликтѣ съ ихъ государемъ своимъ вмѣшательствомъ. Предлагающихъ свои услуги для этихъ миссій нашлось много, они были изъ знатныхъ людей, не требовали подъемныхъ, обязывались совершать поѣздки своимъ коштомъ. Въ числѣ ихъ былъ Александръ Велепольскій, уже 27 лѣтъ, женатый на Терезіи Потоцкой. Онъ брался ѣхать въ Лондонъ (Al. W. IV, 333) и хлопотать у Сенъ-Джемскаго кабинета. Его предложеніе принято. Интересно взглянуть на тогдашнія его идеи, на полученныя имъ инструкціи и на результаты его поѣздки.

Образъ мыслей Велепольскаго ничѣмъ не разнился въ то время отъ образа мыслей его соотечественниковъ — по крайней мѣрѣ относительно значенія и обязательности для Россіи всѣхъ условій, касающихся Польши въ вѣнскомъ трактатѣ, относительно европейски-международнаго свойства этого вопроса и наклонности западно-европейскихъ державъ къ поднятію его для возстановленія угрожающаго Европѣ будто бы со стороны Россіи равновѣсія. По старому преданію упавшая нація ожидала, что ее возстановятъ, какъ ожидала она нѣкогда, что не допустятъ ее раздѣлить; она искала точки опоры для возстановленія себя внѣ себя на Западѣ. Велепольскій въ своей запискѣ (IV, 329) исходитъ изъ совсѣмъ невѣрныхъ данныхъ, будто бы на вѣнскомъ конгрессѣ Англія (?) предлагала возстановить Польшу, будто бы даже Пруссія и Австрія (?) соглашались возвратить пріобрѣтенныя ими части Рѣчи-Посполитой, а посему, что Англіи всего приличнѣе взять на себя починъ вмѣшательства съ цѣлью возстановленія европейскаго равновѣсія, причемъ поляки останутся вѣрны династіи, когда имъ предоставлено будетъ, какъ свободному народу, опредѣлить власть короля (какъ въ добрыя старыя времена королевскихъ элекцій) и отношенія свои къ Россіи; но можетъ также послѣдовать разрывъ съ династіею — и тогда поляки должны будутъ подумать о новомъ королѣ. Въ инструкціи, данной Велепольскому, какъ агенту, княземъ Чарторыскимъ, находимъ слѣдующія характерныя поясненія варшавскихъ событій: L'étincelle est tombée des mains imprudentes, mais elle a trouvé des matériaux si préparés que la conflagration a été instantanée. Il est facheux que l'étincelle soit tombée. Агентъ долженъ былъ напирать на прежнія обѣщанія (des promesses faites par l'Empereur Alexandre de la jonction des provinces détachées de notre pays), на совершенное (?) отсутствіе въ движеніи якобинскихъ принциповъ, на сильный и надежный центръ единства въ движеніи — въ диктаторѣ. Никакихъ опредѣленныхъ требованій повстанія къ русскому правительству и не ставилось, даже относительно западной окраины

имперіи выражено только, что les Polonais ne veulent point rompre leur lien avec le souverain, mais demandent à rentrer sous l'autorité avec des garanties suffisantes, то-есть совершенной раздѣльности двухъ подъ однимъ государемъ государствъ. Велепольскій отправился въ концѣ декабря 1830 подъ вымышленнымъ именемъ швейцарца Дюпакье. Въ Парижѣ его отказался принять глава кабинета Лафиттъ. Въ Лондонѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Пальмерстонъ согласился принять его, но только какъ полякa-туриста.—Переговоры не приводили ни къ какимъ результатамъ. Пальмерстонъ твердилъ то же, что̀ выразилъ и впослѣдствіи въ парламентѣ въ 1863 г.: nous avons le droit d'intervenir en Pologne, mais n'en avons pas l'obligation, иными словами: намъ нѣтъ интереса мѣшаться въ это дѣло. Изъ своихъ похожденій по англійскимъ пріемнымъ Велепольскій вынесъ печальное сознаніе, что нечего Польшѣ разсчитывать на западно-европейскую политику. Его глубоко оскорбили эгоизмъ и равнодушіе англійскихъ государственныхъ людей, къ которымъ надо было проникать задними ходами и выпрашивать помощь точно милостыню, получая на каждомъ шагу одни только жалкія слова, да унизительные отказы. Не питая никакихъ иллюзій, онъ не убаюкивалъ ими и своихъ довѣрителей. Между тѣмъ въ Варшавѣ собрался сеймъ и провозгласилъ детронизацію короля, шибко смѣняли или смѣщали другъ друга министры, члены правительства, диктаторы, главнокомандующіе. Совсѣмъ неожиданно Велепольскій узналъ стороною, не бывъ предупрежденъ, что въ Лондонъ пріѣхалъ изъ Парижа новый агентъ польскаго правительства, графъ Александръ Валевскій (впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона III, внѣбрачный сынъ Наполеона I) и что онъ поднесъ Пальмерстону проектъ кандидатуры австрійскаго эрцгерцога на польскій престолъ. Считая свою миссію конченною, Велепольскій отправился въ обратный путь; въ Краковѣ узналъ онъ о смерти своей жены, въ Варшавѣ попалъ въ невообразимый хаосъ, сопровождавшій послѣднія судороги изнемогающей революціи.

Его пригласили занять мѣсто въ государственномъ совѣтѣ. Вскорѣ, въ августѣ 1831 г., происходили выборы въ Варшавѣ же для усиленія сейма представителями за-нѣманскихъ бывшихъ когда-то польскихъ областей. Велепольскій былъ выбранъ посломъ отъ Гродна. При повѣркѣ выборовъ личный врагъ его Ольрихъ оспаривалъ законность его избранія; во время преній, кончившихся утвержденіемъ избранія, Велепольскаго защищалъ человѣкъ, сдѣлавшійся потомъ близкимъ его пріятелемъ, Константинъ Свидзинскій. Въ сеймѣ Велепольскаго считали приверженцемъ ари-

стократической партіи; его не могли терпѣть демократы и клубисты. 7 сентября 1831, послѣдовала сдача Варшавы русскимъ войскамъ. Остатки войска, съ сеймомъ и революціоннымъ правительствомъ перекочевали въ Модлинъ, Закрочимъ,—оттуда заграницу. Вмѣстѣ со всѣмъ правительствомъ, а въ томъ числѣ съ Ольрихомъ, который добился наконецъ министерскаго портфеля, эмигрировалъ и Велепольскій. По странному стеченію обстоятельствъ, переѣзжать границу ему пришлось въ одной повозкѣ съ однимъ изъ самыхъ безпокойныхъ и ярыхъ клубистовъ—«польскимъ Робеспьеромъ», Маврикіемъ Мохнацкимъ, который написалъ потомъ исторію повстанія 1831 г.—Какъ для Велепольскаго, такъ и для многихъ тысячъ его соотечественниковъ начиналось новое состояніе—выходство, съ его томительнымъ бездѣліемъ и скукою, съ его помышленіями, направляющимися какъ магнитъ къ полюсу,—къ дальней родинѣ. Жестокій проигрышъ и погромъ 1831 г. не только не подѣйствовали подавляющимъ образомъ на поэтовъ, каковы Мицкевичъ, Словацкій, но возбудили ихъ напротивъ: изъ пѣвцовъ любви они превратились въ плачущихъ пророковъ, въ людей среди упадка всѣхъ надеждъ держащихъ выше чѣмъ когда-нибудь знамя независимости, sperantes contra spem, ожидающихъ, вопреки всякому благоразумію, появленія народнаго мессіи. Военные люди прислушивались къ подземнымъ движеніямъ въ Европѣ, готовые предлагать свои шпаги всякому вооруженному движенію и превратились въ настоящихъ генераловъ отъ революціи. Политики всѣхъ партій отъ нечего дѣлать продолжали винить себя взаимно за неудачи. Владѣлецъ отеля «Lambert» въ Парижѣ, князь Адамъ Чарторыскій, нѣкогда главный органъ русско-польскаго единенія, увлеченный потомъ потокомъ столь далеко, что онъ подписалъ актъ детронизаціи и стоялъ послѣ того во главѣ революціоннаго правительства, держалъ вокругъ себя нѣчто въ родѣ двора, воздающаго этому если не Ягеллону, то по крайней мѣрѣ Гедиминовичу, какъ претенденту, почти монархическія почести и играющаго, по выраженію Велепольскаго (lettre d'un gentilh. pol.) жалкую «династическую мелодраму». Старикъ этотъ однако имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую систему дипломатическихъ неакредитованныхъ агентовъ, которые проникали съ задняго крыльца въ европейскіе кабинеты и подстрекали къ дѣйствованію противъ Россіи. Ни одна изъ партій, ни одно изъ направленій выходства не пришлись Велепольскому по вкусу и нраву. По темпераменту, онъ былъ человѣкъ авторитета и власти, имѣлъ умъ положительный, практическій, не переносящій мечтательства, не любящій иллюзій. Заискиваніе у иностранныхъ кабинетовъ казалось

ему унизительнымъ, союзъ съ революціонизмомъ и демагогами просто гнуснымъ. Дѣлая выборъ между Западомъ и Россіею, онъ въ противность тому, что дѣлали почти всѣ его соотечественники, предпочелъ Россію въ предвидѣніи, что съ нею можно будетъ когда-нибудь сойтись на общей почвѣ славянской идеи. Первые зачатки его славянской теоріи относятся именно къ тому времени, когда онъ и не думалъ о возможности возвращенія, и, соображаясь со своими весьма ограниченными средствами при вѣроятности потери могущаго быть конфискованнымъ маіората, предполагалъ поселиться гдѣ-нибудь въ уединенномъ уголку, напримѣръ въ Базелѣ, и заработывать средства къ жизни профессурой. Въ мартѣ 1832 г. онъ женился на Паулинѣ Потоцкой, родной сестрѣ умершей своей первой жены Терезіи, побывалъ въ дрезденскихъ музеяхъ искусства, подружился въ Краковѣ съ ученымъ археологомъ, позднѣйшимъ издателемъ юридическихъ памятниковъ польской старины, Сигизмундомъ Гельцелемъ. Въ 1833 г. въ Краковѣ родился старшій сынъ его Сигизмундъ. Вскорѣ открылась возможность возвратиться на родину, вслѣдствіе обнародованной русскимъ правительствомъ амнистіи для неособенно замѣшанныхъ въ дѣла послѣдняго повстанія выходцевъ. Велепольскій поступилъ совершенно согласно своему сильно измѣнившемуся отъ событій 1831 г. образу мыслей, воспользовавшись амнистіею; онъ вернулся въ свой Хробержъ и въ выкупленное на свои деньги у кредиторовъ бывшаго ордината гнѣздо ординаціи Пинчовъ, взялся опять за свой неконченный процессъ, послѣ проигрыша котораго въ 1835 г. ему пришлось своими трудами, при весьма строгой экономіи, привести финансы въ соотвѣтствіе съ пошатнувшимся положеніемъ. Богатымъ онъ никогда не сдѣлался, но сдѣлался достаточнымъ человѣкомъ, причемъ прослылъ у многихъ скрягою, вслѣдствіе той упорной бережливости, съ которою задѣлывалъ бреши въ своемъ состояніи, причиненныя отсутствіемъ его въ періодъ выходства и многостоившимъ процессомъ. Его земледѣльческія занятія не мѣшали ему отъ времени до времени освѣжаться поѣздками въ умственные центры Европы; такимъ образомъ мы видимъ его усердно посѣщающимъ зимою, въ 1840—1841 учебномъ году, лекціи философіи въ берлинскомъ университетѣ у самаго источника гегеліанства.

Къ этому времени относится его знакомство съ барономъ Петромъ Мейендорфомъ, позднѣйшимъ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Велепольскій представлялся ко двору и былъ любезно принимаемъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Въ

свободныя минуты онъ писалъ. Одна такая литературная работа его помѣщена въ 1835 году въ журналѣ «Kwartalnik Naukowy», издаваемомъ Гельцелемъ въ Краковѣ (она перепечатана 1878 г., въ варшавскомъ изданіи «Kronika Rodzinna»). Она очень замѣчательна: въ ней на нѣсколькихъ страницахъ вылился авторъ весь, какимъ онъ былъ и остался, съ вполнѣ и окончательно сложившимся образомъ мыслей и характеромъ. Она и послужитъ къ уразумѣнію этой цѣльной и весьма крупной личности.

IV.

„Мысли и замѣчанія" 1835 года.

«Myśli i uwagi», т.-е. «Мысли и замѣчанія» Велепольскаго не представляютъ собою по формѣ ничего цѣльнаго. Они имѣютъ видъ 46 отрывковъ, тезисовъ, афоризмовъ, относящихся къ области философіи и психологіи, въ родѣ тѣхъ, какіе любили писать, наблюдая себя, Монтэнь или Гёте (въ «W. Meisters Wanderjahren») Среди психологическихъ разсужденій мелькаютъ изрѣдка факты изъ области политики, но только какъ примѣры и иллюстраціи для объясненія основныхъ положеній. Не отведено также мѣста личнымъ чувствамъ и впечатлѣніямъ, своему собственному *я*, но такъ какъ предметами изслѣдованія служатъ умъ, вѣра, чувство, отношенія ихъ къ волѣ, условія правильности функцій души, способы выработки характера и то чѣмъ слѣдуетъ человѣку быть, т.-е. его идеалы, то уясняется такимъ образомъ, какіе образцы ставилъ себѣ авторъ какъ цѣли; а такъ какъ, сличая ихъ съ его позднѣйшею дѣятельностью, оказывается, что онъ правилъ жизни, начертанныхъ въ 1835, строго держался до самаго конца, то выходитъ, что афоризмы содержатъ въ себѣ одинъ изъ лучшихъ, какіе есть, автобіографическихъ литературныхъ портретовъ, изображающихъ съ необычайною отчетливостью умственную организацію автора, и скрывающіяся подъ общими чертами народа и вѣка индивидуальныя его особенности. Къ общимъ чертамъ вѣка слѣдуетъ отнести глубокую религіозность автора. Весь образованный слой общества въ началѣ XIX вѣка состоялъ изъ esprits forts, офранцузившихся вольтеріанцевъ, но когда послѣдовало литературное возрожденіе народа, стряхнувшее весь налетъ и окунувшееся въ струѣ народнаго духа, то это движеніе сопровождалось воспламененіемъ религіознаго чувства, совершившимся внѣ церкви и ея обрядовъ и даже казавшимся ей иногда подозри-

тельнымъ. Всего лучше пояснить это явленіе примѣромъ: Мицкевичъ и его сверстники были религіозны въ римско-католическомъ духѣ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ сдѣлались сильно и мистически религіозными въ православномъ духѣ московскіе славянофилы: Хомяковъ, Аксаковы, Самаринъ. Велепольскій вскормленъ романтизмомъ, онъ знаетъ наизусть Шиллера, Гёте, обожаетъ Шекспира, вѣритъ въ провидѣніе и озабоченъ сохраненіемъ религіозной подкладки въ учрежденіяхъ и нравахъ (16). Отчужденіе религіи отъ общества одинаково вредно по его понятіямъ, проявляется ли оно въ видѣ теоріи, требующей религіи даже безъ людей, т.-е. истребляющей для нея племя человѣческое (инквизиція), или въ видѣ теоріи, отрѣшающей общество отъ религіи (проповѣдуемый нынѣ атеизмъ права). Кромѣ религіи существуетъ другая сила въ обществѣ, уничтожающая порою всѣ предначертанія законодателя. «Духъ событій,—замѣчаетъ Велепольскій (17),—насмѣхается надъ человѣческими разсчетами. Фабриканты основныхъ законовъ думаютъ въ мудрости своей, что у нихъ двѣ палаты: пэровъ и депутатовъ, и, приписывая тому великую важность, день и ночь ломаютъ голову надъ равновѣсіемъ властей, между тѣмъ провиденціальное развитіе человѣческихъ судебъ въ своей конституціи обѣ эти палаты превращаетъ въ одну *отрицательную,* а за ними ставитъ особую палату, которой совѣщанія тайны, хотя происходятъ при открытыхъ дверяхъ, которой засѣданія отбываются въ совокупности общественнаго союза и которую слѣдовало бы назвать *положительною*». Религіозность Велепольскаго не клерикальная; она совмѣщается съ философскимъ свободомысліемъ, съ тою философіею, которая сама была, по справедливому указанію А. Конта, видоизмѣненною формою вѣрованія, очищенною отъ грубаго антропоморфизма, а именно съ метафизикою. Велепольскій, подобно русскимъ людямъ сороковыхъ годовъ обоихъ лагерей—западническаго и славянофильскаго,—метафизикъ, трансцендентальный идеалистъ, гегеліанецъ, но гегеліанецъ правой стороны. Цѣлая группа поляковъ разработывала гегелевскую философію, но не прерывая связей съ вѣрою, напротивъ того пытаясь—привить къ дряхлѣющей религіи свѣжія силы, содѣйствовать возрожденію религіи посредствомъ философіи. По понятіямъ Велепольскаго (3), христіанство, лежащее въ основѣ современнаго общества, въ своемъ постепенномъ органическомъ развитіи выводитъ наружу все новыя созданія умозрительныя и общежительныя; въ числу такихъ порожденій христіанства отнесена и настоящая (т.-е. трансцендентальная) философія. Совсѣмъ въ духѣ этой философіи Велепольскій

скій опредѣляетъ человѣка какъ *бытіе, основанное на идеѣ* или какъ *идею, воплощающуюся въ бытіе* (18). Сама истина есть нѣчто реальное, не только искомое, но и ищущее человѣка, идущее ему на встрѣчу и открывающееся ему въ событіяхъ благопріятныхъ или противныхъ; иногда она является ему въ золотомъ сіяніи зари надежды или въ яркомъ лучѣ радости, иногда въ черной тучѣ страданій, горестей или отчаянія (11). Побѣды ея поражаютъ какъ нѣчто чудесное. Громадная масса жизни и сопротивленія наполняетъ міръ, а съ другой стороны малъ и едва видимъ зародышъ вѣчной истины. Но истина одушевляетъ малочисленныхъ исповѣдующихъ ее послѣдователей надеждою нескончаемой будущности, такъ что несмотря на отворачивающуюся отъ нихъ дѣйствительность, они бываютъ долготерпѣливы (longanimi). Ничто не знакомитъ насъ такъ хорошо съ непреоборимою силою истины, какъ исторія; надобно только умѣть ее изучать, сравнивая наши состоянія съ состояніями людей въ отдаленнѣйшія времена по сходству ихъ или различію (25). Событія всякаго періода или вѣка имѣютъ свой ритмъ движенія, свои фазы или такъ-сказать *свои историческія времена года*. Случается, что общее или принципы общежитія укладываются спокойно, залегая такъ-сказать на дно общества; поле дѣйствія для единицъ представляется тогда шире; онѣ образуютъ какъ-бы горельефы, на спокойной поверхности общества (32). Но бываютъ также историческія времена года, къ числу коихъ авторъ относитъ и переживаемую имъ эпоху, когда все перепутано, пріостановлено, ни одно изъ соціальныхъ осложненій не разрѣшается, каждый опасается разрѣшать ихъ, чтобы весь порядокъ вещей не былъ вдругъ внезапно возмущенъ и переиначенъ. Всѣ чего-то ждутъ, откладываютъ и имѣютъ въ виду то, что спутанное какъ-нибудь развяжется безъ ихъ содѣйствія. Каково время, таковы и его герои. Велепольскій относится къ нимъ свысока и иронически, какъ великанъ къ карликамъ: въ подобныхъ эпохахъ всплываютъ наружу одни *полу-люди*, столь же сами въ себѣ запутанные, какъ и порядокъ дѣлъ, составляющій стихію, въ которой они плаваютъ, безхарактерные, лишенные убѣжденій, прикрывающіе свое убожество обиліемъ словъ, но мнящіе, что они ходъ дѣлъ заперли на свою задвижку (32). Невыгодной характеристикѣ времени дано и удовлетворительное объясненіе. Наше время отличается тѣмъ, что глубины общества возмущены движеніями общихъ принциповъ, причемъ сглаживаются остатки и слѣды спокойнаго пребыванія въ корпоративныхъ, семейныхъ и мѣстныхъ отношеніяхъ, а новымъ отношеніямъ не дано обра-

зоваться и крѣпнуть. Общество подобно жидкости, которая должна устояться, прежде чѣмъ кристаллизуются плавающія въ ней твердыя частицы. Эта черта понятна какъ реакція противъ прошлаго вѣка, когда общее было запущено, а преобладали частныя отношенія; слѣдовательно, когда общее заявило свои требованія, то пало все то, что разрослось въ ущербъ общему. Возвратъ къ спокойному состоянію требуется и необходимъ; запутанное распутается, взбаломученное успокоится, но не скоро (29); пока это спокойствіе наступитъ, движеніе событій и преображеніе отношеній слѣдуютъ столь быстро, что всякій фиксированный ихъ образъ моментально старѣетъ, и книга и наука отстаютъ отъ дѣйствительности, которая только и можетъ быть познана посредствомъ общенія съ другими людьми (21). Не хороша эпоха, но поносить ее было бы безполезно и безсмысленно. Надо только не разсчитывать на счастіе въ томъ количествѣ, въ какомъ оно достается въ болѣе спокойныя времена. Достаточно имѣть какой-нибудь его зачатокъ, который надо растягивать, пользуясь имъ умѣло, подобно золотой пластинкѣ, которая до безконечности ковка и растяжима (36).

Вслѣдствіе свойства времени, въ которомъ событія несутся ураганомъ и наука отстаетъ и ветшаетъ, а можетъ быть и вслѣдствіе своей умственной организаціи, болѣе склонной къ дѣйствованію, нежели къ созерцанію, Велепольскій не могъ сдѣлаться кабинетнымъ ученымъ — быть только наблюдателемъ событій. Онъ преклоняется передъ твореніями великихъ созерцателей: ихъ писанія похожи на гранитное основаніе, на которомъ располагаются въ видѣ разнообразныхъ горныхъ кряжей общественныя пріобрѣтенія. Знакомство съ ними даетъ подкладку для сужденій о ближайшемъ будущемъ, бѣлѣющемъ въ облакахъ надъ плоскостью настоящаго (12). Но роль, которая ему больше всего улыбается, есть, конечно, роль направляющаго событія историческаго человѣка. Такой человѣкъ долженъ обладать въ высшей степени качествами *долготерпѣнія* и *неторопливости*, и не забѣгать впередъ событіямъ, пока и онъ и истина взаимно для себя не созрѣютъ (3). Онъ долженъ не только отрѣшиться отъ надеждъ достиженія личнаго счастія, но и отъ надеждъ на успѣхъ своихъ идей и дѣйствовать безъ самолюбія. Никогда — говоритъ Велепольскій — не слѣдуетъ ставить себѣ правиломъ, чтобы (моя) личность одержала верхъ или осталась неприкосновенною, но всегда имѣть въ виду цѣль, которая нами должна быть осуществлена. Ради этой цѣли, почерпаемой въ высшемъ порядкѣ вещей, мы должны измѣнять образъ дѣйствія сообразно измѣ-

нившимся обстоятельствамъ, но не тормозить дѣла. Вся суть въ томъ, чтобы дѣло, которому человѣкъ служитъ, одержало верхъ, а не въ томъ, чтобы восторжествовала его личность, разсматриваемая отдѣльно отъ дѣла (33). Онъ обязанъ вникать не только въ то, что жизнь несетъ на своей поверхности, но и въ тѣ болѣе глубокія наставленія, которыя, какъ болѣе грузкія, обрѣтаются въ ея нѣдрахъ. Въ рѣдкихъ мѣстахъ золото и драгоцѣнные камни лежатъ на поверхности земли, или въ прозрачныхъ ручьяхъ; всего чаще сокровища добываются только съ трудомъ (30). Дѣйствіе историческаго человѣка не должно быть похоже на сильный разливъ водъ, которыя изсякаютъ тотчасъ при дѣйствіи солнца, но на теченіе глубокой рѣки, которая, хотя и сверкаетъ, но независимо отъ волненія поверхности всю силу теченія хранитъ въ глубинахъ своего русла (24). Нельзя отъ дѣятеля ожидать, чтобы онъ былъ великъ ежеминутно, такъ какъ жизнь каждаго человѣка, имѣющаго обширныя отношенія, развивается только въ длинныхъ рядахъ дѣяній. Потому всякій человѣкъ долженъ помириться съ тѣмъ, что его не пойметъ масса, которая умѣетъ разсматривать однѣ только мелочи; этому недостатку онъ не поможетъ словами, а только полнымъ развитіемъ всѣхъ своихъ дѣйствій (22). Его не должны смущать даже опустошенія или развалины. Достаточно признать себя упавшимъ, когда насъ опрокинетъ теченіе событій, но не надо предупреждать свое паденіе упадкомъ бодрости и труда (27). Величіе дѣятеля заключается въ томъ, чтобы онъ «основалъ свой принципъ, простирающійся на всю совокупность человѣческихъ отношеній, не на побочныхъ и поверхностныхъ требованіяхъ, но на существенныхъ элементахъ общежитія». Иногда такой дѣятель является преждевременно; тогда его и устраняетъ стеченіе обстоятельствъ, на немъ отразится злосчастіе историческаго времени года. Но и такіе неудачники приносятъ пользу. Они должны утѣшать себя тѣмъ, что не съ нихъ начинается исторія и не на нихъ она кончается, что потокъ событій оставитъ ихъ за собою; что такихъ людей, какъ они, хотя бы и превзойденныхъ теченіемъ вѣка, иначе будетъ судить исторія, нежели чернь (motłoch) или сборище галдящихъ резонеровъ (rozprawaczy), для которыхъ все содержится въ днѣ настоящемъ, а маленькій отрѣзокъ совокупности вѣковъ служитъ мѣркою всей совокупности вѣковъ. Историческій человѣкъ не создаетъ для себя своей задачи; безъ выбора его и воли, самою жизнью вложены въ область дѣятельности его извѣстные элементы общежитія; все его назначеніе предать себя беззавѣтно и вполнѣ служенію одного какого-нибудь по-

добнаго элемента (31). Если ему и не слѣдуетъ торопиться, то съ другой стороны ему нельзя и упускать время. Каждый великій дѣятель можетъ имѣть успѣхъ и достигнуть вершины славы только при извѣстномъ кризисѣ среди постояннаго оборота событій. Чѣмъ сильнѣе и опредѣленнѣе его характеръ, тѣмъ исключительнѣе предназначенъ онъ для одной какой-либо исторической минуты. Весь секретъ его дѣятельности заключается въ совмѣщеніи двухъ условій: постояннаго вниманія, обращеннаго на все испытуемое, и дѣйствованія по совершенно яснымъ понятіямъ (24). Такая только дѣятельность нормальна; Велепольскій величаетъ ее, называя ее *ясною, крѣпкою, трезвою, здоровою*. Дѣятель долженъ ежеминутно наблюдать, не раздавитъ ли онъ безсознательно засновывающейся ткани событій, не запутаетъ ли онъ въ нее ногъ своихъ (25). Но когда настало время дѣйствовать, то, не скрещивая дѣйствій (т.-е. не предпринимая одно другому противныхъ дѣйствій), онъ долженъ предать себя всецѣло настоящему теченію обстоятельствъ, произнося вмѣстѣ съ Гамлетомъ: He that hath the steerage of my course direct my sail (кто мой рулевой, тотъ да ставитъ и паруса мои) и думать только о подходящихъ средствахъ. Часто люди не успѣвали въ своихъ задачахъ не потому, чтобы перемѣнили убѣжденія, но только потому, что не могли преодолѣть себя и заставить выбрать тѣ средства, которыя только и могли повести къ цѣли (27). Каждое отправленіе слѣдуетъ совершать, когда оно представится уму, какъ совершенно опредѣленная задача, вытекающая изъ положенія нашего. Когда пропущена минута, въ которую мы могли дѣятельностью нашею помочь выходу плода, то мы тотчасъ и выпускаемъ изъ вниманія нашего тѣ дѣйствія, которыя надо было совершить, но они возвращаются потомъ и преслѣдуютъ насъ какъ привидѣнія, такъ что мы не обрѣтаемся ни въ томъ, что́ было и уже пропущено, ни въ томъ, что́ имѣется въ настоящемъ (26). Коль скоро мы зорко слѣдимъ за тѣмъ, что̀ каждый день съ собою приноситъ, намъ не зачѣмъ наполнять систематически каждый день извѣстными занятіями (30). Даже общіе планы дѣйствій на то только пригодны, чтобы сообразоваться съ ними приблизительно. Нелѣпо думать, что Провидѣніе можетъ быть нами обнято и принуждено слѣдовать шагъ за шагомъ по составленному нами маршруту (3).

Въ этихъ мысляхъ, выраженныхъ сжатымъ, образнымъ и даже своеобразнымъ слогомъ, отразился довольно выпукло образъ человѣка, который, зная себѣ цѣну, сознавая свою силу и способности, не находящія по стеченію обстоятельствъ соотвѣтствую-

щаго имъ поприща для дѣятельности, упражняется, въ теченіи многихъ годовъ, въ изученіи себя самого, перебираетъ всѣ возможныя положенія, въ которыя можетъ онъ быть поставленъ, когда придетъ моментъ, котораго онъ ожидаетъ съ вѣрою въ его наступленіе и который обдумываетъ до мелкихъ подробностей, какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать, когда моментъ наступитъ.—Моментъ скрывался въ облакахъ и совсѣмъ было не похоже на то, чтобы онъ когда-нибудь наступилъ. Строить идеалы будущихъ реформъ общества значило бы забавляться утопіями, но можно было чертить идеалы метода, и такіе именно идеалы чертилъ Велепольскій. Замѣчательно, что онъ остался имъ до мелочей вѣренъ, когда потомъ спустя четверть вѣка ему пришлось дѣйствовать. Идеалъ метода и программы дѣйствій очевидно приложены къ умственной организаціи автора. Человѣкъ онъ далеко не сухой, не черствый, напротивъ того, даже нѣжный и чувствительный. Онъ сожалѣетъ (6,7) о томъ, что пережитыя впечатлѣнія стираются, что нельзя возобновлять ихъ съ прежнею свѣжестью, съ ощущеніями испытанныхъ радости или горя. Нельзя оставаться на точкѣ зрѣнія непосредственнаго чувства, не должно также отрѣшаться отъ всякихъ чувствъ и превращаться въ мертвенное отвлеченіе. Единственный выходъ изъ затрудненія даетъ рефлексія (rozwaga), которая не уничтожаетъ впечатлѣній, но подвергаетъ ихъ броженію, сопоставляетъ разныя состоянія ума, объединяетъ ихъ и въ этомъ объединеніи движется и живетъ. Чувства, растворенныя подобною рефлексіею, утрачиваютъ свою непосредственную яркость, умъ какъ будто-бы сталъ бѣднѣе, но это обѣдненіе вознаграждается прибыткомъ правды, крѣпости и ясности. Чувство, порождаемое этимъ состояніемъ души, превосходитъ всякія другія. Велепольскій не только человѣкъ рефлексіи, онъ прежде всего человѣкъ сильной воли: совершенство не можетъ заключаться въ превознесеніи одной способности души надъ другими, оно заключается въ держаніи ихъ въ гармоніи и единствѣ, въ крѣпкомъ заправленіи ими (8), иными словами въ *силѣ воли*, разумѣется при предположеніи, что мы имѣемъ дѣло съ умомъ и теоретическимъ и практическимъ, одинаково способнымъ и наблюдаемое объединять и объединенное, т.-е. теорію, осуществлять, и начинающимъ дѣйствовать только тогда, когда онъ доберется по каждому вопросу до теоретической основы, т.-е. до совершенно ясныхъ понятій (5). Понятно, что Велепольскій—человѣкъ авторитета и порядка. Сторона воли, т.-е. практической дѣятельности (или воля), необходима по его понятіямъ даже въ области мышленія. До начала дѣйствія мысли похожи на силы до созданія міра, независимыя,

разыгрывающіяся особнякомъ; дѣйствіе сопрягаетъ ихъ и вводитъ въ одно дѣло, въ общій результатъ (33). — Посредствомъ упражненія пріобрѣтается навыкъ дѣйствовать послѣдовательно и не запаздывая, такъ чтобы появленіе надобности дѣйствовать было и сигналомъ немедленнаго исполненія. Слѣдствіемъ сего навыка пріобрѣтаются извѣстныя практическія *острота и чутье* въ отысканіи подлежащей точки выхода и прямѣйшаго пути къ цѣли (26). Пріобрѣлъ ли Велепольскій эту практическую остроту и чутье, которыя онъ выше всего ставилъ и считалъ главными качествами государственнаго человѣка? На этотъ вопросъ можно скорѣе отвѣчать отрицательно. Онъ былъ гораздо больше теоретикъ, нежели практикъ, гибкости, умѣнья по временамъ извиваться и хитрить не было у него никакого, въ выборѣ людей зачастую онъ ошибался; хотя физически очень близорукій, онъ имѣлъ въ политическихъ соображеніяхъ всѣ качества дальнозоркаго, предвидящаго, что̀ будетъ чрезъ десятки лѣтъ, но не всегда различающаго, что̀ дѣлается вблизи его. По крайней мѣрѣ ему не удавалось иногда то, въ чемъ успѣвали люди просто ловкіе, и предположенія его проваливались просто потому, что онъ цѣнилъ слишкомъ низко ту массу сопротивленія, которую встрѣчаютъ его несомнѣнно вѣрныя, но непопулярныя идеи. Ему свойственна была порою та слѣпота, которая присуща великимъ дѣятелямъ, которые вѣрятъ въ непосредственную осуществимость своихъ замысловъ, но не стали бы ихъ и осуществлять, если бы взвѣсили пассивное сопротивленіе, представляемое инертною средою. Очень можетъ быть, что та неуживчивость, отсутствіе гибкости и ловкости, въ которыхъ упрекали маркиза, когда онъ сталъ министромъ, должны быть въ значительной части отнесены на счетъ того обстоятельства, что ему пришлось ждать весьма долго, что власть получилъ онъ имѣя $57^1/_2$ лѣтъ, когда большинство его сверстниковъ дѣлались ни на что неспособными, послѣ стольких десятковъ лѣтъ ожиданія, когда имѣвшіяся когда-то у нихъ способности могли уже подвергнуться атрофіи. Во всякомъ случаѣ, маркизъ былъ политикъ-реалистъ, нисколько не похожій на неузнанныхъ великихъ людей, которые кишмя кишѣли въ Россіи въ сороковыхъ годахъ и которыхъ не мало было и въ Польшѣ и въ Европѣ съ легкой руки расплодившаго ихъ Байрона. — Велепольскому совсѣмъ чужда была идея, что большому кораблю только и подобаетъ большое плаваніе. Ничто, — говоритъ онъ (42), — не дѣлаетъ души доступнѣе злу, какъ отсутствіе призванія и профессіональныхъ занятій. Она, коль скоро праздна, то становится похожею на кладъ, вокругъ котораго бродитъ злой

духъ, пытаясь его похитить. Лучше занятіе горькое, тяжкое, сопряженное со страданіями и даже пригнетающее личность, нежели пустота, которая даетъ личности разростись не въ мѣру (44). Въ совершенную противность романтикамъ, которые съ Мицкевичемъ (Oda do młodości) твердили: измѣряй силу намѣреніемъ, а не намѣреніе силой,—Велепольскій предлагаетъ держать себя въ области практически возможнаго (4) и давалъ слѣдующій драгоцѣнный совѣтъ, который слѣдовало бы записать золотыми буквами: ошибочно думать, что сфера политики въ общежитіи объемлетъ все, а всѣ другія отношенія не болѣе какъ дрянной матеріалъ, служащій ей подстилкою, неимѣющій никакой самостоятельной цѣнности и могущій быть пренебрегаемымъ. Каждое общественное отношеніе, напримѣръ, семейное или мѣстное входитъ въ общежитіе, какъ моментъ и элементъ, и имѣетъ нескончаемые вѣсъ и цѣнность (20).—Какъ думалъ Велепольскій, такъ онъ и дѣйствовалъ. Послѣ 1831 г. онъ сознавалъ, что «наши столицы теперь въ селеніяхъ нашихъ и деревняхъ, что сельская жизнь, разумѣется, при условіяхъ быта помѣщика, теперь единственное для насъ поприще общественное, и единственная отчизна» (Lettre d'un gentilh. pol.). Съ крестьянами онъ ладилъ хорошо и приводилъ въ исполненіе переоброченіе съ отмѣною барщины въ своей ординаціи, о чемъ мы поговоримъ обстоятельнѣе, когда коснемся его государственной дѣятельности по аграрному вопросу. При полномъ прекращеніи всякой жизни общественной послѣ 1831 г., маленькое развлеченіе и предметъ возбуждающій интересъ представляло земское кредитное общество, созданное талантливымъ министромъ финансовъ княземъ Друцкимъ-Любецкимъ, управленіе коего пополнялось по выборамъ отъ заемщиковъ-помѣщиковъ. Велепольскій принималъ самое дѣятельное участіе въ этихъ выборахъ. Какъ крупный землевладѣлецъ, онъ былъ примѣрнымъ администраторомъ и привелъ въ порядокъ и благосостояніе свои ординатскія имѣнія. Политика вовсе его не занимала до 1846 года, когда галиційскія событія взволновали его, произвели желчное настроеніе и вызвали отставшаго бойца на литературную арену. *Письмо польскаго шляхтича*, изданное безымянно въ Парижѣ въ 1846 г. (Lettre d'un gentilhomme polonais sur les massacres de la Galicie adressée au prince de Metternich à l'occasion de sa dépêche circulaire du 7 mars 1846. Paris, Jules Renouard et C-ie), не только поразило силою страсти, негодованія, гнѣва, но и озадачило современниковъ оригинальностью неожиданныхъ выводовъ; кромѣ того, оно послу-

жило Велепольскому впослѣдствіи ступенью для достиженія власти. Таковы соображенія, заставляющія подольше на немъ остановиться.

V.

«Письмо польскаго шляхтича», 1846.

Польское выходство послѣ 1831 г. играло не безъ извѣстнаго успѣха роль національнаго правительства, которое вело подземную войну съ настоящими. Значенію его содѣйствовали въ значительной степени, какъ полное прекращеніе для поляковъ всякой дѣятельности общественной на родинѣ, такъ и подавленность литературы на той же родинѣ вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій. На родинѣ ничего дѣльнаго нельзя было печатать, вслѣдствіе чего общество питалось съ жадностью парижскими запретными плодами, взывающими языкомъ, исполненнымъ страсти, къ повстанію, т.-е. къ простой и ясной реставраціи въ до-раздѣльныхъ границахъ. Цѣль была одна, споръ былъ о средствахъ. Одни возстановляли отечество помощью вмѣшательства европейскихъ кабинетовъ. Другіе подстрекали крестьянъ противъ помѣщиковъ приманкою дарового земельнаго надѣла, иными словами возсоздавали Польшу посредствомъ индифферентнаго къ ней мужичья, истребляя тотъ классъ, въ которомъ хранилось о ней преданіе или, по счастливому выраженію проф. Шуйскаго, поднимали семь вѣковъ самой аристократической исторіи на остріѣ мужицкой косы. Возможность столь безумныхъ затѣй только и можетъ обусловливаться такимъ разобщеніемъ управляющихъ отъ управляемыхъ, при которомъ первые не знаютъ что́ творится у послѣднихъ и могутъ быть застигнуты въ расплохъ. Чѣмъ неожиданнѣе былъ сюрпризъ, тѣмъ болѣе и слѣдовавшая за нимъ паника. Мѣстные австрійскіе чиновники, когда обнаружились первые признаки польскаго заговора, простиравшагося на Познань, краковскую республику и Галицію и имѣвшаго ростки въ царствѣ польскомъ, прибѣгли къ тому же крестьянину, котораго возбуждали и повстанцы; организовано было избіеніе дворянъ, выпущены каторжники изъ тюремъ (въ числѣ ихъ прославился нѣкто Шеля) и бециркс-гауптманы платили деньги за каждаго доставленнаго живымъ или мертвымъ шляхтича поголовно. Старый Меттернихъ оправдывалъ эти административныя сатурналіи циркуляромъ. Россія сдѣлалась на время популярна въ Галиціи и Краковѣ, вслѣдствіе того, что при нетерпящемъ безначалія и всякаго

союза съ соціально-революціонными элементами императорѣ Николаѣ, войска русскія на границѣ давали въ то время пристанище бѣглецамъ изъ шляхты галиційской, но не пропускали ихъ убійцъ, и что крестьянское движеніе, сопровождаемое временною пріостановкою барщины, не коснулось вслѣдствіе такого образа дѣйствій царства польскаго. Таковы были факты. Велепольскій въ то время находился съ семействомъ во Вроцлавѣ (Breslau); брошюру онъ издалъ безъ имени автора, не скрывалъ передъ знакомыми, что она ему принадлежитъ, не опровергалъ печатно ея происхожденіе и даже призналъ ее косвенно въ предисловіи къ изданію Biblioteka Ordyn. Mysz., 1860. По мнѣнію профессора Тарновскаго, брошюра сплошь писана въ увлеченіи одного страстнаго порыва, въ пылу негодованія на Австрію, ради котораго маркизъ предавался Россіи душою и тѣломъ, что̀ въ сущности составляло отступленіе отъ его позднѣйшей политической программы, шедшей по пути единенія, но на весьма опредѣленныхъ условіяхъ. Взглядъ этотъ кажется намъ невѣрнымъ и несоотвѣтствующимъ чувствамъ и характеру маркиза. Велепольскій не былъ изъ числа людей увлекавшихся, волновавшихся, совершающихъ въ аффектѣ что-либо, о чемъ приходилось бы жалѣть, беря назадъ сказанное. Притомъ ему было за сорокъ лѣтъ, а въ эти годы рефлексія держитъ въ уздѣ аффектъ. Проявленіе сильнѣйшаго негодованія въ огненныхъ, исполненныхъ страсти, выраженіяхъ, можетъ быть намѣренное, какимъ оно бываетъ, напримѣръ, у адвоката или у парламентскаго оратора, который умѣетъ задумать нѣчто, потомъ его прочувствовать и, съ умысломъ воспламенившись, повлечь одушевленныхъ его страстнымъ словомъ читателей или слушателей къ ясно сознанной имъ цѣли. *Письмо шляхтича* представляетъ собою, по нашему мнѣнію, блистательный образчикъ такого практическаго краснорѣчія, попытку разрѣшить съ успѣхомъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ: обратить соотечественниковъ, пользуясь галиційскими событіями, на путь не только чуждой имъ дотолѣ, но и ненавистной славянской теоріи, внушить имъ въ пылу ихъ негодованія на Австрію идею о возможномъ когда-нибудь русско-польскомъ единеніи. Если подвергнуть нынѣ это письмо химическому такъ-сказать анализу, то окажется, что оно состоитъ изъ двухъ совершенно разнородныхъ, весьма искусственно сплавленныхъ частей: политической программы издавна, съ 1831 г., желаемаго русско-польскаго союза, независимой отъ галиційскихъ событій, и мыслей, навѣянныхъ этими событіями и направленныхъ къ тому, чтобы загнать силою страсти негодующихъ земляковъ въ разставленныя сѣти программы

русско-польскаго союза. Раздѣлимъ эти два элемента — глубокій разсчетъ и преходящую страсть.

Разсчетъ былъ вѣренъ, но далеко не новъ. Велепольскій самъ выражался потомъ (Bibl. Ord. Mysz. 1860; przedmowa), что онъ только выписывалъ изъ сочиненій демократа Сташица то, что было уже сказано симъ послѣднимъ. Добавимъ, что маркизъ точно также могъ бы сослаться на Адама Чарторыскаго, на министра Мостовскаго, на Линовскаго, на многихъ иныхъ публицистовъ, министровъ и ораторовъ русской партіи въ конституціонномъ царствѣ польскомъ, съ которыми у него была общая исходная точка—та, что прежняя Польша исчезла до тла, новую надо исподоволь и по кусочкамъ строить, а всего легче это сдѣлать подъ сѣнью русскаго орла и на почвѣ общеславянскаго единенія. Идею эту хорошо постигали многіе до 1830 г., потомъ отъ нея отвернулись и взяла верхъ противная ей идея чистой реставраціи. Не новую идею Велепольскій проповѣдуетъ, излагая ее слѣдующими разумными словами: «Готовится новая будущность, надо на что-нибудь рѣшиться. Вмѣсто безпорядочнаго похода на удачу, надобно избрать здравый и указываемый событіями образъ дѣйствія посредствомъ смѣлой рѣшимости, которая не обойдется, конечно, безъ боли сердечной. Вмѣсто того, чтобы истощаться вымаливаніемъ себѣ положенія на Западѣ, мы можемъ, войдя въ себя, создать себѣ будущность въ противоположномъ концѣ и проложить себѣ дорогу сквозь нѣдра колоссальной державы. Становясь болѣе и болѣе неспособными совладать со своею судьбою какъ политическое цѣлое, какъ государство, мы можемъ обрѣсти новую, какъ люди того же племени... Въ сознаніи славянскаго единства должны погаснуть ненависти наши. Въ строгости угнетающаго насъ въ Россіи управленія мы сами на половину виноваты... Какъ только мы перестанемъ позировать въ видѣ рабовъ, наши владыки даже нехотя должны будутъ сдѣлаться нашими собратьями... Польскому дворянству выгоднѣе стать вмѣстѣ съ русскими во главѣ новой, сильной и имѣющей великую будущность славянской цивилизаціи, нежели быть толкаемымъ, презираемымъ, ненавидимымъ, и тащиться позади за вашею (князь Меттернихъ, т.-е. западно-европейскою) цивилизаціею, которая дряхла, придирчива и самоувѣренна». Авторъ не предлагаетъ вовсе того, чѣмъ пугаютъ западную Европу подъ именемъ панславизма, т.-е. сліянія «всѣхъ ручьевъ въ одно общее русское море», со всѣми своими особенностями и языками. Какъ онъ далекъ отъ подобной утопіи, это доказываетъ ссылка на остзейскія провинціи, которыя оказываютъ въ качествѣ нѣ-

мецкаго элемента важное вліяніе на судьбы Россіи, между тѣмъ какъ съ другой стороны они служатъ основаніемъ вліянія Россіи на Германію, послѣдствія котораго дадутъ себя въ будущемъ почувствовать. Исключите ихъ или денаціонализируйте — и исторія обѣднѣетъ. Предлагаемое Велепольскимъ единеніе — только политическое, при національной раздѣльности. Выгоды единенія обрисованы слѣдующимъ образомъ. «Вслѣдствіе нашего (т.-е. польскаго) содѣйствія силы имперіи получили бы громадное приращеніе. Она бы внутренно окрѣпла, освободившись отъ лихорадки, причиняемой ей нашими сопротивленіями. Она обогатилась бы всѣми умственными и нравственными способностями нашего племени, которыхъ вліяніе тотчасъ бы обнаружилось. Кто знаетъ, можетъ быть внутреннія страданія русскаго народа облегчились бы вслѣдствіе этой примѣси польскаго элемента, и наше общее славянство вышло бы лучше и богаче, чѣмъ каждая изъ отдѣльныхъ привходящихъ народностей. Наконецъ, черезъ насъ имперія пріобрѣла бы вліяніе во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ нашими братьями, и неудержимо было бы ея обаяніе по отношенію къ славянскимъ населеніямъ юга и запада». Еще болѣе велики и заманчивы выгоды, сулимыя авторомъ своимъ землякамъ:—

«Взамѣнъ нашихъ взносовъ въ пользу Россіи, она доставила бы племени нашему обширное поприще общественной работы, положительныхъ и первостепенныхъ интересовъ, чѣмъ бы наполнилась въ отчаяніе приводящая пустота нашего положенія въ настоящемъ. Наше состояніе — состояніе раба и попрошайки; оно унижаетъ насъ и развращаетъ. Лихорадочно и праздно гоняясь за неуловимымъ будущимъ и беззаботливо упуская безвозвратно отлетающее настоящее, нашъ разумъ портится, наши чувства извращаются; злоба, съ которою мы вкушаемъ нашъ хлѣбъ насущный, умаляетъ въ насъ достоинство человѣческой природы. Красивыя черты польскаго характера подвергаются разложенію. Вмѣсто доблестей отцовъ, ихъ великодушія и доброты, ихъ благороднаго честолюбія, развиваются все больше дерзость, низость, зависть. Даже пороки ихъ мельчаютъ въ насъ: внушительный хаосъ ихъ крамолъ замѣняется мелкою злостью и дрязгами нашихъ ссоръ. Наша общественная жизнь вся только въ словѣ, истощающемъ остатокъ силъ. Жужжаніе распрей выдаетъ себя за общественное мнѣніе. Слова нашего прекраснаго языка теряютъ смыслъ и перестаютъ обозначать реальныя вещи. Отборныя души, наши вожатаи пропадаютъ въ гигантскихъ потугахъ, поѣдаемые преждевременно скорбью и смертью, сердца высы-

хаютъ, умы озлоблены; образъ истины темнѣетъ. Даже надежда вырождается: матери питаютъ младенцевъ кровью и желчью, отравляя молодыя поколѣнія... Нѣтъ, не по волѣ Божіей та вѣковая злость въ сердцахъ нѣсколькихъ, слѣдующихъ одно за другимъ, поколѣній. Отечество для насъ не можетъ быть тѣмъ идоломъ, которому бы надлежало приносить въ жертву великіе интересы человѣчества и вѣчныя начала общественнаго порядка».

Такова не новая, но сильно прочувствованная идея! Ей дано только своеобразное приложеніе: авторъ освѣтилъ ее заревомъ пылающихъ и окровавленныхъ помѣщичьихъ дворовъ въ Галиціи и пытается, нельзя ли во имя мести заставить земляковъ повернуться и стать противъ Запада. Этотъ Западъ въ глазахъ Велепольскаго считается въ сущности такимъ же отходящимъ и если не гнилымъ, то дряхлымъ (civilisation décrépite), какимъ считаютъ его московскіе славянофилы, у которыхъ оказывается вдругъ, что есть точка соприкосновенія съ маркизомъ. Для достиженія своей цѣли Велепольскій употребляетъ слѣдующій пріемъ: онъ беретъ за бока дряхлаго канцлера австрійскаго и, ставя его подъ позорнымъ столбомъ, бичуетъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и политику, которая, совершая безчеловѣчія, безстыдно утверждаетъ, что она и есть цивилизація. Онъ говоритъ князю приблизительно слѣдующее:—

«Вы раздѣлили Польшу—мы не жалуемся на то; вы побѣдители, а горе побѣжденнымъ. Законнымъ владыкою въ разобранномъ государствѣ была истребляемая вами шляхта. Вы присвоили себѣ и права короля и все политическое полновластіе этой отрѣшаемой отъ господства шляхты. И то вы сдѣлали по праву, по праву побѣдителя. Лишенная своего политическаго значенія, шляхта образовала однако особое состояніе на-ряду съ другими. Положить конецъ ея исключительному положенію, уравнять ее съ другими состояніями, подведя подъ одинъ съ ними знаменатель, вы были также въ правѣ, тѣмъ болѣе, что сама шляхта въ послѣдніе годы свои стремилась къ такому уравненію въ правахъ. Оставалось ей послѣ паденія нѣчто столь малое, столь ничтожное, что о немъ едва ли стоитъ говорить, бытіе невзрачное, жизнь совмѣстно съ крестьянами и между крестьянами, единственная наша общественная дѣятельность, единственное отечество. Наше отношеніе къ крестьянамъ подлежало либо охраненію его, какъ оно есть, либо, если оно признано вреднымъ, разрѣшенію его посредствомъ немедленной отмѣны съ выкупомъ, какъ то учинено въ Пруссіи; только такая отмѣна достойна названія аграрнаго законодательства: крестьянинъ пересталъ быть подвластнымъ и

сдѣлался просто сосѣдомъ своего помѣщика. Но вы-то именно и сохранили барщину, обративъ ее притомъ въ орудіе господства. Вы растравляли и старались развередить это отношеніе, умножая полицейскія распоряженія и плодя цѣлый классъ чиновниковъ, происходящій отъ гніенія отношенія между крестьяниномъ и помѣщикомъ, кормящійся этимъ гноемъ и междоусобіемъ. Вы не допускаете даже просвѣщать этотъ умственно запущенный людъ крестьянскій; вы удаляете отъ него приходскихъ священниковъ, а разводите только монашескія конгрегаціи и іезуитовъ. Ваши школы — верхъ отсталости; въ семинаріяхъ и богословскихъ факультетахъ царитъ сухой раціонализмъ временъ Іосифа II. Въ теченіи семидесяти лѣтъ твердя, что дворянство — подпора трона и что польская національность для васъ неприкосновенна, вы втолковывали простолюдину, что онъ не полякъ, что поляки — одна шляхта; вы его искушали, а когда результатъ обнаружилъ вашу несостоятельность, вы рѣшились на злодѣяніе и обагрили руки кровью». Велепольскаго возмущаетъ собственно не сама кровь (онъ не сантиментальничаетъ никогда), но лицемѣріе. Онъ предпочелъ бы явную и откровенную революцію. «Когда во Франціи, — говоритъ онъ, — поднялась великая и сильная демократія и вытравила дворянство, то было не отступленіе отъ принципа, а основаніе новаго порядка вещей; отъ того же толчка упалъ и престолъ. Гильотина пожинала головы безъ злобы и оскорбленій, но въ то же время звучала марсельеза — пѣснь будущаго. Потомки дворянъ возродились у новаго источника и обрѣли въ общегражданскихъ благахъ достаточное вознагражденіе за потерянное. Но вы, консерваторы, защитники престола и легитимности, зараженные худшею, какую можетъ испытывать правительство, болѣзнью: самооблыгиванія, — что вы намъ подадите въ замѣнъ послѣдняго блага, которое намъ оставалось и которое вы конфисковали. Вы отняли у насъ сердца крестьянъ; съ тѣхъ поръ какъ началась эта рѣзня, народъ польскій пересталъ существовать — берите у насъ все, жизнь и головы наши, но верните намъ любовь нашихъ крестьянъ, а если вы обрекли насъ на избіеніе, то убивайте, но только не руками нашихъ крестьянъ».

Эта сильная выходка, заключающаяся напоминаніемъ Гётевскихъ словъ въ Фаустѣ: «Das Blut ist ein besondrer Saft», и увѣреніемъ, что авторъ до конца жизни останется врагомъ князя Меттерниха за его образъ дѣйствій по отношенію къ польской національности, но дѣйствующимъ прямодушно, честно и по-дворянски, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ не откажетъ князю въ чувствахъ личнаго уваженія, — выражала общія чувства поля-

ковъ того времени и потому не могла не нравиться и не потрясать. Но она была только предисловіемъ къ другому, совсѣмъ уже неожиданному обращенію, которое даже и послѣ галиційскихъ событій никакъ не могло разсчитывать на такой же пріемъ у польскихъ читателей, а заставляло ихъ только сильно призадуматься. Велепольскій ставитъ порѣдѣвшіе ряды польскаго дворянства передъ престоломъ державнаго владыки сѣвера, какъ рыцаря строгаго, но прямодушнаго, какъ дворянина, какъ монарха, который никогда не отчуждалъ своихъ правъ въ руки разбойниковъ, и влагаетъ въ уста этой шляхты слова, которыя онъ сильно желалъ бы изъ устъ ея слышать: «Мы предаемъ себя всецѣло великодушнѣйшему изъ нашихъ враговъ. Мы были твои рабы по праву завоеванія страха ради, но мы ни во что ставили вынужденную присягу. Теперь мѣняется основаніе владѣнія; мы подчиняемся какъ люди вольные, по доброй волѣ и убѣжденію, не въ видѣ демонстраціи и безъ разсчета. Ты намъ государь Божьею милостью, а волѣ Божьей, открывающейся въ нашихъ судьбахъ, мы должны подчиниться. Мы сбрасываемъ съ себя небезкорыстныя и обманчивыя оказательства сочувствія, дешевыя фразы, всякія гарантіи и все то, что люди торжественно величаютъ *международнымъ правомъ* (droit des gens)—лохмотья, въ которыя насъ наряжало милосердіе Европы, но которыя не были въ состояніи прикрыть наши раны и язвы. Мы не ставимъ никакихъ условій, не дѣлаемъ оговорокъ, ты самъ судья, когда возможно будетъ смягчить строгость твоихъ по отношенію къ намъ законовъ, но въ сердцахъ нашихъ записана одна только просьба огненными буквами: взыщи за преступленіе, вспомни о пролитой славянской крови братьевъ нашихъ Галиціанъ, которая вопіетъ о мести».

Это заключеніе брошюры Велепольскаго слѣдуетъ, мнѣ кажется, разсматривать, какъ адвокатскій пріемъ, какъ удочку, закинутую на пробу, на авось, безъ всякой надежды на успѣхъ. На преходящемъ чувствѣ мести нельзя ничего строить въ политикѣ, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ теперешнія отношенія Галиціи и поляковъ въ державѣ Габсбурговъ. Затаенная мысль отмести можетъ вліять, но оставаясь на заднемъ планѣ и не будучи даже выставляема какъ настоящій мотивъ. Если месть за свои личныя обиды не годится въ смыслѣ самостоятельнаго мотива дѣйствія, то странно и предлагать месть за обиды чужія и притомъ за обиды такихъ третьихъ лицъ, которыя считались донынѣ самыми кичливыми и безпокойными крамольниками. Ополчиться на Австрію могла Россія только въ своихъ собственныхъ, а не чужихъ интересахъ, если бы она рѣшилась осуществлять

всеславянскую идею, если бы задалась, положимъ, честолюбивыми видами всемірнаго господства посредствомъ политическаго объединенія всѣхъ славянъ. Возможность — даже самая отдаленная — чего-нибудь подобнаго должна быть признана даже и теперь полнѣйшею утопіею (замѣтимъ мимоходомъ, что Велепольскій никогда не былъ утопистомъ) и ставилось это предложеніе въ то время, когда царствовалъ монархъ, не только не расположенный къ кореннымъ измѣненіямъ карты Европы, но по принципу, защитникъ установившагося безспорнаго владѣнія, консерваторъ и повсемѣстный охранитель легитимизма. Велепольскій могъ, конечно, и не знать о происшедшемъ осенью 1833 на Мюхенгрецкомъ съѣздѣ свиданіи обоихъ императоровъ, Николая и Франца и объ обѣщаніи, данномъ при семъ случаѣ первымъ послѣднему опекаться по его смерти въ случаѣ нужды его хилымъ наслѣдникомъ; но то было вполнѣ извѣстно, что какъ крѣпостное право считалось пока въ Россіи незыблемою основою порядка, такъ точно неприкосновенными считались и основы вѣнскаго трактата 1815, а въ томъ числѣ и границы державъ священнаго союза. Съ другой стороны была фальшь и въ предложеніяхъ Велепольскаго землякамъ своимъ. Побѣжденнымъ, покореннымъ и не располагающимъ своею судьбою предлагаема была какая-то новая капитуляція—отдача безъ кондицій неотчуждаемаго предмета—сердецъ, съ внезапнымъ претвореніемъ ненависти въ любовь, въ пользу власти, которая и безъ того располагаетъ ихъ поступками вслѣдствіе ихъ обязательно вѣрноподданническаго состоянія. Этотъ пріемъ былъ психологически невѣренъ; только люди, которыхъ кто-то назвалъ у насъ «Сердечкиными» въ политикѣ, могутъ думать, что всѣ національныя распри рѣшаются порывами чувства, что стоитъ народамъ, ненавидѣвшимъ другъ друга, броситься другъ другу на шею и облобызаться и тогда распрѣ на вѣки вѣчные конецъ.—Оказывается, что чувство послѣднее дѣло. Когда люди или народы, даже глубоко противные другъ другу, уразумѣютъ, что имъ слѣдуетъ дѣйствовать сообща, и твердо на это соучастіе рѣшатся, то неминуемо установится извѣстный сносный «modus vivendi», а затѣмъ окажется чрезъ извѣстное время, что они и подружились, потому что ихъ связали общія цѣли, воспоминанія объ испытанныхъ общихъ радостяхъ, торжествахъ и несчастіяхъ; къ связи, начатой по холодному разсудочному разсчету, прибавились, какъ позднѣйшее увѣнчаніе связи, уваженіе и даже любовь. Наконецъ, Велепольскій въ своей брошюрѣ слишкомъ помѣщикъ; на національное дѣло онъ смотритъ такъ сказать съ высоты своей барской усадьбы, упуская изъ виду, что, несмотря на по-

литическое господство свое, шляхта даже и въ древней Польшѣ не была весь народъ, а тѣмъ менѣе въ новой; что при всѣхъ своихъ практическихъ неудобствахъ романтизмъ, составляющій такъ-сказать душу новой Польши, сіяетъ не шляхетскими, а общечеловѣческими идеями; что поборниками польской идеи въ новомъ ея видѣ могутъ быть не шляхтичи, не аристократы, не римскіе католики, а люди всякихъ вѣръ и даже горячіе и убѣжденные демократы. Хотя Велепольскій не крѣпостникъ и сознаетъ, что будущее должно положить конецъ барщинѣ, но онъ не достаточно сознаетъ глубокій вредъ въ самомъ продолженіи этого состоянія, онъ еще готовъ продолжать патріархальничать между крестьянами на неопредѣленное время и претендуетъ на Австрію главное за то, что она лишила помѣщиковъ расположенія къ нимъ крестьянъ, между тѣмъ какъ самая необычайная легкость, съ которою совершилась галиційская рѣзня, должна бы навести его на мысль, что никакого расположенія крестьянъ къ панамъ нѣтъ и быть не можетъ, что духъ патріархальный давно исчезъ, а остается одна экономическая эксплуатація, продолженіе существованія которой есть зло, требующее самоскорѣйшей отмѣны. Своимъ письмомъ Велепольскій не обратилъ никого въ свою политическую вѣру; не видно, дошла ли брошюра по своему назначенію, до высшихъ оффиціальныхъ сферъ въ Россіи; кажется, что она оставалась въ Россіи совершенно неизвѣстною. Между поляками она не только не поправила репутаціи Велепольскаго, но вѣроятно только увеличила его непопулярность. Что онъ умный человѣкъ, то всѣ знали; его считали сутягою и скопидомомъ, къ этимъ примѣтамъ присоединилась новая: панславистъ, вслѣдствіе которой идеи его стали считаться анти-народными, а всякія предложенія подозрительными.

Между тѣмъ славянская идея, которая занимала Велепольскаго, всплыла вдругъ среди суматохи 1848 г., но въ совершенно иной, неожиданной формѣ. Въ самомъ разгарѣ революціи, распространившейся на всю Австрію и заставившей нѣкоторое время опасаться, не подвергнется ли престолъ Габсбурговъ крушенію среди конфликта національностей, созванъ былъ славянскій съѣздъ въ Прагу на 31-е мая 1848. Близкіе друзья Велепольскаго, Гельцель и князь Юрій Любомірскій, получили приглашеніе принять участіе въ съѣздѣ. Велепольскій, подстрекаемый любопытствомъ, отправился вслѣдъ за ними, какъ простой наблюдатель, бывалъ въ засѣданіяхъ и подвергся вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Сигизмундомъ, тогда еще малолѣтнимъ, серьёзной опасности на улицѣ въ моментъ, когда какая-то шальная пуля съ улицы

убила княгиню Виндишгрецъ и солдаты разгоняли штыками и прикладами толпу, среди которой находились тогда оба Велепольскіе. Ихъ выслали тотчасъ же изъ Праги. Послѣдствія революціи были громадны для Австріи, но только въ соціальномъ отношеніи; въ политическомъ она вызвала повсемѣстно въ Европѣ сильнѣйшую и весьма продолжительную реакцію, усиленіе всякихъ полицейскихъ мѣръ, стѣсненія печати. Настоящее не оправдывало предвидѣній маркиза, но ожиданія его опять ожили, когда послѣ севастопольской войны на зарѣ новаго царствованія обозначилась необходимость обширныхъ реформъ, перемѣны всего общественнаго строя, а слѣдовательно поднятія опять остававшагося много лѣтъ въ неопредѣленномъ состояніи польскаго вопроса.

В. Спасовичъ.

ИЗДАЛЕКА и ВБЛИЗИ

Деревенскіе очерки.

IV *).

Въ назначенный день, утромъ, часовъ въ десять, я поѣхалъ къ Пущину. Иванъ, противъ обыкновенія, упорно молчалъ. Дѣло въ томъ, что наканунѣ Степанко соблазнилъ его сбѣгать на посѣдки, въ Брёхово, гдѣ, по его увѣренію, «дѣвки первый сортъ, что твоя рѣпа!» На посѣдкахъ Степанко замѣтилъ, что дѣвки какъ-то особенно льнутъ къ красивому, кудрявому, хорошо одѣтому Ивану, и что его гармонія и прибаутки какъ-то очутились на заднемъ планѣ; это ему не понравилось, и онъ, ни съ того, ни съ сего, пребольно отколотилъ неожиданнаго соперника, и, вдобавокъ, изорвалъ ему рубашку и вытолкалъ вонъ изъ избы. Иванъ очень разогорченъ такимъ пассажемъ, тѣмъ болѣе, что отплатить Степанкѣ чѣмъ-нибудь равносильнымъ онъ не можетъ, такъ какъ тотъ гораздо сильнѣе, а староста коротко объявилъ: «и за дѣло!—не связывайся со всякой шавердой! Не шляйся по ночамъ!» Словомъ, Иванъ разобиженъ кругомъ и упорно молчитъ.

Въ прихожей меня встрѣтилъ самъ Павелъ Семеновичъ. Онъ былъ очевидно не въ духѣ.

— Что съ вами, батюшка?

— И не спрашивайте! Представьте, вчера нелегкая принесла къ намъ инспектора школьнаго. Крестовоздвиженскій, или просто Воздвиженскій, шутъ его знаетъ! Такъ и сейчасъ толкомъ не

*) См. выше: сентябрь, стр. 311.

знаю, какъ именно его кликаютъ. Вѣрно то, что наибезталаннѣйшій, наидубинноголовѣйшій семинаръ. Моя Катерина Степановна возится съ нимъ: вчера ѣздили въ Горѣлово, сегодня поѣхали въ Косово. Вѣдь она въ обѣихъ этихъ школахъ попечительствуетъ. Спорить съ нимъ, доказываетъ ему, что дважды два четыре. А онъ даже и этого понять не въ состояніи! Вчера вечеромъ просто истомили! Жена кипятится по обыкновенію, а онъ только ухмыляется. Сначала-то мнѣ смѣшно было, а потомъ злость взяла! И сегодня обѣдать у насъ будетъ, да пожалуй еще и ночевать останется. И образина же, я вамъ доложу! Настоящій орангутангъ. Чортъ бы его побралъ!

Вскорѣ подъѣхалъ и Мордвиновъ. Павелъ Семеновичъ и ему сейчасъ же сообщилъ о постигшемъ его несчастіи.

Мордвиновъ сочувственно улыбнулся.

— Только напрасно вы думаете, Павелъ Семеновичъ,—заговорилъ онъ,—что этотъ инспекторъ такой тупоумный субъектъ. Нѣтъ, я этого не скажу. Онъ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе чего-то невозможнаго, но, въ сущности, вовсе не такой невинный птенецъ, какимъ старается казаться. Какъ-то прошлой зимой я раза два встрѣчался съ нимъ въ городѣ, а потомъ пришлось разъ ночевать вмѣстѣ на земской станціи—лошадей, что-ли, не было, ужъ не помню теперь. Ужъ не знаю почему, довѣріе-ли онъ внезапно ко мнѣ почувствовалъ, или такъ просто, поболтать ему захотѣлось, только подъ конецъ онъ развернулся, и свои житейскія и служебныя правила излагать пустился. Препротивный, и преопасный, доложу вамъ, экземпляръ! Тѣмъ болѣе опасный, что смотритъ онъ такимъ остолопомъ.

— Какой онъ тамъ ни на есть, а все-таки онъ испортитъ намъ сегодняшній день, особенно если еще ночевать останется! Охъ, ужъ мнѣ эта Катерина Степановна! Охота возиться съ разнымъ вздоромъ, какъ обезьяна съ чурбаномъ!

И я, и Мордвиновъ знаемъ хорошо любимую тэму Павла Семеновича; мы не возражаемъ, но мнѣ кажется, что докторъ какъ-то особенно сочувственно на этотъ разъ слушаетъ обычныя выходки Пущина.

Наконецъ пріѣхала и Катерина Степановна съ инспекторомъ. Оказалось, что фамилія его не Крестовоздвиженскій и не Воздвиженскій, какъ утверждалъ въ сердцахъ Пущинъ, а Крестопоклонскій. Это былъ мужчина лѣтъ сорока пяти, высокій, широкоплечій, очень неуклюжій; все лицо, до самыхъ глазъ, даже кисти рукъ, все было покрыто густой, черной какъ смоль растительностью. Говорилъ онъ густымъ басомъ, на о; въ его рѣчахъ

частенько проскакивали цвѣтистыя фразы семинарскаго краснорѣчія былыхъ временъ...

Катерина Степановна очевидно была чѣмъ-то огорчена и раздосадована. На лицѣ Крестопоклонскаго ничего нельзя было прочитать.

Сѣли за столъ.

Заткнувъ салфетку угломъ за галстухъ, и расправивъ ее надъ манишкой, инспекторъ, очень немного нагибая голову къ тарелкѣ, медленно и методично ѣлъ свой супъ. Молчаніе становилось очень неловкимъ.

— Ну, скажите,—какъ-бы нехотя началъ Пущинъ,—какъ вы нашли Косовскую школу?

Катерина Степановна бросила ложку и какъ-то нервно завозилась на своемъ мѣстѣ, меланхолически поглядывая на меня и на доктора.

— Помѣщеніе превосходное-съ!—забасилъ Крестопоклонскій. —И обстоятельство это тѣмъ паче удивленія достойно-съ, что дается оно безвозмездно-съ. Волостной старшина, господинъ Соколовъ-съ, всякаго одобренія за свое достохвальное усердіе къ дѣлу народнаго образованія заслуживаетъ-съ. Такъ я и начальству своему доносить намѣреніе имѣю-съ. Подобное сему усердіе не должно оставаться безъ поощренія-съ!

— Да скажи хоть ты имъ, Павелъ Семеновичъ, что Соколовъ вовсе не такой сердобольный человѣкъ, какимъ кажется. Я говорила, говорила, monsieur Крестопоклонскій не хочетъ мнѣ вѣрить.

Monsieur Крестопоклонскій сложилъ всю небольшую часть свободнаго отъ волосъ пространства своего лица въ какую-то приторную улыбку и скривилъ все свое могучее туловище въ сторону хозяйки.

— Помилуйте, сударыня-съ, какъ я могу осмѣлиться не повѣрить вамъ-съ? Я говорю только-съ, что мы, лица съ оффиціальнымъ положеніемъ-съ, не имѣемъ права входить въ обсужденіе нравственности тѣхъ лицъ, съ которыми приходимъ въ соприкосновеніе такимъ образомъ-съ, какъ въ настоящее время я-съ съ господиномъ Соколовымъ-съ. Я вижу прекрасное, обширное помѣщеніе-съ, и узнаю, что оно дается такимъ-то лицомъ безвозмездно-съ. Какое право имѣю я входить-съ въ обсужденіе дѣятельности этого лица-съ на другихъ поприщахъ жизни-съ?

— Да вѣдь Соколовъ совсѣмъ не даромъ даетъ волости это помѣщеніе; напротивъ, онъ получаетъ за него такія деньги, ка-

кихъ никогда не получилъ бы, еслибъ отдалъ его въ наймы частному лицу,—замѣтилъ Павелъ Семеновичъ.

Monsieur Крестоповлонскій точно такъ же улыбнулся и точно такъ же склонилъ свое туловище къ Пущину.

— Вы изволите ошибаться-съ, если позволите имѣть смѣлость такъ выразиться-съ, смѣю васъ увѣрить-съ, почтеннѣйшій Павелъ Семеновичъ-съ. Въ помѣщеніи училища имѣется на стѣнѣ-съ, въ рамкѣ-съ, на всеобщее усмотрѣніе-съ, копія съ заявленія господина Соколова-съ въ уѣздную земскую управу-съ объ его желаніи отдать свой домъ подъ помѣщеніе народнаго училища-съ безвозмездно, и на этой же копіи имѣется копія съ постановленія училищнаго совѣта о благодарности господину Соколову-съ за таковое пожертвованіе-съ. Помимо того-съ, что вышеозначенныя копія-съ засвидѣтельствованы надлежащимъ образомъ съ приложеніемъ печатей-съ, мнѣ-съ, какъ одному изъ членовъ училищнаго совѣта-съ, вполнѣ извѣстно это обстоятельство-съ.

— Да какое мнѣ дѣло до вашихъ копій, благодарностей и рамокъ! Все это вздоръ, которымъ эта каналья Соколовъ втираетъ очки разнымъ простоф..... не знающимъ его людямъ. Мнѣ-то отлично извѣстенъ этотъ кулакъ и міроѣдъ. Безвозмездно! Скажите пожалуйста! Я и не зналъ до сихъ поръ этого фокуса. Да знаете-ли вы, что Косовскій священникъ, учитель вашей школы, даромъ обучаетъ его сынковъ въ отдѣльные отъ школьныхъ занятій часы? И обучаетъ ихъ только потому, что Соколовъ далъ квартиру—иначе земской-то школы, вѣдь, не былобы, волости-то ужъ надоѣлъ этотъ учитель, и осенью мужики не согласились дать денегъ на квартиру. Не было бы школы, у священника не было бы 240 рублей учительскаго жалованья. Вотъ онъ и сошелся на этихъ условіяхъ съ Соколовымъ. Это разъ. Во-вторыхъ, Соколовъ еще недавно собралъ по 2 к. съ души, какъ бы вы думали, на что? Да на чернила. Не шутя. И плутъ же бестія, ловко обдѣлалъ это дѣло. Въ октябрѣ, что-ли, начинаются классы. Священникъ пишетъ въ управу, что нѣтъ бумаги, перьевъ, карандашей, чернилъ. Ну, изъ управы присылаютъ все, а чернила, пишутъ, не посылаются, они должны изготовиться на счетъ волости. Священникъ и пишетъ въ волостное правленіе, что такъ, молъ, и такъ, по предписанію уѣздной управы, соблаговолите доставить чернила. Раньше ужъ у нихъ съ Соколовымъ объ этомъ уговоръ былъ. Ну, Соколовъ и дѣлаетъ немедленно сборъ съ волости, «по предписанію уѣздной управы» да по 2 к. съ души и собралъ. А душъ-то въ воло-

сти 3,400. Итого 68 руб. Чернилъ выйдетъ на полтинникъ во весь годъ. Да священнику, пока училище было не въ его домѣ, онъ платилъ что-то, кажется, рублей пятьдесятъ въ годъ—теперь уроки продолжаются, а ужъ онъ не платитъ ничего. Вотъ за квартиру-то онъ и получитъ около 120 рублей—а если отдать такъ, такъ никто и 60 не дастъ; кому она тамъ, въ Косовѣ-то, нужна? Домъ-то сколько лѣтъ пустой стоялъ. Наконецъ, еслибъ и не было всѣхъ этихъ обстоятельствъ, разъ мужики отказали въ деньгахъ на квартиру для школы, Соколову необходимо отдать свой домъ. Помилуйте, у него, у Соколова, у столпа у этакого, да нѣтъ въ волости школы? Афронтъ и передъ начальствомъ, и передъ земскимъ собраніемъ! Никакъ нельзя-съ. Вотъ вамъ и безвозмездно!

— Обстоятельство относительно сбора денегъ на чернила мнѣ совершенно неизвѣстно-съ, и, буде оно составляетъ противозаконное дѣяніе со стороны господина Соколова-съ, можетъ быть обжаловано крестьянами въ надлежащее присутственное мѣсто-съ, —однимъ духомъ отбарабанилъ инспекторъ.—Я не считаю себя въ правѣ вмѣшиваться въ административныя распоряженія волостного начальства-съ. Что же касается до приватныхъ занятій отца Іоанна съ сыновьями господина Соколова-съ, то почему же не предположить, что онъ, видя ихъ замѣчательныя способности, въ чемъ и я имѣлъ случай сегодня лично удостовѣриться, не занимается съ ними изъ желанія послужить своимъ прихожанамъ и отечеству?

— Вонъ куда хватили! Нѣтъ, сударь мой, не знаете вы отца Ивана! Станетъ онъ служить кому-нибудь даромъ, какъ же! Самъ на обухѣ рожь молотитъ, норовитъ какъ бы на грошъ пятаковъ купить!

Мнѣ невольно пришелъ въ голову отзывъ моего кучера о Косовскомъ священникѣ: «вовсе скаредъ! Дюжо прижимаетъ нашего брата!»

— Ну-съ, — продолжалъ Пущинъ,—а нашли-ли вы тамъ какіе-нибудь успѣхи въ преподаваніи? Мужики мнѣ не разъ жаловались, что отецъ Иванъ частенько манкируетъ, что ребята ходятъ, ходятъ въ школу цѣлую зиму, а и азовъ не выучатъ?

— Ничего подобнаго я не имѣлъ случая замѣтить-съ. Напротивъ, спрошенные мною ученики отвѣчали весьма и весьма удовлетворительно-съ, съ отличіемъ-съ. Познанія ихъ въ законѣ Божіемъ, россійской письменности и ариѳметикѣ пріятно удивили меня-съ. Видно, что преподаваніе идетъ весьма толково и добро-

совѣстно-съ. Такъ я и начальству своему доносить намѣреніе имѣю-съ.

Катерина Степановна опять завозилась на своемъ стулѣ. Пущинъ вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Да вѣдь ты знаешь отца Ивана. Представь, у него на первой скамейкѣ оказались оба сына Соколова, мальчикъ Ѳедора Ѳедорова, и сынъ дьячка. Ну, конечно, отвѣчали они всѣ превосходно. Я ужъ подробно разсказывала все monsieur Крестопоклонскому, да онъ и въ этомъ отношеніи составилъ себѣ самостоятельное убѣжденіе, вполнѣ противоположное моему; что же мнѣ дѣлать?

Monsieur Крестопоклонскій осклабился.

— Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, сударыня-съ, что считаю себя въ правѣ судить объ успѣхѣ или неуспѣхѣ школы только на основаніи собственныхъ моихъ наблюденій! Посторонніе обстоятельства-съ, какъ, напр., таковыя, каковыя вы изволили разсказывать по поводу спрошенныхъ мною учениковъ, до меня не касаются-съ!

— Какъ не касаются!—почти закричалъ Пущинъ.—Да вѣдь эти четыре ученика не имѣютъ ничего общаго съ Косовской школой! Именно они-то и не могли вамъ дать правильнаго понятія объ ней! Вѣдь сыновья Соколова, какъ я уже говорилъ вамъ, въ школу не ходятъ; отецъ Иванъ занимается съ ними частнымъ образомъ уже лѣтъ пять. У нихъ ужъ года два есть льготныя свидѣтельства, полученныя въ городѣ; отецъ Иванъ садитъ ихъ на первую скамейку только въ случаѣ посѣщенія начальства! А Ѳедора Ѳедорова мальчикъ учился не у него; онъ съ отцомъ переѣхалъ въ Косовъ только нынѣшнею осенью, и учился до сихъ поръ въ городѣ, въ городскомъ училищѣ. А дьячковъ сынъ только-что исключенъ изъ духовнаго училища, изъ третьяго, кажется, класса; всего недѣли двѣ какъ отецъ привезъ его изъ города!

— Всѣ эти четыре ученика значатся по спискамъ Косовскаго училища, и потому я не считаю себя въ правѣ не признавать ихъ за таковыхъ и входить въ разныя постороннія разсужденія,—тѣмъ же голосомъ и тономъ возразилъ Крестопоклонскій,—надо отдать ему полную справедливость. Пущинъ горячился, Катерина Степановна замѣтно волновалась, то краснѣла, то блѣднѣла; одинъ инспекторъ отъ начала до конца вполнѣ сохранилъ самообладаніе, и ни жестомъ, ни голосомъ не выразилъ того напряженнаго состоянія, въ которомъ, конечно, находился, благодаря направленію и тону разговора.

— Вотъ и вчера тоже,—началъ опять Пущинъ, обращаясь ко мнѣ,—этакъ же все спорили о горѣловской школѣ. Только вчера было наоборотъ. Мы съ Катериной Степановной хвалили, а господинъ инспекторъ неодобрялъ.

— Мнѣ весьма прискорбно-съ, что вы такъ изволили понять мои вчерашнія замѣчанія-съ. Я не неодобрялъ-съ, а только замѣтилъ о нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ желательнаго порядка-съ, —протрубилъ тотъ.

— А что именно вы нашли тамъ?—заговорилъ Мордвиновъ. Я знаю хорошо тамошнюю учительницу, госпожу Бѣлову. Честная, добросовѣстная труженица на мои глаза эта дѣвушка.

Инспекторъ какъ-то сострадательно и вмѣстѣ снисходительно улыбнулся и склонилъ свою фигуру въ направленіи доктора.

— Мнѣ очень пріятно, что и я могу сказать то же самое-съ. Я замѣтилъ только во время вчерашняго посѣщенія-съ, что она слишкомъ разбрасывается и потому не можетъ выполнить нашего главнаго требованія-съ — точнаго и неукоснительнаго слѣдованія утвержденной высшимъ начальствомъ программѣ-съ. Въ виду этого, весьма важнаго обстоятельства, я полагалъ бы рискованнымъ-съ поручить ей и на будущій учебный годъ самостоятельное веденіе училища, особенно такого значительнаго по числу учениковъ, какъ горѣловское-съ.

— Да помилуйте,—вступился Пущинъ,—вѣдь она ужъ третій годъ ведетъ эту школу, и только благодаря ей она сдѣлалась значительной!

— Я нахожу, что госпожа Бѣлова-съ, при всемъ ея усердіи, слишкомъ молода, чтобъ своими нетвердыми руками самостоятельно вести великое дѣло народнаго образованія-съ!—безапелляціонно протрубилъ инспекторъ на замѣчаніе хозяина, по обыкновенію наклоняя къ нему все туловище.

Всѣ, кромѣ Крестопоклонскаго, были не въ духѣ, и я былъ очень радъ, что обѣдъ кончился. Сейчасъ же послѣ обѣда инспекторъ попросилъ лошадей и уѣхалъ. Не успѣли затворить за нимъ дверей, какъ Пущинъ, нахмурясь, самымъ серьёзнымъ тономъ обратился къ женѣ:

— Ну, Катя, я положительно прошу тебя на будущее время избавить меня отъ этихъ посѣщеній. Я уже не говорю о томъ, сколько крови перепортило мнѣ за эти два дня это чучело; я махнулъ на это рукой! Но неужели ты не понимаешь, что твое вмѣшательство, твое заступничество только несомнѣнно вредитъ тому дѣлу, за которое ты хлопочешь? Я увѣренъ, что въ ближайшемъ будущемъ отца Ивана переведутъ на высшій окладъ,

мерзавцу Соколову пришлютъ благодарность сверху, а Бѣлову упрячутъ куда-нибудь въ помощницы, а не то и вовсе уволятъ. Прекрасные результаты, нечего сказать! И для того, чтобы добиться ихъ, пришлось еще бесѣдовать съ этимъ животнымъ! Помилосердуй, Катя, на что же это похоже?!

Катерина Степановна только виновато уставила глаза въ землю. Мордвиновъ кусалъ свою бороду, я безцѣльно смотрѣлъ въ пространство. Всѣ понимали, что Пущинъ правъ.

— Ну, хоть убрался-то, и на томъ спасибо! Ну его къ... Право, невольно ругаться начнешь. Самое лучшее—плюнуть на все и ни во что не вмѣшиваться. Ну, ну, не убивайся!—и Пущинъ подхватилъ жену и поцѣловалъ ее въ лобъ. Всѣ отправились въ гостиную.

Сначала разговоръ естественно вертѣлся на положеніи нашего школьнаго дѣла и на посѣщеніи инспектора. Я думаю, ему сильно чихалось дорогой. Больше всѣхъ, разумѣется, волновалась Катерина Степановна. Она собиралась отказаться отъ попечительства—мужъ всячески поддерживалъ ее въ этомъ желаніи. Мордвинова главнымъ образомъ интересовала Бѣлова. Что́ она будетъ дѣлать? Откажется отъ мѣста или нѣтъ?

Но, мало-по-малу, эта неблагодарная и тяжелая тэма надоѣла намъ. Какъ-то невольно всѣ обратились къ отъѣзду доктора, и опять возобновились тѣ дебаты, которые мы вели третьяго дня у меня. Мордвиновъ больше чѣмъ когда-либо настаивалъ на своемъ водотолченіи. Мы съ Катериной Степановной нападали на него; перебрали и эгоизмъ, и малодушіе, и невыдержанность — и всѣми этими милыми качествами щедро надѣлили нашего общаго друга. Онъ горячо и упорно защищался. Пущинъ молчалъ; но когда мы ужъ истощили всѣ свои аргументы, онъ вдругъ всталъ, выпрямился во весь свой богатырскій ростъ и съ рѣдкимъ въ немъ одушевленіемъ сталъ оправдывать доктора.

— Да, говорилъ онъ, я согласенъ съ вами, Михаилъ Петровичъ, вполнѣ согласенъ. Я имѣю даже бо́льшее право, чѣмъ вы, такъ рѣзко высказать по этому предмету мое мнѣніе. Я родился и выросъ здѣсь, въ этой самой Емельяниховѣ, каждое лѣто во время моей ученической жизни проводилъ здѣсь-же. Теперь живу тутъ безвыѣздно ужъ слишкомъ двѣнадцать лѣтъ. Мой отецъ и мой дѣдъ родились, жили и умерли тоже здѣсь. Я не заѣзжій, временный обыватель, а коренной здѣшній житель. Каждый окрестный мужикъ знаетъ меня отъ рожденія и зналъ моего отца, мою мать—онъ не можетъ считать меня чужимъ

человѣкомъ. Смѣю думать, что я никогда не обижалъ мужика, не эксплуатировалъ его; онъ не имѣетъ права видѣть во мнѣ заѣдающую его силу. Живу я здѣсь, какъ вамъ извѣстно, безвыѣздно—знакомыхъ у меня мало. Все время я только и дѣлаю, что вожусь съ мужикомъ. У меня большое хозяйство, заводъ, лѣсныя заготовки—всѣмъ этимъ я завѣдую одинъ, лично, безъ всякихъ посредниковъ, съ каждымъ мужикомъ говорю и рѣшаю дѣло самъ. Съ перваго дня моего поселенія здѣсь, я внимательно присматривался къ его жизни, къ его характеру, къ его интересамъ—я хотѣлъ хорошенько уяснить себѣ все это, чтобы знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Въ этомъ мнѣ много помогала моя любовь къ мужику—любовь утробная, жившая и крѣпшая во мнѣ со дня моего рожденія—я любилъ и люблю мужика, потому что и самъ я русскій человѣкъ до мозга костей. Смѣю думать, что, благодаря всему этому, я знаю его, знаю его настолько, насколько это возможно въ моемъ положеніи. Ну-съ, и я вполнѣ согласенъ съ Михайломъ Петровичемъ, вполнѣ! Не нуженъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, мужику ни онъ съ его леченьемъ, ни я съ моимъ знаніемъ, ни вы, П. А., съ вашей энергіей въ желаніи служить ему, ни Катя съ ея школами и инспекторомъ! Никто изъ насъ ему не нуженъ, положительно не нуженъ! У него свой міръ, свои вѣрованія, свои требованія, свои желанія—намъ совершенно чуждыя и часто вполнѣ непонятныя. Никто изъ насъ не можетъ, положительно не можетъ вліять на этотъ самостоятельный міръ какимъ бы то ни было образомъ. У насъ нѣтъ съ нимъ никакой связи, ничего общаго! Онъ самъ по себѣ, мы сами по себѣ.

— Такъ зачѣмъ же вы здѣсь живете, Павелъ Семеновичъ! Согласитесь сами, что если вы считаете себя такимъ лишнимъ, чуждымъ народу наростомъ, то вѣдь вся ваша жизнь здѣсь, вся ваша дѣятельность не что иное, какъ колоссальная, чудовищная ложь!

— А! Я ожидалъ этого возраженія! Ну, такъ знайте, что живу я здѣсь, во-первыхъ, потому, что негдѣ мнѣ больше жить! Да, буквально негдѣ! Въ чиновники коронные я не гожусь, знаете сами—на мнѣ и чина-то никакого нѣтъ! Набивать себѣ мамонъ на спекулятивномъ поприщѣ, тоже, какъ вамъ извѣстно, неспособенъ, не жаденъ до денегъ, Богъ съ ними! Слоняться за границей, русскимъ рантьеромъ, совѣстно. Вотъ я и живу въ родительскомъ наслѣдіи, и нахожусь въ постоянномъ соприкосновеніи — не связи, замѣтьте — съ единственнымъ доступнымъ мнѣ въ мужикѣ мѣстомъ—съ его карманомъ. Я развелъ боль-

ное хозяйство, устроилъ заводъ, веду лѣсныя заготовки—сотни народа ѣдятъ лучше и одѣваются теплѣе благодаря моему дѣлу. Я вовсе не филантропъ—мое дѣло не даетъ мнѣ убытковъ. Правда, оно не даетъ большихъ процентовъ—но гдѣ же сельское хозяйство и даетъ ихъ? А у меня, какъ вамъ извѣстно, хорошія средства и безъ этого. Да, я веду свое дѣло съ убѣжденіемъ, что приношу посильную матеріальную пользу мужику; если я брошу его, оно перейдетъ въ руки кровопійцы-кулака, представителя нашего новаго, только-что нарождающагося, но уже цѣпкаго и зубастаго третьяго сословія. Это единственная польза, которую я приношу мужику, я не могу приносить ему пользы положительной, активной—я не могу вліять на него—я только не допускаю вреднаго паразита добить его и высосать остальные его жизненные соки, вырвать у него и тотъ послѣдній черствый кусокъ чернаго хлѣба, которымъ онъ при мнѣ все-таки можетъ досыта наѣсться!

— Ну, Павелъ Семеновичъ, да разъ вы достигаете только этого, то какъ же можно отрицать ваше цивилизующее, непосредственное вліяніе?

— Ахъ, батюшка, какъ вы мнѣ напоминаете съ этимъ воображаемымъ вліяніемъ того прокуроришку, котораго я недавно видѣлъ въ городѣ! Прелюбопытный субъектъ, доложу я вамъ! Въ первый разъ въ жизни видѣлъ меня, а какую длинную лекцію о благодѣтельномъ вліяніи юстиціи на нравы народа прочелъ мнѣ! Смѣхъ просто! Онъ, видите ли, очень высоко ставитъ свое званіе, потому что исправляетъ, улучшаетъ, смягчаетъ и Богъ знаетъ еще что дѣлаетъ съ нашими нравами: великія задачи рѣшаетъ, все общество воспитываетъ, когда говоритъ свои трескучія обвинительныя рѣчи. Ну, спорить я съ нимъ, конечно, не сталъ, расхохотался только прямо ему въ лицо! А послѣ узнаю—былъ онъ адвокатишкой въ Питерѣ, путался тамъ нѣсколько лѣтъ, пока проѣдалъ родительское благословеніе, и когда, въ одинъ прекрасный день, благословеніе это пришло къ концу, а онъ, по бездарности, къ добыванію пропитанія вольнымъ трудомъ оказался неспособнымъ, поѣхалъ исправлять нравы въ провинцію въ прокурорскомъ званіи. И теперь крупнаго дѣла какого-нибудь какъ манны небесной ожидаетъ, чтобъ за свое цивилизующее вліяніе крестикъ или лучшее мѣстечко заполучить! Нѣтъ, батюшка, я не согласенъ стоять въ одномъ ряду съ такими глашатаями истины, отъ всякаго вліянія отказываюсь и не признаю его за собой!

— Ну, оставимъ въ сторонѣ цивилизующее вліяніе! Я вижу,

вамъ не нравится это выраженіе. Сами вы говорите, что теперь нарождается цѣлое сословіе кулаковъ-міроѣдовъ, которое вы окрестили третьимъ. Ну, боритесь съ этимъ людомъ, пособляйте мужику избавиться отъ этихъ новыхъ піявокъ!

— Боритесь! Пособляйте! Да развѣ это возможно! Свалите-ка косовскаго старшину, господина Соколова, какъ его величалъ этотъ чурбанъ. Попробуйте-ка! Вотъ онъ—такъ дѣйствительно имѣетъ на мужика вліяніе, и громадное вліяніе, бо́льшее, чѣмъ могутъ имѣть двадцать такихъ людей, какъ я или вы! Да-съ, это положительно вѣрно. На мои глаза онъ просто грабитель, для котораго каторги мало, а попробуйте-ка выжить его, да что выжить—только пошатнуть! Какъ же! Да его волость всегда огромнымъ большинствомъ выбираетъ—всѣ у него въ кабалѣ! У него купленной земли больше трехсотъ десятинъ въ волости, да все самые лакомые, самые нужные мужику кусочки! Не дастъ выгона или сѣнокоса,—въ одно лѣто разорить деревню! Оба кабака опять его же—только на свояченицъ да на племянницъ патенты взяты! Косовскимъ-то въ прошломъ году Чуйкинъ пятьсотъ рублей за кабакъ-то наддавалъ, а онъ ему приговоръ явить отказался въ правленіи,—видите, у того съ собой вида не было! А тѣмъ временемъ мужиковъ-то которыхъ застращалъ, которыхъ напоилъ, половина отъ приговора-то и отказалась,—опять за Соколовымъ кабакъ за пятьдесятъ рублей и остался. А попробуйте-ка сдѣлать что-нибудь противъ этого, помѣшать этимъ оборотистымъ аферистамъ. Я много разъ объяснялъ косовскимъ мужикамъ, что имъ гораздо выгоднѣе сдать свой кабакъ другому, частному лицу, и что Соколовъ чистый разбойникъ. Одинъ мужикъ отвѣчаетъ: знамо дѣло, грабитель! другой:—что и говорить, и сами знаемъ, что креста на ёмъ нѣтъ! третій: вѣстимо, батюшка, кровь нашу давно пьетъ, тѣмъ и богатѣетъ! Кажется, всѣ согласны съ вами, а какъ дойдетъ до дѣла—Соколовъ всегда сдѣлаетъ по-своему, и мужики, глядишь, ничего: пусть, молъ, еще годикъ попользуется! Да оно и понятно! Соколовъ плоть отъ плоти ихъ, кость отъ кости ихъ! Мужикъ въ пьяномъ видѣ и въ шею ему заѣдетъ, и выругаетъ его жесточайшимъ образомъ—онъ близокъ къ нему, онъ живетъ съ ними одной жизнью, у нихъ одни взгляды и потребности, одни вкусы и одни стремленія. Соколова не любятъ, но ему вѣрятъ, въ немъ видятъ ровню себѣ, такого же мужика! А мы? Вліяніе! Довѣріе! Да знаете ли вы, что́ пришлось мнѣ услыхать въ прошломъ году, когда Петръ Александровичъ, судившійся съ моими бывшими крѣпостными о перекошенномъ ими покосѣ, потребовалъ у судьи

спроса меня, какъ свидѣтеля, и когда я показалъ, что мужики дѣйствительно перекосили? «Воронъ ворону глазъ не выклюетъ!» —вотъ что услыхалъ я. А между тѣмъ сами мужики отлично знали, что закосились, и не могли же они требовать, чтобъ, въ угоду имъ, я совралъ на судѣ! Да-съ, воронъ ворону глазъ не выклюетъ! Въ этой ужасной по своему значенію пословицѣ коротко и ясно выражается то, какъ относится мужикъ къ каждому изъ насъ. Онъ знаетъ, что мы бары и начальство, онъ не отдѣляетъ насъ отъ станового или акцизнаго, для него и они, и мы—бары, начальство, вороны! Да я умирать буду, не забуду того, что въ глазахъ мужика я весь свой вѣкъ былъ вороной! А и осуждать его за такое огульное недовѣріе, за такую злобу, я не могу! Слишкомъ ужъ долго грабили его, истязали, мучили— да и теперь только немногіе, очень немногіе, не жмутъ его со всѣхъ сторонъ елико возможно, насколько хватаетъ силы и умѣнья. А стремленій нашихъ, этихъ лучшихъ и благороднѣйшихъ стремленій, онъ, конечно, понять не можетъ—для этого нужно, чтобъ онъ переродился, чтобъ слово «мужикъ» исчезло изъ нашего языка, словомъ, чтобъ онъ зналъ и понималъ то же, что̀ знаемъ и понимаемъ мы съ вами. До тѣхъ поръ онъ все будетъ помнить старое, прибавлять къ нему новое, считать меня вороной, и никогда не повѣритъ, что я съ радостью помогаю ему и счелъ бы за величайшее счастье, еслибъ онъ повѣрилъ этому и разумно бы принялъ эту помощь!

— Спасибо вамъ, Павелъ Семеновичъ!—почти закричалъ Мордвиновъ.—Вы высказали то, что̀ я чувствовалъ, о чемъ я смутно догадывался! Да, это именно то, что́ я стремился доказать, что́ составляетъ основу всѣхъ моихъ выводовъ и заключеній! Я, конечно, не помѣщикъ, поэтому не могъ имѣть такихъ столкновеній, которыя могли бы дать мнѣ возможность такъ точно и рѣзко опредѣлить эти отношенія; повторяю, я ихъ только чувствовалъ, только догадывался о нихъ! Вотъ тотъ Гордіевъ узелъ, который намъ оставили въ наслѣдство наши отцы, и который едва ли скоро дождется своего Александра!

Пущинъ, взволнованный и одушевленный, ходилъ по комнатѣ. Катерина Степановна съ изумленіемъ посматривала то на него— съ нимъ рѣдко случалось, чтобы онъ такъ долго и горячо говорилъ — то на доктора, который смотрѣлъ человѣкомъ, удачно разрѣшившимъ трудную и серьёзную задачу.

— Однако, не веселую будущность предрекаете вы Россіи, господа,—заговорилъ я.—Вѣдь, значитъ, въ ближайшемъ будущемъ, говоря относительно, ваше третье сословіе, Павелъ Семеновичъ,

безраздѣльно захватитъ наши грады и веси, такъ какъ, по вашему намъ, мѣстной интеллигенціи, остается только безучастно смотрѣть на этотъ захватъ, сокрушаться, если угодно, о своемъ безсиліи и стараться только самимъ, по возможности, не грабить. Пріятная перспектива, нечего сказать!

— Да ужъ, батюшка, какая есть, не взыщите! Я глубоко убѣжденъ, что каждая такая бестія-кулакъ несравненно болѣе вліяетъ и воспитываетъ въ своемъ хищно-плотоядномъ духѣ цѣлую волость, чѣмъ мы съ вами вліяемъ на своего кучера или старосту. Въ этомъ отношеніи крестьянскій міръ мнѣ много напоминаетъ баранье стадо: и къ тому, и къ другому приставьте хоть цѣлый университетъ въ полномъ составѣ, онъ не совладаетъ съ нимъ—а какой-нибудь пастушонко или даже просто пёсъ—загоняетъ его и управляетъ имъ какъ ему нужно и хочется. И потому, я еще разъ повторяю, что вполнѣ согласенъ съ вами, Михаилъ Петровичъ! Я зналъ еще до вашего пріѣзда сюда, что медицина наша вся гуртомъ не стоитъ выѣденнаго яйца—что наши власть имущіе играютъ какую-то нелѣпую, непозволительную кукольную комедію, съ неподражаемой важностью обсуждая на всѣ возможные манеры всѣ санитарные вопросы—ничего они сдѣлать не могутъ, какъ бы добросовѣстно и энергично ни относились къ дѣлу. Не въ ихъ это власти. Я одобряю ваше рѣшеніе—да, въ сто разъ лучше заняться наукой, чѣмъ сознательно колотить лбомъ въ стѣну! Лобъ свой вы разобьете, сгорите несомнѣнно весьма скоро, а на стѣнѣ и царапинки не окажется!

Я не возражалъ больше. Всякія нехорошія сомнѣнія залѣзали и въ мою душу. Все, что говорили теперь такъ рѣзко и опредѣленно Пущинъ и Мордвиновъ, все это много разъ приходило и мнѣ на умъ. Я все ждалъ чего-то, думалъ, что неужели нѣтъ никакого выхода?

Приходилось сознаться, что если такой выходъ, покуда еще никому неизвѣстный, и есть, то онъ не въ нашихъ рукахъ. Невѣжество, недовѣріе и нищета! Да, съ этими врагами не такъ-то легко бороться, особенно если они даже поощряются интересами громаднаго большинства власть имѣющихъ и направляющихъ.

Грустно и тяжело, если всѣ, кого считаешь сильными, хорошими, знающими, способными вложить всю свою душу въ великое народное дѣло, если всѣ они, послѣ многихъ лѣтъ безплодныхъ усилій, такъ опредѣленно приходятъ къ тому выводу, что нужно что-то другое, что они вполнѣ, безусловно безсильны и въ сущности били только лбомъ въ стѣну!

V.

Меня всегда, съ перваго же дня поселенія въ деревнѣ, изумляла та готовность, съ которою мужикъ соглашается съ вами во всемъ, что̀ не касается его кармана или мірского, крестьянскаго дѣла. На всякое теоретическое разсужденіе, на всякую отвлеченную мысль, онъ всегда согласенъ; вы не добьетесь отъ него ничего другого, какъ: вѣстимо, батюшка! или: знамо дѣло, батюшка! или: этакъ, вѣстимо, было бы лучше! Ужъ на что же лучше этого? Никогда и ни въ чемъ онъ спорить съ вами не станетъ, со всѣмъ всегда согласится. Только такой мужикъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ постоянно съ вами сталкивается, какъ, напримѣръ, мой староста Иванъ Егорычъ, или кучеръ Иванъ, представитъ иногда свои возраженія, и то, впрочемъ, предварительно согласившись съ вами—онъ скажетъ: знамо дѣло, батюшка, только вотъ...—и представитъ свои возраженія, не въ формѣ опроверженія вашего мнѣнія, а только въ формѣ затрудненій и неудобствъ. Несмотря на такую видимую пассивность и наружное признаніе вашего превосходства, въ дѣйствительности мужикъ весьма рѣдко согласится съ вами; въ первое время моего знакомства съ нимъ я и не подозрѣвалъ этого, думалъ, что когда онъ говоритъ свои «вѣстимо» и «знамо дѣло», то вполнѣ искренно соглашается со мной. Слѣдя внимательно за послѣдствіями такихъ разговоровъ, я мало-по-малу сталъ замѣчать, что это далеко не такъ, а впослѣдствіи и окончательно убѣдился, что въ такихъ случаяхъ словамъ мужика никогда вѣрить не слѣдуетъ. Онъ вполнѣ и безусловно согласится съ вами, а сдѣлаетъ непремѣнно по-своему, и, если вы будете уличать его въ этомъ, онъ или совретъ вамъ что-нибудь, или отбоярится неопредѣленными восклицаніями, что, молъ, ужъ Господь его знаетъ, отчего это такъ сѣло? Факты такого рода очень меня занимали, и я наблюдалъ за ними; если случалось, что фактъ повторялся, я, при вторичномъ разсужденіи объ немъ съ мужикомъ, старался вовлечь его въ споръ и измѣнить его мнѣніе по этому предмету, всячески стараясь усилить и разъяснить свои доводы—мужикъ опять соглашался и опять дѣлалъ по-своему. Оказывалось, что по всякому предмету въ крестьянскомъ мірѣ имѣется свое представленіе, свой взглядъ, которыми мужикъ неизмѣнно и руководствовался—приходилось утѣшаться чисто русскими пословицами: хоть ему колъ на головѣ теши, хоть ему осиновымъ коломъ въ ушахъ ковыряй, онъ все же по своему сдѣлаетъ. Стараясь по-

лучить хоть какое-нибудь разъясненіе этого бычачьяго упорства, я всегда слышалъ отъ мужика одно и то же: такъ ужъ отъ родителевъ намъ заповѣдано, ужъ такъ отцы наши дѣлали, а намъ не передѣлывать стать. Выходило, что мужикъ живетъ не своимъ умомъ,—предразсудокъ для него выше и понятнѣе всего. У него нѣтъ убѣжденій, онъ не вырабатываетъ себѣ особаго, личнаго міровоззрѣнія,—нѣтъ, онъ живетъ только предразсудкомъ, преданіемъ. Поэтому, нѣтъ въ мірѣ ничего консервативнѣе нашего мужика; а потому нѣтъ и невѣжества болѣе безнадежнаго. Наружное согласіе, покорность, холопство, составляютъ его отличительную черту; на этой-то наружной покорности поверхностные наблюдатели-реформаторы и основываютъ вѣроятно свои фантастическіе проекты о перевоспитаніи всего крестьянскаго міра въ самые короткіе сроки. Дай то, устрой это, передѣлай третье—и мужикъ непремѣнно и немедленно обратится въ гражданина: онъ — нетронутая почва, онъ такъ воспріимчивъ ко всему! Они забываютъ, что сотни лѣтъ въ мужикѣ неустанно развивали и укрѣпляли эту покорность, это холопское наружное согласіе со всѣмъ, что угодно; они забываютъ, что главнымъ и единственнымъ педагогическимъ принципомъ какъ прежнихъ душевладѣльцевъ, такъ и прежняго и нынѣшняго начальства всякаго рода, калибра и наименованія было именно насажденіе въ мужикѣ этой покорности, этого холопства; что съ безпощадной, желѣзной послѣдовательностью проводился этотъ принципъ всегда и вездѣ, какъ только власть имущимъ приходилось такъ или иначе соприкасаться съ мужикомъ. До внутренняго міра мужика, до его жизненныхъ началъ и предразсудковъ никому никогда не было никакого дѣла; его нравственный характеръ и душевный складъ развиваются вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго дѣйствительнаго вліянія образованнаго класса, такъ какъ тѣ законы, которые издавались иногда въ этомъ направленіи, неизмѣнно оставались законами только на бумагѣ, и не только не имѣли для мужика никакого значенія, но и въ громадномъ большинствѣ случаевъ бывали ему даже совершенно неизвѣстными. И вотъ, теперь, когда этотъ мужикъ de jure сталъ полноправнымъ гражданиномъ нашего государства, при мало-мальски внимательномъ изученіи его характера и оказывается, что, съ одной стороны, въ немъ рѣзко бросается въ глаза наружная, отвратительно холопская покорность; съ другой—безконечное упорство и приверженность къ массѣ безобразнѣйшихъ предразсудковъ и традицій, вполнѣ чуждыхъ, непонятныхъ и непримиримыхъ съ міровоззрѣніемъ образованнаго класса.

Когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ частной жизни въ деревнѣ, мнѣ пришлось выступить въ качествѣ общественнаго дѣятеля, и дѣятельность эта поставила меня въ оффиціальныя отношенія съ мужикомъ, причемъ мнѣ пришлось соприкасаться съ нимъ по всевозможнымъ вопросамъ, эта двойственность его характера еще рѣзче, еще рельефнѣе обрисовалась передо мной. Много разъ приходилось мнѣ толковать съ сельскими и волостными сходами по поводу самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, какъ относительно чисто крестьянскихъ нуждъ, такъ и по предметамъ земскаго хозяйства, и неизмѣнно всякій разъ повторялась одна и та же исторія. Дѣлая сходу какое-нибудь предложеніе, или разъясняя ему какое-нибудь недоразумѣніе, я обыкновенно долго и горячо говорилъ, выяснялъ, сопоставлялъ выгоды и невыгоды;—молча слушали меня мужики, и изъ переднихъ рядовъ, гдѣ стоитъ всегда ихъ начальство съ своими «медалями», какъ зовутъ крестьяне присвоенные старшинамъ и старостамъ знаки, непремѣнно слышались знакомыя мнѣ, обычныя: «вѣстимо» и «знамо дѣло». Казалось, что всѣ соглашались съ моими доводами — но, какъ только я кончалъ ихъ, мужики выбирались изъ помѣщенія правленія, и тамъ, на улицѣ, открывали самостоятельное засѣданіе, причемъ о моихъ выводахъ, о моихъ доказательствахъ—которые мужики молча слушали иногда два или три часа подъ-рядъ—обыкновенно не было и рѣчи—являлись у нихъ по дѣлу собственныя соображенія, новыя стороны, которыя, на мой взглядъ, не имѣли никакого отношенія къ разбираемому вопросу—а между тѣмъ, у нихъ онѣ имѣли громадное значеніе, и рѣшеніе схода обыкновенно основывалось исключительно на этихъ соображеніяхъ—оказывалось, что сходъ и я стоимъ на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія, что самую сущность дѣла мы понимаемъ различно. Впослѣдствіи, ознакомясь съ этимъ процессомъ разрѣшенія дѣлъ, я старался предварительно, до обсужденія моего предложенія цѣлымъ сходомъ, познакомить съ главными его данными старшинъ и вообще вліятельныхъ крестьянъ,—и тутъ ничего не выходило, такъ какъ эти вліятельные, выслушавъ меня, повидимому, внимательно, и соглашаясь со мной и на предварительной конференціи, и на самомъ сходѣ, въ концѣ-концовъ неизмѣнно присоединялись къ принятому на улицѣ рѣшенію, обыкновенно діаметрально противоположному тому, котораго я добивался. Впослѣдствіи, когда мужики поняли, что я, проводя свои предложенія, въ случаѣ ихъ несогласія, не предпринимаю никакихъ репрессивныхъ мѣръ, не посылаю ихъ на высидку, они стали гораздо безцеремоннѣе—только услыхавъ въ чемъ дѣло, они вы-

бирались на улицу и постановляли тамъ свое рѣшеніе, предоставляя мнѣ проповѣдовать въ пустынѣ. Дѣльцы старой школы, административнаго закала, которые, къ сожалѣнію, еще въ изобиліи водятся и дѣйствуютъ въ нашихъ краяхъ, всегда ехидно подсмѣивались надо мною. «Вѣдь этакъ вы, П. А., никогда ничего отъ нихъ не добьетесь,—говорили они обыкновенно.—Если что нужно, самое лучшее, не мудрствуя лукаво, объявить въ чемъ дѣло, и, не выпуская никого изъ избы, велѣть писарю писать приговоръ. Велѣно, молъ, разсуждать тутъ вамъ нечего! И дѣло съ концомъ. Чего съ ними бобы-то разводить? Развѣ они понимаютъ, что и какъ? Велѣно, и баста. Этотъ аргументъ они понимаютъ хорошо, пріучены къ нему!» И дѣйствительно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ такой дѣлецъ добивался несравненно лучшихъ результатовъ съ этимъ единственнымъ аргументомъ, чѣмъ я со всѣми моими доводами и убѣжденіями. Только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, когда исполнители излишнимъ нахальствомъ и рьяностью даже мужика выводили изъ терпѣнія, онъ отказывалъ въ послушаніи. Для меня какъ Божій день ясно происхожденіе всѣхъ нашихъ, такъ-называемыхъ, бунтовъ и возмущеній; и у насъ однажды слишкомъ рьяные мировой посредникъ и становой должны были выскочить изъ окна и, только благодаря темнотѣ ночи, успѣли улизнуть отъ расходившейся толпы. Они увѣряли потомъ, что вся исторія произошла оттого, что они пустились въ излишнія разсужденія, не удовольствовались своимъ талисманомъ: велѣно, приказано! и потому дали поводъ мужику заявить свою самостоятельность, свой взглядъ на дѣло—а отъ этого заявленія до колья и кулака ужъ одинъ только шагъ.

Всѣ эти соображенія особенно сильно встали у меня въ головѣ на другой день послѣ разговора съ Пущинымъ и Мордвиновымъ. Мнѣ не хотѣлось, больно было согласиться съ ними, а между тѣмъ память подсказывала множество фактовъ, подкрѣплявшихъ ихъ выводы. Вспомнилъ я то впечатлѣніе, которое всегда производилъ на меня мужикъ, когда ему приходилось соприкасаться съ земскимъ дѣломъ. Первое—выборы. Однимъ изъ первыхъ моихъ дебютовъ на служебномъ поприщѣ былъ съѣздъ мелкихъ землевладѣльцевъ для выбора уполномоченныхъ на съѣздъ крупныхъ, гдѣ должны были избираться земскіе гласные на слѣдующее трехлѣтіе. Разсматривая списки мелкихъ землевладѣльцевъ уѣзда и сравнивая ихъ со спискомъ лицъ, прибывшихъ на съѣздъ, я былъ удивленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ большинства волостей, и притомъ такихъ, въ которыхъ наиболѣе развито частное

крестьянское землевладѣніе, не прибыло ни одного человѣка; даже изъ той волости, въ районѣ которой находился пунктъ съѣзда, не явился никто, исключая крестьянина-члена земской управы, для котораго необходимо было попасть въ уполномоченные вслѣдствіе личныхъ причинъ. Между тѣмъ, оказались прибывшими изъ дальнихъ, верстъ за сто, волостей, и притомъ въ полномъ комплектѣ; всѣ, безъ исключенія, крестьяне, владѣвшіе установленнымъ цензомъ въ такихъ волостяхъ, явились на съѣздъ. Изумленный такимъ рьянымъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны однѣхъ волостей, и полнымъ равнодушіемъ со стороны другихъ, хотя и тѣ, и другія находятся въ совершенно одинаковомъ положеніи, я сначала пытался-было объяснить себѣ это явленіе вліяніемъ какихъ-нибудь мѣстныхъ въ тѣхъ волостяхъ воротилъ; но оказалось, что если въ нѣкоторыхъ случаяхъ это и было вѣрно, то все-таки въ большинствѣ ихъ ничего подобнаго не было. Никто не зналъ, никто не интересовался предстоящимъ съѣздомъ—никому до него не было никакого дѣла. Дѣйствительная разгадка заключалась въ томъ, что земская управа, передъ съѣздомъ, разослала по волостнымъ правленіямъ списки крестьянъ, имѣвшихъ, по своему земельному цензу, право на участіе въ съѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, и,—я буквально выписываю выраженіе, — предписала правленіямъ предложить означеннымъ въ спискѣ крестьянамъ явиться на съѣздъ тогда-то туда-то. Большинство волостныхъ правленій, получивъ эту бумагу, съ спокойнымъ сердцемъ положило ее подъ сукно—нужда, молъ, большая, объявлять! Кому охота таскаться? Нѣкоторыя же правленія, такія, въ которыхъ дѣйствуютъ старшины или, преимущественно, писаря, съ административными способностями, и неразлучнымъ съ этимъ качествомъ желаніемъ отличиться и свято исполнить всякое предложеніе всякаго начальства, — причемъ всегда лучше пересолить, чѣмъ не досолить,—прогнали на съѣздъ всѣхъ проставленныхъ въ спискѣ крестьянъ, пользуясь аргументомъ: велѣно, приказано! и не объясняя того, что тутъ никакого приказа быть не можетъ, что всякій воленъ идти или нѣтъ. И вотъ, благодаря рьяности старшины или писаря, мужикъ тащился за сто верстъ, полагая, что отбываетъ какую-то, ему неизвѣстную, повинность, и, приходя на мѣсто, является ко мнѣ и докладываетъ: пришелъ я, батюшка, зачѣмъ требовали? Онъ и не зналъ, зачѣмъ онъ идетъ и что ему придется дѣлать! Приказано, онъ и пошелъ. Когда я разъяснилъ этимъ субъектамъ, что они имѣли полное право не являться, что *приказывать* имъ сдѣлать это никто не имѣлъ права, они скептически покачивали головой, какъ будто

говоря: «нѣтъ, братъ, насъ не надуешь! Знаемъ мы сами, что если приказано, такъ надо идти! Насидѣлись бы въ кутузкѣ, кабы не пришли-то!» И только весьма немногіе, побойчѣе, понявъ въ чемъ дѣло, на чемъ свѣтъ стоитъ бранили своего старшину или писаря и немедленно уѣзжали домой, говоря: «прахъ съ ними и съ выборами! Намъ-то какое до нихъ дѣло! Чтобъ имъ провалиться!» Остальные совершенно безучастно приступали къ «понтировкѣ», какъ мужики называютъ баллотировку, и продѣлывали эту штуку какъ какую-то повинность, выдуманную начальствомъ неизвѣстно для чего и зачѣмъ — имъ до нея не было никакого дѣла!

Мало этого. Помню я одного изъ «понтировавшихъ» сосѣда моего, крестьянина Якова Васильева. Онъ ужъ до этого три раза принималъ участіе въ мелкомъ съѣздѣ, и на этотъ разъ опять оказался однимъ изъ избранныхъ въ уполномоченные. По окончаніи выборовъ онъ подошелъ ко мнѣ.

— А что, батюшка, вы вѣдь на «понтировку»-то въ городъ поѣдете?

— Да, старикъ, непремѣнно поѣду.

— Захватите-ка, батюшка, и меня съ собой! Я хоть на козлахъ, ворота отворять буду!

— Ладно, приходи ко мнѣ. Я поѣду въ такой-то день утромъ. Да гдѣ тебѣ, старому, ѣздить такую даль! Ты бы дома, на печкѣ, остался!

— Нѣтъ ужъ, батюшка. Идтить надо. Не было бы чего. Боязно. Я ужъ каяинный разъ на эти проклятыя понтировки хожу, чтобъ имъ пусто было!

Я только пожалъ плечами.

Въ назначенный день Яковъ аккуратно явился ко мнѣ. Мы поѣхали. На одной изъ станцій, пока ямщики перепрягали лошадей, я подсѣлъ къ окну станціонной избы. Одинъ изъ ямщиковъ заговорилъ съ Яковомъ, сидѣвшимъ на завалинкѣ передъ окномъ и закусывавшимъ краюхой чернаго хлѣба, цѣлый каравай котораго оказался въ перекинутомъ черезъ плечо мѣшкѣ.

— Ты куда же это, дѣдушка, ѣдешь?—спрашивалъ ямщикъ.

— А въ городъ.

— Знаю, что въ городъ. Зачѣмъ, за какимъ дѣломъ? — допытывался ямщикъ.

— А на мировой съѣздъ. Мы члены, — невозмутимо отвѣчалъ Яковъ.

— Какъ члены? Ну, баринъ, знамо дѣло; а ты-то тутъ при чемъ?

— И мы члены,—упорно отвѣтствовалъ Яковъ.

Такъ ямщикъ и не могъ добиться болѣе опредѣленнаго, понятнаго для него отвѣта.

Когда мы опять поѣхали, я убѣдился, что и самъ Яковъ не имѣетъ абсолютно никакого понятія о томъ, зачѣмъ онъ ѣдетъ. Весь немногосложный процессъ выбора гласныхъ и обязанностей и занятій этихъ послѣднихъ былъ ему совершенно неизвѣстенъ. Онъ не зналъ и не понималъ, зачѣмъ они существуютъ, и зачѣмъ онъ ѣдетъ и кого онъ будетъ выбирать. Я долго старался объяснить ему все это; но и до настоящаго времени убѣжденъ, что Яковъ такъ-таки и не понялъ ничего, не потому, чтобъ не могъ понять, а потому, что не хотѣлъ; дѣло его нисколько не касалось, и онъ смотрѣлъ на свою поѣздку, какъ на блажь неизвѣстнаго начальства, которому неизвѣстно почему захотѣлось, чтобъ и онъ, Яковъ Васильевъ, «понтировалъ!»

Впослѣдствіи, я много разъ имѣлъ случай убѣдиться, что и вся масса крестьянскаго населенія относится къ намъ, представителямъ дворянскаго и земскаго самоуправленія, и ко всему земскому дѣлу точно такъ же безучастно, какъ и Яковъ Васильевъ. Въ насъ мужикъ видитъ такое же начальство, какъ лѣсничій или становой—а сущности и организаціи земскаго дѣла не понимаетъ вовсе — это до него не касается. Какъ, что, и зачѣмъ продѣлывается въ земствѣ — ему это все равно. Онъ знаетъ только, что кромѣ безконечныхъ подушныхъ, выкупныхъ, страховыхъ (штрафовки, по его выраженію), мірскихъ и разныхъ другихъ сборовъ, съ нѣкоторыхъ поръ стали сбирать еще «подземельныя ли, земскія ли, прахъ ихъ знаетъ!» И коститъ мужикъ всячески эти самыя «подземельныя», когда приходится распоясываться и выдавать невѣдомо зачѣмъ и на что кровью и потомъ добытыя замасленныя и затасканныя депозитки.

Здѣсь я невольно сдѣлаю маленькое отступленіе отъ деревни и мужика. Какъ-то, въ Петербургѣ, мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ много-обѣщающимъ молодымъ человѣкомъ, уже лѣтъ пять блестящимъ образомъ кончившимъ курсъ въ университетѣ и въ настоящее время съ успѣхомъ подвизающимся на скользкой стезѣ нашей юстиціи. Когда, не помню по какому поводу, разговоръ коснулся организаціи различныхъ властей въ провинціи, мой юноша, между прочимъ, высказалъ, что должность предводителя дворянства нераздѣльна съ должностью предсѣдателя земской управы, и мнѣ большого труда стоило разубѣдить его въ этомъ. Между тѣмъ, юноша этотъ былъ прекрасно знакомъ съ организаціей мѣстнаго самоуправленія во Франціи и Соединенныхъ-

Штатахъ—онъ основательно зналъ всѣ работы Лабулэ и Токвиля относительно этихъ странъ—а о томъ, что дѣлается въ Россіи, онъ, видите ли, читалъ только когда-то, еще въ университетское время, одну книжку Градовскаго!

Мудрено ли, что мужикъ, не знающій грамотѣ и живущій въ своемъ заколдованномъ мірѣ, знаетъ немногимъ меньше кандидата университета?

Я долженъ еще сдѣлать маленькую оговорку. Въ спискѣ гласныхъ нашего уѣзда есть до десятка крестьянъ. Все это—представители третьяго сословія, какъ ихъ величаетъ Пушкинъ, кулаки, старшины и писаря. Эта публика очень интересуется земскими дѣлами и выборами, но интересуется только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ выборы эти и дѣла почему-либо касаются ихъ лично. Каждый изъ нихъ жаждетъ попасть въ члены земской управы—это для нихъ обѣтованная земля. Попадая въ эти члены, они, во-первыхъ, добиваются извѣстнаго почета, становятся какъ-бы ровней съ «господами»; во-вторыхъ, получаютъ возможность, при случаѣ, запустить лапу и въ другія волости уѣзда, кромѣ своей. Немногіе, конечно, добиваются этой вершины благополучія; они знаютъ это, и потому у каждаго, кромѣ этого общаго вожделѣнія, есть еще частные интересы. Такъ, одному хочется какъ-нибудь провести сына или племянника на земскую стипендію, другому — получить какой-нибудь земскій подрядъ, третьему —и такихъ большинство—выслужиться своей преданностью передъ разнымъ начальствомъ. Все это народъ тертый, бывалый, прошедшій, какъ говорится, сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы; каждый изъ нихъ навѣрное натворилъ столько разной мерзости, что, безъ всякаго сомнѣнія, вполнѣ заслужилъ провести остатокъ своей жизни гдѣ-нибудь въ странахъ наиболѣе отдаленныхъ. Но объ этой новой породѣ рѣчь впереди — я еще не разъ вернусь къ нимъ.

— Но вѣдь все, что вы говорите, только и доказываетъ то, что мужика надо учить, просвѣщать,—скажетъ читатель.—Онъ, можетъ быть, дѣйствительно очень далекъ отъ васъ, постарайтесь поднять его настолько, чтобъ быть ему понятнымъ!

На это я отвѣчу читателю: съѣздимте въ Горѣлово, къ Бѣловой въ школу. Кстати, Катерина Степановна прислала мнѣ записку, въ которой проситъ меня съѣздить туда и попытаться уговорить Бѣлову не покидать своего мѣста.

VI.

Сегодня очень холодно. На улицѣ двадцать градусовъ морозу и изрядный вѣтеръ. Иванъ закутался такъ, что не имѣетъ никакой возможности поворачиваться ко мнѣ и болтать. Воспользуюсь этимъ обстоятельствомъ и разскажу вамъ вкратцѣ біографію Бѣловой, учительницы Горѣловской школы. Бѣлова родилась въ Петербургѣ, въ большомъ домѣ, на Васильевскомъ острову, принадлежащемъ таможенному вѣдомству и населенномъ служащими этого вѣдомства. Отецъ ея былъ простой досмотрщикъ, «нижній чинъ», и пользовался казенной квартирой въ этомъ домѣ, состоявшей изъ одной комнаты, отдѣленной тесовыми переборками отъ другихъ такихъ же помѣщеній и выходившей въ длинный, широкій корридоръ. Шумъ, крикъ, дѣтскій визгъ и безконечная ругань стояли цѣлый день въ этомъ корридорѣ; женское населеніе и ребятишки спорили, ссорились и бранились постоянно. Мать Бѣловой была больная, слабая женщина; она избѣгала столкновеній и ссоръ съ своими сосѣдями и не пускала свою единственную дочку въ корридоръ; она, какъ умѣла и могла, охраняла ее отъ тлетворнаго вліянія этого корридора. Восьми лѣтъ дѣвочка стала ходить въ школу; а черезъ два года послѣ этого, когда ей только-что минуло десять лѣтъ, мать ея умерла, и она осталась одна съ отцомъ, который, вскорѣ послѣ похоронъ, началъ попивать, сначала умѣренно и осторожно, а потомъ все больше и больше, такъ что, года черезъ два, напивался уже регулярно каждый день и возвращался домой не иначе какъ въ безобразно-пьяномъ состояніи. Въ это время Бѣлова уже ходила въ гимназію. Какой-то меценатъ изъ купцовъ, жаждавшій декорацій на свою жирную шею, принялъ на себя расходы по ея образованію и перевелъ ее на свой счетъ изъ школы въ гимназію. Жизнь Бѣловой во все время пребыванія въ гимназіи была крайне однообразна — утромъ съ девяти до половины третьяго она сидѣла въ классахъ, потомъ торопилась домой, чтобъ до прихода отца успѣть приготовить уроки, а потомъ, когда возвращался онъ, всегда пьяный и буйный, она возилась съ нимъ, ублажала его, укладывала его. Онъ иногда плакалъ и проклиналъ себя, иногда ругался и дрался; бѣдная дѣвушка насмотрѣлась, наслушалась и натерпѣлась всего за это время. Пріученная съ дѣтства къ одиночеству, она мало сходилась съ своими подругами по гимназіи, да и что общаго могло быть при нашихъ условіяхъ жизни между бѣдною дочерью про-

стого таможеннаго солдата и дѣтьми богачей-коммерсантовъ, пріѣзжавшими въ классы въ превосходныхъ собственныхъ экипажахъ? Нельзя сказать, чтобъ Бѣлова чувствовала свое происхожденіе и бѣдность—она только сторонилась отъ богатыхъ подругъ, какъ сторонится пѣшеходъ отъ быстро-несущейся кареты. Она знала только свои уроки—людей она не знала и не любила, она ненавидѣла шумъ и брань своего корридора и по этому аду судила о всемъ остальномъ мірѣ. Во время послѣднихъ каникулъ, когда она перешла уже въ старшій классъ гимназіи, ей случилось серьёзно заболѣть—пьяный отецъ протрезвился на минуту и сходилъ за докторомъ. Молодой, только-что окончившій курсъ врачъ, еще не успѣвшій загрязнуть въ житейскомъ омутѣ, заинтересовался одинокой, молчаливой, серьёзной дѣвушкой—а Бѣловой было уже шестнадцать лѣтъ, и она незамѣтно для самой себя превратилась уже въ высокую, стройную, красивую дѣвушку. Докторъ былъ женатъ—онъ привелъ къ постели своей паціентки свою жену, молодую, добрую барыню. Болѣзнь тянулась очень долго и выздоровленіе шло очень медленно; молодая пара часто посѣщала Бѣлову, носила ей книги, вела съ нею длинныя бесѣды. Когда докторъ позволилъ ей выдти на воздухъ, она прежде всего попросилась къ нимъ, и съ тѣхъ поръ заходила къ нимъ почти каждый день. Къ доктору ходило многое множество разнаго народу—и врачи, и академическая, и университетская молодежь, и слушательницы разныхъ высшихъ женскихъ курсовъ. Вся эта публика спорила, шумѣла и разсуждала о разнообразнѣйшихъ предметахъ—всѣ стремились къ чему-то, хлопотали и волновались. Сначала Бѣлова была какъ въ лѣсу; но, мало-помалу, здоровая, неиспорченная натура сказалась въ ней—она сама стала принимать участіе въ этихъ шумныхъ бесѣдахъ, интересовалась всѣмъ, что слышала—у ней появились свои стремленія и желанія, и когда, черезъ годъ, она кончила курсъ въ гимназіи, не пошла въ гувернантки, къ чему прежде исключительно стремилась, а стала ходить на разныя лекціи, посѣщать библіотеки и почитывать книжки. Такимъ образомъ прожила она еще три года; отецъ, окончательно опустившійся, ни однимъ словомъ не вмѣшивался въ ея дѣла, и удерживался отъ бывалаго прежде пьянаго безобразія въ ея присутствіи. Весной онъ простудился и умеръ; Бѣлова осталась одна—ей пришлось очистить комнату, въ которой она родилась и прожила двадцать лѣтъ. Лечившій ее докторъ былъ товарищемъ Мордвинова; черезъ него онъ досталъ ей мѣсто учительницы въ нашемъ уѣздѣ, на двадцать рублей мѣсячнаго жалованья, и вотъ уже третій годъ,

какъ она учительствуетъ въ Горѣловѣ, уѣзжая только лѣтомъ на короткое время въ Петербургъ.

Вотъ и Горѣлово. Это большое, сравнительно, село: въ немъ домовъ семьдесятъ; въ нашемъ уѣздѣ поселенія вообще маленькія, дворовъ 15—20; такихъ, какъ Горѣлово, немного. Улица неширокая; посреди села неизмѣнный теперь по нашимъ поселкамъ пожарный навѣсъ, «депа», до крыши занесенный снѣгомъ; маленькія, почернѣвшія избенки печально смотрятъ съ обѣихъ сторонъ на проѣзжающаго замерзшими сверху до низу окнами. Въ концѣ улицы небольшая каменная церковь—рядомъ съ ней старинная деревянная; въ сторонѣ, особымъ посадомъ, стоятъ дома «крылошанъ», какъ зовутъ у насъ крестьяне священно- и церковно-служителей. Вотъ и школа—длинное, низенькое зданіе, въ 4 окна; она отличается отъ прочихъ домовъ тесовой крышей и тѣмъ, что у ней сзади нѣтъ того лабиринта хлѣвовъ и дворовъ, который непремѣнно примыкаетъ къ каждому крестьянскому дому. Въ Горѣловѣ имѣется, какъ видите, для училища особый домъ, чего, конечно, нѣтъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ; у насъ въ уѣздѣ на 40 школъ имѣется только 6 постоянныхъ школьныхъ помѣщеній, и всѣ они обязаны своимъ происхожденіемъ какимъ-нибудь исключительнымъ, особеннымъ обстоятельствамъ; такъ здѣсь подъ школу обращено бывшее помѣщеніе волостного правленія, съ переформированіемъ волостей перенесеннаго въ другое село. Бѣлова живетъ на квартирѣ: она нанимаетъ за три рубля въ мѣсяцъ крестьянскую «лѣтнюю» избу съ хозяйскими дровами. Въ нашихъ мѣстахъ прежде, лѣтъ 15—20 тому назадъ, лѣсъ былъ ни почемъ: крестьяне платили за готовую, срубленную избу рублей 20—25; у большей половины по двѣ избы: одна, выходящая на улицу, обыкновенно въ 3 сажени въ длину и ширину, съ высокимъ поломъ и русскою печью;—другая внутри двора, посреди хлѣвовъ и клѣтушекъ, низенькая, сажени въ 2 или аршинъ въ 7 въ длину и ширину, съ черной печью — это зимовка, въ которую вся семья перебирается съ Покрова и живетъ въ ней до Егорья, т.-е. съ 1 октября по 23 апрѣля. Зимовки эти просто ужасны, и все-таки мужикъ живетъ въ нихъ всю зиму, потому что въ нихъ теплѣе; крошечная внутренность зимовки легче нагрѣвается, и, кромѣ того, ее не такъ пробираютъ «сивера», холодные вѣтры, такъ какъ положеніе ее внутри другихъ построекъ защищаетъ ее отъ нихъ. Лѣтняя же изба на лѣто обращается въ кладовую, она и рубится, и устраивается такъ, что ее зимой ни натопить, ни нагрѣть ни за что—все тепло отъ печи кряду уходитъ въ многочисленныя щели въ

полу, въ потолкѣ, въ стѣнахъ и въ бо́льшія, сравнительно съ зимовками, окна. Бѣлова живетъ въ такой лѣтней избѣ—другой квартиры въ селѣ достать нельзя.

По покрывшемуся крылечку и темнымъ, сырымъ, скользкимъ отъ намерзшей воды сѣнямъ вошелъ я въ избу. Несмотря на то, что теперь полдень и на улицѣ ярко свѣтитъ солнце на чистомъ, морозномъ небѣ, въ избѣ стоятъ какія-то потемки. Два небольшихъ окошка снаружи занесены снѣгомъ, а изнутри на стеклахъ намерзло больше чѣмъ на палецъ льду—свѣту проходитъ очень немного. Осмотрѣвшись въ этомъ полумракѣ, я не увидалъ въ избѣ никого.

— Бѣлова, гдѣ-же вы?

— Кто тамъ?

Голосъ шелъ съ печки, своей темной массой занимавшей цѣлую четверть избы.

— Это я, Т.

— А, здравствуйте! А я на печкѣ отъ мороза спасаюсь. Подождите, сейчасъ слѣзу.

Она надѣла какую-то шубейку и спустилась ко мнѣ.

— Вы въ двухъ шубахъ? Ну, такъ нижнюю не снимайте, замерзнете. У меня сегодня ночью вода замерзла. Холодно.

Было что-то скорбное, тяжелое, ко всему безучастное и въ тонѣ ея голоса, и въ выраженіи ея лица.

— Однако, вамъ должно быть не особенно хорошо тутъ живется,—какъ-то невольно вырвалось у меня.

Она только какъ-то безпомощно махнула рукой.

— Спасибо, что заѣхали. Вы куда это направляетесь?

— Да никуда. Спеціально къ вамъ.

— А! Ну, еще разъ спасибо за это. Постойте, я сейчасъ самоваръ поставлю. Съ морозу-то хоть чаемъ погрѣйтесь. Тепла-то въ моихъ палатахъ мало.

— Да вы не хлопочите...

— Нѣтъ, я и сама съ удовольствіемъ напьюсь горячаго. Сегодня еще не пила. Не хотѣлось возиться, слѣзать съ печи. Тамъ у меня тепло.

И она какъ-то странно улыбнулась, взглянувъ на свое убѣжище.

Пока Бѣлова возилась съ самоваромъ, наливала его водой изъ тутъ-же, въ углу, стоявшей кадки, насыпала уголь и раздувала его, я распоясывался и стаскивалъ свою верхнюю шубу. Въ избѣ было вѣроятно не больше 2—3° тепла; только около недавно истопленной печи было потеплѣе, но за то отъ нея

сильно несло угаромъ. Какъ она можетъ сидѣть на печи, гдѣ угаръ вѣроятно еще чувствительнѣе?

— Да неужели же вы такъ-таки цѣлый день на печкѣ и проводите? Вѣдь тамъ должно быть и совершенно темно, и угарно ужасно?

— Ничего, все лучше мороза. Вѣдь здѣсь у васъ и въ валенцахъ черезъ часъ ноги зайдутся отъ холода—въ полъ страшно дуетъ. А къ угару я ужъ кажется привыкла — голова-то ужъ обтерпѣлась, не первая зима. А и заболитъ, такъ все же лучше, чѣмъ какое-нибудь воспаленіе легкихъ — вѣдь тогда сейчасъ капутъ. Тутъ не поправиться. Въ такіе морозы, какъ сегодня, у меня школа пуста—ребятишкамъ невозможно ходить, не въ чемъ. Вотъ я и сижу въ такіе дни постоянно на печкѣ. Ничего, привыкла.

Все это Бѣлова говорила какимъ-то безпомощнымъ, покорнымъ тономъ. Меня морозъ подиралъ по кожѣ отъ этого тона.

— Да вы бы топить велѣли по два раза — все бы теплѣе было!

— Нельзя. У хозяина и такъ дровъ нѣтъ. Топить какими-то вѣниками, прутьемъ. Вѣдь у здѣшнихъ крестьянъ своего лѣсу нѣтъ — только кое-какой прутнякъ въ пустоши. Тѣ, которые работаютъ въ лѣсу у Пущина, получаютъ отъ него вершинникъ—тѣ съ дровами. А остальные крадутъ—иначе взять негдѣ. Да и красть-то можно только тѣмъ, у которыхъ есть лошади—лѣсъ-то далеко — а у моего хозяина нѣтъ ея. Ихъ, безлошадниковъ-то, человѣкъ десять въ селѣ. Ну, имъ теперь совсѣмъ бѣда. Что на себѣ съ пустоши прутняка принесутъ, только тѣмъ и топятъ. Вы, Т., когда еще разъ вздумаете пріѣхать ко мнѣ, велите кучеру дровъ въ сани положить. У васъ вѣроятно хорошія, сухія. Я спасибо скажу. Право.

Самоваръ закипѣлъ. Мы стали пить чай.

Мнѣ случалось и раньше заѣзжать къ Бѣловой; но всѣ эти посѣщенія приходились лѣтомъ или осенью: тогда въ ея избушкѣ было уютно и тепло, и я никакъ не ожидалъ встрѣтить ничего подобнаго. Она никогда не жаловалась на свое житье—на мои вопросы по этому поводу обыкновенно отдѣлывалась неопредѣленнымъ: такъ себѣ!

— Я-то еще ничего,—продолжала тѣмъ же тономъ Бѣлова:— все-таки взрослый, здоровый человѣкъ, многое могу вынести! А вотъ ребятишекъ, такъ тѣхъ жалко. Какое ужъ тутъ ученье! Нынче еще въ октябрѣ морозы-то начались. Весь ноябрь почти вовсе не было классовъ. Только въ декабрѣ путемъ-то принялись.

А теперь вотъ опять захолодило. И вѣроятно на-долго. Небо чисто и вѣтеръ сѣверный. Всѣ, изъ дальнихъ деревень которые, совсѣмъ отстали. Съ осени 70 человѣкъ ходить начали, а теперь и 20 не осталось. Послѣдовательно-то занимаются только здѣшніе, изъ села, человѣкъ съ 10; а изъ другихъ деревень только тѣ, у которыхъ отцы богатые, помѣстили ихъ здѣсь по квартирамъ. Впрочемъ, какъ началась у Пущина заготовка въ лѣсу, и изъ здѣшнихъ, сельскихъ, многіе перестали ходить. Лошадей на заготовки гонять надо. Отцы-то да старшіе рубятъ, а они отвозятъ. Да и это еще слава Богу, хоть при дѣлѣ. А многіе такъ просто, вмѣсто школы-то, подъ окнами ходятъ, Христа ради просятъ: ѣсть нечего. У насъ, въ Горѣловѣ, ржи нынче совсѣмъ не было. Выросло только изъ поля въ поле перенести, какъ говорятъ крестьяне. Овсомъ только и живутъ. И я овсяными блинами по преимуществу питаюсь. Не хотите ли попробовать?

— Послушайте, Бѣлова, морозы вѣроятно еще долго простоятъ, у меня барометръ все поднимается. Поѣдемте ко мнѣ, обогрѣйтесь, отдохните. А какъ потеплѣе сдѣлается, я васъ сейчасъ назадъ свезу. Поѣдемте.

— Пожалуй. Хоть почитаю у васъ. Давно ужъ ни одной путной книжки въ рукахъ не было. Или некогда, или темно, или голова болитъ, ничего не понимаешь. Да и доставать здѣсь книги очень трудно.

Бѣлова убрала самоваръ, посуду; сходила къ хозяину въ зимовку, объявить о своемъ отъѣздѣ — тотъ былъ очень радъ, топить не надо жиличкиной избы. Мы поѣхали.

Только послѣ нѣсколькихъ часовъ въ теплыхъ комнатахъ, когда Бѣлова, причесавшись, помывшись, и переодѣвшись (она сказала ключницѣ, что не раздѣвалась и не мылась уже больше недѣли — холодно было!), подсѣла къ весело пылавшему камину, стало исчезать мало-по-малу деревянное, безучастное выраженіе ея лица, которое такъ больно поразило меня въ Горѣловѣ. Я снова узналъ Бѣлову, милую, энергичную, живую Бѣлову.

— А я вѣдь ѣздилъ къ вамъ за тѣмъ, чтобъ отговорить васъ бросать мѣсто. Признаюсь, что послѣ того, что видѣлъ, у меня языкъ не поворачивается говорить объ этомъ.

— Да отъ кого же вы узнали, что я собираюсь уѣзжать?

— Видите, я видѣлъ у Пущиныхъ инспектора, а Катерина Степановна опасалась, что его посѣщеніе обидѣло васъ, и вы...

— О, нѣтъ! Лично меня такой уродъ обидѣть не можетъ. Это вѣдь ужъ не первое его посѣщеніе. Мнѣ было только тяжело и непріятно, вотъ и все.

— Однако, видите-ли, этотъ артистъ можетъ серьёзно повредить вамъ. Васъ могутъ перевести изъ Горѣлова куда-нибудь въ помощницы на низшій окладъ жалованья — рублей на сто, напримѣръ, а то и вовсе уволить!

— Вотъ нашли чѣмъ стращать! И Христосъ съ ними, пусть переводятъ, увольняютъ! Для меня въ настоящее время это совершенно все равно. Я во всякомъ случаѣ остаюсь въ Горѣловѣ только до лѣта, никакъ не долѣе.

«Скоро же вы спасовали!»—вертѣлось у меня на языкѣ,—но, вспомнивъ печь, я удержался отъ этого несправедливаго упрека. Бѣлова, вѣроятно, по выраженію моего лица, догадалась о томъ, что у меня было на умѣ.

— Вы, вѣроятно, подумали:—не на долго же васъ хватило! Да, вѣдь?

— То-есть, видите...

— Не отговаривайтесь, пожалуйста! Тѣмъ болѣе, что я глубоко убѣждена, что не заслужила этого упрека. Если бы я бѣжала отъ первой зимы, я была бы согласна съ вами—тогда я сказала бы сама себѣ: нѣтъ во мнѣ того, что̀ нужно, что необходимо для этого дѣла.—Но вѣдь я живу ужъ третій годъ, привыкла къ самому худшему, и, насколько помню, никому и никогда не жаловалась на свое горемычное существованіе. Я всегда думала, что, разъ назвавшись груздемъ, надо лѣзть въ кузовъ! Ну, а теперь я узнала и убѣдилась во многомъ, чего и не подозрѣвала передъ тѣмъ, какъ назвалась этимъ груздемъ!

— Послушайте, Бѣлова, вы знаете, что Мордвиновъ уѣхалъ?

— Куда?

— Совсѣмъ уѣхалъ, въ отставку. Вы не видали его это послѣднее время?

— Нѣтъ, я не видала его съ лѣта. Лѣтомъ мы видѣлись въ Петербургѣ. Онъ заѣзжалъ ко мнѣ раза три осенью и зимой, да всякій разъ не заставалъ меня. Осенью, пока классовъ не было, я въ хорошую погоду уходила съ утра въ лѣсъ и возвращалась только поздно вечеромъ; а зимой, какъ разъ въ тотъ день, какъ онъ заѣзжалъ, была у Пущиной. Такъ и не удалось повидать его. А почему это вамъ такъ интересно?

— Видите, я только-что цѣлыхъ два дня бесѣдовалъ съ Мордвиновымъ и именно на ту тэму, на которую, какъ мнѣ кажется, хотите говорить и вы.

— Право? А что̀ же онъ говорилъ? Чѣмъ онъ объяснялъ свой отъѣздъ? Разскажите, это интересно. Я знаю Мордвинова за умнаго, энергичнаго человѣка.

Я передалъ содержаніе нашихъ бесѣдъ, уже извѣстныхъ читателю.

Бѣлова нѣкоторое время молчала. Она очевидно сравнивала свои собственныя мысли и провѣряла свои заключенія только-что услышаннымъ ею.

— Знаете-ли, что, Т., я не совсѣмъ согласна съ Мордвиновымъ. То-есть не то, что не совсѣмъ согласна, а мнѣ кажется, что онъ не придалъ достаточнаго значенія тому, что̀ послужило основаніемъ, корнемъ, что́ привело его къ этимъ выводамъ. Въ его рѣчахъ мнѣ слышится: невѣжество, невѣжество и нищета! Это и понятно. Онъ человѣкъ умный, очень образованный и начитанный—ему прежде всего и рѣзче всего бросается въ глаза безнадежное невѣжество мужика. А я, я говорю: нищета, нищета и невѣжество! Я женщина, у меня во многихъ вещахъ сердце преобладаетъ надъ головой, меня прежде всего и рѣзче всего поражаетъ нищета мужика. Вотъ та разница, которую я чувствую между разсужденіями Мордвинова и моими собственными заключеніями. Я знаю, что, будь онъ здѣсь, онъ согласился бы со мною—и все-таки, черезъ день, у него опять невѣжество заслонило бы все остальное. Повторяю, я болѣе живу сердцемъ, онъ—почти исключительно головой. Кромѣ того, я никогда не рѣшусь сказать такъ рѣзко и опредѣленно, что я съ моимъ знаніемъ вовсе не нужна мужику; можетъ быть, это происходитъ частію оттого, что спеціальности у насъ разныя. Въ самомъ дѣлѣ, можно еще допустить, что леченье не нужно мужику; если стать на точку зрѣнія Мордвинова, обсуждать дѣло исключительно головой, ни къ чему иному въ сущности и придти нельзя: врачу дѣйствительно остается только быть добрымъ человѣкомъ! Но какъ осмѣлиться выговорить, даже подумать, что и грамотность, и знаніе, тоже ему не нужны? Нѣтъ, это было бы ужасно, и, конечно, невѣрно. Я не думаю этого. Я убѣждена въ одномъ, что прежде, чѣмъ думать о леченьи и ученьи, нужно бы, необходимо бы было, накормить мужика. Самый сильный, самый страшный врагъ и ученья, и леченья—это, по моему, нищета. Да, для меня это несомнѣнно. Возьмите наше село, Горѣлово. Нынѣшній годъ только у двоихъ, у нашихъ «богачатъ»—хватитъ своего хлѣба. У немногихъ хватитъ его до сѣнокоса; у другихъ—до Пасхи; добрая половина покупаетъ его уже съ Рождества, а нѣкоторые, какъ, напр., мой хозяинъ, даже съ Покрова. До сихъ поръ онъ купилъ только два куля, потому что ѣлъ овесъ; теперь и овсу пришелъ конецъ, и ему придется жить на покупномъ хлѣбѣ до нови. Не удивляйтесь, что я такъ

хорошо знаю положеніе нашихъ сельчанъ. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, мои питомцы разсказываютъ мнѣ все, что́ тревожитъ ихъ отцовъ, а во-вторыхъ, у моего хозяина собирается сельская бесѣда. Дѣвушки наняли у него зимовку на всю зиму для своихъ посѣдокъ, и за это обязались выжать за него у Кирилова двѣ десятины; каждый вечеръ нѣкоторыя изъ нихъ заходятъ ко мнѣ и я бесѣдую съ ними о всякой всячинѣ. Дѣла же моего хозяина извѣстны мнѣ особенно близко, такъ какъ я крестила у него послѣдняго ребенка, и жена его, кума моя, часто ходитъ ко мнѣ и подробно повѣствуетъ о своихъ горяхъ и невзгодахъ. Да, такъ у него ужъ съѣденъ весь овесъ, а за столъ садится ежедневно семь человѣкъ, и ему нуженъ по-крайней-мѣрѣ куль муки въ мѣсяцъ, для того, чтобъ не умереть съ голоду. Куль теперь стоитъ слишкомъ десять рублей, а до нови остается еще по-крайней-мѣрѣ полгода — слѣдовательно на одинъ хлѣбъ ему необходимо шестьдесятъ рублей. А гдѣ ихъ взять? Весь его крайне несложный бюджетъ извѣстенъ мнѣ до послѣдняго грошика, и я знаю, что черезъ мѣсяцъ и его ребятишки и старуха-мать отправятся по-міру, просить Христа ради. Въ теченіи двухъ лѣтъ у него пропали двѣ лошади: одна «прошла», какъ онъ выражается, отъ сибирской язвы, другую увели конокрады — и я не знаю, когда онъ наживетъ ее? Вы мнѣ скажете, что это исключительный домъ—я вамъ возражу, что такихъ исключеній въ нашемъ только селѣ до десятка, а въ Быковѣ—вы вѣроятно знаете, деревнюшка въ верстѣ отъ насъ—изъ семнадцати домохозяевъ у шести нѣтъ ни лошадей, ни коровъ. У моего хозяина есть по-крайней-мѣрѣ корова—а у нашего сосѣда нѣтъ ни лошади, ни коровы, осенью продали послѣднюю, на всемъ дворѣ осталась одна тёлка; за то у него нынче зимой перемерли всѣ ребятишки. Я не знаю, что́ стали бы дѣлать наши сельчане, еслибъ Пущинъ не открылъ лѣсной заготовки. Благодаря этой работѣ, тѣ, у которыхъ есть лошади, достаютъ по 5—6 руб. въ недѣлю, безлошадники, какъ мой хозяинъ и его сосѣдъ, рубля по 3; село, по словамъ Пущина, достанетъ около тысячи рублей, и эти деньги дадутъ сто кулей муки, которую мужики считаютъ какъ-бы свалившеюся съ неба. Въ самомъ дѣлѣ, какая у нихъ зимою работа? Ниоткуда нельзя достать ни гроша. Прежде они плели корзины изъ сосновой лучины—доставали рублей по десяти, по пятнадцати въ зиму — теперь болото давно все вырублено, и корзинъ плести не изъ чего. Живя постоянно въ этой средѣ, я, конечно, денно и нощно сокрушалась, видя ежедневно эту страшную нужду, эту постоянную заботу о томъ,

чтобы не умереть съ голоду, и утѣшала себя тѣмъ, что попала въ какую-то исключительную мѣстность, гдѣ какія-нибудь мѣстныя неблагопріятныя условія давятъ мужика; но нынѣче осенью мнѣ прислали статистическія изысканія вашего спеціалиста при губернской управѣ. И что же я нашла тамъ? Что количество скота во всей губерніи за послѣднія тридцать лѣтъ упало на 30 проц.! Признаюсь, я никакъ не ожидала этого. Значитъ, я не въ какомъ-нибудь особенномъ оазисѣ, а и вся губернія въ томъ же положеніи; значитъ, та нищета, которая такъ поражаетъ меня въ Горѣловѣ, есть общее явленіе! Я написала въ губернскую управу, и мнѣ прислали всѣ изданія губернскаго земства по предмету статистическихъ изслѣдованій. Я внимательно перечла все это—да, нѣтъ сомнѣнія, наша горѣловская нищета не представляетъ ничего особеннаго, выдающагося—есть мѣстности еще худшія, если возможно, еще бѣднѣйшія. Вы, Т., удивились, что нашли меня въ такой обстановкѣ—у васъ здѣсь тепло и хорошо! Но вѣдь я сыта—а у мужика, кромѣ мороза, есть еще злѣйшій врагъ—голодъ! Каково на морозѣ-то съ пустымъ желудкомъ—да еще если пищатъ ребятишки? Мордвиновъ указываетъ на невѣжество, на тѣ странные, часто ужасные факты, которые случаются въ нашихъ деревняхъ. Такъ, недавно, гдѣ-то около васъ, высѣкли бабу; не знаю, правда-ли это?

— Да, сущая правда,—и я разсказалъ, что̀ зналъ объ этомъ случаѣ отъ Ивана Егорыча.

— Ну, видите-ли, вы возмущены, да и членъ этотъ, какъ видно, тоже объ женскомъ вопросѣ что-нибудь слышалъ! А я, сама женщина, не могу безусловно осудить этихъ крестьянъ. Я знаю, что тотъ хлѣбъ, который стравили эти лошади на бреховскомъ полѣ, можетъ быть на мѣсяцъ или больше отдалилъ бы голодъ цѣлой семьи—да, и меня вѣроятно разобрала бы злоба. Невѣжество! Конечно, холодному и голодному мужику не до принциповъ, не до женскаго вопроса! Вся его жизнь направлена къ разрѣшенію одного вопроса—это быть, по возможности, сытымъ—а его лишаютъ обѣда на долгое время и хотятъ, чтобъ онъ уважалъ женщину! Да развѣ это возможно! Надо же быть безпристрастнымъ! По меньшей мѣрѣ странно требовать этого, ужасаться, что мужикъ—такой вандалъ, что онъ не понимаетъ всѣхъ этихъ тонкостей, о которыхъ, въ сущности, безконечно спорятъ и до сихъ поръ различныя партіи образованныхъ, развитыхъ людей. Какихъ принциповъ, какихъ понятій можно требовать отъ вѣчно голоднаго человѣка! Чему можно его научить! Вы видѣли, какое вліяніе имѣетъ морозъ даже на меня, а при-

бавьте-ка къ нему еще и голодъ! Я убѣждена, что если насъ съ вами заставить пожить этой жизнью года три, четыре, то мы забудемъ все, что̀ знаемъ, и обратимся въ дикихъ звѣрей — постоянная забота о насущномъ хлѣбѣ изсушитъ насъ и вытѣснитъ все остальное!

Я не могъ сказать этой дѣвушкѣ того, что̀ сказалъ Мордвинову—что все это вещи давно знакомыя, что все это общія мѣста. Она сама мерзла и питалась овсяными блинами, она говорила о томъ, что̀ испытала сама, перечувствовала и пережила сама, на что̀ положила три года жизни. Да, и она, какъ и Мордвиновъ, несомнѣнно, хорошій, энергичный человѣкъ,—а и она бѣжитъ отъ насъ, говоритъ, что тутъ нужно что-то другое!

Бѣлова молчала, задумчиво глядя на догоравшее пламя камина. Она какъ-бы собиралась съ мыслями.

— Вы знаете отчасти тотъ кружокъ,—заговорила она снова,—къ которому я принадлежу въ Петербургѣ. Все это народъ молодой, горячій, хорошій—когда я уѣзжала сюда, меня благословляли на великое дѣло. То же было и съ Мордвиновымъ. Вы вѣроятно слышали, что друзья его ожидали многаго отъ этого человѣка; я знаю, что онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ во многихъ кружкàхъ и на многихъ людей. Отправляясь изъ Петербурга, мы намѣревались учить, вліять—Мордвиновъ, благодаря своей спеціальности, на болѣе обширной аренѣ, я—въ томъ врохотномъ районѣ, который обнимала моя школа. Не забудьте, что, говоря относительно, мы оба были въ прекрасномъ положеніи. Мордвинова здѣсь прозвали хрустальной посудой—настолько предупредительны и деликатны были съ нимъ постоянно ваши земцы, благодаря его личнымъ качествамъ и блестящей репутаціи въ Петербургѣ. Всѣ его требованія исполнялись безпрекословно—онъ былъ вполнѣ свободенъ и независимъ. Онъ не имѣлъ права, какъ громадное большинство другихъ земскихъ врачей, жаловаться на эгоизмъ, узколобость и скаредность тѣхъ земскихъ дѣятелей, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло. Я, благодаря его рекомендаціи, знакомству съ вами и попечительству Пущиной, находилась тоже, относительно говоря, въ такомъ прекрасномъ положеніи, въ какомъ только возможно быть учительницѣ народной школы въ настоящее время — я была недоступна вліянію и каверзамъ волостныхъ писарей и подобнаго имъ люда. И вотъ, и онъ, и я, послѣ трехлѣтней борьбы, оставляемъ поле—оставляемъ его, не сдѣлавъ ничего, оставляемъ усталые, измученные, навѣрное неспособные уже къ тѣмъ порывамъ, которые привели насъ сюда. Вы мнѣ передали, что̀ говоритъ

Мордвиновъ относительно приложенія своей спеціальности, а онъ знающій, умный и честный врачъ—мы не имѣемъ никакого права сомнѣваться въ дѣйствительности и справедливости его замѣчаній и выводовъ въ этомъ отношеніи. Что касается его общихъ заключеній о положеніи и вліяніи образованнаго человѣка въ деревнѣ при настоящихъ обстоятельствахъ — вы, какъ мѣстный житель, конечно, можете имѣть свое собственное мнѣніе—и вы имѣли возможность наблюдать и дѣлать выводы въ этомъ отношеніи. Если вы не согласны съ нимъ, спорить съ вами я не буду, хотя и не могу не замѣтить, что сама я пришла къ совершенно тому же заключенію, что́ и Мордвиновъ. Я сообщу вамъ только наблюденія и выводы относительно моей спеціальности—и въ этой сферѣ я могу считать себя также компетентной, какъ считаю Мордвинова въ сферѣ врачебной.

— Пожалуйста, говорите, вы не повѣрите, какъ вопросъ этотъ интересуетъ меня. Ваши наблюденія я считаю дѣйствительно драгоцѣнными, я знаю, что вы не скажете ничего, чего бы не провѣрили собственнымъ опытомъ.

— Да, вы можете мнѣ повѣрить, Т., потому что, высказывая мои теперешніе взгляды, я вмѣстѣ съ тѣмъ разбиваю свои завѣтнѣйшія мечты и ожиданія! Несомнѣнно, что я не преувеличиваю ничего; напротивъ, я вѣроятно не въ состояніи вполнѣ точно передать вамъ безотрадную картину! Вы, конечно, помните, какъ года три тому назадъ Х. представлялъ вашему земскому собранію свой докладъ по школьному дѣлу въ уѣздѣ? Горячій, живой, прекрасный докладъ! Онъ сопоставлялъ имѣвшіяся въ распоряженіи управы статистическія данныя и доказывалъ, что школьное дѣло идетъ впередъ гигантскими шагами. У него выходило, что и число школъ, и число учащихся ежегодно возрастаетъ слишкомъ на 10%; онъ вычислялъ, что черезъ немного лѣтъ въ уѣздѣ не останется ни одного неграмотнаго, если дѣло будетъ идти и на будущее время точно такъ же, въ чемъ онъ не сомнѣвался. На бумагѣ все это выходило прекрасно, даже величественно—настоящее царственное шествіе прогресса! Правда, изъ протокола засѣданія, въ которомъ слушался этотъ докладъ, я узнала, что и тогда Z. настойчиво упрекалъ Х. въ оптимизмѣ, въ неправильномъ пользованіи цифрами, въ неточности самыхъ данныхъ — онъ говорилъ многое, но, насколько я знаю, и на земское собраніе, увлеченное блестящимъ докладомъ, и на меня, читавшую эти вещи при самомъ началѣ моей дѣятельности, зловѣщее, неумѣстное карканье Z., какъ намъ казалось, не произвело никакого впечатлѣнія—намъ не хотѣлось ему вѣрить, и мы

ему не повѣрили. Я изучила докладъ Х. во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ подробностяхъ — я стремилась служить этому дѣлу и помочь Х. всѣми своими силами въ выполненіи начертанной имъ такими широкими штрихами программы. Въ моей горѣловской школѣ было показано по докладу 30 учениковъ — я немного удивилась, когда, при началѣ классовъ, изъ числа показанныхъ въ спискѣ явилось только 10—12 человѣкъ.—А гдѣ-жъ остальные? — спрашивала я явившихся и перечитывала имъ показанныя въ спискѣ имена. — Да эти, — отвѣчали мнѣ мои питомцы,—и не бывали въ школѣ, они только такъ, для счету, записывались учителемъ. Признаюсь, такое открытіе нѣсколько изумило меня— во мнѣ начало шевелиться сомнѣніе и относительно другихъ данныхъ и выводовъ доклада Х. Въ первыя же недѣли классныхъ занятій ко мнѣ явилось человѣкъ до 40 желавшихъ учиться; конечно, я всѣхъ заносила въ свой списокъ, который такимъ образомъ возросъ до 50 слишкомъ человѣкъ. Я ликовала. Но, увы! не долго продолжалось это ликованіе. Начались сначала морозы, потомъ издѣлье въ лѣсу, потомъ нехватка въ хлѣбѣ— школа моя таяла, и я опять осталась съ 10—12 человѣками, хотя въ отправленномъ мною въ ноябрѣ въ управу отчетѣ о состояніи школы и было показано съ чѣмъ-то 50 человѣкъ. И въ этомъ случаѣ, какъ относительно вопроса о нашей, горѣловской нищетѣ, я сначала думала, что школа моя, вслѣдствіе бѣдности жителей, находится въ исключительномъ положеніи — разговоры съ другими учителями и г. Z., который оказался единственнымъ членомъ училищнаго совѣта, знающимъ дѣйствительное положеніе школьнаго дѣла въ уѣздѣ, разубѣдили меня въ этомъ, и, когда на слѣдующій годъ снова появился докладъ о школахъ земскому собранію, я уже совершенно иначе относилась къ нему — я знала уже, какія это цифры и какъ онѣ получаются. Я знала, что болѣе или менѣе дѣйствительное значеніе имѣла только цифра получившихъ льготное свидѣтельство отъ воинской повинности — а такихъ, при громкой цифрѣ 2400 учащихся въ уѣздѣ, значилось въ томъ же докладѣ только 114 человѣкъ. Такъ какъ, среднимъ числомъ, свидѣтельства эти получаются учениками черезъ 3—4 года пребыванія въ школѣ, то я и понимала, что въ дѣйствительности, вмѣсто 2400 учащихся, какъ гласилъ отчетъ, было всего 350—450, maximum 500 человѣкъ, остальные значились только по спискамъ, и едва ли знали простые азы. Но всѣ эти открытія и разочарованія мало подѣйствовали на меня, не убавили моего рвенія. Я думала: что-жъ дѣлать! буду тѣмъ больше заниматься съ остальными, постараюсь

поднять ихъ настолько, чтобъ они впослѣдствіи знали, что они люди, разумныя существа. Но и въ этомъ отношеніи я встрѣтила непреодолимыя препятствія; и этотъ-то пунктъ я и считаю самымъ важнымъ, самымъ существеннымъ. Вы знаете нашу программу. Всякое отступленіе, всякое расширеніе этой программы, какъ вамъ извѣстно, невозможно. Вы знаете о моихъ столкновеніяхъ съ наблюдающими властями; несмотря на сочувствіе управы и Пущиной—я ужъ не говорю о васъ—я и сама знаю, что меня уволятъ, сократятъ. Приходится основываться исключительно на азахъ, не выходить изъ сферы грамоты и учебниковъ. А такое «обученіе», конечно, не можетъ быть прочнымъ, особенно если принять въ соображеніе ту среду, въ которой приходится жить окончившему курсъ въ нашей народной школѣ крестьянскому ребенку. Если въ деревнѣ нѣтъ солдата, отъ котораго получаются и которому пишутся письма, то мальчику по цѣлымъ годамъ не приходится видѣть печатной или писаной строчки. Я бы нисколько не удивилась, еслибъ мнѣ сказали, что который-нибудь изъ моихъ питомцевъ черезъ нѣсколько лѣтъ оказался совершенно неграмотнымъ.

— И вы правы, Бѣлова. Я самъ имѣлъ случай наблюдать такой фактъ. Когда мнѣ въ первый разъ пришлось объѣзжать наши школы, я замѣтилъ одного, кончавшаго курсъ мальчика, привлекшаго мое вниманіе своимъ бойкимъ видомъ. Онъ прекрасно читалъ и писалъ. Лѣтъ черезъ шесть послѣ этого, въ послѣдній призывъ, мнѣ же пришлось принять его въ солдаты. Когда составляли его пріемный списокъ, онъ сказался неграмотнымъ. Я узналъ его и не повѣрилъ этому, велѣлъ ему взять перо и написать свою фамилію — оказалось, что онъ не могъ сдѣлать этого, позабылъ даже буквы! Онъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ школу, ему не приходилось ни разу ни читать, ни писать!

— Ну, видите сами. И представьте, я убѣждена, что это вовсе не единичный фактъ. Да вѣдь, въ сущности, это вполнѣ естественно. Мальчика обучили только грамотѣ, не тронули его ума. Грамота въ немъ то же, что какое-нибудь ремесло. Если даже присяжная швея шесть или десять лѣтъ не будетъ брать иголки въ руки, то, конечно, она разучится шить—понятно, если окажется неграмотнымъ послѣ такого же періода времени знающій только одну грамоту крестьянскій мальчикъ. Онъ забудетъ, какъ и перо-то брать въ руки. Вѣдь для того, чтобъ онъ и послѣ школы искалъ книжки, нужно, чтобъ эта книжка его интересовала—а какъ вы достигнете этого, если не имѣли воз-

можности заинтересовать его чѣмъ-нибудь въ школѣ? Да и представьте себѣ такое исключеніе, что мальчикъ интересуется — какую книжку можетъ онъ достать здѣсь, въ деревнѣ? Кромѣ первоначальныхъ учебниковъ, которые намозолили ему глаза и въ училищѣ, въ цѣлой волости нѣтъ ни одной печатной строки. А крестьянская среда между тѣмъ дѣйствуетъ на него, медленно, но вѣрно дѣйствуетъ—она скоро, очень скоро выгонитъ изъ него безъ слѣда и тѣ первоначальные задатки, которые могла, при наилучшихъ обстоятельствахъ, дать ему народная школа. Здѣсь, въ деревнѣ, среда—не пустое слово, нѣтъ. Крестьянскій міръ, этотъ отдѣльный, замкнутый, самостоятельный лабиринтъ, не легко выпускаетъ своихъ членовъ; труденъ выходъ изъ этого лабиринта, и не многимъ счастливцамъ онъ удается! Вотъ и приходишь въ концѣ-концовъ къ тому убѣжденію, что, въ сущности, все наше леченье и ученье производитъ, если только производитъ, самое незначительное дѣйствіе. Нужно что-то другое, средства и способы болѣе дѣйствительные для того, чтобы разбудить мужика. А до тѣхъ поръ онъ все будетъ мужикомъ, единственнымъ и главнымъ вопросомъ въ жизни котораго будетъ вопросъ о насущномъ хлѣбѣ!

Что же другое? Это я слышу уже не въ первый разъ. Что же такое? Дарвинизмъ? Деревня? Архипъ Перепентьевъ? Заграничная война?—спрашиваю я вслѣдъ за Тургеневымъ. И кто дастъ мнѣ этотъ отвѣтъ?

П. А. Тверской.

ВОЛЬТЕРЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Voltaire et la société au XVIII-e siècle, par Gustave Desnoiresterres. 7 volumes Paris. 1871—76.

Strauss, Dr. F.: Voltaire. 6 Vorträge. 3-te Auflage. Leipzig. 1873.

Полныя новѣйшія собранія сочиненій (Oeuvres complètes) Вольтера, Дидо въ 13-ти и Гашетта въ 46-ти томахъ.

На важнѣйшихъ распутьяхъ политической и литературной жизни человѣчества всегда стоятъ имена, съ дѣятельностью которыхъ связаны неразрывно крутой поворотъ и сильный переломъ, и къ которымъ потомство долго не можетъ относиться безпристрастно и объективно. Къ числу такихъ именъ принадлежитъ и громкое имя Вольтера. Знаменитый боецъ за коренныя блага новѣйшей европейской образованности постоянно былъ, и при жизни, и почти столѣтіе послѣ своей смерти, предметомъ страстной любви или ненависти, восторженныхъ похвалъ или слѣпой вражды и огульнаго осужденія. Являясь носителемъ и двигателемъ прогрессивныхъ идей своего времени, положившихъ основаніе современному строю европейскихъ обществъ и свободному движенію политической жизни и научнаго изслѣдованія, онъ оставался въ глазахъ консерваторовъ всякаго оттѣнка какимъ-то демоническимъ порожденіемъ злого духа, направленнаго къ беззавѣтному разрушенію коренныхъ основъ государства, религіи и морали, одно имя котораго неудержимо вызывало проклятія на ихъ уста. Слово «вольтерьянецъ» долгое время несправедливо и невѣрно оставалось, да и теперь еще остается въ ихъ представленіяхъ, равносильнымъ слову «бого-

хульникъ» или «безбожникъ». Поклонники Вольтера и цѣнители его дѣйствительныхъ общественныхъ заслугъ не могли при этомъ оставаться въ долгу у фанатическихъ его хулителей. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ жгучихъ вопросахъ, они относились къ нему съ тѣмъ же слѣпымъ увлеченіемъ, только въ противоположномъ смыслѣ. Темныя пятна его характера и дѣятельности проходились молчаніемъ или обѣлялись во что бы то ни стало.

Это страстное отношеніе къ человѣку, почти сто лѣтъ тому назадъ сошедшему въ могилу, начинаетъ проходить только теперь. Послѣднее десятилѣтіе особенно богато біографическими и историко-литературными изслѣдованіями о Вольтерѣ, которыя даютъ возможность спокойно и правдиво возстановить во всей его реальности привлекательный образъ великаго французскаго писателя, стоявшаго на рубежѣ двухъ міровъ и такъ много способствовавшаго умственному росту человѣчества. Матеріаловъ для такой работы накопилось очень много. Кромѣ самыхъ сочиненій Вольтера и его автобіографіи, современнымъ его біографамъ стали доступны тысячи писемъ этого замѣчательнаго человѣка, мемуары его современниковъ, между которыми онъ занималъ самое выдающееся положеніе, особенно записки трехъ его домашнихъ секретарей (Лоншана, Коллини и Ваньера), такъ что новѣйшіе біографы великаго писателя, Денуаретерръ и Штраусъ, могли вполнѣ выяснить всѣ стороны его жизни и дѣятельности, и представить намъ уже не полу-миѳическаго Вольтера, какимъ дѣлали его поклонники и хулители, пустившіе въ ходъ небывалыя легенды о предметѣ своей любви или ненависти, но Вольтера дѣйствительнаго, связаннаго кровными узами съ общей жизнію восемнадцатаго вѣка, со всѣми его сильными и слабыми сторонами, съ его умственными доблестями и нравственными пороками. Слѣпому поклоненію и слѣпой ненависти, огульнымъ похваламъ, какъ и огульному обвиненію уже не остается мѣста въ сужденіяхъ о Вольтерѣ, какъ историческомъ лицѣ, общественномъ дѣятелѣ и частномъ человѣкѣ. Какъ всѣ великіе таланты, онъ былъ дитя своего времени, порожденіе чрезвычайно сложныхъ условій европейской, въ особенности французской жизни XVIII-го столѣтія, которыя, какъ въ фокусѣ, ярко отразились въ этомъ писателѣ своего вѣка по преимуществу. Долгая жизнь и неувядавшій талантъ сдѣлали его блестящимъ современникомъ нѣсколькихъ поколѣній. По отношенію къ французской поэзіи, Вольтеръ былъ еще отголоскомъ классическаго періода въ ея исторіи; но онъ не остановился на этомъ, онъ пошелъ въ уровень со смѣнившей этотъ періодъ порой популяризаціи

идей и знаній и сопровождалъ ее почти до самаго порога великихъ реформъ 1789 года. Его дѣтство и начало юныхъ лѣтъ совпадаютъ съ послѣдними годами Людовика XIV; послѣдніе годы его юности и начало зрѣлыхъ лѣтъ протекли при регентствѣ Филиппа Орлеанскаго; продолжительное царствованіе Людовика XV совпало съ средними годами и закатомъ его жизни, и въ своей глубокой старости онъ еще могъ привѣтствовать надежды, возбужденныя вступленіемъ на престолъ Людовика XVI. Какъ рѣка несетъ съ собою, до предѣла своего теченія, составныя части горы и долины, омываемыхъ ею на пути, такъ и въ жизнь Вольтера вошли впечатлѣнія, принятыя имъ въ разное время, особенно впечатлѣнія молодости. — Это сравненіе Штраусса очень удачно въ примѣненіи къ такому крупному общественному явленію, какъ жизнь и дѣятельность Вольтера. Эта жизнь и эта дѣятельность также представляютъ четыре различныхъ поры: пору юности, до тридцати-двухъ-лѣтняго возраста, когда складываются его натура, талантъ и самая судьба, и обстоятельства приводятъ его подъ конецъ, въ 1726 году, въ Англію. Трехлѣтнимъ пребываніемъ въ Англіи начинается второй и самый важный періодъ въ жизни Вольтера, когда умъ его обогащается богатыми вкладами англійской жизни и литературы, которыми онъ потомъ блистательно пользуется въ своемъ отечествѣ, періодъ сближенія съ умной маркизой Шателѐ и ученаго уединенія въ замкѣ Сирэ. Пора эта заключается смертью маркизы въ 1749 году; пятидесяти-пяти-лѣтній Вольтеръ принимаетъ наконецъ возобновлявшееся много разъ приглашеніе Фридриха-Великаго и переселяется въ Пруссію. Этотъ третій періодъ былъ, послѣ блестящаго начала, самою тревожной и непріятной порой въ жизни Вольтера. Отвергнутый Германіей и холодно принятый французскимъ правительствомъ, онъ, послѣ многихъ странствованій, поселяется сначала во французской Швейцаріи, потомъ на самой границѣ Франціи. Съ пріобрѣтеніемъ Фернэ, въ 1758 году, гдѣ онъ поселился окончательно два года спустя, начинается послѣдній, двадцатилѣтній періодъ, который по справедливости признается важнѣйшей и прекраснѣйшей порой этой долгой и плодотворной жизни по числу и достоинству сочиненій Вольтера, по обширности его вліянія, по блеску его славы и по его общественному положенію.

I.

Дѣтство и юные годы.

Франсуа-Мари Аруэ, впослѣдствіи Вольтеръ, родился 21-го ноября 1694 года, въ Парижѣ. Его отецъ, родомъ изъ Пуату, прежде нотаріусъ въ Шателѐ, перемѣнилъ потомъ это положеніе на должность казначея счетной палаты, заплативъ за нее десять тысячъ франковъ своему предшественнику. Онъ имѣлъ репутацію честнаго дѣльца, принималъ у себя порядочное общество и, будучи нотаріусомъ, пользовался довѣріемъ знатнѣйшихъ фамилій своего времени. Мать Вольтера, Марія-Маргарита Домаръ, также родомъ изъ Пуату, умная и хорошо воспитанная женщина, была въ близкихъ отношеніяхъ съ поэтомъ Рошбрюномъ и изящнымъ аббатомъ Шатонёфъ, которые остались у нихъ «друзьями дома»; послѣдній былъ крестнымъ отцомъ Франсуа-Мари и имѣлъ большое вліяніе на первоначальное воспитаніе будущаго писателя. Быть можетъ, онъ былъ и дѣйствительнымъ отцомъ его. Правда, это опровергается слѣдующимъ четверостишіемъ уже пятидесятилѣтняго Вольтера, обращеннымъ къ герцогу Ришелье, гдѣ онъ ведетъ свое происхожденіе отъ другого «друга дома», Рошбрюна:

Je crains bien qu'en cherchant de l'esprit et des traits,
Le bâtard de Rochebrune
Ne fatigue et n'importune
Le successeur d'Armand et les esprits bien faits [1]).

Но въ этомъ четверостишіи Вольтеръ говоритъ иносказательно и, вѣроятно, упоминаетъ имя поэта Рошбрюна въ смыслѣ Аполлона; онъ хочетъ сказать, что если онъ и дитя поэта, автора неважныхъ кантатъ и пѣсенъ, то развѣ только съ лѣвой и незаконной стороны. Неразборчивый на предметы своихъ шутокъ, Вольтеръ дѣлаетъ подобный намекъ и въ письмѣ къ поэту Дюшѐ, гдѣ онъ проситъ не возносить его до небесъ и говоритъ, между прочимъ, что онъ

. . . bien éloigné, ma foi,
D'avoir une vierge pour mère [2]).

[1]) Сильно опасаюсь, чтобы въ своихъ поискахъ за умомъ и остротами незаконный сынъ Рошбрюна не утомилъ и не наскучилъ преемнику Армана и умнымъ людямъ.

[2]) Очень далекъ отъ того, чтобы родиться отъ дѣвушки.

Дѣйствительно, у его матери было пятеро дѣтей: Франсуа-Арманъ, умершій въ дѣтствѣ, суровый янсенистъ Арманъ, наслѣдовавшій отцу въ его должности; дочь Маргарита-Катерина, вышедшая за Миньо; Роберъ, умершій въ дѣтствѣ, какъ и старшій братъ его, и наконецъ будущій писатель, родившійся до того хилымъ ребенкомъ, что одно время ожидали съ часа на часъ его смерти. Особенно нуждаясь въ попеченіяхъ матери, этотъ слабый ребенокъ рано лишился ея: она умерла, лѣтъ сорока отъ роду, когда ему было только семь лѣтъ, а онъ уже въ то время отличался замѣчательной бойкостью и пытливостью. Трехъ лѣтъ отъ роду, онъ уже зналъ наизусть далеко не благочестивую поэму Жана-Батиста Руссо: «Моизіаду» со словъ своего крестнаго отца Шатонѣфа, и безпрестанно обращался къ окружающимъ съ вопросами. По смерти жены, отецъ еще три года продержалъ мальчика дома, а потомъ помѣстилъ его въ іезуитское училище Людовика-Великаго. Мальчику было тогда десять лѣтъ. По правиламъ заведенія, за пансіонъ платили четыреста франковъ; но эта плата возвышалась для тѣхъ, кто не желалъ довольствоваться общими условіями жизни воспитанниковъ. Сыновья знатныхъ людей имѣли каждый отдѣльную комнату, въ которой помѣщались съ своимъ особымъ наставникомъ и особымъ слугой. Дѣти достаточныхъ, но менѣе притязательныхъ людей, жили по пяти человѣкъ въ одной комнатѣ, подъ начальствомъ такъ-называемаго префекта. Такъ устроилъ своего сына и Аруэ. Отецъ Тульѐ, переименовавшійся въ аббата Оливѐ (анаграмма имени Тульѐ), впослѣдствіи собратъ Вольтера по академіи, былъ сначала его префектомъ. Слава Вольтера, какъ писателя извѣстнаго направленія, породила множество разсказовъ о пребываніи его въ этой школѣ, объ его выходкахъ, рано обнаружившихъ его свободомысліе и желаніе прославиться. Но эти разсказы, за немногими исключеніями, совершенно легендарнаго свойства и, вѣроятно, сложились уже тогда, когда вполнѣ опредѣлились особенности его ума и направленія. Разсказываютъ, напримѣръ, что въ одномъ случаѣ онъ назвалъ небо—дортуаромъ міра; что одинъ изъ наставниковъ его, отецъ Лежэ, раздраженный какимъ-то «неумѣстнымъ» возраженіемъ мальчика, вскочилъ съ своей каѳедры, взялъ его за воротъ и закричалъ: «Несчастный! ты будешь знаменемъ деизма Франціи!» Его духовникъ, отецъ Паллу, отозвался о немъ, что «этотъ мальчикъ снѣдаемъ жаждой славы». Но достовѣрно то, что въ школѣ завязались у Вольтера на всю жизнь близкія отношенія и къ аристократическимъ товарищамъ, впослѣдствіи занимавшимъ

высокое общественное положеніе и крупныя административныя должности, и къ нѣкоторымъ наставникамъ. Воспоминанія школьной жизни всегда были исполнены въ его глазахъ особенной привлекательности и свѣжести, и онъ возвращался къ нимъ постоянно съ наслажденіемъ и благодарностью. Ни образъ мыслей его, враждебный католическому духовенству, ни свѣтскій образъ жизни никогда не могли изгладить въ немъ этихъ дорогихъ воспоминаній дѣтства. Уже пятидесяти лѣтъ отъ роду, онъ писалъ отцу Латуру: «Я воспитывался семь лѣтъ у людей, безмездно и неутомимо трудившихся надъ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ юношества... Никогда не забуду я отца Порэ, который одинаково дорогъ всѣмъ, кто у него учился. Никто и никогда не дѣлалъ ученья и добра болѣе привлекательными. Часы его уроковъ были для насъ часами блаженства, и я желалъ бы, чтобъ онъ поселился въ Парижѣ, какъ въ Аѳинахъ, и чтобы люди всякаго возраста могли присутствовать на такихъ урокахъ: я часто приходилъ бы слушать ихъ. Я имѣлъ счастіе воспитываться подъ вліяніемъ нѣсколькихъ іезуитовъ въ родѣ отца Порэ и знаю, что онъ имѣетъ достойныхъ преемниковъ. Пробывъ семь лѣтъ въ ихъ заведеніи, я только и видѣлъ у нихъ самую трудовую, самую воздержную и правильную жизнь, видѣлъ ихъ часы подѣленными между заботами о насъ и обязанностями ихъ строгой профессіи. Ссылаюсь на тысячи людей, такъ же воспитанныхъ ими, какъ и я, и ни одинъ не скажетъ, что я говорю неправду»...

Но эти похвалы Вольтера относятся только къ наставникамъ его дѣтства, и ни мало не мѣшаютъ свободѣ его сужденій объ іезуитахъ и духовенствѣ вообще. Въ «Философскомъ Словарѣ» и въ «Кандидѣ» онъ безпощадно преслѣдовалъ іезуитовъ насмѣшками, какъ ни велика была его нѣжность къ отцу Порэ и другимъ наставникамъ школы. Съ ними онъ былъ въ постоянной перепискѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ оказывалъ имъ большое уваженіе и трогательное вниманіе. Одно письмо его въ аббату Оливе оканчивается словами: «Vale, dilige tuum amicum, tuum discipulum» [1]). Когда появилась его «Меропа», онъ писалъ другому наставнику школы, отцу Турнмину: «Дорогой и высокочтимый отецъ, правда ли, что вамъ понравилась моя «Меропа»? Узнали ли вы въ ней нѣкоторыя изъ благородныхъ чувствъ, внушенныхъ вами въ дѣтствѣ? Si placet tuum est: я говорю это всегда, когда заходитъ рѣчь о васъ и объ отцѣ

[1]) Прощай, люби твоего друга, твоего ученика.

Порэ». Знаменитая «Генріада» была послана Вольтеромъ отцу Порэ при любезнѣйшемъ письмѣ, которое начиналось такъ: «Если, высокоуважаемый отецъ, вы еще помните человѣка, который всю жизнь будетъ вспоминать о васъ съ самою нѣжною признательностью и полнымъ уваженіемъ, примите снисходительно это сочиненіе и отнеситесь ко мнѣ какъ къ сыну, который, послѣ многихъ лѣтъ, представляетъ своему отцу плодъ своихъ трудовъ въ искусствѣ, которому онъ нѣкогда учился у васъ».

Но къ этому простому, понятному и трогательному чувству благодарности и уваженія, примѣшивалось у Вольтера и нѣчто такое, что̀ отзывается сильнымъ преувеличеніемъ и неискренностью, и едва ли можетъ быть объяснено иначе, какъ всѣмъ тогдашнимъ строемъ жизни, съ раннихъ лѣтъ пріучавшимъ человѣка къ безправію и неискренности. Въ томъ же письмѣ къ отцу Порэ, Вольтеръ умоляетъ своего высокочтимаго друга наставить его, такъ ли онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи о религіи, какъ слѣдуетъ говорить о ней, и выказываетъ желаніе заслужить его уваженіе не какъ авторъ только, но и какъ «христіанинъ». Девять лѣтъ спустя, уже въ 1738 году, въ письмѣ къ отцу Турнмину, онъ заходитъ еще дальше. «Если,—пишетъ онъ,—въ какихъ-нибудь другихъ сочиненіяхъ моей юности (этой поры ошибокъ), которыя не назначались для печати, которыя были искажены, поддѣланы, которыхъ я никогда не одобрялъ,—если въ нихъ встрѣчаются мысли, на которыя можно пожаловаться, то отвѣтъ мой будетъ коротокъ: я готовъ безпощадно стереть все, что̀ можетъ скандализировать, какъ бы ни было оно въ сущности невинно. Мнѣ не трудно исправлять самого себя»... Опасаясь, что приличія не позволятъ почтеннымъ отцамъ продолжать дружескую переписку съ писателемъ, уже такъ сильно повредившимъ себѣ въ мнѣніи католической церкви, онъ успокоивалъ такимъ образомъ ихъ совѣсть и давалъ имъ возможность сослаться на его письма своему начальству. Отецъ Турминъ даже заявлялъ желаніе «обуздать его» своими наставленіями.

Въ школѣ, мальчикъ Аруэ нерѣдко удалялся отъ своихъ товарищей и проводилъ свободные часы въ обществѣ отцовъ Порэ и Турнмина, которыхъ осыпалъ своими вопросами. Когда его упрекали за то, что онъ не танцуетъ, не бѣгаетъ, не поетъ или не смѣется съ товарищами, онъ отвѣчалъ, что всякій веселится по-своему. Больше всего интересовался онъ исторіей, и притомъ современной исторіей и политикой. Отецъ Порэ говорилъ о немъ, что «онъ любитъ взвѣшивать на своихъ маленькихъ вѣсахъ великіе интересы Европы».

Но духъ воспитанія и времени сдѣлалъ его прежде всего стихотворцемъ. Съ трехлѣтняго возраста, какъ мы уже сказали, Шатонёфъ научилъ его говорить басни Лафонтена и пересказывать «Моизіаду». Двѣнадцати лѣтъ, уже въ школѣ, онъ дѣлалъ переводы изъ Анакреона, которые не могли быть отысканы его біографами, и написалъ, въ подражаніе греческой антологіи, сохранившуюся эпиграмму о подвигахъ Леандра. Но главнымъ предметомъ его юношескихъ мечтаній по классу риторики была трагедія подъ названіемъ: «Амулій и Нумиторъ». Впослѣдствіи, отыскавъ въ своихъ бумагахъ этотъ ученическій опытъ, Вольтеръ хотѣлъ перечитать его, но не могъ одолѣть, и тутъ же бросилъ его въ огонь. Но два отрывка этой трагедіи какъ-то были спасены; пролежавъ подъ спудомъ сто-четырнадцать лѣтъ, они найдены однимъ любителемъ въ бумагахъ Вольтерова друга Тьеріо и изданы въ 1820 году. Въ школѣ же написано имъ слѣдующее четверостишіе на заданную отцемъ Порэ тэму о смерти Нерона:

De la mort d'une mère exécrable complice,
Si je meurs de ma main, je l'ai bien mérité;
Et n'ayant jamais fait qu'actes de cruauté,
J'ai voulu, me tuant, en faire un de justice [1]).

Къ школьной жизни Вольтера относится и стихотворная просьба къ дофину, написанная имъ для одного стараго солдата. Она имѣла полный успѣхъ, доставивъ солдату нѣсколько луидоровъ и, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, внушила извѣстной Нинонъ де-Ланкло желаніе видѣть мальчика-автора. «Аббатъ Шатонёфъ повелъ меня къ ней въ самой ранней моей юности — писалъ впослѣдствіи Вольтеръ. — Мнѣ было лѣтъ тринадцать [2]). Я написалъ тогда нѣсколько никуда негодныхъ стиховъ, которые казались весьма хорошими для моего возраста. Г-жа Ланкло когда-то знала мою мать, которая была очень дружна съ аббатомъ Шатонёфъ. Такъ или иначе, находили забавнымъ вести меня къ ней. Аббатъ былъ хозяиномъ въ домѣ: имъ закончилась любовная исторія этой странной женщины. Аббатъ — одинъ изъ тѣхъ людей, которые не нуждаются въ прелестяхъ

[1]) Презрѣнный сообщникъ смерти матери, я вполнѣ заслужилъ смерть отъ собственной руки; не совершивъ никогда ничего кромѣ жестокостей, я хотѣлъ, наложивъ на себя руки, совершить хоть разъ справедливое дѣло.

[2]) Вольтеръ ошибается въ своемъ тогдашнемъ возрастѣ. Ему не могло быть въ то время больше одиннадцати лѣтъ, потому что Нинонъ умерла въ 1705 году.

молодости для того, чтобы ощущать желанія, и привлекательность бесѣдъ съ госпожею Ланкло замѣняла ему красоту. Она оставила его вздыхать дня два или три; потомъ, когда онъ спросилъ, отчего она такъ долго томитъ его своей суровостью, она отвѣчала, что ожидаетъ дня своего рожденія для такого празднества, а въ этотъ день ей минуло ровно семьдесятъ лѣтъ. Она не продолжала больше этой шутки, и аббатъ Шатонёфъ остался ея ближайшимъ другомъ. Я былъ представленъ ей позднѣе: она была тогда уже восьмидесяти-пяти лѣтъ. Ей было угодно внести мое имя въ свое завѣщаніе и отказать мнѣ 2,000 франковъ на книги. Вскорѣ послѣ моего посѣщенія и своего завѣщанія, она скончалась».

Стихотворство не мѣшало однако же юному Аруэ быть блестящимъ ученикомъ и получать хорошія награды за успѣхи. Въ послѣднемъ году реторики, его имя, нѣсколько разъ произнесенное на актѣ, какъ имя отличившагося, поразило Жана-Батиста Руссо, который пожелалъ, чтобъ онъ былъ ему представленъ. Успѣхамъ юноши не мѣшало и вліяніе его крестнаго отца, аббата Шатонёфъ, который еще въ 1706 году, когда мальчику было всего двѣнадцать лѣтъ, ввелъ его въ свѣтское общество (такъ-называемое общество du Temple), гдѣ нелишенные литературнаго образованія аристократы и аббаты-стихотворцы за хорошимъ ужиномъ и веселой попойкой остроумно издѣвались надъ двоедушной нетерпимостью послѣднихъ лѣтъ Людовика XIV, надъ условной моралью и религіозностью. Сначала, Аруэ могъ показываться въ этомъ обществѣ только въ свободные дни и въ вакаціонное время, но по выходѣ изъ училища, шестнадцати лѣтъ отъ роду, сдѣлался постояннымъ собесѣдникомъ и сотрапезникомъ знатныхъ и изящныхъ эпикурейцевъ, передавшихъ ему, вмѣстѣ со всѣми тонкостями изысканной свѣтскости, то критическое отношеніе ко всему условному и установленному вѣками, которое было тогда въ воздухѣ и которое впослѣдствіи нашло себѣ въ немъ привлекательнаго и безпощаднаго представителя.

По выходѣ сына изъ училища, Аруэ-отецъ не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобъ онъ занялся исключительно поэзіей. Напрасно юноша увѣрялъ, что хочетъ быть только литераторомъ: отецъ находилъ такое занятіе безполезнымъ для общества и обѣщающимъ впереди возможность умереть съ голоду. Юношѣ пришлось согласиться на посѣщеніе юридической школы, гдѣ онъ былъ сразу пораженъ тѣмъ особеннымъ, отталкивающимъ и часто непонятнымъ жаргономъ, который должны были усвоивать

себѣ тогдашніе юристы. Вольтеръ говорилъ впослѣдствіи, что педантическій, сухой способъ преподаванія права окончательно оттолкнулъ его къ литературѣ. Онъ ходилъ на уроки, но умъ его былъ занятъ совсѣмъ другими мыслями и соображеніями. Сношенія съ аристократами, которые носили его на рукахъ, какъ остроумнаго и блестящаго юношу, подающаго большія надежды, внушали ему высокое мнѣніе о своемъ дарованіи и все больше и больше дѣлали его свѣтскимъ человѣкомъ. Послѣ ночей, роскошно проведенныхъ въ оргіяхъ и циническихъ бесѣдахъ, ему было просто невозможно внимать деревянной латыни преподавателя въ помѣщеніи похожемъ на сарай. Къ этой порѣ жизни Вольтера относится также не мало разсказовъ, въ которыхъ дѣйствительность такъ перемѣшана съ вымысломъ, что раздѣлить ихъ почти невозможно. Живя у отца, онъ постоянно былъ не въ ладахъ съ нимъ, и они рѣдко видѣлись, а при встрѣчѣ всегда относились другъ къ другу непріязненно и рѣзко. Увлеченный свѣтскими удовольствіями и кутежами, молодой Аруэ не обращалъ никакого вниманія на противоположные вкусы отца, котораго, въ свою очередь, озлобляла безполезность его увѣщаній. «У меня нѣкогда былъ отецъ, такой же ворчунъ, какъ и Гришаръ,—писалъ Вольтеръ уже въ старости Ла-Гарпу:—однажды, страшно, и притомъ некстати, разбранивъ своего садовника и почти поколотивъ его, отецъ сказалъ ему: «Вонъ отсюда, негодяй; поищи-ка такого терпѣливаго хозяина, какъ я». Я повелъ отца смотрѣть пьесу «Ворчунъ», попросилъ актера прибавить эти слова къ своей роли, и мой отецъ немного исправился». Чтобы отвлечь сына отъ ночныхъ похожденій и разсѣянной жизни, отецъ предложилъ ему черезъ третье лицо, что купитъ для него мѣсто, но юноша отвѣчалъ посреднику: «Скажите отцу, что я не хочу такого почетнаго положенія, которое покупается, а съумѣю создать себѣ такое, которое не потребуетъ расходовъ». Уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ съ гордостью писалъ о томъ же д'Аржансону, своему товарищу по училищу іезуитовъ: «Такъ какъ у меня не было помѣстій при моемъ вступленіи въ свѣтъ, то я имѣлъ дерзость думать, что получилъ бы мѣсто, какъ и всякій другой, еслибъ для этого требовались трудъ и добрыя намѣренія. Я съ жаромъ принялся за искусства, всегда влекущія за собою нѣкоторое униженіе, потому что они никогда не дѣлаютъ человѣка совѣтникомъ короля. Съ деньгами можно сдѣлаться рекетмейстеромъ, но съ одними деньгами нельзя написать поэму, а я написалъ поэму». Но прежде чѣмъ была написана эта поэма, молодой Аруэ соперничалъ въ стихо-

творствѣ съ членами того общества, въ которомъ онъ вращался, и писалъ на стихотворную задачу, предложенную французской академіей на 1712 годъ, по поводу сооруженія хоровъ въ парижской соборной церкви Богоматери, начатаго Людовикомъ XIV въ исполненіе желанія его предшественника. Аруэ не хотѣлъ пропустить этотъ случай отличиться и написалъ оду, которая начиналась такъ:

Du roi des rois la voix puissante
S'est fait entendre dans ces lieux [1]).

Но присужденіе преміи было отложено на два года.

Еще на школьной скамьѣ, молодого Аруэ преслѣдовала мысль — написать трагедію, которая могла бы съ-разу доставить ему большую извѣстность. Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ, юноша развился, и задумалъ остановиться на Эдипѣ, ни мало не колеблясь явиться соперникомъ отца французской классической трагедіи, Расина, котораго «Эдипъ» далеко не принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній. Но этотъ замыселъ былъ прерванъ на-время удавшимися стараніями его отца удалить сына изъ Парижа. Молодой Аруэ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Каэнѣ, гдѣ лучшее общество приняло его съ открытыми объятіями, и г-жа д'Оссвилль, сама писавшая стихи, была очарована его неистощимымъ остроуміемъ и легкостью его пера; но вскорѣ ея цѣломудренная и правовѣрная муза пришла въ ужасъ отъ страшной репутаціи поэта, и когда оказалось, что онъ читаетъ въ другихъ кружкáхъ вольные стихи противъ религіи и морали, г-жа д'Оссвилль перестала принимать его. Зато поэтъ подружился въ Каэнѣ съ іезуитскимъ профессоромъ реторики, отцомъ Кувриньи, котораго скандальныя похожденія надѣлали впослѣдствіи много шуму и который сильно восхищался этимъ нарождающимся талантомъ. Когда семнадцатилѣтній Аруэ возвратился въ Парижъ, отецъ упросилъ своего стараго знакомаго, маркиза Шатонёфъ, брата тому аббату, который былъ другомъ покойной г-жи Аруэ, посѣдѣвшаго въ дипломатическихъ переговорахъ и только-что назначеннаго посломъ въ Голландію, взять его сына съ собою въ качествѣ пажа или состоящаго при посольствѣ. Но юный поэтъ не нашелъ въ Голландіи того, чего ожидалъ. Правда, голландскіе нравы были для него новинкой; но пажу посла не позволялось имѣть сношенія на сторонѣ. Въ Голландіи жило тогда множество французскихъ политическихъ

[1]) Могучій голосъ короля королей раздался въ этихъ мѣстахъ...

изгнанниковъ, и въ этомъ отношеніи пребываніе въ Гагѣ представляло много соблазновъ для француза, особенно юнаго и живого. Въ то время проживала въ этомъ городѣ француженка г-жа Дюнойе, скрывшаяся изъ Франціи съ двумя своими дочерьми вслѣдствіе церковныхъ гоненій, жертвой которыхъ были протестанты въ концѣ царствованія Людовика XIV. Бросивъ мужа, нѣкогда занимавшаго крупныя должности въ провинціи, но не отличавшагося семейными добродѣтелями, она умѣла жить въ чужой странѣ на чужой счетъ, благодаря своей необыкновенной находчивости и неразборчивости на средства къ достиженію предположенныхъ цѣлей. Очень дурная собой и, что̀ большая рѣдкость, открыто сознаваясь въ этомъ, но умная, ловкая, порядочно воспитанная и вмѣстѣ дерзкая, она прожила нѣкоторое время въ Англіи, развязно получая подаяніе откуда только было возможно получить его, и потомъ, истощивъ терпѣніе своихъ покровителей, переселилась въ Гагу. Здѣсь она предприняла періодическое изданіе «Quintescence», наполненное пикантными анекдотами, сплетнями, хроникой парижскаго двора,—изданіе, имѣвшее нѣкоторый успѣхъ въ виду невозможнаго, безумнаго порядка вещей во Франціи, который привелъ потомъ къ кровавой катастрофѣ. Когда молодой Аруэ прибылъ въ Гагу, старшая дочь г-жи Дюнойе была уже выдана за одного стараго офицера, съ которымъ была очень несчастлива, и на рукахъ матери оставалась одна только младшая дочь, Олимпія, привлекательная и безразсудная Pimpette, какъ называлъ ее Вольтеръ, первая любовь нашего поэта. Не особенно красивая, хотя красота ея и восхвалялась въ «Quintescence», она не была лишена привлекательности и, при другомъ воспитаніи, могла бы составить счастіе порядочнаго человѣка. Первый женихъ ея, Кавалье, предводительствовавшій недовольными протестантами въ Севенахъ, послѣ двухлѣтняго знакомства съ семействомъ Дюнойе скрылся въ Англію отъ преслѣдованій матери, имѣвшей отъ него письменное обѣщаніе жениться на ея дочери. Пріѣзжему молодому человѣку легко было попасть въ редакцію «Quintescence» и сблизиться съ очень доступной Олимпіей. Они видѣлись каждый день, и мать Олимпіи вскорѣ замѣтила ихъ отношенія. По ея мнѣнію, Аруэ совсѣмъ не годился ея дочери въ мужья; онъ былъ въ ея глазахъ девятнадцатилѣтній мальчикъ, очень умный и злой на языкъ, но неимѣющій общественнаго положенія и способный компрометтировать ея дочь, о которой и безъ того было много разговоровъ. Рѣшившись положить конецъ сношеніямъ юноши съ ея дочерью, она не задумалась обратиться къ послу съ прось-

бой запретить пажу посѣщеніе ея дома. Однажды, по возвращеніи пажа домой, посолъ потребовалъ его къ себѣ, и объявилъ ему, что онъ долженъ немедленно возвратиться во Францію. Посолъ согласился только отсрочить этотъ отъѣздъ на нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ Олимпія, въ мужскомъ костюмѣ, посѣтила своего возлюбленнаго въ домѣ посольства, откуда ему было запрещено отлучаться. Влюбленными были составлены очень смѣлые планы; они замышляли поднять французскія духовныя власти, чтобы спасти дочь изъ рукъ матери-еретички и возвратить ее правовѣрному отцу. Въ ихъ перепискѣ за эти нѣсколько дней, юный Аруэ грозилъ лишить себя жизни, если Олимпія не согласится бѣжать съ нимъ во Францію. Въ ея письмахъ также сказывается сильное чувство, но она зрѣлѣе и разсудительнѣе поэта; «любезное дитя» — вотъ какъ она называетъ его въ этой перепискѣ, продолжавшейся нѣкоторое время и по возвращеніи поэта во Францію. Но слабое сердце Олимпіи не выдержало разлуки. Въ Гагѣ жилъ въ то время другой юный французъ, двумя годами моложе Аруэ, Гюйо де-Мервилль, авторъ «Вынужденнаго согласія», и онъ-то затмилъ въ сердцѣ Олимпіи память о возлюбленномъ, съ которымъ она уже не надѣялась видѣться. Мать вскорѣ выдала Олимпію за графа Винтерфельда, но съ нимъ она была такъ же несчастлива, какъ старшая сестра ея. По смерти матери въ 1719 году Олимпія, уже не жившая съ своимъ мужемъ, возвратилась во Францію и вела тяжелую жизнь, пока одинъ дядя не оставилъ ей небольшого наслѣдства. Вольтеръ пытался, помочь ей при самомъ возвращеніи ея во Францію, и впослѣдствіи постоянно давалъ ей доказательства своей неизмѣнной привязанности. Его сердечныя отношенія къ товарищамъ по училищу, къ лучшимъ учителямъ, наконецъ, къ этой женщинѣ и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ сильно говорятъ въ пользу его сердца.

Маркизъ Шатонёфъ не ограничился отправкой своего пажа въ Парижъ. Онъ предпослалъ ему письмо къ Аруэ-отцу, содержавшее дурные отзывы о сынѣ. Отецъ вышелъ изъ себя, разразился угрозами о лишеніи наслѣдства, о своемъ намѣреніи выпросить у правительства тайный приказъ объ арестованіи и ссылкѣ негоднаго сына. Надо было покориться, и молодой Аруэ, по приказанію отца, поступилъ въ контору прокурора Алэна. Благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ, онъ почерпнулъ и усвоилъ себѣ въ этой конторѣ практическія свѣдѣнія, которыя такъ пригодились ему потомъ въ его публицистической дѣятель-

ности. Прокурорская контора не помѣшала ему возобновить свои прежнія парижскія отношенія и связи, и найти даже въ ней самой человѣка, который, будучи двумя годами моложе его, вполнѣ раздѣлялъ его вкусъ къ литературѣ и удовольствіямъ столицы, но у котораго не было ни творческаго таланта, ни сильной воли, позволявшей Вольтеру усиленно работать даже и при самой разсѣянной жизни. Этотъ молодой человѣкъ—Тьеріо—былъ его постояннымъ спутникомъ въ театрахъ и кофейныхъ, повѣреннымъ его литературныхъ плановъ и, такъ сказать, его alter ego.

Кромѣ отцовскаго гнѣва, молодого Аруэ ожидала въ Парижѣ и другая непріятность. Французская академія присудила не ему, а аббату Дюжарри ту премію за стихотворное сочиненіе на заданную ею тэму, о которой мы упомянули выше, и раздраженный поэтъ тогда же показалъ, какъ далеко могутъ простираться его недовольство и тщеславіе. Въ своихъ письмахъ даже и позднѣйшаго времени онъ не скупится на ѣдкіе отзывы и объ увѣнчанномъ посредственномъ поэтѣ, его преклонныхъ лѣтахъ, и объ его другѣ, академикѣ Ламоттѣ, виновникѣ присужденія преміи. Въ томъ же 1714 году, когда состоялось это присужденіе, онъ написалъ свою первую и очень остроумную сатиру: «Тина», направленную противъ Ламотта и безмѣрно неприличную по своему тону и содержанію. Сатира надѣлала много шуму; одни негодовали на автора, другіе находили его остроумнымъ и забавнымъ, но всѣ говорили о молодомъ авторѣ, какъ о замѣчательномъ талантѣ и опасномъ противникѣ. Эта сатира и написанная въ томъ же году непристойная сказка: «L'Anti-Giton», въ соединеніи съ образомъ жизни, который представлялся отцу его развратнымъ и совершенно безнадежнымъ, привели къ тому, что полный разрывъ между ними былъ бы неизбѣженъ въ это время, еслибъ не нашелся новый покровитель, избавившій Вольтера и отъ послѣдствій отцовскаго гнѣва, и отъ посѣщенія прокурорской конторы. Комартенъ, маркизъ де-Сентъ-Анжъ, занимавшій важныя должности и пользовавшійся очень хорошей репутаціей, заинтересовался способнымъ юношей и, съ согласія Аруэ-отца, увезъ его къ себѣ въ имѣніе. Человѣкъ дѣйствительно не дурной, но вызывавшій улыбку своею напускною важностью, онъ былъ очень полезенъ Вольтеру еще и тѣмъ, что отлично зналъ правленіе Генриха IV и Людовика XIV, читалъ очень много, былъ лично знакомъ съ лучшими людьми лучшей поры Людовика XIV, и прекрасно разсказывалъ Воль-

теру о тогдашнихъ людяхъ и дѣлахъ. Вольтеръ писалъ о немъ князю Вандому:

Caumartin porte en son cerveau
De son temps l'histoire vivante;
Caumartin est toujours nouveau
A mon oreille qu'il en chante;
Car dans sa tête sont écrits
Et tous les faits et tous les dits
Des grands hommes, des beaux esprits;
Mille charmantes bagatelles,
Des chansons vieilles et nouvelles,
Et les annales immortelles
Des ridicules de Paris [1]).

Комартенъ былъ восторженнымъ поклонникомъ Генриха IV, его чисто-французскихъ качествъ и слабостей, и умѣлъ передавать слушателямъ свое уваженіе къ его дѣятельности. Вліяніе его разсказовъ сильно отразилось на двухъ крупныхъ произведеніяхъ Вольтера: на «Генріадѣ» и «Вѣкѣ Людовика XIV-го».

«Великій король» сошелъ въ это время въ могилу, оставивъ малолѣтняго преемника, за котораго правилъ герцогъ Филиппъ Орлеанскій въ званіи регента. Ханжество и лицемѣріе послѣднихъ лѣтъ его царствованія, страшно надоѣвшія разнузданному обществу, разъѣдаемому глубокою язвой нравственнаго растлѣнія и помышлявшему только о минутномъ удовольствіи, были сброшены разомъ; страхъ, наружно сдерживавшій его при жизни стараго деспота, исчезъ при развратномъ регентѣ, котораго отношенія даже и къ собственной дочери, герцогинѣ Беррійской, не избѣжали самыхъ грязныхъ подозрѣній. Время оффиціальнаго лицемѣрія, сдерживавшаго развратное общество, миновало, и разврать мутнымъ потокомъ неудержимо хлынулъ изъ-подъ тонкой и ломкой оболочки. Бѣжать скуки и искать забвенія въ объятіяхъ чувственности — таковъ былъ лозунгъ людей, окружавшихъ регента и вѣрныхъ духу времени. Юный собесѣдникъ и пріятель аристократическихъ развратниковъ Парижа, Вольтеръ также усвоилъ себѣ этотъ лозунгъ. Наверху открыто величались тѣ фанфароны порока, къ которымъ еще старый король причислилъ однажды будущаго регента. Но этотъ общественный разврать, всплывшій на поверхность Франціи, былъ оборотною стороной другого явленія, симптомомъ общественнаго разложенія, подъ

[1]) Комартенъ носитъ въ мозгу живую исторію своего времени. Комартенъ всегда новъ для моего очарованнаго слуха. Въ головѣ его начертаны всѣ дѣла и слова великихъ людей, счастливыхъ умовъ, тысячи прелестныхъ мелочей, старыя и новыя пѣсни, и безсмертныя лѣтописи смѣхотворныхъ людей Парижа.

которымъ незамѣтно для большинства его совреме
шался процессъ обновленія страны новыми стремле
Это блестящее общество, безумно предававшееся
и весело осмѣивавшее все установленное и освящ
обнажало передъ всѣми язвы существующаго поряд
критическое къ нему отношеніе, плодомъ котора
цузская философія восемнадцатаго вѣка со всѣми
благотворными сторонами и недостатками. Народ
и славой, и бѣдствіями продолжительнаго царство
заявлялъ свою радость въ виду похороннаго шест
давшаго тѣло покойнаго короля по дорогѣ въ Се
народа были на душѣ иныя заботы, чѣмъ у преда
денію общества изнѣженныхъ эпикурейцевъ, тол
дворѣ, алкавшихъ власти и вліянія, и щеголеват
умѣвшихъ не только осмѣивать религію, но и полу
десятки тысячъ дохода съ предоставленныхъ имъ
церковныхъ имуществъ. Ни эти эпикурейцы, ни в
шли далѣе насмѣшки для насмѣшки, остроумія
серьёзныя реформы подкосили бы ихъ интересы въ с
и общее благо всего менѣе отвѣчало ихъ интерес
талантъ Вольтера сказался; его великая заслуга з
томъ, что онъ не остановился на уровнѣ ходячаго
что, понявъ духъ и насущныя требованія времен
ихъ органомъ и двигателемъ, выразителемъ живой
потребности, представителемъ и главою критичес
нія къ дѣйствительности. И великосвѣтскіе его э
курейцы, тоже были люди съ литературнымъ обра
вкусомъ, они тоже писали стихи; Вольтеръ пользо
вѣтами, они съ самаго начала много способствова
ности и славѣ. Занятый уже два года трагедіей «
рую актеры «Французской-Комедіи» отказывались
сцену, потому что въ ней не было любовной инт
далъ эту пьесу на судъ своихъ друзей и покровите
какъ онъ самъ писалъ впослѣдствіи, высказали ему н
ныхъ совѣтовъ на своихъ эпикурейскихъ пирушкахъ.
подавалъ въ постели,—писалъ Вольтеръ одному из
зей,—вы даете ваши наставленія за столомъ; оттого
конечно, веселѣе уроковъ Сократа». Все это общес
телей, друзей, пріятелей и знакомыхъ поэта было
зомъ заинтересовано само въ успѣхѣ его произведе
любили разнообразить и украшать свои путешествія
лымъ разговоромъ о новостяхъ литературы, остроум

и шутками; литература и остроуміе были необходимою принадлежностью тѣхъ утонченныхъ наслажденій, которыми наполнялась ихъ жизнь. Не смотря на свою молодость, даровитый Аруэ былъ уже въ это время на равной ногѣ съ пожилыми членами и представителями самыхъ знатныхъ фамилій, съ самыми вліятельными аббатами, какъ впослѣдствіи сталъ въ отношенія полнаго равенства съ королями. То было одно изъ знаменій времени, одинъ изъ признаковъ разложенія того самаго общества, которое до тѣхъ поръ и въ общежитіи такъ ревниво охраняло сословныя отличія и привилегіи.

Развратное правленіе регента породило множество сатирическихъ стихотвореній необычайно циничнаго содержанія. Стихотворенія эти были въ модѣ. Подъ именемъ Аруэ ходили по рукамъ два стихотворенія: одно о самомъ регентѣ, другое объ его дочери, герцогинѣ Беррійской. Самъ Вольтеръ всегда отрекался отъ нихъ, но друзья тѣмъ не менѣе приписывали эти стихотворенія ему, и они вошли въ полное собраніе его сочиненій. При другихъ обстоятельствахъ, авторъ пострадалъ бы жестоко за подобную сатиру; но регентъ, равнодушный ко всему, даже къ тѣмъ ужасамъ, которые разсказывались и писались о немъ, преслѣдовалъ авторовъ не-хотя и только по настояніямъ окружающихъ. Поэтъ былъ высланъ изъ Парижа въ Сюлли на Лоарѣ, гдѣ у отца его были знакомые и гдѣ онъ не замедлилъ найти много удовольствій и развлеченій. Онъ самъ говорилъ въ письмахъ, что въ Сюлли очень пріятно, что одно только отравляетъ его веселую жизнь—сознаніе необходимости оставаться тутъ: нѣтъ полнаго удовольствія, нѣтъ полнаго благополучія—мѣтко писалъ онъ—безъ возможности уклониться отъ нихъ и промѣнять ихъ хотя бы на худшее. Тамъ написано имъ стихотвореніе: «Безсонная ночь въ Сюлли», найденное за однимъ ужиномъ двумя дамами на своихъ тарелкахъ и въ которомъ поэтъ превозносилъ хозяина помѣстья и замка, герцога Сюлли, радушно принимавшаго его и другихъ эпикурейцевъ, которые наѣзжали отовсюду. Молодой Аруэ щедро платилъ за такое гостепріимство остротами, бесѣдой, стихами, что не мѣшало ему ни работать, ни вести дѣятельную переписку съ парижскими друзьями. Но ссылка оставалась все-таки ссылкой, и Вольтеръ, заслуживъ ее стихами, не погнушался и избавиться отъ нея тѣмъ же способомъ. Онъ написалъ красивое посланіе къ регенту, исполненное восхваленія и лести, и еще разъ повторявшее его постоянныя увѣренія, что стихи, за которые онъ сосланъ, писаны не имъ, что они недостойны его пера по своему содержанію. Такова была и впослѣдствіи обычная тактика Воль-

тера. Всякій разъ, когда ему предстояло отвратить преслѣдованія и оградить свою безопасность, онъ поднималъ крикъ о томъ, что это ложь и клевета, и самымъ рѣшительнымъ образомъ отрекался отъ приписываемаго ему авторства. «Умоляю васъ предупредить меня, какъ только наступитъ малѣйшая опасность (писалъ онъ впослѣдствіи д'Аламберу о «Философскомъ Словарѣ»), чтобы я могъ публично отречься отъ этого сочиненія съ моею обычной застѣнчивостью и невинностью». Онъ постоянно повторяетъ этотъ пріемъ въ своей перепискѣ съ министрами или ихъ приближенными, выказывая глубочайшее презрѣніе къ обвиняемому произведенію и негодуя на то, что такая ничтожная вещь могла быть ему приписана. Разумѣется, этотъ пріемъ трудно согласовать съ достоинствомъ и прямотою характера; но онъ объясняется, если не оправдывается, крайностью авторскаго положенія, и Вольтеръ часто прибѣгаетъ къ этому средству слабыхъ и угнетенныхъ, не соблазняемыхъ прелестями мученичества. Посланіе его къ регенту имѣло успѣхъ въ томъ отношеніи, что онъ былъ возвращенъ изъ ссылки въ началѣ 1717 года. Регентъ даже пожелалъ, чтобъ поэтъ былъ ему представленъ, и простилъ его, не слишкомъ довѣряя его невиновности. Молодой Аруэ, успокоившись относительно послѣдствій своихъ куплетовъ, посвященныхъ регенту и его дочери, не замедлилъ послать по назначенію новый, не менѣе скандалезный куплетъ, свидѣтельствующій о необыкновенной способности герцога Орлеанскаго забавляться всѣмъ, все позволять и все выслушивать.

Аруэ не жилъ больше у отца. Онъ поселился въ меблированныхъ комнатахъ и продолжалъ вести прежнюю разсѣянную жизнь, размышляя, работая, ужиная у знакомыхъ, отъ времени до времени уѣзжая въ Сентъ-Анжъ и пуская въ ходъ свои стихотворные сарказмы. Полиція слѣдила за нимъ внимательно и сообщала въ своихъ донесеніяхъ, что онъ не можетъ произносить имя регента хладнокровно и безъ озлобленія. Въ то время ходило по рукамъ сатирическое стихотвореніе Ле-Брёна, мѣтко бичевавшее скандалы и злоупотребленія, которыя повторялись ежедневно, на глазахъ у всѣхъ, въ послѣдніе годы Людовика XIV. Сатирикъ указывалъ на королевскую власть, какъ на причину всѣхъ изображаемыхъ имъ ужасовъ, казнилъ г-жу Ментенонъ и завѣдывавшаго полиціей д'Аржансона, превознося янсениста и противника іезуитовъ, кардинала де-Ноай, испытавшаго всѣ невзгоды усерднаго преслѣдованія.

J'ai vu, c'est tout dire, le jésuite adoré... [1])

[1]) Довольно сказать, что я былъ свидѣтелемъ поклоненія іезуиту.

—говорилъ авторъ, изображая положеніе дѣлъ. Вся сатира, очевидно, была писана сектантомъ. Но въ ней нашли сходство съ манерой молодого Аруэ: подозрительно настроеннымъ агентамъ, какъ обыкновенно бываетъ при господствѣ административнаго произвола, достаточно было того, что онъ принадлежалъ къ янсенистской семьѣ, что самый возрастъ его совпадалъ, по ихъ соображеніямъ, съ возрастомъ автора. Регентъ, очень недовольный этимъ стихотвореніемъ, гулялъ однажды въ Пале-Ройялѣ и, завидѣвъ Аруэ, подозвалъ его къ себѣ. «Господинъ Аруэ,—сказалъ онъ,—я намѣренъ показать вамъ нѣчто такое, чего вы еще никогда не видали».—«Что?»—спросилъ молодой человѣкъ.—«Бастилію».—«Ваше высочество, я отношусь къ ней такъ, какъ будто я уже видѣлъ ее». На другой день, 16-го мая (1717), прекраснымъ весеннимъ утромъ въ комнату Аруэ явились агенты, которымъ было поручено арестовать его. Въ своемъ стихотвореніи «Бастилія», Вольтеръ въ томъ же году очень живо и картинно описалъ и свой арестъ, и свое водвореніе въ новомъ жилищѣ:

Fallut partir. Je fus bientôt conduit
En coche clos vers le royal reduit
Que près Saint-Paul ont vu bâtir nos pères
Par Charles Cinq. O gens de bien, mes frères,
Que Dieu vous garde d'un pareil logement!
J'arrive enfin dans mon appartement.
Certain croquant avec douce manière
Du nouveau gîte exaltait les beautés,
Perfections, aises, commodités.
«Jamais Phebus, dit-il, dans sa carrière,
De ses rayons n'y porta la lumière:
Voici ces murs de dix pieds d'épaisseur,
Vous y serez avec plus de fraicheur!
Puis me faisant admirer la cloture,
Triple la porte et triple la serrure,
Grilles, verrous, barreaux de tout coté:
«C'est, me dit-il, pour votre sureté».
Midi sonnant, un chaudeau l'on m'apporte;
La chère n'est délicate ni forte.
De ce beau mets je n'étais point tenté;
Mais on me dit: «C'est pour votre santé,
Mangez en paix, ici rien ne vous presse».
Me voici donc en ce lieu de détresse,
Embastillé, logé fort à l'étroit,
Ne dormant point, buvant chaud, mangeant froid,
Trahi de tous, même de ma maîtresse.
O Marc-René, que Caton le censeur
Jadis dans Rome eût pris pour successeur,

O Marc-René, de qui la faveur grande
Fait ici-bas tant de gens murmurer,
Vos beaux avis m'ont fait claquemurer:
Que quelque jour le bon Dieu vous le rende [1]).

Вольтеръ объяснялъ свой арестъ единственно тѣмъ, что ему было приписано вольное стихотвореніе Ле-Брёна. Но противъ него были предъявлены и другіе обвинительные пункты. Пьеса Ле-Брёна появилась вскорѣ послѣ смерти Людовика XIV и ходила по рукамъ цѣлыхъ два года, а Вольтеръ пустилъ по рукамъ, всего за два мѣсяца до своего ареста, одну изъ самыхъ ѣдкихъ и оскорбительныхъ сатиръ, написанную латинской лапидарной прозой, подъ латинскимъ же заглавіемъ: «Puero regnante» (Въ царствованіе мальчика). Онъ самъ имѣлъ неосторожность, уступая авторскому самолюбію, называть себя ея авторомъ въ разговорахъ съ мнимыми друзьями, приставленными къ нему полиціей. Въ протоколѣ его ареста и въ доносѣ офицера Борегара, съ которымъ онъ велъ откровенныя бесѣды, прямо сказано, что онъ постоянно называлъ себя авторомъ «Puero regnante», произносилъ такія-то и такія-то неприличныя рѣчи о регентѣ и его дочери, озлобленный извѣстной уже намъ высылкой изъ Парижа, и грозилъ не щадить ихъ въ своихъ сатирахъ. Въ пріятельскихъ бесѣдахъ съ Борегаромъ, Вольтеръ даже призналъ себя авторомъ многихъ другихъ сатирическихъ выходокъ и насмѣшекъ. Когда его спросили послѣ ареста, гдѣ его бумаги, онъ отвѣчалъ, что бросилъ въ отхожее мѣсто нѣсколько жен-

[1]) Надо было ѣхать. Я вскорѣ былъ привезенъ, въ закрытой каретѣ, къ королевскому пріюту, построенному при нашихъ отцахъ Карломъ Пятымъ, близъ Сенъ-Поля. О, добрые люди, мои братья, избави васъ Боже отъ подобной квартиры! Я вхожу, наконецъ, въ мою комнату. Нѣкоторый проходимецъ сладкорѣчиво восхвалялъ мнѣ прелести новаго жилища, его совершенства и удобства. „Въ своемъ теченіи, говорилъ онъ, Фебъ никогда не заносилъ сюда своихъ свѣтлыхъ лучей: вамъ будетъ прохладнѣе въ этихъ стѣнахъ толщиной въ шесть футовъ“. Потомъ, онъ предложилъ мнѣ полюбоваться затворомъ, тройною дверью и тройнымъ замкомъ, всюду вдѣланными рѣшетками и засовами. „Это для вашей безопасности“, пояснилъ онъ. Ровно въ полдень, мнѣ приносятъ горячее: оно не вкусно и не питательно. Я не соблазнился на эту чудную пищу; но мнѣ сказали: „Это для вашего здоровья, кушайте привольно, тутъ не нужно торопиться“. И вотъ я въ этомъ мѣстѣ отчаянія, преданный всѣми, даже моею любовницей (вѣроятно, г-жа Ливри, которую онъ посвящалъ въ тайны сценическаго искусства), замурованный (собственно „обастиленный“), помѣщенный тѣсно; не сплю, пью горячее, ѣмъ холодное. О, Маркъ-Ренѣ (д'Аржансонъ), котораго самъ цензоръ Катонъ взялъ бы себѣ въ преемники въ Римѣ, о, Маркъ-Ренѣ, котораго великая благосклонность заставляетъ многихъ роптать на землѣ, ваши прелестныя указанія привели меня подъ эти затворы. Богъ да воздастъ вамъ когда-нибудь тѣмъ же!

скихъ писемъ. Власти приписывали ему все, что̀ ходило по рукамъ въ столицѣ, и хотѣли во что бы то ни стало имѣть при дѣлѣ всѣ его сатирическіе куплеты. Но поиски, произведенные съ этою цѣлью въ помойныхъ ямахъ того дома, гдѣ жилъ Вольтеръ, остались безъ успѣха [1]).

Въ Бастиліи, какъ и на свободѣ, Вольтеръ работалъ очень много. Нервный и скорѣе хилый, чѣмъ крѣпкій, Вольтеръ сохранялъ способность къ работѣ даже и тогда, когда считалъ себя очень близкимъ къ смерти. «Я гибокъ какъ угорь и подвиженъ какъ ящерица, и всегда работалъ какъ бѣлка въ колесѣ», писалъ онъ однажды д'Аржанталю. Въ Бастиліи задумана имъ большая національная эпопея «Генріада», которую онъ началъ, по собственному его свидѣтельству, въ порывахъ энтузіазма, почти безъ размышленія, и безъ большой надежды на возможность ее окончить. Въ тюрьмѣ окончательно отдѣлана имъ трагедія «Эдипъ». Ему, правда, не давали ни чернилъ, ни бумаги; но человѣкъ очень изобрѣтателенъ въ подобныхъ случаяхъ: заключенный писалъ свои стихи, вѣроятно, карандашомъ, между строками одной книги.

Одиннадцать мѣсяцевъ просидѣлъ онъ въ Бастиліи, а обязательнымъ дополненіемъ къ заключенію въ государственной тюрьмѣ было обыкновенно изгнаніе. Освобожденный изъ тюрьмы въ апрѣлѣ 1718 года, онъ былъ сосланъ въ Шателэ, гдѣ у отца его были домъ и ферма и гдѣ отецъ предложилъ содержать своего сына и наблюдать за нимъ. Съ самаго начала своей жизни въ этой ссылкѣ, молодой Аруэ принялся хлопотать объ освобожденіи. Прежде всего онъ старался убѣдить регента въ своей признательности не только за освобожденіе изъ Бастиліи, но и за самое свое заключеніе въ эту крѣпость. «Прошу у васъ одной милости,—писалъ онъ министру Морепá:—благоволите увѣрить его королевское высочество, что я столько же признателенъ ему за тюрьму, сколько и за освобожденіе, что я извлекъ много пользы изъ первой и никогда не злоупотреблю послѣднимъ». Но это еще не значитъ, что онъ признаетъ себя повиннымъ въ сочиненіи сатирическихъ куплетовъ. Онъ говоритъ, напротивъ, что неповиненъ во взведенныхъ на него «ужасахъ». «Ручаюсь вамъ головою,—пишетъ онъ далѣе,—что во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы доказать, что я принималъ

---

[1]) Денуартерръ приводитъ въ примѣчаніяхъ своего перваго тома два курьёзныхъ донесенія полицейскихъ агентовъ объ осмотрѣ отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ въ томъ домѣ, гдѣ жилъ поэтъ.

хотя малѣйшее участіе въ составленіи пѣсень противъ двора». Говоря о принцѣ Орлеанскомъ, онъ будто бы всегда удивлялся его генію, и говорилъ бы о немъ въ томъ же смыслѣ, еслибъ принцъ былъ только частнымъ человѣкомъ.

Мѣсяцъ спустя, поэту было позволено пріѣхать въ Парижъ на два часа, чтобы представить свои оправданія. «Я желаю только имѣть честь,—писалъ онъ министру,—переговорить съ вами нѣсколько минутъ и броситься къ ногамъ его королевскаго высочества. Отъ справедливости и доброты столь милосердаго принца я въ правѣ ожидать, что онъ благоволитъ обратить нѣкоторое вниманіе на мои представленія и будетъ тронутъ ужасающей клеветой, убѣдительныя доказательства которой у меня въ карманѣ». Но эти доказательства относились только къ стихотворенію Ле-Брёна, которое было ошибочно приписано ему; онъ никакъ не могъ представить ничего подобнаго относительно «Puero regnante» и сатирическихъ куплетовъ. Онъ былъ убѣжденъ, что власти имѣютъ противъ него только подозрѣнія и не зналъ о шпіонскомъ промыслѣ Борегара. Въ іюлѣ, ему позволили опять пріѣхать въ Парижъ на недѣлю, потомъ на цѣлый мѣсяцъ, а въ октябрѣ онъ получилъ разрѣшеніе пріѣзжать въ Парижъ, когда хочетъ.

Представленіе «Эдипа» было замедлено арестомъ автора, лишеннаго возможности присутствовать на репетиціяхъ, и, конечно, опасеніемъ вызвать рукоплесканія публики пьесой человѣка, арестованнаго по политическимъ причинамъ. Возвращеніе автора изъ ссылки устраняло эти неудобства, и актеры, хотя и недовольные самою пьесой, не могли не уступить желанію литературныхъ слоевъ высшаго общества, въ которыхъ авторъ читалъ свою трагедію, вызвавшую общія похвалы. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, писанномъ десять лѣтъ спустя, Вольтеръ подробно разсказываетъ затрудненія и непріятности, причиненныя ему грубостью, бездѣйствіемъ и невѣжествомъ актеровъ и актрисъ. Ихъ требованія и совѣты оказались совершенно несостоятельными, и только свѣтское общество было полезно автору своими мнѣніями и указаніями. Въ наше время, послѣ крупныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ драмой въ теченіе полутораста лѣтъ, «Эдипъ» Вольтера читается мало и не выдерживаетъ строгой критики. Но тогдашніе актеры были недовольны имъ не съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ не удовлетворяетъ насъ теперь: они находили его не достаточно рутинною пьесой. И дѣйствительно, «Эдипъ» былъ, по тогдашнему, первымъ шагомъ къ драматической правдѣ и выше всѣхъ пьесъ тогдашняго репертуара послѣ Расина.

Онъ былъ представленъ въ первый разъ 18-го ноября 1718 года, съ огромнымъ успѣхомъ. Особенный восторгъ возбудилъ четвертый актъ, переведенный Вольтеромъ изъ Софокла. Въ пьесѣ чувствовалось какое-то неуловимое новое вѣяніе. Зритель встрѣчалъ на каждомъ шагу стихи, примѣнимые къ настоящимъ условіямъ жизни, и электрически дѣйствовавшіе на публику. Въ театрѣ, публика обыкновенно бываетъ столько же виновна передъ произволомъ, какъ и авторъ. Стѣны залы не разъ потрясались рукоплесканіями, когда актеръ произносилъ тѣ или другіе стихи, въ которыхъ авторъ не имѣлъ въ виду никакого намека; публика принимала за намеки даже и то, что, по мнѣнію автора, вполнѣ отвѣчало положенію выставленныхъ имъ характеровъ. Слѣдующіе стихи, напримѣръ, были приняты за намекъ на огульное порицаніе всѣхъ дѣйствій умершаго короля порочными людьми регентства:

Tant qu'il sont sur la terre on respecte leurs lois;
On porte jusqu'aux cieux leur justice suprême;
Adorés de leur peuple, ils sont des dieux eux-mêmes,
Mais après leur trépas que sont-ils à vos yeux?
Vous éteignez l'encens que vous brûliez pour eux;
Et comme à l'interêt l'âme humaine est liée,
La vertu qui n'est plus est bientôt oubliée [1]).

Авторъ всего менѣе могъ имѣть въ виду восхваленіе второй половины царствованія Людовика XIV; но публика, скандализированная настоящимъ, увидѣла въ этихъ стихахъ косвенное осужденіе этого настоящаго. Еще впечатлительнѣе была она къ нѣкоторымъ мѣстамъ, свидѣтельствовавшимъ о свободѣ философской мысли автора, о духѣ критики и недовольства, подъ вліяніемъ котораго авторъ относился свысока къ сильнымъ міра сего. Она восторженно рукоплескала слѣдующему стиху Филоктета о Геракліѣ, невозможному при Людовикѣ XIV.

Qu'eussé-je été sans lui? Rien que le fils d'un roi [2]).

Сильное впечатлѣніе производило также слѣдующее двустишіе, вложенное авторомъ въ уста Іокасты о греческихъ жрецахъ,

---

[1]) Пока они на землѣ, ихъ законы уважаются; ихъ высокая справедливость превозносится до небесъ. Обожаемые своимъ народомъ, они—сами боги. А чѣмъ остаются они въ вашихъ глазахъ послѣ смерти? Вы гасите ѳиміамъ, который возжигали для нихъ, и такъ какъ душа человѣка связана съ личнымъ интересомъ, то добродѣтель сошедшаго въ могилу скоро забывается.

[2]) Чѣмъ былъ бы я безъ него? Только сыномъ короля.

первый враждебный кличъ Вольтера противъ католическаго духовенства:

> Nos prêtres ne ce sont point ce qu'un vain peuple pense;
> Notre crédulité fait toute leur science [1]).

Подобныхъ мѣстъ много въ «Эдипѣ». На первомъ представленіи, автору пришло въ голову нести хвостъ главнаго жреца. Имѣлъ ли онъ въ виду ослабить свои смѣлыя выходки, которыхъ онъ опасался, или онъ, если вѣрить его словамъ, былъ равнодушенъ къ успѣху своей пьесы, но эта шалость могла парализовать ея успѣхъ. Жена маршала Виллара, увидѣвъ это изъ своей ложи, была поражена соединеніемъ такого легкомыслія съ талантомъ; она подумала, что тутъ замѣшалась интрига и спросила, кто этотъ молодой человѣкъ, котораго намѣреніе слишкомъ ясно. Каково же было ея удивленіе, когда ей отвѣчали, что это самъ авторъ! Она пожелала познакомиться съ нимъ, приняла его крайне любезно, и между нею и Вольтеромъ завязались съ тѣхъ поръ самыя дружественныя и близкія отношенія.

«Эдипъ» выдержалъ сорокъ-пять представленій, что́ было тогда необычайнымъ явленіемъ. Авторъ его сталъ героемъ дня. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, пьеса вызвала сильныя похвалы и не менѣе сильныя порицанія. Брошюры и мнѣнія за и противъ новой трагедіи еще болѣе способствовали славѣ автора. Онъ отвѣчалъ на высказанныя объ его пьесѣ мнѣнія брошюрой, къ которой приложилъ шесть писемъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ оправдывался отъ взведенныхъ на него клеветъ и разсказывалъ свои столкновенія съ актерами; остальныя были посвящены критикѣ трехъ «Эдиповъ»: Софокла, Корнеля и самого Аруэ. Заимствовавъ у Софокла весь четвертый актъ, авторъ тѣмъ не менѣе осмѣивалъ его пріемы. Это было очень смѣло и очень ново; но съ точки зрѣнія современной исторической критики—совсѣмъ не вѣрно. Въ то время успѣхъ «Эдипа» былъ великъ, и даже дворъ улыбался поэту. Регентъ принялъ его очень радушно. «Ваше высочество,—сказалъ ему Вольтеръ,—я буду очень радъ, если его величество благоволитъ обезпечить мнѣ столъ; но я умоляю ваше высочество не заботиться больше о моей квартирѣ». Регентъ тогда же назначилъ ему пенсію. Въ одномъ изъ писемъ о своей трагедіи, авторъ

---

[1]) Наши жрецы не то, что́ думаетъ о нихъ тщеславный народъ; наше легковѣріе составляетъ всю ихъ науку.

говоритъ между прочимъ: «Самымъ вѣрнымъ доказательствомъ моей невиновности служитъ то, что принцъ благоволилъ признать меня невиннымъ и оклеветаннымъ, какъ только время позволило ему открыть клевету. Я не считаю милости, оказанной мнѣ герцогомъ Орлеанскимъ, наградой за мой трудъ, который по бо́льшей мѣрѣ заслуживалъ только его снисхожденія; онъ хотѣлъ не столько наградить меня, сколько поощрить къ тому, чтобы я старался заслужить его покровительство». Въ спискѣ рентъ, пенсій и доходовъ поэта въ 1749 году значится пенсія въ тысячу двѣсти франковъ изъ шкатулки герцога Орлеанскаго, которая встрѣчается и въ счетахъ Вольтера за 1779 годъ. Кромѣ того, регентъ еще заказалъ золотую медаль, по обѣимъ сторонамъ которой были изображены бюсты короля и его собственный. Съ своей стороны, Аруэ письменно просилъ у герцога Орлеанскаго позволенія посвятить ему «Эдипа», хотя публика и находила въ лицѣ мужа Іокасты намекъ на ужасающіе нравы регента. Послѣдній, вѣроятно, отклонилъ это посвященіе, потому что авторъ посвятилъ свою трагедію вдовствующей герцогинѣ Орлеанской. Авторъ послалъ ее также англійскому королю, объясняя, что приноситъ эту дань уваженія не королю, а мудрецу и герою. Съ такимъ же привѣтствіемъ былъ имъ посланъ «Эдипъ» герцогу и герцогинѣ Лотарингскимъ, которымъ онъ представлялъ первинку своей юной музы. «Мы обязаны ею богамъ, а вы — мои боги», говорилъ онъ въ своемъ письмѣ.

Посвященіе пьесы вдовствующей герцогинѣ Орлеанской замѣчательно тѣмъ, что авторъ подписался подъ нимъ: «Аруэ де-Вольтеръ». До сихъ поръ онъ называлъ себя просто: Аруэ, но отнынѣ онъ принимаетъ имя *Вольтеръ*. Имя *Аруэ* не нравилось ему: онъ приписывалъ этому имени свои прежнія невзгоды. «Я перемѣнилъ мое имя *Аруэ* на имя *Вольтеръ*, — писалъ онъ Жану-Батисту Руссо, — чтобы меня не смѣшивали съ несчастнымъ поэтомъ *Руа*». Онъ былъ въ ссорѣ съ этимъ послѣднимъ, имя котораго писали иногда: Аггоу. Бальзакъ и Мольеръ тоже перемѣнили на эти болѣе благозвучныя и удобныя имена свои прежнія фамиліи: *Ге* и *Покленъ*. Но откуда взялъ Аруэ именно слово *Вольтеръ?* Нѣкоторые полагали, что такъ называлось небольшое родовое имѣніе г-жи Аруэ, но никому еще не удалось отыскать это имѣніе. По мнѣнію другихъ, это имя не что иное, какъ анаграмма его прежняго имени: Arouet L. J. (le jeune) — Аруэ младшій. Такъ поступилъ и школьный наставникъ юнаго Аруэ въ училищѣ Людовика Великаго, отецъ Тулье

(Thoulié), который, отбросивъ излишній «h», составилъ изъ этого имени анаграмму, или свое новое имя Оливе (Olivet).

Приглашенный женою маршала Виллара на первомъ представленіи «Эдипа», Вольтеръ не замедлилъ воспользоваться ея приглашеніемъ и вскорѣ влюбился въ эту женщину, окруженную поклонниками и блескомъ. Но она не отвѣчала его страсти. Она относилась къ нему какъ кокетка, умѣющая раздражать страсть въ человѣкѣ, не давая ей удовлетворенія, и дѣлала это съ такимъ видимымъ добродушіемъ, съ такою граціей и такимъ искреннимъ расположеніемъ къ своему гостю, что послѣдній, несмотря на свою неудачу, продолжалъ вздыхать, досадовать, отчаяваться, не имѣя мужества сбросить съ себя эти цѣпи. А между тѣмъ, для него было ясно, что онъ встрѣтитъ въ Виллярѣ лишь то, что находили тамъ всѣ приглашенные: любезность, вниманіе, утонченное гостепріимство и «легкіе ужины, за которыми хорошо пилось». Въ письмахъ къ своей пріятельницѣ, маркизѣ де-Мимёръ, поэтъ постоянно увѣряетъ ее, что онъ уже спокоенъ, что дружба въ тысячу разъ лучше любви и что онъ навсегда отказывается любить и даже быть любимымъ. И въ самомъ дѣлѣ, страстная любовь была ему совсѣмъ не по натурѣ. Но въ двадцать-пять лѣтъ даже и такой натурѣ трудно отказаться отъ загорѣвшейся страсти, и ему стоило не малыхъ усилій подавить ее. Новая ссылка помогла ему въ этомъ отношеніи. Въ 1719 г. появились «Филиппики» Ла-Гранжъ Шанселя, исполненныя энергіи, огня, негодованія. Правительство тотчасъ приписало ихъ Вольтеру. Дѣйствительный авторъ «Филиппикъ» сказалъ по этому поводу въ одной изъ нихъ:

On punit les vers qu'il peut faire
Plutôt que les vers qu'il a faits [1]).

Напрасно Вольтеръ не только съ негодованіемъ отказывался отъ этихъ стиховъ, но и отвергалъ всякое свое участіе въ литературѣ этого рода; ему не вѣрили, и въ маѣ 1719 года ему велѣно было выѣхать изъ Парижа, повидимому — безъ назначенія опредѣленнаго мѣста жительства. Онъ поселился въ Сюлли и написалъ въ это время «Артемиру». Успѣхъ «Эдипа» заставилъ его отложить на время окончаніе «Генріады» и заняться новою трагедіей. И самъ онъ, и всѣ окружающіе были въ восхищеніи отъ «Артемиры». Знаменитая актриса Лекуврёръ была тоже

[1]) Его караютъ скорѣе за стихи, которые онъ можетъ написать, чѣмъ за стихи, имъ написанные.

въ восторгѣ, а про аббата Бюсси, присутствовавшаго на чтеніи трагедіи у этой артистки, говорили, что у него отъ слезъ сдѣлался грипъ. Но публика отнеслась совсѣмъ иначе къ новому драматическому произведенію Вольтера. Пьеса была представлена въ первый разъ 15-го февраля 1720 года, и была принята такъ неблагосклонно, что авторъ, находясь тутъ же въ ложѣ, вышелъ изъ себя и принялся спорить съ партеромъ. Когда узнали, что съ зрителями спорить авторъ, крики стихли, публика была увлечена его рѣчью и покрыла ее рукоплесканіями; но пьеса все-таки выдержала не больше восьми представленій. Уже послѣ перваго представленія, авторъ хотѣлъ снять ее со сцены; но мать регента, которой онъ посвятилъ «Эдипа», пожелала ея возобновленія. Наскоро передѣланная авторомъ, она была исполнена еще семь разъ и не появилась въ печати. Вольтеръ оставилъ рукопись у себя и потомъ воспользовался для своей «Маріамны» тѣми немногими стихами «Артемиры», которые, по его мнѣнію, того заслуживали. Но Вольтеръ обязанъ «Артемирѣ» своимъ возвращеніемъ въ Парижъ, гдѣ было необходимо его присутствіе на репетиціяхъ. Регентъ узналъ въ это время, кѣмъ писаны «Филиппики»; онъ зналъ также изъ письма Вольтера, что поэтъ желаетъ прочесть ему отрывки изъ эпической поэмы о томъ изъ его предковъ, на котораго «онъ наиболѣе походитъ». Этой поэмой была «Генріада», или «Лига». Теперь она была уже дописана, хотя и не въ окончательномъ видѣ. Авторъ поручалъ Тьеріо заказать для регента списокъ девяти ея пѣсней (ихъ было только девять въ первыхъ изданіяхъ «Генріады»).

Вскорѣ умеръ отецъ поэта, оставивъ двоихъ сыновей и одну замужнюю дочь. Братья никогда не сходились между собою, а теперь, со смертью отца, къ прежнимъ далекимъ отношеніямъ между ними присоединились еще и несогласія по наслѣдству. Дѣло дошло между ними до открытой войны. Болѣе двухъ лѣтъ по смерти отца, въ 1724 году, Вольтеръ писалъ своимъ друзьямъ, что его дѣло съ братомъ о наслѣдствѣ идетъ очень дурно, что онъ рискуетъ не получить ничего изъ отцовскаго наслѣдства и ему, быть можетъ, придется работать, чтобы жить, вмѣсто того, чтобы по прежнему жить для того, чтобы работать. Отецъ передалъ старшему сыну свою финансовую должность, которая требовала залога въ двѣсти сорокъ тысячъ франковъ, а эта сумма составляла главную часть его состоянія. Старшій братъ не могъ выплатить половины этой суммы младшему, Вольтеру, а этотъ послѣдній, умѣвшій и любившій спекулировать деньгами, не хо-

тѣлъ довольствоваться одними процентами и требовалъ раздѣла. Объ этомъ, правда, нѣтъ прямыхъ свѣдѣній; но самъ Вольтеръ признаётъ въ одномъ письмѣ, что получалъ четыре тысячи двѣсти пятьдесятъ ливровъ ренты съ отцовскаго наслѣдства и, сверхъ того, пенсію, увеличенную регентомъ до двухъ тысячъ франковъ. Съ такими средствами можно было жить, чтобы работать. Но Вольтеръ занимался спекуляціями, которыя были тогда въ нравахъ и не считались предосудительными. Высокопоставленныя лица оказывали ему большія услуги по этой части, особенно по части подрядовъ, для которыхъ онъ подбиралъ себѣ удобныя компаніи. Дѣла съ казною производились тогда безъ всякаго вмѣшательства совѣсти, производились аристократами и богачами. Вольтеръ былъ въ это время въ милости у регента и пользовался его покровительствомъ въ дѣлахъ подобнаго рода. Прежній сатирикъ превратился въ поэта-льстеца. Въ іюлѣ 1721 года, онъ написалъ мадригалъ, приложенный къ поясу, который г-жа д'Авернь поднесла регенту, и эта любезность доставила ему расположеніе принца. Но не одна спекуляція заставляла Вольтера заискивать въ регентѣ и его правительствѣ. Тутъ были и болѣе глубокія причины, таившіяся въ его желаніи играть не одну только чисто-литературную роль и въ необыкновенномъ разнообразіи его природныхъ способностей.

Во Франціи происходила въ это время незамѣтная для обыкновеннаго глаза борьба литературнаго таланта съ данными общественными условіями.

Въ своей біографіи Вольтера, Штраусъ проводитъ остроумную параллель между этимъ явленіемъ во Франціи и Германіи, гдѣ оно повторилось нѣсколько позднѣе. Главными дѣятелями этой борьбы были во Франціи Вольтеръ и Ж.-Ж. Руссо, въ Германіи—Клопштокъ, Гёте и Шиллеръ. Въ прошломъ столѣтіи, поэтъ уже могъ болѣе или менѣе обезпечить свое матеріальное положеніе изданіемъ своихъ сочиненій. Клопштокъ могъ бы обходиться безъ пенсіи, назначенной ему датскимъ королемъ и маркграфомъ Баденскимъ. Гёте не впалъ бы въ нужду и безъ своего министерскаго жалованья въ Веймарѣ, Шиллеръ—безъ пенсіи герцога Карла-Августа. Но ихъ образъ жизни былъ крайне простъ, имъ нужна была величайшая умѣренность въ расходахъ и потребностяхъ, чтобы не выходить изъ своего бюджета. Положеніе Вольтера было иное. Онъ ставилъ талантъ наравнѣ съ аристократическимъ происхожденіемъ, и считалъ себя въ правѣ пользоваться всѣми благами жизни, доступными аристократіи, а одинъ только доходъ съ собственныхъ

сочиненій никогда не могъ бы доставить ему средства къ роскошному существованію. Кромѣ необходимыхъ пенсій, ему понадобились еще и спекуляціи, для которыхъ были необходимы сильные покровители. Уже это одно придавало его отношеніямъ къ власти совсѣмъ особенный характеръ, дѣлало его человѣкомъ нравственно зависимымъ, сообщникомъ темныхъ предпріятій, бросающихъ тѣнь на сильныхъ людей того времени и на него самого. Вольтеръ не могъ предстать передъ кардиналомъ Дюбуа или своимъ пріятелемъ герцогомъ Ришльё съ нравственнымъ достоинствомъ Клопштока передъ графомъ Бернсторфомъ или Гёте и Шиллера передъ герцогомъ веймарскимъ. Чтобы остаться и въ жизни на высотѣ своего авторскаго призванія, Руссо предпочелъ обходиться безъ роскоши и сталъ въ презрительное, гордое отношеніе къ обществу и его наслажденіямъ. Нѣмецкіе поэты занимали такимъ образомъ среднее положеніе между двумя крайностями, изъ которыхъ одной, горделивому и независимому положенію Руссо, принадлежатъ теперь всѣ наши симпатіи.

Вольтеръ не былъ геніемъ, создающимъ что-нибудь новое; онъ былъ геніаленъ не въ изобрѣтеніи, а въ усвоеніи идей и духа времени, въ необыкновенномъ умѣньѣ схватывать, популяризировать и распространять этотъ духъ и эти идеи. Онъ обималъ все, брался за все, и если не двинулъ впередъ науку, то сдѣлалъ ее всѣмъ понятною и доступною. Создавая новое, геніальный человѣкъ больше сосредоточивается, чѣмъ расплывается, а натура и основанное на ней призваніе Вольтера дѣлали его не только поэтомъ, историкомъ и мыслителемъ, но и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ вмѣстѣ. Онъ негодовалъ на исключительно кабинетную дѣятельность, предоставленную литераторамъ во Франціи. Въ Англіи, учрежденіямъ которой онъ удивлялся, положеніе литератора не только не было препятствіемъ, но служило даже рекомендаціей человѣку, вступавшему на политическое поприще. «Во Франціи (писалъ Вольтеръ въ своихъ «Философскихъ Письмахъ»), г. Аддисонъ принадлежалъ бы къ какой-нибудь академіи и могъ бы получить, благодаря покровительству какой-нибудь женщины, тысячу двѣсти франковъ пенсіи, или—что еще вѣроятнѣе—ему надѣлали бы непріятностей подъ тѣмъ предлогомъ, что въ его трагедіи «Катонъ» замѣчены кое-какія выходки противъ привратника сильнаго человѣка, а въ Англіи онъ былъ статсъ-секретаремъ. Г. Ньютонъ управлялъ монетнымъ дѣломъ въ королевствѣ; г. Конгревъ занималъ важный постъ; г. Пріоръ былъ уполномоченнымъ; докторъ Свифтъ—деканъ Ирландіи и пользуется тамъ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ при-

масъ... Во Франціи и не подозрѣвали, что Піоръ, пріѣзжавшій отъ королевы Анны даровать миръ Людовику XIV, прежде чѣмъ баронъ Болинброкъ пріѣхалъ подписать этотъ миръ,—что этотъ уполномоченный былъ поэтъ». Вольтеръ считалъ себя отнюдь не менѣе тонкимъ, проницательнымъ и вообще способнымъ дипломатомъ, чѣмъ другіе, никогда не бывшіе литераторами, и жаждалъ добиться политической дѣятельности. Отсюда всѣ его усилія пріобрѣсти благосклонность человѣка, который могъ быть ему еще больше полезенъ, чѣмъ регентъ,—благосклонность кардинала Дюбуа, одного изъ развратнѣйшихъ государственныхъ людей въ мірѣ. Вольтеръ пишетъ кардиналу посланіе, въ которомъ его мудрости завидуетъ душа Ришельё и передъ нимъ сокрушаются всѣ планы знаменитаго Альберона:

De ses vastes projets l'orgueilleuse étendue
Occupait l'univers saisi d'étonnement:
Ton génie et le sien disputaient la victoire;
Mais tu parus, et sa gloire
S'eclipsa dans un moment [1]).

При томъ порядкѣ вещей, какой господствовалъ тогда во Франціи, все зависѣло отъ министра, и Вольтеръ хорошо понималъ, что и тотъ, кто желаетъ публичной дѣятельности, и тотъ, кто добивается только наградъ и отличій, должны обращаться исключительно къ нему, хотя бы министромъ былъ и Дюбуа. Будучи самъ въ нѣкоторомъ родѣ литераторомъ, кардиналъ Дюбуа иногда давалъ ходъ литераторамъ въ дѣлахъ управленія. Поэтъ Детушъ, авторъ «Мота», былъ представителемъ интересовъ Франціи и политики Дюбуа въ Лондонѣ. И вотъ Вольтеръ, сильно желавшій присоединить къ славѣ поэта вѣсъ должностного лица, предоставилъ себя въ распоряженіе кардинала. Тогдашніе люди, за весьма немногими исключеніями, были всѣ неразборчивы на средства къ достиженію своихъ цѣлей. Чтобы принести посильную пользу министру, Вольтеръ сблизился съ евреемъ Соломономъ Леви, умѣвшимъ вторгаться всюду въ качествѣ шпіона, и объяснялъ это кардиналу въ письмѣ:

«Я могу легче всякаго другого поѣхать въ Германію, подъ предлогомъ свиданія съ Руссо [2]), которому я писалъ два мѣсяца тому назадъ, что желалъ бы показать мою поэму [3]) принцу

[1]) Горделивая обширность его замысловъ занимала изумленный міръ; геній твой и его геній оспоривали другъ у друга побѣду; но ты явился, и его слава мгновенно затмилась.

[2]) Жаномъ-Батистомъ, лирикомъ.

[3]) „Генріаду".

Евгенію и ему. У меня есть даже письма принца Евгенія, и въ одномъ изъ нихъ онъ благосклонно заявляетъ, что будетъ очень радъ меня видѣть. Если эти соображенія могутъ побудить ваше высокопреосвященство *употребить меня на какое-нибудь дѣло*, то умоляю васъ вѣрить, что вы не будете недовольны мною и что я сохраню вѣчную благодарность за данное мнѣ позволеніе служить вамъ».

Восемнадцатый вѣкъ былъ въ началѣ вѣкомъ непримиримыхъ нравственныхъ и всякихъ другихъ несообразностей и противорѣчій. Около того самаго времени, когда Вольтеръ писалъ эти строки къ кардиналу Дюбуа, онъ лихорадочно предавался цѣлый годъ преслѣдованію того шпіона, котораго доносъ былъ причиной его заключенія въ Бастилію. Мы уже знаемъ, что этого шпіона звали Борегаръ: онъ былъ капитаномъ въ прованскомъ полку. Убѣдившись въ томъ, что доносчикомъ на него былъ Борегаръ, съ которымъ онъ нѣкогда неосторожно сблизился, Вольтеръ не могъ сдержать свое негодованіе, и довольно громко произнесъ при немъ слова: *шпіонъ* и *подлецъ*. Они встрѣтились тогда у военнаго министра Ле-Блана, и Вольтеръ не затруднился сказать послѣднему: «Я зналъ, что шпіонамъ платятъ, но я не зналъ, что ихъ еще и награждаютъ приглашеніемъ къ министерскому обѣду». Въ то время министры дружески принимали шпіоновъ. Маршалъ Вилларъ разсказываетъ самъ, что приглашалъ къ обѣду нѣкоего Менжа, «главу своихъ шпіоновъ», разжалованнаго рукою палача, признаннаго мошенникомъ и наполовину уличеннаго въ убійствѣ. Борегаръ, въ бѣшенствѣ на произнесенныя Вольтеромъ слова, отвѣчалъ, что заставитъ его раскаяться въ этой дерзости. Онъ даже сообщилъ свое намѣреніе Ле-Блану, который будто бы сказалъ на это: «Только дѣлай такъ, чтобы никто ничего не замѣтилъ». Остановивъ носилки Вольтера у Севрскаго моста, Борегаръ заставилъ его выдти и страшно избилъ его; слѣды побоевъ остались даже на лицѣ Вольтера. Негодяй свелъ такимъ образомъ все дѣло на физическую силу, которою природа одарила его щедро, отказавъ въ ней слабому организму писателя. Понятно, въ какую ярость, въ какое отчаяніе повергла Вольтера эта гнусная расправа. По его требованію, севрскій судья предписалъ арестовать разбойника, но разбойникъ поспѣшилъ ускакать въ свой полкъ. Вольтеръ истощается въ усиліяхъ настигнуть его самъ или при помощи юстиціи. Онъ начинаетъ противъ Борегара уголовный процессъ и ведетъ его съ величайшею настойчивостью, забывая и работу, и удовольствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ высказываетъ въ своихъ письмахъ и желаніе драться

съ обидчикомъ на дуэли. Но лучшіе друзья его не вѣрили его храбрости, а маркизъ д'Аржансонъ сказалъ о немъ, безъ всякаго желанія злословить, сказалъ какъ величайшую похвалу: «Люди давно уже различаютъ храбрость умственную и тѣлесную. Онѣ рѣдко встрѣчаются въ одномъ человѣкѣ. Примѣромъ можетъ служить Вольтеръ. Въ душѣ онъ храбръ какъ Тюреннъ, какъ Густавъ Адольфъ; но малѣйшая опасность для тѣла страшитъ его, и онъ отъявленный трусъ»... Дуэли, во всякомъ случаѣ, не было, а юстиція въ тогдашней Франціи отличалась необыкновенною медленностью. Вольтеръ напрасно разорялся на процессъ: съ октября 1723 года, въ его письмахъ нѣтъ болѣе помину объ этомъ дѣлѣ, начатомъ полтора года тому назадъ. Неизвѣстно, имѣло ли оно какія-нибудь тяжелыя послѣдствія для нахальнаго шпіона; но для Вольтера оно осталось однимъ изъ самыхъ печальныхъ воспоминаній его жизни.

Во время этого процесса, Вольтеру представился удобный случай уѣхать изъ Парижа. Г-жа Рюпельмондъ, молодая вдова богатаго фламандскаго землевладѣльца, свѣтская дама, интересовавшаяся и философіей, сблизилась съ Вольтеромъ и просила его сопровождать ее въ ея поѣздкѣ въ Голландію. Они выѣхали въ іюлѣ 1722 года, остановились въ Камбрэ, гдѣ тогда собирался конгрессъ, и потомъ Брюсселѣ, гдѣ жилъ въ изгнаніи лирикъ Жанъ-Батистъ Руссо. Вольтеръ воспользовался этой поѣздкой, чтобы писать кардиналу Дюбуа о предстоявшемъ конгрессѣ. «Ваше высокопреосвященство,—писалъ онъ кардиналу изъ Камбрэ:—мы прибыли въ вашу метрополію, куда съѣхались, кажется, всѣ послы и повара Европы. Повидимому, всѣ министры Германіи пребываютъ въ Камбрэ только для того, чтобы заставлять пить за здоровье императора. Изъ двухъ испанскихъ пословъ, одинъ выслушиваетъ по двѣ обѣдни въ день, другой управляетъ трупой актеровъ. Англійскіе министры посылаютъ много курьеровъ въ Шампань и мало въ Лондонъ». И самъ Дюбуа говорилъ объ этомъ конгрессѣ, что онъ употребитъ половину времени на опредѣленіе своего церемоніала, другую на полное бездѣйствіе, пока неожиданныя случайности не приведутъ къ его распущенію. Уполномоченные, дѣйствительно, не торопились и охотно замѣняли дѣла безпрестанными празднествами, въ которыхъ нѣкоторое время участвовалъ и Вольтеръ съ своею спутницей. Имъ понадобилось, такимъ образомъ, не меньше шести недѣль для того, чтобъ проѣхать изъ Парижа въ Гагу. Спутницу Вольтера, объ отношеніяхъ которой къ двадцати-восьмилѣтнему поэту злословили не безъ основанія, тревожили въ то время

религіозные вопросы, за разрѣшеніемъ которыхъ она обратилась къ блестящему автору «Эдипа». Для нея написано имъ превосходное стихотвореніе, сначала получившее извѣстность подъ названіемъ: «Epître à Julie»:

Tu veux donc, belle Uranie,
Qu'erigé par ton ordre en Lucrèce nouveau,
Devant toi, d'une main hardie,
Aux superstitions j'arrache le bandeau [1]), и пр.

Оно высказываетъ на нѣсколькихъ страницахъ и прекрасными стихами сильнѣйшія возраженія противъ господствовавшихъ вѣрованій, отвѣты и убѣжденныхъ и политическихъ ханжей на эти возраженія, и благоразумный совѣтъ руководствоваться въ жизни правилами добропорядочности. Не менѣе знаменитая «Исповѣдь савойскаго викарія» была только краснорѣчивымъ развитіемъ мысли этого стихотворенія, получившаго потомъ названіе «Epître à Uranie». Когда оно проникло въ публику, Вольтеръ такъ испугался произведеннаго имъ дѣйствія и собиравшейся надъ нимъ грозы, что приписалъ его умершему аббату Шолье.

По словамъ Жана-Батиста Руссо, который былъ авторомъ сатирической «Моизіады» и нѣкогда самъ писалъ эпиграммы очень сомнительной нравственности, это смѣлое и рѣзкое стихотвореніе было причиной разрыва его съ Вольтеромъ. Оно, будто бы, оскорбило его религіозное и нравственное чувство. Вольтеръ, съ своей стороны, приписывалъ тотъ же разрывъ своему откровенному замѣчанію на оду Руссо «Къ потомству». Когда авторъ прочелъ эту оду Вольтеру и его спутницѣ, первый замѣтилъ, что она едва ли дойдетъ по адресу. Какъ бы то ни было, Вольтеръ, давно состоявшій съ Ж.-Б. Руссо въ дружеской перепискѣ, отдававшій ему на судъ свои сочиненія и получавшій отъ него въ отвѣтъ громкія похвалы и пожеланія, разошелся съ нимъ окончательно во время своей поѣздки въ Голландію. Изъ друзей, по крайней мѣрѣ—друзей формальныхъ, они стали отъявленными врагами. Вражда эта играла очень крупную и печальную роль въ жизни Вольтера. Всѣ средства полемики казались имъ позволительными для униженія врага. О характерѣ этой полемики могутъ дать достаточное понятіе частыя напоминанія Вольтера противнику о томъ, что отецъ его шилъ сапоги отцу автора «Посланія къ Юліи», а эти напоминанія принадлежатъ еще не къ самымъ худшимъ эпизодамъ ихъ полемической вражды. Разумѣется, и

[1]) Итакъ, прелестная Уранія, ты желаешь, чтобы, ставъ по твоему приказу новымъ Лукреціемъ, я смѣлою рукой сорвалъ повязку съ предразсудковъ...

самая дружба между ними, предшествовавшая долгой и непримиримой враждѣ, не имѣла высокой цѣны. Она вполнѣ характеризуетъ и тогдашніе нравы вообще, и Вольтера въ особенности. Онъ называлъ себя тогда ученикомъ Руссо, «нѣжно привязаннымъ къ своему учителю». Руссо, съ своей стороны, рукоплескалъ первымъ успѣхамъ Вольтера на литературномъ поприщѣ и безусловно восхвалялъ «Эдипа». Вѣрный тогдашнимъ нравамъ, Вольтеръ былъ друженъ и съ Руссо, и съ его врагами; ему надо было ладить со всѣми; отсюда уступки, скрытыя и мелкія предательства, обычныя у свѣтскихъ людей, поставленныхъ въ необходимость лавировать, плыть между двумя водами, улыбаться, участвовать въ злословіи присутствующаго друга противъ друга отсутствующаго. Въ письмѣ къ Ла-Фэ, непримиримому врагу Ж.-Б. Руссо, Вольтеръ съ пренебреженіемъ отзывался объ этомъ изгнанникѣ, какъ о писателѣ и человѣкѣ. Между тѣмъ, окончивъ свою «Генріаду», онъ послалъ тому же Руссо планъ своего новаго произведенія при самомъ дружескомъ и почтительномъ письмѣ, которое оканчивалось обѣщаніемъ пріѣхать для свиданія съ нимъ въ Голландію. «Если нельзя надѣяться видѣть васъ опять въ Парижѣ, — писалъ онъ, — то вы можете быть увѣрены, что я поѣду въ Брюссель отыскивать противоядіе отъ яда Ламоттовъ (Ламоттъ былъ тоже личнымъ врагомъ Руссо). Умоляю васъ, м. г., разсчитывать на меня во всю вашу жизнь, какъ на самаго ревностнаго изъ вашихъ почитателей». Теперь прежняя наружная дружба обратилась въ явную вражду, и взаимную любезность смѣнила одна изъ самыхъ неприличныхъ полемикъ, какія только запомнитъ исторія литературы. Оба противника отбросили всякій стыдъ и всякое приличіе. Дюверне, въ своей «Жизни Вольтера», вышедшей въ Женевѣ въ 1786 году, слѣдующимъ образомъ разсказываетъ, со словъ Тьеріо, фактотума Вольтера, обстоятельства разрыва между Вольтеромъ и Ж.-Б. Руссо:

«Въ одной изъ ихъ прогулокъ съ графиней Рюпельмондъ, Руссо прочелъ свою «Оду къ потомству» и потомъ «Судъ Плутона». Это послѣднее сочиненіе было рѣзкою сатирой на парижскій парламентъ, изгнавшій его изъ отечества, на прокурора, который потребовалъ такого приговора. Спрошенный авторомъ объ этой сатирѣ, Вольтеръ отвѣчалъ: «Это, учитель, писано перомъ не лучшаго, не великаго Руссо».

«Самолюбіе стараго стихотворца, жаждавшаго похвалы, оскорбилось этою откровенностью. Вольтеръ подкрѣпилъ свое мнѣніе нѣкоторыми доказательствами, которыя были приняты за наставленія. «Воздайте мнѣ тѣмъ же, — сказалъ Вольтеръ: — вотъ не-

большая поэма («Посланіе къ Юліи»), которую я отдаю на судъ и исправленіе отцу «Нумы».

«Чтеніе поэмы еще не было окончено, когда Руссо произнесъ недовольнымъ тономъ: «Избавьте себя отъ труда читать дальше, м. г. Это ужасное нечестіе». Вольтеръ положилъ свое стихотвореніе обратно въ портфель и сказалъ: «Поѣдемте въ театръ. Мнѣ очень жаль, что авторъ «Моизіады» еще не предупредилъ публику о томъ, что онъ сталъ ханжой».

«Послѣ театра, Вольтеръ заговорилъ съ Ж.-Б. Руссо объ его «Одѣ къ потомству» и насмѣшливо сказалъ на прощанье: «Знаете ли, учитель: я не думаю, чтобъ эта ода когда-нибудь дошла по адресу».

Въ Голландіи Вольтеръ впервые увидѣлъ свободный народъ, трудящійся и самъ управляющій своими судьбами. Это новое зрѣлище произвело на него сильное впечатлѣніе; а въ Парижѣ, куда онъ возвратился въ концѣ октября, его ожидало сближеніе съ представителемъ другого народа, такъ же мало похожаго на французовъ, какъ и голландцы,—съ лордомъ Болинброкомъ. Живя то въ столицѣ, то въ загородныхъ домахъ своихъ великосвѣтскихъ пріятелей, Вольтеръ нашелъ между ними этого интереснаго англичанина, принужденнаго покинуть Англію вслѣдствіе яковитскихъ интригъ. Лордъ Болинброкъ выстроилъ себѣ красивый загородный домъ въ прелестнѣйшей мѣстности Турени, гдѣ покойно жилъ съ г-жею де-Виллеттъ—француженкой, на которой онъ потомъ женился. «Я нашелъ въ этомъ знаменитомъ англичанинѣ всю ученость его отечества и всю любезность нашего», писалъ о немъ Вольтеръ. «Я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь выражался на нашемъ языкѣ вѣрнѣе и съ бо́льшей энергіей. Этотъ человѣкъ, который провелъ всю жизнь въ удовольствіяхъ и дѣлахъ, нашелъ однакоже возможность все узнать и все запомнить». И лордъ, и г-жа де-Виллеттъ отлично приняли поэта. Онъ читалъ имъ «Генріаду» и съ наслажденіемъ выслушивалъ лестныя похвалы этихъ умныхъ людей, которые ставили эту поэму выше всего, что̀ когда-нибудь было писано во Франціи. Одно время Вольтеръ даже хотѣлъ посвятить ее Болинброку, котораго дружба и рекомендаціи были впослѣдствіи такъ полезны ему въ Англіи.

Переходя изъ помѣстья въ помѣстье, вездѣ принятый какъ свой, Вольтеръ продолжалъ работать, отдѣлывать свою поэму и смягчать «тѣ мѣста, которыхъ слишкомъ жесткія истины могли возмутить судей». Сначала онъ опасался печатать ее во Франціи и хотѣлъ поручить ея изданіе одному книгопродавцу въ Гагѣ.

Въ «Голландской Газетѣ» появилось объявленіе этого книгопродавца о подпискѣ на книгу: «Генрихъ IV, или Лига, героическая поэма Вольтера, въ девяти пѣсняхъ, съ историческими и критическими примѣчаніями, объясняющими самое сочиненіе и исторію того времени», съ двѣнадцатью рисунками, изображающими главныхъ вождей и замѣчательнѣйшія событія «Лиги». Голландскій книгопродавецъ открывалъ подписку не только въ Гагѣ, но и въ Парижѣ, въ провинціальныхъ городахъ Франціи и въ главныхъ городахъ Европы. Не чуждый опасеній, Вольтеръ былъ однакоже настолько увѣренъ въ возможности безпрепятственной продажи его книги во Франціи, что приготовилъ слѣдующее непривычное посвященіе поэмы Людовику XV:

«Государь, всякое сочиненіе, въ которомъ говорится о великихъ дѣлахъ Генриха IV, должно быть посвящено вашему величеству. Кровь этого героя течетъ въ вашихъ жилахъ. Вы потому только король, что онъ былъ великій человѣкъ, и Франція, желающая вамъ столько же добродѣтелей и больше счастія, льститъ себя надеждой, что жизнь и престолъ, которыми вы ему обязаны, побудятъ васъ подражать ему.

«Счастливый тѣмъ, что испыталъ несчастіе, онъ сострадалъ невзгодамъ людей и умѣрялъ испытанную имъ самимъ суровость власти. Другіе короли имѣютъ льстецовъ, у него были друзья; его сердце было исполнено нѣжности къ настоящимъ его слугамъ.

«Этотъ король, дѣйствительно любившій своихъ подданныхъ, никогда не считалъ ни ихъ жалобъ за бунты, ни представленій судебной власти за посягательства на верховную власть... Сказать ли, государь? Да, правда вмѣняетъ мнѣ это въ обязанность: удивленіе, испытываемое нами всякій разъ, когда короли искренно любятъ счастіе своихъ народовъ, есть нѣчто постыдное для королей. Да пріучите вы насъ со временемъ считать эту добродѣтель неотъемлемымъ удѣломъ вашей короны! Только истинная любовь Генриха IV къ Франціи снискала ему наконецъ обожаніе его подданныхъ»...

Свободный по тогдашнему тонъ этого посвященія не только не могъ понравиться властямъ, но, по всей вѣроятности, навлекъ бы автору большія непріятности, еслибъ книга съ этимъ предисловіемъ появилась въ продажѣ. Къ счастію, авторъ узналъ заранѣе, что правительство несогласно на посвященіе поэмы королю, и Вольтеръ поручилъ Тьеріо уничтожить вышеприведенныя строки, чего тотъ не сдѣлалъ, а сохранилъ ихъ у себя, и они дошли до насъ только благодаря этому обстоятельству. Цензура отказалась даже допустить продажу поэмы, напечатанной

въ Голландіи, вслѣдствіе чего потеряло свою силу самое условіе, заключенное Вольтеромъ съ голландскимъ книгопродавцемъ. Но Вольтеръ вовсе не желалъ, чтобы его поэма оставалась у него въ портфелѣ. За невозможностью издать ее открыто, онъ рѣшился печатать ее тайно. Имѣя надежныхъ и вліятельныхъ друзей въ Руанѣ, онъ напечаталъ ее въ этомъ городѣ зимой 1723—24 г., откуда она была тайно доставлена въ Парижъ и тайно пущена въ продажу.

Вольтеръ усердно слѣдилъ за ея печатаніемъ и даже за брошюровкой. Два раза въ письмахъ къ Тьеріо онъ просилъ своего повѣреннаго позаботиться о томъ, чтобы его дѣтище было чисто одѣто. Для тайнаго доставленія книги въ Парижъ, Вольтеръ пользовался фургонами своей пріятельницы, г-жи де-Бреньеръ. Инструкціи, данныя Вольтеромъ по этому поводу, напоминаютъ нѣжнаго и разсудительнаго отца, который обо всемъ подумалъ, все предвидѣлъ. Перевозка исполнена благополучно. Въ одномъ письмѣ къ Тьеріо, Вольтеръ говоритъ, что «незаконное его дитя» проникло въ Парижъ какъ-бы чудомъ.

Вотъ какъ объяснялъ потомъ самъ Вольтеръ причины запрещенія «Генріады»: «Въ моей книгѣ я слишкомъ настаивалъ на духѣ мира и терпимости въ дѣлахъ вѣры, я высказалъ слишкомъ много истинъ римскому двору и пролилъ слишкомъ мало желчи на протестантовъ, чтобъ получить позволеніе напечатать въ моемъ отечествѣ поэму во славу величайшаго изъ нашихъ королей». Она не нуждалась даже и въ привлекательности запретнаго плода, чтобы быть прочитанной всѣми и произвести сильное впечатлѣніе. То была первая классическая эпопея во французской литературѣ. Новость и смѣлость этой попытки такъ поразили современниковъ, что они точно также не замѣтили слабыхъ сторонъ искусственной эпопеи, какъ не замѣчали слабыхъ сторонъ французской классической трагедіи и лирики. Очень вѣрнымъ отраженіемъ общаго мнѣнія о поэмѣ Вольтера былъ слѣдующій отзывъ Матьё Марэ, солиднаго критика, одинаково далекаго отъ оптимизма и пристрастія въ противоположную сторону. «Поэма Аруэ «Лига»,—говоритъ Марэ въ своихъ запискахъ,—продается тайно. Я прочелъ ее: это чудесное произведеніе, мастерское созданіе ума, прекрасное какъ поэма Виргилія. Наша литература имѣетъ теперь свою эпическую поэму... Непонятно, гдѣ могъ такъ много научиться Аруэ, который еще такъ молодъ. Онъ писалъ точно по вдохновенію свыше. Какая пропасть—умъ человѣка! Удивительно то, что въ этой поэмѣ все разумно, правильно, исполнено нравственности. Въ ней нѣтъ ни рѣзкости,

ни блеска, она вся изящна, правильна и пр. Сенеки и Луканы нашихъ временъ, учитесь писать и мыслить по этой чудной поэмѣ, составляющей славу нашего народа и вашъ стыдъ». Фридрихъ-Великій, въ то время еще наслѣдный принцъ, написалъ предисловіе къ «Генріадѣ», въ которомъ тоже высказывалъ лишь мнѣніе современниковъ, утверждая, что Вольтеръ превзошелъ Гомера и Виргилія. Кромѣ литературнаго значенія, поэма имѣла еще и значеніе патріотическое, общественное: содержаніе ея было взято изъ недавней исторіи Франціи и прославляло въ своемъ героѣ, водворившемъ миръ послѣ долгихъ религіозныхъ войнъ, ту терпимость, которой измѣнили его преемники. А это былъ вопросъ огромной важности во Франціи,—вопросъ, широкому разрѣшенію котораго Вольтеръ способствовалъ всю свою жизнь.

Въ наше время, «Генріада» можетъ быть интересна только для историка литературы. Ее уже никто не читаетъ. Она суха, дѣлана, въ ней нѣтъ энтузіазма, нѣтъ того священнаго огня, который дается только дѣйствительнымъ эпическимъ міровоззрѣніемъ. Вѣротерпимость стала теперь общимъ мѣстомъ, а наши требованія отъ эпопеи совсѣмъ не тѣ, какія предъявлялись къ ней въ эпоху французскаго классицизма. Мы можемъ читать Гомера, вѣрующаго въ своихъ боговъ и въ ихъ чудесныя дѣла и обращающагося къ исполненнымъ вѣры слушателямъ. И для него и для нихъ эти боги и чудеса—совершенно реальная дѣйствительность. Но эпику XVIII вѣка, поставившему себѣ чисто-публицистическую задачу, и притомъ скептику, обращающемуся къ скептикамъ, пришлось замѣнить реальные образы боговъ и героевъ искусственными и ходульными аллегоріями. Таковы въ поэмѣ Вольтера Раздоръ съ своими змѣями и факелами, такова Политика Ватикана, дочь Интереса и Властолюбія; таковы Гордость, Измѣна, Неистовство, вызывающее фанатизмъ изъ ада, Демонъ войны и кровавая Смерть. Поэтъ рисуетъ намъ даже аллегорическую картину Амура, «этого опаснаго мальчика». У входа помѣщаются льстивая Надежда и изнѣженное Сладострастіе, распростертое на дерновомъ ложѣ; внутри — мрачная Ревность съ блѣднымъ и прозрачнымъ лицомъ, ступающая нетвердымъ шагомъ за своей руководительницей—Подозрительностью, и т. д. Но современники Вольтера не ощущали однообразія и дѣланности этихъ аллегорическихъ фигуръ, и «Генріада» имѣла огромный успѣхъ, такой успѣхъ, который помѣшалъ правительству преслѣдовать автора и его произведеніе. Имѣть ее и говорить о ней въ обществѣ стало общей неудержимой потребностью. Она появилась на туалетахъ всемогущихъ дамъ свѣта и полу-свѣта,

и самое духовенство напрасно обличало автора въ пелагіанской ереси, какъ придворные льстецы напрасно упрекали его въ одинаково-дерзкомъ отношеніи къ трону и вѣрѣ. Въ своей поэмѣ Вольтеръ высоко поставилъ гугенота адмирала Колиньи, а этого было уже довольно, чтобы признать его опаснымъ и мятежнымъ умомъ, потрясающимъ коренныя основы государства. Но поэма все-таки избѣжала преслѣдованій въ виду общаго, единодушнаго одобренія и восторга. Власти нашли неудобнымъ идти такъ далеко противъ силы вещей.

Въ это время поэтъ окончилъ новую трагедію: «Маріамна», сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи Ирода Великаго. Она была исполнена въ мартѣ 1724 года, съ г-жею Лекуврёръ въ главной роли, но не понравилась публикѣ и была почти ошикана. Съ свойственной ему быстротой и мѣткостью соображенія, авторъ сразу замѣтилъ, чѣмъ именно оттолкнула публику новая его пьеса, и такъ удачно передѣлалъ ее, что она была возобновлена въ апрѣлѣ при общихъ рукоплесканіяхъ. Хворая въ то время, Вольтеръ писалъ Тьеріо: «Думаю, что меня убила эта негодная Маріамна и что проказа пала на меня за то, что я слишкомъ жестоко отнесся къ евреямъ».

Имя Вольтера пользовалось теперь громкою извѣстностью во Франціи и за границей. Казалось бы, онъ могъ ожидать не только безопаснаго, но почетнаго положенія при дворѣ, этомъ источникѣ всякаго матеріальнаго вліянія и значенія. Но въ Вольтерѣ, въ характерѣ его ума и его понятіяхъ было нѣчто такое, съ чѣмъ не могла мириться господствующая система фаворитизма, беззаконія и рутины. Достигнувъ совершеннолѣтія, Людовикъ XV, по смерти регента, избралъ своимъ первымъ министромъ герцога Бурбонскаго. У герцога, какъ у всѣхъ свѣтскихъ людей того времени, была любовница г-жа При, съ которою Вольтеръ познакомился раньше и черезъ которую ему пришлось дѣйствовать теперь, чтобы добиться политической роли. Благодаря ея покровительству, поэтъ присутствовалъ въ ноябрѣ 1725 года при бракосочетаніи молодого короля съ Маріей Лещинской, причемъ дворъ не одинъ разъ рукоплескалъ его трагедіямъ; онъ былъ представленъ новой королевѣ, награжденъ пенсіей, и познакомился съ ея отцомъ, королемъ польскимъ, съ которымъ впослѣдствіи сблизился. Но и всѣ эти, повидимому столь благопріятныя для него, обстоятельства не привели его къ цѣли...

В. Коршъ.

ИЗЪ ІЕРОНИМА ЛОРМА.

1.

Лишь срѣзанный колосъ—намъ дорогъ, лишь раненый воинъ — герой:
Ты, сердце, годами страданій
Купило и миръ, и покой,—
Когда-нибь перестанешь ты биться въ тревогѣ безумныхъ желаній?

2.

Воспоминанія былого
Живитъ и будитъ пѣснь моя—
И вотъ они одѣты снова
Красой и блескомъ бытія.

Толпа привѣтливыхъ видѣній
Слетаетъ въ мой забытый храмъ
И сердце, полное сомнѣній,
Возноситъ къ свѣтлымъ небесамъ.

3.

Мнѣ цвѣли благоухающія розы,
Мнѣ сіяли обольстительныя звѣзды—
Но зналъ я и стенанія, и слезы;
Непогода умертвила эти розы,

И за тучами исчезли эти звѣзды—
Но остались мнѣ стенанія и слезы.

4.

Ночь скорби тьмою черной
Окутала меня:
Лишь въ сердцѣ—блескъ упорный
Немеркнущаго дня.

5.

Духъ мой таитъ, какъ святыню, вѣчный родникъ наслажденья,
Сердцу его открывая въ рѣдкія только мгновенья.

В. Лихачевъ.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ МОГИКАНЪ

Изъ исторіи усадьбы.

(Посвящается А. И. Саловой).

По обѣимъ сторонамъ С—ской желѣзной дороги, возведенной земствомъ на пагубу населенія цѣлой губерніи, — стлались тѣ плодородныя поля, которыя дали этому богатому краю завидную репутацію «житницы Россіи». Пріятно проѣхаться по этимъ безграничнымъ полямъ, въ особенности весною. Яркая зелень посѣвовъ рѣшительно преобладаетъ надъ прочими породами растеній и кое-гдѣ только выступаютъ заливныя низины, покрываемыя разливами степныхъ рѣчекъ и заросшія осокой и прелестною, точно бархатъ, болотною горькою травой. Поля иногда пересѣкаются купеческою степною залежью, уставленною прошлогодними почернѣвшими стогами сѣна, точно безмолвно торчащими сторожевыми великанами. Надъ всѣмъ этимъ привольнымъ пространствомъ вѣетъ на просторѣ ходящій вѣтеръ, да неумолкаемо звенятъ разнообразные голоса степныхъ птицъ. Изрѣдка, гдѣ-нибудь въ вершинѣ степного овражка, неожиданно выступитъ богатый, прочно устроенный купеческій хуторъ. Красная тесовая, а то и просто изъ чесаной соломы крыша плотно прикрываетъ собою обширныя постройки: домъ, просторныя сѣни, кухню, сараи, амбары, хлѣвы, баню,—и все это слито въ одно сплошное крѣпкое зданіе, стоющее иного крестьянскаго поселка. Сбоку «хутора» непремѣнно имѣется колодезь съ тою патріархальной машиной, которая зовется «журавлемъ». «Журавль» этотъ постоянно въ движеніи и издали кажется, что онъ вамъ кланяется, прося заѣхать на хуторъ. Колодезь стоитъ на родникѣ, на какой-нибудь

глубоко идущей въ землѣ жилѣ, въ которой вода, по отзыву хозяина хутора, «легкая, для самовара сподручная и живота не пучитъ». Хуторъ нерѣдко затѣняется ветлами, блѣднозеленая листва которыхъ, вздрагивая, тихо шепчется съ полевымъ легкимъ вѣтромъ. Если на хуторѣ есть женщины (жена и дочери купеческія), то передъ окнами разбивается палисадникъ, съ двумятремя заглохшими вишневыми деревцами, кустикомъ смородины, шершавымъ крыжовникомъ и цвѣтами—пухлой рожей, барвинкомъ, дѣвичьей красотой и ноготками. «Жена (или дочка) балуется»—на вашъ вопросъ отвѣчаетъ хозяинъ-купецъ, не любящій поэзіи ни въ какихъ ея формахъ. Если же хуторъ «холостой», то кругомъ его ни деревца, ни прутика: вмѣсто палисадника устроенъ вонючій свиной хлѣвъ, гдѣ сохраняются удивительно тучныя свиньи на подобіе своего хозяина, а вмѣсто цвѣтовъ—грязныя лужи вокругъ колодезя, въ которыхъ берутъ ванны тѣ же четвероногія животныя. Вотъ среди подобнаго благополучія и живутъ наши современные купцы, ставшіе «замѣсто помѣщиковъ». Съ изумительной быстротою овладѣли они барскими землями и старинными родовыми усадьбами, и въ какія-нибудь 18—19 лѣтъ послѣ «улучшенія быта» купцы явились настоящими хозяевами степныхъ земель и угодій.

I.

Ѣхалъ я какъ-то по б-скому уѣзду въ разгаръ весны 187* года. Я только-что вылѣзъ изъ вагона желѣзной дороги, усталый и разбитый безсонною и тревожною ночью. Тревога моя имѣла вполнѣ законное основаніе: поѣздъ нашъ, не успѣвъ сдѣлать отъ города С—ва и 30 верстъ, сошелъ съ рельсовъ—и поэтому пассажиры, а въ числѣ ихъ и я грѣшный, чувствовали себя самымъ безпокойнѣйшимъ образомъ во весь остальной путь. Съ радостью, почти дѣтской, пересѣлъ я въ неудобнѣйшій экипажъ почтоваго сообщенія, экипажъ сколько простой, столько и скверный. Почтовая телѣжка — это какая-то нарочно придуманная злымъ геніемъ костоломная машина, выносить путешествіе въ которой могутъ только русскіе люди, неизбалованные удобствами путей сообщенія. Но не взирая на это, я, какъ уже сказано, съ радостью закувыркался по N—скому почтовому тракту. Тройка выносливыхъ худыхъ почтовыхъ лошадей лихо мчала меня среди полей, луговъ, мимо хуторовъ, поселковъ и селеній. Такъ перенесли меня чрезъ три станціи, и къ вечеру я ѣхалъ на четвер-

тую. День догоралъ. Густая лазурь весенняго неба уже темнѣла и въ глубинѣ ея проступали блѣдныя звѣзды. Не даромъ говорятъ дѣтямъ, что звѣзды—это глаза божьи, и дѣйствительно, онѣ точно живыя смотрятъ съ своей недосягаемой высоты и будто мигаютъ и весело смѣются, глядя на угрюмую, скорбную нашу землю. Вечерняя заря млѣла багрянцемъ: въ похолодѣвшемъ воздухѣ стихали дневные звуки, только въ хлѣбахъ отчаянно билъ перепелъ, да гдѣ-то въ мочежинѣ «дергалъ» коростель. Откуда-то тянуло холодкомъ. Далекая пѣсня замирала въ воздухѣ. Я задумался и уничтожалъ папиросу за папиросой.

— И-эхъ! вотъ ружья-то нѣтъ!—вдругъ вскрикнулъ ямщикъ.

— А что?—встрепенулся я.

— Да смотрите, вонъ заяцъ чешетъ по-надъ дорогой... Эхъ! какъ бы дорогу намъ не перебѣжалъ!

— А что-жъ изъ того? вѣдь куда-нибудь ему надо бѣжать.

— Знамо, но лучше чтобы, значитъ, въ сторону.

— Вотъ пустяки!

— Нѣтъ, вы этого, баринъ, не говорите,—какъ-то убѣжденно заговорилъ ямщикъ, оборачиваясь ко мнѣ лицомъ:—на свѣтѣ нѣтъ хуже двухъ вещей—зайца да попа: какъ дорогу перейдутъ—бѣда будетъ! Слава Богу, годовъ двадцать ѣзжу, тоже кое-что знаемъ по своей части, видали!

Я разсмѣялся, но спорить не сталъ: не хотѣлось нарушать своего покоя, навѣяннаго безмятежной тишиной окружающей картины. Не знаю, сколько времени мы ѣхали, сколько верстъ проѣхали, но вдругъ я былъ выведенъ изъ мечтательнаго своего состоянія самымъ непріятнымъ и неожиданнымъ образомъ: лошади шарахнулись въ сторону, телѣжка хрустнула и какъ-то разомъ осѣла назадъ. Я едва не вылетѣлъ изъ экипажа. Оказалось, что ямщикъ за наступившею темнотою заѣхалъ въ глубокую ямку, которыми крестьяне и вообще посѣвщики, имѣющіе загоны около проѣзжихъ дорогъ, ограждаютъ свои нивы отъ толоки. Заднее колесо экипажа, попавъ въ ямку, разлетѣлось въ дребезги. Что тутъ дѣлать?

— Вотъ смѣяться-то и не слѣдъ,—началъ резонировать ямщикъ:—нѣтъ, заяцъ, чортъ бы его побралъ, свое дѣло сдѣлалъ!

— Полно врать-то, ты бы лучше не дремалъ.

— Нѣтъ, супротивъ попа и зайца не устоишь; дреми, не дреми, а они тебя обработаютъ.

— Однако, что же дѣлать?—спросилъ я.

— Да я и не знаю. Развѣ мнѣ верхомъ съѣздить вотъ въ

усадьбу, тутъ недалечко помѣщикъ живетъ, да колесо тамъ взять? Да наврядъ: бѣднота тамъ живетъ, голь хуже иного мужика.

— А кто тамъ живетъ?

— Да прежде помѣщикъ былъ, а теперь такъ, Богъ его знаетъ кто. Иванъ Петровичъ Аблясовъ прозывается.

— Аблясовъ!—воскликнулъ я. — Такъ давай я поѣду: это мой хорошій знакомый... Далеко онъ живетъ?

— Да вотъ за бугромъ, чрезъ овражекъ. Рукой подать. Ямщикъ отстегнулъ пристяжную и усадилъ меня, подсунувъ вмѣсто стремянъ шлею и предупредивъ, чтобы я не очень-то налегалъ на шлею ногами: «порвется, молъ, а я отвѣчай предъ хозяиномъ». Я пустился въ путь. «Недалечко», по русской привычкѣ сокращать разстоянія, оказалось верстъ за пять и я насилу попалъ въ усадьбу, еще свѣтившуюся маленькимъ подслѣповатымъ окошечкомъ. При моемъ приближеніи не раздалось ни оклика, ни звука, ни отголоска: точно вся эта усадьбишка, состоящая изъ мазанки, амбарушки и кухонки,—опустѣла, вымерла. Привязавъ лошадь къ столбику, торчавшему около крыльца, я осторожно вошелъ въ темныя сѣни и началъ нащупывать дверь, спрашивая въ то же время хозяина. Мнѣ не отзывались. Наконецъ, наткнувшись на какую-то посудину, я произвелъ такой громъ, что могъ разбудить и спящихъ. И дѣйствительно, дверь въ кухню отворилась и какая-то растрепанная баба появилась съ ночникомъ и, сначала испугавшись, спросила: кого мнѣ надо? Я назвалъ. Баба спросила — кто я? Я назвалъ и себя. Тогда она указала мнѣ маленькую дверцу въ хорому барина. Я вошелъ. Въ крохотной прихожей—ни души. Перешагнувъ порогъ прихожей, я очутился въ залѣ, гостиной, кабинетѣ и спальнѣ хозяина: ибо жилище Ивана Петровича имѣло одну, единственную комнату. За столомъ, съ камнемъ въ рукахъ, сидѣлъ самъ хозяинъ. Передъ нимъ лежала доска и пачка русской табачной папуши: онъ растиралъ ее въ нюхательный порошокъ. Очевидно было, что Иванъ Петровичъ отлично слышалъ возню, которую я поднялъ у него на крыльцѣ и въ сѣняхъ, но боялся самъ идти въ темноту и ждалъ съ камнемъ въ рукахъ незваного гостя къ себѣ въ свѣтлую комнату.

— Не узнаете, Иванъ Петровичъ?—спросилъ я Аблясова.

— Не имѣю чести и удовольствія не только узнать, но и вообще знать васъ.

Дѣйствительно, трудно было узнать меня. Мы не видались съ Иваномъ Петровичемъ лѣтъ 15. Изъ робкаго, застѣнчиваго

юноши, я превратился въ зрѣлаго мужчину, заросъ бородой и, какъ водится теперь, облысѣлъ значительно. Но какъ измѣнился и Иванъ Петровичъ, Боже мой,—какъ измѣнился! Положимъ, онъ никогда, даже во дни юности своей, не блисталъ красотою, но все же... Тогда хотя костюмъ его выручалъ, а теперь... Передо мной въ недоумѣніи, даже въ испугѣ вытянулась какая-то жалкая фигурка, съ гладко стриженой, уже посѣдѣвшей головой, съ заросшими сивой щетиной щеками, съ длиннымъ фіолетовымъ носомъ, по которому во всѣхъ направленіяхъ бѣжали красныя и синія жилки. Только лобъ остался все тотъ же, аблясовскій: узкій и до того запрокинутый назадъ, что въ профиль все лицо и голова Ивана Петровича напоминали птицу. Къ довершенію портрета надо прибавить его глаза, вѣчно будто испуганные, выпуклые, рачиные глаза...

— Такъ не узнаете?—снова спросилъ я.

— Ей-Богу, нѣтъ.

Тогда я назвалъ себя. Господи, что сдѣлалось съ Иваномъ Петровичемъ. Камень выскользнулъ самъ собою изъ рукъ его, и съ распростертыми объятіями Иванъ Петровичъ ринулся ко мнѣ на грудь.

— Милый другъ!—восклицалъ онъ и терся своей щетинистой щекой по моему лицу. Я даже почувствовалъ, что мое лицо увлажнилось отъ слезъ Ивана Петровича, глаза котораго какъ-то хлопотливо хлопали.

— Ты видишь, милый другъ?—повторялъ онъ:—помѣщикъ —и въ какомъ видѣ! а?—И при этомъ Иванъ Петровичъ стыдливо запахивался истрепанными полами какого-то архалука, имѣвшаго когда-то не то заячій, не то кошачій мѣхъ.

— Видишь, самъ и табакъ себѣ готовлю. Самокрашѐ!—съострилъ Иванъ Петровичъ и при этомъ жалко улыбнулся.—А между тѣмъ, помнишь: жилъ не хуже другихъ! А все подлецы уходили! Вѣдь ты знаешь Петра Осиповича Косачова?

— Какъ же, знаю: баринъ важный.

— Какой онъ баринъ, помилуй! Хохолъ простой, не дворянинъ. Вотъ онъ меня, бестія, и посадилъ. Когда... Впрочемъ, что же это я? Соловья баснями не кормятъ. Агашка! а, Агашка! —закричалъ Иванъ Петровичъ, отворивъ дверь въ сѣни. Вошла давишняя баба, хмурая и заспанная.

— Чаво?

— Самоваръ, да живѣй.

— Да вѣдь у насъ, баринъ, чаю вотъ уже болѣе мѣсяца нѣтъ.

Иванъ Петровичъ сконфузился, но однако же нашелся.

— Не твое дѣло, хамка. Для тебя нѣтъ, а для дорогого гостя, можетъ быть, и найду. Ставь самоваръ.

Агафья ушла, но слышно было, какъ уходя, ворчала: «ничего не найдешь, ищи вѣтра въ полѣ».

— Вотъ люди; поди, живи съ ними. Вѣдь цѣна ей грошъ, а можешь представить себѣ—къ мировому на меня подавала, три цѣлковыхъ за обиду ей присудили.

— Зачѣмъ же ты ее послѣ этого держишь?—спросилъ я.

— А гдѣ ихъ взять-то? Вѣдь степь; да нынче-то и прислуга—одна другой стоитъ! Но и судъ хорошъ, нечего сказать! Представь себѣ, мировой-то выбранъ у насъ изъ бывшихъ становыхъ, которыхъ мы, бывало, до эманципаціи на дворъ въ себѣ не пускали. Каково бла-ародному дворянину стоять предъ этакой харей, а?

И пошелъ, и пошелъ! Иванъ Петровичъ за словомъ въ карманъ не лазилъ и правдой отнюдь не стѣснялся: онъ распекъ цѣлый уѣздъ и наговорилъ про всѣхъ столько гадостей, что ихъ не исчерпать и въ цѣломъ томѣ. Пока онъ сплетничалъ про предводителей, про земцевъ и мировыхъ, я предложилъ ему съѣздить къ моему потерпѣвшему крушеніе экипажу и взять тамъ вещи, чемоданъ, гдѣ есть чай, сахаръ, коньякъ и закуска. Иванъ Петровичъ согласился, хотя торжественно заявилъ, что онъ въ своемъ дому не позволитъ ѣсть чужой хлѣбъ...

II.

Иванъ Петровичъ отыскалъ въ какомъ-то хлѣвушкѣ лошадь и возсѣлъ на ея жесткую спину.

Пока мы съ Иваномъ Петровичемъ молча ѣдемъ къ оставленному на дорогѣ ямщику, я воспользуюсь этимъ временемъ и въ-коротцѣ разскажу—кто Иванъ Петровичъ и какъ онъ жилъ въ оно, сравнительно недавнее, время.

На берегу степной рѣчки, роющейся среди черноземныхъ полей б—скаго уѣзда, лежала родовая жены Ивана Петровича усадьба въ пять-сотъ десятинъ прекрасной земли. Участокъ этотъ выдавался среди другихъ своими удобствами: окруженный съ двухъ сторонъ двумя текучими рѣками, онъ имѣлъ громадное глубокое рыбное озеро и пропасть родниковъ, тамъ и сямъ сочащихся со скатовъ и бугровъ. Земля сельца «Покоя» (такъ называлось имѣніе) густо окружена была селеніями и деревнями

и на ней сидѣло около 30-ти крѣпостныхъ семействъ. За смертью своей жены и малолѣтствомъ сына, Иванъ Петровичъ въ качествѣ опекуна управлялъ имѣніемъ и велъ себя настоящимъ царькомъ, маленькимъ деспотомъ среди послушнаго безмолвнаго населенія. Старинный барскій домъ стоялъ вблизи озера, берега котораго обрамлены были высокими развѣсистыми вязами и великолѣпными старыми дуплистыми липами. Чистая гладь пруда индѣ заростала кувшинчиками, желтыя и бѣлыя цвѣтныя шапки которыхъ придавали особую прелесть открывавшемуся изъ оконъ виду. За озеромъ разстилался садъ, запущенный старый садъ, проросшій дикими кустарниками и деревьями. Смородина и малина съ своей стороны лѣзли въ прибрежный лѣсокъ и, разросшись, представляли такую непролазную чащу, въ которой щелкали и стонали соловьи точно въ садѣ. Тутъ же вблизи, около колючихъ кустовъ терновника, разбитъ былъ пчельникъ. Пчелы, пригрѣтыя жаркимъ солнцемъ, суетливо толклись въ воздухѣ и тучей носились черезъ озеро по саду и полямъ, набирая цвѣточной пыли и, нагруженныя, едва добирались до ульевъ. Въ этомъ прелестномъ уголкѣ и жилъ Иванъ Петровичъ. Онъ частенько ѣздилъ въ сосѣднее село и въ особенности любилъ являться туда въ воскресенье и праздничные дни къ обѣднѣ. Какъ первое лицо въ округѣ, онъ проталкивался на видное мѣсто около клироса и лѣзъ черезъ амвонъ, чуть не въ царскія двери. Даже въ церкви Иванъ Петровичъ держалъ себя съ достоинствомъ, рѣдко молился, для чего вмѣсто крестнаго знаменія ёрзалъ по животу рукою. Ему послѣ обѣдни первому выносили большую просфору и дьячокъ громко поздравлялъ его съ праздникомъ. Священникъ, заканчивая службу, дружелюбно кивалъ ему изъ алтаря и мимикой приглашалъ его къ себѣ въ домъ. Какъ благовоспитанный кавалеръ, Иванъ Петровичъ подлеталъ къ расфранченной матушкѣ, женѣ священника, занимавшей своимъ громаднымъ кринолиномъ чуть не половину амвона, и громко говорилъ ей что-нибудь пріятное. Матушка улыбалась, а Иванъ Петровичъ, ловко подавъ руку кренделемъ, уводилъ ее домой среди цѣлой толпы празднично одѣтаго народа. Лавочница, не хуже «матушки» разодѣтая, и къ тому же вдовая женщина, завистливо смотрѣла вслѣдъ уходившей парѣ и вслухъ замѣчала:

— И что это онъ семенитъ предъ этакимъ алимономъ! Желтая, вѣдь, попадья—подобно «алимону».—Изъ-за этого позорнаго слова, о которомъ дьячиха поспѣшила донести матушкѣ, между этою послѣднею и лавочницей возгорѣлась война, веденная съ

попеременнымъ счастьемъ съ обѣихъ враждующихъ сторонъ до самаго паденія Ивана Петровича, какъ помѣщика и перваго въ округѣ лица. Такъ шло время вплоть до злополучной эманципаціи. Иванъ Петровичъ, отдавая дань уваженія матушкѣ, какъ первой дамѣ въ селѣ (попадья искренно считала себя полковницей), въ то же время не упускалъ изъ виду и вдовую лавочницу, и сельскіе ночные шатуны нерѣдко видѣли бѣговыя развинченныя дрожки Аблясова выѣзжающими поздно ночью со двора гостепріимной вдовы. Иванъ Петровичъ блаженствовалъ. Смутные слухи объ освобожденіи крестьянъ его нисколько не тревожили: онъ искренно имъ не вѣрилъ и говорилъ, что «государь не захочетъ обидѣть ихъ, дворянъ, опору престола». Дома, въ своемъ барскомъ углу, Иванъ Петровичъ, какъ уже сказано, велъ себя маленькимъ деспотомъ: порола плетьми мужиковъ, сѣкъ крапивой бабъ и дѣвокъ и, кушая или отдыхая, заставлялъ маленькихъ дѣтей обмахивать себя отъ мухъ и жары душистыми вѣтками черемухи,—конечно, лѣтомъ. Зимой онъ придумывалъ другія удовольствія... Надо сказать правду, помѣщикъ онъ былъ злой, а хозяинъ безтолковый. Въ хозяйствѣ Иванъ Петровичъ держался своихъ мнѣній, не слушая ни опытности, ни знанія другихъ. Сѣялъ, когда другіе и не помышляли сѣять, или давно уже отсѣялись; такъ же косилъ и убиралъ хлѣбъ. Затѣвалъ какія-то земляныя сооруженія, бросалъ начатое; устроялъ заводы, не зная для обработки какихъ продуктовъ; но самой завѣтной страстью Ивана Петровича—его болѣзнью—была страсть къ судьбищамъ, къ процессамъ. Онъ судился со всѣми, даже съ своимъ задушевнымъ пріятелемъ и кумомъ—попомъ—судился изъ-за какого-то мертваго тѣла. Манія эта разоряла Ивана Петровича въ пухъ и прахъ, и въ концѣ-концовъ довела его до того жалкаго положенія, въ какомъ я его встрѣтилъ, заѣхавъ въ его собственную усадьбу. Въ особенности убилъ Ивана Петровича одинъ громкій и безумный процессъ. Въ нашемъ уѣздѣ жилъ крупный богатѣйшій баринъ—Осипъ Ивановичъ Косачовъ. Какъ ужъ оно тамъ дѣло было—я не знаю, но, по словамъ Аблясова, дѣдушка Косачова на памяти старыхъ жителей уѣзда былъ будто бы простымъ откупщикомъ, нажившимъ милліоны. Дѣти, обладая богатствомъ, задумали сдѣлаться дворянами и будто бы отыскали себѣ гдѣ-то въ хохлацкой губерніи (полтавской или черниговской) родственника, какого-то захудалаго дворянина-чиновника. Началось ходатайство; герольдія нашла искательства Косачовыхъ основательными и наградила уѣздъ и Россію новыми дворянами. Зашумѣли по уѣзду новые дворяне: начались

медвѣжьи травли, громадныя облавы, скачки, пиры и вакханаліи. Выѣзды были такіе, что приходилось ротъ разѣвать отъ изумленія. Лошади кровныя, сбруя серебряная, колокольцы, бубенчики—словомъ, громъ и звонъ шелъ по цѣлому уѣзду. Старые родовые дворяне радушно приняли новыхъ въ свою среду. Одинъ Иванъ Петровичъ хмурился и сторонился отъ потока этого веселья: въ тишинѣ онъ задумалъ «смазать» этихъ ненавистныхъ ему «выскочекъ» и уронить ихъ съ пьедестала. Привязавшись къ пустому предлогу о какихъ-то спорныхъ 17 десятинахъ, Иванъ Петровичъ зажегъ костеръ, и пламя, разгораясь, спалило его самого. Въ то блаженное время судъ былъ иной: за грошъ можно было подкупать любую совѣсть и дѣло о ложномъ дворянствѣ стухло въ самомъ его зародышѣ, хотя неугомонный Иванъ Петровичъ подавалъ массу бумагъ и прошеній, такъ что однихъ гербовыхъ пошлинъ пришлось съ него за это дѣло на 400 руб. Дѣла онъ не сдѣлалъ, пріобрѣлъ себѣ враговъ и казенное взысканіе. Видя полную неудачу и опасаясь обратныхъ со стороны обиженныхъ жалобъ, Иванъ Петровичъ разыгралъ фарсъ объ отравленіи его уѣзднымъ засѣдателемъ Кукушкой по наущенію и подговору Косачевыхъ. Закипѣло новое уголовное дѣло. Набравъ въ банку всякой гадости подъ видомъ своихъ отравленныхъ изверженій и подливъ туда опіума, Иванъ Петровичъ началъ рыскать по цѣлому уѣзду съ этой банкой и показывать ее каждому встрѣчному ради убѣжденія его въ отравѣ. Жалко было видѣть этого маньяка въ такой роли. Подсовывая подъ носъ омерзительную жидкость, собранную въ банкѣ, Иванъ Петровичъ въ сотый разъ принимался разсказывать, какъ дѣло было:

«Пріѣхалъ ко мнѣ подлецъ-Кукушка подъ вечеръ наканунѣ Благовѣщенія и за распутицей остался ночевать. Мнѣ нездоровилось, я легъ въ постель и пока дѣвка нагрѣвала мнѣ ноги, Кукушка вызвался сдѣлать чай. «Я, говоритъ, привезъ, Иванъ Петровичъ, изъ города богатѣйшій чай, 4 рубля за фунтъ, не угодно-ли попробовать?» и подалъ мнѣ, анаѳема, налитый стаканъ. Я выпилъ и уснулъ. Спалъ я всю ночь, а утромъ по заморозку подлецъ-Кукушка улепетнулъ. Я хочу встать—и не могу. Боль въ головѣ, шумъ въ ушахъ, жженіе въ спинномъ мозгу и рвота... Боже, какая рвота! Драло меня дня три безъ перерыву. Собака, такъ у меня была въ комнатахъ, Пальма борзая, какъ-то знаете ливнула—и тутъ же околѣла; кошка — и та три дня мяукала въ подпольѣ, и тоже издохла. Исхудала — страсть! Я едва-едва отдохъ, но и теперь еще чувствую дрожаніе въ членахъ и ослабленіе памяти. И представьте себѣ — заканчивалъ

свой разсказъ Иванъ Петровичъ, вытягивая свои рачиные глаза, —посылалъ я эту банку во врачебное отдѣленіе—и что же?!» При этомъ Иванъ Петровичъ шепталъ на ухо, что врачебное отдѣленіе ничего въ банкѣ не нашло, кромѣ простой пакости и возвратило ему банку съ такимъ отношеніемъ, что.....

III.

Какъ разъ въ эту пору грянула эманципація. Въ сырую мятелистую ночь (дѣло было среди февраля 1861 года) безъ шапки, въ едва застегнутомъ пальмерстонѣ, прискакалъ Иванъ Петровичъ верхомъ въ село Пески и прямо къ своему куму-попу во дворъ. Испуганное и блѣдное лицо и остолбенѣлые глаза ясно подсказали «батюшкѣ», что съ Иваномъ Петровичемъ случилось несчастіе. Хотя кумовья и были еще въ ссорѣ по поводу мертваго тѣла, но Иванъ Петровичъ бросился къ попу на грудь и зарыдалъ.

— Да что съ тобой, кумъ?—спросилъ растроганный батюшка,—запахивая полы въ-торопяхъ накинутаго полукафтанья.

— Кумъ!—всхлипывая воскликнулъ Иванъ Петровичъ:—все кончено; они дѣйствительно свободны:—теперь я это вижу. Меня убить хотѣли. Насилу вырвался, уже и петлю было набросили!

— Господи!—притворно вскричалъ батюшка (онъ на грошъ не вѣрилъ Ивану Петровичу): — да за что же это тебя, кумъ, хотѣли убить?

— И не знаю. Сижу я на крыльцѣ и изъ пистолета стрѣляю крысъ (знаешь, меня одолѣли крысы!),—вдругъ тащится Лаврюшка, пьяный. Шапки не ломаетъ. Ты, спрашиваю, откуда, скотина? А онъ мнѣ:

— «Скотина, говоритъ, кто-нибудь другой, а нельзя ли тебѣ, господинъ, не стрѣлять изъ пистолета, потому напугать народъ можешь». Послѣ такихъ словъ, разумѣется, я вскочилъ да къ нему, а онъ размахнулся рукой, да говоритъ: «а ну, давай—кто кого? Я его хотѣлъ попугать пистолетомъ, а онъ, дуракъ, заоралъ благимъ матомъ: караулъ! и кинулся въ деревню, откуда хамы выскочили съ дубьемъ, и еслибъ я не вскочилъ на лошадь, то они меня убили бы, ей-Богу, убили бы!»

Священникъ началъ успокоивать Ивана Петровича, предложилъ ему чаю, къ которому въ блузѣ и довольно растрепанная явилась и матушка. Та, какъ женщина нервная, все ахала и закатывала глаза во все продолженіе разсказа Ивана Петровича, который и ей повторилъ свою повѣсть. Окончивъ чай, батюшка

предложилъ ложиться спать, но Иванъ Петровичъ попросилъ бумагу и чернилъ и почти до разсвѣта строчилъ заявленіе въ станъ «о бунтѣ крестьянъ сельца Покоя противу помѣщика, коллежскаго регистратора Аблясова». Матушка нѣсколько разъ входила къ куму съ вопросами: не надо ли ему чего? и изъ сочувствія къ его горестному положенію оставалась у него какъ разъ столько, чтобы возбудить подозрѣнія батюшки, который наутро чуть не прибилъ попадью, запретивъ ей вмѣшиваться въ дѣло «государственной важности». «Вотъ ты будешь еще свидѣтельствовать въ этомъ дѣлѣ: вѣдь только подумай—бу-нтъ! Повезутъ тебя, рабу божью, въ станъ, а то пожалуй и въ губернію и посадятъ въ острогъ». Попадья испугалась не на шутку и до самаго отъѣзда Ивана Петровича не сказала съ нимъ ни слова. А Иванъ Петровичъ, настрочивъ громадную жалобу, уѣхалъ тоже верхомъ въ станъ, захвативъ у попа его старую шапку, въ которой напоминалъ Богъ вѣсть какого проходимца. Но, увы! не взирая на всѣ старанія Аблясова, бунта не вышло: становой и мировой посредникъ отлично знали характеръ Ивана Петровича и не повѣрили ему ни на волосъ. Цѣлыхъ двѣ недѣли скитался Иванъ Петровичъ по округу, пребывая у своихъ знакомыхъ и боясь въѣхать въ свою «бунтующую» усадьбу. Пока онъ няньчился съ бунтомъ и Лаврюшкой, изъ Москвы пріѣхалъ сынъ его и нашелъ домъ брошеннымъ, холоднымъ, окна разбитыми, имущество растасканнымъ. Услышавъ о пріѣздѣ сына, Иванъ Петровичъ смѣло въѣхалъ въ усадьбу, но, переступивъ порогъ, съ-разу же наткнулся на огорошившую его сцену. Сынъ, будучи совершеннолѣтнимъ, вступалъ во владѣніе имѣніемъ и тотъ же анаѳема, Кукушка, находился тутъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, пилъ водку, закусывалъ и, увидя Ивана Петровича, даже закричалъ: «А, возставшій изъ мертвыхъ, а я думалъ, что уложилъ его навсегда!» Всѣ присутствовавшіе засмѣялись, даже сынъ—и тотъ улыбнулся! У Ивана Петровича блеснули слезы, и еслибъ онъ зналъ исторію, то навѣрно воскликнулъ бы: И ты, Брутъ! Однако Иванъ Петровичъ удержался и поздоровался съ сыномъ.

— Папаша!—заговорилъ молодой человѣкъ:—я вступаю во владѣніе и просилъ бы васъ дать отчетъ въ управленіи имѣніемъ.

— Какъ?—воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

Сынъ повторилъ. Это переполнило чашу долготерпѣнія Ивана Петровича. Онъ заплакалъ и, вышедши на дворъ, снова возсѣлъ на своего Россинанта и тихо поѣхалъ къ своему попу-куму.

IV.

Закипѣла вражда съ сыномъ. Иванъ Петровичъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы снова занять утраченное положеніе главы дома, но всѣ его усилія оказались тщетными. Сначала знакомые примирили враждующихъ отца съ сыномъ. Священникъ отслужилъ даже молебенъ и сказалъ сыну приличное случаю нравоученіе, но не прошло и недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Петровичъ снова верхомъ на вѣрномъ конѣ мчался въ село, привозя съ собою ужасные разсказы о дѣйствіяхъ сына. Оказывалось, что они дрались и прислуга помирала со смѣху, видя, какъ отецъ таскалъ сына за волосы, а сынъ тузилъ отца кулаками. Ихъ снова мирили; они снова дрались. Вся округа, постепенно завлекаемая ихъ дѣлами, принимала живое участіе въ ихъ враждѣ и подъ конецъ разбилась даже на партіи. Мужчины держали руку сына, а женщины — сторону отца. Долго длилась война, пока наконецъ Иванъ Петровичъ не уѣхалъ въ свое родовое гнѣздо, въ сельцо А—скаго уѣзда, на свои 97 десятинъ, изъ которыхъ половина была неудобной. Имѣніе это досталось Ивану Петровичу отъ отца, майора. Майоръ происходилъ по прямой линіи отъ одного касимовскаго татарскаго семейства и, будучи перекрещенъ, дослужился до Владиміра и дворянства, передавъ это послѣднее Ивану Петровичу вмѣстѣ съ 97 десятинами земли.

По отъѣздѣ Ивана Петровича, сынъ вздохнулъ свободнѣе, а Иванъ Петровичъ, съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ посылая ему анаѳему, разверстывался съ своими 7 душами, посадивъ ихъ на дарственную четверть десятины. Долго и упорно отстаивалъ Иванъ Петровичъ свою землю: ему не хотѣлось давать мужикамъ даже эти четверти, но сила обстоятельствъ сломила его упорство и онъ рѣшилъ уступить. Однако, отъ скуки или по враждѣ къ освобожденнымъ—онъ не могъ жить съ ними въ ладахъ и въ короткое время до того опостылѣлъ мужикамъ, что тѣ, разобравъ свои хаты, переселились отъ Ивана Петровича верстъ за пять. Испугался Иванъ Петровичъ одиночества и началъ предлагать бѣглецамъ различныя льготы, буде они возвратятся назадъ къ его усадьбѣ. Мужики послушались и снова перешли къ нему. Но измѣнить характеръ Ивана Петровича было нелегко: онъ вступилъ съ мужиками въ формальную войну, ловилъ ихъ скотину на потравѣ и даже куръ, забредшихъ въ его усадьбу, рѣзалъ и кушалъ съ аппетитомъ. Мужики разори-

лись въ пухъ и прахъ и снова ушли уже верстъ за 8, приписавшись къ обществу деревни Андреевки. Мужики бросили свои «дарственные» надѣлы; снимать землю у Ивана Петровича не хотѣли, считая его за кляузника. Иванъ Петровичъ въ особенности любилъ такъ-называемую испольную систему веденія хозяйства; дастъ мужику землю, а мужикъ ее обработаетъ, вспашетъ, взборонитъ, посѣетъ своими сѣменами и уберетъ урожай. Вотъ тутъ-то и начинается *дѣятельность* Ивана Петровича. Въ раздѣлѣ результатовъ урожая онъ до того измучаетъ половинщика, до такой степени раздражитъ мужика явною несправедливостью и придирками, что тотъ проклянетъ свою горемычную судьбу и радъ-радешенекъ хотя какъ-нибудь довести раздѣлъ хлѣба до конца. Чаще всего раздѣлъ этотъ затягивается Иваномъ Петровичемъ до того, что мужику становится не въ моготу— нечего ѣсть, и тогда раздѣлъ совершается быстрѣе и выгоднѣе для землевладѣльца. Нерѣдко половинщики фигурируютъ въ камерѣ у мирового судьи, влекомыя туда страстью Ивана Петровича къ судьбищамъ; а мужикъ до сихъ поръ боится и не любитъ суда. По уходѣ мужиковъ баринъ остался одинъ на высокомъ каменистомъ берегу, гдѣ стояла его усадьба и точно филинъ сидѣлъ у себя въ дому, не находя себѣ даже и прислуги. Онъ ожесточился еще болѣе и даже началъ роптать на власти... Въ эту тяжелую для Ивана Петровича пору подвернулся къ нему ловкій человѣкъ, изъ бывшихъ дворовыхъ, шельма естественная. Шкуринъ (такъ звали проходимца) вскорѣ примазался къ озлобленному помѣщику и вмѣстѣ съ нимъ ругалъ и эманципацію, и новые порядки. А новыхъ порядковъ накопилось много: земство, мировой судъ...

— И-и! погляжу я,—ласково и вмѣстѣ уныло говорилъ Шкуринъ, распивая чай съ Иваномъ Петровичемъ и изъ уваженія къ барину, сидя на кончикѣ стула, — погляжу я: вре-ме-нна! Што нынче мужикъ? баринъ, да и только!

— Истинно такъ, другъ,—сейчасъ же отзывался Иванъ Петровичъ,—а баринъ сталъ мужикомъ! Ты возьми, первое — мужикъ въ эманципаціи, второе—въ земствѣ и третье—въ судѣ равенъ съ барином.

— Н-да, теперя мужичье царствіе наступило, потому мужикъ теперя носъ-то и задралъ! Нѣтъ, по-моему, намъ при господахъ было не въ примѣръ лучше,—продолжалъ пѣть Шкуринъ.

Иванъ Петровичъ съ любовью вслушивался въ слова Шкурина и любовь эту распространилъ и на него самого. Въ какіе-нибудь мѣсяца три Шкуринъ сдѣлался для Ивана Петровича

рѣшительно необходимымъ: онъ служилъ ему и за кучера, и за лакея, и за повара и даже за егеря. Убьетъ, бывало, утку и сейчасъ же барину подаетъ ее за обѣдомъ. Уваженіе оказывалъ Ивану Петровичу даже подобострастное, такъ что тотъ почувствовалъ нѣкій возвратъ къ прежнему славному времени. Ловко велъ свой планъ Шкуринъ и увѣнчалъ его полнѣйшимъ успѣхомъ. Какъ-то въ одну изъ веселыхъ минутъ Шкуринъ повелъ рѣчь такую: «Барское ли дѣло по нонѣшнимъ труднымъ временамъ возиться съ землею и мужикомъ? Ну, посмотрите-ка кругомъ, гдѣ вѣжливые, съ почтеніемъ, люди? Развѣ вотъ Сидоръ, или Еропка? (Эти два мужика, какъ коноводы переселенія, были въ особенности ненавистны Ивану Петровичу).

— Куда ужъ тамъ, подлецы!—грозно соглашался Иванъ Петровичъ.

— Сущіе. Вотъ хотя бы къ примѣру взять ваше положеніе—что́ оно? Сынокъ въ непочтеніи, мужики ушли, земля ваша пустуетъ, доходу ни алтына: развѣ это барская жизнь?

— Какая въ чертяхъ барская: собачья!

— Теперь къ слову сказать: зачѣмъ земля ваша зря лежитъ. Ужъ лучше отдали-бы ее кому-нибудь въ аренду.

— Да возьми, пожалуйста, ты ее, Шкуринъ.

Шкуринъ и виду не подалъ, что это его тайная мысль, его завѣтная мечта. Онъ только внутренно возликовалъ и рѣшилъ, что усадьба Ивана Петровича—хотя и на время, а будетъ его. Шкуринъ будто задумался, но не сказалъ ни слова. Съ этого момента Иванъ Петровичъ рѣшительно задумалъ отдать землю свою въ аренду и началъ приставать къ Шкурину каждый день, а тотъ отмалчивался и еще усерднѣе услуживалъ Ивану Петровичу. Наконецъ, Шкуринъ согласился, тихонько съѣздилъ въ богатое село, гдѣ славился адвокатъ изъ перекрещенныхъ жидовъ, и накаталъ тамъ контрактецъ. Хотя Иванъ Петровичъ и былъ сутяга, но въ новыхъ порядкахъ смыслилъ мало. По инстинкту, онъ было воспротивился подписывать контрактъ, но Шкуринъ увѣрилъ его, что «безъ этого по нонѣшнему времени нельзя ничего сдѣлать». Видя, что въ контрактѣ много говорится о сбереженіи его собственности, Иванъ Петровичъ подмахнулъ бумагу. Какъ только формальности были всѣ исполнены и мировой судья вмѣсто нотаріуса засвидѣтельствовалъ сдѣлку, Шкуринъ сбросилъ роль и явился въ своемъ натуральномъ видѣ. Вмѣсто уваженія, онъ сразу обнаружилъ хамское презрѣніе къ Ивану Петровичу и даже началъ преслѣдовать его.

— Да ты, Шкуринъ, что?—спрашивалъ Аблясовъ своего арендатора, вѣдь я тебя отсюда въ шею погоню.

— Ха-ха-ха... Меня, въ шею? охо-хо-хо!.. —залился арендаторъ наглымъ громкимъ смѣхомъ.

Видя такой припадокъ искренняго веселья, Иванъ Петровичъ даже растерялся.

А Шкуринъ, нахохотавшись вдоволь, сдѣлался вдругъ серьёзенъ и молвилъ:

— Нѣтъ, баринъ (и слово «баринъ» произнесъ самымъ обиднымъ тономъ), теперя здѣсь хозяинъ-то я, по контракту. И такъ-какъ, значитъ, я желаю взять къ себѣ семью свою, то покорнѣйше прошу вашу милость потѣсниться маленько, впредь на 10 лѣтъ.

— Что?

— По смыслу контракта-съ!

Иванъ Петровичъ схватилъ контрактъ и къ мировому. Ему разъяснили именно въ томъ смыслѣ, какъ говорилъ арендаторъ Шкуринъ. Аблясовъ не повѣрилъ, подалъ жалобу и завелъ новое аграрное дѣло. А Шкуринъ завладѣлъ и усадьбой и землей. Появилась его супруга, довольно красивая женщина, а вмѣстѣ съ ней завелись гуси, утки, куры и прочая домашняя живность, которой Иванъ Петровичъ давненько уже не видалъ. У Шкуриныхъ были дѣти: мальчикъ и дѣвочка, звонкіе голоса которыхъ съ утра до вечера раздавались по берегу, и внизу въ ольховой рощѣ, которая одна составляла прелесть усадьбы. Роща хотя была и небольшая, но густая, ровная, дружная. Шумѣла она себѣ около болотца, образовавшагося изъ родника, бившагося изъ каменистаго берега. Иванъ Петровичъ частенько уходилъ туда, подъ гостепріимную тѣнь деревьевъ, и слушалъ, какъ въ чащѣ заливались соловьи, захлебываясь въ пѣсняхъ и треляхъ. Надѣнетъ, бывало, свою когда-то бывшую пикейную пару, и свѣтчатый картузикъ, возьметъ на всякій случай пистолетъ и уйдетъ почти на цѣлый день въ рощу. Однажды въ страшно-жаркій, безвѣтренный день, когда въ самомъ воздухѣ стояла какая-то истома, Иванъ Петровичъ сидѣлъ у родника и, освѣжая пылавшее лицо свое, думалъ... о чемъ? а Богъ его знаетъ. Аблясовъ скинулъ пальто, картузъ и забравшись въ тѣнь—мечталъ. Вдругъ ему сзади закрыли глаза и аукнули. «Кто бы это могъ быть? догадывался Иванъ Петровичъ. Развѣ сосѣдъ Иванъ Андреевичъ Шеповъ? такъ нѣтъ! руки пожестче и притомъ хихикаетъ кто-то такъ сладко... Развѣ?» — Ахъ! воскликнулъ Иванъ Петровичъ,— Марья Савишна (жена Шкурина).

— Она самая!—отозвалась шалунья и отпустивъ руки, засмѣялась, причемъ обнаружила рядъ прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ и двѣ на щекахъ ямочки, которыя такъ и забѣгали предательски. А глаза? Марья Савишна дѣлалась даже хорошенькой, когда смѣялась, а хохотунья она была большая. Иванъ Петровичъ изъ уваженія къ «*дамѣ*» поспѣшно натянулъ пальтецо и, умильно улыбаясь, словно котъ, поглядывалъ на Марью Савишну. Жена Шкурина была дѣйствительно шалуньей: бывши когда-то горничной въ большой барской семьѣ и отличаясь смазливостью, Маша привлекала на себя вниманіе и молодыхъ сыновей барина, и гостей. Молва говоритъ, что она вела себя довольно свободно и... раза два Маша валялась въ ногахъ у барыни, прося прощенія... Барыня сердилась, но, узнавая въ виновникѣ своего сына Сережу, она прощала грѣшницу и поспѣшно отправляла ее въ другую деревню, откуда въ свое время снова брала Машу. Маша была искусной горничной и не мудрено, что барыня любила ее и все ей прощала. Обдариваемая со всѣхъ сторонъ, Маша имѣла деньжонки и одежонку, и не успѣла пройти вѣсть объ освобожденіи, какъ къ ней присватался дворовый Шкуринъ, за котораго она и вышла. Будучи бойка и неглупа, Маша выговорила себѣ условіе, чтобы о прошломъ ея Шкуринъ и не заикался. Женихъ обѣщался и сдержалъ слово, будучи мужемъ. Съ своей стороны и онъ взялъ съ нея слово: «чтобы замужемъ—ни-ни!» и Маша обѣщала. А вотъ теперь на долю Ивана Петровича выпало счастіе разбудить спящія страсти Маши, и какъ ему показалось, что она сама сдѣлала первый шагъ къ сближенію.

Одѣвшись, Иванъ Петровичъ сталъ въ живописную позу, а будучи осторожнымъ человѣкомъ, дожидался со стороны Маши и второго шага. Маша подошла къ роднику, поставила ведро и сѣла.

— И что это вы, баринъ, какой бука?—вкрадчиво начала она:—день-деньской все молчите, ночью—и Маша лукаво улыбнулась—спите...

— А что же мнѣ, Марья Савишна, ночью дѣлать?—въ свою очередь улыбнулся Иванъ Петровичъ.

— Да что! Не мѣшаетъ иногда и погулять: хорошій воздухъ, роща вотъ, соловьи...

— Съ кѣмъ гулять-то? одному скучно!—меланхолически замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Зачѣмъ одному: можно и вдвоемъ.

— Да съ кѣмъ? развѣ съ вашимъ мужемъ...

— Ну, вотъ что выдумали,—засмѣялась Маша.—Съ мужемъ —какая радость!.. Вы бы нашли дѣвицу.

— Какія здѣсь дѣвицы, помилуйте! Одно скотство! Вотъ съ вами лестно бы!—рискнулъ забросить удочку Иванъ Петровичъ. Къ удивленію, Маша пресерьёзно отвѣтила:

— А что-жъ, буду очень рада погулять съ бариномъ.

— Неужто?—захлебнулся Иванъ Петровичъ.

— Ей-Богу!

— Ахъ, Марья Савишна! ахъ, Машенька!—И Иванъ Петровичъ забылъ о всѣхъ своихъ огорченіяхъ, о Шкуринѣ и его подлостяхъ, приблизился къ Машѣ и хотѣлъ-было обнять ее. Маша вскочила, брызнула въ него водой и отбѣжала. Онъ за ней и началась гоньба. Иванъ Петровичъ нѣсколько разъ было ловилъ Машу, но она словно угорь ускользала изъ рукъ его. Въ этой пріятной вознѣ Маша растрепалась... но съ горы раздались дѣтскіе голоса: «мамка! а, мамка!» Маша поправилась и откликнулась.

— Какой вы, однако, смѣлый мужчина!—съ улыбкой сказала она Ивану Петровичу.

— Вотъ позднѣе, Машенька, я буду еще смѣлѣе.

— Неужто?

— Право.

Съ этого злополучнаго момента Иванъ Петровичъ сталъ самъ не свой. Онъ влюбился. Старался попадаться на глаза Машѣ какъ можно чаще, стремился остаться съ ней наединѣ, къ чему, кажется, склонялась и Маша, но зоркій глазъ Шкурина заглядывалъ всюду и мѣшалъ Ивану Петровичу «быть смѣлѣе». Думая, какимъ путемъ вести свою интригу и чѣмъ вѣрнѣе расположить въ свою пользу Машу, Иванъ Петровичъ напалъ на вѣрную мысль—сдѣлать ей подарокъ. Маленькія деньжонки у него водились. Будучи скупымъ, Иванъ Петровичъ расщедрился для предмета своей страсти и нарочно съѣздилъ въ городъ и пріобрѣлъ тамъ Машѣ на платье, купилъ платокъ и башмаки. На ея имянины онъ все это вручилъ ей, за что удостоился длиннаго, горячаго поцѣлуя, даннаго въ тѣсномъ углу сѣней.

Однако амурныя дѣла Ивана Петровича въ сущности далѣе поцѣлуевъ и иныхъ шалостей не шли. Распаленный, онъ хотѣлъ-было идти уже на проломъ, какъ неожиданное событіе перевернуло его разсчеты и самого его ввергло въ бездну печали. Прошло лѣто; налетали хотя тихіе, но свѣжіе вѣтерки; паутина носилась въ воздухѣ и поля стояли уже остриженными. Шкуринъ суетился на

гумнѣ и понукалъ рабочихъ поскорѣе убирать хлѣбъ: погода стояла роскошная. Иванъ Петровичъ задумалъ воспользоваться отсутствіемъ мужа и увѣнчать свой романъ достойнымъ образомъ. Однажды Маша убиралась по домашности, и Иванъ Петровичъ, надѣвъ бекешь и ярко-пестрый галстухъ, приступилъ къ ней съ мольбою. Она кокетливо отнѣкивалась, но замѣтно было, что по мѣрѣ усиленія просьбъ Ивана Петровича отпоръ ея дѣлался все слабѣе и слабѣе... Увлеченный Иванъ Петровичъ предлагалъ ей даже бросить мужа и жить съ нимъ въ Аблясовкѣ барыней, что къ ней будто бы гораздо болѣе идетъ. Наконецъ, Иванъ Петровичъ не выдержалъ и, ринувшись на Машу, заключилъ ее въ свои объятія. Она пронзительно вскрикнула и на этотъ крикъ на порогѣ появился самъ Шкуринъ. Иванъ Петровичъ остолбенѣлъ отъ неожиданности, и къ тому же онъ далеко не былъ героемъ. Съ Шкуринымъ очутились какіе-то двое мужиковъ.

«Ну, пропалъ!» мысленно подумалъ Иванъ Петровичъ. Шкуринъ, немного помолчавъ, заговорилъ:

— Это даже довольно подло съ вашей стороны, господинъ! Совращать чужую жену отъ законнаго мужа! Да развѣ это можно? Вѣдь вы слышали?

— Слышали, слышали, Пантелѣй Егоровичъ, какъ же!

— Что же вы слышали?

— Да какъ будто ихъ милость—и мужики указали на Ивана Петровича—подговаривали будто васъ убить.

Иванъ Петровичъ просто похолодѣлъ, услышавъ подобное обвиненіе.

— Послѣ этого, какъ же вамъ жить у *насъ*,—заговорилъ Шкуринъ.—Этакъ нельзя: беззаконства терпѣть я не буду.— Маша стояла и перебирала передникъ, изображая изъ себя олицетворенную виновность.

— Помните же, что вы слышали,—обратился Шкуринъ къ свидѣтелямъ. Тѣ обѣщались помнить. Точно приговоренный къ смерти, пошелъ Иванъ Петровичъ въ комнату и молча началъ убираться. Вытащилъ чемоданчикъ, насовалъ туда кое-что и... гдѣ же взять лошадь? Обдумавъ свое положеніе, Иванъ Петровичъ обратился къ Шкурину за лошадью, употребивъ для этой цѣли сынишку Шкурина Ванюшку.

— Батя!—закричалъ Ваня:—баринъ лошадь проситъ.

Шкуринъ промолчалъ, но Иванъ Петровичъ увидѣлъ въ окно, что лошадь поспѣшно запрягается. Черезъ полчаса телѣжка подкатила къ крыльцу; на козлахъ сидѣлъ мужиченко въ

рваномъ зипунишкѣ. Мужиченко оказался Еропкой. Иванъ Петровичъ плюнулъ, но вышелъ изъ своего дома и, усѣвшись, грозно крикнулъ: пошелъ!

Не успѣла телѣжка заворотить за ворота, какъ Шкуринъ съ женою разразились веселымъ смѣхомъ.

— Вотъ такъ спровадили!—хохоталъ Пантелѣй Егоровичъ:—молодецъ Маша, ловко ты его влопала.

— Вѣдь рожа,—замѣтила Маша,—а туда же съ амурами.

— Ловко, ей-Богу ловко,—повторялъ Шкуринъ, безъ этого когда бы мы его выжили?—Супруги снова расхохотались. А Иванъ Петровичъ, хмурый и недовольный, трясся себѣ въ телѣжонкѣ, ни слова во всю дорогу не говоря съ Еропкой и мечтая о томъ, что если бы не приходъ Шкурина, то Маша была бы его.

V.

Иванъ Петровичъ направилъ свой путь въ село Пески, къ куму попу, дабы оттуда освѣдомиться, что дѣлаетъ его сынъ. А сынъ вздумалъ жениться. Не стерпѣло родительское сердце, и Иванъ Петровичъ поѣхалъ въ имѣніе сына. Встрѣча была радостная. И отецъ и сынъ умягчились, чувствуя важность момента, когда сыну предстояло вступить въ новую, болѣе серьёзную жизнь. Шибко хотѣлось Ивану Петровичу самому женить сына, и поэтому онъ началъ ласково и осторожно вывѣдывать его мнѣніе насчетъ одной дворянской дѣвицы, правда, пожилой и некрасивой, но съ состояніемъ. Александръ Ивановичъ энергично воспротивился этому плану, и между отцомъ и сыномъ снова возгорѣлась вражда. Съ утра и до поздней ночи шелъ содомъ. Огорченный родитель вышелъ изъ дома сына и поселился у него же на дворѣ, въ старой поломанной каретѣ, несмотря на то, что на дворѣ стояли уже по утрамъ заморозки.

Сватовство сына приближалось къ концу: сельская аристократія, ожидавшая пира, была вся на сторонѣ сына, одинъ отецъ шелъ противъ общаго теченія и не соглашался дать «благословленія», какъ выражался самъ Иванъ Петровичъ.

— Я и безъ твоего благословенія обвѣнчаюсь! — угрожалъ сынъ.

— Ну, и будешь анаѳемой!—грозилъ отецъ.

За глаза отецъ и сынъ ругали другъ друга еще рѣзче, такъ что прислуга и мужики, которые имѣли съ ними дѣло, такъ и знали, что «подлецъ» означаетъ Ивана Петровича, а «анаѳема»

— Александра Ивановича. Впрочемъ, не одной ссорой Иванъ Петровичъ стремился остановить сына отъ гибельной, по его мнѣнію, женитьбы на недостойной дѣвицѣ (кстати сказать—невѣста была прекрасная дѣвица): онъ ѣздилъ по всѣмъ попамъ, которые могли бы быть приглашены совершить обрядъ, просилъ ихъ не совершать брака, угрожая архіереемъ, выводя несуществующее между сыномъ и невѣстой родство и даже наконецъ увѣряя, что невѣста неодобрительнаго поведенія. Эти доводы, какъ водится, возбуждали злоязычіе и поселяли веселье: по округѣ пошли сплетни и репутація дѣвушки была отчаянно скомпрометтирована, что только ускорило женитьбу Александра Ивановича. Братъ невѣсты старательно разыскивалъ виновника пущенныхъ про сестру сплетенъ и безъ особеннаго труда отыскалъ его въ лицѣ отца жениха. Въ одно пресквернное утро онъ ворвался въ домъ жениха съ нагайкой и, по слухамъ, вытащилъ Ивана Петровича изъ его каретнаго убѣжища и порядочно избилъ. Неизвѣстно въ который разъ, онъ помчался верхомъ къ своему прибѣжищу, попу-куму. Но едва ли не самое тяжелое разочарованіе, едва ли не самый безпощадный ударъ нанесенъ былъ Ивану Петровичу въ домѣ попа-кума. Пріѣхавъ туда, онъ замѣтилъ, что въ домѣ идетъ возня, суета: что-то всѣ бѣгаютъ, мечутся, гладятъ, подшиваютъ и на Ивана Петровича не обращаютъ никакого вниманія. Изъ разговора онъ узнаетъ, что вся семья священника готовится къ какой-то завтрашней свадьбѣ и что попу подарили атласу на рясу и 25 рублей за совершеніе обряда. Поймавъ какъ-то попа, Иванъ Петровичъ спросилъ:

— Кумъ, да ты кого собираешься вѣнчать?

Попъ, не сморгнувъ глазомъ, отвѣчалъ:

— Александра Ивановича господина Аблясова.

— Какъ? Да вѣдь ты знаешь, что я не даю благословленія?

— Это ничего не значитъ: сынъ твой совершеннолѣтенъ.

— И ты рѣшился?—съ горечью спросилъ Иванъ Петровичъ.

— И еще разъ рѣшусь, если онъ овдовѣетъ.

— Послѣ этого ты...

Но священникъ не далъ договорить своему куму, можетъ быть, рѣзкаго слова и закричалъ:

— Satis! сирѣчь—довольно! Пора, куманекъ, и честь знать. Всякое терпѣніе съ тобой кончится. Ѣздишь ты, безпокоишь, выдумываешь чортъ знаетъ какія штуки—и все ко мнѣ. Избавь, Бога ради; ищи другую квартиру: я на постой болѣе не пускаю.

Иванъ Петровичъ постоялъ, постоялъ и тихо вышелъ изъ дома священника. Куда идти? Гдѣ искать пристанища? Сынъ

выгналъ, друзья отвернулись... Иванъ Петровичъ проболтался въ селѣ Пескахъ еще сутокъ трое и имѣлъ несчастіе видѣть вѣнчаніе своего сына, церковь, пылавшую огнями, хоръ пѣвчихъ, гремящихъ пѣснопѣнія и своего кума-попа съ расчесанной косой и бородой и съ заискивавшей улыбкой благословлявшаго молодую пару. На площади горѣли смоляныя бочки; кучера были всѣ пьяные; гостей собралось ѣхать въ «Покой» многое-множество; подлецъ, *преступникъ* Кукушка, былъ шаферомъ... Длинный, веселый, шумный поѣздъ двинулся прямо изъ церкви въ имѣніе новобрачныхъ. Никто не вспомнилъ объ Иванѣ Петровичѣ, который, около ограды, глядѣлъ на это торжество и у него—

«Капали горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ».

VI.

Иванъ Петровичъ исчезъ съ горизонта жизни жителей описываемой мѣстности. Доходили темные слухи, что онъ живетъ въ донскихъ предѣлахъ, у одной дальней родственницы, но разстояніе не помѣшало ему подать разомъ три жалобы: на священника-кума за обвѣнчаніе—къ архіерею, и при этомъ кстати упомянуто было, что онъ, негодный попъ, кормитъ священными просфорами своихъ домашнихъ животныхъ; на сына — за его вѣнчаніе на развратной дѣвицѣ и на брата жены сына — за оскорбленіе его, Ивана Петровича, словами и дѣйствіемъ. Затѣмъ, Иванъ Петровичъ мелькомъ появился на старыхъ мѣстахъ, запродалъ сыну свою седьмую часть изъ имѣнія, получилъ около 2-хъ тысячъ и окончательно исчезъ. Я по крайней мѣрѣ совершенно потерялъ его изъ виду и до самаго приключенія на —скомъ почтовомъ трактѣ даже не зналъ, живъ ли онъ?

— Когда же ты, Иванъ Петровичъ, возвратился въ свою усадьбу?—спросилъ я, когда возвращались съ чемоданомъ и другими моими вещами, взятыми изъ экипажа. Ямщикъ поддѣлалъ вмѣсто колеса жердь и тоже тащился вслѣдъ за нами.

— Да вотъ уже мѣсяцъ будетъ,—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, вытаскивая изъ сундука какіе-то искалѣченные стаканы для чая.

— Вѣдь у тебя былъ, кажется, арендаторъ?

— Мошенникъ Шкуринъ? Какъ же, былъ. Вѣдь онъ все у меня здѣсь разорилъ; рощу вырубилъ, скотину перевелъ и землю всю роздалъ мужикамъ на года.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Въ Баландѣ кабакъ держитъ. Я веду съ нимъ дѣло, но, вѣдь, ты знаешь, мировые у насъ... фью!

— Гдѣ же ты самъ-то скитался все время?

— Ѣздилъ въ Москву лечиться отъ послѣдствій отравы. Ты развѣ не слышалъ? Меня хотѣли ухлопать во второй разъ, и тоже чаемъ. Пріѣхалъ я въ село Касянное и зашелъ къ тамошнему попу, этому толстому. Прекрасно. Стали пить чай. Когда мнѣ поднесли стаканы на подносѣ, я хотѣлъ-было взять себѣ одинъ стаканъ, пожиже налитый, но попъ, не взирая на свою толстоту, быстро сорвался съ мѣста и съ подлѣйшей улыбкой сказалъ: «вотъ вамъ стаканъ!» Ничего не подозрѣвая, я взялъ и выпилъ. На другой день появились тѣ же признаки, что и въ первый разъ. Отлежавшись и видя, что враги мои хотятъ меня доканать, — я уѣхалъ въ Москву лечиться. Московскій докторъ какъ посмотрѣлъ на меня, такъ и говоритъ: разскажите, говоритъ, свою жизнь. Я и разсказалъ ему о двухъ отравахъ. Докторъ положилъ меня въ больницу и началъ лечить холодными компрессами: обвернутъ въ мокрую простыню и закроютъ теплымъ. Потѣю, потѣю! «Отрава, говоритъ докторъ, въ васъ самихъ находится!» Слышишь, милый другъ? Полежалъ я съ мѣсяцъ, почувствовалъ облегченіе и перешелъ въ гостинницу. Гостинница была изъ дрянненькихъ. Жилъ я безъ особой цѣли. Въ одно время познакомился я тамъ съ какимъ-то человѣкомъ, добропорядочной наружности. Ходилъ онъ ко мнѣ часто и предлагалъ заняться разными торговыми дѣлами и такимъ путемъ вывѣдалъ, что у меня есть около тысячи рублей. Пошли мы однажды съ нимъ гулять по Москвѣ, послѣ обѣда. Ходили долго; онъ мнѣ показывалъ Кремль, царь-пушку, царь-колоколъ и, наконецъ, завелъ въ какой-то паркъ.

— Я говорю: пора и домой!

— Мы и то, говоритъ, домой идемъ!—и не успѣлъ это вымолвить, какъ вкляснетъ меня въ затылокъ: инда искры въ глазахъ брызнули.

Я упалъ; было уже довольно темно. Не знаю, долго ли мы боролись, но я очнулся въ крови и безъ бумажника. Шуба моя валялась неподалеку, на снѣгу. Вскочивъ, я такъ началъ кричать, что докричался полицейскаго, который и прибѣжалъ ко мнѣ, хотя и поздно. Увидѣвъ меня въ такомъ видѣ, полицейскій довелъ до извозчика, усадилъ меня и повезъ въ участокъ. Тамъ допросили, составили протоколъ, пригласили доктора, который нашелъ на мнѣ семь ранъ, нанесенныхъ перочиннымъ ножикомъ, пальцы руки были просто исполосованы. На головѣ гро-

мадныя двѣ шишки... Деньги мои пропали, а преступника все-таки нашли. Вотъ читай-ка.—И Иванъ Петровичъ полѣзъ въ уголъ подъ кровать, вытащилъ большой мѣшокъ, развязалъ его и, высыпавъ громадное количество бумагъ—копій, прошеній, жалобъ, заявленій,—началъ искать между ними нужный ему документъ. Въ моихъ глазахъ запестрѣли марки, гербы, титулы... Были копіи съ дѣлъ 1812 года: «дѣдушкины процессы»...:—Для чего? Для соображеній!—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ. Коллекція судебныхъ бумагъ была по истинѣ изумительна: среди этого сборища, Иванъ Петровичъ отыскалъ-таки отношеніе полицейскаго управленія Москвы, въ которомъ извѣщалось, что преступникъ отысканъ и при немъ нашлись слѣдующія вещи: бумажникъ (слѣдуетъ его описаніе) и указъ объ отставкѣ на имя коллежскаго регистратора Ивана Петровича Аблясова, который, т.-е. указъ, при семъ пересылается, что же касается денегъ — 976 р. 28 коп., въ суммѣ которыхъ грабитель, рязанскій мѣщанинъ Филатъ Ивановъ Пузановъ сознался,—то оныхъ денегъ при немъ не оказалось: онъ ихъ растратилъ. Я убѣдился, что разсказъ Ивана Петровича объ его злоключеніи въ Москвѣ—не выдуманъ; можетъ быть, прихвастнулъ немного насчетъ ранъ—и только.

Напившись чаю и закусивъ кое-что изъ моего запаса, я собирался-было прилечь уснуть, но Иванъ Петровичъ подсѣлъ ко мнѣ и все разспрашивалъ: какой лучшій адвокатъ въ городѣ С—вѣ?

— Да на что тебѣ?

— Помилуй, милый другъ, сынъ мой не платитъ мнѣ оставшихся за проданную ему землю денегъ.

— Да бросьте же вы судиться. Вѣдь теперь у сына пятеро дѣтей, онъ, говорятъ, разорился совсѣмъ на эти процессы. Адвокаты народъ жадный. Бросьте.

— Пускай, анаѳема, заплатитъ, тогда я брошу.

Я не могъ убѣдить Ивана Петровича на мировую и заснулъ во время безконечнаго перечисленія имъ огорченій, принятыхъ отъ сына.

VII.

Проснулся я уже тогда, когда жаркое солнце заливало своими лучами усадьбу Ивана Петровича, бугоръ на которомъ она сидѣла, и всю окрестность, насколько глазъ хватитъ можетъ. Утреннія тѣни давно уже исчезли; туманы подобрались, только

вдали стояла легкая дымка, да лѣсъ еще синѣлъ мягкими пятнами, утопая въ нагрѣвающемся воздухѣ. Я вышелъ на дворъ. Пѣтухъ оралъ, забравшись на опрокинутую бочку, жаворонки заливались, кажется, во всѣхъ точкахъ синяго неба; кругомъ, болтаясь на стебляхъ травы, тянули свою робкую печальную пѣсню овсянки... Съ бугра открывался видъ на далекое пространство. Жаль, что среди такого благополучія умѣстился столь бѣдный, плачевный помѣщикъ! Днемъ «царство» его представлялось еще въ болѣе жалкомъ видѣ; разореніе было полное; крыши на половину не существовало, стѣны, выведенныя изъ дикаго камня, разъѣхались и дали трещины, дворъ разгороженъ и на всемъ лежалъ рѣзкій отпечатокъ запустѣнія. На дворѣ бродила худая старая лошадка, вѣроятно, та самая, которая когда-то возила Ивана Петровича то къ попу-куму, то въ станъ, то обратно въ имѣніе.

Оглядѣвъ всю эту печальную обстановку, я пошелъ умываться въ родникъ и на дорогѣ встрѣтился съ Иваномъ Петровичемъ. Онъ былъ одѣтъ въ пару, бывшую когда-то бѣлой, а теперь принявшую какой-то необычайный цвѣтъ. Панталоны укоротились до щиколодки, и рыжіе сапоги никогда, казалось, не были чищены. Вообще, видъ Ивана Петровича былъ самый печальный, и онъ напоминалъ собою блаженной памяти дворовaго человѣка..

— А ты вчера, милый другъ, скоро задалъ храповицкаго; а я было-хотѣлъ разсказать тебѣ про подлости сына,—съ легкимъ оттѣнкомъ упрека замѣтилъ мнѣ Иванъ Петровичъ.

— Я утомился дорогой, да вѣдь я и въ городѣ эту исторію слышалъ,—совралъ я.

— Неужто?—обрадовался бѣднягa:—такъ и въ городѣ уже говорятъ?

— Какъ же, и даже много.

— А губернаторъ знаетъ?

— Навѣрное.

— Вотъ адвоката бы мнѣ нужно. Не порекомендуешь ли кого?

Ведя эти разговоры, мы вошли на самую выдающуюся точку бугра. Слѣва виднѣлась на другомъ берегу полуразрушившаяся усадьба другого помѣщика Андреева, отъ которой остался одинъ только на-глухо заколоченный домъ, выстроенный изъ мѣстнаго камня—булыжника. Отъ дома книзу сбѣгалъ когда-то тѣнистый, а теперь погибшій садъ, отъ котораго остались нѣсколько одичавшихъ деревьевъ. Видны еще мѣста аллей, бесѣдокъ...

Когда-то и здѣсь кипѣла жизнь, шумѣло веселье, бѣгали дѣти, гуляли взрослые — и все это отошло въ область воспоминаній, затянулось паутиной, заросло сорною травой. Нашла волна и смыла людей, ихъ радости и печали... Не можетъ быть болѣе грустнаго, печальнаго, надгробнаго памятника этой когда-то шумѣвшей помѣщичьей жизни! Какъ бы въ pendant этой картинѣ, справа торчали тощія объѣденныя одонья. Оказалось, что это хлѣбъ Ивана Петровича, въ прошломъ году посѣянный на 10-ти десятинахъ изъ-полу съ однимъ крестьяниномъ сосѣдней деревни.

— Что же-ты не молотилъ?—спросилъ я.

— Да половинщикъ, мерзавецъ, провелъ время, а осень была мокрая. Потомъ напала мышь—все изъѣла. Теперь я ищу съ половинщика убытки: уже и жалобу подалъ.

Послѣ чая я собрался ѣхать. Ямщикъ досталъ гдѣ-то колесо и справилъ поломку. До самой почтовой дороги меня провожалъ верхомъ Иванъ Петровичъ, и разставаясь наклонился къ самому моему уху, прошептавъ:

— А правда ли, милый другъ, что скоро дадутъ что-то такое и возвратятъ намъ крестьянъ?

Лошади рванули и я ничего не успѣлъ отвѣтить Ивану Петровичу и только махнулъ ему на прощанье рукою.

— А я, баринъ,—оборотился ко мнѣ ямщикъ,—со вчерашняго дня крохи во рту не видѣлъ: у Аблясова-то собакѣ жрать нечего!

Я велѣлъ ямщику остановиться, далъ ему рюмку коньяку и кусокъ колбасы. Выпивъ и поблагодаривъ, онъ ударилъ по лошадямъ, и дорожная пыль заклубилась и скрыла точно пеленой и меня, и телѣгу съ лошадьми.

Прошло года два со времени моей встрѣчи съ Иваномъ Петровичемъ. Въ одно прекрасное утро въ городскую квартиру мою явился онъ ко мнѣ въ самомъ плачевномъ видѣ. Одежонка на немъ была рваная и засаленная; здоровьишко, судя по его наружности, надорванное, плохое.

— Спаси меня, милый другъ!—было первымъ словомъ Ивана Петровича: я погибаю!

— Что съ тобою?—участливо спросилъ я.

— Я попался въ такую исторію—бѣда! Урядникъ меня преслѣдуетъ, исправникъ тѣснитъ, да и крестьяне, гдѣ я живу теперь, проходу не даютъ: по улицѣ нельзя пройти—чуть не каменьями бросаютъ.

Въ данномъ случаѣ Иванъ Петровичъ очевидно говорилъ правду, доказательствомъ служили искреннія старческія слезы.

— Полно, полно, Иванъ Петровичъ, успокойся!—говорилъ я, усаживая его въ кресло:—говори, что́ тамъ у тебя вышло?

— Такое дѣло вышло, что я и не знаю: выберусь ли изъ него. Ѣздилъ я какъ-то въ Юнгеровку къ куму своему Неѣлову, въ гости. Пріѣзжаю домой—теперь вѣдь я живу на квартирѣ у мужика въ деревнѣ, а у меня жить зимой нельзя: холодъ и волки одолѣваютъ!—пріѣхалъ, а кухарка, Агафья—помнишь? и говоритъ, что у меня на хуторѣ случилась пропажа. Украли пять мѣръ коноплянаго сѣмени, десять формъ для литья сальныхъ свѣчей, да гужи новые. Услыхавъ объ этомъ несчастіи, я подалъ уряднику заявленіе, а словесно передалъ старостѣ. Староста пригласилъ понятыхъ, и мы, безъ урядника, приступили къ обыску въ дому Еропки,—скверный безпокойный мужичонко, грубіянъ, этотъ Еропка! помнишь?—я тебѣ про него разсказывалъ. Ну, хорошо. Еропки не оказалось дома, а жена его—сущій дьяволъ—такъ приняла насъ, что говорить стыдно, чуть рогачами не избила. «Нашли, кричитъ, кому вѣрить! Развѣ это баринъ? Это полоумный, сутяга поганая!»

— Какъ ты, милый, думаешь, можно на нее за оскорбленіе подать жалобу?—неожиданно спросилъ меня Иванъ Петровичъ.

— Да ты разсказывай, а тамъ посмотримъ.

— Ну, хорошо. Понятые усѣлись въ избѣ, ждутъ Еропку. Начали шутить съ бабой, ѣсть рѣдьку, которой она нанесла имъ цѣлое беремя. Съѣлъ и я кусочекъ—другой. Пришелъ наконецъ Еропка; приступили къ обыску. Понятые ходятъ кругомъ да около, а дѣла не дѣлаютъ: знамо, свои люди съ Еропкой, изъ одной шкуры кроены! Смѣются даже, когда я началъ лазить по хлѣвамъ да клѣтямъ. А какъ не полѣзешь? Свое добро, жалко. Искали искали—ничего. Еропка ходитъ за мной слѣдомъ, да ругается, что будто бы я его срамлю.

— И не стыдно вамъ, говоритъ, барину лазить по свинымъ хлѣвамъ? Да будь у меня свое сѣмя, я бы вамъ отдалъ, лишь бы не срамиться съ вами.

Ладно, думаю, мошенникъ, меня не проведешь.

Дошли мы до погреба. Понятые туда не лѣзутъ: чего, говорятъ, намъ смотрѣть? Ну нѣтъ, такъ нельзя—это не обыскъ. Полѣзъ я туда одинъ. Шарилъ, шарилъ—ничего. Въ одномъ углу лежитъ раскисная картофель, въ другомъ навалена проросшая рѣдька, тамъ изъ кадушки воняетъ кислая капуста. Я даже въ кадушку слазилъ—только защипало разсоломъ руку:

нѣтъ и тамъ. Я ужъ хотѣлъ-было вылазить изъ погреба, да увидѣлъ полку, а на ней въ рядъ положенную крупную рѣдьку. Сталъ я эту рѣдьку снимать, да и наткулся въ углу на солому, а подъ соломой лежалъ свертокъ. Вытащилъ я на свѣтъ и вижу, что свертокъ этотъ—моя сорочка и въ ней кусокъ голландскаго полотна, что̀ украдено у меня въ прошломъ еще году со взломомъ окна.

— Вотъ, господа, кричу я понятымъ, искали одну пропажу, а нашли другую. Вылѣзъ—и показываю. Понятые молчатъ, а Еропка кричитъ, что будто бы это полотно я вытащилъ изъ-подъ шубы и подкинулъ.

— Гдѣ оно было?—кричитъ.

— Подъ соломой, въ углу.

— Смотрите старики—полотно-то сухое, да теплое, а лежи оно въ погребѣ—было бы мокрое!

— Знамо мокрое: это точно!—говорятъ и понятые.

— Такъ, стало быть, это я подкинулъ?—кричу и я.—Понимаешь, милый другъ, обидно-же дворянину все это выслушивать,—замѣтилъ Иванъ Петровичъ, обращаясь ко мнѣ.

— Ну, хорошо. Ушли мы. Я подалъ уряднику заявленіе о своей находкѣ, а Еропка на меня—о клеветѣ и незаконномъ обыскѣ. Понятые, тоже вѣдь мужики, его руку тянутъ. Одинъ даже на допросѣ увѣрялъ, что я подъ шубой что-то держалъ... Каково?

И Иванъ Петровичъ вздохнулъ и прослезился.

— Теперь мнѣ угрожаютъ всѣ,—продолжалъ онъ разсказъ свой,—мужики не даютъ проходу по улицѣ: «срамить, кричатъ, ты насъ вздумалъ? развѣ мы воры? Съ роду ими не были, а ты лѣзешь къ намъ съ обысками? Ступай, кричатъ, къ себѣ на бугоръ, да и сиди тамъ!» Не знаю, что̀ и дѣлать. Мужикъ, у котораго я живу на квартирѣ, гонитъ меня: «черезъ тебя, говоритъ, и мнѣ проходу не даютъ». А жена его, баба злющая, прямо говоритъ: «еще, говоритъ, насъ осрамишь, пропажу какую выдумаешь». Что мнѣ дѣлать? посовѣтуй, милый другъ, и Иванъ Петровичъ склонилъ свою сѣдую голову на грудь.

Я направилъ его къ адвокату и не знаю—вытащитъ ли тотъ Ивана Петровича изъ ямы, куда онъ забрался, благодаря своей неугомонной и неостывшей даже съ годами страсти къ процессамъ и сутяжничеству.

Ив. Горизонтовъ.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ

ВЪ

ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ.

VI. Братья Гонкуры.

Еще недавно мало извѣстные въ Россіи—какъ и во Франціи,—романы братьевъ Гонкуровъ имѣютъ теперь у насъ довольно большой кругъ читателей. Способствовалъ этому, отчасти, критическій этюдъ о нихъ г. Зола, напечатанный въ «Вѣстникѣ Европѣ» 1875 г. (№ 9) и вошедшій въ составъ «Парижскихъ писемъ», изданныхъ отдѣльной книгой въ 1878 г. Для г. Зола, Гонкуры — преимущественно художники, великіе мастера языка и слога. «Въ рукахъ этихъ романистовъ»,—говоритъ онъ, «очутились кисть, рѣзецъ и музыкальный инструментъ съ звучащими струнами. Ихъ цѣль — не разсказъ, не нанизыванье идей или фактовъ въ одну послѣдовательную нить, а воспроизведеніе каждаго предмета со всѣми его очертаніями, съ его окраской и запахомъ, со всей совокупностью его жизненныхъ аттрибутовъ. Отсюда та небывалая живость представленій, съ помощью которой матеріальная сторона разсказа производитъ совершенно осязательное, почти сценическое впечатлѣніе. Природа, объясняемая этими ясновидцами-писателями, является живымъ существомъ, волнуемымъ страстями; камни испытываютъ людскія чувства и сообщаютъ свои радости и печали горизонтамъ, все превращается въ одно безпредѣльное нервное сотрясеніе... Въ описаніяхъ Гонкуры повинуются стихійной необходимости, не позво-

ляющей имъ выдѣлять личность изъ среды окружающихъ ее предметовъ; они видятъ ее въ воздухѣ, которымъ она дышетъ, со всѣмъ ея платьемъ, съ смѣхомъ на ея губахъ, съ лучомъ солнца, освѣщающимъ ее, съ фономъ зелени, на которомъ она обрисовывается, со всѣмъ тѣмъ, что обусловливаетъ ее и служитъ ей рамкою». Въ этихъ словахъ воображеніе кое-гдѣ беретъ верхъ надъ критикой; дѣйствію, производимому формой, приписывается преувеличенное значеніе; изученіе лица нераздѣльно съ его средой выставляется спеціальной заслугой Гонкуровъ, между тѣмъ какъ оно было доведено до высокой степени совершенства уже Бальзакомъ. Мы не станемъ, однако, подробно возражать г-ну Зола, потому что онъ остановился преимущественно на той сторонѣ таланта Гонкуровъ, оцѣнка которой всего труднѣе для не-француза; наша цѣль, на этотъ разъ — не опроверженіе, а дополненіе характеристики, представленной французскимъ критикомъ. Въ глазахъ г. Зола, содержаніе Гонкуровскихъ романовъ имѣетъ второстепенное значеніе, сравнительно съ внѣшней ихъ красотою; намъ кажется, наоборотъ, что именно въ содержаніи слѣдуетъ искать главную силу этихъ романовъ. Статья г. Зола требуетъ дополненія еще въ другомъ отношеніи; она написана въ то время, когда старшій изъ Гонкуровъ, Эдмонъ, еще не прерывалъ молчанія, въ которое онъ погрузился послѣ смерти младшаго брата, Жюля. Теперь мы имѣемъ передъ собою два романа, написанные однимъ Эдмономъ — «la Fille Elisa» и «les Frères Zemganno», — и можемъ сравнить ихъ съ произведеніями сотрудничества, безпримѣрнаго въ исторіи литературы.

I.

Прежде чѣмъ писать романы, Гонкуры долго занимались исторіей французскаго общества XVIII-го вѣка. Пріемы, выработанные ими во время этихъ занятій, отразились и на новой дѣятельности ихъ. Сдѣлавшись романистами, они остались историками общественной жизни. Матеріаловъ для изученія современнаго французскаго общества у нихъ можно найти не меньше, чѣмъ у Флобера. «Charles Demailly» знакомитъ насъ съ литературными нравами пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ; «Manette Salomon» — съ художническимъ міромъ; «Soeur Philomène» — съ молодежью, стоящею на рубежѣ между школой и практическою дѣятельностью; «Renée Maupérin» — съ буржуазіей, напуганной событіями 1848-го года и не вполнѣ успокоенной

даже водвореніемъ имперіи; «Germinie Lacerteux»—съ нѣкоторыми мало извѣстными чертами парижской народной жизни. Съ одной стороны—болѣзненное возбужденіе нервовъ, лихорадочная погоня за наслажденіями и за успѣхомъ, усиленная и въ большинствѣ случаевъ безплодная трата жизненной силы; съ другой стороны—страстное охраненіе достигнутаго, обостряемое ежечасною боязнью потери; борьба за существованіе, во всѣхъ разнообразныхъ ея формахъ, свойственныхъ переходнымъ періодамъ исторіи—такова картина, слагающаяся изъ отдѣльныхъ очерковъ и штриховъ, раскрывающаяся вполнѣ лишь по прочтеніи всего написаннаго Гонкурами.

Тяжелая эпоха, начавшаяся для Франціи съ декабрьскаго переворота, создала новый видъ періодической печати, до сихъ поръ лежащій темнымъ пятномъ на французской литературѣ: это такъ-называемая *мелкая пресса* (le petit journal), обрисованная въ «Charles Demailly» съ замѣчательною мѣткостью и силой. «Мысль Франціи, живущая лихорадкой, постоянно, какъ любовница, требующая ласки, толчка, занятія,—эта мысль, въ антрактѣ парламентскихъ преній, ученыхъ споровъ, церковныхъ распрей и общеевропейскихъ вопросовъ питающаяся безразлично всѣмъ, набрасывающаяся на силуэты, потишоманію, вертящіеся столы, драматическіе процессы,—эта мысль, въ одинъ прекрасный день, вся уцѣпилась за хвостъ Алкивіадовой собаки! Новый порядокъ вещей заградилъ общественному мнѣнію доступъ къ высотамъ, въ область бурь,—и оно все цѣликомъ погрузилось въ любопытство, спустилось въ сферу сплетни, клеветы, пошлыхъ анекдотовъ, кулачныхъ боевъ между личностями, публичной стирки грязнаго бѣлья, рабской войны зависти противъ славы! Мелкую прессу, взявшуюся за это дѣло, поддерживало и подталкивало какъ нельзя лучше сообщничество публики, находившей здѣсь свободу отъ удивленія и мщеніе противъ прежнихъ боговъ своихъ. Этотъ смѣхъ, идущій по стопамъ успѣха, даже самаго скромнаго, какъ въ древности брань раба по стопамъ тріумфатора; эти «Облака», являющіяся возмездіемъ за шумъ, вызванный произведеніемъ или именемъ; эта еженедѣльная казнь таланта, труда, завоеваннаго счастья, законной гордости; эти слишкомъ устойчивыя репутаціи, побиваемыя каменьями, подобно старикамъ нѣкоторыхъ океанійскихъ племенъ; эти самолюбія, смѣшиваемыя съ уличною грязью — все это доставляло Парижу удовольствія Аѳинъ и Рима, удовлетвореніе остракизма и наслажденія цирка. Мелкая пресса щекотала одну изъ самыхъ презрѣнныхъ страстей буржуазіи. Она давала голосъ и оружіе тому чувству, которое

возмущается привилегіями мысли, неравенствомъ передъ умственной силой. Она развивала и усиливала предразсудки противъ новой аристократіи безсословнаго общества—противъ аристократіи литературной. Успѣху мелкой прессы способствовало также новое поколѣніе умовъ, свободное отъ всякихъ традицій, не имѣвшее въ прошедшемъ ни отечества, ни предковъ—поколѣніе литературной богемы. Осужденная на нищету паденіемъ литературной заработной платы, богема неизбѣжно должна была стать добычей мелкой прессы, готовой арміей ея — страшной арміей голодныхъ голяковъ, дерущихся изъ-за супа. Аппетиты богемы держали за горло ея вѣрованія. Ея погоня за скандаломъ напоминала народъ, идущій на штурмъ общества, и была какъ-бы эхомъ крика, раздавшагося 16-го апрѣля 1848 г.: *долой перчатки!*» Эта мастерская характеристика мелкой прессы служитъ фономъ для цѣлой галереи портретовъ, для цѣлаго ряда журнальныхъ авантюристовъ, «живущихъ въ кухняхъ рекламы и за кулисами всѣхъ слоевъ общества, отлично владѣющихъ тѣми словами, отъ которыхъ льется кровь мужчинъ и сѣдѣютъ волоса женщинъ». Передъ нами проходятъ Монгальяръ (по всѣмъ признакамъ — Вильмессанъ, извѣстный основатель «Фигаро»), веселый циникъ, откровенный хищникъ, успѣвшій уже нажиться и потому до извѣстной степени добродушный; вѣчно голодный и жадный Нашеттъ, полный злобы противъ всего выдающагося надъ уровнемъ посредственности, готовый на преступленіе, лишь бы только пошатнуть пьедесталъ чьей-либо репутаціи; Кутюра, болѣе спокойный и мягкій, но столь же неразборчивый въ выборѣ средствъ для устройства своихъ дѣлишекъ; Бурнишъ, «l'homme à tout faire du journal», въ которомъ привычка писать по заказу, о чемъ угодно и противъ кого угодно, убила не только чувство собственнаго достоинства, но и сознаніе собственной личности. Во всѣхъ этихъ типахъ насъ поражаютъ знакомыя черты; мы вспоминаемъ Бальзака — и приходимъ къ убѣжденію, что въ одномъ отношеніи Гонкуры впали въ ошибку, что журнальные кондотьери и браво временъ второй имперіи не могутъ быть названы непомнящими родства, что Нашеттъ и Кутюра—прямые потомки Лусто, Верну и Мерлена въ «Grand homme de province à Paris». Подонки печати пятидесятыхъ годовъ являются, такимъ образомъ, тѣсно связанными съ подонками печати временъ реставраціи и іюльской монархіи; предметъ оказывается старше своего названія—журнальная *богема* оказывается существующею задолго до изобрѣтенія этого слова. Это нисколько не уменьшаетъ заслугу Гонкуровъ; картина, набросанная ими—

не копія съ Бальзаковской, а дополненіе къ ней. Другимъ временамъ соотвѣтствуютъ другія птицы и другія пѣсни; наѣздничество Лусто и Верну — невинная забава въ сравненіи съ флибустьерствомъ редакторовъ «Скандала». Страшная сила послѣднихъ—это пустота, среди которой они дѣйствуютъ, упадокъ политической мысли и политическаго чувства, отсутствіе серьёзнаго противовѣса, которымъ сдерживалось бы господство ядовитой сплетни и продажной насмѣшки. Просторъ, свѣтъ и свѣжій воздухъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ не благопріятствовалъ паразитамъ; для широкаго развитія ихъ необходима была темнота и тѣснота, наступившая послѣ 1851-го года. Въ «Grand homme de province à Paris» журналисты носятъ по крайней мѣрѣ мундиръ партіи, сражаются подъ ея знаменемъ, не затрудняясь, правда, перебѣгать изъ однихъ рядовъ въ другіе и стрѣлять исподтишка по своимъ союзникамъ; для журналистовъ мелкой прессы, выведенныхъ на сцену въ «Charles Demailly», партіи вовсе не существуютъ, — взаимная ихъ грызня не прикрывается даже маской политическаго антагонизма. Они не выходятъ за предѣлы того задняго двора, на который ихъ загналъ разсчетъ торжествующей реакціи и на которомъ они даютъ свои потѣшныя представленія, отвлекая вниманіе зрителей отъ болѣе важныхъ вопросовъ эпохи.

Подобно тому, какъ у Бальзака лагерю журнальныхъ партизановъ противопоставленъ строгій, чистый, честный д'Артезъ, съ достойными его друзьями, мы находимъ и у Гонкуровъ кружокъ Ламперьера, Франшемона, Ремонвилля, представляющій собою лучшую часть журнализма. Члены этого кружка менѣе идеальны, чѣмъ члены Бальзаковскаго «Cénacle»—но они ближе къ жизни, къ дѣйствительности. Въ созерцательныхъ натурахъ обстановка пятидесятыхъ годовъ должна была развить умственный аристократизмъ, замкнутость въ сферѣ отвлеченныхъ интересовъ. Пережить такое время, не загрязнившись и не упавъ, было уже само по себѣ дѣломъ не легкимъ, требовавшимъ большого умственнаго и нравственнаго напряженія. Это напряженіе чувствуется въ литераторахъ и журналистахъ, среди которыхъ Демальи находитъ опору противъ бывшихъ товарищей своихъ по мелкой прессѣ. Они надорвались, не успѣвъ сдѣлать многаго —но ихъ поддерживаетъ сознаніе внутренней свободы, спасенной несмотря на тысячи подводныхъ камней. «Мы не дисциплинированы», говоритъ Демальи, «мы фрондёры и благёры, ничего не уважающіе, тщеславные, исполненные дурныхъ инстинктовъ и предразсудковъ; но за то мы не подчиняемся ничьей

власти, не признаемъ божественнаго права денегъ, не состоимъ на службѣ у пятифранковой монеты. Мы невѣрующіе, но у насъ есть своя религія, религія головная, за которую мы боремся, страдаемъ, умираемъ: самосознаніе разума».

Съ нетерпѣливымъ, завистливымъ отношеніемъ къ превосходству ума и таланта мы встрѣчаемся не только въ литературномъ, но и въ художническомъ мірѣ. Изъ состязанія за такъ называемый «prix de Rome» — т.-е. за право пробыть нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, на счетъ государства — побѣдителемъ выходитъ (въ «Manette Salomon») не даровитый, оригинальный, суровый Ламбленъ, а заурядный и угодливый труженикъ Гарнотелль. «Ламбленъ имѣлъ неосторожность выставить передъ тѣмъ картину, надѣлавшую много шума, —а профессора не любятъ учениковъ, произведенія которыхъ обращаютъ на себя всеобщее вниманіе». Позже, когда Гарнотелль возвращается изъ Рима и занимаетъ, разъ навсегда, скромное мѣсто между рутинерами живописи, критика почти единодушно осыпаетъ его комплиментами, превозноситъ его на счетъ художниковъ, идущихъ своей самостоятельной дорогой, не ограничивающихся повтореніемъ задовъ искусства. Не имѣя возможности хвалить исполненіе, она восхваляетъ намѣреніе, называетъ манеру Гарнотелля «честной и искренней», аппелирующей къ чувству, а не къ чувственности; блѣдность и безцвѣтность красокъ обращается, подъ ея перомъ, въ «цѣломудренную серьёзность». Коріоли, высоко поднимающійся надъ Гарнотеллемъ, возбуждаетъ цѣлую бурю тою смѣлостью, съ которою онъ отступаетъ въ своихъ картинахъ отъ общепринятыхъ пріемовъ изображенія Востока. Еще худшая судьба постигаетъ Коріоли, когда онъ переходитъ къ реальной живописи, къ простымъ сценамъ ежедневной, будничной жизни. Его «Осмотръ новобранцевъ» вызываетъ сначала однѣ насмѣшки, и только черезъ нѣсколько лѣтъ — когда направленіе, выразившееся въ немъ, перестаетъ быть новымъ,—имѣетъ ретроспективный успѣхъ и обогащаетъ спекулянта, купившаго его за безцѣнокъ въ моментъ унынія живописца. Пристрастная и мелочная критика скоро оказалась бы безсильной, если бы за-одно съ нею не дѣйствовала косность публики, не легко и не скоро отрѣшающейся отъ своихъ излюбленныхъ взглядовъ. «Нельзя безнаказанно идти наперекоръ привычкамъ публики, ея идеямъ, предразсудкамъ, съ которыми она смотритъ на произведенія искусства. Разрушить понятіе, составленное ею о краскѣ, формѣ, мѣстности—значитъ задѣть ее за живое. Усвоивъ себѣ однажды рѣзкій, жаркій Востокъ Декана, она не могла примириться съ

тонкимъ, разнообразно оттѣненнымъ, эѳирнымъ Востокомъ Коріоли. Непредвидѣнная, неожиданная точка зрѣнія сбивала съ толку зрителей, затрудняла оцѣнку, устраняла возможность повторенія знакомыхъ, всѣми заученныхъ тирадъ о *восточномъ колоритѣ*». Новаторамъ въ литературѣ угрожаетъ та же самая участь, какъ и новаторамъ въ живописи. «Отвращеніе къ новизнѣ», говоритъ Франшемонъ (въ «Charles Demailly»), «предубѣжденіе противъ людей, пишущихъ не такъ, какъ другіе, имѣетъ совершенно понятныя причины. Это какъ-бы составная часть тѣхъ вѣрованій, на которыхъ насъ воспитываютъ; это послѣдствіе или остатокъ вкусовъ, которые намъ передаютъ вмѣстѣ съ катихизисомъ. Съ десяти до восемнадцати лѣтъ мы живемъ и дышемъ классиками; неудивительно, что поклоненіе имъ часто переживаетъ въ насъ всѣ другія симпатіи и убѣжденія. Талейранъ всю жизнь былъ вѣренъ только одному Расину. Я знаю очень почтенныхъ людей, въ глазахъ которыхъ даже междоусобная война была бы меньшимъ зломъ, чѣмъ вступленіе автора «Mademoiselle de Maupin» (Теофиля Готье) въ число академиковъ. Напишите книгу, проникнутую идеями извѣстной партіи, но отступающую отъ ея обычнаго слога — и партія будетъ смотрѣть на васъ, какъ на еретика».

Недоброжелательство критики, консерватизмъ публики — настоящая пытка для французскаго писателя или художника, страстно жаждущаго похвалы, болѣзненно чувствительнаго къ порицанію. Двѣ-три неудачи совершенно надламываютъ сильную натуру Коріоли, дѣлаютъ его мизантропомъ, пессимистомъ, платящимъ желчью за желчь, чуткимъ только къ недостаткамъ чужихъ произведеній, способнымъ отбить охоту отъ живописи у самаго даровитаго живописца. «Умѣнье мужественно выдерживать нападенія» — читаемъ мы въ «Charles Demailly», — «было бы драгоцѣннымъ качествомъ для каждаго литератора; но немногіе настолько закалены, чтобы возвыситься до такого стоицизма. Подъ маской наружнаго хладнокровія часто скрывается тяжкая рана, вызвавшая внутреннее кровоизліяніе. Самые великіе, самые славные писатели, заживо вступившіе въ потомство, обезоружили бы, быть можетъ, зависть, если бы показали, какъ тяжело отозвалась въ ихъ сердцѣ безъименная чернильная капля, какъ глубоко проникъ ударъ пера, нанесенный имъ неуклюжей, никому невѣдомой рукою... На впечатлительную натуру Шарля незаслуженная враждебность критики подѣйствовала весьма сильно. Ѣдкіе эпитеты врѣзывались въ его память и машинально повторялись его устами. Его преслѣдовали обрывки фразъ, которыя

онъ напрасно старался забыть. Онъ чувствовалъ какъ-бы болѣзненную внутреннюю пустоту, полнѣйшее равнодушіе и отвращеніе къ жизни. Случалось, что статья, прочтенная передъ обѣдомъ, сдавливала ему грудь и лишала его аппетита, какъ извѣстіе о большомъ несчастьѣ. Онъ прятался въ своемъ уголкѣ, боясь своихъ друзей, боясь стоустаго эхо, стыдясь обнаружить свою слабость». Эта картина могла бы показаться преувеличенною, если бы не отзывы г. Зола о дѣйствіи критики на Флобера и на самихъ Гонкуровъ. «Флоберъ», пишетъ г. Зола въ воспоминаніяхъ объ умершемъ своемъ другѣ, «бывалъ тронутъ до слезъ, если ничтожнѣйшій изъ писакъ печаталъ статью о немъ. Онъ находилъ его талантливымъ, носилъ газету въ карманѣ. По прошествіи десяти лѣтъ онъ повторялъ на память фразы, написанныя объ его книгахъ, и все еще трогался похвалами и огорчался критическими замѣчаніями... Неудача «Education sentimentale» была для Флобера такимъ чувствительнымъ ударомъ, что онъ до конца не могъ забыть ея. Онъ заперся въ Круассе; это было его убѣжище въ минуты сильнаго горя... Подумайте, каковы должны были быть его мученія, когда онъ очутился наединѣ съ самимъ собою, послѣ крушенія его произведенія. Онъ видѣлъ, что семь лѣтъ труда пропали даромъ,—и всѣ убѣжденія его поколебались». — «У артистовъ», пишетъ г. Зола въ статьѣ о Гонкурахъ, «женскіе нервы; если ихъ не любятъ, они очень несчастливы. Гонкуры должны были сильно страдать (отъ своихъ литературныхъ неудачъ), наравнѣ со многими другими современниками, которыхъ я не хочу называть (г. Зола намекаетъ здѣсь, по всей вѣроятности, и на Флобера, и на самого себя). Младшій изъ нихъ, Жюль, *умеръ отъ равнодушія толпы.* Неуспѣхъ послѣдняго ихъ романа, «Madame Gervaisais», нанесъ ему неизлечимый ударъ. Боже, что за горе! Сознавать свое превосходство—и умирать отъ презрѣнія низшихъ! Отворачиваться отъ глупости—и не имѣть силъ жить безъ рукоплесканій глупцовъ!»

Въ романахъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, затронуты не только эфемерныя черты миновавшей уже эпохи, но и такія стороны французской умственной жизни, которыя свойственны ей издавна, свойственны ей и до настоящаго времени. Безспорно, булавочные уколы никогда не сыпались на талантъ, на свѣжую мысль съ такою настойчивостью, съ такимъ ожесточеніемъ, какъ въ цвѣтущую пору подновленнаго бонапартизма; но это былъ пароксизмъ болѣзни, начавшейся гораздо раньше и до сихъ поръ еще не излеченной. На развѣнчаніе репутацій,

на униженіе признанныхъ уже дарованій была лишь скоропреходящая мода—но игнорированіе, сознательное или безсознательное, дарованій, только-что пробивающихся къ славѣ не проторенною еще дорогой, составляетъ хроническій недугъ французскаго общества, болѣе чѣмъ всякаго другого. Припомнимъ судьбу Бальзака, непонятаго и неоцѣненнаго при жизни; припомнимъ, какъ долго не давался успѣхъ Гонкурамъ, Зола, Курбе, какую большую роль игралъ случай (въ лицѣ усерднаго не по разуму прокурора) въ успѣхѣ «Madame Bovary». Устойчивость эстетическихъ вкусовъ и взглядовъ, составляющая рѣзкій контрастъ съ быстрыми скачками въ области политическихъ убѣжденій—давно замѣченная черта французскаго національнаго характера. Самымъ яркимъ выраженіемъ ея была долговѣчность псевдо-классицизма, пережившаго всѣ бури революціи и павшаго почти полвѣка спустя послѣ стараго политическаго строя, съ которымъ онъ, повидимому, былъ такъ тѣсно связанъ. Быть можетъ, самая легкость движенія въ одномъ направленіи вызываетъ сравнительную инертность въ другомъ; въ поклоненіи литературнымъ авторитетамъ сказывается, быть можетъ, естественная потребность найти и удержать что-нибудь прочное посреди постоянныхъ колебаній. Объясненіе этого явленія у Гонкуровъ—ссылка на вліяніе воспитанія, на живучесть первыхъ дѣтскихъ и юношескихъ впечатлѣній—совершенно вѣрно, но въ свою очередь нуждается въ объясненіи; невольно возникаетъ вопросъ, почему средоточіемъ французской воспитательной системы остаются, вмѣстѣ съ римскими классиками, французскіе классическіе писатели XVII-го вѣка? Помимо потребности, уже указанной нами, большую роль играетъ здѣсь, кажется, національная гордость, традиціонное уваженіе къ тому, что̀ составляетъ національную славу. Завоевать славу во Франціи не легко—но, однажды завоеванная, она прочнѣе тамъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Исключительность—неизбѣжная принадлежность каждаго культа; пантеонъ, хотя бы и не безусловно замкнутый для новыхъ боговъ, никогда не отворяетъ своихъ дверей безъ продолжительнаго и упорнаго сопротивленія. Если русское общество воспріимчивѣе французскаго къ новаторству въ литературѣ, если въ немъ почти съ-разу могъ одержать побѣду Пушкинъ, потомъ Гоголь, то это зависитъ преимущественно отъ отсутствія у насъ національнаго пантеона, отъ невозможности создать его изъ такихъ матеріаловъ, какъ Ломоносовъ и Державинъ. Въ Англіи одинъ Шекспиръ равносиленъ цѣлому пантеону—но самое величіе его сдѣлало недоступнымъ для подражанія; Германіи тріумвиратъ Лессинга, Шиллера и

Гёте завѣщалъ не кодексъ литературныхъ законовъ, въ смыслѣ обязательныхъ для каждаго правилъ, а наоборотъ—полную свободу литературнаго творчества, ту свободу, поперекъ которой такъ долго стоялъ и до сихъ поръ еще отчасти стоитъ авторитетъ французскаго псевдо-классицизма.

Литературный консерватизмъ французскаго общества — не единственное препятствіе на пути писателя, свободнаго или ищущаго свободы отъ оковъ рутины. Ему слѣдуетъ преодолѣть предубѣжденія критики и выдвинуться изъ среды цѣлой массы дебютантовъ, наводняющихъ безъ того уже переполненный литературный рынокъ. Стоитъ только припомнить, какъ сильно способствовалъ Бѣлинскій пониманію, а слѣдовательно и успѣху Гоголя, Лермонтова, Гончарова, Достоевскаго, чтобы понять, насколько отсутствіе такого критика во Франціи затрудняло и затрудняетъ положеніе начинающихъ писателей, идущихъ въ разрѣзъ съ господствующими привычками и вкусами. Сентъ-Бёвъ, послѣ торжества романтизма, пересталъ быть глашатаемъ новыхъ началъ, разъяснителемъ новыхъ движеній въ литературѣ. Тэнъ рѣдко касается злобы дня, современныхъ французскихъ писателей; г. Зола только-что начинаетъ печатать во Франціи свои критическіе этюды, которымъ во всякомъ случаѣ далеко до глубины взглядовъ, до широкихъ обобщеній Бѣлинскаго или Добролюбова. За недостаткомъ судьи, приговорамъ котораго невольно подчинялось бы большинство публики, значительное вліяніе могутъ имѣть критическіе отзывы, вызванные близорукостью, односторонностью или даже мелкою злобой—отзывы въ родѣ тѣхъ, отъ которыхъ страдаетъ Шарль Демальи. Тамъ, гдѣ предложеніе далеко превышаетъ спросъ, гдѣ всѣ дорóги запружены алчущими успѣха, а иногда просто хлѣба, гдѣ писатели считаются не десятками, а сотнями, гдѣ самый усердный читатель не можетъ одолѣть всѣхъ вновь появляющихся романовъ, гдѣ публика, избалованная газетнымъ чтеніемъ, не отличается большимъ вниманіемъ къ книгамъ, гдѣ на одну побѣду приходится масса неудачъ—тамъ слишкомъ легко можетъ возникнуть борьба всѣхъ противъ всѣхъ, неразборчивая въ выборѣ оружій. Противъ безмолвнаго заговора, выражающагося то въ замалчиваніи произведенія, то въ выискиваніи и преувеличеніи слабыхъ сторонъ его, то въ заподозриваніи намѣреній автора, не всегда можетъ устоять даже сильное дарованіе. Рано или поздно наступаетъ реакція—но для самого писателя она часто наступаетъ слишкомъ поздно. Есть натуры, которыя дышатъ свободно только въ атмосферѣ успѣха—и во Франціи онѣ встрѣчаются чаще, чѣмъ

гдѣ бы то ни было. Широкое развитіе публичной жизни пріучаетъ дорожить одобреніемъ, бояться порицанія, придавать значеніе даже рекламѣ, потому что она несомнѣнно способствуетъ даже вздорной придиркѣ, потому что она несомнѣнно препятствуетъ удачѣ. Во Франціи, впрочемъ, болѣзненная чувствительность писателей къ оцѣнкѣ ихъ произведеній предшествовала тѣмъ условіямъ, которыми всего легче объяснить ее въ настоящее время. Въ XVII-мъ вѣкѣ Расинъ не можетъ пережить охлажденія короля, въ XVIII-мъ вѣкѣ Вольтеръ дорожитъ похвалой кружка, привыкшаго раздавать дипломы на литературныя репутаціи. Изъ рукъ одного или немногихъ эта раздача переходитъ въ руки массы — и этого довольно, чтобы сдѣлать судъ массы грознымъ даже для тѣхъ, кто не признаетъ его судомъ компетентнымъ. Уравновѣсить его неблагосклоннаго приговора не можетъ, въ большинствѣ случаевъ, ни удивленіе друзей, ни сочувствіе небольшой группы, цѣнящей произведеніе не по отзывамъ критики и не по настроенію данной минуты. Альфреду Мюссе это удивленіе, это сочувствіе никогда не измѣняло; мы узнаемъ, однако, изъ біографіи его, составленной братомъ его Полемъ, что одною изъ причинъ, преждевременно положившихъ конецъ его творчеству, было равнодушіе большинства, отвлеченнаго отъ тонкостей поэзіи грубыми эффектами фельетоннаго романа. Чтобы остаться бодрымъ несмотря на цѣлый рядъ неудачъ, нужна была вся энергія, вся неистощимая жизненная сила Бальзака. Мы не рѣшаемся предположить, вмѣстѣ съ г. Зола, что такимъ писателямъ, какъ Гонкуры, нужны *рукоплесканія глупцовъ;* мы готовы допустить скорѣе, что въ жаждѣ широкой популярности есть доля демократическаго чувства, что въ странѣ всеобщей подачи голосовъ одобреніе большинства кажется необходимымъ вѣнцомъ успѣха, необходимой основой прочной славы, и что упорное равнодушіе массы заставляетъ писателя сомнѣваться въ собственной своей силѣ. Такое сомнѣніе могло отравить жизнь Жюля Гонкура; сохранивъ увѣренность въ себѣ, сохранивъ сознаніе своего превосходства, онъ едва ли изнемогъ бы такъ скоро подъ тяжестью борьбы съ невниманіемъ публики. Какъ бы то ни было, интенсивность нервныхъ ощущеній, вызываемыхъ удачей и неудачей, остается существенно важной чертой въ патологіи французскаго литературнаго и художническаго міра — и для изученія ея романы Гонкуровъ даютъ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ.

Нервность, иногда доходящая до невроза — таковъ вообще характеристическій признакъ общественной сферы, изображенной

въ «Manette Salomon» и «Charles Demailly», отчасти и въ «Soeur Philomène». Люди, принадлежащіе къ этой сферѣ, жгутъ свѣчку съ обоихъ концовъ, живутъ ускоренною, напряженною жизнью, безпечно и бо̀льшею частью безплодно тратятъ свои силы. Искусственная атмосфера, образующаяся въ верхнихъ слояхъ большихъ городовъ, въ особенности Парижа, достигаетъ здѣсь своего крайняго выраженія. Только въ такой средѣ могла сложиться та оригинальная смѣсь добродушія и злости, наивности и утонченнаго остроумія, веселости и пессимизма, которая называется непереводимымъ словомъ «blague» и превосходное опредѣленіе которой мы находимъ у Гонкуровъ (въ «Manette Salomon»). «*Блага* — это новая форма французскаго ума, родившаяся въ мастерскихъ художниковъ, изъ о̀бразнаго языка артистовъ, соединяющаго въ себѣ свободу мысли съ яркой окраской формы. Она проникла оттуда на сцену, въ литературу, въ общество, выросла среди паденія вѣрованій и системъ, среди колебаній стараго общественнаго порядка, среди равнодушія умовъ и сердецъ, и сдѣлалась шутливымъ «Credo» скептицизма, голосомъ мятежнаго разочарованія, легкою и шаловливою формулой всеобнимающаго сомнѣнія и все-задѣвающей насмѣшки. Это великая разрушительница XIX-го вѣка, убивающая вѣру и уваженіе, идущая по стопамъ исторіи и забрызгивающая ее уличною грязью; эта странная улыбка революцій, каламбуръ на баррикадѣ или на обломкахъ потонувшаго корабля; это торжество маленькихъ надъ большими, это мщеніе грязи и трагизмъ переулка, это «nil admirari», свойственное обѣимъ крайностямъ цивилизаціи; это лихорадочный, бѣшеный, почти дьявольскій смѣхъ избалованныхъ дѣтей одряхлѣвшей культуры, смѣхъ, не щадящій ни чистоты, ни величія, ни святости, ни поэзіи, ни даже смерти». Представителемъ *благи* въ самой безобидной, простодушной ея формѣ, служитъ Анатоль (въ «Manette Salomon»), типъ художника-фланера, лѣниваго, живущаго изо-дня въ день, бездомнаго и беззаботнаго, чуждаго зависти и тщеславія, всегда готоваго признать чужую силу и осмѣять *претензію* на дарованіе. Другая, злобная сторона *благи* воплощена въ знакомыхъ намъ уже редакторахъ «Скандала». Иногда *блага* служитъ только маской для глубокаго чувства, напускной бравадой любящей и мягкой натуры. Таковъ Барнье (въ «Soeur Philomène), молодой докторъ, щеголяющій скептицизмомъ, но безсильный перенести смерть нѣкогда любимой женщины, встрѣченной имъ, послѣ долгой разлуки, на койкѣ и оперативномъ столѣ больницы.

Если міръ артистовъ, міръ литературной и художнической богемы страдаетъ избыткомъ движенія, не находящаго серьёзныхъ цѣлей, то буржуазный міръ, изображенный Гонкурами въ «Renée Maupérin», задыхается, если можно такъ выразиться, въ собственномъ своемъ жирѣ. Буржо, горделиво выставляющій на показъ свое *благоприобрѣтенное* богатство, напоминаетъ Дамбреза въ «Education Sentimentale», съ тою только разницей, что онъ нѣкогда былъ или считалъ себя радикаломъ. Нажившись, онъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ прежнихъ, неудобныхъ теперь убѣжденій; онъ бросилъ ихъ, какъ франтъ бросаетъ потертыя бальныя перчатки. Во время реставраціи онъ декламировалъ противъ дворянства и Бурбоновъ, при Людовикѣ-Филиппѣ слегка будировалъ монархію, но послѣ іюньскихъ дней стремительно опустился въ объятія легитимизма — въ теоріи, бонапартизма — на практикѣ. Оставаясь вольтеріанцемъ на словахъ, чтобы не совсѣмъ порвать съ своимъ прошедшимъ, онъ сталъ видѣть въ церкви — нѣчто въ родѣ корпуса жандармовъ, въ доктринѣ божественнаго права — провидѣніемъ ниспосланную гарантію богатства, въ рабочихъ — прирожденныхъ враговъ общества, т.-е. самого господина Буржо. Въ его домѣ все было направлено къ тому, чтобы унизить, оглушить посѣтителей сознаніемъ ихъ ничтожества передъ силою капитала; это была какъ-бы выставка милліоновъ, тщательно обдуманная и скомпанованная. Высокіе потолки, нахальный видъ лакеевъ, дворецкій съ серебряною цѣпью на шеѣ, церемоніалъ, въ силу котораго хозяйка дома никогда не садилась за обѣдъ иначе, какъ въ парадномъ костюмѣ — все это было разсчитано на подавляющій эффектъ. Презрительно вѣжливые, высокомѣрно любезные, Буржо и его жена какъ-бы снисходили къ тѣмъ, съ кѣмъ говорили. Даже ихъ вкусы дышали надменностью богатства; у нихъ не было картинъ и статуй, но была коллекція драгоцѣнныхъ камней, съ рубиномъ въ 25,000 франковъ, однимъ изъ самыхъ красивыхъ въ Европѣ. Подъ надутою важностью Буржо скрывается полнѣйшее ничтожество, дѣлающее его нулемъ даже въ его семействѣ; подъ холодною строгостью его жены — запоздалая страстность, заставляющая ее отдаться человѣку, который по годамъ могъ бы быть ея сыномъ. Еще болѣе типична madame Даварандъ, кукла, живущая только свѣтомъ и для свѣта. «Она вышла замужъ совсѣмъ молодою; въ замужствѣ она видѣла только *положеніе*, мужъ былъ для нея безразличенъ. Ея идеи, сужденія, манеры, даже чувства были идеями, сужденіями, манерами, чувствами ея свѣта. Ея мнѣнія были мнѣнія женщинъ, которыхъ причесываетъ самый модный

парикмахеръ Парижа. Она думала то, что́ *принято* думать, точно такъ же, какъ надѣвала то, что́ принято надѣвать. Она была набожна, потому что набожность казалась ей необходимою чертою свѣтскаго шика. Не принадлежать къ приходу—было бы въ ея глазахъ столь же неприлично, какъ не носить перчатокъ. Она выбрала одну изъ тѣхъ церквей, гдѣ заключаются знатные браки, гдѣ на скамьяхъ вырѣзаны гербы, гдѣ швейцаръ весь залитъ золотомъ, гдѣ ѳиміамъ кадилъ пахнетъ духами, гдѣ собирается публика модныхъ оперныхъ представленій. Она слушала тѣхъ проповѣдниковъ, которыхъ нельзя было не слушать, обращаясь въ ея обществѣ. Она была добродѣтельна безъ усилія, безъ сознанія и безъ заслуги. У нея не было настолько сердца, чтобы мечтать, настолько ума, чтобы скучать; у нея не было ни любопытства, ни аппетита. Она принадлежала къ числу тѣхъ узкихъ натуръ, въ которыхъ нѣтъ данныхъ для ошибки, для проступка. Ея цѣломудріе было холодомъ мрамора. Волненія визитовъ и пріемовъ, утомленіе вечеровъ, работа свѣтской любезности истощали весь небольшой запасъ ея силы и не оставляли мѣста для желанія. У наѣздницъ и танцовщицъ на канатѣ, вслѣдствіе тяжелыхъ упражненій, требуемыхъ ихъ ремесломъ, совершенно пропадаетъ иногда темпераментъ; то же самое случается съ парижанками, тратящими всю свою энергію на внѣшніе обряды свѣтской жизни». Бесѣда madame Даварандъ съ своими пріятельницами — образецъ ужасающей пустоты, почти граничащей съ безнравственностью. Матери, вышедшія изъ этого кружка, думаютъ только о богатомъ мужѣ для своей дочери, о богатой женѣ и блестящей карьерѣ для своего сына. Madame Моперенъ обожаетъ своего Анри, смерть его наноситъ ей ударъ, послѣ котораго она не живетъ, а только прозябаетъ; но любовь ея не шла дальше обычнаго шаблона, и она сама воспитала въ Анри тщеславіе, жертвой котораго онъ палъ. Даже такой человѣкъ, какъ Моперенъ-отецъ—серьёзный, честный, проникнутый идеей долга—не переноситъ безнаказанно сближенія съ міромъ Буржо и Даварандовъ; чтобы женить сына на милліонеркѣ, онъ соглашается на прибавленіе къ его фамиліи дворянскаго придатка. Анри Моперенъ—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ романа. «Онъ казался серьёзнымъ, отъ него вѣяло холодомъ льда. Въ немъ были соединены свойства, прямо противоположныя французскому темпераменту, свойства, которыми отличаются въ нашей исторіи секты, лишенныя внутренняго огня, и партіи, не имѣвшія молодости: вчера—янсенизмъ, сегодня—доктринерство. Анри Моперенъ былъ молодымъ доктринеромъ.

Ребенкомъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣтей, которыхъ ничто не удивляетъ и не забавляетъ, которые идутъ въ театръ безъ лихорадки и возвращаются оттуда безъ увлеченія. Въ школѣ онъ никогда не мечталъ, не зналъ тѣхъ стремленій въ безвѣстную даль, тѣхъ первыхъ видѣній будущаго, которыми смущается и тѣшится юношеское воображеніе». Изъ числа товарищей онъ сходился съ тѣми, кто могъ ему впослѣдствіи быть полезенъ. При Людовикѣ-Филиппѣ появилась мода на холодность и серьёзность, пережившая іюльскую монархію; отсюда успѣхъ Анри въ буржуазныхъ и административныхъ салонахъ. Умѣренно либеральный, слегка будирующій правительство, но всегда готовый подать ему руку, Анри съумѣлъ понять, что сила, въ данную минуту (дѣйствіе романа происходитъ въ пятидесятыхъ годахъ)— на сторонѣ духовенства, и заручился его поддержкой, появляясь когда нужно въ церкви и въ исповѣдальнѣ отцовъ іезуитовъ. Онъ былъ членомъ всевозможныхъ благотворительныхъ и ученыхъ обществъ, сотрудникомъ солидныхъ журналовъ, авторомъ длинныхъ статей, наполненныхъ цифрами и фактами. «Вокругъ его имени раздавался тотъ шумъ, который въ наше время ведетъ къ успѣху; онъ былъ посредственностью, но посредственностью съ блескомъ и трескомъ. Въ свѣтѣ онъ рѣдко повторялъ содержаніе своихъ статей, но удачно копировалъ Гизо, закладывая руку за жилетъ, какъ закладываетъ ее великій доктринеръ на портретѣ, нарисованномъ Деларошемъ». Тонкій разсчетъ, въ силу котораго Анри вступаетъ въ связь съ madame Буржо, чтобы потомъ жениться на ея дочери, могъ бы быть выброшенъ изъ романа безъ всякаго вреда для цѣльности типа, созданнаго Гонкурами; такіе люди, какъ Анри, безъ сомнѣнія легко идутъ на сдѣлку съ совѣстью, но крайняя безнравственность не проистекаетъ необходимо изъ основныхъ свойствъ ихъ натуры. Безусловное отсутствіе увлеченія, безусловная неспособность возвыситься до общей идеи, преждевременная, почти врожденная дряхлость чувства, спокойное и систематическое обдѣлываніе своихъ дѣлишекъ, холодное игнорированіе всего остального—вотъ отличительная черта новаго дѣльца и практическаго человѣка, пришедшаго на смѣну де-Марсе и Растиньяковъ. Въ Бальзаковскихъ герояхъ, несмотря на весь ихъ макіавелизмъ, кипитъ горячая кровь, высказываются тѣ черты французскаго темперамента, недостатокъ которыхъ въ Анри Моперенѣ констатируютъ Гонкуры; въ ихъ жизни была молодость, была пора увлеченій. Они относятся къ Анри Моперену, какъ эпоха ре-

ставраціи или медовый мѣсяцъ іюльской монархіи относится къ худшимъ годамъ второй имперіи.

«Живя въ XIX-мъ вѣкѣ, въ эпоху либерализма, демократіи, всеобщей подачи голосовъ»—говорятъ Гонкуры въ предисловіи къ «Germinie Lacerteux»—«мы спросили себя, неужели такъ-называемые *низшіе классы* не имѣютъ права на роль въ романѣ? Неужели народъ—этотъ міръ подъ нашимъ міромъ—долженъ оставаться предметомъ литературнаго интердикта, неужели слѣдуетъ молчать о его душѣ, о его сердцѣ? Мы спросили себя: существуютъ ли до сихъ поръ для писателя и для читателя, въ нашу эпоху равенства, недостойныя вниманія сферы, неинтересныя несчастья, недостаточно благодарныя катастрофы? Намъ показалось любопытнымъ узнать, такъ ли доступно, такъ ли близко для нашего чувства горе слабыхъ и бѣдныхъ, какъ горе сильныхъ и богатыхъ; намъ хотѣлось посмотрѣть, заставятъ ли плакать слезы, пролитыя внизу, наравнѣ съ тѣми, которыя льются на верхнихъ ступеняхъ общества». Главный интересъ «Germinie Lacerteux», какъ мы увидимъ ниже, заключается не въ картинахъ народной жизни, а въ анализѣ страсти, одинаково возможной во всѣхъ сферахъ общества. Рядомъ съ нимъ, однако, встрѣчаются очерки нравовъ, напоминающіе «Assommoir». Отъ идеализаціи народа Гонкуры такъ же далеки, какъ и г. Зола; ихъ Жюпильонъ похожъ на Лантье, ихъ Готрюшъ—на Меботта. Группа, выбранная ими для наблюденія, принадлежитъ, впрочемъ, къ числу тѣхъ, которыя оправдываютъ всего больше пессимизмъ наблюдателя. Это промежуточная сфера между буржуазіей и народомъ—мелкіе торговцы, только-что скопившіе себѣ капиталецъ, рабочіе, заработывающіе и пропивающіе въ день по 15—20 франковъ, полу-грамотныя служанки, воспитанныя на дурныхъ романахъ. Если припомнить, что весь этотъ людъ живетъ среди соблазновъ и лихорадки одного изъ самыхъ бойкихъ парижскихъ кварталовъ, то мы поймемъ, какіе плоды должны произрастать на такой почвѣ. Жюпильонъ—единственный, избалованный сынъ лѣнивой, сантиментальной на словахъ, жестоко эгоистичной на самомъ дѣлѣ матери, открывшей сливочную лавочку на деньги, скопленныя службою у старичка. «Этотъ мальчикъ былъ воплощенной ироніей—злой, низкой и пошлой ироніей черни. На его лицѣ лежала печать злораднаго скептицизма, свойственнаго парижскому благёрству. Онъ улыбался нахальной, наглой улыбкой; въ углахъ его приподнятыхъ, нервно вздрагивающихъ губъ таилась злость, почти жестокость. Любовь была для него не чѣмъ инымъ, какъ удовлетвореніемъ извращеннаго

любопытства; въ обладаніи женщиной онъ видѣлъ исключительно право и удовольствіе презирать ее. Едва вышедши изъ дѣтства, онъ внесъ въ первую юношескую связь свою, вмѣсто увлеченія и огня, одни только холодные, грязные инстинкты, развиваемые дурными книгами и школьными секретными разговорами. Ореолъ, которымъ молодой человѣкъ окружаетъ отдающуюся ему женщину—ласки, любящія слова, нѣжныя представленія—для Жюпильона не существовалъ вовсе. Женщина была для него неприличной картинкой, женская страсть—чѣмъ-то запретнымъ, грубымъ, циничнымъ и смѣшнымъ, отличнымъ матеріаломъ для разочарованія и насмѣшки». Представителемъ другой разновидности парижской простонародной *благи* служитъ Готрюшъ—«l'ouvrier noceur, gouapeur, rigoleur», для котораго вся жизнь была какъ-бы «однимъ длиннымъ понедѣльникомъ» [1]). «Постоянно на-веселѣ, онъ смотрѣлъ на жизнь сквозь солнечный лучъ своего похмѣлья. Онъ улыбался своей судьбѣ, предавался ей съ безпечностью пьяницы. Скука, забота была ему незнакома; когда ему случайно приходила въ голову мрачная или серьёзная мысль, онъ отсылалъ ее черезъ плечо ко всѣмъ чертямъ. Онъ не зналъ ни зависти, ни желанія; его мечты подавались ему готовыми изъ-за прилавки кабачка. Онъ заранѣе зналъ, что за три су получитъ рюмочку счастья, за двѣнадцать—бутылочку идеала. Изъ всего существующаго на свѣтѣ, печальнымъ ему казался только стаканъ воды. Его воспитала улица, отъ нея онъ заимствовалъ свои выраженія и свои мысли. Онъ поднялъ съ парижской мостовой все, что́ только можетъ поднять съ нея народный умъ—крошки идей и знанія, обрывки фельетоновъ, кусочки драмъ, все носящееся въ воздухѣ и плывущее въ уличныхъ стокахъ столицы. Онъ былъ неистощимъ на шутки, забавные разсказы, оригинальные образы, на метафоры, создаваемыя комическимъ геніемъ толпы. Онъ былъ смѣшонъ съ ногъ до головы, смѣшонъ какъ актеръ, спеціальность котораго—смѣшить зрителей». Безсердечіе, въ той или другой формѣ, веселой или холодной—атмосфера, въ которой нелегко дышется женщинѣ, съ ея неугасимою потребностью въ привязанности, въ чувствѣ. Единственнымъ прибѣжищемъ для этой потребности часто оказывается церковь, католическая исповѣдальня. «Тѣ, которые видятъ въ нашей эпохѣ конецъ католицизма», говорятъ Гонкуры, «не знаютъ, какими могучими корнями онъ держится еще въ

[1]) „Faire le lundi"—значитъ продолжать праздничный разгулъ за завѣтными предѣлами воскресенья.

глубинѣ общества, не знаютъ тѣхъ тайныхъ и деликатныхъ узъ, которыя приковываютъ къ нему женщину изъ среды народа. Они не знаютъ, что̀ такое для этихъ бѣдныхъ душъ исповѣдальня и исповѣдникъ. Въ священникѣ, выслушивающемъ ее и мягко отвѣчающемъ ей, простая женщина видитъ не столько служителя божества, не столько судью грѣховъ и проводника къ спасенію, сколько друга въ горѣ и повѣреннаго страданій. Какъ бы груба она ни была, въ ней всегда остается нѣчто женственное—лихорадочное, трепещущее, чувствительное, требующее ласки слова, какъ болѣзнь ребенка требуетъ убаюкиванья кормилицы. Подобно свѣтской женщинѣ, она жаждетъ высказаться, довѣриться, жаждетъ утѣшенія и опоры, симпатіи и сожалѣнія. Она находитъ все это въ священникѣ, всегда доступномъ, терпѣливомъ, кроткомъ, внимательномъ къ самой скромной, бѣдно одѣтой кающейся. Онъ одинъ принимаетъ къ сердцу ея тайныя муки, ея волненія, одинъ заботится о ея душевномъ здоровьѣ, одинъ возвышаетъ ее надъ дрязгами матеріальной жизни, одинъ трогаетъ ее словами любви и надежды, какихъ она никогда не слышитъ отъ мужчинъ своего семейства и своего класса». Исторія Жермини показываетъ намъ, что отъ чувства успокоенія и блаженства, находимаго женщиной въ католической исповѣдальнѣ, одинъ только шагъ до личнаго чувства къ исповѣднику. Преграда, встрѣченная этимъ послѣднимъ чувствомъ, уничтожаетъ безъ остатка мнимо-религіозное усердіе, заставлявшее Жермини «идти на исповѣдь, какъ на любовное свиданье». Лучъ свѣта, которымъ освѣтилось на минуту темное царство, изображаемое Гонкурами, угасаетъ; задача, возстающая въ умѣ читателей «Germinie Lacerteux», остается неразрѣшенною. Прямое указаніе на пути, ведущіе къ ея разрѣшенію, не входило, впрочемъ, въ намѣренія авторовъ. Ни одинъ изъ романовъ, написанныхъ ими во все время ихъ сотрудничества, не можетъ быть названъ тенденціознымъ. Они хотѣли показать современное общество какъ оно есть, во всей наготѣ его инстинктовъ и аппетитовъ, во всей разнузданности его эгоизма, предоставляя другимъ сдѣлать выводъ изъ этой картины. Читая Гонкуровъ, трудно составить себѣ опредѣленное представленіе о ихъ политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ; утвердительно можно сказать только одно—что они не относятся равнодушно къ страданію и горю, къ добру и злу, что они не обладаютъ хладнокровіемъ наблюдателя, производящаго experimenta in anima vili. Мы убѣдимся въ этомъ еще больше, посмотрѣвъ на нихъ съ другой точки зрѣнія—не какъ на бытописателей общества, а какъ на пси-

хологовъ, изслѣдующихъ человѣка. Психологическій анализъ—настоящее торжество таланта Гонкуровъ.

II.

Въ «Charles Demailly» и «Manette Salomon» Гонкуры поставили себѣ задачей прослѣдить медленный процессъ нравственнаго разрушенія, вызываемый въ мыслящемъ человѣкѣ, въ художникѣ или писателѣ, связью съ мелочною, пустою, неразвитою женщиной. Въ пониманіи основной тэмы этихъ романовъ мы расходимся съ г. Зола. По его мнѣнію, авторы хотѣли доказать, что «женщина убиваетъ артиста»; на Марту и Манетту они хотѣли излить весь запасъ желчи, накопившійся въ нихъ, какъ въ старыхъ холостякахъ, противъ женщины и брака. Объясненіе это кажется намъ совершенно невѣрнымъ; мы не видимъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что судьба Демальи и Коріоли была, въ глазахъ авторовъ, нормальной судьбой человѣка, допустившаго женщину до преобладающей роли въ его существованіи. По вліянію Манетты и Марты на Коріоли и Шарля нельзя судить вообще о вліяніи жены или любовницы на жизнь артиста—нельзя уже потому, что ни та, ни другая не соединяетъ себѣ всѣхъ типическихъ признаковъ женскаго характера или хотя бы всѣхъ отличительныхъ свойствъ парижанки. Манетта Саломонъ—холодная, разсчетливая, цѣнящая талантъ по количеству заработываемыхъ имъ франковъ, проникнутая предразсудками и привычками необразованной еврейки; Марта Демальи—ограниченная, мстительная, злая, изучающая исторію по романамъ Поль-де-Кока и не видящая разницы между даровитымъ писателемъ и ремесленникомъ-водевилистомъ—конечно не могутъ составить счастье человѣка, сколько-нибудь возвышающагося надъ ними умственно и нравственно; но что же слѣдуетъ изъ этого въ отношеніи къ женщинамъ вообще, къ женщинамъ, между которыми сами Гонкуры умѣли находить такіе типы, какъ сестра Филомена или Рене Моперенъ? Мораль «Charles Demailly» и «Manette Salomon», если бы понадобилось отыскать ее во что бы то ни стало, заключалась бы скорѣе въ предостереженіи противъ увлеченія или привычки, изъ которыхъ проистекаетъ порабощеніе мужчины женщиной, не имѣющей съ нимъ ничего общаго, неспособной понять его, сдѣлаться его товарищемъ и другомъ. Гораздо вѣроятнѣе, впрочемъ, что авторы разбираемыхъ нами романовъ не имѣли въ виду никакой поучи-

тельной задней мысли, что единственною ихъ цѣлью было наблюденіе надъ однимъ изъ тѣхъ положеній, которыми часто обусловливается неслышный и невидимый трагизмъ интимной жизни.

Несмотря на нѣкоторое сходство обстановки, «Manette Salomon» ни въ чемъ не повторяетъ «Charles Demailly». Демальи женится на Мартѣ по любви, убѣжденный въ томъ, что найдетъ въ ней счастье всей своей жизни. Черезъ нѣсколько времени въ этомъ счастьѣ оказывается маленькая песчинка, чувствуется легкій уколъ—не для сердца мужа, а для сердца автора, для авторскаго самолюбія. Марта не знала, что писатель, даже влюбленный, остается писателемъ; она ни разу не говорила съ Шарлемъ о его книгахъ. Когда онъ окончилъ пьесу, въ которой назначалъ ей главную роль, Марта сначала находитъ ее прелестной, но потомъ открываетъ въ ней, съ точки зрѣнія театральной рутины, разные недостатки, предлагаетъ мужу взять въ сотрудники одного изъ писакъ, набившихъ себѣ руку на сценическихъ эффектахъ, отчаявается, послѣ его отказа, въ успѣхѣ пьесы и отклоняетъ отъ себя, наконецъ, всякое участіе въ ней. Статейки мелкой прессы, осыпающей Шарля насмѣшками и бранью, возбуждаютъ въ ней не желаніе утѣшить мужа, а сомнѣніе въ его дарованіи. Все болѣе и болѣе задѣваемый за живое, все болѣе и болѣе теряющій почву подъ ногами, Шарль начинаетъ пристально всматриваться въ жену, рыться въ ея душѣ, совершать надъ ней ту работу, которую внезапно вспыхнувшая страсть помѣшала ему исполнить или даже предпринять до свадьбы. То, что́ раскрывается передъ нимъ, повергаетъ его въ оцѣпенѣніе; ему трудно понять, какъ могла обмануть его эта фальшивая сантиментальность, эта шумиха пустой головы, это мишурное изящество,—какъ могъ онъ принять куклу за женщину. «Такъ вотъ этотъ инструментъ, казавшійся мнѣ отзывчивымъ, подвижнымъ, инструментъ, къ аккордамъ котораго я прислушивался, задерживая дыханіе! Вотъ та, которая должна была поддерживать меня въ моемъ призваніи, подавать мнѣ руку въ минуты усталости и уныніи! Никакой внутренней связи, никакого отвѣта, ни одной черты, которая связывала бы насъ иначе, чѣмъ тѣлесно! Если бы она и захотѣла помочь мнѣ, помощь ея была бы груба, неуклюжа; ея заботы—въ тѣхъ страданіяхъ, которыя называютъ воображаемыми—были бы только раздражающимъ прикосновеніемъ къ нимъ. А я надѣялся на общность чувствъ, на возможность дѣлиться впечатлѣніями! Она слѣпа къ тому, что я вижу, глуха къ тому, что я слышу, холодна къ тому, что меня восхищаетъ. Ее тянетъ къ позолотѣ,

къ пахучимъ цвѣтамъ, къ кричащей роскоши... Она глупа, но не откровенной глупостью женщины, сознающей свое ничтожество и ни на что не претендующей, а глупостью самодовольной, манерной, кокетливой. Ея умъ—сборникъ банальностей, общихъ мѣстъ, буржуазныхъ суевѣрій, перестоявшихся идей, эпидемическихъ предразсудковъ. Она не вѣритъ ворожеямъ, но вѣритъ журналамъ, вѣритъ всему печатному—вѣритъ въ геній человѣка, имѣющаго услужливыхъ друзей и опытнаго въ пользованіи рекламой. Она упряма, какъ упрямы холодные и самолюбивые люди, тѣмъ болѣе стоящіе на своемъ, чѣмъ яснѣе доказана ихъ ошибка». На этомъ не останавливается разочарованіе Шарля. Марта скоро охладѣваетъ къ нему, начинаетъ мучить его капризами, упреками, молчаніемъ, разыгрываетъ роль жертвы, оказывается геніально-находчивой въ томъ безконечномъ домашнемъ поединкѣ, оружіемъ котораго служитъ отравленная булавка. Она не хочетъ имѣть дѣтей, потому что ей пришлось бы тогда замѣнить горничную кормилицей. Она жалуется на мужа журналистамъ, вышивающимъ на канвѣ этихъ жалобъ цѣлый рядъ забавныхъ узоровъ—забавныхъ для всѣхъ, только не для Шарля. Она распускаетъ про него сплетни, увѣряя, что онъ оставляетъ ее безъ денегъ, что онъ бьетъ ее. Они разстаются, опять сходятся на нѣсколько дней и расходятся окончательно, послѣ ужасной сцены, въ которой Шарль колеблется между самоубійствомъ и покушеніемъ на жизнь Марты. Уходя, Марта наноситъ Шарлю послѣдній ударъ; она отдаетъ въ руки его врага письма, въ которыхъ онъ—въ эпоху довѣрія и любви къ ней—слишкомъ откровенно высказывалъ свое мнѣніе о товарищахъ по профессіи. Появленіе этихъ писемъ въ печати становится исходной точкой умственнаго разстройства, доводящаго Шарля до идіотизма.

Коріоли никогда не смотрѣлъ на Манетту сквозь ту поэтическую призму, которая скрыла отъ Демальи настоящую натуру Шарля. Онъ полюбилъ ее какъ артистъ, когда она служила ему моделью, — полюбилъ ее исключительно за ея прелесть, за ея безукоризненно изящныя формы. «Онъ видѣлъ въ ней только красивое животное, въ лепетѣ ея—щебетанье свободной птички. Эта мелкая, невоспитанная натура нравилась ему именно своею наивною первобытностью, своей забавной, свѣжей простотою». Онъ вовсе не желалъ, чтобы Манетта выучилась хотя бы грамотѣ; съ него было довольно, что жизнь въ мастерскихъ пріучила ее понимать языкъ живописцевъ и интересоваться ихъ работой. Мало-по-малу, незамѣтно для самого Коріоли, сожительство его съ Манеттой опутываетъ его мелкой сѣтью, едва

уловимой на глазъ, но чувствительной при каждомъ движеніи. Привычка дѣлаетъ ее необходимой если не для счастья, то для благосостоянія Коріоли; она служитъ незамѣнимымъ образцомъ для его картинъ, освобождаетъ его отъ хозяйственныхъ дрязгъ, ухаживаетъ за нимъ во время болѣзни, поклоняется его таланту — пока на его сторонѣ сочувствіе публики, пока его произведенія хорошо оплачиваются на рынкѣ. Рожденіе сына окончательно скрѣпляетъ связь, сначала ничѣмъ не отличавшуюся отъ мимолетныхъ капризовъ художника и гризетки. Однажды почувствовавъ свою силу, Манетта измѣняется сама и измѣняетъ свой образъ дѣйствій. Подъ вліяніемъ материнскаго чувства, подъ вліяніемъ мысли о будущности сына, ея еврейская натура выступаетъ на первый планъ, вытѣсняетъ безпечность, казавшуюся добродушіемъ. Она удаляетъ отъ Коріоли всѣхъ друзей, даже Анатоля, долго бывшаго съ нимъ неразлучнымъ; она наполняетъ его домъ своими родственниками и родственницами, вносящими туда характеръ еврейскаго базара; она урѣзываетъ его расходы, контролируетъ его работы, съ цѣлью извлечь изъ нихъ какъ можно больше денегъ. Въ это именно время успѣхъ измѣняетъ Коріоли — и Манетта, неспособная понять настоящія причины неудачи, неспособная предвидѣть реакцію противъ нея, перестаетъ уважать Коріоли, начинаетъ видѣть въ немъ только ремесленника, обязаннаго безъ устали трудиться для своего семейства. Послѣ одной безсильной вспышки злобы, Коріоли, надломанный, приниженный, потерявшій вѣру въ себя и другихъ, подчиняется домашнему игу и продаетъ свой талантъ, принимая на себя обязательство поставлять ежегодно опредѣленное число картинъ, за опредѣленную плату. Его сынъ растетъ безъ всякаго нравственнаго общенія съ нимъ, обращаемый матерью въ какого-то надсмотрщика за отцовской работой; «papa, tu ne fais rien», говоритъ онъ отцу, видя въ задумчивости артиста только потерю времени для черноработаго. «Въ моего сына, — восклицаетъ Коріоли въ минуту отчаянія,—вселилась, должно быть, душа одного изъ его предковъ, продававшихъ старое желѣзо въ варшавскомъ предмѣстьѣ!» Умственное паденіе Коріоли, выражающееся въ жалобахъ его Анатолю, производитъ почти столь же тяжелое впечатлѣніе, какъ картина душевной болѣзни Шарля Демальи. Поразительной силой отличается въ особенности страница, изображающая Коріоли послѣ вѣнчанья его съ Манеттой. Онъ не говоритъ ни слова, но въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ его шагѣ видѣнъ человѣкъ, заживо погребенный въ выкопанной имъ самимъ могилѣ.

Исторія интимной жизни Шарля и Марты, Коріоли и Манетты переплетена съ массой деталей, иногда едва связанныхъ съ главнымъ дѣйствіемъ. Мы уже знаемъ изъ первой главы, что «Charles Demailly» — преимущественно картина литературныхъ нравовъ, «Manette Salomon» — преимущественно картина художническаго міра. Безспорно, такія картины вполнѣ умѣстны и законны въ романѣ; но расширяясь черезъ мѣру, переполняясь подробностями, онѣ уменьшаютъ внутреннюю его цѣлость и силу производимаго имъ впечатлѣнія. Въ другихъ романахъ Гонкуровъ мы не находимъ этого недостатка; наоборотъ, они отличаются большою сдержанностью, большимъ единствомъ въ замыслѣ и исполненіи. Авторы идутъ прямо къ цѣли, не торопясь, но не уклоняясь въ сторону; въ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ, въ описаніяхъ обстановки и аксессуаровъ нѣтъ ничего лишняго, все связано съ главнымъ предметомъ, все содѣйствуетъ его полному и всестороннему освѣщенію. Картины монастырской и госпитальной жизни въ «Soeur Philomène», очерки буржуазныхъ салоновъ въ «Renée Maupérin», парижскихъ лавочекъ и прихожихъ — въ «Germinie Lacerteux», описанія Рима въ «Madame Gervaisais» — все это необходимо для пониманія психическихъ процессовъ, составляющихъ основу и задачу этихъ произведеній. Наименѣе законченнымъ изъ нихъ кажется намъ «Renée Maupérin». Тэма для этого романа выбрана авторами чрезвычайно удачно, обработана на половину какъ нельзя лучше — но естественное развитіе главнаго характера останавливается внезапно, вслѣдствіе причинъ чисто случайныхъ. Рене Моперенъ — дѣвушка, какихъ до сихъ поръ слишкомъ немного во Франціи. Воспитанная подъ вліяніемъ умнаго, горячо любящаго ее отца и скептическаго, но глубоко честнаго друга дома (Денуазеля), она не имѣетъ ничего общаго съ обыкновеннымъ типомъ барышни, скованной условными приличіями, взвѣшивающей каждое свое движеніе и слово, чуждой умственнымъ интересамъ и мечтающей только о бракѣ, какъ о положеніи въ обществѣ. У Рене есть самостоятельныя, опредѣленныя убѣжденія; она не стѣсняется высказывать ихъ свободно и громко, разстраивая своею откровенностью и рѣзкостью всѣ партіи, тщательно приготовляемыя для нея заботливою, по общепринятому шаблону, матерью. Она готова даже напустить на себя излишнюю развязность, лишь бы отдѣлаться отъ ухаживанья разныхъ жениховъ, въ которыхъ она, избалованная отцомъ и Денуазелемъ, видитъ только нѣчто въ родѣ салонныхъ автоматовъ или докучныхъ попугаевъ. Любопытно было бы прослѣдить сопри-

косновеніе такой натуры съ диссонансами реальной жизни, съ мелкими и крупными преградами, противопоставляемыми рутиной самобытному развитію ума и сердца; любопытно было бы видѣть ея борьбу противъ мужа, удерживающаго ее въ заурядныхъ рамкахъ свѣтской жизни и модныхъ супружескихъ отношеній, — или ея дѣятельность вмѣстѣ съ мужемъ, съумѣвшимъ понять ея характеръ и возвыситься до уровня ея требованій. Къ сожалѣнію, Гонкуры повернули дѣло иначе. Смерть брата, косвенной, невольной виновницей которой была Рене, вызываетъ въ ея воспріимчивомъ организмѣ болѣзнь сердца, быстро приводящую ее къ могилѣ. Фазисы этой болѣзни описаны авторами съ большимъ искусствомъ; горе отца, мужество дочери, до самаго конца старающейся скрыть отъ него близость смерти, изображены превосходно; но окончаніе романа все-таки не соотвѣтствуетъ его началу, и читатель закрываетъ его съ тѣмъ чувствомъ, которое внушаетъ недорисованная картина. Если въ основаніи «Renée Maupérin» лежитъ дѣйствительный фактъ, бывшій предметомъ непосредственнаго изученія со стороны авторовъ, то перерывъ, нарушающій цѣльность романа, слѣдуетъ разсматривать какъ жертву, принесенную на алтарь крайняго реализма, — реализма, отрицающаго художественный вымыселъ и преувеличивающаго несомнѣнную важность наблюденія.

«Soeur Philomène» — первый по времени, но далеко не послѣдній по достоинству романъ Гонкуровъ. Простая исторія дѣвушки, отрекающейся отъ міра, но безсильной отречься отъ глубокой нѣжности своего сердца, разсказана съ необыкновенно-художественною полнотою. Воспитаніе Филомены объясняетъ намъ и источникъ ея мистицизма, и причину, по которой она не могла отдаться ему вся, безвозвратно. Для натуры болѣе цѣльной и болѣе узкой, какова, напримѣръ, подруга дѣтства Филомены — Селина, достаточно однихъ наслажденій аскетизма, умерщвленія плоти; Филомена и тогда уже могла успокоиться на нихъ только временно. Въ минуты мечтательнаго созерцанія — такихъ тонкихъ штриховъ въ романѣ много — Филомена слѣдила за полетомъ птицы, Селина — за движеніемъ облака. Въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ Филомены былъ уголокъ уютнаго, изящнаго свѣтлаго міра, отворявшійся для нея при каждомъ свиданіи съ тёткой; первыя и почти единственныя впечатлѣнія Селины, до поступленія въ монастырскую школу, были связаны съ житіемъ святыхъ, которое она сначала слушала, потомъ сама читала у больной старушки-бабушки. «Чѣмъ для воображенія другихъ дѣтей бываетъ дорога, по которой сыплетъ крошки хлѣба маль-

чикъ съ пальчикъ, тѣмъ для Селины былъ степной путь, проходимый святымъ Макаріемъ; говорящей птицей индійскихъ сказокъ была для нея саранча, бесѣдующая съ святымъ Григоріемъ; поющей водой былъ для нея кусокъ льда, просящій у святого Теобальда молитвеннаго поминовенія о заключенной въ немъ душѣ. Передъ нею не рисовался алмазный замокъ, въ которомъ заключена спящая красавица,—но она часто мечтала о золотыхъ лѣстницахъ, о ярко освѣщенныхъ путяхъ, по которымъ душа святого возносится изъ узкой кельи въ небесное свое жилище. Въ темнотѣ ей видѣлся не людоѣдъ, не разбойникъ, а дьяволъ, какимъ его рисуютъ въ легендахъ». Когда Филомена жаловалась на скудный монастырскій обѣдъ, Селина возражала ей ссылкой на святую Анжелу, вся дневная пища которой ограничивалась тремя орѣхами, тремя каштанами и тремя фигами. Подъ вліяніемъ Селины, подъ гнетомъ монастырской обстановки, Филомена развиваетъ въ себѣ болѣзненную набожность, проявленія которой мастерски обрисованы Гонкурами; но искусственное напряженіе оказывается ей не по силамъ—параллельно съ ослабленіемъ организма идетъ охлажденіе души, доходящее почти до сомнѣнія, заставляющее ее отдалиться даже отъ Селины. Она оставляетъ монастырскую школу, дальнѣйшее пребываніе въ которой было бы для нея смертельно; но она выноситъ оттуда мистическую закваску, возвращающую ее, при первомъ горѣ, въ объятія монастыря, какъ обители мира и покоя. Она поступаетъ въ сестры милосердія; ея первыя ощущенія въ госпиталѣ, ея усилія привыкнуть къ зрѣлищу страданій, ея ежечасная, тихая работа, дѣлающая ее другомъ и утѣшительницей больныхъ,—все это проходитъ передъ нами въ цѣломъ рядѣ картинъ, мрачнымъ фономъ которыхъ служитъ больничная жизнь, глубоко изученная и артистически переданная Гонкурами. Они не прибѣгаютъ къ номенклатурѣ, къ сухому перечню лицъ и предметовъ, не обращаютъ романъ въ сборникъ скорбныхъ листовъ, въ курсъ патологіи или терапевтики—и достигаютъ глубины впечатлѣнія, ничуть не жертвуя его полнотою. Сцены изъ госпитальнаго быта постоянно связаны съ дѣйствіемъ и разсѣяны по всей книгѣ, нигдѣ не скучиваясь въ длинную вереницу, утомительную для читателей. Вмѣстѣ съ «Germinie Lacerteux», «Soeur Philomène»—одно изъ лучшихъ произведеній нео-реалистической манеры, стремящейся къ господству во французскомъ романѣ.

Филомена предана своей больницѣ, предана своимъ больнымъ; но самый неутомимый трудъ, въ связи съ твердо установившимися вѣрованіями и сознаніемъ постояннаго самоотверже-

нія, не можетъ заглушить въ ней тайной потребности въ другомъ, болѣе личномъ чувствѣ. Она любитъ, сама того не замѣчая, одного изъ студентовъ медицины, раздѣляющаго съ ней уходъ за больными. Между ними устанавливаются простыя, дружескія отношенія, проникнутыя взаимнымъ довѣріемъ и свободой; только ревность, возникающая въ Филоменѣ при встрѣчѣ Барнье съ Роменой, открываетъ ей глаза на-счетъ истиннаго характера ея привязанности. Она, обыкновенно столь кроткая и нѣжная съ больными, относится къ Роменѣ съ строгостью, доходящею почти до жестокости; въ самой молитвѣ, произносимой ею въ присутствіи Ромены, звучатъ непривычно-суровыя ноты, только подъ концомъ смягчаемыя болѣе сильнымъ приливомъ обычнаго религіознаго экстаза. Послѣ смерти Ромены, внезапно вспыхнувшая страсть уступаетъ мѣсто глубокому, но сдержанному чувству. Оставаясь любовью, оно становится похожимъ на состраданіе, когда Барнье, преслѣдуемый воспоминаніемъ о Роменѣ, начинаетъ пить и спускается, физически и умственно, все ниже и ниже (картина разрушительнаго дѣйствія абсента нарисована превосходно). Она прощаетъ грубый поцѣлуй, данный ей Барнье въ минуту опьяненія и полу-безпамятства, въ день смерти Ромены; когда онъ заболѣваетъ, она съ отчаяніемъ молитъ Бога о его спасеніи,— молитъ одною изъ тѣхъ молитвъ, которыя похожи на требованіе; когда онъ умираетъ, она приходитъ ночью въ его комнату, чтобы унести прядь его волосъ и проститься съ нимъ въ послѣдней молитвѣ. Этимъ оканчивается романъ. Авторамъ незачѣмъ было останавливаться на дальнѣйшей судьбѣ сестры Филомены; такія натуры не измѣняютъ и не забываютъ. Будущее Филомены — точное отраженіе ея прошедшаго, безъ того луча свѣта, который упалъ на ея замурованную жизнь во время короткой дружбы съ Барнье. Ничто не отвлечетъ ее больше отъ дѣлъ самопожертвованія, составляющихъ ея ежедневную работу; единственная опасность заключается въ томъ, что они обратятся для нея въ привычку и рутину, и что подъ старость сердце ея зачерствѣетъ точно такъ, какъ сердце монахини, управляющей женскою тюрьмою въ «Fille Elisa». Силуэты сестеръ милосердія, встрѣчающіеся въ этомъ послѣднемъ романѣ, служатъ, вообще говоря, необходимымъ коррективомъ къ привлекательнымъ краскамъ, въ которыхъ изображена сестра Филомена. Филомена—возможный, но далеко не единственный и не обычный типъ сестры милосердія.

Самыми замѣчательными произведеніями Гонкуровъ мы считаемъ «Germinie Lacerteux» и «Madame Gervaisais». Подробное

извлеченіе изъ «Germinie Lacerteux» было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» (1875 г. № 10). Это исторія женщины, созданной для того, чтобы любить, и гибнущей отъ анормальнаго направленія—и анормальнаго развитія—потребности, въ которой, при другихъ условіяхъ, она могла бы найти источникъ спокойнаго и чистаго счастія. «Любовь», по справедливому замѣчанію г. Зола, «столь же необходима для Жермини, какъ необходимъ насущный хлѣбъ... Интересъ романа заключается не во внѣшнихъ событіяхъ, а въ анализѣ темперамента этой дѣвушки, ея паденія, борьбы и агоніи... Дайте Жермини добраго мужа, который бы любилъ ее, дайте ей дѣтей, выведите ее изъ скользкой среды порока, въ которой всѣ чувства ея оскорблены — и она будетъ честной женщиной, не пойдетъ бродить по улицамъ, какъ волчица, и кидаться на шею прохожимъ мужчинамъ». Ошибочно было бы видѣть въ «Germinie Lacerteux» исключительно физіологическій или патологическій этюдъ, исключительно исторію болѣзни, овладѣвающей своею жертвой съ непреодолимой силой и роняющей ее такъ низко, какъ только можетъ пасть человѣкъ. Понятая и переданная такимъ образомъ, жизнь Жермини была бы, можетъ быть, хорошей иллюстраціей къ медицинскому трактату, любопытнымъ и эффектно сгруппированнымъ сводомъ клиническихъ наблюденій—но не художественнымъ произведеніемъ, въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ этого слова. Глубокое впечатлѣніе, оставляемое романомъ, обусловливается именно тѣмъ, что въ паденіи Жермини играютъ роль не однѣ только чисто физическія причины. Мы видимъ, что даже вступивъ на наклонную плоскость, она могла бы остановиться и повернуть назадъ, что темпераментъ не обрекалъ ее фатально на ужасную участь, которая ее постигла. Потребность любить не съ-разу принимаетъ въ Жермини исключительно-чувственный, тѣмъ менѣе—животно-чувственный характеръ. Она привязывается къ дочери своей умершей сестры, привязывается къ ней съ перваго взгляда, страстно и нѣжно заботится о ней, съ истинно материнскимъ чувствомъ. Сестра Жермини была первой виновницей ея несчастія; она объ этомъ просто не вспоминаетъ, такъ что нельзя даже сказать, чтобы она простила нанесенныя ей обиды. Если бы не разлука, вызванная необходимостью, любовь къ племянницѣ могла бы наполнить всю жизнь Жермини и предохранить ее даже отъ увлеченія Жюпильономъ. Припомнимъ, что этому увлеченію предшествуетъ дружба Жермини съ матерью Жюпильона—дружба, въ которой Жермини опять-таки ищетъ замѣну недостающей семьи, недостающаго домашняго сча-

изъ воздуха, въ которомъ колыхалось ея тѣло, естественно и непроизвольно поднимались чувственныя волны, зажигавшія желаніе. Это было одно изъ тѣхъ безпокойныхъ и возбуждающихъ безпокойство созданій, образъ которыхъ возстаетъ передъ мужчиной въ его неудовлетворенные часы, смущаетъ его полуденныя мысли, преслѣдуетъ его ночи, насилуетъ его сновидѣнія». Такой темпераментъ—опасный задатокъ для жизни, но не безповоротное ея предопредѣленіе; нуженъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій, чтобы за нимъ осталось безусловное господство надъ человѣкомъ. Грубое насиліе пожилого развратника, не дождавшееся даже полнаго физическаго развитія Жермини, оставляетъ въ ней надолго отвращеніе къ мужчинамъ—но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какомъ-то темномъ уголкѣ памяти, болѣзненное любопытство, медленно отравляющее ея фантазію. Когда въ ней пробуждается мысль о бракѣ, она сначала отгоняетъ ее отъ себя, считая себя запятнанною своимъ безвиннымъ несчастьемъ; ея любовь къ Жюпильону растетъ медленно, едва замѣтно, развиваясь, какъ мы уже видѣли, изъ полу-материнскаго чувства къ мальчику, на ея глазахъ ставшему юношей. Что такое Жюпильонъ—это мы знаемъ; на долю Жермини выпалъ представитель всѣхъ худшихъ сторонъ парижскаго простонародья. Онъ разжигаетъ скрытый огонь ея натуры—и затѣмъ бросаетъ ее, лишенную всякой точки опоры, потерявшую все то, чѣмъ до тѣхъ поръ скрашивалась ея жизнь. Ее не только не уважаютъ другіе—она не уважаетъ больше сама себя, въ особенности послѣ того, какъ она сдѣлалась воровкой изъ-за Жюпильона. Она живетъ въ постоянномъ страхѣ, что ея проступокъ, ея долги, ея сдѣлки съ поставщиками будутъ открыты ея госпожей, и что она лишится послѣдняго—расположенія mademoiselle де-Варандёль, службы, сдѣлавшейся какъ-бы необходимою частью ея жизни. Она ищетъ забытья въ пьянствѣ; абсентъ и вино разстатываютъ ея безъ того надорванный организмъ—она теряетъ способность сопротивляться, и одно влеченіе, необузданное, безумное, беретъ верхъ надъ всѣми остальными. Связь ея съ Готрюшемъ—промежуточная станція на пути къ самой отчаянной проституціи. Невозможно читать безъ содраганія тѣ сцены, въ которыхъ Жермини, обезсиленная болѣзнью, почти умирающая, все еще не можетъ оторвать своего воображенія отъ чувственныхъ представленій, вездѣ ищетъ признаковъ, проявленій любви и мучительно завидуетъ имъ, когда ихъ находитъ.

Доведенный до такой глубины, какъ въ «Germinie Lacerteux», психологическій анализъ расширяетъ внезапно свои рамки и

проникаетъ, безъ всякихъ усилій со стороны авторовъ, въ область соціологической критики. Именно потому, что романъ Гонкуровъ—не просто разсказъ на медицинской подкладкѣ, а этюдъ, обнимающій собою всѣ стороны человѣческой натуры,—впечатлѣніе, оставляемое имъ, слагается не изъ одного только состраданія къ личной судьбѣ Жермины. Чѣмъ яснѣе обрисовываются передъ нами безчисленныя нити, связывающія Жермини съ окружающимъ ее міромъ, тѣмъ тяжелѣе становится раздумье, вызываемое чтеніемъ романа. Жермини—продуктъ среды, производящей Жозефовъ и Аделей, Жюпильоновъ и Готрюшей; но эта среда—въ свою очередь продуктъ цѣлаго общественнаго строя, полнаго непримиренныхъ контрастовъ. При всей добротѣ mademoiselle де-Варандёль, при всемъ расположеніи ея къ Жермини, при всей привязанности Жермини къ своей госпожѣ—между ними стоитъ нравственная перегородка, мѣшающая Жермини йскать совѣта, помощи, можетъ быть спасенія у единственнаго человѣка, неравнодушнаго къ ея участи. Стоитъ только прочесть описаніе комнаты, въ которой нѣсколько десятковъ лѣтъ жила Жермини, чтобы понять всю разобщенность сферъ, ежедневно, ежечасно прикасающихся другъ къ другу. Стоитъ только прочесть, въ концѣ книги, описаніе «общей могилы» парижскихъ бѣдныхъ, чтобы оцѣнить тяжесть неисполненнаго долга, лежащаго на одной части общества по отношенію къ другой. Mademoiselle де-Варандёль, склоняющаяся на колѣни, въ снѣгу, передъ приблизительно угаданнымъ мѣстомъ погребенія Жермини, кажется намъ замаливающею не одну только личную свою вину передъ несчастною служанкой [1]).

«Madame Gervaisais», по тонкости психологическаго анализа, превосходитъ, можетъ быть, даже «Germinie Lacerteux». И здѣсь, за личной судьбой героини, скрывается общій, въ высшей степени важный вопросъ—вопросъ о тѣхъ основахъ, которыми держится до сихъ поръ господство католицизма. Переходъ madame Жервезе отъ скептицизма къ религіозному чувству, въ самой общей его формѣ, отъ этого чувства къ болѣе опредѣленнымъ вѣрованіямъ, затѣмъ къ различнымъ оттѣнкамъ католицизма

---

[1]) Исторія самой mademoiselle де-Варандёль, мимоходомъ разсказанная въ „Germinie Lacerteux“ — настоящій маленькій chef d'oeuvre. Фигура энергичной, жесткой повидимому, въ сущности доброй и глубоко любящей старой дѣвы, спокойно и терпѣливо вынесшей тяжелую юность, выносящей одинокую старость, изображена авторомъ превосходно. Ея отецъ—типъ тѣхъ раффинированныхъ эгоистовъ, которыхъ производила вторая половина XVIII-го вѣка, на-ряду съ пламенными мечтателями и друзьями человѣчества.

изображенъ съ мастерствомъ, ставящимъ этотъ романъ на одинъ уровень съ лучшими произведеніями современной беллетристики. Мѣстомъ дѣйствія весьма удачно выбранъ Римъ, какъ городъ, въ которомъ всего сильнѣе обаяніе католицизма. Столь же удаченъ выборъ лица, подчиняющагося этому обаянію. Madame Жервезе—не одна изъ тѣхъ натуръ, которыя уступаютъ почти безъ борьбы, легко отказываются отъ поверхностно усвоенныхъ взглядовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней есть данныя, объясняющія уступку, дѣлающія ее возможной, почти неизбѣжной. Женщина безъ глубокихъ, твердыхъ убѣжденій была бы недостаточно интереснымъ предметомъ для этюда; женщина, въ которой свѣтлая мысль опиралась бы на крѣпкую, гармоническую натуру, не могла бы, безъ нарушенія психологической правды, пасть въ объятія католицизма. Въ прошедшемъ madame Жервезе было многое, вооружавшее ее противъ римскихъ вліяній—но было и кое-что другое, отворявшее имъ потаенную дверь въ ея душу. Ея воспитаніе, ея духовное общеніе съ отцомъ и братомъ, ея дальнѣйшее саморазвитіе въ сферѣ философской мысли—все это должно было, повидимому, закалить ее противъ идей и чувствъ, лежавшихъ за предѣлами ея міросозерцанія, сознательно устраненныхъ ею изъ его сферы; но въ сердечной ея жизни были пробѣлы, не уравновѣшенные избыткомъ умственной силы. Проведя всѣ лучшіе годы молодости рядомъ съ мужемъ, котораго она не только не любила, но и не уважала, потративъ много энергіи на безмолвное противодѣйствіе его тиранніи, потерявъ здоровье, сдѣлавшись въ тридцать семь лѣтъ почти пожилой женщиной, она остается, наконецъ, одинокой и свободной, но безъ точекъ опоры въ настоящемъ и безъ силы создать себѣ другое будущее. Ея ребенокъ, едва способный къ умственному развитію, съ трудомъ лепечущій нѣсколько безсвязныхъ словъ—въ томъ возрастѣ, когда дѣти становятся для матери товарищами и друзьями,—не наполняетъ ея жизни, не можетъ сосредоточить на себѣ всей ея дѣятельности; чѣмъ сильнѣе и исключительнѣе она его любитъ, тѣмъ больше она чувствуетъ пустоту, оставляемую имъ въ ея существованіи. Она пробуетъ заняться живописью, пробуетъ изучать современный Римъ, потомъ Римъ античный, въ его преданіяхъ и памятникахъ; ей кажется, по временамъ, что она достигаетъ своей цѣли, что занятія могутъ дать ей недостающее, никогда неизвѣданное счастье—но вмѣстѣ съ интересомъ новизны проходитъ и интересъ къ предмету. Ея жажда знанія, ея вкусъ къ изящному не возвышаетъ ее надъ уровнемъ дилетантизма, годнаго какъ украшеніе жизни,

но не какъ главное ея содержаніе. Параллельно съ охлажденіемъ къ наукѣ, къ искусству, въ madame Жервезе совершается другой процессъ, подготовляющій радикальную перемѣну въ ея душевномъ строѣ. Она все больше и больше чувствуетъ прелесть Рима, сначала возбуждавшаго въ ней одну презрительную насмѣшку—Рима средневѣкового, христіанскаго. Медленно, едва замѣтно, вкрадчиво проникаютъ въ ея воображеніе, потомъ въ ея сердце новыя впечатлѣнія, укладываясь рядомъ съ старыми, мирно, на первое время, уживаясь съ ними. Сначала она просто привыкаетъ къ римскимъ церквамъ, съ ихъ прохладой, съ ихъ свѣтовыми эффектами, съ ровнымъ блескомъ ихъ мрамора, съ ихъ воздухомъ, точно наполненнымъ отраженіями яшмы и порфира. Понтификальная служба въ соборѣ Св. Петра, въ вербное воскресенье, сильно дѣйствуетъ на ея нервы; но въ этомъ ощущеніи нѣтъ еще ничего религіознаго — это только очарованіе, вызванное величіемъ собора, роскошью декораціи, оригинальною красотой напѣвовъ. Освободясь отъ непосредственнаго дѣйствія обстановки, madame Жервезе въ состояніи еще отнестись критически къ своимъ впечатлѣніямъ, замѣтить театральность поразившей ее картины. Когда античная скульптура, прежде плѣнявшая ее своимъ изяществомъ, начинаетъ отталкивать ее своимъ холодомъ, когда жесткія, суровыя лица императоровъ напоминаютъ ей недостатокъ гуманности въ древней римской жизни, она чувствуетъ невольное влеченіе къ Христу, произнесшему слово любви среди этого безсердечнаго міра; но кроткій образъ учителя не окруженъ еще для нея божественнымъ ореоломъ. Даже послѣ того, какъ страхъ за жизнь сына заставилъ ее повергнуться ницъ передъ иконой Богоматери, она продолжаетъ считать себя невѣрующей и жалуется на тоску, на усталость, на смутное чувство неудовлетворенія. Въ сущности рѣшительный шагъ уже сдѣланъ ею, но она не сознаетъ этого, потому что боится въ этомъ сознаться. «*Въ человѣческой любви*», пишетъ она брату, «сердце мое не чувствуетъ недостатка. Чего же у меня нѣтъ? Откуда пустота, передъ которой съ трепетомъ отступаетъ моя мысль?» Нужна встрѣча съ графиней Ломоносовой — русской, обращенной въ католицизмъ и страстно преданной своему новому вѣрованію, нужно чтеніе самаго нѣжнаго, самаго благоуханнаго изъ произведеній католическаго піетизма, нужна проповѣдь краснорѣчиваго оратора-іезуита, какъ будто разгадавшаго всѣ колебанія и муки madame Жервезе, чтобы довершить переворотъ, готовившійся издавна. И теперь еще она сдается не съ-разу; она ищетъ компромисса между своими прежними мнѣніями и

новыми порывами, старается отдѣлить въ религіи существенное отъ несущественнаго, признаетъ себя скорѣе христіанкой, чѣмъ католичкой; она хочетъ убѣдиться въ томъ, что другіе принимаютъ на вѣру—читаетъ библію, погружается въ богословскую литературу, сравниваетъ, взвѣшиваетъ, обсуждаетъ. Всѣ попытки ея остановиться на полдорогѣ, выработать, если можно такъ выразиться, свою личную, индивидуальную религію, основанную на разумѣ и совмѣстимую съ критикой, оказываются тщетными; потребность вѣрить—вѣрить безотчетно, безусловно, безпрекословно, потребность въ авторитетѣ, въ спокойной якорной стоянкѣ, бросаетъ ее наконецъ къ ногамъ отца Джансанти, духовника, указаннаго ей графиней Ломоносовой. Спокойствія, однако, ей не суждено найти и подъ его руководствомъ; оно скоро кажется ей недостаточно требовательнымъ и строгимъ. Джансанти требуетъ отъ нея полнѣйшей покорности, гаситъ въ ней послѣдніе остатки гордости, довѣрія къ собственнымъ силамъ, чувства собственнаго достоинства; но онъ не удовлетворяетъ вновь пробудившейся потребности ея въ страданіи, въ искупленіи прежняго невѣрія. Она ищетъ духовника болѣе суроваго, менѣе снисходительнаго къ ея физической слабости, менѣе расположеннаго къ прощенію ея грѣховъ, прошедшихъ и настоящихъ — и находитъ его въ лицѣ отца Сибиллы, грубаго, необразованнаго фанатика, убившаго въ самомъ себѣ и привыкшаго убивать въ другихъ всѣ естественныя, законныя чувства человѣка. Онъ не только запрещаетъ своей духовной дочери чтеніе книгъ, рекомендованныхъ ей отцомъ Джансанти, чтеніе Евангелія и псалмовъ, не только взваливаетъ на нее всю обузу внѣшнихъ, механическихъ выраженій набожности, но старается уничтожить единственное чувство, соединяющее ее съ міромъ—чувство любви къ сыну, въ свою очередь живущему только этой любовью. Всего ужаснѣе то, что это ему удается; сначала madame Жервезе съ страшною болью въ сердцѣ отталкиваетъ ласки своего сына—потомъ она охладѣваетъ къ нему все больше и больше, остается равнодушной къ его трогательному отчаянію, не замѣчаетъ даже его болѣзни. Неудивительно, послѣ того, что она забываетъ о братѣ, съ которымъ ее долго соединяла самая тѣсная дружба, что она становится несправедливой, почти жестокой къ безгранично преданной ей Гоноринѣ. Она голодаетъ сама и заставляетъ голодать своихъ приближенныхъ, отдавая всѣ свои доходы въ распоряженіе отца Сибиллы; она дѣлается неряшливой въ одеждѣ, нечувствительной къ холоду, ко всѣмъ внѣшнимъ ощущеніямъ. Съ разстройствомъ здоровья, съ упадкомъ силъ идутъ рука объ руку

припадки нервнаго экстаза, принимаемые ею за сближеніе съ божествомъ. Въ ея заживо-умершей душѣ скоро остается одно только желаніе—желаніе смерти, какъ полнаго отрѣшенія отъ оковъ ненавистнаго ей тѣла. Дальше идти некуда; поворотъ назадъ невозможенъ. Не имѣя достаточно силы, чтобы противиться брату, madame Жервезе соглашается уѣхать съ нимъ изъ Рима—но умираетъ въ ту минуту, когда готовится предстать предъ лицо папы, этого земного бога ея религіозныхъ фантасмагорій.

По мнѣнію г. Зола, «Madame Gervaisais» нельзя назвать романомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова; это просто этюдъ, имѣющій характеръ свободнаго научнаго изслѣдованія. «Послѣднія нити съ условными правилами здѣсь порваны; романисты беруть первый попавшійся эпизодъ изъ человѣческой жизни, разсказываютъ его, извлекаютъ изъ него дѣйствительность и художественный смыслъ и не считаютъ себя обязанными въ отношеніи читателя ни къ чему бо́льшему. Необходимость завязокъ, развязокъ, усложненій, согласованія сюжета съ установленной нравственностью окончательно опровергнута». Не въ этомъ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ искать силу и оригинальность послѣдняго романа Гонкуровъ. Что касается до «согласованія сюжета съ установленною нравственностью», то въ этомъ отношеніи отступленія отъ рутины начались еще со временъ Дидро и Вольтера. Область романа давно уже не ограничивается однимъ чувствомъ; любовь играла въ ней до сихъ поръ преобладающую, но далеко не исключительную роль. Усложненіе романа массой характеровъ и событій было привычкой большинства романистовъ, но отнюдь не условіемъ жанра. Завязка и развязка считались необходимыми для романа лишь настолько, насколько этого требовала его художественная цѣльность. Съ этой точки зрѣнія завязка и развязка есть въ «Madame Gervaisais»; завязкой служитъ первое соприкосновеніе героини съ атмосферой католицизма, развязкой—ея духовная смерть или, если хотите, ея кончина въ пріемной папы и отчаянный крикъ сына надъ ея трупомъ. Ея исторія далеко не «первый попавшійся эпизодъ»; наоборотъ, это крайне характеристическая драма, отражающая въ себѣ одну изъ самыхъ любопытныхъ сторонъ современной дѣйствительности. Изобразить въ разсказѣ цѣлый психическій процессъ, съ самыхъ первыхъ, приготовительныхъ его фазисовъ до окончательнаго завершенія, изобразить его такъ, чтобы смыслъ его не нуждался въ комментаріяхъ, чтобы идея автора слилась въ одно неразрывное цѣлое съ художественной ея формой—эта задача прекрасно выполнена Гонкурами, но поставлена въ пер-

вый разъ не ими. Между романами Бальзака и Ж.-Занда есть такіе, къ которымъ вполнѣ примѣнимы слова г. Зола о «Madame Gervaisais», которые по простотѣ замысла и исполненія ничуть не уступаютъ произведенію Гонкуровъ. Укажемъ для примѣра на «Spiridion» Ж.-Занда, вся задача котораго исчерпывается изображеніемъ перехода отъ вѣры къ сомнѣнію [1]), т.-е. движенія, противоположнаго тому, которое мы видимъ въ «Madame Gervaisais»; на «Curé de Tours» Бальзака, въ которомъ нѣтъ помину о любви и все сводится къ маленькимъ, узкимъ, жалкимъ волненіямъ стараго, почти впавшаго въ дѣтство аббата. Правда, романовъ съ такимъ незначительнымъ числомъ дѣйствующихъ лицъ, какое мы видимъ въ «Madame Gervaisais», найдется немного; но не въ этомъ же, конечно, заключается главная заслуга авторовъ. Мы видимъ ее не въ новаторствѣ, не въ опрокидываніи условныхъ правилъ, а просто въ удачномъ выборѣ тэмы, полной глубокаго психологическаго и общественнаго интереса, и въ мастерской ея обработкѣ. Кромѣ самой героини романа, превосходно обрисованъ ея сынъ, Пьеръ-Шарль, несчастный мальчикъ, едва способный къ умственному развитію, но ревниво, страстно привязанный къ матери, глубоко чувствующій — когда католичка убиваетъ въ ней мать — ея холодность и несправедливость. Какъ хороша, напримѣръ, небольшая глава, посвященная дружбѣ Пьеръ-Шарля съ оборвышемъ, грязнымъ, паршивымъ, но вѣчно веселымъ, ихъ играмъ на церковной паперти, во время безконечной исповѣди madame Жервезе! Прелестенъ также эпизодъ съ двумя собаками — Тровато и его четвероногимъ спутникомъ и слугою. Какъ Анатоль и madame Крессанъ въ «Manette Salomon», Гонкуры очевидно любятъ и понимаютъ животныхъ; отсюда теплота и своеобразная задушевность, вносимая ими въ описанія этого міра. Обезьяна Вермильонъ, закадычный другъ Анатоля — такое же дѣйствующее лицо въ «Manette Salomon», какъ собаки Шпейганъ — въ «Verlorene Handschrift» Фрейтага.

III.

Кто помнитъ любопытныя свѣдѣнія, сообщенныя г. Зола о пріемахъ сотрудничества Гонкуровъ [2]), тотъ не удивится продол-

[1]) Въ современной французской беллетристикѣ есть еще замѣчательный, хотя и мало извѣстный романъ на ту же тэму; это «Une cure du docteur Pontalais», Р. Альта (Robert Halt).

[2]) См. Парижскія письма, стр. 87—88.

жительности молчанія, которое хранилъ Эдмонъ послѣ смерти Жюля. Каждый изъ братьевъ дополнялъ собою другого, служилъ для него не только помощникомъ, но и критикомъ. Изъ написаннаго обоими сохранялось и входило въ составъ книги лишь самое удачное, исключалось, слѣдовательно, все то, въ чемъ могла проявиться слабая сторона одного изъ братьевъ—если только слабая сторона одного не была, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабою стороною другого. Лишенная обычнаго корректива, работа Эдмона часто страдаетъ такими недостатками, слѣды которыхъ были едва замѣтны въ произведеніяхъ обоихъ братьевъ. Сравнивая «Fille Elisa» и «Frères Zemganno» съ шестью романами, до сихъ поръ разобранными нами, мы приходимъ къ заключенію, что въ литературномъ союзѣ братьевъ Жюлю принадлежала сдерживающая роль, что, благодаря ему, оригинальность манеры не переходила въ оригинальничанье, тщательная отдѣлка слога—въ изысканность. Въ романахъ, написанныхъ однимъ Эдмономъ, чувствуется не только искусство, но и искусственность. Мы не станемъ, конечно, упрекать его за отступленія отъ обычныхъ формъ французской рѣчи, за пристрастіе къ перестановкамъ словъ (inversions), къ фразамъ безъ глаголовъ, къ фразамъ, начинающимся съ союзовъ; въ счеты французскаго писателя съ французскимъ синтаксисомъ мы входить не можемъ—да притомъ протестъ противъ избытка регламентаціи кажется намъ вполнѣ законнымъ. Но вотъ что бросается въ глаза всякаго читателя, хотя бы и не-француза: это неразборчивость въ погонѣ за эффектомъ, достигаемымъ своеобразною формою. Однѣ и тѣ же безглагольныя фразы, въ Тацитовскомъ вкусѣ, встрѣчаются и тамъ, гдѣ онѣ болѣе или менѣе умѣстны (напр., въ сценѣ суда, въ «Fille Elisa»), и тамъ, гдѣ онѣ вовсе не соотвѣтствуютъ содержанію (напр. въ описаніи цирка въ «Frères Zemganno»). «Внезапно сильный ударъ звонка. И тотчасъ же передъ дверью, черезъ которую должна войти обвиняемая, затворяющій ее жандармскій капитанъ. Тотчасъ же судьи на своихъ креслахъ. Тотчасъ же присяжные, сходя съ лѣстницы, ведущей изъ ихъ совѣщательной комнаты въ залу суда».—«И безпрестанно, посреди группъ, діалоговъ, приготовленій къ фокусамъ, любовныхъ или типическихъ разговоровъ, порывистый входъ или выходъ лошади, съ развѣвающейся гривой. И постоянно, безъ остановки, въ этомъ мѣстѣ стоянки служащихъ въ циркѣ, проходъ и опять проходъ всего хранящагося въ магазинахъ и складахъ театра» (слѣдуетъ длинное перечисленіе предметовъ). Манера, понятная въ первомъ отрывкѣ—во второмъ звучитъ натянуто и фальшиво.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести немало. Наклонность къ преувеличенію, свойственная, повидимому, Эдмону и не регулируемая больше Жюлемъ, проявляется не только въ формѣ, но и въ общемъ колоритѣ произведеній осиротѣвшаго брата. Послѣдній его романъ—«Frères Zemganno»—почти весь написанъ, если можно такъ выразиться, одной нотой выше, чѣмъ бы слѣдовало. «Творческая дѣятельность» Джанни, заключающаяся въ придумываніи небывалыхъ гимнастическихъ упражненій, изображена такъ, какъ будто бы шла рѣчь о настоящемъ творчествѣ въ области науки и искусства. Положимъ, что въ основной мысли Гонкура есть доля правды, что процессъ изобрѣтенія имѣетъ извѣстныя типическія черты, независящія отъ предмета, на который онъ направленъ; положимъ, что акробатъ, комбинирующій новый tour de force, испытываетъ нѣкоторыя изъ мукъ и наслажденій ученаго или поэта; во всякомъ случаѣ разница въ цѣли, въ результатѣ, въ самыхъ пріемахъ далеко превышаетъ сходство, и писатель, останавливающійся только на послѣднемъ, неминуемо впадаетъ въ утрировку, отъ которой одинъ лишь шагъ до каррикатуры. Джанни, въ поискахъ своихъ за новизной и славой, за неслыханнымъ сочетаніемъ ловкости и силы, производитъ на насъ почти такое же впечатлѣніе, какъ Жеромъ Патюро «à la recherche d'une position sociale» или «de la meilleure des républiques» — съ тою только разницею, что въ данномъ случаѣ это впечатлѣніе противорѣчитъ намѣренію автора. «Въ жизни Джанни, исключительно мозговой, не было больше понятія о времени, не было больше ощущеній холода или тепла, и вообще впечатлѣній среды и внѣшняго міра. Движенія и функціи животной жизни происходили въ немъ какъ-бы вслѣдствіе заведеннаго на нѣкоторое время механизма, безъ всякаго участія его личности. Слова, обращенныя къ нему, доходили до него какъ-бы издалека; чтобы отвѣтить на нихъ, онъ долженъ былъ прежде возвратиться въ самого себя. Онъ оставался по цѣлымъ днямъ, даже между товарищами, потеряннымъ, погруженнымъ, точно утонувшимъ въ неопредѣленномъ пространствѣ, съ полу-закрытыми, мигающими глазами, съ тѣмъ шумомъ въ ушахъ, напоминающимъ плескъ моря, который всегда остается въ крупныхъ раковинахъ океана. Онъ искалъ нарушенія законовъ природы, искалъ невозможнаго — и хотѣлъ притомъ, чтобы невозможное, которое въ рукахъ его сдѣлается возможнымъ, было чѣмъ-то великимъ, сверхчеловѣческимъ, далеко возвышающимся надъ обыкновенными вершинами гимнастическаго искусства». Вся эта картина нарисована

Гонкуромъ весьма серьёзно; но серьёзно *смотрѣть* на нее довольно трудно, если припомнить, что авторскіе потуги Джанни разрѣшились скачкомъ, на нѣсколько футовъ высшимъ, нежели обыкновенно — да и не могли разрѣшиться чѣмъ-либо существенно отличнымъ отъ такого результата. Въ описаніяхъ Эдмона Гонкура крайній реализмъ — тотъ реализмъ, образцы котораго мы видѣли у Флобера и увидимъ у г. Зола — замѣтенъ гораздо больше, чѣмъ въ описаніяхъ, принадлежащихъ обоимъ братьямъ. Первая глава «Frères Zemganno» напоминаетъ, въ этомъ отношеніи, тѣ безцѣльные перечни предметовъ, которыхъ такъ много въ «Education Sentimentale» и такъ мало въ «Germinie Lacerteux», въ «Soeur Philomène», въ «Madame Gervaisais».

Если романы Эдмона Гонкура не могутъ быть поставлены на одну высоту съ лучшими произведеніями обоихъ братьевъ, то это не мѣшаетъ имъ занимать видное мѣсто въ современной французской литературѣ. «La fille Elisa» — романъ прямо и откровенно тенденціозный; онъ написанъ съ цѣлью возбудить состраданіе къ паріямъ общества — проституткамъ, и доказать безчеловѣчность системы, осуждающей заключенныхъ на постоянное молчаніе. Для самого автора, какъ видно изъ предисловія, всего важнѣе была послѣдняя задача, исполненная имъ съ глубокимъ убѣжденіемъ и увлеченіемъ; но образъ Элизы-проститутки все-таки производитъ впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ образъ Элизы-арестантки. Большой заслугой Гонкура слѣдуетъ считать его рѣшимость спуститься въ такой общественный слой, котораго едва ли когда-либо касалась рука романиста. Онъ совершенно правъ, требуя для романа доступъ въ эту сферу, какъ и во всякую другую область общественной неправды и личныхъ страданій; онъ совершенно правъ, различая нравственность произведенія отъ нравственности лицъ, въ немъ изображенныхъ. Все дѣло не въ предметѣ изображенія, а въ его пріемахъ. Можно остаться цѣломудреннымъ, касаясь самаго утонченнаго разврата,—подобно тому, какъ можно внести эротическій характеръ въ защиту законной любви и святости супружескихъ отношеній. Обвинять въ безнравственности такіе романы, какъ «Madame Bovary», «Germinie Lacerteux», «Fille Elisa» можно только въ силу колоссальнаго недоразумѣнія, которому не благопріятствуетъ, къ счастью, новый, все болѣе и болѣе распространяющійся взглядъ на литературу. Описывая притоны разврата, Эдмонъ Гонкуръ ни на минуту не перестаетъ быть серьёзнымъ и глубоко опечаленнымъ изслѣдователемъ одной изъ самыхъ ужасныхъ и трудно излечимыхъ общественныхъ болѣзней. Въ его книгѣ нѣтъ ни

одной картины, могущей нарушить цѣлость тяжелаго впечатлѣнія, отвлечь вниманіе читателя, привлекательностью красокъ, отъ мрачности сюжета. Онъ показываетъ намъ въ проституткѣ женщину—женщину, въ которой вся грязь ремесла не уничтожила стремленія къ настоящей любви, потребности въ нѣжномъ, чистомъ чувствѣ. Трагизмъ судьбы Элизы заключается именно въ томъ, что это стремленіе, эта потребность становится источникомъ ея гибели. Со стороны любимаго человѣка она не переноситъ того, чему спокойно подвергалась со стороны перваго встрѣчнаго. Само собою разумѣется, что большую роль въ преступленіи Элизы играетъ болѣзненность ея натуры, извращенной еще въ дѣтствѣ, окончательно надломанной парижской вертепною жизнью; но она все-таки не убила бы своего Таншона, если бы реакція противъ ежедневныхъ униженій не заставляла ее мечтать о платонической любви, видѣть въ избранникѣ поздно заговорившаго сердца не любовника, а брата и друга. Страницы, описывающія и объясняющія происхожденіе такого чувства въ проституткѣ, составляютъ драгоцѣнное изслѣдованіе психическаго процесса, едва-ли бывшаго когда-либо предметомъ осмысленнаго наблюденія. Мастерски изображено также постепенное отупѣніе Элизы, подъ вліяніемъ безобразно строгаго тюремнаго режима. Отдѣленіе *поврежденныхъ* (toquées) въ Нуарвильской тюрьмѣ—это такая картина, отъ которой долго не можетъ отдѣлаться воображеніе читателя. Слишкомъ наглядно и нехудожественно тенденція автора выступаетъ на видъ только въ заключеніи, когда помощникъ префекта позволяетъ говорить арестанткѣ, давно потерявшей къ тому привычку и способность. Послѣднія слова романа: «позволеніе пришло слишкомъ поздно; подпрефекты не въ силахъ возвратить даръ рѣчи мертвымъ»—не производятъ того дѣйствія, котораго очевидно ожидалъ авторъ. Они слишкомъ напоминаютъ театральный конецъ рѣчи, бившей на эффектъ, но невѣрно разсчитавшей его условія и средства.

Главная прелесть «Frères Zemganno»—это картина дружбы двухъ братьевъ, въ которой, и безъ намека, сдѣланнаго въ предисловіи, не трудно было бы узнать отраженіе прошедшей жизни автора. Джанни и Нелло любятъ и понимаютъ другъ друга, работаютъ другъ съ другомъ точно такъ же, какъ любили, понимали, работали Эдмонъ и Жюль, до самой смерти послѣдняго. Томасо Бескапе, его жена — цыганка, тающая среди чуждыхъ ей привычекъ и нравовъ, другіе артисты кочующей труппы, начиная съ младенчески простодушнаго силача до жалкаго музы-

канта и его собаки — все это живыя лица, нарисованныя съ любовью и оставляющія послѣ себя большую пустоту, когда дѣйствіе переносится изъ подвижного балагана Бескапе въ цирки Лондона и Парижа. Указанные нами недостатки романа всего болѣе замѣтны во второй его части, когда, вмѣстѣ съ пресловутымъ скачкомъ, выступаетъ на первый планъ черезъ-чуръ оригинальная миссъ Томпкинсъ. Скорбь акробатовъ, навсегда разстающихся съ своей профессіей—одинъ вслѣдствіе неизлечимаго увѣчья, другой изъ любви къ брату—оставляетъ насъ почти холодными, можетъ быть потому, что она изображена авторомъ въ такихъ же преувеличенно-яркихъ краскахъ, какъ и «творчество» Джанни.

Предисловіе къ «Frères Zemganno» — манифестъ французскаго нео-реализма, во многомъ напоминающій критическую доктрину г. Зола. Подобно г. Зола, Эдмонъ Гонкуръ настаиваетъ на важности *человѣческихъ документовъ*, на необходимости собирать, накоплять цѣлыя массы наблюденій, относящихся къ роману какъ эскизы живописца — къ его картинѣ. Вполнѣ оригинальнымъ представляется лишь одно положеніе автора: онъ утверждаетъ, что «Assommoir», «Germinie Lacerteux» — только блестящія авангардныя стычки, что генеральное сраженіе реализма или натурализма должно быть дано не на почвѣ народныхъ нравовъ, народной жизни, а на почвѣ салоновъ, высшихъ слоевъ парижскаго общества. Только тогда, когда побѣда будетъ одержана на этой почвѣ, — только тогда настанетъ послѣдній часъ для классицизма и его хвоста (т.-е. для романтизма?). Мы узнаёмъ, что мысль «о реалистическомъ романѣ изящества» (roman réaliste de l'élégance) давно занимала Гонкуровъ, что Эдмонъ не оставилъ ея и послѣ смерти Жюля; если ему не удастся ее исполнить, онъ завѣщаетъ ее молодому поколѣнію романистовъ. Успѣхъ «черни въ литературѣ» (canaille littéraire) кажется ему исчерпаннымъ; необходимо, по его мнѣнію, обратиться къ другимъ, болѣе деликатнымъ и тонкимъ предметамъ. Въ деликатности и тонкости ихъ—главная трудность предпріятія. Человѣкъ изъ народа, близкій къ природѣ, къ дикому состоянію, легче поддается изученію, чѣмъ ультра-цивилизованные люди, оригинальность которыхъ — вся въ оттѣнкахъ, въ неуловимыхъ мелочахъ, въ полу-тонахъ. Обстановку рабочаго наблюдатель можетъ схватить съ-разу; чтобы понять парижскій салонъ, нужно истрепать продолжительнымъ сидѣньемъ шелкъ его креселъ. Обширности и сложности труда будетъ, за то, соотвѣтствовать рѣшительность достигнутаго имъ результата.

Не слишкомъ ли много беретъ на себя Гонкуръ, указывая съ такой увѣренностью путь къ окончательному успѣху реалистическаго романа? Нео-реализмъ не замыкался и до сихъ поръ въ рамки народной или простонародной жизни; парижское общество, въ верхнихъ слояхъ его, изображали и Бальзакъ, и Флоберъ, и Зола, и сами Гонкуры; почему же никто изъ нихъ не одержалъ побѣды, обѣщаемой Гонкуромъ будущему изслѣдователю этой сферы? Торжество метода зависитъ не отъ предмета, къ которому его прилагаютъ, а отъ внутренней цѣны его пріемовъ; торжество литературной школы зависитъ не отъ одного метода, но и отъ запаса идей, которымъ она располагаетъ, отъ совершенства формъ, ею вырабатываемыхъ. Французская реалистическая или натуральная школа достигла уже теперь всего того, на что́ она могла разсчитывать; она завоевала себѣ мѣсто въ области романа, заставила признать себя полноправной и равноправной со всѣми другими, пріобрѣла обширный кругъ читателей и почитателей, поколебала авторитетъ рутины и привычки. Ей остается только проникнуть въ нѣдра французской академіи — и весьма вѣроятно, что лавры, которыми не успѣли увѣнчаться Бальзакъ и Флоберъ, достанутся одному изъ ихъ послѣдователей или продолжателей. Мечта о чемъ-то бо́льшемъ, о какомъ-то абсолютномъ господствѣ надъ умами — именно мечта, не болѣе. Подлѣ реалистической школы всегда останется мѣсто для другихъ, развѣ если она сама откажется отъ своей исключительности и поставитъ идеалъ—рядомъ съ наблюденіемъ, поэзію—рядомъ съ «протоколами». Возможность соединенія этихъ элементовъ доказана самими Гонкурами,—доказана ими не теоретически, а практически, въ лучшихъ ихъ романахъ. Напрасно Эдмонъ Гонкуръ ставитъ «Germinie Lacerteux» въ одинъ рядъ съ «Assommoir»; между этими романами есть существенная разница, которую мы постараемся указать, говоря о г. Зола. Поэтическая струя звучала въ братьяхъ Гонкурахъ, звучитъ и въ одномъ Эдмонѣ слишкомъ сильно, чтобы въ нихъ можно было видѣть только красиво пишущихъ собирателей и издателей *человѣческихъ документовъ*.

Z. Z.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

VI *).

Особое отношеніе къ польскому вопросу имѣли писатели, представляющіе малорусскую точку зрѣнія, или такъ-называемые украинофильскіе. Намъ придется пользоваться этимъ послѣднимъ терминомъ, хоть и желалось бы избѣжать повторенія слова, столько разъ злоупотребленнаго разнородными противниками этой точки зрѣнія.

Эта особенность заключается въ томъ, что для тѣхъ писателей (великорусскихъ), о которыхъ мы доселѣ говорили, польскій вопросъ былъ собственно вопросомъ чисто политическимъ: онъ затрогивалъ ихъ съ точки зрѣнія самаго общаго національнаго интереса и былъ довольно далекъ отъ ближайшей общественности, — между тѣмъ для писателей украинофильскихъ это былъ близкій вопросъ ихъ общественной жизни.

Была дѣйствительно немалая разница въ преданіяхъ, въ отношеніяхъ современныхъ, въ литературномъ ходѣ вопроса. Для насъ, историческое преданіе о полякахъ въ Кремлѣ принадлежитъ къ такой же далекой, намъ чуждой старинѣ, какъ Куликовская битва или Иванъ Грозный. Новѣйшія отношенія къ Польшѣ, раздѣлы, штурмъ Праги, основаніе Царства Польскаго

*) См. выше: май, стр. 239.

занимали, конечно, общество, но такъ, какъ занимаютъ дѣла иностранной политики, о которыхъ, въ прежнія времена, и не думали справляться съ общественнымъ мнѣніемъ, и къ которымъ оно поэтому относилось болѣе или менѣе безучастно, — или только съ точки зрѣнія національнаго военнаго самолюбія. До какой степени отсутствовала мысль о болѣе глубокомъ внутреннемъ значеніи польскаго дѣла для русской народности въ западномъ краѣ, видно изъ того, что при Екатеринѣ, во времена раздѣловъ, польскій элементъ безпрекословно оставленъ здѣсь господствующимъ, въ ущербъ русскому,—за который догадались вступиться только послѣ,—что гонимые іезуиты нашли пріютъ въ Россіи, что имп. Александръ прямо покровительствовалъ Польшѣ и т. д. Сильное впечатлѣніе произвело только возстаніе 1830—31 года, какъ злокачественный «бунтъ» подчиненнаго народа; при импер. Николаѣ, о «бунтѣ» не могло быть двухъ мнѣній, — тутъ возникла впервые мысль о связи польскаго вопроса съ положеніемъ западно-русской народности и выразилась въ «возсоединеніи уніатовъ»,—но и эта мысль, которая могла бы такъ сильно возбудить національный интересъ, велась канцелярско-конфиденціальнымъ образомъ, выполнялась при помощи жандармовъ и военныхъ командъ, такъ что обществу пришлось опять быть только нѣмымъ зрителемъ: дѣло, оффиціально превознесенное, оставалось обществу чужимъ и, для многихъ, какъ религіозное притѣсненіе, несочувственнымъ. Въ литературѣ отголосокъ польскаго вопроса явился въ прошломъ столѣтіи въ торжественной одѣ Державина, а въ нашемъ—въ упомянутыхъ стихотвореніяхъ Пушкина и Жуковскаго, гдѣ онъ понимался, правда, какъ «домашній споръ славянъ», но въ этомъ пониманіи, очевидно, польское дѣло не было интересомъ общественно-близкимъ, а отвлеченно національнымъ, въ которомъ мнѣніе общества, собственно говоря, и не выслушивалось.

Не такъ стояло дѣло для писателя и общественнаго человѣка малорусскаго. Его преданія о старыхъ связяхъ и старой враждѣ съ Польшей не были заслонены, какъ въ русскомъ обществѣ, послѣдующими событіями до того, чтобы могли забыться; о нихъ, напротивъ, напоминало продолжавшееся сожительство съ поляками въ юго-западномъ краѣ, и это сожительство даже возбуждало новыя натянутыя отношенія. Борьба старой Малороссіи съ Польшей не была отрывочнымъ политическимъ столкновеніемъ, а вѣковой, именно *общественно*-политической борьбой, которая оставила свой глубокій слѣдъ въ народныхъ воспоминаніяхъ, и именно въ народной поэзіи, доходящей до нашихъ дней. Въ

старой малорусской литературѣ эта борьба по
цѣлаго ряда историческихъ сочиненій; онѣ дали
турную традицію. Наконецъ, старыя отношенія
ства и малорусскаго хлопства дожили до нашихъ
западномъ краѣ, и — не загладили старой между-плем

Подъ такими впечатлѣніями складывались идеи
писателей о старыхъ историческихъ и современныхъ
Польши и Малороссіи, о политическомъ характ
государства и о самомъ характерѣ польскаго нар
новѣйшаго малорусскаго взгляда, представляемаго
украинофильскихъ писателей, лежали въ старой ис
турное выраженіе они нашли еще въ писаніяхъ
какъ, напримѣръ, писанія Іоанна Вишенскаго; съ тѣх
лѣтописцевъ и историковъ XVII—XVIII вѣка это
ходитъ непрерывно до нашего времени. Тенденц
псевдо-Конисскаго, которую долго считали за
произведеніе знаменитаго архіепископа, — мало дос
рически, была именно характеристическимъ выражен
тельнаго, немного романтическаго, малорусскаго па
томъ же направленіи писались исторіи Малороссіи,
тышъ-Каменскаго, Маркевича. Первая поэзія Шевч
лялась именно воспоминаніями ожесточенной вра
съ Польшей.

Такимъ образомъ враждебное настроеніе относит
было въ малорусской литературѣ живой традиціей
что мы встрѣтимъ ее и въ трудахъ новѣйшихъ укра
писателей, которые брались за объясненіе старой
исторіи и политическихъ отношеній къ Польшѣ. Е
остановимся, такъ какъ у нихъ, собственно гов
историческій и политическій вопросъ малорусско-по
шеній поставленъ болѣе или менѣе прямо, — что
литературы было почти невозможно, такъ какъ и
въ ней не допускались.

Первымъ — и донынѣ послѣднимъ — литературн
нашего украинофильства былъ журналъ «Основа»
Это изданіе пришлось къ послѣднему времени того
оживленія, которымъ отмѣчено было начало нынѣш
ванія, — но задумано было раньше, когда еще были
благія надежды на новую и свободную дѣятельно
Реформы готовились и на нихъ возлагались самыя
данія; въ обществѣ и литературѣ вѣяло неиспы
свѣжестью; общество торопилось увидѣть преобразов

внутреннемъ бытѣ и рисовало картины всякаго освобожденія отъ тяжелыхъ наслѣдій прошедшаго. Идеалистическое настроеніе распространилось и на отношенія между-племенныя. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ общество увидѣло въ своей средѣ новыхъ людей; это были амнистированные декабристы и рядъ другихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ лицъ, возвращавшихся въ общество. Многимъ еще памятно то отрадное, глубокое впечатлѣніе, какое произвела амнистія, какимъ почтеніемъ общество окружало декабристовъ... Сколько бы ни въ правѣ была власть карать ихъ въ свое время, чувствовалось, что законъ былъ слишкомъ суровъ, слишкомъ безучастенъ къ человѣческой сторонѣ ихъ мнѣній и поступковъ, слишкомъ безжалостенъ къ ошибкѣ или заблужденію, въ которомъ лучшіе люди того молодого поколѣнія трагически расплачивались за идеалистическія стремленія своей эпохи. Общество чувствовало потребность вознаградить эту суровость своимъ участіемъ, и было право — оно видѣло передъ собою чуть не выходцевъ съ того свѣта; ошибки были давно искуплены долгой ссылкой; они возвращались съ тѣмъ же патріотическимъ идеализмомъ, котораго не истребили годы испытаній; то лучшее будущее, котораго они искали, было искомымъ и теперь. Въ то же время возвращались, изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ странъ, г. Достоевскій и М. Е. Салтыковъ. Съ подобнымъ сочувствіемъ встрѣчены были и амнистированные члены «Кирилло-Меѳодіевскаго братства»: одинъ съ-разу становился въ литературѣ въ ряду замѣчательнѣйшихъ писателей какъ высоко талантливый историкъ; другой былъ сильнѣйшій поэтъ, какого только имѣла малорусская литература. Наконецъ, возвращались поляки. Въ ссылкѣ, судьба свела Шевченка съ нѣкоторыми поляками; общая участь смягчала вражду, и пѣвецъ «Гайдамаковъ», такъ усердно писавшій кровожадныя сцены истребленія польскихъ пановъ, дружелюбно сходился съ ихъ потомками... Конечно, это еще не было полное «примиреніе», споры возникали и, безъ лицемѣрія, не могли не возникать, — но здѣсь все-таки готовилась возможность прямой связи, расчищался нейтральный пунктъ, на которомъ могло со временемъ утвердиться свободное отъ страсти критическое изслѣдованіе, споръ съ равнымъ оружіемъ, открытый и правдивый. Личныя сближенія были первымъ шагомъ, который обыкновенно всего труднѣе... Къ сожалѣнію, ничего изъ этого не вышло. Еще ранѣе «Основы», польскій кружокъ въ Петербургѣ основалъ газету «Слово», которая была запрещена, когда едва успѣло выдти нѣсколько нумеровъ. Дѣйствительность напомнила о себѣ, и ми-

ролюбивое настроеніе хотя одного польскаго литературнаго круга надо было считать миновавшимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы даже оно и продолжалось, было бы очень нелегко сойтись съ поляками на какихъ-нибудь общихъ положеніяхъ и съ русской, и съ малорусской стороны. Польское общество жило въ условіяхъ, мало благопріятствовавшихъ спокойной критикѣ не только современности, но и прошедшаго. Со времени усмиренія возстанія оно прожило тридцать лѣтъ подъ сурово-деспотической ферулой Паскевича, подавлявшей малѣйшее проявленіе какой-нибудь свободной общественной мысли; домашняя литература въ Варшавѣ упала, но взамѣнъ того широко развивалась литература эмиграціи, въ которой хранилась жизненная струя національности, но подъ тяжкими бѣдствіями изгнанія національное чувство, надорванное и оскорбленное, вырывалось въ поэтической фантастикѣ, которая производила тѣмъ большее дѣйствіе на умы, что въ реальной жизни не представлялось никакой надежды достигнуть удовлетворенія національному чувству. Попытки заговоровъ и возстаній, въ надеждѣ возстановленія отечества, мечты «мессіанизма», едва вразумительныя въ своей фантастичности, ожесточенная ненависть — этимъ питалось десятки лѣтъ огромное большинство тѣхъ, въ комъ патріотическое чувство было наиболѣе возбуждено. Крайности гнета и крайности революціонныхъ увлеченій шли, какъ часто бываетъ, рядомъ, какъ логическій антитезъ, и мысль объ устройствѣ своего отечества складывалась неизбѣжно въ мечту о полномъ возстановленіи его прежней формы. Польша была немыслима для патріотовъ иначе какъ «въ границахъ 1772 года».

Между-племенной разладъ былъ крайній; чтобы онъ, хотя въ извѣстномъ кругѣ и въ извѣстной мѣрѣ, могъ смягчиться, требовался бы долгій и свободный обмѣнъ идей, обоюдная критика, общественное взаимодѣйствіе,—но обстоятельства были таковы, что ничего этого не было возможно.

Ни русская, ни малорусская литература не въ состояніи была ни малѣйшимъ образомъ повліять сдерживающимъ образомъ на развитіе этихъ польскихъ представленій. Эти главнѣйшія славянскія литературы, можно сказать, не существовали другъ для друга: польская эмиграціонная литература была строжайше запрещаема, и до русской едва доходили о ней темные слухи; русская литература была совсѣмъ неизвѣстна въ польской, и по нѣкоторымъ образчикамъ считалась только слугой лежавшаго на Польшѣ гнета. Такимъ образомъ, когда около времени изданія «Основы» открылось между ними первое взаимодѣйствіе,

онѣ явились одна противъ другой, какъ конечные пункты двухъ совсѣмъ различныхъ теченій. Взаимодѣйствіе было полемическое.

Въ русской обстановкѣ польскія идеи, конечно, не могли высказываться со всей полнотой; но ихъ исключительность чувствовалась, и недосказанное здѣсь, досказывалось въ иностранной литературѣ, между прочимъ во французскихъ журналахъ, которые при извѣстной «славянской взаимности» — достигали къ намъ гораздо удобнѣе, были гораздо понятнѣе, чѣмъ заграничныя польскія книги. Когда къ концу пятидесятыхъ годовъ въ положеніи нашей Польши почувствовалось большое облегченіе, польское общество оживилось, и его стремленія приняли именно то направленіе, въ которомъ польскій патріотизмъ поддерживался эмиграціонной литературой,—опять требовалась «Польша 1772 года». Послѣднимъ результатомъ этихъ стремленій было возстаніе 1863 г.

Именно передъ этимъ временемъ «Основа» явилась представительницей украинофильскаго взгляда на вещи.

Общественное положеніе самого украинофильства было весьма непрочно. Амнистія только-что возвратила возможность дѣятельности его главнѣйшимъ представителямъ, бывшимъ членамъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Къ тому времени, когда «Основа» начиналась, были уже признаки, что наше «возрожденіе» держится на довольно зыбкомъ фундаментѣ, что возможенъ рецидивъ, который вскорѣ и наступилъ дѣйствительно во всей силѣ. Въ самой литературной средѣ, гдѣ можно было ожидать наиболѣе просвѣщеннаго взгляда на дѣло, украинофильство имѣло много противниковъ, — его допускали, но въ сущности считали его излишнимъ, не признавали за нимъ полной законности и общественнаго права. Немного времени спустя, это и было высказано прямо, — когда противъ нѣкоторыхъ, вполнѣ невинныхъ предпріятій украинофильства высказалась и правительственно-полицейская власть.—Еще меньше признанія оно могло ожидать съ польской стороны.

Такимъ образомъ становилось ясно, что украинофильству слѣдуетъ прежде всего выяснить и защитить свое право на существованіе. «Основа» съ самаго начала должна была стать въ оборонительное положеніе противъ всѣхъ сторонъ, и противъ «москвичей», и противъ поляковъ. Въ одной изъ первыхъ книгъ «Основы» помѣщена была статья г. Костомарова: «Двѣ русскія народности» и вскорѣ также началась (или, вѣрнѣе, продолжалась начатая еще ранѣе въ «Современникѣ») полемика съ польскими писателями.

Споры Костомарова, Кулиша и другихъ укр
польскими писателями касались вообще трехъ глав
происхожденія русскаго племени и національной
сти малороссовъ; судьбы Малороссіи подъ польс
ствомъ, и наконецъ современныхъ отношеній пол
къ малорусскому народу.

Споръ о происхожденіи малорусскаго нар
опредѣлялось нѣкоторыми польскими писателями
чайно странное литературное явленіе. Какъ ни
вѣка русской исторіи въ томъ пунктѣ, гдѣ обозна
дѣленіе сѣверной и южной, Великой и Малой Рус
шая родовая связь была всегда историческимъ фа
всегда сознаніемъ обѣихъ частей племени. Съ
генеалогія Суздаля, Владиміра и Москвы; съ Кіева
славное преданіе Великой Руси, ея іерархія, пи
Кіеву привязаны древнія воспоминанія народнаг
нарочно сохранившіяся именно въ самыхъ сѣверн
великорусскихъ уголкахъ современной Россіи. Съ
тическій перевѣсъ перешелъ въ русскомъ племе
Русь южная, предоставленная въ татарскихъ пог
себѣ, присоединилась политически къ Польшѣ, н
связь съ сѣвероиъ понималась такъ ясно, что он
долго до соединенія съ московскимъ царствомъ,
Малою Русью, въ ясномъ народномъ единствѣ
подчиненности съ Великой Русью... Въ новѣйше
взаимныя отношенія славянскихъ племенъ стал
научныхъ опредѣленій, для первостепенныхъ пред
вянской науки не было ни малѣйшаго вопроса о
ствѣ двухъ русскихъ вѣтвей, и *малорусское* племя
къ *русскому* племени. Все это такъ исторически
что у компетентныхъ ученыхъ не было объ эт

Не такъ это было у польскихъ писателей. Из
ляки всего меньше участвовали въ научной разраб
славянской національности; не мудрено, что у них
нуть теорія, по которой выходило, что не только
не имѣетъ ничего общаго съ Великой, но что
даже не принадлежитъ къ славянству. Теорія бы
до степени абсурда, но за нее упорно схватилис
она помогала политической тенденціи и вѣроятно
и произошла. Великая Русь — это были вовсе не
было туранское племя, принявшее языкъ и религі
въ самой сущности имъ чуждое, дикое и нецивил

стоящая Русь это—малоруссы, «русины»; это настоящіе славяне, *очень близкіе* къ полякамъ. Это—извѣстная теорія Духинскаго, множество разъ повторенная польскими писателями, а также французскими, которые принимали близко къ сердцу польское дѣло, и по невѣдѣнію принимали и польскую этнографическую аргументацію [1]).

Не трудно было показать,—г. Костомаровъ и сдѣлалъ это въ «Основѣ»,—какой научной нелѣпостью была эта теорія, о которой научные слависты (не только русскіе, но и всякихъ славянскихъ племенъ) могли говорить только какъ о странномъ курьёзѣ, для опроверженія котораго довольно было азбуки славянской этнографіи. Доказательства г. Костомарова были просты и ясны, и останавливаться на нихъ нѣтъ надобности. Гдѣ былъ источникъ этого парадокса, который, къ удивленію, такъ распространился у поляковъ и такъ невыгодно рекомендовалъ знаніе ими родного славянства? Очевидно, въ подкладкѣ теоріи лежали, во-первыхъ, крайняя вражда къ русскому племени, которое хотѣли совсѣмъ выключить изъ среды славянства, и, во-вторыхъ, желаніе убѣдить малороссовъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ русскими, и, напротивъ, много общаго съ поляками. По теоріи выходило, что малорусское племя и поляки принадлежатъ къ одному и тому же корню, что это виды одного рода, что поэтому племенное чувство ихъ должно устремляться къ Польшѣ, а вовсе не къ Россіи, странѣ не-славянской, а туранской и азіатской. Настоящее имя русскихъ—московиты; имя русскихъ они обманно узурпировали не дальше какъ во времена Екатерины II и т. д. и т. д. Отсюда слѣдовалъ естественно выводъ практическій: малоруссы и поляки должны, *какъ славяне*, держаться вмѣстѣ противъ русскихъ, по происхожденію туранцевъ, захватившихъ себѣ имя, языкъ и религію настоящихъ «русиновъ»; собственно говоря, настоящіе русскіе (малоруссы) тождественны съ поляками, и языкъ ихъ составляетъ только мѣстный варіантъ польскаго. Дальше увидимъ, что подобное желаніе отождествить два племени выразилось и въ поэтической литературѣ поляковъ, въ такъ-называемой польско-украинской школѣ.

Указанная теорія, особенно подробно изложенная Духинскимъ и отвѣчавшая практическимъ воззрѣніямъ и желаніямъ извѣстной доли польскихъ патріотовъ, могла бы быть оскорбительна для

---

[1]) Подробности о теоріи Духинскаго и ея повтореніяхъ преимущественно у французскихъ писателей см. въ книгѣ г. Ламанскаго: Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ, Спб. 1871, стр. 278—310.

патріотовъ русскихъ, если бы не была такимъ вопіи
рѣчіемъ исторіи и дѣйствительности; малороссовъ
не прельстила. Эта ошибка вообще оставляла впе
гопріятное.

Малорусскіе писатели не могли помириться
взглядомъ на исторію малорусскаго народа. По мн
публицистовъ, національность «русиновъ» не предс
дѣленнаго характера, есть только «поле битвы
соперничающими національностями»; ея прошедш
нія и преданія склоняютъ ее гораздо больше къ по
къ московскому элементу, который она «всегда
вала и отвергала». Здѣсь опять г. Костомаровъ д
категорическій отвѣтъ. Оставляя вопросъ о томъ,
дѣленный характеръ въ малорусской народности
стомаровъ указываетъ, напротивъ, во всемъ ходѣ
Руси полное противорѣчіе этимъ положеніямъ.
русскаго народа,—говоритъ Костомаровъ,— въ ко
лѣтія была покорена оружіемъ Польшѣ, а не
ней соединилась. Другая, въ соединеніи съ великим
литовскимъ, составляла государство русское какъ
такъ и по массѣ народонаселенія, и хотя въ
первой половинѣ XVI, на польскій престолъ выби
князья литовскіе, но это отнюдь не давало рус
государству видъ присоединенія къ Польшѣ. Дѣйс
единеніе совершилось уже въ 1569 г. на люблин
Съ русской стороны дѣйствующимъ классомъ народ
судьбу своего края, было одно дворянство». Но и
чательномъ рѣшеніи, питало увѣренность въ особнос
политическаго быта своей земли. Когда великое
товское соединялось съ Польшей на началахъ
южная Русь присоединялась къ ней какъ провинц
дѣйствовало одно дворянство, и то не все; и въ н
тиводѣйствіе и ропотъ. Народа не спрашивали; з
времена и не привнавали права голоса; но его н
сказалось. Къ концу XVI вѣка уже появляются
оруженныхъ шайкахъ простонародья, нападавши
скіе дворы и замки. «Вражда народа къ дворя
съ тѣмъ къ Польшѣ разросталась, и ея проявл
шире и грознѣе по мѣрѣ того, какъ это дворянст
у народа отдавшее южную Русь Польшѣ, стало
себя польскіе элементы и терять народность св
Церковная унія и покушенія католичества на с

отеческой вѣры еще болѣе раздражили народъ и даровали его противодѣйствію священное знамя религіи. Корпорація козаковъ стала зерномъ народной оппозиціи... Мятежи слѣдовали за мятежами. Косинскій, Наливайко, Жмайло, Павлюкъ, Остранинъ — оканчивали свои попытки неудачно, но, несмотря на то, дѣло шло прогрессивно; съ каждымъ новымъ мятежомъ козацкимъ участіе народа становилось шире и знаменательнѣе; казалось, самыя несчастія возбуждали и поддерживали народныя силы, — и когда народное негодованіе созрѣло, весь народъ громаднымъ пластомъ поднялся, на всемъ протяженіи соединеннаго съ Польшею русскаго края. Это было выразительное заявленіе народной воли по вопросу о люблинской уніи... Окончательною функціею этого народнаго отзыва было соединеніе съ Великороссіей. Въ то время это было событіе всенародное, дѣло массы: Хмельницкій угадалъ ея побужденія»... Московская политика не умѣла пользоваться обстоятельствами и расположеніемъ малорусскаго народа, и западная часть южной Руси была уступлена Польшѣ. Но броженіе продолжалось и такъ-называемая Коліивщина снова напомнила о дѣйствительномъ настроеніи массъ относительно польскаго господства... «По присоединеніи къ Россіи, совершившемся въ концѣ XVIII вѣка, южно-русскій народъ надолго остался подъ властію польскихъ помѣщиковъ, и правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмятежное сохраненіе своей власти надъ древлерусскими землями и порабощенными русскими земледѣльцами»... Только крестьянская реформа 1861 г. освободила южнорусскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ, и — «подаетъ прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣкового дѣла о заявленіи народной воли, по вопросу о соединеніи Руси съ Польшею. Отъ благоразумія поляковъ будетъ зависѣть на будущее время прекратить всякую возможность перейти этому дѣлу изъ исторіи опять въ современность».

Споръ объ этихъ историческихъ отношеніяхъ велся и ранѣе, и за нѣсколько лѣтъ до изданія «Основы» г. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о южной Руси» помѣстилъ статью извѣстнаго польскаго критика Грабовскаго съ собственнымъ отвѣтомъ, по вопросу объ отношеніяхъ старой Польши къ Малороссіи. Грабовскій защищалъ правительство старой Польши, и народныя возстанія малорусскія изображалъ какъ крестьянскіе бунты, какіе бывали повсюду въ Европѣ, и поводъ ихъ указывалъ никакъ не въ общемъ характерѣ Рѣчи-Посполитой, а только въ *частныхъ*, личныхъ злоупотребленіяхъ...

Въ концѣ-концовъ, г. Костомаровъ считалъ всѣ эти историческія пререканія совершенно безплодными для опредѣленія отношеній современныхъ. Споры объ «историческихъ правахъ» пора бросить. «Ни бракосочетаніе Ягейла, ни городлянскій сеймъ, ни люблинскій съ его политическою уніей, ни брестская церковная унія, ни деулинскіе, андрусовскіе, московскіе договоры, и никакія историческія событія, служащія польскимъ патріотамъ доводами правъ Польши на юго-западную Русь, въ настоящій вѣкъ не имѣютъ значенія. Обо всемъ этомъ можно писать историческія книги, ученыя диссертаціи, читать лекціи,—многое изъ этого можетъ пригодиться для картины, драмы, повѣсти, оперы,... но все это ровно никуда не годится для практическаго установленія международныхъ нашихъ отношеній. На старые договоры и межевыя записи уже и потому нельзя опираться, что *послѣдующіе договоры* и размежевки *уничтожили дѣйствительность первыхъ:* послѣдующіе *такъ же точно* опирались на силу, какъ прежніе въ свое время. Современныя понятія о народныхъ правахъ не допустятъ называть люблинскую унію добровольнымъ соединеніемъ двухъ братскихъ народовъ: она въ сущности не была тѣмъ, чѣмъ выставить ее хотятъ польскіе патріоты. То было дѣло одного сословія, а не цѣлаго народа»...

Современныя отношенія Польши и Малороссіи, или, тѣснѣе, польской шляхты и малорусскаго крестьянства въ юго-западномъ краѣ послужили предметомъ статьи г. Кулиша («Полякамъ объ Украинцахъ», Основа, 1862, февраль).

Дѣятельность «Основы» не нравилась польско-украинской шляхтѣ и вызвала рядъ возраженій, адресованныхъ и самому журналу. «Основу» упрекали, что она, вмѣсто того, чтобы залечивать старыя раны, старается возбудить въ народѣ ненависть къ шляхтѣ: «эта ненависть не оправдывается ужъ теперь (т.-е. послѣ крестьянской реформы) ничѣмъ, и по совѣсти можно сказать, что въ вашихъ сочиненіяхъ (это говорилось г. Кулишу) ея больше, нежели въ сердцахъ народа»... «Не смѣшивайте эпохъ и понятій историческихъ и не принимайте старинной шляхты за одно и то же съ нынѣшнею: тогда вы вѣрнѣе поймете наши достоинства и наши недостатки. На шляхтѣ лежитъ отвѣтственность за состояніе Руси до конституціи 3-го мая 1791 года; но... за послѣднія семьдесятъ лѣтъ обвинять ее безусловно нельзя, потому что уже не она тутъ распоряжалась... Всегда она обращалась къ украинскому народу съ словами: wolność i równość! Будила она его этими словами, когда онъ еще не понималъ ихъ значенія, какъ начинаетъ разумѣть теперь. Вы упорно молчите

(?) объ этомъ и изучаете нашу исторію. Вы хорошо помните, что у насъ были Жолкѣвскіе и Вишневецкіе, а не хотите знать, что были у насъ такъ же Костюшки и Ружицкіе... Вникнувъ поглубже въ исторію, вы бы должны были убѣдиться, что самоправно уничтожать на Руси шляхтича въ пользу народа вы не имѣете права; что онъ по крови, по заслугамъ и жертвамъ, которыя принесъ, такой же добрый *русинъ* [1]), какъ и всякій другой»... Надо вспомнить объ историческомъ правѣ. «Зачѣмъ вы польскую шляхту, живущую здѣсь цѣлыя столѣтія и служившую отечеству, называете теперь чуждою и не признаете за нею *помѣстныхъ* правъ (?) единственно потому, что она сдѣлалась сословіемъ и образовалась въ духѣ польской цивилизаціи? Вы можете порицать эту цивилизацію, можете опровергать привилегіи шляхетскаго сословія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вы имѣли право лишить ее наслѣдства въ пользу народа. Такое истолкованіе права исключительно въ пользу народа такъ же несправедливо, какъ было бы несправедливо истолкованіе его исключительно въ пользу шляхты. Шляхту въ украинской Руси составляютъ большею частію роды искони русскіе и меньшею частію нобилитованные на сеймѣ литовскіе и польскіе, которые родились съ первыми и, заселяя эту землю, устраивали города и слободы»... и т. д. Авторъ оканчивалъ заключеніемъ, что развитіе украинскаго народа внѣ интересовъ шляхетскаго меньшинства не приведетъ этотъ народъ ни къ чему, достойному сочувствія просвѣщеннаго человѣчества, и что судьбы юго-западной Руси неразлучны съ судьбами Польши въ будущемъ, какъ были неразлучны въ прошедшемъ.

На эти возраженія г. Кулишъ отвѣчалъ съ явной неохотой къ какому-нибудь союзу съ русско-польской шляхтой. Онъ замѣтилъ, между прочимъ, очень резонно, что «состояніе украинской литературы еще далеко не таково, чтобы ей играть роль политическую», что, слѣдовательно, мудрено приписывать ей распространеніе ненависти къ шляхтѣ и тому подобное. Украинская литература стремится только къ изученію своего народа и не загадываетъ ничего впередъ. Въ спорномъ вопросѣ г. Кулишъ считалъ достаточнымъ указать просто на существующіе факты: прошедшее поселило между польской шляхтой и украинскимъ народомъ враждебныя отношенія, весьма мотивированныя; въ настоящемъ онъ не видѣлъ, чтобы въ шляхтѣ произошло то пре-

---

[1]) Замѣтимъ, что подъ этимъ именемъ рѣчь идетъ о польской (или русской ополячившейся) шляхтѣ юго-западнаго края.

вращеніе, о которомъ говорилъ его оппонентъ. (
вались въ сущности тѣ же, о какихъ свидѣтельст
исторія: южнорусскій народъ считается какъ прел
и подчиненнымъ; достигнуть какого-либо высша
для него полагается возможнымъ только подъ руко
шляхты, принявшей польскую цивилизацію. Нар
русская, какъ она есть, какъ ее создала исторія
таки непонятной, не находитъ оправданія у поля
старыхъ шляхетскихъ преданій...

Кулишъ относится съ крайнимъ недовѣріемъ к
малорусскихъ сочувствій у своего польскаго и
русско-польскаго шляхтича:

«Что за симпатія такая къ намъ у потомко
шляхты, которая еще такъ недавно говорила о н
Такъ скоро ненависть и презрѣніе не перерождаю
видѣть не только на народахъ, но и на отдѣльны
Доказательствъ вашей симпатіи вы не представи
1855 году, когда былъ случай—не говорю сдѣлат
(пользы не могло выдти изъ вашей помощи), но
ловѣчески броситься туда, гдѣ людямъ тяжело.
десятка лѣтъ—ужъ вы родные братья украинской

«Нѣтъ, и въ одномъ вашемъ предположеніи,
повѣримъ, таится уже свойственное шляхтѣ отъ
бреженіе къ хлопамъ. Вы сами по себѣ, мы с
Судьба ваша была ужъ, и долго была, въ вашихъ
судьба вполнѣ никогда отъ насъ не зависѣла. До
самосознанія, мы впервые почувствовали себя тв
будущности. Дайте же намъ утвердиться на своем

Просвѣщенная часть польскаго общества не под
въ подавленіи народныхъ южнорусскихъ стремленій.
поляковъ, цивилизованныхъ только посредствомъ ф
перчатокъ,—говорилъ г. Кулишъ,—то прошу авт
письма въ «Основу») вспомнить статью одного из
журналовъ, въ которой говорится, къ какимъ мѣ
кіевскіе поляки для подавленія первой Грамáтки н
языкѣ, и не встрѣтило ли распространеніе стихо
ченка и другихъ воспитательныхъ для народа кн
и косвеннаго противодѣйствія со стороны мѣс
Вспомнимъ... все то, что до сихъ поръ происхо
между представителями украинской и польской на
ходящія до насъ извѣстія убѣждаютъ насъ въ печ
что значительная часть дѣятелей польской народ

состоитъ изъ прямыхъ наслѣдниковъ іезуитовъ XVII вѣка, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы кіевляне были уніатами и католиками». Украинцы никогда не пытались сдѣлать поляка украинцемъ,—говоритъ г. Кулишъ (да это было бы и не такъ легко), — но поляки донынѣ не перестаютъ хлопотать о томъ, чтобы Русь была Польшею, во что бы то ни стало. Онъ упрекаетъ поляковъ за «несчастную политическую систему, которую они проповѣдуютъ, несмотря на то, что она оказалась несостоятельною въ глазахъ всего міра — разумѣю систему хитраго, а часто и насильственнаго соединенія разнородныхъ религій и противоположныхъ народностей».

Польскій корреспондентъ выказываетъ сочувствія къ дѣятельности малорусскихъ патріотовъ; но эти сочувствія не трогаютъ г. Кулиша. Онъ видитъ, что полякъ сочувствуетъ въ украинской словесности только тому, что подходитъ подъ его виды на будущее и подъ его настоящія антипатіи. Полякъ все еще представляетъ себѣ малорусса козакомъ, защищавшимъ окраины Рѣчи-Посполитой,—и какъ скоро дѣятельность малорусса выходитъ изъ этой рамки, она кажется поляку нелѣпою и его безпокоитъ. Въ объясненіе своей мысли, г. Кулишъ указываетъ, какъ подъ вліяніемъ односторонняго патріотизма «великій польскій поэтъ Мицкевичъ сбавлялъ цѣны творчеству Пушкина съ извѣстнаго событія 1825 года, тогда какъ оно становилось все выше и выше». Другое подтвержденіе своихъ словъ г. Кулишъ находитъ въ извѣстной польской литературной школѣ, извѣстной подъ названіемъ украинской (Мальчевскій, Богданъ Залѣсскій, Северинъ Гощинскій, Падура). Эта школа разработывала украинскія тэмы и преданія и хотѣла усвоить ихъ польской литературѣ; но малорусскій критикъ считаетъ эту попытку тщетной и фальшивой.

«Первые стихи поэмы Мальчевскаго,—говоритъ г. Кулишъ, —по мнѣнію поляковъ, изображаютъ совершеннѣйшій типъ козака. Поэтъ торжественно обращается къ нашему земляку: «куда летишь ты на быстромъ конѣ? не за зайцемъ ли, котораго завидѣлъ въ полѣ? не врага ли насигаешь? не къ милой ли спѣшишь на свиданіе?»—и отвѣчаетъ заинтересованному читателю, съ полнымъ убѣжденіемъ, что возвеличилъ своего героя достойнымъ образомъ: «Нѣтъ, ты летишь исполнить волю своего пана, мчишь его письмо къ другому пану». Выше этой роли мы не дослужились у польской шляхты даже и въ литературѣ. Богданъ Залѣсскій воспѣваетъ нашихъ гетмановъ и запорожцевъ, но украинцы не видятъ въ нихъ своего образа и подобія; украинцамъ они представляются шляхтичами-эксцентриками. Ни Маль-

чевскій, ни Богданъ Залѣскій, ни Грозa и никто изъ поляковъ, писавшихъ поэмы и думы въ мнимо-украинскомъ духѣ, не пользуются никакою популярностью не только въ нашемъ простомъ народѣ, но и между людьми хорошо знакомыми съ польскою литературою. У поляковъ есть еще поэтъ, пишущій по-украински, а не по-польски, именно Падура. Стихотворенія его до такой степени кажутся полякамъ украинскими, что историкъ запорожской Сѣчи, г. Скальковскій, принялъ ихъ за народныя думы и ввелъ въ первое изданіе своего сочиненія. Мы видѣли великолѣпное варшавское ихъ изданіе, свидѣтельствующее о разсчетѣ издателя на сочувствіе польской публики... Все-таки и этотъ родъ сочувствія къ нашей народности не встрѣтилъ въ украинцахъ дружескаго привѣта. Пожимая плечами, они сторонятся отъ шляхетскихъ забавъ, выражающихъ готовность поляковъ быть съ ними за панибрата...

«*Я* польское и *я* украинское разошлись, въ теченіе вѣковъ, на такое разстояніе, что полякъ при всемъ стараніи не можетъ войти въ натуру украинца, а украинецъ, при всѣхъ приманкахъ, войти въ натуру польскую не хочетъ. Просвѣщенные представители той и другой народности способны сходиться дружески во имя общечеловѣческихъ идей и изъ любви къ поэтичности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бесѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣлываться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это дѣло исторіи того и другого народа».

Мы приведемъ еще одну цитату — послѣднія слова статьи г. Кулиша.

«Въ заключеніе я прошу читателей позволить мнѣ сказать нѣсколько словъ, которыя будутъ вполнѣ понятны только моему корреспонденту. Подозрѣнія его насчетъ нашихъ затаенныхъ цѣлей несправедливы. Мы живемъ въ тотъ вѣкъ, въ которомъ уже и въ государственную политику входитъ идея правды, какъ надежнѣйшій двигатель, какъ вѣрнѣйшая опора. Украинцы всегда чуждались извѣстнаго правила: цѣль оправдываетъ средства. Осуществить наши надежды мы надѣемся мирными средствами: путемъ просвѣщенія и справедливости, путемъ уразумѣнія общей пользы; всѣ другіе пути мы считаемъ ненадежными»...

Надо полагать, что «подозрѣвались» какіе-нибудь политиче-

скіе планы у малорусскихъ патріотовъ; г. Кулишъ отвергалъ ихъ, и вѣроятно совершенно справедливо.

Можно было бы привести еще много цитатъ, выражавшихъ этотъ разладъ двухъ народностей, разнорѣчіе малорусскихъ стремленій съ польскими; но существенное достаточно указано и въ томъ, что̀ нами приведено.—Споръ не выяснился и до сихъ поръ; да, къ сожалѣнію, и не могъ выясниться при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились обѣ стороны. Въ польскомъ обществѣ уже въ ту минуту готовились событія 1863 года; несмотря на примирительныя попытки отдѣльныхъ лицъ, масса мечтала прямо о возстановленіи старой Польши въ границахъ до-раздѣльныхъ, съ «Литвой» и западной Украиной. Малоруссіе патріоты остались правы въ своемъ недовѣріи, потому что польское большинство дѣйствительно намѣревалось господствовать надъ ихъ страной; на самомъ юго-западѣ произошли слабыя попытки возстаній, не имѣвшія ни малѣйшаго успѣха въ средѣ малорусскаго населенія.

Споръ былъ однако поставленъ неудовлетворительно и въ другомъ отношеніи. Былъ третій элементъ, который рѣшалъ дѣло, не спрашиваясь ни той, ни другой стороны; это была русская власть. Всякія помышленія о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ народностей обрывались съ ея вмѣшательствомъ. За усмиреніемъ возстанія послѣдовали, во-первыхъ, крестьянская реформа въ царствѣ, которая кореннымъ образомъ измѣняла внутренній польскій бытъ, во-вторыхъ, политика обрусѣнія, грозившая польской національности на ея собственной территоріи: угроза была, правда, невыполнима и въ основаніи ложна, но она должна была направить нравственныя силы общества на внутреннюю самозащиту, при которой мечты о господствѣ должны были очень умѣриться. Съ другой стороны, то самое украинофильство, которое такъ упорно заявляло свою несовмѣстимость съ польскими тенденціями и на дѣлѣ оказало себя ихъ противникомъ, подверглось неожиданнымъ стѣсненіямъ. Масса русскаго общества, воспитанная издавна въ привычкахъ одноформенности и общественнаго безличія, не въ состояніи была понять того явленія, что цѣлая значительная доля русскаго народа, въ лицѣ своихъ образованнѣйшихъ представителей, открыто заявляетъ о своей народной особности, о своихъ собственныхъ, самостоятельныхъ историческихъ свойствахъ и преданіяхъ. Дѣло было необычное, и хотя вдругъ оказавшаяся народность предъявляла въ практическомъ отношеніи самыя скромныя желанія, она была заподозрѣна въ какихъ-то темныхъ, сомнительныхъ намѣреніяхъ. Было два мнѣнія: по

однимъ, это было прикрытое продолженіе той же знаменитой «польской интриги», которая была въ тѣ годы пунктомъ помѣшательства значительной доли нашей печати; по другимъ, это была вещь независимая отъ польской интриги, но еще гораздо болѣе опасная: польское возстаніе была острая, всѣмъ видимая болѣзнь; украинофильство — скрытая язва, разъѣдающая самую цѣлость русской національности. Названо было слово «сепаратизмъ», и серьёзно трактовалось объ опасности—отдѣленія Малороссіи отъ Россіи! Украинофильская школа въ литературѣ была упразднена мѣропріятіями...

Литературный между-племенной споръ, начатый «Основой», остался прерваннымъ и не возобновлялся. Но движеніе не заглохло, потому что имѣло слишкомъ глубокія бытовыя основанія. Съ тѣхъ поръ, съ начала шестидесятыхъ годовъ, малорусскими учеными совершены важные труды для изученія прошлыхъ судебъ малорусской народности и ея настоящаго: таковы изданія и комментаріи историческихъ памятниковъ; изданія народныхъ пѣсенъ; монументальный трудъ экспедиціи Чубинскаго и друг. Подобныя изслѣдованія (которыя ведутся усердно и съ польской стороны) дадутъ самую надежную опору для опредѣленія старыхъ историческихъ отношеній, а затѣмъ взаимныхъ современныхъ притязаній, насколько онѣ отсюда выводятся.

Въ послѣдніе годы, въ средѣ этихъ изученій, произошелъ крутой переворотъ въ мысляхъ одного изъ главнѣйшихъ и нѣкогда самыхъ рьяныхъ представителей украинофильства, г. Кулиша, старыя мнѣнія котораго мы только-что излагали. Въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи: «Исторія возсоединенія Руси»—онъ сталъ съ крайней нетерпимостью отвергать то, что̀ прежде защищалъ, и защищать что̀ отвергалъ: онъ отвергъ свое украинофильство, видѣлъ въ нѣкогда любезномъ козачествѣ буйный и безпорядочный сбродъ, въ польскомъ панствѣ просвѣщенный элементъ, цивилизующій полудикую массу, и т. д., словомъ, сталъ говорить то, что̀ говорили обо всемъ этомъ польскіе историки и публицисты. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы этотъ удивительный переворотъ оправдывался, съ субъективной стороны, глубокимъ убѣжденіемъ и многостороннимъ изслѣдованіемъ дѣла: не трудно было видѣть преувеличенія и односторонности, продиктованныя не спокойнымъ изученіемъ, а страстью и нетерпимостью. Другой представитель той же школы, г. Костомаровъ, не усумнился возстать противъ прежняго единомышленника и указать крупные недостатки его новой точки зрѣнія [1]).

[1]) „Р. Старина", 1878, мартъ.

Такимъ образомъ, обращеніе г. Кулиша не было какой-нибудь побѣдой польскаго взгляда. Но украинскій взглядъ сдѣлалъ большое пріобрѣтеніе въ обращеніи противоположнаго свойства, которое произошло во мнѣніяхъ В. Б. Антоновича (нынѣ профессора кіевскаго университета), который историческими изученіями увѣрился въ ложномъ положеніи русско-польской шляхты въ юго-западномъ краѣ (къ которой онъ самъ принадлежалъ) и сталъ поборникомъ историческихъ правъ и особенностей южнорусскаго народа. Заявленное въ «Основѣ», это обращеніе сопровождалось потомъ многочисленными трудами по южнорусской исторіи, замѣчательными именно по своей фактической точности и документальному безпристрастію...

За послѣдующіе годы можно указать еще съ другой стороны труды г. М. Т., печатавшіеся въ «Вѣстникѣ Европы» [1]), гдѣ сдѣлано много цѣнныхъ указаній и о прошломъ, и о современномъ характерѣ украинско-польскихъ отношеній...

Къ сожалѣнію, тѣ условія, въ которыхъ издавна находится печать въ царствѣ польскомъ и которыя со времени возстанія еще ухудшились и дѣлаютъ тамъ невозможнымъ сколько-нибудь живое и свободное движеніе польской литературы, и съ другой стороны условія, въ которыя съ того же времени поставлено украинофильство и которыя еще ухудшились съ послѣдними мѣропріятіями относительно малорусскихъ книгъ, — остановили вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность разъясненія спорныхъ общественныхъ отношеній. Дѣло остается въ томъ же положеніи, въ какомъ было двадцать лѣтъ назадъ,—и примѣромъ тому можетъ служить отзывъ г. Костомарова на тѣ рѣчи о «примиреніи», которыя велись года два тому назадъ въ нашихъ изданіяхъ. Г-нъ Костомаровъ отозвался объ этихъ рѣчахъ съ той самой нетерпимостью, какая была выказана «Основой» въ разгарѣ тогдашней полемики. Онъ не вѣрилъ примирительнымъ заявленіямъ съ польской стороны,—хотя, намъ кажется, могъ бы дать имъ больше значенія даже съ своей точки зрѣнія, вспомнивъ хотя бы то обстоятельство, что со времени старой полемики прошло почти двадцать лѣтъ исторической жизни, которая могла же оказать какое-нибудь дѣйствіе на общественное сознаніе польскаго общества [2]).

---

[1]) „Восточная политика Германіи и обрусѣніе“; „Евреи и поляки въ западномъ краѣ“.

[2]) О статьѣ г. Костомарова было говорено въ „В. Европы“, 1878.

VII.

Намъ остается сказать, въ какомъ отношеніи къ польскому вопросу стояла «либеральная» часть русской печати.

Мы не разъ упоминали о тѣхъ условіяхъ, которыя ставили нашу литературу въ полную невозможность говорить объ этомъ предметѣ искренно и свободно. Во второй четверти столѣтія могли быть только повторяемы оффиціальныя свѣдѣнія и мнѣнія; политическіе вопросы были даже совершенно недоступны для литературы; никто и не покушался говорить о польскомъ вопросѣ, если мнѣніе не подходило къ оффиціальному панегирику. Мы видѣли, что въ свое время не могли появиться даже идеально-поэтическія мечты Хомякова или Тютчева; первыя, съ 1831 года, должны были ждать своего появленія въ свѣтъ до 1861, вторыя до 1879. Остается, слѣдовательно, говорить о томъ, что̀ *не находило* мѣста въ литературѣ, или высказывалось въ заграничной печати,—тогда и позже.

Въ тридцатыхъ годахъ, новое литературное поколѣніе, которому вскорѣ предстояло получить вліятельное положеніе въ литературѣ (такъ называемый потомъ кружокъ Бѣлинскаго) образовывался особенно подъ двумя вліяніями: съ одной стороны подъ вліяніемъ гегеліанства, которое внушало идеи о разумности (собственно надо бы говорить: о логической причинности) всего существующаго и, слѣдовательно, способно было вести къ самому крайнему консерватизму; съ другой стороны, подъ вліяніемъ (проникавшей контрабандою) европейской, особливо французской, политической литературы, ставившей вопросы общественнаго права, разсказывавшей о борьбѣ за свободу и, слѣдовательно, внушавшей сочувствія къ либеральнымъ европейскимъ движеніямъ и переворотамъ, которыми добывалась общественная свобода. Образчикомъ одной школы можетъ служить Бѣлинскій, въ первые годы его литературной дѣятельности; образчикомъ второй —Герценъ. Извѣстно, до какихъ крайностей доходилъ Бѣлинскій, разъ убѣдившись, на манеръ прусскихъ правыхъ гегеліанцевъ, въ разумности существующаго; Бѣлинскому казалось тогда разумнымъ не только положеніе Польши,—хотя бы и страдавшей отъ стѣсненія своей народности,—но даже положеніе славянъ подъ турецкимъ игомъ,—вѣдь Турція была «государство», т.-е. «разумно необходимая» форма существованія, которой подлежали славяне. Позднѣе, когда въ его взглядахъ наступилъ извѣстный поворотъ, онъ горько упрекалъ себя за мнѣнія,

какія высказывалъ въ ту пору, и между прочимъ за логическую и нравственную ошибку, которая тогда заставила его осуждать Мицкевича, защищавшаго свое драгоцѣннѣйшее достояніе — право своей родины [1]). Затѣмъ, Бѣлинскій былъ въ этомъ случаѣ согласенъ съ тѣми, которые и ранѣе относились къ польскому вопросу совершенно иначе—признавая за народомъ право искать потерянной независимости, и соглашаясь, что суровый режимъ, которому они были подчинены, долженъ былъ самымъ глубокимъ образомъ растравить рану, нанесенную ихъ національному чувству.

Эта послѣдняя точка зрѣнія, конечно, не могла найти никакого мѣста въ литературѣ сороковыхъ годовъ. Выше указано, что и въ шестидесятыхъ годахъ статья, рѣшившаяся со всѣми оговорками сказать о національномъ правѣ поляковъ, повела къ истребленію самаго изданія, гдѣ была напечатана... Но эта точка зрѣнія существовала. Положеніе Польши съ усмиренія возстанія 1831 года было такъ тягостно, что не могло не внушать участія людямъ, которые способны были понимать нравственное право народности; вооруженное возстаніе должно было вызвать вооруженное усмиреніе, но за нимъ слѣдовалъ цѣлый длинный періодъ суроваго правленія, который производилъ тяжелое впечатлѣніе въ самомъ русскомъ обществѣ. Это впечатлѣніе ясно даже у Погодина, который вовсе не былъ наклоненъ къ оппозиціи; даже ему казалось, что Польшѣ могли бы быть даны условія существованія болѣе мирныя, снисходительныя и справедливыя. Для другихъ, которыхъ политическіе взгляды воспитались на критическомъ изученіи собственной дѣйствительности и на европейскомъ либерализмѣ, положеніе Польши еще менѣе представлялось удовлетворительнымъ... Къ сожалѣнію, и этотъ интересъ къ Польшѣ, при тогдашнемъ стѣсненіи литературы, не могъ даже быть заявленъ и, слѣдовательно, не могъ быть провѣряемъ ни другими мнѣніями, ни ближайшимъ изученіемъ мѣстныхъ отношеній. Не мудрено, что благожелательство къ Польшѣ, очень великодушное въ своемъ источникѣ, могло сопровождаться недоразумѣніями

---

[1]) Осужденіе Мицкевича въ статьѣ о Менцелѣ, Соч. Бѣл., III, изд. 2-е, стр. 315—316. Въ письмѣ отъ 10-го декабря 1840 г., Бѣлинскій, обвиняя себя за примиреніе съ „гнусною дѣйствительностью“, особенно выразившееся въ названной сейчасъ статьѣ, говоритъ: „Болѣе всего печалитъ меня теперь выходка противъ Мицкевича, въ гадкой статьѣ о Менцелѣ: какъ! отнимать у великаго поэта священное право оплакивать паденіе того, что дороже ему всего въ мірѣ и въ вѣчности—его родины... И этого-то благороднаго и великаго поэта назвалъ я печатно крикуномъ, поэтомъ риемованныхъ памфлетовъ!“ (Жизнь и переписка Бѣл., II, стр. 77).

и ошибками, какъ это случилось въ позднѣйш
Герцена...

Это благожелательное отношеніе къ Польш
отъ одного новѣйшаго либерализма (который по
спеціальнымъ обвиненіямъ со стороны полонофаг
весьма далекія основанія въ инстинктивномъ чув
родства. Какъ ни странной покажется эта мысль
нависникамъ Россіи и русскимъ ненавистникам
при всѣхъ этнографическихъ различіяхъ двухъ
всей исторической враждѣ, между ними оказывал
прикосновенія, которые истекаютъ отсюда. Неод
пытки политическаго соединенія Польши съ мос
дарствомъ, легкость, съ которой русскій элемент
юго-западѣ сближался и ассимилировался съ по
при національно-политической враждѣ, располо
оказывала не разъ къ Польшѣ сама правительств
власть,—все это едва ли можетъ быть объясняемо
тическимъ разсчетомъ и принужденіемъ, одними
сословными соображеніями. Племенное родство не
исторіи,—дѣлавшей, кажется, все для того, чтобы
жилось и было отвергнуто обѣими сторонами:
минуты само польское сознаніе не разъ приход
что единственная опора для польской національности
прочный и нравственно удовлетворяющій союзъ
только союзъ съ русскимъ народомъ. Здѣсь именн
просъ и является въ ряду славянскихъ отношен
сожалѣнію, наши внутреннія отношенія бывал
ковы, что надежда на этотъ исходъ должна был
очень трудному испытанію. Только сильный ум
остаться при этой надеждѣ; не мудрено, что огро
ство не выдерживало этого испытанія. Польско
насъ выдѣляться и устраняться изъ обще-славянс
поляковъ — иногда сближаться съ этимъ послѣдни
но съ исключеніемъ Россіи...

Чтобы дать образчикъ «либеральныхъ» мнѣні
вопросѣ, мы обратимся къ сочиненіямъ писате
любопытнаго, что онъ, въ новое время, былъ та
вителемъ старыхъ поколѣній. Правда, сочиненія
генева, собственно говоря, выходятъ изъ предѣ
русской литературы, но въ послѣдней, какъ
изложеніе подобныхъ взглядовъ было тогда по до
віямъ невозможно.

Ник. Тургеневъ коснулся отчасти польскаго вопроса въ своей извѣстной книгѣ: «La Russie et les Russes», 1847; но болѣе обстоятельно онъ говоритъ о немъ въ другихъ политическихъ сочиненіяхъ, и прежде всего въ брошюрѣ 1848 года: «La Russie en présence de la crise européenne».

Тэма сочиненія состоитъ въ томъ крайне враждебномъ отношеніи, какое обнаружилось въ Европѣ противъ Россіи съ началомъ волненій 1848 года. Общественное мнѣніе Европы, освобожденное и возбужденное событіями, высказалось вдругъ со всей рѣзкостью, которая сдерживалась или совсѣмъ не могла обнаруживаться прежде. Причины этой вражды были ясны, и они прямо указывались: Россія была представительницей крайняго абсолютизма, она становилась въ разрѣзъ съ европейскимъ политическимъ движеніемъ и самымъ просвѣщеніемъ, отрицала ихъ и своимъ вмѣшательствомъ вредила развитію европейской свободы.

Н. Тургеневъ приводитъ къ должной мѣрѣ эти злобныя обвиненія, указываетъ, насколько, съ другой стороны, Европа была обязана Россіи, насколько въ реакціи, начавшейся съ священнаго союза, Европа должна винить и свои собственныя правительства; онъ не думаетъ, чтобы эта вражда могла стать прямой опасностью для Россіи,—которая достаточно сильна,—но тѣмъ не менѣе считаетъ эту вражду и небезопасной и эти отношенія во всякомъ случаѣ прискорбными, потому что Россіи надо жить въ европейской средѣ, и для собственнаго блага не запираться отъ просвѣщенія и общественно-политической свободы. Обращаясь къ положенію русскихъ дѣлъ, онъ находитъ его ненормальнымъ и по внутреннимъ интересамъ самого русскаго народа и по его отношеніямъ славянскимъ. Народъ долженъ идти къ совершенствованію своего внутренняго политическаго быта, къ свободѣ и самоуправленію; славянскія связи должны быть развиваемы до крѣпкаго нравственно-національнаго союза, который могъ бы стать для Россіи и великой политической силой... Между тѣмъ, положеніе вещей въ Россіи (въ сороковыхъ годахъ) не представляетъ условій ни для того, ни для другого.

Относительно южнаго славянства и другихъ единовѣрныхъ народовъ Востока, Россія была поставлена издавна какъ естественная опора и защита, на которую они смотрѣли съ надеждой и довѣріемъ. Такъ было еще и въ первые годы царствованія императора Александра I. Отношенія измѣнились, когда вскорѣ послѣ вѣнскаго конгресса Россія открыто вступила на путь политики реакціонной. «Русское правительство, уступая сначала

губительному вліянію австрійской политики, пото
страху, ребяческому и вредному для его собств
совъ, мало по малу оттолкнуло отъ себя греко
мена, еще недавно столь близкія и столь пред
способъ дѣйствія правительства относительно нес
переполнилъ мѣру и еще тяжеле поразилъ сердца

Если во внутреннихъ дѣлахъ глубочайшій ин
государства и народа долженъ заключаться въ п
тіи просвѣщенія, въ освобожденіи крестьянъ и
свободныхъ государственныхъ учрежденій, то от
вянскаго міра,—и, въ его средѣ, тѣсно связанно
ши,—должны возобладать начала братскаго со
тельства. Польское дѣло стоитъ здѣсь на первом
дашнія обстоятельства (конца 1848 года), по мн
именно были чрезвычайно благопріятны для тог
могла открыть новый путь своей политики.

Послѣ неудачи возстанія 1831 года, поляки,
искали покровительства европейскихъ державъ.
либеральной печати, въ парламентахъ раздавалис
защиту, устраивались демонстраціи,—поляки в
деждами; но люди болѣе дальновидные, и въ числ
невъ, предвидѣли, что отъ этихъ словъ, выражавш
дѣйствительное сочувствіе къ Польшѣ, сколько вр
еще далеко до настоящей помощи; что польское
ности, очень чуждо Европѣ, которая никакъ не
сочувствій до настоящаго вмѣшательства. Наконе
должны были увидать, что у нихъ гораздо мен
Европѣ, чѣмъ они думали. Франція и Англія не
цемъ для защиты Польши; затѣмъ явились и фа
стереженія—галиційскія убійства, 1848 годъ. Н
ментъ во Франкфуртѣ, революціонный и либераль
дѣлахъ, отнесся къ польскому дѣлу въ Познан
стремленіями къ денаціонализаціи и къ поглоп
національности, какія были бы впору правитель
скому. Галиційскія убійства уже вызвали мысль
къ Россіи, какъ одной естественной защитѣ дл
родности (въ Lettre d'un gentilhomme polonais,
1846); теперь эта мысль появилась снова. П
Н. Тургенева.

«Жестоко разочарованные, поляки обратили с
Россію, и спрашиваютъ себя наконецъ, не съ эт
должно придти ихъ спасеніе. Въ первомъ нумерѣ

изданія, «le Slave», мы читаемъ: «Польша,—мы утверждаемъ это,—можетъ теперь видѣть свое положеніе, свои истинные интересы. Оставленная Ламартиномъ со связанными руками и ногами на произволъ Германіи, Польша видитъ, какъ эта стоглавая держава профанируетъ ея національность, еще разъ подѣляя послѣдніе остатки ея территоріи. О, отталкиваемая теперь въ объятія Россіи, она въ первый разъ чувствуетъ, что эта нація заявляетъ ей участіе и истинно братскую привязанность. Поляки не забудутъ этого; они ждутъ... Отнынѣ, какъ въ своемъ интересѣ, такъ и въ интересѣ другихъ славянскихъ племенъ, поляки, вмѣсто той полной независимости, которая недавно составляла предметъ всѣхъ ихъ желаній, требуютъ только возстановленія ихъ національности, и твердаго и дѣйствительнаго покровительства всѣмъ народамъ славянскаго племени».

«Такимъ образомъ,—продолжаетъ Н. Тургеневъ,—мы имѣли основаніе сказать, что событія сдѣлали возможнымъ, даже легкимъ, разрѣшеніе этого польскаго вопроса, котораго исхода, еще шесть мѣсяцевъ тому назадъ [1]), нельзя было предвидѣть. Съ этимъ новымъ направленіемъ польскаго общественнаго мнѣнія совершенно новый путь открывается для русской политики: принятый искренно, онъ можетъ повести къ результату, который, быть можетъ, сначала будетъ не совершенно удовлетворителенъ, но который всегда будетъ предпочтительнѣе нынѣшняго положенія вещей, ставшаго по истинѣ невыносимымъ.

«Такимъ образомъ, русская политика должна стремиться къ искреннему, дружескому сближенію съ Польшей или по крайней мѣрѣ съ поляками царства. Какъ мы сейчасъ видѣли, поляки сдѣлали такъ-сказать первый шагъ; пусть русское правительство отвѣтитъ на ихъ авансы, какъ оно должно, съ благосклонностью и прямодушіемъ, и лучшее будущее можетъ еще озарить и Польшу, и Россію, и всѣ славянскія земли.

«Двѣ естественныя, могущественныя причины побуждаютъ къ этому сближенію: племенное родство между русскими и поляками, и отдаленіе, отвращеніе этихъ послѣднихъ къ нѣмцамъ.

«Это инстинктивное отвращеніе поляковъ къ нѣмцамъ имѣетъ много причинъ. Главный свой источникъ оно имѣетъ въ той опасности, какою грозитъ нѣмецкая національность, въ ихъ страхѣ, что послѣдняя поглотитъ ихъ собственную національность. Довольно вникнуть въ тотъ прогрессъ, который нѣмецкая національность не переставала имѣть надъ славянской національностью

[1]) Писано въ сентябрѣ 1848.

вообще, чтобы понять весь объемъ и неминуемость этой опасности. Не восходя къ тѣмъ временамъ, когда славянское племя покрывало большую часть нынѣшней Германіи, вспомнимъ только, что не далѣе полувѣка въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ окрестностяхъ Берлина еще говорили по-славянски. Значительная часть Богеміи, страны, которую Іосифъ II хотѣлъ германизовать во что бы ни стало, не говоритъ больше на родномъ языкѣ, не знаетъ его: его замѣнилъ языкъ нѣмецкій. Раздѣлъ Польши необходимо долженъ былъ подвергнуть польскую національность большой опасности. Но опыты были тяжелы особенно для поляковъ, доставшихся на долю Пруссіи, и притомъ не только потому, что они встрѣтились здѣсь съ болѣе высокой цивилизаціей, но еще и потому, что съ самаго начала своего господства Пруссія приняла своимъ принципомъ поглощеніе. Для достиженія его, она не удовольствовалась тѣми средствами, какія обыкновенно употребляются въ подобныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, обязательство употреблять въ общественныхъ дѣлахъ языкъ господствующаго народа, учиться въ школахъ и университетахъ побѣдившей страны,—Пруссія напала на польскую національность такъ-сказать въ ея корнѣ, въ томъ, что̀ составляетъ въ высочайшей степени жизненность народа. Въ то время какъ польскіе города наполнялись нѣмецкими рабочими и ремесленниками уже въ силу превосходства прусской цивилизаціи, правительство старалось заселить деревни нѣмецкими крестьянами. Съ этой цѣлью основанъ былъ фондъ, предназначенный для покупки имѣній, продававшихся съ публичнаго торга. Эти имѣнія дѣлились потомъ на участки и раздавались прусскими властями нѣмецкимъ поселенцамъ, съ исключеніемъ земледѣльцевъ польскихъ. Сами землевладѣльцы иногда неразсудительно служили видамъ прусскаго правительства, привлекая на свои земли нѣмецкихъ фермеровъ, которые обѣщали имъ лучшую обработку и лучшій доходъ, чѣмъ фермеры и земледѣльцы польскіе. Самыя благодѣянія побѣдителя грозили обратиться во вредъ польской національности. Прусскій коммиссаръ, посланный во время послѣднихъ смутъ, для умиротворенія великаго герцогства Познанскаго, не безъ нѣкотораго основанія говорилъ польскимъ крестьянамъ: «вы были жалкими крѣпостными, когда Пруссія овладѣла вашей землей; теперь вы свободны и владѣете землей, которую обрабатываете». Но легко понять логическій выводъ изъ этого увѣщанія; это значило: «забудьте, что вы поляки, будьте пруссаками». Но этого-то поляки и не желаютъ, справедливо или несправедливо; они понимаютъ настоящую цѣну данной имъ свободы и

права собственности, но кромѣ того, и выше всего, они хотятъ, повидимому, быть и остаться поляками.

«Но этой системы денаціонализаціи [1]), столь радикальной и вообще столь дѣйствительной, было еще мало для всѣхъ притѣснителей Польши. Одно правительство—эта гнусность принадлежитъ Австріи—попробовало другой способъ обезпечить покорность своихъ польскихъ подданныхъ, чтобъ задушить ихъ стремленія къ возстановленію своего отечества: вѣнскій кабинетъ придумалъ вооружить одинъ классъ противъ другого, крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, и убійства въ Тарновскомъ округѣ показали ошеломленной и негодующей Европѣ, до чего можетъ дойти коварство и свирѣпость правительства безъ принципа и безъ стыда.

«Столько обидъ накопили въ сердцѣ поляковъ, отъ мала до велика, непримиримую ненависть, которая высказывается даже въ народныхъ пословицахъ: одна изъ нихъ говоритъ, что «полякъ и нѣмецъ никогда не будутъ друзьями». Послѣднія событія въ Галиціи и герцогствѣ познанскомъ, и повторенныя постановленія франкфуртскаго парламента довели эту инстинктивную, застарѣлую ненависть до послѣдняго предѣла.

«Но сердце человѣческое такъ устроено, что одна сильная ненависть, кажется, исключаетъ уже другую. Послѣ тарновскихъ событій, польскіе землевладѣльцы, въ отчаяніи, грозили Австріи броситься въ объятія Россіи; послѣ познанскихъ убійствъ, стремленія поляковъ къ Россіи стали еще болѣе явными. И повторяемъ, между двумя этими народами есть родство, которое еще больше должно помочь ихъ сближенію, чѣмъ ненависть къ нѣмцу, и помочь болѣе утѣшительнымъ образомъ: это родство племенное.

«Въ силу этой самой общности происхожденія, у поляковъ нѣтъ къ русскимъ того врожденнаго отвращенія, какое неодолимо отдаляетъ ихъ отъ нѣмцевъ: напротивъ, все способствуетъ ихъ сближенію съ сѣверными братьями, даже гражданское и политическое состояніе русскаго народа: нельзя ненавидѣть то, что́ возбуждаетъ сожалѣніе.

«Съ своей стороны, русскіе, у которыхъ, я полагаю, нѣтъ отвращенія ни къ какому народу, несомнѣнно питаютъ къ полякамъ чувства, которыя почти можно было бы назвать братскими. Во всякомъ случаѣ, между этими двумя народами нѣтъ

[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, денаціонализація сдѣлала еще громадные успѣхи. Въ нашей литературѣ была не разъ названа книжка Людвика Жихлинскаго: "Ne naszéj gleby" (Познань, 1878), гдѣ эти успѣхи, фатальные для польской національности въ Пруссіи, указаны точными статистическими цифрами польскаго и нѣмецкаго землевладѣнія въ Познани за послѣднія тридцать лѣтъ.

этой нравственной преграды, которую такъ трудно преодолѣвать, —и это уже много. Потому, политикѣ благоразумной и примирительной легко было бы воспользоваться плодами этого взаимнаго расположенія, и ихъ союзъ, скрѣпляемый взаимнымъ интересомъ, обратился бы неизбѣжно къ выгодѣ того и другого.

«И я осмѣлюсь здѣсь—не давать совѣтъ, а выразить желаніе. Я скажу полякамъ, что желательно, чтобы они отказались искать средствъ спасенія внѣ братскаго союза съ русскимъ народомъ. Я особенно предложу европейскимъ политикамъ разсѣять ихъ иллюзіи и не искать возстановленія Польши противъ воли Россіи: всѣ ихъ симпатіи, всѣ ихъ разсужденія окажутся безсильны противъ воли 50-ти-милліоннаго народа, неприступнаго у себя дома, довольно сильнаго не только для того, чтобъ защищаться самому, но и для того, чтобы защищать все то, что онъ захочетъ защищать. Напрасно говорили бы, что русская политика оставляетъ полякамъ и ихъ друзьямъ слишкомъ мало надежды достигнуть чего-нибудь сноснаго, что надо покончить послѣднимъ усиліемъ: насиліе разобьется о силу вещей. Пусть не думаютъ однако, чтобы мы хотѣли наложить пассивную покорность на поляковъ и тѣхъ, кто искренно желаетъ имъ добра. Конечно, нѣтъ. Мы допускаемъ дѣятельность, мы ее совѣтуемъ, ее вызываемъ, въ случаѣ надобности мы помогли бы ей, если бы когда-нибудь наше личное положеніе это допустило, — но дѣятельность въ предѣлахъ возможнаго, разумнаго. Богъ совершитъ остальное. Не забудемъ, что правительства минутъ и что народы остаются; а русскій народъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова въ исторіи».

Таковы данныя. Какой же результатъ можетъ быть изъ нихъ выведенъ и ими достигнутъ?

Обращаясь къ положенію Россіи, Н. Тургеневъ замѣчаетъ, что Россіи предстоятъ два пути—отдаленіе отъ Европы и сближеніе съ ней и съ ея просвѣщеніемъ. «Система отдаленія, которую совѣтуютъ Россіи, отражается внутри рабствомъ и деспотизмомъ: во внѣшнихъ отношеніяхъ она привела бы къ уменьшенію законнаго вліянія Россіи въ европейскихъ дѣлахъ, къ ея уничтоженію политическому... Лично, человѣкъ можетъ быть крѣпокъ и силенъ, но онъ всегда слабъ, когда онъ одинокъ. Несмотря на все свое величіе, Россія была бы слаба въ Европѣ, если бы она имѣла всѣхъ противъ себя, всѣхъ, даже этотъ турецкій трупъ [1]),

[1]) Замѣтимъ опять, что это писано въ 1848. Въ 1853, и турецкій трупъ дѣйствительно былъ противъ Россіи.

который европейскіе принципы, быть можетъ, успѣли бы немного гальванизировать [1])...

Нѣкогда, въ дипломатическомъ языкѣ, въ языкѣ народнаго права было выраженіе, которымъ разграничивали цивилизацію европейскую и мусульманское варварство: говорили — *христіанство* (la chrétienté) въ противоположность Турціи. Берегитесь—тѣ, кому такъ нравится система уединенія (isolement) Россіи,—чтобы освобожденная Европа не приняла наконецъ это уединеніе за совершившійся фактъ, и не привыкла говорить: «свободная и конституціонная Европа», въ противоположность «рабской Россіи».

«По нашему мнѣнію,—продолжаетъ Н. Тургеневъ, — и это есть очень старое, глубоко вкоренившееся убѣжденіе,—по нашему мнѣнію, спасеніе Россіи, какъ всѣхъ странъ на свѣтѣ, необходимое условіе ея величія, ея могущества, ея благосостоянія, есть цивилизація. Изъ средствъ цивилизаціи, Россіи незачѣмъ было бы искать другихъ кромѣ тѣхъ, какія съ успѣхомъ послужили самому цивилизованному міру: ей остается только принять, усвоить тѣ изъ этихъ средствъ, успѣшность которыхъ никогда не была сомнительна, дѣйствіе которыхъ вездѣ было тождественно, вездѣ благотворно»...

Переходя затѣмъ къ славянскимъ и польскимъ отношеніямъ Россіи, Н. Тургеневъ видѣлъ два пути къ достиженію желаемой цѣли, т.-е. къ соединенію процвѣтанія Россіи съ потребностями и интересами славянскихъ племенъ.

Во-первыхъ, можно было, по его мнѣнію, установивъ европейскія государственныя учрежденія въ самой Россіи, ввести подобныя же учрежденія и въ царствѣ польскомъ; такимъ образомъ были бы выполнены постановленія вѣнскаго конгресса; членъ императорской фамиліи могъ бы быть вице-королемъ Польши. Правда, конституціонный опытъ въ Польшѣ не во всѣхъ отношеніяхъ былъ удаченъ; но не забудемъ, что конституціонная Польша соединялась тогда съ абсолютной монархіей. При сходствѣ учрежденій неудобства, конечно, сильно уменьшатся; но «мы предполагаемъ, что обѣ стороны будутъ дѣйствовать совершенно искренно, и прямо, а съ этою прямотой можно побѣдить много затрудненій». Возможность подобнаго устройства отношеній не кажется Н. Тургеневу сомнительной, и трудности его выполненія, какъ бы ни были онѣ велики, никакъ не сравняются съ тѣмъ благомъ, какое произошло бы изъ этого устройства.

---

[1]) Въ учрежденіи турецкой конституціи сдѣланы были и опыты гальванизаціи.

Оно удовлетворило бы многія изъ существенныхъ потребностей этой части польскаго народа: еще оставались бы у поляковъ желанія полной политической независимости, соединенія цѣлаго племени,—но много самыхъ тяжкихъ золъ было бы исцѣлено и даны условія жизни спокойной и свободной. Только тогда для поляковъ стало бы возможно считать себя соединенными съ народомъ, дѣйствительно братскимъ; съ этимъ были бы уничтожены поводы къ враждебнымъ обвиненіямъ, которыя по поводу Польши раздаются противъ Россіи, и наконецъ Россія, свободная съ этой стороны, могла бы быстро пойти къ могуществу и славѣ.

«Въ самомъ дѣлѣ, — восклицаетъ Н. Тургеневъ, — перенеситесь на минуту мыслью къ этому будущему, котораго, увы! мы не льстимъ себя надеждою увидѣть... Скажите, какое дѣйствіе могло бы имѣть это зрѣлище на многочисленныя славянскія племена, заключающіяся въ другихъ государствахъ? Не думаете ли вы, что сердце славянъ забьется сильнѣе чѣмъ когда-нибудь за Россію, что ихъ сочувствіе, ихъ любовь, ихъ преданность будутъ больше чѣмъ когда-либо ей принадлежать? Россія съ своей стороны будетъ въ состояніи свободно работать надъ тѣмъ, чтобы еще тѣснѣе скрѣпить узы, которыя привязываютъ ихъ къ ней; она будетъ въ состояніи, какъ было уже во времена Екатерины, открыть у себя школы, куда придутъ почерпать образованіе турецкіе славяне, сербы, черногорцы и т. д. Она въ состояніи будетъ также расширить и усилить свои связи съ народами не-славянскими, соединяемыми съ нею единствомъ исповѣданія. Какое обширное поле дѣйствій откроется тогда передъ ней! какое поприще для ея вліянія! И какая нація могла бы спорить съ ней въ могуществѣ, когда она будетъ имѣть за себя дѣятельныя сочувствія и, въ случаѣ надобности, существенную поддержку шестидесяти милліоновъ славянъ!»

(Н. Тургеневъ прибавляетъ, что, говоря о вліяніи Россіи на греко-славянскія племена, онъ разумѣетъ вліяніе чисто моральное и очень далекъ отъ желанія, чтобы она подчинила ихъ прямой своей власти).

Другой путь былъ бы тотъ, чтобы русскіе и поляки были соединены. Основной чертой системы было бы законодательное единство всѣхъ частей имперіи,—хотя сохранились бы необходимыя по мѣстнымъ условіямъ различія въ подробностяхъ управленія. Эта система имѣла бы свои неудобства, происходящія отъ разноплеменности населенія имперіи; но эти неудобства никогда не представили бы опасности для прочности государства, такъ какъ русскій элементъ представляетъ громадное боль-

шинство; даже самый остзейскій край, при всѣхъ симпатіяхъ къ Германіи, дорожилъ бы своимъ положеніемъ въ Россіи...

«Поляки старыхъ провинцій [1]) и царства также—позволительно думать—нашли бы въ своемъ сліяніи съ Россіей столь большія и положительныя выгоды, что менѣе чувствителенъ былъ бы тотъ ущербъ, какой могло бы возъимѣть при этомъ ихъ національное самолюбіе. Русскіе—это можно сказать смѣло—не исключительны и не страдаютъ нетерпимостью [2])... всѣ поприща открыты въ Россіи всѣмъ; кто бы вы ни были,—когда вы хотите дѣлить общую жизнь, васъ охотно принимаютъ. Въ громадной имперіи есть и еще долго будетъ мѣсто для всѣхъ тѣхъ, кто приходитъ въ нее искать счастья. Въ этомъ отношеніи конкурренція была здѣсь всегда свободна; порядокъ и свобода только сдѣлаютъ ее еще болѣе плодотворной.

«Такимъ образомъ, была бы для всѣхъ выгода въ полномъ сліяніи, и утѣшительное для человѣчества зрѣлище представили бы страны, принадлежащія Россіи, — соединенныя вслѣдствіе того въ одно обширное цѣлое узами мудрыхъ учрежденій. При этой гипотезѣ, какъ и при той, какую мы выше ставили, Россія могла бы разсчитывать на сочувствіе внѣшнихъ греко-славянскихъ народовъ, и ея могущество достигло бы такой высоты, какой она никогда не могла бы достигнуть при старомъ характерѣ правленія»...

Тургеневъ возвращается къ польскому вопросу въ русской книгѣ: «Чего желать для Россіи?» изданной въ Лейпцигѣ въ 1868 (стр. 125—173), и въ брошюрѣ: «О нравственномъ отношеніи Россіи къ Европѣ» (Лейпцигъ, 1869). Въ этихъ сочиненіяхъ онъ говоритъ о новѣйшихъ событіяхъ, о польскомъ возстаніи (которое считаетъ большой и прискорбной ошибкой поляковъ), о русскомъ освобожденіи польскихъ крестьянъ (которое считаетъ великимъ фактомъ), высказываетъ надежды (доселѣ не оправдавшіяся), но вообще остается при томъ же основномъ взглядѣ, который мы сейчасъ передавали.

Возвращаемся къ его книжкѣ 1848 года. Нечего говорить о томъ, что главное желаніе Н. Тургенева относительно внутренняго развитія Россіи не осуществилось и донынѣ; не осуществились ожиданія относительно Польши; въ славянскомъ мірѣ произошли важныя перемѣны, Россія положила начало

---

[1]) Т.-е. западныхъ и юго-западныхъ губерній.

[2]) Доказательство тому Тургеневъ указывалъ, между прочимъ, въ положеніи нѣмцевъ остзейскаго края, сохраняющихъ свои привилегіи и вліятельную роль.

освобожденію болгарскаго народа,—но сдѣланы были опять прежнія ошибки, и многое, чрезвычайно важное для славянства и для самой Россіи, упущено, быть можетъ, безвозвратно. Общія славянскія отношенія Россіи остаются неясными: славянство не знаетъ, насколько оно можетъ возлагать на Россію свои надежды, и нравственный союзъ славянскихъ народностей есть все еще дѣло туманнаго будущаго. Въ позднѣйшихъ книжкахъ Н. Тургеневъ высказываетъ самыя горячія сочувствія къ дѣятельности Николая Милютина и ожидаетъ, что освожденіе польскихъ крестьянъ будетъ сопровождаться другими мѣрами, сдерживающими крайнія притязанія и благотворными для мирнаго развитія польской народности [1]): послѣднія ожиданія опять не оправдались... Но весь взглядъ Николая Тургенева, всѣ его ожиданія, даже ошибки свидѣтельствуютъ о глубоко дружелюбномъ отношеніи къ польскому дѣлу, о духѣ справедливости и безпристрастія,—которыя вынесены имъ еще изъ идей и настроенія лучшихъ людей русскаго общества временъ его молодости. Это отношеніе продолжало жить въ дальнѣйшія эпохи, и безъ сомнѣнія могло бы много способствовать настоящему примиренію двухъ племенъ, если бы могло найти свободное выраженіе въ литературѣ. Къ сожалѣнію, условія самой русской литературы бывали таковы, что именно этой сторонѣ существующихъ мнѣній о польскомъ вопросѣ было всего труднѣе высказываться.

А. Пыпинъ.

---

[1]) „Не забудемъ,—пишетъ онъ,—что учреждаемый университетъ въ Варшавѣ и другія высшія спеціальныя школы останутся наиболѣе принадлежностію польскаго племени, какъ самаго многолюднаго“ (Чего желать для Россіи? стр. 141). Извѣстно, что изъ варшавскаго университета вышло учрежденіе очень мало составляющее принадлежность польскаго племени.

МЕЛКІЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ

и

КРЕСТЬЯНСКІЯ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ.

Быстро выступилъ въ послѣднее время на очередь вопросъ объ устройствѣ мелкаго поземельнаго кредита для выдачи крестьянамъ ссудъ на покупку земель. Двинуло его впередъ сознаніе опредѣлившейся недостаточности крестьянскаго землевладѣнія, съуживающей размѣры хозяйства крестьянъ, не обезпечивающей послѣднимъ достаточнаго производительнаго приложенія труда, создающей для нихъ еще нѣкоторыя особыя неудобства и, вслѣдствіе всего этого, понижающей уровень крестьянскаго благосостоянія. Крестьяне готовы покупать земли, для пополненія своихъ надѣловъ, но средства къ тому имѣютъ лишь относительно немногія единицы. Въ виду этого возникла мысль открыть новыя кредитныя учрежденія, которыя бы ссужали крестьянъ деньгами на земельныя покупки и потомъ постепенно возвращали себѣ эти ссуды изъ годовыхъ платежей заемщиковъ, на общеизвѣстныхъ основаніяхъ долгосрочнаго кредита. Этимъ способомъ могли бы отчасти сглаживаться послѣдствія ошибокъ, бывшихъ при практическомъ осуществленіи крестьянской реформы, а также послѣдствія предустановленнаго разнообразія въ степени надѣленія землею крестьянскихъ группъ разныхъ наименованій: государственныхъ, удѣльныхъ, помѣщичьихъ и т. п.

Мысль о подобномъ кредитѣ зародилась давно въ земствѣ, и въ средѣ представителей печати. Раньше всѣхъ заговорили о помощи крестьянскимъ покупкамъ земства тверской и таврической губерній, которыя, хотя и скромно, но уже на самомъ дѣлѣ приступили къ осуществленію этой помощи, ассигновавъ для того по нѣсколько де-

сятковъ тысячъ рублей. Литература представила цѣлый рядъ журнальныхъ и газетныхъ статей, а также—брошюру кн. Васильчикова и г. Яковлева („Мелкій поземельный кредитъ"), четыре года тому назадъ обратившую на себя большое вниманіе.

Не станемъ излагать въ подробности исторію возникновенія и развитія въ обществѣ идеи мелкаго поземельнаго кредита, во-первыхъ—потому, что эта исторія еще довольно свѣжа и большая часть нашихъ читателей, конечно, за нею слѣдила, а во-вторыхъ, потому, что намъ уже приходилось отчасти касаться этой исторіи въ особой статьѣ, помѣщенной въ 6-й книжкѣ журнала „Слово" за 1879 годъ („Земледѣльческій кредитъ"), гдѣ мы старались выяснить вопросъ по существу и оцѣнить значеніе уже сдѣланныхъ тогда предложеній. Довольно будетъ сказать, что болѣе серьёзно относящіеся къ этому дѣлу смотрятъ на мелкій земельный кредитъ не какъ на заурядную, частную мѣру, способную принести лишь ограниченныя послѣдствія, а какъ на дѣло крайне „необходимое", долженствующее благопріятно повліять на общій уровень крестьянскаго благосостоянія и предупредить много печальныхъ для массы населенія явленій, неизбѣжныхъ при предоставленіи крестьянъ ихъ собственнымъ средствамъ и усиліямъ и при нынѣшнихъ неблагопріятныхъ задаткахъ будущности ихъ землевладѣнія.

Не одинъ разъ указывали на необходимость предупредить развитіе зародившагося уже безземелія и скопленія земли въ рукахъ ограниченнаго меньшинства, и не запаздывать съ мѣрами противодѣйствія этому злу. Въ мелкомъ земельномъ кредитѣ видится одна изъ серьёзныхъ мѣръ подобнаго рода.

Но за признаніемъ и нѣкоторымъ распространеніемъ идеи крестьянскаго земельнаго кредита должны слѣдовать попытки практическаго ея осуществленія. Нужно рѣшить не только вопросъ о необходимости этого кредита, но и вопросъ—какъ именно его устроить? Этотъ вопросъ настоятеленъ, потому что проволочки и отсрочки дѣйствительно очень вредны; нельзя напрасно терять времени. Отъ словъ давно пора перейти къ дѣлу. И вотъ въ самое послѣднее время вопросъ о формахъ кредита, о практическихъ способахъ пособія крестьянамъ вдругъ выступилъ на ближайшую очередь. Въ теченіе одного и того же года появился цѣлый рядъ проектовъ. Одинъ составленъ петербургскимъ комитетомъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, другой московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства, а далѣе выступилъ рядъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ попытокъ земствъ разныхъ губерній. Одни предлагали проекты болѣе обработанные, другіе—только легкіе наброски, но вся совокупность подобныхъ попытокъ представила серьёзное общественное явле-

ніе. Движеніе этого вопроса въ обществѣ—едва ли не единственное хорошее дѣло недоброй памяти 1879 года.

Первымъ проектомъ явился, какъ выше сказано, проектъ петербургскаго комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и оказался очень неудачнымъ. Проектъ этотъ предлагаетъ соединять всѣхъ крестьянъ-заемщиковъ цѣлой губерніи въ одно „общество взаимнаго кредита"; въ началѣ дѣлами кредита, по проекту, заправляетъ земство, а потомъ выборное отъ общества правленіе; члены общества связаны круговою имущественною отвѣтственностью другъ за друга и выполняютъ обычныя въ учрежденіяхъ взаимнаго кредита формальности: съѣзжаются въ общія собранія, выслушиваютъ и утверждаютъ отчеты и т. п. Средства кредитнаго учрежденія образовываются путемъ выпуска особыхъ закладныхъ листовъ съ правительственною гарантіею. Кредитъ оказывается въ весьма умѣренной степени, именно—выдачею заемщику трехъ-четвертей стоимости земли, такъ что заемщикъ долженъ добывать остальную четверть на сторонѣ, оплачивая этотъ послѣдній заемъ весьма дорого, слѣдовательно не избавляясь отъ необходимости вѣдаться съ тѣми самыми ростовщиками, для спасенія отъ которыхъ обыкновенно и создается организованный дешевый кредитъ.

Уже по этимъ общимъ чертамъ, безъ приведенія подробностей (болѣе подробно мы разобрали петербургскій проектъ въ упомянутой выше статьѣ „Слова"), можно видѣть, что петербургскій проектъ былъ продуктомъ излишне формальнаго отношенія къ дѣлу и вовсе не соглашенъ съ условіями крестьянской жизни. Такъ какъ крестьяне-заемщики разбросаны въ разныхъ углахъ губерніи и не знаютъ другъ друга, то соединеніе ихъ въ одну цѣльную общественную единицу, въ одно „общество", связанное притомъ взаимною круговою отвѣтственностью, создавало не живую, а чисто формальную единицу; это форма безъ содержанія, однако, оплачиваемая дорого, такъ какъ имущественная отвѣтственность—дѣло вовсе не шуточное. Какіе были бы выборы въ правленіе, когда люди не знаютъ другъ друга? кому ввѣрялось бы распоряженіе имущественными интересами, за которое отвѣтствуютъ всѣ крестьяне-заемщики? какъ это наши крестьяне, дорожащіе и копѣйками, и временемъ, станутъ ежегодно съѣзжаться въ губернскій городъ изъ дальнихъ мѣстностей для выполненія церемоніи выслушанія и утвержденія отчетовъ? О такихъ вещахъ даже и спорить совѣстно.

Ко всему этому проектъ вовсе не приспособленъ къ возможности совершенія наиболѣе необходимыхъ видовъ крестьянской земельной покупки: нужно купить, напримѣръ, выгодно продающійся большой кусокъ земли для готовыхъ выселиться туда излишковъ населенія

нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, но купить этого куска нельзя, потому что ссуды выдаются только членамъ кредитнаго „общества", каковыми могутъ быть или сельскія общества, или готовыя уже товарищества или отдѣльныя лица. Куска земли, о которомъ идетъ рѣчь, для мелкаго товарищества или лица будетъ много, а всему сельскому обществу онъ ненуженъ; онъ годится для сводныхъ крестьянскихъ группъ изъ нѣсколькихъ селеній, а эти группы, до покупки, не составляютъ цѣлаго и, слѣдовательно, не могутъ вмѣстѣ ходатайствовать о ссудѣ.

Вообще проектъ этотъ никакъ нельзя было признать удовлетворяющимъ цѣли; онъ былъ только первою неудачною попыткою. Подробное указаніе его недостатковъ было необходимо особенно въ срединѣ истекшаго года, когда этотъ проектъ былъ единственнымъ, и другихъ еще не показывалось; тогда было мѣсто опасенію, чтобы петербургскій проектъ не сдѣлался образцомъ для большинства земскихъ начинаній или даже для проектовъ, получающихъ ходъ въ правительственныхъ сферахъ. Но теперь подобное опасеніе почти совсѣмъ устраняется, вслѣдствіе выступленія цѣлаго ряда новыхъ проектовъ. Теперь является уже другая потребность—разсмотрѣть главныя основанія всѣхъ появившихся проектовъ, чтобы выяснить достоинства и недостатки вообще нынѣшней постановки вопроса о мелкомъ земельномъ кредитѣ, надъ которымъ предстоитъ еще изрядно поработать общественной мысли,—нужно выяснить, чѣмъ именно можно воспользоваться изъ этихъ проектовъ и что̀ совсѣмъ не годится.

Съ лѣта прошлаго года, какъ сказано выше, извѣстія о земскихъ и другихъ проектахъ появлялись въ печати одно за другимъ и вопросъ о кредитѣ занялъ едвали не главное мѣсто между земскими вопросами. Московское общество сельскаго хозяйства разослало свой проектъ въ земскія управы другихъ губерній и къ нему примкнуло начинаніе московскаго уѣзднаго земства. Другія земства выступали съ болѣе самостоятельными попытками, особенно въ сѣверной, нечерноземной части Россіи. Появился проектъ новгородскаго губернскаго земства; ярославское земство предложило свой „выкупной банкъ"; псковское также рѣшило оказывать крестьянамъ содѣйствіе въ покупкѣ земель, костромское и херсонское губернскія земскія собранія уже ассигновали суммы на новый кредитъ. Изъ газетныхъ извѣстій видно, что тѣмъ же предметомъ занялись земства: воронежское, полтавское и даже вѣчно отстающее отъ другихъ смоленское. Въ то же время продолжали начатое дѣло земства тверское и таврическое. Возможно, что мы даже не знаемъ всѣхъ формальныхъ проявленій общественнаго участія къ дѣлу земледѣльческаго кредита и что нельзя еще подвести итога всему прошлогоднему обществен-

ному движенію по этому вопросу. Земства вообще не спѣшили публиковать свои начинанія и вдавались въ совсѣмъ излишнюю скромность. Но во всякомъ случаѣ матеріалъ накопился уже значительный.

Разумѣется, практическіе результаты объясненнаго движенія не могли оказаться слишкомъ значительными съ разу, такъ какъ вопросъ едва выступаетъ изъ сферы теоріи въ область практики; онъ едва устанавливается на земской почвѣ. Дѣло предстоитъ довольно сложное, нужно придти къ соглашенію не только въ главныхъ основаніяхъ, но и въ подробностяхъ, отъ которыхъ много зависитъ успѣхъ въ будущемъ. О многомъ еще надо столковаться, сговориться и поспорить. Самое разнообразіе основаній проектовъ показываетъ, что существующіе взгляды на дѣло отличаются еще разрозненностью; между земцами еще не было обмѣна мыслей; каждая земская группа выступала съ собственнымъ словомъ, не имѣя возможности справляться съ предположеніями другихъ подобныхъ же группъ. Съ самаго начала можно было предвидѣть, что вопросъ не будетъ разрѣшенъ движеніемъ одного истекшаго года, на долю котораго пришелся главнымъ образомъ только починъ. Кромѣ приведенныхъ обстоятельствъ, замедленіе въ достиженіи практическихъ результатовъ было неизбѣжно еще потому, что вопросу нужно одолѣть несочувствующую цѣлямъ его оппозицію и равнодушіе значительной массы нашихъ общественныхъ дѣятелей.

Оппозиція и равнодушіе не замедлили сказаться истекшею же зимою. Самый рельефный примѣръ оппозиціи представили московскіе губернскіе земцы, слишкомъ внушительно заявившіе стремленіе отдѣлаться отъ вопроса, затянувъ его подъ благовиднымъ предлогомъ въ длинный ящикъ: московское губернское земское собраніе постановило сдать вопросъ въ долговременную коммиссію, даже попросивъ ее заранѣе не стѣсняться никакими сроками и продѣлывать опыты примѣненія на крестьянскихъ надѣлахъ улучшенныхъ способовъ хозяйства, словно никто и безъ того не знаетъ, что лучшее хозяйство лучше худшаго, да только у крестьянъ нѣтъ средствъ завести лучшее; т.-е. земцы, не давъ синицы въ руки, любезно посовѣтовали ловить журавля въ небѣ. За московскимъ земствомъ потянулось смоленское и тоже „провалило“ вопросъ. Нѣкоторыя другія земства ограничились пока полумѣрами, показывающими, что хотя земцы и сознаютъ важность предмета, но еще недостаточно взвѣсили ее, и не вполнѣ выяснили себѣ, что̀ и какъ нужно сдѣлать для лучшаго достиженія цѣли.

Этими практическими неудачами, впрочемъ, смущаться нечего; рѣдкое серьёзное дѣло не проходитъ сквозь препятствія оппозиціи и равнодушія. Во всякомъ случаѣ начало положено, кое-что уже

сдѣлано, а дальнѣйшее пусть сдѣлается въ ближайшее будущее время. Теперь, въ промежуткѣ между окончаніемъ однихъ земскихъ сессій и открытіемъ слѣдующихъ, надо заняться болѣе серьёзнымъ обдумываніемъ потребностей дѣла и критикою того, что уже было заявлено. Весьма вѣроятно, что теперь новому вопросу откликнется часть нашихъ земствъ, прежде молчавшихъ о земледѣльческомъ кредитѣ, другія земства захотятъ дополнить сдѣланное прежде, да и тѣ, которыя успѣли „провалить“ вопросъ, этимъ еще не связали себѣ рукъ: земское рѣшеніе не есть рѣшеніе судебной инстанціи, не могущей, по собственной иниціативѣ, перевершать сдѣланнаго ею прежде; коль скоро земцы убѣдятся въ сдѣланной ошибкѣ, лучше обдумаютъ дѣло или какъ только измѣнится случайный, неблагопріятный дѣлу помощи крестьянамъ составъ наличныхъ гласныхъ— земское собраніе можетъ, ничтоже сумняшеся, принять то, что было отвергнуто предъидущимъ собраніемъ.

Итакъ, теперь нужны критическія замѣчанія на появившуюся группу проектовъ земледѣльческаго кредита. Необходимо опредѣлить насколько правильно ставится этотъ вопросъ? Мы и сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько подобныхъ замѣчаній. Но прежде надо сдѣлать хотя краткій обзоръ главныхъ основаній того, что̀ подлежитъ критикѣ. Не имѣя полныхъ свѣдѣній о всѣхъ проектахъ, сведемъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, тѣ существенныя черты, которыя дошли до насъ путемъ печати и которыя, должно сознаться, представляютъ еще очень отрывочный матеріалъ.

Московское уѣздное земство примкнуло къ проекту, выработанному московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства. Какъ видно изъ напечатанныхъ въ газетахъ отчетовъ о засѣданіяхъ земскаго собранія, сущность этого проекта состоитъ въ слѣдующемъ:

При губернской земской управѣ образуется спеціальное кредитное учрежденіе, поручаемое завѣдыванію одного изъ ея членовъ или особо избраннаго губернскимъ собраніемъ лица. Губернское земство отдѣляетъ изъ своихъ средствъ извѣстную сумму, изъ которой образуется основной капиталъ учрежденія, обезпечивающій исправность выполненія обязательствъ по оплатѣ закладныхъ листовъ. Средства для выдачи крестьянамъ ссудъ на земельныя покупки добываются выпусками закладныхъ листовъ на 49-лѣтніе сроки, съ утвержденія губернскаго собранія и съ разрѣшенія министра финансовъ. Ссуды выдаются крестьянамъ въ размѣрѣ 80% оцѣночной стоимости земли, закладными листами по нарицательной ихъ цѣнѣ. Крестьяне-заемщики платятъ ежегодно съ нарицательной стоимости своихъ ссудъ: 6% роста, $^1/_2$% на погашеніе капитала, $^1/_2$% на расходы по управленію и еще $^1/_2$% на образованіе запаснаго капитала, т.-е. всего

$7^1/_2{}^0/_0$ (при такомъ разсчетѣ капиталъ погашается въ 44 года, а не въ 49, какъ ошибочно полагаетъ проектъ; 49-лѣтній срокъ принятъ былъ въ правительственной выкупной операціи по крестьянскому дѣлу, но потому, что роста и погашенія полагалось $5^1/_2{}^0/_0$, между тѣмъ какъ московское земство полагаетъ $6^1/_2{}^0/_0$). Закладные листы гарантируются земствомъ и, кромѣ того, для нихъ испрашивается правительственная гарантія. Основнымъ правиломъ при выдачѣ ссудъ полагается то, что онѣ выдаются только цѣлымъ обществамъ въ совокупности или настолько крупнымъ частямъ обществъ, которыя представляютъ цѣлыя деревни; помощь отдѣльнымъ лицамъ или меньшимъ противъ цѣлыхъ деревень крестьянскимъ группамъ — не допускается.

Такимъ образомъ, по проекту московскаго земства, въ руки крестьянъ должны пойти деньги частныхъ капиталистовъ, покупающихъ закладные листы, а земство даетъ только первоначальный запасный фондъ и гарантію. Этотъ кредитъ выходитъ значительно дороже открытаго крестьянамъ въ 1861 году правительствомъ, такъ какъ правительство взимаетъ съ крестьянъ всего на-всего $6^0/_0$, а здѣсь предполагается $7^1/_2{}^0/_0$. Усиленіе дороговизны кредита можетъ появиться еще въ случаѣ отказа въ правительственной гарантіи, такъ какъ отъ послѣдней будетъ зависѣть продажный курсъ закладныхъ листовъ; главную же невыгоду для крестьянъ составляетъ необходимость получать отъ ростовщиковъ тѣ $20^0/_0$ покупной стоимости земли, какихъ имъ не додаетъ земское кредитное учрежденіе.

Короче—существеннѣйшія черты московскаго проекта слѣдующія: чисто земскій характеръ учрежденія (это уже не „общество взаимнаго кредита“), выпуски закладныхъ листовъ, дающіе возможность значительнаго расширенія операціи, и помощь только „цѣлымъ обществамъ“ или „цѣлымъ деревнямъ“.

Этотъ-то проектъ и провалили губернскіе земцы, причемъ нѣкоторые изъ нихъ высказали, что весь вопросъ о кредитѣ—вздорный, напрасно „вздутый“ литературою, что крестьяне вовсе не нуждаются въ землѣ и т. п., вообще высказали довольно характерныя вещи. Въ видѣ „отступнаго“, земцы пожертвовали нѣсколько тысячъ рублей на новыя „изслѣдованія“, изъ какихъ, по всей вѣроятности, ровно ничего не выйдетъ.

Ярославскій проектъ сходенъ съ московскимъ, но выгоднѣе его для заемщиковъ. Земство отчисляетъ изъ капиталовъ продовольственнаго и общественнаго призрѣнія 500 тысячъ рублей въ основной фондъ, а затѣмъ вновь образованный „выкупной банкъ“ выпускаетъ „выкупныя свидѣтельства“ до номинальной суммы въ 5 милліоновъ рублей. Сроки ссудъ и погашенія выкупныхъ свидѣтельствъ—49-ти-

лѣтніе; „выкупныя свидѣтельства“ приносятъ своимъ владѣльцамъ по 5% въ годъ, а съ крестьянъ-заемщиковъ взимается ежегодно всего по 6%, изъ коихъ 5% на упомянутую уплату владѣльцамъ, ½% на погашеніе капитала и ½% на администрацію банка. Дѣлами послѣдняго завѣдываетъ правленіе, члены котораго выбираются губернскимъ земскимъ собраніемъ. Ссуды выдаются только цѣлымъ сельскимъ обществамъ, съ принятіемъ членами послѣднихъ круговой отвѣтственности другъ за друга и, сверхъ того, обязательства не нарушать общиннаго землевладѣнія. По переходѣ въ собственность крестьянскихъ обществъ достаточнаго количества земли, „выкупной банкъ“ начинаетъ ликвидировать свои дѣла.

Выходитъ, что ярославскій проектъ въ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ московскимъ, только нѣсколько проще его и достигаетъ бо̀льшей дешевизны кредита, требуя съ заемщиковъ вмѣсто 7½ лишь 6%, т.-е. столько, сколько требуетъ и правительство по своей выкупной операціи; ярославскій проектъ находитъ возможнымъ подобными платежами и управленіе содержать и въ запасный капиталъ отчислять сколько нужно. Допущеніе пятимилліоннаго maximum'а операціи хотя съ перваго взгляда и кажется ограниченіемъ, но принявъ во вниманіе невысокую цѣнность земель ярославской губерніи можно помириться съ этимъ размѣромъ.

Новгородское земство предполагаетъ устройство земскаго же кредитнаго учрежденія, но при которомъ средства для выдачи ссудъ отпускаетъ правительство, а земство гарантируетъ послѣднему безубыточность подобной операціи. Губернская управа производитъ разсчеты, а уѣздныя выдаютъ ссуды и получаютъ по нимъ платежи. Ссуды даются по 200—300 рублей на лицо или до 10 тысячъ рублей на общество. Сколько можно видѣть изъ отрывочныхъ газетныхъ извѣстій о новгородскомъ проектѣ, онъ еще не разработанъ окончательно и представляетъ болѣе набросокъ, чѣмъ что-либо уже готовое. Хотя здѣсь не говорится о закладныхъ листахъ, но собственно въ отношеніи къ развитію выкупной операціи новгородскій проектъ мало отличается отъ двухъ предъидущихъ, такъ какъ нѣтъ существенной разницы между выпускомъ земскихъ бумагъ съ правительственною гарантіею и полученіемъ денегъ отъ правительства, которое можетъ извлекать ихъ путемъ выпуска облигацій отъ собственнаго своего имени.

Къ иному типу принадлежатъ начинанія херсонскаго и костромского земствъ, правда еще не развившіяся, но за то начавшія уже осуществляться на дѣлѣ.

Признавая недостаточность крестьянскаго землевладѣнія и отчасти вразумляемое примѣромъ мѣстныхъ нѣмецкихъ колонистовъ,

которые постоянно покупаютъ цѣлыя имѣнія для нарождающихся излишковъ своего населенія, херсонское земство ассигновало для помощи крестьянамъ очень ограниченную сумму и не сочинило никакой, сколько-нибудь сложной финансовой комбинаціи. У земства случайно образовался капиталъ въ 13 тысячъ рублей, полученный отъ ликвидированныхъ неудавшихся ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которымъ когда-то дана была ссуда; эти-то деньги земство и положило обратить на земельныя покупки, и предпочтительно—покупки имѣній, оставшихся за земельными банками послѣ неудачныхъ торговъ. Ни о закладныхъ листахъ, ни о гарантіяхъ, ни о широтѣ операцій — пока нѣтъ рѣчи. 13 тысячъ, на которыя можно купить всего десятинъ пятьсотъ—и баста. Ссуды полагается давать десятилѣтнія и 3%-ныя. Шагъ очень скромный, хотя ведущій къ немедленнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ ссуды могутъ быть выданы пожалуй и завтра. Маленькое начало, но по крайней мѣрѣ практическое начало, да и кредитъ выходитъ точно дешевый. Вмѣстѣ съ тѣмъ земство возбуждаетъ ходатайство о продажѣ крестьянамъ и о преимущественной отдачѣ имъ въ аренду земель казенныхъ, которыхъ въ херсонской губерніи имѣется до 400 тысячъ десятинъ. Впрочемъ, это послѣднее ходатайство, какъ можно видѣть изъ газетныхъ извѣстій, потерпѣло полную неудачу: земство получило разъясненіе, что крестьяне и такъ уже пользуются значительными льготами и если не поправляютъ ими своего положенія, то на бо́льшее разсчитывать уже не должны.

Въ костромской губерніи вопросъ о земледѣльческомъ кредитѣ возбужденъ былъ кинешемскимъ уѣзднымъ земствомъ. Оно просило у губернскаго земства заимообразно десять тысячъ рублей на ссуды крестьянамъ, а губернское земское собраніе ассигновало на всѣ уѣзды 24 тысячи рублей, съ тѣмъ, чтобы размѣръ пособія каждому уѣзду, въ которомъ начнутъ выдавать ссуды, ограничивался пятью тысячами рублей. Этотъ шагъ уже больше херсонскаго, такъ какъ и костромская сумма значительнѣе, и костромскія земли дешевле херсонскихъ.

Въ Полтавѣ задуманъ кредитъ съ закладными листами, съ выдачею ссудъ отъ трехъ-четвертей до девяти-десятыхъ оцѣночной суммы земли, и цѣлымъ обществамъ, и товариществамъ, и отдѣльнымъ крестьянамъ, причемъ отдѣльному лицу помощь оказывается въ покупкѣ не болѣе 20 десятинъ, а членамъ товариществъ—не болѣе 5 десятинъ на лицо.—Псковское земство рѣшило приходить на помощь, кромѣ обществъ, и отдѣльнымъ лицамъ, если за нихъ поручатся общества, и безъ ограниченія размѣра покупки, что уже представляется несообразностью, такъ какъ поручительство можетъ добыть

себѣ и человѣкъ вполнѣ достаточный, который притомъ покупаетъ кусокъ земли, превышающій средній уровень нужды крестьянина; т.-е. тутъ земскій кредитъ можетъ послужить дѣлу личной наживы, а не удовлетворенія главныхъ потребностей мужика.—О смоленскомъ начинаніи намъ только то извѣстно, что составился какой-то проектъ кассы съ маленькимъ, 25-тысячнымъ фондомъ—и провалился среди рѣчей, которыя были еще характернѣе московскихъ, причемъ земство отвергло даже въ принципѣ пользу мелкаго кредита.—Ничего вѣрнаго мы не знаемъ и о воронежскихъ рѣшеніяхъ.

Итакъ, вотъ цѣлый рядъ попытокъ въ пользу земледѣльческаго кредита, принесенныхъ однимъ только 1879 годомъ. Но на ряду съ ними стоятъ еще прежнія рѣшенія тверского и таврическаго земствъ, изъ которыхъ первое отпускаетъ ежегодно по десяти тысячъ рублей, а послѣднее ассигновало единовременно пятьдесятъ тысячъ и, сверхъ того, приняло на себя гарантію по уплатамъ крестьянъ-покупщиковъ до полутораста тысячъ рублей.

Къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ привели постановленія земствъ, уже открывшихъ кредитъ на покупку земель, т.-е. сколько уже куплено земель—объ этомъ мы еще почти ничего не знаемъ; все это выяснится въ слѣдующую земскую сессію, когда вѣроятно вопросъ о кредитѣ возникнетъ вновь.

Выходитъ, что предъ нами пока слѣдующіе главные типы кредитныхъ проектовъ: первый—учрежденіе спеціальнаго земскаго банка съ широкими операціями, съ выпусками закладныхъ листовъ, гарантированныхъ земствомъ и правительствомъ, или съ займами у правительства; и второй—простой отпускъ ограниченныхъ земскимъ суммъ, т.-е. обыкновенный „земскій расходъ“. Послѣдній типъ явно неспособенъ разрѣшить столь серьёзнаго вопроса, какъ пополненіе крестьянскаго землевладѣнія до необходимой степени; при этомъ типѣ земство должно давать изъ своихъ средствъ всю массу ссудъ, тогда какъ при выпускѣ закладныхъ листовъ земство даетъ только запасный фондъ—на одинъ земскій рубль можно выдать десять рублей ссудъ. Слѣдовательно, при ограниченности земскихъ средствъ, установленіе второго типа ведетъ къ большому ограниченію операцій; типъ этотъ можетъ играть самую скромную роль въ исторіи вопроса, и вѣроятно при дальнѣйшемъ движеніи послѣдняго исчезнетъ, уступивъ мѣсто другому; онъ имѣетъ значеніе только въ настоящемъ и лишь благодаря тому, что земства, примкнувшія къ этому типу, рѣшились съ-разу перейдти отъ слова къ дѣлу. Стало быть, приходится разбирать лишь то—насколько удачны предположенія примкнувшихъ къ первому типу кредитнаго учрежденія. Что въ нихъ есть вѣрнаго и что ошибочнаго?

Тутъ надо прежде всего обратиться къ основнымъ цѣлямъ новаго кредита. Если бы отъ новаго кредита требовались только самыя ограниченныя послѣдствія, въ родѣ случайнаго пособія небольшой части страдающихъ отъ малоземелья или избавленія нѣсколькихъ селеній отъ неудобствъ, причиняемыхъ врѣзавшимися въ черту ихъ надѣловъ кусками земли посторонняго владѣнія, то составленными проектами можно было бы удовлетвориться безъ дальнихъ разговоровъ, такъ какъ и недостатки ихъ не могли бы имѣть чувствительнаго вліянія на дѣло. При такихъ цѣляхъ вопросъ былъ бы низведенъ до второстепеннаго значенія и едва ли заслуживалъ бы той степени вниманія, какою пользуется теперь. Но вѣдь вопросъ ставится совсѣмъ иначе: отъ разрѣшенія его ждутъ важнаго экономическаго вліянія на населеніе; на новый кредитъ разсчитываютъ какъ на средство серьёзно поправить крестьянское положеніе, возвысить средній уровень послѣдняго, дать земледѣльцу хозяйственную самостоятельность. А съ точки зрѣнія подобной цѣли трудно удовлетвориться хотя бы однимъ изъ составленныхъ проектовъ. Самъ по себѣ, мелкій земельный кредитъ и при полномъ сочувствіи къ нему дѣятелей развѣ съ большимъ трудомъ поможетъ крестьянству, даже въ теченіе долгаго времени. Это средство медленное, при примѣненіи котораго нужно преодолѣвать много практическихъ препятствій. Если же къ этимъ затрудненіямъ прибавятся еще коренныя ошибки организаціи кредита, то дѣло сведется къ самымъ тощимъ послѣдствіямъ, совсѣмъ не отвѣчающимъ ожиданіямъ.

Мелкій земельный кредитъ отличается отъ системы надѣла тѣмъ, что предполагаетъ „добровольныя“ сдѣлки, покупку земель по обоюдному соглашенію и по взаимно-условленной цѣнѣ, между тѣмъ какъ отводъ надѣла по положеніямъ 19 февраля дѣлался обязательно, повсюду, и земли таксировались по заранѣе установленнымъ основаніямъ. Чего система надѣла могла достигнуть съ-разу, того системѣ мелкаго кредита придется добиваться постепенно и съ большимъ трудомъ. Нуженъ, напримѣръ, крестьянскому обществу сосѣдній кусокъ земли, но онъ оказывается непродажнымъ—и дѣло кончается ничѣмъ; иной кусокъ земли важенъ для крестьянъ не своею производительностью, а единственно своимъ расположеніемъ; напримѣръ, безъ обладанія такимъ кускомъ крестьяне будутъ подвергаться постояннымъ тяжбамъ о потравахъ, будутъ лишены необходимаго пастбища и т. п.; всѣ такія земли если и окажутся продажными, то развѣ по высокой цѣнѣ; владѣлецъ иного куска земли дорожитъ имъ главнымъ образомъ потому, что онъ даетъ ему возможность прижать мужика, взять съ послѣдняго больше, чѣмъ можно получить отъ обработки этого куска; развѣ такіе куски отдадутъ дешево? Нужны крестьянамъ

участки, отрѣзанные отъ ихъ надѣла при введеніи положеній; и эти отрѣзки если дѣлались, то именно въ разсчетѣ на извлеченіе изъ нихъ особыхъ выгодъ; не для того владѣльцы удерживали за собою подобные куски, чтобы потомъ отдать ихъ дешево, безъ реализаціи тѣхъ выгодъ, какія отъ нихъ получаются. Стало быть, ближайшимъ препятствіемъ къ развитію мелкаго земельнаго кредита будутъ отказы отъ продажи земель или требованія слишкомъ высокихъ цѣнъ. Покупки подобныхъ участковъ будутъ требовать или особыхъ жертвъ, или долгаго выжиданія удобнаго случая, напримѣръ, когда владѣльцу вдругъ понадобится продать свое владѣніе; да и тутъ еще надобно потягаться съ конкуррентами, изъ которыхъ иные именно будутъ разсчитывать на выгоды отъ продленія крестьянской нужды въ землѣ. Какъ тутъ не тормазиться достиженію искомыхъ цѣлей?

Въ виду неизбѣжности подобныхъ затрудненій къ достиженію основныхъ цѣлей земледѣльческаго кредита, послѣдній долженъ быть особенно приспособленъ къ утилизированію всякихъ благопріятныхъ случаевъ къ покупкѣ земель. При системѣ обязательнаго надѣла, коль скоро извѣстная земля нужна надѣляемымъ—она имъ сейчасъ и отводится, и нѣтъ надобности отыскивать какія-нибудь другія земли. Но новому земледѣльческому кредиту, при объясненныхъ затрудненіяхъ, именно нужно изыскивать „всѣ“ возможные случаи для пріобрѣтенія удобныхъ земель по возможно дешевой цѣнѣ. Труднѣе дается цѣль—больше должно затрачиваться усилій. Нельзя купить наиболѣе сподручныхъ земель—надо утилизировать всякую возможность другихъ выгодныхъ покупокъ. Представимъ себѣ крестьянское общество, крайне малоземельное; ему всего удобнѣе было бы пріобрѣсти сосѣднюю землю, но ее не продаютъ или требуютъ непомѣрныхъ цѣнъ, а между тѣмъ гдѣ-нибудь подальше дешево продается хорошая земля. При системѣ надѣла прямо взяли бы сосѣднюю землю, оставивъ безъ вниманія продажность дальней земли, а новый кредитъ, въ виду объясненныхъ выше затрудненій, непремѣнно долженъ быть приспособленъ и къ пріобрѣтенію дальней земли для готоваго выселиться на нее излишка населенія малоземельной деревни, чтобы хотя этимъ способомъ удовлетворить существующую нужду въ землѣ.

Словомъ, при отсутствіи власти отчуждать зе́мли обязательно, учрежденіе земледѣльческаго кредита должно пользоваться по возможности „всѣми“ случаями удобныхъ для него продажъ, оно должно расширить предложеніе себѣ земель. На эту сторону необходимо обратить особенное вниманіе; безъ того вліяніе новаго кредита будетъ гораздо слабѣе возможнаго.

Перейдемъ теперь къ главнымъ видамъ нужныхъ для крестьянъ

земельныхъ покупокъ, на которые мы уже указывали въ прежнихъ статьяхъ.

Первый видъ представляютъ покупки тѣхъ кусковъ земли, которые нужны крестьянамъ главнымъ образомъ вслѣдствіе ихъ расположенія при мірскихъ надѣлахъ и особенно при мірской усадебной землѣ. Такіе куски нужны цѣлымъ обществамъ, и не только малоземельнымъ, но даже и достаточно надѣленнымъ, такъ какъ пріобрѣтеніе ихъ избавляетъ деревни отъ отплачиванья за потравы и отъ необходимости арендовать ихъ по особенно дорогимъ цѣнамъ, бо́льшимъ противъ дѣйствительной стоимости земли. Здѣсь дѣло идетъ объ избавленіи отъ особаго вида кабалы.

Второй видъ — покупка болѣе отдаленныхъ большихъ кусковъ земли, иногда цѣлыхъ имѣній. Въ немъ нуждаются только малоземельные, для увеличенія своихъ надѣловъ. При ограниченныхъ средствахъ кредитнаго учрежденія и при значительности числа людей, нуждающихся въ его услугахъ, отдавать большое имѣніе одному обществу было бы много, но это имѣніе можетъ сдѣлаться поселеніемъ сводныхъ группъ, образовавшихся изъ излишковъ населенія разныхъ деревень, которые потомъ составятъ новое селеніе. Если бы все имѣніе отдавалось одной деревнѣ, то ссуда могла бы быть выдана цѣлому „обществу“, но такъ какъ требуется раздать его излишкамъ разныхъ деревень, то кредитъ долженъ оказываться гораздо меньшимъ группамъ, чѣмъ общества, то-есть нужно открывать его и товариществамъ, и единицамъ, тѣмъ болѣе, что переселенцы и поселятся на новомъ мѣстѣ не въ одно время. При такомъ порядкѣ переселенцы получатъ землю, а оставшимся на старомъ мѣстѣ станетъ просторнѣе, т.-е. цѣль будетъ достигнута.—Здѣсь-то требуемое проектами открытіе кредита исключительно цѣлымъ „обществамъ“ или деревнямъ обнаруживаетъ полную свою непрактичность. Продается земля, напримѣръ, за сорокъ верстъ отъ малоземельной деревни. Очевидно, вся деревня туда не переселится, не броситъ зря прежней земли; переселится же только часть деревни, слѣдовательно кредитъ нуженъ маленькимъ группамъ. Выселеніе излишковъ—одинъ изъ естественнѣйшихъ и наиболѣе возможныхъ способовъ уничтоженія малоземелья (имъ обыкновенно и пользуются нѣмецкіе колонисты), почему игнорировать его пользу и необходимость нельзя.

Третій видъ — выселенія въ другія губерніи, гдѣ и простора больше, и зе́мли дешевле, притомъ дешевле не по дурному качеству почвы, а единственно вслѣдствіе недостаточности населенія. Едва ли есть способъ болѣе могущественный къ разрѣшенію той задачи, которую имѣетъ въ виду учрежденіе мелкаго земельнаго кредита. Этимъ способомъ отчасти и пользуются крестьяне, борясь съ огром-

ными затрудненіями. Тутъ возможны и болѣе крупныя, и болѣе скорыя послѣдствія. Но переселяться въ другія губерніи опять будутъ не цѣлыя деревни, не цѣлыя „общества", а только части ихъ и отдѣльныя лица, слѣдовательно и здѣсь открытіе кредита только „обществамъ" окажется тормазомъ.

Наконецъ надо вспомнить, что существуетъ уже большая масса людей, отбившихся отъ обществъ, по неполученію въ прежнее время надѣла; здѣсь есть и бывшіе дворовые съ ихъ потомками, и одно-дворцы, и представители другихъ сословій, не получившихъ земли, и разныхъ другихъ видовъ безземелья, число которыхъ растетъ; они пробиваются промыслами на сторонѣ, нанимаются въ сельскіе рабочіе, работаютъ на пристаняхъ, и т. под., и очень рады были бы добиться куска земли. Отвыкшіе отъ нихъ прежнія общества хлопотать о нихъ не станутъ, а между тѣмъ пренебрегать нуждами этихъ людей, забывать ихъ, оставлять ихъ пролетаріями изъ-за излюбленнаго принципа помоганія только „обществамъ"—было бы жестоко и безцѣльно. Уменьшеніе размѣра подобнаго пролетаріата несомнѣнно составляетъ крупный общественный интересъ. Стало быть тутъ опять нужна помощь и товариществамъ, и отдѣльнымъ лицамъ.

Предположенный земледѣльческій кредитъ долженъ содѣйствовать *всѣмъ* объясненнымъ видамъ земельныхъ покупокъ, если только имѣется въ виду поставить его задачу дѣйствительно широко, мѣтко попасть въ истинную нужду народа и недовольствоваться тощими результатами и бумажными улучшеніями. Но иначе и уже ставится обсуждаемый вопросъ въ настоящее время.

Онъ ставится такъ, какъ будто всю тяжесть его должны вывезти на себѣ одни земства, пользуясь отъ государства лишь гарантіею на закладные листы. Государственный вопросъ ставится на узкую „губернскую" почву. Съ этой точки зрѣнія дѣло принимаетъ такой видъ, что вопросъ о земледѣльческомъ кредитѣ состоитъ изъ пятидесяти губернскихъ земскихъ вопросовъ объ учрежденіи въ отдѣльныхъ губерніяхъ пятидесяти новыхъ кредитныхъ учрежденій. Каждый проектъ имѣетъ въ виду добавку жителю „своей" губерніи участка земли непремѣнно „своей" же губерніи, бо́льшею частію даже изъ ближайшей къ его деревнѣ округи, а такъ какъ въ этой округѣ продажныхъ земель можетъ не случиться, то проекты сами обезсиливаютъ дѣйствіе кредита. Московскій крестьянинъ долженъ покупать московскую землю, какъ бы она дорога и малоудобна ни была, ярославскій—ярославскую, рязанскій—рязанскую, курскій—курскую и т. д. Постановка очень узкая, совсѣмъ не соотвѣтствующая важности вопроса. Правда, земство при нынѣшнихъ предѣлахъ своего

вѣдомства, само по себѣ, можетъ устраивать что́ бы то ни было только для своей губерніи, но, во-первыхъ, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, не укоры земству, а критику нынѣшней постановки вопроса; во-вторыхъ, при надлежащемъ взглядѣ на дѣло, и земству можно было бы сдѣлать оговорки относительно болѣе широкой постановки вопроса, и заявить ходатайство въ этомъ смыслѣ, а въ-третьихъ — упомянутая узкость сквозитъ въ самомъ допущеніи помощи исключительно обществамъ, при которомъ становится удобною лишь покупка смежныхъ земель. Отсюда видно, что дѣло не во внѣшнихъ только затрудненіяхъ, но и въ узкости взгляда самихъ земцевъ на задачи кредита.

Къ чему можетъ привести подобная узкость, такая „губернская“ постановка вопроса? Для выясненія этого обратимся къ московской губерніи, гдѣ, повидимому, всего болѣе и горячѣе разсуждали о земледѣльческомъ кредитѣ. Московскій мужикъ, для пополненія своихъ 2 десятинъ на душу, долженъ покупать московскую же землю. Земля эта, какъ извѣстно, довольно плоха и даетъ весьма скудный сборъ хлѣба. При сужденіяхъ московскаго уѣзднаго земскаго собранія, о ней отзывались, что она даетъ урожай самъ-третей. Посѣешь зерно — соберешь три зерна, значитъ чистая прибыль—два зерна. Но, несмотря на свою дрянность, эта земля очень дорога: тѣ же московскіе гласные высказывали, что десятину нельзя купить дешевле 100 рублей. Столь высокая цѣна земли объясняется не производительностью ея, а главнымъ образомъ тѣмъ, что мѣстность эта—подстоличная, гдѣ всѣ продукты дороже. Такого же качества земля въ какомъ-нибудь боровичскомъ или семеновскомъ уѣздѣ стоила бы не дороже 15—20 рублей за десятину. Для какого-нибудь промышленника высокая цѣна московской земли не составляетъ затрудненія, потому что его операціи разсчитаны главнымъ образомъ на *обмѣнъ*, на *продажу* земельныхъ продуктовъ; онъ не самъ будетъ потреблять свои продукты, а станетъ продавать ихъ, и продавать дорого, вслѣдствіе близости столицы. Въ производимомъ продуктѣ онъ видитъ главнымъ образомъ не предметъ потребленія, а предметъ обмѣна, т.-е. онъ видитъ въ немъ—„деньги“. Владѣя капиталомъ, промышленникъ или станетъ разводить на купленной землѣ какія-нибудь особенно выгодныя для сбыта растенія, или возвыситъ хлѣбную производительность. Довольствуясь даже упомянутыми выше двумя зернами, промышленникъ, имѣющій въ виду собственно „денежную цѣнность“ ихъ, не усмнится заплатить дорого за землю; онъ дорого дастъ за нее, но дорого и продастъ упомянутыя выше два зерна; его разсчетъ только въ томъ, чтобы продажная цѣна этихъ зеренъ выручала не меньше обычнаго въ промышленномъ мірѣ процента на затраченный

капиталъ. Если, напримѣръ, получаемыя съ десятины двѣ четверти хлѣба можно продать за 20 рублей, истративъ на обработку 8 рублей, то промышленникъ разочтетъ — соотвѣтствуютъ ли остальные 12 рублей дохода употребляемому на покупку десятины сторублевому капиталу? и если соотвѣтствуютъ, то онъ охотно заплатитъ за десятину сто рублей. Но крестьянинъ находится въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ промышленникъ, и разницу между ними необходимо видѣть ясно.

Для крестьянина земельные продукты не предметъ обмѣна или продажи, а главнымъ образомъ—предметъ *собственнаго потребленія*, почему вопросъ о денежной ихъ цѣнѣ тутъ отходитъ совсѣмъ на задній планъ. Земля для него — мѣсто жилища и источникъ „прокормленія“. Тѣ, которые думаютъ, что для мужика существуетъ тотъ же разсчетъ, что́ для промышленника, то-есть, что если мужикъ дорого купитъ землю, то дорого и возьметъ за данный ею хлѣбъ, жестоко ошибаются; они считаются съ фантазіею, а не съ дѣйствительностью. Продавать хлѣбъ могутъ только широко надѣленные землею люди, напримѣръ государственные крестьяне нѣкоторыхъ черноземныхъ губерній. Остальные же, если продаютъ, то развѣ вынуждаемые уплатою податей, продаютъ не по разсчету, а по принужденію, и въ огромный убытокъ себѣ, такъ какъ имъ приходится послѣ покупать обратно тотъ же самый хлѣбъ и гораздо дороже. Мужикъ, имѣющій 2 десятины на душу, да еще въ нечерноземной мѣстности, не можетъ продавать хлѣба, а долженъ покупать хлѣбъ, вдобавокъ къ своему урожаю, для одного своего прокормленія. Онъ не продавецъ, а покупатель, потребитель. Поэтому, если для промышленника, промышляющаго „продажею“ хлѣба, высокія цѣны послѣдняго—*барышъ*, то для двухдесятиннаго мужика эти цѣны *убытокъ*, такъ какъ онъ „покупаетъ“ хлѣбъ. Хлѣбный сборъ съ собственнаго надѣла представляетъ для мужика ни болѣе, ни менѣе, какъ *часть* его продовольственныхъ средствъ, и надобно стремиться къ тому, чтобы эта часть была какъ можно бо́льшею, для устраненія необходимости въ покупномъ хлѣбѣ. Короче: для промышленника хлѣбное зерно — деньги, а для мужика это только „зерно“, которое можно съѣсть; это потребительная только, а не обмѣнная цѣнность, слѣдовательно торговыя цѣны тутъ рѣшительно не причемъ, и брать ихъ въ разсчетъ не слѣдуетъ.

Представимъ себѣ мужика, у котораго земельный надѣлъ таковъ, что даетъ какъ разъ столько, сколько нужно для прокормленія семьи. Мужикъ съѣстъ этотъ урожай и будетъ только сытъ. Происходитъ чувствительное колебаніе хлѣбныхъ цѣнъ; для промышленника это вопросъ наживы или разоренія: поднялись цѣны—онъ въ барышахъ,

упали цѣны — онъ разорился. Съ поднятіемъ хлѣбныхъ цѣнъ для него прямой разсчетъ будетъ платить и за земли дороже, такъ какъ доходъ его увеличивается. И все это оттого, что хлѣбъ ему представляетъ преимущественно денежную цѣнность. А для мужика, о которомъ идетъ рѣчь, такое колебаніе цѣнъ ничего не значитъ, потому что хлѣбъ представляетъ ему лишь потребительную цѣнность; вздорожалъ хлѣбъ — мужикъ свой хлѣбъ съѣстъ, и будетъ сытъ: подешевѣлъ — онъ опять только съѣстъ свой хлѣбъ и будетъ сытъ. Ему все равно: дорогой или дешевый хлѣбъ онъ съѣлъ, потому что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мужикъ получилъ одно — онъ насытился. Вздорожаніе земли для мужика не уравновѣшивается никакою выгодою, потому что онъ долженъ лишь дороже, чѣмъ прежде, платить за возможность быть сытымъ. Способность же хлѣба удовлетворять аппетитъ не зависитъ отъ причинъ, колеблющихъ торговыя цѣны. Ясно, что подстоличное положеніе земли для промышленника имѣетъ совсѣмъ не то значеніе, какое для средняго мужика. А такъ какъ дѣло земледѣльческаго кредита поднято изъза интересовъ мужика, то мы и должны брать въ разсчетъ главнымъ образомъ „потребительную“ цѣнность хлѣба.

Теперь посмотримъ, какое значеніе получаетъ губернская постановка вопроса. Въ московскомъ уѣздѣ, десятина, дающая два хлѣбныя зерна, стоитъ 100 рублей; въ курской губерніи десятина, дающая восемь зеренъ—200 рублей; въ херсонской, дающая шесть зеренъ—25 рублей. Стало быть, московскій мужикъ могъ бы за пятьдесятъ рублей купить урожай въ 12 зеренъ въ херсонской губерніи, или два зерна въ курской. Но проектъ земельнаго кредита говоритъ ему: нѣтъ, покупай два зерна за 100 рублей, лишь бы зерна эти были московскія! Если, напримѣръ, мужику для прокормленія семьи нужно 12 четвертей хлѣба, то въ херсонской губерніи онъ долженъ купить примѣрно три десятины (при трехпольной системѣ), заплативъ за нихъ 75 рублей; но земскіе проекты ему говорятъ: нѣтъ, покупай для той же надобности девять московскихъ десятинъ и плати 900 рублей! Но зачѣмъ же мнѣ платить дороже, когда можно дешевле,— скажетъ мужикъ,—вѣдь я не продаю хлѣба, а ѣмъ его, и не хуже буду сытъ херсонскимъ зерномъ, чѣмъ московскимъ!—Все-таки покупай московское дорогое зерно, затѣмъ, что оно московское! — отвѣчаютъ ему. Выходитъ, что, согласно составленнымъ проектамъ, не только мужикъ долженъ обременять себя бо́льшимъ долгомъ, чѣмъ какимъ бы можно было обойтись, но и кредитное учрежденіе для обезпеченія мужика должно дѣлать гораздо бо́льшія усилія, чѣмъ нужно. Кредитная касса должна истощить себя на 900 руб. тамъ, гдѣ при иной постановкѣ вопроса достаточно было бы истратить 75 руб.,

т.-е. въ двѣнадцать разъ меньше. Не значитъ ли это напрасно обезсиливать кредитъ, ослаблять ту силу, которой у насъ такъ мало?

Вотъ что значитъ „губернская" постановка вопроса о земледѣльческомъ кредитѣ. Но она представляетъ еще и другія неудобства.

Допустимъ, что земства нѣсколько измѣнили свои взгляды и примутъ во вниманіе не только нужды въ покупкѣ сосѣдней земли, но и пользу покупокъ въ чужихъ губерніяхъ, то-есть что земцы станутъ благопріятствовать поземельному устройству переселенцевъ. Въ такомъ случаѣ, кредитъ должна оказывать не та губернія, *изъ которой* выходятъ переселенцы, а та, *въ которую* они приходятъ. Первая губернія окончательно разстается съ переселенцемъ, а послѣдняя водворяетъ его у себя и будетъ имѣть въ немъ гражданина и постояннаго плательщика. Что выйдетъ тутъ при губернской постановкѣ?

Такія губерніи, какъ московская, курская, рязанская и т. под. принимать переселенцевъ, разумѣется, не станутъ, потому что онѣ страдаютъ не недостаткомъ, а скорѣе избыткомъ населенія. Переселятся туда развѣ немногія лица, въ видѣ исключенія. Принимать же переселенцевъ должны главнымъ образомъ такія степныя губерніи, какъ херсонская, екатеринославская, самарская, гдѣ земли вволю и есть еще новинныя поля. Стало быть, московской, рязанской или курской губерніи придется если не вовсе отказаться отъ устройства кредита, то устроить его въ весьма ограниченной мѣрѣ, а самарской, херсонской и т. под. — вынести на себѣ почти всю тяжесть содѣйствія переселеніямъ изъ одной части государства въ другую. Этимъ степнымъ мѣстностямъ пришлось бы обзавестись самыми широкими кредитными операціями, поддерживая ихъ ограниченными средствами отдѣльныхъ губерній, что, разумѣется, соединено было бы съ крайнимъ напряженіемъ мѣстныхъ бюджетныхъ средствъ. Двѣ-три губерніи развѣ въ силахъ будутъ вынести на себѣ тяжесть разрѣшенія государственнаго вопроса? Очевидная неравномѣрность распредѣленія тягостей между мѣстностями тутъ ясно доказываетъ необходимость иной постановки вопроса.

Переходимъ къ другимъ недостаткамъ проектовъ.

Московское уѣздное и согласныя съ нимъ другія земства хотятъ оказывать помощь только цѣлымъ обществамъ или цѣлымъ деревнямъ. Такимъ путемъ можно разрѣшить лишь небольшую часть стоящей предъ нами задачи, то-есть оказать только слабое вліяніе въ смыслѣ улучшенія экономическаго положенія крестьянъ. Выше мы перечислили главные необходимые виды крестьянскихъ земельныхъ покупокъ; ихъ три: покупки особенно нужныхъ кусковъ смежной земли, покупки цѣлыхъ имѣній въ своихъ губерніяхъ и покупки земель

для переселенцевъ изъ другихъ губерній. При оказываніи помощи цѣлымъ деревнямъ облегчатся *только* покупки перваго вида: смежный съ общественнымъ надѣломъ кусокъ нуженъ всей деревнѣ, слѣдовательно и просить о немъ будетъ вся деревня. Но покупка цѣлаго имѣнія тутъ будетъ уже рѣшительно затруднена. Если имѣніе находится въ сорока верстахъ отъ нуждающейся въ землѣ деревни, какъ его купить? Вся деревня туда, разумѣется, не переселится, потому что не захочетъ бросить прежней земли, такъ какъ ей нужна не перемѣна участковъ, а лишь увеличеніе числа десятинъ; слѣдовательно, просить о покупкѣ земли можетъ только часть деревни, излишекъ населенія, а такимъ частямъ проекты отказываютъ въ кредитѣ. Стало быть, случаи продажи имѣній землевладѣльцами будутъ упускаться постоянно, къ явному вреду для дѣла. Для такихъ ли прозѣвываній возможности увеличить крестьянское землевладѣніе задумывается новый кредитъ? Дѣльнѣе разсчитываютъ практичные нѣмецкіе колонисты, именно придерживающіеся системы покупокъ всякихъ удобныхъ земель, хотя бы и отдаленныхъ, для выселенія туда излишковъ своего населенія.

Когда же будетъ представляться возможность купить имѣніе для выселенцевъ *изъ нѣсколькихъ* деревень, тутъ ужъ ровно ничего не подѣлаешь на основаніи проектовъ: каждая выселяющаяся группа — не „общество“ и не „деревня“, стало быть съ ними и разговаривать не станутъ; а всѣ они вмѣстѣ хотя и могутъ составить деревню или общество, но уже *послѣ* покупки и водворенія, между тѣмъ какъ проекты удовлетворяютъ лишь тѣхъ, которые еще при самомъ ходатайствѣ о покупкахъ составляли „общества“; т.-е. проекты готовы помогать выселкамъ уже тогда, когда они не будутъ имѣть нужды въ кредитѣ.

То же самое слѣдуетъ сказать и о переселеніяхъ изъ губерніи въ губернію: деревни цѣликомъ не переселяются, а переселяются лишь части населенія деревень, нужды же такихъ частей проектами игнорируются.

Можетъ быть, помощь цѣлымъ „обществамъ“ красива на бумагѣ, но на дѣлѣ она окажется великимъ тормазомъ важному дѣлу. Цѣли земледѣльческаго кредита, при необязательности продажъ, и безъ того трудно достигаются, а тутъ прибавляютъ еще введеніе новаго затрудненія по доброй волѣ. Мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы случайная покупка смежныхъ съ общественными надѣлами кусковъ земли исчерпывала главныя задачи земледѣльческаго кредита. Это слабый палльятивъ, который не можетъ удовлетворить главной потребности крестьянъ — ослабленія малоземелья.

Составители проектовъ особенно боятся открыть кредитъ мел-

кимъ товариществамъ и единицамъ. Въ объясненіе тому обыкновенно приводится, что допущеніе подобнаго кредита грозитъ злоупотребленіями, такъ какъ зе́мли станутъ покупать кулаки и другія лица, преслѣдующія цѣли личной наживы и что такимъ стремленіямъ надо противодѣйствовать. Цѣль подобнаго противодѣйствія мы понимаемъ, но не можемъ согласиться съ цѣлесообразностью предлагаемыхъ средствъ; противъ злоупотребленій надо дѣйствовать не сокращеніемъ полезнаго кредита, а другими способами, напримѣръ—ограниченіемъ ссудъ до разме́ра соотвѣтствующаго покупкѣ лишь небольшихъ участковъ земли. Признано, положимъ, что въ данной мѣстности мужику для своего прокормленія нужно имѣть пять десятинъ—ну, и не давайте единицѣ покупать больше пяти десятинъ, не давайте покупать и тѣхъ кусковъ, которыми непремѣнно желаютъ владѣть „общества", но не отнимайте у голоднаго человѣка возможности обезпечить себѣ хлѣбъ, единственно за то, что онъ не цѣлое общество. Скажутъ: пусть человѣкъ прежде припишется къ обществу, а тогда общество купитъ землю для себя и отъ своего имени надѣлитъ этого человѣка. Но подобныя требованія хороши лишь на бумагѣ, на дѣлѣ же выходитъ не то; надо знать, что въ настоящее время существуетъ уже огромная масса бездомнаго люда, и входящаго въ составъ обществъ, и не входящаго въ него: тутъ и крестьяне приписанные лишь къ волостямъ для административныхъ надобностей по закону 16 апрѣля 1862 года, тутъ и отставные солдаты, и однодворцы, и просто безземельные крестьяне, фактически отбившіеся отъ обществъ и промышляющіе работами на сторонѣ. Только отсутствіе у насъ сносной статистики не даетъ намъ возможности ясно опредѣлить огромную массу этого образовавшагося уже пролетаріата. Общества часто относятся къ такимъ людямъ съ полнымъ эгоизмомъ, и кто разсчитываетъ на всегдашнее теплое участіе обществъ къ людямъ, дѣйствительно нуждающимся, тотъ сильно ошибается. За приписку къ себѣ, общество часто требуетъ съ такихъ людей большія деньги. Намъ уже приходилось встрѣчать примѣры требованія по нѣскольку десятковъ рублей, а въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи заявляли, что были даже случаи требованія съ причисляющихся по 800 руб.; слѣдовательно, и надѣленіе землею отъ имени обществъ дѣлалось бы не даромъ; тутъ выступило бы обложеніе общественнымъ тяжелымъ налогомъ удовлетворенія вопіющей нужды голоднаго человѣка.

Выходитъ, что составители проектовъ, добиваясь отстраненія кулаковъ отъ кредита, попадаютъ совсѣмъ въ другую цѣль и отворачиваются съ своею помощью отъ большой массы совершенно обездоленнаго люда, да вдобавокъ достигаютъ еще объясненнаго выше сильнаго сокращенія земельныхъ покупокъ, игнорируя переселенія,

упуская покупки цѣлыхъ имѣній и т. под.—Можно установить условія образованія новыхъ „обществъ“ изъ мелкихъ единицъ, по удовлетвореніи ихъ земельныхъ нуждъ, можно придумывать другія цѣлесообразныя мѣры предосторожности отъ вреднаго эксплуатированія кредита, но нельзя жертвовать интересами массы, нельзя жертвовать значительною частью основныхъ цѣлей кредита, тѣмъ болѣе, что и покупки отъ имени обществъ могутъ иногда маскировать тѣ самыя личные планы наживы отдѣльныхъ единицъ, которымъ противодѣйствовать основательно желаютъ составители проектовъ. Всѣхъ возможныхъ способовъ злоупотребленія уловить заранѣе нельзя, а изъ-за предполагаемаго противодѣйствія нѣкоторымъ не слѣдуетъ отказываться отъ бо́льшей части добрыхъ послѣдствій зарождающагося земледѣльческаго кредита. Для уловленія копѣйки не должно жертвовать рублемъ.

Если желать правильной, вполнѣ отвѣчающей современнымъ экономическимъ нуждамъ, постановки вопроса о земледѣльческомъ кредитѣ, то вопросъ этотъ долженъ быть поставленъ какъ государственный, а не губернскій. Государственнымъ онъ долженъ быть признанъ не въ томъ только смыслѣ, что государство должно давать гарантію закладнымъ листамъ новаго кредита, а въ смыслѣ болѣе широкомъ, который объясняется ниже.

А если дѣло будетъ состоять только въ помощи передвиженію земельной собственности отъ однихъ жителей къ другимъ жителямъ той же губерніи или той же округи, то вопросъ съ-разу перейдетъ изъ первостепенныхъ въ третьестепенные, и разрѣшеніе его окажется слабымъ, совсѣмъ неудовлетворительнымъ паллятивомъ.

Улучшеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ переселеній изъ густо населенныхъ мѣстностей въ степныя должно стоять на первомъ планѣ, такъ какъ оно способно принести наименѣе медленные результаты и скорѣе дастъ населенію почувствовать благую перемѣну. Устройству же переселеній никакое земство, никакое губернское учрежденіе не можетъ оказать такой сильной помощи, какъ государство. Во-первыхъ, отъ послѣдняго главнымъ образомъ зависитъ устраненіе формальныхъ препятствій передвиженію населенія, весьма сильныхъ и пока остающихся неизмѣнными. Во-вторыхъ, государство владѣетъ въ степныхъ мѣстностяхъ большою массою земли, для отчужденія которой новымъ владѣльцамъ оно не нуждается въ выжиданіи соглашеній; тутъ можно обойтись безъ торговъ и конкурренцій, и безъ всякихъ закладныхъ листовъ. Коль скоро рѣшено, что крестьянамъ нужно дать землю — она немедленно и отводится. Кредитъ можетъ быть оказанъ въ видѣ простой разсрочки капитальной суммы. Отъ государства же зависитъ распоряженіе землями

разныхъ учрежденій (для примѣра укажемъ хоть бессарабскія монастырскія имѣнія), на которыхъ хозяйничаютъ теперь чиновники. Путемъ подобныхъ переселеній и земельнаго устройства въ значительномъ размѣрѣ, потребность общей массы крестьянства въ землѣ чувствительно уменьшится, и удовлетвореніе остальной окажется болѣе посильнымъ нашему земству. Земская помощь во всякомъ случаѣ будетъ необходима, но она приведетъ къ искомой цѣли лишь при могущественномъ содѣйствіи государства. Она пособитъ и мѣстнымъ передвиженіямъ изъ одной части губерніи въ другую, она поможетъ и той части передвиженій изъ губерніи въ губернію, которая не воспользовалась государственною помощью. Государство при этомъ можетъ даже усиливать финансовыя средства губернскихъ кредитныхъ учрежденій тѣхъ мѣстностей, въ которыя должны направиться болѣе значительныя группы переселенцевъ.

Только при подобной постановкѣ вопроса мы можемъ надѣяться на дѣйствительно значительные и незапоздалые результаты. Содѣйствуемая государственною помощью земская помощь будетъ сильна, а сама по себѣ она будетъ гораздо слабѣе и дѣйствіе ея затянется надолго. Разумѣется, и затяжная помощь лучше чѣмъ безпомощность, но ею еще можно было бы ограничиться, если бы все наше крестьянство съ-разу было поставлено въ хорошія поземельныя условія (напримѣръ, подобно большинству государственныхъ крестьянъ); тогда земскій кредитъ былъ бы нуженъ лишь для устраненія тѣхъ нуждъ, которыя вновь зарождаются постепенно, ходомъ жизни, и для этого онъ былъ бы достаточно силенъ. Но теперь предъ нами стоитъ необходимость не только удовлетворять подобныя нужды, но и восполнять недодѣланное при первоначальномъ устройствѣ крестьянскаго населенія, то-есть предъ нами гораздо болѣе крупная задача.

Говоря о необходимости сильной государственной помощи, мы, разумѣется, не ставимъ въ полную отъ нея зависимость помощь земскую; мы не говоримъ, что если государственной не будетъ, то не нужна и земская; напротивъ, и при отсутствіи государственной, если земства окажутся въ силахъ сдѣлать хоть часть того, что̀ нужно, надо сдѣлать и эту часть, указавъ однако на необходимость той государственной помощи, о которой мы говоримъ. Пусть результаты земскаго начинанія выйдутъ и скромны, все-таки не слѣдуетъ отъ нихъ отказываться, и земство получитъ по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что оно сдѣлало все ему посильное. Но разрѣшая и часть задачи, необходимо стараться сдѣлать возможно бо́льшую часть, не ослабляя неудачными основаніями кредита тѣхъ послѣдствій, какихъ можно достигнуть при наличныхъ земскихъ средствахъ. И дѣйствуя раздѣльно, земства не должны упускать пособій переселеніямъ и по-

купки цѣлыхъ имѣній для излишковъ населенія разныхъ обществъ. Этимъ они будутъ *ослаблять* создающіяся въ крестьянской средѣ экономическія затрудненія, хотя, конечно, возможно, что ростъ этихъ затрудненій обгонитъ послѣдствія земской помощи.

Коснувшись крестьянскихъ переселеній изъ губерніи въ губернію, мы должны остановиться на этомъ предметѣ подольше, чтобы напомнить еще разъ о его важности, тѣмъ болѣе, что для практическаго содѣйствія переселеніямъ до сихъ поръ не дѣлается ничего. Пять лѣтъ тому назадъ мы довольно подробно разбирали вопросъ объ этихъ переселеніяхъ („Вѣстникъ Европы", январь, 1876 г.), но, несмотря на истеченіе столь значительнаго періода времени, этотъ вопросъ почти не подвинулся впередъ; съ тѣхъ поръ рѣчи о немъ шли только въ литературѣ, да кое-гдѣ въ земствѣ, между тѣмъ какъ на практикѣ онъ постоянно сказывается крупными попытками крестьянскихъ партій выселяться въ искомыя и часто неопредѣленныя просторныя страны. Законодательныя затрудненія къ переселеніямъ остаются прежнія. Наши изслѣдователи, часто погрязая въ мелочахъ, столь крупнымъ вопросомъ русской жизни не занимаются. Практическое разрѣшеніе вопроса предоставляется собственной крестьянской предпріимчивости, встрѣчающей огромныя препятствія и дѣйствующей часто на-обумъ. Каждый годъ представляетъ болѣе и болѣе эффектныя явленія въ доказательство крайней нужды крестьянъ искать новыхъ земель. Партіи переселенцевъ съ каждымъ годомъ выступаютъ все грандіознѣе и грандіознѣе. Мы наглядно видимъ, что людямъ жутко, что имъ не сидится на старыхъ мѣстахъ, да это и понятно, такъ какъ если было тѣсно, малоземельно прежде, то съ умноженіемъ населенія становится еще хуже. И столичныя, и провинціальныя газеты сообщаютъ множество фактовъ подобнаго рода и рисуютъ картины движенія массъ крестьянъ съ женами, дѣтьми, телѣгами, съ вещами и т. п. Подобныя партіи заключаютъ въ себѣ сотни душъ рабочаго народа; но газеты, разумѣется, отмѣчаютъ лишь частицу того, что происходитъ въ ихъ мѣстностяхъ; встрѣчая подобныя извѣстія, мы можемъ быть увѣрены, что предъ нами лишь уголокъ общей картины. Будь у насъ сносная статистика, мы знали бы хоть приблизительно, какая масса народа передвигается у насъ ежегодно, куда, изъ какихъ мѣстъ идетъ переселеніе и какой процентъ переселяющихся претерпѣваетъ полную неудачу до того, что вынуждается возвращаться домой въ состояніи полнаго разоренія. Но такой статистики у насъ не существуетъ, и мы должны довольствоваться отрывочными газетными и журнальными статьями, дѣлающими для этого вопроса гораздо больше, чѣмъ научные изслѣдователи. Приведемъ для образца нѣсколько послѣднихъ извѣстій.

Крестьяне уходятъ не только за сотни верстъ, куда-нибудь на Кубань или въ самарскія степи, но проложили себѣ дорогу и въ Сибирь. Саратовская мѣстная газета прошлымъ лѣтомъ сообщила о громадномъ числѣ переселенцевъ, направившихся изъ воронежской губерніи въ тобольскую. Изъ Кирсановскаго, Липецкаго и Тамбовскаго уѣздовъ (тамбовской губерніи) нѣсколько тысячъ душъ тронулось въ восточныя окраины. „Особенною интенсивностью—говоритъ мѣстный корреспондентъ—отличается выселеніе изъ Кирсановскаго уѣзда; эмиграція приняла здѣсь такіе серьёзные размѣры, что помѣщики изыскивали мѣры къ ея ограниченію. Чтобъ побѣдить формальныя затрудненія, крестьяне иногда уходятъ безъ всякаго вида, пропадая безслѣдно для администраціи, или берутъ годовые паспорты, ежегодно мѣняя ихъ". „Вотъ уже нѣсколько лѣтъ—пишетъ другой корреспондентъ—какъ въ воронежской губерніи проявилось стремленіе переселяться въ отдаленныя мѣста, не только въ самарскую и оренбургскую губерніи, но и въ средне-азіатскія области и въ амурскій край". „Эмиграція крестьянъ въ уфимскую и оренбургскую губерніи продолжается—замѣтилъ не такъ давно „Оренбургскій Листокъ"—и мѣстныя присутствія по крестьянскимъ дѣламъ завалены переселенческими дѣлами. Никакія мѣры не останавливаютъ тѣхъ неотразимыхъ побужденій, по которымъ нашъ крестьянскій людъ оставляетъ родныя пепелища". Въ прошломъ году обратили на себя большое вниманіе извѣстія о движеніи массы курскихъ крестьянъ, не то въ оренбургскія степи, не то въ Сибирь, причемъ мудрый корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" счелъ нужнымъ выставить все дѣло плодомъ какой-то вредной агитаціи и даже мошенничества, упирая на то, что съ желающихъ переселяться кто-то беретъ какія-то деньги.— „Какъ только появятся первые признаки весны, ежегодно по дорогамъ въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ начинаютъ двигаться вереницы обозовъ и телѣгъ по направленію къ востоку",—говоритъ г. Ядринцевъ въ 6-й кн. „От. Зап." за 1879 годъ. „Переселенцы въ своихъ парусинныхъ и берестяныхъ повозкахъ тянутся медленно, но настойчиво къ какой-то предназначенной цѣли, останавливаются на поляхъ близъ деревень и на площадяхъ городовъ, располагаясь таборами; поѣдятъ, накормятъ лошадей, отдохнутъ и идутъ дальше; на разспросы отвѣчаютъ вяло и неохотно, осматриваясь и опасаясь какъ бы ихъ не задержали". Такъ совершается великое переселеніе русскаго крестьянства на востокъ. Между переселенцами въ алтайскій округъ томской губерніи, г. Ядринцевъ нашелъ не только бывшихъ жителей восточныхъ губерній, но и воронежскихъ, курскихъ и тамбовскихъ крестьянъ. Картинно выраженіе одного сибиряка, который такъ отозвался г. Ядринцеву о переселенцахъ: „Русскій му-

жикъ ползетъ какъ тараканъ", т.-е. не зная опредѣленно, куда именно идти, но явно гонимый изъ прежняго мѣста какимъ-то очень сильнымъ побужденіемъ.

Впрочемъ, цитаты завели бы насъ слишкомъ далеко; нужда въ переселеніяхъ общеизвѣстна. На ряду съ тяготѣніемъ народа къ Сибири и восточнымъ степямъ существуетъ еще тяготѣніе на юго-востокъ, въ придонье и къ Кавказу, но при нынѣшнихъ нашихъ свѣдѣніяхъ нельзя опредѣлить въ точности, какъ распредѣляются географически эти тяготѣнія. Предметъ этотъ въ высшей степени важенъ и интересенъ, и только у насъ подобный предметъ можетъ до такой степени быть оставляемъ безъ вниманія, что о немъ не собирается никакихъ правильныхъ свѣдѣній, словно въ самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ о движеніи не живыхъ людей, а таракановъ. Мы умѣемъ укорять крестьянъ въ невѣжествѣ, въ движеніяхъ на-обумъ, безъ опредѣленнаго плана и при руководствѣ однѣми надеждами, но собираемъ ли мы сами тѣ свѣдѣнія, которыхъ не имѣютъ крестьяне? Печатаются ли у насъ данныя, напримѣръ, хоть о количествѣ казенныхъ земель по мѣстностямъ и объ условіяхъ поселенія на нихъ? Знаемъ ли мы даже сколько-нибудь подробно о томъ, какъ эксплуатируются казенныя земли? Эта часть оффиціальной статистики у насъ, можно сказать, вовсе не существуетъ; кое-что мы узнали-было семь лѣтъ тому назадъ изъ трудовъ извѣстной коммиссіи по изслѣдованію сельскаго хозяйства, потомъ говорилось объ уступкахъ казенныхъ земель крупнымъ чиновникамъ—больше ничего, полная канцелярская тайна! Что́ же мудренаго, что мужикъ идетъ на-обумъ—мы тоже пошли бы не многимъ удачнѣе. Даже и размѣръ совершающихся переселеній остается неизвѣстнымъ, и мы получаемъ о немъ лишь кое-какія отрывочныя свѣдѣнія изъ частныхъ изданій, да пускаемся въ догадки. А казалось бы, тутъ не можетъ быть недостатка въ оффиціальныхъ источникахъ. Паспорты выдаются оффиціальными учрежденіями; безъ казенныхъ палатъ не обходится ни одно перечисленіе человѣка съ мѣста на мѣсто. Стало быть существуютъ цѣнныя данныя по этой части, да только онѣ безплодно покоятся въ архивахъ, несмотря на то, что есть у насъ и статистическіе комитеты и разныя общества, издающія по временамъ разные „выпуски", наполненные чѣмъ случится. Будь у насъ отзывчивость сказывающимся нуждамъ страны, не проникнись мы канцеляризмомъ, будь у насъ настоящее чутье жизни, развѣ могло бы быть что либо подобное, развѣ жгучій вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ могъ бы оставаться до такой степени забытымъ? Но у насъ хоть каждые два-три года повторяй одно и то же объ этомъ дѣлѣ—все будетъ одинаково современно.— Въ прошломъ году нашелся-было въ воронежской губерніи учитель,

который, словно въ укоръ статистическимъ и др. учрежденіямъ, по собственной иниціативѣ попытался собрать оффиціальныя данныя, нужныя для переселенцевъ, и входилъ объ этомъ въ переписку съ должностными лицами, но онъ добился лишь того, что его самаго заподозрили въ „неблагонадежности", и пришлось бросить начатое.

Въ прошедшемъ году, лѣтомъ, намъ пришлось побывать въ курской губерніи, въ мѣстности, черезъ которую только-что прошли обозы переселенцевъ, и говорить объ этомъ съ крестьянами. Вотъ, между прочимъ, вкратцѣ, отзывъ одного изъ нихъ, какъ видно наслышавшагося о дальнихъ странахъ:

— Это—сказалъ намъ мужикъ—дѣло не новое, и видимъ мы его не въ первый разъ. Я сколько помню себя—отъ насъ всегда ходили на „сходцы", только теперь уходятъ все больше да больше. Прошлый годъ изъ нашей губерніи пошло больше какъ двѣ тысячи душъ (трудно полагаться на это показаніе, но при отсутствіи оффиціальныхъ данныхъ о переселенцахъ можно и ему придавать значеніе). Идутъ и на Кубань, и куда-то за самарскую губернію, и въ Сибирь; есть такіе, что идутъ въ томскую губернію, а другіе въ тобольскую. Говорятъ, что есть тамъ хорошія мѣста, можно и пахать, можно и скота держать вволю. Нужно только прежде узнать хорошенько, куда идти, гдѣ лучше. Вотъ и выберутся два-три толковыхъ мужика и идутъ на развѣдку. Кто хочетъ выселяться — тѣ записываются и складываютъ деньги на дорогу развѣдчикамъ. Развѣдчики берутъ рублей по полтораста, по двѣсти, потому что вернуться назадъ имъ придется черезъ годъ или два, а жить надо; придутъ на мѣсто, осмотрятъ мѣста, облюбуютъ какую-нибудь землю и, когда нужно, заявятся начальству: вотъ мы, значитъ, зачѣмъ пришли, вотъ такія-то мѣста выбрали, столько-то и такихъ-то крестьянъ у насъ есть, которые желаютъ выселиться, что же отъ насъ требуется? Потомъ ворочаются домой, разскажутъ что̀ видѣли, что̀ узнали, и когда крестьянамъ покажется хорошо—начинаютъ подниматься; продаютъ что̀ лишнее и въ путь...

Оставляя все это показаніе на отвѣтственности бесѣдовавшаго съ нами мужика, мы однако не можемъ не отнестись къ разсказанному съ значительнымъ довѣріемъ. Показаніе это согласуется съ другими, доходящими до насъ свѣдѣніями и имѣло вполнѣ видъ правдивости. Выходитъ, что крестьяне далеко не всегда дѣйствуютъ наобумъ и нужда заставила ихъ выработать свой собственный способъ развѣдки. Итакъ, вотъ какого рода эти денежные сборы, на которые неодобрительно, сикофантски указываютъ недальновидные мѣстные наблюдатели, спѣшащіе рапортовать о зловредныхъ крестьянскихъ движеніяхъ въ неразборчивыя газеты; это необходимые рас-

ходы на развѣдки, безъ которыхъ обойдтись нельзя. Упомянутые наблюдатели слышатъ звонъ, да не умѣютъ разобрать откуда онъ, а собственное воображеніе ихъ не идетъ дальше мошенничества и обирательства. Предъ нами любопытнѣйшее явленіе, но мы изучить его не умѣемъ и способны злобно только сикофанствовать.

Если крестьяне должны такими первобытными, трудными и дорогими способами добывать себѣ то, что́ должна бы давать имъ приличная статистика и публикація оффиціальныхъ данныхъ, то ихъ ли можно винить за это? Бѣда въ томъ, что въ отношеніи къ жизненнѣйшимъ нуждамъ населенія у насъ въ запасѣ имѣется только система игнорированія, запрещенія и осужденія, вмѣсто системы изученія. Гдѣ и сколько у насъ есть удобныхъ для поселенія земель, на какихъ условіяхъ могутъ устраиваться переселенцы, какъ велико число переселенцевъ въ настоящее время, сколько людей уходитъ ежегодно изъ каждой губерніи въ дальнія мѣста по паспортамъ и для окончательнаго переселенія, въ какія именно мѣста эти люди уходятъ, какъ распредѣляется географически тяготѣніе крестьянъ къ подлежащимъ колонизированію мѣстностямъ, т.-е. откуда идутъ на югъ, откуда на востокъ — все это остается темнымъ. Ученыя общества такими вещами не занимаются, губернскіе статистическіе комитеты, публикуя разный хламъ или вовсе ничего не публикуя, оставляютъ безъ вниманія интереснѣйшія данныя, находящіяся у нихъ подъ рукою и напрасно погибающія въ архивахъ, а центральный статистическій комитетъ бо́льшею частію обработываетъ малоцѣнныя и запоздалыя свѣдѣнія, тогда какъ онъ могъ бы, по положенію своему, руководить занятіями губернскихъ статистиковъ и будить ихъ вниманіе къ заслуживающимъ вниманія предметамъ мѣстной жизни. Слабъ у насъ инстинктъ изученія, а безъ него какъ намъ двигаться впередъ?

Мы пишемъ не спеціальную статью о крестьянскихъ переселеніяхъ, но не могли не остановиться на вопросѣ о значеніи послѣднихъ съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ онъ находится въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ, по поводу котораго мы начали рѣчь. И вопросъ о переселеніяхъ, и вопросъ о земледѣльческомъ кредитѣ имѣютъ одну общую задачу— ослаблять малоземелье и, по возможности, устранять дальнѣйшее обезземеленіе крестьянскихъ массъ. Разрѣшеніе или движеніе этихъ вопросовъ порознь только ослабитъ наши силы и средства. Облегченіе переселеній будетъ недостаточно безъ кредита, а кредитъ окажется еще слабѣе, если не будетъ содѣйствуемъ развитіемъ переселеній. Слѣдовательно, коль скоро мы ясно сознаемъ нашу цѣль и станемъ стремиться къ возможно серьёзнѣйшимъ послѣдствіямъ — вопросъ о

кредитѣ долженъ разсматриваться непремѣнно въ связи съ воп
сомъ о крестьянскихъ переселеніяхъ.

Резюмируя все сказанное выше, мы находимъ, что для вполн
правильнаго разрѣшенія задачи одни земскія усилія недостаточн
Дѣятельное участіе тутъ должны принять земства и государство
совокупности, причемъ на долю послѣдняго должна выпасть не од
гарантія ипотечныхъ бумагъ новаго кредита. Предъ нами вопро
государственный, который долженъ бы быть разрѣшаемъ съ точ
зрѣнія не мѣстныхъ только, но общихъ экономическихъ интересо
страны.

Государство должно бы главнымъ образомъ облегчать пере
ленія изъ губерніи въ губерніи и помогать поземельному устройст
переселенцевъ на свободныхъ земляхъ преимущественно просторны
губерній и областей; этимъ оно разрѣшило бы настолько значительну
часть задачи, что съ остальною гораздо легче было бы справить
земству.

Земскія усилія должны главнымъ образомъ сосредоточить
на содѣйствіи крестьянамъ въ покупкѣ смежныхъ съ ихъ надѣла
кусковъ земли и въ болѣе ограниченныхъ передвиженіяхъ, изъ одн
части губерніи въ другую, посредствомъ покупки имѣній для излив
ковъ населенія малоземельныхъ обществъ и образованія изъ такихъ
сводныхъ излишковъ новыхъ „обществъ“. Но и земствамъ не слѣдуе
упускать изъ виду пособій переселяющимся въ ихъ губерніи и
чужихъ мѣстностей, насколько подобное пособіе земству посильн
Это въ особенности относится къ земствамъ степныхъ губерній. П
собіе такимъ переселенцамъ будетъ представлять и мѣстный инт
ресъ, соотвѣтствующій мѣстному характеру земскихъ учреждені
такъ какъ въ этихъ переселенцахъ земство будетъ видѣть часть *свое*
населенія и пріобрѣтетъ въ нихъ постоянныхъ плательщиковъ, уч
ствующихъ во всѣхъ судьбахъ мѣстной жизни.

Для успѣшнаго достиженія такой цѣли, для возможнаго предо
вращенія роста сельскаго пролетаріата, земство должно выдти из
тѣсной рамки оказыванія помощи только цѣлымъ обществамъ ил
деревнямъ въ совокупности; оно должно помогать и мелкимъ груп
памъ, и даже единицамъ, предотвращая случаи пособія кулакамъ
людямъ наживы—ограниченіемъ размѣра ссудъ мелкимъ единицам
до величины, соотвѣтствующей цѣнѣ такого куска земли, который при
знается необходимымъ для обезпеченія главныхъ нуждъ крестьянско
семьи; къ этому, разумѣется, слѣдуетъ добавить отказы въ ссудах
единицамъ, уже владѣющимъ подобными участками.—Изъ сводимых
на новыхъ мѣстахъ мелкихъ группъ и единицъ должны составляться
какъ замѣчено выше, новыя „общества“.

Къ земскимъ операціямъ можетъ присоединиться еще одна: ссуды для образованія не хитраго оборотнаго капитала крестьянскаго хозяйства, то-есть для покупки земледѣльческихъ орудій и необходимѣйшаго количества скота; пособіе же зерномъ для обсѣмененія полей — входитъ въ обычную рамку существующей земской операціи обезпеченія народнаго продовольствія. Не касаясь размѣра оборотнаго капитала, и не опредѣляя въ точности случаевъ содѣйствія его образованію, замѣтимъ только, что безъ этой операціи обойтись едва ли будетъ можно, если только добиваться дѣйствительнаго достиженія искомыхъ цѣлей. Группа переселенцевъ, напримѣръ, принесшая съ собой только однѣ „руки“, ничего не сдѣлаетъ съ самою благодатною землею: голыми руками не расцарапаешь земли, не нарвешь сноповъ и не перетащишь тяжестей на большія разстоянія. Возможны и другіе случаи, когда ссуды только на покупку земли окажутся недостаточными; вопросы подобнаго рода могутъ разрѣшаться въ каждомъ случаѣ отдѣльно. Не входимъ въ подробности и ограничимся выраженіемъ желанія, чтобы земства обсудили и эту сторону дѣла, т.-е. присоединеніе къ долгосрочному земельному краткосрочнаго не-земельнаго кредита.

Относительно выпусковъ закладныхъ листовъ не приходится дѣлать почти никакихъ замѣчаній. Собственно для земскихъ кредитныхъ операцій эти выпуски неизбѣжны. Правительственная гарантія подобныхъ листовъ не представляетъ почти никакого риска, но для прочности кредита и выгодности его для заемщиковъ она весьма важна, такъ какъ за гарантированную бумагу дадутъ больше, слѣдовательно и заемщики получатъ бо́льшія средства, за однѣ и тѣ же обязательства, и кредитъ выйдетъ дешевле. За гарантированную 6% бумагу дадутъ 100, а за негарантированную — 60; стало быть, обязавшись платить 6 рублей, заемщикъ при гарантіи купитъ больше земли и станетъ уплачивать на дѣйствительно полученную сумму 6%, тогда какъ безъ гарантіи—10%. Если правительство ничего не потеряло на выкупной операціи при тощихъ надѣлахъ, то оно еще меньше можетъ потерять на гарантіи операціи улучшенія крестьянскаго быта; едва ли можно допустить отказъ въ подобной гарантіи, какъ скоро земства обратятся къ дѣлу кредита серьёзно.

Короче, нужны: государственная помощь—переселеніямъ; земская помощь—покупкамъ смежныхъ съ крестьянскими надѣлами кусковъ земли, мѣстнымъ передвиженіямъ крестьянскихъ группъ и части переселенцевъ; кромѣ того—добавочный къ земельному краткосрочный кредитъ.

Если же вопросъ придется разрѣшать однимъ земствамъ, они, конечно, сдѣлаютъ меньше, чѣмъ нужно, но по крайней мѣрѣ должны

сдѣлать все, что́ не превышаетъ ихъ силы. Ограниченіе возможнаго успѣха не поводъ къ отказу отъ дѣла; оно не должно смущать дѣятелей, коль скоро происходитъ не отъ ихъ собственной неумѣлости, не отъ неудачности ихъ проектовъ. Но проекты земледѣльческаго кредита должны быть наиболѣе приспособлены къ пользованію *каждымъ* удобнымъ случаемъ земельной продажи, для ослабленія крестьянскаго малоземелья; чѣмъ меньше будетъ упускаться подобныхъ случаевъ — тѣмъ лучше будетъ достигаться цѣль; чѣмъ меньше будетъ въ уставахъ ограниченій, обусловливающихъ уменьшеніе размѣра покупокъ — тѣмъ выше будетъ достоинство кредита. Въ этомъ именно смыслѣ желательны измѣненія проектовъ, составленныхъ до настоящаго времени.

Ѳ. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е октября, 1880.

Отголоски нашей печати. — Сенаторскія ревизіи и общественное изслѣдованіе.—Административная реформа внизу и вверху.—Вопросы о преобразованіи перваго департамента сената, о комитетѣ министровъ и о «кабинетѣ». — Рѣчи г. министра народнаго просвѣщенія въ Ярославлѣ и Калугѣ.—Отвѣтъ «Zeitung für Stadt und Land». — Смягченіе по преобразованію Института инженеровъ путей сообщенія.

I.

Недѣли три тому назадъ, въ двухъ петербургскихъ изданіяхъ, принадлежащихъ, несмотря на нѣкоторыя частныя различія, къ одной и той же журнальной группѣ, появились въ одинъ и тотъ же день передовыя статьи, прямо противоположныя по внутреннему смыслу. Одна изъ нихъ была направлена противъ „скептиковъ", сомнѣвающихся въ наступленіи новой эры, готовыхъ утверждать, что все идетъ или по крайней мѣрѣ пойдетъ по старому; другая, наоборотъ, была сама исполнена скептицизма. Мы не обратили бы вниманія на это противорѣчіе, если бы тонъ второй статьи не указывалъ на какой-то фактъ, совершившійся чуть не наканунѣ и имѣющій, повидимому, существенную важность для всей журналистики. Если принять въ соображеніе, что первая статья напечатана въ изданіи еженедѣльномъ, вторая—въ изданіи ежедневномъ; если припомнить, что еженедѣльное изданіе, по своимъ условіямъ, всегда заготовляется нѣсколько раньше ежедневнаго, выходящаго въ одно съ нимъ время, —то разницу между обѣими статьями легко объяснить именно тѣмъ, что автору первой, въ моментъ ея составленія, не былъ еще извѣстенъ фактъ, вызвавшій вторую. Отсюда возможность возстановить настроеніе журналистики въ два момента, весьма близкіе по времени, но существенно различные по окраскѣ—настроеніе ея прежде и послѣ какого-то разочарованія. „Сдѣлано до сихъ поръ не-

много", читаемъ мы въ статьѣ еженедѣльнаго изданія, „но оно и не можетъ быть иначе. Во всякомъ дѣлѣ необходимо начало, а оно несомнѣнно уже есть и имѣетъ несомнѣнно громадное значеніе. Новый путь обозначился на столько рѣзко и опредѣленно, что возвратъ съ него едва ли возможенъ, при нормальномъ ходѣ дѣлъ".—„Мы имѣемъ полное основаніе не только оставить всѣ толки о томъ, какъ лучше организовать свободу печати въ Россіи"—читаемъ мы въ статьѣ другой газеты,—„но снова возвратиться на почву отстаиванія за частными и не лишенными всѣхъ правъ состоянія людьми возможности выражать гласно свои мнѣнія. Мы самымъ серьёзнымъ тономъ должны просить снисходительности и терпимости къ тому, что̀ высказывается въ печати. У насъ до такой степани не привыкли къ независимому мнѣнію, которое не забѣгаетъ за справками въ канцелярію и не становится на почву „Чего изволите", что оно представляется чѣмъ-то въ родѣ бунта, сопротивленія властямъ, или въ видѣ той крамолы, которая подлежитъ обузданію... Не объ организаціи свободы печати приходится теперь думать, но о томъ, чтобы за независимою печатью сохранилось по крайней мѣрѣ то право, которымъ она по возможности пользовалась до сихъ поръ... Печать не только никакого безпорядка не производитъ, но очень желала бы, чтобы и къ ней относились на основаніи какого-нибудь, хотя бы самаго маленькаго порядка".

Умудренному прежнимъ опытомъ глазу не трудно увидѣть въ этихъ словахъ какъ-будто признаки наступленія одной изъ тѣхъ минутъ, которыя такъ часто случалось переживать нашей печати. Изъ минутъ дѣлались иногда цѣлые годы; печати долго приходилось бороться съ противнымъ вѣтромъ; лавировать среди всевозможныхъ препятствій, ежеминутно сознавая опасность крушенія. Удивительно ли послѣ того, что она воспользовалась перемѣной вѣтра, возможностью идти впередъ по давно намѣченной дорогѣ? Упрекнуть ее въ торопливомъ, неосторожномъ слѣдованіи по этой дорогѣ едва ли возможно; если въ продолженіи полугода не было слышно объ административныхъ взысканіяхъ по дѣламъ печати, то причину этому слѣдуетъ искать не только въ измѣнившихся взглядахъ и пріемахъ администраціи, но также и въ образѣ дѣйствій газетъ и журналовъ. Оказывается, однако, что въ этомъ образѣ дѣйствій какъ-будто должна произойти перемѣна. Положеніе печати можетъ сдѣлаться болѣе прочнымъ только тогда, когда вполнѣ выяснится настоящее значеніе высказываемыхъ ею желаній, различіе между ея стремленіями и задачами правительственной дѣятельности. Періодическая пресса — это легкое передовое войско мысли, прокладающее пути, освѣщающее ихъ со всѣхъ сторонъ, все приготовляющее для дви-

женія. Оставаясь вѣрною самой себѣ, она не можетъ не уходить далеко впередъ, подобно тому, какъ партизанскій отрядъ не можетъ идти въ хвостѣ арміи; но, съ другой стороны, и она не должна ожидать, чтобы главный отрядъ слѣдовалъ за нею съ такою же точно быстротою. Ея „указанія“ не имѣютъ ничего общаго съ „требованіями“; ея напоминанія могутъ предупредить слишкомъ продолжительную остановку на одномъ мѣстѣ, но не могутъ искусственно вызвать или искусственно ускорить движеніе. Ея наклонность къ обобщеніямъ вытекаетъ именно изъ того, что она дѣйствуетъ исключительно въ сферѣ мысли. Говорить о частностяхъ, не сводя ихъ въ одно цѣлое, не связывая ихъ одной общей идеей,—для нея трудно, иногда почти невозможно. Подъ вліяніемъ внѣшнихъ стѣсненій, объединительная работа не прекращается, становясь только менѣе замѣтной—но усилія скрыть ее вносятъ въ журналистику элементъ, вредный не для нея одной. Мы надѣемся, поэтому, что нѣкоторый просторъ, предоставленный печати въ послѣднее время фактически, не будетъ съуженъ тѣмъ же фактическимъ путемъ, и что дальнѣйшимъ колебаніямъ будетъ положенъ конецъ изданіемъ новаго закона о печати. Теперь же по необходимости печать должна сосредоточить свое вниманіе на отдѣльныхъ, ближайшихъ задачахъ минуты, не выставляя на первый планъ, но и не упуская изъ виду всего того, что̀ обусловливаетъ, въ послѣднемъ счетѣ, успѣхъ всякой преобразовательной работы.

Къ числу ближайшихъ задачъ „на пути мирнаго развитія“, еще недавно вновь указанномъ Россіи, принадлежитъ административная реформа, понимаемая въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ примѣненіи не только къ мѣстнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, но и къ земству. Общественное мнѣніе связываетъ съ нею сенаторскія ревизіи, назначенныя, мѣсяцъ тому назадъ, въ небывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ и на новыхъ — по крайней мѣрѣ *отчасти* — основаніяхъ. Мы говоримъ: *отчасти*, потому что цѣль сенаторскихъ ревизій и прежде не всегда ограничивалась повѣркою дѣйствій мѣстной администраціи, изслѣдованіемъ и прекращеніемъ злоупотребленій. Если такова была задача ревизіи пензенской губерніи—сенаторомъ Сафоновымъ, въ концѣ пятидесятыхъ, пермской губерніи—сенаторомъ Клушинымъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, то нельзя сказать того же самаго о ревизіи губерній калужской и владимірской сенаторомъ Каптеромъ, въ 1862 и 1863 годахъ. Исторія этой послѣдней, во многихъ отношеніяхъ весьма любопытной, ревизіи остается еще канцелярской тайной; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что она была предпринята для приведенія въ ясность результатовъ отмѣны крѣпостного права, для собранія фак-

тическихъ данныхъ, которыми могло бы опредѣлиться дальнѣйшее направленіе крестьянскаго дѣла. На губерніи калужскую и владимірскую выборъ палъ, кажется, потому, что примѣненіе новыхъ началъ было въ нихъ далеко не одинаково, что онѣ могли дать поводъ къ сравненію пріемовъ и способовъ осуществленія реформы. Весьма можетъ быть, что результатъ изслѣдованія не соотвѣтствовалъ предвзятой мысли, съ которою оно было назначено; несомнѣнно то, что онъ остался безъ вліянія на послѣдующіе фазисы вопроса. Кто пережилъ начало шестидесятыхъ годовъ, тому хорошо извѣстно, что именно въ калужской губерніи крестьянское дѣло, непосредственно послѣ 19-го февраля, было ведено вполнѣ согласно съ духомъ положеній, что ревизія не могла не констатировать этого факта, но оказалась безсильной для обращенія его въ примѣръ и руководство, что вѣсы продолжали, наоборотъ, склоняться все больше и больше на сторону направленія, вредныя послѣдствія котораго были обнаружены ревизіею владимірской губерніи. Все это не мѣшаетъ вспомнить теперь, чтобы не возлагать преувеличенныхъ надеждъ на исходъ новыхъ сенаторскихъ ревизій. Положимъ, что онѣ раскроютъ необходимость реформъ, укажутъ, въ главныхъ чертахъ, ихъ содержаніе, приготовятъ драгоцѣнный матеріалъ для законодательной работы; это еще не значитъ, что матеріалъ будетъ пущенъ въ ходъ, что преобразованіе состоится, и состоится именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно, повидимому, будетъ предрѣшено ревизіями.

Придавать ревизіямъ слишкомъ большое значеніе мы не можемъ и по другимъ причинамъ. Какъ ни далеко нашей эпохѣ до полной гласности, она все-таки значительно опередила въ этомъ отношеніи пятидесятые и даже шестидесятые годы. То, что̀ двадцать лѣтъ тому назадъ могло быть установлено только путемъ чрезвычайныхъ мѣръ, составляетъ теперь предметъ многочисленныхъ указаній въ періодической и не-періодической литературѣ, въ преніяхъ и постановленіяхъ земскихъ и другихъ избирательныхъ учрежденій. Конечно, изслѣдованія авторитетныхъ, облеченныхъ довѣріемъ лицъ,—изслѣдованія, опирающіяся на весь запасъ правительственныхъ свѣдѣній, располагающія содѣйствіемъ всѣхъ органовъ правительственной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ черпающія матеріалъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, выходящія далеко за предѣлы узко-оффиціальной сферы, — не могутъ быть излишними; ошибочно было бы думать только, что они прольютъ совершенно новый свѣтъ на вопросы, поставленные жизнью и давно требующіе разрѣшенія. Не слѣдуетъ забывать, далѣе, что ревизіи обнимаютъ собою только восемь губерній, что онѣ вовсе не затрогиваютъ ни крайняго сѣвера, ни прибалтійскихъ, ни сѣверо-западныхъ, ни привислянскихъ губер-

ній, ни южныхъ степей, ни восточныхъ окраинъ Россіи; не слѣдуетъ забывать, что ревизія губерніи рѣдко продолжается болѣе полугода, что ревизующія лица должны посвятить много времени на предварительное знакомство съ мѣстностью и населеніемъ, что оффиціальное положеніе ихъ иногда облегчаетъ, но иногда затрудняетъ ихъ работу. Чѣмъ шире задача ревизіи, тѣмъ меньше она можетъ найти въ себѣ самой средства для полнаго и правильнаго исполненія этой задачи. Вотъ почему намъ кажется, что существенно-важнымъ или — лучше сказать — необходимымъ дополненіемъ къ сенаторскимъ ревизіямъ — если онѣ дѣйствительно направлены къ широкой и сложной цѣли—должно было бы служить изслѣдованіе, предпринятое обществомъ надъ самимъ собою, по почину и указанію правительственной власти. Первымъ шагомъ къ такому изслѣдованію было бы обнародованіе программы, данной ревизующимъ сенаторамъ; сотрудниками послѣднихъ сдѣлались бы тогда всѣ близко знакомые съ однимъ изъ очередныхъ вопросовъ, всѣ знающіе по собственному опыту ту или другую сторону народной или общественной жизни, всѣ испытавшіе на себѣ неудобство того или другого порядка, неудовлетворительность того или другого учрежденія. Не говоря уже о литературѣ, о періодической прессѣ,—въ сообщеніи данныхъ могъ бы, такимъ образомъ, принять участіе каждый грамотный человѣкъ, принимающій къ сердцу результатъ изслѣдованія. Особенно цѣннымъ оказалось бы содѣйствіе провинціальной печати, если бы ей была предоставлена—по крайней мѣрѣ, на время ревизіи—хоть та доля свободы, которою пользуется столичная безцензурная пресса. Еще важнѣе, конечно, чѣмъ выслушаніе единичныхъ мнѣній, было бы обращеніе къ земскимъ собраніямъ, губернскимъ и уѣзднымъ, по всѣмъ вопросамъ, касающимся не одной только административной техники. Какъ ни полезна сама-по-себѣ справка съ прежними земскими ходатайствами,—замѣнить непосредственное обращеніе къ земству она, очевидно, не можетъ. Ходатайства возникали случайно, разновременно, отрывочно, никогда или почти никогда не обнимали цѣлаго ряда связанныхъ между собою нововведеній. Познакомившись съ программой, данной ревизующимъ сенаторамъ, земскія учрежденія могли бы высказаться систематически по всѣмъ ея пунктамъ, прямо или косвенно относящимся къ кругу дѣятельности земства. Необходимость выслушать не только губернскія, но и уѣздныя земскія собранія обусловливается различіемъ въ личномъ ихъ составѣ; въ уѣздныхъ собраніяхъ гораздо больше представителей отъ крестьянъ, чѣмъ въ губернскихъ. Если бы группировка мнѣній, высказанныхъ нѣсколькими сотнями собраній, была признана затруднительною, то можно было бы обратиться къ мѣрѣ, указанной

нами въ статьѣ о земскихъ ходатайствахъ 1876 и 1877 гг. („Вѣстн. Европы", 1880 г., № 6): „Препятствіемъ къ свободному пользованію правомъ ходатайства", сказано въ этой статьѣ, „служитъ способъ обсужденія ходатайствъ, несовмѣстный съ всестороннимъ изслѣдованіемъ вопроса, исключающій всякую гласность, всякое соглашеніе между земствами различныхъ губерній... Случаи удовлетворенія ходатайствъ, несогласныхъ съ правильно понятыми интересами населенія, были бы крайне рѣдки, если бы ходатайство одного земства разсматривалось предварительно особыми лицами ad hoc изъ среды другихъ собраній и представлялось правительству уже съ ихъ заключеніемъ. Нравственное значеніе ходатайства, поддержаннаго всѣми или значительнымъ большинствомъ, было бы, конечно, совершенно иное, чѣмъ значеніе теперешнихъ разрозненныхъ ходатайствъ. Путемъ ходатайствъ правительство знакомится теперь съ единичными мнѣніями уѣзда, губерніи, изрѣдка — нѣсколькихъ губерній; тогда оно имѣло бы въ виду мнѣніе, провѣренное опытомъ лицъ, принадлежащихъ различнымъ мѣстностямъ Россіи".

Отзывы земства, указанія печати, мнѣнія частныхъ лицъ восполнили бы пробѣлъ, обусловливаемый пріуроченіемъ сенаторскихъ ревизій къ немногимъ, сравнительно, частямъ Россіи; голосъ общества присоединился бы къ голосу уполномоченныхъ правительственной власти. Данныя, собранныя этимъ двоякимъ путемъ, образовали бы широкую, прочную основу для „мирнаго развитія" государства. Мысль о такомъ всестороннемъ изслѣдованіи предмета, напоминающемъ западно-европейскія inquests или enquêtes, не представляетъ ничего неслыханнаго для Россіи; не дальше какъ въ нынѣшнемъ году учреждены сельско-хозяйственные съѣзды, составленные изъ представителей общества и администраціи. Еще ближе подходитъ сюда извѣстная коммиссія, изслѣдовавшая въ 1872 г. положеніе сельскаго хозяйства и сельской промышленности. Въ числѣ лицъ, мнѣнія которыхъ были собраны этою коммиссіею, находились предсѣдатели земскихъ управъ—слѣдовательно, земство было привлечено, хотя и косвенно, къ участію въ трудѣ, имѣвшемъ цѣлью освѣщеніе одной изъ важнѣйшихъ сторонъ народной жизни. Отъ этого труда изслѣдованіе, предлагаемое нами, отличалось бы лишь расширеніемъ сферы, заблаговременнымъ оглашеніемъ предмета (работы коммиссіи 1872 г. сдѣлались извѣстными уже по окончаніи ихъ, и то съ нѣкоторыми ограниченіями) и обращеніемъ не только къ отдѣльнымъ лицамъ, но и къ цѣлымъ выборнымъ учрежденіямъ. Примѣръ коммиссіи 1872 г. поучителенъ еще въ другомъ отношеніи: онъ показываетъ, что отъ собранія свѣдѣній, обнаруживающихъ необходимость реформы—какъ бы достовѣрны ни были эти свѣдѣнія, какъ бы оффи-

ціаленъ ни былъ ихъ источникъ—еще весьма далеко до самой реформы. Коммиссія 1872 г., которую никто, конечно, не заподозритъ въ излишнемъ пессимизмѣ по отношенію къ настоящему, или въ излишнемъ либерализмѣ по отношенію къ будущему (предсѣдателемъ ея былъ тогдашній министръ государственныхъ имуществъ, П. А. Валуевъ), признала несоразмѣрность выкупныхъ платежей, признала, что во многихъ мѣстностяхъ земля положительно не въ состояніи вынести всего бремени лежащихъ на ней повинностей, констатировала настоятельность общей реформы прямыхъ податей, съ болѣе уравнительнымъ ихъ разложеніемъ, необходимость пониженія цѣны на соль, распространенія сельскихъ школъ и устройства школъ спеціальныхъ и т. п. Со времени окончанія работъ коммиссіи прошло болѣе семи лѣтъ — но желанія, высказанныя ею, такъ и остаются желаніями. Намъ хотѣлось бы вѣрить, что не таковъ будетъ результатъ сенаторскихъ ревизій, что безплодность трудовъ коммиссіи 1872 г. объясняется характеромъ послѣдовавшей затѣмъ эпохи, что эпоха эта миновала вполнѣ и безвозвратно; но подобная увѣренность дается не легко, и дальше надежды, похожей на догадку, мы идти не можемъ. Размѣръ изслѣдованія и съ этой точки зрѣнія имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, большую важность. Работа, къ участію въ которой будетъ призвано все русское общество, не такъ легко можетъ быть предана забвенію, какъ работа, совершонная негласно, одними только оффиціальными средствами.

II.

Къ задачамъ сенаторскихъ ревизій газеты относятъ, между прочимъ, разработку вопросовъ объ административной децентрализаціи и о бо́льшемъ объединеніи губернскаго управленія, путемъ слія́нія нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ, увеличенія полномочій губернатора и учрежденія при немъ губернскаго совѣта. На вопросѣ объ административной децентрализаціи, т.-е. о расширеніи круга дѣйствій и круга власти мѣстныхъ административныхъ учрежденій, объ уменьшеніи зависимости ихъ отъ учрежденій центральныхъ,—мы останавливаться не будемъ, такъ какъ онъ имѣетъ преимущественно техническое значеніе. Гораздо важнѣе вопросъ о бо́льшемъ единствѣ губернскаго управленія, тѣсно связанный съ поднятымъ нѣкоторыми газетами вопросомъ о бо́льшемъ единствѣ въ организаціи и дѣятельности центральной власти. Объединеніе губернскаго управленія, конечно, не можетъ заключаться въ простомъ расширеніи губернатор-

ской власти, хотя бы только на счетъ другихъ отраслей мѣстной администраціи. Не говоря уже о судѣ, независимость котораго отъ губернской администраціи установилась довольно прочно, — общество не выиграло бы ровно ничего отъ подчиненія губернатору, положимъ, казенной палаты или акцизнаго управленія, какъ не выиграло бы и отъ соединенія въ одно цѣлое этихъ органовъ финансоваго управленія. Въ пользу такого соединенія можетъ быть приведено только обусловливаемое имъ сбереженіе расходовъ—но сбереженіе это не такъ значительно, чтобы стоило придавать ему большую важность. Кому бы ни было поручено наблюденіе за исправнымъ поступленіемъ акциза, затруднительность наблюденія не уменьшится, какъ не уменьшится и возможность злоупотребленій. Къ какому бы вѣдомству ни было отнесено взиманіе налоговъ, плательщикамъ ихъ не будетъ отъ того ни тепло, ни холодно. Недостатки нашей городской и въ особенности уѣздной полиціи зависятъ, безъ сомнѣнія, не отъ слабости губернаторской власти. Подчиненіе губернатору жандармскаго управленія, о которомъ идетъ рѣчь съ тѣхъ поръ, какъ соединены въ одномъ лицѣ званія министра внутреннихъ дѣлъ и шефа жандармовъ,— облегчитъ положеніе губернатора, исключивъ его изъ числа поднадзорныхъ лицъ, но принесетъ дѣйствительную пользу только подъ условіемъ перемѣны въ самомъ характерѣ дѣятельности жандармовъ. Изъ числа указанныхъ выше преобразованій, существенное значеніе могло бы имѣть, такимъ образомъ, лишь учрежденіе при губернаторѣ губернскаго совѣта, составленнаго отчасти изъ элементовъ общественныхъ, выборныхъ, если бы этому совѣту данъ былъ голосъ не только совѣщательный, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и рѣшительный, или по крайней мѣрѣ равносильный голосу губернатора—другими словами, если бы разрѣшеніе разногласій, возникающихъ между губернаторомъ и совѣтомъ, было предоставлено первому департаменту сената, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ отношеніи губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствій. При такихъ условіяхъ совокупная дѣятельность губернатора и губернскаго совѣта съ пользой могла бы замѣнить собою разрозненную дѣятельность многихъ существующихъ теперь губернскихъ учрежденій, начиная съ губернскаго правленія и оканчивая присутствіями самыхъ различныхъ наименованій.

Возлагать большія надежды на преобразованіе губернскаго управленія, разсматриваемое отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, нельзя, впрочемъ, уже потому, что устройство перваго департамента сената, этого регулятора отношеній между администраціей и обществомъ, оставляетъ желать весьма многаго. „Голосъ“ совершенно правъ, доказывая необходимость реформы, которая подняла бы значеніе и власть

сената, какъ высшаго органа администраціи; онъ совершенно правъ и въ указаніи средствъ къ достиженію этой цѣли [1]). Освобожденіе перваго департамента отъ нынѣшнихъ прокурорскихъ правъ министерства юстиціи; предоставленіе ему рѣшать дѣла простымъ большинствомъ голосовъ, по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, но безъ права протеста со стороны послѣдняго и безъ переноса дѣлъ въ общее собраніе сената и въ государственный совѣтъ; освобожденіе перваго департамента отъ множества мелкихъ и неважныхъ дѣлъ, которыми онъ обремененъ въ настоящее время; перенесеніе центра тяжести изъ канцеляріи департамента въ его присутствіе, какъ это уже сдѣлано въ кассаціонныхъ департаментахъ сената; признаніе за сенатомъ права требовать, при разсмотрѣніи подвѣдомственныхъ ему дѣлъ, всякаго рода свѣдѣнія и документы, не ограничиваясь представляемыми ему объясненіями; возведеніе его на степень административнаго трибунала, съ примѣненіемъ къ его дѣлопроизводству, въ главныхъ чертахъ, судебно-состязательнаго начала; возстановленіе многихъ важныхъ, позабытыхъ въ теченіе послѣднихъ семидесяти лѣтъ правъ сената по отношенію къ высшимъ исполнительнымъ установленіямъ (напримѣръ, право представлять Императорскому Величеству о злоупотребленіяхъ, замѣченныхъ сенатомъ въ дѣятельности министровъ) — вотъ условія, при которыхъ возможно обновленіе дѣятельности перваго департамента сената. Нельзя не замѣтить, однако, что и при осуществленіи всѣхъ этихъ условій сенатъ едвали пріобрѣтетъ то значеніе, о которомъ мечтаетъ для него „Голосъ“. Воспоминанія о томъ, чѣмъ былъ — или, лучше сказать, чѣмъ долженъ былъ быть—сенатъ по мысли великаго его основателя, приводятъ газету къ преувеличенію его роли въ настоящемъ и въ будущемъ. „Въ учрежденіи сената“, говоритъ „Голосъ“, „мы имѣемъ главную, въ настоящее время, точку опоры для развитія законности въ управленіи. Эта точка опоры надежна и потому, что между различными государственными установленіями сенатъ есть наиболѣе, такъ-сказать, популярное: его знаетъ каждый мужикъ. Въ деревенской глуши, во всѣхъ захолустьяхъ, только два названія изъ области высшей власти знакомы и близки всѣмъ и каждому: во-первыхъ—царь, а во-вторыхъ—сенатъ. Есть же къ тому какая-нибудь причина. И причина эта будетъ понятна всякому, кто вспомнитъ, кѣмъ основанъ былъ сенатъ. Геній и слава незабвеннаго Петра сіяютъ надъ нимъ до сихъ поръ. Всѣ знаютъ и помнятъ, что он

[1]) Одна изъ петербургскихъ газетъ, доказывая, вопреки „Голосу“, что правительственное значеніе сената потеряно безвозвратно, подкрѣпляетъ свою мысль перечисленіемъ функцій сената, но забываетъ упомянуть при этомъ только о правѣ его разсматривать жалобы на дѣйствія министровъ.

его основалъ и любилъ. Всѣ знаютъ и помнятъ, *почему* онъ такъ хотѣлъ укрѣпить сенатъ, вмѣстѣ съ системою коллегій[6].

Итакъ, въ нашихъ захолустьяхъ, въ нашей деревенской глуши, не только знакомо и популярно имя сената, но извѣстна, въ главныхъ чертахъ, и его исторія, извѣстенъ общій смыслъ дѣятельности Петра. Хорошо, если бы это было такъ; но дѣйствительность, къ сожалѣнію, мало похожа на газетный съ нея снимокъ. Если наши крестьяне слыхали о сенатѣ, то развѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ мѣстомъ подачи жалобъ на мировыя и крестьянскія учрежденія. *Популярность* его нельзя даже назвать прямо пропорціональной количеству такихъ жалобъ, потому что жалующимся не всегда извѣстно и памятно самое названіе мѣста, куда подается написанная отъ имени ихъ бумага. Отъ знакомства съ названіемъ,—гдѣ оно и есть, еще весьма далеко до знакомства съ учрежденіемъ. Съ именемъ сената, какъ и съ именемъ Петра, когда то или другое проникаетъ въ глубь страны, рѣдко соединяется опредѣленное представленіе. Самый характеръ дѣятельности сената, насколько она непосредственно соприкасается съ населеніемъ, не таковъ, чтобы сдѣлать сенатъ близкимъ и дорогимъ для массы народа. Это дѣятельность—исключительно кассаціонная; она не возстановляетъ нарушеннаго права, а открываетъ лишь путь къ его возстановленію; во многихъ случаяхъ она по необходимости даетъ перевѣсъ формальной истинѣ передъ матеріальной, еще чаще—прямо устраняетъ отъ себя разрѣшеніе спорнаго вопроса, какъ относящагося къ существу дѣла. Представимъ себѣ положеніе крестьянина, получающаго подобный отказъ; припомнимъ, что примириться съ особенностями кассаціоннаго производства не всегда легко даже образованному человѣку—и мы поймемъ, какъ мало основаній даетъ жизнь для широкой популярности сената. Популярнымъ можетъ быть только учрежденіе, благотворное вліяніе котораго чувствуется или по крайней мѣрѣ не слишкомъ давно чувствовалось массой — а подобнаго вліянія сенатъ не имѣлъ и не имѣетъ. Въ прошедшемъ народа нѣтъ перемѣны, въ настоящемъ его нѣтъ облегченій, которыя онъ могъ бы связать съ именемъ сената; скажемъ болѣе—самое имя Петра едвали можетъ пробуждать въ народѣ свѣтлыя мысли, благодарныя воспоминанія. На той степени развитія, на которой стоитъ масса, трудно оцѣнить величіе Петра, трудно понять значеніе его преобразовательной работы. На ряду съ анекдотами, выставляющими его въ симпатичномъ свѣтѣ, не могли не сохраниться преданія о тяготѣ, которую онъ возложилъ на народъ — о ревизіяхъ, о подушномъ окладѣ, о преслѣдованіи раскольниковъ и т. п.

Этимъ не исчерпывается еще, однако, поставленный нами вопросъ; доказать, что сенатъ не можетъ считаться популярнымъ, не значитъ еще

доказать преувеличенность ожиданій, соединенныхъ съ мыслью о его реформѣ. Слишкомъ ревностные поклонники сената указываютъ обыкновенно на дѣятельность его при Петрѣ Великомъ и объясняютъ послѣдующую безцвѣтность его исторіи искаженіемъ мысли, положенной въ основаніи его учрежденія. Въ этомъ объясненіи есть, безспорно, доля правды; но не слѣдуетъ забывать съ одной стороны, что и при Петрѣ Великомъ сенатъ „часто не оправдывалъ надеждъ, возложенныхъ на него преобразователемъ“ (слова профессора Градовскаго, постоянно восхваляющаго петровскій сенатъ и проповѣдующаго необходимость возвращенія къ нему), съ другой стороны—что современная Россія мало похожа на Россію Петра Великаго. При сравнительной простотѣ и несложности тогдашняго управленія сенатъ могъ быть не только наблюдающею, но и распоряжающеюся инстанціею, что̀ естественно увеличивало степень его вліянія и власти; не мало способствовали его значенію и близость сенаторовъ къ государю, и просторъ, предоставленный Петромъ свободному выраженію сенатомъ своихъ мнѣній, и отсутствіе, въ особенности до образованія коллегій—другихъ учрежденій, которыя бы раздѣляли съ сенатомъ высшія функціи правительственной власти. О возстановленіи всѣхъ этихъ условій въ настоящее время нельзя и думать. Перемѣны въ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ перваго департамента, предлагаемыя „Голосомъ“, весьма желательны, весьма полезны; онѣ возведутъ сенатъ на степень административнаго суда, настолько самостоятельнаго въ своихъ рѣшеніяхъ, насколько такая самостоятельность у насъ теперь вообще возможна; — но онѣ не сдѣлаютъ его опорой законности, не создадутъ мощной гарантіи для частныхъ и общественныхъ правъ, не внесутъ новыхъ началъ въ дѣятельность администраціи. Откуда возьметъ сенатъ, хотя бы и преобразованный, ту силу, которая необходима для уравновѣшенія административнаго полновластія? Что̀ дастъ ему возможность не только постановлять опредѣленія, ограничивающія произволъ администраціи, но и настаивать на дѣйствительномъ ихъ исполненіи? Что̀ внесетъ систему, общую мысль въ его дѣятельность, возбуждаемую только отдѣльными случаями и частными вопросами? Состязательный порядокъ, о которомъ говоритъ „Голосъ“, будетъ введенъ, конечно, только для дѣлъ судебно-административныхъ, а не административныхъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова; этихъ послѣднихъ дѣлъ не коснется, слѣдовательно, и гласность, отъ которой можно было бы ожидать сравнительно многаго. Широкіе, крупные результаты преобразованіе сената могло бы дать только въ связи съ другимъ, къ которому оно относилось бы какъ часть къ своему цѣлому.

Еще менѣе значенія, чѣмъ только-что разобранная нами ре-

форма, могло бы имѣть упраздненіе комитета министровъ, которое „Голосъ", въ странномъ увлеченіи, ставитъ чуть не на одинъ уровень съ упраздненіемъ третьяго отдѣленія. Мы согласны съ тѣмъ, что при существованіи государственнаго совѣта, совѣта министровъ и сената, комитетъ министровъ составляетъ лишнее звено въ нашемъ государственномъ организмѣ; мы согласны и съ тѣмъ, что онъ служитъ иногда средствомъ къ обходу пути, установленнаго для изданія новыхъ узаконеній; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы съ закрытіемъ комитета министровъ можно было соединять какія-либо серьёзныя надежды. „Голосъ" напоминаетъ, что черезъ комитетъ министровъ были проведены нѣкоторыя важныя ограниченія правъ земскихъ учрежденій, было проведено положеніе, даровавшее мѣстнымъ властямъ право издавать обязательныя для населенія правила; но гдѣ же ручательство въ томъ, что эти мѣры не могли бы быть проведены и чрезъ государственный совѣтъ? Вѣдь прошли же черезъ него, напримѣръ, законы 1872 и 1873 гг., почти уничтожившіе ту долю свободу печати, которая была дана закономъ 6-го апрѣля. Въ законодательныхъ вопросахъ не-политическаго свойства государственный совѣтъ, по самому характеру своей дѣятельности, безспорно имѣетъ большія преимущества передъ комитетомъ министровъ; но едва ли можно сказать то же самое о вопросахъ политическихъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, предрѣшены еще до обсужденія ихъ въ государственномъ совѣтѣ. Путь къ обходу государственнаго совѣта могъ бы быть найденъ, притомъ, и безъ комитета министровъ; пока отступленія отъ закона вообще возможны, за удобной для нихъ формой дѣло никогда не станетъ. Ожидать отъ упраздненія комитета увеличенія отвѣтственности отдѣльныхъ министровъ, замѣны *полномочнаго управленія лицъ—законнымъ управленіемъ учрежденій*, значитъ впадать въ оптическій обманъ, смѣшивать сущность дѣла съ наружною его обстановкой. Для параллели между комитетомъ министровъ и третьимъ отдѣленіемъ мы не видимъ достаточныхъ основаній. Третье отдѣленіе было учрежденіемъ, прямо поставленнымъ внѣ закона и выше закона, прямо призваннымъ къ произволу, на наклонной плоскости котораго нѣтъ точекъ опоры для остановокъ; существованіе комитета министровъ столь же совмѣстимо съ преобладаніемъ законности, сколько и съ постоянными ея нарушеніями.

Другое предположеніе, занимавшее въ послѣднее время нашу печать, касается объединенія высшаго государственнаго управленія, посредствомъ учрежденія званія вице-предсѣдателя совѣта министровъ (т.-е. перваго министра) и образованія *кабинета*, члены котораго были бы тѣсно связаны между собою общностью взглядовъ и

убѣжденій. Защитники этой мысли видятъ въ ней лучшее средство къ прекращенію разноголосицы, отъ которой такъ часто страдала и страдаетъ дѣятельность нашей администраціи, къ установленію порядка въ финансахъ, къ выработкѣ программы, которою одинаково руководствовались бы всѣ министры; противники ея возражаютъ, что существованіе кабинета мыслимо лишь при представительномъ образѣ правленія, что при другихъ условіяхъ единогласіе министровъ и преобладающее значеніе одного изъ нихъ—орудіе обоюдоострое, сегодня полезное, завтра вредное. „Первый министръ въ Россіи, по замѣчанію „Современныхъ Извѣстій“, могъ бы быть только великимъ визиремъ, а не премьеромъ западно-европейскаго государства; первый министръ въ Россіи—это Аракчеевъ въ прошедшемъ, графъ Толстой или графъ Шуваловъ—въ возможномъ будущемъ“. „Формальный недостатокъ единства,—говоритъ та же газета,—представляетъ свои выгоды, и притомъ осуществленныя. Разностью направленій въ правительствѣ отчасти замѣняется та борьба мнѣній, которая необходима для торжества истины и которая полнѣе достигается въ европейскихъ государствахъ парламентскими преніями... Злоба дня проситъ не объединенія властей, а скорѣе правильнаго ихъ раздѣленія. Да и вообще не въ предѣлахъ власти дѣло, а въ предѣлахъ свободы“.

Чтобы согласиться, въ главныхъ чертахъ, съ мнѣніемъ московской газеты, стоитъ лишь припомнить нѣкоторые факты изъ западно-европейской исторіи, изъ нашего недавняго прошлаго. Только отсутствіемъ перваго министра въ до-конституціонной Пруссіи можно объяснить тотъ фактъ, что управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ эпоху реакціи и піетизма, такъ долго оставалось въ рукахъ сравнительно-либеральнаго Альтенштейна; и на-оборотъ, когда Вёльнеръ, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II-мъ, сдѣлался de facto премьеромъ, одною изъ первыхъ мѣръ его было изъятіе учебнаго дѣла изъ рукъ Цедлица, не гармонировавшаго съ общимъ духомъ новаго *кабинета*. Реакція, начавшаяся въ Россіи почти непосредственно вслѣдъ за величайшей реформой настоящаго царствованія, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ обрисовалась уже довольно ярко, особенно въ кругѣ дѣйствій министерства внутреннихъ дѣлъ; но министерствъ юстиціи и народнаго просвѣщенія она, до 1866 г., едва коснулась, именно потому, что министры не были солидарны между собою. Позже, въ эпоху торжества реакціи, ей не удалось завоевать военное министерство. Газета, стоявшая за кабинетъ и перваго министра, упоминаетъ о недавней борьбѣ между вѣдомствами военнымъ и учебнымъ, не замѣчая, что эта борьба служитъ сильнымъ аргументомъ противъ предлагаемой „необходимой реформы“.

Съ теоретической точки зрѣнія трудно возразить что-либо противъ сосредоточенія учебной части въ одномъ вѣдомствѣ, трудно сказать что-либо за превращеніе военныхъ гимназій въ общеобразовательныя учебныя заведенія; на практикѣ, однако, логическая несообразность принесла отличные плоды, и нашъ журналъ имѣлъ полное основаніе возставать противъ *объединенія* учебной части. Если бы въ Россіи, въ продолженіе истекшаго десятилѣтія, существовалъ кабинетъ, положеніе учащейся молодежи и родителей за все это время было бы еще болѣе тяжелымъ. Мы не думаемъ, чтобы „разностью направленій въ правительствѣ отчасти замѣнялась борьба мнѣній“— не думаемъ этого уже потому, что разногласіе между министрами въ большинствѣ случаевъ остается тайной для общества; но оно несомнѣнно смягчаетъ силу гнета, оберегая отъ него хоть нѣкоторыя отрасли государственной и общественной жизни. Само собою разумѣется, что медаль имѣетъ и оборотную сторону, что, полезное въ эпоху реакціи, разногласіе между министрами можетъ оказаться вреднымъ въ эпоху реформъ; но дѣло въ томъ, что при движеніи впередъ оно гораздо менѣе вѣроятно, чѣмъ при застоѣ или при отступленіи. Движеніе впередъ вызываетъ потребность въ новыхъ людяхъ, проникаетъ мало-по-малу во всѣ отрасли управленія; поворотъ назадъ допускаетъ возможность сохраненія или даже развитія пріобрѣтеннаго въ тѣхъ сферахъ, которыя всего меньше соприкасаются съ активной политикой. Общій выводъ нашъ таковъ: при измѣнившихся общихъ условіяхъ кабинетъ образуется самъ собою—до измѣненія ихъ образованіе его нежелательно, да едва ли и удобоосуществимо. Учрежденіе званія перваго министра, безъ цѣлаго цикла соотвѣтствующихъ реформъ, можно сравнить съ расширеніемъ полномочій губернатора, безъ образованія при немъ правильно организованнаго губернскаго совѣта, или безъ увеличенія, другимъ путемъ, значенія и власти мѣстнаго земства.

III.

Лѣтъ пять тому назадъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія совершилъ нѣчто въ родѣ тріумфальнаго путешествія по Россіи, выслушивая панегирики самому себѣ, произнося панегирики своей системѣ. Среди этого побѣднаго хора, этого обмѣна похвалъ и восторговъ не совсѣмъ гармонически прозвучалъ только голосъ нѣкоторыхъ органовъ печати. Времена перемѣнились—и то, что тогда едва могли высказать журналы, признается теперь преемникомъ графа Толстого, въ свою очередь, но съ совершенно другою цѣлью,

предпринявшимъ поѣздку въ губерніи московскаго учебнаго округа. „Ошибка теперешней школы", сказалъ А. А. Сабуровъ въ Ярославлѣ, „главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что она средства принимаетъ за цѣль, даже за идеалъ... Мнѣ всегда казалось страннымъ, какъ школа, имѣя задачей общее развитіе ученика—слѣдовательно, человѣчность—какъ эта школа весь свой смыслъ, всю свою задачу полагала въ однихъ только древнихъ языкахъ". Въ этихъ словахъ заключается приговоръ прошедшему, ничуть не смягчаемый оговорками противъ „ломки", въ пользу классическаго образованія. Мы знаемъ, что „ломки" не желалъ и не желаетъ никто изъ противниковъ системы графа Толстого; мы знаемъ, что вся эта „система" состояла изъ крайностей, и что только противъ крайностей и была направлена борьба, поддержанная глухимъ, но тѣмъ болѣе сильнымъ сочувствіемъ общества. Крайности системы осуждены новымъ министромъ народнаго просвѣщенія—и это несомнѣнно важный шагъ къ лучшему будущему. Подробныхъ указаній на недостатки существующаго порядка, на мѣста, гдѣ *жметъ платье* (слова министра въ калужской рѣчи), министръ ожидаетъ прежде всего отъ самихъ преподавателей гимназій; признавая ихъ не чернорабочими, слѣпо исполняющими безконечный рядъ циркулярныхъ предписаній, а самостоятельными дѣятелями школы, онъ проситъ ихъ „откровенно и даже радикально высказать ему всѣ ихъ желанія, всѣ средства, съ помощью которыхъ школа могла бы стать школою свѣта и жизни". Изъ рѣчи, произнесенной А. А. Сабуровымъ въ Калугѣ [1]), мы узнаемъ, какого порядка онъ намѣренъ держаться въ первомъ, ближайшемъ фазисѣ преобразованія. Для обсужденія заявленій, имѣющихъ поступить отъ гимназій, будетъ собранъ въ Петербургѣ совѣтъ изъ всѣхъ попечителей учебныхъ округовъ. На первый разъ, однако, разсмотрѣнію этого совѣта будутъ подлежать только единогласныя заявленія *всѣхъ* гимназій; остальныя будутъ разсмотрѣны впослѣдствіи. „Школьное дѣло—живое дѣло", читаемъ мы дальше; „поэтому нужно всего больше опасаться застоя въ немъ. Педагогическій совѣтъ не обязанъ непремѣнно рѣшать дѣла большинствомъ голосовъ; тутъ дѣло не въ счетѣ голосовъ. Всякое дѣльное замѣчаніе будетъ для меня полезно и поучительно, хотя бы оно было единичнымъ". На самомъ дѣлѣ *единичныя замѣчанія* возьмутъ, быть можетъ, верхъ надъ *единогласными заявленіями* гимназій. Между преподавателями гимназій, опредѣленными къ должности при прежнемъ министерствѣ, не можетъ не быть противниковъ реформы; весьма

[1]) Мы руководствуемся тѣмъ текстомъ этой рѣчи, который присланъ въ „Берегъ", отъ имени всѣхъ преподавателей калужской гимназіи.

вѣроятно даже, что они образуютъ большинство, что мнѣнія гимназій, какъ коллективныхъ единицъ, явятся скорѣе апологіей, чѣмъ критикой дѣйствующаго теперь порядка. Единогласно разрѣшенными окажутся, безъ сомнѣнія, весьма немногіе и притомъ не самые важные вопросы. Не даромъ же преподаватель калужской гимназіи, сообщившій въ „Берегъ“ подлинный, по его увѣренію, текстъ рѣчи А. А. Сабурова, оканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: „всѣ присутствовавшіе почувствовали самое дѣйствительное облегченіе, только не отъ какихъ-либо „ранъ прошлаго“, о коихъ не было сказано ни единаго слова, а отъ той темной неизвѣстности будущаго, которая до послѣдняго времени столь сильно удручала всѣхъ и каждаго, кому дороги судьбы просвѣщенія своего отечества“. Въ этихъ —не совсѣмъ грамотныхъ—словахъ слышится надежда, что все останется по старому, что единогласныя или почти единогласныя заявленія гимназій въ пользу status quo предупредятъ не только ломку, но и перестройку зданія, излюбленнаго его обитателями (обитателями, конечно, постоянными, а не временными — учителями, а не учениками). Само собою разумѣется, что эта надежда лишена всякихъ основаній. Необходимость перестройки безповоротно признана министромъ; рѣчь идетъ только о подробностяхъ ея — и если онѣ не будутъ указаны единогласными заявленіями гимназій, то въ единичныхъ замѣчаніяхъ, разъясняющихъ всѣ стороны дѣла, безъ сомнѣнія, не окажется недостатка. Преподавателямъ гимназій, въ качествѣ техниковъ, спеціалистовъ, предстоитъ высказаться по вопросу о томъ, *какъ* должна быть произведена реформа; что она *должна* быть произведена, не можетъ быть въ настоящее время никакого спора, точно такъ же, какъ и объ общемъ направленіи ея. Заявленія гимназій, съ этой точки зрѣнія, имѣютъ несравненно меньшую важность, чѣмъ заявленія печати, высказавшейся уже съ достаточною ясностью. Ручательствомъ за то, что эти послѣднія заявленія не будутъ оставлены безъ вниманія министромъ, служитъ отношеніе его къ вопросу о народной школѣ, въ пересмотрѣ и разрѣшеніи котораго онъ, очевидно, хочетъ идти рука объ руку съ земствомъ. Во время своей поѣздки онъ вездѣ подолгу бесѣдовалъ съ представителями земскихъ и городскихъ учрежденій, просилъ ихъ высказать ему свои желанія и взгляды, выражалъ надежду на установленіе взаимнаго довѣрія, „которое поможетъ сгладить всевозможныя шероховатости“. Вмѣсто борьбы администраціи противъ народной школы наступаетъ, повидимому, совокупная борьба администраціи и земства противъ народнаго невѣжества.

Наша замѣтка объ остзейской судебной реформѣ [1]) вызвала отвѣтъ со стороны „Zeitung für Stadt und Land“ (№№ 184 и 185). Освобождая нашъ журналъ отъ подозрѣнія въ предвзятой враждебности всему нѣмецкому, рижская газета обвиняетъ насъ однако въ нѣкоторомъ предубѣжденіи противъ *балтійства* (Baltenthum), зависящемъ отъ недостаточнаго знакомства съ остзейскимъ краемъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что мы не вникли въ положеніе края, „Zeitung für Stadt und Land“ видитъ въ указаніи нашемъ на крестьянскую реформу, какъ на одну изъ тѣхъ, которыя необходимо распространить на прибалтійскія губерніи. „Къ измѣненію поземельныхъ отношеній“, говоритъ газета, „у насъ нѣтъ ни малѣйшаго повода. Введеніе у насъ крестьянской реформы повлекло бы за собою уничтоженіе здороваго порядка, разрушеніе трудной и плодотворной работы цѣлыхъ десятилѣтій. Никто, поэтому, до сихъ поръ о ней не думалъ“. Не думали о ней, безъ сомнѣнія, правящіе классы остзейскихъ губерній, заинтересованные въ сохраненіи status quo; но можетъ ли газета, выражая мнѣніе этихъ классовъ, ручаться за мысли латышей и эстовъ — напримѣръ, тѣхъ изъ нихъ, которые выселялись изъ своей родины, мѣняя вѣрное (но очевидно не слишкомъ привлекательное) на невѣрное, стремясь, среди лишеній и бѣдствій, къ болѣе сноснымъ условіямъ жизни? Трудно понять, почему одна группа русскихъ подданныхъ должна быть лишена права собственности на землю, предоставленнаго всѣмъ другимъ, почему реформа, улучшившая бытъ послѣднихъ, должна оказаться гибельною для первой.

Сожалѣя о томъ, что выборъ депутатовъ въ избирательныя собранія предоставленъ не приходскимъ собраніямъ, а особымъ съѣздамъ землевладѣльцевъ и волостныхъ старшинъ, газета замѣчаетъ, что въ приходскихъ собраніяхъ всѣ сословія дѣйствовали бы совмѣстно, между тѣмъ какъ теперь они отдѣляются другъ отъ друга совсѣмъ не нужной перегородкой. Но вѣдь эта перегородка падаетъ въ избирательномъ собраніи, соединяющемъ въ себѣ депутатовъ отъ городовъ, крестьянъ и землевладѣльцевъ; она существуетъ только до тѣхъ поръ, пока это необходимо для охраненія, хоть и не полнаго, равноправности сословій. Совмѣстная дѣятельность сословій желательна именно подъ условіемъ ихъ равноправности; но развѣ можетъ быть рѣчь о равноправности въ собраніи, въ которомъ землевладѣльцы присутствуютъ поголовно, а крестьянство представлено только волостными старшинами? Представимъ себѣ, что выборъ уѣздныхъ земскихъ гласныхъ происходилъ бы у

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1880 г. № 8, Внутреннее Обозрѣніе.

насъ въ Россіи въ собраніи, составленномъ изъ всѣхъ зем
цевъ, имѣющихъ надлежащій имущественный цензъ, и всѣ
ныхъ старшинъ уѣзда; во что обратилось бы тогда, въ
большинствѣ уѣздовъ, представительство крестьянъ на
собраніи? Кому пришло бы въ голову утверждать, что т
рательная система содѣйствовала бы сближенію и слія
Мы назвали остзейскія судебныя мѣста стараго, сословн
ства естественно нерасположенными къ новымъ порядкам
собными быть безпристрастнымъ кассаціоннымъ судомъ д
на новыя мировыя учрежденія. „Zeitung für Stadt und La
каетъ насъ за бездоказательность этого мнѣнія, противо
ему полную вѣру въ гофгерихтъ и другіе существующіе су
инстанціи. Мы желали бы знать, однако, какое разрѣшен
дано этими судами всѣмъ вопросамъ, которые неизбѣжно
за собою употребленіе въ мировыхъ учрежденіяхъ языко
скаго, латышскаго и русскаго? Какъ ревниво отстаиваютъ
нѣмецкаго языка высшіе классы остзейскихъ губерній, с
можно судить хотя бы по недавнему столкновенію между
скимъ губернаторомъ и рижской городской думой, не успо
даже на рѣшеніи сената. Неужели нужны еще какія-либ
тельства, чтобы отрицать возможность высшаго надзора с
новизною? Quis custodiet custodes — можно было бы во
если бы существующіе суды второй инстанціи соединили
власть кассаціоннаго и дисциплинарнаго суда по отно
мировымъ учрежденіямъ. Рижская газета не отрицаетъ, чт
леніе въ мировомъ судѣ русскаго языка будетъ сопряжено
тическими затрудненіями",—вотъ эти-то затрудненія и мо
правильно разрѣшены только сенатомъ. Недавнее рѣше
вопросу объ употребленіи польскаго языка въ мировыхъ
ніяхъ привислянскихъ губерній свидѣтельствуетъ о томъ,
вовсе не расположенъ отстаивать исключительное госпо
скаго языка; но столь же несомнѣнно и то, что сенатъ не
ограниченія сферы, предоставленной русскому языку на
окраинъ государства.

Всего любопытнѣе въ статьѣ рижской газеты доводы,
ные противъ введенія въ остзейскихъ губерніяхъ суда пр
Эта форма суда, по мнѣнію „Zeitung für Stadt und Land
соотвѣтствуетъ больше требованіямъ политики (?), чѣмъ тр
права; но главнымъ аргументомъ противъ нея служитъ *мног*
(Vielsprachligkeit) прибалтійскаго края. „Представимъ себѣ
газета, „эта, судимаго въ Ригѣ присяжными, между кото
даютъ нѣмцы, русскіе и латыши; каждое слово подсудим

быть переведено на три языка!" Представимъ себѣ, возразимъ мы на это, латыша, судимаго въ Петербургѣ присяжными, между которыми засѣдаютъ русскіе, нѣмцы и финны. Послѣдній случай столь же возможенъ, какъ и первый; между тѣмъ мы не слыхали, чтобы разноязычность состава присяжныхъ въ Петербургѣ влекла за собою какія-либо практическія неудобства. Исключительными случаями нельзя руководствоваться при разрѣшеніи общаго вопроса. Въ громадномъ большинствѣ уголовныхъ дѣлъ прибалтійскаго края подсудимый будетъ объясняться на языкѣ, понятномъ по крайней мѣрѣ двумя изъ числа трехъ національностей, къ которымъ могутъ принадлежать присяжные. Остзейскимъ нѣмцамъ почти всегда понятенъ эстонскій или латышскій языкъ (смотря по мѣстности, въ которой они живутъ); то же самое слѣдуетъ сказать и о русскихъ, осѣдлыхъ въ остзейскомъ краѣ. Къ знанію мѣстнаго языка у русскихъ часто присоединяется и знаніе нѣмецкаго языка. Если нѣмцы не будутъ систематически настаивать на всемогуществѣ своего языка, если они не будутъ притворяться на судѣ непонимающими ни по-эстонски или латышски, ни по-русски, то эсты, латыши и русскіе, знающіе по-нѣмецки, безъ сомнѣнія не будутъ требовать перевода на свой языкъ показаній, данныхъ по-нѣмецки. Обострить или вообще вызвать борьбу за судебный языкъ могутъ только сами нѣмцы; подчинившись положенію вещей, вызванному необходимостью, признавъ вопросъ о языкѣ разрѣшеннымъ справедливо, даже льготно для нѣмецкаго населенія остзейскихъ губерній, они предупредятъ всѣ неудобства, которыя теперь рисуетъ передъ ними ихъ воображеніе — или, лучше сказать, ихъ привычка къ единовластію. Слово: „Baltenthum", въ устахъ нѣмецкой газеты, теперь только перифраза слова: „Deutschenthum"; но когда оно станетъ означать *все* населеніе прибалтійскаго края, тогда примѣненіе къ этому краю реформъ, давно дѣйствующихъ въ Россіи, перестанетъ быть жгучимъ вопросомъ, волнующимъ національныя страсти и возбуждающимъ національные предразсудки.

Еще въ самомъ началѣ нынѣшняго года, по докладу г. министра путей сообщенія, въ видахъ поднятія спеціальнаго образовательнаго уровня инженеровъ путей сообщенія и соразмѣренія числа ихъ съ потребностями министерства путей сообщенія и подвѣдомственныхъ ему желѣзнодорожныхъ предпріятій, признано цѣлесообразнымъ преобразовать институтъ инженеровъ путей сообщенія императора Александра I-го, съ сокращеніемъ нынѣшняго 5-ти-лѣтняго курса въ 3-хъ лѣтній, возвысивъ соотвѣтственно образовательныя требованія отъ желающихъ поступить въ это учебное заведеніе. Для приведенія

же такого преобразованія въ исполненіе въ 1882 г., прекратить съ нынѣшняго же 1880 года пріемъ учащ (низшій) курсъ, а съ 1881 г. прекратить пріемъ учащихс дующій II курсъ института, съ тѣмъ, чтобы въ 1881 г курсъ, а въ 1882 г. и II курсъ института.

Это преобразованіе въ дѣйствительности увеличивало с высшихъ учебныхъ заведеній, которыя въ послѣднее вр всѣмъ закрылись (земледѣльческое отдѣленіе института бургѣ), или пріемъ въ которыя былъ затрудненъ или по щенъ (горный институтъ, петровская академія, медицин мія); упоминаніе же о необходимости поднять уровень инженеровъ путей сообщенія, послѣ того даже, какъ, продолжительность курса тамъ увеличилась, — было н понятно для тѣхъ, кто съ почтеніемъ привыкъ относить тельности извѣстныхъ нашихъ инженеровъ, какъ барон Кербедзъ, Журавскій и др., — питомцевъ прежняго инс вольствовавшихся даже сокращеннымъ курсомъ.

Но 24 іюля, по докладу г. министра путей сообщенія, новое высочайшее повелѣніе, отчасти облегчающее пр ранѣе мѣру для окончившихъ курсъ въ реальныхъ учи видѣ исключенія къ слушанію лекцій I курса лишь на о допущены тѣ изъ окончившихъ курсъ въ реальныхъ которые окажутся недостаточно подготовленными для I получатъ высшія отмѣтки на повѣрочномъ испытаніи изъ скаго курса; они принимаются вольнослушающими, въ болѣе *сорока*.

Обнародованная недавно мѣра министерства внутренн въ силу которой обѣщанъ пріемъ въ подчиненное ему Ст училище всѣмъ выдержавшимъ экзаменъ, но для которых залось вакансій, — составляетъ также утѣшительное для молодежи явленіе; — надобно надѣяться, послѣ этого, время, когда такая мѣра обобщится, и если будетъ п преобразованіе нашихъ высшихъ спеціальныхъ школъ, то направленіи,—съ цѣлію увеличенія приносимой ими стра состояніе же нашихъ путей — водныхъ, грунтовыхъ и рел свидѣтельствуетъ далеко не объ избыткѣ, а о недостаткѣ и

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 сентября, 1880.

Наши реальныя школы.

Въ восьмой книгѣ „Вѣстника Европы“, за августъ, въ концѣ Внутренняго Обозрѣнія, приведена изъ Бреславльской газеты небольшая замѣтка о предполагаемомъ планѣ нашего министерства народнаго просвѣщенія касательно преобразованій реальныхъ школъ. Въ виду общаго интереса, какой вызывается этимъ дѣломъ, я полагаю, будетъ не излишне возвратиться къ нему. Прежде всего замѣчу, что замѣтка Бреславльской газеты о планахъ министра народнаго просвѣщенія хотя и сообщаетъ приблизительно вѣрно подробности самаго плана, какъ desiderata, но во всякомъ случаѣ вопросъ еще далеко не рѣшенъ окончательно въ самыхъ деталяхъ. Со стороны министерства народнаго просвѣщенія еще ничего рѣшительнаго не предпринято пока относительно реальныхъ школъ; но то, что̀ уже имѣется въ виду или предполагается, будетъ вытекать изъ многочисленныхъ матеріаловъ, имѣющихся по вопросу о реальныхъ школахъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ протоколы конференціи, состоявшейся еще въ октябрѣ 1873 г. въ прусскомъ королевскомъ государственномъ министерствѣ для обсужденія различныхъ вопросовъ высшаго учебнаго дѣла [1]). Бреславльская газета совершенно вѣрно сообщила то, о чемъ идетъ главная рѣчь, а именно о расширеніи преподаванія латинскаго языка въ реальныхъ гимназіяхъ съ тѣмъ, чтобы сравнять учениковъ этихъ гимназій въ образованіи съ учениками классическихъ гимназій и сдѣлать для нихъ, такимъ образомъ, доступными извѣстныя сферы дѣятельности. Въ этомъ отношеніи и вашъ журналъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что консервативный Путткамеръ находитъ себя вынужденнымъ держаться направленія своего предшественника д-ра Фалька въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Но пока еще не произошло на практикѣ никакой перемѣны—по крайней мѣрѣ относительно главныхъ вопросовъ преподаванія. Ошибочно думаютъ, будто бы борьба между реальными школами и гимназіями у насъ очень оживленна и ожесто-

[1]) Berlin, Wilhelm Hertz, Besser'sche Buchhandlung 1874; точно также напечатанные въ „Central-Blatt für die gesammte Unterrichtsverwaltung. 1874, Heft 1—3.

ченна; это вовсе не такъ. Наше правительство съ давнихъ уже поръ считаетъ тѣ и другія равноправными, и все дѣло въ томъ лишь, чтобы найти наилучшій путь для облегченія возможно бо́льшему числу молодыхъ людей доступа къ хорошему и цѣлесообразному образованію. Но совершенно вѣрно, что филологи особенно энергично отстаиваютъ классическое образованіе; я не думаю даже, чтобы этотъ споръ когда-либо окончился, такъ какъ классицизмъ имѣетъ свои преимущества, о которыхъ я поговорю позднѣе,—теперь же ограничусь лишь фактическимъ матеріаломъ.

Извѣстно, что вопросъ о присвоеніи реальнымъ школамъ извѣстной степени образованія, которую до сихъ поръ считали возможной только въ гимназіяхъ, возбужденъ главнымъ образомъ стремленіемъ учениковъ реальныхъ школъ быть допущенными къ изученію медицины. Это желаніе выражается уже довольно давно; весьма вліятельные ученые высказались за него, но особенно энергично взялись за это дѣло въ 1878 г., когда инспекція Дуисбургской реальной школы, поддерживаемая 24 другими школами, внесла въ рейхстагъ петицію, которая гласила слѣдующее: „рейхстагъ долженъ ходатайствовать передъ имперскимъ канцлеромъ, чтобы ученики прусскихъ реальныхъ школъ перваго разряда и всѣхъ подобныхъ заведеній въ остальныхъ нѣмецкихъ государствахъ были допущены къ изученію медицины“.

Дуисбургъ находится въ Вестфаліи, а въ этой провинціи учителя съ давнихъ поръ пользуются нѣкоторой самостоятельностью. Уже до Семилѣтней войны одинъ замѣчательный тамошній педагогъ возбудилъ мысль о созваніи конференціи изъ провинціальныхъ учителей, но тревожныя времена, наступившія съ Семилѣтней войной, помѣшали исполненію этого желанія. Только тогда, когда послѣ реорганизаціи прусскаго государства всѣ внутреннія дѣла провинціи Вестфаліи перешли въ руки учрежденной въ 1817 г. консисторіи въ Мюнстерѣ, извѣстный консисторскій совѣтникъ Кольраушъ предложилъ созвать совѣтъ изъ директоровъ гимназій и выдающихся учителей провинціи для общихъ занятій и обсужденія по дѣлу высшаго образованія. Съ тѣхъ поръ (1823) эти конференціи постоянно происходили въ провинціи Вестфаліи и распространились и на другія. Само правительство не принимало въ нихъ прямого участія и предоставляло времени развитіе учрежденія, считавшагося полезнымъ, утверждало протоколы, составленные на конференціяхъ, равно какъ и исходившія изъ совѣщаній конференціи общія инструкціи, и время отъ времени вносило на разсмотрѣніе конференцій важные педагогическіе вопросы. Эти конференціи собирались каждые три года, такъ какъ такой промежутокъ времени считался необходимымъ для того, чтобы

выработать какъ слѣдуетъ вопросы, предстоящіе для обсужденія, и собрать достаточныя свѣдѣнія о практичности принятыхъ рѣшеній на предъидущей конференціи.

Первоначально на конференціяхъ принимали участіе одни лишь директоры гимназій и выдающіеся гимназическіе учителя; позднѣе къ нимъ привлечены были также и представители высшихъ бюргерскихъ и реальныхъ училищъ, и давно уже тѣ и другіе сообща работаютъ въ этихъ конференціяхъ. Издержки, связанныя съ существованіемъ этихъ конференцій, покрываются суммами изъ особаго провинціальнаго фонда. Достаточно будетъ нѣсколько подробнѣе описать старѣйшую и богатѣйшую конференцію въ провинціи Вестфаліи, чтобы показать, насколько онѣ расширились. На первой конференціи были представители девяти гимназій, на пятой явились представители двухъ вновь основанныхъ католическихъ гимназій, на седьмой—представитель первой высшей бюргерской школы, на восьмой, представитель второй, а на тринадцатой явились представители 14 гимназій, и всѣхъ высшихъ бюргерскихъ школъ; на послѣдней наконецъ были представители 18 гимназій и 5 реальныхъ школъ; послѣднія, хотя и далеко не сравнялись по числу съ гимназіями, однако получили гораздо болѣе значительное представительство. Для сравненія необходимо привести нѣсколько чиселъ, которыя я нахожу въ „Engel's Zeitschrift des Königlich Preussischen Statistischen Bureaus", 1877 г., о числѣ гимназій и реальныхъ школъ и имѣющихся въ нихъ учениковъ.

Съ 1859—1860 г. насчитывалось всего 135 гимназій съ 40,433 учениками, и 30 реальныхъ школъ перваго разряда съ 12,317 учениками; въ 1875—1876 явились 231 гимназія съ 75,959 учениками, и 80 реальныхъ школъ съ 31,680 учениками. Если въ это десятилѣтіе число гимназій въ Пруссіи увеличилось на 84%, то число реальныхъ школъ увеличилось на 160%, изъ чего явствуетъ рѣшительное стремленіе населенія искать высшаго образованія въ реальныхъ школахъ, предпочтительно передъ гимназіями. Для другихъ нѣмецкихъ странъ не имѣется сравнительныхъ чиселъ. Согласно „Мауг's Statistik des Unterrichts in Bayern", въ Баваріи въ 1871—1872 г. имѣлось 28 гимназій съ 5,343 учениками, и 6 реальныхъ училищъ съ 357 учениками; въ Виртембергѣ въ 1876 г. насчитывалось 8 гимназій съ 1,268 учениками, и 14 реальныхъ школъ съ высшими классами и 714 учениками; наконецъ, въ Саксоніи въ 1877 г. существовало 13 гимназій съ 3,479 учениками, и 10 полныхъ реальныхъ школъ перваго разряда съ 3,674 учениками. Поэтому видно, что въ Саксоніи, несмотря на любовь къ классическому образованію, существовавшую въ ней въ былыя времена, въ настоящее время насе-

леніе оказываетъ рѣшительное предпочтеніе реальному образованію, и реальныя школы получили перевѣсъ надъ классическими.

Протоколы учительскихъ конференцій въ послѣдніе годы редактируются однимъ замѣчательнымъ педагогомъ и представляютъ такой интересный матеріалъ по части всевозможныхъ школьныхъ вопросовъ, что я сообщаю полное ихъ заглавіе [1]). Эта не особенно толстая книга заключаетъ не менѣе 182 параграфовъ, изъ которыхъ каждый посвященъ особому предмету съ присоединеніемъ всѣхъ преній и принятыхъ рѣшеній на различныхъ конференціяхъ.

Вернемся теперь, послѣ этого необходимаго предисловія, къ движенію вопроса на счетъ допущенія учениковъ реальныхъ школъ къ изученію медицины.

Вышеупомянутая петиція была внесена въ рейхстагъ, въ сессію 1878 г., но ей не было дано ходу. Докладчикомъ былъ д-ръ Стефани, бывшій бургомистръ города Лейпцига, и понятнымъ образомъ въ коммиссіи, обсуждавшей петицію, участвовало много педагоговъ. Какъ дополненіе къ петиціи присоединена была брошюра профессора Швальбе, преподавателя въ королевской реальной школѣ, нынѣ директора городского реальнаго училища въ Берлинѣ, заключавшая въ себѣ рефератъ этого ученаго, представленный имъ 18-го апрѣля 1878 г. въ собраніи делегатовъ обществъ нѣмецкихъ реальныхъ школъ [2]). Эта брошюра написана въ чрезвычайно умѣренномъ тонѣ; что она отстаиваетъ права реальныхъ школъ и, слѣдовательно, слегка полемизируетъ съ гимназическимъ преподаваніемъ — это само собой разумѣется, и если я приведу изъ нея довольно значительные отрывки, то сдѣлаю это, не приводя, разумѣется, противныхъ мнѣній, такъ какъ защитниковъ классическаго образованія и безъ того слишкомъ достаточно, и противникамъ его желательно тоже высказаться съ своей стороны.

Берлинское отдѣленіе всеобщаго германскаго общества реальныхъ школъ пришло сначала къ мысли сосредоточить внѣшнюю дѣятельность общества въ одномъ направленіи, а именно сдѣлать попытку добиться для учениковъ реальныхъ школъ права допущенія къ изученію медицины, и понятно, что эта мысль встрѣтила большое сочувствіе у педагоговъ всѣхъ другихъ реальныхъ школъ и обществъ. Понятно, также, что если реальныя школы добьются уравненія своихъ

---

[1]) Die Directorenconferenzen des preussischen Staates, sammtliche auf ihnen gepflogene Verhandlungen geordnet, excerpirt und eingeleitet durch eine Darstellung der geschichtlichen Entwicklung dieser Conferenzen. Herausgegeben von Dr. W. Erler, Professor am Pädagogium in Züllichau. Berlin, Wiegandt u. Grieben. 1876.

[2]) Ueber die Zulassung der Realschulabiturienten zum Studium der Medizin, von Prof. Dr. B. Schwalbe. Berlin, 1878. Verlag von H. W. Müller.

правъ въ этомъ пунктѣ съ гимназіями, то это будетъ большой побѣдой, и медицина, безъ сомнѣнія, представляетъ весьма удобное поле для этихъ стремленій, такъ какъ тутъ классическіе языки всего менѣе могутъ быть непосредственно полезны, и реальныя науки, а именно, естественныя науки—исключительно господствуютъ. Поэтому Швальбе въ своемъ рефератѣ говоритъ прежде всего о томъ, что реальныя школы для того, чтобы получить право для своихъ учениковъ изучать медицину, должны доказать съ двухъ сторонъ свою пригодность, какъ образовательныя заведенія: во-первыхъ, онѣ должны давать удовлетворительное спеціальное образованіе будущимъ медикамъ для того, чтобы они могли съ пользой приступить къ занятіямъ медициной; во-вторыхъ, они должны давать имъ и общее образованіе, пригодное для того, чтобы образовать изъ нихъ хорошихъ людей и гражданъ. Итакъ, вопросъ въ томъ: могутъ ли реальныя училища доставить удовлетворительное спеціальное и общее гуманное образованіе.

Было бы слишкомъ долго передавать здѣсь все то, что́ говорится въ рефератѣ о спеціальномъ образованіи, равно какъ и объ общемъ подготовительномъ къ университетскому. Главнымъ пунктомъ здѣсь является то, что гимназіи удѣляютъ слишкомъ мало времени для преподаванія естественныхъ наукъ. Вообще также и университеты даютъ недостаточную подготовку молодымъ людямъ для этой спеціальности, и многіе учителя того мнѣнія, что было бы гораздо лучше, если бы студенты не получали никакой подготовки въ этихъ наукахъ, чѣмъ получать недостаточную, поверхностную или ложно направленную подготовку.

Совсѣмъ иначе поставлено преподаваніе въ реальныхъ школахъ; тамъ уже съ оберъ-терціи, послѣ двухъ-часового еженедѣльнаго преподаванія въ секстѣ, должно получаться знаніе важнѣйшихъ по мѣстности продуктовъ природы, равно какъ и явленій природы, входящихъ въ кругозоръ ученика, и ихъ причинъ, вмѣстѣ съ умѣніемъ наблюдать, пріобрѣтаемымъ усиленнымъ упражненіемъ также и въ словесномъ и письменномъ изложеніи наблюденнаго; далѣе, требуется, чтобы преподаваніе естественныхъ наукъ развивало въ ученикахъ высшихъ классовъ способность къ самостоятельному изученію естественныхъ явленій, и экзаминаціонный уставъ требуетъ, кромѣ того, твердыхъ знаній по части экспериментальной химіи и физики, математики, аналитической геометріи, коническихъ сѣченій и механики.

Это́ подготовительное образованіе дѣйствительно превосходно въ реальныхъ школахъ и вызываетъ гораздо меньше возраженій, чѣмъ то, что реальныя школы такъ же благопріятны и для всеобщаго образованія. Референтъ начинаетъ съ историческаго развитія реаль-

ныхъ школъ, которое, разсматриваемое съ внѣшней стороны, произошло изъ промышленныхъ и ремесленныхъ школъ, работавшихъ съ недостаточными учебными силами и плохо подготовлявшихъ даже къ ихъ собственнымъ спеціальностямъ. Только въ 1859 году были вполнѣ реорганизованы реальныя школы перваго разряда; преподаваніе ведется академически образованными учителями по научнымъ методамъ и съ научной глубиной и шириной. Это великое преобразованіе въ организаціи реальныхъ школъ неизвѣстно многимъ изъ ихъ противниковъ, и этимъ объясняется антипатія, съ какою къ нимъ относятся. Но несправедливо было присвоивать новѣйшимъ временамъ идею реальныхъ школъ. Референтъ замѣчаетъ весьма справедливо, что вскорѣ послѣ реформаціи, эпохи, съ которой вообще ведутъ свое начало наши школы, появилась мысль о реальномъ образованіи. Не разъ пытались провести теоретически мысль, чтобы на ряду съ языками сдѣлать естественныя науки и математику центромъ преподаванія. Но всѣ эти попытки были практически непримѣнимы, во-первыхъ, потому, что данныя науки находились еще въ младенческомъ состояніи и не имѣли образовательной силы, во-вторыхъ, потому еще, что гуманизмъ, благодаря реформаціи, получилъ такое мощное развитіе, что ничто, казалось, не было достойнымъ стать съ нимъ рядомъ. Слѣдовательно, такъ какъ естественныя науки недостаточно еще развились для того, чтобы служить факторомъ образованія и воспитанія юношества,—то пытались удовлетворить практическимъ потребностямъ промышленными школами, между тѣмъ, какъ теперешняя реальная школа представляетъ идею давать полное соотвѣтствующее нашему времени человѣческое образованіе на основаніи естественныхъ наукъ и посредствомъ индуктивнаго метода, и въ этомъ отношеніи можетъ быть равною гимназіямъ, преслѣдующимъ ту же цѣль, на основаніи гуманныхъ наукъ и посредствомъ дедуктивнаго метода.

Я лично, по натурѣ, принадлежу къ скептикамъ, и полагаю, что на свѣтѣ все мѣняется. Какъ ни уважаю я классическое образованіе, какое получилъ и самъ, но я долженъ, однако, признать, что имъ не сказано послѣднее слово на вѣки вѣчные. Швальбе дѣлаетъ по этому поводу весьма замѣчательную критику, изъ которой я приведу главныя черты.

Понятіе о высшемъ образованіи, говоритъ онъ, вовсе не такое ясное и прочно установленное, какъ понятіе о приготовительномъ образованіи, опирающемся на опредѣленныхъ знаніяхъ. Знанія не представляютъ для общаго образованія ни по количеству своему, ни по качеству вѣрнаго масштаба. Конечно, для тѣхъ, которые усматриваютъ въ собственномъ образованіи масштабъ для всѣхъ временъ и

для всѣхъ людей, отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ утвержденіе, будто бы основательное знаніе латинскаго и греческаго языковъ должно служить масштабомъ всякаго образованія. Согласно этому, самыми образованными людьми будутъ филологи, и всѣ люди распадаются на образованныхъ и необразованныхъ, смотря по тому, получили они классическое предварительное образованіе или нѣтъ. Между тѣмъ даже самые ярые защитники классицизма отказались отъ этой узкой точки зрѣнія и ограничиваются утвержденіемъ, что духъ идеала пробуждается отъ изученія классической древности. Однако этотъ духъ проявляется далеко не во всѣхъ гимназіяхъ; во многихъ преобладаетъ грамматическая сторона преподаванія, и многіе учителя утверждаютъ, что этого образовательнаго момента въ гимназіяхъ нельзя замѣнить ничѣмъ инымъ. Тѣ, которые держатся своего строгаго воззрѣнія на все развитіе новѣйшаго времени, утверждаютъ, что всякій образованный человѣкъ долженъ быть отлично знакомъ съ тремя парками, съ девятью музами и различными миѳами, долженъ знать наизусть содержаніе книги Гомера, и они вызываютъ у своихъ противниковъ такое же утвержденіе; тѣ опять требуютъ, чтобы всякій образованный человѣкъ зналъ свойства хлористой извести, законы упругости пара и т. д. Познанія по извѣстнымъ спеціальностямъ никогда не будутъ въ состояніи дать масштабъ образованія, потому въ большинствѣ случаевъ нельзя объективно доказать, что та или другая спеціальность необходима для образованія и опирается лишь на субъективныхъ воззрѣніяхъ. Точно такъ и количество знанія въ той или другой спеціальности не можетъ дать этотъ масштабъ. Бываютъ весьма ученые люди, чрезвычайно замѣчательные въ своей спеціальности, но въ обыденной жизни считающіеся „односторонне образованными“, потому что они ничего не понимаютъ въ общихъ вопросахъ нашего времени, въ развитіи современныхъ идей. Къ этому присоединяется еще и то, что даже у культурныхъ націй, не говоря уже объ остальныхъ, понятіе объ образованіи весьма различно. У многихъ націй политическое образованіе входитъ въ составъ общаго образованія, знакомство съ конституціей и законами своей страны,—чего въ другихъ странахъ нѣтъ. Въ другихъ странахъ общее образованіе выражается преимущественно въ литературномъ образованіи, въ другихъ — въ точныхъ наукахъ, между тѣмъ какъ знаніе латинскаго и греческаго языковъ служитъ скорѣе признакомъ спеціальной учености; пуще же всего при обсужденіи этого вопроса играетъ роль время, въ какое мы живемъ. Намъ нѣтъ нужды возвращаться за тысячу лѣтъ назадъ, чтобы доказать, что идеалъ образованія сталъ совсѣмъ иной. Въ эпоху реформаціи гуманно-классическое образованіе дѣлало людей образованными, потому что такой

переворотъ въ человѣческомъ духѣ и человѣческомъ обществѣ былъ подготовленъ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Безъ сомнѣнія, вскорѣ затѣмъ стали понимать подъ нимъ не умственное міровоззрѣніе классической древности, но механическое и внѣшнее усвоеніе языковъ, а именно латинскаго, вслѣдствіе чего въ концѣ XVI и XVII столѣтій наступилъ такой же застой въ развитіи гуманизма, какой существовалъ въ средніе вѣка почти во всѣхъ отрасляхъ знанія. Когда въ прошломъ столѣтіи снова ожилъ духъ классической древности черезъ расцвѣтъ нашей литературы, явилось новымъ образовательнымъ моментомъ знаніе литературы, къ которой все еще относятся неблагосклонно, вмѣстѣ съ тѣмъ математика и географія получили такое развитіе, что значеніе ихъ основныхъ положеній требовалось отъ всякаго образованнаго человѣка; а въ настоящее время естественныя науки, вслѣдствіе своего вліянія на развитіе нашей культуры, вслѣдствіе своей связи почти со всѣми сторонами нашей физической жизни, имѣютъ законное право, такое же, какъ и вышеназванные предметы, считаться образовательнымъ моментомъ. Быть можетъ, подъ именемъ образованія слѣдуетъ понимать достаточное знакомство съ умственнымъ развитіемъ каждой эпохи, вмѣстѣ съ способностью правильно заключать, глубоко мыслить, точно наблюдать, ясно передавать все, что думаешь и наблюдаешь, и мало-по-малу составить себѣ самостоятельное сужденіе. Это не можетъ быть безъ опредѣленныхъ знаній, безъ упражненія ума надъ извѣстными предметами, но къ этому не можетъ привести изученіе одной какой-нибудь спеціальности, одного какого-нибудь языка, извѣстной суммы детальныхъ знаній. Напр., человѣкъ, который, благодаря чисто математическому образованію, въ состояніи дѣлать правильные выводы въ этой наукѣ и даже дѣлать въ ней новыя открытія, нисколько не получитъ черезъ это облегченія при рѣшеніи многихъ другихъ научныхъ и филологическихъ задачъ, равно какъ и тотъ, который очень свѣдущъ въ филологіи—при рѣшеніи математическихъ и другихъ научныхъ вопросовъ. Одного какого-нибудь абсолютнаго пути для этого не существуетъ, и потому въ нашихъ школахъ имѣются представители всѣхъ путей. Гимназія старается достичь желанной цѣли посредствомъ изученія древности и съ помощью историко-филологическихъ наукъ—путемъ дедуктивнаго метода, причемъ лишь поверхностно и бѣгло знакомятъ съ культурнымъ развитіемъ нашего времени. Реальныя школы стремятся къ той же цѣли посредствомъ естественныхъ, реальныхъ наукъ, путемъ индуктивнаго метода и при содѣйствіи филологіи. Математика, которая преподается въ достаточномъ объемѣ въ обѣихъ школахъ, служитъ соединительнымъ звеномъ.—Затѣмъ референтъ разсматриваетъ еще два возраженія, которыя обыкновенно дѣ-

лаются противъ реальныхъ школъ. Во-первыхъ, утверждаютъ, что преподаваніе въ реальныхъ школахъ не имѣетъ той логической силы, какъ въ гимназіяхъ, что гимнастика ума, какой достигаютъ посредствомъ латинскаго языка, реальныя школы отнюдь неспособны дать; затѣмъ полагаютъ, что занятіе многими предметами мѣшаетъ достаточно углубляться въ нихъ и вызываетъ поверхностное отношеніе, но что въ гимназіяхъ именно это углубленіе въ одинъ предметъ устраняетъ поверхностность. Логическое мышленіе въ одной какой-нибудь спеціальности, говоритъ авторъ, вовсе не развиваетъ такой же способности въ другой спеціальности, и молодые люди, воспитанные путемъ дедуктивнымъ, филологическаго метода, съ трудомъ усвоиваютъ себѣ индуктивный методъ мышленія, присущій естественнымъ наукамъ, и который нынѣ лежитъ въ основаніи медицины. Что касается этой послѣдней, то Гельмгольцъ говоритъ въ одной рѣчи о мышленіи въ медицинѣ [1]): „Изъ физики слѣдуетъ заимствовать вѣчныя основныя положенія для естественно-научной работы, которыя такъ просты и однако постоянно забываются, такъ ясны и однако постоянно прикрыты обманчивымъ покрываломъ. Ошибки старинныхъ медицинскихъ школъ объясняются тѣмъ, что онѣ слишкомъ довѣрялись дедуктивному методу и голому мышленію отводили слишкомъ обширное поле, фактами же наблюденія и экспериментами пренебрегали“.

Вотъ что говоритъ Гельмгольцъ. Та же логическая гимнастика,— продолжаетъ нашъ авторъ, — какую даетъ латинскій языкъ, достигается и посредствомъ естественныхъ наукъ и французскаго языка, если они преподаются основательно, и посредствомъ обдуманнаго метода. И только недостатокъ во времени, отводимомъ для этихъ предметовъ, не позволяетъ дать имъ такое же развитіе, какъ и латинскому языку.

Прибавлю отъ себя, что вопросъ о замѣнѣ латинскаго языка другимъ учебнымъ предметомъ, т.-е. другимъ языкомъ, разбирается учительской конференціей, о которой упомянуто въ началѣ этого письма. Такъ, на стран. 121 вышеупомянутой книги Эрлера, напечатанъ протоколъ преній о преподаваніи латинскаго языка въ реальныхъ школахъ, происходившихъ на вестфальской конференціи 1863 года. Цѣлью преподаванія латинскаго языка въ реальныхъ школахъ является практическая подготовка къ всеобщему изученію языка, а въ практическомъ отношеніи — усвоеніе связи между новѣйшей европейской культурой и древностью посредствомъ чтенія. Итакъ, въ филологическомъ отношеніи слѣдуетъ, значитъ,

[1]) Berlin, bei Aug. Hirschwald, 1877.

уяснить общіе законы, и для этого латинскій языкъ считается особенно пригоднымъ, благодаря разнообразію и выработанности своихъ формъ и строго-логической конструкціи своей. Для этого слѣдуетъ ограничить грамматику самымъ необходимымъ, потому что чѣмъ проще система грамматики, тѣмъ болѣе ограничивается она незыблемыми правилами, тѣмъ скорѣе можетъ служить общимъ филологическимъ основаніемъ. Противъ этихъ воззрѣній выступаютъ реалисты, которые считаютъ французскій языкъ, въ особенности французскій синтаксисъ, болѣе поучительнымъ, чѣмъ латинскій. Изъ этого возникло предложеніе преподавать въ низшихъ классахъ реальныхъ школъ латинскую грамматику, въ высшихъ же — французскій синтаксисъ. Но это воззрѣніе не нашло себѣ примѣненія. Я позволю себѣ, съ своей стороны, замѣтить, что если желаютъ путемъ грамматики подготовить общее изученіе языка, то лучше будетъ удержать латинскій языкъ, который есть прототипъ всѣхъ романскихъ языковъ и чрезвычайно какъ облегчаетъ изученіе послѣднихъ. Но облегчаетъ это только для ученыхъ. Ученый, которому почти не приходится говорить, но которому нужно только читать книги на иностранныхъ языкахъ, конечно, сравнительно легко выучитъ французскій, итальянскій, испанскій и даже англійскій языкъ, если онъ знаетъ латинскій, но онъ будетъ въ состояніи только читать на этихъ языкахъ — что, между прочимъ, замѣчается у нѣмцевъ — и знаніе его окажется недостаточнымъ, какъ скоро онъ очутится въ странѣ, гдѣ говорятъ на этомъ языкѣ. Естественнымъ путемъ для изученія языка является, какъ извѣстно, не грамматика, и мы видимъ въ жизни людей, говорящихъ на многихъ языкахъ, не имѣя никакого понятія о грамматикѣ. Я много разъ путешествовалъ по Швейцаріи пѣшкомъ въ окрестностяхъ Via Mala, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ открытъ новый проходъ, Schyn-Pasz. У меня былъ проводникомъ старикъ, который почти въ каждой деревнѣ, мимо которой мы проходили, иначе здоровался и объяснялъ мнѣ, какъ звучитъ привѣтствіе тамъ-то и тамъ-то, — и показывалъ мнѣ разницу въ діалектахъ. То же самое испытывалъ я нѣкогда и въ Гаскони; но пойдемъ далѣе. Возьмите портье въ гостинницѣ, коммиссіонера или тому подобный людъ, которому случалось много странствовать по бѣлу-свѣту; они часто говорятъ на многихъ языкахъ, хотя и не слыхивали о грамматикѣ. Вы знаете, быть можетъ, также комическій анекдотъ, какъ одинъ извѣстный ученый, со славою преподававшій—не знаю—арабскій или китайскій языкъ и писавшій на немъ книги, сталкивается съ настоящимъ арабомъ или китайцемъ — и оба никакъ не могутъ понять другъ друга. Главная причина этого лежитъ, разумѣется, не въ особенной даровитости

необразованнаго человѣка, сравнительно съ ученымъ, а въ томъ, что онъ выучиваетъ лишь необходимое—что, конечно, сравнительно легко—а ученый нагружаетъ себя балластомъ, который ни къ чему не служитъ. Извѣстный фактъ, насколько ограниченъ человѣческій словарь, такъ какъ вычислено, напримѣръ, что Шекспиръ изъ неисчислимаго богатства англійскаго языка употребляетъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ всего лишь 8,000 словъ. Другое доказательство этому можно было бы найти въ томъ, какъ рѣдко у писателей повторяется „semel dicta", уже разъ сказанное. Можно сказать однако, что у древнихъ писателей это является лишь случайно, такъ какъ немногія произведенія ихъ дошли до насъ, и что это еще недостаточное доказательство для одиночнаго употребленія словъ. Но при ближайшемъ изученіи открываешь противоположный фактъ. Я разъ былъ поставленъ въ такое положеніе, что не имѣлъ словаря съ собой, когда читалъ въ глубокомъ уединеніи „Пиквикскій клубъ", котораго еще мнѣ не случалось читать. Для того, кто имѣетъ кое-какія познанія въ языкѣ и вообще получилъ филологическое образованіе, будетъ легко читать книгу и безъ лексикона, и даже замѣчу, что это наилучшій способъ выучиться языку, потому что до нашихъ дней большинство словарей, особливо двухъ-язычныхъ, не что иное какъ искаженіе истиннаго языка. Побочныя фразы объясняютъ вамъ лучше смыслъ непонятаго вами слова, чѣмъ переводъ, который вы находите въ словарѣ и который девять разъ изъ десяти даетъ вамъ ложное истолкованіе слова. Я не думаю, что ошибусь, если скажу, что при чтеніи „Пиквикскаго клуба" я не встрѣтилъ ни одного изъ трудныхъ, которыя бы не повторялись два или три раза, причемъ я могъ путемъ сравненія схватить ихъ истинный смыслъ. Конечно, эта метода болѣе медленная, чѣмъ другая, но за то даетъ и лучшіе результаты.

Послѣ этого краткаго отступленія, я возвращаюсь къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ Швальбе.

Предпочтеніе передъ латинскимъ языкомъ въ отношеніи логической гимнастики онъ, разумѣется, отдаетъ естественнымъ наукамъ. Онѣ точно такъ же заставляютъ напрягать умственныя силы въ различныхъ направленіяхъ и требуютъ больше памяти, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Хорошо выбранный экспериментъ, описанный ученикомъ, объясненіе котораго найдено имъ путемъ размышленія и который приводитъ его къ различнымъ аналогіямъ, служитъ не менѣе для развитія ума, чѣмъ латинская фраза въ ея различныхъ значеніяхъ. И даже еще вопросъ — не развиваютъ ли эти спеціальности гораздо сильнѣе способность мышленія, чѣмъ логически-механическая метода языка. Но, какъ извѣстно, въ реальныхъ школахъ

изучаютъ не однѣ эти спеціальности, но и языки. Неоднократно было доказано, что новѣйшіе языки могутъ быть изучаемы съ такою же пользою, какъ и старые, и что, благодаря своей литературѣ—въ особенности англійской—они представляютъ многія преимущества и не уступаютъ въ требованіяхъ логическаго анализа старымъ.

Другое преимущество гимназій заключается въ сосредоточеніи преподаванія, которое одно можетъ дать достаточную глубину, истинно научное направленіе. Однако при этомъ для ученика является большое облегченіе, такъ какъ онъ можетъ сосредоточить все свое вниманіе и всю свою дѣятельность лишь на немногихъ предметахъ. Но при этомъ легко можетъ случиться, что многія способности и умственныя силы остаются безъ примѣненія и не развиваются. Кромѣ того, принудительное углубленіе въ одни и тѣ же предметы вызываетъ часто реакцію, и многіе, по выходѣ изъ школы, совсѣмъ бросаютъ ими заниматься.

Опасность раздвоенія вниманія и поверхностности изученія въ реальныхъ школахъ заключается вовсе не въ многочисленности предметовъ, но въ томъ, что требованія устава не выполняются при существующихъ условіяхъ, такъ какъ вообще цѣль ставится слишкомъ обширная. Если бы въ преподаваніи новѣйшихъ языковъ ограничились грамматическими познаніями, умѣньемъ переводить, знакомствомъ съ литературой, то достигли бы болѣе цѣлесообразныхъ результатовъ, чѣмъ теперь, когда требуютъ также и умѣнья говорить, что невозможно. Точно такъ же и по части естественныхъ наукъ слѣдуетъ сдѣлать ограниченіе въ томъ смыслѣ, чтобы не преподавать поверхностно многія изъ нихъ, а выкинуть вовсе изъ программы. Когда преподаваніе съ ограниченной цѣлью будетъ вездѣ поставлено на научномъ основаніи, то у ученика реальной школы явится научное направленіе.

Но самымъ интереснымъ изъ доводовъ референта является послѣдній пунктъ, направленный противъ обвиненія, что реальныя школы убиваютъ стремленія къ идеалу и развиваютъ шарлатанство. При этомъ онъ имѣетъ счастіе сослаться на Вирхова, который уже въ собраніи естествоиспытателей въ 1877 г., въ своей рѣчи о свободѣ науки въ современномъ государствѣ, доказалъ неосновательность этого упрека. Даже образованнѣйшіе люди имѣютъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, несовершенныя знанія, и такъ-называемая энциклопедичность знаній, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, въ настоящее время нужнѣе, чѣмъ когда-либо, или по-крайней-мѣрѣ неизбѣжнѣе. Безъ нѣкоторыхъ познаній въ самыхъ различныхъ отрасляхъ, нельзя представить себѣ, при настоящемъ раздѣленіи труда, мало-мальски полезнаго члена общества. Осуждать энциклопедич-

ность можно только тогда, когда она сопровождается высокомѣріемъ и мѣшаетъ основательному изученію какой-нибудь спеціальности. Наконецъ, развѣ реальная школа наноситъ ущербъ идеализму, этому рычагу столькихъ великихъ, прекрасныхъ дѣлъ? Конечно, въ этомъ упрекали не однѣ только реальныя школы, но и все наше время вообще, и люди, воспитанные въ гимназіяхъ, тоже не избѣжали его. Еслибъ даже дѣйствительно существовало такое паденіе идеаловъ, то оно говоритъ какъ разъ противъ исключительнаго господства классическаго образованія. Послѣ великаго прогресса, который пережило человѣчество въ эпоху реформаціи, благодаря гуманнымъ наукамъ, эти послѣднія лишились силы вести дальнѣйшее развитіе, дальнѣйшій прогрессъ. Не только всѣми классами общества могли завладѣть самые грубые предразсудки, какъ, напр., вѣра въ вѣдьмъ, но даже и свободное изслѣдованіе было частію ограничено, такъ что великая церковная реформа осталась недоконченной. Въ нѣсколькихъ высшихъ школахъ съ тѣхъ поръ почти исключительно царствовалъ гуманизмъ; жалобы же на усиливающійся матеріализмъ и на паденіе гуманныхъ наукъ никогда не умолкали, что́ какъ бы то ни было, служитъ доказательствомъ того, что односторонній гуманизмъ не можетъ имѣть вліянія на народъ, массы котораго и всегда бывали изъяты отъ его вліянія. Совсѣмъ тѣмъ упрекъ этотъ вовсе не такъ справедливъ, какъ многіе это думаютъ. Разные люди понимаютъ нѣчто совсѣмъ различное подъ словами: идеалъ, идеализмъ. Если мы попытаемся сдѣлать возможно ясное и общее опредѣленіе этого понятія, то должны будемъ, помимо всякихъ субъективныхъ воззрѣній, которыя часто смѣшивались съ идеализмомъ, признать идеализмомъ идеальное стремленіе преслѣдовать свою цѣль, вопреки всякимъ внѣшнимъ преимуществамъ и съ полной преданностью своему дѣлу и съ полнымъ самоотверженіемъ. Сюда относятся не одни только великія дѣла; напротивъ того, каждый можетъ въ своей сферѣ и даже въ самомъ тѣсномъ кругу оставаться вѣрнымъ этому идеализму. Но образованіе, даваемое реальными школами, совсѣмъ не враждебно такому идеализму; реальныя школы, такъ же, какъ и гимназіи, знакомятъ учениковъ съ великими героями, которые жертвовали собою для идеальныхъ цѣлей. Естественныя науки, такъ много содѣйствовавшія развитію человѣчества, побуждающія къ постоянному труду, къ изслѣдованію истины, обладаютъ также способностью побѣдоносно бороться съ опасностями, которыми угрожаетъ матеріализмъ. Стóитъ только изучать ихъ не поверхностно, а углубляться въ нихъ, и онѣ, также какъ и древніе языки, устранятъ матеріализмъ. Нигдѣ еще ни въ наше, ни въ прежнее время не была

сдѣлана эта попытка, нигдѣ еще не было доказано, что она не приведетъ ни къ какому результату.

Далѣе референтъ говоритъ: „Развѣ трагедіи Шекспира, исторія Маколея, сочиненія Сенъ-Пьерра, Араго, Гумбольдта—не могутъ возбудить такого же восторга, какой возбуждаютъ древніе писатели? Въ этомъ отношеніи я долженъ позволить себѣ одно ограниченіе. Въ отвѣтъ на вѣру въ постоянный прогрессъ, которая нынѣ почти исключительно овладѣла умами, можно утверждать, что человѣкъ, какъ разумное существо, равно какъ и физическое, съ того времени, какъ мы его узнали, оставался тѣмъ же самымъ. Поэтому самые древнѣйшіе писатели, которые дошли до насъ, имѣютъ такое же великое значеніе, потому что они установили извѣстныя, неизмѣнныя вещи и законы такимъ образомъ, что онѣ для всѣхъ временъ были образцовыми и такими вѣроятно останутся вѣчно. Вы знаете, что въ послѣднее время неоднократно старались доказать, что даже кажущаяся столь богатою область фантазіи, сравнительно очень ограничена, и что сюжеты, какіе современные поэты кладутъ въ основаніе своихъ стихотвореній, служили уже поэтамъ Индіи, Египта или Ассиріи. Я напомню про доказанную общность матеріала, послужившаго для басенъ, для литературы всего міра или же про ту хорошенькую сказку о невѣрной вдовѣ, встрѣчаемую во всѣхъ литературахъ и которая недавно открыта даже въ китайской. Многія такія вещи заключаются въ Библіи, которая поэтому, помимо религіозной стороны, представляетъ большую цѣнность, какъ книга. Но многія были необыкновенно хорошо обработаны греческими и латинскими писателями. Я великій поклонникъ Шекспира; да и кто не поклонникъ его? Я также великій поклонникъ Гёте, да и кто изъ знающихъ и изучавшихъ его, не поклоняется ему? Но все же я не могу умолчать о томъ, что оба носятъ на себѣ гораздо больше отпечатокъ партикуляризма, чѣмъ классики, у которыхъ loci communes или общія мѣста имѣютъ непреодолимую силу именно потому, что безъ нихъ нельзя обойтись. Это мѣсто, по моему мнѣнію, всегда останется за классическими писателями. Я зашелъ бы слишкомъ далеко, если бы вздумалъ излагать здѣсь, почему именно исторія этихъ двухъ древнихъ государствъ представляетъ такой великій интересъ. Что касается спеціально Рима, то несомнѣнно, что никакая исторія не развилась такъ органически, послѣдовательно и логично, какъ исторія римской республики. Эта исторія еще потому такъ интересна, что нигдѣ понятіе о государствѣ не было развито до такого совершенства, какъ въ Римѣ. Новѣйшее время, конечно, придаетъ большое значеніе и совершенно основательно развитію и требованіямъ общества; но такъ какъ общество и государство суть два фактора

которые существуютъ рядомъ и всегда должны будутъ существовать и кругъ дѣятельности которыхъ долженъ быть, слѣдовательно, точно опредѣленъ, а потому весьма важно удержать понятіе о государствѣ такимъ же непоколебимымъ, какимъ оно было въ римской исторіи и какимъ, повторяю, оно нигдѣ больше не было. Разумѣется, никому въ голову не придетъ утверждать, что для этого слѣдуетъ образовать современное государство по римскому образцу; но для образованныхъ классовъ будетъ весьма полезно, если это понятіе будетъ по-крайней-мѣрѣ ясно сознано. Я хочу указать здѣсь еще на одинъ пунктъ. Несомнѣнно, что гуманное классическое образованіе не достигается посѣщеніемъ одной гимназіи, а должно сопровождаться посѣщеніемъ университета. Между тѣмъ стоитъ только припомнить, какъ многіе не достигаютъ даже экзамена на аттестатъ зрѣлости и не доходятъ до университета, а посвящаютъ себя другимъ спеціальностямъ, чтобы понять, какое ограниченное число людей получаетъ дѣйствительно гуманно-классическое образованіе. Увеличеніе народонаселенія въ Европѣ необыкновенно какъ затруднило существованіе отдѣльныхъ лицъ, сдѣлавъ борьбу за существованіе весьма трудною. Тому древнему міру, который принимается за основаніе гуманнаго образованія, была совершенно чужда мысль о трудѣ и даже заключала въ себѣ нѣчто унизительное. Но нашъ современный міръ, который долженъ прежде всего трудиться, не можетъ имѣть того досуга, который дозволилъ небольшому меньшинству господствующихъ классовъ въ древности достичь такого цвѣтущаго развитія литературы и искусствъ. Поэтому совершенно достаточно, если пламя гуманнаго и классическаго образованія будетъ сберегаться въ небольшомъ кружкѣ, и я полагаю, что оно никогда не потухнетъ вполнѣ, если только не наступитъ новаго нашествія варваровъ, подобно тому, какое уже имѣло разъ мѣсто при переселеніи народовъ.

Я уже упоминалъ о томъ, что въ рейхстагѣ былъ сдѣланъ докладъ касательно Дуисбургской петиціи депутатомъ Стефани. Этотъ послѣдній въ своемъ докладѣ значительно отступилъ отъ воззрѣній референта. Докладъ исходитъ изъ той точки зрѣнія, что невозможно создать изъ гимназій и реальныхъ школъ одну однородную школу, которой должно быть передано все образованіе націи. Онъ полагаетъ, что скорѣе приготовительнымъ заведеніямъ слѣдуетъ предоставить задачу пробудить духъ научной дѣятельности и стремленіе къ новымъ познаніямъ. Что касается естественно-историческихъ и медицинскихъ наукъ, то при увеличивающемся постоянно объемѣ ихъ приготовительное заведеніе, дающее историко-филологическую подготовку, не можетъ быть пригодно для подготовки къ тѣмъ наукамъ. Прежде всего всѣ жалуются на недостаточность математиче-

скихъ знаній и на неумѣнье правильно судить о физическихъ явленіяхъ. Въ академическихъ мнѣніяхъ о допущеніи учениковъ реальныхъ школъ на медицинскій факультетъ, высказались за это допущеніе изъ 9 факультетовъ 4: Грейфсвальдскій, Гёттингенскій, Кильскій и Кёнигсбергскій; 4-же: Берлинскій, Бреславльскій, Галле, Марбургскій противъ него, а Боннскій сказалъ ни то, ни сё. Этотъ послѣдній не хочетъ отказаться отъ преимуществъ классическаго образованія, но не скрываетъ также и того, что большія знанія по математикѣ, физикѣ и химіи, пріобрѣтаемыя въ реальныхъ школахъ, служатъ лучшей подготовкой для медицины, чѣмъ гимназическое образованіе, и требуетъ поэтому бо́льшаго развитія этихъ наукъ въ гимназіяхъ. Но все это, какъ я уже сказалъ въ началѣ, далеко еще отъ своего осуществленія. Какъ ни превосходно у насъ, въ Германіи, самостоятельное развитіе школьнаго дѣла, но слѣдуетъ сознаться, что оно двигается нѣсколько медленно. Всѣ вопросы, о которыхъ здѣсь говорено, обнаружились уже въ тридцатыхъ годахъ, и если вы загляните въ упомянутую мною книгу о директорскихъ конференціяхъ, то увидите, что всѣ подробности, о которыхъ теперь толкуютъ основательнѣйшимъ образомъ, разобраны тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что полнаго и безусловнаго разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ ожидать отъ школьнаго закона, который предполагался еще въ конституціи 1848 г. и до сихъ поръ такъ же далекъ отъ осуществленія, какъ и тогда. Вопросъ могъ бы даже провести д-ръ Фалькъ, ревностно имъ занимавшійся, если бы его министерской карьерѣ не былъ положенъ такой неожиданный конецъ, и можно извинить этихъ господъ въ ихъ медлительности, потому что законъ этотъ представляетъ собою гигантское дѣло; говорятъ, что д-ръ Фалькъ подготовилъ не менѣе 700 параграфовъ. Конечно, есть законодательныя книги, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 700 параграфовъ, но въ сферѣ права работаютъ уже многія тысячи лѣтъ, чего нельзя сказать объ учебной сферѣ.

Въ другой книгѣ, которая почти безусловно необходима для каждаго нѣмецкаго педагога [1]), находимъ почти весь матеріалъ о школьномъ дѣлѣ въ Пруссіи. Въ предисловіи къ этой книгѣ мы читаемъ слѣдующее превосходное положеніе: „Несомнѣнно, что все лучшее въ школѣ совершается помимо предписаній закона“,—положеніе, касающееся, надо сознаться, всего законодательства, такъ что это послѣднее почти вездѣ отступаетъ отъ строгой регламентаціи и предо-

[1]) Verordnungen und Gesetze für die höheren Schulen in Preussen, von D-r L. Wiese. Berlin. Verlag. von Wiegandt und Grieben. 1867.

ставляетъ нѣкоторый просторъ педагогамъ. Въ этой книгѣ, между прочимъ, приводится нѣсколько отрывковъ учебнаго и экзаминаціоннаго устава 1859 года, и онъ гласитъ между прочимъ слѣдующее: „Опредѣленіями учебнаго и экзаменнаго устава реальныя училища классифицированы, ихъ отношенія регулированы и имъ отведено соотвѣтствующее ихъ значенію мѣсто въ организмѣ общественнаго учебнаго дѣла, причемъ ихъ дальнѣйшее развитіе нисколько не стѣснено. Чтобы достойно занимать это мѣсто, всѣ заинтересованныя лица должны все съ бо́льшей опредѣленностью осуществлять идею, лежащую въ основаніи реальныхъ школъ. Великій прогрессъ и развитіе естественныхъ и реальныхъ наукъ создали въ новѣйшее время реальное образованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ не малую для нихъ опасность, если при преподаваніи въ ученикѣ забудутъ человѣка. Часто раздающіяся, въ послѣднее время, жалобы объ обремененіи юношества занятіями, причемъ ихъ умственныя силы не развиваются, но парализируются, или разбиваются, и этотъ упрекъ особенно задѣваетъ реальныя школы при многочисленности преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ. Будущность реальныхъ школъ зависитъ отъ того, насколько эта опасность будетъ сознана и предотвращена. Численнаго ограниченія предметовъ не допускаетъ учебная программа реальныхъ школъ, но за то она требуетъ сосредоточенія предметовъ, причемъ ихъ разнообразіе должно дѣйствовать и производить впечатлѣніе единства. Сосредоточеніе заключается въ нѣкоторомъ ограниченіи, согласно цѣлямъ школы, учебныхъ предметовъ по содержанію и объему, въ ихъ живой связи и въ правильной постепенности предметовъ и занятій въ научно-педагогически выработанномъ методѣ преподаванія“.

Въ другомъ мѣстѣ того же экзаминаціоннаго устава задачи реальныхъ училищъ (равно какъ и высшихъ бюргерскихъ школъ) опредѣляются такъ: „Онѣ имѣютъ задачей дать научную подготовку для высшихъ спеціальностей, для которыхъ не требуются академическія, факультетскія занятія; при ихъ учрежденіи слѣдуетъ поэтому руководствоваться не ближайшими потребностями практической жизни, но тою цѣлью, чтобы юношество, довѣряемое этимъ школамъ, довести до такого умственнаго развитія, которое даетъ возможность впослѣдствіи самостоятельно работать надъ избранной спеціальностью; эти школы не спеціальныя школы, но такъ же какъ и гимназіи, должны давать подготовку къ общему образованію и основательнымъ познаніямъ. Поэтому между гимназіями и реальными школами нѣтъ никакой противоположности въ принципѣ, но существуетъ соотношеніе взаимнаго дополненія. Они дѣлятъ между собою задачу доставить основанія общаго высшаго образованія для различныхъ спеціаль-

ностей. Это раздѣленіе сдѣлалось необходимымъ вслѣдствіе развитія наукъ и общественныхъ отношеній, и реальныя школы мало-по-малу заняли соотвѣтствующее гимназіямъ мѣсто.

„Школа служитъ жизни и согласуется съ ея требованіями—это доказываетъ самое существованіе реальныхъ школъ и ихъ учебная программа. Но она имѣетъ дѣло съ юношествомъ и можетъ дать лишь общія и прочныя основанія для того образованія, какого требуетъ каждая отдѣльная спеціальность. Всякое спеціальное призваніе должно основываться на свободномъ человѣческомъ образованіи ума и характера. Своеобразное преимущество, имѣющееся за реальными школами, замѣчается въ томъ, что онѣ развиваютъ мозгъ у своихъ воспитанниковъ и научаютъ правильно наблюдать явленія и въ разнообразіи ихъ улавливать законъ, вслѣдствіе чего онѣ достигаютъ бо̀льшаго, чѣмъ гимназіи, по части математики, естественныхъ наукъ и рисованья, а также облегчаютъ болѣе близкое знакомство съ современнымъ состояніемъ культуры. Но это преимущество только тогда сдѣлается дѣйствительнымъ, когда у воспитанниковъ реальныхъ школъ будетъ развиваться научный духъ, и знаніе матеріи будетъ сопровождаться уваженіемъ къ наукѣ и признаніемъ того, что̀ обусловливается жизнью и съ нею связано“.

Я думаю, что было бы не безполезно подробнѣе привести здѣсь программу реальной школы высшаго разряда, которая принята также, что̀ очень важно—въ кадетскихъ корпусахъ Пруссіи. Въ учебномъ уставѣ эта программа распредѣляется по спеціальностямъ:

I. Преподаваніе закона Божія—я оставляю въ сторонѣ.

II. Нѣмецкій языкъ, преподаваніе коего въ шестомъ, пятомъ, четвертомъ, а частію и въ третьемъ, ничѣмъ не отличается отъ преподаванія въ гимназіяхъ; только въ терціи принимается во вниманіе, что въ реальныхъ школахъ многіе оканчиваютъ свое школьное образованіе на этой ступени, чтобы перейти затѣмъ къ практической дѣятельности, и поэтому письменныя занятія согласуются съ требованіями бюргерской жизни, дѣловыми отношеніями и т. д. Занятія поэзіей ограничиваются самымъ необходимымъ въ изученіи стихосложенія, метрики и т. д. Число часовъ учебныхъ для роднаго языка въ секстѣ и въ квинтѣ составляетъ 5, въ квартѣ 4, въ низшей и въ высшей терціи—3, въ высшей и въ низшей секундѣ—3, и въ примѣ—4. Въ примѣ читается обзоръ хода развитія исторіи нѣмецкой литературы, въ связи съ выдающимися сочиненіями и писателями. Для разбора берутся оды Клопштока, отрывки изъ прозаическихъ сочиненій Лессинга, изъ идей Гердера и т. д., и для сочиненій даются лишь такія тэмы, которыя знакомы ученикамъ изъ чтенія или преподаванія, или изъ собственнаго наблюденія и опыта.

III. Латинскій языкъ: въ секстѣ опредѣляется на его преподаваніе отъ 7—8 часовъ въ недѣлю; въ квинтѣ—5, въ квартѣ—6, въ терціи—B и A—5, въ секундѣ B и A—4, и въ примѣ—3 въ недѣлю. Изъ писателей, въ терціи читаютъ Корнелія Непота и Юлія Цезаря, въ секундѣ этихъ послѣднихъ и Ливія или Курція или Саллюстія, также отчасти и Овидія; въ примѣ—Ливія, Саллюстія, Цицерона и отчасти Виргилія: Энеиду.

IV. Французскій языкъ: въ квинтѣ и въ квартѣ—5 часовъ въ недѣлю; въ гимназіяхъ же въ квинтѣ—3, а въ квартѣ—2; въ верхней и нижней терціи—4, въ гимназіяхъ же—2; въ секундѣ и въ примѣ—4, въ гимназіи же—2. Въ примѣ разборъ писателей и вообще все преподаваніе должны происходить на французскомъ языкѣ. Дѣлается обзоръ классическаго періода во французской литературѣ. Для чтенія должны служить, кромѣ другихъ пригодныхъ къ этому сочиненій старыхъ и новыхъ временъ, также сочиненія m-me де-Сталь, Буало: Art poétique, и на ряду съ старинной, классической драмой, также и избранныя, современныя драмы. Въ секундѣ гимназій читаются Монтескьё; исторія третьяго крестоваго похода Мишо, исторія Наполеона Сегюра, Бонапартъ въ Египтѣ Тьера, и исторія Карла I-го англійскаго Гизо; въ примѣ—французскіе классики, также драмы Расина, Корнеля и Мольеръ.

V. Англійскій языкъ: начинается въ нижней терціи; тамъ и въ оберъ-терціи ему отведено—4; на этой ступени изученіе должно быть доведено уже такъ далеко, чтобы главнѣйшія правила произношенія были уже усвоены и изученіе грамматики и вокабулъ подвинулось бы настолько, чтобы ученики могли читать бѣгло легкія мѣста изъ историческихъ сочиненій и переводить ихъ по-нѣмецки. Въ нижней и верхней секундѣ, равно какъ и въ примѣ—4 часа въ недѣлю. Для чтенія служитъ въ примѣ хрестоматія или статьи Маколея о Гастингсѣ, Клейдѣ, драмы Шекспира.

VI. Географія и исторія. Въ секстѣ 3 часа, въ квинтѣ—3, въ квартѣ—4, во всѣхъ почти такъ же, какъ и въ гимназіяхъ. Въ нижней и верхней терціи—4 часа; въ первомъ году, исторія Германіи до окончанія тридцатилѣтней войны, причемъ удѣляется особое мѣсто исторіи прусскаго государства; на второй годъ — бранденбургско-прусская исторія въ связи съ нѣмецкой. Здѣсь же должно получиться знакомство съ основаніями математической географіи, съ общими отношеніями земной поверхности, преимущественно Европы; спеціальное знаніе топографической и политической географіи Германіи; въ исторіи, обзоръ міровыхъ отношеній вообще и ближайшее знакомство съ отечественной исторіей, т.-е. съ бранденбургско-прусской, въ связи съ нѣмецкой. Въ верхней и нижней секундѣ и въ

примѣ 3 часа еженедѣльно. Въ секундѣ, что̀ касается исторіи, то должна быть повторена древняя исторія и пополнены знанія по части государственнаго устройства, законодательства, религіи и культуры. Въ оберъ-секундѣ приходится исторія германскихъ племенъ и нѣмецкихъ среднихъ вѣковъ въ связи съ исторіей Франціи и Англіи и развитіемъ государственнаго устройства въ этихъ странахъ. Въ примѣ преподается новая исторія, а по части географіи повторяется и расширяется пройденное.

Мы подходимъ къ тѣмъ пунктамъ, на которыхъ гимназіи и реальныя школы всего болѣе различаются, а именно:

VII. Естественныя науки. Распредѣленіе этихъ занятій въ классическихъ гимназіяхъ, которое я хочу предпослать распредѣленію въ реальныхъ школахъ, таково: 1) Естественныя науки, въ секстѣ 2 ч. въ недѣлю—естественная исторія: описаніе отдѣльныхъ туземныхъ особей изъ зоологіи и ботаники. Лѣтомъ преимущественно растенія и насѣкомыя, зимою позвоночныя животныя, вмѣстѣ съ изученіемъ терминологіи и упражненія глаза для наблюденія. Наглядныя изображенія; разсмотрѣніе живыхъ экземпляровъ, разсказы изъ жизни животныхъ. Въ квинтѣ 2 часа въ недѣлю. Въ квартѣ преподаваніе естественной исторіи совсѣмъ прекращается. Въ терціи—2 часа на обзоръ трехъ царствъ природы; въ секундѣ—1 часъ въ недѣлю: вступленіе въ физику, ученіе о твердыхъ тѣлахъ, ученіе о жидкихъ и газообразныхъ тѣлахъ, о звукѣ и теплотѣ. Въ примѣ—2 часа въ недѣлю: ученіе о свѣтѣ, о магнетизмѣ и электричествѣ; статика и механика, математическая географія.

Совсѣмъ иначе ведется преподаваніе естественныхъ наукъ въ реальныхъ школахъ. Въ секстѣ—2 часа въ недѣлю естественная исторія; наглядное обученіе касательно предметовъ изъ всѣхъ трехъ царствъ природы. Въ квинтѣ—2 часа: естественная исторія, главнѣйшее изъ ботанической терминологіи, ботаника; зимою описаніе, сравненіе и группировка чучелъ птицъ и млекопитающихъ. Въ квартѣ —2 часа естественная исторія: зимою описаніе туземныхъ растеній, признаки нѣкоторыхъ легко отличаемыхъ семействъ, главнѣйшія сельско-хозяйственныя растенія, вступленіе къ изученію составленія гербаріевъ, экскурсіи. Зимою: млекопитающіе, птицы, амфибіи, рыбы; изъ насѣкомыхъ: жуки, бабочки; группировка ихъ по естественнымъ семействамъ. Въ нижней и верхней терціи—2 часа въ недѣлю: естественная исторія; лѣтомъ: ботаника, Линнеева листема; зимою: отдѣлы насѣкомыхъ, система млекопитающихъ, обзоръ распредѣленія минеральнаго царства съ указаніемъ того, что̀ имѣется въ окрестностяхъ; ученики обязаны письменно или устно излагать то, что̀ они сами могли ежедневно наблюдать изъ природы и жизни; въ связи съ этимъ изу-

чается система главнѣйшихъ физическихъ явленій природы (популярная феноменологія). На этой ступени должно уже быть достигнуто знаніе главнѣйшихъ продуктовъ природы, произрастающихъ въ окрестности и происходящія въ чертѣ кругозора ученика естественныя явленія *и ихъ причины* въ соединеніи съ искусствомъ наблюденія, пріобрѣтеннаго усиленнымъ упражненіемъ, равно какъ и искусствомъ письменнаго и изустнаго изложенія наблюденнаго. Въ нижней и верхней секундѣ—2 часа: упражненіе въ самостоятельномъ опредѣленіи важнѣйшихъ семействъ растеній въ связи съ изученіемъ распространенія растеній; важнѣйшее изъ анатоміи и физіологіи растеній. Въ обѣ зимы: систематическій обзоръ безпозвоночныхъ животныхъ, внутренней организаціи позвоночныхъ животныхъ и въ связи съ этимъ важнѣйшее изъ анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла, насколько это необходимо для школы и пригодно для ученика. Географическое распространеніе животныхъ и растеній, кое-что изъ флоры и фауны первобытнаго міра. Въ этой же секундѣ отводится 4 часа въ недѣлю—въ гимназіи только одинъ часъ—физикѣ и химіи; въ первый годъ наблюдаются путемъ опытовъ явленія магнетизма, электричества и теплоты; въ слѣдующемъ году, звукъ, свѣтъ, а вещества, подлежащія законамъ механики, описываются изустно и письменно и служатъ матеріаломъ для вывода законовъ. Изъ химіи въ первый годъ проходятся металлоиды и ихъ важнѣйшія соединенія, въ слѣдующемъ году главнѣйшіе металлы и ихъ соединенія. Такъ какъ описаніе природы не входитъ въ число предметовъ экзамена на аттестатъ зрѣлости, то передъ переходомъ въ приму назначается особое испытаніе въ томъ, имѣютъ ли ученики достаточный навыкъ въ опредѣленіи растеній, животныхъ и минераловъ, достаточное знакомство съ главнѣйшими естественными произведеніями, равно какъ и химическими основными тѣлами. Въ примѣ естественной исторіи отводится въ недѣлю 2 часа, физикѣ и химіи 4 часа. Изъ естественной исторіи проходится кристаллографія и минералогія съ примѣненіемъ пріобрѣтенныхъ познаній въ стереометріи и химіи; геогнозія и геологія, систематическій обзоръ всѣхъ царствъ природы. По физикѣ, математическая географія, важнѣйшее изъ популярной астрономіи; механика, описаніе простыхъ машинъ, и оптика и отдѣльныя части изъ ученія о теплотѣ и ученія объ электричествѣ съ математическими основами. Въ химіи: повтореніе важнѣйшихъ химическихъ процессовъ, нѣкоторые отдѣлы органической химіи и общій обзоръ теоріи типовъ; занятія въ лабораторіи подъ руководствомъ.

VIII. Математика и ариѳметика; въ секстѣ реальныхъ школъ отводится для нихъ 5 часовъ, въ квинтѣ 4 часа еженедѣльно. Учеб-

ные предметы тѣ же, что и въ соотвѣтствующихъ классахъ гимназіи, но къ нимъ присоединяются упражненія въ ученіи о геометрическихъ тѣлахъ, равно какъ и въ чертежѣ. Въ квартѣ—6 часовъ въ недѣлю ариѳметика—десятичныя дроби; начало систематическаго преподаванія геометріи: объясненія основанія ученія объ углахъ, параллельныхъ линіяхъ и трехугольникѣ, Пиѳагорова теорема. Въ нижней и въ верхней терціи—6 часовъ: ариѳметика:—главнѣйшія операціи съ общими величинами, извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней, пропорціи, уравненія первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ; геометрія: ученіе о четырехъугольникѣ и о кругѣ. Въ секундѣ B и въ секундѣ A, ариѳметика: уравненія первой степени съ нѣсколькими неизвѣстными, уравненія второй степени; логариѳмы; счетъ: упражненія въ высшей торговой бухгалтеріи, геометрія, стереометрія и тригонометрія, и начало алгебраической геометріи. — Въ примѣ еженедѣльно 5 часовъ, ариѳметика: уравненія второй степени съ нѣсколькими неизвѣстными, уравненія третьей и четвертой степени и т. д.; геометрія: ученіе о maximum и minimum, аналитическая геометрія и начало сферической тригонометріи.

Изъ этой программы видно, однако, что въ сущности обѣ школьныя системы не настолько разнятся между собою, чтобы представляться непримиримыми и взаимно исключающими другъ друга. Со всѣхъ сторонъ признаётся, что фонъ-Путткамеръ въ вопросѣ о преподаваніи придерживается постепенности въ школьномъ дѣлѣ, представляющемъ такую важность. Но все же сообщенія, сдѣланныя мною здѣсь, показываютъ, надѣюсь, въ какомъ направленіи необходимы дальнѣйшія уравненія. Статистическія цифры о распространеніи реальныхъ школъ, приведенныя мною, говорятъ тоже очень ясно, что имъ предстоитъ великая будущность, и что онѣ вытѣснятъ у насъ гимназіи, или же принудятъ ихъ измѣнить свою учебную программу.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

11/23 іюля, 1880.

LXI.

Изъ современныхъ газетныхъ нравовъ.

Я не разъ касался, въ своихъ письмахъ, вопроса о нравственности въ литературѣ, но при этомъ постоянно имѣлъ въ виду остановиться на немъ спеціально при первомъ удобномъ случаѣ. Случай не заставилъ себя слишкомъ долго ждать.

Въ послѣднее время здѣсь основалась новая газета „Gil-Blas“; сначала она перебивалась кое-какъ, пока, наконецъ, не снискала блистательнаго успѣха, избравъ спеціальностью „скоромные“ разсказы. Дѣло очень просто: газета со всѣхъ сторонъ пробовала публику, наконецъ, рискнула пустить въ ходъ скабрёзности, которымъ нѣкогда обязана была своимъ успѣхомъ „Vie Parisienne“. Видя, что публика идетъ на эту приманку и набрасывается на такія статьи, новая газета стала потчивать ее безъ зазрѣнія совѣсти, не стѣсняясь ни качествомъ, ни количествомъ. Само собой разумѣется, что, помимо всякаго искренняго негодованія, остальные журналы неблагосклонно отнеслись къ скандалу за его успѣхъ. Большинство, въ особенности тѣхъ, которые съ превеликимъ трудомъ влачатъ свое существованіе въ настоящую минуту, и тѣхъ, которые чувствуютъ необходимость безпрестанно подстрекать аппетитъ читателей новыми пряностями, высказали самое громкое отвращеніе. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе ловкіе, ухитрились, ругая „Gil-Blas“, подражать ему. Итакъ, въ одинъ прекрасный день пресса наводнилась двусмысленными разсказами и скабрёзными картинками, среди взрывовъ негодованія, столь же громкаго, сколько неискренняго. Весь Парижъ, казалось, переживалъ припадокъ чрезвычайной добродѣтели.

Скажу прямо, что все это служитъ не къ чести публики и прессы. Несомнѣнно, что „Gil-Blas“ основался не съ опредѣленной цѣлью копаться въ грязи. Встревоженный первоначальной неудачей, онъ пошелъ за успѣхомъ туда, гдѣ надѣялся его встрѣтить. По-моему, читатели создали его такимъ, какимъ онъ сталъ. Что касается нашихъ газетъ, имъ бы слѣдовало сначала оглянуться на самихъ себя, прежде чѣмъ набрасываться такъ неистово на новаго пришельца и обличать его передъ міромъ какъ паршивую овцу, отъ которой произошло все зло. Это приводитъ насъ къ вопросу объ образѣ дѣйствій совре-

менной прессы. Я люблю прессу, я считаю ее могущественнымъ орудіемъ нашего времени; но надо сознаться, что на ряду съ той пользой, какую она приноситъ, она ужасно пресмыкается передъ подписчиками. Такимъ образомъ, всякій переворотъ имѣетъ свои темныя стороны. Гдѣ та газета, которая не льститъ вкусамъ толпы? Можно даже сказать, что всякій органъ существуетъ исключительно насчетъ страстей своей спеціальной публики. Копѣечныя газетки живутъ на счетъ глупости необразованныхъ классовъ, пожирающихъ ихъ. Надо видѣть, какъ фабрикуются эти газетки, издаваемыя порою весьма смышленными людьми, которые всю свою ловкость употребляютъ на то, чтобы быть глупыми и устранять всякую изысканную или даже питательную пищу и пробавляться исключительными „faits-divers“, водевилями и мелодрамами. Это откровенная спекуляція, эксплуатирующая чувствительность привратницъ и довѣрчивость невѣждъ, думающихъ просвѣтиться. Затѣмъ, поглядите на свѣтскіе листки, на бульварныя газеты, живущія на счетъ всего, что̀ только есть испорченнаго въ современномъ обществѣ, на счетъ того любопытства, съ какимъ мы стремимся узнать даже то или, вѣрнѣе сказать, какъ разъ то, что̀ до насъ не касается. Излишне настаивать. Эти листки были настоящимъ разсадникомъ общественнаго разложенія. А если я коснусь финансовой стороны газетъ! Ни для кого не тайна, что газеты, выступающія строгими поборниками нравственности, по бо́льшей части продались финансовымъ компаніямъ, которыя, притаившись на третьей или на четвертой страницѣ, обираютъ наивныхъ читателей, рискующихъ своими капиталами. Это вертепы разбойничьи, но съ болѣе или менѣе приличной обстановкой, организованный грабежъ, безъимянное мошенничество, ложь, напечатанная крупными буквами и крупными цифрами, на которыя ловится прохожій людъ. Сколько мошенническихъ предпріятій пущено въ ходъ, сколько семей разорено только потому, что они повѣрили финансовому бюллетеню газеты, на первой страницѣ которой защищается собственность и принципы красивыми фразами! Подумайте, наконецъ, о политической части: газета стала теперь не чѣмъ инымъ, какъ опаснымъ орудіемъ честолюбія человѣка или безстыдной эксплуатаціей страстей какой-нибудь партіи. Въ немъ ловится на удочку публика, которой льстятъ и угощаютъ ее тѣмъ, что̀ ей нравится. Это безпощадная эксплуатація, и часто она приводитъ къ катастрофамъ съ эгоистической цѣлью наживы и власти. Вездѣ и всюду пресмыканіе передъ подписчикомъ—вотъ въ сущности общее поведеніе прессы. Толкуютъ о правдѣ, и несомнѣнно есть журналисты съ убѣжденіями; но лавочка беретъ верхъ надо всѣмъ, среди сумятицы противоположныхъ мнѣній.

Повторяю: я люблю прессу и вовсе не намѣренъ призывать ее

къ отвѣту. Она часто, быть можетъ, портитъ свое дѣло, но дѣло ея тѣмъ не менѣе необходимо и понятно. Я хочу просто сказать только то, что, живя на счетъ страстей публики, куя деньги на счетъ глупости, страсти къ игрѣ и наживѣ, воровства однихъ и честолюбія другихъ, ей вовсе не пристало негодовать и проповѣдывать, когда кто-нибудь изъ собратьевъ обезпечитъ за собою успѣхъ, потакая гривуазнымъ вкусамъ публики! Боже мой! это такая же спеціальность, какъ и всякая другая, и я нахожу ее менѣе опасной, чѣмъ спеціальность финансовую, обирающую людей, и спеціальность политическую, эксплуатирующую провинціи. Замѣтьте, что такой органъ, какъ „Gil-Blas“ никого не обманываетъ; онъ всѣмъ извѣстенъ; кто его покупаетъ, тотъ знаетъ, что въ немъ найдетъ, тогда какъ въ финансовыхъ и политическихъ вертепахъ всегда рискуешь сломать себѣ шею; читатели идутъ туда охотно, не вѣдая въ чемъ дѣло. И, наконецъ, откровенно говоря, неужели же общество погибнетъ оттого, что какой-нибудь журналъ воспроизведетъ сказки Боккачіо и Брантома? Эти сказки только забавны, когда онѣ хорошо написаны; а если онѣ грубы, то невниманіе къ нимъ лучше всего убьетъ ихъ. Право, отцы наши были шире и терпимѣе. Не поразителенъ ли этотъ крестовый походъ прессы противъ того, что она величаетъ громогласно непристойностью? Пресса сдѣлала удивительное открытіе: она нашла, что главная опасность заключается въ непристойности, и что общество погибло, если не объявитъ войны на смерть непристойной литературѣ. Но гдѣ вы это узрѣли? Гдѣ вы видите непристойность? Напротивъ того, мы гибнемъ отъ ложной добродѣтели и отъ ложной скромности. Въ настоящее время, когда мы переживаемъ умственный переворотъ, когда мощные факторы вліяютъ на народы и ихъ преобразовываютъ, вдругъ вздумали накинуться на несчастный журнальчикъ и объявить, что его гривуазныя побасенки грозятъ намъ опасностью: мнѣ это представляется такъ же нелѣпо и глупо, какъ если бы механикъ на локомотивѣ, пущенномъ во весь ходъ, пришелъ бы въ отчаяніе и счелъ бы поѣздъ погибшимъ потому, что вдругъ увидѣлъ бы на своей машинѣ скачущую блоху.

Да, конечно, мы гибнемъ отъ лицемѣрія. Нація такъ же, какъ и женщина, переходитъ отъ наивнаго безстыдства дѣтства и сдержанности молодости къ лицемѣрной чопорности зрѣлаго возраста. Прочитайте нашу исторію—и вы увидите рѣзко обозначенными эти три возраста въ нашихъ нравахъ и нашей литературѣ. Я не буду настаивать на нравахъ—порочная сущность остается та же, это сущность самой человѣческой природы; но, смотря по эпохѣ, мы видимъ бо́льшую или меньшую откровенность въ удовлетвореніи своихъ естественныхъ потребностей. Отцы наши жили откровеннѣе. Ихъ

грубость была добродушна и весела, или, по крайней мѣрѣ, ихъ поведеніе кажется намъ такимъ теперь, когда продолжительное чопорное воспитаніе утончило наши нравы. Вообще я остановлюсь преимущественно на литературѣ, этой письменной представительницѣ нравовъ. Обозримъ весь пятнадцатый и весь шестнадцатый вѣка: сюжеты вполнѣ свободны, и писатель прежде всего не боится словъ. Языкъ его—языкъ богатый, не скрывающій ничего того, что присуще человѣку, называющій вещи ихъ именами, и это до такой степени, что было бы невозможно цитировать въ настоящее время иныя страницы авторовъ, необыкновенно популярныхъ въ свое время. Но самые характеристичные примѣры этой свободы мы найдемъ въ драматическихъ произведеніяхъ; извѣстно, съ какимъ тщаніемъ избѣгаютъ въ настоящее время на театрѣ малѣйшаго двусмысленнаго слова, изъ боязни свистковъ; три вѣка тому назадъ комедія нисколько не стѣснялась, доводила до эпилога любовныя встрѣчи, не отступая ни передъ поступками, ни передъ словами. То было, возвращаясь къ моему сравненію, наивное бевстыдство дѣтскаго возраста въ нашемъ обществѣ, которое только-что зарождалось. Затѣмъ наступила сдержанность молодости, вмѣстѣ съ вѣкомъ Людовика XIV. Мольеръ порою еще бываетъ настолько откровененъ и неразборчивъ на выраженія, что шокируетъ насъ. Но дѣло не идетъ дальше словъ, да и то слова попадаются не часто и терпятся лишь въ комическомъ родѣ. Наступаетъ затѣмъ восемнадцатый вѣкъ съ его утонченнымъ порокомъ, кутающимся въ изящныя и граціозныя фразы; то начинается лицемѣріе зрѣлаго возраста, искусство все позволять себѣ изысканнымъ и утонченнымъ слогомъ. И мы доходимъ такимъ образомъ до нашей протестантской эпохи, до преувеличенной скромности старыхъ дѣвъ, которыя прячутъ свои плечи и даже свои волосы. Слова пугаютъ насъ еще больше поступковъ. Мы похожи на людей, утомленныхъ жизнью, испорченныхъ до мозга костей развратомъ, которые усматриваютъ намекъ и личныя нападки въ каждомъ откровенномъ и энергическомъ словѣ. Настоящія пьяницы никогда не говорятъ про вино и не хотятъ, чтобы о немъ говорили при нихъ.

Слѣдующее замѣчаніе поразило меня, а именно: романтизмъ при всей смѣлости своего языка всегда отступалъ однако передъ точностью выраженій. Разъ онъ какъ-то имѣлъ претензію вернуться къ шестнадцатому вѣку, отбросивъ длинный классическій періодъ, и заимствовать у самаго источника свѣжесть и богатство стараго языка, почему онъ удовольствовался однимъ трескучимъ лиризмомъ, этимъ потокомъ яркихъ образовъ, изобилующихъ у поэтовъ-романтиковъ, но никогда не прибѣгалъ къ точнымъ выраженіямъ, къ откровеннымъ и простымъ словамъ. Все это потому, что романтизмъ, несмотря на свои

замашки мушкетера, несмотря на свое отвращеніе ко всему буржуазному, въ сущности сынъ нашего вѣка, чопорнаго и трусливаго. Онъ усмотрѣлъ шестнадцатый вѣкъ въ мелодраматическихъ легендахъ и передалъ намъ его въ маскарадномъ кортежѣ, не идя дальше смѣлости въ костюмѣ, и неспособный воплотить намъ свободнаго и мужественнаго дѣтства нашего общества. По-моему, романтизмъ пріодѣлъ шестнадцатый вѣкъ по вкусу читательницъ и зрительницъ 1830 г. Онъ былъ слишкомъ большой фантазёръ для того, чтобы гоняться за правдой и энергіей языка. Теофиль Готье только протестовалъ противъ литературнаго лицемѣрія въ знаменитомъ предисловіи къ „Mademoiselle de Maupin“; лично онъ еще пуще изощрялся въ метафорахъ и перифразахъ, не рискуя заимствовать выраженія у нашихъ старинныхъ писателей. Для этой попытки, для того, чтобы романистъ осмѣлился попытаться вернуть нашему языку, такому изысканному и утонченному, его мужественную простоту, надо было, чтобы произошелъ натуралистическій переворотъ, который далъ писателямъ правду, какъ фундаментъ, и методъ, какъ орудіе.

Интересно было бы изучить это продолжительное воспитаніе въ цѣломудріи. Мы дошли до того, что вмѣщаемъ все цѣломудріе въ какомъ-нибудь одномъ пунктѣ, и когда этотъ пунктъ скрытъ или просто только обходится, по-нашему все обстоитъ благополучно, и нравственность спасена; это напоминаетъ наивность страуса, считающаго себя невидимымъ, когда спрячетъ голову за кустъ; затѣмъ, мы можемъ все остальное обнаружить передъ публикой: дряблость членовъ, раны на кожѣ, прыщи на лицѣ. Мы лжемъ, мы воруемъ, мы убиваемъ съ открытымъ лицомъ, но если бы мы вздумали называть вещи ихъ именами, мы были бы освистаны и побиты каменьями. Какимъ образомъ честь нашла себѣ въ этомъ убѣжище? Рѣшительно не понимаю. Замѣтьте, что древній міръ преклонялся передъ плотью. Надо было явиться монашеской идеѣ о недостойности плоти, чтобы сдѣлать полъ позорнымъ и увидѣть нравственное совершенство въ одномъ цѣломудріи. Человѣкъ отнынѣ предназначенъ былъ не для жизни, а для смерти. Стали проповѣдывать отреченіе отъ всего: счастіе и сила перенесены были въ другой міръ изъ здѣшняго.

Другой фактъ, поражающій меня, это вліяніе, постоянно возрастающее, протестантизма на наши нравы, на политику и на литературу. Доктринеры, догматики, чопорные моралисты не что иное, какъ протестанты, болѣе или менѣе откровенные; и мы видимъ здѣсь весьма характерный примѣръ секты, которая при своемъ появленіи заставила насъ сдѣлать одинъ шагъ впередъ къ истинѣ и свободѣ, но съ тѣхъ поръ стала великимъ препятствіемъ къ движенію впередъ, загородивъ намъ дорогу и упорствуя въ полнѣйшей неподвиж-

ности. Въ настоящее время протестанты, эти революціонеры, эти либералы былого времени, являются худшими реакціонерами, какихъ я только знаю; они по уши погрязли въ догматѣ и считаютъ себя единственными обладателями правды и добра, и закрываютъ глаза, и затыкаютъ уши передъ новыми открытіями науки. Впрочемъ, такова участь всѣхъ религій: онѣ начинаютъ крикомъ свободы и, роковымъ образомъ, замыкаются затѣмъ въ отрицаніи всего, что̀ можетъ ихъ поколебать. Одна только наука переходитъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и настолько широко, что безпрестанно исправляетъ ошибки и усвоиваетъ себѣ всѣ новыя истины. Въ наши дни протестантизмъ сталъ въ сферѣ нравственности и литературѣ гораздо болѣе стѣснительнымъ пугаломъ, чѣмъ католицизмъ; мы еще можемъ столковаться съ католикомъ, тогда какъ я ручаюсь, что ни одинъ художникъ не уживется съ протестантомъ. Между ними существуетъ мозговая антипатія. Наша братія, романисты натуральной школы, наблюдатели и экспериментаторы, аналитики и анатомы, мы особенно враждуемъ съ протестантизмомъ, благодаря нашему свободному изслѣдованію, которое спутываетъ догматы и принципы, переходящіе въ нравственныя аксіомы. Вотъ гдѣ нашъ врагъ. Я это давно чувствую.

Въ короткихъ словахъ вотъ каково настоящее положеніе дѣла: нашъ вѣкъ насчитываетъ продолжительное цѣломудренное воспитаніе, дѣлающее его тѣмъ лицемѣрнѣе, чѣмъ утонченнѣе стали его пороки. Дѣлаютъ то же самое, но уже больше этимъ не шутятъ; а, напротивъ того, краснѣютъ и таятся. Такимъ образомъ создалось общественное благонравіе, приличія, цѣлая соціальная полиція, замѣстившая собою идею добродѣтели. Этотъ переворотъ совершился путемъ умолчанія: есть вещи, о которыхъ мало-по-малу стало неприличнымъ говорить—вотъ и все, такъ что благовоспитанный человѣкъ и честный человѣкъ считается тотъ, кто дѣлаетъ эти вещи, не говоря о нихъ, тогда какъ тотъ, кто говоритъ о нихъ, не совершая ихъ, какъ нѣкоторые знакомые мнѣ романисты, обзываются грязными людьми и ежедневно забрасываются грязью. Ученымъ еще прощаютъ правду, потому что никто не обращаетъ на нихъ вниманія; но если писатель воспользуется новыми истинами науки и рискнетъ утилизировать ихъ при анализѣ и описаніи своихъ дѣйствующихъ лицъ, онъ нарушаетъ договоръ безмолвія, заключенный между членами нашего общества, онъ разстроиваетъ условную идею о добродѣтели и отнынѣ является общественнымъ врагомъ, относительно котораго все дозволено. Такое положеніе дѣлъ кажется мнѣ нестерпимымъ, и я нахожу, что пора обсудить и рѣшить вопросъ о непристойности въ литературѣ. Что̀ такое непристойность и въ чемъ она? Минута удобная, потому что исторія съ „Gil

Blas" возбуждаетъ этотъ вопросъ, такъ какъ взбудоражила лицемѣровъ, которые спѣшили запутать все дѣло и высказать самыя необыкновенныя сужденія.

II.

Разберемъ прежде всего исторію съ „Gil-Blas". Я уже объяснялъ, что эта газета, въ погонѣ за успѣхомъ во что бы то ни стало, что̀ характеризуетъ нашъ вѣкъ, увидѣла, что публика набрасывается на гривуазныя исторіи, которыя она сперва весьма робко предлагала ей, и затѣмъ стала уже безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и совершенно откровенно предлагать ей это лакомство. Я сказалъ также, что „Gil-Blas" не имѣлъ даже чести изобрѣтенія этой спекуляціи на счетъ развратныхъ инстинктовъ читателей, такъ какъ „Vie Parisienne" гораздо раньше его печатала цѣлую серію очень вольныхъ разсказовъ. Во всѣ времена эта беззастѣнчивая литература была очень любима во Франціи. Она ведетъ свое начало отъ нашихъ старинныхъ разсказчиковъ, отъ Рабле и Брантома, продолжается нувеллистами восемнадцатаго столѣтія: Кребильономъ и другими, захватывая и Лафонтена. И слѣдовательно, она можетъ считаться классической въ хорошемъ смыслѣ этого слова, она составляетъ часть нашего національнаго характера, этого нельзя отрицать, не искалѣчивъ насъ. Остается разсмотрѣть вопросъ таланта.

Для меня вопросъ таланта является рѣшающимъ въ литературѣ. Я не знаю, что̀ понимаютъ подъ словами: писатель нравственный и писатель безнравственный; но я очень хорошо знаю, что̀ такое писатель талантливый и писатель бездарный. А разъ у писателя есть талантъ, я считаю, что ему все дозволено. Исторія учитъ насъ этому. Во Франціи мы все дозволили Рабле, подобно тому, какъ въ Англіи все дозволили Шекспиру. Страница хорошо написанная имѣетъ свою собственную нравственность, которая заключается въ красотѣ, въ методѣ, въ энергіи. Нелѣпо желать пріурочить ее къ свѣтскимъ приличіямъ, къ условной добродѣтели и модѣ. По-моему, непристойными слѣдуетъ считать только тѣ произведенія, которыя дурно задуманы и плохо выполнены.

Итакъ, вотъ по части „Gil-Blas". Я читалъ его въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ очень внимательно; его гривуазныя исторіи доставляли мнѣ иногда большое удовольствіе, удовольствіе чисто литературнаго свойства, которое испытываешь читая сказки Лафонтена; другія же возмущали положительно, хотя были совершенно въ томъ же родѣ. Это очень легко объяснить: первыя были написаны талантли-

выми писателями, тогда какъ вторыя были испечены журналистами на всѣ руки, работающими по заказу въ сферѣ добродѣтели или порока. Итакъ, величайшей виной „Жиль-Блаза“ было слѣдовать по стопамъ Боккачіо, Брантома и Лафонтена—бездарно. Ему слѣдовало бы взять въ сотрудники самихъ Боккачіо, Брантома и Лафонтена, и добродѣтельнымъ журналамъ не пристало бы тогда изобличать его передъ правосудіемъ, потому что въ такомъ случаѣ это значило бы призывать къ суду исправительной полиціи цѣлый отдѣлъ нашей литературы. Вопросъ о формѣ до такой степени играетъ важную роль во всемъ этомъ, что „Vie Parisienne“ никогда не возбуждала такого ожесточеннаго преслѣдованія именно потому, что гривуазные разсказы этого журнала были написаны тоньше и изящнѣе. Бездарный, пошлый развратъ превращается въ невозможную и отвратительную грязь.

Остается вопросъ о самой спекуляціи. Я могъ удивляться, что иные журналы, которые сами наживаютъ деньги, эксплуатируя самыя низкія и самыя опасныя страсти публики, такъ сильно негодуютъ на собрата, который наживался, льстя порокамъ толпы. Но я вовсе не намѣренъ защищать самую газету, и нахожу, что аферу она вела довольно грязную, тѣмъ болѣе, что, повторяю, на одну талантливую исторійку въ ней приходилось двадцать омерзительныхъ. Надо только замѣтить, что „Gil-Blas“ съ своими гривуазными исторіями приноситъ нашему обществу не больше вреда, чѣмъ нѣкоторые журналы политическіе и иные журналы финансовые, подготовляющіе собой кровавыя и денежныя катастрофы. Я настаиваю на этомъ потому, что это правда. Кричать, что гривуазный разсказъ долженъ прятаться по книгамъ и не появляться на летучихъ листкахъ въ публикѣ. Во-первыхъ, книга остается, тогда какъ листокъ исчезаетъ. Затѣмъ есть много вещей, которымъ лучше было бы оставаться въ книгахъ: декламаціямъ партій, растлѣвающимъ націю, всему этому потоку глупости и подлости, обезчещивающему прессу, великая роль которой заключается въ томъ, чтобы служить самымъ могущественнымъ орудіемъ нашей всеобщей пытливости. Это и есть ея настоящее дѣло, и кто ее любитъ, тотъ признаетъ въ ней современное орудіе и груститъ, видя, какъ часто она бродитъ въ потьмахъ и сбивается съ пути. Сколько силъ, потраченныхъ даромъ! Вы изгоняете литературу изъ печати, вы утомляете публику политиканствомъ въ продолженіи цѣлыхъ десяти лѣтъ; весьма естественно, что она ищетъ развлеченія и создаетъ успѣхъ мерзостямъ въ „Gil-Blas“. Успѣхъ гривуазныхъ гадостей, который вы приписываете натурализму — что мы разберемъ ниже—происходитъ, напротивъ того, по моему мнѣнію, отъ глубокаго утомленія читателей, вѣчно вращающихся въ тѣсномъ кругѣ полемики партій, и отъ непреодолимой потребности ихъ по-

смѣяться, повеселиться, почувствовать себя наконецъ молодыми, прекрасными, влюбленными. Если вы будете продолжать надоѣдать Франціи своими ссорами, своимъ честолюбіемъ, своей парламентской фразеологіей, своими тяжелыми и скверно написанными статьями, всей этой неперевариной политикой, то вы несомнѣнно увидите, что въ одинъ прекрасный день мужчины и женщины возьмутъ другъ друга за руки и примутся плясать на улицахъ, одурѣвъ отъ скуки и рѣшившись повеселиться во что бы то ни стало и какимъ бы то ни было способомъ.

Разсмотримъ теперь, что̀ такое непристойность въ литературѣ. Это выраженіе очень неопредѣленно, его употребляютъ вкривь и вкось, и оно требуетъ точнаго опредѣленія. Существуетъ большая разница между произведеніями, которыя всѣ сваливаются въ одну кучу, безъ всякаго разбора, подъ названіемъ непристойныхъ. Такимъ образомъ, критики, одаренные диковинной проницательностью, обвинили меня недавно въ томъ, что я истинный родоначальникъ „Gil-Blas“, который есть будто бы порожденіе „Assommoir“ и „Nana“. Вотъ поразительный примѣръ путаницы, царствующей въ литературныхъ вопросахъ. Упраздняютъ Боккачіо, упраздняютъ Брантома, упраздняютъ Пирона, и какъ будто и не догадываются даже, что мои произведенія внушены скорѣе анатомическимъ театромъ, нежели альковомъ. Слѣдуетъ поэтому вернуться къ источнику и постараться выяснить вопросъ. Станемъ анализировать произведенія и постараемся логически классифицировать ихъ.

У насъ, какъ я уже сказалъ, гривуазный разсказъ является произведеніемъ почвы. Онъ произрасталъ на ней, прежде нежели Италія сообщила утонченность этому роду. Его встрѣчаешь при первомъ лепетѣ нашей литературы, и отличительный характеръ его въ тѣ поры—добродушная и веселая грубость. Слова хлёсткія, шутки беззастѣнчивыя; въ нихъ слышится громкій хохотъ публики, не знавшей стѣсненія и неразборчивой на развлеченія. Дамы тогдашняго времени смѣялись во все горло надъ такими вольностями, какихъ теперь мы не посмѣемъ пересказать между мужчинами. Затѣмъ, послѣ анекдотовъ Брантома, отличающихся такимъ наивнымъ спокойствіемъ при всей своей беззастѣнчивости, Лафонтенъ принялся за гривуазные разсказы, сообщивъ имъ свое изящество и свой юморъ; съ этой минуты беззастѣнчивость исчезаетъ, вольность подстрекается двусмысленностью, вѣкъ Людовика XIV прикрываетъ кончикомъ своей пурпурной тоги стараго Пріапа. Въ основаніи всякаго литературнаго движенія лежитъ соціальный переворотъ. Это обнаружилось снова, когда въ восемнадцатомъ столѣтіи гривуазная литература опять переродилась и заняла такое огромное и замѣтное мѣсто. Я

не могу въ этой статьѣ представить полную исторію этой литературы,—исторію, которая была бы однако очень полезна, и которую слѣдовало бы дать намъ какому-нибудь молодому и смѣлому критику, потому что онъ отвелъ бы должное мѣсто обвиненіямъ въ безнравственности, тяготѣющимъ надъ натуральной школой, и показалъ бы, какая пропасть отдѣляетъ гривуазныхъ разсказчиковъ, дѣйствующихъ на основаніи фантазіи и вымысла въ „Gil-Blas", и романистовъ натуральной школы, руководствующихся наукой.

Итакъ, вотъ струйка въ нашей литературѣ, которая эксплуатировалась во всѣ эпохи, съ тою только разницею, какую вносила въ нее соціальная среда. Весьма развязная въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ, изысканная и плѣнительная въ семнадцатомъ, беззавѣтная и доходящая до жестокости въ восемнадцатомъ, сказка, или романъ, которые критика называетъ непристойными, надѣлила нашъ языкъ нѣсколькими мастерскими произведеніями, среди кучи посредственностей и мерзостей, преданныхъ забвенію. Сначала идутъ анекдоты объ обманутыхъ мужьяхъ, о черезъ-чуръ страстныхъ женщинахъ, и воображеніе разсказчиковъ не особенно богато: однѣ и тѣ же штуки повторяются безпрестанно. Позднѣе, когда этотъ родъ становится болѣе изысканнымъ, онъ не все же не расширяетъ своихъ предѣловъ. Наблюдательность въ немъ ничтожна; мы видимъ все тѣ же анекдоты изъ альманаха; надо дойти до восемнадцатаго вѣка, чтобы найти въ немъ картины нравовъ. Я настаиваю потому, что этотъ родъ совсѣмъ особый и занимаетъ весьма опредѣленное мѣсто въ исторіи нашей литературы; его не слѣдуетъ смѣшивать ни съ какимъ другимъ, иначе рискуешь произвести путаницу въ понятіяхъ и оказаться несправедливымъ. Этотъ родъ имѣетъ характеръ сказки, онъ не имѣетъ претензіи наблюдать или живописать, или проливать свѣтъ на какое-нибудь событіе или лицо: онъ стремится забавлять—и только; это развлеченіе, которому качество запрещеннаго плода сообщаетъ особую пикантность. Когда въ него вносится талантъ, онъ дѣлается весьма тонкимъ блюдомъ, и его можно не дозволять дѣвицамъ, но литературный умъ найдетъ въ немъ большую прелесть. Если талантъ отсутствуетъ, если въ немъ нѣтъ ни наивности, ни юмора, ни прелести оригинальнаго слога, онъ превращается въ мерзость, и презрѣніе читателей скоро становится его удѣломъ. Такова исторія „Gil-Blas",—повторяю: забавная, когда онъ печатаетъ милую шалость остроумнаго журналиста, и омерзительная, когда статья является произведеніемъ жалкаго писаки, поставляющаго по заказу плохую передѣлку Боккаччіо или Брантома.

Впрочемъ, этого рода спекуляція существовала если не во всѣ времена, то, по крайней мѣрѣ, начиная съ восемнадцатаго вѣка.

Никто, полагаю, не обвинитъ Брантома въ томъ, что онъ спекулировалъ на счетъ развратныхъ инстинктовъ своего времени. Онъ, повидимому, весьма наивно писалъ о фактахъ, о которыхъ всѣ говорили, не краснѣя; и мы не видимъ, чтобы онъ печаталъ свои произведенія въ Бельгіи и исподтишка продавалъ ихъ. То же самое надо сказать о Лафонтенѣ; онъ былъ литераторъ по призванію и перекладывалъ свои сказки въ стихи ради собственнаго удовольствія, не разсчитывая эксплуатировать пороки своихъ современниковъ и зашибить на счетъ ихъ деньгу. Мы можемъ сказать то же и о Пиронѣ, прослывшемъ за образецъ непристойнаго писателя, благодаря глупости и придирчивости критики. У Пирона просто-на-просто текла въ жилахъ галльская кровь нашихъ старинныхъ разсказчиковъ; онъ хохоталъ во все горло, какъ бургундецъ, не боящійся вина и женщинъ, но то былъ темпераментъ, а не холодный фабрикантъ тайной мерзости. Но несомнѣнно, что на ряду съ талантливыми писателями, повиновавшимися своему призванію, явились, наконецъ, спекулянты, — въ особенности, по мѣрѣ того, какъ лицемѣріе все болѣе и болѣе овладѣвало нашимъ обществомъ. Это вѣчная исторія: какъ скоро слишкомъ беззастѣнчивыя вольности заставляютъ краснѣть, ихъ прячутъ и ими спекулируютъ, даже онѣ становятся вреднѣе, когда ихъ читаютъ потихоньку, съ сознаніемъ, что вкушаешь отъ запретнаго плода. Послѣ этого вернулись къ грубости пятнадцатаго столѣтія и даже превзошли ихъ, принялись громоздить вольныя словца, которыя позволялъ себѣ только одинъ Рабле. Разъ приходилось прятаться, разъ книга не предназначена для свободнаго обращенія, — всякая сдержанность становится излишней, и авторы стали вести себя такъ, какъ ведутъ себя въ альковахъ, когда пологъ задернутъ. Съ этой эпохи Бельгія оказалась наводненной омерзительными сочиненіями, и обширная торговля порнографическими книгами развилась у насъ и у нашихъ сосѣдей. Вотъ гдѣ зараза, вотъ гдѣ настоящая и единственная непристойная литература, которую надо преслѣдовать и осуждать.

Она еще глупѣе, чѣмъ опаснѣе, потому что никогда и никого не развратила: она возбуждаетъ отвращеніе во всякомъ здоровомъ читателѣ и нравится лишь болѣзненному разврату. Въ такомъ обществѣ, какъ наше, весьма утонченномъ и искусно лицемѣрномъ, управляемомъ приличіями, она мнѣ кажется, къ несчастью, неизлечимой болячкой, какъ сама проституція.

Вѣдь мы имѣемъ не одну такую мерзкую книгу, которую авторъ не можетъ открыто продавать и которая продается тайкомъ. Есть еще болѣе скромная книга, ловко сфабрикованная для книжныхъ выставокъ. Вольное слово въ немъ избѣгается, порокъ сохраняетъ

покровъ, подъ которымъ кажется еще привлекательнѣе. Эти книги, которыя можно видѣть вездѣ, кажутся мнѣ опаснѣе откровенно грязныхъ книгъ, которыя стоятъ очень дорого и которыя не легко достать: онѣ увлекаютъ, тогда какъ тѣ отвращаютъ. Мы наводнены этими книгами: біографіями гулящихъ женщинъ, любовными исторіями въ розовыхъ оберткахъ и съ декольтированными фотографіями, скандалёзные мемуары публичныхъ женщинъ, романы, приправленные рисовой пудрой, гдѣ свѣтскія женщины ведутъ себя какъ кокотки, вѣчная идеализація разврата, показывающая его привлекательнымъ и могущественнымъ, въ апоѳеозѣ роскоши и наслажденія. Повторяю: вотъ единственные спекулянты современной непристойности. Они живутъ на счетъ прикрашеннаго порока и куютъ деньги на счетъ лицемѣрія нашей эпохи. Высоко ли, низко ли они летаютъ; описываютъ ли они похожденія Ригольбошъ или какой-нибудь знатной дамы, — достаточно того, что они лгутъ, что они маскируютъ альковъ розовымъ пологомъ, что они воспѣваютъ порокъ, какъ идеалисты, вмѣсто того, чтобы клеймить его раскаленнымъ желѣзомъ, какъ натуралисты,—и ихъ произведеніе дѣлается отравою и влечетъ за собою окончательное паденіе нравовъ.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи гривуазная сказка расширяетъ свои рамки и наполняетъ цѣлые томы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она отводитъ мѣсто наблюденію и анализу, и превращается въ романъ нравоописательный, но описывающій дурные нравы, если хотите. Я не могу разобрать досконально этотъ переворотъ, который, какъ всегда, соотвѣтствуетъ соціальному движенію, и довольствуюсь тѣмъ, что констатирую его. Надо было бы поговорить о Кребильонѣ-сынѣ, о Лакло, о Лувѣ и многихъ другихъ, и мы увидѣли бы, что галантная литература, непристойная, какъ ее теперь грубо называютъ, имѣетъ корень въ самомъ обществѣ той эпохи, что она порождается имъ и, въ свою очередь, имъ руководитъ. Гг. де-Гонкуръ начали этотъ этюдъ, съ другой точки зрѣнія, въ своей интересной и оригинальной книгѣ: „l'Amour au dix-huitième siècle“. Они показываютъ въ ней жизнь того времени, медленное превращеніе въ идеяхъ и фактахъ, весь этотъ общественный матеріалъ, который опредѣляетъ литературу. Вотъ страница, которую я прошу позволенія привести цѣликомъ, и она дастъ мнѣ возможность пролить нѣкоторый свѣтъ на этого ужаснаго маркиза де-Садъ, которымъ такъ злоупотребляетъ современная критика.

„Но къ чему же однако, — пишутъ гг. Гонкуръ, — должна была привести эта злоба въ дѣлѣ любви, которой наглость, глубину и постоянно усиливающіеся и ненасытные аппетиты мы старались прослѣдить въ томъ вѣкѣ? Должна ли она была остановиться на полу-

дорогѣ, не давъ полной мѣры своихъ излишествъ и крайностей? Есть неумолимая логика, которая велитъ злымъ людскимъ страстямъ исчерпать себя до конца и выразиться безусловными ужасами. Эта логика присудила сладострастной злобѣ восемнадцатаго вѣка ея чудовищный эпилогъ. Умы слишкомъ привыкли къ нравственной жестокости, чтобы эта жестокость оставалась только въ головѣ и не спустилась до чувствъ. Слишкомъ много забавлялись сердечными страданіями женщины, чтобы не пожелать заставить ее страдать болѣе видимымъ и вѣрнымъ способомъ? Отчего бы, истощивъ всѣ пытки надъ ея душой, не начать пытать ея тѣло? Почему бы не искать прямо въ ея крови наслажденіе, которое доставляли ея слезы? Вотъ ученіе, которое появляется, формулируется, къ которому весь вѣкъ стремится, самъ того не зная, и которое въ сущности есть не что иное, какъ матеріализація его аппетитовъ; и развѣ не являлось оно роковой необходимостью того, чтобы культъ жестокости выраженъ былъ какъ принципъ, какъ откровеніе, и чтобы въ концѣ этого утонченнаго и галантнаго паденія, послѣ всѣхъ этихъ попытокъ мучить женщину, явился какой-нибудь де-Садъ, чтобы завершить, вмѣстѣ съ кровью гильотины, терроръ въ любви".

Вотъ историческое объясненіе роли маркиза де-Садъ. Онъ является какъ роковое послѣдствіе, порожденное медленно совершавшимся переворотомъ. Но этого еще не достаточно; чтобы понять его, надо указать, что онъ былъ католикъ на изнанку, сынъ церкви, возмутившійся противъ своей матери. Въ своихъ оргіяхъ онъ поноситъ Бога потоками грязныхъ словъ и поноситъ его какъ человѣкъ, атеизмъ котораго отнюдь не проченъ; я хочу сказать, что у него нѣтъ научнаго равнодушія, что онъ борется съ сомнѣніемъ, что онъ яростно громоздитъ мерзость на мерзости, чтобы заглушить въ себѣ идею о Богѣ, которая не хочетъ заглохнуть. Къ тому же, онъ вѣритъ въ чорта и очевидно жестоко труситъ. Подобный мозгъ долженъ былъ быть постоянно осаждаемъ картиною ада. Этотъ адъ и адъ католическій рисовалъ онъ въ своемъ чудовищномъ развратѣ, въ ужасныхъ пыткахъ, которыми подстрекалъ свое сладострастіе. Тутъ мы видимъ демоническую, дьявольскую фантазію, наслажденіе болью, бунтъ путемъ преступленія, который весьма ясно характеризуетъ мрачное безуміе, изъ коего могъ явиться этотъ живописецъ животныхъ страстей человѣка, не знающихъ удержу. По-моему, онъ логически явился изъ католицизма; онъ явился при агоніи восемнадцатаго вѣка, послѣ отрицанія философовъ, и играетъ роль торжествующаго сатаны, стариннаго средневѣковаго сатаны, чудовищнаго и сладострастнаго, распарывающаго женщинъ вилами и убивающаго дѣтей ласками, проповѣдующаго кровосмѣшеніе и убійство, мечтаю-

щаго о конечной дезорганизаціи и всеобщемъ разрушеніи. Развратное царствованіе подготовило его появленіе, и на обломкахъ королевской власти и религіи, новыя науки еще ничего не построили. Отсюда это всеобщее крушеніе, эта убійственная оргія, уничтожающая вселенную при окончательной побѣдѣ сатаны надъ Богомъ. Повторяю, это католицизмъ навыворотъ, сатана, ставшій на мѣсто Бога, адъ замѣнившій небо; котлы съ кипящей смолой, пламя, желѣзные крючья, муки, раны, кровь вмѣсто пѣнія серафимовъ и вѣчной ясности духа блаженныхъ. Только вѣрующій могъ придумать такіе ужасы. Я вижу въ этомъ не что иное, какъ кошмаръ вѣрующаго человѣка, сбитаго съ пути и принимающагося приносить жертвы дьяволу съ мрачной и напуганной яростью фанатика, измѣняющаго свой алтарь, скорѣе изъ ненависти, нежели изъ отрицанія своего Бога.

Итакъ, вотъ истинный духъ маркиза де-Садъ. Религіозное безуміе сказывается въ этомъ, и то же самое повторяется всякій разъ какъ кровь проливается изъ любви. Раскройте исторію міра: вы увидите въ религіяхъ, въ ересяхъ, въ нѣкоторыхъ сектахъ, ловившихъ людей въ свои сѣти, всевозможныя аберраціи и жестокости. Когда ученіе не обоготворяетъ плоть, оно ее пытаетъ, и подъ вліяніемъ чувственности скоро появляются чудовищныя дѣла. Въ наше время мы имѣемъ писателя, примѣръ котораго служитъ новымъ подкрѣпленіемъ моихъ словъ. Я говорю про Барбэ д'Орвильи. Конечно, я не обвиняю его въ томъ, что онъ продолжаетъ маркиза де-Садъ, и я позволяю себѣ это сравненіе лишь съ оговоркой. Но несомнѣнно, что онъ единственный писатель, котораго логически можно сравнивать съ маркизомъ де-Садъ. Онъ одушевленъ тѣмъ же духомъ. Это вѣрующій, котораго мучитъ мысль о дьяволѣ, и онъ иногда позволяетъ себѣ бунтоваться во имя ада. Зло, по его мнѣнію, прирожденное въ мірѣ, и поэтому онъ готовъ терзать плоть и ощущать наслажденіе боли. Прибавьте къ этому сатаническія замашки, странныя выходки ангела, преданнаго проклятію. Этотъ характеръ встрѣчается во всѣхъ ультрамонтическихъ произведеніяхъ Барбэ д'Орвильи. Но я указываю главнымъ образомъ на его: „les Diaboliques“, которыя прокурорскій надзоръ попросилъ его изъять изъ обращенія. Излишне говорить, что строгость правосудія нисколько не вліяетъ на мое сужденіе, и даже я нахожу ее чрезвычайно прискорбной. Сборникъ этихъ стихотвореній изъ самыхъ интересныхъ и любопытныхъ. Въ нихъ чувствуется непосредственное вліяніе маркиза де-Садъ, до такой степени, что нѣкоторые отрывки какъ будто прямо заимствованы у него; напримѣръ о женщинѣ, которой обманутый мужъ припечатываетъ рукояткою своего кинжала печать изъ рас-

плавленнаго сургуча. Я могъ бы привести много такихъ примѣровъ, и во всякомъ случаѣ это весьма любопытное совпаденіе обстоятельствъ. А это потому, повторяю, что философія та же самая. Въ Барбэ д'Орвильи мы опять имѣемъ разъяреннаго католика, который какъ-будто признаетъ Бога лишь затѣмъ, чтобы имѣть горестное наслажденіе вѣрить въ сатану. Заглавіе достаточно показываетъ: „les Diaboliques", т.-е. созданія роковымъ образомъ злыя, проклятыя, рожденныя для порока и преступленія, жертвы дьявола, доходящія до чудовищныхъ дѣяній. Они любятъ среди крови, утончаютъ свои радости жестокостью, они все разлагаютъ и торжествуютъ надъ всеобщимъ крушеніемъ. Между тѣмъ таковы также созданія маркиза де-Садъ, одержимыя дьяволомъ, приходящія съ откровеніемъ зла и находящія счастіе въ томъ, чтобы плевать на законы божескіе и человѣческіе. Маркизъ де-Садъ дошелъ до конца въ своей искаженной вѣрѣ и позволилъ себѣ вдаться въ самую величайшую грязь и разнузданность аппетитовъ, на языкѣ постыдно-разнузданномъ. Барбэ д'Орвильи разнуздываетъ звѣря лишь на половину, какъ католикъ, разрѣшающій себѣ лишь дозволенное кокетство съ дьяволомъ, и какъ художникъ, поглощенный работой объ оригинальности формы. Вотъ и вся разница между ними.

Если мы резюмируемъ это краткое изложеніе гривуазной литературы, то увидимъ, что она родилась у насъ вмѣстѣ съ добродушными сказками нашихъ отцовъ, усвоила себѣ утонченную форму въ семнадцатомъ столѣтіи, расширила свои рамки въ восемнадцатомъ, сдѣлалась глубокой и живой выразительницей общества, и наконецъ спустилась до грязи и спекуляціи и привела къ кровожадной мерзости маркиза де-Садъ. Это движеніе должно было роковымъ образомъ привести къ такому окончательному результату, потому что исторія нашего общества развивалась параллельно.

Посмотримъ теперь, правда-ли, какъ это ежедневно объявляетъ пресса, что произведенія натуральной школы нашего времени имѣютъ прямую связь съ этой грязной и развратной литературой. Мы такимъ образомъ опредѣлимъ ихъ нравственность.

III.

Во-первыхъ, мы не гривуазны въ любезномъ и легкомысленномъ значеніи этого слова. Насъ основательно обвиняютъ въ недостаткѣ веселости и остроумія, потому что наши этюды носятъ мрачный, суровый, слишкомъ убѣжденный характеръ и не могутъ блестѣть тѣмъ поверхностнымъ характеромъ, который составляетъ главную

прелесть сказки, какъ ее понимали наши дѣды. Они ограничивались нарушеніемъ супружеской вѣрности, хитростью жены, комической гримасой мужа, и если драма примѣшивалась ко всему этому—случай весьма рѣдкій—она была краткa и являлась развязкой. Мы въ такое же нарушеніе супружеской вѣрности вносимъ трагизмъ, и разсматриваемъ случайность не съ ея забавной, но съ ея человѣческой стороны. Затѣмъ мы не ограничиваемся внѣшностью, смѣхомъ, мы анализируемъ личности и немедленно открываемъ безуміе или глупость мужчины и женщины. Такимъ образомъ, умъ является только погремушкой, веселость которой будетъ звучать фальшиво и жалко; сюжетъ становится серьёзнымъ, водевиль переходитъ въ драму, мы анатомы, вовсе не помышляющіе о сальностяхъ. Словомъ, нашъ натуральный романъ, каковы бы ни были смѣлы его выходки, не можетъ быть непристойнымъ; онъ рѣзокъ и безжалостенъ, если хотите, но у него нѣтъ галантнаго смѣха, ни гривуазной фантазіи, которая всегда является простой игрой словъ, болѣе или менѣе веселой и остроумной по поводу скабрёзнаго сюжета.

Итакъ, слѣдуетъ устранить Боккаччіо, Брантома, Лафонтена и другихъ. Мы не имѣемъ съ ними никакой связи. Ихъ литературная формула совсѣмъ иная и не имѣетъ никакого сходства съ нашей. А по этому случаю я настаиваю на маломъ удовольствіи, какое доставляютъ наши произведенія развратникамъ. Брантома читаешь съ улыбкой. Этотъ рядъ анекдотовъ, въ которыхъ постоянно прорывается чувственная радость, чуждая всякаго страданія, созданъ для утѣшенія народа. Любовь въ нихъ легка и сильна, въ нихъ срываютъ только цвѣты удовольствія, это является какъ-бы раемъ, гдѣ любовники отреклись отъ своего человѣческаго *я*, жалкаго и грязнаго. Напротивъ того, возьмите романъ натуральной школы: „Madame Bovary“ или „Germinie Lacerteux“, дайте ихъ въ руки развратнымъ людямъ? Они покажутся имъ отвратительными, испугаютъ ихъ, потому что они увидятъ себя въ нихъ безобразными и глупыми, и счастье ихъ покажется имъ мизернымъ и незавиднымъ. Можетъ случиться даже, что они закричатъ, что это ложь, возмущенные, не желая признать себя, слишкомъ привыкнувъ держаться одной поверхности при своихъ похожденіяхъ, для того, чтобы допустить кровь и грязь, находящіяся на днѣ всего этого. Мы не щекочемъ,—мы ужасаемъ, и отчасти въ этомъ и заключается наша нравственность.

Позволю себѣ привести примѣръ, касающійся меня лично. Когда я печаталъ „Nana“ въ одномъ журналѣ, весь бульварный Парижъ и весь Парижъ полу-свѣта протестовалъ. Я могъ ошибиться на счетъ какихъ-нибудь техническихъ подробностей въ такомъ сложномъ и биткомъ набитомъ фактами этюдѣ: но протестующіе еще сильнѣе

нападали на самый духъ книги, на нравы и характеры, въ особенности на изображеніе парижскаго разврата, слоняющагося по нашимъ троттуарамъ. Всѣ кричали, что это вовсе не такъ, что нашъ развратъ гораздо веселѣе, остроумнѣе, гораздо менѣе захватывается драмою плоти. Хроникёры, талантливые драматическіе писатели, которые посѣщали міръ актрисъ и публичныхъ женщинъ, божились съ улыбкой, что моя Нана не существуетъ, и очевидно сожалѣли, что я не набросалъ карандашомъ какой-нибудь тонкій профиль, à la Grévin, не изобразилъ прелестный цвѣтокъ условнаго порока съ легкимъ оттѣнкомъ модной шикарной развращенности. И что-жъ! это явленіе очень легко объяснить. Эти „умные“ люди берутъ отъ порока то, что въ немъ есть пріятнаго; они наслаждаются веселостью, роскошью, атмосферою продажныхъ женщинъ, съ которыми сталкиваются; они ужинаютъ съ ними, проводятъ время, но всегда ограничиваются пріятной стороной въ этихъ встрѣчахъ или связяхъ. Даже тогда, когда женщина забрызгаетъ ихъ своей грязью, когда въ одинъ прекрасный день они попадутъ въ просакъ по личной глупости или личному безумію, они будутъ молчать объ этомъ, ненавидя по природѣ все, что̀ не весело и не любезно, предпочитая видѣть все въ розовомъ свѣтѣ, въ облакахъ розовой пудры. Отсюда понятно неудовольствіе этихъ любителей, когда имъ предлагаютъ, какъ въ „Nana“, драму безъ покрововъ, и съ безпощаднымъ изображеніемъ мерзости дѣйствующихъ лицъ. Они сердятся, видя, что вы относитесь серьёзно къ публичнымъ женщинамъ, что вы анализируете ихъ съ скальпелемъ въ рукахъ, тогда какъ они ласкаютъ ихъ, не заглядывая имъ въ душу. И они правы, когда сердятся, они искренни, когда кричатъ, что все это ложь, потому что лично они никогда не хотѣли видѣть звѣря въ человѣкѣ, что̀ равняется тому, какъ-бы для нихъ его не существуетъ. Вы заглянули въ глубь вещей, вы захотѣли быть слишкомъ правдивымъ, поэтому они васъ не понимаютъ и объявляютъ, что ваше описаніе невѣрно. Все это зависитъ отъ точки зрѣнія: если вы—парижанинъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, вы поверхностно относитесь ко всему на свѣтѣ, вы будете обращаться со всѣми предметами въ мірѣ какъ человѣкъ веселый, скептикъ, парадоксальный умъ, вы будете наблюдать одну видимость вещей, приправляя ее острыми словцами, во вкусѣ дня, вы будете довольствоваться комедіей, которая разыгрывается передъ вами съ различными ограниченіями и условіями. Напротивъ того, если вы гуманны, вы будете исчерпывать всѣ сюжеты до конца, вы отнесетесь къ нимъ какъ ученый, который хочетъ все видѣть и все высказать, вы разоблачите своихъ дѣйствующихъ лицъ и изобличите весь тотъ позоръ и весь тотъ ужасъ, которые они скрываютъ отъ самихъ себя.

Вотъ почему „Nana“ была объявлена лживой парижскими развратниками, которые хотятъ придерживаться лживыхъ и задорныхъ картинокъ „Vie Parisienne“.

Уже давно знаю я, что въ этомъ наше величайшее преступленіе въ глазахъ идеалистовъ. Мы не прикрашиваемъ, мы не позволяемъ себѣ фантастическихъ разводовъ по неопрятной канвѣ. Что насъ укоряютъ въ томъ, будто мы огорчаемъ бѣдное человѣчество, которому необходимо ослѣпленіе—это я понимаю. Но только не слѣдовало бы, съ другой стороны, упрекать насъ въ томъ, что мы льстимъ разврату, что мы поощряемъ къ безнравственности своими картинами—это уже вовсе не логично. Ничто такъ мало не привлекаетъ къ разгулу, какъ наши книги—вотъ что слѣдуетъ признать за неопровержимый фактъ.

А если такъ, то мы вовсе не преемники вольнаго романа восемнадцатаго столѣтія, равно какъ и гривуазной сказки предшествовавшихъ вѣковъ; мы находимъ въ этомъ романѣ идеализированное и любовное описаніе порока; это тоже изображеніе разврата съ цѣлью доставить удовольствіе читателямъ. Научная цѣль, правда, отсутствуетъ. Если сказка имѣетъ нравоучительную развязку, что часто бываетъ, эта развязка пришита бѣлыми нитками; она не вытекаетъ изъ самихъ событій.

Итакъ, нашъ романъ безусловно самобытенъ и не имѣетъ никакой связи съ прошлымъ романомъ; или по крайней мѣрѣ съ начала нынѣшняго столѣтія старинная формула настолько измѣнена примѣненіемъ научнаго метода, что изъ этого произошла новая формула, которая принесла съ собой новое искусство и новую мораль. Эту мораль я уже опредѣлилъ въ своей статьѣ объ экспериментальномъ романѣ и могу только повторить слѣдующее заключеніе: „Мы показываемъ пружины полезнаго и вреднаго, мы разбираемъ явленія общественныя и человѣческія съ тѣмъ, чтобы со временемъ люди научились управлять этими явленіями по своей волѣ. Словомъ, мы работаемъ вмѣстѣ съ вѣкомъ надъ великимъ дѣломъ, которое заключается въ побѣдѣ человѣка надъ матеріей“.

Но примѣръ лучше поясниТъ нашу роль. Возвращаюсь къ маркизу де-Садъ. Какъ скоро мы напечатаемъ романъ, намъ бросаютъ въ лицо маркиза де-Садъ. Это излюбленный конёкъ критики. Руганью ограничивается все дѣло; ругаютъ всѣ произведенія безъ разбора, не давая себѣ труда изучить его духъ и цѣль. Не знаю ничего глупѣе и несправедливѣе. Въ самомъ дѣлѣ,—замѣтьте, что маркизъ де-Садъ отъявленный романтикъ и не имѣетъ ничего общаго съ натуралистомъ, съ романистомъ-экспериментаторомъ. Я его только разобралъ въ общихъ чертахъ, и для всякаго логическаго ума должно

быть очевидно, что этотъ бѣсноватый, этотъ католикъ на изнанку является противоположностью относительно насъ, позитивистовъ, аналитиковъ правды. Онъ беретъ исходной точкой необычайные факты, почти сверхъестественные; мы же принимаемъ за основаніе естественный ходъ вещей. Позади него стоитъ адъ, сатана, поставленный на мѣсто Бога; за нами стоитъ наука. И тутъ насъ раздѣляетъ пропасть. Обѣ эти философіи враждебны другъ другу и исключаютъ одна другую. У него торжествуетъ грязь человѣческая; онъ придерживается чудовищнаго ради него самого; онъ вѣрилъ въ Бога, теперь вѣритъ въ сатану, что́ для него то же самое, и всѣ его произведенія не что иное, какъ ужасный плодъ искаженной вѣры. Мы же, когда касаемся грязи, то дѣлаемъ это единственно ради того, чтобы изслѣдовать и опредѣлить ее. Мы подвергаемъ чудовищныя явленія изслѣдованію, чтобы овладѣть ими; мы руководимся не вѣрой, но наукой,— я хочу сказать, что мы вѣримъ только въ анализъ и не стѣсняемъ себя догматами религіи добра и зла. Вся наша забота въ томъ, чтобы переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и мы увѣрены, что принесемъ тѣмъ больше пользы, чѣмъ будемъ правдивѣе. Наконецъ, если зрѣлище разврата ради самого разврата отвратительно, то правдивое изученіе страсти, хотя бы доведенной до кровавой развязки, получаетъ высокое нравственное значеніе, когда является документомъ, который законодатели и криминалисты должны принять во вниманіе.

Я уже не говорю о гнусномъ языкѣ маркиза де-Садъ, который прибѣгаетъ къ мерзкимъ словамъ только ради того, чтобы усилить чувственное впечатлѣніе разнузданныхъ картинъ сладострастіемъ формы. Мы не видимъ тутъ ни эрудиціи лингвиста, ни фантазіи художника; это одна голая грязь. Все это омерзительно и входитъ уже въ разрядъ патологіи. Исторія этого человѣка напоминаетъ исторіи одержимыхъ бѣсомъ тѣхъ самыхъ бѣсноватыхъ, которые, обезумѣвъ отъ своихъ вѣрованій, предавались дьяволу, справляли шабашъ, оскверняли церкви оргіями и на четверенькахъ ползали передъ алтарями, рыча какъ звѣри. Въ основаніи всего этого лежитъ истерика; древнее суевѣріе производитъ панику, отъ которой кружится голова, и люди предаются магіи. Въ результатѣ является чудо, т.-е. чудовищное, сверхъестественное, адское. Прочитайте „la Sorcière“ Мишле, эту странную картину религіознаго сумасшествія среднихъ вѣковъ, и вы найдете тамъ всего маркиза де-Садъ: всѣ ужасы, всю кровожадную и звѣрскую разнузданность страстей, то же безуміе подъ вліяніемъ искаженія католическихъ догматовъ. Въ нашей литературѣ маркизъ де-Садъ есть прямое выраженіе шабаша, ада, какимъ онъ являлся въ католическихъ церквахъ, визжа, кувыр-

каясь, пачкая и ломая все на своемъ пути въ дни народной разнузданности.

И вотъ тутъ я снова наталкиваюсь на Барбэ д'Орвильи. Онъ такъ же точно понимаетъ зло, какъ и маркизъ де-Садъ. У него злыя лица являются бѣсноватыми, которыхъ дьяволъ побуждаетъ къ чудовищнымъ и сверхъестественнымъ поступкамъ. Онъ не заходитъ такъ далеко, какъ маркизъ, въ своемъ истерическомъ бреду, но по тому, что онъ высказываетъ, можно догадаться объ остальномъ. Его также преслѣдуетъ мысль о шабашѣ, онъ питаетъ нѣжность къ вѣдьмамъ, и фатовство его заключается въ томъ, что онъ даетъ понять, что проводитъ съ ними ночи, хотя на другой день кается въ этомъ. Въ чемъ же тутъ мораль? Барбэ д'Орвильи вѣроятно видитъ ее въ страхѣ божіемъ. Онъ не дѣлаетъ вывода, да и не можетъ его сдѣлать. Онъ не хочетъ, не будучи человѣкомъ банальнаго ума, развязывать свои исторіи, подобно бездарнымъ романистамъ, вводя въ нихъ Провидѣніе, карающее порокъ; если же онъ когда и прибѣгаетъ къ Провидѣнію, какъ, напримѣръ, въ „Prêtre marié", то такъ необыкновенно, такъ чудесно, что нравоученіе какъ будто черпается изъ волшебной сказки. Онъ нисколько не заботится о правдѣ и даже презираетъ правду съ непоколебимымъ намѣреніемъ преувеличивать все сверхъестественное.

Поищемъ примѣра. Барбэ д'Орвильи рисуетъ публичную женщину. Это съ нимъ бывало; онъ изобразилъ одну такую въ своихъ „Diaboliques"; правда, эта публичная женщина—знатная испанская дама, предавшаяся разврату изъ желанія отмстить мужу: хорошенькая исторія, какъ видите, и главное—очень простая и очень естественная. Нужды нѣтъ; вотъ передъ нами публичная женщина. Авторъ, не довольствуясь тѣмъ, что надѣлилъ ее такимъ происхожденіемъ, продолжаетъ фантазировать изъ ненависти къ обыденной жизни. Онъ поселяетъ ее въ вертепѣ, роскошно убранномъ; онъ заставляетъ ее произносить изумительныя рѣчи, словомъ,—отнимаетъ ее у дѣйствительности и переноситъ въ какой-то кровожадный и чувственный кошмаръ, который мерещится ему наяву. Все это очень пахнетъ маркизомъ де-Садъ. Это—отвратительный разсказъ, измышленный оригинальнымъ писателемъ, вдавшимся въ чудачество. Эта сказка не можетъ дать намъ ни правдиваго документа, ни нравственнаго урока, такъ какъ построена на воздухѣ и должна служить сатанинскимъ выраженіемъ зла въ человѣкѣ. Это переноситъ насъ прямо въ метафизику. Что бы ни говорилъ авторъ, а я вижу въ этомъ грязь ради грязи.

Но представимъ себѣ, что романистъ натуральной школы задумаетъ изучить публичную женщину. Онъ изобразитъ ея происхожде-

ніе, ея среду; онъ покажетъ, что она является результатомъ наслѣдственности и среды; если она доходитъ до разврата, то потому, что ее приводитъ къ этому пьянство ея родителей и вредные примѣры въ предмѣстьяхъ. Затѣмъ, авторъ, слѣдуя за ней шагъ за шагомъ, анализируя ея одежду, ея жилище, мужчинъ, которые съ нею водятся, покажетъ, какова ея общественная роль и какимъ образомъ она вноситъ разложеніе и гибель въ общество. Такимъ образомъ, мы видимъ, какое высокое практическое, нравственное значеніе имѣетъ его произведеніе. Это уже не кошмаръ католика, сбитаго съ панталыку мыслью о дьяволѣ, это—ученый, наблюдатель, экспериментаторъ, собирающій и классифицирующій человѣческіе документы. Вотъ настоящая публичная женщина, вотъ какимъ образомъ она появляется и какъ она дѣйствуетъ; вотъ факты, добытые путемъ наблюденія и опыта; отнынѣ, разъ опытъ даетъ намъ господство надъ фактами, наше дѣло помѣшать имъ произойти; оздоровимъ предмѣстья, упразднимъ съ помощью науки публичныхъ женщинъ. И если даже произведеніе не дастъ намъ такого практическаго вывода, все же оно принесетъ пользу какъ правдивое, неопровержимое изображеніе дѣйствительности.

На этотъ разъ удалось ли мнѣ высказаться понятнымъ образомъ? Ясно ли для всѣхъ, что когда критика съ своимъ изумительнымъ непониманіемъ бросаетъ намъ въ лицо имя маркиза де-Садъ, она рѣшительно не вѣдаетъ, что творитъ. Наше научное представленіе о природѣ діаметрально противоположно его католическому представленію. Маркизъ де-Садъ идеалистъ и жестокій идеалистъ, видящій свое торжество въ сверхъестественномъ и нераціональномъ. Такъ что его прямыми потомками являются какъ разъ наши противники, тѣ, которые обвиняютъ насъ въ томъ, что мы копаемся въ грязи, потому что мы изображаемъ правду.

Они объявляютъ, что истина грязна и банальна, когда вся мораль въ ней, и только въ ней. Они воображаютъ себя тѣмъ болѣе благородными, чѣмъ болѣе забираются въ фантастическую ложь, и доходятъ до полнаго паденія, до окончательнаго безумія и кончаютъ какъ маркизъ де-Садъ: потерею человѣческаго разума, уступающаго мѣсто звѣрю, выбивающемуся изъ мучительныхъ и сладострастныхъ когтей дьявола.

Пусть зовутъ насъ позитивистами, матеріалистами, атеистами, тутъ споръ идетъ о философіи, и мы его признаемъ. Католики и даже простые деисты, романтики они или доктринеры, воображаютъ, что одни они велики, добродѣтельны и сострадательны, потому что предоставляютъ человѣку жить безсознательнымъ. Мы же вѣримъ, что всѣ наши бѣды проистекаютъ отъ недостатка сознанія, и что един-

ственнымъ полезнымъ дѣломъ является ограниченіе этой безсознательности, для каждаго, по мѣрѣ его силъ. Я не могу заняться здѣсь разборомъ этихъ высокихъ вопросовъ и показать, какое зло влечетъ за собою всякая ложь, будь она съ виду и величественна. Но въ чемъ наши противники особенно недобросовѣстны, это въ томъ, что они обвиняютъ насъ въ непристойности и постыдной спекуляціи. Я уже доказалъ, что мы не имѣемъ связи ни съ гривуазными сказками, ни съ вольными романами; что прямые наслѣдники маркиза де-Садъ находятся не среди насъ, а напротивъ, среди романтиковъ нераскаянныхъ и необузданныхъ.

Нашъ анализъ не можетъ быть непристойнымъ, разъ онъ вполнѣ ученъ и показываетъ правду. Вотъ что слѣдуетъ безпрестанно повторять для того, чтобы каждый въ нашей современной литературѣ занялъ подобающее ему мѣсто.

IV.

Романистовъ натуральной школы обвиняютъ въ томъ, что они спекулируютъ насчетъ грязи. Имъ ничего не стоило бы доказать, что ихъ противники спекулируютъ насчетъ добродѣтели. Тартюфъ оставилъ по себѣ многочисленное потомство, наполняющее журналы, книги и театры.

Прежде всего слѣдуетъ доказать, что, спекулируя насчетъ грязи, не далеко уйдешь. Я говорю о настоящей спекуляціи, о той, которая ищетъ убѣжища въ Бельгіи и совершается исподтишка. Несчастные, ищущіе прибыли отъ этого позорнаго ремесла, всѣ голы; мнѣ не назовутъ рѣшительно ни одного, который бы нажилъ хоть небольшое состояніе. Съ другой стороны, если хотятъ играть словами и грязнить истинныхъ художниковъ, давая понять, что они изучаютъ человѣка, даже въ его паденіи, съ тѣмъ чтобы возбудить читателя покупать ихъ книги,—то въ подтвержденіе этой клеветы можно привести лишь одиночные и рѣдкіе случаи, обусловленные исключительными обстоятельствами, не говоря о всеобщемъ неуспѣхѣ произведеній смѣлыхъ и правдивыхъ. Можно привести громадную распродажу „Madame Bovary“ и объяснить ее эпизодомъ въ фіакрѣ. Но при этомъ умалчивается объ антипатіи, прямо сказать, отвращеніи публики къ романамъ Стендаля и Бальзака; эти писатели, ужъ разумѣется, ничего не выиграли отъ того, что были смѣлыми аналитиками истины. А гг. де-Гонкуры, чья книга „Germinie Lacerteux“ не разошлась и въ двухъ изданіяхъ въ продолженіи десяти лѣтъ? Неужто скажутъ, что и они хотѣли нажить деньгу, пересказавъ ис-

тинныя любовныя похожденія служанки? Во всякомъ случаѣ они очень плохо разсчитали, потому что въ то время, какъ ихъ рѣзкія и талантливыя книги лежали въ кладовыхъ, лживыя исторіи Октава Феллье, эти исторіи, пропитанныя условной и модной добродѣтелью, продавались въ тридцати тысячахъ экземпляровъ.

Я хочу доказать слѣдующее: спекуляція насчетъ добродѣтели гораздо выгоднѣе спекуляціи порокомъ; какъ я уже сказалъ, наши произведенія слишкомъ мрачны, слишкомъ строги, главное слишкомъ безпощадны, чтобы пріятно щекотать нервы читателей. Они возмущаютъ, но не плѣняютъ. На немногія, хорошо раскупающіяся, приходится еще больше такихъ, которыя не находятъ себѣ покупателей, среди встревоженной и возмущенной публики. Лицемѣріе поощряется, ласкается, щедро оплачивается, тогда какъ откровенность съ-разу возстановляетъ противъ себя массу людей, которыхъ стѣсняетъ. Поэтому, если талантъ не толкаетъ людей на эту стезю, то они поступаютъ разсчетливѣе, когда распространяются больше насчетъ добродѣтели, чѣмъ насчетъ порока.

Я буду настаивать на необходимости таланта, когда рѣшаешься изображать страшную дѣйствительность. Это тѣмъ очевиднѣе, что одни только мощные умы осмѣливаются прямо глядѣть въ лицо истинѣ и настолько сильны, что могутъ схватить и передать ее. Геній оправдываетъ смѣлость. Стоитъ просмотрѣть исторію литературы всего міра. Можно измѣрить талантъ автора тою правдою, какую онъ высказалъ о человѣкѣ и природѣ. Отсюда, какъ я уже показалъ, опасность—желать изъ разсчета разыгрывать роль аналитика, мучимаго желаніемъ правды. Если страсть отсутствуетъ, если таланта нѣтъ, то скоро дѣлается очевиднымъ дрянность намѣренія, потому что только искреннее убѣжденіе и сильное художественное дарованіе могутъ спасти отъ отвращенья читателей, при изображеніи нашихъ золъ и нашей низости, вдохнувъ въ нихъ жизнь.

Напротивъ того, ремесло писателя лицемѣрнаго представляетъ однѣ выгоды. Большой талантъ для него не нуженъ; онъ бы только стѣснялъ его. Тутъ можно снискать большой успѣхъ съ среднимъ дарованіемъ, гибкимъ и покладливымъ. Но на этой дорогѣ можно снискать очень значительный успѣхъ и совсѣмъ безъ всякаго таланта. Подумайте, что толпа ничего лучшаго не желаетъ какъ быть обманутой; она никогда не противится писателю, который ей лжетъ; она съ-разу признаетъ его, радуясь его лести и утѣшеніямъ. Онъ можетъ лгать въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, она не разсердится и найдетъ напитокъ очаровательнымъ. Среди этой толпы добрая половина знаетъ, что авторъ лжетъ; но что за дѣло, она улыбается съ смышленымъ и довольнымъ видомъ. Ей говорятъ, что женщины прекрасны, муж-

чины мужественны, что земля есть арена необыкновенно занимательныхъ приключеній и вѣчно счастливой любви. Это прелестно, всѣ въ восторгѣ, даже тѣ, которымъ это кажется въ концѣ-концовъ приторнымъ. Итакъ, не надо борьбы; писатели, которые орудуютъ этой идеальной добродѣтелью, заранѣе увѣрены, что не встрѣтятъ никакой оппозиціи. Поэтому таланта тутъ не требуется; писатель впередъ знаетъ, что читатели будутъ на его сторонѣ. Дамы ему улыбаются; одобрительный шопотъ слышится при проходѣ добродѣтельнаго романиста. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ торжествуетъ. Привѣтствуемый салонами при началѣ своего поприща, въ концѣ его онъ проникаетъ въ академію. Его награждаютъ, вѣнчаютъ лаврами, бальзамируютъ. Это тріумфъ посредственности въ апоѳеозѣ всеобщей глупости. Я говорю здѣсь не парадоксы, я говорю про то, что́ происходитъ ежедневно, я вѣренъ фактамъ въ исторіи нашей литературы.

Обращаюсь къ молодымъ писателямъ. Испытайте свои силы, и если чувствуете себя не особенно даровитыми, не слушайте прессу, которая увѣряетъ васъ, что романами натуральной школы можно быстро нажить состояніе, что̀ значитъ для прессы—романами грязными. Васъ обманываютъ. Послушайтесь меня: ради Бога не идите къ реалистамъ, если у васъ нѣтъ таланта! Ступайте къ идеалистамъ, угощающимъ человѣчество лицемѣріемъ. Тамъ васъ ждутъ пріятности жизни и удачи. Въ какихъ-нибудь пятнадцать уроковъ, какой-нибудь мастеръ научитъ васъ искусству изображать симпатическихъ героевъ. И вы будете счастливы и чтимы, и можете бросать въ насъ грязью, когда мы пройдемъ мимо васъ. Что касается тѣхъ изъ васъ, у которыхъ есть талантъ, они не нуждаются въ моихъ совѣтахъ. Я могу только пожалѣть ихъ, потому что они будутъ долго голодать и подвергаться преслѣдованіямъ.

Разсмотримъ теперь поближе спекуляцію добродѣтелью, которою злоупотребляютъ въ нашей литературѣ. Она основана на „симпатическомъ“ героѣ. Вамъ скажутъ, что ни въ книгѣ, ни въ особенности въ драматическомъ произведеніи нельзя обойтись безъ симпатическихъ героевъ; ихъ фабрикуютъ какъ можно больше, и по меньшей мѣрѣ ихъ нужно пару, а торжество заключается въ томъ, чтобы изображать только однихъ симпатическихъ героевъ. Симпатическій герой—это понятіе, какое болѣе или менѣе сознательное лицемѣріе публики составляетъ себѣ о человѣкѣ. Такимъ образомъ, симпатичной молодой дѣвушкой будетъ такая, которая вся соткана изъ цѣломудрія и красоты и не имѣетъ ничего общаго съ живымъ существомъ, а является куклой, двигающейся на чисто условныхъ шарнирахъ. Наша

французская молодая дѣвушка, образованіе и воспитаніе которой плачевны и которая представляетъ нѣчто среднее между ангеломъ и звѣремъ, есть прямой продуктъ этой нелѣпой литературы. Образуйте нашихъ дѣвушекъ, воспитывайте ихъ для насъ и для жизни, какую имъ придется вести—и вы сдѣлаете доброе дѣло.

То же самое нужно сказать и о всѣхъ симпатическихъ герояхъ: всѣ они лживы. Сынъ будетъ олицетворять собою честь отца, если послѣдній позволилъ себѣ какую-нибудь провинность; отецъ будетъ благороденъ и величественъ, будетъ коллекціей всѣхъ людскихъ добродѣтелей. Невѣста будетъ воплощенная чистота, въ соединеніи съ утонченной нѣжностью, тогда какъ женихъ будетъ презирать деньги и соперничать въ прекрасныхъ чувствахъ съ полнымъ отрицаніемъ жизни дѣйствительной. Итакъ, вотъ симпатическіе герои, куклы, сфабрикованныя для развлеченія чувствительныхъ душъ и посредствомъ которыхъ первый встрѣчный будетъ имѣть большой успѣхъ.

Вотъ чѣмъ пробавляются кучи романовъ, называемыхъ честными: сантиментальныя тирады, соціальныя проповѣди, описаніе бомонда, квинтэссенція моды и бонтона, иностранные нравы, гдѣ мы видимъ итальянокъ цвѣта луннаго сіянія, русскихъ бѣлизны снѣжной, и всякія пустяки, всю ту ложь, какою убаюкиваютъ себя праздныя и сбитыя съ толку головы. Но гдѣ спекуляція особенно отвратительна, —такъ это на сценѣ. Тамъ безстыдно эксплуатируютъ лицемѣріе публики. Драма плоха, зрители зѣваютъ—и пьеса должна провалиться. Но авторъ, какъ ловкій человѣкъ, предугадалъ дрянность своего произведенія и искусно пересыпалъ его добродѣтельными тирадами; во всѣхъ сценахъ декламируются громкія фразы о чести и о добродѣтели, и каждая такая фраза вызываетъ громъ рукоплесканій. Энтузіазму нѣтъ предѣловъ, если тирада оказывается патріотической; тогда вся зала неистовствуетъ, и авторъ провозглашается не только великимъ, но еще и честнымъ человѣкомъ. Со времени нашихъ пораженій въ 1870 г. сколько мы видѣли такихъ бездарныхъ драмъ, которыя снискивали кажущійся успѣхъ, спекулируя на счетъ шовинизма публики. Это литературный позоръ! авторы этихъ бездарныхъ произведеній ревутъ: да здравствуетъ Франція! въ уши зрителей, и пользуются нервнымъ возбужденіемъ, чтобы украсть у нихъ аплодисменты, подобно тому, какъ воръ толкаетъ прохожаго на троттуарѣ съ тѣмъ, чтобы сорвать съ него часы.

А теперь разсмотримъ нравственное значеніе всѣхъ этихъ лживыхъ произведеній. Скажутъ: „да! спекуляція добродѣтелью существуетъ, такъ же, какъ и спекуляція порокомъ. Но только люди, наживающіе деньги путемъ добра, дѣлаютъ доброе дѣло, потому что преподаютъ полезные уроки".

Вотъ это-то я и отрицаю безусловно. Я не могу подробно разобрать здѣсь этого вопроса и повторить то, что часто высказывалъ въ другихъ своихъ статьяхъ. Но я снова подтверждаю, что ложь, какъ бы она ни была возвышенна, всегда ведетъ къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ. Если бы можно было вскрыть черепъ человѣка, пичкавшаго себя этими лживыми романами и драмами, то всѣ увидѣли бы, какую пустоту, неопредѣленность мысли оставляютъ они. Вальтеръ Скоттъ создалъ больше преступныхъ дѣвъ и женъ, чѣмъ Бальзакъ. Жоржъ-Зандъ создала цѣлое поколѣніе несносныхъ мечтательницъ и резонёрокъ. Женщина, берущая любовника, въ сущности всегда почти начиталась романовъ, называемыхъ идеальными, будетъ ли то „Maupгat“, или „Roman d'un jeune homme pauvre“. Ничто не можетъ такъ сильно волновать, какъ эти страницы, уносящія въ мечтательный міръ великихъ страстей, гдѣ, какова ни была бы развязка, паденіе является единственнымъ счастіемъ, какое можно испытать на землѣ, благодаря лживому и соблазнительному описанію любви, какое даетъ авторъ.

Возьмемъ, напротивъ того, романъ натуральной школы; вы постоянно извлечете изъ него урокъ дѣйствительности. Опаснымъ мечтаніямъ нѣтъ въ немъ мѣста; зло изображается во всемъ его ужасѣ; паденіе обставлено всей грязью и всѣми муками, являющимися его послѣдствіемъ, и всегда приходишь неизмѣнно къ тому выводу, что добродѣтель и счастіе заключаются въ логикѣ, въ признаніи правды, въ равновѣсіи человѣка съ природой, его окружающей.

То же самое надо сказать и о патріотизмѣ. Истинный патріотизмъ заключается не въ героическомъ безумствѣ, жертвующемъ жизнью подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія; онъ заключается въ разумѣ и въ близкомъ знакомствѣ съ нуждами своего отечества, въ изученіи и въ примѣненіи тѣхъ вещей, которыя могутъ его спасти. Во всѣхъ вещахъ наблюденіе и опытъ должны замѣнить лирическое безуміе, скачки въ неизвѣстное. Никакая практическая мораль не можетъ быть основана на произведеніяхъ воображенія, тогда какъ правдивыя произведенія приносятъ съ собой неизбѣжно вѣрный и полезный урокъ.

Пора заключить статью—заключеніе это будетъ чисто литературное. За спекулянтами порока и спекулянтами добродѣтели—двумя родами промышленниковъ, какіе существуютъ—есть настоящіе писатели, тѣ, которые повинуются призванію и даже не заботятся о томъ, чтобы быть добродѣтельными или порочными. Они изучаютъ человѣка и природу на всей свободѣ, изъ одного желанія добиться истины. Ихъ мучитъ одна мысль: жизнь въ потомствѣ, и вотъ почему

они презираютъ моду и условныя приличія. Они пишутъ не для одного какого-нибудь общества, они пишутъ для будущихъ поколѣній. Поэтому вполнѣ нелѣпо обвинять ихъ въ разсчетѣ и видѣть въ смѣлости ихъ языка и анализа сознательную эксплуатацію грязныхъ инстинктовъ толпы. Если толпа ищетъ удовлетворенія своимъ грязнымъ инстинктамъ въ ихъ произведеніяхъ, это—низкое занятіе, марающее только толпу. Есть много людей, которые перелистываютъ Рабле лишь съ тѣмъ, чтобы поискать въ немъ грязныхъ словъ. Истинный писатель, великій романистъ создаетъ свое произведеніе по образу и подобію самого человѣчества, т.-е. такимъ же высокимъ и правдивымъ, какимъ оно должно быть даже среди самыхъ ужасовъ.

Эмиль Зола.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е октября, 1880.

I.

Дневникъ писателя. Ежемѣсячное изданіе. Единственный выпускъ на 1880. Августъ.—Ѳ. Достоевскаго.

Немногимъ писателямъ доводится получать такія удовольствія, какія получилъ недавно г. Достоевскій: его произведеніе—рѣчь о Пушкинѣ—признано „событіемъ"; оно признано „геніальнымъ"; авторъ слышалъ и читалъ это, и теперь не оставляетъ читателя въ неизвѣстности объ этомъ пунктѣ. Печатая свою рѣчь единственнымъ *годовымъ* выпускомъ *ежемѣсячнаго* изданія, авторъ прибавилъ къ ней предисловіе и комментаріи, въ которыхъ обязательно объясняетъ—въ чемъ именно заключается „событіе".

Можно, пожалуй, согласиться, что это—событіе, но событіе довольно печальное, особенно если бы надо было думать, что тѣ, кто привѣтствовалъ рѣчь г. Достоевскаго, съ тѣмъ же сочувствіемъ привѣтствовали бы изданныя имъ теперь толкованія, —какъ самъ г. Достоевскій въ этомъ видимо увѣренъ.

Мы не станемъ передавать содержанія ни рѣчи, ни толкованій: первая была не разъ перепечатана и изложена, вторыя также довольно извѣстны. Основныя мысли таковы: величіе Пушкина состоитъ особенно въ томъ, что онъ, какъ великій художникъ, есть совершеннѣйшій выразитель русскаго народнаго духа—именно способности его къ всемірной отзывчивости и всепримиренію; геній русскаго народа изъ всѣхъ народовъ наиболѣе способенъ „вмѣстить въ себя идею всечеловѣческаго единенія, братской любви, трезваго взгляда, прощающаго враждебное, различающаго и извиняющаго несходное, снимающаго противорѣчія"; „стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ и значитъ только стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*";

русскій народъ особенно (или единственно) понялъ христіанскую истину, и т. д.

Эти и подобныя положенія въ рѣчи г. Достоевскаго связаны были съ возвеличеніемъ Пушкина; въ томъ настроеніи, въ которомъ была аудиторія послѣ длиннаго ряда торжественныхъ чествованій памяти великаго поэта, она готова была наконецъ и къ крайней идеализаціи, даже къ преувеличенію. Рѣчь г. Достоевскаго могла пройти какъ патріотическій порывъ, какъ чувствительный идеализмъ, и при всѣхъ крайностяхъ, могла, въ условіяхъ обстановки, возбудить сочувствіе въ людяхъ болѣе трезвыхъ тѣмъ примирительнымъ оттѣнкомъ, который являлся въ ея заключеніи.

Но этого было мало г. Достоевскому. Овація, кажется, была причиной, что онъ и совсѣмъ потерялъ мѣру; въ истолкованіяхъ, которыми онъ снабдилъ свою рѣчь, кажется, вѣрнѣе отразился настоящій характеръ его идей, нежели въ рѣчи.—Еще наканунѣ Пушкинскаго праздника, въ литературномъ кругу обратила на себя вниманіе статейка газеты „Берегъ“: статейка извѣщала, что на предстоящемъ Пушкинскомъ праздникѣ готовится либеральная демонстрація,—и успокоивала публику, что гг. *Катковъ* и *Достоевскій* съумѣютъ дать этой демонстраціи должный отпоръ.—Почитателямъ г. Достоевскаго было очень неловко видѣть его имя въ этомъ союзѣ и въ этой усмирительской роли. Съ подобнымъ характеромъ теперь и выступаетъ г. Достоевскій. Если „Рѣчь“, какъ мы сказали, имѣла отчасти примирительныя намѣренія, то комментаріи—строжайшее обличеніе „либераловъ“, которые просто сгоняются со свѣту. Особенный, частный поводъ къ обличенію подала статья пр. Градовскаго; но г. Достоевскій обобщилъ свой отвѣтъ до цѣлаго обвиненія противъ либераловъ вообще, прошедшихъ и настоящихъ.

Что сказать объ этомъ походѣ противъ „либерализма“?

Первое, что спорить правильно противъ г. Достоевскаго нѣтъ никакой возможности; потому что изложеніе его не есть вовсе послѣдовательное развитіе какой-либо мысли, а раздражительное словоизверженіе ясно показывающее, что авторъ резоновъ слушать не намѣренъ, что имъ овладѣла страсть и то жестокое настроеніе, при которомъ аргументація невозможна и безполезна.

Эта страсть—крайне неумѣренное самолюбіе, это настроеніе—мистицизмъ. Одинъ изъ критиковъ настоящаго выпуска „Дневника писателя“ провелъ очень вѣрную параллель между произведеніемъ г. Достоевскаго и „Выбранными Мѣстами“ Гоголя; дѣйствительно, сходство поразительное. Самолюбіе и мистицизмъ—всего меньше логика. Аргументы мистицизма витаютъ въ такой сферѣ, гдѣ раціональное разсужденіе невозможно; онъ разсуждаетъ нантіями, прови-

дѣніями, откровеніями; логическія противорѣчія его не затрудняютъ: къ мнѣніямъ, идущимъ отъ противоположной точки зрѣнія, онъ питаетъ крайнюю вражду и нетерпимость. Очень справедливо было замѣчено, что самый стиль „Дневника“ повторяетъ „Выбранныя Мѣста“ Гоголя: рядомъ съ возвышенной, или съ высокопарной проповѣдью идетъ вульгарная сплетня, христіанская „любовь“ и „братство“ съ крайнимъ озлобленіемъ; тонъ—высокомѣрный и прорицательскій. Г-нъ Достоевскій не замѣтилъ, что, осуждая западную Европу на погибель (она „рухнетъ“, „завтра же“ или въ слѣдующее же десятилѣтіе), онъ повторялъ Гоголя, который дѣлалъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ то же самое предсказаніе, которое однако доселѣ не осуществилось: Европа покамѣстъ не „рухнула“.—И какая же будетъ причина этого уничтоженія Европы?—то, что „стучится“ четвертое сословіе, т.-е. желаетъ пріобрѣсти себѣ право на человѣческое существованіе,—какъ всегда, въ цѣлой всемірной исторіи, „стучались“ тѣ, кому жизнь становилась невыносима; ну, а наши крестьяне не могли бы „постучаться“? Были уже въ исторіи примѣры, что и они довольно безпокойно „стучались“.

Полемическіе пріемы г. Достоевскаго противъ „либерализма“ опять не новы; это—повтореніе старыхъ (еще сороковыхъ годовъ) нападеній первыхъ славянофиловъ на „Петербургъ“ и „петербургскій періодъ“, но повтореніе слабое, непослѣдовательное и иногда очень некрасивое. Г. Достоевскій не дѣлаетъ никакихъ различій между „либералами“: всѣ они одинаковые враги „народныхъ началъ“, „развратители“ народа—читатель пусть понимаетъ какъ знаетъ: кто эти либералы? Съ одной стороны, это—непріятные г. Достоевскому писатели и публицисты; съ другой стороны, онъ замѣчаетъ съ непостижимымъ для насъ азартомъ, что де „и настоящая полиція вѣдь у насъ теперь либеральна, отнюдь не менѣе возопившихъ на меня (г. Достоевскаго) либераловъ“. Фразу эту можно было бы объяснить только желаніемъ сбить либераловъ въ одну кучу съ „полиціей“, вѣдомствомъ не весьма популярнымъ. Одна услужливая къ г. Достоевскому газета припомнила, какъ-бы мимоходомъ, что гр. Шуваловъ пользовался въ Европѣ репутаціей человѣка очень „либеральныхъ“ взглядовъ... Что къ ненавистнымъ „либераламъ“, которыхъ г. Достоевскій караетъ, принадлежитъ та доля литературы, которая не дѣлитъ его своеобразныхъ измышленій, это понятно; приспѣшники г. Достоевскаго стали и прямо называть такія изданія;—но затѣмъ г. Достоевскій накидывается и на такихъ „либераловъ“, которые о православіи говорятъ: „Le Pravoslavié“. *Кого* онъ разумѣетъ здѣсь, остается непонятно; потому что въ литературныхъ нашихъ кругахъ, сколько намъ извѣстно, такая терминологія вовсе не употребляется. Кто же это? и если

такіе люди есть, то что̀ общаго между *этими* людьми и литературой? Недостатокъ смысла въ такомъ огульномъ обвиненіи граничитъ съ недобросовѣстностью.

Можно было бы не обращать вниманія на подобное прихотливое „теченіе мыслей“ г. Достоевскаго и предоставить ему наслаждаться легкимъ торжествомъ надъ его непріятелями; но онъ имѣетъ своихъ поклонниковъ. Не знаемъ, какъ далеко идетъ ихъ поклоненіе; но если они видятъ въ г. Достоевскомъ не только писателя, увлекающаго ихъ своими художественными произведеніями, но и публициста, своего руководителя въ общественныхъ вопросахъ,—то имъ слѣдуетъ серьёзно подумать о качествѣ получаемыхъ наставленій...

Но откуда же взялся этотъ ненавистный „либерализмъ“? Онъ взялся, очевидно, отъ собирающейся рухнуть Европы; но какъ это случилось, все ли было дурно въ этомъ либерализмѣ, или было въ немъ что-нибудь полезное,—этого адептъ г. Достоевскаго никакъ не пойметъ: въ прорицаніяхъ безнадежная путаница.

Отъ комментаріевъ возвращаемся опять къ „Рѣчи“. Въ концѣ ея г. Достоевскій говоритъ о „всемірной отзывчивости“ Пушкина, въ которой именно выразилась народность его поэзіи, народность нашего будущаго: „ибо что̀ такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и ко всечеловѣчности“? И далѣе объясняетъ, что такимъ стремленіемъ была и Петровская реформа.

„Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ ораторъ,—что̀ такое для насъ Петровская реформа, и не въ будущемъ только, а *даже и въ томъ, что уже было, произошло, что уже явилось во очію?* Что̀ означала для насъ эта реформа? *Вѣдь не была же* она только для насъ усвоеніе европейскихъ костюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской науки. Вникнемъ, какъ дѣло было, поглядимъ *пристальнѣе*. Да, очень можетъ быть, что Петръ первоначально только въ этомъ смыслѣ и началъ производить ее, т.-е. въ смыслѣ ближайше утилитарномъ, но въ послѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи имъ своей идеи, Петръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенному чутью, которое влекло его, въ его дѣлѣ, къ цѣлямъ будущимъ, несомнѣнно огромнѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайшій утилитаризмъ. Такъ точно и русскій народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу, а несомнѣнно уже ощутилъ своимъ предчувствіемъ почти тотчасъ же нѣкоторую дальнѣйшую, несравненно болѣе высшую (sic) цѣль, чѣмъ ближайшій утилитаризмъ,—ощутилъ эту цѣль опять-таки, конечно, повторяю это, безсознательно, но однако же и непосредственно и *вполнѣ жизненно*. Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному *возсоединенію*, къ единенію всечеловѣческому! Мы не

враждебно (какъ, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовію приняли въ душу нашу геній чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго перваго шагу различать, снимать противорѣчія, извинять и примирять различія, и тѣмъ ужъ выказали готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только-что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому воссоединенію со всѣми племенами великаго Арійскаго рода. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное... О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое"...

При извѣстномъ смягченіи идеализаціи этого разсужденія, мы съ нимъ были бы отчасти согласны. Ораторъ зашелъ даже такъ далеко, что мы нашли бы даже, что онъ нѣсколько потерялъ мѣру въ увлеченіи своего краснорѣчія: „О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дорога" и проч.

Такъ въ „Рѣчи". Обращаемся къ комментарію; но тамъ уже нѣчто совсѣмъ иное; тамъ цѣлая злостно обвинительная тирада противъ взятаго у Европы либерализма, и оказывается, что „два послѣдніе вѣка", т.-е. именно Петровская реформа и ея развитіе, были величайшимъ зломъ и преступленіемъ, которыя г. Достоевскій навязываетъ тому же несчастному либерализму. Козломъ отпущенія подвернулся профессоръ Градовскій, осмѣлившійся сдѣлать нѣсколько возраженій на „Рѣчь".

„Вы, г. Градовскій, безжалостно укоряете Россію за ея неустройство. А *кто* мѣшалъ ей устроиться во *всѣ эти два послѣдніе вѣка*, и особенно въ послѣднее пятидесятилѣтіе? А вотъ все, подобные вамъ, русскіе европейцы, г. Градовскій, которые у насъ *всѣ два вѣка* не переводились, а теперь особенно на насъ насѣли. Кто врагъ органическому и самостоятельному развитію Россіи на особенныхъ ея народныхъ началахъ? Кто насмѣшливо не признаетъ даже существованіе этихъ началъ и не хочетъ ихъ замѣчать? Кто хотѣлъ *передѣлать* (?!) народъ нашъ, фантастически „возвышая его до себя"—по простому надѣлать все такихъ же, какъ сами, либеральныхъ европейскихъ человѣковъ, отрывая, отъ времени до времени, отъ народной массы по человѣчку (!!) и *развращая* его въ европейца даже хоть фалдочками мундира? Этимъ я не говорю, что европеецъ — развратенъ; я говорю только, что передѣлывать русскаго въ европейца такъ, какъ либералы его передѣлываютъ, есть сущій развратъ зачастую. А вѣдь въ этомъ-то состоитъ весь идеалъ *ихней* программы

дѣятельности (!!): именно въ отлупливаніи (?) по человѣчку отъ общей массы—экой абсурдъ!"

Дѣйствительно, экой абсурдъ вся эта тирада! На кого направлены эти обвиненія? Когда же это либералы, „подобные" г. Градовскому (т.-е. люди профессорскаго и журнальнаго круга?), бывали у насъ такъ сильны, что могли „два вѣка" мѣшать Россіи устроиться? Когда они были врагами ея самостоятельнаго развитія? и т. д. На дѣлѣ, если гдѣ были пламенныя стремленія къ широкому и свободному устройству Россіи, то именно въ лучшихъ литературныхъ и профессорскихъ кругахъ—еще начиная со временъ Ломоносова; а мѣшали этому люди совсѣмъ иныхъ круговъ, которые не скупились противъ первыхъ никакими помѣхами, запретами, даже осужденіями и ссылками... Г-нъ Достоевскій не можетъ этого не знать—и перевирать такимъ образомъ исторію непозволительно для писателя, себя уважающаго. И послѣ этой характеристики европеизма, что́ же могутъ означать приведенныя выше слова г. Достоевскаго о Петровской реформѣ, объ общечеловѣческомъ возсоединеніи и т. д.? Эти слова что-нибудь значатъ, и въ такомъ случаѣ—обязываютъ; иначе, самъ авторъ дѣлаетъ ихъ пустымъ словоизверженіемъ.

И какое странное историческое понятіе о „двухъ послѣднихъ вѣкахъ", за неудовлетворительность которыхъ г. Достоевскій упрекаетъ „либераловъ", какъ будто въ самомъ дѣлѣ они, а не кто иной, завѣдывали судьбами русскаго народа!

Способъ полемики съ противниками, принятый г. Достоевскимъ, отличается большой простотой. Надо вывести „либерала", будто бы излагающаго систему своихъ мнѣній, и заставить его говорить уродливыя безсмыслицы, которыя авторъ тотчасъ побѣдоносно опровергнетъ. Страницы 6—8 составляютъ перлъ такого рода полемики. Напримѣръ, „западники" (или, что то же, „либералы"), говорятъ у г. Достоевскаго слѣдующимъ образомъ: „Въ народѣ русскомъ, такъ какъ ужъ пришло время (?) высказаться вполнѣ откровенно, мы видѣли лишь косную массу, у которой намъ нечему учиться, *тормазящую*, напротивъ, развитіе Россіи къ прогрессивному лучшему, и которую всю надо пересоздать и передѣлать, — если ужъ невозможно и нельзя органически, то по крайней мѣрѣ механически, то есть *попросту* (!!) заставивъ ее разъ навсегда насъ слушаться, *во вѣки вѣковъ*. А чтобы достигнуть сего послушанія, вотъ и необходимо усвоить себѣ гражданское устройство *точь въ точь* (?!) какъ въ европейскихъ земляхъ, о которыхъ именно теперь пошла рѣчь. Собственно же народъ нашъ нищъ и *смердъ* (?), какимъ онъ былъ всегда, и не можетъ имѣть ни лица, ни идеи. Вся исторія народа нашего есть абсурдъ, изъ котораго вы (разумѣется, г. Достоевскій, или славяно-

филы, къ которымъ онъ себя сопричислилъ) до сихъ поръ чортъ знаетъ что выводили... Надобно, чтобъ имѣло исторію лишь одно наше интеллигентное общество, которому народъ долженъ служить лишь своимъ трудомъ и своими силами... Чуть мы выучимъ человѣка изъ народа грамотѣ, тотчасъ же и заставимъ его нюхнуть Европы, тотчасъ же начнемъ обольщать его Европой... Если же народъ окажется неспособнымъ къ образованію, то—устранить народъ" (!!!).

Объ этомъ „устраненіи народа", желаемомъ „западниками", г. Достоевскій разсказываетъ еще такой анекдотъ. Обличая „обезличенное, лакейское", подражаніе Европѣ, яко бы проповѣдываемое западниками, онъ восклицаетъ: „Да куда же дѣвать тогда русскій-то организмъ? Понимаютъ-ли *эти господа*, что̀ такое организмъ! А еще толкуютъ о естественныхъ наукахъ! „Этого народъ не позволитъ", сказалъ по одному поводу, года два назадъ, одинъ собесѣдникъ одному *яро*му западнику. „Такъ *уничтожитъ народъ*" (??), отвѣтилъ западникъ спокойно и величаво. И былъ онъ не кто-нибудь, а одинъ изъ представителей нашей интеллигенціи. Анекдотъ этотъ *вѣренъ*" (стр. 4).

Анекдотъ можетъ быть вѣренъ, какъ вѣрно то, что есть на свѣтѣ очень глупые люди; намъ сомнительно одно, чтобы это могъ быть „представитель" интеллигенціи.

Правда, г. Достоевскій дѣлаетъ оговорку, что онъ „не осмѣливается" вложить приведенныя сейчасъ безсмыслицы „въ уста тѣхъ западниковъ, которые жали мнѣ руку (по произнесеніи рѣчи), но и въ уста многихъ, *очень многихъ*, просвѣщеннѣйшихъ изъ нихъ, русскихъ дѣятелей и вполнѣ русскихъ людей, *несмотря на ихъ теоріи*, почтенныхъ и уважаемыхъ русскихъ гражданъ". Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было приводить мнѣніе шушеры за мнѣнія всѣхъ „либераловъ". Подобный пріемъ не есть пріемъ добросовѣстный. Признаемся, намъ сомнительно, чтобы даже шушера могла высказать мысль объ „уничтоженіи народа". Не было-ли это сказано г. Достоевскому на смѣхъ?

Словомъ, уши вянутъ.

Итакъ, нашему благополучію мѣшаетъ только Европа и ея наши приверженцы. Но, погодите, „*ваша* Европа рухнетъ", „*завтра же* рухнетъ" (г. Достоевскій повторяетъ это нѣсколько разъ — стр. 4, 36, 37), — и тогда „и вы, гг. доктринеры, можетъ быть, схватитесь и начнете искать у насъ народныхъ началъ"... Попрекнувши г-на Градовскаго Христомъ, авторъ продолжаетъ: „Вы спросите: какіе же могутъ быть у насъ свои общественные и гражданскіе идеалы мимо Европы? Да, общественные и гражданскіе, и наши общественные идеалы — лучше вашихъ европейскихъ, крѣпче вашихъ и даже — о,

ужасъ!—либеральнѣе вашихъ! Да, либеральнѣе, потому что исходятъ прямо изъ организма народа нашего, а не лакейско-безличная пересадка съ запада". Читатель заинтересованъ; онъ ожидаетъ узнать, наконецъ, эти идеалы „и лучше, и крѣпче вашихъ", — но, увы! не узнаётъ. „Теперь я, конечно, не могу объ этомъ распространяться, *ну хотъ* потому одному, что и *безъ того* статья длинна вышла". Отчего это „конечно", отчего г. Достоевскій не можетъ высказать своихъ идеаловъ, — ради которыхъ онъ однако злорадно пророчитъ Европѣ гибель „повсемѣстную, общую и ужасную", ради которыхъ онъ взвелъ столько небывальщинъ на „либерализмъ",—непостижимо; „*ну хотъ*" — вовсе не резонъ, потому что, если ужъ г. Достоевскій не хотѣлъ печатать длинной статьи, то смѣло могъ бы на половину сократить свои филиппики и удѣлить мѣста для изложенія „идеаловъ"...

Въ концѣ г. Достоевскій спохватился: „Скажутъ еще, пожалуй, что я моимъ отвѣтомъ *уничтожилъ весь смыслъ* моей „Рѣчи", гдѣ самъ призывалъ обѣ партіи русскія къ единенію и примиренію и признавалъ законность той и другой". Онъ утверждаетъ, что, напротивъ, смыслъ его „Рѣчи" еще болѣе „закрѣпленъ",—но объ этомъ читатель можетъ самъ составить понятіе, закрѣпленъ ли онъ, или, напротивъ, вмѣсто нѣкоторой примирительности „Рѣчи", въ комментаріяхъ господствуетъ одно раздражительное озлобленіе.

Надо думать, что изложенію идеаловъ будетъ посвященъ слѣдующій годъ „Дневника". Г-ну Достоевскому уже совѣтовали покинуть туманную фразеологію и говорить точнѣе,—иначе думаютъ, что онъ „лавируетъ": съ „крѣпкими идеалами" этого бы не слѣдовало дѣлать. Нѣсколько болѣе точности не мѣшаетъ и въ статистическихъ счетахъ. Авторъ не однажды ссылается на восемьдесятъ милліоновъ *русскаго* народа (именно *русскаю*, потому что рѣчь идетъ о свойствахъ и идеалахъ русской *народности*). Но восемьдесятъ милліоновъ (теперь считаютъ уже девяносто, или за девяносто) составляютъ цифру населенія русской имперіи, а вовсе не русскаго народа, владѣющаго идеалами; въ восьмидесяти или девяноста милліонахъ заключено, кромѣ русской, множество иныхъ народностей, кромѣ православныхъ—милліоны католиковъ, протестантовъ, евреевъ, магометанъ, даже сотни тысячъ язычниковъ. Собственно же *русскаю* народа полагаютъ только тридцать-пять милліоновъ. Кромѣ статистики, желательно, чтобы въ будущихъ разсужденіяхъ г. Достоевскаго не были забываемы элементарные историческіе факты и не былъ совершенно отвергаемъ здравый смыслъ.—В. В.

II.

— *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, какъ писатель. Очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія. Петра *Морозова*. Спб. 1880.

Ѳеофану Прокоповичу посчастливилось въ нашей литературѣ. Въ сороковыхъ годахъ ему посвящена была диссертація Самарина, черезъ тридцать-пять лѣтъ, въ полномъ изданіи сочиненій Самарина, возродившаяся въ своемъ первоначальномъ видѣ,—такъ какъ въ то время былъ, по цензурнымъ причинамъ, допущенъ въ печать только одинъ отдѣлъ диссертаціи. Потомъ, о Ѳеофанѣ трактовалъ въ обширной книгѣ г. Чистовичъ. Теперь является третья, опять большая, книга г. Морозова.

Всѣ три книги могутъ дополнять другъ друга. Всего шире вопросъ поставленъ былъ въ книгѣ Самарина, которая объясняла дѣятельность Прокоповича въ самомъ ея существѣ; г. Чистовичъ представилъ подробную фактическую разработку біографіи Ѳеофана, въ особенности со стороны его практической и политической дѣятельности; наконецъ, г. Морозовъ поставилъ себѣ цѣлью подробное изслѣдованіе Ѳеофана съ литературной стороны.

Ѳеофанъ, безъ сомнѣнія, и могъ требовать такого разносторонняго изученія. Это былъ талантливый человѣкъ, стоявшій на рубежѣ двухъ историческихъ періодовъ; человѣкъ честолюбивый, онъ успѣлъ достигнуть высокаго положенія въ іерархіи и большой силы во внутреннихъ дѣлахъ; въ Петровскія времена онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ сотрудниковъ реформы, которой служилъ своей ученостью, ораторствомъ и литературной дѣятельностью. Во времена „слова и дѣла“, внутренняя политическая борьба переходила въ темную интригу и кончалась въ застѣнкахъ тайной канцеляріи, и историческая роль Ѳеофана оставила много кровавыхъ слѣдовъ. Біографія Ѳеофана составляетъ вообще очень важный и чрезвычайно характеристическій эпизодъ въ исторіи Петра и первыхъ послѣ-петровскихъ временъ. Г. Морозовъ не имѣлъ въ виду ни полнаго жизнеописанія, ни той высшей критики историческихъ принциповъ, которую предпринялъ въ своемъ трудѣ Самаринъ,—онъ остается на почвѣ ближайшихъ фактовъ, и, ограничивая свою задачу литературной стороной предмета, даетъ весьма внимательное изученіе дѣятельности Ѳеофана въ связи съ предшествующей эпохой и съ состояніемъ умовъ въ тогдашнемъ обществѣ.—Книга читается легко—что надо признать немалымъ достоинствомъ, такъ какъ наши ученые обыкновенно не особенно (и не къ пользѣ дѣла) заботятся о доступности своихъ трудовъ для большой публики.

— Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ.—Историко-этнографическое изслѣдованіе Константина Грота. Спб. 1880.

Константинъ Багрянородный есть одинъ изъ важнѣйшихъ средневѣковыхъ писателей, говорившихъ о славянской древности. Безъ справки съ нимъ нельзя изучать древней исторіи болгаръ, сербовъ, хорватовъ, даже русскихъ; относительно многихъ событій онъ единственный источникъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это—писатель, которымъ надо пользоваться съ большой осторожностью: онъ имѣлъ въ рукахъ много свѣдѣній, но у него не было ни критики, ни историческаго дарованія; это — компиляторъ, который не умѣетъ справиться съ своимъ матеріаломъ, и хотя не извращаетъ фактовъ умышленно, но крайне спутываетъ ихъ своей исторической неумѣлостью. Такимъ образомъ, его извѣстія требуютъ каждый разъ критическаго обслѣдованія и провѣрки. Г-нъ Гротъ предпринялъ эту провѣрку для всѣхъ извѣстій, какія встрѣчаются въ сочиненіяхъ Константина Багрянороднаго о славянахъ, и съ большимъ успѣхомъ исполняетъ эту работу, требовавшую немалой начитанности и въ источникахъ, и въ новѣйшихъ историческихъ изслѣдованіяхъ.

Мы имѣли случай говорить о молодой школѣ славистовъ, которая образуется въ петербургскомъ университетѣ и уже успѣла заявить себѣ работами, указывающими на хорошую ученую подготовку. Къ этой школѣ присоединяется теперь имя г. Конст. Грота: названный нами трудъ есть диссертація, премированная факультетомъ въ 1876 году, и теперь изданная съ нѣкоторыми поправками и дополненіями. Мы слышали о новомъ ученомъ трудѣ автора въ той же области, —такъ что наша славянская наука можетъ разсчитывать еще на одного хорошаго работника.—А. А.

III.

— Mittheilungen der Litauischen Literärischen Gesellschaft. I-II. Heidelberg. 1880.

Съ конца прошлаго года не далеко отъ границы Россіи образовалось учено-литературное общество, труды котораго не останутся, конечно, безъ вліянія и въ предѣлахъ Россіи. Мы разумѣемъ „*Литовское литературное общество*“ въ Тильзитѣ. Объ основаніи этого общества были даны только краткія извѣстія въ различныхъ нашихъ изданіяхъ. Теперь передъ нами два выпуска трудовъ его съ текстами памятниковъ народной словесности на литовскомъ языкѣ и со статьями на нѣмецкомъ языкѣ. Эти труды даютъ намъ матеріалъ поговорить нѣсколько подробнѣе о вышеупомянутомъ обществѣ и по поводу его о

литовскомъ народѣ, входящемъ въ составъ населенія Россіи, но почти невѣдомомъ ни нашему обществу, ни даже нашимъ писателямъ.

Племя литовское,—особая вѣтвь арійскаго рода, хотя и наиболѣе родственная славянамъ,—распадается на двѣ группы: на латышскую и жмудско-литовскую, или просто литовскую. Первая живетъ въ Лифляндіи и Курляндіи, въ числѣ около 1.100,000 чел. и въ западной части витебской губерніи, въ числѣ отъ 150 до 200,000 чел. Собственно же литовцы живутъ теперь сплошною массою въ ковенской губерніи и въ западной половинѣ виленской, откуда побѣги ихъ и острова заходятъ въ губернію гродненскую (нѣкогда землю ятвяговъ, по всей вѣроятности, тоже литовскаго рода) и минскую. Изъ ковенской губерніи литовцы заходятъ въ августовскую, которой занимаютъ сѣверную половину. Всего литовцевъ въ Россіи 1.900,000. Кромѣ того около 150,000 литовцевъ сохранились въ Пруссіи около Тильзита и Мемеля, какъ остатки племени пруссовъ, или боруссовъ, которое жило между нижнею Вислою и Нѣманомъ и дало свое имя военному государству нѣмцевъ, его покорившихъ.

Теперь этотъ остатокъ литовцевъ въ нѣмецкомъ государствѣ представляетъ изъ себя исходную точку литературной организаціи, которая не можетъ остаться безслѣдною и для массы племени, живущей въ Россіи и лишенной теперь всякой подобной организаціи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи литовцы въ Россіи находятся въ положеніи крайне невыгодномъ не только сравнительно съ племенами,—которыя были и суть въ своихъ земляхъ независимыми или господствующими, но даже сравнительно съ своими собратами латышами, которые давно подпали господству нѣмецкому. У латышей уже съ 1828 года существуетъ въ Митавѣ литературное общество, и теперь на латышскомъ языкѣ издается одиннадцать періодическихъ изданій,—число тѣмъ болѣе значительное, если мы припомнимъ, что латыши народъ безъ своихъ высшихъ классовъ, и что вся литературная дѣятельность ихъ сосредоточена въ остзейскихъ губерніяхъ: латыши витебской губерніи, католики, находившіеся съ XVI по XVIII в. подъ властью Польши и потомъ перешедшіе прямо подъ власть русскую, почти никакой литературы не имѣютъ. Если взять число періодическихъ изданій въ Россіи по племенамъ, сравнительно съ численностью каждаго,—то окажется, что остзейскіе латыши одно изъ самыхъ литературно-развитыхъ племенъ въ Россіи [1]).

[1]) Вотъ число періодическихъ изданій въ Россіи въ концѣ 1879 г. по счету Россійской Библіографіи: на русскомъ (великорусскомъ) языкѣ 417 (въ томъ числѣ почти половина оффиціальныхъ: министерскихъ, губернскихъ, епархіальныхъ), на польскомъ 54, на нѣмецкомъ 40, на латышскомъ 11, на эстонскомъ 7, на армянскомъ

Конечно, такое превосходство латышей остзейскихъ надъ ихъ витебскими собратьями слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ протестантизму и той относительной свободѣ образованія національныхъ обществъ (литературныхъ, вспомогательныхъ, пѣвческихъ и т. п.), какое существуетъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Тѣ же причины объясняютъ и то, почему 150,000 литовцевъ прусскихъ превосходятъ по своей литературной производительности 1.900,000 литовцевъ въ Россійской имперіи, и почему общество, подобное тильзитскому, образовалось на лѣвомъ берегу Нѣмана, а не на правомъ. Всѣми попытками самостоятельной нравственной дѣятельности на родномъ языкѣ литовцы обязаны протестантскому движенію прямо и косвенно.

Какъ извѣстно, племя литовское, попавши въ страну лѣсовъ, окаймленную съ юга рядомъ болотъ и озеръ, сохранило дольше другихъ арійскихъ племенъ Европы первоначальный бытъ. Въ этомъ быту оно выработало оригинальный религіозный строй, миѳологію и миѳо-героическую поэзію. Но подъ военнымъ натискомъ католицизма нѣмецкаго и польскаго вся эта первобытная культура и словесность литовцевъ разбилась въ XII — XIV в., оставивъ по себѣ только блѣдные слѣды въ крестьянскихъ повѣрьяхъ и пѣсняхъ. Знаменитое литовское княжество XIV—XV в. основалось на территоріи не чисто литовской, а болѣе славянской, чѣмъ литовской, въ Черной Руси (около Новогрудка, тепер. минской губерніи), странѣ, изъ которой вытѣснили ятвяговъ натиски волынской (малорусской) и минской (бѣлорусской) колонизаціи [1]). Въ этомъ государствѣ литовскомъ элементъ литовскій не игралъ никакой культурной роли: знаменитые кодексы, статуты литовскіе,—одни изъ раннихъ опытовъ кодификаціи въ новой Европѣ, — писаны были на языкѣ бѣлорусскомъ, какъ и „литовскія“ лѣтописи. Оффиціальные акты писались на языкѣ бѣлорусскомъ въ Вильнѣ и малорусскомъ на Волыни и въ Кіевѣ. Съ XVI в., особенно послѣ уніи съ Польшей въ Люблинѣ (1569), которая была больше раздѣломъ литовскаго государства, чѣмъ уніей (такъ какъ южныя его провинціи были прямо отрѣзаны къ Польшѣ),

---

7, на татарскомъ и на еврейскомъ по 4, на грузинскомъ 3, на финскомъ 2 (не считая Финляндіи, гдѣ выходитъ 46 изданій почти поровну финскихъ и шведскихъ). Чтобъ составить полное понятіе о литературной производительности племенъ Россіи надо припомнить, что въ Австріи, гдѣ живетъ до 3½ милліоновъ украинцевъ, или малороссовъ,—на ихъ языкѣ выходило 12 періодическихъ изданій. Въ Россіи, въ которой живетъ до 17 милліоновъ украинцевъ, какъ извѣстно, подобныя изданія не дозволены. Кромѣ названныхъ изданій, въ Россіи выходило еще 10 на французскомъ языкѣ и 3 на латинскомъ. Всего 608 (съ Финляндіею).

[1]) Этотъ черно-русскій характеръ государства Витеновичей (Гедиминовичей) недавно показалъ отчетливо проф. Влад. Антоновичъ въ „Очеркѣ исторіи литовскаго княжества“. Кіевъ. 1878.

въ верхнихъ слояхъ государства начинаетъ брать перевѣсъ элементъ польскій. Элементы малорусскій и бѣлорусскій борятся за свое существованіе, пока послѣдній изнемогаетъ въ періодъ опустошительныхъ московско-польско-шведскихъ войнъ XVI — XVIII в. Но элементъ литовскій безмолвствуетъ въ этомъ литовскомъ по имени государствѣ. Въ такой летаргіи застаетъ его реформація, — которая была собственно первою пробою мирной проповѣди христіанства среди литовцевъ. Проповѣдь эта началась въ Пруссіи, которой государи подъ шумъ реформаціи преобразовались изъ магистровъ духовно-рыцарскаго ордена въ свѣтскихъ властителей. Въ 1547 г., Монсвидіусъ переводитъ на литовскій языкъ катехизисъ Лютера; затѣмъ Бреткунасъ переводитъ *Postilla* [1]) и библію (1590), которая, впрочемъ, остается ненапечатанною. Только въ 1660 въ *Лондонѣ* (!) является въ печати литовская библія Хилинскаго [2]). Религіозно-протестантскіе труды были первыми образцами литературы литовской. До тѣхъ поръ магистры прусскихъ рыцарей пробовали запретить употребленіе литовскаго языка (1309). Протестантская проповѣдь пошла успѣшно среди литовцевъ не только въ Пруссіи, но и въ польско-литовскомъ государствѣ. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть естественную реакцію навязанному военною силою католицизму. Для противодѣйствія реформаціи пришлось прибѣгнуть къ ея орудію: литературѣ на народномъ языкѣ. Католическіе духовные, особенно іезуиты, то продолжаютъ преслѣдованіе его даже въ разговорахъ учениковъ, то сами переводятъ на него Postilla (1599), псалмы (1623), печатаютъ на немъ проповѣди (1629). То же самое дѣлается и въ латышской области,—остзейской, и въ польской Ливоніи. Но какъ только прогрессъ реформаціи въ польской Литвѣ былъ остановленъ энергіею іезуитовъ, — такъ и литовскій языкъ опять сталъ обращаться въ забвеніе. Съ другой стороны, и въ самой Пруссіи процессъ германизаціи литвиновъ пошелъ своею дорогою. Впрочемъ, полное забвеніе литовскаго языка образованными классами стало теперь уже невозможно: кромѣ религіи теперь напоминала о немъ научная любознательность. Семнадцатый вѣкъ далъ нѣсколько трактатовъ о языкѣ литовскомъ, — грамматика его и лексиконъ (польско-латинско-литовскій—Ширвида, 1677). Съ

---

[1]) Postilla называли въ средніе вѣка толкованія на слова св. Писанія; отъ словъ *post illa*, т.-е. *послѣ этого* текста.

[2]) Библія Хилинскаго напечатана была только до псалмовъ и скоро сдѣлалась большою рѣдкостью. Теперь она извѣстна только изъ описаній. Въ Вильнѣ были еще ея экземпляры въ началѣ XIX в., но послѣ закрытія университета, они не извѣстно куда дѣлись. Библіи Хилинскаго не нашли ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ, куда поступили части виленской библіотеки, ни въ Англіи, куда виленскія книги, послѣ конфискаціи ихъ, продавались контрабандою.

XVIII в. новое движеніе, заботы о народномъ образованіи, присоединяются къ числу причинъ, вызывающихъ вниманіе къ заброшенному языку. И оно, конечно, сильнѣе проявляется въ Пруссіи, чѣмъ въ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что первые прусскіе короли проявили особаго рода патріотизмъ: изъ желанія освятить новый для нихъ титулъ они обратили вниманіе на *борусскій* элементъ, давшій имъ имя. Король Фридрихъ-Вильгельмъ велѣлъ преподавать по-литовски въ округахъ Мемельскомъ, Гейдекругскомъ, Нидерунгскомъ, Тильзитскомъ, Рагнитскомъ, Пилькаленскомъ, Столупенаускомъ, въ Лабинаускомъ, Инстербургскомъ, Гумбинненскомъ и Гольденскомъ. Это распоряженіе показываетъ границы борусскаго языка еще въ XVIII в. Съ тѣхъ поръ онъ совсѣмъ исчезъ изъ четырехъ послѣднихъ округовъ. По указу короля, назначенъ былъ учитель литовскаго языка при средней школѣ въ Тильзитѣ и устроена литовская семинарія при университетѣ въ Кёнигсбергѣ (1723).

Раздѣлы Польши прибавили Пруссіи литовскаго элемента: вмѣстѣ съ Варшавой, Пруссіи досталась и августовская область, всегда составлявшая часть Литвы, а не Польши. Какъ кажется, въ прусскомъ оффиціальномъ обществѣ мелькнула мысль о покровительствѣ литвинамъ для реакціи Польшѣ. По крайней мѣрѣ, знаменитый Кантъ, профессоръ въ Кёнигсбергѣ, писалъ въ предисловіи къ литовской грамматикѣ Мильке слѣдующія похвалы литвинамъ съ явными намеками на поляковъ: „Литвинъ далеко не такъ раболѣпенъ, какъ другіе народы; онъ привыкъ говорить съ высшими тономъ равенства и довѣрчивой вольности... Литвинъ гордъ безъ наглости, свойственной племени, ему сосѣднему.. Лучше сказать — не гордость, но чувство личнаго достоинства свидѣтельствуетъ о храбрости литвина и въ то же время служитъ порукою его вѣрности“.

Признанный въ церкви и въ школѣ, народный языкъ сталъ больше появляться и въ литературѣ. Конечно, литература эта, обработываемая почти исключительно пасторами и учителями, имѣла религіозный піетистическій характеръ. Піетизмомъ проникнуты и поэтическія произведенія Доналиса или, какъ онъ подписывался, Доналитіуса († 1780), который и до сихъ поръ считается лучшимъ литовскимъ писателемъ. Это былъ пасторъ изъ крестьянъ, который написалъ по-литовски гекзаметрами нѣсколько басенъ и рядъ картинъ изъ мѣстной жизни. „Разсказъ Фридриха о литовской свадьбѣ“, „Благословенія Осени“, „Зимнія заботы“, „Радости Весны“, „Лѣтніе труды“. При жизни автора труды его не были напечатаны, и только въ 1818 году профессоръ Реза въ Кёнигсбергѣ издалъ съ весьма произвольными выправками поэмки Доналитіуса, подъ общимъ именемъ: „Годъ въ четырехъ пѣсняхъ“, съ нѣмецкимъ переводомъ. Въ 1865 году петер-

бургская академія напечатала приготовленное Шлейхеромъ изданіе сочиненій Доналитіуса, съ нѣмецкимъ словаремъ,—но тоже не точно свѣренное съ рукописями. Точное изданіе сдѣлалъ, съ нѣмецкимъ переводомъ и словаремъ, Нессельманнъ—въ 1869 году. Мы бы вышли далеко за предѣлы статьи, если бы вздумали разбирать порознь сочиненія Доналитіуса. Скажемъ только нѣсколько словъ объ ихъ общемъ характерѣ. Знатоки литовскаго языка восхищаются стихомъ литовскаго поэта и ставятъ его очень высоко. Для иностранцевъ эта сторона поэзіи Доналитіуса не существуетъ. Но, несомнѣнно, нѣкоторыя рисуемыя имъ картины жизни литовскаго села — крестьянъ, сельскихъ чиновниковъ и церковниковъ — довольно живы и интересны, особенно въ этнографическомъ отношеніи. Только на всѣхъ сочиненіяхъ литовскаго поэта лежитъ пасторскій колоритъ. Онъ при всякомъ случаѣ морализируетъ и притомъ часто такъ, что трудно сдѣлать выводъ, чего онъ собственно хочетъ. Такой характеръ носятъ даже его патріотическія разсужденія и заявленія симпатіи къ крестьянамъ. Доналитіусъ любитель всего литовскаго, другъ крестьянъ, людей простыхъ и бѣдныхъ, и въ то же время единственныхъ представителей литовской народности. Онъ съ симпатіей говоритъ о томъ времени, когда еще въ Пруссіи не было нѣмцевъ, — но въ то же время не смѣетъ высказать никакой политической независимой идеи, такъ что можно подумать, что его занимаетъ только сохраненіе совершенно внѣшнихъ сторонъ литовскаго быта (одежды, кушаній, языка) отъ нѣмецкаго вліянія, да первобытной сельской простоты и честности — отъ вліянія дурныхъ сторонъ городской жизни. Впрочемъ, Доналитіусъ жалуется не на одно только нѣмецкое вліяніе, но, подобно нѣмецкимъ пасторамъ своего времени, и на французское, и швейцарское. Литовскій поэтъ — другъ крестьянъ, которому больно униженіе ихъ и притѣсненіе господами и чиновниками. Онъ напоминаетъ, что господа не родятся со шпагами, а мужики съ плугомъ. Онъ понимаетъ, какъ трудно мужику безъ земли и лѣса, отобранныхъ казною и господами. Но ни до какой опредѣленной экономической мысли поэтъ-пасторъ не доходитъ,—и, въ виду самой вопіющей неправды экономическаго порядка, онъ находитъ готовое утѣшеніе: „каждому Богъ приготовилъ мѣсто: одинъ, какъ грозный князь, поднимаетъ свой гордый гребень; другой же, бродя въ грязи, сгребаетъ со вздохомъ навозъ“. Собственно популярнаго изданія сочиненій Доналитіуса не было,—а потому трудно судить о томъ, какое вліяніе имѣли бы они на массы народа. Мы думаемъ, что врядъ ли оно пошло бы далѣе возбужденія въ нихъ элементарнаго самоуваженія: „вотъ, молъ, и мы, значитъ, люди, какъ всѣ, если и о насъ книги пишутъ!“ Это очень

немного, но для народовъ, въ такой степени обиженныхъ исторіей, какъ литовцы, и это что-нибудь да значитъ!

Девятнадцатый вѣкъ привелъ съ собою и здѣсь, какъ и вездѣ, вниманіе къ народной словесности, этому наиболѣе цѣнному источнику языка и наиболѣе живой опорѣ литературы. Реза (Rhesa), издавшій стихотворенія Доналитіуса, первый же издалъ и собраніе литовскихъ народныхъ пѣсней съ нѣмецкимъ переводомъ (1825). За нимъ послѣдовали другіе съ образцами пѣсенъ и сказокъ (Куршатъ, Теттанъ и Темме). Наконецъ, Нессельманъ, — тоже собиратель и переводчикъ пѣсенъ (1853)— издаетъ научный лексиконъ литовскаго языка (1850). Оригинальныя формы этого языка, поражающія своею древностью, обратили на него вниманіе сравнительныхъ филологовъ, — и одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ изъ нихъ, Шлейхеръ, сперва профессоръ въ Вѣнѣ, получилъ отъ австрійскаго правительства командировку въ литовскія земли Пруссіи и Россіи для изученія литовскаго языка. Результатомъ поѣздокъ Шлейхера было собраніе сказокъ, пословицъ, загадокъ и пѣсенъ (Lith. Märchen, Sprichworte, Räthsel und Lieder. Wien. 1857) и грамматика съ христоматіей (Lith. Gramatik und Lesebuch. Prag. 1857). Рѣдкій языкъ имѣетъ такъ прекрасно обработанную грамматику, какъ та, которую написалъ Шлейхеръ для литовцевъ. Въ разныхъ германскихъ университетахъ стали послѣ Шлейхера читаться курсы о литовскомъ языкѣ. Между прочимъ, въ Лейпцигѣ ученикъ Шлейхера, профессоръ Лескинъ (Leskien) преподаетъ литовскій языкъ вмѣстѣ съ славянскою и финскою филологіею. Какъ видно по списку членовъ тильзитскаго общества, число любителей литовскаго языка среди учительскаго сословія въ разныхъ мѣстахъ Германіи, отъ Гёттингена и Гейдельберга до Мемеля, довольно значительно. Конечно, наиболѣе всего ихъ въ странѣ, гдѣ еще часть народа говоритъ по-литовски, т.-е. въ Восточной Пруссіи. Изъ 123-хъ членовъ, приступившихъ къ обществу къ 1-му марта 1880 года, людей педагогической профессіи (учителей, профессоровъ, директоровъ и т. п.) было 54, а съ библіотекарями, литераторами и частными учеными 63, духовныхъ—21, чиновниковъ—12, земледѣльцевъ—7, врачей—5, купцовъ—4, книгопродавцевъ — 3. Между членами есть нѣсколько иностранцевъ— больше ученые филологи — одна англичанка. Въ Россіи состоятъ членами: академикъ Куникъ и г. Сырку, въ Петербургѣ, и почетнымъ членомъ — г. Биленштейнъ, предсѣдатель литературнаго общества латышскаго. Въ учено-литературномъ мірѣ извѣстіе объ основаніи литовскаго общества принято съ сочувствіемъ, — послѣ Германіи, особенно въ Англіи. Изъ подобныхъ ему обществъ, въ обмѣнъ съ нимъ вступили сейчасъ же латышское литературное общество въ

Митавѣ, ученое общество эстонское въ Дерптѣ, институтъ Оссолинскихъ въ Львовѣ и др.

Цѣль литовскаго литературнаго общества опредѣлена ясно слѣдующими словами его устава (§ 1): „Л. Л. Общество составляетъ средоточіе для стремленій *сохранить для науки*, посредствомъ собиранія и записи, все, что̀ имѣетъ соприкосновеніе къ Литвѣ и къ литовцамъ—въ языковомъ, историческомъ, этнографическомъ и т. п. отношеніи". Съ этой стороны, какъ новое общество, такъ и постороннія лица сдѣлали и дѣлаютъ не мало. Такъ, между прочимъ, изъ извѣстій общества мы узнаёмъ, что въ настоящее время готовы три словаря литовскаго языка: новая обработка, значительно дополненная, словаря Нессельмана, — литовско-нѣмецкая часть словаря Куршата, а также словарь, собранный г. Юшкевичемъ и представленный въ петербургскую академію наукъ. О первыхъ двухъ, конечно, позаботятся въ Германіи, и прежде всего члены тильзитскаго общества. Третій — по всей вѣроятности, литовско-русскій словарь (по образцу изданнаго петербургской академіей сборничка пѣсенъ того же г. Юшкевича) — рѣшила печатать петербургская академія, но, какъ пишетъ профессоръ гёттингенскій Бецценбергеръ, дѣло остановилось до тѣхъ поръ, пока „*министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой разрѣшитъ, какими буквами печатать слова литовскія: русскими ли, или латинскими, какъ желаетъ академія наукъ и всѣ мы*". Намъ пока неизвѣстно, какъ наконецъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, но вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе состоявшагося еще во время управленія литовскимъ краемъ гр. Муравьевымъ административнаго запрещенія печатать въ Россіи литовскія книги иначе, какъ русскими буквами, хотя все, что̀ до сихъ поръ писалось по-литовски, въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій печаталось латинскими буквами, приспособленными къ литовскому выговору. Такими же буквами, конечно, печатаются всѣ литовскія книги въ Пруссіи и латышскія— въ остзейскихъ губерніяхъ; такъ же напечатала и петербургская академія Шлейхерово изданіе сочиненій Доналитіуса.

Само-собою разумѣется, что даже при желаніи литовскаго общества ограничить всѣ послѣдствія своей работы сохраненіемъ матеріала для кабинетныхъ ученыхъ, работа эта не можетъ не имѣть и практическаго значенія. Число лицъ, для которыхъ литовскій языкъ—не мертвый, а живой, не велико въ Пруссіи, но все-таки эти лица существуютъ и занимаютъ цѣлыя общины. Для нихъ устраиваются не только школы и церкви, но и газеты. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ газета „Keleivis" говорила: „Въ сеймѣ прусскаго королевства поляки предполагаютъ внести предложеніе о допущеніи въ судахъ равноправности польскаго языка съ нѣмецкимъ. Было бы

хорошо, если бы кто-нибудь вспомнилъ и о литвинахъ. Теперь въ нашихъ судахъ говорятъ только по-нѣмецки, а если какой-нибудь литвинъ не говоритъ по-нѣмецки и не можетъ сговориться съ господами судебными чиновниками, то его слова переводятъ на нѣмецкій языкъ, а литвинъ платитъ за издержки на переводъ. Слѣдовало бы установить такой законъ, чтобы за то, что господа судебные чиновники не умѣютъ литовскаго языка (языка населенія), издержки покрывались изъ королевской кассы" (1876 г.). Теперь мы узнаёмъ изъ 1-го выпуска трудовъ тильзитскаго общества, что когда проектъ объ основаніи его былъ напечатанъ въ „Литовской Газетѣ" въ Мемелѣ („Lietuwiszka Ceitunga"), то крестьяне Рагнитскаго округа ждали отъ общества практическаго значенія относительно употребленія литовскаго языка въ жизни и хотѣли призвать помощь общества противъ тѣхъ „нѣмецкихъ учителей", которые, плохо зная языкъ населенія, плохо учатъ его дѣтей.

Впрочемъ, каковы бы ни были практическія послѣдствія научныхъ работъ надъ литовскимъ языкомъ въ Пруссіи, онѣ никогда не могутъ имѣть тамъ большого значенія уже по самой малочисленности литовскаго населенія. Главная масса этого населенія находится въ Россіи, и только здѣсь литовскій національно-литературный вопросъ можетъ получить серьёзное практическое значеніе. И онъ, конечно, получитъ это значеніе, какъ только положеніе западныхъ провинцій Россіи станетъ сколько-нибудь нормальнымъ. Теперь же пока вопросъ этотъ спитъ, какъ спятъ всѣ общественные вопросы въ западномъ краѣ. Между тѣмъ, еще очень недавно, въ эпоху польскаго возстанія 1863 и первыхъ реформъ, которыя должны были устранить на будущее время возможность его повторенія, въ числѣ другихъ вопросовъ поднимался съ разныхъ сторонъ и вопросъ литовскій.

Мы видѣли, какъ послѣ подавленія реформаціоннаго движенія католическое духовенство въ Литвѣ XVII и XVIII в. охладѣло вновь къ литовскому языку, къ которому должно было обратиться вслѣдъ за своимъ противникомъ. Только съ самыхъ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія верхніе ополяченные слои литовскаго общества начинаютъ опять обращать вниманіе на массу народа и ея языкъ. Совершилось это подъ вліяніемъ тѣхъ демократическихъ и романтическихъ вѣяній, которыя характеризовали эту эпоху повсюду, а въ частности какъ результатъ дѣйствія виленскаго университета, созданнаго на мѣсто іезуитской академіи. Въ польскомъ обществѣ Литвы и Бѣлоруссіи стало образовываться своего рода автономистическое стремленіе отъ Польши,—отъ „короны",—которое сказалось на первый разъ большимъ вниманіемъ къ Литвѣ, хотя болѣе къ искусственному, литовско-бѣлорусскому государству, чѣмъ къ литовскому народу собственно.

Во всякомъ случаѣ труды Нарбута, Богуша, Лукашевича,—хотя и весьма не-критическіе, напомнили обществу о существованіи литовскаго элемента въ исторіи и въ жизни. Поэты,—съ Мицкевичемъ во главѣ,—пробовали передать по-польски отголоски сказаній древнихъ *бартниковъ* (бардовъ) и *вайдевутовъ* литовскихъ. Въ то же время піетизмъ даже въ католическомъ духовенствѣ, освобожденномъ отъ іезуитско-ультрамонтанскаго давленія, напоминалъ нѣчто протестантское и заставилъ его вновь обратиться къ народному языку. Начиная съ проповѣдей епископа виленскаго Карповича (1794), идетъ рядъ духовныхъ книгъ на литовскомъ языкѣ до евангелія, въ переводѣ епископа Жмудскаго (Самогитскаго) князя Гедройца, изданномъ библейскимъ обществомъ и посвященномъ императору Александру I. Виленское литературное движеніе первой четверти XIX вѣка пережило даже катастрофу 1830—31 гг. и протянулось до половины сороковыхъ годовъ. Резиденція жмудскихъ епископовъ и жмудской семинаріи, въ которой училось много крестьянскихъ дѣтей, стала центромъ литовской духовной литературы, прозаической и стихотворной. Еп. Волончевскій попробовалъ написать на родномъ языкѣ даже ученое описаніе жмудской епархіи (два тома въ 1846 г.). Въ то же время другіе переводили польскихъ поэтовъ (Юцевичъ), Энеиду (Паскевичъ), писали сатиры, описаніе жизни древнихъ литовцевъ и т. п. Въ 1846 г. Довконтъ издалъ народныя пѣсни Жмуди въ Петербургѣ. Различные польскіе писатели и поэты переводили Доналитіуса и образцы литовскихъ пѣсенъ и сказокъ. Накопленный въ этотъ періодъ времени матеріалъ служилъ для сводовыхъ сочиненій, между которыми замѣчательнѣе другихъ сочиненіе Ярошевича (Obraz Litwy pod względem jeji cywilizacyi. 1844—1845). Эти труды поддерживали въ польскомъ обществѣ память о литовскомъ народѣ.

Слѣдомъ за польскою литературою обратили вниманіе на литовскій народъ и нѣкоторые русскіе писатели, которыхъ служба привела въ виленскій округъ,—напр. П. Кукольникъ (Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа. 1854), г. Боричевскій (Свѣдѣнія о древнихъ литовцахъ и др.).

Впрочемъ, труды эти мало читались и скоро сдѣлались библіографическою рѣдкостію. Изъ трудовъ на русскомъ языкѣ позднѣйшаго періода имѣютъ значеніе только—Юшкевича, о литовскихъ діалектахъ въ запискахъ академіи наукъ (1857), и г. Костомарова, о литовской народной поэзіи.

Наступило время польскаго политическаго движенія 1861—1864 гг. Попытки поставить польскую революцію на почву исторической уніи съ Литвою и придать ей народный характеръ должны были заставить, по крайней мѣрѣ болѣе демократическіе элементы польскихъ

революціонеровъ, взяться и за литовскій языкъ: на этомъ языкѣ появились повстанскіе гимны и нѣсколько прокламацій. Въ періодъ демонстрацій варшавская молодежь Главной школы требовала открытія каѳедры литовскаго языка въ столицѣ Польши. Жмудскіе крестьяне, собственно мало расположенные къ польскому дворянству,— по ихъ пословицѣ: „панъ не братъ",—тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ усердно поддерживали повстанье въ качествѣ усердныхъ католиковъ. На русской сторонѣ у болѣе дальновидныхъ людей явилась мысль разорвать эту связь Литвы съ традиціями Польши посредствомъ покровительства стремленіямъ къ самостоятельной національной жизни литовцевъ, какъ эти стремленія проявились уже въ Пруссіи. Такова по крайней мѣрѣ идея статьи Гильфердинга: „Литва и Жмудь". Какъ человѣкъ московской славянофильской школы, Гильфердингъ, конечно, не забываетъ прежде всего вѣроисповѣднаго вопроса: онъ желалъ бы противоставить жмудскому католицизму не прусскій протестантизмъ, а наше православіе, и для этого хочетъ перевода на литовскій языкъ православнаго богослуженія, — котораго однакожъ не рѣшается навязывать населенію административными мѣрами. За то онъ настаиваетъ на введеніи преподаванія на литовскомъ языкѣ въ первоначальныхъ школахъ, въ которыхъ считаетъ нужнымъ обучать и русскому языку, какъ одному изъ главныхъ предметовъ. Литовскій языкъ долженъ, по мнѣнію Гильфердинга, преподаваться и въ среднихъ школахъ виленской, ковенской и августовской губерній. Наконецъ, въ университетахъ петербургскомъ, московскомъ и кіевскомъ Гильфердингъ совѣтуетъ открыть каѳедры литовскаго языка. Впрочемъ, предлагая подобный способъ противодѣйствія польскому сепаратизму въ Литвѣ, Гильфердингъ самъ чувствовалъ, какъ мало онъ соотвѣтствовалъ нашимъ общимъ мѣрамъ и съ сомнѣніемъ самъ спрашивалъ: „Но обратимъ ли мы дѣйствительно серьёзное вниманіе на литовское племя? Или оно, на минуту введенное на сцену польскимъ возстаніемъ, снова скроется въ прежней своей безвѣстности, заслоненное отъ нашихъ глазъ польскимъ шляхетствомъ и россійскимъ чиновничествомъ?"

Опасенія Гильфердинга сбылись, и очень скоро. Съ польской революціонной стороны, послѣ усмиренія возстанія 1863—64 г., мы можемъ назвать только одну попытку продолжать агитацію на литовскомъ языкѣ,—а именно, изданную въ 1870 г. въ Парижѣ программу газеты „Zmowa" (*Kupos susitarimás.—Hromadzkij showor*), которая должна была выходить по-польски, по-литовски и по-украински. Но изданіе кончилось на программѣ. Съ русской стороны только одинъ актъ былъ составленъ въ томъ широкомъ духѣ, какого желалъ онъ для политики по отношенію къ племенамъ старой Польши и

Литвы: уставъ о школахъ народныхъ въ царствѣ польскомъ 1864, основанный на строгомъ примѣненіи принципа національностей, во имя котораго польскіе политики 1863 года требовали возстановленія польскаго государства и которымъ теперь политики русскіе думали разложить старую Польшу. По вышеупомянутому уставу въ школахъ губерніи августовской предполагалась дать широкое употребленіе литовскому языку. Но очень скоро Гильфердингова система „разложенія Польши ея же оружіемъ", т.-е. принципомъ національностей, уступила верхъ системѣ „обрусенія",—съ одобренія самихъ друзей Гильфердинга. Литовскій языкъ и въ царствѣ польскомъ, а особенно въ западныхъ губерніяхъ, впалъ едва ли не въ бо́льшее забвеніе,—тѣмъ болѣе, что въ это время вышло распоряженіе, запрещавшее печатаніе даже частныхъ литовскихъ книгъ обычными латинскими буквами, а не кирилицею, наскоро приспособленною къ литовскому языку. Такою кирилицею и теперь время отъ времени печатаются нѣкоторыя литовскія книжки въ Вильнѣ, преимущественно духовныя. Но книгамъ этимъ приходится выдерживать конкурренцію съ латинскимъ шрифтомъ печатаемыми книгами,—преимущественно молитвенниками,—которыя ввозятся контрабандою изъ Пруссіи. Такимъ образомъ, Пруссія, отъ которой можно было ожидать анти-католическаго и даже анти-польскаго вліянія на Литву, сдѣлавшись убѣжищемъ привычнаго литовскому населенію шрифта, невольно сдѣлалась источникомъ ультрамонтанской литовской печати для Россіи. Проникаетъ ли черезъ Нѣманъ протестантская и свѣтская печать литовская,—судить трудно. По всей вѣроятности, она не остается вовсе безъ вліянія и по сю сторону границы. Во всякомъ же случаѣ, по наблюденіямъ очевидцевъ, въ литовскомъ населеніи и въ Россіи пробудилось уже сознаніе своей національной индивидуальности. Крестьяне ковенской и виленской губерній, даже въ мѣстахъ, которыя сочувствовали польскому возстанію 1863, теперь начинаютъ открыто высказываться, что они не поляки, и что имъ нѣтъ повода бороться за Польшу. Но въ то же время они не могутъ признавать себя и русскими. Обрусѣть въ такой степени, какъ онѣмечено населеніе бо́льшей части восточной Пруссіи, литвины ковенскіе и виленскіе не могутъ. Первые онѣмечены далеко не одними государственными мѣрами,—и всего менѣе запрещеніями или стѣсненіями для національнаго языка, а главнымъ образомъ вслѣдствіе колонизаціи, издавна направляющейся изъ гуще населенныхъ западныхъ земель. Великороссійскія губерніи лежатъ слишкомъ далеко отъ Литвы, и съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ прекратились острыя гоненія на раскольниковъ, и съ тѣхъ поръ, какъ все равно и Литва подошла подъ русскіе законы о разновѣріяхъ, великорусская колонизація въ Литву прекратилась. Бѣлорусская колонизація въ

Литву тоже невозможна, такъ какъ бѣлорусскія губерніи теперь сами бѣднѣе населены, чѣмъ Литва: въ минской губерніи 590 ч. на кв. милю, въ витебской—952, а въ виленской—1,167, въ ковенской—1,429. Обученіе русскому языку въ школахъ, даже при обязательности обученія, которая теперь не существуетъ, слишкомъ кратковременно въ нашей крестьянской средѣ, чтобъ заглушить собою языкъ семьи и всей народной жизни литовскаго народа. Школа сама только оказывается оторванною отъ этой жизни, отвергши посредство живого народнаго языка. Рано или поздно школѣ придется сблизиться съ народной жизнью посредствомъ ея языка,—и тогда-то ей окажутся драгоцѣннымъ пособіемъ матеріалы въ родѣ тѣхъ, какіе накопляетъ *Тильзитское литовское литературное общество.*—К. В.

ЗАМѢТКА.

По поводу вопросовъ о преобразованіи нашихъ школъ *).

Въ теченіи тридцади лѣтъ вѣдаюсь я со школами,—различныхъ разрядовъ, разныхъ вѣдомствъ, въ разныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Сколько перемѣнъ и измѣненій, дополненій и сокращеній, акцій и реакцій! Что запрещалось сегодня, поощрялось завтра; что ставилось въ обязанность въ одномъ мѣстѣ, — считалось порокомъ въ другомъ; на вопросы родителей и учащихся,—что будетъ завтра, —никто изъ состоящихъ при школахъ не могъ отвѣчать! Учебныя заведенія переводились изъ ранга въ рангъ, изъ спеціальности въ спеціальность, изъ города въ городъ. Какихъ это стоило денежныхъ жертвъ,—можно еще сосчитать по отчетамъ, хотя и трудно; но кто опредѣлитъ тотъ разладъ въ молодыхъ головахъ, который въ нихъ образовывался и кто исчислитъ ту громадную нравственную порчу, которая явилась слѣдствіемъ этого разлада? Болѣе, чѣмъ какое-

*) Въ виду возникающихъ снова вопросовъ о постановкѣ нашего школьнаго дѣла, отъ высшаго и до низшаго, получаютъ особенный интересъ положенія, выставляемыя въ этой статьѣ педагогомъ, имѣющимъ за собой многолѣтній серьёзный опытъ. Мы имѣемъ въ виду возвратиться къ нѣкоторымъ поставленнымъ здѣсь заключеніямъ.
Ред.

нибудь другое—школьное дѣло требуетъ устойчивости (не неподвижности, конечно), потому что гдѣ нѣтъ правилъ, тамъ является произволъ, а произволъ съ одной стороны непремѣнно вызываетъ произволъ съ другой.

Если же принять во вниманіе всѣ видѣнныя мною перемѣны,—повторяю: не въ одномъ какомъ-нибудь вѣдомствѣ и не въ одной какой-либо школѣ,—то непремѣнно придемъ къ заключенію, что мотивами измѣненій служили скорѣе личные вкусы, фаворитизмъ, забота о личномъ авторитетѣ или популярничанье, а никакъ не твердая руководящая идея.

А между тѣмъ эта руководящая идея была дана послѣ крымской войны; она была дана Пироговымъ въ „Вопросахъ жизни“,—идея не новая, идея Руссо: *сдѣлайте сначала человѣка, а потомъ спеціалиста*, и много заведеній было преобразовано; но вдругъ—обратное теченіе: *давайте намъ образованіе, которое мы могли бы примѣнить къ жизни.* И такъ какъ не было дано возможности выяснить: чего же собственно требуетъ жизнь,—кто въ ней хорошій, прочный, надежный дѣятель,—то въ каждомъ данномъ случаѣ вопросъ рѣшался случайно, произвольно, вслѣдствіе личныхъ видовъ преобладающей въ ту минуту стороны.

Если близкое отношеніе къ школамъ дѣлало меня непосредственнымъ свидѣтелемъ этихъ перемѣнъ, то другое, тоже близкое отношеніе къ нашимъ хозяйственнымъ вопросамъ, давало мнѣ постоянно въ руки масштабъ, по которому можно было судить, въ какой мѣрѣ наши школы—наши практическія школы—пригодны для практическихъ цѣлей нашей страны.

Долго я воздерживался отъ публичнаго обсужденія общихъ вопросовъ школьнаго дѣла; но вижу, что практическіе недостатки нашихъ практическихъ школъ растутъ; лица, ими руководящія, избѣгаютъ обсужденій, и наконецъ въ первомъ сообщеніи, сдѣланномъ въ Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ въ мартѣ 1879 г. [1]), я изложилъ свои взгляды на правильную постановку, общественное значеніе и экономическую сторону техническаго образованія. Въ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1880 г. [2]), я коснулся и подготовки къ техническимъ школамъ, слѣдовательно общеобразовательныхъ школъ. Продолжать эти сообщенія я буду въ состояніи только во второй половинѣ нынѣшняго зимняго сезона, и потому позволяю себѣ передать здѣсь, для публичнаго обсужденія, нѣсколько основныхъ положеній, подробнѣе развитыхъ въ тѣхъ

---

[1]) Напечатано въ Трудахъ Коммисіи по техническому образованію. 1878—1879 г.

[2]) Выйдутъ въ октябрѣ въ Запискахъ И. Р. Т. общества.

сообщеніяхъ,—здѣсь же передаю ихъ въ нѣсколько догматической, сухой формѣ:

1) *Всѣ школы страны должны быть такъ организованы и такъ между собою согласованы, чтобы былъ правильный и естественный переходъ изъ низшихъ въ высшія и чтобы каждый находилъ себѣ въ школѣ подготовку для своей практической дѣятельности, сообразно своей способности, желанію и возможности пользоваться школой.*

2) *Спеціализація учащихся опредѣляется степенью ихъ способностей и необходимостью болѣе ими менѣе рано прекратить школьное образованіе. Для могущихъ же его продолжать,—спеціализація должна быть допущена только по окончаніи средняго образованія.* Въ силу этого, я рѣшительно отвергаю дѣленіе гимназій на классическія и реальныя, также точно, какъ не могу признать среднее общее образованіе полнымъ, если изъ него будутъ исключены древніе языки или естествознаніе; но знакомство съ древними языками (авторами) и исторіей достаточно можетъ быть пріобрѣтено въ 4-хъ верхнихъ классахъ гимназій, а потому преподаваніе древнихъ языковъ должно быть вовсе исключено изъ 3-хъ низшихъ классовъ, которые къ тому же должны быть отдѣлены отъ гимназій въ видѣ особыхъ школъ (прогимназій или городскихъ училищъ). Эти школы должны давать только общее образованіе, пригодное какъ для тѣхъ, которые потомъ пойдутъ въ гимназіи, такъ и для тѣхъ, которые *принуждены* будутъ или вовсе оставить школу, или же перейти въ *профессіональныя* школы (духовныя, коммерческія, техническія, земледѣльческія и т. п.).—Согласно съ этимъ въ прогимназіяхъ (куда вступаютъ изъ начальныхъ школъ—10-ти лѣтъ) проходятъ: законъ Божій, русскій языкъ, математику, естествознаніе, исторію и географію, рисованіе, а какъ необязательные предметы—новые языки, искусства, рукодѣлія и ремесла.

Для тѣхъ, которые не могутъ вступить и въ прогимназіи (или городскія школы), долженъ быть распространенъ курсъ начальной школы (соотв. двухклассныхъ сельскимъ школамъ) и открыты низшія техническія и сельско-хозяйственныя школы.

3) Высшее образованіе есть уже, по своему существу, образованіе *спеціальное;* университетскіе факультеты суть такого же рода (не вида) спеціальныя школы, какъ технологическій институтъ и проч. Они должны прежде всего озаботиться приготовленіемъ значительной, требуемой практикой, массы *нравственно-взрослыхъ* и *развитыхъ, трудолюбивыхъ и честныхъ*, но *неисключительныхъ* дѣятелей; окончательно, спеціальность ихъ (т.-е. будетъ ли изъ химика газовый техникъ или винокуръ и т. п.) опредѣляется впослѣдствіи на практикѣ; поэтому преподаваніе спеціальныхъ наукъ должно быть на-

столько *элементарное*, чтобы ограничиваться подготовкой, даваемой средними учебными заведеніями, и настолько *общее*, чтобы не затруднять учащихся множествомъ деталей; въ той спеціальности, которую они впослѣдствіи изберутъ, они лучше изучатъ ихъ при чтеніи и на практикѣ; въ другихъ же спеціальностяхъ, знаніе этихъ деталей для нихъ безполезно, скоро изгладится изъ памяти и, во время курса, только развлечетъ вниманіе. Для *спеціалистовъ*, желающихъ изучить свой предметъ глубже, научнѣе, могутъ быть учреждаемы *особыя академіи, семинаріи* и т. п., послѣ того, какъ они успѣшно прошли первую ступень высшаго образованія и, потомъ, ознакомились съ практикой. *Лучшихъ* нужно выбирать изъ *хорошихъ*, а не ждать, чтобы всѣ хорошіе сдѣлались лучшими. Какъ на примѣръ для подражанія, я указалъ на *школы военно-инженернаго* и *артиллерійскаго вѣдомства;* какъ на примѣръ, котораго должно избѣгать, на *французскій политехническій институтъ;* нахожу также излишнимъ продленіе курса технологическаго института или института путей сообщенія до 5-ти лѣтъ, и считаю трехлѣтній курсъ достаточнымъ для большинства техниковъ.

4) По отношенію къ вступающимъ въ нее, школа должна держаться двухъ основныхъ правилъ: 1) *не заманивать синекурами*, дѣлая изъ ученья что-то въ родѣ аферы для проживанія на чужой счетъ; 2) *не закрывать дверей для желающихъ и способныхъ*, на томъ основаніи, что спеціалистовъ по той или другой спеціальности и безъ того довольно; администрація не можетъ имѣть никакихъ твердыхъ данныхъ, чтобы нормировать число спеціалистовъ, нужныхъ для страны. Стипендіи же платятся народомъ, и потому могутъ быть выдаваемы не иначе, какъ *условно*.

5) Направленіе школъ не можетъ быть рѣшаемо въ стѣнахъ канцелярій или узкихъ коммиссій; *для всего общества важно, какихъ слугъ оно отъ своихъ школъ получаетъ*.

6) Переходя къ вопросу, на который у насъ уже часто указывали, объ *излишнемъ обремененіи учащихся*, я указалъ, что школа должна давать учениковъ, конечно, развитыхъ и знающихъ, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здоровыхъ, бодрыхъ, не истомленныхъ, сохранившихъ любознательность и свѣжесть мысли. Поэтому, прежде, чѣмъ опредѣлять число часовъ занятій, я старался, распредѣливъ весь день ученика (сонъ, ѣда, прогулка, отдыхъ), вывести, сколько у него остается времени для ученья, и нашелъ, *что въ прогимназіи на это остается 7* (въ томъ числѣ дома 2 часа), *а въ гимназіи — 9 часовъ* (дома—3 часа); *въ теченіи двухъ дней въ недѣлю не должно быть послѣобѣденныхъ занятій, а на воскресенья ни подъ какимъ видомъ не должны быть задаваемы уроки* (для всѣхъ); такимъ обра-

зомъ, для ученья удѣляется въ прогимназіи 38, а въ гимназіи—48 часовъ въ недѣлю (изъ нихъ дома — 12 и 18); въ школѣ не должно быть уроковъ болѣе 26 и 30 час. въ недѣлю, но изъ нихъ по 6 час. должно быть отдано для необязательныхъ предметовъ и графическихъ искусствъ, слѣдовательно — для обязательныхъ научныхъ предметовъ не должно быть болѣе *20* и *24* часовъ (въ прогимназіи и гимназіи).

7) По отношенію къ методамъ преподаванія, отдавая справедливость новой школѣ во введеніи *наглядности*, въ желаніи возбудить *интересъ* въ ученикахъ, въ *смягченіи нравовъ*, отъ которой школьная дисциплина, сколько извѣстно, не пострадала,—нельзя не отмѣтить увлеченій,—въ стремленіи *развивать*, пренебрегая хорошимъ *усвоеніемъ* узнаннаго и умѣньемъ *выполнять* заданное отчетливо; это увлеченіе, которое особенно замѣтно на преподаваніи ариѳметики и отечественнаго языка (между прочимъ, на сочинительствѣ), пагубно не только потому, что ученики не умѣютъ работать правильно, но въ особенности потому, что, непріученные отвѣчать за ошибки (отъ небрежности, невнимательности), они и въ жизни являются ненадежными дѣятелями; это усиливается тѣмъ преувеличеннымъ значеніемъ, какое молодые люди нынѣ придаютъ *личности*, — не какъ носительницѣ и выполнительницѣ извѣстной идеи и обязанностей по отношенію къ обществу, но какъ къ представительницѣ цѣлаго ряда правъ, не подлежащихъ даже заработыванію, а требующихъ удовлетворенія; служеніе идеаламъ убито и замѣнено служеніемъ своимъ, часто перемѣннымъ, вкусамъ и стремленіямъ. Однимъ изъ средствъ противодѣйствовать этому злу является, кромѣ возвращенія къ тѣмъ пріемамъ старой школы, которые развивали *усидчивость*, *привычку къ труду* и *дисциплинировали волю* (для чего *битье* вовсе не нужно, въ правильно устроенной школѣ), — еще развитіе *эстетическаго образованія* въ широкомъ смыслѣ (т.-е. не однимъ рисованіемъ, а тѣмъ менѣе черченіемъ), на что въ послѣднее время не обращается вовсе никакого вниманія.

8) Указавъ на вредныя увлеченія новой школы, ведущія, между прочимъ, къ крайнему истощенію учителей и учительницъ,—я указывалъ и на то, что она остановилась на полдорогѣ въ проведеніи своихъ хорошихъ сторонъ и желалъ бы болѣе *смѣлаго проведенія эпизодическаго преподаванія исторіи и географіи*, съ опущеніемъ массы ненужнаго (по физической географіи Африки въ учебникѣ г. Пуликовскаго—146 названій!!), а въ естествознаніи—*широкаго и правильнаго развитія экскурсій* (о чемъ подробнѣе говорилъ въ третьемъ общемъ собраніи прошлогодняго съѣзда естествоиспытателей, гдѣ указывалъ на необходимость развитія естествознанія въ народныхъ

школахъ, какъ на средство увеличить производительность страны, причемъ ссылался на французскія народныя начальныя школы).

Я убѣжденъ, что указанными средствами общеобразовательныя учебныя заведенія дѣйствительно достигнутъ ожидаемой отъ нихъ цѣли, т.-е. дадутъ молодыхъ людей здоровыхъ, свѣжихъ и бодрыхъ духомъ, трудолюбивыхъ и любознательныхъ, которымъ ученье не опротивѣло.

9) Въ дополненіе къ сказанному объ образованіи спеціалистовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (т.-е. сокращеніе спеціальныхъ курсовъ для массы слушателей и болѣе элементарное, чѣмъ нынѣ, изложеніе), прибавлю, что постоянныя жалобы нашихъ фабрикантовъ и сельскихъ хозяевъ на *непригодность нашихъ ученыхъ спеціалистовъ*, также жалобы послѣднихъ, что имъ *не даютъ занятій* на практикѣ,— совершенно основательны, и не прекратятся до тѣхъ поръ, пока наши высшія учебныя заведенія не спустятся съ тѣхъ эеирныхъ сферъ, въ которыхъ они *хотятъ* витать, на нашу землю, въ нашу скорбную юдоль и не поймутъ, что практика требуетъ отъ техника гораздо менѣе, чѣмъ даютъ (или *хотятъ дать*) разнообразныхъ знаній, но гораздо болѣе нравственной выдержки, трудолюбія, внимательности и способности *тянуть лямку*. Самый отличный школьный спеціалистъ—на практикѣ неумѣлый ученикъ.

10) Въ подробности о низшемъ и среднемъ техническомъ образованіи входить здѣсь не буду; направленіе, какое должно быть придано низшимъ школамъ, по моему мнѣнію, ясно изъ дѣятельности устроенныхъ мною школъ Императорскаго русскаго техническаго общества и изъ работъ, бывшихъ подъ моимъ предсѣдательствомъ коммиссій по низшимъ сельско-хозяйственнымъ школамъ (въ Вольномъ эконом. об.) и по женскимъ профессіональнымъ школамъ. Въ главныхъ чертахъ, сущность дѣла можетъ быть изложена такъ: спеціальныя школы должны брать по возможности учениковъ изъ *другихъ, общихъ школъ;* но онѣ не могутъ совершенно избавить себя отъ продолженія *общаго образованія* (примѣръ: нѣмецкія Vortbildungsschulen);—школы эти, какъ назначаемыя для будущихъ рабочихъ и мастеровъ, *должны обучать дѣлу на настоящей практикѣ*, въ условіяхъ правильной работы малолѣтнихъ въ мастерскихъ и заводахъ; — съ изданіемъ, впрочемъ, закона о работѣ малолѣтнихъ (о чемъ въ свое время хлопоталъ не мало), значеніе *ремесленныхъ школъ упадетъ:* онѣ замѣнятся *полуденными* школами;—даваемыя ученикамъ работы должны имѣть *практическое примѣненіе*, и по возможности быть *оплачиваемы;*—обученіе въ этихъ школахъ *не должно быть продолжительное* (2—3 года), потому, что онѣ не могутъ приготовить настоящихъ готовыхъ мастеровъ;—для послѣднихъ, по многимъ спеціальностямъ,

могутъ быть учреждены *другія школы*, особаго типа, въ которыя принимаются ученики, уже знакомые съ дѣломъ на практикѣ.

11) Такъ какъ житейскія обстоятельства очень многихъ лишаютъ возможности получить образованіе въ теченіи школьныхъ лѣтъ, — то вездѣ должны быть устроены вечерніе и воскресные *курсы*,—для желающихъ дополнить свое образованіе.

12) Наконецъ, я указывалъ на необходимость пересмотрѣть бюджетъ многихъ школъ: такія явленія, что въ одномъ высшемъ заведеніи обученіе стóитъ съ небольшимъ 213 р., а въ другомъ—1,200 и 1,500 р.—не нормальны.

Евг. Андреевъ.

ВЯТСКОЕ ЗЕМСТВО.

— Журналы вятскихъ губ. земскихъ собраній, доклады и отчеты губ. управы. Вятка, 1867—1879.
— Доклады уѣздныхъ управъ и журналы уѣздныхъ собраній вятскаго, сарапульскаго, глазовскаго, котельничскаго, нолинскаго, уржумскаго, малмыжскаго, яранскаго, слободскаго, орловскаго. Вятка и Казань, 1867 — 1878.
— Изслѣдованіе экономическаго быта населенія сѣверной части вятской губерніи, В. И. Заволжскаго. В. 1871.
— Статистическое описаніе вятской губерніи, Спасскаго, 1874.
— Народное образованіе въ вятской губерніи за 10 лѣтъ. Изд. вятск. губ. земства. В. 1875.
— Статистическое описаніе орловскаго уѣзда, вятск. губ. Сост. вятск. губ. земск. статистикъ Н. Романовъ. В. 1876.
— Движеніе народонаселенія въ орловскомъ уѣздѣ. Сост. свящ. Н. Н. Блиновъ. Изд. вятскаго земства. В. 1877—и мн. друг.

I.

Вятское земство по своему составу очень походитъ на сосѣднее съ нимъ, пермское. Помѣщиковъ въ краѣ чрезвычайно мало, и даже землевладѣльцевъ средней руки, съ цензомъ достаточнымъ для выборовъ въ мировые судьи, въ губерніи всего 124, а въ уѣздахъ—въ нолинскомъ 1, орловскомъ 2, котельническомъ 4, вятскомъ 6, слободскомъ 7, сарапульскомъ 9, самое бóльшее — въ глазовскомъ и малмыжскомъ по 27. Представителей крупныхъ горнозаводчиковъ,

играющихъ довольно видную роль въ пермской губ., въ вятскомъ краѣ нѣтъ, и потому, какъ земскія собранія, такъ и управы состоятъ почти исключительно изъ крестьянъ, купцовъ, чиновниковъ, мѣщанъ и т. д. Земскія губ. собранія 2-го трехлѣтія, напр., состояли изъ 14 купцовъ, 2 крестьянъ, 2 мѣщанъ, 3 священниковъ, 17 чиновниковъ, а 4-го трехлѣтія изъ 11 купцовъ, 8 крестьянъ, 2 священниковъ, 16 чиновниковъ и 1 дворянина. Уѣздныя собранія еще болѣе простонародны по своему составу; напр., въ глазовскомъ 1-го трехлѣтія было 3 чиновника, 4 купца, 5 священниковъ и 22 крестьянина; управа 2-го трехлѣтія подъ предсѣдательствомъ чиновника состояла изъ 2 крестьянъ и 1 мѣщанина. Понятно, что крестьяне въ роли членовъ управъ или дѣятельныхъ гласныхъ — не простые крестьяне, а торговые и промышленные, зажиточные, грамотные и т. д.

Кромѣ купцовъ и крестьянъ въ вятскомъ земствѣ, какъ и въ пермскомъ, важную роль играютъ чиновники, какъ, напр., депутатъ горнаго вѣдомства. Обязанности его по выдачѣ владѣнныхъ записей бывшимъ крестьянамъ горнаго вѣдомства уже покончены; въ составѣ новыхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ такіе депутаты не полагаются; и вотъ, ранѣе земство, а затѣмъ уже самъ отъ себя губернаторъ вносили, куда слѣдуетъ, ходатайство объ уничтоженіи этой должности и избавленіи земства отъ расхода; но удовлетворительнаго разрѣшенія не получалось. На несчастіе земства, этотъ депутатъ получаетъ чины и, вслѣдствіе того, „содержаніе“ его становится земству все дороже, съ двухъ тысячъ рублей оно возросло болѣе чѣмъ до трехъ тысячъ рублей. Зная это, мы поймемъ желаніе земства—если ужъ имѣть депутата отъ горнаго вѣдомства, то съ небольшимъ чиномъ, чтобъ не тратить лишнія деньги.

Въ числѣ членовъ управъ мы видимъ трехъ служащихъ лѣсничихъ, а въ числѣ гласныхъ даже правителя губернаторской канцеляріи. Земская служба считается вообще выгодною. „Изъ желанія, говоритъ одинъ мѣстный обозрѣватель, получить тысячный окладъ, пускается въ ходъ все, что только возможно. Въ котельническомъ уѣздѣ члены управы, вѣроятно, войдя въ соглашеніе съ непремѣннымъ членомъ крестьянскаго присутствія, въ двухъ выборныхъ участкахъ, не пожалѣли для выборщиковъ не только вина, но и денегъ. Дѣло такъ и прошло бы безслѣдно; но нѣкоторые изъ крестьянъ были „обижены“ и явились къ становому приставу съ заявленіемъ, что вотъ-де членъ управы обѣщалъ всѣмъ имъ выдать по пяти рублей, а между тѣмъ такіе-то получили, а насъ обманули. Далѣе обнаружилось, что передъ выборами большая часть крестьянъ такъ упилась въ ближайшемъ лѣску, что къ началу выборовъ не поспѣла. Отрезвившись нѣсколько, но

все еще пьяные, крестьяне явились для подачи голосовъ за кого они желали; но непремѣнный членъ приказалъ запереть двери соборной избы. Однимъ словомъ, произошелъ скандалъ. По дознанію обнаружилось, что подкупъ былъ несомнѣнно, и уѣздное земское собраніе не имѣло представителей изъ двухъ большихъ участковъ уѣзда. Нечего и говорить, что въ котельническомъ уѣздѣ дѣйствовали люди неумѣлые. Другое дѣло, если начнутъ заботиться о подборѣ гласныхъ люди культурные; тогда въ земскихъ собраніяхъ уже несомнѣнно являются лѣсничіе не по назначенію только, а и по выбору, мировые судьи, доктора, секретари управъ, даже бухгалтеры и т. д. Подобными путями и протираются въ земство „люди безъ всякаго образованія, бывшіе волостные писаря да городничіе". Въ сарапульскомъ земствѣ просто-на-просто кулаки, снабжающіе земство своими деньгами за приличные проценты. Пристроившись къ земскому дѣлу, подобные господа бо́льшею частію ведутъ его какъ хотятъ, потому что масса гласныхъ стоитъ въ самыхъ патріархальныхъ отношеніяхъ къ нимъ. „Здѣшнее земство, говоритъ, напримѣръ, малмыжскій корреспондентъ, самое замѣчательное во всей вятской губерніи: половина его волостей остается безъ школъ; учителя здѣсь обязаны заявлять о нуждахъ училищъ за $1^1/_2$ года впередъ; гласные имѣютъ право раскрывать ротъ, при обсужденіи какихъ-либо вопросовъ въ собраніи, только три раза; мировые судьи, занимающіеся болѣе винокуреніемъ и хандлеваніемъ, живутъ въ своихъ участкахъ по недѣлѣ въ мѣсяцъ, проводя остальное время въ другой губерніи и совершая эти прогулки на добрыхъ земскихъ лошадкахъ; врачи выписываютъ телятъ изъ Казани; члены управы по 15 разъ на годъ навѣщаютъ своихъ присныхъ, проживающихъ въ казанскомъ уѣздѣ и, покупая *кстати* для канцеляріи дюжину стальныхъ перьевъ и кусокъ резины, ставятъ, „при семъ удобномъ случаѣ", свои поѣздки на счетъ безгласныхъ мужичковъ. Собраніе, обнаруживши растрату денегъ въ управѣ и найдя, что больница построена изъ стараго, сгнившаго лѣса, отпускаетъ ей наградныя деньги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказывается благодарить архитектора за его экономію 350 р. изъ 400".

До чего иногда доходитъ здѣсь патріархальность, можно судить по слѣдующему факту: предсѣдатель одного собранія предлагаетъ ревизіонной коммиссіи представить собранію результаты своей дѣятельности, но „гласный Л. объяснилъ на это, *что занятій въ коммиссіи никакихъ не было, такъ какъ коммиссія увѣрена въ добросовѣстности управы*". Или вотъ, предсѣдатель другой управы заявляетъ собранію, „что веденная имъ книга о приходѣ и расходѣ денегъ по постройкѣ больничныхъ помѣщеній со вчераш-

няго дня потерялась. Членъ отъ казны М. заявилъ, что онъ *видѣлъ* эту книгу и *замѣтилъ*, что противъ каждаго расхода денегъ въ полученіи ихъ имѣлась росписка и что итожная цифра въ представленномъ при докладѣ управы отчетѣ по этому предмету съ книгою и оправдательными расходными документами вѣрна. Постановили: отчетъ и означенные выше документы (??) скрѣпить". По семейному, значитъ,—свои люди!

„Въ большинствѣ случаевъ, говоритъ, напримѣръ, обозрѣватель слободскаго земства, гласные единодушно придерживаются извѣстныхъ, освященныхъ уже давностію времени, рубрикъ—„передать въ ревизіонную коммиссію", „принять къ свѣдѣнію", „отклонить", „отказать", или же „поручить управѣ представить свои соображенія будущему собранію", такъ что и задумываться ни надъ чѣмъ не приходится. По статьямъ, требующимъ затраты денегъ, гласные дѣлятся на двѣ половины: интеллигенція, т.-е. лѣсничіе, мировой судья, купечество и проч., не принимающіе этотъ вопросъ *близко къ сердцу*, и „чернь непросвѣщенна", преимущественно изъ волостныхъ старшинъ, писарей и кабатчиковъ, тѣсно сплотившихся вокругъ одного члена управы, З., тоже бывшаго волостнаго писаря, подающая голосъ только по его указанію и, конечно, всегда противъ новыхъ расходовъ, если только ихъ можно избѣжать".

Случается, впрочемъ, что эти люди вздорятъ между собою. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ земцевъ, обращаясь къ собранію, говоритъ: „Меня крайне удивляетъ то несчастіе, которое постоянно преслѣдуетъ наше земство въ неудачныхъ выборахъ предсѣдателей управы. Первымъ предсѣдателемъ былъ человѣкъ образованный, умный, и принялся за дѣло съ любовію и энергіей, но, вмѣсто благодарности, его предали суду. Вторымъ предсѣдателемъ былъ гласный настоящаго собранія, который тоже преданъ суду и до сихъ поръ не можетъ освободиться. Третій, который избавился отъ преслѣдованія, благодаря только защитѣ предсѣдателя губ. земск. собранія и нѣкоторыхъ вліятельныхъ гласныхъ. Мною настоящее собраніе также недовольно; въ продолженіи этихъ пятнадцати дней я столько выслушалъ, что нужно имѣть мѣдный лобъ и ни на грошъ самолюбія, чтобы быть хладнокровнымъ"... Но „милые бранятся, только тѣшатся" и, погорячившись, ораторъ самъ изъявилъ желаніе вновь баллотироваться въ предсѣдатели управы—и былъ выбранъ.

Въ губернскихъ собраніяхъ тоже не мало патріархальности, и намъ представляются особенно умилительными тѣ истинно родительскія наставленія, какія нерѣдко преподавались этимъ собраніямъ. Такъ, на второмъ губ. собраніи земству выговаривалось за его „стремленіе къ пререканіямъ по поводу причинъ самыхъ ничтожныхъ и даже не-

справедливыхъ". Съ какою энергіей обуздывается иногда это „стремленіе къ пререканіямъ" показываетъ слѣдующій случай. На 10-мъ очередномъ собраніи представитель казны г. М. началъ торжественно обвинять земство въ недобросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, въ „подтасовкѣ фактовъ" и т. д., а предсѣдатель собранія остановилъ пренія по этому поводу и не допустилъ даже чтенія заявленій, поданныхъ нѣкоторыми гласными. Нельзя также не умилиться передъ тѣми уѣздными земствами, которыя не только не обнаруживаютъ никакого „стремленія къ пререканіямъ", но даже стараются ублаготворять, по мѣрѣ силъ своихъ, низшихъ агентовъ полиціи. Такъ, напримѣръ, одно собраніе ассигнуетъ мѣстному полицейскому управленію 350 руб., а другія земства — квартирныя деньги помощникамъ исправниковъ. Ассигновки эти, впрочемъ, опротестованы губернаторомъ, слѣдовательно, въ Вяткѣ отношенія между земствомъ и администраціей все-таки менѣе патріархальны, чѣмъ въ Перми.

Но при всемъ томъ, въ вятскомъ земствѣ господствуетъ такая же, какъ и въ пермскомъ, развязность, относительно пользованія земскимъ пирогомъ. Если нѣкоторые земцы оказываются и не слишкомъ грѣшными въ этомъ отношеніи, то, все-таки, подобно гоголевскому судьѣ, бравшему „борзыми щенками", берутъ, хотя и по мелочамъ. То мебель въ одной уѣздной управѣ сдѣлана съ надбавкою цѣнъ по отчету, то какой-нибудь мостъ, построенный другой управой, „даетъ поводъ думать о злоупотребленіяхъ"; то управа раздаетъ деньги на руки своимъ членамъ, выводитъ черезчуръ высокія цѣны на исправленіе дороги и „выдаетъ подрядчикамъ довольно почтенныя суммы за такіе дорожные участки, которые никогда не исправлялись, не исправляются да и не требуютъ никакого исправленія"; то за мостъ, стоющій не болѣе 200 р., выводятъ 444 р.; то опять затягиваютъ выдачу денегъ, слѣдующихъ погорѣльцамъ, не производятъ торговъ на исправленіе дорогъ, самовольно тратятъ 26,400 р. изъ губернскихъ сборовъ, члены ея производятъ „полное смѣшеніе земскихъ денегъ съ своими", расходуютъ деньги по смѣтамъ, не утвержденнымъ собраніемъ и т. д. Иногда управы при этомъ рѣшительно „властей не признаютъ" и пользуются вполнѣ своимъ самоуправленіемъ. Такъ, устраненный губернскимъ собраніемъ одинъ членъ управы остается преспокойно въ своей должности до слѣдующаго собранія; другой, сдѣлавшись предсѣдателемъ управы, начинаетъ защищать ее, хотя раньше, въ качествѣ члена ревизіонной коммиссіи, обвинялъ ее въ разныхъ безпорядкахъ и призывалъ на нее громы небесные и т. д. А то бы-

ваютъ и такіе предсѣдатели, которые являются въ управу „только однажды въ мѣсяцъ, за полученіемъ жалованья".

Хотя во всемъ этомъ вовсе не замѣтно жадныхъ стремленій къ возможно полному пожиранію земскаго пирога, какія замѣчаются въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, но по временамъ и вятичи, видимо соблазняемые примѣрами другихъ, увлекаются болѣе широкими затѣями, чѣмъ экономія при постройкѣ какого-нибудь жалкаго моста или мебели для уѣздной управы. Такъ, въ концѣ 60-хъ годовъ они, вмѣстѣ съ костромскими воротилами и нѣкоторыми „просвѣщенными мореплавателями" изъ Архангельска, агитировали за сѣверное направленіе сибирской и за проложеніе вятско-двинской желѣзныхъ дорогъ, а когда пермское земство получило отъ казны громадную ежегодную субсидію на сибирскій трактъ, то и вятскіе земцы возмечтали о казенной субсидіи на тотъ же трактатъ въ 100,000 р.! Но и желѣзныя дороги и стотысячныя субсидіи на сибирскій трактъ не вышли изъ области мечтаній, въ рукахъ же остались по-прежнему только жалкіе мосты да какая-нибудь поставка бѣлья на больницу. Но вятскіе воротилы люди скромнаго происхожденія и, довольствуясь сравнительно малымъ, не кладутъ, однакожъ, охулки на руку и иногда заводятъ *такое самоуправленіе*, что небу становится жарко. При этомъ вятскіе земцы проявляютъ совершенно понятную съ ихъ стороны враждебность къ гласности, и когда въ губернскомъ собраніи зашла рѣчь объ изданіи земскаго сборника, то либеральный г. Д. первый воспротивился этому, сказавъ, между прочимъ: „зная, на какія деньги будетъ издаваться сборникъ, представляя себѣ, что корешки его книгъ должны вырѣзаться изъ мужицкихъ спинъ, я не въ состояніи ихъ былъ бы и читать, какіе бы перлы въ нихъ ни заключались".

„Хорошо сказано, справедливо замѣчаетъ по этому поводу одинъ корреспондентъ—и красиво, и гуманно. Но мы не забыли вѣчно живой и справедливой притчи о мытарѣ и фарисеѣ, мы еще помнимъ мѣткую русскую пословицу: „всѣмъ бы простъ, да волчій хвостъ"... Стоны народа мѣшаютъ ему читать въ будущемъ земскій сборникъ и не мѣшаютъ въ настоящемъ выписывать на счетъ „ремней изъ мужицкихъ спинъ" литературные журналы и политическія газеты. Стоны народа не мѣшали и не мѣшаютъ управѣ выписывать на деньги меньшей братіи: „Дѣло", „Отечественныя Записки", „Вѣстникъ Европы", „Недѣлю", „Голосъ", „Русскую Старину", и т. д. Вѣроятно, чтеніе ихъ такъ интересно, что заглушаетъ въ залахъ управы звуки этихъ стоновъ, заглушаетъ до того, что предсѣдатель не сознаетъ, до какой степени уродлива аналогія между его вчерашней чувствительностью и составленіемъ библіотеки періодическихъ

изданій на крестьянскіе гроши. Итакъ, мы видимъ, что стоны народа не мѣшаютъ людямъ, получающимъ тысячные оклады подъ акомпаниментъ этихъ нотъ читать „Русскую Старину“; но они мѣшаютъ имъ подумать о сокращеніи расходовъ на содержаніе управы, потому что 20,000 р., конечно, самая сущая бездѣлица. Другое дѣло земскій сборникъ. Тутъ, можетъ быть, будутъ писать противъ насъ... Тутъ, значитъ, и 5,000 р. много. Тутъ уже стоны будутъ мѣшать даже читать „Русскую Старину“.

II.

Несмотря на упомянутые недостатки, вятское земство, благодаря нѣкоторымъ своимъ дѣятелямъ, все-таки остается однимъ изъ лучшихъ. Эти дѣятели видимо заботятся о возможномъ изученіи всего края. Они широко поняли задачи земства относительно народнаго образованія, улучшенія народной гигіены и т. д. Но горе въ томъ, что всѣ эти болѣе или менѣе широкія и серьёзныя задачи оказываются далеко не выполнимыми при низкомъ уровнѣ народнаго богатства и при владычествѣ въ земствѣ разныхъ кулаковъ, а посильное выполненіе ихъ, кажется, скорѣе понижаетъ, чѣмъ повышаетъ упомянутый уровень. Въ 1-е трехлѣтіе всего земскаго сбора было 3.070,000, а во 2-е уже 4.020,000. Изъ этихъ сборовъ губернск. земство должно тратить въ годъ на обязательныя повинности около 200,000 р., а на необязательныя—130,000. Сборы, сравнительно со средствами, огромные, а между тѣмъ равно справедливое распредѣленіе ихъ чрезвычайно трудно, и вятское земство бьется какъ рыба объ ледъ надъ выработкой раціональной оцѣнки имуществъ, подлежащихъ сбору. Вотъ, напр., у однихъ крестьянъ показаны въ оцѣнкѣ 4 мельницы, стоимостью въ *1,020 р.*, а по доходности въ 5 р., но у нихъ, кромѣ того, оказываются болѣе 750 десят. земли и до 90 десят. лѣса, упомянутыя же мельницы стоютъ въ дѣйствительности не менѣе *27,000 р.* Понятно, что чѣмъ ниже оцѣнка подобныхъ крупныхъ имуществъ, тѣмъ выше оцѣнка мелкихъ, а при существующихъ способахъ сбора налоговъ и недоимокъ, чѣмъ крупнѣе имущество, тѣмъ больше на немъ недоимки, которая съ незажиточныхъ крестьянъ взимается неукоснительно. Такъ, напр., въ 1870 г. по малмыжской смѣтѣ на однихъ только государственныхъ имуществахъ было недоимки 34,775 р. Сарапульское земство за однимъ только артиллерійскимъ вѣдомствомъ имѣло 60,000 р. По „Обзору дѣятельности вятскаго земства за 1-е трехлѣтіе“ (стр. 9), относительно суммы налога, недоимки составляли:

Съ казенныхъ имуществъ	100%
— артиллерійскаго вѣдомства	100 „
— горнаго вѣдомства	100 „
— землевладѣльцевъ	63 „
— владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній	39 „
— городовъ	12 „
— сельскихъ обществъ	12 „

При этомъ недоимки было за казенными горными заводами 43,565 р., частными заводами 53,368 р., землевладѣльцами 6,558 р., крестьянскими землями 3,011 руб. Съ Ижевскаго завода слѣдовало 90,000 р. Въ 1877 г. за государственными имуществами было недоимки 111,130 р., и т. д. О трудности взысканія подобныхъ недоимокъ можно судить по слѣдующему факту: слободская управа 13 ноября 1867 г. поручила полиціи взыскать 4,700 р. недоимки съ холуницкихъ заводовъ, а полиція *ровно черезъ годъ* доставила ей отзывъ заводской конторы съ отказомъ платить эту недоимку, — и только.

Но какъ бы ни были велики недоимки, обязательныя повинности земства требуются безусловно, и во главѣ ихъ самая тяжкая — дорожная, обходящаяся въ годъ до 200,000 р. Какъ ни поправляетъ земство дороги, сколько ни тратится на нихъ, онѣ все-таки крайне плохи, и земцы, какъ угорѣлые, мечутся изъ одного конца губерніи въ другой, исправляя дорожные недостатки, указываемые администраціей. Земство превращается такимъ образомъ въ какую-то дорожную коммиссію, которая однакожъ рѣшительно не въ силахъ поддерживать дорогъ въ удовлетворительномъ состояніи и нерѣдко, какъ утопающій за соломенку, хватается за самые фантастическіе проекты. Въ Петербургѣ, наприм., кто-то выдумалъ предложить земствамъ замѣнить у саней длинными полозьями короткіе, отъ которыхъ главнымъ образомъ портятся зимнія дороги; вятское губернское собраніе увлеклось этой идеей и рекомендовало ее уѣзднымъ управамъ и волостнымъ правленіямъ, но уѣздныя управы вполнѣ пристыдили собраніе, доказавъ ему всю неосновательность плана. „Это,—писала, напр., глазовская управа,—„положительно невозможно, потому, что равнялось бы запрещенію проѣзжать по дорогамъ въ зимнее время, такъ какъ никто изъ крестьянъ не сочтетъ себя обязаннымъ бросить существующіе теперь сани и дѣлать новые съ болѣе длинными полозьями. Допустивъ такой способъ охраненія дорогъ, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ по всѣмъ дорогамъ учредить караулы для наблюденія за точнымъ исполненіемъ новаго порядка".

Независимо отъ тяжкихъ повинностей, дорожной и подводной, на земствѣ лежитъ множество мелкихъ заботъ—постройка и ремонтъ

остроговъ и казармъ, содержаніе этаповъ, воинскихъ и по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, борьба съ пожарами, истребленіе волковъ и т. д. и т. д. Ужъ если такія сравнительно простыя дѣла, какъ поправка дорогъ или содержаніе остроговъ не могутъ идти какъ слѣдуетъ, по недостатку средствъ, то дѣла болѣе сложныя выходятъ еще менѣе удачны. Извѣстно, напримѣръ, какъ разоряютъ народъ волки, извѣстно, что содержаніе 1 волка стоитъ Россіи дороже, чѣмъ содержаніе 1 учителя народной школы, но ни преміи за волчьи хвосты, ни ядовитыя пилюли, ничто не въ состояніи истребить звѣрей, пока страна не населится гораздо гуще теперешняго и культура ея не поднимется до высшаго уровня. До тѣхъ же поръ всѣ грошевыя мѣры земства противъ волковъ будутъ такъ же несостоятельны, какъ и наивный проектъ котельнической управы, которая находитъ, что волки въ значительной степени даже полезны. „Большое количество волковъ, — говоритъ управа, — размножается послѣ сильныхъ падежей скота, которымъ волки питаются вдоволь, потому что павшій скотъ не зарывается въ землю, а только вывозится въ лѣсъ, овраги, или сваливается въ рѣки. Здѣсь, слѣдовательно, сама природа черезъ посредство волковъ стремится уничтожить тотъ вредъ, который могъ бы произойти отъ гніенія павшихъ животныхъ, которыя съѣдаются волками". Весь павшій скотъ, по мнѣнію управы, слѣдуетъ зарывать, чтобы лишить волковъ пищи и тѣмъ заставлять ихъ искать ее исключительно въ деревняхъ, здѣсь же „стрѣлять ихъ, а главное—отравлять". Управы вятская, уржумская, елабужская, яранская, сарапульская и малмыжская даже вовсе „не находятъ надобности изыскивать какіе-либо способы къ истребленію волковъ", значитъ, волкъ такъ силенъ, что не рождается даже и мысли о борьбѣ съ нимъ!

Да и мало ли такихъ мощныхъ враговъ у земства, съ которыми если оно и борется, то развѣ для очистки совѣсти. Возьмите, напримѣръ, пожары: когда выведутся изъ употребленія черныя избы безъ трубы, когда крестьянскіе дома будутъ строиться прочно и удобно, когда овины потеряютъ свой теперешній первобытный характеръ, когда крестьяне не будутъ вынуждены оставлять своихъ избъ подъ надзоромъ однихъ дѣтей, не годныхъ еще для полевыхъ работъ, когда въ каждомъ селѣ будутъ хорошіе пожарные инструменты съ опытными пожарными командами, тогда сельскій пожаръ изъ явленія постояннаго сдѣлается исключительнымъ, но когда-то еще это будетъ! Теперь же вятское земство тратитъ на пожарныя трубы и страховое дѣло ежегодно до 80,000 р., но помощи все-таки мало, всѣхъ пожарныхъ убытковъ уплачивать невозможно, пожарныя трубы содержатся дурно и часто вовсе

не употребляются въ дѣло по своей негодности и т. д. И вотъ, какъ при наполненіи бездонной дорожной бочки Данаидъ, земство ухватилось за фантастическій проектъ введенія длинныхъ полозьевъ, оно, вслѣдствіе неудачной борьбы съ пожарами, задумываетъ замѣну крестьянскихъ избъ каменными домами, для чего уѣздныя земства должны обзавестись машинами для выдѣлки кирпича и т. д. Или возьмемъ чрезвычайно важное дѣло—поддержку народнаго здоровья, на которую по уѣзднымъ смѣтамъ было назначено въ 1868 г. 94,000, на 1872 г. 218,000 р., въ первыя же 6 лѣтъ земства всего, 1.040,000 р. Но всѣ эти траты мало приносятъ пользы, и даже губернскую больницу оказывается невозможнымъ держать на высотѣ требованій современной гигіены. Эта больница, по отзывамъ 1-го и 2-го съѣздовъ врачей и по настойчивымъ оффиціальнымъ заявленіямъ бывшаго старшаго врача г. Кармильскаго, не удовлетворяетъ совершенно гигіеническимъ требованіямъ и пропитана міазмами. Прошлою зимой, напримѣръ, было въ ней даже первоначальное возникновеніе тифа на больныхъ, страдавшихъ совершенно другими болѣзнями, и на здоровыхъ до того времени служителяхъ больницы; случаи заболѣванія больныхъ въ зимнее время простудными болѣзнями очень часты; ампутаціи даютъ ужасный процентъ смертности. Такъ, по отчету доктора г. Свисловскаго, въ 1874 г. было 60 проц. смертности отъ ампутацій, тогда какъ вообще по хирургической статистикѣ процентъ смертности отъ одной изъ самыхъ тяжелыхъ ампутацій—ампутаціи бедра, не превышаетъ 45 проц. Понятно, какъ ужасны послѣдствія такой нездоровости больницы вообще, не говоря уже о такихъ исключительныхъ моментахъ, какъ оспенная эпидемія. Земство не въ состояніи завести даже одного хорошаго дома для умалишенныхъ; его оспопрививатели и фельдшера, съ которыми приходится имѣть дѣло большинству больныхъ, вовсе не годны для самостоятельной дѣятельности и т. д.

Отъ одной только оспы въ вятской губерніи умерло, въ 1875 г., 13,960 ч., и въ 1876, въ первые шесть мѣсяцевъ, 6,308 ч.

Сами медики вполнѣ сознаютъ безплодность своихъ трудовъ, при настоящемъ состояніи экономическаго уровня народнаго быта. Разсматривая таблицы больныхъ, орловскій земскій врачъ говоритъ:

„Выдѣляя первыя 5 рубрикъ изъ общаго числа больныхъ, мы находимъ, что въ нихъ вошли 54% больныхъ. Обращаясь затѣмъ къ причинамъ и свойству этихъ болѣзней, мы находимъ, что они обусловливаются крайнею степенью матеріальныхъ недостатковъ, отсутствіемъ культуры, невѣжествомъ. Имѣя въ этихъ больныхъ пацієнтовъ преобладающихъ, слѣдовательно, имѣющихъ бо́льшее, въ сравненіи съ больными другихъ группъ, право на врачебную помощь,

мы невольно спрашиваемъ себя: что же можетъ сдѣлать для нихъ медицина? Что, напримѣръ, можетъ сдѣлать врачъ глазному больному, когда онъ, получивъ болѣзнь въ курной избѣ, возвращается обратно въ нее же, когда домашніе принуждаютъ его работать на солнцѣ? Что можетъ сдѣлать медицина съ ревматизмомъ вслѣдствіе недостатка одежды и хорошо устроенныхъ избъ, съ хроническимъ разстройствомъ пищеваренія вслѣдствіе неудобоваримой пищи? Посовѣтуетъ ли врачъ золотушному или рахитическому ребенку надлежащія ванны, какъ будетъ лечить зависящія отъ домашней грязи застарѣлыя зловонныя язвы, и т. п.? А сифилисъ? какъ лечить его на дому, когда леченіе требуетъ здоровой и питательной пищи, теплаго помѣщенія, безъ чего ртуть сдѣлается лишь источникомъ новыхъ страданій больного? Большинство больныхъ можетъ быть лечимо лишь въ больницѣ. Спрашивается: какую же нужно больницу для ихъ помѣщенія? Такую, какую при теперешней бѣдности земства имѣть нѣтъ никакой возможности. Да если бы и была возможность имѣть такую больницу, то, при худой домашней обстановкѣ, жизнь больныхъ не была ли бы броженіемъ изъ дома въ больницу, изъ больницы домой, тамъ опять въ больницу и т. д.“

Но земская медицина, какъ ни мало дѣлаетъ она для уменьшенія числа больныхъ и какъ ни недостаточны личныя и денежныя средства ея для помощи всѣмъ нуждающимся, все-таки хоть что-нибудь дѣлаетъ, а вотъ практикуемое вятскимъ земствомъ вспоможеніе бѣднымъ ничего не достигаетъ. Земство рѣшило помогать не только городскимъ, но и уѣзднымъ бѣднякамъ, которыхъ въ губерніи, конечно, не одинъ десятокъ тысячъ. И вотъ на всѣхъ нищихъ, калѣкъ, сиротъ, безродныхъ, холодныхъ и голодныхъ земство отпускаетъ отъ 500 до 1000 р. въ годъ, причемъ на уѣздъ приходится отъ 100 до 50 р.; но и этихъ суммъ нѣкоторымъ уѣздамъ оказывается много; такъ, напр., изъ отпущенныхъ въ 1872 г. орловская управа выдала бѣднякамъ только 67 р. да въ первую половину 1873 г.—17 р. 50 к.; осталось послѣ полуторагодовой помощи 15 р. 50 к. Независимо отъ этихъ жалкихъ подачекъ, земство, по положенію, содержитъ „богоугодныя“, благотворительныя заведенія. Но вятская богадѣльня, напримѣръ, можетъ оказать пріютъ самому ограниченному числу даже изъ тѣхъ только бѣдняковъ, которые живутъ въ самой Вяткѣ, а можно представить, какова жизнь людей, никому не нужныхъ, всѣмъ чуждыхъ, подъ тяжестью лѣтъ, старческихъ недуговъ, конечнаго убожества и безпріютности. Да и содержаніе благотворительныхъ заведеній для самаго ограниченнаго числа призрѣваемыхъ требуетъ все больше и больше расходовъ и не обходится безъ крупныхъ дефицитовъ, такъ что „если дѣла по этимъ заведеніямъ пой-

дутъ такъ же, какъ шли въ теченіи истекшаго періода земской дѣятельности, говоритъ раскладочная коммиссія, то можно ожидать, что съ теченіемъ времени всѣ земскіе капиталы будутъ поглощаемы одними благотворительными заведеніями".

III.

Болѣе отрадное зрѣлище представляетъ собою народное образованіе, о которомъ вятское земство заботится болѣе многихъ другихъ земствъ. До земства, какъ извѣстно, народныхъ школъ было чрезвычайно мало, многія изъ нихъ существовали только на бумагѣ, многія помѣщались чуть не въ хлѣвахъ: „ученики сидятъ на полу, на соломѣ, или стоятъ, въ комнатѣ жарко и нестерпимый запахъ"; учениковъ набирали иногда при помощи полиціи, учителя-священники большею частію не занимались школой, даже „поручали смотрѣніе за учениками церковному сторожу"; враждебно относились къ хорошимъ учителямъ изъ свѣтскихъ, стараясь выживать ихъ посредствомъ недостойныхъ интригъ. Ассигнуя на народное образованіе до 350,000 р., земство поставило дѣло гораздо лучше: число учениковъ удвоилось, школъ въ 1867 г. было 249, а въ 1874 г. 399; учителя, учебники, самыя зданія стали гораздо лучше. Но нѣкоторыхъ своихъ предположеній о народномъ образованіи, напримѣръ, открытіе народныхъ читаленъ и подвижныхъ школъ, земство не могло осуществить вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ; другіе планы до сихъ поръ не удаются по недостатку средствъ.

Чтобы сравняться, напримѣръ, со Швейцаріей, которая съ 2½ м. жителей имѣетъ болѣе 5,000 народ. школъ, вятская губернія тоже съ 2½ м. жителей должна имѣть этихъ школъ не 400, а 5,000, и тратить вмѣсто нынѣшнихъ 350,000 р. болѣе 4.000,000! „Во всей губерніи 166 приходовъ остаются безъ земскихъ училищъ, а какъ въ каждомъ приходѣ должно быть 4,600 жителей обоего пола, то, значитъ, болѣе 760,000 жителей, или ⅛ населенія губерніи, внося деньги на содержаніе училищъ, училищами этими не имѣютъ возможности пользоваться". Въ уѣздахъ глазовскомъ, слободскомъ и малмыжскомъ учащіеся должны собираться съ обширнаго пространства въ 1000—775 верстъ.

Вотъ, напримѣръ, какія школы еще есть въ вятскомъ краѣ: „Пріѣзжаетъ ревизующій въ село, отыскиваетъ училище. Учителя нѣтъ; послали за нимъ. Часа черезъ полтора учитель является. Войдя въ просторную, но худо освѣщенную комнату, ревизующій ощутилъ запахъ гнили и сырости. Никакой классной мебели, ника-

кихъ принадлежностей не было замѣтно, можетъ быть, потому, что дѣло было подъ вечеръ. На вопросъ ревизующаго о библіотекѣ, учитель указалъ на какой-то хламъ въ переднемъ углу. По разсмотрѣніи, оказалась тутъ масса книгъ неразрѣзанныхъ, но истрепанныхъ и загрязненныхъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ пыли. „Сколько у васъ учениковъ?"—спрашиваетъ ревизующій.—„Всѣ мои ученики въ Сибири—отвѣчаетъ учитель,—теперь никого нѣтъ". Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ можно было понять, что нѣсколько лѣтъ назадъ, дѣйствительно, нѣкоторые изъ жителей села, въ которомъ находилась школа, были сосланы въ Сибирь на поселеніе, куда должны были слѣдовать и дѣти ихъ, бывшіе ученики школы".

Для надзора за народными школами земство не стѣсняется нанимать чиновниковъ м. н. пр., у которыхъ и своего-то дѣла по горло. „Дѣло въ сущности очень просто,—говоритъ корреспондентъ.—Живетъ въ уѣздномъ городѣ смотритель много-много лѣтъ; перекумится со всѣми, каждый день за картежной игрой онъ встрѣчается то съ тѣми, то съ другими мѣстными вліятельными лицами и потому всегда умѣетъ связать свои интересы съ домашними интересами своихъ пріятелей, которые и должны, волей-неволей, стоять за него. Когда, наконецъ, наступаетъ время поднятія вопроса объ инспекторѣ, устраивается какъ-бы случайно пирогъ, обѣдъ или вечеринка у смотрителя. Гости расходятся съ благодарностію за вниманіе и дружескія изліянія, „подъ вліяніемъ обильныхъ возліяній". Къ открытію засѣданія, смотритель является въ залу, садится поближе къ столу, какъ приглашенный участвовать въ обсужденіи дѣлъ. На собраніи рѣшается положительно вопросъ о необходимости приглашенія въ уѣздъ инспектора училищъ и ассигнуется сумма. Не давая передохнуть гласнымъ, какой-нибудь вліятельный Павелъ Ивановичъ уже предлагаетъ внести ходатайство объ опредѣленіи на новую должность именно штатнаго смотрителя мѣстнаго уѣзднаго училища. Гласные въ недоумѣніи. Просятъ подумать, отложить до слѣдующаго засѣданія; а смотритель несокрушимо сидитъ противъ нихъ. Предсѣдатель подумать не даетъ. Подача голосовъ идетъ открыто и ходатайство о смотрителѣ постановляется". Бываетъ даже лучше. Въ 1876 году инспекторомъ 6-ти уѣздовъ „опредѣленъ правитель канцеляріи попечителя казанскаго округа *съ оставленіемъ на прежней должности*". Говорятъ, что это назначеніе состоялось въ видахъ увеличенія жалованья правителя канцеляріи, въ награду за безпорочную и многолѣтнюю его службу, и предоставленія ему возможности дослужить по учебному вѣдомству до полученія инспекторскаго пенсіона. Но и при плохихъ инспекторахъ народныя школы могли бы процвѣтать, если бы сами земцы какъ слѣдуетъ заботились о нихъ, а то, вотъ что

пишетъ, напримѣръ, одинъ корреспондентъ: „Слободское земство сильно затрудняется въ пріисканіи наставниковъ для такихъ отдаленныхъ и глухихъ пунктовъ уѣзда, какъ Гидаево и Синеглинье (болѣе 200 верстъ отъ Слоб.); наставники или избѣгали тамошнихъ училищъ, или пьянствовали тамъ, безобразничали и по нѣскольку недѣль даже не являлись въ школу. Въ 1875 году земское собраніе назначило учителямъ отдаленныхъ школъ по 400 руб. жалованья, съ цѣлью привлечь на эти мѣста порядочныхъ людей, и въ началѣ 1876 года въ Гидаево изъявилъ желаніе ѣхать учитель волковской школы, Селивановскій, кончившій курсъ въ вятской семинаріи. Земство согласилось на это, тѣмъ болѣе, что Селивановскій пользовался хорошей репутаціей, и послало его на смѣну Г., тоже ученика вятской семинаріи, который совсѣмъ спился въ Гидаевѣ, занятія въ школѣ бросилъ и, когда ему перестали высылать жалованье (мѣра тоже довольно крутая), началъ пропивать училищныя вещи. Новый наставникъ нашелъ школу въ самомъ ужасномъ видѣ; низенькій, покосившійся отъ ветхости домишко, въ 4 окна, изъ которыхъ два заколочены досками, а въ остальныхъ двухъ большая часть стеколъ перебита и заклеена бумагой; классная комната—три аршина длины и ширины, низкая и темная; въ углу почернѣвшая отъ дыма печь, у стѣны—покосившійся шкафъ, 4 уродливыя парты (двѣ сломаны и валяются на полу), съ пюпитрами для письма въ четверть аршина ширины, придѣланными совершенно перпендикулярно; въ углу валяется изломанная классная доска; холодъ и грязь невообразимые. Шкафъ, носившій громкое названіе училищной библіотеки, съ трудомъ можно было отпереть, не уронивъ его на себя; въ немъ оказалось: десть бѣлой бумаги, кусокъ аспидной доски, 10 грифелей, два экземпляра „Родного Слова“, нѣсколько страничекъ отъ „Грамоты“ Блинова и тетрадь, въ которой значилось: 1/4 *водки*, 1/4 *ф. сухой рыбы*, 1/4 *табаку*, *ведро водки*, 1/2 *ф. табаку* и проч. Крестьяне сообщили, что бумага, перья, книги, доски, даже буквы — все это пропито Г.! Но онъ ли одинъ виноватъ въ разореніи школы? Чего же смотрѣло земство? Почему оно не позаботилось пріискать порядочное помѣщеніе для училища или даже выстроить новый домъ съ квартирой для наставника, которому приходится теперь жить чуть не въ курной избѣ; почему оно не обставило училища порядочной мебелью, почему оно, наконецъ, держало полтора года пьянаго наставника и прибѣгло къ такой нелѣпой мѣрѣ, какъ невыдача ему жалованья, чѣмъ обрекло его на голодную смерть? Въ томъ-то и дѣло, что земство само обращаетъ слишкомъ мало вниманія на школы и, собирая всякія сплетни относительно частной жизни наставниковъ и наставницъ и грозя имъ за каждую малость

увольненіемъ по 3-му пункту (какъ сдѣлалъ это, два года тому назадъ, членъ управы П., сулившій такую кару наставницѣ волковскаго училища, за то, что у ней въ комнатѣ стояла фисъ-гармонія и бабы иногда пѣли и плясали подъ ея игру), нимало не заботится объ ихъ благосостояніи".

Учительской семинаріи въ Вяткѣ нѣтъ, а вмѣсто нея заведено сельско-хозяйственное училище для приготовленія такихъ учителей, которые могли бы распространять среди крестьянства здравыя сельско-хозяйственныя знанія, но отчасти вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ, отчасти вслѣдствіе неумѣлости самого земства опытъ съ этимъ училищемъ былъ рѣшительно неудаченъ: на 200,000, издержанныхъ на нее, эта школа выпустила всего 8 учителей и, наконецъ, передана министерству государственныхъ имуществъ. Въ яранскомъ земствѣ есть ремесленное училище, находящееся подъ властью лѣсничаго г. Боссе. За три года существованія ремесленной школы на нее затрачено 13,600 р. Всѣхъ воспитанниковъ, среднимъ числомъ, было 25 человѣкъ (въ нынѣшнемъ году — 30), такъ что приготовленіе каждаго столяра и кузнеца обходится яранскому земству около 550 р.

Есть въ Вяткѣ еще сиропитательный домъ. Понятно, что онъ не можетъ пріютить всѣхъ сиротъ губерніи, и въ немъ воспитываются почти исключительно сироты чиновниковъ. По примѣру другихъ земствъ, вятское даетъ субсидіи женской гимназіи и реальнымъ училищамъ. Въ 1872 году губернское земство выдавало, напримѣръ, вятской женской гимназіи 4,500 р., да бѣднымъ учащимся 1,500 р. Къ чести вятскаго земства должно сказать, что оно при раздачѣ своихъ стипендій имѣетъ въ виду и крестьянъ, и мѣщанъ, хотя и не тратитъ земскія деньги исключительно на образованіе дѣтей этихъ главныхъ плательщиковъ земскихъ налоговъ. Въ 1872 году, напримѣръ, уѣздныя управы назначили своими стипендіатами въ губернской гимназіи 13 сыновей крестьянъ, 4 мѣщанъ, 1 дворянина и 1 чиновника. Въ 1877 г. въ учебныхъ заведеніяхъ Вятки было земскихъ стипендіатовъ: лицъ привилегированныхъ сословій 24, податного сословія и дѣтей солдатъ 24.

Независимо отъ стипендій, не мало дѣтей мѣщанъ и крестьянъ (понятно — торговыхъ, близкихъ къ купечеству) учится въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Въ орловской женской гимназіи, напримѣръ, въ 1873 г. училось дочерей дворянъ и чиновниковъ 20, духовнаго званія 12, купцовъ 28, мѣщанъ и другихъ городскихъ сословій 42, крестьянъ 16. Въ вятской женской гимназіи въ 1870 г. было дочерей чиновниковъ 143, духовныхъ 21, купцовъ 46, мѣщанъ 34, крестьянъ 3. Въ сарапульскомъ реальномъ училищѣ было привилегиро-

ванныхъ сословій 57 учениковъ, или 44%; городскихъ 28, или 21%; крестьянъ 38, или 39%; иностранцевъ 5, или 3%. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вятское земство имѣетъ до 36 мужскихъ стипендій и 5 женскихъ, на медицинскихъ курсахъ въ числѣ этихъ стипендіатовъ есть тоже и мѣщане, и крестьяне. Вятское земство въ этомъ отношеніи поступаетъ справедливѣе другихъ земствъ, но не строго держится принятаго имъ принципа и часто уклоняется отъ него, какъ кажется, подъ вліяніемъ личныхъ отношеній своихъ заправителей. Такъ, напримѣръ, оно поступило въ свое время относительно вятской публичной библіотеки и музея, по поводу которыхъ гласный К. сообщалъ, что ея „попечители ассигнуютъ на выписку книгъ въ теченіе года всего только 26 рублей и расходуютъ на освѣщеніе болѣе, чѣмъ на просвѣщеніе“; 1/10 книгъ растрачена, хотя „библіотека въ то же время пріобрѣла для своего музея *игральныя карты, свирѣстѣлочку нумидійскаго пастуха, пахучій кошелекъ, взятый у феллаха* и проч. Изъ посѣтителей библіотеки и ея подписчиковъ 90% падаетъ на дворянъ и чиновниковъ, 4% на купцовъ и мѣщанъ, на крестьянъ же — 0%... Насколько библіотека можетъ служить, какъ выражаетъ отчетъ ея, „вѣрнымъ проводникомъ современныхъ идей и знаній въ массу народа“, всего лучше видно изъ того, что бо́льшая часть требуемыхъ изъ нея книгъ принадлежитъ къ отдѣлу легкаго чтенія, а именно 70%. Члены вятскаго губернскаго собранія привыкли хвалиться своими заботами о народномъ образованіи и указываютъ на двѣститысячныя ассигновки по этой статьѣ; но они забываютъ при этомъ о громадномъ населеніи губерніи и о результатахъ своихъ заботъ. Вятская губернія должна уступить даже Кавказу, гдѣ одинъ учащійся приходится на 153 ч., тогда какъ у насъ — на 200 ч. Умѣстно ли намъ, при такихъ обстоятельствахъ, жертвовать (на библіотеку) единовременно 6,000 и ежегодно до 2,000 изъ крестьянскихъ денегъ 2 1/2-милліоннаго населенія на поощреніе легкаго чтенія между горстью дворянъ, имѣющихъ средства удовлетворить своимъ литературнымъ потребностямъ изъ собственнаго кармана?“

Земству, вообще, слѣдуетъ твердо держаться правила траты земскихъ денегъ только на *земскія* нужды, а то ему отбоя не будетъ отъ просьбъ и предложеній о такихъ субсидіяхъ, соглашаться на которыя просто смѣшно. Вотъ, напримѣръ, у него требуютъ денегъ на театръ въ Вяткѣ, „такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что въ театральныхъ представленіяхъ общество видитъ, какъ въ зеркалѣ, хорошія и дурныя стороны своей жизни и никакая нравственная бесѣда не можетъ имѣть на человѣка такого сильнаго исправляющаго вліянія, какъ театральное представленіе“

(наипаче — оперетки Лекока и Оффенбаха). Устройство театра при этомъ признается „полезнымъ не для одного только города Вятки, а для всей губерніи, такъ какъ Вятка нерѣдко посѣщается жителями всѣхъ уѣздовъ и здѣсь находится много иногородныхъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній“ (Ж. 1876, II, 381)!.. Или вотъ у орловскаго земства потребовали денегъ на „духовыя фортепіано для училищъ“ (какихъ, ужъ не для танцклассовъ ли?) и собраніе рѣшило, „въ видѣ опыта“, заказать фортепіаны въ 80 и 50 р. (Ж. орл. собр. 1873, I, 47)! Мало того, одинъ чиновникъ и членъ губернской управы, занимавшій въ Вяткѣ весьма важную должность, просится на 3 мѣсяца въ Крымъ „съ сохраненіемъ содержанія“, и „собраніе большинствомъ 8 голосовъ, съ голосомъ предсѣдателя, противъ 8, постановило удовлетворить ходатайство...“

IV.

Впрочемъ, всѣ эти непроизводительные въ земскомъ смыслѣ расходы вятскаго земства составляютъ незначительную часть въ земскомъ бюджетѣ, и если бы они тратились на прямыя нужды земства, то послѣднее отъ того едвали бы почувствовало себя легче. Вятское земство переживаетъ серьёзный кризисъ, однимъ изъ симптомовъ котораго является „недостатокъ продовольствія“, обнаружившійся въ 1877 г. и потребовавшій серьёзной помощи со стороны государства. „Недостатокъ продовольствія“ въ краѣ, о которомъ прежде говорили „Вятка—хлѣбу матка“, а земцы не далѣе какъ десять лѣтъ назадъ настойчиво требовали желѣзныхъ дорогъ для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которыми будто бы завалена губернія,—такой недостатокъ для многихъ является печальною неожиданностью. Но если разсмотрѣть подробно жизнь вятскаго края послѣ освобожденія крестьянъ, то современный кризисъ сдѣлается для насъ вполнѣ естественнымъ завершеніемъ предъидущихъ невыгодныхъ условій и перемѣнъ, совершившихся въ народномъ хозяйствѣ края. Прежде Вятка была дѣйствительно „хлѣбу маткой“, такъ какъ въ распоряженіи крестьянина было больше земли, чѣмъ теперь. „Въ прежнее время, говоритъ г. Куропневъ, крестьяне вятской губерніи переходили съ одного мѣста на другое, расчищая лѣса и производя посѣвы по новямъ. Урожай на такихъ нивахъ давалъ самъ-20, безъ всякаго унавоживанья. Когда крестьянинъ замѣчалъ, что сборы хлѣбовъ у него начинаютъ съ каждымъ годомъ уменьшаться, онъ искалъ въ лѣсу новое удобное мѣсто, *подчерчивалъ* лѣсъ, сожигалъ его, сѣялъ рожь и затѣмъ, построивъ избу, селился тамъ. Когда эта

земля мало-по-малу истощалась, онъ опять искалъ новаго для жилья и посѣва мѣста". Подобное хозяйство до сихъ поръ ведется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, но въ вятскомъ краѣ оно уже невозможно. Такое хозяйство вело за собой истребленіе лѣсовъ, постепенное истощеніе почвы, и казна до крайности ограничила его. Производить пасѣки въ казенныхъ лѣсахъ положительно запрещено; невозможно производить пасѣкъ и въ такъ называемыхъ поселянскихъ лѣсахъ, и крестьянамъ приходится обработывать постоянно одну и ту же землю, болѣе и болѣе истощаемую при недостаткѣ удобренія. А земель этихъ мало. Въ 11 наиболѣе бѣдныхъ волостяхъ орловскаго уѣзда только въ одной пахатный надѣлъ составляетъ 4,47 дес., въ остальныхъ же онъ съ 3,8 опускается даже до 1,43. Въ котельническомъ уѣздѣ на ревизскую душу приходится земли пахатной отъ 7,5 до 3,4 дес., сѣнокосу отъ 0,7 до 0,4 д., лѣсу отъ 1,7 до 0,5 дес. „Земля вообще малопроизводительна, какъ вслѣдствіе истощенія ея, такъ и вслѣдствіе нераціональнаго веденія сельскаго хозяйства и бѣдности населенія". То же самое въ другихъ уѣздахъ. На сѣверѣ есть такая волость, въ которой пахатной земли на ревизскую душу приходится 21 дес., сѣнокосу 3 д., лѣсу 35 д., но это исключеніе, и въ остальныхъ 14 волостяхъ сѣвера объемъ пахатнаго надѣла на рев. д. составляетъ 6 д., 5 д., 4,3 д., 2,6, 2,2, 2,0, 1,9, 0,6 д. Вслѣдствіе истощенія почвы крестьянинъ старается по возможности запахивать лугъ, но тоже быстро истощаетъ его и вдобавокъ уменьшаетъ и безъ того скудное количество корма у своего скота, единственнаго поставщика удобренія, которое становится все скуднѣе и скуднѣе.

„Тощій грунтъ земли безъ удобренія не можетъ производить урожаевъ, а потому, чтобы получить урожаи, непремѣнно нужно имѣть удобреніе. Держать скота нельзя безъ хлѣба, а потому, чтобы имѣть достаточное количество скота, нужно имѣть достаточно хлѣба. А какъ у крестьянъ хлѣба недостаточно, то и скота не могутъ имѣть достаточно, и землю удобряютъ недостаточно, и урожай постоянно недостаточный. Тутъ круговое безвыходное положеніе; недостатокъ отъ недостатка—и недостаткомъ поддерживается. Поэтому безъ посторонней помощи крестьянамъ нѣтъ никакой возможности выбраться изъ этого лабиринта. Всякое усиліе, предпринимаемое ими, служитъ имъ съ одной стороны въ пользу, а съ другой—во вредъ: сдирая лужки, они хотя и удобряютъ на время землю сгнивающимъ дерномъ, но съ другой стороны уменьшаютъ покосъ; сжигая лѣсъ, хотя они и удобряютъ землю золой и получаютъ богатые урожаи года 2—3, но истребляютъ лѣсъ, который растить нужно 20 лѣтъ и который поэтому такъ дорого стоитъ". Содержаніе скота самое жалкое и онъ служитъ добычею *постоянныхъ* падежей. Въ 1871 г.

въ губерніи пало болѣе 20,000 скота. Въ 1875 г. въ слѣдующихъ деревняхъ пало:

			%%
Пернай изъ . . .	104 голов.,	102 т.-е.	98
Кильтуѣ „ . . .	170 „	160 „	98
Квитурѣ „ . . .	129 „	125 „	96
Новомъ-Чумаѣ изъ .	98 „	96 „	97
Будриштурѣ изъ . .	197 „	180 „	93
Дерюшевѣ изъ. . .	180 „	169 „	93
Вукогуртѣ „ . . .	97 „	89 „	91

Независимо отъ такихъ ужасныхъ падежей крестьянинъ лишается скота для уплаты недоимокъ, на покупку муки и т. п. „Крестьянскому скотоводству, говоритъ г. Романовъ, нанесенъ страшный ущербъ распространеніемъ чумы и сибирской язвы. Но въ послѣднее время пріобрѣла постоянное дѣйствіе другая причина, уничтожающая крестьянскій скотъ не слабѣе какой-либо заразы. Неурожаи постепенно разстраивали бо́льшее и бо́льшее число крестьянскихъ хозяйствъ, и это разстройство прежде всего выражается въ уменьшеніи головъ рогатаго скота. Застигнутый нуждою, крестьянинъ часто не имѣетъ другого выхода, какъ продать корову, иначе онъ не можетъ заплатить подати или даже прокормить семейство". Въ уржумскомъ уѣздѣ рогатаго скота было въ 1875 году 107,000 головъ, въ 1876 г. 101,000; 1877 г. 76,000! Въ другихъ уѣздахъ было:

	Въ 1856 г. лошадей.	Въ 1856 г. рогат. скота.	1873 г. лошадей.	1873 г. рогат. скота.
Въ вятскомъ	43,000	70,000	41,000	65,000
„ слободскомъ. . . .	42,000	59,000	32,000	48,000
„ нолинскомъ	59,000	105,500	51,000	91,000
„ елабужскомъ . . .	53,000	102,000	52,000	45,000
„ яранскомъ	84,000	172,000	76,000	97,000

Вообще въ губерніи крупнаго скота было въ 1856 году 964,800 гол., въ 1873 г. 927,444. Независимо отъ вымиранія, скотъ вырождается. Лошади, знаменитыя нѣкогда *вятки*, теперь уже всѣ „породы мелкой", онѣ выродились. Рогатый скотъ выродился еще болѣе,—и безъ того уже мелкій, еще мельчаетъ. „Скотоводство въ крайнемъ упадкѣ, скотъ измельчалъ, мало продуктивенъ и вообще мало приноситъ пользы хозяйству". „Вслѣдствіе плохого кормленія телята плохо развиваются, что̀ и служитъ, между прочимъ, причиною образованія мернаго малорослаго скота, какой распространенъ по всей вятской губерніи. Удойливость коровъ весьма низка—не превосходитъ 80 ведеръ въ годъ и спускается до 40 ведеръ на корову".

Понятно, что при такомъ малочисленномъ и жалкомъ скотѣ не можетъ быть и рѣчи о достаточномъ удобреніи пашней. „Вслѣдствіе недостатка корма, навозъ, по малому содержанію удобрительныхъ веществъ, уже не можетъ соотвѣтствовать безплодію почвы", да и этого навоза менѣе, чѣмъ нужно на цѣлые 67%. Такимъ образомъ, земля, мало удобряемая, постепенно истощается и даетъ урожаи все хуже да хуже. По своду, сдѣланному на основаніи оффиціальныхъ данныхъ г. Верхокамскимъ, въ вятской губ. собиралось ржи:

Въ 1845 г.	4.040,515	четв.		1875 г.	4.125,000
„ 1870 „	6.360,000	„		1876 „	3.485,000
„ 1872 „	5.165,000	„		1877 „	2.892,000
„ 1873 „	4.585,000	„			

Такимъ образомъ, въ 1845 г. на каждаго жителя (всего было 1.553,702) приходилось ржи $2^1/_2$ ч.; въ 1875 г. *1,09;* а въ 1876 — *0,80.* Яроваго собрано въ *1845* году 6.229,000 ч., въ *1871* г., 7.600,000, въ *1873* г. 6.440,000, въ *1875* г. 6.580,000, въ *1877* г. 5,437,000. На каждаго жителя этого сбора приходилось въ упомянутые годы четвертей 4; 3,17; 2,6; 2,6; 2,17. Въ 40-хъ годахъ озимое и яровое въ губерніи родилось самъ-4,26; въ концѣ 50 г. озимое самъ-4, яровое самъ-3,3; въ 1875 г. озимое и яровое самъ-3, въ 1876 г. озимое самъ-$2^1/_2$, въ 1877 г. озимое самъ-$2^1/_4$, яровое самъ-$1^3/_4$. Глазовскій уѣздъ, вслѣдствіе истощенія почвы и недостатка удобренія, не дополучаетъ возможнаго даже при русскомъ хозяйствѣ количества хлѣба на 1.560,000 р. Пахатныя земли котельническаго уѣзда даютъ „противъ обыкновенныхъ, должныхъ урожаевъ только *одну третью часть*". Въ лучшіе урожайные годы у крестьянъ остается излишекъ хлѣба въ 646,500 пуд., который можно продать за 443,663 р.; но этихъ денегъ не хватитъ даже на подати и повинности, стоющія 620,465 р. Сѣна для скота не хватаетъ въ годъ болѣе 8,000 п. Въ орловскомъ уѣздѣ, даже при сравнительно хорошемъ урожаѣ, хватаетъ хлѣба только для 72% населенія, а 28% должны покупать его. И давно уже дѣла идутъ такимъ образомъ въ большинствѣ уѣздовъ, а въ послѣднее время, особенно съ 1877 г., неурожаи и „недостатокъ продовольствія" начали поражать даже сравнительно плодородные уѣзды, напр., малмыжскій.

Крестьянинъ питается почти исключительно хлѣбомъ да по мѣстамъ картофелемъ; онъ не ѣстъ не только мяса, но на всемъ сѣверѣ губерніи не разводитъ даже капусты, а объ огурцахъ имѣетъ самое смутное представленіе: „дядя Тихонъ гуторилъ, что Прокопьевскій Тишка, когда въ Вяткѣ былъ, ѣлъ огурцы-то, и баетъ, гожо-де". Крестьянскіе промыслы въ краѣ самые жалкіе и доставляемый ими

заработокъ далеко не пополняетъ мужицкаго дефицита. Въ котельническомъ уѣздѣ „ремесла между крестьянами встрѣчаются только какъ рѣдкость: съ трудомъ можно отыскать ремесленника даже простыхъ деревянныхъ ложекъ". На сѣверѣ губерніи во многихъ волостяхъ „настолько бѣдно населеніе, что иногда не имѣетъ возможности завести колеса и обходится безъ нихъ, замѣняя (лѣтомъ) телѣгу санями". Въ орловскомъ уѣздѣ прежде было порядочное пчеловодство, но оно пало вслѣдствіе недостатка луговъ съ медоносными растеніями. Работы на мѣстныхъ смолокурняхъ и нѣкоторыхъ заводахъ даютъ крестьянамъ чрезвычайно мало. „На заводахъ находятъ выгодную работу очень немногіе; такъ, на кирсинскомъ заводѣ желающихъ работать столько, что заводское управленіе принуждено было установить очередь въ производствѣ работъ. При этой очереди большинству приходится работать только 2 недѣли въ мѣсяцъ, потому, что въ противномъ случаѣ, за неимѣніемъ работы, половина рабочихъ осталась бы безъ куска хлѣба". Крестьяне, живущіе въ этомъ заводѣ, во время оно выселились въ него изъ сосѣднихъ волостей. „Не имѣя усадьбъ на мѣстахъ своего прежняго жительства и постоянно работая на заводѣ, они, понятно, не могутъ заниматься землею, которою пользовались на мѣстахъ прежняго жительства. Но не пользуясь землею de facto, они de jure считаются надѣленными ею и за это несутъ всѣ тягости и подати, соединенныя съ надѣломъ. Такое положеніе для нихъ весьма тягостно, особенно если принять во вниманіе недостатокъ заработковъ на заводѣ. Многіе желали бы воротиться въ оставленныя ими деревни, но они не въ состояніи сдѣлать этого, вслѣдствіе того, что у нихъ нѣтъ тамъ усадьбъ, а равно нѣтъ земледѣльческихъ орудій и скота. Завести все это имъ не подъ силу"... Въ малмыжскомъ уѣздѣ въ 1858 году было китаечныхъ и бумажныхъ фабрикъ 7, мастеровъ и рабочихъ на нихъ 959, производства на 147,000 руб., а въ 1874 г. фабрикъ было уже только 5, рабочихъ 128, производства на 39,000 руб. Особенно въ татарскихъ волостяхъ уѣзда „прежде существовали небольшія китаечныя фабрики и многіе татары занимались ткацкимъ промысломъ; теперь же домашнихъ ремеслъ у татаръ никакихъ нѣтъ". „Промыселъ домашняго и на фабрикѣ тканья хлопчато-бумажныхъ тканей совершенно исчезаетъ"... „Немногіе татары, продолжающіе еще заниматься имъ, нищенствуютъ; мужъ и жена на своемъ содержаніи заработываютъ только 40 коп. въ недѣлю"... „Рогожникъ при помощи дѣтей заработываетъ въ недѣлю столько же, но большею частію меньше. Шерстобиты остались нынѣ почти совсѣмъ безъ работы. Крестьяне не оставляютъ теперь шерсть для пряжи, на одежду и для обуви, а прямо несутъ ее на рынокъ. Цѣна на шерсть упала;

прежде 25—30 коп. фунтъ, теперь только 16—17 к."... „Плотники, пильщики и всякаго рода ремесленники жалуются на недостатокъ спроса на ихъ работы, остаются безъ дѣла, терпятъ нужду и готовы предлагать свои услуги за самую невыгодную цѣну", потому что большинство крестьянъ не въ состояніи заказывать имъ что бы то ни было. Съ развитіемъ пароходства палъ промыселъ судостроенія, плотники и пильщики остаются безъ дѣла; сократилось производство пеньковыхъ канатовъ и веревокъ, и пенька, стоившая прежде 2½—3 руб. пудъ, упала до 1 р. 20 к. Плетеніе рогожъ сдѣлалось тоже безвыгоднымъ, и рогожникъ едва выручаетъ 20 к. въ недѣлю. Звѣроловство въ одномъ только глазовскомъ уѣздѣ въ 50 годахъ давало до 50,000 р., а нынѣ во всей губерніи 37,000. На всеобщее паденіе промысловъ указываетъ и страшное паденіе задѣльной платы. Валяльщики, напр., за пару сапоговъ получали прежде 50 к., теперь 30 к.

	Въ 50-хъ годахъ:	Теперь:
Плотники	30—60 р. въ годъ—	33 р.
Печники	30—80 „ „ „	14—30 „
Каменьщики	60 „ „ „	50 „
Кузнецы	до 100 „ „ „	22 „

Между тѣмъ, всѣ предметы первой необходимости стали гораздо дороже прежняго; въ котельническомъ уѣздѣ, напр., мука, стоившая прежде 30—40 к., стбитъ нынѣ до 70; мясо, вмѣсто 3—4 к., стбитъ 12 к. Вдобавокъ ко всему, промыслы страшно эксплуатируются кулаками. На сѣверѣ губерніи, напр., очень развита охота на птицъ, и есть семейства, набивающія въ годъ по 200—300 паръ рябчиковъ, но цѣны на нихъ стоятъ низкія, продаютъ даже по 8 коп. пару. „Низкія цѣны на рябчиковъ объясняются кулачною организаціей торговли этого рода дичью. Отъ этой же причины зависитъ низкая цѣна и на другіе продукты охоты. Обыкновенно въ мѣстность является не больше 2—3 скупщиковъ дичи; они составляютъ между собою нѣчто въ родѣ компаніи, причемъ поставляютъ главнымъ и единственнымъ правиломъ, не повышать разъ установленную цѣну. Разъ появившись въ мѣстности, такіе кулаки очень скоро забираютъ населеніе въ руки; одно изъ средствъ для этого,—раздача впередъ денегъ. Этимъ они пріобрѣтаютъ право назначать плату за товаръ, при его пріемкѣ, какъ вздумается. Помимо уменьшенія цѣны, такіе кулаки при пріемѣ рябчиковъ въ счетъ впередъ выданныхъ денегъ стѣсняютъ охотниковъ еще тѣмъ, что отбираютъ только лучшій товаръ, назначая оставшемуся такую цѣну, по какой нельзя выручить и стоимости пороха и дроби"... Или вотъ, напр., жалкій промыселъ производства рыболовныхъ удочекъ: „заработокъ мастеровъ удочекъ

очень ничтоженъ, они отработываютъ только взятыя у скупщиковъ въ долгъ („въ задатокъ") деньги на покупку хлѣба, на уплату податей". Мочальное производство въ орловскомъ уѣздѣ уже все перешло въ руки кулаковъ, равно и дегтярное производство. Рубка лѣса организована такъ же, и поденная плата здѣсь лѣтомъ мужчинѣ 25, женщинѣ 5 к., а зимою мужчина работаетъ за 15 к., женщина же изъ-за хлѣба. Даже въ нищенскихъ татарскихъ волостяхъ есть свои мѣстные кулаки, „у которыхъ сотни татаръ всегда въ долгахъ".

Изъ отхожихъ промысловъ въ губерніи существуетъ, во-первыхъ, бурлачество. „Бурлаки, это несчастные крестьяне, которымъ не остается болѣе ничего, какъ брать такъ-называемые задатки, т.-е. плату за бурлачество, впередъ и взносить ее сборщику податей; оставлять земледѣльческія работы на попеченіе женщинъ, а самому запрягаться въ лямку и на собственныхъ плечахъ по нѣскольку сотъ верстъ везти, какъ лошадь. Собственной выгоды въ бурлачествѣ положительно никакой нѣтъ, потому что, положивъ передній и обратный путь потеряннаго времени и уронъ отъ земледѣлія, чистый доходъ отъ бурлачества будетъ ниже нуля"... Въ котельническомъ уѣздѣ до 4,000 такихъ бурлаковъ. Бурлаки находятся вполнѣ въ рукахъ подрядчиковъ. „Ни отъ какой случайной работы они не могутъ отказываться и не могутъ требовать за нее какого-нибудь дополнительнаго вознагражденія". Получая въ день не болѣе 18 к., бурлакъ за каждый просроченный день штрафуется 30 коп., а за всякую самовольную отлучку съ судна, за всякое нерадѣніе, грубость, ослушаніе, пьянство, хозяева *по усмотрѣнію своему* могутъ вычитать изъ слѣдующей бурлаку платы отъ 1 до 3 р. за каждый, *смотря по винѣ*". Каждаго бурлака хозяинъ или приказчикъ „*по усмотрѣнію своему* во всякое время могутъ удалить отъ службы и всѣ полученныя имъ, но не заработанныя деньги, взыскать". Все что заработаетъ бурлакъ въ лѣто, то и проѣстъ на работѣ же, а при окончательномъ разсчетѣ получаетъ отъ хозяина 1 руб., много, много 1 р. 90 к.—это за все-то лѣто. Прежде былъ въ большомъ ходу извозный промыселъ, тоже падающій въ настоящее время. Въ 50-хъ годахъ извозчикъ заработывалъ 25 — 60 р., теперь немногимъ болѣе 10 р. „Это явленіе упадка извознаго промысла, убиваемаго пароходами и желѣзными дорогами, относится ко всѣмъ мѣстностямъ вятской и друг. губерній, гдѣ прежде крестьяне много и выгодно промышляли извозомъ". Извозчикъ получаетъ въ день до 2 р. 94 к., но нерѣдко расходуетъ больше этой суммы на себя и на лошадей, ѣздитъ положительно въ убытокъ и счастливъ, если ему удалось прокормить зиму отъ своего промысла себя и лошадей. Не многимъ больше обезпечиваютъ крестьянъ отхожіе промыслы рогожничества

и заводскихъ работъ. За пять мѣсяцевъ работы, до 18—19 часовъ въ сутки, рогожникъ можетъ принесть домой не болѣе 40 рублей!

V.

Земледѣліе вмѣстѣ съ мѣстными и отхожими промыслами не даетъ вятскому крестьянину средствъ не только для удовлетворенія его нуждъ, но даже для безнедоимочнаго платежа налоговъ. Государственныхъ, земскихъ, страховыхъ и мірскихъ платежей въ вятской губерніи приходится на каждую ревизскую душу 8 р. 20 к., а всего хлѣба собирается на душу 77½ п., на 31 р. По изслѣдованію г. Янсона, при доходности вятской десятины въ 1 руб. 2 коп., крестьянинъ платитъ съ нея налогу: государственный *1 р.* ½ *к.*, удѣльный *1 р. 8 к.*, помѣщичій *2 р. 8 к.* Въ 1858 г. всѣхъ податей было 5,000,000, а нынѣ 7.370,000 (Спасскій, 202). По изслѣдованію Заволжскаго, въ сѣверныхъ волостяхъ губерніи населенію не хватаетъ производимаго имъ хлѣба на собственное продовольствіе 117,500 п. Доходы отъ извоза, бурлачества, рубки лѣса, охоты, доставки угля, бересты, ивовой коры, и доходъ отъ животныхъ даютъ до *515,000 р.* Расходы же слѣдующіе:

На соль	32,410 р.
„ водку и пиво	83,351 „
„ мануфактурныя издѣлія	8,601 „
„ обувь	5,531 „
„ постройки	18,308 „
„ государственныя подати	302,209 „
„ земскія подати	35,773 „
„ содержаніе волостныхъ правленій	10,238 „
„ сдачу рекрутъ	5,661 „
„ содержаніе церквей	11,500 „
„ „ духовенства	58,380 „
„ свадьбы („покупку невѣсты“)	9,000 „
„ покупку 117,500 п. хлѣба	47,029 „
Всего	622,994 р.
Дефицитъ:	107,444 р.

Дефициту приходится на каждую мужскую ревизскую душу около 2 р. 23 к. въ наиболѣе благопріятные годы.

Этотъ постоянный дефицитъ порождаетъ недоимки. Долговъ по кассамъ 22,290 р., по хлѣбнымъ магазинамъ 182,084 р., по государственному продовольст. капиталу 125,215 руб., по земскому продовольственному капиталу 47,796 р.; всего долговъ 483,090 руб.: по 10 руб. 2 коп. на мужскую ревизскую душу, а податной недоимки

239,579 р., вмѣстѣ же съ долгами *722,670 р.* Цифры эти постоянно возрастаютъ, при этомъ недоимки относительно общей суммы лежащихъ на крестьянахъ податей составляли въ слободскомъ уѣздѣ:

Въ 1861 г.	5%
„ 1862 „	18 „
„ 1863 „	53 „
„ 1864 „	109 „
„ 1865 „	153 „
„ 1866 „	191 „
„ 1867 „	229 „
„ 1868 „	257 „
„ 1869 „	260 „

Въ 1870 г. недоимокъ за этимъ уѣздомъ было уже 644,000, въ 1872 г. 849,000, а въ 1874 г. 900,000. Въ глазовскомъ уѣздѣ недоимокъ было въ 1857 г. 19,000, въ 1874 г. 124,000. Въ губерніи недоимокъ было въ 1858 г. 73,000, въ 1864 году 387,000; въ 1874 г. 1.837,000. Нечего доказывать, что недоимки накопляются не вслѣдствіе нежеланія крестьянъ платить или нерадивости полиціи, и мы приведемъ здѣсь только выдержку изъ доклада котельнической управы о способахъ ихъ взысканія: „сельскія начальства и уѣздная полиція, приступая съ 1 сентября ко взысканію сборовъ, вовсе не знаютъ, насколько въ данную осень крестьяне имѣютъ хлѣба и скота для продажи и обращенія денегъ въ подать. Поэтому начальства на первыхъ же порахъ надъ крестьянами предпринимаютъ мѣры наказанія, усиливая ихъ время отъ времени, пока не наступитъ конечный срокъ сборовъ и мѣры эти окажутся несостоятельными. Тогда начальства ѣдутъ по селеніямъ для принятія послѣднихъ мѣръ взысканія—оцѣнки и продажи имущества, и при этомъ убѣждаются, что крестьянинъ, который былъ подвергаемъ наказанію за неплатежъ, сидитъ дома безъ куска хлѣба, окруженный роемъ семейства, сидитъ потому, что отлучекъ по письменнымъ видамъ крестьянамъ, не заплатившимъ податей, не допускается“. Слободское земское собраніе 1875 г. посмотрѣло на дѣло иначе и, объясняя недоимки лѣностью мужика, постановило, что „неплательщиковъ податей и сборовъ необходимо чаще подвергать исправительнымъ взысканіямъ, которыя предоставлены волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ, а именно: общественнымъ работамъ до 2 дней, денежному въ пользу мірскихъ ссудъ взысканію до 1 рубля, аресту не долѣе 2 дней, затѣмъ наказаніямъ, которыя можетъ налагать волостной судъ, т.-е. общественнымъ работамъ до 6 дней, денежному взысканію до 3 рублей, аресту до 7 дней и тѣлесному наказанію розгами до 20 ударовъ. Далѣе,

людей, на которыхъ не дѣйствуютъ исправительныя взысканія, выселять въ Сибирь".

Взысканіе податей и недоимокъ производится слѣдующимъ образомъ, какъ это выяснилось въ вятскомъ окружномъ судѣ. „Въ слободскомъ уѣздѣ существуетъ нѣсколько заводовъ. Бѣднѣйшіе крестьяне не только временно работаютъ на этихъ заводахъ, но съ давнихъ поръ со всѣми семействами живутъ тамъ. Между тѣмъ „души" ихъ числятся въ волости, и подать съ этихъ душъ требуется; за неуплатой ея, годъ отъ году, накопляются недоимки рублей до 100 на одно семейство и болѣе; такъ, напримѣръ, за проживающими въ заводахъ семействами въ послѣднее время только изъ одной волости насчитывается недоимки до 10,000 р. И вотъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ, вмѣстѣ съ своими, и такія недоимки пришлось выплачивать крестьянамъ, уже внесшимъ бо́льшею частію свои подати сполна"... „Во-вторую половину крестьяне ужъ *подбились*, т.-е. всѣ возможныя средства къ пріобрѣтенію денегъ были истощены", показывали на судѣ свидѣтели: „пріѣхалъ въ наше правленіе исправникъ, спрашиваетъ, сколько недоимки. Старшина сказалъ—столько-то. Исправникъ и разложилъ по 1 р. 15 к. на душу, но общество не хотѣло платить; говорили: взыскивай съ тѣхъ, кто еще не внесъ. Исправникъ тутъ же потребовалъ деньги съ начальниковъ, а во-второй разъ пріѣхалъ—со всего общества. Нашъ волостной сходъ просилъ хоть недѣльку еще сроку. Стали возражать, что, по нашему разсчету, довольно будетъ, если взыскать не болѣе, чѣмъ по 50 к. съ души; приказалъ молчать: не ваше-де дѣло; время пропустили; если не будетъ собрано, то наложу еще. Сборъ прекратили, когда, по мнѣнію исправника, было взыскано достаточно; но когда сосчитали деньги, то оказалось, что взыскано болѣе, чѣмъ слѣдовало. Излишняго сбора пришлось въ одной изъ волостей, на 700 ревизскихъ душъ, по 30 коп. на душу. Деньги эти хранили въ кассѣ и зачислили въ подать на слѣдующій годъ. Въ нашей волости (Крушева) лишка собрано было 1000 р., и то еще взыскали не со всѣхъ. У крестьянъ отбирали лошадей, скотъ; становой ѣздилъ по деревнямъ, собиралъ, кто чѣмъ занимается; возьметъ и везетъ, а крестьяне послѣ и выкупали свое—вносили деньги". Розгами наказывали по приговору, и самъ становой приставъ чрезъ полицейскихъ служителей наказывалъ. Относительно наказаній въ обвинительномъ актѣ было сказано, что въ одной волости было наказано болѣе 60 человѣкъ, изъ нихъ иные были старше 60 лѣтъ. Было такъ иногда, что пріѣдетъ становой приставъ въ татарскую деревню, войдетъ въ домѣ, гдѣ женщины и малолѣтніе, и начинаетъ отбирать имущество; татарку, которая, не понимая, что́ дѣлается въ ея домѣ, вступается

за свои вещи, чтобъ не мѣшала, привязывали къ кровати. Самъ исправникъ, пріѣхавъ въ одну волость, ни съ того, ни съ сего вдругъ взялъ да и высѣкъ волостнаго старшину безъ всякаго приговора. Ни самъ высѣченный старшина, ни самъ бывшій исправникъ не могли объяснить, зачѣмъ это было сдѣлано. Бывшій старшина говорилъ, что исправникъ велѣлъ снять знакъ; раздѣли, разложили... На судѣ исправникъ началъ говорить о медальщикахъ, которые, какъ оказалось, появились уже послѣ его отставки, ссылался на секретную переписку, говорилъ о томъ, что крестьянинъ, во время сѣченія, не былъ волостнымъ старшиной, но все это опредѣленно не подтвердилось на судѣ. Вообще, по поводу послѣдняго случая товарищъ прокурора имѣлъ основаніе сказать, что старикъ высѣченъ просто потому, что исправникъ въ то время былъ въ дурномъ расположеніи духа, что онъ просто пріѣхалъ, увидѣлъ и высѣкъ.

Другой корреспондентъ разсказываетъ объ орловскомъ уѣздѣ. „Въ 1874—1875 годахъ въ орловскомъ уѣздѣ были сильные неурожаи; крестьянамъ не удалось, какъ они выражаются, перейти изъ поля въ поле, т.-е. полученнаго хлѣба не хватило на сѣмена. Нужда была настолько сильна, что земской управѣ пришлось раздать въ пособіе крестьянамъ въ одномъ только 1875 году болѣе шестидесяти тысячъ рублей. Понятно, что крестьянамъ было очень трудно выплачивать исправно подати; но, можетъ быть, именно поэтому въ концѣ октября и въ ноябрѣ были приняты экстренныя, энергическія мѣры. Изъ ближайшихъ къ городу Орлову волостей были вытребованы въ полицейское управленіе волостные судьи. Въ базарные дни низшіе полицейскіе чины отправлялись на охоту по городу и по кабакамъ въ особенности. Ловились мужики и приводились къ волостнымъ судьямъ, содержавшимся при полиціи. Здѣсь справлялись по книгамъ, заплачены ли у взятыхъ лицъ подати, и если нѣтъ, то тутъ же дѣлалось постановленіе и приговоръ къ тѣлесному наказанію; и хотя полагается продолжительный срокъ на обжалованіе рѣшенія волостного суда, но приговоръ приводился въ исполненіе. Нечего и говорить, что по сельскимъ сходамъ тоже начали разъѣзжать полицейскіе чиновники...“

Но и самыя строгія мѣры не помогаютъ и недоимки нетолько не уменьшаются, но даже увеличиваются.

VI.

Цифры недоимокъ, какъ онѣ ни крупны, не даютъ наглядnаго представленія о картинѣ того хроническаго „неблагополучія“ и „недостатка продовольствія“, которыя выпали на долю вятскаго края. Начнемъ съ построекъ, и прежде всего дадимъ описаніе постройки овина въ яранскомъ уѣздѣ. Дѣлается яма. „По окружности всѣхъ четырехъ стѣнокъ ямы въ одинъ рядъ втыкаютъ колья на разстояніи полуаршина одинъ отъ другого; затѣмъ, отступя на 5 или на 6 четвертей отъ стѣны правой стороны, поперекъ ямы вбиваются еще колья, разграничивающіе овинную яму отъ подлаза, но при этомъ оставляется отверстіе для входа изъ подлаза въ овинную яму. На колья, для скрѣпленія ихъ, по всѣмъ стѣнкамъ накладываются брусья съ проверченными дырами; сверхъ сего, вблизи поперечной стѣнки кладется отдѣльный брусъ, предназначаемый для пазушины, т.-е. для прохода тепла изъ сушильной ямы. Затѣмъ приступаютъ къ мѣскѣ глины. Въ разведенную и тщательно размѣшанную глину бросаютъ ржаной соломы, прежде смочивъ ее, и обвалявшуюся въ глинѣ солому обвиваютъ между кольями змѣйкою; такимъ образомъ пропитанная глиною солома обвивается рядъ на рядъ съ той и другой стороны кольевъ до верхнихъ брусьевъ, причемъ при наложеніи каждаго пучка соломы онъ нѣсколько нажимается, а неровности приглаживаются. Потомъ на брусья, скрѣпляющіе колья (исключая подлаза), настилается деревянный потолокъ. По окружности потолка съ трехъ сторонъ надъ ямой, отступя отъ нея на одну четверть, вбиваются въ землю колья опять въ одинъ рядъ, съ четвертой же стороны надъ поперечной ямой стѣнкой ставятъ колья въ брусъ; все это скрѣпляется верхними брусьями и между кольями обвивается пропитанная глиною солома тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ ямѣ. На верхнія брусья ставятъ легкія стропила, на нихъ перебрасываются хворостины и затѣмъ покрывается крыша соломой. Подъ, на потолкѣ, надъ ямою набивается изъ глины. Входъ въ яму устроивается съ боку, надъ которымъ ставятъ въ отвѣсномъ видѣ сучковатыя жерди, примыкающія верхними концами къ стѣнѣ овина и покрываются соломой“. Читатель изумится, зачѣмъ я привелъ это описаніе яранскаго овина? А вотъ зачѣмъ: *Способъ постройки домовъ тотъ же, какъ и овиновъ, только колья для домовъ вбиваются въ 2 и 3 ряда и стѣны дѣлаются толще!* Эти мазанки въ вятскомъ краѣ являются выраженіемъ рѣшительнаго регресса въ сравненіи съ прежними постройками изъ хорошаго лѣса. Вообще въ вятской губ. крестьянскія „избы малы, ветхи“; во многихъ волостяхъ

„встрѣчаются не дома, а какіе-то рѣзкимъ образомъ говорящіе за голую бѣдность своихъ обитателей шалаши, годные скорѣе для телятниковъ, чѣмъ для людского житья“... „Новыя избы встрѣчаются весьма рѣдко, въ большинствѣ же всѣ строенія ветхія, съ покачнувшимися углами. Новыя избы строятся весьма туго, только въ крайнихъ случаяхъ, когда постройки уже совершенно валятся. Причиною такого пренебреженія своими жилищами, конечно, бѣдность, но не послѣднею причиною служитъ стѣснительное для крестьянъ пользованіе лѣсомъ“... „Въ котельническомъ уѣздѣ, говоритъ г. Потанинъ (Древн. и Нов. Россія 1875 г.) крестьяне *перерубаютъ* избы до 3 разъ, размѣры избы, такимъ образомъ, съ каждымъ разомъ и въ концѣ-концовъ доходятъ чуть не до величины телячьей стойки. Въ сѣверной части яранскаго уѣзда строятъ избы всегда изъ старыхъ, скупая у крестьянъ, ѣдущихъ на починки. Начинаютъ быть въ ходу и мазанки, чего прежде никогда не бывало“.

Но, можетъ, „не красна изба углами, такъ красна пирогами!“ „При постоянной нуждѣ и невозможности занимать, говоритъ г. Заволжскій, крестьяне по необходимости должны прибѣгнуть къ какому нибудь особенному способу покрывать свои дефициты. Они покрываютъ ихъ на собственномъ тѣлѣ, не допиваютъ и не доѣдаютъ. Этотъ способъ крестьяне считаютъ для себя весьма легкимъ и удобнымъ, такъ какъ, чтобы воспользоваться имъ, не нужно просить разрѣшенія какого либо начальства. Я указывалъ на главную пищу крестьянъ,—на хлѣбъ и крупу. При недостаткѣ, кашицу изъ крупы они замѣняютъ водою, далѣе перестаютъ сѣять муку даже и сквозь рѣшето. Мало этого, начинаютъ подбавлять въ муку мякины, коры, и чѣмъ болѣе недостатокъ въ хлѣбѣ, тѣмъ примѣсь въ хлѣбѣ этихъ мало-питательныхъ суррогатовъ становится больше и больше. Хлѣбъ получается въ видѣ отвратительной лепешки. Онъ комкомъ ложится въ желудкѣ, трудно варится и представляетъ собою пищевой балластъ, служащій обманомъ для стѣнокъ желудка, а не дѣйствительнымъ питательнымъ матеріаломъ. Образцы подобнаго рода мною были представлены въ губернскую управу. Такой хлѣбъ можно было встрѣтить въ прошломъ году въ трушниковской, пушейской и маракуленской волостяхъ, а также и въ отдѣльныхъ деревняхъ и домахъ всѣхъ волостей сѣвера вятской губерніи“... „Въ котельническомъ уѣздѣ не мало убиваетъ здоровья у бѣдныхъ крестьянъ пища, которая, по крайней ихъ бѣдности, груба, а иногда и совсѣмъ вредная“. Вообще вся обстановка котельническаго крестьянина свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности. „Достаточно взглянуть въ любую деревню, въ любой домъ бѣднаго крестьянина, особенно утромъ въ зимнее время, чтобы убѣдиться въ горькомъ положеніи крестьянъ и поскорбѣть

душевно. Одежда на тѣлѣ живущихъ—изъ грубой макриды и грязна до отвращенія, а меньшіе въ семействѣ, кромѣ того, еще полунагіе. Полъ въ комнатѣ не много лучше грязной улицы; стѣны и потолокъ покрыты сажей; вверху до полатей и ниже крутится густой дымъ изъ печки, а внизу изъ дверей стелется стужа съ улицы. Это есть единственный чертогъ бѣднаго крестьянина и въ то же время теплый хлѣвъ для корма коровъ, свиней и прочаго скота. Въ лѣтнее время крестьяне бо́льшею частію живутъ на вольномъ воздухѣ, но за то всю зиму, горькую для нихъ зиму, особенно семейства крестьянъ, каждое утро мерзнутъ и коптятся въ дыму, и всякій день сидятъ въ этомъ вредномъ углеродистомъ воздухѣ, въ этой домашней тюрьмѣ, за то только, что они бѣдны и—главное—необразованы. Безъ сомнѣнія, одна только постепенная привычка спасаетъ такія семейства отъ погибели скорой, но это не можетъ быть безвреднымъ и ни какъ не легче, какъ медленный ядъ. Хозяева такихъ семействъ, хотя отчасти и избѣгаютъ такого дыма и воздуха, находясь бо́льшею частію въ дорогѣ и за извозомъ,—но и ихъ участь не менѣе жалкая, и они не менѣе убиваютъ свое здоровье. Всю зиму, со всѣми ея морозами, почти безпрерывно идетъ крестьянинъ пѣшкомъ за возомъ по пурговатой, разбитой дорогѣ и во что же одѣтый?... Часто въ лохмотьяхъ холоднаго платья, и, можетъ быть, въ подкинутомъ на бѣдную грудь его лоскутомъ овчины и двухъ обрывкахъ суконной онучи на ногахъ. Онъ застылъ бы непремѣнно, если бы сама природа, какъ-бы изъ состраданія къ нему за его страданія и тяжелое тѣлодвиженіе, не награждала бы его внутреннимъ теплomъ; но кожа на носу, щекахъ и ушахъ по нѣскольку разъ въ зиму срывается морозомъ, какъ самое обыкновенное, ничего не стоющее дѣло, и это еще благо, а бываютъ и простуды, не рѣдко и горячки, а иногда и умираютъ".

Въ 1876 г. даже управа жаловалась, что уѣздъ страшно бѣднѣетъ. „Мы дожили до того, что тамъ, гдѣ необходимо быть покосу, нынѣ остается доживающая свой вѣкъ пашня, а тамъ, гдѣ должна быть пашня, давно уже мертвая пустошь, а бѣдный крестьянинъ нашъ дошелъ до того, что у него не стало ни скота, ни сѣна, ни хлѣба, ни денегъ". Доходъ отъ земледѣлія въ уѣздѣ 3.400,000 р., необходимыхъ расходовъ вмѣстѣ съ налогами 4.300,000, дефицитъ 900,000, долговъ 650,000, и земство видитъ передъ собой „банкротство".

А вотъ состояніе орловскаго уѣзда въ 1875 г. „Выходящая изъ ряда обычной несостоятельность сельскаго населенія оказалась не только въ волостяхъ левинской, колковской и коврижской, населеніе которыхъ, по дошедшимъ до губернатора свѣдѣніямъ, употребляло еще до февраля мѣсяца въ пищу хлѣбъ съ мякиной, но также и въ

другихъ волостяхъ, составляющихъ уѣздъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей въ южной части уѣзда. Во всѣхъ волостяхъ слышалась нужда въ хлѣбѣ, вездѣ недостатокъ его, обхватившій большую часть населенія, питавшагося еще въ началѣ текущаго 1875 г. овсомъ, превращеннымъ въ муку, которая, безъ отдѣленія отъ нея мякины, употреблялась для печенія хлѣба. Только болѣе зажиточные къ такой овсяной мукѣ имѣли возможность прибавлять часть ржаной муки, другіе же, наоборотъ, овсяную муку съ мякиной, для увеличенія количества хлѣба, смѣшивали съ сорными травами—куколемъ и метлицей, причемъ оканчивая запасъ овса, принимались за употребленіе части, оставленной на сѣмена; иные, наконецъ,—а такихъ было не мало,—лишившись послѣднихъ средствъ, прибѣгали къ послѣднему способу существованія—нищенству, не только отдѣльными семействами, но даже цѣлыми селеніями, отправлявшись въ уѣзды нолинскій, уржумскій, глазовскій и яранскій. Это, однако, еще была не послѣдняя степень бѣдности, такъ какъ для того, чтобы отправиться зимою въ другіе уѣзды въ качествѣ нищихъ, необходимо имѣть зимнюю одежду, а семейнымъ—и лошадь; не имѣющіе ни того, ни другого вынуждены были нищенствовать въ ближайшихъ почти столько же бѣдствующихъ селеніяхъ".

Членъ управы г. Булычевъ, изслѣдовавшій положеніе 11 сѣверныхъ волостей уѣзда, пишетъ: „Мнѣ удалось посѣтить 91 селеніе, записать до 305 семействъ, попавшихъ не по выбору, а просто по пути, во время изслѣдованія бѣдности крестьянъ. При личномъ посѣщеніи деревень я нашелъ положеніе жителей, дѣйствительно, на столько бѣднымъ, что значительное большинство изъ нихъ питаются овсомъ; такъ: превративъ овесъ въ порошокъ, не отдѣляя мякины (скорлупы), изъ этого порошка выпекаютъ хлѣбъ и употребляютъ въ пищу. Очень не многіе прибавляли въ такую овсянку (толкушку) небольшую часть ржаной муки, и это, разумѣется, выпадало только на долю зажиточныхъ. Нѣкоторые жители въ то время, какъ я былъ у нихъ, кончили уже и запасъ овса, добравшись до остальной его части на обсѣмененіе яровыхъ полей настоящаго года; другіе, кончая его, для того, чтобы поспорѣе онъ былъ, смѣшивали его съ мякиной, куколемъ и даже метлицей и, наконецъ, многіе не только отдѣльными семействами, а цѣлыми селеніями, лишившись послѣднихъ средствъ, прибѣгли къ послѣдней мѣрѣ—сбору милостыни".

Вотъ, напр., выдержка изъ списковъ, составленныхъ г. Булычевымъ:

Панкратъ Горевъ, 38 л., окупаетъ 2 души, жена, 7 дѣтей, 1 корова, 1 лошадь, 2 овцы. Ремесла никакого не знаетъ. Хлѣба послѣднюю ступу истолкли.

Иванъ Ждановъ, 32 л., жена, 2 дѣтей, отецъ старикъ, 1 корова,

1 лошадь, 1 овца. Хлѣба недостаетъ къ осени, ѣздилъ съ дѣтьми за сборомъ (т.-е. милостыни); на уплату податей продалъ сѣно.

Федоръ Козаковцевъ, 50 л., жена, 3 дѣтей, 1 корова, лошади нѣтъ; ремесла не имѣетъ, ушелъ сбирать; на уплату податей продалъ конюшню.

Емельянъ Ждановъ, 25 лѣтъ, слѣпой отецъ, жена, дочь, 2 сестры, 3 племянника; скота нѣтъ, домъ ветхій, не въ чемъ жить; сбираютъ; на подати продали послѣднюю лошадь. Окупаетъ $1^1/_2$ души.

Семенъ Тарасовъ, 50 л., жена, 4 дѣтей, 1 изъ нихъ работникъ, внучка, сноха, 1 корова, 1 лошадь; старикъ и старуха сбираютъ; на подати продали жеребенка; окупаетъ 3 души.

Назаръ Хоробрыхъ, 55 лѣтъ, жена старуха, сынъ 40 лѣтъ, калѣка, его жена, сынъ 21 года, его жена, 1 дочь, 3 внука; окупаетъ $4^1/_2$ души; 1 корова, 2 лошади, 2 теленка; на подати занялъ; теперь сбираютъ.

Гаврилъ Ковязинъ, 40 лѣтъ, жена, 2 малолѣтнихъ дѣтей, окупаетъ 2 души; 1 старая и худая лошадь, 1 овца; хлѣба нѣтъ, сбираютъ.

Ефимъ Елташевъ 30 лѣтъ жена, 2 малолѣтнихъ дѣтей; окупаетъ $1^1/_2$ души; ничего не имѣетъ; сбираютъ.

Никита Берсеневъ, старикъ сухорукій, жена, 2 малолѣтнихъ сына; окупаетъ 1 душу; ничего не имѣютъ; сбираютъ.

Степанъ Усковъ, 60 лѣтъ, жена, сынъ женатый, сноха, дочь, внука; окупаетъ 2 души, 1 телка, 1 овца; корова, телка и 2 овцы проданы за недоимку; хлѣба нѣтъ; сбираютъ.

Ермолай Заусеницынъ, 50 лѣтъ, жена, сынъ 17 лѣтъ, 5 дочерей, отъ 16 — 3 лѣтъ, окупаетъ 2 души, ничего нѣтъ; сбираютъ. И т. д., и т. д.

Въ слободскомъ уѣздѣ урожаевъ не было съ 1862 г.: „хлѣбъ съ корой или отрубями“. Въ глазовскомъ уѣздѣ деревни поражаетъ скорбутъ „вслѣдствіе испорченности воздуха въ домахъ во время зимы и скудной пищи“. Въ 1877 г. даже малмыжскій уѣздъ очутился въ критическомъ положеніи, крайней бѣдности, а объ уржумскомъ и говорить нечего. Хлѣба не хватило 1.759,000 п. По мѣстамъ здѣсь появлялась особая болѣзнь: „головная боль, сильныя боли въ животѣ и поносъ“. Врачъ Цвирко сдѣлалъ (послѣ осмотра больныхъ) заключеніе, что „гастрическое состояніе у всѣхъ больныхъ произошло отъ употребленія въ пищу одного картофеля безъ соли, и что если больные не будутъ имѣть хлѣбной пищи, то имъ угрожаетъ смерть. Больные хвораютъ въ нетопленныхъ избахъ, въ самой ветхой одеждѣ“. Земскій статистикъ Романовъ, командированный въ уѣздъ, даетъ поразительную картину бѣдности, представляющей очень мало исключеній. Особенно бѣдствуютъ татарскія волости. „Будучи

болѣе или менѣе знакомъ со всѣми уѣздами вятской губерніи, говоритъ г. Романовъ, я могу свидѣтельствовать, что вообще во всей губерніи найдется очень мало такихъ селеній, которыя представляли бы такія же убогія жилища, какъ татарскіе дворы, въ янгуловской волости. Я ходилъ изъ одного двора въ другой слѣдующій безъ выбора, и мнѣ, за рѣдкими исключеніями, приводилось переходить изъ одной ветхой лачуги въ другую такую же. Большинство татарскихъ семействъ живутъ въ самыхъ маленькихъ избахъ, да и эти избы бо́льшею частію старыя, ветхія и уже разваливаются. Въ ветхихъ и очень небольшихъ оконныхъ рамахъ обыкновенно не достаетъ нѣсколькихъ стеколъ, отверстія заткнуты тряпками или затянуты пузыремъ, нерѣдко было можно замѣчать, что стѣны избы покачнулись, потолокъ едва держится, по полу не вездѣ безопасно ходить, можно упасть въ подполье, и ко всему этому—вездѣ крайне грязно, въ каждой избѣ какой-то особенный, тяжелый и непріятный запахъ. Въ очень рѣдкихъ дворахъ, у наиболѣе состоятельныхъ татаръ, можно найти извѣстную чистоту, опрятность и хорошее убранство татарскихъ жилищъ. Отъ этой чистоты и убранства татаринъ никогда не откажется, пока его окончательно не принудитъ къ тому бѣдность, и однако у малмыжскихъ татаръ, насколько я въ этомъ могъ убѣдиться, нечистота и недостатокъ или полное отсутствіе самыхъ обыкновенныхъ татарскихъ жилищъ составляютъ далеко не исключеніе, а скорѣе общее правило. Я встрѣчалъ такія татарскія избы, гдѣ вовсе нѣтъ большихъ тюфяковъ и подушекъ, а есть только двѣ-три маленькія подушки, рваныя и грязныя до безобразія; встрѣчалъ такія избы, гдѣ пуховыя и перовыя подушки замѣнены набитыми соломою. Въ очень рѣдкихъ избахъ нары покрыты войлокомъ. Какой-нибудь самоваръ можно еще найти, развѣ за рѣдкими исключеніями, въ каждой избѣ, но употребленіе чая никакъ не слѣдуетъ считать у татаръ излишествомъ и роскошью; нѣкоторыя семейства иногда долго питаются однимъ кирпичнымъ чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ или даже только съ вареннымъ картофелемъ, безъ сахара, развѣ только съ козьимъ молокомъ. Нѣкоторыя бѣднѣйшія семейства, предвидя невозможность всегда имѣть чай, собираютъ лѣтомъ и запасаютъ на зиму, чтобы пить, вмѣсто чая, пахучую траву, которую татары называютъ матришка, а русскіе крестьяне душицею; такимъ же суррогатомъ чая служитъ еще иногда у татаръ листъ черной смородины (карлаганъ). Вслѣдствіе нынѣшняго неурожая, у большей части татарскихъ семействъ въ янгуловской волости, частію и въ другихъ, уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда я былъ тамъ, вовсе не было никакихъ, хотя бы самыхъ ничтожныхъ, запасовъ хлѣба, въ нѣкоторыхъ семействахъ былъ уже съѣденъ и весь запасъ

картофеля. Многія семейства живутъ въ проголодь, на выручку отъ продажи лаптей, покупаютъ муку фунтами и варятъ изъ нея похлебку. Такою мучною похлебкою въ нѣкоторыхъ семействахъ должны теперь питаться исключительно и взрослые, и дѣти. Я самъ видѣлъ, что даже въ относительно состоятельныхъ семействахъ приваркомъ къ хлѣбу за обѣдомъ служитъ мутная горячая вода, въ которой сваренъ картофель и тутъ же плаваетъ неочищенный отъ шелухи. Въ очень многихъ татарскихъ дворахъ, какъ видно изъ представляемаго мною списка, вовсе нѣтъ никакого домашняго скота; приходилось только изумляться тому, что во дворахъ, владѣющихъ, напр., четырьмя душевыми надѣлами земли, нѣтъ даже овечки, не только лошади или коровы. Эти семейства должны ежегодно выплачивать болѣе 30 рублей податей и сборовъ, а у нихъ всего достоянія не найдется на такую сумму. Въ янгуловской волости часто встрѣчаются татарскіе дворы, представляющіе одну ветхую и самую маленькую избенку безъ всякихъ другихъ строеній и безъ ограды; если въ такихъ дворахъ имѣется хотя чужая, взятая на кормъ, корова, то для нея обыкновенно бываетъ на одворицѣ плетневая загородка, сверху почти не прикрытая; единственнымъ кормомъ коровъ служитъ ржаная или яровая солома съ обмолоченными колосьями. Побывавъ въ 87 дворахъ двухъ деревень янгуловской волости, я нигдѣ не видѣлъ ни одного полѣна дровъ, на топливо идутъ исключительно вѣтви и стволы молодого кустарника; мѣстное волостное правленіе отапливается старыми телеграфными столбами“. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ составленныхъ г. Романовымъ списковъ, обнимающихъ 175 дворовъ:

Шарафутинъ Шамсутиновъ, платитъ за $1^1/_2$ души, скота нѣтъ, жена, 4 дѣтей, земля засѣяна на 1 душу; хозяинъ служитъ сторожемъ на почтовой станціи за 3 р. въ мѣсяцъ на своей пищѣ, семья покупаетъ картофель и муку фунтами.

Фактула Хомидулинъ, $1^1/_2$ рев. души, лошади и коровы нѣтъ, 3 овцы, жена, 5 малолѣт. дѣтей въ рубищахъ, изба очень бѣдная, хозяинъ ушелъ искать поденной работы.

Акзамъ Абидулинъ, $2^1/_2$ р. души, мать, жена, 4 дѣтей, 2 овцы, лошадь продана осенью на хлѣбъ, корова пала весною; хозяинъ ходилъ за поденной работой, но не нашелъ, теперь плететъ и продаетъ лапти по 3 к. пара; на квартирѣ чеботарь изъ др. деревни, платитъ 2 к. въ сутки.

Идрисъ Байшурдзинъ, 2 р. души, жена, 3 дѣтей, 1 овца, изба очень плохая, заработковъ никакихъ, принимаютъ иногда проходящихъ по тракту лицъ и съ нихъ получаютъ что-нибудь.

Сабитъ Хомитовъ, 4 р. д., 2 сына и 1 дочь, скота нѣтъ, старикъ пропитывается на мельницѣ, старшій сынъ уже 3 мѣсяца ушелъ на

заработки и вѣстей отъ него нѣтъ; второй сынъ, нездоровый, лапти плететъ.

Мазитъ Хасановъ, 3 р. д.; жена и сынъ, 1 лошадь, 3 овцы, засѣяно земли на $2^{1}/_{2}$ д., изба разваливается, промысла никакого, сынъ призывается къ воинской повинности.

Минишъ Забировъ, 2 р. д., жена, холостой сынъ, 2 дѣтей, скота никакого, изба ветхая, разваливается, хозяинъ плотникъ, но работы не находитъ, сынъ призывается къ воинской повинности.

Габадулла Габайдулинъ, 1 р. д., жена, 3 дочери, сынъ 14 л., скота никакого, изба разваливается, засѣяно только на $1^{1}/_{2}$ души; хозяинъ ушелъ искать работы, семья питалась однимъ картофелемъ, но и его уже нѣтъ; всѣ лежатъ больными.

Сайфумлюкъ Итмуратовъ, 1 р. д., жена, 2 дѣтей, избы нѣтъ, живутъ у предыдущей семьи, бѣдность крайняя, дѣти уже цѣлый мѣсяцъ хвораютъ.

Латынъ Бикмуаметовъ, 1 р. д., мать, жена, ребенокъ, изба ветхая, скота нѣтъ, на муку продана послѣдняя телка, хозяинъ отставной солдатъ, земли не засѣваетъ, работаетъ на смольныхъ заводахъ уже 5 недѣль, прислалъ 1 рубль.

И т. д.,—все то-же. Откуда же можно крестьянину ожидать помощи? Мѣстные продовольственные запасы, вслѣдствіе того, что съ 1857 по 1876 урожай по губерніи сократился на $^{1}/_{4}$, были истощены уже въ первое трехлѣтіе земской дѣятельности. Взысканіе этихъ хлѣбныхъ недоимокъ въ большинствѣ случаевъ положительно невозможно по бѣдности крестьянъ. „Съ одной стороны опустѣніе магазиновъ, съ другой увеличеніе цифры долговъ идетъ изъ года въ годъ". Остается одно—прибѣгать къ губернскимъ капиталамъ, и вотъ изъ года въ годъ губ. собранія вынуждены ассигновать субсидію уѣзднымъ. На котельническій у. до 1871 было выдано 35,000, въ 1871 г. 15,000; въ томъ же году пяти другимъ уѣздамъ *35,000 р.* Въ 1872 г. на 7 уѣздовъ выдано *42,000 р.* и на одномъ только сарапульскомъ земствѣ губ. земство имѣло долгу 65,700 р. Въ слѣдующемъ году долговъ на сарапульскомъ у. было уже 108,000 р., да на 8 уѣздовъ, въ томъ числѣ на сарапульскій, отпущено заимообразной субсидіи *108,000 р.* На 1874 г. ассигновано изъ продовольственнаго капитала 7 уѣздамъ *56,000 р.* Въ 1874 г. на продовольствіе 7 уѣздовъ, отпущено *138,000 р.*, долговъ на уѣздныхъ земствахъ было уже 308,000. Въ 1875 г. дано 9 уѣздамъ *143,000 р.* Въ 1876 г. отпущено 11 уѣздамъ *196,000 р.*, да на слѣд. годъ 10 уѣздамъ *178,000 р.* На 1878 г. на одинъ только малмыжскій уѣздъ требовалось изъ губ. продовольственнаго капитала *200,000*, на уржумскій уѣздъ *620,000*, да ассигновано на 9 другихъ уѣздовъ

258,000. р. На яранскій уѣздъ потребовано въ 1878 г. *186,000* р. Губернскіе капиталы совершенно истощены. Въ 1868 году продовольственнаго капитала было 2.000,000, а въ 1878 г., даже до упомянутыхъ ассигновокъ только *339.000*. Запасный капиталъ въ первыя 5 лѣтъ земства убавился на 54,000. Изъ 760,000 запаснаго капитала въ 1876 г. осталось только 506,000. Когда въ 1877 г. вятскому земству представился новый расходъ въ 200,000 р. на пособіе семействамъ нижнихъ чиновъ, то оказалось, что *„этапнаго капитала едва достанетъ на нѣсколько мѣсяцевъ; продовольственный капиталъ придется весь раздать голодающимъ малмыжскаго и уржумскаго уѣздовъ; наконецъ, запасной капиталъ весь числится въ расходѣ по исполненію текущихъ губернскихъ и уѣздныхъ смѣтъ“*, и земство должно просить у правительства на расходы пособія солдатскимъ семействамъ ссуду въ 150,000 р. На 1878 г. оно просило у казны еще на продовольствіе 700,000 р., но получило право только на 450,000 р.

Въ сѣверныхъ волостяхъ губерніи давно уже замѣчается выселеніе. „Въ волостяхъ котельническаго уѣзда, говоритъ Заволжскій, мнѣ удалось видѣть цѣлыя толпы женщинъ и дѣтей съ котомками, пробирающихся въ города или южные уѣзды. Бѣгутъ такъ, какъ будто нашли какія-нибудь дикія орды“. Явилась даже новая секта *медальщиковъ*, которые бросаютъ землю, продаютъ дома и скитаются по заводамъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія даетъ священникъ Блиновъ объ орловскомъ уѣздѣ, гдѣ въ 1857—1874 г. выселилось:

въ	первое пятилѣтіе	1,227 чел.	или	1,44%
„	второе „	1,519 „		1,84
„	третье „	1,675 „		2,00 (стр. 18, 29).

Съ 1867 по 1875 г. изъ вятской губерніи выселилось болѣе 15,000 преимущественно въ Сибирь. Въ остающемся населеніи, особенно среди дѣтей, чрезвычайно высокъ % смертности. Въ 1869 г. дѣтей, не достигшихъ одного года, умерло 44% изъ всѣхъ родившихся. Смертность дѣтей до 5 лѣтъ доходитъ до 60 и 70%. Смертность дѣтей до 5 лѣтъ составляетъ:

	%
въ Россіи	55
„ вятской губ.	64
„ орловскомъ уѣз. . . .	63

Грудныхъ дѣтей въ губерніи умирало:

Въ 1854—63 г.	45%
„ 1871 г.	52,2
„ 1872 г.	52,7
„ 1873 г.	53,8

Взрослые въ сѣверныхъ волостяхъ умираютъ 1 изъ 35—1 изъ 16. Въ орловскомъ уѣздѣ въ настоящее время умираетъ въ $1^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ въ концѣ 20-го и началѣ тридцатыхъ годовъ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи, какъ, напр., въ ижевскомъ заводѣ, Кай-городѣ, мулинскомъ приходѣ совершается постепенное вымираніе населенія. Въ Яранскѣ:

въ	1866 г.	родилось	112	умерло	132
„	1867 „	„	147	„	149
„	1868 „	„	135	„	142
„	1871 „	„	160	„	177
„	1873 „	„	115	„	141

Въ мулинскомъ приходѣ:

въ	1872 г.	родилось	68,	умерло	79
„	1873 „	„	66	„	67
„	1874 „	„	93	„	38
„	1875 „	„	222	„	340

Процентъ естественнаго прироста въ губерніи понижается; въ 1854—58 г. прибыли было 1,78%; въ 1858—62 г. 1,32%; въ 1862—70 г. 0,93%; 1870—74 г. 0,65%. Вѣроятная жизнь для новорожденныхъ равна въ Англіи 46 годамъ, во Франціи 42, въ Бельгіи 38, Россіи 24, въ вятской губерніи $6^1/_2$ годамъ, а въ орловскомъ уѣздѣ даже $5^1/_2$ годамъ. Въ Англіи средняя продолжительность жизни поселянъ 55 лѣтъ; а въ вятской же губерніи въ концѣ прошлаго вѣка 36 л., а нынѣ *20*. Сельское населеніе во многихъ мѣстахъ положительно вырождается. „Продолжавшееся много лѣтъ недоѣданіе, говоритъ Заволжскій, сопровождаемое постоянными заботами о насущномъ кускѣ хлѣба, не могло не показать своего могучаго вліянія на физическій и умственный складъ населенія сѣверныхъ волостей. Къ заботамъ о насущномъ хлѣбѣ присоединяется еще постоянное, но тщетное гореваніе о долгахъ и недоимкахъ, особенно если принять во вниманіе непозволительный иногда способъ взиманія податей. Если въ настоящее время нельзя упрекнуть въ томъ ни уѣздное и губернское начальство послѣдняго времени, то далеко не лишено упрека въ этомъ дѣлѣ волостное. Ѣда мякины и другихъ неудобоваримыхъ суррогатовъ повліяла на органическое развитіе населенія,—это вліяніе особенно замѣтно на жителяхъ слободскихъ волостей. Жителя сѣверной части слободскаго уѣзда легко отличить отъ жителя слободскаго же уѣзда, но только южной его части. Хилое, недоразвитое сложеніе ясно показываетъ его сѣверное происхожденіе. Общій видъ его такой: лицо истомленное, глаза тусклые и впалые, волоса рѣдкіе, а также мускулы слабые и дряхлые. Въ прошлый рекрутскій наборъ было замѣчено, что жители сѣвера сло-

бодскаго уѣзда уступаютъ ростомъ жителямъ слободскаго же уѣзда болѣе южныхъ волостей на 2 и $1^1/_2$ вершка. Такимъ образомъ, они физически совершенно вырождаются. Это обстоятельство понятно, если взять во вниманіе жизнь впроголодь, на хлѣбѣ съ мякиною, и то, что они по годамъ не видятъ мяса. Здѣсь въ самомъ зачатіи младенецъ зарождается не въ нормальномъ видѣ. Отъ отца и матери, круглый годъ питавшихся мякиннымъ хлѣбомъ, не можетъ зародиться здоровое дитя. Далѣе, въ самомъ первомъ питаніи младенца у груди матери, когда дается основа быстро развивающемуся въ это время организму, уже кладется начало вырожденія, потому, что недоѣдающая мать не можетъ имѣть достаточно молока. Часто поэтому дѣтей и совсѣмъ не кормятъ молокомъ, замѣняя послѣднее жвачкой изъ кислаго мякиннаго хлѣба".

Вятское земство много первое время толковало объ улучшеніи экономическаго быта населенія, о замѣнѣ хлѣбныхъ запасовъ денежными, замѣнѣ, признанной уѣздными земствами невозможною. Для улучшенія экономическаго быта народа земство основывало реальныя училища или проектировало въ голодающихъ мѣстностяхъ: „водворить какое-нибудь фабричное производство. Та часть брянскаго уѣзда орловской губерніи, въ которомъ положилъ начало хрустальному производству отецъ настоящаго владѣльца, генералъ Мальцевъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, была въ такомъ же убогомъ положеніи, въ какомъ находятся наши орловскій и котельническій уѣзды, но благодаря предпріимчивости и уму г. Мальцева, край тотъ процвѣлъ, крестьяне пріобрѣли прочное благосостояніе, а владѣлецъ составилъ и далъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ громадный капиталъ, который при такомъ же предпріимчивомъ наслѣдникѣ еще болѣе увеличивается". Но къ чему бы опять повело такое окончательное превращеніе крестьянъ въ безземельныхъ фабричныхъ рабочихъ? Слободское собраніе рѣшаетъ съ такою же цѣлью, „для поднятія сельской промышленности, а также народнаго благосостоянія, приходящаго въ упадокъ, обучить крестьянъ кайскаго края приготовленію глиняной и фаянсовой посуды и глазурованію ея, а также открыть соляное производство". Заводились артельныя сыроварни, но еслибы даже онѣ не были закрыты, то, понятно, что при неимѣніи скота у массы крестьянъ, приносили бы пользу только болѣе или менѣе зажиточнымъ, за то положительно вредили бы здоровью подростающихъ поколѣній, отнимая у дѣтей послѣднее коровье молоко. Всѣ подобные проекты и предпріятія не ведутъ ни къ чему, вятскіе земцы и сами видятъ

это, но подъ впечатлѣніями кризиса хватаются за каждую попавшуюся идею, иногда фантастическую. Вотъ, напр., одинъ котельническій гласный думалъ-думалъ, какъ бы это улучшить экономическій бытъ крестьянъ, да и придумалъ: „зачѣмъ покупать для лаптей лыко? У насъ есть не хуже матеріалъ — солома! Солома въ этомъ отношеніи если не лучше, то нисколько не хуже лыкъ, а между тѣмъ она дешевле въ 24 раза, и экономія отъ этого осталась бы громадная. Испытавъ пользу замѣны лыкъ соломою, имѣю честь представить собранію сдѣланные мною соломенные лапти". Вотъ ужъ подлинно, утопающій хватается за соломенку, за ту солому, которою только и кормятся зимою еще уцѣлѣвшія мужицкія коровенки и безъ которой онѣ неминуемо подохнутъ! „Носъ вытащитъ,—хвостъ увязнетъ, хвостъ вытащитъ, — носъ увязнетъ"... Не лучше ли уже просто горевать и вздыхать, какъ то дѣлаетъ котельническая управа по поводу народнаго пьянства: „По всей вѣроятности, каждый день по нѣсколько десятковъ, а можетъ, и сотенъ человѣкъ въ уѣздѣ бываютъ безъ чувства пьяны. *А что же это за явленіе и чему тутъ подобіе?* Совѣстно выговорить, что это послѣдняя степень человѣческаго безумія и добровольнаго перехода въ состояніе скота". Подобные возгласы, впрочемъ, не очень часто раздаются въ вятскомъ земствѣ, и иные дѣятели его, что̀ называется, въ усъ не дуютъ, не унывая, обдѣлываютъ свои дѣлишки и, конечно, чаще мужиковъ „добровольно переходятъ въ состояніе скота", какъ выражается котельническая управа. „Вотъ они, говоритъ слободской корреспондентъ, сошлись въ клубѣ на танцовальный вечеръ или маскарадъ; сначала все идетъ довольно чинно, хотя и вяло, сонно, безжизненно; дамы и кавалеры движутся точно тараканы, посыпанные персидской ромашкой; но, благодаря частымъ посѣщеніямъ буфета, мужчины начинаютъ понемногу оживляться и, прежде всего, лѣзутъ въ ссору съ кѣмъ-нибудь, сводятъ старые счеты, выражаютъ желаніе отмстить лицу, когда-то оскорбившему ихъ, бранью, а не то схватиться и въ рукопашную. Смотришь—купецъ такой-то уже честитъ городового врача „жидомъ" и „подлецомъ", учитель обозвалъ лѣсничаго „невѣжей", а молодежь уже и стулья употребила вмѣсто холоднаго оружія. Крикъ, шумъ, пьяный говоръ; въ буфетѣ положительно давка и впереди всѣхъ 18-ти-лѣтній купчикъ, угощающій шампанскимъ... На другой день поссорившихся или мирятъ, причемъ, конечно съ радости, устраивается новая попойка, или же отдаютъ на судъ клубныхъ старшинъ, всегда очень снисходительныхъ въ своихъ приговорахъ (напримѣръ, исключеніе изъ клуба на 4 дня); до мирового дѣло доходитъ рѣдко — это не одобряется общественнымъ мнѣніемъ. И

странное дѣло — кого бы ни забросила въ Слободской судьба изъ чиновниковъ или врачей—всякій очень скоро поддается общему настроенію и до того сливается съ мѣстными жителями, что утрачиваетъ даже воспоминаніе объ иной средѣ, иныхъ нравахъ". И не въ одномъ Слободскомъ, а вездѣ, по всей губерніи, сѣятели и дѣятели живутъ весело, въ свое удовольствіе и, не унывая, вкушаютъ отъ земскаго пирога...

С. С.

ИЗВѢСТІЯ

Отъ комитета по сооруженію въ Пятигорскѣ памятника поэту Лермонтову.

23-го іюля 1871 года Высочайше разрѣшена повсемѣстная подписка для сбора добровольныхъ приношеній на сооруженіе въ гор. Пятигорскѣ памятника поэту М. Ю. Лермонтову. 30-го сентября 1875 года, вскорѣ по присоединеніи къ Терской области округа Кавказскихъ минеральныхъ водъ, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Намѣстника, учрежденъ въ городѣ Владикавказѣ, подъ предсѣдательствомъ начальника Терской области, особый комитетъ по сооруженію означеннаго памятника.

Начавшееся около этого времени въ нашемъ отечествѣ движеніе въ пользу славянъ Балканскаго полуострова, выразившееся повсемѣстными для нихъ денежными сборами, а затѣмъ наступившая война съ Турціею, вызвавшая также усиленныя пожертвованія на военныя нужды, — все это, конечно, до того неблагопріятно отразилось на подпискѣ для сооруженія памятника поэту, что Комитетъ счелъ за лучшее на время пріостановить свои дѣйствія. Только по водвореніи мира, а съ нимъ и нормальнаго хода жизни народной, Комитету открылась возможность возобновить свои приглашенія къ пожертвованіямъ, первоначально въ районѣ Кавказскихъ минеральныхъ водъ— въ мѣстности, прославленной Лермонтовымъ, гдѣ предполагается поставить ему памятникъ и гдѣ до сихъ поръ еще все полно воспоминаніями о послѣднихъ дняхъ его жизни и преждевременной смерти. Посѣтители водъ съ глубокимъ сочувствіемъ отозвались на приглашеніе Комитета и въ теченіи минувшаго лѣта (1879 г.) было собрано на всѣхъ группахъ водъ 2,638 руб. 54 коп., что вмѣстѣ съ прежде собранными и процентами 4,339 р. 41 к., составитъ сумму 6,977 р. 95 коп.

Эта сумма въ настоящее время представляетъ собою весь капиталъ, имѣющійся въ распоряженіи Комитета, капиталъ далеко недостаточный не только для сооруженія хотя бы самаго скромнаго памятника поэту, но даже для составленія его проекта. Поэтому Комитетъ нынѣ считаетъ своею обязанностію пригласить къ пожертвованіямъ все русское общество, вполнѣ надѣясь, что оно съ сочувствіемъ отзовется на призывъ.

Имѣющія поступать пожертвованія на это дѣло можно присылать въ городъ Владикавказъ, адресуя въ „Комитетъ по сооруженію въ городѣ Пятигорскѣ памятника поэту Лермонтову", или въ редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, № 20, откуда пожертвованія будутъ доставляемы въ вышеупомянутый Комитетъ, а о полученіи ихъ журналъ извѣститъ жертвователей въ своемъ ближайшемъ нумерѣ. Сверхъ того, о всѣхъ пожертвованіяхъ, по мѣрѣ ихъ поступленій, будетъ печатаемо въ мѣстныхъ „Терскихъ Вѣдомостяхъ" и отъ времени до времени—въ столичныхъ газетахъ.

По подписному листу, за № 227, въ первое полугодіе было собрано, въ редакціи „Вѣстника Европы", 125 рублей, которые и препровождены, вмѣстѣ съ подписнымъ листомъ, въ г. Владикавказъ, по вышеупомянутому адресу.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ, 1880.

Книга девятая.—Сентябрь.

стр.

Руина.—Историческая монографія. — Часть третья.—Гетманство Самойловича. 1672—1687 гг.—XII-XIV.—Эпилогъ.—Н. И. КОСТОМАРОВА. . 5

По принципу.—Романъ.—XII-XXVI.—Ю. З. 79

Вотяки, ихъ исторія и современное состояніе. — Бытовые и этнографическіе очерки. — IV-VI. — В. БЕХТЕРЕВА. 141

Князь Антіохъ Кантемиръ въ Парижѣ.—IV-VI.—В. Я. СТОЮНИНА. . . . 173

Нѣмецкая камелія.—Frau Venus. Roman von Karl Frenzel.—I-IV.—В. К. . 223

Записки Степняка.—VII.—Визгуновская экономія.—А. И. ЭРТЕЛЯ. . . 272

Издалека и вблизи.—Деревенскіе очерки.—I-III.—П. ТВЕРСКОГО. 311

Изъ Іеронима Ломма. — В. С. ЛИХАЧЕВА. 350

Хроника.—Литературное Обозрѣніе.—I. Красный Крестъ въ тылу дѣйствующей арміи, въ 1877—78 гг., Н. Абазы.—М. М.—II. Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ, Николая Грота.—Изученіе психологіи; ея предметъ, область и методъ. Д. Г. Льюиса. Ред. перевода и этюдъ: Льюисъ какъ психологъ,—П. Д. Боборыкина.—Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, М. Ковалевскаго. — Очеркъ развитія педагогическихъ идей въ новое время (XVI и XVII ст.), Виктора Гольцева.—Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. Таганцева.—Къ вопросу о податной реформѣ; обзоръ системъ земскаго поземельнаго обложенія, А. Полѣнова.—К. К. 352

Внутреннее Обозрѣніе.—Шестое августа.—Старый и новый піетизмъ.—Проповѣдь такъ-называемыхъ *пашковцевъ* и значеніе ея для современнаго русскаго общества. — Вѣротерпимость, какъ идеалъ ближайшаго будущаго, и дѣла о религіозныхъ преступленіяхъ, какъ характеристика настоящаго. — Уголовная статистика за 1877 г. въ имперіи и царствѣ польскомъ.—Пятидесятилѣтній юбилей бар. А. И. Дельвига и новыя пожертвованія на техническое образованіе. — По поводу „новаго плана“ преподаванія наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Германіи . . . 386

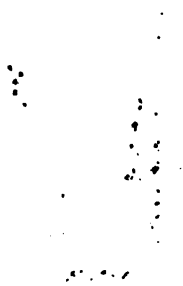
Что дѣлается въ Болгаріи.—По поводу книги г. Немировича-Данченка: „Послѣ войны“.—А. В—НА. 418

Библіографическій Листокъ.— О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ, Д. А. Хвольсона. — Викторъ Рагозинъ. Волга. Томъ первый. — Откровенное слово о важнѣйшихъ событіяхъ нашей внутренней жизни за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Л. Доброва.—Вѣнокъ на памятникъ Пушкину . . . . . .

Книга десятая.—Октябрь.

стр.

По принципу.—Романъ.—XXVII-XXXVII.—Окончаніе.—Ю. Г. ЗАВИСѢЦКАГО 441
Маркизъ А. Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ.—I-V.—В. Д. СПАСОВИЧА 493
Издалека и вблизи.—Деревенскіе очерки.—IV-VI.—Окончаніе.—П. А. ТВЕРСКОГО 536
Вольтеръ, его жизнь и сочиненія.—I. Дѣтство и юные годы.—В. Ѳ. КОРША . 572
Изъ Іеронима Лорма.—Стих. В. С. ЛИХАЧЕВА 611
Послѣдній изъ могикановъ.—Разсказъ изъ исторіи одной усадьбы.—ИВ. П. ГОРИЗОНТОВА 613
Современный романъ въ его представителяхъ.—VI.—Братья Гонкуры. Z. Z. . 640
Польскій вопросъ въ русской литературѣ.—А. Н. ПЫПИНА 681
Хроника.—Мелкій земельный кредитъ и крестьянскія переселенія.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА 712
Внутреннее Обозрѣніе.—Отголоски нашей печати.—Сенаторскія ревизіи и общественное изслѣдованіе.—Административная реформа внизу и вверху.—Вопросы о преобразованіи перваго департамента сената, о комитетѣ министровъ и о „кабинетѣ“.—Рѣчи г. министра народнаго просвѣщенія въ Ярославлѣ и Калугѣ.—Отвѣтъ „Zeitung für Stadt und Land“.—Смягченіе по преобразованію института путей сообщенія 742
Корреспонденція изъ Берлина. — Наши реальныя школы.—К. 762
Парижскія Письма.—LXI.—Изъ современныхъ газетныхъ нравовъ.—ЭМ. ЗОЛА 784
Литературное Обозрѣніе. — I. Дневникъ писателя. — Ежемѣсячное изданіе. — Единственный выпускъ на 1880 годъ. Ѳ. Достоевскаго.—В. В.—II. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.—Очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія. Петра Морозова. Спб. 1880. — Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ. Историко-этнографическое изслѣдованіе Константина Грота. Спб. 1880. — А. А. — III. Mittheilungen der Litauischen Literärischen Gesellschaft.—К. В. . 811
Замѣтка.—По поводу вопросовъ о преобразованіи нашихъ школъ.—Е. Н. АНДРЕЕВА 832
Вятское земство.—Обзоръ современнаго положенія.—С. С. 838
Извѣстія.—Отъ комитета по сооруженію памятника поэту Лермонтову . . . 877
Библіографическій Листокъ.—Исторія славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, т. II. — Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Ѳ. Корша, вып. III и IV.—Сравнительная статистика Россіи и зап.-европ. государствъ, Ю. Э. Янсона, т. II, отд. I. — Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ. Сост. К. К. Абаза.



Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129

JUN 22 1982

3 2044 024 075 426

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

CHARGE

FEB 10 1995
SEP 10 1994
BOOK DUE
CANCELLED